нет посл. стр.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО ТЕАТРА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ,

НА 1841 ГОДЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

10392 - 98
1841

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1841.

Ленинградская Театральная
Б... ...ЕКА
имени А... ...НАРСКОГО

САРДАМСКІЙ КОРАБЕЛЬНЫЙ МАСТЕРЪ,

или

НѢТЪ ИМЯНИ ЕМУ!

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Соч. Р. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бидеръ, корабельный мастеръ въ Сардамѣ.
Вильгельмина, дочь его.
Дикъ, его племянникъ.
Францъ, Русскій подмастерье у Бидера.
Бургомистръ Сардама.
Жители Сардама.

Театръ представляетъ простую комнату: на задней завѣсѣ три окна, сквозь которыя видѣнъ морской берегъ, представляющій Сардамскую верфь съ нѣсколькими строющимися кораблями. Вдали море. Въ комнатѣ двери по обѣимъ сторонамъ. Простая мебель.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

БИДЕРЪ, МИНА И ДИКЪ, *занимаются разными работами, Мина шьетъ, мужчины стругаютъ.*

БИДЕРЪ.

Ребятушки! Вѣдь я усталъ. Никто изъ васъ, не бойсь, не скажетъ: перестань, старикъ Бидеръ; отдохни!

МИНА.

Да я, папа, шила, шила, да и задумалась...

ДИКЪ.

А мнѣ такъ и задуматься некогда.

БИДЕРЪ.

Ужъ вы мнѣ дѣвушки! Все думать, да мечтать... а объ чемъ? Объ вздорѣ!

МИНА.

Нѣтъ, папа! Мы всегда объ дѣлѣ думаемъ. Вамъ - то только кажется, что это вздоръ, а кабы сами хорошенько подумали...

БИДЕРЪ.

Я ужъ, моя милая, прежде тебя передумалъ обо всемъ... Да ужъ какъ что не ла-

дится, такъ хоть лбомъ объ стѣну бейся, а ничего не придумаешь... На насъ, вотъ, который годъ пошло невзгодье, такъ ужъ судьбу не переупрямишь. Третьяго года умерла наша добрая Густа, твоя мать; прошлаго года нашъ домъ сгорѣлъ; нынче у дурака Дика отецъ умеръ, и кабы я немножко по плоше былъ въ работѣ, такъ хоть съ голоду умирай...

ДИКЪ.

Что ты, дядюшка! такой славный корабельный мастеръ, какъ ты, вездѣ найдетъ себѣ хлѣбъ; да и у меня работа изъ рукъ не вывалится... Вѣдь кабы ты захотѣлъ переѣхать въ Амстердамъ, въ Гоорнъ, въ Антверпенъ...

БИДЕРЪ.

Молчи, Дикъ, ты глупъ...

ДИКЪ.

Слушаю, дядюшка...

БИДЕРЪ.

Ты говоришь вздоръ! Развѣ мнѣ можно оставить Сардамъ? У меня здѣсь жилъ отецъ, дѣдъ, и я здѣсь родился. Здѣсь умерла у меня добрая Густа, такъ развѣ я брошу ихъ могилы и пойду по другимъ городамъ искать пристанища?... Нѣтъ, Дикъ! честный Голландецъ долженъ жить и умереть на одномъ мѣстѣ и сложить свои старыя кости тамъ же, гдѣ лежатъ кости отцовъ его.... Вотъ мое правило, и кто иначе думаетъ...

ДИКЪ.

Тотъ глупъ... Это я ужъ слышалъ. Только, дядюшка Бидеръ, и я тебѣ скажу свое глупое мнѣніе... коли кому есть нечего на своей родимой сторонѣ, тотъ право не умно дѣлаетъ, если не пойдетъ искать хлѣба на чужой, особливо, если у него голова хороша, руки здоровы и сердце на своемъ мѣстѣ.

БИДЕРЪ.

Оно конечно... да вѣдь мнѣ грѣхъ и жаловаться на свою родину. Ну, домъ его-рѣлъ, — здѣшній Бургомистръ отдалъ мнѣ въ наемъ за дешевую цѣну свой старинный домишко. Конечно, тяжело! Надо всѣмъ снова обзаводиться, ѣсть, пить, да за наемъ платить Бургомистру... ну, да онъ ужъ вотъ полгода ждетъ и только изрѣдка поругивается. Какъ быть! Надо молчать. Онъ правъ.

МИНА.

Да! какъ будто мы и не знаемъ, отъ чего онъ молчитъ, — да часто къ намъ въ гости жалуетъ.

БИДЕРЪ.

То-то, глупенькая, и худо, что ты не разсудительна. Ты ему приглянулась, понравилась... Что жъ тутъ худаго! — Хорошенькія дѣвушки на то и созданы. Онъ богатъ, Бургомистръ Сардама, обѣщаетъ намъ большія выгоды... и еслибъ ты хотѣла...

МИНА.

Старика? Не хочу! Мнѣ покойная маменька всегда говорила: Мина! не бросайся на золото, не ищи выгодъ. Выйди замужъ за бѣдняка, да лишь бы былъ по сердцу... я съ моимъ старикомъ 25 лѣтъ живу...

БИДЕРЪ.

Ну, полно, полно. Ты знаешь, я не люблю, чтобъ мнѣ часто напоминали объ Густѣ... только по утру и ввечеру, когда мы молимся, надо вспоминать объ ней; *(снимаетъ шапку)* а, теперь... Ну, да перестанемъ объ этомъ... Тебѣ нравится дуракъ Дикъ; по мнѣ, пожалуй; но покуда онъ не будетъ мастеромъ, и не будетъ получать вѣрнаго дохода 500 гульденовъ, я не отдамъ тебя за него. Это было мое первое слово и оно будетъ послѣднимъ...

ДИКЪ.

Вѣдь экой ты упрямой, дядюшка. Ну гдѣ мнѣ взять мѣсто въ 500 гульденовъ? Вѣдь это ты получаешь изъ Корабельной Коммиссіи, потому что умѣешь хорошо чертить и управлять работами... а я...

МИНА.

Да много ли вы, папа, получали, какъ женились на маменькѣ?

БИДЕРЪ.

Дурочка! я былъ ужъ мастеромъ! Вѣдь и отецъ Густы былъ упрямая голова; сказалъ мнѣ на отрѣзъ, что покуда не получу мастерскаго диплома, до тѣхъ поръ не выдастъ за меня Густы. Я туда, сюда — и приступу нѣтъ! Нечего дѣлать! Пустился учиться и работать, какъ сумасшедшій и въ полтора года вышелъ въ мастера...

ДИКЪ.

Ну, такъ вѣдь и я буду мастеромъ...

БИДЕРЪ.

Да, лѣтъ черезъ пять.

МИНА.

Да что вы, папа! Я до тѣхъ поръ съ ума сойду...

БИДЕРЪ.

Вздоръ! Развѣ поумнѣешь.

МИНА.

Развѣ Дикъ такой худой работникъ?

БИДЕРЪ.

Нѣтъ, грѣхъ сказать! Да у него отъ любви и голова и руки часто не на мѣстѣ. Все на тебя посматриваетъ. Коли я выйду, онъ броситъ работу — и къ тебѣ... я ему говорю о катернасѣ, о циркулѣ, — а онъ отвѣчаетъ о твоемъ новомъ корсетѣ... Этакъ не далеко уйдетъ! Чтобъ быть мастеромъ, надо, чтобъ онъ спалъ и видѣлъ одни корабли...

МИНА.

Да что жъ это будетъ за любовь! — Пусть онъ лучше останется подмастерьемъ, да меня любитъ...

БИДЕРЪ.

А за подмастерья я тебя никогда не выдамъ...

МИНА.

Да вѣдь отъ васъ зависитъ представить его въ мастера...

БИДЕРЪ.

Я и представлю его, когда онъ серьозно займется своимъ дѣломъ, когда по законамъ составитъ мнѣ правильный рисунокъ всѣхъ частей корабля, когда собственными руками сдѣлаетъ мнѣ модель... А до тѣхъ поръ, будь онъ мнѣ сынъ, братъ, отецъ родной, я его никогда не представлю. Старый Бидеръ не замаретъ своей совѣсти. Будемъ жить бѣдно, но по правдѣ и чести.

ДИКЪ.

Съ тобой, дядюшка, не сговоришь... Ну, а если я все это давно ужъ дѣлаю тихонько отъ тебя, если у меня все это почти ужъ готово; если я скоро тебѣ принесу...

БИДЕРЪ.

Дикъ! Правда ли?.. Ну, такъ дай руку... Ты добрый малый. — Будемъ покуда терпѣть нужду и останемся честными Голландцами. Авось разживемся...

МИНА.

Да вѣдь теперь у насъ въ хозяйствѣ довольно стало денегъ... Русскіе намъ хорошо платятъ за квартиру и ученье...

БИДЕРЪ.

Да! пріѣздъ этихъ двухъ Русскихъ былъ очень въ пору... десять талеровъ въ мѣсяцъ... сами назначили, я не просилъ... и народъ, кажется, славный — жаль только, что все это не на долго.

ДИКЪ.

Да вѣдь Михайловъ-то добивается диплома на званіе мастера. Ужъ онъ вѣрно не влюбленъ, чтобъ день и ночь трудиться.

БИДЕРЪ.

То-то, умный ты мой Дикъ! Есть люди, которые въ недѣлю больше выучатся, чѣмъ другіе въ годъ. Этотъ Михайловъ, кажется, изъ числа первыхъ. Двѣ недѣли тому назадъ, встрѣчилъ я его съ товарищемъ на Сардамской верфи... они только что пріѣхали... все ходили смотрѣть постройку кораблей... Я съ начала и не замѣтилъ ихъ... не въ духѣ былъ, покрикивалъ на работниковъ... Вдругъ одинъ изъ нихъ хлопъ меня по плечу! я оглянулся... передо мной высокій, статной дѣтина, кровь съ молокомъ... заговорилъ по Голландски и сталъ проситься ко мнѣ въ ученики... Я было отнѣкивался... да у него такая манера, такой взглядъ, что по неволѣ съ нимъ согласишься... Онъ мнѣ предложилъ 10-ть талеровъ въ мѣсяцъ за квартиру, столъ и ученье, и 10-ть талеровъ, когда онъ получитъ дипломъ мастера. Я засмѣялся... Долго, дискать, тебѣ голубчику до этого... Что жъ вышло? съ начала ни за что приняться не умѣлъ, а черезъ недѣлю могъ любаго подмастерья за поясъ затнуть... такая голова, такія руки, что я и не видывалъ... Чортъ знаетъ, что за народъ эти Русскіе! Такъ вотъ у нихъ все и кипитъ.

ДИКЪ.

Ну, а чертежную часть понимаетъ ли онъ?

БИДЕРЪ.

Вотъ то-то и странно, что на все горазъ. Гдѣ бы, кажется, ему научиться. А подъ

часъ задаетъ мнѣ такую задачу, что я и глаза выпучу...

ДИКЪ.

Вѣрно въ Москвѣ учился... Вотъ я люблю товарища его Франца. Такой ласковой, обходительной, все болтаетъ, обо всемъ разспрашиваетъ... премилый! Съ нимъ какъ-то и поразговоришься, а вотъ съ высокимъ, какъ-то неловко... иной разъ такъ взглянетъ, что слово остановится въ горлѣ... Долженъ быть чудакъ...

МИНА.

Да! и я съ нимъ какъ-то не умѣю говорить... съ Францомъ, пожалуй, хоть цѣлый день, а другой кажется и очень ласковъ, и тихо говоритъ, и услуживаетъ, — а все такъ смотритъ, что поскорѣе кончаешь разговоръ.

БИДЕРЪ.

Вы оба глупы, вотъ и все! Вамъ нравится Францъ, — а что въ немъ? умѣетъ услужить, поговорить, урезонить... а какой онъ работникъ? Нѣтъ! Товарищъ его — вотъ мой человѣкъ! Сказалъ и сдѣлалъ. Мало разговариваетъ, не любитъ кланяться, — да за то взглянетъ, пожметъ руку — и это стоитъ больше двухъ-часовой болтовни.

ДИКЪ.

Да! вчера я надивился ему. Какъ мы кончили работу, такъ Францъ уговорилъ меня ѣхать кататься съ нимъ и съ товарищемъ его въ лодкѣ по морю. Нашему брату Голландцу разумѣется, это ни почемъ. Францъ же посулилъ мнѣ гульденъ, — и мы отправились... Вдругъ, при самомъ выѣздѣ изъ гавани, поднялся вѣтеръ, да такой, что я наконецъ порядкомъ струсилъ. Лодку такъ и заливаетъ... что жъ вы думаете? эти Русскіе какъ ни въ чемъ не бывало. Михайловъ схватилъ руль, Францъ сталъ отливать шляпою воду, а я принялся грести изо всѣхъ силъ... Гребу да подсматриваю на нихъ, не струсили ль?—хоть бы тѣнь испуга. Посвистываютъ да похваливаютъ... Ужъ народецъ! Радъ, радъ, что добрался до берегу,—а они подсмѣиваются надо мною...

БИДЕРЪ.

Ну, да это что за диво! Они можетъ быть и не знали, что были въ опасности. Притомъ же этотъ народъ такъ ужъ созданъ. Голландецъ никому не уступитъ въ храбрости, но если онъ видитъ опасность и можетъ посторониться, обойти ее, — то разумѣется сдѣлаетъ, — а Русскіе нарочно лѣзутъ туда, гдѣ страшнѣе. Это имъ нравится. Идутъ себѣ да поютъ пѣсеньки.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ФРАНЦЪ.

БИДЕРЪ.

А! да вотъ одинъ изъ нихъ! (*вспыльчиво*) Какъ, опять въ башмакахъ вошелъ въ комнату! Когда я васъ отучу отъ этого?...

ФРАНЦЪ.

Виноватъ! я было хотѣлъ пройти къ себѣ. (*указывая дверь на право*).

БИДЕРЪ.

Такъ у васъ есть свой ходъ, если непремѣнно хотите, какъ неучи, лѣзть въ комнату въ башмакахъ, — а ко мнѣ прошу такъ не ходить, или чортъ возьми...

ФРАНЦЪ.

Успокойся, добрый мой Бидеръ. Я все сдѣлаю, только не сердись (*скидаетъ башмаки у порога на право!*) Вотъ я и безъ башмаковъ...

БИДЕРЪ.

Да это надо бы сдѣлать не входя въ комнату. Можетъ быть у васъ въ Москвѣ позволяется входить въ комнату хоть въ сапогахъ... у насъ добрыхъ Голландцевъ, — это не водится; хоть бы король пріѣхалъ, а башмаки скинь въ передней.

ФРАНЦЪ.

Мы иностранцы и обязаны наблюдать обычаи вашей земли, — но я бывалъ и въ другихъ государствахъ; а нигдѣ этого нѣтъ!

БИДЕРЪ.

Тѣмъ хуже для другихъ государствъ... Голландія ни съ кого не возьметъ дурнаго примѣра... А лучше бы вы перенимали у ней хорошее.

ФРАНЦЪ.

Мы, кажется, любезный Бидеръ, за тѣмъ и пріѣхали сюда, чтобъ перенимать у васъ умное и полезное. Вотъ и мы съ товарищемъ учимся у васъ кораблестроенію и

очень рады, что попали на такого славнаго мастера.

БИДЕРЪ.

Ну, тебѣ-то, другъ Францъ, нечѣмъ будетъ похвастать... Не многому у меня научился... Вотъ твой товарищъ,—это другое дѣло! у этого головушка стоитъ десяти.

ФРАНЦЪ.

А можетъ быть и больше. Лишь бы онъ выучился, такъ ужъ и довольно. Отъ него многіе переймутъ у насъ въ Россіи...

БИДЕРЪ.

Да! вы, говорятъ, переимчивы... только вѣрно у васъ въ народѣ немного такихъ головъ, какъ твой товарищъ...

ФРАНЦЪ.

Да, конечно! Ну, да зато иногда одинъ умъ переверитъ цѣлый свѣтъ... насъ Русскихъ теперь много разослалъ Царь по всей Европѣ,—и если хоть половина исполнитъ волю его, то мы скоро догонимъ васъ...

БИДЕРЪ.

Ну, хоть не такъ скоро! такого флота, какъ у Голландіи. вамъ ужъ никогда не имѣть.

ФРАНЦЪ.

Кто знаетъ, другъ Бидеръ!.. У насъ по слову Царя и невозможное дѣлается возможнымъ....

БИДЕРЪ.

А ты видалъ когда нибудь своего Царя?

ФРАНЦЪ.

И очень часто. Вѣдь онъ насъ самъ и отпускалъ въ чужіе краи....

БИДЕРЪ.

Да вы съ товарищемъ не изъ благородныхъ ли?

ФРАНЦЪ.

У насъ передъ Государемъ всѣ подданные равны; только тотъ, кто лучше выполняетъ его волю, тотъ и отличенъ отъ другихъ.

БИДЕРЪ.

Это и прекрасно! Твой товарищъ вѣрно заслужитъ его милость, когда воротится. Славная голова! немножко упряма, горяча, ну, да служба расхолодитъ... Откуда вы теперь? гуляли по Сардаму?

ФРАНЦЪ.

Да! закупали кое какія бездѣлицы..

БИДЕРЪ.

Однако порабы и за работу...

ФРАНЦЪ.

Да ужъ товарищъ принялся... посмотри.

БИДЕРЪ. *отворяетъ дверь и смотритъ.*

Въ самомъ дѣлѣ! Вотъ люблю! ходилъ, усталъ—а отдыхаетъ за работою... Здорово, другъ Михайловъ! Работай, работай! я не мѣшаю... да не забудь модели рангоута.... (*отходитъ отъ двери*) Кивнулъ головой! значитъ, что будетъ сдѣлано! Ай да хватъ!.. (*Смотритъ*) Что? ты меня зовешь! манитъ пальцомъ!... Но немножко не учтиво, да за то понятно; люблю, безъ церемоній! (*уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ФРАНЦЪ, ВИЛЬГЕЛЬМИНА.

ДИКЪ.

ФРАНЦЪ.

Ну, милые друзья мои! каково идутъ дѣла ваши?

ДИКЪ.

Да славно! хоть брось!

ФРАНЦЪ.

Что жъ? былъ ли у васъ сегодня разговоръ о свадьбѣ?

МИНА.

Былъ, да все по прежнему, отвѣтъ тотъ же.

ФРАНЦЪ.

Что жъ? неужли Бидеру нравится здѣшній Бургомистръ.

МИНА.

О, нѣтъ! я на отрѣзъ сказала, что не хочу замужъ.

ФРАНЦЪ.

И Бидеръ разсердился.

ДИКЪ.

Совсѣмъ нѣтъ! Онъ согласенъ за меня выдать, только хочетъ, чтобъ я сперва былъ мастеромъ и досталъ себѣ мѣсто въ 500 гульденовъ... видишь безъ денегъ нельзя прокормить жены...

ФРАНЦЪ.

Что жъ? развѣ ты не надѣешься скоро быть мастеромъ?

ДИКЪ.

До мастеровъ-то пожалуй добьюсь, да вѣдь Корабельная Коммисія не скоро дастъ жалованье. Надо объ этомъ долго просить, хлопотать, кланяться...

ФРАНЦЪ.

Да это вѣдь зависитъ отъ здѣшняго Бургомистра...

МИНА.

То-то и худо! Если онъ узнаетъ, что я не хочу за него итти, то будетъ мстить Дику до конца своей жизни... значитъ Дикъ никогда не получитъ здѣсь званія мастера...

ФРАНЦЪ.

Отправься въ другой городъ, въ другое государство... Хорошаго работника вездѣ примутъ охотно...

ДИКЪ.

Да я бы, пожалуй, хоть въ Америку, только на авось нельзя же никуда ѣхать.

ФРАНЦЪ.

Ну, а если тебѣ предложатъ хорошее мѣсто и жалованье, то согласишься ли?

ДИКЪ.

Если Вильгельмина согласится ѣхать со мною...

МИНА.

Съ тобою хоть на край свѣта...

ФРАНЦЪ.

Ну, такъ я берусь за ваше дѣло!

МИНА И ДИКЪ.

Какимъ образомъ? какъ?

ФРАНЦЪ.

Ну, ужъ это мое дѣло!.. Надо только заинтересовать въ вашу пользу моего товарища.

МИНА.

Да онъ-то что сдѣлаетъ?

ФРАНЦЪ.

Ну, все таки больше моего... Бидеръ его любитъ, уважаетъ... онъ съ нимъ поговоритъ и я увѣренъ... (*Въ комнатѣ, куда ушелъ Бидеръ, слышенъ сильный споръ. Бидеръ кричитъ и сердится.*)

МИНА.

Это что значитъ?

ДИКЪ.

Да кажется Русскій разсердилъ дядюшку. Вотъ тебѣ и защита! уйти лучше. Какъ дядюшка расходится, такъ у него и правому и виноватому достанется. (*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФРАНЦЪ, ВИЛЬГЕЛЬМИНА И БИДЕРЪ (*останавливается въ дверяхъ съ рисункомъ въ рукахъ*).

Да! любезный другъ! Я твой мастеръ и ты долженъ меня слушаться или убирайся вонъ. Терпѣть не могу кто умничаетъ! Когда *ты* меня будешь учить чему нибудь, тогда я передъ тобою скину шапку и буду дѣлать что ты прикажешь. Теперь же *я* твой учитель—и требую повиновенія! Яйца курицу не учатъ; меня зовутъ Бидеръ и я здѣсь хозяинъ ...

ФРАНЦЪ.

Что съ тобою, любезнѣйшій мастеръ! Никакъ ты сердишься? такой умный и добрый человѣкъ, какъ ты...

БИДЕРЪ.

Да вотъ твой упрямый товарищъ... поди вотъ урезонь его! вздумалъ меня учить... да еще покрикиваетъ... какъ будто какой синдикъ. Нѣтъ, господа Русскіе!.. я въ своемъ дому...

ФРАНЦЪ.

Полный хозяинъ, нашъ мастеръ и учитель. Все это мы знаемъ, успокойся только. Товарищъ мой вѣрно не понялъ чего нибудь.

БИДЕРЪ.

Нѣтъ! онъ слишкомъ хорошо понимаетъ... да все-таки онъ не долженъ передо мною забываться. Что за повелительная манера, гдѣ онъ этому научился?

ФРАНЦЪ.

Извини его, любезный Бидеръ,—съ малолѣтства избаловали... онъ привыкъ въ домѣ своемъ командовать, — его привыкли слушаться...

БИДЕРЪ.

Ну, такъ у меня точно такая же привычка, и покуда онъ у меня...

ФРАНЦЪ.

О! повѣрь,—вездѣ гдѣ бы ни былъ,—повиновенье будетъ главною пружиною его поступковъ. У насъ, любезный Бидеръ, еще

строже вашего требуютъ повиновенья, и только этимъ средствомъ можетъ возвыситься и утвердиться всякая держава...

БИДЕРЪ.

Ну, ты ужь высоко занесся! Рѣчь не о державахъ,—а о повиновеніи въ моемъ домѣ! (*въ полголоса, отведя Франца*) Вотъ видишь ли, Францъ... между нами; товарищъ твой правъ... мы заспорили на счетъ его рисунка, и я чувствовалъ, что онъ говоритъ дѣло... да заговорилъ-то онъ со мною такимъ тономъ, что я взбѣсился... Скажи, братецъ, ему, чтобъ онъ отсталъ отъ этой привычки... вѣдь право не хорошо... я самъ горячь... а вѣдь кому нибудь надо уступить...

ФРАНЦЪ.

Разумѣется ему... ну да ужъ я побраню его. Извини, любезный Бидеръ, вспыльчивость его, онъ право малый добрый, немножко горячь, да вѣдь мудрено-же передѣлать себя.

БИДЕРЪ.

Да, я по себѣ это знаю и чувствую, что этотъ жаръ ему нуженъ, если онъ хочетъ быть хорошимъ мастеромъ. А вѣдь рисунокъ-то славный онъ сдѣлалъ... сегодня же пойду къ Бургомистру: онъ непремѣнно долженъ произвести его въ мастера.

ФРАНЦЪ.

Это будетъ и прекрасно! и ты можешь быть увѣренъ, любезный Бидеръ, что за это, сверхъ условной платы, получишь...

БИДЕРЪ.

Г. Русскій! нельзя ли замолчать. Я честный Голландецъ, зовутъ меня Бидеръ и я радъ учить всякаго, кто ко мнѣ явится съ доброю волею и здоровыми руками. Но будь онъ хоть сынъ Амстердамскаго бургомистра, покуда не выучится корабельному искусству, также хорошо, какъ я его знаю, то ни за какія сокровища въ свѣтѣ не представлю въ мастера... А! понимаете ли вы это?

ФРАНЦЪ.

Какъ не понять, это очень ясно!

БИДЕРЪ.

То-то же! такъ пропу у меня держать свой языкъ на привязи. Если я спускаю многое твоему товарищу, то единственно за его отличное дарованіе, любовь къ искусству, и... ну, да ужъ самъ не знаю почему,—а тебѣ, голубчикъ, я такъ отрезвою.

ФРАНЦЪ.

Опять разсердился!.. ну хорошо ли это, любезный хозяинъ! изъ за чего? мы люди простые, не знаемъ вашихъ обычаевъ, и говоримъ просто, что на умъ взбредетъ... а ты привязываешься ко всякому слову... полно, пожалуйста. Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать.

БИДЕРЪ.

А что же?

ФРАНЦЪ.

Да вотъ что... что бишь... я хотѣлъ тебѣ поговорить о другомъ еще человекѣ, который заслуживаетъ званіе мастера.. и ты бы сдѣлалъ доброе и прекрасное дѣло, еслибъ представилъ и его вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ.

БИДЕРЪ.

Это еще кого? ужъ не тебя ли?

ФРАНЦЪ.

О нѣтъ! я не гонюсь за этимъ. Если мой товарищъ будетъ мастеромъ, то я цѣлый вѣкъ радъ у него быть подмастерьемъ.

БИДЕРЪ.

Такъ объ комъ же рѣчь?

ФРАНЦЪ.

О твоемъ племянникѣ Дикѣ... онъ умный, честный малой...

БИДЕРЪ.

А ты кажется ни то, ни другое! Это еще что! Г. Русскій, кажется, взялся быть покровителемъ моего негодяя Дика?.. да твое ли дѣло мѣшаться въ мои семейныя дѣла? развѣ я не знаю что я дѣлаю? развѣ я не понимаю кто чего заслуживаетъ? что это за протекція? и какъ ты смѣлъ...

ФРАНЦЪ.

Опять, опять... ну какъ тебѣ не стыдно, Это совсѣмъ не я... а мой товарищъ очень полюбилъ Дика и интересуется участью молодыхъ людей. Они другъ друга любятъ.

БИДЕРЪ.

Ну, такъ что же? развѣ это ваше дѣло? Когда захочу, тогда женю ихъ и въ этомъ никого на свѣтѣ не послушаюсь. Твой товарищъ тоже пусть лучше работаетъ, не-

жели мѣшается не въ свое дѣло... что вы въ самомъ дѣлѣ?...

ФРАНЦЪ.

Ну, да ладно, ладно,... перестань пожалуйста сердиться... Воли твоей никто не думаетъ отнимать... Мы хотѣли только посовѣтовать тебѣ доброе дѣло... Не хочешь? Богъ съ тобой! дѣлай себѣ зло.

БИДЕРЪ.

Ни то, ни другое, а просто буду дѣлать то, что мнѣ вздумается и васъ объ этомъ не спрошу...

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ДИКЪ *(прибѣгаетъ)*.

ДИКЪ.

Дядюшка, дядюшка! Бургомистръ Дорнеръ идетъ сюда... и что-то не въ духѣ...

БИДЕРЪ.

Какая скука! опять будетъ ворчать о своемъ домѣ, о своихъ деньгахъ... пожалуй еще заговоритъ о Минѣ... Ахъ, ужъ эти мнѣ дѣвки!... на бѣду онѣ и родятся! *(Дику)*. Выгони всѣхъ работниковъ!... надо принять его какъ водится, чтобъ всѣ шапки передъ нимъ скидывали...

ДИКЪ.

Я ужъ, дядюшка, всѣхъ кликнулъ... Всѣ у крыльца... кланяются ему. Онъ ихъ разспрашиваетъ — одинъ только Петръ Михайловъ не захотѣлъ къ нему выдти.

БИДЕРЪ.

Это по чему? что за спѣсь напала? Сардамскому Бургомистру кажется можно поклониться.

ФРАНЦЪ.

Извини его, любезный хозяинъ... онъ такъ занялся своею работою...

БИДЕРЪ.

Можно и оставить ее! *(отворяя дверь на право)*. Эй, пріятель! что нейдешь на поклонъ къ бургомистру? Лѣнь или спѣсь?.. а?... Я братъ не люблю ни того, ни другаго *(входитъ въ дверь и возвращаясь)*. Нездоровъ! Эка голова! А ссориться не хочется...

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И БУРГОМИСТРЪ.

БИДЕРЪ.

Милости просимъ! милости просимъ, г. Бургомистръ, очень радъ, что вы мнѣ сдѣлали честь! прошу садиться!

БУРГОМИСТРЪ *(садится очень важно)*.

Да, я немножко усталъ — обошелъ всю верфь! осматривалъ всѣ работы... хлопотъ бездна! особливо сегодня...

БИДЕРЪ.

Что жъ случилось, г. Бургомистръ.

БУРГОМИСТРЪ.

Амстердамскій Бургомистръ хотѣлъ сегодня сюда пріѣхать... съ нимъ пропасть гостей... Цѣлое посольство... Кажется изъ Россіи... хотятъ посмотрѣть наши работы... Амстердамская ратуша такъ и ухаживаетъ за этимъ посольствомъ... Пронелъ слухъ, между нами, что въ этой свитѣ скрывается самъ Русскій Царь. Я этому не вѣрю — вѣрно вздоръ! Ну, гдѣ, съ какой стати Царю такой огромной монархіи вздумать пріѣхать къ намъ! Правда есть что посмотрѣть. Да вѣдь все это онъ можетъ купить у насъ... денегъ бездна, народу пропасть! за тѣмъ же ѣздить самому?

БИДЕРЪ.

Вотъ это было бы удивительное приключеніе! Со временъ Карла V. у насъ кажется не было въ Голландіи ни одного Государя, а Русскій Царь — это небывальщина. Посмотрѣлъ бы на этого великаго человѣка.

БУРГОМИСТРЪ.

Я тоже добиваюсь этого и просилъ было кое-кого показать мнѣ его тихонько, да видишь не хотятъ... онъ не велѣлъ... А его приказъ между ними выше всего...

БИДЕРЪ.

Это и прекрасно; повиновеніе всего нужнѣе; онъ, говорятъ, затѣваетъ передѣлать все свое Государство, просвѣтить весь свой народъ. Тутъ надо твердость, да и твердость.

БУРГОМИСТРЪ.

Я слыхалъ, что у тебя въ ученьи двое Русскихъ.

БИДЕРЪ.

Какъ же, г. Бургомистръ! и вотъ одинъ изъ нихъ. Францъ, кланяйся г. Бургомистру.

ФРАНЦЪ.

Если ему большая въ этомъ надобность, такъ я радъ хоть двадцать разъ поклониться... мое почтеніе, г. Бургомистръ.

БУРГОМИСТРЪ.

Видный малый и кажется не глупъ! давно ты въ ученьи у Бидера?

ФРАНЦЪ.

Третья недѣля.

БУРГОМИСТРЪ.

Ты не съ пссольствомъ ли пріѣхалъ въ Амстердамъ?

ФРАНЦЪ.

Да, въ одно время... и меня, съ товарищемъ, послали на здѣшнюю верфь поучиться кораблестроенію.

БУРГОМИСТРЪ.

Только я думаю эта наука немножко мудрена для васъ.

БИДЕРЪ.

Не совсѣмъ-то, г. Бургомистръ. Вотъ этотъ конечно немного успѣлъ, онъ только ходитъ да посматриваетъ... за то ужъ товарищъ его... я вамъ скажу. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Сардамская верфь, вѣрно не было на ней такого работника... стыдно признаться, что онъ въ недѣлю обогналъ меня, своего учителя.

БУРГОМИСТРЪ.

О, о! Покажика мнѣ его. Позови сюда!

БИДЕРЪ.

Онъ вотъ въ той комнатѣ сидитъ и работаетъ; я было его звалъ, да онъ нездоровъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Ну, коли болѣнъ, такъ не тронь, я и отсюда вижу... Э! э! какой видный мужчина! славный ростомъ!

БИДЕРЪ.

А голова еще славнѣе...

БУРГОМИСТРЪ *(встаетъ и подходитъ)*.

Что дружокъ работаешь? А? что жъ это? оглянулся и молчитъ...

ФРАНЦЪ.

Онъ еще худо понимаетъ здѣшній языкъ!

БУРГОМИСТРЪ.

И то правда! Да скажи ему, чтобъ онъ хоть шапку-то снялъ... Здравствуй, дружокъ, я здѣшній Бургомистръ... И этого не понимаетъ... *(Бидеру)* Что жъ ты мнѣ наговорилъ объ немъ!

БИДЕРЪ.

Онъ иностранецъ и не понимаетъ кому долженъ кланяться. Я же этому его не учу, мое дѣло корабельное искусство, и вотъ по этой части я могу увѣрить васъ, что ни гдѣ не сыщется работника, прилежнѣе, понятливѣе, усерднѣе; у него все кипитъ подъ руками.. Я сего дня хотѣлъ къ вамъ идти, г. Бургомистръ, чтобъ представить его въ мастера...

БУРГОМИСТРЪ.

Что! въ мастера? да развѣ это можно? чрезъ двѣ недѣли развѣ когда нибудь производили кого съ мастера.

БИДЕРЪ.

Да вѣдь еще такихъ работниковъ у насъ не бывало. Онъ, разумѣется, умѣетъ чертить, и зналъ геометрію, прежде нежели поступилъ ко мнѣ; здѣсь принялся онъ за плотническую работу, дѣлалъ модель каждой части корабля и сегодня поспѣлъ у него и рисунокъ и полная модель корабля... Вотъ вамъ рисунокъ... вы знаете законы... Кто представитъ...

БУРГОМИСТРЪ.

Знаю, знаю... Но только такъ скоро невозможно... Да! рисунокъ не дуренъ... правиленъ... видно малый умной, ладно!... Мы увидимъ! современемъ!... Скажи ему, что я подумаю... а онъ между тѣмъ пусть поучится да поработаетъ... авось выучится и кланяться Бургомистру... *(Дику и Францу)*. Ну, вы тутъ двое, что рты-то разинули? что вы здѣсь дѣлаете? вы видите, что Бургомистръ хочетъ говорить съ вашимъ мастеромъ, — такъ давно-бы убрались на свое мѣсто! *(Дикъ и Францъ уходятъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

БУРГОМИСТРЪ И БИДЕРЪ.

БУРГОМИСТРЪ.

Какой у тебя все безтолковой народъ! ты ихъ худо въ рукахъ держишь, дурно учишь...

БИДЕРЪ.

Извините, г. Бургомистръ... я ужъ 25 лѣтъ мастеромъ и выучилъ столько учениковъ...

БУРГОМИСТРЪ.

Да не объ корабельномъ искусствѣ рѣчь. Надо учить ихъ учтивости, политикѣ...

БИДЕРЪ.

Ну, это не по моей части! меня самаго этому не учили.

БУРГОМИСТРЪ.

Вотъ то-то и худо, оттого у тебя такая и голова упрямая, съ твоимъ умомъ мастерствомъ иной бы давно нажилъ себѣ нѣсколько каменныхъ домовъ — а у тебя одинъ былъ деревянный, да и тотъ сгорѣлъ.

БИДЕРЪ.

Такъ Богу было угодно, г. Бургомистръ.

БУРГОМИСТРЪ.

Конечно, да умный и сговорчивый человѣкъ тотчасъ найдетъ средство поправиться.

БИДЕРЪ.

У меня кромѣ честной работы никакихъ средствъ нѣтъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Ошибаешься! у всякаго есть что нибудь, изъ чего онъ можетъ вызлечь себѣ пользу... ты знаешь нашу Голландскую пословицу: у хорошаго стрѣлка всегда двѣ тетивы, одна лопнула, навяжи другую...

БИДЕРЪ.

У меня и есть другая, г. Бургомистръ, и она никогда не лопнетъ. Это надежда на Бога и чистая совѣсть.

БУРГОМИСТРЪ.

Ну, это само по себѣ!.. А люди должны думать и о людскомъ. Что тутъ изъ пустова въ порожнее переливать... Ты вѣдь понимаешь, къ чему клонится разговоръ... я пришелъ опять потолковать съ тобою о Минѣ... Выдай ее за меня, и я твои дѣла поправлю лучше прежняго.

БИДЕРЪ.

Вы меня извините, г. Бургомистръ, но мнѣ бы не хотѣлось продавать дочь свою какъ товаръ; дѣла мои авось поправятся моимъ трудолюбіемъ и бережливостію, а Мина такъ еще молода... мнѣ такъ грустно будетъ съ нею разставаться...

БУРГОМИСТРЪ.

Какое же тутъ разставанье! Сардамъ не Амстердамъ. Мы будемъ жить на одной улицѣ .. Ты всякій день будешь видѣться съ дочерью. Она же за мною ужъ вѣрно будетъ счастлива. Лучшаго жениха ей, кажется, не найти...

БИДЕРЪ.

Конечно!.. и если она сама захочетъ за васъ выйти... я очень буду радъ... Принуждать же ее...

Бургомистръ.

Ктожъ тебѣ и говоритъ объ этомъ? Вѣрно она не такъ глупа, что въ самомъ дѣлѣ откажется отъ чести быть женою Бургомистра... До сихъ поръ она конечно все шутила, увертывалась... Да вѣдь мы знаемъ эти дѣвичьи манеры... *(передразниваетъ)* Отстаньте-съ! Перестаньте!.. Это значитъ: очень рада, продолжайте!

БИДЕРЪ.

Если вы такъ хорошо ихъ знаете, такъ я и не спорно... Только какъ отецъ, я не могу ни къ чему приступить, пока Мина серьезно мнѣ не скажетъ: я согласна.

БУРГОМИСТРЪ.

Ну, такъ пора же ей это сказать... вѣдь ты могъ бы ее серьезно спросить объ этомъ.

БИДЕРЪ.

Я и спрашивалъ... да она... что-то не хочетъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Какой вздоръ!.. Ну, да зачѣмъ дѣло стало! Позови ее сюда и спроси при мнѣ... Я увѣренъ, что у нее на столько ума будетъ, чтобъ не жеманиться...

БИДЕРЪ.

Если это вамъ угодно... Извольте... *(кличетъ)* Мина! поди сюда!

МИНА *(входитъ)*.

Что прикажете?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И МИНА.

БУРГОМИСТРЪ.

Вотъ, душечка, въ чемъ дѣло. Ты знаешь, что я тебя давно ужъ люблю, и нѣсколько разъ заговаривалъ съ тобою и съ отцемъ твоимъ, чтобъ окончить это дѣло какъ водится, — да ты до сихъ поръ все шутила, да смѣялась, когда я говорилъ тебѣ о любви моей. Сегодня я серьезно предложилъ это твоему отцу и онъ, разумѣется, согласенъ на твое счастіе, если ты откровенно объявишь ему, что готова за меня выйти. Мы хотѣли предоставить это собственному твоему рѣшенію. Ты меня довольно знаешь... Я богатъ, Бургомистръ, люблю тебя, и отдамъ тебѣ все мое имѣніе, да и отца твоего надѣлю порядкомъ. Ну, говори же, моя милая, будь откровенна ... Шутить теперь не время.. мнѣ надобно торопиться... я и то ужъ немножко опоздалъ.. Ну, да еще догоню... Согласись только ты, скажи только ясно и откровенно свои мысли...

МИНА.

Папа! Неужто это не въ шутку?

БИДЕРЪ.

Нѣтъ Мина! Предложеніе г. Бургомистра дѣлаетъ обоимъ намъ честь; я ему сказалъ, что съ моей стороны очень радъ на это согласиться, но что принуждать тебя не буду. Слѣдовательно, подумай и скажи намъ откровенно, хочешь ли ты идти за Бургомистра?

МИНА.

Да точно ли вы позволяете мнѣ быть откровенною?

БИДЕРЪ.

Я этого требую.

МИНА.

И вы не будете сердиться?

БУРГОМИСТРЪ.

Напротивъ, онъ сказалъ, что будетъ очень радъ; скажи же, скажи скорѣе, моя душенька согласна ли ты?

МИНА.

Нѣтъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Что такое?

МИНА.

Нѣтъ, не согласна, не хочу, и никогда, не выйду.

БУРГОМИСТРЪ.

Да ты опять шутишь!

МИНА.

Вольно же вамъ и прежнее принимать за шутки. Я вамъ съ начала говорила, что терпѣть не могу стариковъ.

БИДЕРЪ.

Мина!

МИНА.

Вѣдь вы приказали мнѣ, папа, быть откровенною.

БУРГОМИСТРЪ.

Послушай, Мина, ты сама не знаешь, что говоришь и что дѣлаешь. Подумай, я тебѣ дамъ нѣсколько дней на размышленіе.

МИНА.

Чѣмъ дальше тѣмъ хуже; вы еще старѣе будете.

БУРГОМИСТРЪ.

Такъ ты рѣшительно отказываешься?

МИНА.

Рѣшительно и прерѣшительно!... *(приседаетъ)* Извините меня, г. Бургомистръ.

БУРГОМИСТРЪ.

Хорошо, очень хорошо! Мы увидимъ это черезъ нѣсколько времени. Авось гордая красавица и сама прибѣжитъ ко мнѣ— да будетъ поздно. Г. Бидеръ! Я очень сожалѣю, что наше дѣло не сладилось... это намъ не мѣшаетъ по прежнему остаться друзьями. Конечно, я долженъ взять нѣкоторыя мѣры; но вы всегда можете быть увѣрены въ моемъ расположеніи:.. Вотъ видите ли однако. Домъ, который вы занимаете, мнѣ нуженъ самому... Вы у меня его наняли за сто талеровъ въ годъ, — но какъ сегодня ровно полгода, что вы не платите за наемъ, то по законамъ я имѣю право выслать васъ и за неплатежъ посадить въ тюрьму... Впрочемъ, я не хочу дѣлать вамъ подобныхъ непріятностей, и до завтра не буду безпокоить васъ; у васъ вѣрно много пріятелей, которые не откажутся ссудить васъ бездѣлицей и вы вѣрно сегодня же заплатите. Прощайте. Завтра поутру я при-

нужденъ буду приступить къ строгимъ мѣрамъ... не моя вина... Вы сами этого хотѣли.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ДИКЪ *(прибѣгаетъ)*.

ДИКЪ.

Г. Бургомистръ! Г. Бургомистръ! весь Амстердамъ пріѣхалъ сюда; самъ г. Амстердамскій Бургомистръ Синдикъ, вся ратуша, — а съ ними еще какіе-то господа иностранцы... всѣ въ золотѣ... они пошли на верфь осматривать корабли и спрашивали васъ...

БУРГОМИСТРЪ.

А! Это вѣрно Русское посольство... Да, если еще слухи справедливы, если въ свитѣ посольства ихъ самъ Царь...

ДИКЪ.

Да, говорятъ, что такъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Царь! Русскій Царь! Какъ бы узнать, какъ бы увидѣть..... Постой! Любезный Бидеръ! гдѣ твои Русскіе работники? *(хочетъ идти въ двери на право, входитъ Францъ)*. А! да вотъ одинъ... Эй, дружокъ, послушай.

ФРАНЦЪ.

Что прикажете?

БУРГОМИСТРЪ.

Не видалъ ли ты когда нибудь своего Царя.

ФРАНЦЪ.

Видалъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Правда ли, что онъ пріѣхалъ сюда, со свитою посольства?

ФРАНЦЪ.

Не знаю.

БУРГОМИСТРЪ.

Сдѣлай одолженіе пойдемъ со мною, стань подлѣ меня и покажи мнѣ его... Я тебѣ за это дамъ цѣлый гульденъ.

ФРАНЦЪ.

Вотъ видите ли, Г. Бургомистръ, — гульденъ вещь хорошая, но долгъ вѣрноподданнаго еще дороже; если нашъ Царь здѣсь и не хочетъ, чтобъ его узнали, такъ кто же изъ насъ осмѣлится и подумать измѣнить его священной волѣ!

БУРГОМИСТРЪ.

Да вѣдь это останется между нами... Я и виду не покажу, а ты получишь талеръ...

ФРАНЦЪ.

Вы кажется худо знаете исторію, г. Бургомистръ. Читали ль вы, слыхали ль гдѣ нибудь, чтобъ Русской продалъ за деньги — тайну своего Государя. Нѣтъ, Г. Бургомистръ, чтобъ исполнить его волю, мы всѣ готовы жертвовать жизнію, пролить послѣднюю каплю крови, перенести всѣ мученія... вотъ чувства всего нашего народа!

БУРГОМИСТРЪ.

Все это прекрасно, да хоть скажи каковъ онъ изъ себя?

ФРАНЦЪ.

Величественъ какъ кедръ, твердъ какъ дубъ, благотворителенъ какъ солнце.

БУРГОМИСТРЪ.

Да лицемъ-то онъ на кого похожъ?

ФРАНЦЪ *(торжественно)*.

На Царя!

БУРГОМИСТРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ, Бидеръ... съ нимъ не сговоришь, видишь какой народъ. Прощай, Мина, до завтра! *(уходитъ въ Бидеромъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

ФРАНЦЪ, ДИКЪ И МИНА.

МИНА.

Дикъ! Дикъ! мы погибли! *(въ слезахъ бросается къ нему на шею)*.

ДИКЪ И ФРАНЦЪ.

Какъ? что, что случилось!

МИНА.

Все кончено! Этотъ злой человѣкъ.... Бургомистръ... Ну, да однимъ словомъ—мы погибли!

ФРАНЦЪ.

Говори яснѣе, милая Мина, что случилось?

МИНА.

Бургомистръ выгоняетъ насъ изъ дома и обѣщалъ посадить завтра батюшку въ тюрьму.

ФРАНЦЪ И ДИКЪ.

Въ тюрьму! За что?

МИНА.

Мы полгода ему денегъ за наемъ не платили, и по законамъ онъ имѣетъ право..

ДИКЪ.

Да отъ чего же вдругъ?

МИНА.

Ахъ Боже мой, да отъ того, что онъ сватался, и я отказала.

ДИКЪ.

И дядюшка былъ при томъ?

МИНА.

Какъ же, онъ приказалъ говорить мнѣ откровенно, я подумала да и сказала!

ФРАНЦЪ.

Что жъ ты сказала?

МИНА.

Что терпѣть не могу стариковъ, и никогда за него не выйду.

ДИКЪ.

Прекрасно! Безподобно!

МИНА.

Какъ прекрасно! А завтра за это батюшка будетъ въ тюрьмѣ, — а я съ тобою на улицѣ.

ДИКЪ.

Да! Вотъ это скверно! Да что же дѣлать, что сказалъ дядюшка?

МИНА.

Ни слова! покачалъ головой, и пошелъ въ слѣдъ за Бургомистромъ. Это значитъ онъ рѣшился идти завтра въ тюрьму.

ДИКЪ.

Ахъ Боже мой! что же намъ теперь дѣлать? (*оба плачутъ*).

ФРАНЦЪ.

Постойте, мои милые! Не плачьте, не отчаявайтесь... Молитесь Богу... Авось ваше дѣло какъ нибудь уладится...

МИНА.

Нѣтъ, ужъ коли Бургомистръ сказалъ, такъ вѣрно сдѣлаетъ. Онъ презлой человѣкъ!

ФРАНЦЪ.

Отъ того-то Богъ и не допуститъ злому торжествовать... Теперь некогда мнѣ; съ товарищемъ надо бѣжать въ свиту посольства; но послѣ мы переговоримъ — и я берусь сладить это.

МИНА И ДИКЪ.

Да какъ? чѣмъ?

ФРАНЦЪ.

Теперь ни слова! Молитесь Богу, а я пойду.

ДИКЪ.

Любезный Францъ!

ФРАНЦЪ.

Что еще?

ДИКЪ.

Позволь мнѣ идти съ тобою.

ФРАНЦЪ.

За чѣмъ?

ДИКЪ.

Да мнѣ хочется взглянуть на вашего Царя. Ты отказалъ Бургомистру, потому что онъ хотѣлъ подкупить тебя! Ты добрый и честный малой!.. Я бы то же самое сдѣлалъ на твоемъ мѣстѣ... Но мнѣ тебя не чѣмъ подкупить... Я не изъ любопытства хочу посмотрѣть на величайшаго изъ Царей... Нѣтъ! но я столько объ немъ слышалъ, что буду цѣлый вѣкъ счастливымъ, если мнѣ удастся взглянуть на него.

ФРАНЦЪ.

Дай руку, Дикъ. Ты славный малой и достоинъ этой чести. Даю тебѣ слово, что ты его увидишь, и можетъ быть ближе, нежели ты думаешь. Пойдемъ... (*въ дверяхъ на право*) Эй, товарищъ! Пойдемъ на верфь! Всѣ наши тамъ собираются. (*Дику*) Пойдемъ, онъ насъ догонитъ. А ты, Мина, молись — Богъ не оставитъ добрыхъ людей! (*уходитъ, Мина становится на колѣни... Слышенъ шумъ шаговъ въ кабинетѣ на право; завѣса быстро опускается*).

ДѢЙСТВІЕ II.

(Декорація та же.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ДИКЪ, ВИЛЬГЕЛЬМИНА.

МИНА.

Ну, Дикъ? видѣлъ ли ты Царя?

ДИКЪ.

Нѣтъ, Францъ и товарищъ его забились въ самые задніе ряды свиты, и какъ я ни поднимался на цыпочки, а ничего не видалъ. . Который, который? спрашивалъ я ихъ; они улыбались и говорили: угадай самъ! Ну, какъ тутъ угадаешь. Свита посольства огромная, народъ все отборный, молодецъ къ молодцу, все въ золотѣ, въ жемчугахъ... смотрѣлъ, смотрѣлъ, никакъ не могъ добиться...

МИНА.

Ну, да и Богъ съ нимъ. Намъ теперь не до того... Русскій Царь намъ не поможетъ.

ДИКЪ.

А если поможетъ, Мина! Видишь ли, что пришло мнѣ въ голову. Въ то время какъ посольство осматривало верфь и корабли, Амстердамскій бургомистръ объявилъ всѣмъ, что дозволено Голландцамъ, которые пожелаютъ, опредѣлиться въ службу Русскаго Царя... Я сперва подумалъ, что онъ ищетъ солдатъ. Анъ совсѣмъ не то! Онъ набираетъ мастеровыхъ, художниковъ, ученыхъ... онъ видишь ли хочетъ ввести въ свою землю всѣ науки и искусства. Послушай, Мина, что, еслибъ онъ принялъ меня къ себѣ въ службу? Вѣдь я почти что мастеръ... мой рисунокъ и модель готовы... согласилась-ли бы ты ѣхать со мною?..

МИНА.

А батюшка-то какъ же?

ДИКЪ.

Я бы выпросилъ себѣ за полгода жалованья, и мы отдали бы все отцу, заплатили бы за него долгъ Бургомистру, наняли бы ему другую квартиру... а! что ты на это скажешь, Мина?

МИНА.

Скажи все это батюшкѣ и если онъ согласится... (*бросается въ его объятія*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ФРАНЦЪ.

ФРАНЦЪ.

Прекрасно! вы, кажется, не теряете дорогаго времени...

ДИКЪ.

Да, еслибъ ты зналъ, любезный Францъ, въ чемъ дѣло!..

ФРАНЦЪ.

Скажи и узнаю.

ДИКЪ.

Конечно, ты не можешь тутъ помочь мнѣ; но можешь однако разсказать къ кому мнѣ

обратиться съ просьбою... Ты знаешь въ какомъ положеніи наши дѣла. . Ну вотъ я и придумалъ... давича Амстердамскій Бургомистръ объявилъ, что мы можемъ вступать въ службу вашего Царя...

ФРАНЦЪ.

Ну, такъ что жъ?

ДИКЪ.

Такъ я и выдумалъ: еслибъ онъ взялъ меня къ себѣ: я вѣдь изрядно понимаю науку кораблестроенія. Ты вѣдь видѣлъ мою работу...

ФРАНЦЪ.

И ты бы согласился ѣхать въ Россію?

ДИКЪ.

Что же? говорятъ, вы люди добрые, хлѣбосольные... немножко холодно у васъ... да вѣдь было бы сердце горячо, такъ это всего лучше согрѣетъ... Что? какъ ты думаешь... къ кому бы мнѣ обратиться съ просьбою!

ФРАНЦЪ.

У меня есть одинъ знакомый человѣкъ... онъ кажется въ состояніи будетъ сдѣлать... (*записываетъ у себя*). Дай-ко запишу, да и спрошу у него.

ДИКЪ.

Вѣдь еще не все... запиши ужъ еще...

ФРАНЦЪ.

Что такое?

ДИКЪ.

Ты вѣдь знаешь, что Бургомистръ хочетъ посадить дядюшку въ тюрьму. И онъ это сдѣлаетъ... надо выкупить отца Мины и оставить ему денегъ... Такъ еслибъ можно... впередъ... въ счетъ жалованья получить мнѣ...

ФРАНЦЪ.

Понимаю... и это будетъ сдѣлано... дай руку, Дикъ... ты добрый малый... Поздравляю тебя, милая Мина. Этотъ мужъ будетъ выгоднѣе Бургомистра... повѣрь, онъ дослужится до чего нибудь по лучше.

МИНА.

На что мнѣ это! лишь бы онъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ и любилъ меня—вотъ все что мнѣ нужно... А когда же ты, Францъ, пойдешь просить объ немъ? Вѣдь завтра отца посадятъ.

ФРАНЦЪ.

А посольство наше сегодня же уѣдетъ... такъ надо все сегодня же кончить... будьте спокойны... вѣдь это недалеко...

МИНА.

Ну, а какъ Дика не возьмутъ?..

ФРАНЦЪ.

Возьмутъ... я ручаюсь...

МИНА.

Ты все что-то обѣщаешь...

ФРАНЦЪ.

А ничего не выполняю, хочешь ты сказать... увидишь, моя милая... и вѣрно поцѣлуешь меня въ знакъ благодарности.

ДИКЪ.

Я самъ что-то сомнѣваюсь... развѣ тебя знаетъ кто нибудь изъ знатныхъ?

ФРАНЦЪ.

Да есть одинъ благодѣтель — и недалеко отсюда... если жъ онъ скажетъ: *да*! такъ ужъ его не переспорятъ милліоны голосовъ!

МИНА.

Да ты-то какъ-же съ нимъ знакомъ?

ФРАНЦЪ.

Съ малолѣтства...

МИНА.

Ну, да какъ онъ скажетъ: *нѣтъ!*

ФРАНЦЪ.

Не скажетъ... онъ знаетъ, что Государству теперь нужны хорошіе мастера, и я представлю ему твои рисунки.

МИНА.

Такъ ступай же скорѣе... время идетъ да идетъ—а ты все тутъ только болтаешь...

ФРАНЦЪ.

Иду, иду, моя милая... вотъ только зайду къ товарищу...

МИНА.

Опять тамъ заболтаешься...

ФРАНЦЪ.

Онъ тутъ тоже кое-что поможетъ. И у него есть тоже знакомые...

ДИКЪ.

И покровители?

ФРАНЦЪ.

Нѣтъ! покровителя ни одного!.. Да онъ у меня и не ищетъ ихъ... *Богъ и рука моя*, говоритъ онъ! вотъ моя защита...

МИНА.

Прекрасно! да ступай же, ступай...

ФРАНЦЪ.

Иду, иду, прощайте!

(*Уходитъ на право.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА и ДИКЪ, ПОТОМЪ БИДЕРЪ.

МИНА.

Что-то будетъ, Дикъ! А кажется Францъ все шутитъ. Въ словахъ его видна какая-то насмѣшливость...

ДИКЪ.

Нѣтъ, Мина!... онъ добрый малый... Правда, что за все берется...

МИНА.

И ничего не сдѣлаетъ... лучше бы ты самъ пошелъ къ посланнику...

ДИКЪ.

Къ такому знатному барину? да онъ бы и не взглянулъ на меня... Вѣдь это не то, что Францъ и товарищъ его... тутъ говори себѣ, что задумается, а сознатными я не умѣю говорить.

БИДЕРЪ *задумчиво входитъ; про себя.*

Чужое дѣло я обдѣлалъ, а свое все очень плохо.

МИНА.

Что вы, папа, такъ долго были на верфи?..

БИДЕРЪ.

Да я оттуда заходилъ къ Бургомистру...

МИНА.

Что жъ? согласился ли онъ еще подождать, покуда мы накопимъ денегъ?

БИДЕРЪ.

Мина! не ужели ты думаешь, что отецъ твой до того унизится, чтобъ упрашивать Бургомистра... я ему о себѣ ни слова не говорилъ.

МИНА.

За чѣмъ же вы ходили?

БИДЕРЪ.

За дипломомъ на званіе мастера моему Петру Михайлову... таки выхлопоталъ.

ДИКЪ.

Кто? онъ произведенъ. Это прекрасно! дядюшка! онъ стоитъ того. Преумная голова! да какъ это Бургомистръ рѣшился... онъ давича, кажется, обидѣлся, что Михайловъ не поклонился.

БИДЕРЪ.

Да ужъ его другіе принудили... Амстердамскій Бургомистръ, осматривая мои два новые корабля, спросилъ: кто у меня лучшій, искуснѣйшій работникъ, — и я ему назвалъ своего Русскаго, объявя, что представлялъ его даже въ мастера... тутъ Амстердамскій Бургомистръ обратился къ нашему и велѣлъ ему тотчасъ же выдать мнѣ дипломъ. Вотъ я послѣ осмотра и пошелъ къ нему.

ДИКЪ.

И получили? это удивительно...

БИДЕРЪ.

А воротился ли Михайловъ? (*отворяя дверь*) А, ты ужъ дома и за работою? люблю такихъ людей... Послушай, Михайловъ—а вѣдь я тебѣ принесъ хорошую новость... ты произведенъ мастеромъ! Вотъ и дипломъ!.. (*Дику и Минѣ*). Посмотри-ко, какъ обрадовался, вскочилъ, снялъ даже шапку... Ну, ну! я самъ радъ... (*уходитъ въ кабинетъ*).

МИНА.

Что же, Дикъ? вѣдь надобно разсказать батюшкѣ все, что мы придумали...

ДИКЪ.

Надо-то надо — да я боюсь!

МИНА.

Какой глупой. Чего бояться! видишь, какой онъ добрый. Посмотри, какъ обнимаетъ Русскаго...

ДИКЪ.

Да только ты не уходи отсюда, проси вмѣстѣ со мною. При тебѣ я буду смѣлѣе...

БИДЕРЪ *выходитъ.*

Славный малой! кажется еще никто такъ не былъ радъ своему производству,—а того не знаетъ, что еще никто такъ не заслуживалъ званія мастера...

ДИКЪ.

Дядюшка!

БИДЕРЪ.

Что?

ДИКЪ.

Я хотѣлъ поговорить съ тобою...

БИДЕРЪ.

Кто жъ тебѣ мѣшаетъ...

ДИКЪ.

Вотъ видишь ли что, дядюшка.

БИДЕРЪ.

Нѣтъ, не вижу...

ДИКЪ.

Только не сердись на меня, пожалуйста...

БИДЕРЪ.

Ну, занесъ чепуху! что тебѣ надобно?

МИНА.

Милый папа! послушайте его...

БИДЕРЪ.

А, и ты тоже... понимаю, въ чемъ дѣло! Да не сошлиль вы оба съ ума... Вы мнѣ кажется сбираетесь говорить о свадьбѣ.

ДИКЪ И МИНА.

Нѣтъ! Да!

БИДЕРЪ.

Это что? одинъ говоритъ нѣтъ, другой да!

ДИКЪ (*Минѣ*).

Ну, я зналъ, что онъ разсердится... Какъ съ нимъ говорить?

МИНА (*ему*).

А ты ужъ и струсилъ... Говори смѣлѣе...

ДИКЪ.

Дядюшка! послушай...

БИДЕРЪ.

Я ужъ давно слушаю, да кромѣ вздору ничего не слышу... Вѣрно остальное также глупости... Напередъ тебѣ говорю, если ты хочешь толковать мнѣ о свадьбѣ своей съ Миной, то изъ этого ничего не будетъ. Только такой дуракъ какъ ты и можетъ выдумать, чтобъ толковать о свадьбѣ тогда, какъ меня сажаютъ въ тюрьму...

ДИКЪ.

Экой ты, дядюшка, безтолковый... Да развѣ это можно! — Въ томъ-то и дѣло, что я нашелъ средство, чтобъ ты могъ заплатить свой долгъ и нанять другую квартиру...

БИДЕРЪ.

Ну, такъ говори же скорѣе...

ДИКЪ.

Вотъ видишь ли — я хочу опредѣлиться въ службу къ Русскому Царю... Онъ ищетъ хорошихъ работниковъ и мастеровъ... Мнѣ ужъ обѣщали, что примутъ меня и дадутъ впередъ сто талеровъ... Ну, вотъ я ихъ тебѣ и отдамъ, — а ты бросишь 50 талеровъ въ харю этому негодному Бургомистру, а съ остальными будешь на полгода спокоенъ и разживешься...

БИДЕРЪ.

Ну, а ты-то?

ДИКЪ.

Что-жъ? ничего... я прощусь съ тобою, уѣду въ Москву, буду работать...

БИДЕРЪ.

Нѣтъ, Дикъ, нѣтъ! Постой! Ты ужъ теперь слишкомъ скоро разсказываешь... Дѣло не ладно! Ты добрый малой... выдумалъ преумную штуку... Но я не хочу, чтобъ ты терялъ изъ-за меня свои трудовыя деньги... Я, конечно, отдамъ ихъ тебѣ современемъ... но мнѣ на что же сто талеровъ? только бы 50, и только бы, какъ ты говоришь, бросить ихъ Бургомистру въ харю...

ДИКЪ.

Ну, такъ и возьми ихъ...

БИДЕРЪ.

А ты, Дикъ, хочешь уѣхать... Вѣдь далеко! Что съ добою будетъ? Ты сынъ сестры моей, мнѣ тебя жаль будетъ... А тебѣ скучно...

ДИКЪ.

Чтобъ не было скучно, дядюшка, такъ ты отпусти со мною Мину.

БИДЕРЪ.

А! вотъ въ чемъ дѣло... А я-то что?

МИНА.

Поѣдемте съ нами, папа...

БИДЕРЪ.

Нѣтъ, мой милый дружочикъ... я хочу умереть тамъ, гдѣ родился... Вы люди молодые... Вамъ вездѣ будетъ весело... А мнѣ старику гдѣ же угоняться за вами... Поѣзжайте! Богъ съ вами. (*бросается въ кресло и закрываетъ глаза*).

ДИКЪ.

Дядюшка!

МИНА.

Милый папа! (*бросаются къ нему съ обѣихъ сторонъ*).

БИДЕРЪ.

Да, Дикъ! ты выдумалъ хорошо. Поѣз-

Локатерия ... Библиотека имени А. И. Луначарского

жай! Русская земля богата и гостепріимна. Она любитъ честныхъ и умныхъ иностранцевъ, — и хорошо награждаетъ ихъ. Поѣзжай, Дикъ. Служи вѣрно и честно Великому Русскому Царю! за нимъ не пропадетъ твоя служба и твое усердіе... люби свою жену, воспитывай дѣтей такими же честными людьми, какъ самъ, — и вспоминай обо мнѣ старикѣ...

МИНА И ДИКЪ.

Батюшка! Дядюшка!...

БИДЕРЪ.

Ну, полно, глупенькая! о чемъ же плакать! Вы будете жить весело и счастливо, — а какъ я поправлюсь, то пріѣду навѣстить васъ.

ДИКЪ.

И мы тоже, дядюшка.

МИНА.

Добрый, милый папа!

БИДЕРЪ.

Что, дурочка! Тутъ, не бось, не то, что давича съ Бургомистромъ: не хочу, не выйду! терпѣть не могу стариковъ! Этотъ видно лучше...

МИНА.

Ахъ, папа! А я такъ боялась, что вы принудите меня...

БИДЕРЪ.

Тебя? Развѣ это можно? При первыхъ угрозахъ Бургомистра, — у меня ужъ было въ головѣ, какъ скоро онъ меня посадитъ въ тюрьму, то на зло ему тотчасъ же сыграю вашу свадьбу...

МИНА.

Ахъ! папа! А у меня была другая мысль: какъ скоро онъ васъ посадитъ въ тюрьму, тотчасъ же пти къ нему и сказать, что я согласна.

БИДЕРЪ.

Боже сохрани! да я бы ни за что на свѣтѣ не благословилъ васъ... Но, слава Богу, что выдумка Дика все уладила.... Да постой, однакожъ, черезъ кого ты надѣешься получить мѣсто у Русскаго Царя?

ДИКЪ.

Мнѣ обѣщалъ Францъ.

БИДЕРЪ.

Францъ? только то?

МИНА.

Онъ говорилъ, что у него есть знакомый какой-то знатный покровитель.

БИДЕРЪ.

И вы повѣрили? Э! милые друзья! какъ же вы молоды? что такое можетъ дѣлать Францъ, и какой у него можетъ быть покровитель? ... рано же я обрадовался... ну, да все равно... ужъ коли вы меня разжалобили, такъ все равно: слова своего не возьму назадъ, въ тюрьмѣ ли, на свободѣ ли, а я васъ обвѣнчаю. Дикъ стоитъ тебя... онъ честной малой, обнимите меня (*взглядываетъ въ комнату на право*). Э! посмотрите-ка, дѣти! какъ наша семейная сцена растрогала и добраго Русскаго! какъ онъ ласково смотритъ на насъ, скинулъ шапку, отеръ слезу на глазахъ... Ну, какъ не любить его! пустите! (*уходитъ на право*).

ДИКЪ.

Слава Богу, Мина! все счастливо кончилось.

МИНА.

Что же все! Покуда еще ничего... вѣдь коли тебѣ мѣста не дадутъ.

ДИКЪ.

Все равно! что дядюшка разъ сказалъ, того не перемѣнитъ. Ты моя, Миночка! вотъ заживемъ то! Ахъ, Боже мой! какъ я радъ! обними же меня.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И БУРГОМИСТЕРЪ, ФРАНЦЪ И БИДЕРЪ.

МИНА (*увидя Бургомистра*).

Ахъ! посмотри-ка!

ДИКЪ.

Бургомистръ! вотъ будетъ кутерьма!

БИДЕРЪ (*про себя*).

А? Буртомистръ! и кажется видѣлъ, что дѣти обнимаются. Тѣмъ лучше, пусть же бѣсится и ругается.

БУРГОМИСТРЪ.

совершенно измѣнился въ обращеніи; до конца піесы рѣчь и обращеніе самые униженные.

Любезный г. Бидеръ! я пришелъ изъявить вамъ искреннѣйшее мое поздравленіе... Вы конечно такъ добры, что забыли давишній нашъ разговоръ... Теперь я пришелъ...

БИДЕРЪ.

За деньгами? да вѣдь вы обѣщали до завтра подождать.

БУРГОМИСТРЪ.

Помилуйте, любезный г. Бидеръ, какія деньги! Какіе счеты между пріятелями! Вы мнѣ ничего не должны, я давича пошутилъ; и гдѣ же мнѣ въ мои лѣта свататься!...

БИДЕРЪ.

Да, г. Бургомистръ. И въ этомъ отношеніи вы меня извините... я согласился выдать Мину за Дика.

БУРГОМИСТРЪ.

И прекрасная партія! очень милая чета! Поздравляю васъ, любезнѣйшій г. Дикъ! я съ моей стороны очень радъ, что могу воздать должную справедливость вашимъ познаніямъ, вашему усердію...

ДИКЪ (*Бидеру*).

Дядюшка! кому это онъ говоритъ?

БИДЕРЪ.

Да ужъ Богъ его знаетъ! Что-то съ нимъ сдѣлалось, — не понимаю; вѣрно это со злости,... глупая насмѣшка... Что съ вами, г. Бургомистръ?

БУРГОМИСТРЪ.

Ничего, любезнѣйшій г. Бидеръ... я — принесъ г. Дику дипломъ на званіе мастера... Вотъ онъ.

БИДЕРЪ.

Что такое? (*вырываетъ*) Какъ!... въ самомъ дѣлѣ! Дикъ произведенъ мастеромъ и безъ моего представленія?

БУРГОМИСТРЪ.

Вы его дядя, — и ваши строгія правила можетъ быть запрещали вамъ стараться объ родственникѣ и женихѣ вашей дочери; но начальство никогда не пропускаетъ случая оказывать справедливость и должное вниманіе къ дарованію и трудолюбію; я самъ почелъ за пріятный долгъ написать и принести г. Дику дипломъ на званіе мастера.

БИДЕРЪ.

Ну, я поздравляю тебя, Дикъ; только ужъ ровно ничего не понимаю.

ДИКЪ.

А я-то, дядюшка, ужъ вѣрно еще меньше.

МИНА (*тихо Дику*).

Я начинаю догадываться немножко; Францъ изъ подгишка смѣется... Вѣрно онъ черезъ своего покровителя...

ДИКЪ.

Ахъ! Да ты здѣсь, Францъ! Ну, что! порадуй! есть ли какая надежда на мѣсто?

ФРАНЦЪ.

Вотъ и мой дипломъ!

МИНА, ДИКЪ И БИДЕРЪ.

Какъ! неужели! и онъ опредѣленъ?

ФРАНЦЪ.

Да! мой благодѣтель уладилъ тотчасъ же все дѣло; ты принятъ въ службу Русскаго Царя корабельнымъ мастеромъ съ жалованьемъ по 1000 гульденовъ.

ВСѢ.

Возможно ли! Дикъ! Мина! дядюшка, дѣти мои, любезный Францъ (*всѣ радуются и обнимаются*).

ФРАНЦЪ.

А вотъ тебѣ и на подъемъ 20 червонныхъ.

ДИКЪ.

Дядюшка, вотъ возьмите пожалуста и бросьте ихъ... вы знаете, куда.

ФРАНЦЪ.

Постой, Дикъ! все это ужъ теперь не нужно. Ты это вскорѣ узнаешь; между тѣмъ, прежде чѣмъ я выхлопоталъ тебѣ дипломъ, я предъявилъ его г-ну Бургомистру; и онъ былъ такъ добръ, что хотѣлъ тебя вдвойнѣ обрадовать — производствомъ въ мастера, — и даже самъ хотѣлъ вручить дипломъ...

БУРГОМИСТРЪ.

Помилуйте! — это мой долгъ! честность, безкорыстіе, безпристрастіе...

БИДЕРЪ.

Да что съ вами вдругъ сдѣлалось, г-нъ Бургомистръ! вы совсѣмъ перемѣнились;

какъ вы вопли, я ожидалъ отъ васъ бури; а вы, по пословицѣ моихъ Русскихъ: тише воды, ниже травы.

БУРГОМИСТРЪ.

Развѣ я когда былъ иначе: нѣтъ, любезнѣйшій г-нъ Бидеръ! я иногда люблю пошутить, посмѣяться, но готовъ отдать для друзей послѣднюю рубашку.

БИДЕРЪ.

Да вѣдъ вы давича хотѣли посадить меня въ тюрьму за 50 талеровъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Какъ вамъ не стыдно, г. Бидеръ! Не уже ли вы въ самомъ дѣлѣ могли подумать! я пошутилъ какъ другъ, какъ старинный пріятель. И вы вообразили, — это обидно, воля ваша — обидно.

БИДЕРЪ.

И такъ, мы поскорѣй отпразднуемъ свадьбу, только не въ вашемъ домѣ, г. Бургомистръ: завтра же я переѣду.

БУРГОМИСТРЪ.

Какой мой домъ! Вы ошибаетесь, г. Бидеръ: этотъ домъ вашъ, — и долгъ вашъ заплаченъ, и купчая совершена.

БИДЕРЪ.

Что такое?! — да вы никакъ съ ума сошли!

БУРГОМИСТРЪ.

О, какой вы счастливый, г. Бидеръ! этотъ домъ — онъ будетъ драгоцѣннѣе великолѣпнѣйшихъ памятниковъ: къ нему будутъ пріѣзжать путешественники со всѣхъ концевъ земли, будутъ осматривать какъ святилище, — и скажутъ, что вы были самымъ благополучнымъ человѣкомъ.

БИДЕРЪ.

Послушайте, г. Бургомистръ! все это начинаетъ мнѣ надоѣдать! Давича вы меня выгоняли изъ дому, хотѣли посадить въ тюрьму, — и это по вашему была дружеская шутка; теперь вы говорите такую чепуху, что уши вянутъ. Какъ же мнѣ принять все это!...

БУРГОМИСТРЪ.

За совершенную, неизмѣнную правду. Теперь я не могу и не смѣю шутить! Я узналъ такія вещи, что готовъ передъ вами на колѣна стать.

БИДЕРЪ.

Да онъ просто съ ума сошелъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Какъ вамъ угодно, г-нъ Бидеръ! вы теперь имѣете полное право смѣяться надо мной: я много надѣлалъ глупостей; но въ будущемъ надѣюсь ихъ поправить. Позвольте узнать, гдѣ другой... Русскій... мастеръ, который живетъ въ вашемъ домѣ?

БИДЕРЪ.

А! Петръ Михайловъ! тамъ въ своей рабочей... Всегда за дѣломъ... Чудесный малый, такое доброе сердце!... Я его сей часъ обнималъ...

БУРГОМИСТРЪ.

Обнимали? Его самаго обнимали? Боже мой! Позвольте вашу руку, г. Бидеръ.... Еслибъ вы позволили и мнѣ васъ обнять!...

БИДЕРЪ.

Съ удовольствіемъ, г. Бургомистъ. Я радъ, что вы такъ ко мнѣ перемѣнились... перестаньте только шутить на счетъ моего дома...

БУРГОМИСТРЪ.

Какъ шутить! Почтеннѣйшій Г. Бидеръ, я ужъ имѣлъ удовольствіе объявить вамъ, что домъ этотъ принадлежитъ вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе; что долгъ вашъ заплаченъ и что Амстердамская Ратуша будетъ вамъ выдавать ежегодно 300 гульденовъ пенсіи...

ДИКЪ И МИНА.

Какъ! возможно-ли! какое счастіе!

БИДЕРЪ.

Что это еще такое! Да ужъ не сплю-ли я? не волшебную-ли сказку читаю? Скажите мнѣ, пожалуста, кто нибудь, что это значитъ?...

БУРГОМИСТРЪ.

Почтеннѣйшій Г. Бидеръ! черезъ часъ вы все узнаете... Теперь языкъ мой связанъ строгимъ приказаніемъ. Скажу вамъ только, что вы счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ и что милліоны людей будутъ вамъ завидовать!

МИНА.

Папа! спросите лучше у Франца. Я ужъ давно вижу, что онъ лукаво улыбается.

БИДЕРЪ.

Такъ ну же, братецъ, разскажи скорѣе.

Тебѣ-бы и стыдно отъ меня скрываться. Въ самомъ дѣлѣ, ты досталъ мѣсто Дику?... выхлопоталъ ему званіе мастера, такъ стало быть участвовалъ и во всемъ остальномъ.

ФРАНЦЪ.

Если и участвовалъ, то однимъ моимъ усердным желаніемъ. Сдѣлать же что нибудь я не могъ, власть моя...

БИДЕРЪ.

Кто тебѣ говоритъ о твоей власти? Но ты или товарищъ твой просили кого нибудь... Постой... твой товарищъ добрѣе и откровеннѣе тебя... онъ мнѣ все скажетъ... (*хочетъ идти.*)

БУРГОМИСТРЪ (*со страхомъ останавливаетъ его*) Куда вы?

БИДЕРЪ.

Къ новопожалованному мастеру...

БУРГОМИСТРЪ.

Да развѣ можно! Что вы дѣлаете? Развѣ вы еще не знаете?...

БИДЕРЪ.

Чего?

БУРГОМИСТРЪ.

Кто былъ вашъ ученикъ и постоялецъ...

ФРАНЦЪ.

Г. Бургомистръ!

БУРГОМИСТРЪ.

Виноватъ, чуть было не проговорился.

БИДЕРЪ.

Ну, что жъ, говорите? Не хотите? ну такъ онъ самъ выскажетъ, (*опять порывается.*)

БУРГОМИСТРЪ.

Да что вы? если онъ разсердится...

БИДЕРЪ.

Кто? вотъ забавно! посмотрѣлъ бы я...

БУРГОМИСТРЪ.

Послушайте! добрый, любезный, почтенный г. Бидеръ... нельзяли мнѣ какъ нибудь взглянуть на него?

БИДЕРЪ.

Взглянуть! да что тутъ за церемонія!.. пойдемте (*идетъ, но дверь заперта*) Это что значитъ? дверь заперта! Францъ, развѣ твой товарищъ ушелъ куда нибудь; я сейчасъ съ нимъ говорилъ, обнималъ его.

ФРАНЦЪ.

За нимъ прислалъ посланникъ и, кажется, хочетъ взять его съ собою.

ВСѢ.

Какъ! онъ ѣдетъ отсюда?

БУРГОМИСТРЪ.

Онъ ѣдетъ и я его не увижу!

ФРАНЦЪ.

Сейчасъ увидите, г. Бургомистръ. Онъ поручилъ мнѣ еще разъ благодорить добраго, честнаго нашего хозяина за дружескій пріемъ, ученье и хорошее расположеніе. Въ награду за это даритъ онъ ему тотъ домъ, въ которомъ мы жили, дастъ пенсію въ 300 гульденовъ, беретъ съ собою его зятя въ нашу службу и на память прислалъ свой бюстъ, который въ Амстердамѣ успѣли сдѣлать. Довольны-ли вы?..

БИДЕРЪ.

Францъ! г. Бургомистръ! Что это все значитъ? я не понимаю! Развѣ это былъ какой нибудь знатный человѣкъ? Скажите, объясните ради Бога! (*Слышенъ пушечный выстрѣлъ, сквозь окна видны толпы народа на берегу и суматоха и отъѣзда!*)

ФРАНЦЪ.

Вотъ сигналъ къ отплытію въ Амстердамъ... Мы съ тобою, Дикъ, догонимъ его тамъ послѣ твоей свадьбы; онъ поручилъ мнѣ быть твоимъ шаферомъ (*пушечные выстрѣлы продолжаются; раздаются крики ура!*)

БИДЕРЪ.

Но все-таки вы мнѣ не сказали...

ФРАНЦЪ.

И ненужно. Онъ не хотѣлъ, чтобы его узнали; но вотъ и подарокъ... Береги его и помни своего ученика (*приносятъ завѣшенный тафтою бюстъ; всѣ становятся около его, Бидеръ бросается и отдергиваетъ тафту*:

БИДЕРЪ.

Такъ! это онъ самъ! кто же онъ?

ФРАНЦЪ.

Нѣтъ имяни ему! отецъ благотворитель!
Онъ нашъ кумиръ! онъ все для насъ!
Хранитель, геній нашъ и просвѣтитель,
Полміра онъ несетъ на плечахъ какъ Атласъ.
Онъ все: строитель и работникъ,
Механикъ, врачь, токарь, артиллеристъ,
Онъ лоцманъ, слѣсарь, инженеръ и плотникъ..!
Россіи онъ сказалъ «да будетъ свѣтъ»—и бысть

Младенцемъ взявъ Россію изъ пеленокъ,
Побѣдой окрестилъ ее, училъ ходить,
И смотритъ какъ ростетъ теперь ребенокъ!
Самъ учится, чтобы его всему учить!
Объ немъ вездѣ несутся славы клики
И доблестямъ, и сердцу, и уму.
Другіе пусть зовутъ и Первый и Великій!
У насъ же, Русскихъ, Онъ! — нѣтъ имяни Ему!

Всѣ становятся на колѣна. Пушечные выстрѣлы и крики ура! продолжаются за сценою; оркестръ начинаетъ играть гимнъ: Боже Царя храни! *Картина. Завѣса опускается.*

АВОСЬ!

ИЛИ

СЦЕНЫ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. П. А. Каратыгина.

Представлена въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ 7 ноября 1840 года въ пользу актера Г. Каратыгина 2.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тимофей Сергѣевичъ Свѣтильниковъ, книгопродавецъ . . *Г. Мартыновъ.*

Архипъ Андреевичъ Барбосовъ . . . . } журналисты . . . . *Г. Сосницкій.*

Иванъ Семеновичъ Зажигинъ . . . . } журналисты . . . . *Г. Григорьевъ 1.*

Алексѣй Алексѣевичъ Крапивинъ } журналисты . . . . *Г. Толченовъ 3.*

Осьмушкинъ, купецъ 3-й гильдіи . . . . . *Г. Григорьевъ 2.*

Пустевичъ, опытный литераторъ . . . . . *Г. Беккеръ.*

Маскинъ, актеръ петербургскаго театра . . . . . *Г. Каратыгинъ 2.*

Волчковъ, дѣтскій авторъ . . . *Г. Петровъ.*

Помѣщица . . . . . *Г-жа Сандунова.*

Слуга ея . . . . . *Г. Фалѣевъ.*

Юноша . . . . . *Г. Чайскій.*

Семенъ } прислужники въ книжной лавкѣ . *Несоцкій (воспит.).*

Илья } прислужники въ книжной лавкѣ . *Асеньковъ (воспит.).*

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Театръ представляетъ книжную лавку, кругомъ по стѣнамъ полки съ книгами, портреты, гравюры, land-карты, и проч., на лѣво прилавокъ и конторка. По обѣимъ сторонамъ двери, въ срединѣ стеклянная дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ, ПОТОМЪ СЕМЕНЪ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*увязывая книги*).

Куда вы тамъ забились, пострѣлята! Поди сюда кто нибудь! — (*Семенъ входитъ*). Ну, опять ѣстъ! негодяй; здѣсь пища для ума, а не для желудка, какъ говорятъ умные люди. — А Ильюшка гдѣ?

СЕМЕНЪ.

Вѣдь вы сами послали его за обѣдомъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ахъ, да, — я и забылъ... Ну все равно... Отъищи-ко мнѣ книги.

СЕМЕНЪ.

Какія-съ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*смотря въ реестръ*).

А, вотъ, постой. Гдѣ у васъ переводный *Котъ-Муррѣ*?

СЕМЕНЪ.

Кота давно мыши съѣли.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Опять мыши! Ротозѣи!... ни за чѣмъ не смотрятъ! Этакимъ манеромъ у меня всѣ хорошія книги будутъ переводиться. А гдѣ у васъ *Истинное Благочестіе*?

СЕМЕНЪ.

Должно быть тамъ, наверху.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ну, такъ возьми лѣстницу, да достань-ко его. Постой на часъ!... Посмотри-ко-ся по дорогѣ, куда дѣвались „*Мужъ и жена и Друзья нынѣшняго времени*?“

СЕМЕНЪ.

А вотъ здѣсь, связаны вмѣстѣ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Давай сюда. Погоди-ка на минутку: что я не могу найти *Наполеона*?

СЕМЕНЪ (*лѣзетъ на лѣстницу*).

Здѣсь наверху... вмѣстѣ съ Фридрихомъ Великимъ, вонъ... гдѣ маленькія книжки, тутъ всѣ великіе люди.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да развѣ Наполеонъ великій?... Онъ, просто, Наполеонъ... не изволь умничать... Сними-ко его оттуда — вишь больно высоко поставилъ... Да посмотри-ко, нѣтъ ли тамъ *Вальтеръ-Скотта*.

СЕМЕНЪ.

Его у насъ давно нѣтъ... вѣдь мы промѣняли его на московскіе романы.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да, да, я и забылъ... А гдѣ у насъ *Повѣсти и Были*?

СЕМЕНЪ.

Да вотъ тутъ были...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ, это не тѣ; то были другія... А вотъ они. — Этихъ всѣхъ надо завтра послать въ Сибирь... а вотъ этихъ на Кавказъ... Собери-ко ихъ по этому реестру.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ ОСЬМУШКИНЪ (*съ узломъ*).

ОСЬМУШКИНЪ.

Здорово, Тимоѳей Сергѣичъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ахъ, Елизаръ Антипычъ! Милости просимъ, прошу садиться, батюшка.

ОСЬМУШКИНЪ.

Такъ вотъ какъ; ты сегодня самъ здѣсь присутствуешь?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да что дѣлать, батюшка: со вчерашняго вечера прихворнулъ мой прикащикъ, лежитъ, бѣдняга, такъ пришлось за него сидѣть самому хозяину. Ваши здоровы ли?

ОСЬМУШКИНЪ.

Помаленьку.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Что это у васъ, — покупочка?

ОСЬМУШКИНЪ.

Да, такъ небольшая штучка, да тяжела маленько, руку оттянула (*кладетъ узелъ*). Я къ тебѣ завернулъ на перепутье отдохнуть и почитай что за дѣломъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Доброе дѣло-съ, очень благодаренъ... Извините пожалуй-ста, что я давно у васъ не былъ: все въ хлопотахъ, то одно, то другое.

ОСЬМУШКИНЪ.

У меня у самого хлопотъ полонъ ротъ, да ужъ такъ словца на два завернулъ, дать тебѣ добрый совѣтъ... да вѣдь нынче съ тобой не сговоришь: какъ обрилъ бороду, нашему брату въ усъ не дуешь.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ, какъ можно...

ОСЬМУШКИНЪ.

Что, братъ, на дняхъ мнѣ говорили, ты типографію снялъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Какъ же-съ; очень дешево уступили, важное заведеніе!

ОСЬМУШКИНЪ (*почесывая голову*).

Охъ!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Что же-съ?

ОСЬМУШКИНЪ.

Ничего; только, братъ, я тебя помню вотъ эндакаго, торговали мы вмѣстѣ съ твоимъ батюшкой, а правду-матку люблю съ малолѣтства... такъ ты за нее не разсердишься...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ.

ОСЬМУШКИНЪ.

То-то, братъ, плохо, Тимоѳей Сергѣичъ; намъ, людямъ неграмотнымъ, и книжная-то лавка не подъ-стать, а съ типографіей, того гляди, ты попадешь въ такіе тиски, что и Боже упаси!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Какъ можно-съ, у меня будутъ печататься газеты, журналы, а можетъ быть и самъ возьму какое нибудь медвѣжье изданіе.

ОСЬМУШКИНЪ.

Ну, часъ отъ часу не легче! ... По нашему десять разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь; смотри впередъ, да и назадъ оглядывайся... Вѣдь ты, братъ, не книженъ, хоть и коротко обстриженъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

То есть, что же вы хотите этимъ сказать?

ОСЬМУШКИНЪ.

А то, что того гляди и ты, также, какъ многіе изъ вашей братьи, словно муха попадешься въ журнальную паутину, съ тою только разностью, что паукъ высасываетъ у мухи изъ головы, а журналистъ изъ кармана, и что первый самъ надуется, а послѣдній васъ надуетъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ, вѣдь нынче просвѣщеніе.

ОСЬМУШКИНЪ.

Да, просвѣщеніе! — Вотъ какъ ты прежде торговалъ сальными свѣчами, такъ все шло какъ по маслу, а какъ пустился въ просвѣщеніе, такъ только и слышишь: тамъ должокъ, въ другомъ мѣстѣ не выплачено, анъ того и гляди, что нововыпечатанную типографію запечатаютъ, такъ вотъ-те и просвѣщеніе! и принимайся опять за сальныя свѣчи.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ, нынче книги самый расходный товаръ: кто ничего не знаетъ, тому стыдно и глаза въ люди показать.

ОСЬМУШКИНЪ.

Да ты-то самъ давно ли ни аза въ глаза не зналъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да-съ; а теперь вожусь все съ учеными людьми, ума набираюсь.

Ученье свѣтъ, а неученье тма.

ОСЬМУШКИНЪ.

Слыхали мы, да въ свѣтѣ такъ ведется:
Когда въ комъ нѣтъ природнаго ума,
Тотъ дуракомъ съ ученьемъ остается.
Съ учеными тебѣ не совладать,
Вѣдь и они подъ-часъ большіе плуты.
Умомъ чужимъ ты хочешь торговать,
Такъ со своимъ не попадись въ банкруты.
Ей, отступись, не затѣвай проказъ!
Возьмись за умъ, учености оставь-ко,
Толь дѣло, братъ, у насъ мучной лабазъ,
А тамъ еще кожевенная лавка.
Тутъ, просто, самъ себѣ я господинъ!
Къ намъ на фуфу никто не подберется;
Безъ сапоговъ, безъ хлѣба ни одинъ,
Хоть будь уменъ, хоть глупъ—не обойдется.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Не знаю, право, отчего вы не жалуете ученыхъ... Посмотрѣли бы вы, какъ гг. журналисты со мной формулярно, то есть, деликатно обходятся.

ОСЬМУШКИНЪ.

Держи карманъ; они вашего брата ласкаютъ, какъ нужна деньга, а послѣ и въ грошъ не ставятъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ-съ, это, можетъ быть, съ другими, а со мной иначе... Да что и говорить, когда нибудь ныньхъ увидите здѣсь въ лавкѣ, такъ сами полюбуетесь.

ОСЬМУШКИНЪ.

Смотри имъ въ зубы... Съ ними дружи, да деньги крѣпче держи.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Не сумнѣвайтесь, Елизаръ Антипычъ, все будетъ ладно, да складно.

ОСЬМУШКИНЪ.

Да чтобъ не было накладно.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Не будетъ-съ; заживемъ припѣвающи. Въ нашемъ дѣлѣ, какъ говорятъ умные люди,

нужна только рѣшительность; вѣдь рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ...

ОСЬМУШКИНЪ.

Глупъ же и человѣкъ, коли, не спросясь броду, суется въ воду... Впрочемъ, смотри какъ лучше; мое дѣло сторона. Прощай покамѣстъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Куда же вы торопитесь?

ОСЬМУШКИНЪ.

Есть дѣльцо посытнѣе вашего; надо пойти объ немъ справиться... Видишь ли, думаю взять подрядецъ, поставочку въ казенное заведеніе тысячъ десятка на три, не знаю только удастся ли, чтобъ не перебили... да человѣкъ-то, кажись, хорошій взялся дѣло обработать; я на него надѣюсь: у насъ будутъ съ нимъ свои расчеты... Пора, пора, нужно безпремѣнно до обѣда сходить въ канцелярію—справиться... съ узелкомъ-то туда не ловко итти, такъ я его оставлю здѣсь; зайду опосля.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Погодите на минуточку, Елизаръ Антипычъ, вѣдь у меня есть до васъ большущая просьбица.

ОСЬМУШКИНЪ.

Что такое?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Я давно ужъ собирался вамъ признаться, да все нѣкогда: то одно, то другое мѣшаетъ. Сдѣлайте милость, помогите...

ОСЬМУШКИНЪ.

Да что тебѣ надобно! Вѣрно денегъ не хватило за типографію?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ-съ; то само по себѣ; когда нибудь выплатимъ; а вы, батюшка, будьте отцемъ-благодѣтелемъ: посватайте за меня Марью Степановну.

ОСЬМУШКИНЪ.

Племянницу? вотъ-те разъ! да давно ли тебѣ пришло это въ голову?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ужъ съ полгода обдумываю... да все какъ-то страшновато было вамъ признаться... все хотѣлось прежде обработать типографію.. Сдѣлайте милость!.. Вѣдь вамъ стоитъ только слово сказать, такъ сестрица васъ послушаетъ.

ОСЬМУШКИНЪ.

Эхъ, Тимофеюшка, все-то ты поздно спохватываешься... чуть ли ты не опоздалъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ, да Марья Степановна завсегда была такъ ласкова со мною... я доставлялъ ей и романсы, и ноты, и пѣсенки...

ОСЬМУШКИНЪ.

Да, а теперь она другое запѣла. Вѣдь ты къ нимъ мѣсяца полтора глазъ не показывалъ, такъ на тебя, чай, Маша и глазкомъ не взглянетъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Какъ такъ! за что же-съ?

ОСЬМУШКИНЪ.

Да такъ... здорово живешь... Видишь ли, безъ тебя съ сестрой познакомился одинъ молодой чиновникъ; а вѣдь дѣвушкамъ много ли надобно: дай молодежи сойтись на недѣлю, такъ ихъ потомъ въ круглый годъ не разведешь.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ. ПОМѢЩИЦА СЪ ЛАКЕЕМЪ.

ПОМѢЩИЦА.

Дайте мнѣ романъ Поль-де-Кока.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*ей*).

Какой прикажете? (*ему.*) Ахъ, Боже мой! да какъ же этому помочь...

ПОМѢЩИЦА.

Все равно, какой-нибудь, только получше.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Семенъ... покажи барынѣ.

ОСЬМУШКИНЪ (*хочетъ итти*).

Ну, я тебѣ не мѣшаю.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Погодите, погодите, батюшка Елизаръ Антипычъ; скажите пообстоятельнѣе.

ОСЬМУШКИНЪ.

Нѣкогда, нѣкогда, вишь скоро 2 часа... боюсь опоздать... послѣ все разскажу...

ПОМѢЩИЦА.

Что жъ ты самъ не показываешь?.. Ужъ видно что русская лавка... вонъ у голландцевъ въ Гостиномъ такъ всегда сами хо-

злева торгуютъ, а къ вамъ придетъ дама, вы возитесь Богъ знаетъ съ кѣмъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте, сударыня, я...

ПОМѢЩИЦА.

То-то, сударь, не знаешь общежитія, а еще книгами торгуешь.

ОСЬМУШКИНЪ (*въ полголоса*).

Ну, ну, прощай, я зайду за узелкомъ... (*уходитъ*)

ПОМѢЩИЦА.

Да это все не тѣ... и безъ картинокъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Это-съ послѣднее изданіе...

ПОМѢЩИЦА.

То-то остатки ты и сбываешь... Я сама не изъ послѣднихъ, батюшка, я шуйская помѣщица, а не купчиха какая нибудь...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да это все единственно... вѣдь Поль-де-Кокъ одинъ, сударыня (*въ сторону*) Вотъ тебѣ и Марья Степановна!

ПОМѢЩИЦА.

Что ты меня увѣрлешь? Благо я изъ губерніи, такъ и радъ обманывать.—Что стоитъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Тутъ напечатано-съ.

ПОМѢЩИЦА.

Те, те, те! 2 рубли серебромъ... за этакія тощія? нѣтъ, жирно будетъ. У насъ на Макарьевской по фунтамъ продаютъ московскія-то сочиненія.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Вотъ романъ въ 2-хъ частяхъ, того же автора.

ПОМѢЩИЦА.

Нѣтъ, батюшка, у меня четыре дочери, такъ каждой бы хотѣлось по книжкѣ привезти.

СЛУГА (*тихо*).

Барыня, купите мнѣ азбуку, для первоначальнаго обученія.

ПОМѢЩИЦА.

Вздоръ, вздоръ, глупости, глупости... вы и безъ книгъ-то нынче умничаете, да грубіяните, а какъ сдѣлаетесь учеными, такъ съ вами и не справишься. Что жъ... неуступишь?..

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нельзя, сударыня

ПОМѢЩИЦА.

Ну, такъ прощай, самъ читай по праздникамъ. (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ и СЕМЕНЪ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*помолчавъ*).

Да, точно; остался же я съ праздникомъ... Безъ меня у Марьи Степановны нынче завелся какой-то чиновникъ... Вотъ тебѣ разъ!.. она, я думаю, теперь такъ носъ подняла, что нашъ братъ и носу къ ней не показывай!.. Чортъ возьми! а ужъ я ли не старался ей нравиться?.. чего бы ей, кажется, лучше меня... (*Семену, который увязываетъ книги*) Что ты тутъ еще тискаешь?..

СЕМЕНЪ.

«Первую любовь.»

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Разорванную-то, старую! Э, дурачина, возьми новое изданіе.... Ничего не смыслишь... пора быть умнѣе!... А все это глупая нерѣшительность, да дурацкая типографія... цѣлый мѣсяцъ не былъ у нихъ!.. завтра же пойду рѣшительно свататься, пока въ самомъ дѣлѣ не перебили... Да кто этотъ чиновникъ?.. Я не успѣлъ спросить объ его фамиліи... Боже мой! Боже мой! А я еще надѣялся съ ней составить свое благополучіе...

СЕМЕНЪ, (*смотря въ реэстръ*).

У насъ нѣтъ: «Вѣрнаго средства быть счастливымъ.»

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ну, коли нѣтъ, такъ возьми у Лисенкова.

(*Семенъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ и ПУСТЕВИЧЪ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Здравствуйте, Тимоѳей Сергѣичъ... я къ вамъ на минутку... Что наше дѣло?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нейдетъ-съ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Неужели? Что жъ моя послѣдняя піеса?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Лежитъ-съ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Это очень странно... вѣдь дешево.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да-съ, сходно, а въ ходъ нейдетъ .. и Богъ знаетъ отъ чего: обертка прекрасная, изданіе богатое, просто богатель, а не разбираютъ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Кто разберетъ нашу публику?.. Всѣ, кто ни видали ее на сценѣ, остались довольны. Въ Сѣверной Пчелѣ ее расхвалили на прошлой недѣлѣ, это моя статья; я самъ писалъ объ ней, и Библіотека для Чтенія ничего не сказала — стало быть, хорошо...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да-съ, а идетъ дурно.

ПУСТЕВИЧЪ.

Въ послѣднемъ нумерѣ даже самъ Иванъ Семенычъ сказалъ, что я съ этой піесой далеко пойду...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Вотъ я завтра посылаю книги въ Сибирь, хотите, туда по дорогѣ завяжемъ?

ПУСТЕВИЧЪ.

Зачѣмъ же навязывать.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ничего-съ, вѣдь назадъ не пришлютъ... Тамъ у меня люди знакомые... да впрочемъ не безпокойтесь... какъ нибудь по немножку; книжка маленькая, а Россія велика; въ Москву пошлемъ, въ губерніи, на ярмарки... тамъ какъ разъ купятъ, было бы дешево.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И МАСКИНЪ, *немного погодя, Илюшка съ посудникомъ.*

МАСКИНЪ.

Вотъ онъ! вотъ онъ!! на силу его отыскалъ... меня точно предчувствіе влекло сюда... Здравствуйте г. Свѣтильниковъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Наше почтеніе! Давненько вы у насъ не были... *(Илюшкѣ).* Ну, а ты что такъ долго ходилъ, косолапый... Давай поскорѣе.

МАСКИНЪ.

Что это, вы ужъ обѣдать собираетесь?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да, наше дѣло купеческое; пока нѣтъ покупщиковъ надо немножко перекусить.

МАСКИНЪ.

Мы вамъ не мѣшаемъ... добраго аппетита.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Покорно васъ благодарю. *(Уходитъ съ Илюшкой.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАСКИНЪ И ПУСТЕВИЧЪ.

МАСКИНЪ.

Повѣришь ли, Пустевичъ... съ девяти часовъ я тебя вездѣ ищу, какъ угорѣлый... заѣхалъ въ вашъ департаментъ — не былъ; объѣздилъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, всѣ кондитерскія — не тутъ-то было.

ПУСТЕВИЧЪ.

Зачѣмъ я тебѣ понадобился?

МАСКИНЪ.

Крайняя нужда... просто до зарѣзу... Помоги, братецъ: мнѣ пришлось или въ петлю, или въ твои дружескія объятія.

ПУСТЕВИЧЪ.

Что за крайность?

МАСКИНЪ.

Утопающій хватается за бритву, а я берусь за тебя!

ПУСТЕВИЧЪ.

Полно остриться; говори дѣло.

МАСКИНЪ.

Вотъ въ чемъ сила. Мой бенефисъ назначенъ въ будущемъ мѣсяцѣ...

ПУСТЕВИЧЪ.

Ну что жъ, поздравляю.

МАСКИНЪ.

Было бы съ чѣмъ: у меня вовсе ничего нѣтъ!

ПУСТЕВИЧЪ.

Нѣтъ піесы?

МАСКИНЪ.

Почти ни одной!

ПУСТЕВИЧЪ.

Давай я переведу... мало ли на французскомъ театрѣ.

Маскинъ.

Хорошее давно перевелось, а дурное труда не стоитъ. Яды и кинжалы надоѣли, разбойники наскучили, комедіи слишкомъ локальны, въ водевиляхъ старое выворачиваютъ на изнанку, золотое время мелодрамы прошло: бывало возьми вздоръ, разбей на отдѣленія — вотъ и сборъ; а теперь не то...

Пустевичъ.

Ну выбери изъ стараго репертуара.

Маскинъ.

Стара штука: публика — женщина прихотливая; давай ей оригинальное, новое, новое и новое...

Пустевичъ.

«Есть отчего въ отчаянье придти.»

Маскинъ.

Конечно есть, коли ничего нѣтъ.

Ахъ, сколько съ бенефисомъ муки!
Онъ иногда, какъ острый ножъ,
Повѣсишь носъ, опустишь руки,
А ноги просто отобьешь.
Повсюду рыщетъ, суетится,
Чтобы піесы отыскать;
Дурнаго выбрать не рѣшится,
А гдѣ хорошаго набрать?
Такую отыщи піесу,
Чтобы она была умна,
Чтобъ не была безъ интересу,
Чтобъ всѣмъ понравилась она...
Найдешь — переводить попросишь —
Посмотришь — перевелъ другой —
И поневолѣ эту бросишь,
И снова рыщешь, какъ шальной.
А въ нашемъ закулисномъ мірѣ
Еще уладить мудренѣй:
Со всѣми оставайся въ мирѣ
При назначеніи ролей;
Одна старухъ играть не хочетъ,
Хотя стара для молодой,
Другая изъ того хлопочетъ
Что у ней костюмъ — дурной;
Давай всѣмъ роль, а не ролишку,
И никого не обижай,
Составь огромную афишку,
И публики не надувай...
Короче, — просто не возможно
Всего подробно разсказать,
Что бѣдному актеру должно
При бенефисахъ испытать!
Такъ не дивися же, пріятель,
Не зная таинства кулисъ,
«Что за коммиссія создатель»
Составить путный бенефисъ!

Будь же другъ, помоги... Нѣтъ ли у тебя чего нибудь?

ПУСТЕВИЧЪ.

Нѣтъ, братецъ, съ тѣхъ поръ, какъ упала моя послѣдняя піеса, рука не поднимается.

МАСКИНЪ.

Какія пустяки! Я вѣрю, что больно отеческому сердцу, но какое же дитя не упадетъ, прежде нежели научится ходить?.. и кто жъ даже изъ взрослыхъ дѣтей Аполлона не спотыкался на литературномъ пути? — Не унывай, мой другъ, чѣмъ ушибся, тѣмъ лечись! —

ПУСТЕВИЧЪ.

«Спасибо... я и такъ выздоровѣлъ;» Къ тому жъ... теперь у меня затѣвается дѣло серіозное... Я завернулъ сюда только мимоходомъ отъ нечего дѣлать, а впрочемъ всѣ эти дни хлопоталъ до упаду.

МАСКИНЪ.

Объ чемъ же это?

ПУСТЕВИЧЪ.

Объ подрядѣ по нашему вѣдомству.

МАСКИНЪ.

Что... что... такое?.. Помилуй, ты всегда былъ литературнымъ подрядчикомъ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Нѣтъ, братецъ; я хлопочу не для себя, а для другаго.

МАСКИНЪ.

А, это похвально! Вѣрно у этого другаго хорошенькая жена?

ПУСТЕВИЧЪ.

Какой вздоръ, онъ вдовецъ....

МАСКИНЪ.

Стало быть дочь?..

ПУСТЕВИЧЪ.

Нѣтъ; племянница, которая почти отъ него зависитъ.

МАСКИНЪ.

Что же? онъ изъ купцовъ?

ПУСТЕВИЧЪ.

Третьей гильдіи.

МАСКИНЪ.

Почтенные люди! они безъ приданаго никогда не отдаютъ племянницъ за-мужъ. Вѣрно у этой красной дѣвицы есть денежка на черный день?... Смотри, братецъ, въ женитьбѣ надо наблюдать особенный грамматической разборъ: тутъ *прилагательное* должно быть *существительнымъ* и тогда этотъ *союзъ* превращается въ *дѣйствительный глаголъ*: любить!.. а она-то тебя любитъ?

ПУСТЕВИЧЪ.

Да, дѣло идетъ на ладъ.

МАСКИНЪ.

Лихо!.. Да здравствуетъ купчиха!.. Я у тебя буду шаферомъ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Да, любезный, если тутъ мнѣ повезетъ; я ужъ не буду тогда рабочей лошадью; заведу свою пару, перестану возиться съ путовскимъ фельетономъ, съ глупыми разборами пустяковъ, брошу перо подѣнщика и стану писать развѣ только отъ скуки.

МАСКИНЪ.

Разумѣется, когда женишься тутъ-то и писать отъ скуки, а то что за радость! Съ деньгами ты изъ дюжинныхъ фельетонистовъ попадешь пожалуй во Сто Русскихъ Литераторовъ! Но будущее впереди: тамъ себѣ дѣлай какъ угодно, а теперь помоги мнѣ, какъ хочешь.

ПУСТЕВИЧЪ.

Душевно бы радъ... но какого рода тебѣ нужна піеса?

МАСКИНЪ.

Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго.

ПУСТЕВИЧЪ.

Да что писать? Гдѣ найти новые мотивы для оригинальной піесы? Все ужъ приглядѣлось: средней классъ набилъ оскомину, чиновничій бытъ—избитъ, для лучшаго общества нуженъ новый Грибоѣдовъ; простонародное не въ моемъ родѣ, купечества, при моихъ обстоятельствахъ, я не стану трогать.

МАСКИНЪ.

Посвяти мнѣ нынѣшній день... мы пообѣдаемъ вмѣстѣ, а на закуску ты вѣрно что нибудь придумаешь... Говорятъ: Французы лучшіе свои водевили стряпаютъ за завтракомъ и за бильярдомъ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Нѣтъ, сегодня мнѣ нѣкогда... Я сейчасъ отправляюсь къ дядѣ моей будущей.

МАСКИНЪ.

Твой будущій дядя отъ тебя не уйдетъ, а мой бенефисъ въ началѣ будущаго мѣсяца... Сдѣлай милость!.. Пойдемъ рыскать по городу — не найдемъ сюжета: поѣдемъ за городъ... *Авось* натолкнемся на какое нибудь приключеніе...

Пойдемъ мы впрямь, и вкривь, и вкось
Искать чего нибудь смѣшнаго.
Пиши піесу на *авось*!
Авось — магическое слово!
Иное дѣло ты хоть брось,
Кто за него не такъ возьмется;
А станетъ дѣлать на *авось*,
И смотришь дѣло удается.
Тотъ издавать журналъ начнетъ;
Надъ нимъ соперники смѣются,
А у него одинъ разсчетъ:
«*Авось* подписчики найдутся!»
Тамъ взятку кто нибудь возьметъ —
И самъ съ собою разсуждаетъ:
Авось, и это съ рукъ сойдетъ,
Авось начальство не узнаетъ!
Хоть къ слову про себя сказать:
Другой разъ роль не твердо знаешь,
А на *авось* начнешь играть,
И что жъ? на славу разыграешь!
Здѣсь акцій бездна развелось; —
Авось тутъ первое условье;
Тамъ докторъ лечитъ на *авось*
И разживется на здоровье.
Женитьба развѣ не *авось*:
Впередъ кто можетъ поручиться
Жить будетъ вмѣстѣ или врозь,
А все нельзя же не жениться!
И такъ, куда ты взглядъ не брось:
Въ палату, залу и лачужку,
На бѣломъ свѣтѣ все *авось*,
А вѣрнаго ни на полушку!

ПУСТЕВИЧЪ.

Постой, братецъ, постой... Ты скачешь точно на пожаръ... Позволь опомниться, дай обдумать дня два... я тебѣ напишу... даю честное слово.

МАСКИНЪ.

Нѣтъ, братъ, нынче этихъ словъ никто не принимаетъ за наличную монету: на нихъ прежде, нежели на серебро, понизился курсъ.

ПУСТЯКОВИЧЪ.

Но писать піесу на *авось* — глупо.

МАСКИНЪ.

Смѣлость города беретъ, а ты бери бумагу и карандашъ и начинай на пропалую: *Явленіе 1-е.*

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ И СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

МАСКИНЪ.

Тсъ! не говори ему ничего. Мнѣ пришла счастливая мысль: мы съ него начнемъ нашъ водевиль, а тамъ другіе персонажи подойдутъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Уфъ! какъ пообѣдалъ, такъ словно полегче стало, а то все этотъ чиновникъ изъ головы не выходилъ.

МАСКИНЪ.

Скоро же вы кончили.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Много ли надо человѣку.

МАСКИНЪ.

Да что съ вами?.. Вы какъ будто не солоно похлебали... въ іюлѣ смотрите сентябремъ; вѣрно по погодѣ, или приходъ съ расходомъ не вѣрепъ?.. у васъ сегодня что-то мало покупателей.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не то... у насъ другая забота; домашнія дѣла.

МАСКИНЪ.

Васъ надобно поздравить... Вы заводите свою типографію?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

А что же-съ? вѣдь это дѣло авантажное.

МАСКИНЪ.

Разумѣется, и я слышалъ: вы хотите пуститься въ журналистику?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Хотѣлось бы, да не знаю... какъ сладить.

МАСКИНЪ.

Кого жъ вы выбрали?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да еще самъ не знаю; все думаю, не могу рѣшиться... какъ умные люди посовѣтуютъ. Ко мнѣ все пристаетъ Архипъ Андреичъ Барбосовъ, чтобъ у меня печатать его журналъ.

МАСКИНЪ.

Ну что жъ? — берите.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Конечно, можнобы-съ, да деньги-то, знаете, говорятъ, того... немножко...

МАСКИНЪ.

Ну, если немножко, такъ ничего.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да вотъ... также Иванъ Семенычъ Зажигинъ проситъ, чтобъ я былъ издателемъ, а редакція останется за нимъ.

МАСКИНЪ.

Такъ возьмите оба журнала.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нельзя-съ; вѣдь они непримиримые враги; а два медвѣдя въ одной берлогѣ не ужившутся.

МАСКИНЪ.

Ну такъ возьмите одного изъ двухъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нельзя-съ, другой загрызетъ.

МАСКИНЪ.

Все бѣда... ужъ кстатати, не хочетъ ли у васъ печатать и Крапивинъ своего европейскаго журнала.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Съ этимъ-то, говорятъ, лучше другихъ можно поладить; вѣдь онъ живетъ такимъ бариномъ, водитъ знакомство все съ графами, да князьями, оттого-то его журналъ, говорятъ, знатно и расходится—и я, грѣшный человѣкъ, заходилъ было къ нему съ предложеніемъ, да его-то самого не было дома, а его сотрудникъ Петръ Иванычъ обѣщалъ съ нимъ переговорить и дать отвѣтъ.

МАСКИНЪ.

А что, если узнаетъ объ этомъ Барбосовъ или Зажигинъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Сохрани Богъ! они оба его терпѣть не могутъ.

МАСКИНЪ.

А онъ ихъ обоихъ ненавидитъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да-съ, знаю-съ, въ каждомъ №№ они грызутъ другъ друга.. а за что? изъ чего люди бьются?

МАСКИНЪ.

Изъ чего бьются? хорошъ вопросъ; а вотъ изъ чего... я вамъ спою-куплетъ изъ новаго водевиля.

Всѣ бьются изъ чего нибудь:
Тотъ въ службѣ хочетъ подслужиться,
Готовъ товарища согнуть,
Чтобъ повышенія добиться.
Побойче — выбьется впередъ,
Польститъ въ глаза, пошепчетъ въ уши,
Потомъ, когда карманъ набьетъ,
Живетъ себѣ и бьетъ баклуши.
Журнальвѣчный бой ведутъ,
Издатели шумятъ, какъ дѣти:
Другъ-дружку по карманамъ бьютъ
Сіи и оные и эти.
Какъ посмотрѣть народъ людской,
Такъ всѣ ужомъ и жабой жмутся.
И всѣ изъ прибыли одной
И бьютъ другихъ и сами бьются.

Теперь поняли?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Все такъ, да вѣдь по христіански, надо любить ближнихъ...

МАСКИНЪ.

Конечно надо... Да вотъ примѣрно сказать... я хотѣлъ у васъ спросить: — рядомъ съ вами по правую руку книгопродавецъ Переплетинъ — хорошій малый?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

А что-съ?

МАСКИНЪ.

Такъ, я вчера съ нимъ познакомился въ театрѣ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Хорошій человѣкъ, только дѣла нельзя имѣть съ нимъ, — надуетъ-съ.

МАСКИНЪ.

А вотъ тутъ по лѣвую руку, тоже книгопродавецъ, сосѣдъ вашъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ну ужъ этотъ такой продувной, что я его не пускаю и на порогъ.

МАСКИНЪ.

Такъ вотъ и у журналистовъ такой же порокъ: объ своемъ братѣ не скажутъ пугнаго слова.... Еслибъ ваши сосѣди торговали одинъ рыбой, а другой зеленью, такъ вы бы сказали, что этотъ тише воды, а тотъ ниже травы, либо обоихъ поставили бы выше лѣсу стоячаго.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Какъ можно-съ! здѣсь этого не водится: вѣдь у насъ книжный рядъ, а рыба да зелень на Сѣнной...

МАСКИНЪ (*тихо Пустевичу*).

Запиши пожалуйста; это пригодится.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ВОЛЧКОВЪ.

ВОЛЧКОВЪ.

Здравствуйте, Тимоѳей Сергѣичъ: опять къ вамъ...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Что прикажете?

ВОЛЧКОВЪ.

Не возьметесь ли напечатать мой новый подарочекъ для дѣтей на будущій годъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйтесь... я не знаю, какъ быть съ вашимъ и прошлогоднимъ подаркомъ... купилъ у васъ полъизданія, а теперь хоть даромъ отдавай... да мнѣ нынче не до того-съ, у меня будетъ большое изданіе...

ВОЛЧКОВЪ (*отдаетъ ему рукопись и картинки*).

А эта книжечка маленькая, крошечная, въ осмушечку, картиночки приготовлены премиленькія... Посмотрите, вотъ, напримѣръ, какъ мальчикъ яблоки воруетъ.... очень, очень назидательно. Хотѣлъ было выдать по подпискѣ, да трудно, публика извѣрилась; какъ не стараешься лисить, а все на нашего брата волкомъ смотрятъ, все думаютъ, что обманешь, да въ лѣсъ уйдешь.

МАСКИНЪ.

У васъ самихъ вѣрно много дѣтей?

ВОЛЧКОВЪ.

Нѣтъ-съ, Богъ не далъ... я человѣкъ холостой, а люблю дѣтей съ малолѣтства...

хочется быть полезнымъ новому поколѣнію... О чемъ, бишь, я говорилъ?.. да, о подпискѣ... Вотъ.... лѣтъ 10, 20 назадъ онѣ ничего не значили... бывало самъ пойдешь съ листочкомъ по барскимъ домамъ, а нынѣ—баста! Каммердинеръ по глазамъ видитъ, что̀ въ карманѣ... По парадной лѣстницѣ лучше не ходи, а пойдешь съ задняго крыльца, въ переднюю не пустятъ... Да-съ, перевелись Меценаты.

МАСКИНЪ.

Да и Виргиліевъ не имѣется.

ВОЛЧКОВЪ.

Куда намъ до Виргиліевъ! Наша дѣтская литература, юная словесность. . никому не мѣшаетъ, никого не трогаетъ; мы съ дѣтьми ползкомъ, гдѣ низко, тишкомъ, гдѣ склизко... Ходи и гляди подъ ноги—никогда не упадешь.... Счастіе добродѣтельнаго человѣка состоитъ въ тишинѣ и чистой совѣсти... Убѣгай ссоры съ злыми людьми...

МАСКИНЪ.

Это, кажется, изъ дѣтскихъ прописей?..

ВОЛЧКОВЪ.

Точно-съ, вотъ онѣ со мной, *(вынимаетъ изъ кармана)* прекрасивое изданьице... Вы вѣрно имѣете дѣтей?

МАСКИНЪ.

Иногда случается.

ВОЛЧКОВЪ.

Нѣтъ-съ, кромѣ шутокъ.

МАСКИНЪ.

Шутки въ сторону... Въ моемъ званіи это неудивительно: мнѣ часто случается быть благороднымъ отцомъ и порядочнымъ мужемъ, добрымъ сыномъ и дурнымъ братомъ, негоднымъ племянникомъ и послушнымъ внукомъ, а на будущей недѣли въ среду самъ попаду въ дѣдушки.

ВОЛЧКОВЪ.

Какимъ же это родомъ?

МАСКИНЪ.

По казенной надобности: такъ по репертуару назначено; я актеръ Маскинъ.

ВОЛЧКОВЪ.

Ха, ха, ха! Ахъ, Боже мой! я совсѣмъ васъ не узналъ... вѣдь вы никогда почти не бываете на сценѣ въ своемъ видѣ.

МАСКИНЪ.

Покорно васъ благодарю.

ВОЛЧКОВЪ.

Я не то хотѣлъ сказать.

МАСКИНЪ.

Ничего-съ, и съ нами это случается: думаешь одно, а говоришь другое.

ВОЛЧКОВЪ.

Право не узналъ. Вы, господа, такъ часто перемѣняетесь...

МАСКИНЪ.

А развѣ другіе господа не перемѣняются?

Да неужли мѣняютъ лица
Одни актеры? — цѣлый свѣтъ!
Всѣ люди въ лицахъ небылицы,
А неизмѣнныхъ вовсе нѣтъ.
Замѣтьте, какъ проситель скромно,
Въ передней очереди ждетъ;
И какъ, напротивъ, изъ пріемной,
Отъ покровителя пойдетъ.
Замѣтьте вы, какъ деньги просятъ,
Съ какой улыбкой ихъ берутъ; —
И какъ потомъ проценты вносятъ,
Съ какимъ лицомъ ихъ отдаютъ.
Какъ, напримѣръ, судья зѣваетъ,
Когда бѣднякъ просить начнетъ;
И какъ лицо перемѣнлетъ,
Когда богачъ къ нему придетъ.
Мужья и жены и дѣвицы,
Такіе ль дома, какъ въ гостяхъ? —
Нѣтъ, съ платьемъ перемѣнятъ лица,
Ихъ не узнаешь на балахъ.
Взгляните: вдовушка иная
Скромна, печальна и тиха...
И вдругъ потомъ совсѣмъ другая,
Когда отыщетъ жениха.
Лица и чувства измѣненья
Не на театрѣ, а вездѣ;
И въ жизни всѣ безъ исключенья
Мѣняютъ лица по нуждѣ!
Такъ что жъ на насъ вамъ удивляться?
Однообразье намъ бѣда:
Разъ десять слишкомъ измѣняться
Придется въ вечеръ иногда.
Гдѣ быть актеру не случится?
Съ нимъ то и дѣло чудеса:
То въ адъ кромѣшный провалится,
То залетитъ на небеса;
То всѣ четыре части свѣта,
Шутя, играя обойдетъ...
Пока казенная карета
Его домой не отвезетъ!

ВОЛЧКОВЪ.

О, да вы превеселые!

МАСКИНЪ.

Какъ быть! мы такъ часто поневолѣ должны смѣяться, что веселость обращается у насъ въ привычку.

ВОЛЧКОВЪ, (*подавая ему бумагу*).

Подпишитесь-ка съ легкой руки экземплярчика на два...

МАСКИНЪ.

Да зачѣмъ же мнѣ дѣтская книжка? я человѣкъ холостой.

ВОЛЧКОВЪ.

Что жъ, мѣста не пролежитъ... Когда нибудь женитесь, такъ будущимъ пригодится... Ну, что, Тимоѳей Сергѣичъ, каково-съ? вѣдь премиленькое будетъ изданіе... Купите: право, дешево отдамъ... Вы же снимаете, какъ слышно, типографію, такъ вамъ печатанье ничего не будетъ стоить.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да — нѣтъ-съ, не стоитъ-съ.

ВОЛЧКОВЪ.

Эй купите, право, не будете въ убыткѣ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

До новаго года еще далеко; рано объ этомъ думать.

ВОЛЧКОВЪ.

Ну, смотрите, послѣ будетъ поздно, какъ самъ напечатаю.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Печатайте съ Богомъ; мнѣ не надо.

ВОЛЧКОВЪ.

Нечего дѣлать!... Возьмите хоть еще штучекъ 20 вотъ этой... «Подарокъ милымъ малюткамъ.» (*Вынимаетъ книжки изъ другаго кармана*).

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Право не нужно.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ЮНОША (*поетъ басомъ*).

«Юность, юность, веселися,
«Веселись пока цвѣтешь.»

(*Свѣтильникову*). Есть у васъ *Мальчикъ у ручья*?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Дюкре Дюмениль-съ?

ЮНОША.

Нѣтъ; кажется, Вальтеръ Скотта... Впрочемъ не помню, я лѣтъ десять назадъ читалъ... Или дайте «Мальчика, наигрывающаго на колокольчикахъ разныя штучки»...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Того же автора-съ?

ЮНОША.

Нѣтъ, лучше дайте другаго.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Другаго нѣтъ-съ, — Ильюшка, возьми лѣстницу, достань *Мальчика*. Вотъ эти восемь книгъ, желтыя и красныя.

ЮНОША.

Да восьми много будетъ. Дайте двѣ красныхъ, да двѣ желтыхъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Нельзя-съ, выйдетъ разница.

ЮНОША.

Да я этого-то и хочу, а то что мнѣ платить деньги за одинакія... Не надо мальчиковъ... нѣтъ ли чего нибудь другаго?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ, (*подаетъ книгу*).

Вотъ-съ «*Дѣвушка* въ 16 лѣтъ». Или сами не выберете ли чего?... Вотъ возьмите каталогъ.

ЮНОША. (*Важно развертываетъ его*).

Что стоитъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да я его не продаю.

ЮНОША.

Что же ты? даешь, да не продаешь... вѣдь я не дурачиться къ тебѣ пришелъ.

ВОЛЧКОВЪ (*подходя*).

Не лучше ли вамъ взять мой *Подарочекъ*? прехорошенькая книжечка. Тутъ есть и картиночки.

ЮНОША.

Покорно благодарю.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да что же это, г. Волчковъ... вы въ моей лавкѣ продаете свои книжки... это не водится.

ВОЛЧКОВЪ.

Эхъ, Тимоѳей Сергѣичъ... что за бѣда такая; всей бѣды-то два рубля ассигнаціями.

ЮНОША.

Такъ, стало быть, вы мнѣ ее продаете?

ВОЛЧКОВЪ.

Какъ вамъ угодно... все равно-съ, хоть теперь заплатите, хоть послѣ, я къ вамъ зайду, только скажите гдѣ вы живете.

ЮНОША.

Нѣтъ, зачѣмъ же. Позвольте мнѣ только картиночки полюбопытствовать?

ВОЛЧКОВЪ.

Купите; два рубля, по старому курсу, ничего не значитъ для молодаго человѣка.

ЮНОША.

Помилуйте, тутъ написано для дѣтей; а я хоть молодой человѣкъ, да вѣдь не такой же ребенокъ.

ВОЛЧКОВЪ.

Ну, Богъ дастъ женитесь — пригодится.

ЮНОША.

Мнѣ еще рано объ этомъ думать. Прощайте!

«Юность, юность веселися...

(*Уходитъ напѣвая*).

ВОЛЧКОВЪ (*бѣжитъ за нимъ*).

Позвольте, милостивый государь, одно слово... у меня еще другая... вотъ посмотрите... эта получше... послушайте, послушайте!... (*уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ, МАСКИНЪ, ПУСТЕВИЧЬ, ПОТОМЪ БАРБОСОВЪ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*подходитъ къ дверямъ*).

Ну, побѣжалъ за нимъ... посмотрѣть... догонитъ ли онъ его... Ахъ! ни какъ это Архипъ Андреичъ переходитъ черезъ дорогу... Вѣрно идетъ ко мнѣ за отвѣтомъ... онъ далъ мнѣ два дня на размышленіе, а я по сю-пору... бѣдовое дѣло... (*Барбосовъ входитъ*). Мое почтеніе, Архипъ Андреичъ, милости прошу садиться!

БАРБОСОВЪ.

Здорово, другъ, здорово... Ба! знакомыя все лица. Здравствуйте, господа... Что вы тутъ сочиняете? А! г. Маскинъ, мнѣ надо еще васъ побранить: мы были у васъ вчера въ театрѣ... Что это такое? вѣдь смотрѣть нельзя, взглянуть не на что... и ваша милость не отличилась... вы совсѣмъ не поняли характера вашей роли, вы заморозили меня своею холодностію и одѣты были Богъ знаетъ по каковски... Надо было этимъ заняться... тѣмъ болѣе, что піеса прекрасна; конечно, въ ней нѣтъ трескучихъ эффектовъ, но за то очень умно обработана. . Мы непремѣнно сами напишемъ объ ней статью.

МАСКИНЪ (*Пустевичу*).

Запиши.

БАРБОСОВЪ.

Да, да, надо стараться, а не то въ самомъ дѣлѣ будетъ правъ мой прежній фельетонистъ. Онъ, говоря о фасадѣ вашего театра, замѣтилъ, что даже Аполлоновы кони скачутъ опрометью долой съ крыши.

МАСКИНЪ.

Ну, если только кони, такъ это еще ничего, потому-что они безъ возжей; да можетъ быть, они и вернутся назадъ, когда онъ опять начнетъ писать для нашей несчастной сцены.

БАРБОСОВЪ.

Вы не обижайтесь, я вѣдь не умѣю льстить; у меня нѣтъ никому лицепріятія. Я человѣкъ не двуличный, даромъ что журналистъ... лучше говорить правду въ глаза... Вотъ, напримѣръ, какъ не похвалить нашего любезнаго Тимоѳея Сергѣича..... Знаете ли вы, какую онъ заводитъ дивную типографію... Да, да, вы смотрите на него, даромъ что онъ глядитъ такимъ рохлей, даромъ, что три года, какъ онъ обрилъ бороду, а Нѣмцу на волосъ не уступитъ. Посмотрите, что изъ него будетъ лѣтъ черезъ пятокъ... Онъ малый рѣшительный, предпріимчивый.... лишь бы только слушался честныхъ и добросовѣстныхъ людей, которые дорожатъ литературой и дешево съ него берутъ... Не такъ ли, Тимоѳей Сергѣичъ?

Беремся мы тебя руководить,
Совѣтами тебѣ всегда поможемъ.
Гдѣ надобно друзей нашъ похвалить,
Мы на руку оплошки не положимъ.
Ну, по рукамъ и полно разсуждать!
Вѣдь мы тебѣ: друзья, а не злодѣи.

МАСКИНЪ (*Пустевичу*).

Вотъ какъ къ рукамъ умѣютъ прибирать
Здѣсь книжниковъ иные фарисеи.

БАРБОСОВЪ.

Да... кстати, чуть было не забылъ: что это, братъ Тимоѳей, я слышалъ, что Зажигинъ хочетъ въ твоей типографіи печатать свою чахотную газету... Бѣднжка! онъ ужъ не знаетъ куда съ ней сунуться! Клею, говорятъ, онъ два года не платитъ. Но ты вѣрно сказалъ ему, что далъ мнѣ слово.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Копечно-съ... очень пріятно, однакожъ...

БАРБОСОВЪ.

Однакожъ—въ сторону, говори прямо.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Я былъ бы весьма радъ, еслибъ...

БАРБОСОВЪ.

Что за глупые предлоги и нарѣчія.. надо быть пошлымъ дуракомъ, чтобъ раздумывать, кого изъ насъ предпочесть.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Повѣрьте, Архипъ Андреичъ, что мое къ вамъ уваженіе... ваше руководство моей типографіи... только... я, право... не смѣя противиться, если въ разсужденіи того...

БАРБОСОВЪ.

Что, ты самъ сбился, или тебя кто нибудь съ толку сбиваетъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Я самъ-съ, повѣрьте, чувствую...

БАРБОСОВЪ.

Полно, полно, я знаю, что ты славный малый... Кончено, кончено... примемся за начало.... Я приготовилъ объявленіе объ открытіи твоей типографіи... только надо еще кое-что прибавить... это мы сейчасъ же сдѣлаемъ... дай-ко мнѣ перо и чернилицу... Я пойду сюда... да... не худо бы спрыснуть типографію...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйтесь, съ удовольствіемъ.... Эй, Ильюшка?

БАРБОСОВЪ.

Полно, полно, я пошутилъ...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*даетъ Ильюшкѣ денегъ*).

Помилуйте-съ... Купи-ка бутылочку русскаго шампанскаго...

БАРБОСОВЪ.

Да перестань, братецъ... Русской человѣкъ не можетъ безъ угощенія (*тихо Маскину и Пустевичу*). Вѣдь право добрый малый... глупъ немножко, да еще поправится. Спрыски, братъ, отъ насъ не уйдутъ... это надо сдѣлать форменнымъ образомъ: ты, какъ человѣкъ умный и смѣтливый, задашь лихое новоселье! наша братья, литераторы, любятъ поѣсть, попить и посмѣяться — на чужой счетъ... Вѣдь мы всѣ люди добрые, хоть иногда со злости, чортъ знаетъ, что готовы сдѣлать·

Недавно завелись у насъ
Литературные обѣды,
И право, подъ веселый часъ
Люблю я сытныя бесѣды.
Люблю на нихъ я отдохнуть
Отъ брани, скуки корректурной;
И посвободнѣе вздохнуть
Въ кругу семьи литературной.
Сначала скромно мы сидимъ
И хвалимъ дружную пирушку,
И дружно, кажется, ѣдимъ,
А такъ и съѣли бы другъ дружку.
Потомъ начнется крикъ и смѣхъ,
Куплеты, остроты и шутки;
Хоть души разныя у всѣхъ,
Но одинакіе желудки.
Вражда виномъ потушена;
Къ концу стола пошли объятья:
При доброй дюжинѣ вина
Всегда добрѣе наша братья...
Да жаль, что эта доброта —
Товаръ подмоченный, дешевый;
И только мы за ворота,
Опять хоть за воротъ готовы!

Ну, теперь я пойду сюда; поправлю наше объявленіе, прочту тебѣ и—дѣло, кончено! (*уходитъ направо*).

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ БАРБОСОВА.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*тихо, со вздохомъ*).

Эхъ, бѣдовое дѣло!

ПУСТЕВИЧЪ.

Поздравляю васъ, Тимоѳей Сергѣичъ: вы, стало быть, съ нимъ совсѣмъ кончили?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ, я не начиналъ.

МАСКИНЪ.

Да онъ говоритъ, что вы ему дали слово.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Какое? Вы видѣли, что онъ мнѣ слова не далъ выговорить.

МАСКИНЪ.

А для чего же вы послали за виномъ спрыснуть типографію?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да... попробуй-ка ихъ сухо принять... не води съ ними хлѣба-соли, такъ они такъ насолятъ, что самъ безъ хлѣба останешься.

МАСКИНЪ.

Что за вздоръ! развѣ нельзя было отговориться?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Гдѣ нашему брату съ ними сговорить!

МАСКИНЪ.

Сами виноваты, зачѣмъ связывались.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ужъ не говорите! Связали они меня и по рукамъ и по ногамъ.

МАСКИНЪ.

Ничего, это круговая порука: васъ надуваютъ журналисты, вы, въ свою очередь, надуваете сочинителей, а сочинители—публику: долгъ красенъ платежемъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ *(глядя въ стеклянныя двери).*

Ахъ, Боже мой!

МАСКИНЪ.

Что тамъ еще?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ахъ... никакъ... это Иванъ Семенычъ!

МАСКИНЪ.

Кто?.. Зажигинъ?..

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Онъ, онъ и есть... бѣда!

МАСКИНЪ.

Прекрасно! мы прибавимъ новое лицо.—Пиши, братецъ: «*Явленіе IV.*»

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ну пропалъ я.... хоть вонъ бѣги изъ лавки!

БАРБОСОВЪ *(выглядывая изъ комнаты).*

Послушай-ка *(увидя входящаго Зажигина.)* Ай! чортъ его принесъ.. *(прячется).*

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ЗАЖИГИНЪ.

Здравствуй, Тимоѳей Сергѣичъ... Здорово, голубчикъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Мое почтеніе-съ, милости просимъ садиться.

МАСКИНЪ.

И этого сажаетъ — славно — запишн.

ЗАЖИГИНЪ, *(грозя Свѣтильникову.)*

Не хорошо, не хорошо...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Чего-съ?..

ЗАЖИГИНЪ.

Не хорошо, ты ужъ отъ меня нынче скрываешь.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Я-съ?.. помилуйте-съ... Я, ей-Богу, ничего-съ, вѣдь я не виноватъ...

ЗАЖИГИНЪ.

Не виноватъ?.. Признавайся-ка лучше... прежде, нежели я выведу наружу...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Повѣрьте, Иванъ Семенычъ, что съ моей стороны...

ЗАЖИГИНЪ.

То-то, братъ... смотри, дурной стороны не выбирай, — оглянись-ка лучше назадъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да, помилуйте-съ — вѣдь всякой можетъ ко мнѣ придти... вѣдь лавка для всѣхъ отперта.

ЗАЖИГИНЪ.

То-то! отперта!.. Смотри, не запирайся — поди-ка сюда на исповѣдь. *(Ведетъ его направо).*

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Здѣсь заперто-съ: Ильюшка ключъ потерялъ.

МАСКИНЪ, *(въ сторону.)*

Нашелся!

ЗАЖИГИНЪ.

Ты, я вижу, самъ смотришь какимъ-то потеряннымъ — неключимымъ. . Вѣрно совѣсть не чиста... Отъ чего ты такъ поблѣднѣлъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Такъ-съ, въ жаръ кинуло.

МАСКИНЪ, (*Пустевичу.*)

Лжетъ и не краснѣетъ... О! въ немъ будетъ прокъ.

ЗАЖИГИНЪ.

Ну, ну, полно, шутки въ сторону... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ же ты мнѣ не сказалъ, что Барбосовъ предлагалъ тебѣ вмѣстѣ съ нимъ издавать его журналъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ, я, кажется, вамъ докладывалъ...

ЗАЖИГИНЪ.

Сохрани тебя Господи съ нимъ связываться! Онъ тебя такъ надуетъ, что черезъ мѣсяцъ ты лопнешь съ своей типографіей, а это будетъ жаль... типографія великолѣпная! — Ты далеко пойдешь, если попадешь въ руки человѣка знающаго и значущаго. Ну, давай руку, я не сержусь.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйте-съ... помилуйте-съ, Иванъ Семенычъ, совѣты умныхъ людей... я всегда-съ...

ЗАЖИГИНЪ. (*обращаясь къ прочимъ.*)

А! здравствуйте... я васъ не примѣтилъ, вѣдь я немножко близорукъ... Ѳедоръ Васильичъ! и вы здѣсь... Ну, г. Маскинъ, какъ вы вчера мастерски играли...съ большимъ жаромъ... художнически поняли характеръ вашей роли и одѣты были щегольски.

МАСКИНЪ.

Покорно благодарю... Запиши.

ЗАЖИГИНЪ.

Мы не замѣтили ни одной ошибки... жаль только, что піеса никуда не годится. Хотя она обстановлена великолѣпно, но сама такая нелѣпость, что смотрѣть нельзя.

МАСКИНЪ. (*Пустевичу.*)

Запиши.

ЗАЖИГИНЪ.

Ну, Тимовей Сергѣичъ... я нарочно зашелъ съ тобой совсѣмъ покончить сегодня... Въ будущемъ мѣсяцѣ я непремѣнно разойдусь съ типографіей Клея: у него нѣтъ ни людей, ни совѣсти, ни бумаги... а самъ еще жалуется, что я ему не плачу.

БАРБОСОВЪ (*тихо*).

Какъ! такъ онъ далъ и ему слово!.. я его!..

ЗАЖИГИНЪ (*Свѣтильникову*).

Что ты все кашляешь?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Простудился немножко...

ЗАЖИГИНЪ.

Да, кажется, ты все какъ будто... раздумываешь, не рѣшаешься?.. Полно, полно, дружище; со мной можно имѣть дѣло... я вѣдь не то, что Барбосовъ, который совсѣмъ запутался, всѣмъ долженъ, со всѣми въ ссорѣ... я человѣкъ смирный, никого не трогаю... но не льзяжъ опять молчать, когда видишь явную глупость... Напримѣръ, какъ не ругнуть Барбосова, какъ не щелкнуть Крапивина, который корчитъ Европейца, а думаетъ по-варварски; самъ не доучился, а хочетъ учить людей умнѣе и старѣе себя; не даромъ его кліенты говорятъ, что онъ русской языкъ проглотилъ, оттого-то онъ и пишетъ чортъ знаетъ покаковски.

БАРБОСОВЪ.

На силу дѣло сказалъ.

ЗАЖИГИНЪ (*Пустевичу*).

Вы слѣдите за литературой, вы опытный литераторъ... признайтесь по совѣсти, гдѣ, кромѣ нашей газеты, найдете вы здравый смыслъ и справедливость?

БАРБОСОВЪ.

Опять началъ врать.

ЗАЖИГИНЪ.

Во всѣхъ журналахъ безъ изъятья
Статьи толковой не найдешь:
Тамъ личность, тутъ лицепріятье,
А безпристрастья ни на грошъ.
Читать нѣтъ средства этихъ вздоровъ!
Крапивина прошу понять:
Его критическихъ разборовъ
Самъ чортъ не могъ бы разобрать.
Весь образомъ какимъ-то дивнымъ
Онъ безконечно просвѣтлялъ;
И субъективно-объективнымъ
Всѣмъ абсолютно надоѣлъ!

За то и подписчиковъ его осталась одна *призрачность*, а изданіе ждетъ совершенная *конечность*... Журналъ Барбосова также болѣе шести мѣсяцевъ ни какъ не проживетъ... Только до новаго года дотянется и протянется... Онъ ужъ теперь при послѣднемъ издыханіи... у него, голубчика, свой календарь: февральская книжка вы-

шла въ апрѣлѣ, апрѣльская по сіе время маится, майскую получатъ иногородные по зимнему пути, а іюньская выйдетъ не прежде 30-го февраля.

БАРБОСОВЪ. (*въ сторону*).

И они еще слушаютъ этого врала.

ЗАЖИГИНЪ.

То объявитъ, что выдастъ № въ среду, это значитъ послѣ дождичка въ четвергъ, потомъ скажетъ въ пятницу, а у него ихъ семь на недѣлѣ. Въ послѣдней книжкѣ вмѣсто 25 обѣщанныхъ листовъ, едва, едва 16-ть.

БАРБОСОВЪ. (*въ сторону*).

Врешь, пустомеля, цѣлыхъ 17½.

ЗАЖИГИНЪ.

Подписчиковъ, я знаю навѣрно, у него не болѣе 500, и то пополамъ съ грѣхомъ.

БАРБОСОВЪ.

И тутъ совралъ! — еще меньше.

ПУСТЕВИЧЪ.

Однакожъ отъ Архипа Андреича нельзя отнять ума.

ЗАЖИГИНЪ.

О! я не спорю; точно нельзя, потому что у него вовсе его нѣтъ... Но, впрочемъ, чортъ съ нимъ! объ немъ нечего говорить... Ты малый честный, умный... я увѣренъ, что ты не свяжешься съ этимъ болтуномъ.. тѣмъ болѣе, что далъ слово другому; не правда ли?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да-съ, конечно-съ...

БАРБОСОВЪ (*въ сторону*).

Ахъ онъ негодяй!.. еще смѣетъ поддакивать.

ЗАЖИГИНЪ.

Я знаю, что меня здѣсь за правду не очень жалуютъ, знаю, что имѣю репутацію безпокойнаго человѣка, но ты этого не бойся... на всѣхъ не угодишь, да и не должно. И такъ, эта статья кончена... Ты молчишь—стало быть, согласенъ, такъ и говорить нечего. Приходи же ко мнѣ сегодня вечеромъ и мы напишемъ формальное условіе... Уговоръ лучше денегъ... не правда ли?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Да-съ, можетъ быть... но...

ЗАЖИГИНЪ.

Ну, до свиданія... Вотъ кто-то подъѣхалъ къ твоей лавкѣ въ каретѣ.

МАСКИНЪ.

Это, кажется, господинъ Крапивинъ!

ЗАЖИГИНЪ.

Кто?

МАСКИНЪ.

Алексѣй Алексѣичъ Крапивинъ. (*Пустевичу*) Это на наше счастье... пиши, братецъ, пиши *Явленіе V.*

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*въ сторону*).

Охъ!.. батюшки!.. такъ кипяткомъ и обдало!

ЗАЖИГИНЪ.

Какъ? самъ Крапивинъ?.. это что значитъ? развѣ у тебя съ нимъ есть какія нибудь дѣла?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Помилуйтесь, никакихъ, ей-Богу никакихъ!

ЗАЖИГИНЪ.

Чортъ возьми! когда я увижу этого мальчишку, то меня на цѣлый день отобьетъ и отъ ѣды и отъ письма... Здѣсь заперто, такъ я спрячусь хоть сюда... вы, господа, ни слова не говорите ему обо мнѣ, а ты выпроводи его поскорѣе отсюда. (*Уходитъ налѣво въ комнату.*)

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Слушаю-съ, слушаю-съ. Ну, пропалъ я! совсѣмъ пропалъ!!

МАСКИНЪ.

Вотъ всѣ говорили, что эти три человѣка никогда не сойдутся... вамъ честь и слава: вы ихъ чудесно свели... только что-то изъ этого выйдетъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*въ отчаяніи*).

Выйду на улицу, да закричу караулъ! больше нечего!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И КРАПИВИНЪ, (*входя говоритъ на улицу*)

Adieu, mon prince, au revoir! Quoi? Oui, oui, je viendrai.

Центральная ГЕКА ЛУНАЧАРСКОГО

СВѢТИЛЬНИКОВЪ. (*встрѣчая его*)

Мое нижайшее почтеніе, Алексѣй Алексѣевичъ.

КРАПИВИНЪ.

Здѣсь Свѣтильникова магазинъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Здѣсь, здѣсь-съ, покорно просимъ.

КРАПИВИНЪ.

Ты самъ хозяинъ?

МАСКИНЪ (*Пустевичу*).

Самъ, только не свой.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Точно такъ-съ. Покорно прошу садиться.

МАСКИНЪ (*Пустевичу*).

И ему подставляетъ тотъ же стулъ... запиши.

КРАПИВИНЪ (*садится*).

Мнѣ сказали, что ты съ бородой.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Носилъ-съ прежде, да уничтожилъ-съ ради просвѣщенія и благопристойности-съ.

КРАПИВИНЪ.

И умно сдѣлалъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*въ полголоса*).

Покорнѣйше васъ благодарю, Алексѣй Алексѣевичъ, что сами удостоить изволили...

КРАПИВИНЪ.

Полно, полно; я не люблю поклоновъ... Правда, по вашимъ мелочнымъ лавкамъ я не привыкъ разъѣзжать. Князь Иванъ Борисовичъ завезъ меня сюда... когда я велѣлъ кучеру остановиться у твоей лавки, онъ такъ хохоталъ надо мной...

МАСКИНЪ.

Ну, этотъ, по крайней мѣрѣ, не ухаживаетъ за нимъ, а подъѣзжаетъ.

КРАПИВИНЪ.

Мы сейчасъ съ нимъ завтракали у Кулонъ, и, признаться, такая лѣнь была съ мѣста подняться; но... о тебѣ мнѣ говорили, какъ о довольно сносномъ торгашѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ты, можетъ быть, человѣчнѣе другихъ... Ты приходилъ ко мнѣ, чтобъ...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ. (*заикаясь*)

Я... съ—я... съ—изволилъ полагать, т. е. можетъ быть...

КРАПИВИНЪ (*показывая на Маскина и Пустевича, наставляетъ лорнетъ*).

Кто тамъ у тебя?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Это-съ г. Пустевичъ, извѣстный подъ именемъ «опытнаго литератора».

КРАПИВИНЪ.

Не знаю, не слыхалъ — это вѣрно изъ Барбосовскихъ; я ихъ никого въ лицо не знаю. Что онъ тамъ пишетъ?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Я думаю, т. е. выписки какія нибудь...

КРАПИВИНЪ.

Ишетъ чужова, чтобъ выдать за свое. А другой кто?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Актеръ Маскинъ.

КРАПИВИНЪ.

Маскинъ? какая фамилія.... въ первый разъ слышу.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Онъ-съ, т. е. каждый день изволитъ представлять.

КРАПИВИНЪ.

Не знаю, я не ѣзжу въ Русской Театръ. Ну, что у тебя новаго? я живу на дачѣ — ничего не читаю, хочу отдохнуть отъ петербуржской пыли и литературной грязи.

ПУСТЕВИЧЪ.

Каково онъ нашу братью въ грязь топчетъ?

МАСКИНЪ.

Ничего, золото въ грязи видно... Пиши, пиши пожалуйста.

КРАПИВИНЪ (*показывая на книги*).

Это что за дрянь?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Это т. е. вашъ журналъ.

КРАПИВИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, подлѣ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Это-съ послѣдній № Ивана Семеныча г. Зажигина.

КРАПИВИНЪ.

Хорошъ господинъ!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Вы ужъ изволили, я думаю, читать?

КРАПИВИНЪ.

Нѣтъщ ее; онъ валяется у меня гдѣ-то,

да въ руки не могу взять: у него бумага грязнѣе его самого.

БАРБОСОВЪ (*тихо*).

Вотъ это правда... каково-то теперь Зажигину!

КРАПИВИНЪ.

А это что?

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Это-съ генварская книжка Архипа Андреевича г. Барбосова.

КРАПИВИНЪ.

Ну, этотъ еще глупѣе.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*тихо*).

Господи помилуй! что будетъ со мною!

БАРБОСОВЪ.

Мальчишка!

ЗАЖИГИНЪ.

Что, еслибъ на моемъ мѣстѣ былъ Барбосовъ, я воображаю...

КРАПИВИНЪ (*глядя на Пустевича*).

Пусть эти очки перескажутъ имъ... Подай-ка сюда эту галиматью.

МАСКИНЪ (*Пустевичу*).

Посмотри, какъ онъ натягиваетъ перчатки, чтобъ не замарать рукъ.

БАРБОСОВЪ.

Хвастунишка! такъ и зудитъ рука!...

ЗАЖИГИНЪ.

Я не знаю, что меня удерживаетъ!

КРАПИВИНЪ (*прочтя нѣсколько*).

Что? что? что такое? Барбосовъ смѣетъ говорить, что мой ничтожный журналъ скоро самъ собою уничтожится... ха, ха, ха!, а въ прошломъ мѣсяцѣ онъ подсылалъ ко мнѣ просить, чтобъ я взялъ его копѣечное изданіе подъ свою редакцію... Это ужъ изъ рукъ вонъ, низко! (*бросаетъ книжку.*) Посмотримъ другаго.

БАРБОСОВЪ.

Какъ? что? я подсылалъ? Такъ вотъ и кипитъ... Подожду еще немножко...

КРАПИВИНЪ.

Ну, этого и смотрѣть нечего: на первой страницѣ воровство: цѣликомъ изъ моей февральской книжки прошлаго года.

ЗАЖИГИНЪ.

Что? что? я укралъ? — Это уже слишкомъ.

КРАПИВИНЪ.

Но я ихъ обоихъ выведу наружу.

БАРБОСОВЪ.

Еслибъ тамъ не было другаго негодяя, самъ бы вышелъ, чтобъ уличить его, бездѣльника.

КРАПИВИНЪ.

Впрочемъ объ нихъ не стоитъ рукъ марать. Послушай-ка, любезный, чтожъ у тебя, въ самомъ дѣлѣ будетъ порядочная типографія? я нарочно начинаю объ этомъ громко говорить, чтобъ иные не подумали, что я навязываюсь... Ты самъ приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и я хочу знать твои условія...

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и БАРБОСОВЪ, потомъ ЗАЖИГИНЪ, потомъ ИЛЬЮШКА и ОСЬМУШКИНЪ.

БАРБОСОВЪ.

Нѣтъ, не могу больше! (*выходитъ*) Какъ, ты предлагалъ ему?

ЗАЖИГИНЪ.

Была не была, выйду. (*выходитъ.*) Что? ты просилъ его... что я вижу? Барбосовъ!!

КРАПИВИНЪ (*увидя обоихъ*).

Что это значитъ? Они оба были здѣсь спрятаны?!

ЗАЖИГИНЪ (*Крапивину*).

Вы говорите, что я у васъ перепечатывалъ?

БАРБОСОВЪ.

Вы смѣете хвастать, что я васъ просилъ взять мой журналъ?

КРАПИВИНЪ.

Куда я зашелъ? Что это такое? Что за глупыя шутки. (*Свѣтильникову.*) Съ чего ты вообразилъ, негодяй! что мнѣ нужна твоя типографія? Ты самъ напрашивался... они могутъ подумать... И зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ, что они оба были здѣсь спрятаны.

ЗАЖИГИНЪ (*повертывая Свѣтильникова.*)

А! ты смѣлъ приходить къ нему! Какъ ты могъ? развѣ кромѣ твоей дрянной типографіи я не найду мѣста, гдѣ печатать свою газету? Стало быть, ты всѣмъ троимъ обѣщалъ! И какъ ты могъ не

говорить все время скоро.

предупредить меня! ты вздумалъ шутить надо мною?

БАРБОСОВЪ (*повертываетъ Свѣтильникова къ себѣ*).

Я съ тобой раздѣлаюсь... Подожди, любезный! это тебѣ даромъ не пройдетъ... я тебя научу, какъ надо обходиться съ порядочными людьми! Ты въ одно время обѣщаешь троимъ, — я тебѣ покажу!

(*Свѣтильниковъ, повертываясь къ нимъ, произноситъ какіе-то нелѣпые звуки. Въ это время входитъ Осьмушкинъ; Илюшка вбѣгаетъ съ бутылкой, подаетъ ее Свѣтильникову, тотъ машинально беретъ ее.*)

МАСКИНЪ (*Пустевичу*).

Пиши, пиши, пожалуйста...

ОСЬМУШКИНЪ (*входя.*)

Что это такое?

ЖУРНАЛИСТЫ.

Да какъ ты смѣлъ? что это значитъ?
Ты за кого насъ принималъ?
Насъ этотъ негодяй дурачитъ!
Такъ всѣмъ троимъ онъ слово далъ?

МАСКИНЪ И ПУСТЕВИЧЪ.

Свѣтильниковъ нашъ чуть не плачетъ.
Онъ съ журналистами пропалъ,
Онъ по неволѣ ихъ дурачитъ,
И умъ послѣдній потерялъ.

ОСЬМУШКИНЪ.

Что здѣсь за шумъ? что это значитъ?
Сюда не кстати я попалъ!
Здѣсь рвутъ его... онъ чуть не плачетъ;
Хоть караулъ бы закричалъ!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*Зажигину.*)

Иванъ Семенычъ!

ЗАЖИГИНЪ.

Дурачина!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Архипъ Андреичъ!

БАРБОСОВЪ.

Негодяй!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Я развѣ этому причина?
Ей-Богу, вышло невзначай!

ВСѢ.

Да какъ ты смѣлъ? что это значитъ? и пр.

КРАПИВИНЪ.

Я, господа, не намѣренъ отбивать отъ васъ этого глупца... Вы наконецъ нашли издателя по себѣ... Поздравляю васъ съ находкой. Но мнѣ здѣсь низко оставаться... Боже мой!.. и это литература, и это литераторы!

(*Уходитъ.*)

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*бросаясь за нимъ*).

Алексѣй Алексѣевичъ, позвольте-съ.

ЗАЖИГИНЪ (*удерживая его*).

Какъ? ты еще его останавливаешь, негодяй! Да какъ ты смѣлъ подумать!... развѣ я въ самомъ дѣлѣ навязывался къ тебѣ?... Твоя типографія гроша не стоитъ... Вы, г. Барбосовъ, были здѣсь спрятаны прежде меня... вѣроятно у васъ съ нимъ все кончено... (*показывая на бутылку*). Это, можетъ быть, для васъ приготовлено... я вамъ не мѣшаю... но съ тобой мы иначе поговоримъ!... Я тебѣ отплачу за эту шутку.

(*Уходитъ.*)

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Иванъ Семеновичъ... Выслушайте...

БАРБОСОВЪ (*тоже удерживая его*).

Что? ты еще его удерживаешь... Погоди же, любезный... Это тебѣ даромъ не пройдетъ! Ты со мной дешево по раздѣлаешься... По твоей милости мнѣ здѣсь, чортъ знаетъ, что наговорили. Я же тебѣ отплачу, голубчику, — завтра же разругаю твою типографію и книжную лавку! Ни туда, ни сюда никто изъ порядочныхъ людей носу не покажетъ... Я постараюсь... Ты забылъ, что далъ мнѣ слово прежде всѣхъ... я жъ тебѣ это припомню... (*Уходитъ*).

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*бѣжитъ за нимъ*).

Архипъ Андреевичъ... позвольте, выслушайте-съ. (*Убѣгаетъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МАСКИНЪ, ОСЬМУШКИНЪ И ПУСТЕВИЧЪ (*который нисколько прежде объяснялъ что-то Осьмушкину*).

ОСЬМУШКИНЪ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло? Ну, ништо ему! Я давича говорилъ, чтобъ онъ не связывался... Да впрочемъ Богъ въ нимъ... а поздравьте-ко меня, Ѳедоръ Васильевичъ.

Г. экзекуторъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что директоръ велѣлъ поставку за мной оставить... Онъ мнѣ все разсказалъ... Это все по вашему ходатайству...

ПУСТЕВИЧЪ.

Помилуйте, такая бездѣлица, я очень радъ, что могъ...

МАСКИНЪ (*тихо Пустевичу*).

Послушай, это вѣрно тотъ самый купецъ 3-й гильдіи?

ПУСТЕВИЧЪ.

Да, да, не мѣшай намъ...

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ И СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Ни кого не догналъ!... одинъ въ одну сторону, другой въ другую, а третьяго и слѣдъ простылъ... Какъ?... Елизаръ Антипычъ, и вы здѣсь были?...

ОСЬМУШКИНЪ.

Видѣлъ, видѣлъ, батюшка, какъ съ тобой деликатно обходятся ученые люди... чуть не приколотили, и ты еще хотѣлъ свататься на моей племянницѣ... Поди, поди, Богъ съ тобой! Дай только мой узелокъ (*беретъ узелъ*). Пойдемъ, Ѳедоръ Васильевичъ, вмѣстѣ обрадовать сестру...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Какъ! вы съ нимъ знакомы... Не ужъ-то это тотъ чиновникъ, который хлопоталъ объ вашемъ подрядѣ?...

ОСЬМУШКИНЪ.

Да, да, онъ самый... онъ мнѣ помогъ и мы съ нимъ расквитаемся по родственному... Пойдемъ, Ѳедоръ Васильевичъ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Позвольте, Елизаръ Антипычъ... объясните... Погодите хоть минуточку.

МАСКИНЪ (*съ другой стороны, удерживая Пустевича*).

Постой, братецъ, тутъ немного осталось... нужна только какая нибудь завязка...

ПУСТЕВИЧЪ.

Отвяжись...

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Елизаръ Антипычъ... выслушайте...

ОСЬМУШКИНЪ (*уходя*).

Наслушался... будетъ съ меня... Пойдемъ, Ѳедоръ Васильевичъ!..

МАСКИНЪ.

Да напиши хоть послѣдній куплетъ.

ПУСТЕВИЧЪ.

Завтра! завтра! когда нибудь... (*уходятъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ, МАСКИНЪ И ИЛЬЮШКА.

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Все кончено!

МАСКИНЪ.

Нечего дѣлать... придется мнѣ самому кончать. Главное дѣло, надо придумать названіе!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*ходя по комнатѣ*).

Что жъ это такое будетъ?

МАСКИНЪ.

«Анюсь, или сцены въ книжной лавкѣ, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи»... хорошо!

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Невѣсты какъ не бывало!

МАСКИНЪ.

Да, и у меня ее не достаетъ... впрочемъ любовницы ужъ надоѣли... можно, для перемѣны, и безъ нихъ обойтись. Давай писать послѣдній куплетъ. (*пишетъ*).

СВѢТИЛЬНИКОВЪ (*Ильюшкѣ*).

Да и тебя, чертенка, тутъ сунуло... Видитъ, что меня чуть не грызутъ, хоть водой разливай, а онъ еще тутъ съ бутылкой!.. Это-то ихъ еще больше и разсердило! Что теперь будетъ со мною? Разругаютъ они меня на чемъ свѣтъ стоитъ.. и отъ одного журналиста иной не знаетъ куда дѣваться, а тутъ цѣлыхъ трое: по клочкамъ разорвутъ!

Нѣтъ, я не кстати, и не къ мѣсту
Затѣялъ издавать журналъ:

Я съ нимъ богатую невѣсту
Ни за копѣйку потерялъ;
Но мнѣ осталось утѣшенье...

МАСКИНЪ.

Постойте, постойте... остановитесь..

СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Что вамъ угодно?

МАСКИНЪ (*вставая*).

Вы послѣ кончите ваше утѣшенье, а теперь дайте мнѣ пропѣть мой послѣдній куплетъ (*подходитъ на авансцену*). Охъ! что-то будетъ?... ну, нечего дѣлать: *авось!*

Что скажутъ здѣсь объ новой шуткѣ?
Какъ не на шутку разбранятъ,
За то, что старыя погудки
Сыграли мы на новый ладъ...
(*Показывая на свою пьесу*).
Здѣсь, точно, новаго немного;
Но что же ново подъ луной?
И водевильная дорога
Избита хуже мостовой.
Ждетъ авторъ вашего отвѣта,
О снисхожденьи проситъ васъ,
Что, если лучшаго сюжета,
Онъ не сыскалъ на этотъ разъ.
Бездѣлки строго не судите,
Ее писалъ онъ на *авось*;
Авось и вы его простите,
Когда *Авось* — не удалось.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Декабрь 1840 г.)

Послѣдній мѣсяцъ прошедшаго года небогатъ театральными новостями, по крайней мѣрѣ замѣчательными.

Бенефисъ г-на Брянскаго... Что̀ вамъ сказать объ немъ? Вы давно уже знаете, что этотъ артистъ не въ первый разъ выбираетъ въ бенефисы свои такія піесы, отъ которыхъ публика зѣваетъ, зѣваетъ — и наконецъ уйдетъ изъ театра, не досидѣвъ до конца спектакля. Такъ, года два тому назадъ, г-нъ Брянскій давалъ трагедію *Домъ Аспеновъ*, въ которой Вальтеръ Скоттъ виноватъ столько же, сколько г-нъ Брянскій въ переводѣ съ *англійскаго* Шекспирова *Ричарда III-го*: публика проводила трагедію торжественнымъ шиканьемъ. Потомъ г-нъ Брянскій выбралъ для своего бенефиса какую-то безконечно-длинную, какъ критическія статьи иныхъ толстыхъ журналовъ, испанскую комедію, такъ же скучную, какъ эти статьи: публика проводила комедію шиканьемъ. На слѣдующій годъ г-нъ Брянскій далъ драму Альфіери *Филиппъ II-й*: публика не шикала, потому что уснула глубокимъ сномъ. Наконецъ въ нынѣшнемъ году г-нъ Брянскій вздумалъ блеснуть новостію и взялъ — *Паденіе Миссолонги*, драму, лѣтъ-десять тому назадъ игранную на петербургской и московской сценахъ. Эта драма — нѣчто въ родѣ *Перехода черезъ Балканы*, *Отчаянныхъ Лазовъ*, и т. п. Въ свое время, при великолѣпной обстановкѣ, она могла имѣть временный успѣхъ, какъ произведеніе по случаю, *pièce de circonstance*; но теперь дать въ бенефисъ подобную піесу — довольно странно и неумѣстно! Піеса не была ошикана, — изъ уваженія къ имени почтеннаго Ѳ. Ѳ. Кокошкина, принесшаго, въ свое время, много пользы русскому театру.

Роковое да — водевиль... Богъ знаетъ,

что̀ это такое. Просмотрѣвши разъ эту піесу, мы никакъ не могли добраться въ ней смысла, — а во второй разъ смотрѣть ее не рѣшились. Наконецъ *Фетинья Тимоѳеевна*, водевиль русскаго издѣлія, въ которомъ очень проглядываетъ однакожъ завязка французская. Сынъ купчихи низшаго разряда женится на княжнѣ — какъ это вамъ кажется? Вдругъ, во время его сговора, является его матушка *Фетинья Тимоѳеевна*: слѣдуетъ сцена, вѣроятно подслушаная авторомъ и подсмотрѣнная *Фетиньей Тимоѳеевной* на Сѣнной площади. Досмотрѣть эту піесу у насъ не достало силъ: мы вышли изъ театра, а потому и не знаемъ, чѣмъ кончилась піеса. Хорошо еще, если не такой развязкой, какой обыкновенно кончаются *сцены* на Сѣнной площади. Г-нъ Мартыновъ, сколько мы его видѣли, былъ хорошъ въ своей роли (сына достопочтенной матушки). Г-жа Брянская была тоже настоящая *Фетинья Тимоѳеевна*. Только эта роль едвали не есть исключительная принадлежность масляничныхъ представленій.

Послѣ бенефиса г-на Брянскаго слѣдовалъ бенефисъ почтеннаго, заслуженаго артиста П. И. Сосницкаго. Прежде всего дана была

— Сбритая борода вопреки пословицъ: *не въ̀рь коню въ̀ полѣ, а женѣ въ̀ волѣ;* оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. П. А. С.

Піеса эта, не смотря на свое *бенефисное* названіе, не безъ достоинства. Авторъ избралъ сюжетомъ для нея бытъ купцовъ — бытъ, почти забытый нашими драматическими писателями. За одно это мы должны уже благодарить его, потому что гдѣ же и искать чистаго *русскизму*, какъ не въ этомъ классѣ народа? Содержаніе комедіи Г. С., не отличающееся впрочемъ новостію, состоитъ въ слѣдующемъ: богатый купецъ Мухинъ и дородная супруга его, Настасья Кирпловна, какъ говорится, и спятъ и видятъ, чтобы выйдти въ люди. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли почитаютъ они свадьбу хорошенькой дочки своей, Машеньки, съ *генераломъ*. Судьба, повидимому, благопріятствуетъ ихъ желаніямъ, потому-что и въ самомъ дѣлѣ какой-то господинъ, у котораго изъ-подъ воротника моднаго фрака видно ползвѣзды ищетъ руки миленькой Маши. По случаю этого радостнаго событія, Мухинъ рѣшается дать балъ, надѣть въ первый разъ въ жизни фракъ и... и даже сбрить себѣ бороду. Чего, подумаешь, не дѣлаетъ честолюбіе! На балъ является и господинъ съ ползвѣздою на фракѣ и въ сторонкѣ условливается съ будущими родными своими о приданомъ. Но, о бѣдствіе! послѣ бала, занимающаго почти весь второй актъ, Мухинъ получаетъ извѣстіе, что торговыя дѣла его внезапно приняли неблагопріятный оборотъ и что онъ объявленъ несостоятельнымъ. Простите, мечты и честолюбивые замыслы! Мухинъ рѣшается писать къ своему будущему зятю и просить его о помощи. Звѣздоносный господинъ пріѣзжаетъ *персонально* и, убѣдившись въ дѣйствительности банкрутства Мухина, объявляетъ, что онъ не генералъ, не его превосходительство, а просто, чиновникъ, имѣющій персидскій орденъ солнца, и что онъ живетъ однимъ жалованьемъ, словомъ, отказывается отъ руки Маши. Новый ударъ самолюбію бѣднаго купца! Къ-счастію, вслѣдъ за тѣмъ, братъ Мухина, человѣкъ смышленый и добрый, объявляетъ ему, что банкрутство его — ни что иное, какъ небольшая мистификація, придуманная нарочно для того, чтобы вылечить его отъ нелѣпыхъ мечтаній. Обрадованный Мухинъ клянется снова отпустить себѣ бороду и, вопреки женѣ своей, соглашается выдать Машу за любимаго его братомъ пріемыша, молодаго купца Бѣлова. Упрямая супруга его также покоряется необходимости, но, въ утѣшеніе себѣ, даетъ слово неиначе называть дочь свою, какъ генеральшей. Занавѣсъ опускается.

Въ комедіи г. С. есть нѣсколько сценъ весьма забавныхъ; напр. сцена, когда Мухина, мечтающая о своемъ будущемъ величіи, учитъ лакея (напоминающаго впрочемъ Осипа въ «Ревизорѣ») какъ докладывать о томъ, что подана карета не купца, а комерціи совѣтника Мухина; объ сцены съ женихомъ, т. е. уговоръ о приданомъ и отказъ. Вообще лицо звѣздоноснаго господина, — одного изъ тѣхъ господъ, которые

при сватовствѣ спекулируютъ на свое общественное значеніе, — обрисовано авторомъ весьма удачно. Жаль только, что у купцовъ его вырываются иногда слѣдующія фразы, слишкомъ блестящія для простаго купеческаго быта: «Ты покидаешь меня въ такую минуту.... быть можетъ, въ самую ужасную въ моей жизни!» или «Не ты-ль, неблагодарный?» и т. п. Но мы должны сказать, что подобныя фразы встрѣчаются весьма рѣдко въ комедіи г. С.

Г. Сосницкій весьма-хорошо исполнилъ роль купца, взманеннаго желаніемъ перейдти въ другую, болѣе образованную сферу, и боязливо покидающаго свое прежнее житье-бытье, свои прежнія привычки. Г-жа Сосницкая также весьма удачно выполнила роль бранчивой, властолюбивой и комически-честолюбивой купчихи. Но особенно хорошъ былъ г. Каратыгинъ 2. — Тартюфство искателя богатыхъ невѣстъ — въ сценѣ уговора о приданомъ, и утонченное безстыдство — въ сценѣ отказа, были переданы имъ превосходно. Г. Мартыновъ былъ очень-смѣшонъ въ ролѣ лакея.

— САРДАМСКІЙ КОРАБЕЛЬНЫЙ МАСТЕРЪ, *или пьетъ имени Ему*! оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Р. М. Зотова.

Г. Зотову пришла счастливая мысль напомнить намъ эпизодъ изъ дивной жизни того, кому обязана Россія своимъ колоссальнымъ могуществомъ, своимъ величіемъ и своею славою, того, чью память боготворитъ она и нынѣ. Вы, безъ сомнѣнія, угадываете *чья* это жизнь; но вы угадали это по одному названію піесы, по одному, слову «Саардамъ,» столь знакомому и столь драгоцѣнному для каждаго русскаго сердца. Въ піесѣ г. Зотова, *Онъ* только-что пріѣзжаетъ въ Саардамъ; учитель его и хозяинъ, вспыльчивый, но добрый и умный Бидеръ, въ восторгѣ отъ неимовѣрныхъ успѣховъ Его въ кораблестроеніи. Но у Бидера есть горе: онъ въ долгу, ему надобно пристроить дочь, его милую Вильгельмину, и не чѣмъ платить за квартиру. Вильгельмина любитъ молодаго отцовскаго подмастерья и тяжело вздыхаетъ, бѣдняжка: они такъ бѣдны! Но горю ихъ помогаетъ *Онъ;* Онъ уплачиваетъ долги за Бидера, покупаетъ ему домъ, назначаетъ пенсію и беретъ возлюбленнаго Вильгельмины въ свою службу, въ Россію. Въ заключеніе піесы вносится на сцену бюстъ Великаго Саардамскаго мастера; счастливые Голландцы падаютъ предъ нимъ на колѣни, а восторженные зрители привѣтствуютъ его оглушительными рукоплесканіями.

Эта піеса помѣщена въ нынѣшней книжкѣ «Репертуара», и читатели сами могутъ судить о достоинствѣ ея. Скажемъ только, что патріотическія чувствованія, которыми она преисполнена, дѣлаютъ ее драгоцѣнною для всякаго русскаго сердца, и заставляютъ забывать нѣкоторые, весьма неважные впрочемъ, недостатки.

Г-нъ Сосницкій (въ роли Бидера) и г-жа Асенкова (дочь его) были прекрасны. По окончаніи піесы въ публикѣ слышались слова: «Жаль, что роль Лефорта игралъ не г-нъ Каратыгинъ 1-й; онъ бы сдѣлалъ большой эффектъ въ послѣдней сценѣ при чтеніи стиховъ: «Нѣтъ имени Ему!»

Съ этимъ общимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться...

— ДОМАШНЯЯ КОМЕДІЯ, ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, соч. *Н. А. Коровкина.*

Сюжетъ этого водевиля заимствованъ изъ французской повѣсти, напечатанной, помнится, въ «Литературной Газетѣ» прошлаго года. Молодой Ліонинъ, встрѣтившись на Карлсбадскихъ водахъ съ хорошенькой и молоденькой вдовушкой Аверіной, строитъ ей куры. Возвратившись въ Петербургъ, онъ продолжаетъ свои маневры, забывъ даже, что у него есть здѣсь невѣста. Но—по странному стеченію обстоятельствъ, очень естественному въ водевиляхъ,—невѣста его очень-хорошо знакома, и даже дружна съ Аверіной, хотя Ліонинъ ничего про это не знаетъ. Невѣста его пріѣзжаетъ къ Аверіной; онѣ объясняются между собою—и Аверина рѣшается сыграть съ Ліонинымъ шутку: спрятавъ свою подругу въ комнату, она, какъ скоро пламенный любовникъ является къ ней, прикидывается очень грустною и печальною. На вопросы его она отвѣчаетъ, что получила горестное извѣстіе о смерти своей подруги—*такой-то*. Такая вѣсть какъ

громомъ поразила Ліонина: онъ въ отчаяніи, та его утѣшаетъ самимъ холоднымъ образомъ, — говоритъ, что теперь для ихъ любви нѣтъ препятствія, и пр. и пр.: это приводитъ Ліонина въ бѣшенство.

— Да вы клялись, что любите только меня, говоритъ Аверина.

— Неправда, отвѣчаетъ Ліонинъ: я васъ обманывалъ, я самъ ошибался и теперь вижу, какъ горячо любилъ мою невѣсту; а вы, вы женщина безъ сердца, безъ чувства и пр. пр.

Аверина хохочетъ... знакъ поданъ—подруга ея выбѣгаетъ изъ засады,—остальное понятно.

Повѣсть лучше, нежели водевиль, потому-что послѣдній растянутъ безъ пользы, и сжатъ въ тѣхъ сценахъ, которыя требовали бы большаго развитія. Впрочемъ не смотря на это, піеса не безъ занимательности. Еслибъ авторъ занялся потщательнѣе ея отдѣлкою, то водевиль могъ бы выйдти очень и очень порядочный.

«Домашняя комедія» разыграна была г-жами Асенковой и Самойловой, и г-мя Сосницкимъ и Самойловымъ. Нужно ли прибавлять, что она разыграна очень хорошо?

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

За исключеніемъ дебютовъ замѣчательной пріѣзжей оперной артиски Г-жи Гейнефеттеръ, составляющихъ самую пріятную новость Большаго Театра, вниманіе публики исключительно поглощено было новымъ великолѣпнымъ балетомъ — *Озеро Волшебницъ*, играннымъ, въ первый разъ, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ бенефисъ Г-жи Тальони. А потому нелишнимъ будетъ сказать объ этомъ балетѣ нѣсколько словъ.

— Озеро волшебницъ, большой балетъ въ четырехъ картинахъ; соч. *Скриба*, и *Тальони*; музыка *Обера и Келлера*; декораціи по рисункамъ *Роллера*, *Шеніана*, *Федорова* и *Сѣркова*; костюмы *Матьё*.

Знаменитый хореграфъ подарилъ петербургскую публику новымъ произведеніемъ и доставилъ своей несравненной дочери новую возможность восхищать ея многочисленныхъ поклонниковъ. Мы не будемъ говорить, что Г-жа Тальони въ этомъ балетѣ также граціозна, также воздушна, также очаровательна, какъ и во всѣхъ другихъ балетахъ; но считаемъ долгомъ передать читателямъ «Репертуара» содержаніе «Озера волшебницъ» и сказать нѣсколько словъ о декораціяхъ и музыкѣ этого прелестнаго созданія Г. Тальони.

Въ первой картинѣ вы видите передъ собой обширное озеро; волны его переливаются лазурью и золотомъ; на берегу его красуются роскошные, фантастическіе цвѣты, а за нимъ высится амфитеатръ горъ, чудно-освѣщенныхъ солнцемъ. На берегъ этого-то озера, посреди этихъ-то цвѣтовъ, слетаются танцовать и рѣзвиться обитательницы эѳира — молодыя волшебницы. Одна изъ нихъ — кажется, нѣтъ надобности говорить, кто *она* — замѣтила между охотниками, гоняющимися за дичью по окрестностямъ, одного, болѣе другихъ красиваго, болѣе другихъ ловкаго, и полюбила его. Счастливецъ — его зовутъ Альбертомъ — также видѣлъ красавицу и также любитъ ее. Зеила (имя волшебницы) танцуетъ съ своими подругами; во время танцевъ вѣшаетъ она на цвѣтокъ прозрачный шарфъ свой — шарфъ, въ которомъ таится все ея могущество. Но вотъ свиститъ вѣтеръ, раздается громъ: испуганныя волшебницы скрываются, Зеила не находитъ своего шарфа; Альбертъ похитилъ это сокровище, угадавъ, *кому* принадлежитъ оно... Бѣдная Зеила! Ей надобно теперь сказать прости звѣздамъ и лазури небесной, сказать прости воздушнымъ играмъ своимъ и остаться на землѣ, извѣдать печали земныя!

Во второй картинѣ передъ вами гостинница, принадлежащая хорошенькой трактирщицѣ Маргаритѣ. Трактирщица любитъ Альберта и думаетъ выйдти за него замужъ. Къ ней-то, къ своей соперницѣ, ничего не подозрѣвая, приходитъ грустная Зеила и просится въ услуженіе; Маргарита соглашается. Вскорѣ послѣ того заѣзжаетъ въ эту гостинницу графъ Родольфъ, охотившійся по сосѣдству. Въ угожденіе

ему, Маргарита танцуетъ: бѣдная Зепла также должна забавлять могущественнаго вельможу... Между тѣмъ Альбертъ замѣчаетъ, что она нравится графу; страшась послѣдствій, онъ рѣшается скрыться съ Зеилою, занимаетъ у Жида Шахара деньги подъ тяжкимъ условіемъ — заплатить ихъ черезъ два мѣсяца или предоставить ему право располагать его свободою, платитъ долгъ свой Маргаритѣ и уводитъ Зеилу. Озлобленный графъ перекупаетъ у Жида обязательство Альберта.

Покинувъ Маргариту, Альбертъ поселился съ Зеилою въ тихомъ, уединенномъ уголку; Зеила обѣщаетъ отдать свою руку, когда онъ заплатитъ роковой долгъ свой; онъ почти счастливъ: онъ мечтаетъ, надѣется... Но увы, эти мечты обманули его! На блестящемъ празднествѣ у него похитили, по повелѣнію графа, всю казну его и его милую, очаровательную Зеилу, а срокъ платежа между тѣмъ наступилъ...

Въ четвертой картинѣ Маргарита освобождаетъ Альберта изъ темницы графа, но графъ настигаетъ его и предлагаетъ Зеилѣ искупить жизнь его дорогою цѣною — цѣною любви ея. Зеила рѣшается пожертвовать собою... Къ счастію, она находитъ свое покрывало, свой чудный талисманъ и съ нимъ всю власть свою: волшебный шарфъ уноситъ ее въ страны эѳира, къ прежнимъ игривымъ подругамъ ея. Но Зеилѣ сгрустнулось въ облачныхъ чертогахъ, сгрустнулось по землѣ, по любви Альберта: она покидаетъ подругъ своихъ и летитъ къ Альберту на землю...

Сюжетъ этого балета г. Тальони заимствовалъ изъ оперы Скриба, но умѣлъ придать ему истинно-поэтическую прелесть; музыка «Озера волшебницъ» очень граціозна; есть мотивы, которые надолго остаются въ памяти. Декораціи прелестны, особенно первой картины и послѣдняя, облачная. Въ сей послѣдней облака сначала ложатся на сцену густою, темною массою; потомъ постепенно рѣдѣютъ и проясняются; наконецъ исчезаютъ и даютъ мѣсто пышному жилищу повелительницы волшебницъ, цвѣточнымъ вязямъ и восхитительнымъ группамъ ея воздушныхъ подданныхъ. Костюмы придуманы г. Матье вообще очень удачно; а въ костюмахъ графа и его свиты онъ умѣлъ соединить пышность съ изяществомъ.

Исполняется этотъ балетъ (разумѣется, мы не говоримъ здѣсь о несравненной Тальони) весьма хорошо: г-жа Шлефохтъ, играющая роль трактирщицы и танцующая вмѣстѣ съ г-жею Тальони, собираетъ въ этой роли дань заслуженныхъ рукоплесканій. Г. Никитинъ очень удовлетворительно танцуетъ съ г-жею Тальони pas de deux въ четвертой картинѣ. Ему можно пожелать нѣсколько болѣе непринужденности въ пантомимѣ; но, судя по началу, кажется, нельзя сомнѣваться, что г. Никитинъ въ послѣдствіи избавится отъ этого недостатка и сдѣлается однимъ изъ лучшихъ нашихъ танцовщиковъ. На долю г. Лашука выпала второстепенная роль; однакожъ онъ исполняетъ ее отчетливо и благородно.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

§ 1.

Желая представить читателямъ Репертуара извѣстія о Московскихъ спектакляхъ, мы никакъ не считаемъ обязанностью говорить только объ однѣхъ *новостяхъ* нашей сцены.

Какую занимательность представитъ статья, въ которой высчитаны всѣ бенефисы, съ подробнымъ изложеніемъ піесъ, бо́льшею частію пестрящихъ вниманія. Разборы нашихъ бенефисовъ могутъ навести грусть на читателя, любящаго родное искусство и ищущаго отрадной новости. Для любопытнаго, желающаго знать, что̀ именно было играно въ такой-то бенефисъ, въ концѣ каждой книжки Репертуара помѣщается подробный мѣсячный репертуаръ обѣихъ столицъ. Начну со спектаклей, доставившихъ мнѣ наслажденіе, которое невольно миритъ съ другимъ противоположнымъ чувствомъ, такъ-часто навѣваемымъ на душу въ нашихъ спектакляхъ, и заключу тѣми, о которыхъ долженъ сказать слова-два по обязанности. «Предубѣжденіе», говоритъ Ѳ. В. Булгаринъ, «есть самое вредное ощущеніе въ человѣкѣ, который долженъ объ чемъ бы то ни было произносить свои сужденія». Многіе изъ петербургскихъ пріѣзжихъ входятъ въ московскій театръ съ этимъ чувствомъ смотрѣть Мочалова: — каюсь печатно, я былъ въ этомъ числѣ. Правда, я видѣлъ Мочалова не много, но не находилъ ничего, что̀ объ немъ говорено и писано. Въ прошлое воскресенье давали «Гамлета»: я долгомъ почелъ быть въ театрѣ. Съ перваго выхода Мочаловъ былъ хорошъ безусловно. Въ послѣднемъ же явленіи 1-го акта, когда Гамлетъ, разставшись съ тѣнью, записываетъ послѣднія слова отца, Мочаловъ обезоружилъ бы злѣйшаго врага своего. *Предубѣжденіе* одного, *упрямство* другаго, пустое *ребячество мнимаго* знатока превратятся въ слезу восторга! Впечатлѣніе этой минуты неизгладимо. Незнакомое чувство новаго наслажденія такъ вселяется въ душу, что готовъ, кажется, извинить его за слабоисполненные остальные четыре акта; но начинается второй актъ, является Гамлетъ, и снова потрясаетъ театръ. Сцены съ Полоніемъ, съ Офеліей, съ матерью — были торжествомъ артиста; а опредѣлить игру Мочалова въ 4-мъ актѣ, въ сценѣ съ флейтою — я не могу: не имѣю словъ! Выше этого я ничего не видалъ, подобнаго чувства никогда не испытывалъ! Не знаю, найду ли я это въ другой разъ, смотря Гамлета, — ибо я вполнѣ убѣжденъ, что Мочаловъ играетъ по вдохновенію — но за подобныя минуты, которыми я обязанъ этому артисту, отплатить словами не въ состояніи; онѣ невыразимы и могутъ жить только въ душѣ человѣка. Пятый актъ Гамлета прошелъ весьма слабо. Такъ много писано о Мочаловѣ въ этой роли, что, конечно, похвалы мои не прибавятъ ничего къ заслуженной славѣ артиста; но я и не думалъ объ этомъ, — а высказалъ эти строки, какъ слабую дань благодарности. Говоря о Гамлетѣ, нельзя не сказать о прекрасной игрѣ г-жи Орловой въ роли Офеліи. Невольныя слезы блистаютъ въ глазахъ зрителей, когда Офелія поетъ свои пѣсни — лучшей награды артисткѣ не можетъ быть: аплодисменты и браво *кому пода́ча* не раздаются? Жаль было видѣть г. П. Степанова, артиста умнаго, въ роли Полонія: онъ совсѣмъ тутъ не на своемъ мѣстѣ, но, сколько мнѣ кажется, онъ могъ бы сыграть лучше. Роль Полонія была въ этотъ вечеръ ниже Розенкранцовъ, Гильденштерновъ и прочей свиты Клавдія.

Съ неменьшимъ любопытствомъ пошелъ я смотрѣть «Благородный театръ», комедію, имѣвшую когда-то блистательный успѣхъ, и по собственному достоинству и по превосходному исполненію. Щепкинъ, Рязанцевъ Сабуровы, Сосницкая, украшали ее своими талантами. Теперь остался одинъ Щепкинъ. Съ восторгомъ, которымъ даритъ Щепкинъ, является чувство грусти, видя, какъ пусто вокругъ него поле его славы. Прекрасная роль Поспѣшкова (я видѣлъ въ ней неподражаемаго Сосницкаго) пропала, хотя винить за это игравшаго артиста и нельзя. Живокини дѣлалъ что̀ могъ, но это совершенно не его амплуа. Объ остальныхъ роляхъ умалчиваю, исключая г. Орлова, очень-хорошо исполнившаго роль Волгина. Кромѣ нѣкоторыхъ комическихъ ролей, прославившихъ г. Орлова, онъ весьма хорошій артистъ для амплуа благородныхъ отцовъ.

За комедіей слѣдовалъ пустѣйшій фарсъ: Бездѣтная вдова или неожиданная семья. Объ немъ ни полслова. Говоря о пьесахъ, кото-

рыя я видѣлъ въ первый разъ на Московской сценѣ и которыя давно уже восхищаютъ Москву, обращаюсь къ «ПарашѢ Сибирячкѣ». Успѣхъ ея былъ огромный. До сихъ поръ трудно достать билетъ: съ утра театръ бываетъ разобранъ. Не стану дѣлать сравненій съ исполненіемъ Параши въ Петербургѣ. Довольно того, что пьеса обставлена также блистательно, тотъ же восторгъ въ публикѣ, тѣ же чувства наполняютъ душу; имя Н. А. Полеваго такъ же громко въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ. Рѣпина, Мочаловъ, Щепкинъ, Сабурова 1-я, Никифоровъ украшаютъ любимую теперь пьесу. Въ этотъ же вечеръ давали *Русскій человѣкъ добро помнитъ*. Не смотря на весьма слабую игру артистовъ, пьеса нравится. Одна роль *Гура Гурыча* играется прекрасно г. Садовскимъ. Этотъ артистъ успѣваетъ безпрестанно, и часто въ незначительной ролѣ выказываетъ природный талантъ. Московская сцена сдѣлала въ немъ прекрасное пріобрѣтеніе: въ роляхъ простаковъ, особенно въ водевилѣ *Дезертеръ*, Садовскій чрезвычайно хорошъ, а поетъ куплеты какъ нельзя желать лучше. Только Живокини и Садовскій мастерски владѣютъ куплетомъ.

Нельзя умолчать объ исполненіи вод. «Синичкинъ», на здѣшней сценѣ. Живокини неподражаемъ каждый разъ. Орлова очаровательна! Эта артистка совершенствуется безпрестанно: въ ничтожной иногда роли является талантомъ и, смѣло можно сказать, что г-жа Орлова можетъ служить лучшимъ украшеніемъ лучшей Европейской сцены. Лисскій въ ролѣ Ветринскаго чрезвычайно хорошъ. Сабурова 2 явилась въ первый разъ въ ролѣ Лизы, и была принята публикою прекрасно, а что важнѣе этого — вполнѣ заслужила такой пріемъ.

Вотъ все, что я хотѣлъ донести читателямъ «Репертуара» о замѣчательнѣйшихъ спектакляхъ Московской сцены. Теперь, дѣлать нечего, извольте терпѣливо слушать и о

БЕНЕФИСНЫХЪ НОВОСТЯХЪ.

Гг. Никифоровъ, Воронина-Иванова и Живокини давали бенефисы съ прекрасно напечатанными длинными аффишами. Что такое было въ этихъ аффишахъ, потрудитесь посмотрѣть въ концѣ книжки, въ прилагаемомъ мѣсячномъ репертуарѣ.

Прочитавъ, что играли въ бенефисы Никифорова и Ворониной-Ивановой, вы можете остаться довольны заглавіемъ игранныхъ пьесъ.

Бенефисъ же Живокини, артиста, любимаго постоянно публикой, играетъ важную роль среди зимнихъ бенефисовъ, и потому налагаетъ обязанность, хотя нѣсколько познакомить съ нимъ.

Нѣкоторые журналы и *нѣкоторые* люди, вѣрящіе журналамъ, протрубили о необычайномъ успѣхѣ водевиля «Петербургскія квартиры». Прежде появленія на сценѣ, водевиль этотъ явился въ печати. Первый вопросъ, который родится по прочтеніи *сего творенія* есть слѣдующій: для чего этотъ водевиль, или, какъ называетъ его г. передѣлыватель, эта комедія съ куплетами, растянулась на 5 актовъ? Можетъ быть для того, чтобы придать вѣсу? Въ этой цѣли г. Кони не ошибся: его Петербургскія квартиры претяжелая штука. Водевиль этотъ — какъ и всѣ *оригинальныя* произведенія г. Кони — сшитъ изъ чужихъ лоскутковъ — это всѣмъ извѣстно! Пьесы никакой нѣтъ; какія-то отдѣльныя сцены, намекающія на чью-то личность, и потому нравящіяся только *лично* самому г-ну автору. Лица его водевиля — небывалыя карикатуры: въ начальникѣ отдѣленія г. Кони думалъ поддѣлаться подъ тонъ *Чукотскаго*, П. А. Каратыгина (Ложа 1-го яруса) и — сдѣлалъ урода. Жена его, по неловкому подражанію городничихъ (въ Ревизорѣ) попала въ мѣщанки, дочка тоже. Остальныя лица необыкновенно нелѣпы, а куплеты почти всѣ въ родѣ слѣдующихъ:

Отдѣленья начальница
Цалуй меня сейчасъ!

Или:

Такъ-то, любезнѣйшій,
Совѣтъ полезнѣйшій
Не презирай: и т. п.

Выписалъ бы и болѣе, но прошу извиненія и за эти строки *милыхъ* куплетцевъ. Кажется, г. Кони хотѣлъ щегольнуть рио-

мою, и точно, у него на каждомъ шагу встрѣчаются рифмы, напоминающія какого-то Ѳеоклиста Боба, сотрудника «Пантеона».

«Смотрѣлъ Тальони я,
«Въ поступкахъ благовонія!

Какъ бы то ни было, водевиль «Петербургскія квартиры» на Московской сценѣ *шлепнулся* въ полномъ смыслѣ слова, при всеобщемъ неудовольствіи и при надлежащемъ къ нему шиканьи. За симъ водевиль Д. Т. Ленскаго: «Мочаловъ въ провинціи» имѣлъ успѣхъ; за симъ *Покойная ночь* или суматоха въ *Щербаковомъ* переулкѣ выгнала всѣхъ добрыхъ людей изъ театра. Вотъ, посмотрѣлъ бы эту острую шутку умный Ѳеоклистъ Бобъ, — возопилъ бы кстати:

Въ поступкахъ благовонія!

Прошу прощенія у читателей за двукратное произношеніе такихъ грязныхъ виршей. Словомъ, водевиль «Покойная ночь», по уму, вкусу и благопристойности уступаетъ только «Титулярнымъ совѣтникамъ», сочиненію г. Кони, передѣланному на его вкусъ изъ французской пьесы: «Le trou sur l'habit». Утѣшительно перехожу къ бенефису Ленскаго.

Спектакль 13 го декабря.

Мальвина, или Урокъ богатымъ невѣстамъ, драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ; Зятюшка, водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ французскаго; Мочаловъ въ провинціи, водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, взятый съ французскаго. (Всѣ три пьесы г. Ленскаго.) Артистъ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Бенефисъ Ленскаго начался неудачей. Еще съ начала спектакля, объявленія, разложенныя по кресламъ, возвѣстили, что новый водевиль Ленскаго *Двѣ кормилицы*, въ которомъ долженъ былъ играть Герве, любимецъ здѣшней французской сцены, не пойдетъ. Занавѣсъ взвился и мы увидѣли стараго знакомца *Артиста*. Въ Москвѣ я видѣлъ его въ первый разъ. Роль Эдуарда занимаетъ г. П. Степановъ, и весьма удовлетворительно для того, кто не видалъ незабвеннаго Дюра. Лучшая сцена г. Степанова, когда онъ является профессоромъ декламаціи. Талантъ его — копировать кого вамъ угодно, всѣмъ извѣстенъ. Сцены же музыканта и стараго танцора лишены веселости. Но эта роль — шутка; главный персонажъ Раймондъ (Артистъ). Его *представлялъ* г. Богдановъ 2, какъ только можно дурно. За «Артистомъ» слѣдовала «Мальвина» въ 2-й разъ, какъ сказано въ аффишѣ. Эта пьеса игралась нѣсколько лѣтъ тому назадъ и до сего дня не повторялась. Меня всегда удивляло: какимъ образомъ такая пьеса, какъ «Мальвина», имѣющая блистательный успѣхъ въ Петербургѣ, не нравится въ Москвѣ? Обставлена она какъ нельзя лучше; разыгрывается хорошо, старательно и согласно. Все дѣло въ ролѣ Мальвины. Ее играла въ этотъ разъ г-жа Орлова, такъ блистательно являющаяся въ другихъ роляхъ, и играла хорошо, — но не болѣе! Глаза зрителя могли восхищаться, но душа не принимала никакого участія въ судьбѣ ея: — вотъ гдѣ я снова убѣдился въ высокомъ талантѣ Асенковой. Щепкинъ (Дюбрель)... но развѣ нужно говорить о немъ: это значитъ повторять общія мѣста всѣхъ похвалъ его. Мочаловъ (Арведъ) однимъ выходомъ уже приковалъ къ себѣ зрителя. Не хотѣлось спустить съ него глазъ: прекрасная наружность, простота, благородство, чувство, — все это вмѣстѣ нарисовало Арведа такъ, какъ воображеніе нарисовало бы его вамъ, когдабъ вы читали эту пьесу. Сабурова 2-я очень мило исполнила роль Шарлотты: тутъ была и жизнь и развязность, чего у нея иногда не достаетъ. Ленскій (*Дюшомъ*) былъ очень хорошъ, особенно во 2-мъ актѣ, въ сценѣ Дюшома съ Мальвиной: здѣсь онъ былъ превосходенъ. — *Зятюшка*, водевиль Ленскаго — прелюбезный, премилый Зятюшка. Базиль Леду вступилъ въ законный бракъ съ Аделаидой, дочерью почтенной г-жи Пиваръ, ci-devant модной модистки; г-жа Пиваръ была себѣ на умѣ, когда выдавала дочь за такого сладкаго человѣка. Она любитъ порыскать по городу, обѣгать гулянья, ѣздить на балы, но какъ женщина необыкновенной нравственности, боится выйдти изъ дому безъ мужчины. Теперь у ней есть кавалеръ — зять! Бѣдному Леду теща не даетъ покою, а бѣдняжка Аделаида сидитъ

одна дома. Это одиночество молоденькой женщины даетъ мысль г-ну Фиксатуару, сосѣднему содержателю галантерейнаго магазина, поволочиться за madame Леду. Мужъ изъ двери, Фиксатуаръ въ дверь. Аделанда трунитъ надъ нимъ, а тотъ принимаетъ все за наличную монету, и кладетъ тайно письмецо въ ея рабочій ящикъ. Леду находитъ письмо и начинается исторія. Весь гнѣвъ разразился надъ тещей; теща, видя бѣду, не знаетъ что дѣлать. Является Фиксатуаръ. Несчастный попался; разъяренный Леду хочетъ выбросить его въ окно. Плѣшивый любовникъ, чтобы спасти себя, говоритъ, что письмо писано не къ Аделандѣ, а къ самой г-жѣ Пиваръ. Зятюшка въ восторгѣ: эта страсть избавитъ его отъ тещи. Леду цалуетъ жену, обнимаетъ тещу и соединяетъ ее съ Фиксатуаромъ, который bongrè, malgrè, со слезами отчаянія, предлагаетъ ей свою руку. Водевиль веселъ, игривъ, полонъ самыхъ комическихъ положеній и хорошихъ куплетовъ, хорошей игры Ленскаго (Леду), Сабуровой (Пиваръ), Никифорова (Фиксатуоръ) и всеобщаго удовольствія зрителей. «Павелъ Степанычъ Мочаловъ въ провинціи» водевиль, передѣланный изъ французскаго водевиля «Le Kain à Dragignan.» По справедливости, піеса обязана успѣхомъ неподражаемой игрѣ Садовскаго. Онъ играетъ Чердаковскаго, содержателя провинціяльнаго театра. Роль сама по себѣ не представляетъ ничего для артиста, и говорю прямо — на всякой другой сценѣ, кѣмъ бы она ни была исполняема, не можетъ имѣть такого успѣха; Садовскаго, одного Садовскаго смотрите въ этой роли, онъ создалъ ее неподражаемо.

Едва успѣлъ кончиться 1-й актъ водевиля, какъ громкій вызовъ цѣлаго театра — вызовъ, рѣдкій у Московской публики — наградилъ молодаго талантливаго артиста. Костюмировка, пріемы, тонъ — придуманы мастерски. Встрѣча его съ Мочаловымъ и вопросъ «играете, батинька, въ трагедіяхъ?» были верхъ совершенства опытнаго художника. Повторяю, превосходная игра Садовскаго, появленіе самого Мочалова, въ роли самого себя, были причиною успѣха водевиля; и наконецъ прекрасно придуманный послѣдній куплетъ къ публикѣ. Его поетъ Живокини, Клопиковъ, выгнанный актеръ, который выдалъ себя за Мочалова. Вотъ этотъ куплетъ:

Судьи гдѣ-то въ городишкѣ,
Судьи здѣсь — особъ статья:
Здѣсь всѣ знаютъ безъ аффишки,
Кто Мочаловъ, и кто я?
Но боюся я заранѣ,
Чтобы здѣсь кто не сказалъ:
Изъ Лекена въ Драгиньянѣ
Ленскій вздоръ намъ написалъ.
Строго очень не судите:
Къ бенефису онъ спѣшилъ,
И вы Ленскому простите, —
Какъ Мочаловъ мнѣ простилъ!

Такой милый куплетъ и такъ мило спѣтый заставитъ соннаго зрителя аплодировать и кричать браво. Словомъ, бенефисъ Ленскаго кончился общимъ «браво».

Но самую лучшую новость составляетъ новый Малый Театръ. Простота, вкусъ, внутренняя отдѣлка, не роскошныя, но прекрасныя декораціи, — все налагаетъ долгъ благодарности къ Дирекціи Императорскихъ театровъ. Москва не налюбуется своимъ новымъ, прелестнымъ театромъ.

К. Л. М. Н.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

— Въ бенефисъ нашего заслуженнаго артиста В. А. Каратыгина, 15-го сего мѣсяца, дана была трагедія Шекспира *Коріоланъ*, въ которой почтенный бенефиціантъ стяжалъ новые лавры себѣ. Водевиль *Путаница*, П. С. Ѳедорова — очень миленькій водевиль и мы непремѣнно напечатаемъ его въ слѣдующей книжкѣ Репертуара.

— Талантъ г-жи Дюръ съ каждой новой ролью идетъ впередъ и впередъ. Недавно она явилась въ драмѣ: *Отцовское проклятіе* (La lectrice), и исполнила свою роль прекрасно.

— На сценѣ Александринскаго театра въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ явился новый дебютантъ Смирновъ 2-й, перешедшій на эту сцену изъ оперы. Онъ дебютировалъ въ первый разъ въ ролѣ *Башлыка*, въ *Двумужницѣ*.

— 16-го сего мѣсяца на Петербургской сценѣ дана была по возобновленіи въ первый разъ комедія незабвеннаго Грибоѣдова: *Горе отъ ума*. Роль Фамусова занималъ г-нъ Каратыгинъ 2-й, Чацкаго г-нъ Максимовъ, Софьи Павловны г-жа Ѳедорова, Молчалина — г-нъ Самойловъ, Скалозуба г-нъ Смирновъ, Платона Михайловича г-нъ Григорьевъ 1-й, Загорецкаго г-нъ Куликовъ всѣ эти артисты занимали означенныя роли въ *первый разъ*. Публика не могла налюбоваться игрою А. М. Каратыгиной (Натальи Дмитріевны) и И. И. Сосницкимъ (Репетилова) оба — артистка и артистъ, — были само совершенство!

— Наша милая артистка В. Н. Асенкова, къ общему огорченію, по болѣзни своей, мало являлась на сценѣ въ послѣднее время и должна была отложить свой бенефисъ до начала будущаго театральнаго года (послѣ святой недѣли). Говорятъ, что Н. А. Полевой приготовляетъ для нея... но намъ сказали это за тайну и мы объявить тайны не смѣемъ.

— Въ Москвѣ, въ бенефисъ г-жи Сабуровой, представлена была новая оригинальная драма *Стенька Разинъ*, сочиненіе какого-то г-на *Любецкаго*. Драма, говорятъ, въ полномъ смыслѣ была *ужасная!*

— Въ тотъ же бенефисъ публика съ удовольствіемъ отдохнула, послѣ ужасной драмы, надъ забавнымъ водевилемъ Ленскаго: *Въ людяхъ Ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана*, передѣланнымъ съ Французскаго: Ange dans le monde, diable à la maison.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ*.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Сцены провинціальной жизни.

I.

— Каково-съ? Это просто... сказалъ Васюковъ.

— Да о комъ ты говоришь?

— Ужъ всеконечно, мой глазъ гонлется за Глафирой Карповной Чухиной, какъ... какъ за бабочкой, произнесъ онъ, потирая руки.

— Нѣтъ, по моему Машенька Попова лучше.

— Фу, Машенька! Машенька! это какое то будничное имя, а Глафирушка что-то такое нарядное. О! эта дѣвушка съ амбиціоннымъ запасомъ совершенства; она, просто, милашка или, какъ Французы величаютъ: *коммань-ву-порте-ву*.

Такъ разговарпвали двое молодыхъ людей, стоявшіе у дверей танцовальной комнаты, обклеенной бумажками, и освѣщенной полувосковыми свѣчами, прикрѣпленными къ стѣнамъ комнаты, домашнимъ образомъ. Въ этой комнатѣ, взявши другъ друга подъ руки, парами расхаживали раскрасившіяся дѣвицы, повѣряя свои мысли одна другой, неиначе, какъ шопотомъ.

Молодые люди, о которыхъ я уже сказалъ, служили въ одномъ изъ отдаленныхъ баталіоновъ, расположенномъ въ пограничномъ городкѣ Т... Одинъ изъ нихъ, Васюковъ, былъ записной танцоръ и франтъ; лишь только завезетъ спекулантъ букинистъ какой нибудь залежалый журналъ, Васюковъ ужъ тутъ, и сейчасъ за картинку и сейчасъ же воздвигаетъ на своей головѣ новую прическу. Скажутъ ли Васюкову, что какой нибудь важный проѣзжій изъ Петербурга остановился на постояломъ дворѣ, бѣгомъ отправляется туда Васюковъ, и при-

* Подъ этой общей рубрикой редакція Репертуара будетъ помѣщать разнаго рода статьи, какъ-то: повѣсти, разсказы, отдѣльныя сцены, очерки характеровъ и проч., что можетъ подать мысль къ какому нибудь драматическому сочиненію или служить ему содержаніемъ.

шурясь глядитъ сквозь дверную щель, нѣтъ ли чего новаго въ прическѣ. Но модная прическа всѣхъ бонтоновъ, т. е. львовъ города Т... перемѣнилась въ извѣстное время года: когда казначей возвращался, съ пріемами для баталіона, изъ Петербурга, то онъ обыкновенно извѣщалъ почтенное общество модниковъ, какъ въ Питерѣ *носятъ головы* т. е. какую употребляютъ прическу; тщательно раздавалъ записочки, въ которыхъ было прописано, какъ величаютъ эту прическу *по-французски*; французское названіе, разумѣется, выражено большими русскими буквами.

Мундиры у записныхъ танцоровъ были разстегнуты, и изъ-подъ нихъ видѣлись разноцвѣтныя жилетки, перекрещенныя дешевыми металлическими цѣпочками, тщательно вычищенными. У зажиточныхъ къ цѣпочкамъ прикрѣплялись часы; но нѣкоторыя цѣпочки, пропущенныя въ карманъ, были пришпилены булавками, чтобы онѣ, т. е. цѣпочки, не сдѣлали беззаконной вылазки изъ кармана. Ко второй же цѣпочкѣ былъ прикрѣпленъ лорнетъ, въ которомъ, чтобы не испортить глаза, обыкновенно вставлялось простое стекло.

Время подходило къ мазуркѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и мазуристы входили въ танцовальную комнату изъ сосѣдней, куда они ходили затянуться.

— Ну что, монъ-перъ, снова возвысилъ голосъ Васюковъ, продолжая любоваться Чухиной: я ужасно утомленъ... за то уже и задалъ выпляску. Шутка! всѣхъ завертѣлъ въ вальсѣ, а сколько еще *кадрильничалъ*.

— Ну, да ужъ и я промаху не давалъ, отвѣчалъ недавно произведенный въ офицеры: я думаю, что у хозяина сердце радуется! зналъ кого позвать на танцы; кажись, не за-даромъ *угощиваемся!* А напримѣръ, пригласи онъ нашего штабсъ-капитана, тотъ бы просто торчалъ только у двери.

— Однако, господа, возгласилъ третій, вамъ все только бы танцовать, а мнѣ куда бы какъ хотѣлось выпить водки.

— Ступай въ спальную: тамъ стоитъ такая славная закуска, что отъ нея и въ караулѣ не стоскуешься.

— Господа! прошу васъ, разбирайте дамъ, сказалъ толстый мужчина, высокаго роста, прищелкивая пальцами (то былъ самъ хозяинъ г-нъ Поповъ); видите, ха! ха! ха! онѣ все крутятъ по комнатѣ, какъ овечки по зеленому лугу. Кажись, хотятъ васъ, молодежь, пристыдить въ лѣности.

— Напротивъ, мы ихъ такъ умучали, что онѣ провѣтриваются, возразилъ Васюковъ, прибросивъ голову къ верху.

— А какъ онѣ мило раскраснѣлись, словно яблочки.

— А глазки-то горятъ, подхватилъ третій, какъ позолоченный куполъ церкви при солнцѣ.

— Чудная выдумка танцы!

— Скажи лучше авантажментъ огромнаго размѣра: сколько торжественности для любви, какіе... понимаешь? И Васюковъ досказалъ свою рѣчь размахнувъ руками.

— Да, понимаю. Какіе величавые памятники! Здѣсь схватишь нѣжное слово, тамъ горячій взоръ, а потомъ, и дальше...

— Посмотришь и запоютъ: Исаія ликуй! подхватилъ Трифонъ Пахомовичъ Васюковъ, съ судорожнымъ движеніемъ въ корпусѣ и потирая руку объ руку: да что тутъ много толковать! ужъ у меня есть на примѣтѣ... Вотъ, братъ, умна, что нашъ баталіонный командиръ, загоняетъ хоть кого, имѣетъ различныя сужденія объ многихъ посторонихъ вещахъ, и какъ изъясняется!

— Кто?

— А вотъ я съ нею буду танцовать мазурку.

— Хорошо, Васюковъ, увидимъ.

Музыканты заиграли.

Танцоры составили между собою тѣсный кружокъ изъ восьми паръ. Старухи сидѣли въ углу подъ образомъ, и чтобы одушевить краснорѣчивое молчаніе наблюдательности, вынимали изъ переносныхъ погребовъ, называемыхъ въ обществѣ «ридикюлями», разныя сласти, сбереженныя запасливой рукой отъ начала вечера, и набивали ими рты для сладкаго препровожденія времени. Нетанцующіе мужчины стояли у дверей.

Васюковъ начиналъ мазурку.

Знаменито выступалъ Трифонъ Пахомо-

вичъ, изъ одной руки выпустивъ цвѣтной платокъ чуть не до пола, другою таща за собою даму; Васюковъ имѣлъ бодрую осанку и торжественный видъ; если бы вы видѣли, какъ онъ, неподвижно устремивъ глаза въ потолокъ, привскакивая, старался достигнуть до потолка, какъ бы желая смести съ него пыль. Если бы вы могли посмотрѣть, какъ Трифонъ Пахомовичъ переплеталъ ногами, желая изъ ихъ сплетенія выкинуть самое отчаянное па, какъ онъ отчетисто каждую замысловатую выкидку отдѣлялъ пристукиваніемъ каблуковъ, потомъ притопнувъ ногами, переводилъ дыханіе, и пускался далѣе. За то всѣ, начиная съ самого Васюкова, удивлялись его танцовальной расторопности. Пожилыя дамы, пожовывая сласти, приговаривали: «Ай да Трифонъ Пахомовичъ, на всякіе разные манеры молодецъ!» Болѣе свѣтскіе произносили: «Какъ хорошъ, какъ легокъ на ногу мусье Васюковъ!» Такимъ образомъ онъ былъ предметомъ всеобщаго уваженія и по этой самой причинѣ его часто выбирали танцовать; передъ нимъ съ жеманной улыбкой присѣдали дамы, произнося въ полголоса: Неугодно ли пожаловать, мусье Васюковъ? Однимъ словомъ, Васюковъ былъ *ѵѣздный предводитель мазурки*.

Но вотъ, Трифонъ Пахомовичъ въ срединѣ мазурки; торжеественно окинулъ онъ, однимъ побѣднымъ взглядомъ, общество, раскинулся на стулѣ, и обтирая лицо платкомъ, обратился къ своей дамѣ, покачиваясь на одной ножкѣ стула.

— Какъ вы себя чувствуете, Глафира Карповна? а я такъ очень усталъ.

— Нѣтъ! Я не то, чтобы устала, а такъ, знаете... устала, отвѣчала тридцати-лѣтняя красавица, въ желтомъ платьѣ, исподъ котораго былъ выпитъ букетами розъ, тюльпановъ и колокольчиковъ, переплетенныхъ плющемъ и другими яркими листами огромной величины. Красныя руки выказывались изъ короткихъ рукавовъ, надутыхъ какъ два шара. Она былавъ красномъ шарфѣ съ широкой голубой лентой на поясѣ; изъ-за этого пояса виднѣлся лорнетъ, непремѣнная принадлежность провинціяльныхъ дѣвицъ, высматривающихъ жениховъ.

Помолчавъ немного, и поразмысливъ, Васюковъ снова началъ говорить. — Какъ жарко! сказалъ онъ.

— И не мудрено: васъ такъ много выбирали.

Этого только и добивался Васюковъ. Онъ снова обтеръ лицо, и опершись рукою на стулъ Чепухиной, съ важностью продолжалъ.

—Что же прикажете дѣлать? выбираютъ—такъ нельзя же отказать. Ужъ признаться вамъ сказать, мнѣ эти выбиранья надоѣли.. я лишь только увижу, напримѣръ, что съ правой стороны идетъ дама выбирать меня, я и командую себѣ въ мысляхъ: *глаза на-лъ-во!* и поворачиваю голову, — такъ нѣтъ, есть такія неугомонныя, что заходятъ и съ лѣвой стороны.

— Подлинно, вы самый отличительный кавалеръ, мусье Васюковъ. И мусье Васюковъ поклонился, самодовольно взглянулъ въ противуположное зеркало, и сдѣлавъ милую гримасу своему изображенію, поспѣшно вынулъ изъ кармана щетку, пригладилъ волосы, закрутилъ усы и обратился съ торжествующей улыбкой къ Глафирѣ Карповнѣ, какъ бы сказывая этимъ: сдавайтесь!

— О! теперь я совсѣмъ не тотъ, что прежде, продолжалъ Трифонъ Пахомовичъ. Если бы вы меня раньше знали! Одинъ разъ я даже заболѣлъ отъ танцевъ, и полковой лекарь далъ мнѣ совѣтъ пользоваться водами. Нечего дѣлать, надѣлъ новый сюртукъ, взялъ да и поѣхалъ. Полкъ нашъ въ то время квартировалъ на Кавказѣ, невдалекѣ отъ этого заведенія. Пріѣзжаю, арранжементъ такой прекрасной, по воскресеньямъ играетъ музыка и танцуютъ за деньги, а по вторникамъ даромъ. Спрашиваю содержателя водъ: выходитъ ко мнѣ преуморительная физіономія, и видно, что барышникъ: глаза-то, знаете, такіе косые, и разбѣгаются въ разныя стороны, какъ будто хотятъ сосчитать, много ли получитъ выгоды. Минъ херъ, я пріѣхалъ къ вамъ лечиться т. е. пить воду. «Какую угодно?» отвѣчалъ мнѣ —А у васъ какой цѣны? — Есть воды, за которыя платятъ въ недѣлю семь, девять и одиннадцать рублей. — Хо-

рошо, за цѣной я не погонюсь, и буду пить самую дорогую, только пожалуйста, чтобы она была послаще и почище! — Онъ до того обрадовался такому дорогому претенденту, что чуть-чуть не до земли мнѣ поклонился, и такъ радостно улыбнулся, что губы его чуть не въѣхали въ уши.

Тутъ имъ пришла очередь танцовать. Васюковъ дорогой до того привскакивалъ, что чуть чуть не отправился на воды.

Усѣвшись, Глафира Карповна спросила его:

А долго ли вы лечились?

Недѣлю и нѣсколько дней. Ужасно соскучился: общество собралось такое жеманное, помѣшанное на одномъ франсе... я и самъ, знаете, смекаю, потому-что мой родственникъ, князь Аглаевъ, съ которымъ въ Петербургѣ я жилъ полтора мѣсяца, славно говоритъ по-французски. Вотъ онъ, такъ счастливъ: послѣ меня произведенъ въ офицеры, а теперь чуть-чуть не полковникъ.

— Скоро выскочилъ, скоро можетъ и пасть. За то вы, продолжала она съ важностью философки, въ резонабельномъ отношеніи служебный фундаментъ заложили.

— Не жалуюсь. Однакожъ въ сравненіи все какъ-то обидно. Вѣдь я, кажись, такой офицеръ, хоть въ разныя такія должности гожусь. Ужъ сколько лѣтъ, какъ командую ротой, и какіе у меня солдаты! просто, на славу. За то съ утра до ночи живмя живу въ казармѣ, и даже трубка съ табакомъ хранится у фельдфебеля. Я конечно по достаточности могъ бы и въ кавалеріи служить. Вѣдь и у насъ не дурно, особливо, когда встрѣчаются такія хорошенькія.... и онъ, растянувъ послѣднія слова, посмотрѣлъ на нее, прищуриваясь. — Какъ побесѣдуешь съ такими, такъ на сердцѣ словно праздникъ. И онъ снова умильно посмотрѣлъ на нее.

— Истинно образованный человѣкъ никогда не соскучится! Столько есть упражненій полезныхъ для ума и сердца и истребленія времени. Занимаетесь ли вы чтеніемъ?

— О! какъ же, очень.

— Какія сочиненія вы предпочитаете?

— Извѣстія о современномъ движеніи: кто произведенъ, кто уволенъ, кто выѣхалъ, кто пріѣхалъ.

— Мусье Васюковъ, не угодно ли въ уголъ, сказала дама, формирующая туръ.

— Въ который?

— Въ этотъ.

— И въ углу пріятно, если стоишь подлѣ васъ, произнесъ Васюковъ, обращаясь къ Глафирѣ Карповнѣ. Я объ одномъ только жалѣю, что меня не поставили на колѣни: тогда я могъ бы нѣжнѣе выразить мое сердце, произнести чувствительное объясненіе. Они дружески перемигнулись.

— А еще вы читали что нибудь? спросила Чепухина садящагося на свое мѣсто Трифона Пахомовича. Теперь такъ много прекрасныхъ сочинителей, напримѣръ Марлинской.

— О! я съ нимъ былъ знакомъ, т. е. не то чтобы совсѣмъ, а такъ-съ. Какъ же, Марлинской... мы вмѣстѣ съ нимъ кутили.

— Но это, говорятъ, вымышленная фамилія.

— Нѣтъ! Какъ можно, это самая истинная фамилія. Да чего лучше, ко мнѣ въ роту поступилъ человѣкъ, который у него долгое время находился въ деньщикахъ. Впрочемъ, можетъ быть, у его брата, или однофамильца, только тоже у сочинителя. И вотъ — онъ разсказываетъ прекуріозный анекдотъ: у Марлинскаго было двое деньщиковъ, и вся ихъ обязанность состояла въ томъ, что, какъ онъ, знаете, приметъ писать сочиненія, то одинъ изъ деньщиковъ безпрестанно бѣгаетъ въ лавочку за бумагой, а другой стоитъ у дверей и набиваетъ трубки: вѣдь этакая особенная странность! Какъ придетъ Марлинскому новая мысль, онъ и затянется, затянется-то вѣдь цѣлой трубкой, и выпуститъ дымъ все кольцами да кольцами.

— А у него прекрасныя мысли... Знаете, это что-то такое... И она, въ пояснѣніе, указательнымъ пальцемъ сдѣлала въ воз-

духъ кругъ около указательнаго пальца другой руки: это все трудно выразить по-русски, онъ въ родѣ... И Чепухина терла себѣ лобъ.

— Понимаю! сказалъ Васюковъ, слушавшій ее съ раскрытымъ ртомъ. Точно нужно удивляться этому сочинителю.

— Нѣтъ! Позвольте, этого недостаточно, нужно благоговѣть въ сердечныхъ ощущеніяхъ. Напримѣръ, ежели онъ примется описывать... И она закрыла глаза, съ улыбкою поднявъ голову.

— Ежели онъ примется описывать... произнесъ Васюковъ, придвинувъ къ ней стулъ, и съ благоговѣніемъ наблюдая, какъ она, въ знакъ восторженности, покачивая головой, вытягивала шею.

— Да! когда онъ примется описывать, — это просто чудо. Знаете, вѣль такъ и льется, и льется въ сравнительности.

— Точно, прекрасный сочинитель.

— А разсказываютъ, какія у него богатыя чувства! Онъ всегда любилъ не за лицо, а за умъ, сказала престарѣлая дѣва, опуская глаза.

— Совершенно справедливо: ну что въ хорошенькомъ личикѣ?

— Не говорите, Трифонъ Пахомовичъ: хорошенькое лицо имѣетъ большой авантажементъ, въ особенности на этакихъ...

— Пустыхъ людей, договорилъ Васюковъ. Помилуйте, хорошенькія дѣвицы, просто, картинки! Недавно съ казначеемъ выписалъ я изъ Петербурга три прехорошенькія картинки, просто, милашекъ; съ самаго начала дня два, три, онѣ мнѣ очень нравились, хотѣлъ даже вставить въ рамки; но послѣ онѣ мнѣ такъ приглядѣлись, что я бросилъ ихъ, — такъ точно и хорошенькія личики! Но вотъ, напримѣръ, умъ, образованность, это другое дѣло..

— Не всѣ такъ хорошо думаютъ. — Изъ ея впалыхъ глазъ мелькнулъ мгновенный блескъ.

— Увѣряю васъ, что до меня касается, то я не только такъ думаю, но и чувствую.

Мазурка кончилась, и они препѣжно другъ другу пожали руки.

Въ это время вошелъ въ залу высокій, статный офицеръ. Опрометью бросился къ нему Васюковъ, и, не переводя дыханія, заговорилъ:

— А! бонъ журъ, мусье. что такъ поздно? А мы натанцовались вдоволь, до упада. Какая у меня была прекрасная дама, я въ нее влюбленъ по уши; мы все съ ней разсуждали о книгахъ, о сочинителяхъ, объ литературѣ; и въ календарѣ того не отыщете, что она знаетъ... А какъ говоритъ, какъ умно изъясняется! Кажется, она въ меня влюбилась, да и я не промахъ, знаю птичку по полету. Однако вы очень опоздали, а меня все сплошь выбирали. Какъ жарко! И низенькой Васюковъ смотрѣлъ на Двинскаго, какъ смотритъ ребенокъ на портретъ, высоко повѣшенный на стѣнѣ. Какъ жарко! повторилъ онъ.

— Не знаю, какъ у васъ внизу, презрительно произнесъ Двинскій, а у насъ такъ прохладно. И онъ высоко надъ головою Васюкова провелъ рукою.

— Ха! ха! ха! — И съ громкимъ смѣхомъ, Васюковъ отправился доложить Глафирѣ Карповнѣ, что Двинскій чрезвычайно замысловатъ, что онъ съ нимъ большой пріятель, что его прислали изъ гвардіи къ нимъ въ батальонъ, какъ отличнаго офицера, показать нѣкоторыя новости по фрунтовой службѣ, и что онъ, т. е. Двинскій, славный малый.

II.

Послѣ занятія по службѣ, шелъ Двинскій по пустой улицѣ городка Т..... 11 часовъ пробило на главной гауптвахтѣ, по близость полдня нисколько не тревожила жителей, привыкшихъ сидѣть по домамъ, и располагать временемъ по требованіямъ аппетита или сна. Пройдя средину главной и единственной улицы, онъ увидалъ у окошка небольшаго дома дѣвушку, сидящую съ книгою въ рукахъ. Но частые повороты въ одну и въ другую сторону, до-

казывалп, что она читаетъ не для себя, а для того, чтобъ доказать прохожимъ, что и въ этомъ городкѣ сидятъ надъ книгами. Мужчина, преклонныхъ лѣтъ, ходилъ по комнатѣ, и при всякомъ поворотѣ, показывался у окошка, барабанилъ нѣсколько разъ по стеклу и снова скрывался въ глубинѣ комнаты.

— Это, кажется, сидитъ идеалъ Васюкова, улыбнувшись, подумалъ Двинскій. При концѣ улицы онъ поворотилъ назадъ, но тутъ явился къ нему на лицо самъ Васюковъ, со всѣми цѣпочками, лорнетомъ въ рукѣ и съ откидпымъ воротникомъ изъ былаго чернаго мѣха какого-то домашняго четвероногаго.

— А! сказалъ Васюковъ, остановясь на благородной дистанціи и снимая надѣтую на бокъ фуражку,—хорошо ли вы спали? А я провелъ ночь самымъ безпокойнымъ образомъ. Впрочемъ, что за ночь! Я пріѣхалъ домой въ шесть часовъ, велѣлъ себя разбудить въ девять; но такъ какъ я еще долгое время курилъ трубку и мысленно бесѣдовалъ съ Глафирой Карповной, то и не успѣлъ еще хорошенько заснуть, какъ меня принялись тормошить. «Ваше благородіе! ваше благородіе! извольте вставать. — Пошолъ прочь. «Извольте вставать.» Убирайся къ чорту! «Я пришелъ по приказанію.» Я вамъ нарочно разсказываю о заведенномъ у меня порядкѣ; иногда я даже не сплю, а притворяюсь сонпымъ, чтобы убѣдиться въ исправности деньщика. У меня теперь живетъ на вѣстяхъ тотъ самый, который былъ первымъ камердинеромъ у какого-то графа; за то я его и величаю: *команъ-ву-порте-ву*. Вотъ видите, продолжалъ онъ, приближаясь къ Двинскому, который не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться: наконецъ я приподнялся, вспомнивъ о Глафирѣ Карповнѣ, велѣлъ подать себѣ зеркало, посмотрѣлъ, и вижу, что я блѣденъ... Боже мой! думаю я: теперь, когда любовное дѣло идетъ на ладъ, надобно какъ можно больше авантажементу, — и чтобы не быть такимъ измятымъ, снова легъ и заснулъ; а теперь всталъ, иду, иду и встрѣчаюсь съ вами. Бонъ-журъ, мусье, здоровы ли? И онъ снялъ, поклонился и снова надѣлъ фуражку.

— Зачѣмъ вы такъ много стараетесь о румянцѣ? Теперь это не въ модѣ. Всѣ знаменитые люди блѣдны.

— Экая досада, я этого не зналъ; а вѣдь я сегодня утромъ былъ такой блѣдный, что ужасъ.

— Нечего дѣлать, прогуляли знаменитость.

— Ну, да я постараюсь поправиться. Вѣдь и Глафира Карповна блѣдна! Я отъ нея въ восторгѣ. Вообразите, во снѣ я сочинилъ ей стихи, и такіе чудные, что каждая строчка начиналась одной изъ буквъ ея имени, все твердилъ да твердилъ во снѣ, а проснулся и забылъ.

— Жаль! Прощайте.

— Вы туда идете?

— Да!

— Это чудесно! Пойдемте вмѣстѣ; вы здѣсь еще не осмотрѣлись, и я вамъ покажу всѣ достопримѣчательности города. Вотъ видите, налѣво восьмой домъ, тутъ живетъ Глафира Карповна, и это ея собственность.

— А! съ приданымъ?

— Какъ же-съ! Не задаромъ же я въ нее влюбился: будетъ чѣмъ прокормиться, если она согласится за меня выйдти за-мужъ; да я и службу не оставлю; впрочемъ, если бы хотѣлъ, такъ не выпустятъ! Нынѣ очень цѣнятъ офицеровъ: вѣдь я не какой нибудь матушкинъ сынокъ, выскочка, самъ все заслужилъ. Такъ вы изволили давича сказать, что всѣ знаменитые люди блѣдны, и что блѣдность въ модѣ?

— Да!

— Такъ-съ. Ужъ нѣтъ ли стиховъ на этотъ случай.

— Думаю, что есть.

— Не знаете ли? Позвольте позаимствоваться?

— Право не припомню.

— Это удивительно жалкое обстоятельство. Поразсудите да вспомните. Какъ, кажется, можно позабыть стихи? Говорятъ, что нѣкоторые говоря дѣлаютъ стихи. Сдѣлайте мнѣ пребольшую комплезацію, припомните?

— Пожалуй! Кому вы ихъ хотите сказать?

— Глафирѣ Карповнѣ.

— Мила для глазъ и живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

— Какъ-съ? Мила въ глазахъ...

— Мила для глазъ.

— Да, да, да! Мила для глазъ, теперь я уже все знаю. Это я оттого ошибся, и сказалъ: *мила въ глазахъ*, что Глафира Карповна все въ глазахъ мнѣ мерещится.

— Скажите, отчего же вы на ней не женитесь?

— Не женитесь? не женитесь? отвѣчалъ онъ, кабенясь и принимая на себя отрицательно-задумчивый видъ.

— Что, она вамъ не нравится?

— Не нравится? Какъ можно! да за кого же вы меня считаете.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Тише, ради Бога, тише! Видите, она сидитъ у окошка, не смотритъ! Вотъ уже шестой разъ, прохожу я, и она все сидитъ и читаетъ, не внимая моему променатству. А, вотъ обернулась, смотритъ! Фуражки долой! Что же вы не кланяетесь? закричалъ онъ, схвативъ Двинскаго за шинель, и дергая его.

— Не дотрогивайтесь до меня.

— Ахъ, ты моя милашка, Глафирёночка! Извините, я забывшись дернулъ васъ. Не могу-съ, просто не могу-съ, какъ увижу ее; по всему тѣлу мурашки забѣгаютъ; хоть французскій пардонъ кричи, просто не могу-съ, даже дыханіе спирается. Вы еще не разговаривали съ нею? поговорите, такъ узнаете, что она, просто, чудо, и какая хозяйка! Я сегодня пойду къ нимъ обѣдать.

— Ступайте, прямо откройтесь въ любви и требуйте ея руки.

— Да какъ же мнѣ это сдѣлать?

— Очень обыкновенно: встаньте на колѣни и начинайте смѣлѣе.

— Да-съ, оно конечно. Право страшно, и самъ не знаю какъ быть, а мнѣ больно хочется, вѣдь какая прекрасная дѣвушка, и будетъ славною женой.

— Точно прекрасная! сказалъ Двинскій, желая отъ него отдѣлаться. Прощайте! надѣюсь, что когда мы съ вами увидимся, вы уже будете женихомъ.

— Это легко сказать, а трудно выполнить. Ахъ, какъ у меня бьется сердце! Даже на дивизіонномъ смотрѣ такъ не трусилъ. Уфъ! Прощайте! Такъ вы думаете, что такъ, прямо и валять? Хорошо-съ! да-съ! Пожелайте мнѣ счастливаго окончанія. Уфъ! Надобно зайдти домой, да хватить для куражу водки. Вы находите, что она хороша?

— Очаровательна! Не совѣтую вамъ зѣвать: пожалуй отъ нечего дѣлать, я самъ за нею посватаюсь.

— Ахъ нѣтъ, сдѣлайте милость не отбивайте: я уже рѣшился! Только забѣгу домой, такъ, знаете, попрыскаться одеколономъ и сейчасъ отправлюсь на женитьбу. Такъ она вамъ нравится?

— Очень!

Покорно васъ благодарю-съ. И вы не будете ее отбивать?

— Нѣтъ.

— Покорно васъ благодарю-съ. Я слышалъ, что вамъ отводятъ квартиру напротивъ дома Глафиры Карповны.

— Да.

— Позвольте мнѣ приходить къ вамъ, и любоваться ею изъ вашего окошка.

— Пожалуй.

— Покорно васъ благодарю-съ.

— Прощайте.

Покорно васъ благодарю-съ. Прощайте-съ. Покорно васъ благодарю-съ.

Теперь перенесемся въ комнаты Глафиры Карповны. Она попрежнему со всѣмъ вниманіемъ смотрѣла въ книгу, и украдкою въ окно; отецъ ея, попрежнему, при каждомъ поворотѣ, останавливался у окошка и барабанилъ пальцами по стеклу.

— А вотъ идетъ Васюковъ съ этимъ саженнымъ гренадеромъ, сказалъ Карпъ Сидоровичъ едва-слышнымъ голосомъ, остановившись у окошка и поправляя на себѣ халатъ, въ знакъ уваженія къ проходящимъ: Васюковъ-то передъ нимъ какъ щенокъ! Здравствуйте, здравствуйте, здоро-

вы ли вы? Конечно прогуливаетесь? оно конечно погода хорошая, оно конечно это очень здорово. Здравствуйте, Трифонъ Пахомовичъ, приходите обѣдать, да притащите съ собой этого верзилу.

— Ты что тамъ мурлычишь? закричала вошедшая женщина съ засученными рукавами и обтирая фартукомъ руки.

— Такъ, про себя, матушка.

— Въ томъ-то и дѣло, что все про себя: ну что въ тебѣ толку?

— Состарѣлся, матушка.

— Я ужъ это совершенно чувствую! Только и знаешь, что спать, да расхаживать по комнатѣ.

— Что же мнѣ больше и дѣлать, матушка?

— Какъ что? Мужъ спрашиваетъ у жены, что ему дѣлать? Вотъ до какихъ временъ дожили, хоть бы постыдился: вѣдь ты мужчина.

Оно всеконечно.

— Да что съ тобой много толковать! Вѣдь ты только по названію мужчина, а на дѣлѣ, такъ пасъ! Въ тебѣ ничего нѣтъ мужскаго.

— Да за что же ты на меня такъ изволила разгнѣваться?

Какъ за что? за что? за то, что ты не знаешь своего дѣла; что и въ молодости-то зналъ, такъ и тому разучился.

— Старость, матушка, ужъ такое безотвѣтное дѣло.

— Старость! Нашелъ отговорку; скажи лучше, что лѣнился.

— Нѣтъ, матушка, право не лѣнивъ, да силъ нѣтъ, нечего дѣлать!

— Какъ нечего дѣлать? Какъ дѣлать нечего? Ахъ ты... прости Господи мое согрѣшеніе!... Я бьюсь съ утра до ночи, а тебѣ дѣлать нечего! Видишь, не имѣю времени головы убрать, все лицо растрескалось отъ очага, всѣ руки оббила объ щеки этого проклятаго народа — а тебѣ все нечего дѣлать! Всѣмъ одна заправляю — а тебѣ все нечего дѣлать! Взрослая дочь на рукахъ а тебѣ все нечего дѣлать! Развѣ ты, разиня, не примѣтилъ, что Васюковъ шесть разъ прошелъ мимо дома? ну, что бы тебѣ выбѣжать да зазвать его сюда. А ты, сударыня, все книги читаешь! Нѣтъ сноровки, чтобы хорошенько посмотрѣть въ окошко, когда проходилъ Васюковъ, да будто невзначай махнуть платкомъ, или рукою сдѣлать какой нибудь знакъ, оно все таки дѣло-то было бы ладнѣе. Такъ нѣтъ, читаешь себѣ!.. ну что, шутка: дѣвкѣ уже тридцать лѣтъ, а все еще жениха не достала, ну что! видно ихъ всѣхъ зачитать изволила...

— Маменька, я вчера съ Васюковымъ танцовала мазурку, двѣ кадрили и долго вальсировала.

— Ну что? А сказала ли ты ему, что мы тебя любимъ, что для тебя ничего не пожалѣемъ, снабдимъ тебя на вѣки вѣчные родительскимъ благословеніемъ.

— Я такъ заранѣе отпускаю мое отцовское благословеніе, вымолвилъ про себя Карпъ Сидоровичъ.

— Дадимъ тебѣ послѣ смерти этотъ домъ въ приданое, да тяжбу, которую надѣемся выиграть, да годъ даромъ будете жить у насъ. Ну что, разсказала ли ты это Васюкову? Нѣтъ не бось! Вотъ, Богъ наградилъ какимъ семействомъ, — все самой нужно дѣлать.

— Я, маменька, это старалась выразить, и даже пригласила Васюкова сегодняшній день придти къ намъ отобѣдать.

— Вотъ что дѣло, такъ дѣло!.. Чтожъ, Глафирочка, зачѣмъ же ты мнѣ раньше объ этомъ не сказала. Эй! Петрушка, эй! Маврушка, ей! Сашка! — раздались повелительные возгласы Пелагеи Пантелеѣвны: вбѣжали ободранные люди.

Ну что встали, пентюхи? не знаете что-ли? Экіе разини, прости Господи мое согрѣшеніе! Надѣньте полу-фрачки; ты, каналья Маврушка, не подожги пирогъ, да выдумай еще какія нибудь три блюда, — будутъ гости, слышишь, гости будутъ! Ты сбѣгай принеси полъ-штофа розовой водки, а ты, Петрушка, дождись... я выну чистое столовое бѣлье, да чистый носовой платокъ барину. Эй Сашка! подожди, да возьми еще самаго лучшаго, самаго высокаго — *хо-сотеру;* да смотри, не переври, скотина! вѣдь вы, олухи, ничего не понимаете, такъ и скажи-дискать: отпусти-

те самаго высокаго *хо-сотеру*, лучшей доброты, только подешевле, да лучше всего попроси на пробу. Ну пошли, что стоите выпучивъ глаза. Эй Петрушка! сними покрышки съ мебели. Эй Сашка! Сашка! Сашка! спроси у погребщика Герасимыча, нѣтъ ли у него на случай шипанскихъ рюмокъ, да попроси, чтобы онъ голубчикъ удружилъ бы мнѣ да поискалъ, нѣтъ ли у него бутылочки лучшаго *шипанскаго*, этакъ, знаешь, которое посеріознѣе, и которое откладываютъ подальше, для важныхъ случаевъ. -Ахъ ты, Господи, прости мое согрѣшеніе! за всѣмъ одна... Смотри же, Глафирушка, обѣдъ будетъ съ виномъ и съ различнымъ угощеніемъ, смотри же не ударь лицомъ въ грязь! Будь на тебѣ мое родительское благословеніе и за меня, и за отца твоего,... смотри же, не ударь лицомъ въ грязь.

—Нѣтъ, не ударитъ, въ полголоса сказалъ Карпъ Сидоровичъ. Вѣдь я ее хорошо знаю: она должна понравиться, — вѣдь она моя дочь.

— Ну что ты тамъ врешь, разиня? Она должна потому нравиться, что я сама старалась о ея воспитаніи. Ахъ, ты Боже мой, сколько трудовъ, хлопотъ! Да что ты тутъ торчишь въ старомъ халатѣ, поди одѣнься, надѣнь новый фракъ, который я велѣла тебѣ выворотить. Да и ты, сударыня, какъ одѣта, поди принарядись!..

Послѣ обѣда торжественно ввели Васюкова въ гостиную; отецъ отворилъ обѣ половинки дверей, мать, махнувъ рукой, показала ему дорогу; Глафира Карповна присѣла съ улыбкою.

— Ну что, батюшка, сыты ли, довольны ли? спросила Пелагея Пантелевна.

— Чувствительный ремерсимантъ. И Васюковъ закинулъ къ верху тупей, шаркнулъ правой ногой и остановился въ позиціи, похожей на Греческую букву Λ.

— Не взыщите, батюшка, Трифонъ Пахомовичъ, мы вѣдь васъ не ждали; я не знала, что у меня будетъ такой дорогой гость, — чѣмъ Богъ послалъ угостили.

— Помилуйте-съ, я сытъ до восторга.

— Вина-то, вы, батюшка Трифонъ Пахомовичъ, мало кушали.

— Помилуйте-съ, я его глоталъ, какъ пожарная бочка.

—Вы, батюшка, военные, такъ васъ нужно ласкать. Ваше дѣло воинское, и негодяя непріятеля поколотить, и разныя тому подобныя трудности понесть. За вами нужно поухаживать: вѣдь чего вы не перенесете, мой родимые, ахъ ты Боже мой!

— Чувствительно благодаренъ за все и за всѣхъ. Позвольте облобызать вашу ручку. Онъ подошелъ, поклонился, протянулъ руку, — она подала свою. Трифонъ Пахомовичъ поцаловалъ красную, одутую, растрескавшуюся руку, Пелагея Пантелеевна поцаловала его въ черную щеку. Послѣ этой операціи Трифонъ Пахомовичъ поклонился, Пелагея Пантелеевна, прижавъ обѣ руки къ груди, присѣла т. е. осѣла въ свое широкое платье.

— Вѣдь, право, я все думаю про себя, начала Пелагея Пантелеевна: будь у меня военный сынъ, я все бы за нимъ, за сердечнымъ, ухаживала, да приголубливала его. Нѣтъ! ужъ видно на роду написано не имѣть сына! А я такъ люблю военныхъ, и къ слову вымолвить, вѣдь какъ увидала васъ, такъ и подумала: вотъ, доженъ быть прекрасный человѣкъ этотъ Трифонъ Пахомовичъ.

— Чувствительно и во множествѣ разъ благодаренъ. Онъ поклонился, поцаловалъ руку, снова поклонился, — она присѣла.

— Ну, что ты, Глафирушка, не попросишь сѣсть Трифона Пахомовича. Извините, батюшка: она у меня такая застѣнчивая, еще не совсѣмъ попривыкла къ общежитію, за то прекрасная хозяйка. Что, понравились ли вамъ левашники? она сама ихъ стряпала и варенье тоже сама варила.

— О! какъ же-съ, очень-съ. И онъ съ радостью провелъ рукой ниже послѣдней пуговицы мундира и страстно посмотрѣлъ на Глафиру Карповну.

— Я вѣдь не такая мать, какъ прочія, примѣромъ сказать, Поповы или Голубятниковы или Ворошиловы. Ну что въ нихъ дѣвчонки, прости Господи мое согрѣшеніе! еще не успѣли, какъ говорится, опериться, а туда же лѣзутъ кокетничать, ужасно какъ

кокетничаютъ! Вѣдь страхъ подумать: Машенька Попова до-красна нащипываетъ щеки, и какъ будто ужъ ежели красношекая, такъ и красавица. А Софья Ворошилова, опомнясь, вошла на балъ и прямо бросилась къ вашему прапорщику, и ну съ нимъ тары-да-бары, вѣдь битый вечеръ прокалякала. А я всегда, какъ строгая мать, говорю моей Глафирушкѣ: будь скромна, вѣжлива. И скажите пожалуйста, что за невидальщина прапорщикъ! а вотъ вы напримѣръ и въ чинѣ и въ званіи, какъ бы то ни было поручикъ!

— Первымъ остался, отвѣчалъ онъ съ гордостью, закинувъ голову: надѣюсь попасть въ первое производство.

— Ну чай и хорошее содержаніе имѣете; есть, можетъ быть, и посторонніе доходы: вѣдь какъ бы то ни было, командуете цѣлой ротой.

— Какъ же-съ! Только съ роты-то нѣтъ дохода, а вотъ иногда представляютъ къ наградѣ; ежели дадутъ, — такъ получаемъ.

— Да все-таки выгодно командовать ротой: нуженъ портной, сапожникъ, или просто какой нибудь — послалъ въ роту такъ и готово.

— Да-съ, и у меня хозяйственнымъ порядкомъ заведена рота.

— Можетъ быть, и сами что нибудь имѣете.

— Небольшую деревеньку, которая худо, худо, а даетъ рублей двѣсти въ годъ.

— Ну вотъ видите, все-таки хорошо. А есть ли у васъ родственники?

— Нѣту-съ, никого.

— Ахъ ты мой сердечный, горемычный сиротинушка. И она обтирала платкомъ глаза. Жаль мнѣ васъ, вѣдь некому ни приласкать, ни приголубить. Впрочемъ, Богъ не безъ милосердія, мужчина всегда можетъ найдти для себя подругу: вѣдь вы въ такихъ лѣтахъ, въ такомъ званіи, съ такимъ состояніемъ, что вамъ пора подумать и о женитьбѣ.

— Я отъ женитьбы не прочь.

— Ну что же, съ Богомъ, выбирайте, да скажите мнѣ, а я ужъ постараюсь за васъ, и напередъ завѣряю, что отказа не получите; я, батюшка, мать и за всѣхъ даю вамъ материнское слово. Да что же мы все стоимъ! Сядьте, пожалуйста. Трифонъ Пахомовичъ, присядьте къ моей Глафирушкѣ: она хоть очень скромная, но добрая, славная дѣвушка и будетъ чудесной хозяйкой. Да не хотите ли покурить? Ну что же, батюшка, Карпъ Сидоровичъ, ужъ это ваше мужчинское дѣло, потчивать табакомъ, — вѣдь военные очень любятъ курить! Оно и взаправду, трубка все-таки развлекаетъ. Я надѣюсь, продолжала она, обращаясь къ Васюкову, что вы у насъ будете какъ дома, безъ всякихъ церемоній, и потому я пойду отдохнуть, а вы побесѣдуйте съ Глафирушкой, между тѣмъ велю сварить кофейку; по настоящему варить кофей, какъ и исполнять прочія рукодѣлія, обязанность Глафирушки; да чтобы не лишить васъ компанства, я сама обо всемъ распоряжусь.

Выходя изъ комнаты, Пелагея Пантелеевна встрѣтилась съ своимъ мужемъ и изволила, погрозя пальцемъ, сказать шопотомъ:

— Поди, подай трубку. Да смотри разиня, въ гостиной-то не оставайся, приходи сейчасъ же ко мнѣ.

— А гдѣ ты изволишь быть?

— Въ своей спальнѣ.

— Нѣтъ, матушка, туда я не пойду.

Какъ не пойдешь, когда я тебѣ приказываю.

— Да что̀ мнѣ тамъ дѣлать?

Какъ что̀! Какъ у меня будешь подъ присмотромъ, такъ все лучше, а то пожалуй вотрешься въ гостиную, и перебьешь ихъ любовнымъ расположеніямъ.

— Нѣтъ, матушка, я втихомолку постою у окошка.

— Нѣтъ, батюшка, ужъ я вамъ говорю, дѣлай, что приказываютъ.

Васюкову подали трубку. Затянувшись, онъ съ самодовольствіемъ опустился въ кресла; противу его сидѣлъ предметъ его желанія, всѣхъ его надеждъ, его кумиръ — Глафира Карповна.

Теперь пора приняться мнѣ, какъ историку, описать Глафиру Карповну со всѣми

подробностями, представить предъ вами, мой читатель, живое изображеніе идеала господина Васюкова...

На первомъ планѣ угловатаго лица Глафиры Карповны являлся носъ; какъ деспотъ, выступая впередъ, онъ красовался посреди прочихъ съежившихся частей.

У раскинутой подошвы его просовывались два честолюбивыхъ зуба; они казались двумя заблудшими кораблями въ этой огромной пропасти, которую, изъ человѣколюбія, называли ртомъ. Чтобы оттушевать прочія части портрета дѣвицы Чепухиной, нужно было справиться съ мрачной картой луны, въ которой каждая тѣнь находила свойственныя впадины щекъ и мускулистое возвышеніе прочихъ угловатыхъ частей. И въ заключеніе въ искусство природы вмѣшивалось искусство Глафиры Карповны рисовать женой пробкой по своимъ рѣденькимъ бровямъ. И все это было скрѣплено парой завистливыхъ глазъ, непричисленныхъ ни къ какому цвѣту: они на свободѣ такъ и силились выпрыгнуть наружу изъ мрачныхъ бойницъ, слегка заштукатуренныхъ бѣлилами.

И вотъ Трифонъ Похомовичъ Васюковъ, любуясь Чепухиной, кудряво струилъ клубы дыму; и, видя ее окруженною синеватостью табашныхъ облаковъ, подумалъ: теперь ты, моя Глафинька, словно звѣздочка на небѣ.

При этой мысли Трифонъ Похомовичъ, напоэтизированный своей смышленостью, улыбнулся два раза и, прокашлявшись, вымолвилъ:

— Что вы, Глафира Карповна, сегодня такъ блѣдны?

Я-съ? Не знаю-съ; такъ-съ, немного нездорова. И она наскоро потерла посинѣлыя губы.

— Помилуйте, не тревожьтесь! Нынче блѣдность въ модѣ. Я недавно читалъ огромную книгу, гдѣ разбирали блѣдность по всѣмъ пунктамъ устава, и сочинили ей достохвальные стихи, которые точь-въ-точь годятся къ приложенію.

— Стихи? Ахъ, пожалуйста разскажите.

— Извольте.

И Васюковъ, еще затянувшись нѣсколько разъ, поправилъ свои волосы, прибоченился и поднявъ голову, началъ торжественнымъ голосомъ:

— Мила въ глазахъ и живность цвѣта,
Знакъ молодыхъ лѣтъ;
Но блѣдный цвѣтъ, терпѣнія примѣта,
Сто разъ пріятнѣй зрѣть.

И потому я предпочитаю блѣдность.

— Нѣтъ-съ, вы шутите; я замѣтила, что вы въ прошедшій балъ все смотрѣли на румяную Машеньку Попову.

— Увѣряю васъ, что и не думалъ смотрѣть, крестясь, съ глубокимъ чувствомъ отвѣчалъ Васюковъ; да и что въ ней?

— Перестаньте, Трифонъ Похомовичъ, меня трудно провести: я замѣтила, что вы все ее одну и выбирали.

— Да вѣдь нужно же кого нибудь выбирать! Право, вы меня считаете такимъ же несносимъ, какъ комаръ, который около всѣхъ увивается. И разсердившись, онъ привскакнулъ на креслахъ, шаркнувъ ими; придвинулся къ сидящей противу его Глафирѣ Карповнѣ и развалился на окошкѣ.

— Нѣтъ! вы не около всѣхъ, а около Машеньки Поповой увиваетесь: она вамъ нравится, вы ее любите... можете на ней жениться.

— Помилуйте, произнесъ онъ громогласно: ужъ ежели на то пошло, то я только на одной хочу жениться! И онъ еще подвинулъ кресла, наклонился и началъ смотрѣть на Глафиру Карповну съ слезнымъ умиленіемъ.

— Я не смѣю понимать вашихъ каламбуровъ, отвѣчала она, закрываясь платкомъ. Я такъ несчастна, у меня только одно единственное сердце для чувствъ постоянныхъ; но это сердце, неоцѣненное, ноетъ въ груди моей. Наклонившись къ нему она зарыдала.

— Вы плачете!.. заревѣлъ Трифонъ Похомовичъ, желая энергіей своего голоса

придать себѣ торжественную важность страстнаго любовника! Ахъ? не плачьте, возопилъ онъ, мое сердце такъ и тукаетъ отъ вашихъ растревоженныхъ послѣдствій.

— Не замѣчайте слезъ моихъ, продолжала всхлипывая Глафира Карповна: я ихъ скрываю отъ людей; вы благородный человѣкъ, не употребите во зло моей исповѣди.

— Увѣряю васъ, какъ благородный человѣкъ, положитесь на меня, даю вамъ дворянское слово. Но я хотѣлъ бы... но я желаю, да не смѣю-съ, робѣю-съ...

— Вы мужчина, Трифонъ Пахомовичъ, чего вамъ бояться. И она наклонилась и какъ будто нечаянно придвинулась къ нему. Васюковъ весь обомлѣлъ при этомъ соприкосновеніи.

Медленный огонь пробѣжалъ по тѣлу Трифона Пахомовича, дыханіе сперлось, — онъ задрожалъ отъ страсти и тихимъ, прерывистымъ голосомъ произнесъ:

— Ахъ! Глафира Карповна! много желанія, но я не смѣю, не смѣю... хоть убейте.

— Отчего же? вѣдь вы имѣете благородное намѣреніе. Пощадите меня, Трифонъ Пахомовичъ, не смотрите на меня съ дурной стороны. Чепухина горько заплакала, и отирая слезы, нечаянно задѣла и провела своей рукой по губамъ Трифона Пахомовича. Еще больше задрожалъ мой Васюковъ и разинувъ ротъ, посмотрѣлъ на исхудалую руку Глафиры Карповны, — честолюбивый предметъ его желанія — руку, которою помазали его уже по губамъ.

— Я слышала, что мужчины бываютъ жестоки: завлекутъ дѣвушку, да и бросятъ.

— Право, ей-Богу, я не таковъ. И онъ, вытягивая губы, подкрадывался къ ея рукѣ.

— Не вѣрю! Человѣкъ съ благороднымъ намѣреніемъ бываетъ рѣшителенъ. И она снова невзначай мазнула рукой по губамъ Васюкова.

— Радъ бы рѣшиться, да духъ захватываетъ, Глафира Карповна. Гла...фи...фи... фира Карпо...вна. Онъ поцаловалъ руку — ему не противились, — онъ взялъ Глафиру Карповну за руку — ему слегка пожали.

— Ну, рѣшено! подумалъ Васюковъ: была не была! И, обхвативъ обѣими руками шею Глафиры Карповны, онъ грянулся передъ ней наколѣни. Люблю, люблю васъ! говорилъ онъ съ разстановками: ужасно люблю, и имѣю полное желаніе вступить съ вами въ первый законный бракъ. Охъ! какъ я васъ люблю! И въ это время притянувъ ее до нельзя, чмокнулъ во всю комнату.

— И я васъ, только ради Бога отпустите, вы меня задушите... сдернете съ креселъ, я и такъ еле-еле на нихъ держусь.

— Ахъ ты моя, *коман ву порте-ву*, — кралечка!

И они, довольные другъ другомъ, поднялись и стали чмокаться.

— А! здравствуйте! сказалъ Васюковъ, въ тотъ же вечеръ вбѣгая въ комнату Двинскаго; вы занимаетесь? извините, я вамъ помѣшалъ. Поздравьте меня: я женихъ, да! ей-Богу женихъ; что, вы не вѣрите что ли? Впрочемъ, я и самъ не вѣрю моему благоденствію. Право, я самъ не вѣрю: это какой-то сонъ, сонъ, такой величавый! Нѣтъ, до сихъ поръ не могу еще повѣрить, а могу разсказать о всѣхъ подробностяхъ. Вотъ именно: этой рукой пожималъ я Глафиру Карповну, — и онъ поцаловалъ свою руку. Впрочемъ, объясняясь въ любви, помучилъ же я ее, бѣдненькую: прежде, просто, душу вытянулъ, а послѣ признался... и какъ она обрадовалась, и Богъ знаетъ, что наговорила! сказала: люблю васъ, и еще что-то... А какъ пришла мать, тутъ такія подняли обстоятельства, она разрѣшила допустить меня къ поцалованію Глафиры Карповны въ ея материнскомъ присутствіи. Это поцалуй былъ такой, — партикулярный, по секрету! Да я вѣдь не промахъ, и вмѣсто одного, чмокнулъ разъ десять. Ахъ, какая она милашка, бѣдная... я ей сказалъ *ваши стихи*. Въ ихъ домѣ всѣ обрадовались моему сватовству; только теперь это секретъ: свадьбу отложили до полученія моего жалованья.

— Ну, а дали ли вы росписку, что при полученіи жалованья нижеподписавшійся обязуется жениться.

— Нѣтъ-съ! сказалъ онъ съ гордостью: мнѣ повѣрили на слово.

— Какіе прекрасные люди! Ну, а что ваша Глафирушка?

— Ахъ! это, просто, ангелъ. Знаете, я на нее напустилъ премножество табачнаго дыму, и она сдѣлалась, просто, милый призракъ въ облакахъ, — хоть сейчасъ рисуйте. Прощайте, я спѣшу къ батальонному командиру: хочу у него попросить денегъ, въ счетъ жалованья. Мнѣ хочется Глафирушкѣ сдѣлать маленькій презентикъ! Какъ вы думаете, что бы лучше, этакъ, знаете, что нибудь купить. Пожалуйста, помогите мнѣ въ этомъ затруднительномъ положеніи; какъ вы думаете, что бы лучше?

— Подарите ей банку розовой помады, да eau de Lavande.

— Нѣтъ-съ, первая - то не такъ дорога, ее можно и не въ счетъ, а вторую, — какъ вы изволили произнести?

— Eau de Lavande.

— А что это такое? Изъ нюхательной породы, что ли? Впрочемъ, мнѣ бы хотѣлось купить что нибудь подороже.

— Купите ей брилліантовъ...

— Брилліантовъ-съ! оно бы хорошо. А знаете, еще лучше: я видѣлъ у одного нашего офицера вещицу, которую онъ выигралъ на ярмаркѣ въ вертушку. Знаете, этакой браслетъ на лобъ, какъ-бишь зовутъ его по - французски?

— Фероньеръ.

— Да! фераньерку. Чудесная работа, и сама она по себѣ вещь цѣнная, величиною будетъ въ добрый пятакъ, и съ своей исторіей, т. е. експрементомъ, очень сходственна съ теперешней моей любовію.

— Что же такое?

— Представлено пылающее сердце, этакъ, знаете, съ дымомъ, т. е. съ золотымъ дымомъ. Наверху, на одномъ полукружіи сердца, сидитъ голубокъ, и напротивъ его сидитъ другой. Одинъ голубокъ протягиваетъ свой ротикъ, какъ бы, знаете, эдакъ, хочетъ поцаловаться, и подаетъ лапкою цвѣтокъ; другой голубокъ то же протягиваетъ свой ротикъ, но только вмѣсто цвѣтка у него лежитъ лапка на сердцѣ.

— Чрезвычайно-хорошо! Голубокъ съ цвѣткомъ долженъ быть—вы, а другой—Глафира Карповна. Вещь очень замысловатая у ней сердце, я думаю, совершенно бутончикъ.

— Какъ-съ?

— Бутончикъ.

— Бутончикъ! А! понимаю, это вы говорите о желтомъ цвѣткѣ.

— Вотъ ужъ отгадали!

— Что тутъ отгадывать; его по-русски называютъ подсолнечникомъ! Да-съ, питательный фруктъ: я маленькимъ, бывало, все лежу себѣ, да ѣмъ. Позвольте докончить. Вотъ, одинъ голубокъ подаетъ цвѣтокъ и лѣзетъ цаловаться, а другой держитъ лапку на сердцѣ и тоже тянется цаловаться, а между прочимъ остальныя двѣ ножки связаны цѣпочкой, спущенной внизъ. Эта цѣпочка, не то чтобы шарлатанская, а такъ,—порядочная; и ежели весь этотъ снарядъ надѣть на лобъ, то цѣпочка вѣрно хватитъ до персносицы. Потомъ есть еще, и принадлежитъ къ фероньеркѣ, черный снурокъ, все, знаете, золотое, а онъ продаетъ только за пятнадцать рублей. Притомъ же, это такое замѣтное украшеніе... Какъ только моя Глафирюшечка надѣнетъ въ первый разъ, я попрошу позволенія, и поцалую ее прямо въ лобъ. Вы, кажется, занимались, занимайтесь! занимайтесь! Не говорите, покуда, никому, что я женюсь: вѣдь это секретъ. Я сейчасъ встрѣтился съ другими, да позабылъ сказать, чтобы они никому не разсказывали, ну, да я еще успѣю,—сейчасъ забѣгу къ нимъ. Да вотъ еще просьба. Не во трудъ вамъ: примите мое прошеніе, и потрудитесь поговорить съ Глафирой Карповной, да знаете, не то чтобы проэкзаменуйте, а такъ, поразспросите ее кое о чѣмъ. Она, говорятъ, такая начитанная, съ учеными познаніями,—резонабль первой степени! Пожалуйста порастормошите ее, да поразвѣдайте. Вотъ, черезъ

два дни въ дворянскомъ собраніи будетъ балъ, тамъ можно будетъ ее позагонять, только, знаете, не очень, имѣйте жаловливость. Ужъ ежели вы похвалите, такъ я, махнувъ рукой, скажу: команъ-ву-порте-ву.

III.

Наступилъ день, предназначенный для экзамена Глафиры Карповны, и Двинскій, видя во всемъ шутку, которая рѣшала участь шуточной жизни Васюкова, по вторичной просьбѣ Трифона Похомовича, отправился въ дворянское собраніе, въ которое стекались со всѣхъ сторонъ и пѣшеходцы, и санные, и даже въ закрытыхъ кибиткахъ.

Балъ еще не начинался, когда вошелъ Двинскій; при первомъ взглядѣ на дамъ онъ былъ пораженъ пестротою ихъ одѣянія. Долгое время оставался онъ неподвижнымъ наблюдателемъ заманчивой галлереи картинъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ возрастовъ, неподвижно унызывающихъ пространство стѣнъ. Толпа молодыхъ людей у дверей, въ наступательной позиціи, озирала красавицъ, сидящихъ въ безмолвіи, съ опущенными глазами, съ искусно прибранными руками; и только тѣ изъ молодыхъ людей, которые особенно были отличены по службѣ, или въ новыхъ мундирахъ, или представлены къ наградѣ, или находились подъ вліяніемъ особенныхъ случаевъ — тянулись съ почтеніемъ, прежде къ предсѣдательницѣ казенной палаты, которая возсѣдала на возвышеніи, покрытомъ краснымъ сукномъ, и сдѣлавъ ей предварительно поклонъ, подымались къ ней по двумъ ступенямъ, въ молчаніи лобызали ея руку, спускаясь внизъ, снова били челомъ, и потомъ чинили то же цалованіе всѣмъ дамамъ по порядку. Только въ дальнемъ разстояніи отъ предсѣдательницы, подлѣ разряда дѣвицъ, молодые люди переводили дыханіе, получали всю игривость ума, и вытягивая шею, спрашивали красавицъ: «какъ ваше здоровье?»

Въ числѣ отличенныхъ былъ и Васюковъ; онъ однимъ махомъ отвалялъ всѣ лобызанія и, расшаркиваясь, спросилъ у сидящей съ фланга дѣвицы, которую впрочемъ въ тотъ день онъ видѣлъ два раза: «какъ ваше здоровье? какая хорошая погода!» прибавилъ онъ, и не дождавшись отвѣта, по порядку обратился съ поклономъ къ слѣдующей: «а ваше здоровье? Какой морозъ на дворѣ? — меня сквозь теплую шинель проняло.» — «А вы какъ обрѣтаетесь въ своемъ здоровьи? Сегодня была погода благопріятная для прогулки.» — «Вы здоровы, я вижу это, проговорилъ онъ, сжимая свои губы и прищуриваясь: онъ интересничалъ съ четвертою дѣвицей по старшинству, съ Глафирой Карповной. Не успѣлъ еще Васюковъ коснуться до погоды, какъ раздался громкой голосъ какой-то важной дамы, которая возгласила: «Петръ Ивановичъ, пожалуйте-ка сюда!»

Волосы знатной особы городка Т. были зачесаны à la chinoise, и стиснутые сильной рукой горничной, они неумолимо тянули все лицо кверху, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вздергивали дутый носъ ея, что придавало этой дамѣ особенную, торжественную важность; глаза у Гувернанской (такая была ея фамилія), цвѣтомъ похожіе на копачьи, повертывались въ разныя стороны, все осматривая, съ наблюдательностію таможеннаго пристава, за чинностью общества, чтобы никто въ этомъ обществѣ не зазнался во время пребыванія важной особы.

— Петръ Ивановичъ! повторила она громче прежняго; все общество замолкло.

— Петръ Ивановичъ! Петръ Ивановичъ! раздавался хриплый голосъ небольшаго человѣка со вналой физіономіей: это былъ мужъ Гувернанской, приставленный къ ея жизненному быту, какъ часовая будка къ мучному амбару.

Что же нѣтъ Жидовкина? вымолвила важная особа: кажись, можно бы пріѣхать, — вѣдь я уже здѣсь.

Наконецъ явился на лицо Петръ Ивановичъ Жидовкинъ; скромно съёжилась вся его физіономія въ гримасу, которую только въ бальномъ случаѣ можно было принять за улыбку; его лицо ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить, какъ съ картою водяныхъ путей

сообщенія, гдѣ главными рѣками были толстыя брови, носъ-богатырь, да толстыя губы раскрытаго рта, которыя такъ вѣрно сравнилъ Ѳ. В. Булгаринъ съ чемоданомъ едва зашнурованнымъ. Одной рукою Жидовкинъ придерживалъ изхудалую, какъ и онъ, шпаженку, влекущуюся за нимъ по полу; другую руку, занятую шляпой, прижималъ онъ къ воему трепещущему сердцу, какъ бы силясь удержать это взволнованное сердце въ щедушной груди.

— Гдѣ ты это, батюшка, запропастился? насилу докликалась!

— Былъ въ другой комнатѣ, матушка сударыня Любовь Павловна, т. е. выходилъ на крыльцо-съ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ съ подобающей чинностью и творя ей поклоненія..

— Такъ, на крыльцо! Чай потягивалъ въ буфетѣ. Вотъ, Сидоръ Ермолаевичъ, сказала Гувернанская, грозно обращаясь къ своему мужу, который стоялъ передъ ней со скромностію и пустотою гипсовой фигуры: я тебѣ говорила, что чиновникамъ потачки давать не нужно! Вотъ, какъ вы изволите держать чиновниковъ вашего присутствія! Не успѣла я еще отдать наказъ къ танцамъ, а они уже и за рюмочку. Недавно получила я письмо отъ своей сестры, — которая въ Питерѣ въ центрѣ города живетъ, — произнесла она съ важностію, обращаясь къ сосѣдкамъ (тѣ съ благоговѣніемъ наклонились впередъ, подставили уши, вытянувъ шею, и по легоньку съѣхали на кончики стульевъ): моя сестра пишетъ, что во градѣ Питерѣ на балы съѣзжаются въ 11 часовъ, а вы, сударь, продолжала она, обращаясь къ Жидовкину, каковы будете къ 11-ти, когда начали въ 7-мъ?

— Ни тѣломъ, ни душою не виноватъ, Любовь Павловна: понапрасну только изволите клепать. Я не причастенъ къ этой винѣ, матушка сударыня Любовь Павловна, сказалъ съ грустію чиновникъ.

— Какъ не причастенъ? Да еще осмѣливаешься бранить отъ меня посланнаго; да ты-то кто таковъ? Вотъ такъ и вертится на языкѣ твое прозваніе... сейчасъ прихлысну однимъ словомъ...

— Что такое? здѣсь танцуютъ, или слушаютъ пагмости? запальчиво сказалъ Двинскій.

Тигрицей вскочила съ своего мѣста важная особа. Въ это время мужъ ея, увидя непремѣнную грозу, хотѣлъ спрятаться за Жидовкина, Жидовкинъ за него. Тутъ произошла стычка самохраненія, окончившаяся тѣмъ, что они, цѣпляясь одинъ за другаго, толкая другъ друга, выползли изъ комнаты, но въ дверяхъ столкнулись съ молодыми людьми, которые, разсыпавшись, спѣшили скрыться по разнымъ комнатамъ. Дамы заткнули уши, и закрывъ платками глаза, изподтишка осматривали то Гувернанскую, метавшую искры злости, то спокойно-стоявшаго Двинскаго.

Наконецъ Любовь Павловна, взрыдавъ отъ неповиновенія вновь-пріѣзжаго, пошла къ своему мѣсту, и закричавъ пронзительно: Помогите, я въ обморокѣ! грянулась на красное сукно.

Снова влетѣли молодые люди, но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ подступиться къ Гувернанской; нѣкоторыя дамы окружили ее, дѣлая шепотомъ замѣчанія; нѣкоторыя дѣвицы встали на стулья, чтобы лучше увидать мстительныя движенія Гувернанской. Но къ развязкѣ явился повѣренный въ дѣлахъ предсѣдательницы, Петрушка, саженной величины, исправный во всѣхъ случаяхъ; онъ, съ пріобыкшей расторопностью, ослабилъ шнуровку, и, взваливъ Гувернанскую на руки, понесъ ее, какъ носятъ дѣтей.

— Постой, я тебя! скрежеща зубами, говорила Гувернанская, увидавъ своего мужа у дверей. Да приблизься, окаянный, чтобы я могла хорошенько тебя стукнуть, — хоть на сердцѣ будетъ легче. Что, не бось тягу, постой, я тебя вышколю!

Долго еще общество не могло перевести дыханія; нѣкоторые отправились вслѣдъ за Гувернанской; только очень немногіе ос-

тались танцовать при освѣщеніи *черезъ свѣчку*.

— Ай! ай! ай! сказалъ Васюковъ, подбѣгая къ Двинскому.

— Что?

— Ай, ай, ай.

— Ну что же?

— Ай, ай, ай! Ну задали же вы ей трезвону! Ну, батюшка, лихо отпончивали, продолжалъ онъ шопотомъ, подымаясь на цыпочки и осматриваясь на всѣ стороны. Ну какъ же можно? она такая почтенная, сказалъ онъ во весь голосъ. А танцуете ли вы? вотъ и музыка заиграла; я танцую съ Глафирой Карповной, не забудьте обѣщаніе—проэкзаменовать ее.

Въ серединѣ танца Двинскій подошелъ къ Трифону Пахомовичу, танцовавшему съ Чепухиной. Улыбнулся Васюковъ, окинувъ торжественнымъ взглядомъ свою даму. Затрепетала Глафира Карповна и обтерла платкомъ носъ.

— Какая благородная рѣшительность! сказалъ съ улыбкою Двинскій Чепухиной, стоящей передъ нимъ, въ положеніи школьника, незнающаго своего урока: въ то время, какъ большая часть разъѣхалась, вы остались для удовольствія другихъ.

— Покорно васъ благодарю. И сложивъ руки, съ опущенными глазами, она передъ нимъ присѣла, словно садящаяся на заднія лапки собачка передъ кускомъ сахару.

— Покорно васъ благодарю! произнесъ въ голосъ Васюковъ и расшаркнулся à l'enfant.

— Вы, сударыня, лучшее украшеніе здѣшняго общества, продолжалъ Двинскій.

— Покорно васъ благодарю. Чепухина присѣла.

— Покорно васъ благодарю. Васюковъ расшаркнулся.

— Съ удовольствіемъ встрѣчаешься съ людьми, которые, при каждомъ случаѣ, показываютъ новыя достоинства.

— Покорно васъ благодарю. Чепухина присѣла.

— Покорно васъ благодарю. Васюковъ расшаркнулся.

— Наслаждайтесь. И Двинскій отошелъ.

— Покорно васъ благодарю. Чепухина присѣла.

— Покорно васъ благодарю. Васюковъ расшаркался.

— Ну что, какова? спросилъ Васюковъ, схвативъ Двинскаго за руку и оставивъ свою даму, Глафиру Карповну, одну оканчивать французскую кадриль.

— Очень-хороша!

— То-то! Ужъ мнѣ ли обмануться?

— Мнѣ очень совѣстно, что я разстроилъ ваше общество, сказалъ Двинскій съ ласковою улыбкою, обращаясь къ госпожѣ Чепухиной, которая лишь только завидѣла, что Двинскій подошелъ къ ея дочери, прокралась и сѣла подслушивать сзади ихъ. Для меня была совершенной новостью подобная сцена, и мнѣ стало жаль бѣднаго Жидовкина.

— Ничего, батюшка! Между нами будь сказано, её нужно было давно пришугнуть: она очень зазналась. Покорно благодаримъ, что вы ее на умъ, на разумъ навели; на такое отважное дѣло нашихъ не хватило бы. Вишь, вздернула носъ, и не кланяется, прости Господи мое согрѣшеніе!

— Мнѣ будетъ очень жаль, ежели я этимъ оскорбилъ какъ нибудь ваше общество.

— Помилуйте! Увѣрю васъ, что очень многіе въ слѣдующее воскресенье помолятся за васъ, да еще поставятъ свѣчки Угоднику.

— Сударыня, вы такъ милостивы, не знаю, чѣмъ могъ я такъ много заслужить.

— Всѣмъ, батюшка, и во всемъ видно образованнаго офицера. Да между нами будь сказано, что это за общество? какія это дамы? онѣ всѣ, Богъ знаетъ передъ кѣмъ, сгибаются и всѣмъ этимъ заправляетъ верзила Петрушка, прости Господи мое согрѣшеніе! Вѣдь въ нихъ нѣтъ нисколько дворянской амбиціи. Вотъ, примѣромъ будучи сказать, она, понимаете т. е. она разсердилась, что не послушали ея... ея... прости Господи мое согрѣшеніе! ея Петрушку... Ахъ батюшка! сердце надрывается, видя все это, а нечего дѣлать! Вотъ въ скоромъ времени надѣюсь выиграть процессъ, который доставитъ мнѣ большое богатство, — такъ пере-

селюсь въ Петербургъ. Вы, батюшка, надолго къ намъ пріѣхали?

— Не знаю, это зависитъ отъ воли высшаго начальства.

— Высшаго начальства! произнесла она, поднявъ голосъ двумя октавами. Такъ-съ, батюшка, какой вы счастливецъ: и высшее начальство васъ знаетъ. Чай и знакомство то все съ *большими* ведете; ну, чай и дорого приходится подъ-часъ. Что же вы сюда безъ лошадокъ пожаловали?

— Далеко везти.

— А много вы ихъ содержите въ Питерѣ? Чай, на одной-то къ высшему начальству не доѣдешь.

— Я держу четверню.

— Четверню! и въ самомъ Питерѣ! Вѣдь это, должно быть, очень-дорого.

— У меня по близости Петербурга есть имѣніе.

— Такъ-съ. Оно конечно, бѣднаго человѣка не пришлютъ же обучать цѣлый баталіонъ. Вѣдь, чай, у самихъ цѣлый полкъ мужиковъ.

— Нѣтъ.

— Однако-жъ, кому же и имѣть, какъ не вамъ? А какимъ количествомъ вы считаете.

— У меня 500 душъ.

— Такъ-съ! И она ему пренизко поклонилась. Такъ-съ! И она къ нему придвинулась. Да-съ! Это не шутка. Ну, какъ же вамъ понравилось наше общество? Вотъ, батюшка, имѣю счастіе показать вамъ Глафирушку, мою единственную дочь, наслѣдн...

— Я имѣлъ удовольствіе разговаривать съ нею.

— Она у меня воспитывалась въ губернскомъ пансіонѣ.

— Вы очень счастливая мать.

— Ей достается значительная тяжб...

— Признаюсь, имѣть подобную дочь — истинное благополучіе.

— Не жалуюсь. Молюсь всякой день и со слезами благодарю, — точно она сущій кладъ. Ужъ и въ Питерѣ, я думаю, не стыдно имѣть подобную дочь!

— Глафира Карповна назначена блестѣть: ее вездѣ оцѣнятъ, она вездѣ будетъ украшеніемъ общества. Двинскій всталъ.

— Куда же вы, батюшка?

— Домой.

— Такъ рано?

— Мнѣ нужно заниматься дѣлами.

— Чай, изволите заниматься перепиской съ высшимъ начальствомъ. Оно и нужно; нынче вѣкъ таковъ: что посѣешь, то и пожнешь. Не такъ было прежде, когда человѣкъ квартировалъ въ земномъ раю. Плохія времена! Такъ вы уже непремѣнно хотите отправиться? Прощенья просимъ. — Она приподнялась. — Позвольте васъ попросить къ намъ, не прогнѣвайтесь: чѣмъ Богъ послалъ.

— Благодарю.

— Ежели вы у насъ стоскуетесь, такъ, какъ христіанинъ, простите: по крайней мѣрѣ, наше желаніе — вамъ понравиться. Вѣдь, чай, очень скучаете въ одиночествѣ.

— Да! отвѣчалъ Двинскій, задумываясь.

— Не скучайте, Богъ милостивъ, вы молоды... найдете утѣшеніе. Приходите почаще къ намъ, мы васъ утѣшимъ: Глафирушка пропоетъ подъ гитару, только она такая застѣнчивая, при другихъ никакъ не рѣшается, такая скромная...

— Скромность достоинство ангела.

— Ангела! воскликнула мать, и отъ радости подняла руки. Ужъ и видно, что вы перкрасный человѣкъ, съ превеликими чувствами. Приходите, батюшка, пожалуйста, приходите, къ самому обѣду. У меня Глафирочка такая хозяйка, какихъ и свѣтъ не производилъ.

— Признаюсь, при такихъ достоинствахъ, ее на свѣтѣ ожидаетъ высокая участь. Прощайте.

— Ахъ батюшка, если бы вашими устами да медъ пить. И она залпомъ три раза присѣла въслѣдъ удаляющемуся Двинскому. Потомъ, съ гордостію поднявъ голову и не обращая ни на кого вниманія, она надменно прошла чрезъ всю комнату и поднявшись по красному суконцу, сѣла на первое мѣсто, то самое, на которомъ съ такою важностію засѣдала Гувернанская.

Вотъ! думала про себя Чепухина: какое счастіе, какой любезный человѣкъ, — этотъ господинъ Двинскій: богатъ, знакомъ съ высшимъ начальствомъ, шутка! Какой счастливый случай! Не даромъ я сегодня видѣла такой прекрасный сонъ. Ну, слыхано ли, чтобы такой вельможа, какъ этотъ пріѣзжій офицеръ, который за панибрата съ высшимъ начальствомъ обходится, не влюбясь, сталъ бы такъ расхваливать дѣвушку! Нѣтъ, видно онъ, родимый, жестоко втюрился... Съ Богомъ, вѣдь подлинно, какое было счастіе... Этакъ, пожалуй, за нимъ можно будетъ втереться и во дворецъ. И она съ важностью цыганки окинула взоромъ общество. — Тогда на эту дрянь, и вмѣстѣ съ Гувернанской, не захочу и..... Вотъ что я-то значу; впрочемъ съ самого малолѣтства я готовила себя къ знатной жизни. Ахъ, какая радость! только женится, а тамъ все изъ него сдѣлаю, что захочу. Озираясь кругомъ, она увидала свою Глафирушку, передъ которой, по праву мазурочной фигуры, бросился на колѣни достохвальный танцоръ Васюковъ, и пустивъ Глафиру Карповну въ галопъ, съ улыбкою любви, съ открытымъ ртомъ, проводилъ ее надъ своей головою. Мать не вытерпѣла и закричала: «Глафира Карповна! пожалуйте сюда!» Та, бросивъ Васюкова, явилась передъ ней.

— Сядь! сказала мать; ну, прилично ли тебѣ, мой другъ, вязаться съ Васюковымъ. Посмотри! онъ до сихъ поръ, какъ школьникъ, съ разинутымъ ртомъ, стоитъ на колѣняхъ. Встаньте, г-нъ Васюковъ. — Онъ вскочилъ и побѣжалъ къ Пелагеѣ Пантелеевнѣ.

— Ну, что вы на меня зѣваете, какъ на невидальщину. Подите, сударь, сядьте на свое мѣсто. Васюковъ отправился.

Ну что, Глафирушка, съ тобой поговорилъ нашъ Двинскій?

— Онъ расхваливалъ меня, маменька.

— Знаю, мой другъ, я мелькомъ слышала; но разскажи-ка мнѣ всѣ подробности.

Дочь разсказала ей свой разговоръ, разумѣется, съ прибавленіями.

— Ну, Глафира Карповна, поздравляю, милая моя дочь. Хоть долго у моря сидѣла, а все погоды дождалась. Нашъ Двинскій влюбленъ въ тебя не на шутку, назвалъ тебя ангеломъ, — да еще съ какими-то прибавленіями! Да я подробностей не припомню. Дай Богъ вамъ счастіе! Ты будешь ѣздить четверней, и съ высшимъ начальствомъ познакомишься! Но за всегда помни, что ты дочь моя, что я тебя подъ сердцемъ выносила битыхъ 9-ть мѣсяцовъ, и денно и ночно, что я пеклась о тебѣ, и ночи напролетъ проводила подлѣ кровати. Съ малолѣтства ты была такая слабая; бывало, стою на колѣняхъ передъ образомъ, плачу и молюсь, приговаривая: Господи! продли жизнь моей Глафирушки! ужъ ежели Тебѣ нужна жертва, возьми меня,— и Богъ услышалъ мое усердное моленіе: ты выздоровѣла. А теперь-то мало того, что я тебя люблю, просто, балую! Ко всякому годовому празднику шью обновы, на всякой ярмаркѣ разные гостинцы покупаю, и частехонько сама не доношу платья, а уже тебѣ непремѣнно передѣлаю, и все это для тебя, и все потому, что очень люблю тебя. Ты теперь будешь важной особой! Онъ желаетъ приходить къ намъ часто, и изволитъ грустить одиночествомъ; да что тутъ много-то разсказывать,— онъ, просто, на тебѣ сватается! Ну, теперь ты можешь прихлыснуть этого Васюкова. Что въ немъ? Я всегда говорила, что онъ тебѣ не пара, или лучше сказать, когда ты его пригласила обѣдать, такъ я уже и стала молчать, изъ любви къ тебѣ. А теперь дѣлай какъ хочешь, сама состряпала, сама и разладь. Собирайся домой, мой другъ! Мнѣ душно въ этомъ закоптѣломъ обществѣ: какія все здѣсь рожи, нѣтъ ни одного человѣка, достойнаго вниманія! Послѣ твоего сговора сейчасъ же уѣдемъ въ Питеръ; ужъ конечно тебѣ не подобаетъ здѣсь вѣнчаться! И что здѣсь такое? Ну, поѣдемъ!

Глафира Карповна подошла къ своему стулу, гдѣ съ восторгомъ женихъ ожидалъ ее Васюковъ; полный запасъ рѣчей былъ для нея приготовленъ, — и въ нетерпѣніи Васюковъ барабанилъ обѣими ногами по полу.

— Что̀ это, вы берете косынку? Глафира Карповна, ужъ не собираетесь ли домой?

— Косынку? сказала она, вздернувъ верхнюю губу въ знакъ презрѣнія. Косынку! Ужъ вы даже не умѣете отличить косынки отъ шарфа.

— Виноватъ! простите меня; но не могу иначе: какъ васъ только узрю, такъ все на свѣтѣ забываю.

— Я думаю, и забывать-то нечего! *Газетныя объявленія* развѣ? ха! ха! ха!

— За что̀ же вы на меня разсердились?

— Разсердилась? Много чести для васъ.

— Помилуйте! Что вы переговариваете мои слова? вѣдь я съ вами не тягаюсь.

— Тягаться? Какой дерзкой! нахалъ! Да какъ бы вы смѣли со мной тягаться! Я одно только слово скажу *инкогорымъ*, такъ зададутъ такого трезвону...

— Глафира Карповна, что̀ съ вами? Ахъ ты, Боже мой! Я ли васъ не люблю? выговорилъ онъ слезно. И вы изволили такъ на меня разгнѣваться... да что я сдѣлалъ такое? Ахъ я несчастный! Бога ради, не гнѣвайтесь на меня. Я васъ люблю, вы сами люб...

— Тсъ... Вотъ что выдумалъ! Не смѣть меня любить! Развѣ вы не видали, что я надъ вами смѣялась? И Чепухина съ гордой миной прошла мимо его, и скрылась изъ комнаты съ своей матерью.

— Что̀ это? спросилъ самъ себя Васюковъ, крутя волосы, и блуждающими взорами осматривая общество. Что это? Повторилъ онъ: какое неслыханное безчинство въ чувствахъ! Не сонъ ли это? Позвольте табачку, сказалъ онъ, обращаясь къ сосѣду; понюхавъ, онъ чихнулъ четыре раза во всю комнату. Нѣтъ, это не сонъ, выговорилъ Васюковъ: во снѣ такъ не чихаютъ. Такъ что̀ же это? закричалъ онъ, всхлипывая. Музыка утихла, всѣ посмотрѣли на искаженное лицо Васюкова. Что̀ это такое? вскричалъ онъ снова, судорожно простирая руки къ небу, — всѣ въ голосъ захохотали. Безчеловѣчные люди! простоналъ онъ рыдая, и безъ всякой цѣли выбѣжалъ изъ комнаты. Не видя и не внимая ничему, онъ наткнулся на что̀-то, и еще съ большимъ жаромъ произнесъ: Что̀ это такое?

— Водка! отвѣчалъ буфетчикъ. Прикажете налить?

— Да! машинально отвѣчалъ Васюковъ и глотнулъ.

— Еще не прикажете ли?

— Да! отвѣчалъ въ разсѣянности Васюковъ и выпилъ залпомъ.

— Ваше благородіе, третья непрошенная. Онъ налилъ, тотъ выпилъ.

— Первая рюмка коломъ,
Вторая соколомъ,
Третья мелкой пташкой.
А четвертая за побѣдоносное воинство.

Такъ приговаривалъ буфетчикъ, наливая, а Васюковъ, вздыхая, пилъ. Наконецъ онъ упалъ на стулъ, началъ безсвязныя разсужденія, а окончилъ храпѣніемъ.

Вдругъ вскочилъ Васюковъ и закричалъ: Что̀ это?

Въ это время оставались только запоздалые гуляки, и пораженные внезапнымъ возгласомъ, въ молчаніи опустили рюмки; но увидавъ растрепаннаго Васюкова, громко захохотали.

— Вы смѣетесь! едва-поворачивающимся языкомъ началъ Васюковъ: вы смѣетесь и ничего не знаете, — а я хочу застрѣлиться: мнѣ не перенести этого казуснаго случая! Непремѣнно застрѣлюсь; а вамъ все это не почемъ, вы упиваетесь!

— Опередилъ насъ, да еще самъ же и оскорбляется, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ. Остальные захохотали.

— А! Вы все еще смѣетесь, не понимаете моего презрѣнія къ вамъ, къ людямъ! Хотите увеличить мое несчастіе, хотите сбыть меня съ рукъ, — я для васъ опасный соперникъ! Вы думаете отдѣлаться смѣхомъ, думаете, что я такъ, ни за грошъ себя застрѣлю. Нѣтъ! мнѣ еще нужна жизнь, чтобы издѣваться надъ вами, надъ человѣчествомъ. Я же, постойте, сдѣлаюсь насмѣшникомъ, слышите ли, я сдѣлаюсь насмѣшникомъ. Смотрите: я рѣшительный насмѣшникъ. Хорошо, сударыня Глафира Карповна, я съ васъ начну!... и Васюковъ, покачиваясь на всѣ стороны, началъ декламировать руками, показывая

на бородой оброслаго буфетчика. Что, небось вамъ не стыдно, сударыня, что я такъ блѣденъ, исхудалъ, не ѣлъ, не пилъ болѣе десяти сутокъ.

— Помилуйте сударь, ваше благородіе! сказалъ буфетчикъ: вы сейчасъ выпили десять рюмокъ, и еще денегъ не заплатили; позвольте сосчитаться.

Вотъ что выдумалъ! ты развѣ не знаешь, что я сдѣлался насмѣшникъ. Да! я, т. е., поручикъ, мое благородіе, Трифонъ Пахомовичъ Васюковъ, дѣлаюсь рѣшительнымъ насмѣшникомъ съ нынѣшняго вечера...

Но оставимъ Т... ское собраніе, Васюкова и буфетчика, и перенесемся въ другое мѣсто — въ квартиру Двинскаго, который, сидя передъ столомъ, писалъ что-то съ необыкновенною быстротою; перо его не поспѣвало за мыслію; глаза сверкали блескомъ вдохновенія или страсти. Что же писалъ онъ? Заглянемъ въ его бумагу...

«Кто былъ на чужбинѣ и имѣлъ случай восхищаться родною рѣчію, услыхавъ ее нечаянно, тотъ пойметъ мой восторгъ при чтеніи твоего коротенькаго письма. Теперь больше, нежели когда либо, ты имѣешь право не мою дружбу. Ты снова, посредствомъ твоего письма, вдохнулъ въ мое сердце жизнь, сказалъ нѣсколько словъ роднымъ нарѣчіемъ, — и я твой должникъ!

Ахъ! сколько страданій переношу я здѣсь, сколько мученій терплю я оттого, что я человѣкъ, и долженъ жить между созданій, которыя тоже слывутъ подъ названіемъ *человѣка*. Эти люди какіе-то выродки, но съ удивительными претензіями на уваженіе! Нищіе, которые прикрываютъ свою наготу всякой случайностію; сердечная одежда которыхъ настоящій калейдоскопъ съ мрачными, грубыми оттѣнками освѣщенія. Здѣсь отъ удачнаго слова подымается завѣса, скрывавшая внутренность подъ прикрытіемъ мнимой доброты и простодушія, видишь конечный разсчетъ обветшалыхъ, грубыхъ чувствъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ. О! въ тысячу разъ лучше жить въ томъ обществѣ, которое дышитъ только наружными формами, гдѣ одинъ блескъ, гдѣ все горитъ въ искусственномъ освѣщеніи... Я не хочу знать, изъ чего добываютъ газъ, довольный его свѣтомъ. Этотъ блескъ даетъ пищу моему воображенію; здѣсь же оно вянетъ. Миновали тѣ счастливыя времена, въ которыя провинція являла людей съ первобытными чувствами, безъ вычисленія по счетамъ: чѣмъ выгоднѣе казаться — порочнымъ или добродѣтельнымъ. Рѣшись же высказать правду, и на тебя, какъ на басурмана, ноповодителя, нападетъ невѣжество; а раздражи невѣжество, — у него нѣтъ пощады, нѣтъ забвенія! Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, и здѣсь встрѣтишь исключенія религіозныя, отрадныя для христіанина, въ нашъ колеблющей нравственности вѣкъ... Но довольно! даже слишкомъ много о другихъ.

Конечно, ты еще не успѣлъ получить моего перваго письма, а уже въ твоемъ я прочиталъ отвѣтъ; видно, что его диктовало сочувствіе нашихъ душъ. Ты, счастливецъ, говорилъ съ Надиной, и замѣтилъ ея волненіе при моемъ имени. Оно должно быть такъ: пылкая любовь, при всемъ желаніи утаить, проявляется при всякомъ взглядѣ, какъ величіе Бога, проявляющееся въ каждомъ трепетѣ листьевъ. Если бы я усомнился во взаимности Надины, то скорѣе задушилъ бы въ себѣ страсти, своими руками вырвалъ бы сердце изъ груди моей, нежели пожертвовалъ бы имъ для ничтожнаго торжества кокетки. Я увѣренъ въ чувствахъ Надины также точно, какъ въ своихъ собственныхъ. Ты пишешь, что она ничего не отвѣчала на твои намеки обо мнѣ, на твое предложеніе — быть между нами посредникомъ. Не удивляюсь! Она тебя знала за вѣтренаго любезника. Притомъ же ея скромность, это покрывало добродѣтели, не позволило ей рѣшиться на откровенность, доступную только любви безъотчетной. Но я напишу ей, скажу ей, что ты мой истинный другъ и она ввѣрится тебѣ. Прощай! Всякой разъ, какъ встрѣтишься съ Надиною, вспоминай обо мнѣ, какъ объ отчужденномъ другѣ, кото-

рый все богатство на землѣ считаетъ въ одной только любви Надины. Дѣлясь съ тобой скукою моей жизни, я себя представляю съ очень-эгоистической стороны; но мы старые друзья и извиненія не у мѣста. Нельзя ли — графъ, прислать Петербургскаго воздуху освѣжить меня: я чахну, умираю!... Передай Надинѣ письмо вложенное въ твое.

Полчаса сижу я передъ бумагой, и незнаю — писать ли къ вамъ, Надежда Павловна, или нѣтъ? Не писать, значитъ умертвить себя, задохнуться пылкими мечтами о васъ, Nadine, которыя разрываете на части мое сердце. Написать и переслать черезъ графа, боюсь этимъ довѣріемъ оскорбить васъ. Рѣшаюсь на послѣднее, какъ на единственный случай, въ которомъ мнѣ не отказала судьба, и надѣюсь, что ваше сердце будетъ моимъ лучшимъ ходатаемъ!

Увѣрю тебя, Nadine, что графъ прекрасный человѣкъ: дружбу предпочитаетъ вѣтрености, — а это-то и дѣлаетъ его совершеннымъ.

Мой ангелъ! еслибъ я могъ эту холодную бумагу вычертить огненными іероглифами моего сердца, ты поняла бы весь ужасъ пылкой, но разлученной любви. Я не могу писать благоуханіемъ цвѣтовъ, рисовать жизнію природы, переговаривать съ тобою боемъ сердца. Я могъ бы, въ пылкомъ взорѣ, перевѣять на тебя мои страсти; но губительное разстояніе дѣлитъ насъ, говоритъ неумолимой разлукой! И такъ, къ чему же всѣ выраженія? Моя любовь къ тебѣ слилась съ моей жизнію; если бы я подумалъ противу любви, то дѣлался бы самоубійцей!

Объ очень многомъ я хочу поговорить съ тобой, разсказать тебѣ о моемъ одиночествѣ, и снова спросить: точно ли ты рѣшилась осчастливить меня на всю жизнь? Одного прошу я, умоляю тебя — быть осторожнымъ съ Бояриновымъ онъ мой полковой командиръ, нѣкогда былъ другенъ и жилъ со мною, — я его хорошо знаю. У него во всемъ и вездѣ разсчетъ. Не думай, чтобы это была ревность. Если я тебя къ чему ревную, такъ это только къ воздуху, и сожалѣю, что не могу для тебя быть этимъ воздухомъ, быть для тебя всѣмъ необходимымъ! Я почитаю за униженіе ревность; кто любитъ, тотъ вѣритъ, и въ кого же могу я вѣрить на землѣ, какъ не въ тебя?! Пожалуйста остерегайся Бояринова: я знаю объ немъ одну исторію, которой судьба очень похожа на нашу; разница только въ слабости характеровъ. Вообрази...

Тутъ оканчивалось письмо Двинскаго, котораго продолженія не отыскалось.

IV.

Толстый мужчина со всѣмъ вниманіемъ раскладывалъ пасьянсъ; по одну сторону стола, съ чулкомъ въ рукахъ, сидѣла старушка, его жена; по другую сторону, ближе къ мужчинѣ, облокотившись на столъ обѣими руками, пристально слѣдила за картами дѣвица, лѣтъ двадцати, красная, какъ черепичная крыша: то было семейство господина Попова, во всей вечерней красотѣ домашняго быта.

Арсеній Николаевичъ Поповъ, прочистивъ горло глоткомъ пунша, началъ голосомъ странной трубы: Вышло! Поздравляю тебя, Маша! И, схвативъ дочь за подбородокъ, началъ имъ описывать дугу во сто градусовъ, приговаривая: Поздравляю, Маша, поздравляю, моя канашка, моя мопочка... А знаешь ли, о чемъ я гадалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, паненька.

— Ну, дурочка! Развѣ ты не можешь прочитать это на моемъ отцовскомъ лицѣ? И онъ разинулъ ротъ на подобіе грот-люка, и улыбнулся, какъ улыбался Леманъ передъ публикой, проглотивъ огромную рыбу.

— Никакъ нѣтъ-съ, папаша.

— Ну, а ты, жена?

— Голова у старушки сдѣлала скачокъ и проговорила дребезжащимъ голосомъ: «Ахъ ты шутникъ! да кто же угоняется за твоими мыслями? проказникъ ты этакой!

Мужъ улыбнулся, поперхнулся, закашлялся, и схвативъ женину щеку двумя пальцами, похожими на двѣ сосиски, проревѣлъ: ужъ и ты, старуха, отказываешься мнѣ служить. Ну что въ васъ, женщинахъ? Когда

бываете невѣстами, такъ всякую женихову туру-муру понимаете, а какъ состарѣетесь, такъ и мужьяго мышленія не чувствуете. Что, помнишь ли, какъ я началъ за тобой ухаживать, да финти-фанты строить?

— Помню!

— А! Не бось помню... что, не бось, были пріятны тѣ финдифилюльки-то. А! то-то, не бось, хотѣла бы помолодѣть, да еще разъ выйдти за меня за-мужъ, а?

— И, что ты, мой свѣтикъ! Да и прилично ли такія неблагопристойныя рѣчи говорить при малолѣтней дочери?

— А что? Вѣдь она и сама уже дѣвка здоровая, тоже нужно выдать за-мужъ. Ну что вы безъ мужа-то? Все равно, что стаканъ безъ пунша! Съ мужемъ и тепло и весело. Нѣтъ, жена, я вижу, что ты уже ни куда не годишься, — пора тебя отправить въ монастырь.

— А тебѣ, не бось, жениться? Нѣтъ, батюшка, сама не выйду за-мужъ, да и тебя не попущу жениться. Эко къ чему рѣчь привелъ! Хоть отрави, чтобы избавиться, такъ въ полночь буду приходить душить тебя.

— Экъ какую чепуху занесла! Вотъ и впрямь пригодилась русская пословица: собака на сѣнѣ лежитъ, сама не ѣстъ, да и другимъ не даетъ.

— Да ужъ пусть я такая, сякая, а все-таки твоя законная жена, и тебя въ чужія руки не отдамъ.

— Экъ матушка! я, слава Богу, такой здоровякъ, что скорѣе самъ иныхъ прочихъ къ рукамъ приберу.

— Да ужъ понимай, какъ знаешь; мое дѣло сторона, а ты все-таки мой законный мужъ.

— Экъ, матушка, еще и законная жена, а не знаешь, чему я радуюсь. Ну что въ тебѣ толку-то есть? Сколько времени уже вышелъ пасьянсъ, а ты вмѣстѣ и съ законной-то дочкой не отгадала. Ну что, пасъ, что ли? ха! ха! ха!

— Я, батюшка, пасъ.

— И я тоже, паненька.

— Вотъ! то-то же. И тотъ же процесъ храпѣнія произошелъ въ горлѣ у господина Попова; прокашлявшись и хлебнувъ два глотка пуншу, онъ торжественно выговорилъ: жена, начинай для Машиньки шить приданное.

— А что, батюшка? вскричала добрая старушка, опуская изъ рукъ чулокъ, который вязала: а что, батюшка, развѣ кто нибудь сватается.

— Сватается, не сватается, а посватается. Вотъ эта Глафирка и въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ нашла себѣ жениха; а наша Машенька краля передъ ней, смотри — кровь съ молокомъ.

— Экъ, батюшка! только даромъ обрадовалъ, отвѣчала со вздохомъ старуха, пропустивъ вязальную иглу сквозь чепчикъ.

— Экъ матушка, говорятъ что не даромъ: три раза въ карты загадывалъ и три раза выходило! А вѣдь это самый тяжелый пасьянсъ, почти никогда не выходитъ.

— Не ужели, папенька? съ восторгомъ сказала дочь.

— Вѣдь я не шулеръ, и не стану же плутовать въ картахъ.

Поповъ снова принялся, насвистывая, раскладывать пасьянсъ; мать, молча, продолжала вязать чулокъ, по временамъ снимая со свѣчки, а дочь незамѣтно исчезла изъ комнаты.

— Что это? Кажись, кто-то случится.

— Да, кажись: кто бы это былъ? А нечаянный гость долженъ быть, потому-что я нечаянно два раза потушила свѣчку.

— Экъ матушка, съ важностію отвѣчалъ мужъ, предварительно хлебнувъ изъ стакана: два раза потушила свечку, такъ должно быть два гостя.

Въ это время, показалась въ дверяхъ фигура нашего знакомца Петра Ивановича Жидовкина. Онъ остановился у порога и началъ кланяться на обѣ стороны: то на сторону хозяина, то на сторону хозяйки, приговаривая и не дожидаясь отвѣтовъ:

— Здравія желаю, матушка Анисья Ѳедоровна!

Здравія желаю, батюшка, Арсеній Николаевичъ.

— Какъ ваше здоровье! матушка Анисья Ѳедоровна.

— Какъ ваше здоровье, батюшка Арсеній Николаевичъ?

— Какая прекрасная погода, матушка Анисья Ѳедоровна.

— Кака...

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, куманекъ! кричала старушка все громче и громче, чтобы и съ своей стороны не отстать отъ привѣтствій Жидовкина.

— Кака... началъ Жидовкинъ.

— Экъ кумъ! заревѣлъ хозяинъ: довольно, безъ церемоній, вѣдь свои, такъ сочтемся. Садись-ка, дружище, безъ всякихъ лицепріятій. Я, вотъ видишь, раскладываю пасьянсъ. Да не хочешь ли пуншику.

— Позвольте одолжиться!

— Жена, работай!

Хозяйка вышла, и вотъ они остались вдвоемъ. Петръ Ивановичъ передъ Арсеніемъ Николаевичемъ походилъ на страстную пятницу передъ свѣтлымъ воскресеньемъ. Но сегодня въ физіономіи Петра Ивановича было что-то необыкновенное, живое; глаза у него такъ и прыгали въ разныя стороны, тѣло такъ и двигалось, припрыгивало въ каждомъ суставѣ передъ спокойнымъ Поповымъ; онъ походилъ на небольшаго чертика — куклу передъ фокусникомъ, который, помощію своей магіи вызвалъ ее изъ засады. За то величественъ былъ Арсеній Николаевичъ, углубленный въ пасьянсъ; онъ запѣлъ, какъ испорченная шарманка, и неподвижно устремивъ на карты два бычачьихъ красныхъ глаза, казалось, всю свою жизнь сосредоточилъ въ огромномъ зобѣ, который, волнуясь, красовался на Поповѣ, и походилъ на огромный кусокъ желѣза, привѣшенный къ магниту. Жаръ, какъ первобытный хаосъ, разлился по лицу Арсенія Николаевича, и сгладилъ все это лицо въ одну круглую полноту, за исключеніемъ багрянаго, краскаго носа. Этотъ носъ, какъ кусокъ говядины, находился въ запасѣ у самой природы, которая, сбивъ изъ него ростбифъ, и за скоростію не успѣвъ поджарить, бросила краснымъ комкомъ, приказавъ этому комку исправлять должность носа въ личныхъ владѣніяхъ Арсенія Николаевича.

— Ну что, кумъ! сказалъ послѣ долгаго молчанія Поповъ, продолжая раскладывать пасьянсъ. А какова погода?

— Пельзя сказать, чтобы хороша, да и...

— Ха! ха! ха! Что, кумъ, я было и забылъ, парѣзалъ ли ты вѣниковъ?

— Ты за кого меня почитаешь? Развѣ это моя обязанность! Да само высшее начальство — губернаторъ посылай, — такъ не пойду.

— Не храбрись, кумъ.

— Мнѣ нечего храбриться, потому-что никого не боюсь. Экая важность, что эта фря, поломойка, вздумала важничать! Да я ее хотѣлъ было прямо прихлеснуть, да жаль стало нашего добраго Гувернанскаго. Онъ, сердечный, стоитъ, поджавъ хвостъ, ни живъ, ни мертвъ; дергаетъ меня за фалду и говоритъ шопотомъ: «Петръ Ивановичъ, батюшка Петръ Ивановичъ, будьте такъ добры и многомилостивы, дискать, не перекорьте ей, вѣдь ея бабье дѣло! — Нельзя, отвѣчалъ я ему, я сейчасъ разсержусь. «Распустите ваше сердце жаловливостью! Батюшка, Петръ Ивановичъ, не прекословьте ей; я эту вашу услугу во вѣкъ не забуду, все для васъ сдѣлаю, представлю къ наградѣ: самого Станислава четвертой степени получите, только молчите! Признаюсь вамъ, хоть она и жена моя, а баба глупая, вздорная! Я знаю, что вы крѣпко сердиты, и во гнѣвѣ, Богъ знаетъ, что въ состояніи сдѣлать, только пожалуйста не троньте ее, вѣдь она беременна, и вы за это кавалерствію получите.» Извольте, сказалъ я ему, скрѣпивъ сердце и началъ отмалчиваться. А то я хотѣлъ съ самаго начала на нее прикрикнуть, и сказать ей наставленія, что всякой сверчокъ знай свой шестокъ, что не дамское дѣло о вѣникахъ разсуждать, что у бабы волосъ длиненъ да умъ коротокъ. Вотъ я молчу, молчу и думаю, что даже и за это молчаніе стоитъ дать кавалерствію, и хотѣлъ уже или прикрикнуть на нее или поторговаться съ Гувернанскимъ, чтобы онъ рангомъ повыше прибави. къ бы награду, какъ эта выскочка, Двинскій, началъ говорить что-то такое высокомѣрное, глупое! И кто его просилъ? и чортъ знаетъ, какъ смѣютъ вмѣшиваться не въ свое дѣло. А знаете ли, матушка Анисья Николаевна, продолжалъ Жидовкинъ, обращаясь къ вошед-

шей хозяйкѣ: вѣдь куда какъ затѣйлива Палагея Пантелеевна! настоящая пройдоха! Ужъ она повернула дѣломъ, отказала Васюкову и помолвила Глафиру Карповну за пріѣзжаго офицера Двинскаго; скоро будетъ свадьба и вѣнчать-то ихъ будутъ въ Самъ-Питерѣ. И какъ Палагея Пантелеевна заважничалась! Двинскій-то сегодня вечеромъ имѣлъ торжественное шествіе въ ихъ домъ, и домъ-то, для этого случая, освѣтили, на каждое окошко поставили по двѣ свѣчки, четыре плошки горятъ у воротъ, а ворота заперты, и къ нимъ приставленъ Сашка, съ преогромной дубиной, отгонять мальчишекъ, и всѣмъ постороннимъ отказывать. Я было увидалъ освѣщеніе... да впрочемъ мнѣ и не хотѣлось туда идти, — я только такъ подошелъ къ воротамъ, чтобы полюбопытствовать разспросами, увидалъ, что въ комнатѣ Двинскій цалуетъ Глафирку, да еще какъ цалуетъ, что меня даже, постороннаго, проняло въ дрожь! И все это видно съ улицы.

— Ахъ батюшки! батюшки! Какой срамъ нашему городу! вотъ извольте тутъ дѣлаться! вотъ до чего доводятъ эти Питерскіе выходцы. Я уже съ перваго раза замѣтила, продолжала хозяйка, что онъ нахалъ, беззаконникъ, не только-что ни къ кому къ рукѣ не подходитъ, даже и поклоненіе не чинитъ. Вотъ, ни за грошъ сгубилъ дѣвушку... хорошо еще, ежели онъ на ней женится, а то пожалуй... и навѣрное... тутъ сомнѣваться не въ чемъ! Господи, Господи! А моя Машенька еще разговаривала и поздравляла ее! Впрочемъ она подслушала, что Глафира выругала Васюкова такимъ гренадерскимъ нарѣчіемъ, что Боже упаси! Да мало того, эта Глафира чуть-чуть не вцѣпилась въ лицо Трифону Пахомовичу.

— Опять вышло! заревѣлъ Арсеній Николаевичъ, потирая руки: Ну, смотри же, жена, съ завтрашняго же дня начинай кропить, да бѣлья-то можно припасти и для внуковъ.

— А что, видно Марья Арсеньевна выходитъ за-мужъ?

— Нѣтъ, кумъ, такъ, знаешь, на всякой случай.

— А что сдѣлалось съ сердечнымъ Васюковымъ? спросила хозяйка.

— Хотѣлъ было застрѣлится, да не досталъ пистолетовъ; послалъ было въ аптеку за ядомъ, да не было готоваго. Такъ, на зло же Чепухиной, хочетъ жениться, лишь только найдетъ невѣсту. Давича онъ встрѣтился со мной на улицѣ, весь въ поту и насилу облегчился отъ одышки, и говоритъ мнѣ: батюшка, Петръ Ивановичъ, не знаете ли, голубчикъ, какую нибудь невѣсту? посватайте: непремѣнно женюсь.

— Гмъ! сказалъ мужъ и засвисталъ.

— А! промолвила жена и просунула вязальную иголку въ чепчикъ.

— Гмъ! повторилъ онъ.

Жена, ничего не сказавъ, вздохнула и снова принялась за чулокъ.

— Знаете ли, кумушка? спросилъ съ радостной улыбкой Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ! отвѣчала она.

— Знаете ли кумъ? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ.

— А я такъ знаю, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, и потеревъ руки, замолчалъ.

— Ну что же? спросила жена.

— Ну что же? спросилъ мужъ.

— А я такъ знаю! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ и захохоталъ во все горло.

— Да говори же кумъ! сказала жена.

— Да говори же, кумъ! сказалъ мужъ.

— Извольте! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, съ важностію придвинувъ кресла къ столу, и развалившись на нихъ. Арсеній Николаевичъ подставилъ ухо, а Анисья Николаевна, опустила чулокъ и приставивъ къ нижней губѣ вязальную иголку, устремила глаза на Петра Ивановича.

— Ты знаешь, кумъ, что я тебя очень люблю! Вы знаете, кумушка, что я васъ очень люблю! — А Васюковъ-то ходитъ по улицѣ да тоскуетъ. Ты знаешь, кумъ, что у тебя есть дочка! Вы знаете, кумушка,

что у васъ есть дочька! А Васюковъ-то ходитъ по улицѣ да тоскуетъ. Ты знаешь, кумъ, что дочь нужно выдать за-мужъ! Вы знаете, кумушка, что дочь нужно выдать за-мужъ! А Васюковъ-то ходитъ-по улицѣ да тоскуетъ. Поможемте доброму человѣку? Велите принарядиться вашей дочери, прикажите поставить побольше свѣчей, приготовьте пуншику, — да пошлите побольше людей — на улицѣ перехватить Васюкова да и прямехонько тащить сюда. Вѣдь ваша дочь не чета Глафиркѣ, и мы скоро повернемъ дѣломъ.

— А что, жена, вѣдь кумъ-то правду говоритъ. Не спроста же мой пасьянсъ выходилъ четыре раза къ ряду! Да и ты два раза потушила свѣчку.

— Воистину, батюшка.

— Ну, видишь, одинъ нечаянный гость пришелъ, а другаго пошли привести. Ай да кумъ, вотъ люблю друга, — поцалуемся. Ну, жена, работай!

Теперь перенесемся въ свѣтелку, куда отправилась Марья Анисимовна, послѣ утвердительнаго пасьянсу. Долго сидѣла она на кровати и молчала; потомъ, уткнувъ голову въ подушку, молчала; потомъ привскакнула на постелѣ и молчала. Время текло, а она все молчала. Наконецъ вымолвила: не ужели карты врутъ? Ежели одинъ разъ соврали, ну, положимъ, два, такъ на третій-то не соврутъ! И она опять замолчала. А славно бы... молчаніе. Теперь не вѣсть какъ важничаетъ Глафирка, а чѣмъ я ее хуже? И мнѣ, можетъ быть, еще больше хочется выйдти за-мужъ! За-мужемъ совсѣмъ другое... (Помолчавъ). Въ дѣвкахъ что-то приторно, голова болитъ... и съ кѣмъ гулять по вечерамъ? — Молчаніе. — Подруги не то, что мужъ; мужъ совсѣмъ другое... Долгое молчаніе и вздохъ. — Мужъ преважная вещь, а въ особенностивоенный: пойдешь съ нимъ — всѣ солдаты фуражки снимаютъ и часовые на караулъ дѣлаютъ... Дай-ка сама погадаю. — И она, зажмуривъ глаза, начала въ воздухѣ вертѣть пальцами, одинъ въ далекомъ разстояніи отъ другаго, приговаривая: выйду! не выйду! выйду? не выйду! Она съ осторожностію подводила одинъ палецъ къ другому... — Сошлись — выйду! вскричала обрадованная дѣвушка, поднося соединенные пальцы къ свѣчкѣ и разсматривая ихъ. И снова зажмурившись, она стала вертѣть пальцами, приговаривая: выйду! не выйду! Опять въ одной точкѣ соприкоснулись пальцы, и она, позабывъ саму себя отъ радости, въ восторгѣ, бросилась на что-то, и сжимая это что-то въ своихъ объятіяхъ, кричала: «выйду, непремѣнно выйду!» привскакивала и приподымала это что-то, приподымала что-то и привскакивала, и опять привскакивала и приподымала это что-то, всякой разъ приговаривая: выйду, непремѣнно выйду!

— Что ты! Что ты! Господь съ тобой, побойся Бога, оставь на старости лѣтъ, совсѣмъ задушишь. Ай! ай! ай!

Выйду! И она снова приподняла это говорившее что-то и, привскакнувъ, прибросила.

— Да сходи куда хочешь, кричала мать: только меня отпусти, ради самаго Бога. Ну можно ли такъ душить родную мать, и за что?

— Ахъ, маменька! И дочка изъ своихъ рукъ выпустила дряхлую старуху.

— Что это съ тобой! мое ненаглядное дитятко: вѣдь у меня ребры захрустѣли... Не объѣлась ли ты белены?

— Нѣтъ, маменька.

— Такъ что же?

— Такъ, ничего.

— Не хорошо, мой другъ, у самой будутъ дѣти, ну пріятно ли, если они всѣ примутся тебя душить?

— Я, маменька, не замѣтила васъ, я...

— Ну что же такое, разскажи.

— Я гадала, выйду ли я за-мужъ, вышло два раза, я обрадовалась, а вы и попали подъ руку.

— Ну, мой другъ, видно мнѣ придется съ тобой разстаться. Старушка горько заплакала. — Ужъ видно тебѣ на роду написано нынче выйти за-мужъ. Ахъ, какъ горько, тяжело, разставаться съ роднымъ дѣтищемъ! Ужъ ты не моимъ попеченіямъ, не моей любви будешь принадлежать, а мужу! — Она перекрестила дочь свою, сдѣлала три земныхъ поклона передъ образомъ,

и собравшись съ силами, сказала: — Одѣвайся, мой другъ: приказалъ отецъ, мы ждемъ къ себѣ жениха.

— Жениха? Съ радостію вскричала дочь.

— Да, Васюкова; онъ разсердился на Чепухиныхъ и хочетъ на тебѣ жениться.

— На мнѣ? произнесла съ восторгомъ Марья Арсеньевна; а Глафиркѣ покажетъ кукишъ?

— Да!

— Ахъ, маменька, дайте себя разцаловать. Я выйду за мужъ! У меня будетъ мужъ! Мнѣ нужно одѣться! Да что же вы сложа руки-то стоите. Выньте платье! Позовите дѣвокъ! Засвѣтите свѣчки, да сходите, достаньте мнѣ изъ кладовой цвѣтовъ. Бѣда! если ихъ обгрызли крысы, я съ ума сойду. Проклятыя крысы! я всегда замѣчала, что у васъ большой безпорядокъ въ хозяйствѣ.

Спустя нѣкоторое время, явился давно ожидаемый Васюковъ; расшаркиваясь, онъ чуть не въ разные углы двигалъ ногами. Сперва онъ подошелъ къ Аннѣ Николаевнѣ и облобызалъ ея руку; расшаркавшись чмокнулъ руку у Марьи Арсеньевны, потомъ поклонился Арсенію Николаевичу, стоявшему вдали, съ видомъ наблюдателя.

— Милости просимъ, произнесъ онъ и подалъ свою полновѣсную руку.

Послѣ этого Васюковъ поклонился Жидовкину.

— Просимъ садиться! сказала хозяйка.

— Благодарим покорно.

Сядьте! произнесла дочь, указавъ на кресло, подлѣ ея стоявшее.

Васюковъ развалился; хохолъ въ видѣ Египетской пирамиды былъ воздвигнутъ на головѣ его; маленькое, черненькое лицо ёжилось; открытый ротъ кривлялся; ноздри вздувались. «Не забыть бы, что я насмѣшникъ!» самъ себѣ проговорилъ Васюковъ. И онъ еще больше открылъ ротъ, дергалъ челюстями въ разныя стороны, вздувалъ ноздрями, и гримасничая по-пропалую, началъ поводить глазами по потолку, чтобы отыскать насмѣшливый предметъ разговора.

Всѣ чинно молчали, вперивъ взоры на Васюкова.

— Ну что, Трифонъ Пахомовичъ, какова погода? началъ хозяинъ, послѣ долгаго безмолвія.

— Не то, чтобы хороша, а такъ! Что-то, въ чортовомъ видѣ, съ верху падаетъ; морозу нѣтъ, а на дворѣ холодно, какъ отъ тридцати-лѣтней красавицы! Послѣднее онъ произнесъ со вздохомъ.

— Охо! хо хо! Да какой онъ злой, подхватилъ хозяинъ.

— Насмѣшникъ! подхватила Маша, устремивъ на него свои глаза, и поправляя платье.

— И по дѣломъ! сказалъ Петръ Ивановичъ: нашихъ не трогай; все хорошо до поры, до времени, а какъ захватятъ за живое, такъ не подладимся.

— Меня трудно за живое хватить — самъ не промахъ. Вотъ скоро мундиръ выслужу.

— Не то, чтобы васъ хвалить, а такъ, знаете... продолжалъ Жидовкинъ. Вѣдь подумаешь: чего не дѣлаетъ недоброжелательство!

Маша вздохнула, и съ нѣжностію посмотрѣла на Васюкова.

— Кто можетъ повредить благородной амбиціи такого офицера, какъ Трифонъ Пахомовичъ! выревѣлъ хозяинъ. Утѣшьтесь, Богъ все къ лучшему дѣлаетъ. Ей! жена, работай, пунштику, да еще что нибудь.

— Именно къ лучшему! отвѣчалъ Васюковъ, внимая гостепріимному возгласу.

— Да и что въ нихъ, въ этой Чепухиной? проговорилъ Жидовкинъ.

— Да и что въ нихъ? повторилъ Васюковъ, удивленный особеннымъ вниманіемъ Марьи Арсеньевны, мать, — какъ связка ключей, отецъ — какъ вывороченный жилетъ, а дочка-то... просто Глафирушка! И онъ при этомъ словѣ вздохнулъ и задумался.

— А что же Глафирушка-то? подхватила Маша, съ лукавой улыбкой.

— Глафирушка — просто, мокрая курица!

— Эту мокрую курицу теперь обсушиваютъ, произнесъ Жидовкинъ съ лукавой улыбкой.

— Кто? вскричалъ Васюковъ, блѣднѣя, и вытягивая свою шею, какъ гусь.

— Кто? со смѣхомъ сказалъ Жидовкинъ: вѣстимо кто — Двинскій.

— Какъ, что? крикнулъ Васюковъ, и съ двухъ разъ осушилъ поданный стаканъ пуншу.

— Ахъ вы, простой человѣкъ! Развѣ не замѣтили, что васъ сегодня вечеромъ отъ того къ нимъ въ домъ не пустили, что Глафира Карповна выходитъ за-мужъ за Двинскаго, говорилъ Жидовкинъ, съ наслажденіемъ поднося ко рту блюдечко, на которомъ стоялъ стаканъ пуншу.

— Какъ, что? вскричалъ Васюковъ въ бѣшенствѣ, и схвативъ стаканъ Жидовкина, къ которому тотъ протягивалъ губы, выпилъ его залпомъ.

Горько вознегодовалъ Петръ Ивановичъ за такой неумышленный поступокъ Васюкова, и съ досадою продолжалъ: Васъ, просто, одурачили, осмѣяли не на животъ, а на смерть. Что, небось, по усамъ-то текло, а въ ротъ не попало.

— Я отмщу! заревѣлъ Васюковъ.

— Теперь ужъ поздно! Гдѣ вамъ тягаться съ этимъ саженнымъ, прости Господи мое согрѣшеніе... Далеко кулику до Петрова дня! Вонъ онъ теперь сидитъ, да обнимается съ вашей-то Глафирой, да всякую секретную всячину творитъ.

— Замолчи! возопилъ Васюковъ.

— Нѣтъ, не стану молчать! Еще вздумалъ выпить мой пуншъ — вишь какой гусь лапчатый! что я на шутку что ли дался! Вонъ поди-ка похрабрись съ Двинскимъ, такъ онъ тебѣ бока-то начешетъ.

— Перестань, кумъ!

— Ужъ не суйся не въ свое дѣло, сказалъ Жидовкинъ на ухо хозяину: предоставь мнѣ; какъ его побольше разберетъ, такъ мы изъ него все сдѣлаемъ, что захотимъ.

— Я его, этого Двинскаго! возопилъ Васюковъ, грозя кулаками.

— Ну что, я его! продолжалъ Жидовкинъ, нередразнивая Васюкова. Ну что, просто, кукишъ въ карманѣ. А тоже говоритъ: я его! Ужъ не вашей головѣ смастерить, когда съ нимъ и въ *Санкт-Петерб.* не могли совладѣть, и чтобы какъ нибудь отъ него отдѣлаться, сюда выслали. Знаемъ мы эту барскую спѣсь, барышниковъ! Онъ и Глафиру-то отбилъ у васъ для барышей, затѣмъ, чтобы надъ вами посмѣяться, осрамить васъ ни за грошъ... и въ гробу не дастъ покоя.

— Я его! въ бѣшенствѣ закричалъ Васюковъ, и опрометью бросился изъ комнаты.

— Постой! постойте! До васъ есть важное дѣло! Трифонъ Пахомовичъ! кричали вслѣдъ за нимъ бѣгущіе: Поповъ, Попова, Марья Арсеньевна и Жидовкинъ, — но Васюковъ уже былъ далеко отъ дому.

— Эхъ, кумъ, глупая ты голова, неразумная! Ну что ты надѣлалъ? говорилъ разсерженный отецъ, и въ изнеможеніи отъ усталости бросился на стулъ.

— Все къ лучшему! отвѣчалъ Жидовкинъ, униженно кланялись. Пожалуй, Васюковъ могъ бы раздумать, могли бы отговорить, а теперь, того и смотри, что Двинскій, безъ всякихъ прекословій, соберется въ церковь! А развѣ ты не замѣтилъ, что онъ все вздыхалъ о Глафирѣ? Такъ нужно же, чтобы кто нибудь выбилъ дурь изъ головы.

Поздно вечеромъ, сидѣлъ Двинскій въ своемъ уединенномъ жилищѣ. Радость была написана на его лицѣ, радостью блистали глаза; казалось, эта радость проливала какой-то лучезарный свѣтъ на лицо его, сіяла тѣми очаровательными лучами, что мы называемъ красотою молодости.

— Надина! произнесъ онъ съ восторгомъ: — и такъ, это ты, то неземное существо, которое назначено быть моимъ хранителемъ, повсюду привѣтствовать меня счастіемъ. О Надина! я буду благоговѣть предъ тобою.

И ты будешь моею, и самый законъ соединитъ насъ на вѣчность... Мнѣ кажется, я не въ силахъ перенести того счастливаго времени, когда отворятъ предъ нами двери Божьяго храма, и я вступлю въ этотъ міръ, обновленный твоею супружескою любовію. Благодарю тебя, Создатель! Ты даровалъ мнѣ счастіе!

И Двинскій снова сталъ читать письма. Первое было отъ его пріятеля графа, вотъ оно:

«Съзавистью поздравляю тебя, mon cher. Я въ состояніи былъ бы разстаться съ моей пріятной вѣтренностію, — если бы нашелъ такое сокровище, какъ твоя Надина. Теперь я по опыту убѣдился, что одними только страданіями разлуки познается вся сила любви! Эти страданія, какъ плавительный огонь, отчеканиваютъ на сердцѣ чувства, пензгладимыя самымъ временемъ. Я все время, послѣ твоего отъѣзда, ухаживалъ за хорошенькою Г..... по всѣмъ правиламъ любовной стратегіи, и потому не могъ писать тебѣ всѣхъ подробностей о Надинѣ. Но теперь Г..... съ своимъ мужемъ отправилась за границу, а я вошелъ въ свои прежнія границы и принимаюсь опять за перо. Чрезъ нѣсколько дней послѣ твоего отъѣзда, я былъ на soirée musicale у опекуна Надины. Cher papa былъ очень непривѣтливъ со мною, и, какъ я догадываюсь, это потому, что моя физіономія пробуждала воспоминаніе о тебѣ, какъ о моемъ pendant. Надина была со всѣми привѣтлива, много смѣялась, была чрезвычайно весела; ее всѣ нашли удивительно очаровательной! Твой protecteur, Бояриновъ, пріѣхалъ на вечеръ, и покрякивая отъ подагры, битыхъ полчаса любезничалъ съ ней, разсказалъ всю исторію своихъ наградъ, весь формуляръ, со всѣми числами дней производства, и пр. Къ счастію, Надина какъ-то удачно умѣла воспользоваться минутой, когда старый подагрикъ закашлялъ, и обратилась къ вашему прапорщику, князю П..... Милый племянничекъ былъ въ восторгѣ отъ Надины: онъ какъ пухъ парилъ отъ каждаго ея дуновенія, продекламировалъ ей новые стихи Гюго, что-то заговорилъ о своихъ чувствахъ, и въ эту минуту она его оставила. Смотря на безпечность Надины, на какую-то игривость, на ея откровенный, веселый видъ, который не допускалъ даже возможности грусти о комъ или о чемъ либо, мнѣ стало жаль тебя, мнѣ было досадно, что ты такъ жестоко заблуждаешься въ чувствахъ Надины... Въ это время она очутилась предо мною съ вопросомъ: Какъ мнѣ нравится лѣвая рука Дрейшока? — и исчезла принимать новыхъ посѣтителей. Я ужасно разсердился и хотѣлъ прямо отправиться домой, и написать тебѣ обо всемъ. Но вдругъ явилась лучезарная Г..... Зеркала, освѣщеніе, лоскъ паркета — все придавало ей какое-то сіяніе; Она была само очарованіе! Сердце мое, какъ прививной фруктъ, приросло къ Г..... Я былъ въ какомъ-то забытьи, подъ вліяніемъ ея чаръ! И вообрази, что я въ состояніи былъ клясться, увѣрялъ ее, что я въ чувствахъ любви постояннѣе, нежели какой нибудь мандаринъ въ ненависти къ Европейцамъ. Но у Китайцевъ есть опіумъ, — могущественное средство забвенія! Я хотѣлъ было отвѣчать, но въ это время пронеслось нѣсколько акордовъ. Они были безъ связи, но въ нихъ заключался какой-то тайный смыслъ, понятный для сердца! Эти звуки, разсѣлись по великолѣпнымъ комнатамъ, призывали къ чему-то вдохновенному! Произошло общее волненіе въ этой пестрой, разсѣянной массѣ гостей; нѣкоторые даже встали изъ-за листа, другіе надѣли очки, чтобы не *пропустить* ни малѣйшаго звука. Ты конечно отгадалъ, — то играла Надина! Ноты не было передъ нею; фантазируя, она касалась до многихъ оперъ. Казалось, этими чудными звуками благоухало ея сердце, какъ цвѣтокъ ароматомъ. Всѣ были безмолвны; дамы закрывали глаза платками. Казалось, Надина этими вдохновенными звуками говорила о чемъ-то высокомъ, и — какъ хороша была Надина! Всѣ забывали, что она играла; казалось, что съ ея блестящихъ глазъ вѣяло музыкой, ея лицо было обвито гармоніей звуковъ! Она блѣднѣла, блѣднѣла, звуки гасли, рѣдѣли... они говорили о чемъ-то далекомъ, отчужденномъ! Не вопль отчаянія раздавался въ нихъ, а скорбь, тяжесть одиночества, осужденнаго чувствовать и затаивать эти чувства въ глубинѣ сердца! Наконецъ, изнеможенная, она оперлась на руку своей кузины и вышла изъ комнаты.

Чрезъ нѣсколько времени, наша золотая руда, графъ П..... разразился баломъ: все, что только можетъ создать роскошь воображенія, было соединено у *золотаго* графа. Правовѣрный могъ бы забыть пророка и обѣщанныхъ гурій на балѣ у графа, и подумалъ бы: здѣсь эдемъ, здѣсь истинная

награда мусульманина! И посреди упоенія роскоши, красоты, которая явилась въ самомъ разнообразномъ, многочисленномъ видѣ, Надина блестѣла, какъ бѣлый розанъ въ пышномъ букетѣ! Около ея толпилось все, начиная съ тѣхъ, отъ взгляда которыхъ все оживаетъ; но она оставалась задумчивою. Твой protecteur увивался около ея, какъ ласточка около храма! Надина была одѣта проще другихъ, и нѣкоторые замѣтили, что она мечтаетъ о скромной долѣ. Другіе, по ея гордому взору и по множеству поклонниковъ, увивавшихся около нея, думали, что она вербуетъ легіонъ невольниковъ, и хочетъ сдѣлаться царицею красоты на какомъ нибудь вновь-открытомъ островѣ.

Я же подумалъ, что она, далекая отъ всѣхъ наслажденій, всѣ свои мечты, надежды, схоронила въ глубинѣ сердца, и ангажировалъ ее на кадриль!

— Баронесса, сказалъ я ей, во время танца: въ первый разъ, желая говорить съ вами — я остаюсь при одномъ только желаніи: выведите меня изъ этого скромнаго положенія?

— Какой же предметъ васъ такъ поразилъ, что и вы, графъ, передъ нимъ заскромничали.

— Дружба! Я не эгоистъ, баронесса, и хотѣлъ съ вами подѣлиться, но боюсь, что скромный голосъ дружбы затеряется въ окружающей роскоши!

Она измѣнилась и отвѣчала мнѣ разсѣянно:

— Напротивъ! Здѣсь всѣ скрѣплены дружбою; вездѣ вы встрѣчаете привѣтливые взоры; все такъ мило другъ другу улыбается; кажется, все общество какъ родные, какъ друзья!

— До тѣхъ поръ друзья, пока красота не станетъ между ними, и не вооружитъ соперничествомъ.

— А самолюбіе, этотъ кумиръ жизни, утѣшитъ и безутѣшнаго!

Философія, подумалъ я, и продолжалъ: Однако согласитесь, баронесса, что личныя страсти человѣка нѣмѣютъ предъ совершенствомъ, и прошедшее теряетъ цѣну въ блескѣ настоящаго.

Но настоящее есть жизнь прошедшаго.

— Слава Богу, если настоящее не затмѣлъ былаго... Я хочу говор...

Тутъ дошла до насъ очередь танцовать.

— Давно ли, графъ, вашу любезность обратили вы на прошедшее? сказала она съ очаровательною улыбкою. Вы, кажется, и время заставляли пользоваться вашимъ вниманіемъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ лишился друга.

Она побѣдѣла.

— Онъ удаленъ, прошедшее можетъ его радовать, а настоящее губитъ невозможностію васъ видѣть, быть счастливымъ подлѣ васъ.

Она съ глубокою задумчивостію спросила, буду ли я на балѣ у Графа Зватова?

— Не отвлекайте меня, баронесса, вашимъ мнимымъ невниманіемъ; я его истинный, непоколебимый другъ; удостойте меня отвѣтомъ: жизни, полной любви и надежды, или безнадежности, долженъ быть я вѣстникомъ Двинскаго?

Дыханіе у нея сперлось, и она съ сильнымъ волненіемъ, легкой тѣнью, порхнула въ окончательномъ турѣ. Отвѣта не было; она вскорѣ съ своей кузиной оставила балъ.

Но я достигъ своей цѣли, и исполнилъ твое порученіе! Въ пятницу, въ положенный день обѣдовъ, я явился раньше другихъ; за роллью я подалъ твое письмо Надинѣ, говоря ей: вотъ дипломъ на мое перерожденіе въ степеннаго человѣка. Чувства превозмогли свѣтскость и письмо было принято. Въ этотъ же день, твой protecteur сдѣлалъ предложеніе баронессѣ и она со всѣмъ искусствомъ отшучивалась отъ предложенія. Тутъ вступился cher papa, и она объявила рѣшительно, что имѣетъ полное право располагать и своимъ богатствомъ, и своимъ сердцемъ. По обыкновенію, всѣ разстались съ пріятными улыбками. Боярчовъ хотѣлъ было грустить, но ему было некогда: на другой день былъ смотръ полку. Смотръ кончился не совсѣмъ благопріятно... Спрашивали о тебѣ... Мнѣ удалось поговорить съ Надиной на Невскомъ проспектѣ; она не знаетъ о твоемъ возвращеніи, да и я въ то время незналъ, потому что приказъ о тебѣ вышелъ нѣсколько часовъ назадъ. Передавая

*

ей вновь вышедшій романъ Жоржъ Санда, я получилъ billet doux, который и посылаю къ тебѣ. Лети, мой другъ, въ нашу сѣверную Пальмиру; здѣсь тебя ожидаютъ всѣ наслажденія смертнаго, а на стражѣ ихъ стоятъ любовь и дружба съ распростертыми объятіями!

Прочитавъ, я самъ удивился моему длинному письму; видно Г... отнимала у меня много времени, что теперь, отъ нечего дѣлать, я намаралъ столько страницъ.»

ПИСЬМО КЪ ДВИНСКОМУ ОТЪ БАРОНЕССЫ.

«Вы говорили, что только жертвами можно доказать любовь, и вотъ новая: я посылаю это письмо чрезъ графа; вы этого желали. Гдѣ ты, мой другъ? что съ тобою? Уѣхать не простясь... Впрочемъ меня увѣрялъ графъ, что тебѣ было отказано, и это заставляетъ тебя успокоиться, но могу ли утѣшать тѣмъ, чего сама лишилась послѣ твоего отъѣзда... моему сердцу отказано въ покоѣ! Люди не въ силахъ разрушить то, что благословилъ самъ Богъ взаимной любовію. Если бы я поступала дурно, то покойные мои родители явились бы ко мнѣ въ голосѣ неумолимой совѣсти; но мнѣ невыразимо пріятно, когда я думаю о тебѣ, о моемъ Вольдемарѣ. Когда же я увижу тебя? Если бы у меня отняли надежду на свиданіе, то я добровольно бы отказалась отъ жизни. Жестокой! уѣхать и не проститься!.. Не ужели мы не могли гдѣ нибудь встрѣтиться?... но говорятъ, что тебѣ велѣно было выѣхать въ 24 часа,—какъ это? Безъ тебя я совершенно перемѣнилась, и постигла весь ужасъ притворства. Зачѣмъ же я не могла проститься съ тобою? Это невыговореннос: прости! гнететъ, жжетъ мое сердце: оно безпрестанно въ моихъ мысляхъ; даже въ самой одеждѣ выражается это ужасное прости. Здѣсь было много баловъ, раутовъ, но они были бездушны... Ужели ты еще долго не воротишься? Никогда не любила я тебя такъ пылко, никогда столько не гордилась твоей взаимностію! ежели бы ты не существовалъ, я не хотѣла бы жить, никогда не цвѣла бы чувствами! Чрезъ два дни послѣ твоего отъѣзда мнѣ минуло совершеннолѣтіе: мой cher papa принесъ запечатанное завѣщаніе маменьки. Слезы текли изъ глазъ моихъ, я крестилась и цаловала бумагу. Читаю, и въ числѣ христіанскихъ поученій, мать моя, этотъ ангелъ, умоляла меня не прельщаться разсчетами и выбрать человѣка по сердечному влеченію. Ты представился моему воображенію, я со слезами опустилась въ кресла; мнѣ казалось, я слышала небесный голосъ матери, насъ благословлявшей... опомнилась, вижу весь домъ въ хлопотахъ. Эти люди не слышали божественнаго голоса! Теперь я часто бесѣдую съ этимъ безмолвнымъ свидѣтелемъ чувствъ моей матери, и ты всегда являешься передо мною въ томъ очаровательномъ образѣ, которымъ увлекъ меня,—отдѣлилъ отъ людей! Зачѣмъ не могу я тебя видѣть? Къ чему пылкіе порывы сердца должна я передавать холодной бумагѣ. Женихи преслѣдуютъ меня, и въ общемъ мнѣніи я получила степень кокетки. Пусть я буду кокеткой для всѣхъ, пусть они преслѣдуютъ меня за холодность, они не достойны узнать мое сердце; чувства мои зрѣютъ для одного тебя. Кажется, пріѣхалъ графъ; спѣшу передать ему это письмо. Христосъ съ тобою... молись; если наши взгляды не могутъ встрѣчаться, то молитвы встрѣтятся у престола Всевышняго...»

— Прекрасная душа! сказалъ Двинскій, цалуя письмо. Мало любить — тебя обожать надобно. Чѣмъ буду я въ силахъ отплатить тебѣ за счастіе? Я передъ тобою останусь вѣчнымъ должникомъ...

Въ это время, раздался ударъ въ двери, и въ скоромъ времени влетѣлъ Васюковъ въ комнату.

— А! это вы, что - съ? понимаю.

— Здравствуйте, господинъ асюковъ.

— Васюковъ! развѣ вы не знаете, что мнѣ дали имя при крещеніи Трифонъ, отецъ мой былъ Пахомъ, и выходитъ Трифонъ Пахомовичъ.

— Здоровы ли, Трифонъ Пахомовичъ? продолжалъ Двинскій съ улыбкой.

— Здоровъ ли я? Вамъ до этого дѣла нѣтъ, и меня на эту нѣжность не поймаете.

— И не хочу ловить: что мнѣ въ васъ?

— А въ васъ-то что есть? Что, небось, сейчасъ и о здоровьи... хотѣлъ меня заговорить — да отъ меня такъ легко не отдѣлаетесь.

— Что съ нимъ? подумалъ Двинскій, и съ недоумѣніемъ взглянувъ на низенькаго человѣчка, который, для выраженія своего гнѣва, гримасничалъ какъ мартышка.

Не выдержалъ Двинскій и захохоталъ.

— Вы отсмѣеваетесь, сказалъ Васюковъ гнѣвно; ладно, этимъ отъ меня не отдѣлаетесь... Я такую выпущу насмѣшку, что и лунѣ будетъ тошно... шило-то въ мѣшкѣ не утаится... мы знаемъ про васъ кое-что.

— Что такое? спросилъ Двинскій сердито.

— Что̀ такое? Не прикажете ли еще вамъ разсказать.

— Замолчите! вы мнѣ надоѣли вашей болтовней.

— Вотъ-те на! На дурака напали! я не посмотрю, что вы называетесь моимъ пріятелемъ.

— Да скажите, пожалуйста, наконецъ, чего вы отъ меня хотите? спросилъ Двинскій съ кротостію.

— Чего я хочу? чего я хочу? Я хочу сказать, что вы... вы... Знаемъ мы васъ, м. г!

— Я васъ не понимаю! объяснитесь, что̀ съ вами?

— Не хочу объясняться, а буду кричать во весь городъ.

— Замолчите! я васъ прошу.

— Вотъ-те на! не хочу молчать, закричу во всю Россію, въ Питерѣ услышатъ.

Двинскій потерялъ терпѣніе: сильно раздосадованный, онъ хлопнулъ дверью и ушелъ отъ Васюкова.

Долго ходилъ взволнованный Двинскій изъ одного угла своей комнаты въ другой, не будучи въ состояніи успокоить себя. Вошелъ Кузнинъ, старый его товарищъ по гвардіи, переведенный въ баталіонъ.

— Что̀ ты сдѣлалъ съ Васюковымъ?

— Ничего; онъ вбѣжалъ ко мнѣ разсерженный.

— А ты разсердилъ его еще болѣе... Знаешь ли изъ за чего затѣялъ онъ всю эту кутерьму?

— Нѣтъ.

— Его увѣрили, что ты отбиваешь у него Глафиру, и сегодня весь вечеръ съ нею цаловался.

— Да я и не выходилъ изъ дому.

— Въ самомъ дѣлѣ! Вотъ городъ-то! ну, можно сказать, что нашъ городъ и сплетни — родные между собою. А мнѣ сказали, что ты былъ у Чепухиныхъ; что многіе видѣли, какъ ты съ ней цаловался, и что по этому случаю весь домъ былъ иллюминованъ.

— Я ничего не знаю, и былъ такъ занятъ письмами, полученными изъ Петербурга, что ни на что̀ не обращалъ вниманія. Правда, раза два присылали меня звать къ Чепухинымъ, но я отказался.

— Бѣдный Васюковъ, какъ его обманули! Поздравляю, о тебѣ получена бумага, съ приказаніемъ: немедленно отправить тебя въ полкъ.

— Знаю! И завтра же надѣюсь получить подорожную и ускакать.

— Смотри, братъ, сказалъ Кузнинъ съ улыбкою: завтра *первое апрѣля*, — чтобы тебя такъ же бы не приняли, какъ и всѣхъ, имѣющихъ полпись перваго апрѣля.

— Пустяки!

Они замолчали.

— Послушай, вскричалъ Двинскій съ радостію: ты говоришь, что завтра *первое апрѣля*, день обмана... Глафира надѣется, что я на ней женюсь?

— Непремѣнно; ужъ она съ матерью сегодня цѣлое утро закупала приданое.

— И Васюковъ меня ревнуетъ; значитъ, онъ ее любитъ.

— Ужасно!

— Напишемъ письмо отъ имени Глафиры, въ которомъ она приглашаетъ его къ себѣ и признается въ любви.

— Ну!

— Онъ обрадуется, прибѣжитъ къ ней... сладится такъ хорошо.

— Чудесно! и тутъ никто не можетъ быть оскорбленъ.

Онъ написалъ письмо слѣдующаго содержанія.

«Мой ангельчикъ, Трифонька!

Лукавый попуталъ меня и наноситъ мнѣ тяжкую тму и горькое испытаніе въ горести! Отъ того-то я плачу и кручинюсь всечасно, видя, что я, прежде любимая тобою, мой кумирчикъ, попала въ нечистое заблужденіе, и хотѣла испытать тебя и еще хотѣла узнать много ли, пылко ли, горячо ли ты меня любишь? хотѣла искусить тебя холодностію и сама попала подъ сердечный искусъ. Сердце стонетъ въ груди моей, вздохи собираются туда и тормошатъ мое сердеченько; ни дня, ни ночи покою нѣтъ. Стону и рыдаю по сердечномъ, сизокрыломъ голубкѣ, моемъ Трифоночкѣ. Ты утѣшь, утѣшь меня, ненаглядный, я и такъ довольно наказана: хотѣла пошутить, а сдѣлалазло превеликое для себя. Великодушный гигантъ! жду тебя сегодня въ 7 часовъ вечера.»

«Твоя Г...»

V.

Въ шесть часовъ вечера Васюковъ, какъ часовой, ходилъ взадъ и впередъ передъ домомъ Чепухиныхъ.

— Ахъ ты мол *коман ву порте ву*! произнесъ онъ съ восторгомъ: — какъ нѣжно пишетъ, какую задушевную исповѣдь прислала, и Трифочкой и Трифончикомъ-то называетъ, — что за объяденіе! Да я Богъ знаетъ что готовъ перенести, чтобы получить подобную письмопроводительную нѣжность. Прохожій!

— Что прикажете?

—Одолжи-ка, дружокъ, свѣту: мнѣ хочется прочитать важную бумагу.

Прохожій поднялъ фонарь, Васюковъ со вниманіемъ прочиталъ.

— Спаспбо!

— Утѣшь меня! написано въ письмѣ. О! утѣшу, непремѣнно утѣшу, чѣмъ только захочешь. Но зачѣмъ же приходить ровно въ 7 часовъ? Прохожій, сколько у васъ часовъ?

— Ни одинхъ нѣту, батюшка; мы люди маленькіе, такъ съ солнцемъ справляемся.

— Хорошо, прощайте! Пойду развѣ на авось. Нѣтъ, страшно разсердится, должно быть есть особая прпчина. Что еще она мнѣ писала? всего не запомнишь; все-то такъ искусно, такъ хорошо отдѣлано, какъ винегретъ! Называла меня сизокрылымъ голубкомъ; видно, писала да помышляла о пѣсенкѣ. Какъ только женюсь, непремѣнно попрошу пропѣть.

— Довольно! чтобы не прозѣвать, какъ на колокольнѣ пробьетъ семь часовъ; а то придется лишній часъ дрогнуть. Что еще было писано? Да! не посрами моего имени, великодушный гигантъ. Нѣтъ! не посрамлю, и свое имя тебѣ отдамъ! Но что это за заморская нѣжность: гигатъ или гигантъ? должно быть, она это слово особенно для меня сберегла.

Въ это время сцена въ другомъ родѣ происходила въ домѣ Чепухиныхъ.

Пригорюнившись, въ углу стола Глафира Карповна, временемъ вытирая въ тихомолку слезу. Отецъ прижимался къ окошку, и протянувъ назадъ руку, не смѣлъ выполнить свою привычку: побарабанить по стеклышку. Мать, засучивъ рукава, сдернувъ въ досадѣ чепчикъ съ головы, стояла въ грозной позиціи у стола и била по немъ кулакомъ.

—Ну что? подыми занавѣски-то на окошкахъ, да полюбуйся! экая гадость, — вся уродилась въ отца!

— Я ни тѣломъ, ни душею не виноватъ! отвѣчалъ онъ въ полголоса.

— Молчи! что защищаешься! слышишь, молчи, пока еще оставила въ покоѣ. Да за что же я такъ наказываюсь теперь? и въ люди нельзя будетъ показаться, теперь всѣ надо мною будутъ смѣяться, сплетничать. Да осмѣлься только они, такъ я вамъ задамъ феферу. Что ты тамъ прижимаешься. Слышишь, ужъ колокольчикомъ позвениваютъ; это значитъ впрягаютъ лошадей. Подыми занавѣски у окошекъ, и какъ только тронется Двинскій, такъ ты и прощайся со свѣтомъ. Вѣдь, кажись, въ руки дала жениха, такъ не могла его удержать!... такъ я сама

же возьму тебя въ руки, покажу, какъ нужно держать... Теперь тебѣ капутъ!

И она стукнула кулакомъ по столу..

Въ это время съ письмомъ въ рукѣ, влетѣлъ Васюковъ.

— Мое нижайшее всепочитаніе, любезнѣйшая маменька. И онъ началъ цѣловать ея руку; та накрыла чепцомъ сѣдую голову.

— Мое сердечное ощущеніе, мой гигантъ, мой сизокрылой голубокъ, Глафира Карповна!.. И онъ безъ счета чмокалъ ея руку.

— Мой кумирчикъ, горячо любимый — и облобызалъ отца.

— Получивъ ваше дражайшее посланіе, началъ Васюковъ, обращаясь къ Глафирѣ Карповнѣ: — бѣгу, подобравъ шинель, но вспомнивъ, что вы мнѣ не приказали являться раньше семичасовъ, стою, стою, дрогну, дрогну а, душа такъ и замираетъ, а сердце екаетъ. Ужасно продрогъ? взялъ, облобызалъ ваше дражайственное письмо и согрѣлся, согрѣлся и слушаю, слушаю и слышу, какъ вдругъ пріударило семь часовъ — я и къ вамъ. Не опоздалъ ни минуточки. Ну, позвольте вздохнуть вашей любовію и разцѣловать ваши ручки. Онъ снова началъ цѣловать.

— Ахъ ты мой задушевный Трифонъ Пахомовичъ! ты ли это, мой сердечный другъ? сказала мать.

— Я, тотъ же я, но осчастливленный письмомъ несравненной Глафиры Карповны. Вы сомнѣвались во мнѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Глафирѣ Карповнѣ, вы думали, что я не пойму шутки! О! шутите, шутите сколько угодно, только любите меня. Вы грустили сердцемъ: простите, простите, если я причиною. Позвольте мнѣ формальнымъ образомъ испросить прощеніе и облобызать вашу ручку.

— Какое это письмо, батюшка Трифонъ Пахомовичъ?

— Отъ Глафиры Карповны, и думаю, съ вашего сонзволенія, потому что я свято признаю законную власть родителей.

— Покажи, родимой, это письмо.

И она, вынувъ изъ стола два кружка, связанные проволокой, гнуся, прочла письмо по складамъ, съ помощію родимой дочки и законнаго мужа. Прочла и задумалась. Посмотрѣла на дочь, та перекрестилась, подняла плечи и покачала отрицательно головою, отодвинулась подальше; посмотрѣла на мужа, тотъ отскочилъ къ окошку.

— Ахъ ты проказница, Глафирушка, сказала мать съ ласковой улыбкою. То—то ты мнѣ все толковала о сюрпризѣ. Ахъ батюшка, Трифонъ Пахомовичъ! какъ она безъ васъ слезы проливала и все сидѣла подъ окномъ и ждала, не пройдетъ ли: хоть поклонюсь доброму молодцу Трифону Пахомовичу. А вы ужъ такъ разсердились, что не хотѣли понять шутки, вѣдь мы хотѣли васъ испытать, помучить...

— Помилуйте, могъ ли я на васъ сердиться? И въ помышленіи не было, хоть обратъ сниму.

— Вѣрю! вѣрю. Ну, поцалуй мать свою, сердечный ты мой. Произошелъ поцалуй и объятія. Въ это время изъ ея руки выпало письмо, и долетѣвъ до полу, раскрылось всей внутренней стороной, и открыло во всю длину написанное огромными буквами: «ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ 1857 ГОДА.»

— Первое апрѣля! вскричалъ Васюковъ, отдергивая руку отъ письма, которое хотѣлъ поднять. Ужъ не позволили вы меня обмануть?

— Что ты, батюшка! Первое апрѣля первому апрѣлю рознь, и одинъ другому не указчикъ, и каждый самъ по себѣ. Для тебя это благодѣяніе перваго апрѣля, а бываютъ первые апрѣля и такіе, что стоятъ и Двинскаго. Ну, поцалуй свою невѣсту, и да будетъ надъ вами не первоапрѣльское, но истинное благословеніе.

Васюковъ подошелъ, впился губами въ блѣдныя щеки Глафиры, и они начали чмокаться.

Въ это время передъ домомъ Чепухиныхъ весело взлѣзалъ Двинскій въ дорожную кибитку. Свидѣтель забавной картины, онъ захохоталъ; провожавшіе его начали аплодировать Васюкову и закричали: Да здравствуетъ первое апрѣля.

Женихъ и невѣста отскочили другъ отъ друга.

Лошади поскакали, провожавшіе Двинскаго разошлись.

— Ну, слава Богу! сказала мать, слѣдя за кибиткой. Уѣхалъ этотъ проклятый! Хоть бы ему околѣть на дорогѣ, замерзнуть или хоть въ прорубь утонуть.

— Проклятый питерскій гость! воскликнулъ встревоженный Васюковъ, и снова принялся цаловать Глафиру.

— Поздравляю васъ, дѣти мои! Супостатъ уѣхалъ, и вы женихъ да невѣста, — вотъ истинное благодѣяніе перваго апрѣля. Да кто это постарался такъ удачно? подумала мать...

вл. войтъ.

ОМЪСЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ МОЗАИКА.

ОТКУДА ШЕКСПИРЪ ЗАИМСТВОВАЛЪ СВОЕГО «ОТЕЛЛО»?

Между самыми древними произведеніями итальянскій литературы, существуетъ повѣсть нѣкоего вовсе-забытаго писателя, Джеральди Чинтіо (Geraldi Cintio). Эта повѣсть послужила основою Шекспировой трагедіи «Отелло». Перескажемъ содержаніе повѣсти, дабы читатели наши могли видѣть, что сдѣлалъ Шекспиръ изъ самаго простаго разсказа итальянскаго нувеллиста.

Когда-то въ Венеціи былъ *Мавръ*, столь-храбрый и столь-счастливый на войнѣ, что республика эта ввѣрила ему главное начальство надъ войсками. Одна прекрасная и чувствительная Венеціянка, наслышавшись о его храбрости и геройскихъ подвигахъ, страстно полюбила его. Венеціянка эта называлась *Дездемоною*. Мавръ также влюбился въ нее и они обвѣнчались, противъ воли отца и другихъ родныхъ ея. Вскорѣ послѣ того Мавръ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ Кипрскими войсками республики и отправился на островъ Кипръ вмѣстѣ съ женою. Мавръ, изъ числа приближенныхъ своихъ, особенно отличалъ двухъ: одинъ изъ нихъ, имѣвшій чинъ простаго офицера, былъ человѣкъ самой низкой души, но столь хитрый, что низость его таилась подъ непроницаемою завѣсою, а другой былъ только капралъ республиканскихъ войскъ, но имѣлъ душу благородную и честную. Отелло нѣжно любилъ его; Дездемона также осыпала его ласками — изъ желанія угодить мужу. Офицеръ, женатый впрочемъ на молодой и достойной любви Италіянкѣ, задумалъ соблазнить жену своего генерала. Дездемона отвергла всѣ его тайныя исканія. Въ досадѣ на неудачу и не вѣруя въ добродѣтель, онъ вообразилъ, что исканія его были отвергнуты потому только, что Дездемона любила капрала. Мысль эта породила въ немъ страшную ненависть къ Дездемонѣ и своему мнимому сопернику. Чтобы вѣрнѣе отмстить имъ, онъ рѣшился внушить Отелло ревность и подозрѣнія. Гнусный планъ этотъ удался, благодаря случаю. Жена офицера знала о его происхахъ, но молчала изъ боязни; впрочемъ

она не могла подозрѣвать страшной развязки ихъ. Мавръ, ослѣпленный ревностію и обманутый нѣкоторыми случайностями, принялъ намѣреніе умертвить капрала. Офицеръ, столь же малодушный, сколько и коварный, долго не соглашался сдѣлаться исполнителемъ страшной воли Отелло, но деньги наконецъ побѣдили его нерѣшительность.

Однажды вечеромъ, когда храбрый капралъ возвращался домой, офицеръ напалъ на него сзади и ранилъ шпагою въ ногу. Раненый упалъ. Крики его разбудили сосѣдей; убійца, увидѣвъ приближающихся людей, скрылся; но вскорѣ потомъ снова появился на мѣстѣ преступленія, вмѣшался въ толпу, окружавшую раненаго, и съ лицемѣрною горестію началъ жалѣть о его несчастіи. Но втайнѣ онъ надѣялся, что ранилъ капрала смертельно. Мавръ, отмстивъ своему ненавистному сопернику, рѣшился придумать средство погубить и жену свою также безнаказанно.

»Я знаю одно такое средство, сказалъ ему офицеръ: вотъ видите: надобно взять мѣшокъ и плотно насыпать его пескомъ... отъ такого мѣшка не остается никакихъ знаковъ на тѣлѣ... а тамъ, когда она умретъ, мы обрушимъ на нее потолокъ... вѣдь онъ ужь и такъ почти развалился... это всѣмъ извѣстно... и подозрѣвать не станутъ.» Ужасное предположеніе злодѣя было приведено въ исполненіе. Однажды ночью въ спальнѣ Мавра послышался шумъ. Отелло, съ нетерпѣніемъ ожидавшій этого условленнаго знака, приказываетъ Дездемонѣ встать и узнать причину шума. Дездемона повинуется. Офицеръ, скрывавшійся въ спальнѣ, наноситъ Дездемонѣ сильный ударъ мѣшкомъ, туго набитымъ пескомъ. Несчастливица падаетъ, призывая мужа на помощь; Мавръ приближается къ ней и осыпаетъ ее упреками, между тѣмъ какъ сообщникъ его довершаетъ убійство. Послѣ того, обрушивъ на тѣло Дездемоны потолокъ, и безъ того уже ветхій, Мавръ начинаетъ громко призывать сосѣдей своихъ на помощь; сосѣди сбѣгаются, видятъ тѣло, подавленное грудою обломковъ и вдаются въ обманъ. На другой день Дездемону, оплакиваемую цѣлымъ городомъ, похоронили.

Но Небо наказало преступниковъ. Мавръ, насытивъ свое мщеніе, началъ тосковать по Дездемонѣ и возненавидѣлъ своего сообщника; онъ лишилъ его мѣста и даже навѣрно убилъ бы его, еслибъ имѣлъ болѣе рѣшимости. Офицеръ поклялся отмстить Мавру. Случай свелъ его съ капраломъ, уже излечившимся отъ раны. «Если ты хочешь отмстить за твою обиду, сказалъ онъ ему при этой встрѣчѣ, то поѣдемъ въ Венецію; тамъ я назову твоего убійцу; здѣсь же я долженъ молчать.» Капралъ соглашается и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Венецію. Прибывъ въ этотъ городъ, офицеръ объявляетъ ему, что онъ былъ раненъ Мавромъ, изъ ревности, и что послѣ того Мавръ умертвилъ Дездемону и обрушилъ на нее потолокъ, чтобы скрыть причину ея смерти. Капралъ приноситъ жалобу въ сенатъ Венеціанскій. Офицеръ подтверждаетъ показаніе капрала. Мавра берутъ подъ стражу, привозятъ въ Венецію и подвергаютъ пыткѣ. Но пытка не исторгаетъ у него признанія. Сенатъ присуждаетъ его въ вѣчному изгнанію; Мавръ удаляется на погибель себѣ: родственники Дездемоны преслѣдуютъ его и убиваютъ. Вскорѣ послѣ того его сообщникъ, все столько же коварный, какъ и прежде, ложно обвиняетъ предъ судомъ одного изъ друзей своихъ. Обвиненіе состояло въ томъ, что будтобы этотъ другъ подкупалъ его убить своего врага. Обвиненнаго пытаютъ, но онъ не сознается ни въ чемъ и обвиняетъ офицера. Злодѣй также подвергается пыткѣ и послѣ долгихъ истязаній получаетъ свободу. Но истерзанный пыткою, онъ наконецъ умираетъ.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, разсказъ итальянскаго повѣствователя; изъ этого простаго разсказа сколько разнообразныхъ характеровъ, сколько драматическихъ положеній, сколько яркихъ поэтическихъ красотъ умѣлъ извлечь геній Шекспира!

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ И ПЕРВЫЕ УСПѢХИ ШИЛЛЕРА.

Когда Шиллеръ писалъ своихъ *Разбойниковъ*, драму, которую такъ бранили и

которою такъ восхищались, онъ находился въ военной школѣ въ Штутгардѣ, куда онъ долженъ былъ вступить въ слѣдствіе тягостнаго покровительства одного знатнаго человѣка.

Поэтъ нашъ хотѣлъ изучать Богословіе; ему запретили; онъ выбралъ Юриспруденцію: ему приказали, во что бы то ни стало, сдѣлаться докторомъ. Досада и гнѣвъ помогли пробудиться въ немъ великимъ дарованіямъ, — онъ сдѣлался поэтомъ.

Душу его истерзали, — она требовала мщенія, — и онъ излилъ его на цѣлое общество, издавъ это странное твореніе, гдѣ высочайшее патетическое чувство смѣшано съ тривіальностью самою поразительною, гдѣ парадоксы идутъ рядомъ съ истинами самаго здраваго разума.

Шиллеръ просилъ позволеніе ѣхать въ Мангеймъ, чтобъ присутствовать при репетиціяхъ и при первомъ представленіи его драмы, которая была принята и играна на театрѣ сего города въ 1782. Ему отказали. Онъ нарушилъ запрещеніе и тайно уѣхалъ въ Мангеймъ. Въ школу возвратился онъ обремененный вѣнками и лаврами и, какъ онъ самъ говоритъ въ изданной имъ «Таліи», съ сердцемъ полнымъ упоеній отъ первыхъ, неожиданныхъ похвалъ, которыя достигали къ нему изъ отдаленныхъ частей Германіи. Пріемъ ему въ школѣ былъ сдѣланъ самый строгій: директоръ арестовалъ его на двѣ недѣли за самовольную отлучку, а знатный покровитель, въ слѣдствіе жалобы на одну фразу изъ *Разбойниковъ*, рѣшительно приказалъ Шиллеру не издавать въ свѣтъ ничего, что не относится къ званію доктора.

Съ той поры Шиллеръ простился съ своимъ кроткимъ, добрымъ, задумчивымъ характеромъ: онъ рѣшился возстановить, во что бы ни стали, свою личную свободу и независимость. Онъ вздумалъ бѣжать и ввѣрилъ свою тайну искренно-преданному ему другу. Другъ этотъ, остававшійся всю жизнь свою восторженнымъ поклонникомъ великаго поэта, высокое назначеніе и блестящую участь котораго предсказалъ первый онъ, былъ Штрейхеръ, знаменитый піанистъ, умершій недавно въ Вѣнѣ. Въ 1783, дворъ и знатнѣйшая публика были въ Штутгардѣ, съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ ожидая Наслѣдника Россійскаго престола Павла Петровича; все было озабочено приготовленіями къ принятію сего знаменитаго гостя. Между разными царскими удовольствіями, устроена была оленья охота. Въ одномъ зданіи, примыкающемъ къ загородному дому, называемому *La Solitude* (уединеніе), собрали почти шесть тысячъ оленей, приведенныхъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Цѣлая армія, такъ сказать, составленная изъ крестьянъ, окружала этотъ сарай и препятствовала уходу оленей, за которыми было положено охотиться на другой день, преслѣдуя ихъ до горы, у подошвы которой было озеро. Такимъ образомъ этимъ дикимъ обитателямъ лѣсовъ не оставалось другаго средства къ спасенію, какъ только броситься въ озеро, и тутъ-то Высокіе охотники ихъ ожидали. День, предшествовавшій этому блистательному празднику, былъ назначенъ для бѣгства поэта. И смѣшно и трогательно видѣть, съ какой важностію и какими предосторожностями друзья наши устроивали планъ побѣга, всю цѣну котораго постигали, вѣроятно, только они одни. Штрейхеръ долженъ былъ заботиться обо всѣхъ мелочахъ, необходимыхъ для путешествія Шиллеръ, днемъ занятый обязанностями, военной службы своей, вечеръ посвятилъ на окончаніе второй драмы: *Заговоръ Фіески*, которую онъ хотѣлъ отдать на театръ въ Мангеймѣ, и въ успѣхѣ которой заключалась теперь вся его будущность, всѣ его надежды.

Наши молодые люди уговорились такъ, чтобы утромъ, въ девять часовъ, Штрейхеръ пришелъ къ Шиллеру, у котораго къ тому времени все уже будетъ готово — пожитки и книги уложены и увязаны, такъ, что ничто уже не могло бы задержать ихъ. Штрейхеръ пришелъ въ назначенный часъ, и что же увидѣлъ? въ комнатѣ величайшій безпорядокъ, а Шиллеръ, съ перомъ въ рукахъ, сидитъ за письменнымъ столомъ. Бросивъ перо, поэтъ быстро подошелъ къ нему и вскричалъ: «Посмотри, вотъ ода, которую я сочинилъ; собирая книги свои, я

печальную напалъ на Клопштока; машинально сталъ его перелистывать и между прочимъ прочелъ одну оду, которая до того мнѣ понравилась, что я ни какъ не могъ преодолѣть желанія — написать въ подражаніе ей свою оду. Слушай.» И Штрейхеръ слушалъ. Въ продолженіе всей своей жизни, онъ сохранилъ воспоминаніе объ этой сценѣ и о впечатлѣніи, которое произвела на него импровизованная ода его друга, красотой своей равнявшаяся одѣ Клопштоковой.

Наконецъ вечеромъ, въ девять часовъ, Шиллеръ, съ глазами влажными отъ слезъ, пролитыхъ имъ при прощаніи съ нѣжнолюбимой матерью, пришелъ въ домъ Штрейхера, съ двумя старыми пистолетами подъ плащемъ. У одного изъ этихъ заслуженныхъ орудій былъ курокъ, но недоставало кремня; его положили въ чемоданъ; другой былъ еще *невинне*, его онъ взялъ съ собой въ карету. Не нужно и говорить, я думаю, что ни тотъ, ни другой не были заряжены.

Такимъ образомъ доѣзжаютъ они до заставы, гдѣ другъ Шиллера былъ начальникомъ караула: предосторожность, взятая заранѣе. Путешественники наши называютъ себя вымышленными именами; въ сильномъ душевномъ волненіи прощаются они съ городомъ. Наконецъ Шиллеръ свободенъ, съ кошелькомъ въ чахоткѣ, (все его богатство простиралось не свыше рублей сорока), но съ головой, наполненной планами и поэтическими мечтами. Бѣдный Шиллеръ! Могъ ли онъ вообразить въ эти счастливыя минуты, что жестокое испытаніе ожидало его въ Мангеймѣ, который онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ обѣтованною землею. Въ Мангеймѣ былъ въ то время театръ, на которомъ блистали великіе артисты: Бейль, Бекъ, Иффландъ. Долго, и послѣ нихъ, еще этотъ театръ поддерживалъ свою славу и былъ превосходнымъ разсадникомъ молодыхъ артистовъ. Передъ этотъ-то ареопагъ долженъ былъ явиться Шиллеръ; его рѣшенію долженъ былъ онъ подвергнуть свое новое произведеніе. Онъ не могъ побѣдить смущенія и безпокойства, которыхъ не изглаживало и самое воспоминаніе о первомъ успѣхѣ. Шиллеръ пожелалъ, чтобы трагедію его прочли при многочисленномъ собраніи, и потому режиссеръ театра, Майеръ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ знаменитыхъ артистовъ этого театра. Поэтъ нашъ приходитъ, въ сопровожденіи Штрейхера, своей вѣрной тѣни; его принимаютъ съ искреннимъ уваженіемъ и радушіемъ. Онъ начинаетъ читать, всѣ слушаютъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, но не подавая ни одного знака одобренія. Послѣ перваго акта, Бейль уходитъ; во время чтенія втораго акта, положеніе всѣхъ становится довольно затруднительнымъ: его слушаютъ еще, но уже очень разсѣянно; принесли плоды и всѣ были рады найдти предлогъ, чтобъ встать. Одни шепчутся, другіе смѣются, третьи предлагаютъ идти на охоту; всѣ расходятся, оставя чтеніе неоконченнымъ, и поэта — смущеннаго, униженнаго, уничтоженнаго. Вечеръ прошелъ очень тягостно для всѣхъ: Майеръ отозвалъ наконецъ Штрейхера въ сторону, и спросилъ:

«Увѣрены ли вы, что *Шиллеръ* написалъ Разбойниковъ?» Штрейхеръ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: онъ не понялъ его вопроса.

«Точно ли вы увѣрены, что Разбойники сочинены не другимъ кѣмъ-нибудь, и что Шиллеръ написалъ для этой трагедіи не одно только имя свое?»

Такое подозрѣніе, какъ громомъ, поразило восторженнаго друга Шиллерова. «Увѣренъ ли я, что Шиллеръ самъ написалъ *Разбойниковъ*? Не только онъ написалъ ихъ самъ, но еще одинъ, и не занимая ни у кого ни одной мысли, ни одного слова. Но отчего это оскорбительное и странное сомнѣніе?

— Оттого, холодно отвѣчалъ цензоръ-артистъ, оттого, что я не слыхивалъ ничего попрѣе и несноснѣе его *Фіеско*, и мнѣ кажется невозможнымъ, чтобъ въ той же головѣ, которая для перваго опыта произвела такое художественное твореніе, какъ Разбойники, чтобы въ этой головѣ могла родиться такая ничтожная вещь.

Штрейхеръ клялся, чѣмъ только могъ, что Фіеско былъ еще превосходнѣе, и что Шиллеръ въ своемъ новомъ произведеніи

обратилъ все вниманіе на драматическій эффектъ и сценическую обстановку. Аристархъ остался непоколебимъ и проводилъ его словами: «Я долженъ это знать лучше, нежели кто нибудь; критика — ремесло мое; я объявляю вамъ, что если вашъ молодой человѣкъ такъ же будетъ продолжать, то съ каждымъ днемъ будетъ становиться хуже и хуже, и разсѣетъ послѣднія искры своего таланта въ наборѣ надутыхъ и напыщенныхъ фразъ, достойныхъ школьника, съ взбалмашной головой.

Между тѣмъ, при разставаньи, онъ попросилъ у Шиллера позволенія оставить у себя до завтра его рукопись, которую онъ хотѣлъ перечесть самъ, тѣмъ болѣе, что не зналъ еще развязки драмы.

Пришедши домой, Шиллеръ предался отчаянію со всей пылкостью гордой души, жестоко-обманутый въ лучшихъ своихъ надеждахъ. «Вотъ, вскричалъ онъ, зависть артистовъ, вотъ эта низкая зависть, о которой мнѣ столько говорили, но которой я не могъ вѣрить. Но что мнѣ до этого? Я хочу, чтобъ моя трагедія была играна, хотя бы для этого я самъ долженъ былъ сдѣлаться актеромъ. А впрочемъ и кто же лучше меня можетъ передать эту роль?»

Въ этомъ-то именно онъ и ошибался. Въ пылу своей досады, онъ забылъ, что еще въ Штутгардѣ, когда играли *Клавдія* Гете въ честь герцога Виртембергскаго, онъ самъ занималъ главную роль и выполнилъ ее чрезвычайно дурно. Великій поэтъ, онъ считалъ себя одареннымъ и тѣмъ талантомъ, котораго у него рѣшительно не было.

На другой день утромъ, Штрейхеръ пришелъ къ Майеру, чтобы узнать рѣшительный отвѣтъ. Едва этотъ замѣтилъ его, какъ закричалъ въ восторгѣ: Вы правы, *Фіеско* превосходная піеса, и непремѣнно произведетъ чудесный эффектъ на сценѣ. Я снова представлю его комитету чтенія; но теперь мы его прочтемъ сами, и я ручаюсь, что его примутъ. Знаете ли отъ чего произошло вчера это холодное изумленіе всѣхъ? — Отъ тяжелаго чтенія Шиллера. Онъ произноситъ «затвори дверь» съ такой же важностью, какъ и самыя главныя сцены. Право, хуже его читать невозможно.

И точно, когда я воображу себѣ Шиллера съ его пылкимъ воображеніемъ, съ поэтическимъ восторгомъ, передающимъ честолюбивыя слова Фіески, написанныя самымъ простымъ, легкимъ слогомъ, когда я воображу, какъ воспламенялся поэтъ напъ, но мѣрѣ того, какъ слушатели его зѣвали отъ скуки, я не могу удержаться отъ смѣха, представляя эту смѣсь траги-комическаго съ каррикатурно-трагическимъ.

Въ этотъ разъ Майеръ сказалъ правду. *Заговоръ Фіески* былъ принятъ и игранъ съ большимъ и продолжительнымъ успѣхомъ. Шиллера упросили остаться при Мангейскомъ театрѣ, какъ драматическаго поэта, и съ этого времени начались его блистательные и безпрестанно возрастающіе успѣхи, до самаго *Вильгельма Телля*, превосходнаго творенія, увѣнчавшаго самую чистую, поэтическую жизнь, которою можетъ гордиться Германія.

Вѣроятно, послѣ этого несчастнаго чтенія и въ отвѣтъ на непремѣнное желаніе Шиллера сдѣлаться актеромъ, Бенль сказалъ ему пророческія слова: Вамъ «назначено быть украшеніемъ и славой нѣмецкой сцены, какъ поэту, но не какъ актеру.»

ДРАМА И ВОДЕВИЛЬ ИЗЪ ЖИЗНИ ПАРИЖСКИХЪ СОТРУДНИКОВЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Есть, при всякой Парижской газетѣ, особенный классъ сотрудниковъ, которые называются *Сборщиками новостей, бѣгунами* (les coureurs de la ville), которые поставляютъ мелкія извѣстія, печатаемыя во Французскихъ журналахъ подъ рубрикою: *Разныя извѣстія* — Faits — Paris).

Тяжела эта должность въ Парижѣ! Бѣдный сборщикъ новостей долженъ быть всегда на-сторожѣ, всегда на ногахъ; онъ долженъ подмѣтить каждое замѣчательное происшествіе въ городѣ, отдать отчетъ о каждомъ общественномъ торжествѣ, описать каждое замѣчательное зданіе, вновь воздвигаемое въ Парижѣ; словомъ, онъ долженъ быть вездѣ и нигдѣ! Онъ долженъ имѣть тысячи знакомствъ, кланяться людямъ въ

силѣ и людямъ безъ значенія въ обществѣ, ласкать старыхъ кухарокъ и почти пожимать руку брюзгливымъ привратникамъ; онъ долженъ безропотно переносить дождь и жаръ, холодъ и слякоть; онъ долженъ даже подвергаться опасностямъ! Бѣдный сборщикъ новостей! И за какую ничтожную плату совершаетъ онъ всѣ эти подвиги! Вы покраснѣете за него, когда я скажу вамъ, что за строку своихъ извѣстій, — извѣстій, добытыхъ съ такимъ тяжкимъ трудомъ, извѣстій, которыя читаетъ потомъ съ любопытствомъ вся Франція, вся Европа,—онъ получаетъ только по двадцати копѣекъ мѣдью!

Вотъ нѣсколько анекдотовъ, которые покажутъ вамъ, какъ велика должна быть дѣятельность сборщика новостей, сколько надобно ему имѣть смѣтливости и расторопности и какъ хорошо обязанъ онъ знать Парижъ.

Однажды производился въ Парижѣ процессъ по одному важному политическому преступленію. Генералъ-прокуроръ, недовольный журнальными толками объ этомъ предметѣ, далъ тюремному начальству строжайшее приказаніе: не пропускать къ подсудимому никого кромѣ врачей, и принялъ всѣ мѣры для того, чтобы въ день казни публика находилась въ дальнемъ разстояніи отъ эшафота.

Чтожъ вышло изъ всѣхъ этихъ предосторожностей? На другой день генералъ-прокуроръ получилъ вмѣстѣ съ газетами самое подробное описаніе казни; въ этомъ описаніи не были забыты ни тѣ приготовленія, которыя называются *туалетомъ* преступника, ни предчувствія осужденнаго, ни его послѣдній обѣдъ, ни его отъѣздъ изъ тюрьмы, ни прощаніе его съ товарищемъ по заключенію..... словомъ, тутъ были переданы всѣ подробности, предшествовавшія казни и всѣ подробности самой казни.

Какимъ образомъ совершилось такое чудо? Одинъ только палачъ могъ передать все это сочинителю описанія. Палачу сдѣлали допросъ. Сначала онъ запирался, но подъ конецъ объявилъ, что одинъ пріятель его, поподчивалъ его виномъ и вызвался *помочь* ему, и что, не имѣя товарища, онъ согласился на это предложеніе. Пріятель ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на площадь, и въ самомъ дѣлѣ помогъ при совершеніи.... Угадываете ли вы, кто былъ этотъ пріятель?..

Самый знаменитый сборщикъ новостей въ Парижѣ былъ въ послѣднее время Донзело, прозванный *Enfonce Pavé*. — Донзело жилъ — если только можно сказать, что онъ жилъ гдѣ—нибудь, — на одной изъ Парижскихъ набережныхъ. Каждое утро, передъ выходомъ, онъ внимательно взглядывалъ на небо и на барометръ, висѣвшій въ его коморкѣ; потомъ, запасясь тростью и походною чернильницею, говаривалъ про себя: «Дождичекъ будетъ скользко; значитъ будетъ много раздавленныхъ экипажами.» Или: «ждать бури; значитъ сегодня случится довольно помѣшательства» или, наконецъ: «темно! облачно! то-то времячко для спасна! Надобно поискать самоубійствъ.»

Но Донзело и самъ погибъ трагически. Ему случилось присутствовать при одной изъ несчастныхъ смутъ Парижскихъ. Къ концу ея онъ былъ раненъ пулею.

— Вы ранены? воскликнулъ бывшій тутъ же врачъ.

— Да, отвѣчалъ Донзело, и такъ тяжело, что не могу писать.

— Писать! сурово возразилъ ему медикъ: есть когда теперь писать! Вамъ надобно лечиться.

— Позвольте, возразилъ въ свою очередь Донзело, мнѣ должно описать это происшествіе... потрудитесь замѣнить меня... я вамъ продиктую... пишите: Въ этой гибельной схваткѣ трое ранены и одинъ убитъ...

— Убитъ! воскликнулъ докторъ, да кто жъ убитъ?

— Я! сказалъ Донзело, и умеръ.

Лѣтъ за нѣсколько тому назадъ, одному сборщику новостей, прозванному *Точнымъ*, поручено было описать для Journal de Paris церемонію освященія церкви св. Женевьевы.

Церемонія эта была назначена въ полдень. Къ несчастію, г. Точный заигрался на билліардѣ и пріѣхалъ въ церковь уже въ два часа пополудни.

Въ церкви св. Женевьевы, еще украшенной гирляндами и исполненной благоуханія,

не было уже никого, кромѣ одного церковника. Испуганный сборщикъ новостей тотчасъ адресовался къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Церемонія, видно, отложена?

— Какъ отложена? отвѣчалъ церковникъ, она уже кончилась.

— Кончилась? Кончилась безъ меня! это восклицаніе изумило церковника. Онъ съ головы до ногъ осмотрѣлъ незнакомца.

— Да, безъ васъ, сказалъ онъ наконецъ иронически: не прикажете ли начать снова?

— О, еслибъ это было возможно!

— Прикажете еще разъ обойти кругомъ церкви?

— Кругомъ?.. А! такъ въ подобныхъ случаяхъ ходятъ кругомъ церкви?

— Ну, да!

— А потомъ?

— Потомъ говорится проповѣдь.

— Проповѣдь? И только? а въ чемъ состояла нынѣшняя проповѣдь? Не можете ли вы передать мнѣ ея содержаніе!

— Извольте...

На другой же день въ Journal de Paris было напечатано самое подробное описаніе этой церемоніи. Но посудите объ удивленіи редакторовъ, когда изъ другихъ Парижскихъ журналовъ увидѣли они, что содержаніе проповѣди, произнесенной на этомъ торжествѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которое напечатали они въ своемъ журналѣ.

Г. Точный, на вопросъ о причинѣ такого разногласія, сказалъ утвердительно, что онъ находился при освященіи и передалъ проповѣдь слово въ слово, но что товарищи его, опоздавшіе къ церемоніи, сами *сочинили* общими силами новую проповѣдь. Ему повѣрили. Но лишь только г. Точный оставилъ грозныхъ судей своихъ, какъ вдругъ предсталъ предъ ними секретарь архіепископа Парижскаго и объявилъ, что Journal de Paris совершенно исказилъ проповѣдь его высокопреосвященства...

Почтенный г. Точный былъ уволенъ въ чистую отставку отъ занятій по этому журналу.

Вскорѣ послѣ того, г. Точный поступилъ въ подобную же должность къ другому Парижскому журналу, *Аристарху*. Издатель Аристарха, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ палаты депутатовъ, поручилъ г. Точному отдавать отчетъ о ея засѣданіяхъ.

Г. Точный, въ продолженіе нѣкотораго времени, довольно хорошо исполнялъ сдѣланное ему порученіе. Но въ одинъ несчастный день онъ опоздалъ къ засѣданію, точно такъ же, какъ опоздалъ на освященіе.

— Что новаго, господа? сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ: не говорили ли о чемъ нибудь безъ меня?

— Какъ же! воскликнулъ одинъ молодой человѣкъ: ужъ вотъ рѣчь, такъ рѣчь!

— Какъ, рѣчь? какая рѣчь? кто произнесъ?

— Кто?... издатель «Аристарха».

— Онъ?... Можетъ ли быть?

— Да. И какая рѣчь! чудо, братецъ!

— Вотъ тебѣ разъ! Чтобъ его самъ чортъ побралъ! Все молчитъ, а тутъ вотъ словно на смѣхъ... Ну, а о чемъ онъ говорилъ?..

— О налогѣ на табакъ.

Стенографъ призадумался, потомъ вдругъ схватилъ перо и воскликнулъ:

— Безъ рѣчи мнѣ нельзя показаться въ редакціи! Надобно составить... Сказывай, о чемъ онъ говорилъ.

Молодой человѣкъ принялся было пересказывать рѣчь, но стенографъ остановилъ его слѣдующими словами:

— Довольно. Я знаю его. Я *вижу* его рѣчь, я угадываю его мысли.

Въ слѣдъ за тѣмъ г. Точный написалъ пространнѣйшую рѣчь о налогѣ на табакъ, упомянулъ въ приличныхъ мѣстахъ о рукоплесканіяхъ, объ одобрительномъ шопотѣ и заключилъ все это принятою формулою: «послѣ этой блестящей импровизаціи, ораторъ сходитъ съ трибуны и принимаетъ искреннѣйшія поздравленія друзей своихъ. Засѣданіе на нѣкоторое время прерывается.»

Но, о бѣдствіе! На повѣрку вышло, что издатель «Аристарха» не произносилъ никакой рѣчи въ это засѣданіе, и бѣдный г. Точный былъ снова уволенъ отъ своей должности...

ШЕКСПИРЪ, РУССКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ И РУССКАЯ КРИТИКА.

Шекспиръ, несмотря на трехъ-вѣковую почти давностьсвою, несмотря на то, что нѣсколько разъ переведенъ на нѣмецкій и на французскій языки, въ нашей литературѣ, а въ особенности на нашей сценѣ, есть еще гость новый, не оглядѣвшійся, а тѣмъ менѣе приглядѣвшійся. Самая старинная попытка перевода Шекспировой піесы на русскій языкъ относится къ 1787-му году. Я разумѣю переводъ его трагедіи «Юлій Цесарь,» *бѣлыми стихами*. *) *Кажется*, переводъ этотъ сдѣланъ Карамзинымъ. Объ этомъ надѣюсь поговорить болѣе въ другое время.

Правда, годомъ ранѣе явилась на русской сценѣ (въ Петербургѣ и Москвѣ) комедія Шекспира: «Виндзорскія проказницы,» но это былъ не переводъ, а передѣлка, или, по тогдашнему названію, *вольное преложеніе изъ Шакеспира*. Комедія эта послѣ представленія была напечатана подъ заглавіемъ: *Вотъ коково шить корзину и бѣлье!* **)

Съ того времени и, если не ошибаюсь, до 1828 года, Шекспиръ ни разу не являлся въ нашей литературѣ; на сценѣ же мы видѣли лишь Дюсисовскія передѣлки Гамлета, Отелло, Короля *Лира*, и почти только.

Въ 1828-мъ году вышелъ переводъ Гамлета, сдѣланный г-мъ Вронченкой. Этотъ переводъ былъ совѣстливый, вѣрный, но тяжелый и для сценическаго представленія рѣшительно-невозможный. Журналы, радуясь такой новинкѣ, отзывались объ ней благосклонно; публ. ихъ не приняла ее холодно.

Въ 1830-мъ году, или около того времени, явилась на русской сценѣ первая піеса Шекспира непередѣланная, хотя порядочно искаженная: это былъ *Ричардъ III-й*, переведенный *стихами* (!) г-мъ *Ермпскимъ* (?!) *съ англійскаго* (!?!). Стихи были такъ скрыпучи и дубовы, что актеры чуть не переломали объ нихъ языки свои. Не видалъ я этой трагедіи на петербургской сценѣ; но на московской, не смотря на превосходную игру П. С. Мочалова въ роли *РичардаIII-го*, она удержалась не долго.

Въ 1837-мъ году на московской сценѣ явилась комедія Шекспира: *Венеціянскій купецъ*, перев. въ прозѣ Н. Ф. Павловымъ. Она была переведена съ грѣхомъ пополамъ т. е. при помощи французскаго перевода; но все-таки переведена литераторомъ, который хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ. Больше трехъ представленій комедія эта на сценѣ не выдержала.

Въ 1837-мъ году явился переводъ *Отелло* г-на *И. П-ва*. На аффишѣ и на заглавномъ листѣ книги поставлены были слова: *переводъ съ англійскаго*. Публика повѣрила переводчику на слово, такъ, какъ она вѣритъ русскимъ фабрикантамъ, которые, поставивъ на своихъ произведеніяхъ клеймо: «London», продаютъ ихъ за неподдѣльныя англійскія. Но эта *подѣлка* русскаго переводчика все-таки лучше, нежели старая *передѣлка* Дюсиса; піеса, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ и игрѣ нѣкоторыхъ артистовъ, имѣла посредственный успѣхъ на сценѣ, хотя переведена была тяжелымъ, неправильнымъ, часто варварскимъ языкомъ.

До сихъ поръ Шекспиръ все еще не возбуждалъ живаго участія русской публики, которая уважала имя Шекспира, но не ломилась толпою въ театръ, когда давали его піесы.

Вдругъ, неожиданно, почтенный Н. А. Полевой подарилъ русской сценѣ, въ 1837-мъ году, свой переводъ Гамлета.

Нельзя описать того восторга, съ какимъ принятъ былъ Гамлетъ на московской сценѣ! Первое представленіе этой драмы должно составить эпоху, не только въ лѣтописяхъ московскаго, но вообще — русскаго театра: до той поры никто не сомнѣвался въ огромномъ дарованіи Мочалова, но такъ какъ дарованіе это растрачивалось большею частію на ролях мелкихъ, ничтожныхъ, то Мочаловъ приглядѣлся, и многіе уже думали, что онъ далѣе не пойдетъ. Шекспиръ спрыснулъ это дарованіе живой водою,—и артистъ нашъ сдѣлалъ исполинскій шагъ впередъ. Съ той поры имя Шекспира на аффишѣ, соединенное съ именемъ Моча-

*) Напечатана въ Москвѣ, въ *Типографической Компаніи* 1787 года.

**) Напечатана въ С. П. б. 1786 года, въ тип. Имп. Акаденіи Наукъ.

лова, сдѣлалось магическимъ талисманомъ для московской публики, которая съ верху до низу наполняетъ театръ всякой разъ, когда на сценѣ даютъ драму Шекспира.

Я говорю о дѣйствіи Гамлета и вліяніи его только на московской сценѣ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ всего этого. По отзывамъ петербургскихъ журналовъ того времени, подобное же явленіе повторилось и здѣсь: представленіе Шекспировскаго Гамлета составляетъ эпоху въ сценическомъ поприщѣ В. А. Каратыгина.

Послѣ Гамлета мы видѣли на сценѣ только Короля Лира и, въ послѣднее время, Коріолана: объ піесы возбудили сильное участіе публики. Разъ была проложена дорога — теперь можно идти по ней смѣлѣе*).

Послѣ всего этого, скажите, не заслуга ли со стороны г-на Полеваго этотъ переводъ Гамлета? Какъ бы ни были велики его недостатки, но заставить публику полюбить Шекспира, о которомъ до того времени многіе знали только по-слуху, оживить дремлющую сцену свѣжимъ и могучимъ явленіемъ, дать возможность двумъ первымъ артистамъ выказать новую силу, новую сторону своихъ прекрасныхъ дарованій, заставить ихъ сдѣлать великій шагъ на поприщѣ сценическаго искусства — скажите, не заслуга ли это, достойная глубокой благодарности и литераторовъ, и артистовъ, и публики?

И мы помнимъ, какъ, въ единственномъ въ то время журналѣ, въ Москвѣ — «Московскомъ Наблюдателѣ» нѣкто г-нъ Бѣлинскій чуть ли не цѣлое полгода толковалъ о «Гамлетѣ», разсматривая его содержаніе, характеры дѣйствующихъ лицъ, игру Мочалова, наконецъ переводъ г-на Полеваго. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ онъ о семъ послѣднемъ:

«Переводъ г-на Полеваго — прекрасный поэтическій переводъ; а это уже большая похвала для него и большое право съ его стороны на благодарность публики. *Но* есть еще нетолько *поэтическіе* но и *художественные* переводы, и переводъ г-на Полеваго не принадлежитъ къ числу *такихъ*. Повторяемъ, это переводъ *поэтическій, но* не *художественный*, съ большими достоинствами, *но* и съ большими недостатками. *Но* даже и не въ этомъ заслуга г-на Полеваго: его переводъ имѣлъ полный успѣхъ, далъ Мочалову возможность выказать всю силу своего гигантскаго дарованія, *утвердилъ* «Гамлета» *на русской сценѣ. Вотъ въ чемъ его заслуга,* и мы *заранѣе отказываемся отъ всякаго спора съ тѣми людьми, которые не захотѣли бы видѣть въ этомъ* великой заслуги, *и литературѣ, и сценѣ, и дѣлу собственнаго образованія.* Не будь переводъ г-на Полеваго даже поэтическимъ, но имѣй такой же успѣхъ — мы и тогда смотрѣли бы на него, какъ на дѣло *великой важности*. Можетъ быть, намъ возразятъ, что *безъ поэтическаго достоинства*, переводъ и не могъ бы имѣть никакого успѣха, — *съ этимъ мы согласны.*

«Утвердить въ Россіи славу имени Шекспира, утвердить и распространить ее не въ одномъ литературномъ кругу, но во всемъ читающемъ и посѣщающемъ театръ обществѣ; опровергнуть ложную мысль, что Шекспиръ не существуетъ для новѣйшей сцены, и доказать, напротивъ, что онъ-то преимущественно и существуетъ для нея: — согласитесь, что это *заслуга* и *заслуга великая.*»

Въ концѣ статьи своей г-нъ Бѣлинскій говоритъ:

«Заключаемъ: переводъ «Гамлета» есть одна *изъ самыхъ блестящихъ заслугъ г-на Полеваго* русской литературѣ. Дѣло сдѣлано — дорога арены открыта, борцы не замедлятъ. Что нужды, что онъ въ нихъ найдетъ, можетъ быть, опасныхъ соперниковъ, кипящихъ свѣжею силою юности, не гостей, но уже хозяевъ, на *свѣтломъ пиру современности* (?!). Мы увѣрены, что онъ первый, и отъ всего сердца, пожелаетъ имъ побѣды!» (Моск. Набл. 1838 г. кн. 5-я стр. 83 и 90.)

Вотъ голосъ чистой, нравственной критики, выраженіе благороднаго сердца, нерастлѣннаго ни мелочными разсчетами ко-

*) Я не упоминаю здѣсь о нѣкоторыхъ переводахъ Шекспира напечатанныхъ, но непгранныхъ на сценѣ, каковы: Король Лиръ и Венеціянскій купецъ перев. г-ми Якимовымъ, Макбетъ пер. г. Врочепкой, и нѣкоторыхъ другихъ, явившихся въ послѣдніе годы.

рысти, ни отвратительнымъ духомъ партій, только по злоупотребленію слова называемыхъ *литературными*. Во всей длинной статьѣ, или, лучше сказать, статьяхъ, напечатанныхъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ,» вездѣ мы человѣка, который, хотя многословно, хотя нерѣдко вкривь и вкось, разсуждаетъ о предметѣ, очень занявшемъ и увлекшемъ его, но разсуждаетъ добросовѣстно, такъ что вы, прощая нѣкоторыя неправильныя сужденія, съудовольствіемъ прочитываете эту критику, одушевленную чувствомъ, писанную отъ полноты чистосердечнаго убѣжденія.

Переводъ г-на Полеваго напечатанъ первымъ изданіемъ въ 1837-мъ году: это первое изданіе разошлось все. По желанію многихъ, Гамлетъ былъ снова перепечатанъ въ «Репертуарѣ» прошлаго 1840 года. Тутъ явились объ немъ новые толки...

Но къ общему удивленію, русская критика въ этотъ разъ заговорила совсѣмъ другимъ голосомъ; впрочемъ, нѣтъ, виноваты: не *русская* критика, а критика «Отечественныхъ Записокъ,» поглотившихъ въ своихъ необъятныхъ книжкахъ весь «Московскій Наблюдатель» за два года, всю дѣятельность г-на Бѣлинскаго и К°. И духъ, и языкъ, и дѣйствователи «Московскаго Наблюдателя» перешли въ «Отечественныя Записки», а между тѣмъ, при этой удивительной *гармоніи* душъ обоихъ журналовъ, вдругъ въ критику «Отечественныхъ Записокъ» вкралась какая-то, еще болѣе удивительная, *разорванность духа*. То ли направленіе критики, тѣ же пріемы, та же манера въ общемъ — а въ частностяхъ странныя противорѣчія съ «Московскимъ Наблюдателемъ».

Что до насъ касается, храня еще живо въ памяти критическія похожденія «Московскаго Наблюдателя», и сравнивая ихъ съ критическими приключеніями «Отечественныхъ Записокъ», мы убѣдились, что отвага перваго во вторыхъ превратилась въ увѣренность, простодушное ребяческое незнаніе — въ дерзкое невѣжество. Вотъ тому доказательства, имѣющія отношенія именно къ нашему предмету.

Въ 4-й кн. «Отечественныхъ Записокъ» на 1840 г. въ отдѣленіи *библіографической хроники* (стр. 64 и пр.) напечатана, обличающая заносчивость и незнаніе дѣла статья, въ которой переводъ «Гамлета», сдѣланный П. А. Полевымъ, разруганъ, какъ нельзя хуже! То, что въ «Московскомъ Наблюдателѣ» названо было *великой заслугой Полеваго*, то въ «Отечественныхъ Запискахъ» провозглашается *четвертымъ страданіемъ* Гамлета (послѣ первыхъ трехъ *Дюсиса*, *Сумарокова* и *Висковатова*) и *водевильною передѣлкою*. Послѣ разныхъ *остроумныхъ* выходокъ противъ г-на Полеваго, критикъ, не оставляя тона *благородной* сатиры, учитъ наконецъ, какъ бы должно было перевести *нѣкоторыя мѣста* «Гамлета». Впрочемъ, онъ не самъ достигъ до этой премудрости, а поетъ съ голоса покойнаго харьковскаго профессора, И. И. Кронеберга, котораго замѣчанія, на переводъ «Гамлета» г-мъ Полевымъ, были напечатаны въ 10-мъ № «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду, второй половины 1839 года. Критикъ нашъ до такой степени *близко* придерживался статьи Кронеберга, что перенесъ изъ нея въ свою собственную всѣ *опечатки*, вкравшіяся, по недосмотру корректора, въ статью «Литературныхъ Прибавленій». Такимъ образомъ, въ 1-й выпискѣ на стр. 65 «Отечественныхъ Записокъ:» «You cannot, sir, take from me any thing» вмѣсто *that* (что, который) напечатано *strat*, какъ и въ Литературныхъ Прибавленіяхъ (10 №, втораго полугодія, стр. 195), отчего въ выпискѣ вовсе нѣтъ смысла; въ другой выпискѣ (стр. 66 От. Зап.) «I have not art» вмѣсто «*to* reckon» напеч. «*fo* reckon», какъ въ Лит. Приб. на стр. 195, и пр.

Но это — *простодушное, ребяческое незнаніе*, очень-забавное, не болѣе. Критикъ однако жъ этимъ не удовольствовался. Слова Гамлета: You cannot, sir, take from me any thing, that I will most willingly part withal, except my life, except my life, except my life, у г. Полеваго переведены такъ: Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою,

жизнь мою.» Обрадовавшись тому, что въ немногихъ строкахъ англійскаго текста, попалось ему одно слово знакомое *except* (excepté), онъ чрезвычайно обидѣлся, зачѣмъ этого *единственаго знакомца* его нѣтъ въ русскомъ переводѣ, и грозно возсталъ противъ г-на Полеваго за то, что онъ осмѣлился пренебречь этимъ словомъ, и не вставилъ его въ свой переводъ Критикъ Отечественныхъ Записокъ увѣряетъ, что эту фразу надобно перевесть такъ: «Вы ничего не можете взять (?!!); *я вамъ все уступаю охотно,* (!!!) *кромѣ* жизни моей, и пр. Здѣсь уже не простодушное ребяческое незнаніе, а дерзкое невѣжество и самоувѣренность. И какъ назвать иначе то, когда наглый писака, съ видомъ знатока, толкуетъ о такихъ вещахъ, которыхъ онъ рѣшительно не понимаетъ, и въ доказательство своей справедливости, приводитъ факты, которые именно говорятъ *противъ него?* Скажите, *какъ этакихъ людей учтиво зовутъ?*

Вникнемъ въ дѣло.

Полоній, оставляя Гамлета, говоритъ: My honourable lord, I will most humbly take my leave of you. (Достопочтенный принцъ! Я хочу всепокорнѣйше *взять* у васъ мое прощеніе).

Гамлетъ отвѣчаетъ ему (перевожу слово въ слово). Вы не можете, м. г., *взять* у меня ничего (ни какой вещи), что бы я уступилъ вамъ охотнѣе, кромѣ моей жизни, и пр.

Явно, что въ отвѣтѣ Гамлета скрывается нѣкоторая игра словъ, именно опирающаяся на слово *взять.* Отвѣтъ его нѣсколько темевъ и *двусмыслен*ъ, какъ и всѣ почти разговоры его съ Полоніемъ; но все-таки до смысла добраться не трудно: Вы не можете ничего взять у меня, что бы я уступилъ вамъ охотнѣе (*этого прощанія*), кромѣ моей жизни (*которую вы также можете взять у меня и которую я уступлю еще охотнѣе*).

Другаго значенія въ этихъ словахъ и быть не можетъ, иначе они противорѣчили бы цѣлому характеру Гамлета, который, въ теченіе піесы, не одинъ разъ какъ бы тяготится жизнію; этому служатъ доказательствомъ почти всѣ его монологи съ самимъ собою отъ перваго. «*O that this too too solid flesh would melt*» до знаменитаго «*To be or not to be*».

Но, если нашему критику недосугъ подумать объ этомъ, мы представимъ ему, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, авторитеты извѣстнѣйшихъ переводчиковъ Гамлета:

Vous ne pouvez, monsieur, rien prendre de moi, que je vous donne plus volontiers, si ce n'est pas ma vie, etc. (Oeuvres complètes de Shakespear, trad. de l'anglais par Letourneur, nouvelle édition, revue et corrigée par Guizot et. A. p. T. 1, p. 240).

Въ другомъ французскомъ изданіи перевода Шекспира (1836): Monsieur, vous ne pouvez me rien prendre que j'abondonne plus volontiers, si ce n'est ma vie.

У *Тика* и *Шлегеля:* Ihr könnt *nichts von mir nehmen,* Herr, das ich *lieber fahren liesse,* bis auf mein Leben etc.

Наконецъ у г-на Вронченки, котораго переводы Шекспира критикъ «Отечественныхъ Записокъ» самъ превозносилъ нѣсколько разъ, это мѣсто переведено слѣдующимъ образомъ:

Полоній. Простите, принцъ! Я долженъ идти.

Гамлетъ. Нѣтъ ничего, что бы я *простилъ* тебѣ охотнѣе, кромѣ смерти моей, кромѣ смерти, кромѣ смерти! (Гамлетъ стр. 60.)

Не то ли же самое, что у Полеваго: «Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою!» Довольно ли этихъ доказательствъ?

Кажется, ясно?!

Въ другой выпискѣ своей, критикъ «Отечественныхъ Записокъ,» съ важностію знатока увѣряетъ, что англійское слово *numbers* значитъ *стихи* (между тѣмъ какъ это слово значитъ *мѣра стиховъ, число стопъ*) и что выраженіе whilst this machine is *to him* должно перевести: «пока эта машина принадлежитъ *мнѣ*», между тѣмъ какъ всякой школинкъ, едва начавшій учиться англій-

скому языку, знаетъ, что *to him* есть дательный падежъ мѣстоименія *he* и значитъ не болѣе, не менѣе, какъ *ему*.

За исключеніемъ брани, въ означенной критикѣ Отечественныхъ Записокъ нѣтъ болѣе ни какихъ замѣчаній. И такъ вътрехъ четырехъ маленькихъ выпискахъ — столько грубыхъ ошибокъ, столько невѣжества, столько дерзкаго шарлатанства! Добродушные читатели, незнакомые съ англійскимъ языкомъ, чего добраго, повѣрили на слово критику «Отечественныхъ Записокъ.» Мы сочли обязанностію своею обличить нахальное невѣжество критика, который можетъ ввести въ заблужденіе многихъ и очень многихъ...

Л. Л.

СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

Помню я: еще дитею
Въ колыбели я лежалъ,
И безмысленной слезою
Покрывало омывалъ;
Помню ласки старой Тани;
Какъ я сладко засыпалъ,
Какъ дрожащій голосъ няни
Пѣсню тихо напѣвалъ!
Вспомню пѣсню — страшно станетъ,
И заноетъ грудь тоской;
Вспомню няню — слезка капетъ
И спокойствіе со мной.
Кто страдалъ, и безъ участья,
Я отъ тѣхъ не затаю,
И въ дни лютаго несчастья
Пѣсню нянину спою:

«Спи малютка, Богъ хранитель
Надъ тобою вѣчно бдитъ,
И страдальцевъ утѣшитель
Горе тяжкое смягчитъ.
Ты теперь слезой невинной
Окропилъ свою постель,
Но, мой другъ, въ дорогѣ длинной
Вспомнишь дѣтства колыбель.
Можетъ быть, въ слезахъ печальныхъ
Будешь грустью изнывать,
И въ напѣвахъ погребальныхъ
Пѣсню няни вспоминать;
Можетъ быть, во дни мечтанья
Не предложутъ вѣрный кровъ,
Будетъ страсть безъ воздаянья —
Вспомнишь нянину любовь!
А когда, въ безумствѣ дикомъ,
На проступокъ полетишь,
И въ безпамятствѣ великомъ
Сердце злобой закалишь —
О! тогда бъ душа сказала:
— Ахъ! зачѣмъ ты умерла?...
Няня! ты бы спеленала,
Мнѣ бы воли не дала!..»

Пѣсня! пѣсня! въ колыбели
Я тебя ужъ затвердилъ,
А какъ люди захотѣли,
Съ горемъ вмѣстѣ воскресилъ.
Мнѣ сказали: пѣсня лгунья,
Вѣра въ это не беретъ...
Няня! няня! ты колдунья,
Ты все знала напередъ!..

Н. Севриновъ.

УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

(Изъ водевиля: *Путаница*).

Въ вашемъ мелкомъ городишкѣ
Осторожно надо жить:
Тамъ ходячія аффишки
Любятъ сплетни разносить;
Тамъ секретовъ не скрываютъ,
Вздоромъ заняты умы,
Тамъ и то всѣ даже знаютъ,
Что въ умѣ имѣемъ мы.
Тамъ щадятъ другъ друга рѣдко;
Только солнышко взойдетъ
И къ сосѣдкѣ ужъ сосѣдка
Коробъ новостей несетъ:
Павла Львовича сыночекъ
Подрался съ секретаремъ...
Утромъ съ сахаромъ кулечекъ
Пронесли къ судьѣ тайкомъ...
У Авдотьи Алексѣевны

Былъ въ гостяхъ вчера сосѣдъ...
У Матрены Никодѣвны
Гуся жарятъ на обѣдъ...
Тамъ хоть умъ и бьетъ баклуши,
Но за то во всѣхъ домахъ
Языки, глаза и уши
Съ утра до ночи въ трудахъ!

П. Ѳедоровъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

— *Le chevalier du guet* (Дозорный командиръ). Водевиль этотъ, исполненный веселости и самыхъ забавныхъ quiproquo, былъ представленъ въ первый разъ въ бенефисъ г. Аллана. «Дозорный командиръ» могъ бы имѣть успѣхъ и на Александрийскомъ театрѣ, еслибъ явился въ хорошемъ переводѣ, — но отъ передѣлки его на русскіе нравы да избавитъ насъ Аполлонъ!

— *La grande mère*, (Бабушка), комедія въ 5-хъ дѣйствіяхъ соч. Скриба. Въ «бабушкѣ» нѣтъ ничего особенно хорошаго, но она имѣетъ успѣхъ на нашей французской сценѣ, благодаря очаровательному искусству, съ которымъ исполняетъ въ ней г-жа Алланъ главную роль — роль женщины старой лѣтами, но молодой наружностію и еще болѣе того молодой сердцемъ. Эта трудная роль даетъ широкій просторъ таланту г-жи Алланъ.

— *Argentine* (Аржантина), водевиль, который очень смотрится, потому что въ немъ играетъ г-жа Луиза Мейеръ. Она даже танцуетъ въ немъ (съ г. Верне) какое-то *па*. Для охотниковъ до живописныхъ костюмовъ скажемъ, что мы давно не видали ничего столь прелестнаго, какъ тотъ восхитительный костюмъ, въ которомъ является г-жа Л. Мейеръ во второмъ дѣйствіи Аржантины. Мы не смѣемъ сказать того-же самаго о костюмѣ г. Верне.

— Въ бенефисъ г-жи Алланъ дана новая комедія Скриба: Le verre d'eau, которая имѣла огромный успѣхъ въ Парижѣ.

— *Der Verschwender*, (Расточитель) соч. Раймунда.

Скучная и растянутая піеса, въ которой авторъ всѣми силами старается доказать, что мотъ непремѣнно долженъ промотаться, рано или поздно. За то, какъ бы въ вознагражденіе за пустоту содержанія, авторъ наполнилъ своего «расточителя» цѣлыми толпами безполезныхъ аксессуарныхъ лицъ и безпрестанными перемѣнами декорацій. Перемѣны эти такъ часты, что даже утомляютъ зрѣніе. Третье дѣйствіе «расточителя» нѣсколько лучше двухъ первыхъ и притомъ оживлено превосходною игрою г. Бернера, занимающаго въ немъ роль бѣднаго столяра, и умною игрою г-жи Лангенгаунъ, исполняющей роль жены его. Вообще г. Бернеръ въ роляхъ простодушныхъ, честныхъ ремесленниковъ нѣмецкихъ хорошъ неподражаемо. Совѣтуемъ посмотрѣть его напримѣръ, въ забавной піесѣ «Das Fest der Handwerker», гдѣ онъ предстанетъ предъ васъ берлинскимъ маляромъ. Это живая натура!

МЫСЛИ, АНЕКДОТЫ И ЗАМѢЧАНІЯ.

— Маленькій сюжетъ большой піесы, похожъ на миніатюрную картину, вставленную въ огромную раму; мудрено ли, что тутъ должно быть много пустаго?

— Жизнь наша — драма, въ которой хотя каждое изъ дѣйствующихъ лицъ должно упасть, но его непремѣнно вызовутъ!

— Какія вы любите играть роли? спросили одного актера: Въ хорошихъ піесахъ большія, въ дурныхъ маленькія, отвѣчалъ актеръ.

— Плохой режиссеръ замѣтилъ на репетиціи одному актеру: «Вы, сударь, не на своемъ мѣстѣ.» Такъ же, какъ и вы, отвѣчалъ послѣдній.

— За чѣмъ вы сдѣлали такія вымарки въ моей піесѣ? спросилъ актера плохой переводчикъ дурнаго водевиля. За тѣмъ, сударь, чтобъ она была чище, а если это вамъ не нравится, то я впередъ не буду и рукъ марать о ваши переводы.

— Однажды во время репетиціи новой скучной драмы, одинъ изъ участвующихъ въ ней актеровъ разговаривалъ съ кѣмъ-то нѣсколько громко. Другой ему шикнулъ. Что ты братецъ шикаешь? вѣдь это еще репетиція, а не спектакль.

— Передъ сухой драмой, которая въ первое представленіе не заслужила ни одного аплодисмента, играли очень громкую увертюру. Послѣ бури всегда бываетъ тишина! замѣтилъ одинъ изъ зрителей.

— Не давно играли на провинціальномъ театрѣ новую трагедію, въ которой зрители смѣялись, а деньги плакали.

НЕКРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

На дняхъ скончался въ С. Петербургѣ, послѣ продолжительной болѣзни, К. А. Бахтуринъ, дѣятельно трудившійся для русской сцены и литературы. Къ лучшимъ его драматическимъ прозведеніямъ можно отнести драмы: *Кузьма Рощинъ* и *Пятнадцать лѣтъ разлуки*, имѣвшія большой успѣхъ на здѣшнемъ театрѣ. Изъ нихъ первая помѣщена была въ Репертуарѣ 1839 года. Кромѣ того онъ написалъ много мелкихъ стихотвореній, которыя были помѣщаемы въ разныхъ журналахъ и напечатаны отдѣльно въ двухъ томахъ.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

съ 1 декабря 1840 по 1 января 1841.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Бол. т.* Капулетти и Монтеки, оп. въ *4* д.
   Ал. т. Гризельда, тр. въ *5* д.; Титулярные Совѣтники въ домашнемъ быту, вод. въ *1*. д.; *1*-е іюля въ Петергофѣ, вод. въ *1*. д.
2. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ *4* кар.
   Ал. т. Добрый Геній, Трил. вод. въ *3* суткахъ. Ни статскій ни военный, шут. вод. въ *1* д.; Женихи чужихъ невѣстъ, оп. въ *1* д.; Сватъ Гавриловичъ Карт. Рус. быта.
3. *Ал. т.* Александръ Македонскій, Истор. пред. въ *5* д.; Провинц. театръ, шут. вод. въ *1* д.
4. *Бол. т.* Озеро Волшебницъ, бал. въ 4 д.
   Ал. т. Александръ Македонскій, истор. пред. въ 5 д. Не влюбляйся безъ памяти, шут. вод. въ 1 дѣйст.
5. *Ал. т.* Добрый геній, Трилог. въ 3. сут. Ни Статскій ни военный, шут. вод. въ 1 д. Женихи чужихъ невѣстъ, оп. въ 1 д. Сватъ Гавриловичъ, кар. рус. быта. (Бенеф. г-жи Шелиховой).
6. *Ал. т.* Эсмеральда, др. въ 5 д.; Артистъ, К. вод. въ 1 д.
   Мих. т. Харьковскій Женихъ, вод. въ 2 д.; Дѣвица Отшельница, К. вод. въ 1 д.; Заемный мужъ, вод. въ 1 д.; Покойная ночь в. въ 1 д.
   Бол. т. Параша Сибирячка, оп. въ 1 д.
8. *Бол. т.* Жизнь за Царя. оп. въ 4 д.
   Ал. т. Велизарій, др. въ 5 отд. Макар. Алек. Губкинъ, оп. въ 1 д.
9. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 д.
   Ал. т. День паденія Миссолонги, др. въ 3 д.; Роковое да! ком.-вод. въ 1 д.; Матушка Фетинья Тимофѣевна, шут. вод. въ 1 д. (Бенеф. г-жи Брянской).
10. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.; Бронзовый конь, оп. въ 1 д.
    Ал. т. Добрый геній, Трил. вод. въ 3 сут. Авось! вод. въ 1 д.; Барынина крестьянка, вод. въ 2 д.
11. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
    Ал. т. Гамлетъ, драм. пред. въ 5 д.; Сюрпризъ дочкѣ, вод. въ 1 д.
12. *Ал. т.* День паденія Миссолонги, др. въ 3 д.; Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.; Провинц. Театръ, вод. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Параша Сибирячка, оп. въ 1. д.; Лиза и Коленъ. бал. въ 3 д.
    Ал. т. Матушка Фетинья Тимофѣевна, вод. въ 1 д.; Роковое да! вод. въ 1 д. Женихи чужихъ невѣстъ, оп. въ 1 д.; Деньги, к. вод. въ 1 д.
15. *Бол. т.* Цампа, оп. въ 3 д.; Мельники, бал. въ 2 д.
    Ал. т. День паденія Миссолонги, др. въ 3 д.; Роковое да! вод. въ 1 д.; Матушка Фетинья Тимофѣевна, вод. въ 1 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Бол. т.* Гамлетъ, др. въ 5 д.
2. *Мал. т.* Первая любовь, вод. въ 1 д. Титулярные совѣтники, вод. въ 1 д. Покойная ночь, вод. въ 1 д.; Пріѣздъ жениха, инт.
3. *Мал. т.* Иголкинъ, др. въ 2 д.; Тоска по родинѣ, дивер.
5. *Мал. т.* Артистъ, вод. въ 1 д. Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.
6. *Бол. т.* Лукреція, вод. въ 1 д.; Параша Сибирячка, др. въ 2 д. Семикъ. дивер.
8. *Бол. т.* Коварство и любовь, тр. въ 5 д. Именины Помѣщика, инт. Какаду, к. въ 1 д.
9. *Мал.* Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д. Лунатикъ, бал. въ 3 д.
10. *Бол. т.* Спичкинъ, вод. въ 5 д.
11. *Бол. т.* Уголино, др. въ 5 д.
12. *Бол. т.* Суженаго конемъ не объѣдешь, вод. въ 1 д.; Возстаніе въ серали. бал. въ 3 д.
13. *Бол. т.* Артистъ, вод. въ 1 д.; Мальвина, др. въ 2 д.; Зятюшка, вод. въ 1 д.; Мочаловъ въ провинціи. вод. въ 2 д. (Бенеф. г-на Ленскаго).
15. *Бол. т.* Сынъ любви, др. въ 5 д.; Мужъ въ каминѣ, вод. въ 1 д.

16. *Ал. т.* Параша Сибирячка, рус. быль въ 2 д.; Недотрога, к. въ 1 д.; Новички въ любви, к. вод. въ 1 д.
Мих. т. Левъ Гурычъ Синичкинъ, к. вод. въ 5 д.; Макаръ Алексѣев. Губкинъ, оп. въ 1 д.

16. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 3 д. Робертъ, Маскаралъ.

17. *Бол. т.* Луція де Ламермуръ, оп. въ 3 д.; Дезертеръ. бал. въ 4 д.
Ал. т. Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д.; Харьковскій женихъ, вод. въ 3 д.; Авось! вод. въ 1 д.

18. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
Ал. т. Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Сбритая борода, к. въ 3 д.; Домашняя комедія вод. въ 1 д. (Бенеф. г-на Сосницкаго).

19. *Ал. т* Петербургскія квартиры, к. вод. въ 5 квар. Воспитанница любви, к. вод. въ 4 час.

20. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
Ал. т. Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д. Сбритая борода, к. въ 3 д.; Домашняя комедія вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Теобальдъ и Изолина, оп. въ 2 д.
Ал. т. Коварство и любовь т. въ 2 д.; Дешьги, к. вод. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.

23. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
Ал. т. Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Авось! вод. въ 1 д.; Макаръ Алек. Губкинъ, оп. въ 1 д.

26. *Ал. т.* Лукавинъ, к. въ 5 д.; Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д. Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д.

27. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
Ал. т. Уголино, др. въ 5 д.
Мих. т. Мужъ и жена, к. вод. въ 1 д.; Усы, вод. въ 1 д. Женихъ нарасхватъ, вод. въ 1 д.

28. *Ал. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, комед. въ 2 д.; Его превосходительство, к. вод. въ 1 д.; Первая любовь, к. вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
Ал. т. День паденія Мисолонги, др. въ 3 д.; Мужъ и жена, к. вод. въ 1 д.; Невозможный бракъ, к. вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
Ал. т. Сбритая борода, к. въ 3 д.; Усы, вод. въ 1 д.; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оп. въ 1 д.

31. *Бол. т.* Параша Сибирячка, оп. въ 1 д. Ченеррентола, оп. въ 2 д.
Ал. т. Двумужница, др. въ 4 сут.; съ пролог. Король и пастухъ, вод. въ 1 д. (дебютъ г-на Смирнова).

16. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.

17. *Бол. т.* Архиваріусъ, вод. въ 1 д.; Параша Сибирячка, др. въ 2 д.; Фоминъ вторникъ, инт. въ 1 д.

18. *Бол. т.* Мальвина, др. въ 2 д.; Зятюшка, вод. въ 1 д. Монаховъ въ провинціи вод. въ 2 д.

19. *Бол. т.* Искусство не платить долговъ, вод. въ 1 д. Сильфида, бал. въ 2 д.

20. *Бол. т.* Капул. и Монтеки, оп. въ 4 д. Двѣ кормилицы вод. въ 1 д.

22. *Бол т.* Ревизоръ, к. въ 5 д.; Двѣ кормилицы, вод. въ 1 д.

26. *Бол. т.* Аскольдова Могила, оп. въ 4 д.

27. *Бол. т.* Скопинъ Шуйскій, др. въ 5 д.

29. *Бол. т.* Аскольдова Могила, оп. въ 4 д.

30. *Бол. т.* Первое представленіе Мельника, к. вод. въ 1 д. Параша Сибирячка, др. въ 2 д.; Праздникъ жатвы, див.

31. *Бол. т.* Велизарій, оп. въ 3 д.; Волшебная Флейта бал. въ 1 д.

КОРІОЛАНЪ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ

ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Шекспира.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кай-Марцій благородный Римлянинъ. *Г-нъ Каратыгинъ.*

Титъ-Ларцій } Римскіе пол- } *Г. Ахалинъ.*
Коминій } ководцы. } *Г. Третьяковъ.*

Менений Агриппа, другъ Кая-Марція. *Г-нъ Борецкій.*

Сициній Велютъ } народные } *Г. Толченовъ* 1.
Юній Брутъ } Трибуны. } *Г. Сосновскій.*

Марцій, сынъ Кая.....*Г. Песоцкій.*

Туллъ-Авфидій, полководецъ Вольсковъ. *Г. Брянскій.*

Сенаторъ римскій.....*Г. Михайловъ.*

Сенаторъ вольскій.....*Г. Радинъ.*

Вѣстникъ.

1-й } Стражи } *Г-нъ Толченовъ* 2.
2-й } Вольсковъ. } *Г-нъ Фризановскій.*

1-й } Слуги Ав- } *Г-нъ Крашкинъ.*
2-й } фидіевы. } *Г-нъ Фальевъ.*

Волумнія, мать Кая-Марція. *Г. Каратыгина*

Виргилія, жена Кая-Марція. *Г. Капылова.*

Валерія, подруга Виргиліи. *Г. Бормотова.*

Рабыня.....*Г. Григорьева.*

1-й } Граждане римскіе. } *Г. Григорьевъ* 2.
2-й } } *Алексеевъ.*

Римскіе и вольскіе Сенаторы, Патриціи, Эдилы, Ликторы, воины, граждане, слуги Авфидія и проч.

1-й
2-й
3-й } Воины римскіе.

ДѢЙСТВІЕ I

ЯВЛЕНІЕ I.

Улица въ Римѣ.

Входитъ толпа Римлянъ.

1-й римлянинъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, выслушайте меня.

Нѣсколько голосовъ.

Говори, говори!

1-й римлянинъ.

Рѣшились ли вы лучше умереть, чѣмъ терпѣть голодъ?

ГОЛОСА.

Рѣшились, рѣшились.

1-й римлянинъ.

Хорошо! вы знаете отъ нашихъ трибуновъ, что Кай Марцій главный врагъ нашъ?

ГОЛОСА.

Да, да!

1-й римлянинъ.

Убьемъ его--и у насъ будетъ хлѣбъ по нашей собственной цѣнѣ.

2-й римлянинъ.

Постойте, братцы! вспомните, какія услуги оказалъ онъ отечеству!

1-й римлянинъ.

Отечеству? Все, что онъ ни сдѣлалъ славнаго, дѣлалъ, во-первыхъ, для самого себя, для насыщенія своей гордости; во-вторыхъ, изъ угожденія своей матери. О! гордость въ немъ такъ же велика, какъ и храбрость.

2-й римлянинъ.

По крайней мѣрѣ ты не упрекнешь его въ корыстолюбіи?

1-й римлянинъ.

И безъ этого есть довольно въ чемъ его упрекнуть. Но что болтать попустому?... въ Капитолій!

голоса.

Пойдемъ, пойдемъ!

1-й римлянинъ.

Постойте! кто идетъ сюда?

ЯВЛЕНІЕ II.

тѣ же и мененій агриппа.

2-й римлянинъ.

Достойный Мененій Агриппа.

1-й римлянинъ.

Онъ честнѣйшій Римлянинъ. О! если бы всѣ патриціи походили на него!

мененій.

Патриціи пекутся объ васъ, друзья мои! Если вы терпите голодъ, то въ этомъ виновны не они, но боги, наславшіе неурожай. Обращайтесь къ нимъ съ теплыми мольбами, а не съ оружіемъ въ рукахъ. Я разскажу вамъ при этомъ случаѣ очень умную сказку, друзья мои.

голоса.

Говори, говори, достойный Мененій!

мененій.

Однажды всѣ члены человѣческаго тѣла возстали противъ желудка, обвиняя его въ томъ, что только онъ одинъ остается праздными и спокойнымъ, какъ пропасть, поглощая всю пищу, тогда-какъ прочіе члены трудятся безпрестанно: одни глядятъ, другіе слушаютъ, тѣ говорятъ, эти ходятъ, эти чувствуютъ... однимъ словомъ, взаимно помогаютъ цѣлому тѣлу. Знаете ли вы, что отвѣчалъ желудокъ?

1-й римлянинъ.

Говори, благородный Мененій, скажи скорѣе, что онъ отвѣчалъ?

мененій.

Правда, друзья мои, сказалъ имъ желудокъ, хотя вы и составляете со мною одно цѣлое, но я первый пріемлю пищу, которая васъ питаетъ, и оно должно быть такъ, потому-что я запасный анбаръ и кладовая цѣлаго тѣла; вспомните же, что я отсылаю обратно пищу, струями вашей крови, до самаго сердца—престола души, и внутрь столицы—мозга; нѣтъ ни одной жилы, которая бы не обязана была мнѣ своею силою, ни малѣйшей вены, которая бы не жила мною; и хотя вы не можете видѣть, друзья мои... замѣтьте, вѣдь это говоритъ желудокъ...

1-й римлянинъ.

Хорошо, хорошо!

мененій.

И хотя вы не можете вдругъ видѣть всего, что я удѣляю каждому порознь, но я могу заключить мой отчетъ тѣмъ, что вы получаете отъ меня назадъ все лучшее, а мнѣ остается одна только нечистота.

1-й римлянинъ.

Но что же изъ всего этого слѣдуетъ?

мененій.

Этотъ добрый желудокъ — римскій сенатъ; а вы, — прочіе члены: разберите по лучше его заботы, его попеченія объ васъ, сообразите ихъ съ пользами Рима, и вы увидите, что всякое общественное благо, которымъ вы пользуетесь, исходитъ изъ сената. (*Входитъ Кай-Марцій.*)

Здравствуй, благородный Марцій!

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, кай-марцій.

марцій.

Здорово, другъ. (*Къ Римлянамъ*) Чего еще хочешь ты, подлая толпа плебеевъ, недо-

вольная ни миромъ, ни войною? Война пугаетъ ее, миръ поселяетъ въ ней дерзость. Можно ли на васъ положиться? Кто думаетъ найдти въ васъ львовъ, тотъ найдетъ лишь зайцевъ. Вы ненадежнѣе горячаго угля на льду, или града на солнцѣ. Ваша привязанность—испорченный вкусъ больнаго, который по большей части желаетъ того, что̀ ему вредно; полагаться на вашу привязанность — все равно, что плавать по морю съ камнемъ на шеѣ. Еслибъ не сенатъ, то вы бы давно пожрали другъ друга О! если бы онъ отложилъ въ сторону свою кротость и позволилъ дѣйствовать моему мечу, я навалилъ бы изъ этихъ рабовъ кучу во всю вышину моего копья.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ; *входятъ* КОМИНІЙ, ТИТЪ-ЛАРЦІЙ И ДРУГІЕ СЕНАТОРЫ, ЮНІЙ БРУТЪ И СИЦИНІЙ ВЕЛЮТЪ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Предсказаніе твое сбылось, благородный Марцій: Вольски вооружаются.

МАРЦІЙ.

Ими предводительствуетъ Туллъ-Авфидій, съ нимъ не надо плошать. Признаюсь, я завидую его славѣ, и еслибъ я не былъ Марціемъ, я бы желалъ быть Авфидіемъ.

КОМИНІЙ.

Вы, кажется, ужъ сражались другъ съ другомъ?

МАРЦІЙ.

Еслибъ половина вселенной была въ войнѣ съ другою и еслибъ онъ былъ на моей сторонѣ, я бы присталъ къ другой, чтобъ только имѣть его своимъ противникомъ. Онъ левъ, и я горжусь быть его ловцомъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Такъ, храбрый Марцій, послѣдуй за Коминіемъ на эту войну.

КОМИНІЙ.

Вспомни свое обѣщаніе.

МАРЦІЙ.

Я твердъ, Коминій, въ моемъ словѣ. Титъ-Ларцій! ты увидишь меня еще лицомъ къ лицу съ Тулломъ Авфидіемъ. Какъ, не уже-ли старость охладила тебя?.. Ты не пойдешь съ нами?

ТИТЪ.

Нѣтъ, Марцій, скорѣй я обопрусь на одинъ костыль и буду сражаться другимъ, чѣмъ отстану отъ этой войны.

МЕНЕНІЙ.

Истый сынъ Рима!

1-й СЕНАТОРЪ.

Пойдемте въ Капитолій, гдѣ друзья наши уже ожидаютъ насъ.

ТИТЪ.

Предшествуй намъ, Коминій, ты вполнѣ достоинъ этой чести.

КОМИНІЙ *(идя впередъ)*.

Благородный Ларцій.

1-й СЕНАТОРЪ (*народу*.)

Ступайте всѣ по своимъ домамъ, разойдитесь.

МАРЦІЙ.

Нѣтъ, пускай они идутъ за нами: у Вольсковъ много хлѣба; напустимъ же этихъ крысъ на ихъ житницы, — они разомъ сожрутъ весь непріятельскій запасъ; вотъ случай вамъ доказать свою храбрость. Ступайте за нами. (*Сенаторы, Коминій, Марцій, Титъ и Мененій уходятъ; граждане расходятся.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

СИЦИНІЙ, БРУТЪ.

СИЦИНІЙ.

Былъ ли когда нибудь на свѣтѣ такой гордецъ, какъ этотъ Марцій?

БРУТЪ.

Врядъ ли.

СИЦИНІЙ.

Когда мы были избраны въ народные трибуны...

БРУТЪ.

Замѣтилъ ли ты его презрительную улыбку?

СИЦИНІЙ.

Я слышалъ также оскорбительныя его насмѣшки надъ нами.

БРУТЪ.

Въ гнѣвѣ своемъ онъ не пощадитъ даже самихъ боговъ.

СИЦИНІЙ.

Наругается надъ цѣломудренной Діаной.

БРУТЪ.

Да пожретъ его эта война! онъ слишкомъ надутъ своею храбростію.

СИЦИНІЙ.

Я одному дивлюсь: какъ съ его надменностью онъ согласился быть подъ начальствомъ Коминія.

БРУТЪ.

Чтобъ сохранить или увеличить свою славу, второстепенноемѣсто есть самое выгодное: во всѣхъ неудачахъ обвинять главнокомандующаго, хотя бы онъ сдѣлалъ болѣе, нежели сколько можетъ человѣкъ; слѣпая чернь закричитъ тотчасъ: «О! еслибъ Марцій былъ главный полководецъ!»

СИЦИНІЙ.

Если же дѣла пойдутъ хорошо, то общественное мнѣніе, пристрастное къ Марцію, припишетъ *ему* всѣ заслуги Коминія и, повѣрь, онъ вдругъ сдѣлается консуломъ.

БРУТЪ.

Тогда наша должность должна будетъ спать во все время его власти.

СИЦИНІЙ.

Впрочемъ, въ почестяхъ онъ не съумѣетъ сохранить той умѣренности, которая указываетъ предѣлъ, гдѣ должно начать и гдѣ кончить.

БРУТЪ.

Въ этомъ только и отрада!

СИЦИНІЙ.

И тогда сбудется съ нимъ то, чего мы отъ души желаемъ: вѣрная погибель!

БРУТЪ.

Такъ! необходимо погибнуть или ему, или нашей власти! Для этой цѣли мы должны внушать плебеямъ, что Марцій всегда ненавидѣлъ ихъ, что если онъ достигнетъ власти и могущества, то сдѣлаетъ изъ нихъ муловъ, заставитъ молчать ихъ ходатаевъ, лишитъ ихъ многихъ правъ; что онъ считаетъ плебеевъ, по человѣческимъ дѣйствіямъ и способностямъ, небольше одаренными душою и небольше полезными на свѣтѣ, какъ верблюды на войнѣ, которые получаютъ свой кормъ только за поношеніе тяжестей, и жестокіе удары, если они падаютъ подъ ними.

СИЦИНІЙ.

И наши внушенія послужатъ огнемъ, чтобъ воспламенить плебеянъ—этотъ сухой хворостъ, и дымъ отъ него помрачитъ навсегда Марція.

БРУТЪ.

Безъ сомнѣнія.

СИЦИНІЙ.

Пойдемъ, узнаемъ о распоряженіяхъ сената и посмотримъ, потерпитъ ли Марцій надъ собой начальника.

БРУТЪ.

Пойдемъ! (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната въ домѣ Марція.

ВОЛУМНІЯ и ВИРГИЛІЯ (*за женскойработой*).

ВОЛУМНІЯ.

Прошу тебя, дочь моя, пой, или по крайней мѣрѣ будь веселѣе! Если бы сынъ мой былъ моимъ мужемъ, я бы несравненно больше радовалась его отсутствію, которое покроетъ его славою, чѣмъ пламеннымъ объятіямъ его на супружескомъ ложѣ. Когда еще онъ былъ ребенкомъ, единственнымъ сыномъ моимъ, когда всѣ восхищалйсь его красотою, въ то время, какъ другая мать не промѣняла бы за корону и одного часа удовольствія любоваться своимъ сыномъ,—я ужъ воображала себѣ, какъ пристанутъ къ нему почести, слава, безъ чего онъ казался мнѣ ни чѣмъ не лучше бездушной статуи, поставленной въ моемъ покоѣ; я съ восхищеніемъ посылала его искать опасностей всюду, гдѣ онъ могъ пріобрѣсть себѣ славу: я отправила его на кровавую войну, откуда возвратился онъ увѣнчанный дубовой вѣтвью. Признаюсь тебѣ, дочь моя, когда онъ родился и мнѣ сказали, что мой ребенокъ мальчикъ, я была въ восторгѣ, но все не въ такомъ, какъ увидѣла въ первый разъ доказательство, что онъ былъ настоящій мужъ.

ВИРГИЛІЯ.

А еслибъ онъ былъ убитъ на этой войнѣ?

ВОЛУМНІЯ.

Тогда я усыновила бы его славу и имя его было бы моимъ потомствомъ! Слушай, дочь моя: еслибъ у меня было двѣнадцать сыновей, равно любимыхъ мною, столько же драгоцѣнныхъ, какъ мой и твой добрый Марцій, я бы желала лучше, чтобъ одиннадцать благородно легли за свою родину, нежели чтобъ одинъ изъ нихъ, избѣгая битвъ, изнывалъ въ негѣ и сладострастіи.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ РАБЫНЯ (*входитъ*).

РАБЫНЯ.

Благородная Валерія проситъ позволенія войдти.

ВИРГИЛІЯ.

Позволь мнѣ удалиться, матушка.

ВОЛУМНІЯ.

Нѣтъ, дочь моя, останься здѣсь. (*Въ востюргъ*) Мнѣ кажется, что я ужъ слышу звукъ трубы легіоновъ твоего мужа; вижу, какъ онъ влечетъ за власы низверженнаго въ прахъ Авфидія и устрашенные Вольски бѣгутъ отъ него, какъ робкія дѣти отъ хищнаго звѣря; слышу, какъ въ гнѣвѣ онъ укоряетъ своихъ воиновъ: «впередъ, трусы! рожденные въ Римѣ, вы зачаты въ страхѣ... За мной!..» Утирая руками, закованными въ желѣзо, окровавленное чело свое, онъ идетъ впередъ, какъ жнецъ, обязавшійся или сжать все, или лишиться платы за свою работу.

ВИРГИЛІЯ.

Его чело въ крови!.. О, Зевсъ! не допусти до того!..

ВОЛУМНІЯ.

Безсмысленная!... кровь на челѣ воина красивѣе позолоты на его трофеяхъ..... Грудь Гекубы, питавшая младенца-Гектора, никогда не имѣла столько прелестей, какъ окровавленное чело Гектора - мужа, изсѣченное мечами Грековъ. (*Рабынѣ*) Скажи Валеріи, что мы рады ей и просимъ ее къ себѣ. (*Рабыня уходитъ и вводитъ Валерію.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВОЛУМНІЯ, ВИРГИЛІЯ И ВАЛЕРІЯ.

ВОЛУМНІЯ.

Здравствуйте, любезная Валерія?

ВАЛЕРІЯ.

Здоровы ли вы, добрыя мои хозяйки? Вы вѣчно за работой... (*Виргиліи*) Здоровъ ли вашъ сынъ?

ВИРГИЛІЯ.

Благодарю тебя; онъ здоровъ.

ВОЛУМНІЯ.

Онъ только лучше бы желалъ играть мечемъ и слушать звуки военной трубы, нежели уроки своего наставника.

ВАЛЕРІЯ.

О! онъ весь въ отца!.. славный мальчикъ!.. Повѣрите ли вы? Намедни я цѣлые полчаса глазъ съ него не сводила. Въ немъ видна такая рѣшительность... онъ гонялся за золотистымъ мотылькомъ: то поймаетъ его, то снова выпуститъ; наконецъ, погнавшись за нимъ, онъ споткнулся и упалъ.. это до того его разсердило, что онъ стиснулъ свои зубенки, и схвативъ несчастнаго мотылька, изорвалъ его въ куски.

ВОЛУМНІЯ.

Отцовскія ухватки!

ВАЛЕРІЯ.

Онъ необыкновенный ребенокъ.

ВИРГИЛІЯ.

Шалунъ - мальчикъ.

ВАЛЕРІЯ.

Брось же свою работу, оставь свое хозяйство и прогуляемся вмѣстѣ, нынче вечеру.

ВИРГИЛІЯ.

Нѣтъ, Валерія, я не переступлю за порогъ моихъ дверей, пока мужъ мой не возвратится съ войны.

ВАЛЕРІЯ.

Ты хочешь быть затворницей?.... Это безразсудно!.. Пойдемъ навѣстить больную нашу сосѣдку.

ВИРГИЛІЯ.

Я желаю ей скораго выздоровленія и не забуду ее въ моихъ молитвахъ; но не могу идти къ ней.

ВАЛЕРІЯ.

Ты хочешь быть второю Пенелопой. Но

силѣ и людямъ безъ значенія въ обществѣ, ласкать старыхъ кухарокъ и почти пожимать руку брюзгливымъ привратникамъ; онъ долженъ безропотно переносить дождь и жаръ, холодъ и слякоть; онъ долженъ даже подвергаться опасностямъ! Бѣдный сборщикъ новостей! И за какую ничтожную плату совершаетъ онъ всѣ эти подвиги! Вы покраснѣете за него, когда я скажу вамъ, что за строку своихъ извѣстій, — извѣстій, добытыхъ съ такимъ тяжкимъ трудомъ, извѣстій, которыя читаетъ потомъ съ любопытствомъ вся Франція, вся Европа,—онъ получаетъ только по двадцати копѣекъ мѣдью!

Вотъ нѣсколько анекдотовъ, которые покажутъ вамъ, какъ велика должна быть дѣятельность сборщика новостей, сколько надобно ему имѣть смѣтливости и расторопности и какъ хорошо обязанъ онъ знать Парижъ.

Однажды производился въ Парижѣ процессъ по одному важному политическому преступленію. Генералъ-прокуроръ, недовольный журнальными толками объ этомъ предметѣ, далъ тюремному начальству строжайшее приказаніе: не пропускать къ подсудимому никого кромѣ врачей, и принялъ всѣ мѣры для того, чтобы въ день казни публика находилась въ дальнемъ разстояніи отъ эшафота.

Что жъ вышло изъ всѣхъ этихъ предосторожностей? На другой день генералъ-прокуроръ получилъ вмѣстѣ съ газетами самое подробное описаніе казни; въ этомъ описаніи не были забыты ни тѣ приготовленія, которыя называются *туалетомъ* преступника, ни предчувствія осужденнаго, ни его послѣдній обѣдъ, ни его отъѣздъ изъ тюрьмы, ни прощаніе его съ товарищемъ по заключенію..... словомъ, тутъ были переданы всѣ подробности, предшествовавшія казни и всѣ подробности самой казни.

Какимъ образомъ совершилось такое чудо? Одинъ только палачъ могъ передать все это сочинителю описанія. Палачу сдѣлали допросъ. Сначала онъ запирался, но подъ конецъ объявилъ, что одинъ пріятель его, поподчивалъ его виномъ и вызвался *помочь* ему, и что, не имѣя товарища, онъ согласился на это предложеніе. Пріятель ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на площадь, и въ самомъ дѣлѣ помогъ при совершеніи.... Угадываете ли вы, кто былъ этотъ пріятель?..

Самый знаменитый сборщикъ новостей въ Парижѣ былъ въ послѣднее время Донзело, прозванный *Enfonce Pavé*. — Донзело жилъ — если только можно сказать, что онъ жилъ гдѣ-нибудь, — на одной изъ Парижскихъ набережныхъ. Каждое утро, передъ выходомъ, онъ внимательно взглядывалъ на небо и на барометръ, висѣвшій въ его коморкѣ; потомъ, запасаясь тростью и походною чернильницею, говаривалъ про себя: «Дождичекъ будетъ скользко; значитъ будетъ много раздавленныхъ экипажами.» Или: «ждать бури; значитъ сегодня случится довольно помѣшательства» или, наконецъ: «темно! облачно! то-то времячко для спины! Надобно поискать самоубійствъ.»

Но Донзело и самъ погибъ трагически. Ему случилось присутствовать при одной изъ несчастныхъ смутъ Парижскихъ. Къ концу ея онъ былъ раненъ пулею.

— Вы ранены? воскликнулъ бывшій тутъ же врачъ.

— Да, отвѣчалъ Донзело, и такъ тяжело, что не могу писать.

— Писать! сурово возразилъ ему медикъ: есть когда теперь писать! Вамъ надобно лечиться.

— Позвольте, возразилъ въ свою очередь Донзело, мнѣ должно описать это происшествіе... потрудитесь замѣнить меня... я вамъ продиктую... пишите: Въ этой гибельной схваткѣ трое ранены и одинъ убитъ...

— Убитъ! воскликнулъ докторъ, да кто жъ убитъ?

— Я! сказалъ Донзело, и умеръ.

Лѣтъ за нѣсколько тому назадъ, одному сборщику новостей, прозванному *Точнымъ*, поручено было описать для Journal de Paris церемонію освященія церкви св. Женевьевы.

Церемонія эта была назначена въ полдень. Къ несчастію, г. Точный заигрался на биліардѣ и пріѣхалъ въ церковь уже въ два часа пополудни.

Въ церкви св. Женевьевы, еще украшенной гирляндами и исполненной благоуханія,

не было уже никого, кромѣ одного церковника. Испуганный сборщикъ новостей тотчасъ адресовался къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Церемонія, видно, отложена?

— Какъ отложена? отвѣчалъ церковникъ, она уже кончилась.

— Кончилась? Кончилась безъ меня! это восклицаніе изумило церковника. Онъ съ головы до ногъ осмотрѣлъ незнакомца.

— Да, безъ васъ, сказалъ онъ наконецъ иронически: не прикажете ли начать снова?

— О, еслибъ это было возможно!

— Прикажете еще разъ обойти кругомъ церкви?

— Кругомъ?.. А! такъ въ подобныхъ случаяхъ ходятъ кругомъ церкви?

— Ну, да!

— А потомъ?

— Потомъ говорится проповѣдь.

— Проповѣдь? И только? а въ чемъ состояла нынѣшняя проповѣдь? Не можете ли вы передать мнѣ ея содержаніе!

— Извольте...

На другой же день въ Journal de Paris было напечатано самое подробное описаніе этой церемоніи. Но посудите объ удивленіи редакторовъ, когда изъ другихъ Парижскихъ журналовъ увидѣли они, что содержаніе проповѣди, произнесенной на этомъ торжествѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которое напечатали они въ своемъ журналѣ.

Г. Точный, на вопросъ о причинѣ такого разногласія, сказалъ утвердительно, что онъ находился при освященіи и передалъ проповѣдь слово въ слово, но что товарищи его, опоздавшіе къ церемоніи, сами *сочинили* общими силами новую проповѣдь. Ему повѣрили. Но лишь только г. Точный оставилъ грозныхъ судей своихъ, какъ вдругъ предсталъ предъ ними секретарь архіепископа Парижскаго и объявилъ, что Journal de Paris совершенно исказилъ проповѣдь его высокопреосвященства...

Почтенный г. Точный былъ уволенъ въ чистую отставку отъ занятій по этому журналу.

Вскорѣ послѣ того, г. Точный поступилъ въ подобную же должность къ другому Парижскому журналу, *Аристарху*. Издатель Аристарха, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ палаты депутатовъ, поручилъ г. Точному отдавать отчетъ о ея засѣданіяхъ.

Г. Точный, въ продолженіе нѣкотораго времени, довольно хорошо исполнялъ сдѣланное ему порученіе. Но въ одинъ несчастный день онъ опоздалъ къ засѣданію, точно такъ же, какъ опоздалъ на освященіе.

— Что новаго, господа? сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ: не говорили ли о чемъ нибудь безъ меня?

— Какъ же! воскликнулъ одинъ молодой человѣкъ: ужъ вотъ рѣчь, такъ рѣчь!

— Какъ, рѣчь? какая рѣчь? кто произнесъ?

— Кто?... издатель «Аристарха».

— Онъ?... Можетъ ли быть?

— Да. И какая рѣчь! чудо, братецъ!

— Вотъ тебѣ разъ! Чтобъ его самъ чортъ побралъ! Все молчитъ, а тутъ вотъ словно на смѣхъ... Ну, а о чемъ онъ говорилъ?..

— О налогѣ на табакъ.

Стенографъ призадумался, потомъ вдругъ схватилъ перо и воскликнулъ:

— Безъ рѣчи мнѣ нельзя показаться въ редакцію! Надобно составить... Сказывай, о чемъ онъ говорилъ.

Молодой человѣкъ принялся было пересказывать рѣчь, но стенографъ остановилъ его слѣдующими словами:

— Довольно. Я знаю его. Я *вижу* его рѣчь, я угадываю его мысли.

Въ слѣдъ за тѣмъ г. Точный написалъ проэкраннѣйшую рѣчь о налогѣ на табакъ, упомянулъ въ приличныхъ мѣстахъ о рукоплесканіяхъ, объ одобрительномъ шопотѣ и заключилъ все это принятою формулою: «послѣ этой блестящей импровизаціи, ораторъ сходитъ съ трибуны и принимаетъ искреннѣйшія поздравленія друзей своихъ. Засѣданіе на нѣкоторое время прерывается.»

Но, о бѣдствіе! На повѣрку вышло, что издатель «Аристарха» не произносилъ никакой рѣчи въ это засѣданіе, и бѣдный г. Точный былъ снова уволенъ отъ своей должности...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

(*Римскій лагерь*).

Музыка. Выходятъ Коминій, Марцій *съ подвязанной рукой, воины римскіе, потомъ* Титъ-Ларцій.

КОМИНІЙ.

Еслибы я сталъ разсказывать тебѣ о всѣхъ твоихъ подвигахъ этого дня, ты самъ бы не повѣрилъ имъ; но я сберегу мой разсказъ для Рима, гдѣ сенаторы будутъ радостно улыбаться сквозь слезы, гдѣ знаменитые патриціи наши будутъ внимать ему со страхомъ и изумленіемъ, гдѣ жены римскія встрепенутся отъ ужаса и восторга и гдѣ безсмысленные трибуны, согласно съ подлыми плебеями, ненавидящіе твою славу, скрѣпя сердце, должны будутъ воскликнуть: «хвала богамъ за то, что въ Римѣ есть такой воинъ!..»

ТИТЪ-ЛАРЦІЙ (*входитъ съ войсками*).

ТИТЪ (*Коминію*).

Полководецъ!.. вотъ боевой конь (*показывая на Марція*) а мы только збруя. Видѣлъ ли ты?..

МАРЦІЙ (*прерывая.*)

Прошу тебя, ни слова болѣе!.. Мать моя, которая имѣетъ исключительное право превозносить кровь свою, огорчаетъ меня похвалами. Я сдѣлалъ то же, что и вы, то есть, все, что могъ, увлекаемый однимъ чувствомъ съ вами — любовью къ отечеству!.. тотъ, кто выполнилъ свою добрую волю, сдѣлалъ больше, нежели я.

КОМИНІЙ.

Ты не будешь гробомъ заслугъ своихъ; Римъ долженъ узнать цѣну сокровища, которыми онъ обладаетъ; утаить отъ него твои подвиги было бы преступленіе. Можно прославлять ихъ, вознести на высшую степень похвалъ, не оскорбляя твоей скромности. И такъ умоляю тебя выслушать то, что я стану говорить предъ цѣлымъ воинствомъ, не въ награду твоихъ подвиговъ, но во свидѣтельство того, что ты есть.

МАРЦІЙ.

Раны мои становятся больнѣе, когда мнѣ объ нихъ напоминаютъ.

КОМИНІЙ.

Не вспоминать объ нихъ было бы неблагодарностью, которая можетъ воспалить ихъ и сдѣлать смертельными. Изъ всего добраго запаса коней, изъ всѣхъ сокровищъ, добытыхъ нами въ городѣ и на полѣ битвы, мы отдаемъ тебѣ десятую долю: ты властенъ избрать себѣ добычу прежде общаго раздѣла.

МАРЦІЙ.

Благодарю, полководецъ; но сердце мое не можетъ согласиться принять корыстную плату мечу моему. Я отвергаю твое предложеніе и требую себѣ равной части съ тѣми, которые были со мной въ дѣлѣ. (*Звуки трубъ, продолжительныя восклицанія, всѣ кричатъ: Да здравствуетъ Марцій! и бросаютъ вверхъ шлемы и копья. Коминій и Ларцій обнажаютъ свои головы.*) Да не звучитъ болѣе никогда громъ музыки, опозоренной вами!.. Если ужъ военная труба превратилась въ языкъ лести, такъ пусть и воинскій станъ уподобится отнынѣ развращенному городу. Перестаньте, говорю вамъ!.. За то, что на лицѣ моемъ есть нѣсколько пятенъ кровавыхъ румянъ, которыхъ я не успѣлъ смыть еще, или побилъ безсильнаго врага, что, кромѣ меня, многіе здѣсь сдѣлали не замѣтно, вы превозносите меня безъ мѣры и границъ, какъ будто бы я любилъ, чтобъ мои ничтожныя заслуги подчивали преувеличенными похвалами съ приправой лжи и лести.

КОМИНІЙ.

Ты слишкомъ скроменъ, слишкомъ жестокъ къ своей славѣ, и слишкомъ неблагодаренъ къ намъ, отдающимъ тебѣ справедливость. Да будетъ извѣстно, какъ каждому изъ насъ, такъ и цѣлому міру, что Каію-Марцію принадлежитъ вѣнокъ этой войны: въ знакъ того, я дарю ему моего благороднаго коня, извѣстнаго всему нашему стану, со всѣмъ его убранствомъ; и въ награду подвиговъ, совершенныхъ имъ предъ Коріоли, я провозглашаю его отнынѣ, при дружномъ одобреніи и восклицаніяхъ всего войска — «Каіемъ Марціемъ Коріоланомъ»! Носи съ честью это прозваніе отнынѣ и до вѣка!

(*Всеобщія восклицанія. Музыка. Всѣ кричатъ:*)

Да здравствуетъ Каій Марцій Коріоланъ!!!...

КОРІОЛАНЪ.

Я пойду обмыть лице мое, и вы увидите тогда — краснѣю я, или нѣтъ. Какъ бы то ни было, благодарю васъ!... Я стану ѣздить на твоемъ благородномъ конѣ, и постараюсь во всю жизнь мою носить съ честью это прекрасное прозваніе!

КОМИНІЙ.

Теперь войдемъ въ шатеръ. Прежде чѣмъ предаться отдохновенію, намъ должно написать въ Римъ о нашихъ успѣхахъ. Титъ - Ларцій, возвратись въ Коріоли и пришли въ Римъ лучшихъ гражданъ, съ которыми бы могли условиться о взаимныхъ выгодахъ, какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ.

ЛАРЦІЙ.

Исполню, полководецъ.

КОРІОЛАНЪ.

Боги начинаютъ издѣваться надо мной: я только-что сейчасъ отказался отъ богатѣйшихъ даровъ, а теперь принужденъ просить милости у моего полководца.

КОМИНІЙ.

Все исполню; говори.

КОРІОЛАНЪ.

Здѣсь, въ Коріоли, останавливался я иногда въ домѣ одного бѣдняка, который принималъ меня ласково... онъ взывалъ ко мнѣ во время сраженія; я видѣлъ, какъ его взяли въ плѣнъ.. но тогда Авфидій былъ у меня въ виду, и ярость подавила во мнѣ сожалѣніе. Теперь я прошу у васъ свободы моему бѣдному гостепріимцу.

КОМИНІЙ.

Прекраспая просьба! Если бъ онъ даже былъ убійцею роднаго моего сына, то и тогда онъ былъ бы свободенъ какъ воздухъ. Титъ! освободи его.

ТИТЪ.

Марцій! какъ его зовутъ?

КОРІОЛАНЪ.

Клянусь Юпитеромъ, забылъ. Я слишкомъ утомленъ и память моя отъ того ослабѣла; дайте мнѣ глотокъ вина.

КОМИНІЙ.

Войдемъ въ шатеръ; кровь течетъ по твоему лицу: пора позаботиться о твоихъ ранахъ; пойдемъ.

(*Уходятъ*).

ВСѢ КРИЧАТЪ.

Да здравствуетъ Каій Марцій Коріоланъ!!!

ДѢЙСТВІЕ II.

Капитолій.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ патриціи; впереди идутъ ликторы, за ними консулъ коминій, мененій, коріоланъ, сенаторы, сициній, брутъ. *Всѣ занимаютъ свои мѣста.*

мененій.

Рѣшивъ дѣла Вольсковъ иославъ за Титомъ-Ларціемъ, мы должны еще—это главный предметъ втораго нашего собранія — вознаградить благородныя заслуги того, кто такъ мужественно стоялъ за свою родину. Благоволите, достопочтенные патриціи, повелѣть присутствующему здѣсь консулу и главному полководцу въ послѣдней войнѣ, оконченной съ столь блистательнымъ успѣхомъ, разсказать вамъ о чудесныхъ подвигахъ Каія Марція Коріолана, котораго мы встрѣчаемъ здѣсь, чтобы возблагодарить и осыпать почестями, достойными его.

1-й сенаторъ.

Говори, благородный Коминій. (*Къ трибунамъ*) Главы народа, проснмъ вашего благосклоннаго вниманія и дружественнаго ходатайства за него.

сициній.

Мы согласны отдать справедливость виновнику нашего собранія.

брутъ.

И сдѣлали бы это еще охотнѣе, еслибъ онъ образумился и узналъ лучше цѣну нашимъ плебеямъ.

мененій.

Это нейдетъ къ дѣлу. Говори, благородный Коминій. (*Коріолану, который встаетъ и хочетъ уйдти*) Не оставляй своего мѣста.

брутъ.

Надѣюсь, что не мои слова подняли тебя со скамьи?

коріоланъ.

Нѣтъ; хотя въ сраженіи я всегда бѣгалъ отъ словъ и недвижно встрѣчалъ удары мечей. Ты не льстишь мнѣ, а потому и не оскорбляешь. Чтожъ касается до плебеевъ, то я люблю ихъ столько, сколько они стоятъ.

мененій.

Еще разъ прошу тебя, сядь.

коріоланъ.

Я скорѣй соглашусь грѣться въ бездѣйствіи на солнечныхъ лучахъ въ то время, какъ ударятъ тревогу, чѣмъ, сидя здѣсь, слушать, какъ чудовищно увеличиваютъ мои ничтожныя заслуги. (*Уходитъ*)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

тѣ же *кромѣ* коріолана.

мененій.

Трибуны! можетъ ли онъ льстить вашей толпѣ, когда, отваживая жизнь свою для славы, не хочетъ даже склонить слуха къ разсказу о своихъ подвигахъ? Говори, Коминій.

КОМИНІЙ.

Голосъ мой слишкомъ слабъ для повѣствованія о подвигахъ Коріолана. Если храбрость признана первою добродѣтелью воина, то въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ мужа, равнаго ему. На шестнадцатплѣтнемъ возрастѣ, когда изгнанный Тарквиній осаждалъ Римъ, Марцій превзошелъ въ храбрости лучшихъ воиновъ. Нѣжный безбородый юноша, гналъ передъ собой ветерановъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ; защищая низверженнаго своего товарища, онъ, въ виду консула, поразилъ троихъ противниковъ, и наконецъ ранилъ самого Тарквинія. Дубовая вѣтвь была наградою храброму юношѣ; онъ росъ—и подвиги его возрастали съ нимъ; какъ море, въ семнадцати сраженіяхъ мечъ его пожиналъ лавры. Но послѣдніе подвиги его предъ Коріоли и по взятіи этого города, превосходятъ всякое описаніе: какъ волны ложатся предъ кораблемъ, летящимъ на всѣхъ парусахъ, такъ люди падали отъ его ударовъ; мечъ его, орудіе смерти, разсѣкалъ надвое все, что̀ ему ни встрѣчалось; онъ совершенно одинъ ворвался въ градскія ворота, и въ мигъ превратилъ ихъ въ врата смерти; удары его меча, неизбѣжные, какъ судьба, раскрасили ихъ кровью враговъ. Какъ вдругъ отдаленный крикъ и звуки нашего оружія поразили чуткое его ухо: тогда онъ удвоиваетъ свою храбрость; великій духъ оживляетъ изнуренное тѣло его; онъ уже посреди насъ; облитый кровью съ головы до ногъ, онъ леталъ всюду; ничто не могло устоять противъ него; и пока не овладѣли мы полемъ битвы и городомъ, онъ не остановился даже на мигъ, чтобъ перевести дыханіе.

МЕНЕНІЙ.

Великій человѣкъ!

1-й СЕНАТОРЪ.

Онъ вполнѣ достоинъ тѣхъ почестей, которыя мы назначаемъ ему.

КОМИНІЙ.

Онъ отвергъ предложенную ему добычу; на самыя драгоцѣнныя вещи смотрѣлъ какъ на прахъ земной,—и желаетъ менѣе, чѣмъ самая скупость желала бы дать ему. Онъ находитъ награду только въ исполненіи своего долга; и...

МЕНЕНІЙ.

Довольно... онъ истинно великій мужъ... пусть онъ явится сюда.

1-й СЕНАТОРЪ.

Позовите Коріолана... но вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И КОРІОЛАНЪ.

МЕНЕНІЙ.

Коріоланъ! сенату угодно назначить тебя консуломъ.

КОРІОЛАНЪ.

Я посвящаю ему навсегда услуги и жизнь мою.

МЕНЕНІЙ.

Тебѣ остается только собрать голоса плебеевъ.

КОРІОЛАНЪ.

Прошу васъ не подвергать меня этому обычаю; я не могу надѣть на себя одежду униженія; обнаживъ грудь, показывать плебеямъ мои раны и, именемъ ихъ, вымаливать себѣ большинство голосовъ. Позвольте мнѣ обойдтись безъ этого.

МЕНЕНІЙ.

Прошу тебя, покорись обряду и получи консульское достоинство такъ же, какъ и твои предшественники.

КОРІОЛАНЪ.

Это такая роль, отъ которой я долженъ буду краснѣть.. Мнѣ хвастаться передъ плебеями?.. говорить: я сдѣлалъ то и то... показывать едва зажившія раны (которыя я желалъ бы скрыть) какъ будто бы я получилъ ихъ только для того, чтобъ купить себѣ ихъ голоса?!.. Будь проклято это обыкновеніе! Нѣтъ, я не могу унизить себя до такой степени, чтобъ сказать имъ: смотрите, вотъ мои раны; я получилъ ихъ, служа своему отечеству, тогда, какъ нѣкоторые изъ вашей братьи со страха не узнавали товарищей и бѣжали отъ звуковъ трубъ собственныхъ своихъ легіоновъ.

МЕНЕНІЙ.

Не упорствуй болѣе, прошу тебя. Трибуны! мы поручаемъ вамъ передать вашимъ трибамъ намѣреніе сената, а нашему благо-

родному консулу мы желаемъ всѣхъ благъ и почестей.

Общія восклицанія, — трубы.

воины *расходятся.*

БРУТЪ.

Ты видишь, какъ онъ намѣренъ поступить съ плебсями.

СИЦИНІЙ.

О! еслибъ они замѣтили его намѣреніе и отказали ему въ своихъ голосахъ!

БРУТЪ.

Пойдемъ, извѣстимъ ихъ о томъ, что здѣсь было на площади *(уходятъ).*

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

У Л И Ц А.

Входятъ КОРІОЛАНЪ, МЕНЕНІЙ, КОМИНІЙ, ТИТЪ-ЛАРЦІЙ, СЕНАТОРЫ, ПАТРИЦІИ.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ Туллъ-Авфидій собралъ новое войско?

ТИТЪ.

Да, консулъ; и вотъ причина столь скораго заключенія мира.

КОРІОЛАНЪ.

Стало быть, непріятель силенъ попрежнему и готовъ при первомъ удобномъ случаѣ напасть на насъ. Видѣлъ ли ты Авфидія?

ТИТЪ.

Я обѣщалъ ему безопасность и онъ являлся ко мнѣ, проклиная Вольсковъ за то, что они такъ подло уступили свой городъ. Онъ удалился въ Анціумъ, поклявшись вѣчной ненавистью къ тебѣ.

КОРІОЛАНЪ.

Я желалъ бы имѣть поводъ отыскать его тамъ, чтобъ вполнѣ противопоставить себя его ненависти. (*Входятъ Сициній и Брутъ.*) (*Ларцію*) Смотрите, вотъ идутъ трибуны. языки многоголоваго чудовища!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, СИЦИНІЙ, БРУТЪ.

СИЦИНІЙ.

Ни слова болѣе!

КОРІОЛАНЪ.

Какъ? что за причина?

БРУТЪ.

Лишній шагъ низвергнетъ тебя въ бездну.

КОРІОЛАНЪ.

Отчего такая перемѣна?

КОМИНІЙ.

Не избранъ ли онъ въ консулы патриціями и плебсями?

БРУТЪ.

Нѣтъ, Коминій.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ я имѣлъ голоса дѣтей.

БРУТЪ.

Плебеи раздражены противъ него.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ вотъ стадо, которое вы пасете!.. Должны ли имѣть голоса тѣ, которые, давъ ихъ, тотчасъ же отказываются?.. На что же вы сдѣланы трибунами? Вы уста ихъ. За чѣмъ же вы не притупите ихъ зубовъ?.. Не сами ли вы настроили ихъ?

МЕНЕНІЙ.

Успокойтесь, успокойтесь!

БРУТЪ.

Они говорятъ, что ты, прося голосовъ ихъ, насмѣхался надъ ними, обращался съ ними съ презрѣніемъ, не показалъ имъ ранъ, полученныхъ за отечество, и въ послѣдній разъ еще, когда имъ раздавали даромъ хлѣбъ, ты негодовалъ за то на ихъ ходатаевъ, называлъ ихъ подлыми, угодниками, лжецами, врагами патриціевъ.

КОРІОЛАНЪ.

Это было извѣстно имъ и прежде.

БРУТЪ.

Не всѣмъ.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ ты теперь разгласилъ объ этомъ остальнымъ.

БРУТЪ.

Я?

КОРІОЛАНЪ.

Да; ты съ удовольствіемъ исполнилъ эту обязанность.

БРУТЪ.

Моя обязанность напомнить тебѣ о твоей.

КОРІОЛАНЪ.

На что же мнѣ быть и консуломъ?.. Кля-

пусь этими грозными облаками!.. Дайте мнѣ прежде надѣлать столько же зла, какъ вы, а потомъ ужъ сдѣлайте меня вашимъ товарищемъ — трибуномъ.

СИЦИНІЙ.

Если ты хочешь дойдти до цѣли своего пути, то спрашивай вѣжливѣе о дорогѣ, съ которой сбился; иначе не имѣть тебѣ чести быть ни консуломъ, ни нашимъ товарищимъ.

МЕНЕНІЙ.

Успокойтесь!

КОМИНІЙ.

Коріоланъ не заслужилъ столь безчестнаго препятствія, поставленнаго коварствомъ на ровномъ пути его заслугъ.

КОРІОЛАНЪ.

Говорить мнѣ о хлѣбѣ!.. да, это были мои слова, и я повторяю ихъ снова.

МЕНЕНІЙ.

Не теперь, не теперь!..

КОРІОЛАНЪ.

Теперь же, клянусь жизнію, я повторяю ихъ. (*Сенаторамъ*) Простите меня, благородные друзья мои! Что же касается до измѣнчивой и грязной толпы, то пусть она посмотритъ мнѣ въ глаза и увидитъ въ нихъ себя, какъ въ зеркалѣ: я опять скажу, что, потворствуя плебеямъ...

МЕНЕНІЙ.

Довольно, довольно!...

1-й СЕНАТОРЪ.

Замолчи, умоляемъ тебя.

КОРІОЛАНЪ.

Замолчать?... Какъ за мое отечество проливалъ я кровь свою, не страшась вражьей силы, такъ моя грудь, дотолѣ, пока не разорвется, будетъ выковывать слова противъ этихъ язвъ, которыхъ мы гнушались бы, если бъ они поразили насъ, хотя мы всячески стараемся пріобрѣсть ихъ.

СИЦИНІЙ.

Хорошо, они узнаютъ объ этомъ.

МЕНЕНІЙ.

Какъ! объ его гнѣвѣ!

КОРІОЛАНЪ.

Гнѣвъ! Если бъ я былъ столь же терпѣливъ, какъ полночный сонъ, клянусь Юпитеромъ, и тогда я буду говорить то, что̀ чувствую.

СИЦИНІЙ.

Это чувство *должно быть* ядомъ только для того, въ комъ оно зародилось; для другихъ оно не ядъ.

КОРІОЛАНЪ.

Должно быть!... Слышите ли вы этого плебейскаго пигмея?... Замѣчаете ли вы его рѣшительный тонъ?

КОМИНІЙ (*насмѣшливо*).

Это слово изъ закона.

КОРІОЛАНЪ.

Кто бы ни былъ тотъ, кто присовѣтовалъ раздавать даромъ хлѣбъ, какъ нѣкогда бывало въ Греціи.... онъ вскормилъ погибель отечества.

МЕНЕНІЙ.

Хорошо, не станемъ болѣе говорить объ этомъ.

БРУТЪ.

Какъ же Римляне могутъ дать свои голоса тому, кто̀ такъ говоритъ?

КОРІОЛАНЪ.

Я представлю вамъ доказательства, болѣе стоющія, нежели голоса плебеевъ... Они знаютъ, что хлѣбъ небылъ имъ наградою отъ насъ, потому-что они никогда не старались заслужить ее. Побуждаемые къ войнѣ, когда было поражено самое сердце отечества, они не хотѣли переступить за городскія ворота; безпрестанныя смуты, въ которыхъ они показывали въ военное время верхъ храбрости, также не говорили въ ихъ пользу. Частыя и неосновательныя обвиненія ихъ противъ сената не могли возбудить въ насъ такую щедрость. Хорошо; что̀ жъ потомъ?... Какъ же этотъ безчисленный желудокъ толпы переваритъ такую угодливость сената? Плебеи скажутъ: «*они дали намъ, потому-что мы этого требовали.*» Такъ, мы унижаемъ достоинство нашихъ званій и заставляемъ эту презрѣнную толпу называть нашу попечительность робостью. Это современемъ разрушитъ всѣ преграды на дверяхъ сената и приведетъ туда этихъ воронъ, чтобы клевать орловъ!

БРУТЪ.

Явная измѣна!

СИЦИНІЙ.

И это консулъ?... Нѣтъ!

БРУТЪ (*крича*).

Эдилы!... схватите его.

СИЦИНІЙ.

Ступай, зови стражу. (*Брутъ уходитъ*). Именемъ отечества я самъ задерживаю тебя, какъ измѣнника закона, нововводителя, врага общественнаго блага. Повинуйся, иди со мной; ты долженъ дать отвѣтъ.

КОРІОЛАНЪ.

Прочь отъ меня, старый сатиръ.

СЕНАТОРЫ И ПАТРИЦІИ.

Мы требуемъ его безопасности.

КОРІОЛАНЪ.

Прочь отъ меня, гнилой трупъ, или я вытрясу твои кости изъ ихъ оболочки.

(*Входитъ Брутъ со стражей*).

БРУТЪ.

Эдилы! схватите его!

СИЦИНІЙ.

Влеките его на Тарпейскую скалу и низриньте оттуда на погибель.

КОРІОЛАНЪ.

Нѣтъ, я хочу умереть здѣсь. (*Обнажаетъ мечъ.*) Нѣкоторые изъ васъ видали меня въ сраженіяхъ; подойдите же теперь, и испытайте на себѣ то, что вы видали отъ меня.

МЕНЕНІЙ.

Вложи свой мечъ въ ножны. Трибуны! удалитесь на время.

БРУТЪ.

Онъ обнажилъ свой мечъ противъ трибуновъ. Римъ будетъ судить преступника. Пойдемте. (*Брутъ, Сициній и стражи уходятъ.*)

МЕНЕНІЙ.

Ступай, уйди въ свой домъ и предоставь намъ поправить это дѣло; уйди, прошу тебя.

КОРІОЛАНЪ.

Я желалъ бы, чтобъ они были варвары, (они таковы и есть, хотя извержены на свѣтъ въ Римѣ), а не Римляне, (на которыхъ они не похожи, хоть и рождены близъ портиковъ Капитолія)...

КОМИНІЙ.

Уйди, не влагай въ свои уста справедливаго гнѣва; одно время вознаградитъ за другое.

КОРІОЛАНЪ.

На чистомъ полѣ я бы одинъ убралъ полсотню этихъ негодяевъ.

МЕНЕНІЙ.

Прошу тебя, уйди! Я попытаюсь, не полѣйствуетъ ли мой старый умъ на тѣхъ, у которыхъ его такъ мало.

КОМИНІЙ.

Пойдемъ.

(*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЪ ДОМѢ КОРІОЛАНА.

КОРІОЛАНЪ И ПАТРИЦІИ.

КОРІОЛАНЪ.

Пусть они всѣмъ поражаютъ мой слухъ! Пусть представляютъ мнѣ смерть на колесѣ, или подъ копытами дикихъ коней; или пусть нагромоздятъ десять холмовъ на Тарпейскую скалу, чтобъ вершина ея совершенно терялась изъ виду, — я никогда не измѣню себѣ.

1-й ПАТРИЦІЙ.

Тѣмъ благороднѣе ты поступишь.

КОРІОЛАНЪ.

Я удивляюсь, что мать моя не одобряетъ моего поведенія; она обыкновенно называла плебеевъ стадомъ барановъ, тварями, созданными для того, чтобы покупать и продавать ихъ на мѣдныя деньги, чтобъ показывать свои лысыя головы въ собраніяхъ, зѣвать, молчать и удивляться, когда кто нибудь изъ патриціевъ начинаетъ говорить о мирѣ или войнѣ.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ВОЛЮМНІЯ.

КОРІОЛАНЪ.

Я говорю о тебѣ, матушка; зачѣмъ желаешь ты, чтобы я былъ кротче!... Неужели ты хочешь, чтобы я обманывалъ самого себя?... Пусть лучше всѣ видятъ во мнѣ такого мужа, какимъ я рожденъ тобою.

ВОЛЮМНІЯ.

О Коріоланъ, Коріоланъ!... Я желала бы, чтобъ ты вполнѣ облекся одеждою своей власти, прежде чѣмъ износилъ ее.

КОРІОЛАНЪ.

Пропади она!

ВОЛЮМНІЯ.

Ты могъ бы всегда быть такимъ мужемъ, каковъ ты есть, если бъ меньше старался о томъ!... Менѣе было бы препонъ твоему нраву, если бъ ты не показалъ плебеямъ твоего своенравія.

КОРІОЛАНЪ.

На висѣлицу ихъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ МЕНЕНІЙ и СЕНАТОРЪ.

МЕНЕНІЙ.

Признайся, ты былъ слишкомъ грубъ съ ними; тебѣ необходимо должно возвратиться и поправить это дѣло.

1-й СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ другаго средства помочь ему.

ВОЛЮМНІЯ.

Прошу тебя, послушайся ихъ совѣта. Мое сердце такъ же неуступчиво, какъ и твое; но за то голоса моя умѣетъ направлять мой гнѣвъ къ лучшему.

МЕНЕНІЙ.

Хорошо сказано, благородная Римлянка!... Скорѣй я самъ возложилъ бы на себя вооруженіе, которое я на старости лѣтъ едва могу таскать, чѣмъ допустилъ бы унизиться предъ этимъ стадомъ, если бъ только сильная болѣзнь времени не требовала этого, какъ лекарства для цѣлаго Рима.

КОРІОЛАНЪ.

Что жъ мнѣ должно сдѣлать?

МЕНЕНІЙ.

Возвратиться къ трибунамъ.

КОРІОЛАНЪ.

Хорошо; — потомъ?

МЕНЕНІЙ.

Отречься отъ своихъ словъ.

КОРІОЛАНЪ.

Отречься?... Я не могу сдѣлать этого предъ самими богами, такъ какъ же я сдѣлаю это предъ ними?

ВОЛЮМНІЯ.

Ты *слишкомъ* упрямъ; хотя никогда не можетъ быть излишка въ благородной гордости, но если требуетъ необходимость... Я слыхала отъ тебя, что честь и политика двѣ неразлучныя подруги на войнѣ; если такъ, то зачѣмъ же имъ ссориться въ мирное время?

КОРІОЛАНЪ.

Перестань, перестань!

МЕНЕНІЙ.

Дѣльный, умный вопросъ.

ВОЛЮМНІЯ.

Если честь позволяетъ вамъ во время войны надѣвать на себя личину и употреблять политику для достиженія своей цѣли, то чѣмъ же хуже, или ниже для политики — быть подругою чести въ мирное время?

КОРІОЛАНЪ.

Зачѣмъ вы такъ настаиваете?

ВОЛЮМНІЯ.

Затѣмъ, что теперь лежитъ на тебѣ обязанность говорить не по собственному убѣжденію и не по внушенію твоего сердца, по такими словами, которыя раждаются только на языкѣ, за истину которыхъ не обязано отвѣчать твое сердце. Да, это ни чуть не безчестно для тебя, какъ и взять городъ ласкою, когда при другихъ средствахъ успѣхъ былъ бы не вѣренъ, или стоилъ большаго кровопролитія. Я сама, съ моимъ нравомъ, притворилась бы, еслибъ этого требовали мои выгоды и друзья, и честь моя отъ того ни сколько бы не пострадала.

МЕНЕНІЙ.

Благородная женщина! продолжай, употреби все свое краснорѣчіе: ты отвратишь этимъ не только угрожающую опасность, но и исправишь прошедшее зло.

ВОЛЮМНІЯ.

Прошу тебя, сынъ мой, пди, будь кротокъ и нѣженъ съ ними, какъ самый зрѣлый плодъ, который не можетъ выдержать прикосновенія руки... Или скажи имъ, что ты воинъ, воспитанъ въ бранныхъ тревогахъ и не имѣешь тѣхъ кроткихъ, вкрадчивыхъ

пріемовъ, которыхъ они вправѣ были требовать отъ тебя, чтобъ заслужить ихъ благосклонность; но что впредь ты клянешься во всемъ сообразоваться съ ихъ волей.

МЕНЕНІЙ.

Сдѣлай такъ, какъ она говоритъ и всѣ сердца будутъ на твоей сторонѣ.

ВОЛУМНІЯ.

Ступай, прошу тебя, и слѣдуй моему совѣту, хотя я знаю, что ты охотнѣе бы бросился за своимъ врагомъ въ огненную пропасть, нежели польстилъ бы ему въ розовой бесѣдкѣ. Вотъ идетъ Коминій.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И КОМИНІЙ.

КОМИНІЙ.

Коріоланъ! тебѣ нужно составить сильную партію или удалиться изъ Рима. Все въ бѣшенствѣ.

МЕНЕНІЙ.

Пусть онъ скажетъ только имъ искусную рѣчь.

КОМИНІЙ.

Я думаю, что это поможетъ, если только онъ въ силахъ принудить къ тому свою душу.

ВОЛУМНІЯ.

Онъ долженъ и хочетъ. — Скажи, мой сынъ, что ты согласенъ—и скорѣе къ дѣлу.

КОРІОЛАНЪ.

Неужели мнѣ должно обнажить передъ ними мою голову? Неужели языкъ мой долженъ взвалить на мою душу ложь, отъ которой она должна страдать?... Хорошо, быть такъ. Но если бъ дѣло шло только о жизни Марція, то пусть бы лучше они истолкли тѣло мое въ прахъ и развѣяли его по вѣтру. Пойдемъ!... Вы дали мнѣ такую роль, которой мнѣ не сыграть во вѣки вѣковъ.

КОМИНІЙ

Пойдемъ, пойдемъ, мы поможемъ тебѣ.

ВОЛУМНІЯ.

Послушайся меня, милый сынъ мой! Ты говаривалъ часто, что мои похвалы сдѣлали тебя вопіомъ: сыграй же теперь роль, которой ты никогда не выполнялъ еще, и ты заслужишь новую похвалу отъ меня.

КОРІОЛАНЪ.

Хорошо, я попытаюсь! Прочь отъ меня гордый, благородный духъ мой, уступи мѣсто душенкѣ прелестницы; да превратится громовый голосъ мой, вторившій звукамъ военной трубы, въ пискливый голосокъ внуха или дѣвчонки, убаюкивающей ребятишекъ!... улыбка бездѣльниковъ да искривитъ мои щеки, и слезы школьника да помрачатъ зеркала моего зрѣнія; пусть языкъ нищаго шевелится за моими зубами, и закованныя въ желѣзо колѣна мои, сгибавшіяся только на стременахъ, согнутся такъ, какъ у просящихъ милостыни... Нѣтъ!... я сдѣлаю это только тогда, когда перестану чтить собственную правоту мою и дѣйствіями моего тѣла научу душу свою закоренѣлой подлости.

ВОЛУМНІЯ.

Дѣлай какъ хочешь!... Для меня гораздо унизительнѣе упрашивать тебя, нежели тебѣ просить плебеевъ. Пусть погибнетъ все! пусть твоя мать почувствуетъ лучше твою гордость, нежели устрашится послѣдствій твоей непреклонности. Я презираю смерть такъ же, какъ и ты!... Поступай какъ хочешь. Храбрость твоя отъ меня: ты всосалъ ее съ молокомъ моимъ; но гордость — твоя собственность.

КОРІОЛАНЪ.

Успокойтесь, матушка; я иду къ нимъ. Не браните меня болѣе. Обманомъ выманю я ихъ благосклонность, лестью очарую ихъ сердца и возвращусь домой любимый всѣми ремеслами Рима. Смотрите, я иду! Поклонитесь отъ меня моей женѣ. Я возвращусь консуломъ, или ужъ никогда больше не довѣряйте ловкости и оборотливости языка моего на пути лести.

ВОЛУМНІЯ.

Поступай, какъ хочешь. *(уходитъ).*

КОМИНІЙ.

Пойдемъ, вооружись крогостью, будь спокоенъ, заклинаю тебя.

КОРІОЛАНЪ.

Спокоенъ какъ конюхъ, который, за самую ничтожную монету перенесетъ названіе бездѣльника столько разъ, что этимъ можно

наполнить цѣлую книгу. Пойдемъ, пусть трибуны обвиняютъ меня безчестно, я буду отвѣчать имъ честно.

МЕНЕНІЙ.

Да, только кротко.

КОРІОЛАНЪ.

Хорошо, кротко и кратко.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

(Входятъ БРУТЪ, СИЦИНІЙ и МНОЖЕСТВО СТРАЖЕЙ*).*

СИЦИНІЙ.

Каій Марцій Коріоланъ! Граждане Рима видѣли твои поступки и слышали твои рѣчи: ты поносилъ ихъ трибуновъ, проклиналъ ихъ самихъ, противился законамъ съ мечемъ въ рукахъ и отвергалъ власть судей своихъ: это уголовное преступленіе! ты измѣнникъ и заслуживаешь самую ужасную смерть!

КОРІОЛАНЪ.

Да охватитъ васъ всѣхъ пламя глубочайшаго ада!... меня называть измѣнникомъ!... ты клевещешь, подлый трибунъ! Еслибъ даже въ твоихъ глазахъ сидѣло двадцать тысячь смертей и столько жъ милліоновъ въ твоихъ рукахъ, а на твоемъ лживомъ языкѣ оба числа, то и тогда я сказалъ бы тебѣ, что ты лжешь, такъ же прямо и свободно, какъ я молюсь богамъ.

МЕНЕНІЙ.

То ли ты обѣщалъ матери своей?

КОМИНІЙ.

Выслушай, прошу тебя.

КОРІОЛАНЪ.

Я ничего не хочу больше слушать! Пусть ихъ произносятъ приговоръ: смерть съ крутой Тарпейской скалы, скитальческую ссылку, содраніе съ живаго кожи; пусть заключатъ меня въ темницу, чтобъ я томился тамъ съ однимъ только зерномъ хлѣба въ сутки; я не куплю ихъ милости цѣною одного ласковаго слова, не укрощу своего духа за все то, что они могутъ дать мнѣ, хотя бы для этого стоило мнѣ только сказать имъ: здравствуй.

СИЦИНІЙ.

Слушай же! По силѣ нашей трибунской власти, съ самаго этого мгновенія, изгоняемъ тебя изъ нашего города, подъ опасеніемъ низверженія съ Тарпейской скалы!... ты уже не долженъ болѣе входить въ ворота нашего Рима.

КОРІОЛАНЪ.

Подлая стая сварливыхъ псовъ! дыханіе ваше я ненавижу, какъ испареніе гнилыхъ болотъ, любовь вашу цѣню я, какъ трупы лишенныхъ погребенія, которые заражаютъ мой воздухъ; я самъ изгоняю васъ! оставайтесь здѣсь съ вашимъ непостоянствомъ! пусть каждая пустая молва, каждый невѣрный слухъ потрясаетъ сердца ваши. Пусть враги, однимъ колебаніемъ гребней на своихъ шлемахъ, навѣваютъ на васъ отчаяніе! Удержите еще за собой власть изгонять вашихъ защитниковъ, пока наконецъ слѣпое невѣжество ваше не оставитъ въ городѣ ни кого, кромѣ васъ, всегдашнихъ враговъ самихъ себя и не предастъ васъ, какъ самыхъ униженныхъ рабовъ, въ руки какой нибудь націи, которая овладѣетъ вами безъ удара меча. Я презираю вашъ городъ и обращаюсь къ нему спиной. Есть міръ и кромѣ Рима! *(уходитъ).*

СИЦИНІЙ.

Стражи! сопровождайте его до городскихъ воротъ. Да сохранятъ боги наше отечество!

ДѢЙСТВІЕ III.

АНЦІУМЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Передняя въ домѣ Авфидія. — Слышна музыка, все показываетъ большой пиръ.)

1-й слуга.

Вина! эй, вина! что за прислуга здѣсь! мнѣ кажется, что они всѣ уснули. (*Уходитъ*).

Входитъ 2-й слуга (*зоветъ*).

Котусъ! гдѣ онъ? господинъ зоветъ его. (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

КОРІОЛАНЪ (*входитъ*).

КОРІОЛАНЪ.

Прекрасный городъ Анціумъ! Я наполнилъ тебя вдовами, сиротами; я видѣлъ, какъ многіе изъ наслѣдниковъ великолѣпныхъ зданій твоихъ, стоная, падали въ борьбѣ со мною!... не узнавай меня!... иначе жены и дѣти твои камнями побьютъ меня въ безславномъ сраженіи!... Какъ хорошъ домъ Авфидія! здѣсь большой пиръ, но я не гостемъ являюсь сюда.

1-й слуга. *входитъ*

Что тебѣ нужно, пріятель? откуда ты? здѣсь не мѣсто тебѣ!... поди, пожалуйста, за дверь (*уходитъ*).

КОРІОЛАНЪ (*въ сторону*).

Коріоланъ не заслужилъ здѣсь лучшаго пріема.

2-й слуга (*входитъ*).

Откуда ты, пріятель? или у придверника глазъ нѣтъ, что пускаетъ сюда всякой сбродъ?... поди вонъ!

КОРІОЛАНЪ.

Я?

2-й слуга.

Да, ты! пошелъ вонъ!

КОРІОЛАНЪ. (*отталкивая его*).

Отстань отъ меня!

2-й слуга.

Ты еще хорохоришься; постой-ка, я позову моего господина (*уходитъ*).

1-й слуга.

Что тебѣ, братъ, здѣсь нужно? убирайся пожалуйста изъ дому.

КОРІОЛАНЪ.

Позволь мнѣ только постоять здѣсь, я тебѣ не мѣшаю.

1-й слуга.

Что ты за человѣкъ?

КОРІОЛАНЪ.

Благородный.

1-й слуга.

Видно, очень бѣдный?

КОРІОЛАНЪ.

Твоя правда.

1-й слуга.

Пожалуйста, благородный бѣднякъ, ищи себѣ другаго пристанища: здѣсь нѣтъ мѣста для тебя; убирайся-ка прочь.

КОРІОЛАНЪ.

Знай свою должность, ступай доѣдать хо-

лодные объѣдки своего господина. (*Отталкиваетъ его*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

КОРІОЛАНЪ, АВФИДІЙ и 2-й СЛУГА (*входятъ*.)

АВФИДІЙ.

Гдѣ этотъ человѣкъ?

2-й СЛУГА.

Здѣсь; я избилъ бы его какъ собаку, еслибъ не боялся обезпокоить знаменитыхъ гостей.

АВФИДІЙ.

Откуда ты? чего ты хочешь? какъ твое имя?.. что жъ ты не отвѣчаешь?... говори: какъ твое имя?

КОРІОЛАНЪ (*раскрывая мантію*).

Если Туллъ-Авфидій не узнаетъ меня еще, и, глядя на меня, не отгадываетъ, кто я, то необходимость принуждаетъ меня назвать себя.

АВФИДІЙ.

Какъ твое имя?

КОРІОЛАНЪ.

Имя неблагозвучное для ушей Вольсковъ и оскорбительное для твоего слуха.

АВФИДІЙ.

Кто же ты? Твой грозный взглядъ... на лицѣ твоемъ замѣтна какая-то повелительность.

КОРІОЛАНЪ.

Приготовься нахмурить свои брови... Ужели и теперь не узнаешь меня?

АВФИДІЙ.

Не узнаю. — Кто ты?

КОРІОЛАНЪ.

Имя мое Каій Марцій, который надѣлалъ столько зла тебѣ и всѣмъ твоимъ Вольскамъ, что доказываетъ мое прозваніе—Коріоланъ. Тяжкая служба, крайнія опасности и вся кровь, пролитая мною за неблагодарный Римъ, вознаграждены только однимъ этимъ прозваніемъ. Этотъ залогъ ненависти и вражды, которыя ты долженъ питать ко мнѣ, есть единственное мое достояніе. Все прочее пожрала зависть и злоба, дозволенная трусливыми патриціями; всѣ они покинули меня и допустили рабовъ изгнать меня изъ Рима. Эта самая крайность заставила меня придти къ твоему очагу, не въ надеждѣ спасти свою жизнь, — не думай этого, — нѣтъ: еслибы я страшился смерти, то больше всѣхъ людей въ мірѣ избѣгалъ бы тебя; одно только злобное желаніе—заплатить вполнѣ изгнавшимъ меня, поставило меня лицомъ къ лицу съ тобою. Если въ грудн твоей бьется сердце, исполненное негодованія, которое жаждетъ отмстить личныя свои оскорбленія и залечить постыдныя раны твоего отечества, спѣши воспользоваться моимъ бѣдствіемъ; извлеки выгоды изъ мстительныхъ услугъ моихъ, потому-что я стану теперь сражаться противъ испорченнаго Рима съ яростію адскихъ духовъ. Но если ты не дерзнешь на это, если ты уже усталъ извѣдывать новое счастіе, то я повершу однимъ словомъ: мнѣ также наскучила жизнь, и я предоставляю мое горло тебѣ и твоей всегдашней злобѣ: если ты не перерѣжешь его, то будешь просто глупецъ: я преслѣдовалъ тебя съ ненавистью, выцѣдилъ цѣлыя бочки крови изъ груди твоего отечества... и могу лишь жить или для твоего стыда, или для твоихъ услугъ.

АВФИДІЙ.

О Марцій! Марцій! каждое слово твое исторгаетъ изъ моего сердца корень вражды и ненависти. Еслибы Юпитеръ, — воинъ изъ этого облака, открылъ мнѣ божественныя тайны, примолвивъ: *это истина*, я не больше бы повѣрилъ ему, чѣмъ тебѣ, благороднѣйшій Марцій. О! дай мнѣ обвить свои руки около этого тѣла, о которое сто разъ ломалось мое крѣпкое копье и обломками своими наносило удары лунѣ. Здѣсь обнимаю я наковальню моего меча и спорю такъ горячо и благородно съ твоею дружбою, какъ прежде, въ честолюбивой силѣ, состязался съ тобою въ храбрости. Слушай: я любилъ дѣву, взятую мною въ замужество; никогда любовникъ не вздыхалъ искреннѣе моего; но видя здѣсь тебя, существо благороднѣйшее, восхищенное сердце мое трепещетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, какъ въ первый разъ увидѣлъ я молодую жену мою, переступившую черезъ порогъ моего дома. Богъ войны! Знай, что

войско наше готово уже въ походъ, и что я покушался еще разъ или отрубить щитъ отъ крѣпкой руки твоей, или потерять свою собственную. Двѣнадцать разъ ты побѣждалъ меня, и съ тѣхъ поръ, каждую ночь мнѣ снилось, будто мы оба низвергшись на землю, силились разстегнуть шлемы, душа другъ друга за горло, — и, полумертвый, пробуждался я отъ пустаго сновидѣнія! Достойный Марцій! еслибъ мы не имѣли другой причины къ ссорѣ съ Римомъ, кромѣ твоего изгнанія, то мы собрали бы всѣхъ нашихъ гражданъ, отъ двѣнадцати до семидесяти лѣтъ, и внесли бы войну въ самое сердце неблагодарнаго Рима, нахлынувъ на него бурнымъ, неукротимымъ потокомъ! О, приди, пожми руку нашихъ сенаторовъ-друзей, которые пришли проститься со мной, готовымъ вторгнуться въ ваши области, если еще не въ самый Римъ.

КОРІОЛАНЪ.

О боги, вы благословляете меня!

АВФИДІЙ.

Такъ, самый независимый мужъ; если ты хочешь отмстить за себя, то возьми половину моей власти; дѣйствуй по собственной волѣ; назначь самъ планъ похода: постучаться ли намъ прямо въ ворота Рима, или свирѣпо наводнить отдаленные его части, и прежде чѣмъ разрушить — потрясти крѣпкое его основаніе. Но пойдемъ; дай мнѣ сперва представить тебя тѣмъ, которые будутъ во всемъ согласны съ твоимъ желаніемъ. Тысячи привѣтовъ тебѣ отъ меня!... Ты мнѣ теперь больше другъ, чѣмъ былъ когда нибудь врагомъ; а ты былъ величайшій врагъ мой! дай мнѣ свою руку!... добро пожаловать!..... *(уходятъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЛОЩАДЬ ВЪ РИМѢ.

СИЦИНІЙ И БРУТЪ.

СИЦИНІЙ.

Мы не слышимъ болѣе объ немъ и нечего его бояться. Мѣры его укорочены при теперешнемъ мирѣ и всеобщемъ спокойствіи.

БРУТЪ.

Хорошо, что мы догадались во время. Вотъ и Мененій.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И МЕНЕНІЙ.

СИЦИНІЙ.

О! онъ съ нѣкотораго времени очень присмирѣлъ. Здравствуй, Мененій!

МЕНЕНІЙ.

Желаю здравія вамъ обоимъ!

СИЦИНІЙ.

Вашъ Коріоланъ небольшая потеря, развѣ только для однихъ его друзей!..... Вѣдь Римъ стоитъ и будетъ стоять вѣчно, на зло его гнѣву.

МЕНЕНІЙ.

Все хорошо и могло бы быть еще лучше, еслибъ онъ покорился обстоятельствамъ.

СИЦИНІЙ.

Не слыхалъ ли ты, гдѣ онъ теперь?

МЕНЕНІЙ.

Нѣтъ, я ничего не слыхалъ; жена и мать его также не имѣютъ объ немъ извѣстія.

СИЦИНІЙ.

Вотъ онѣ сами идутъ сюда; уйдемъ прочь.

БРУТЪ.

Поздно; онѣ уже замѣтили насъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ВОЛУМНІЯ И ВИРГИЛІЯ.

ВОЛУМНІЯ.

Вы кстати встрѣтились съ нами. Да всѣ язвы, ниспосылаемыя богами, вознаградятъ васъ за ваши дѣла!

МЕНЕНІЙ.

Успокойтесь!..... умѣрьте гнѣвъ свой.

ВОЛУМНІЯ.

Еслибы слезы не лишали меня силъ, то вы бы услышали..... да, вы должны услышать отъ меня.... (*Бруту*) Ты хочешь уйдти?..... останься! (*Сицинію*) Будь здѣсь и ты!... О, еслибъ я могла сказать то же самое моему сыну!.....

СИЦИНІЙ.

Женщина ли ты?

ВОЛУМНІЯ.

Болѣе, глупецъ, — я мать!..... Не ужели и у тебя достало столько хитрости, чтобъ изгнать того, который за Римъ нанесъ врагамъ ударовъ болѣе, чѣмъ ты сказалъ умныхъ словъ.

СИЦИНІЙ.

О, благія небеса!

ВОЛУМНІЯ.

Да, болѣе славныхъ ударовъ, нежели ты сказалъ во всю свою жизнь умныхъ словъ, и все для блага Рима! Я тебѣ скажу вотъ что..... впрочемъ пди!..... нѣтъ, будь здѣсь!.... я бы желала, чтобъ мой сынъ былъ въ аравійскихъ степяхъ, съ добрымъ и вѣрнымъ мечемъ своимъ, и передъ нимъ все твое отродье.

СИЦИНІЙ.

Что жъ бы было?

ВОЛУМНІЯ.

О! онъ истребилъ бы его въ конецъ!.... Храбрый воинъ! сколько ранъ перенесъ онъ за Римъ!

МЕНЕНІЙ.

Успокойтесь!

СИЦИНІЙ.

Я желалъ бы, чтобъ онъ продолжалъ служить отечеству такъ же, какъ началъ, и не расторгъ бы самъ того прекраснаго узла, которымъ онъ связалъ себя съ Римомъ.

БРУТЪ.

И я желалъ бы того же.

ВОЛУМНІЯ.

«И я желалъ бы того же!..» а кто же причиной его изгнанія?... Безумцы! вы столько же можете судить объ его достоинствахъ, какъ я о тайнахъ, которыя Небу не угодно было открыть землѣ. Вы совершили прекрасный подвигъ... Но прежде, чѣмъ мы разстанемся, выслушайте меня: сколько Капитолій превосходитъ самый плохой домишко въ Римѣ, столько же мой сынъ,— мужъ вотъ этой женщины,—вотъ этой, видите ли вы? — изгнанный вами, превосходитъ всѣхъ васъ.

СИЦИНІЙ.

Что слушать безумную, которая оскорбляетъ насъ.

ВОЛУМНІЯ.

Я бы желала, чтобъ богамъ не было другаго дѣла, какъ только исполнять мои проклятія!... О, еслибъ я могла встрѣчать васъ хоть однажды въ день, это бы облегчало мое сердце отъ тяжести, гнетущей его!...

МЕНЕНІЙ.

Ты все сказала; успокойся, пойдемъ отсюда, раздѣлимъ вмѣстѣ вечернюю трапезу.

ВОЛУМНІЯ.

Гнѣвъ теперь одна моя пища!... я буду питаться ею до тѣхъ поръ, пока не умру съ голода! Пойдемъ, дочь моя, осушимъ эти дѣтскія слезы и перемѣнимъ скорбь на гнѣвъ, подобно Юнонѣ!.. Я стыжусь своей слабости!... пойдемъ, пойдемъ!..... (*уходятъ съ Виргиліей*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

БРУТЪ, СИЦИНІЙ, МЕНЕНІЙ и вскорѣ эдилъ.

БРУТЪ.

Каій-Марцій былъ достойный военачальникъ, но чрезмѣру заносчивъ, гордъ, тщеславенъ и самолюбивъ до крайности.

СИЦИНІЙ.

И домогался верховной власти, совершенно одинъ, безо всякой посторонней помощи.

МЕНЕНІЙ.

Я не думаю этого.

СИЦИНІЙ.

Мы, къ горю, убѣдились бы въ томъ, еслибъ онъ только былъ возведенъ въ консульское достоинство.

Входитъ Патрицій.

ПАТРИЦІЙ.

Достопочтенные трибуны! какой-то рабъ, котораго мы посадили въ темницу, говоритъ, что Вольски, съ двумя отдѣльными арміями, вступили въ наши предѣлы со всѣми ужасами войны, истребляя на пути все, что имъ ни встрѣчается.

МЕНЕНІЙ.

Это Авфидій, который, услышавъ объ изгнаніи Марція, снова выставляетъ свои рожки, которые были въ раковинѣ, пока

Марцій защищалъ Римъ, и не осмѣливались ни разу выглянуть оттуда.

БРУТЪ.

Ступай и высѣки этого обманщика; быть не можетъ, чтобъ Вольски осмѣлились нарушить съ нами миръ!

МЕНЕНІЙ.

Это очень возможно, и въ мой вѣкъ было три подобныхъ примѣра. Но разспросите этого раба, прежде чѣмъ накажете его, гдѣ онъ это слышалъ, а не то, какъ бы вамъ не случилось наказать невиннаго, который предостерегаетъ васъ отъ угрожающей опасности.

СИЦИНІЙ.

Напрасныя рѣчи: я знаю, что этого быть не можетъ.

БРУТЪ.

Невозможно!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ. *Входитъ* 1-й БЛАГОРОДНЫЙ РИМЛЯНИНЪ.

1-й БЛАГОРОДНЫЙ РИМЛЯНИНЪ.

Всѣ патриціи спѣшатъ въ сенатъ: получено какое-то непріятное извѣстіе.

СИЦИНІЙ.

Это все тотъ же рабъ. (*Эдилу*) Поди, высѣки его всенародно; это его смуты!... Онъ распустилъ ложный слухъ.

1-й БЛАГОРОДНЫЙ РИМЛЯНИНЪ.

Такъ, достойный трибунъ, всѣ вѣрятъ разсказамъ этого раба и носятся слухи еще ужаснѣе.

СИЦИНІЙ.

Какіе?

1-й БЛАГОРОДНОЙ РИМЛЯНИНЪ.

Многіе громко говорятъ (за справедливость этого я не ручаюсь), что Марцій, соединясь съ Авфидіемъ, ведетъ войско противу Рима и клянется, что месть его разразится надъ всѣми, отъ мала до велика.

СИЦИНІЙ (*съ насмѣшкой*).

Весьма-вѣроятно.

БРУТЪ.

Слухъ этотъ распущенъ только для того, что бъ слабѣйшая партія пожелала возвращенія своего любезнаго Марція.

СИЦИНІЙ.

Въ этомъ-то вся ихъ и уловка.

МЕНЕНІЙ.

Можетъ ли быть, что бъ *онъ* и *Авфидій* — двѣ крайности, могли соединиться?

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ *входитъ* 2-й БЛАГОРОДНЫЙ РИМЛЯНИНЪ.

и послѣ КОМИНІЙ.

2-й БЛАГОРОДНОЙ РИМЛЯНИНЪ.

Васъ требуютъ въ сенатъ; страшное войско, подъ предводительствомъ Каія Марція въ соединеніи съ Авфидіемъ, свирѣпствуетъ въ нашихъ предѣлахъ, истребляя все огнемъ и мечемъ.

(*входитъ Коминій.*)

КОМИНІЙ (*Трибунамъ.*)

Вы сдѣлали славное дѣло!

МЕНЕНІЙ.

Что такое? что сдѣлалось?

КОМИНІЙ (*трибунамъ.*)

Вы сами помогли обезчестить вашихъ дочерей, растопить свинцовыя крови Рима на ваши головы, и женъ своихъ предать на поруганіе.

МЕНЕНІЙ.

Что такое? что такое?

КОМИНІЙ (*продолжая*).

Сжечь храмы ваши до основанія, и ваши права, за которыя вы такъ стояли, заключить въ ореховую скорлупу.

МЕНЕНІЙ.

Говори, прошу тебя, какія новости? О! если Марцій соединился съ Вольсками...

КОМИНІЙ.

Если?.. онъ ихъ богъ; они идутъ съ нимъ и бьютъ насъ такъ же легко, какъ дѣти мотыльковъ. О! онъ потрясетъ весь Римъ за ваши уши!

МЕНЕНІЙ.

Какъ рука Геркулеса стрясала зрѣлый плодъ. — Вы сдѣлали прекрасное дѣло!..

БРУТЪ.

Но правда ли это?

КОМИНІЙ.

Такая правда, что вы побѣднѣете прежде, чѣмъ убѣдитесь въ противномъ. Всѣ об-

ласти наши добровольно отпадаютъ отъ насъ; надъ тѣми же, которые сопротивляются, смѣются за ихъ глупую самонадѣянность, и они гибнутъ какъ безумцы!.. Кто можетъ порицать Марція?.. Его и ваши враги находятъ въ немъ кое-какія достоинства.

МЕНЕНІЙ.

Мы пропали, если только не сжалится и не помилуетъ насъ этотъ великій мужъ!

КОМИНІЙ.

А кто жъ будетъ просить его о пощадѣ?.. Трибуны не могутъ сдѣлать этого отъ стыда, плебеи столько же заслуживаютъ жалости, какъ волкъ отъ пастуховъ; а что до искреннихъ друзей его, то сказавъ ему: сжалься надъ Римомъ, они оскорбили бы его точно такъ же, какъ тѣ, которые заслужили его ненависть и поступили бы съ нимъ, какъ враги.

МЕНЕНІЙ.

Ты правъ! Еслибъ онъ подъ мой домъ подкладывалъ огонь, чтобъ сжечь его до тла, у меня не достало бы духу сказать ему: «остановись, умоляю тебя!..» Прекрасные плоды принесла намъ ваша хитрость!..

КОМИНІЙ.

Никогда еще Римъ не былъ въ столь отчаянномъ положеніи, въ какое вы привели его теперь.

БРУТЪ и СИЦИНІЙ.

Не говорите, что это наша вина.

МЕНЕНІЙ.

Чья же?.. неужли наша?.. Мы любили его, но вмѣстѣ съ трусливыми патриціями уступили вашимъ плебеямъ, которые выкричали его вонъ изъ города.

КОМИНІЙ.

Но я боюсь, чтобъ они не завыли отъ его возвращенія. Туллъ-Авфидій, этотъ второй изъ мужей послѣ Коріолана, повинуется ему во всемъ, какъ будто бы онъ былъ его подчиненный. Отчаяніе, — вотъ вся политика, сила и защита, которыя мы можемъ противопоставить имъ.

БРУТЪ.

Въ Капитоліи!.. я отдалъ бы половину своего имѣнія, чтобъ только это была ложь!

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ IV.

ПЛОЩАДЬ ВЪ РИМѢ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МЕНЕНІЙ (*входитъ*).

СИЦИНІЙ, БРУТЪ И НѢСКОЛЬКО РИМЛЯНЪ.

МЕНЕНІЙ.

Нѣтъ, я не пойду; вы слышите, что онъ отвѣчалъ тому, кто нѣкогда былъ его начальникомъ, кто любилъ его какъ сына. Онъ звалъ меня отцомъ, но что жъ въ этомъ? (*Трибунамъ*). Ступайте вы, изгнавшіе его, падите ницъ за милю предъ его шатромъ и на колѣнахъ ищите пути къ его милосердію. Если же ужъ онъ отказалъ Коминію, то я не тронусь съ мѣста.

КОМИНІЙ.

Онъ даже не подалъ виду, что знаетъ меня.

МЕНЕНІЙ.

Слышите ли вы?

КОМИНІЙ.

Однажды только онъ назвалъ меня по имени. Я напоминалъ ему о нашей старой дружбѣ, о крови, пролитой нами вмѣстѣ за родину; но Коріоланъ не удостоилъ меня отвѣтомъ, запретилъ мнѣ называть себя... «У меня нѣтъ имени, сказалъ онъ, пока я не выкую его въ огнѣ горящаго Рима!»

МЕНЕНІЙ.

Вы совершили великій подвигъ, достойная чета трибуновъ: теперь уголья вздешевѣютъ въ Римѣ. О! ваша слава не умретъ въ потомствѣ.

КОМИНІЙ.

Я вразумлялъ его, какъ величественно прощать тѣхъ, кто менѣе всего ожидаетъ прощенія... онъ на отрѣзъ сказалъ мнѣ, что для Римлянъ низко умолять того, кого они изгнали.

МЕНЕНІЙ.

Онъ правъ. Могъ ли онъ отвѣчать иначе?

КОМИНІЙ.

Я старался пробудить въ немъ состраданіе къ искреннимъ друзьямъ его; онъ отвѣчалъ мнѣ, что не можетъ терять времени на то, чтобъ отдѣлять ихъ отъ кучи гнилой и негодной мякины и что глупо было бы для одного, или двухъ бѣдныхъ зеренъ, не сжечь ее и дышать ея зловоніемъ.

МЕНЕНІЙ.

Для одного, или двухъ бѣдныхъ зеренъ?.. Одно изъ этихъ зеренъ — я, мать, жена, сынъ его и (*показывая на Коминія*) этотъ доблестный воинъ, — мы эти зерна!.. вы же — гнилая мякина, заражающая воздухъ, и за васъ-то должны мы быть сожжены!

СИЦИНІЙ.

Будьте снисходительны! И если вы отказываетесь помочь намъ въ такой непредвидѣнной опасности, по крайней мѣрѣ не укоряйте насъ нашимъ бѣдствіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы ты захотѣлъ только быть ходатаемъ за свою родину, то добрый языкъ твой скорѣе бы удержалъ нашего согражданина, нежели все войско, которое мы можемъ собрать на скорую руку.

МЕНЕНІЙ.

Нѣтъ, я не хочу ни во что вмѣшиваться.

СИЦИНІЙ.

Иди къ нему, умоляю тебя.

МЕНЕНІЙ.

Что̀ мнѣ тамъ дѣлать?

БРУТЪ.

Испытай по крайней мѣрѣ, что̀ можетъ сдѣлать для Рима твоя привязанность къ Марцію.

МЕНЕНІЙ.

Хорошо; и сказать послѣ, что Марцій отослалъ меня назадъ, не выслушавъ, такъ же какъ Коминія? Видѣть себя отверженнымъ другомъ и страдать отъ его жестокости, не такъ ли?

СИЦИНІЙ.

Все жъ добрая воля твоя заслужитъ благодарность Рима въ той мѣрѣ, въ какой ты желалъ сдѣлать ему добро.

МЕНЕНІЙ.

Хорошо, я попытаюсь; авось онъ выслушаетъ меня старика; однако пріемъ его Коминію сильно меня безпокоитъ; видно пришли къ нему не во̀-время, на тощакъ, а когда желудокъ пустъ, тогда и кровь наша холодна; особенно мы бываемъ мрачны утромъ: тогда мы не способны ни давать, ни прощать; но коль скоро наполнимъ эти каналы нашей крови виномъ и пищею, тогда и сердца наши становятся податливѣе и мягче. Я подожду, пока онъ пообѣдаетъ и потомъ уже нападу на него съ моею просьбою.

БРУТЪ.

Ты знаешь вѣрный путь къ его сердцу и не можешь сбиться съ дороги.

МЕНЕНІЙ.

Рѣшено, я иду, что̀ бы изъ того ни вышло! Вы скоро узнаете объ успѣхѣ моего посольства *(уходитъ.)*

КОМИНІЙ.

Онъ никакъ не согласится выслушать его.

СИЦИНІЙ.

Неужели?

КОМИНІЙ.

Говорю вамъ, что онъ сидитъ весь въ золотѣ; глаза его пылаютъ, какъ будто бы хотѣли сжечь Римъ; обида стоитъ на стражѣ и заграждаетъ жалости путь къ его сердцу. Я преклонилъ предъ нимъ колѣно, онъ сказалъ мнѣ слабымъ голосомъ: «встань» и выпроводилъ меня отъ себя однимъ нѣмымъ движеніемъ своей руки. Вслѣдъ за мной онъ прислалъ бумагу, въ которой написано, *что̀* согласенъ онъ сдѣлать и *чего* нѣтъ, увѣряя, что онъ обязанъ клятвою не соглашаться ни на какія новыя предложенія. Теперь остается одна надежда на его благородную мать и жену, которыя, какъ я слышалъ, намѣрены умолять его о помилованіи своего отечества. И такъ, пойдемъ отсюда и убѣдимъ ихъ нашими просьбами — ускорить свое прекрасное намѣреніе. *(Уходятъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Передовые посты лагеря Вольсковъ передъ Римомъ; воины стоятъ на стражѣ; Мененій подходитъ къ нимъ.

1-й вольскъ.

Стой!.. кто идетъ?

2-й вольскъ.

Назадъ!

МЕНЕНІЙ.

Вы исправные часовые, это похвально; но, съ позволенія вашего, я такой же воинъ, какъ вы, и пришелъ поговорить съ Коріоланомъ.

1-й вольскъ.

Откуда?

МЕНЕНІЙ.

Изъ Рима.

1-й вольскъ.

Назадъ! Полководецъ нашъ не хочетъ ничего слышать оттуда.

2-й вольскъ.

Скорѣй увидишь ты свой Римъ въ огнѣ, нежели успѣешь говорить съ Коріоланомъ.

МЕНЕНІЙ.

Добрые друзья мои! если вы слыхали разсказы вашего полководца о Римѣ и тамошнихъ друзьяхъ его, то можно смѣло биться объ закладъ, что имя мое доходило до вашихъ ушей: я — Мененій.

1-й вольскъ.

Ступай назадъ! имя твое здѣсь не въ ходу.

МЕНЕНІЙ.

Говорю тебѣ, другъ мой, что твой полководецъ любитъ меня; я былъ живою книгой добрыхъ дѣлъ его, въ которой читали люди объ его безмѣрной и, можетъ быть, преувеличенной славѣ.

1-й вольскъ.

Ты Римлянинъ, не такъ ли?

МЕНЕНІЙ.

Да, такъ же какъ и твой полководецъ.

1-й вольскъ.

Стало быть, ты долженъ ненавидѣть Римъ такъ же, какъ онъ ненавидитъ его. Можете ли вы, вытолкавъ за свои ворота истиннаго защитника вашего и добровольно отдавши свой щитъ врагамъ, надѣяться удержать его мщеніе воемъ старыхъ бабъ, просьбами дѣвчонокъ, дочерей вашихъ, или безсильнымъ ходатайствомъ такого стараго болтуна, какъ ты? Не ужели вы думаете, что ваше слабое дуновеніе можетъ задуть пламя, готовое сжечь вашъ городъ! Нѣтъ! вы ошибаетесь! Возвратись же въ Римъ и приготовься къ казни: вы всѣ осуждены; полководецъ нашъ поклялся, что для васъ не будетъ ни помилованія, ни пощады.

МЕНЕНІЙ.

Глупецъ! если бы начальникъ твой зналъ, что я здѣсь, онъ обошелся бы со мною съ уваженіемъ.

1-й вольскъ.

Мой начальникъ не хочетъ знать тебя! Назадъ, говорятъ тебѣ, если не хочешь, чтобъ я выпустилъ небольшой остатокъ твоей крови, — назадъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ КОРІОЛАНЪ и АВФИДІЙ.

КОРІОЛАНЪ.

Что здѣсь такое?

МЕНЕНІЙ.

Теперь, пріятель, я доложу и о тебѣ. Ты узнаешь, въ какомъ я здѣсь уваженіи и увидишь, что наглый стражъ не можетъ удалить меня отъ моего сына Коріолана. Взгляни теперь на мое обращеніе съ нимъ и обмирай предъ тѣмъ, что постигнетъ тебя. *(Коріолану)* Да сильные боги въ совѣтахъ своихъ ежечасно пекутся о твоемъ благоденствіи и любятъ тебя такъ, какъ дряхлый отецъ твой, Мененій!.. О сынъ мой! сынъ мой! Ты готовишь огонь для насъ: *(показывая на свои слезы)* смотри, вотъ вода, чтобъ погасить его. Съ трудомъ убѣдили меня идти къ тебѣ, и то потому только, что всѣ увѣрены, будто никто, кромѣ меня одного, не можетъ преклонить тебя на милость; вздохами своими вывѣяли они меня за городскія ворота... и я заклинаю тебя простить Римъ и умоляющихъ сограждан твоихъ. Благіе боги да укротятъ твою ярость, и да обратятъ стрѣлы ея на этого негодяя, безчувственнаго какъ камень, который не хотѣлъ допустить меня къ тебѣ.

КОРІОЛАНЪ.

Прочь отъ меня!

МЕНЕНІЙ.

Какъ?...

КОРІОЛАНЪ.

Жена, мать, сынъ! Я не знаю ихъ больше! Дни мои посвящены на службу другимъ, и простить Римъ зависитъ не отъ моей воли. Пусть лучше неблагодарное забвеніе отравитъ воспоминаніе о нашей дружбѣ, чѣмъ увидятъ доказательство, до какой степени мы были дружны. И такъ, оставь меня: слухъ мой гораздо непреклоннѣе къ мольбамъ, чѣмъ ваши ворота передъ моею силою!.. Впрочемъ, такъ какъ я любилъ тебя, то возьми вотъ это съ собою *(даетъ ему письмо)*; изъ одной любви къ тебѣ я написалъ его и хотѣлъ переслать къ тебѣ. Не говори ни слова, Мененій, я ничего не хочу больше слушать. *(Отворачивается отъ него)* Этотъ мужъ, Авфидій, былъ отцомъ моимъ въ Римѣ, но ты видишь...

АВФИДІЙ.

Ты твердъ въ своемъ словѣ!

(Коріоланъ и Авфидій уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

1-й вольскъ.

Ну, такъ твое имя Мененій?

2-й вольскъ.

Смотри пожалуй, какая волшебная сила въ этомъ имени?.. Ты знаешь дорогу домой?

1-й вольскъ.

Слышали ли вы, какъ насъ бранили здѣсь за то, что мы не пропустили ваше величіе?

2-й вольскъ.

Отъ чего же обмирать-то мнѣ?

мененій.

Какая мнѣ нужда до другихъ, до вашего полководца... а что до васъ, то я едва вѣрю вашему существованію,—до такой степени вы мелки и ничтожны въ глазахъ моихъ. У кого достаетъ рѣшимости умереть отъ собственной руки своей, тотъ не боится умереть отъ руки другаго. Пусть вашъ полководецъ надѣлаетъ зла столько, сколько можетъ!..... оставайтесь навсегда тѣмъ, что̀ вы есть и пусть бѣдствія ваши возрастаютъ съ годами! Я говорю вамъ то же, что было сказано мнѣ: «прочь отъ меня!» (*уходитъ*)

1-й вольскъ.

Благородный человѣкъ, ручаюсь за то.

2-й вольскъ.

Самый благороднѣйшій человѣкъ нашъ полководецъ; это скала, дубъ, котораго не въсила хъ поколебать вѣтры! (*Отходятъ въ глубину.*)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

(*Входятъ Коріоланъ, Авфидій и другіе.*)

коріоланъ.

Завтра, подъ стѣнами Рима, мы сокрушимъ нашего врага. Ты, какъ соучастникъ мой въ этомъ походѣ, долженъ донести Вольскимъ сенаторамъ, какъ честно я поступаю въ этомъ дѣлѣ.

авфидій.

Ты печешься только объ ихъ выгодахъ; ты заградилъ слухъ свой къ общей мольбѣ Рима, не позволялъ себѣ никогда тайныхъ сношеній, даже съ такими друзьями, которые твердо были увѣрены въ тебѣ.

коріоланъ.

Этотъ послѣдній старикъ, котораго я съ растерзаннымъ сердцемъ отослалъ въ Римъ, любилъ меня болѣе, нежели отецъ. О! онъ обожалъ меня; имъ оставалась послѣдняя надежда на спасеніе — послать его ко мнѣ; изъ любви къ нему (хоть я и сурово обошелся съ нимъ) я еще однажды предложилъ имъ первыя условія; они отвергли мое предложеніе, и теперь уже не могутъ принять его. Единственно изъ состраданія къ нему, такъ-какъ онъ надѣялся сдѣлать болѣе, согласился я на такую милость. Съ этихъ поръ я уже не склоню болѣе моего слуха къ новымъ мольбамъ и посольствамъ какъ республики, такъ и частныхъ друзей моихъ. А! что тамъ за крикъ? (*За сценой крикъ*) Не ужели мнѣ угрожаетъ искушеніе нарушить обѣтъ въ ту самую минуту, какъ онъ произнесенъ?.. Нѣтъ!.. я не нарушу его!..

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Входятъ виргилія, волумнія, *ведя за руку* сына марція, валерія и другія женщины, *всѣ въ траурѣ.*

Жена моя! она идетъ впереди; за нею почтенная мать моя, питавшая меня своею грудью; она ведетъ за руку роднаго своего внука... Но прочь отъ меня всякое чувство нѣжности!.. разрушьтесь всѣ узы и всѣ права природы!.. пусть одна твердость моя будетъ непоколебима!.. (*Виргилія кланяется ему*) Чего стоитъ мнѣ этотъ поклонъ!.. или это небесные глаза, которые могли бы самихъ боговъ сдѣлать клятвопреступниками!.. мужество мое оставляетъ меня; видно, и я слѣпленъ изъ такой же рыхлой глины, какъ и другіе. (*Волюмнія преклоняется предъ нимъ*) Мать моя преклонилась предо мною... О! это все равно, какъ бы Олимпъ преклонилъ униженно свою вершину предъ ничтожнымъ холмомъ!... умоляющій видъ младенца, сына моего, вопіетъ ко мнѣ голосомъ великой природы: не отвергай, сжалься!.. Пусть Вольски вспашутъ Римъ, взборонятъ Италію, я не буду животнымъ, которое повинуется инстинкту; но останусь твердъ, какъ будто бы человѣкъ не имѣлъ родни и самъ былъ своимъ творцомъ.

виргилія.

Мой супругъ и повелитель!

КОРІОЛАНЪ.

Эти глаза не таковы уже, какъ бывали въ Римѣ.

ВИРГИЛІЯ.

Сильная горесть измѣнила ихъ!..

КОРІОЛАНЪ.

Подобно плохому актеру, я забылъ теперь свою роль, весь растерялся и готовъ вполнѣ обезславить себя! (*Къ женѣ*) Лучшая часть моего существованія!.. прости мнѣ мое варварство, но не говори мнѣ за это: «прости нашихъ Римлянъ.» О! одинъ лишь поцалуй,—продолжительный какъ мое изгнаніе, сладостный, какъ мщеніе!.. клянусь ревнивой богинею небесъ, что послѣдній поцалуй, который я унесъ отъ тебя, сохранился еще дѣвственнымъ на вѣрныхъ губахъ монхъ!.. О, боги! я трачу слова и оставляю безъ привѣта мать, благороднѣйшую женщину въ мірѣ. Преклонитесь же на землю мои колѣна (*становится на колѣни*) и напечатлѣйте на ней знакъ сыновняго почтенія, какъ можно глубже и сильнѣе.

ВОЛУМНІЯ.

О! встань, благословенный богами! я сама преклоняю колѣно предъ тобою—и неумѣстно показываю долгъ, въ которомъ всѣ ошибались донынѣ: долгъ родителей къ дѣтямъ. (*Становится на колѣни*).

КОРІОЛАНЪ.

Какъ! ты на колѣнахъ предомной? предъ сыномъ, котораго ты вскормила?... Такъ пусть же камни, разбросанные по безплодному берегу моря, ударятъ въ звѣзды!... пусть буйные вѣтры, исторгнувъ гордые кедры, поразятъ ими огненное солнце..... О, послѣ этого, нѣтъ ничего невозможнаго!

ВОЛУМНІЯ.

Ты *мой* воинъ!... я способствовала твоему образованію!... знаешь ли ты эту женщину?...

КОРІОЛАНЪ.

Это благородная сестра Публиколы, луна Рима, чистая какъ ледяной кристаллъ чистѣйшаго снѣга, висящій на храмѣ Діаны, — милая Валерія.

ВОЛУМНІЯ.

А вотъ бѣдное сокращеніе самого тебя; (*указывая на ребенка*) когда оно вырастетъ и возмужаетъ, то будетъ совершенно сходно съ тобою.

КОРІОЛАНЪ.

Богъ войны, съ согласія верховнаго Юпитера, да напитаетъ мысли и чувства твои благородствомъ; да никогда не уязвитъ тебя безславіе и да стопишь ты твердо, подобно маляку, презирая бурю и спасая тѣхъ, которые смотрятъ на тебя!...

ВОЛУМНІЯ.

На колѣни, дитя мое!

КОРІОЛАНЪ.

Молодецъ—мальчишка!

ВОЛУМНІЯ.

Да, онъ, жена твоя, эта благородная женщина и я сама, — всѣ мы съ просьбою къ тебѣ.

КОРІОЛАНЪ.

Остановитесь, умоляю васъ! или если вы хотите просить, то помните напередъ, что вы не должны оскорбляться, если я откажу вамъ въ томъ, что я заклялся давать. Не требуйте, чтобъ я распустилъ свое войско или вступилъ въ переговоры съ плебеями; не говорите мнѣ, что я нарушаю всѣ права природы; не старайтесь укрощать ярость и мщеніе во мнѣ вашими холодными разсужденіями!

ВОЛУМНІЯ.

О! ни слова болѣе!.. ни слова! ты ужъ сказалъ, что ты ничего не хочешь дать намъ. Намъ больше нечего просить у тебя, кромѣ того, въ чемъ ты уже отказалъ; но въ такомъ случаѣ, мы будемъ просить тебя о томъ, чтобъ весь стыдъ твоего отказа палъ на твою жестокость.... Выслушай насъ!

КОРІОЛАНЪ.

Авфидій и вы, Вольски, слушайте вмѣстѣ со мною; безъ васъ, мы ничего не хотимъ втайнѣ слышать изъ Рима. — Ваша просьба?..

ВОЛУМНІЯ.

Если бъ мы даже хранили молчаніе, не сказали тебѣ ни одного слова, то и тогда бъ эта одежда, изнуренныя лица наши, высказали тебѣ, что за жизнь вели мы со дня твоего изгнанія! Самъ подумай, есть ли хоть одна женщина на землѣ несчастнѣе насъ, пришедшихъ сюда? Видъ твой, который

долженъ бы заставить глаза наши проливать слезы радости, а сердце прыгать отъ наслажденія, вынуждаетъ насъ проливать горькія слезы и трепетать отъ ужаса и скорби. Ты заставляешь свою мать, жену, сына, видѣть, какъ сынъ, мужъ и отецъ терзаетъ сердце своего отечества. А для насъ, бѣдныхъ, вражда твоя еще ужаснѣе!... ты отымаешь у насъ даже возможность возсылать къ богамъ молитвы, — отраду, которою наслаждаются всѣ, кромѣ насъ. Какъ можемъ мы, увы!... какъ можемъ мы, по долгу своему, молиться за наше отечество и вмѣстѣ молиться о томъ, чтобъ ты одержалъ побѣду, въ чемъ также долгъ нашъ? Увы! намъ должно лишиться или отчизны, дорогой кормилицы нашей, или тебя, нашего утѣшенія въ отечествѣ. Какая бы молитва наша ни исполнилась, величайшее бѣдствіе постигнетъ насъ равно: или тебя, какъ чужеземца и измѣнника повлекутъ въ цѣпяхъ по стогнамъ нашимъ; или ты, въ торжествѣ своемъ, будешь попирать развалины своего отечества и пріобрѣтешь пальму за то, что мужественно пролилъ кровь жены и дѣтей своихъ!..... Что жъ до меня, сынъ мой, то я не намѣрена ждать, пока счастіе рѣшитъ участь этой войны, и если я не могу убѣдить тебя — оказать лучше великодушную милость обѣимъ сторонамъ, нежели искать погибели одной изъ нихъ, то знай, что ты перейдешь за родныя ворота не иначе, какъ черезъ эту грудь, которая вскормила тебя на погибель отечества!...

ВИРГИЛІЯ.

И чрезъ меня, родившую тебѣ сына, чтобъ имя твое жило въ потомствѣ!

СЫНЪ КОРІОЛАНА.

А черезъ меня онъ не пройдетъ: я убѣгу и стану прятаться до тѣхъ поръ, пока выросту, и тогда я самъ уже буду сражаться.

КОРІОЛАНЪ.

Чтобъ не разнѣжиться, какъ женщина, не должно видѣть ни дѣтей, ни женскаго лица. — Я слишкомъ долго медлилъ! *(хочетъ идти)*.

ВОЛУМНІЯ.

Нѣтъ, не уходи такъ отъ насъ. Еслибъ мы просили тебя спасти Римлянъ погибелью Вольсковъ, которымъ ты служишь, ты вправѣ былъ бы осудить насъ, какъ враговъ твоей чести; но мы просимъ тебя только помирить ихъ между собою. Пусть Вольски скажутъ: «мы оказали имъ эту милость»; а Римляне: «мы приняли ее». — Тѣ и другіе осыплютъ тебя похвалами и станутъ взывать къ богамъ, да благословятъ тебя они за заключеніе мира!.... Ты самъ знаешь, великій сынъ мой: конецъ войны не извѣстенъ; но извѣстно то, что, завоевавъ Римъ, ты не пріобрѣтешь себѣ ничего, кромѣ имени, которое будетъ повторяться съ проклятіемъ. Лѣтописи скажутъ о тебѣ: «этотъ мужъ былъ великъ, но «послѣднимъ поступкомъ своимъ онъ по«мрачилъ всю свою славу, онъ разрушилъ «свое отечество и имя его для будущихъ «вѣковъ останется предметомъ ужаса.» Отвѣчай мнѣ, сынъ мой! Ты, въ стремленіи своемъ, домогался всегда чистѣйшей славы — подражать богамъ въ милосердіи, разсѣкать громами воздухъ и поражать молніей одни только дубы. — Что жъ ты не отвѣчаешь мнѣ? Не ужели ты считаешь похвальнымъ для человѣка благороднаго помнить всегда обиды?... Дочь, говори ты... нѣтъ, онъ не смотритъ на твои слезы; говори ты, дитя мое; можетъ быть, дѣтскія рѣчи твои болѣе тронутъ его, чѣмъ наши убѣжденія. Ни одинъ сынъ въ мірѣ не обязанъ своей матери болѣе его; не смотря на то, онъ заставляетъ меня расточать напрасно слова, подобно женщинѣ, привязанной къ позорному столбу!... Ты никогда, во всю жизнь свою, не оказалъ ни одной ласки нѣжной своей матери, между тѣмъ, какъ она, бѣдная, не наслаждаясь другими дѣтьми, лелѣяла тебя, призывала тебя къ войнѣ и съ войны, осыпаннаго почестями!.. Скажи, что просьба моя несправедлива и изгони меня отъ себя; но если это не такъ, то ты самъ не правъ и боги накажутъ тебя за то, что ты лишаешь меня возможности исполнить материнскій долгъ.— Онъ отворачивается!.. на колѣна, Римляне, пристыдимъ его нашимъ униженіе-

емъ!..... Онъ гораздо болѣе тщеславится своимъ прозваніемъ, чѣмъ имѣетъ жалости къ мольбамъ нашимъ.... на колѣна — и конецъ!.... Это ужъ въ послѣдній разъ!.... Такъ, мы возвратимся въ Римъ и умремъ посреди нашихъ согражданъ. — Нѣтъ, взгляни на насъ: этотъ ребенокъ, который не въ состояніи выразить еще, чего онъ хочетъ, а только изъ подражанія другимъ стоитъ на колѣнахъ и простираетъ къ тебѣ свои ручонки, подкрѣпляетъ справедливость нашей просьбы сильнѣе, нежели сколько ты имѣешь силъ отвергнуть ее!... Пойдемъ!.. уйдемъ отсюда: Вольска была матерью этого человѣка, жена его въ Коріоли и этотъ младенецъ походитъ на него случайно. — Ну, отошли же насъ!.... я умолкла, пока не увижу родины моей въ огнѣ; и тогда.... тогда я еще поговорю не много.

КОРІОЛАНЪ.

О, матушка, матушка! (*беретъ ее за руку и нѣсколько минутъ остается безмолвнымъ*). Что ты сдѣлала?... посмотри, небеса отверзаются, боги взираютъ на насъ и смѣются надъ такой неестественной сценой. — Матушка, матушка!... о! ты одержала счастливую побѣду для Рима; но для сына твоего вѣрь, вѣрь, побѣда твоя слишкомъ опасна, если не вовсе гибельна! но такъ и быть!.... Авфидій, хоть я и не могу вести надлежащей войны, но я заключу приличный миръ. — Ну, скажи самъ, добрый Авфидій, еслибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, менѣе ли бы ты послушался своей матери?... менѣе ли бы ты далъ ей, Авфидій?

АВФИДІЙ.

Я самъ былъ растроганъ.

КОРІОЛАНЪ.

О! я готовъ поклясться въ истинѣ твоихъ словъ. Да, не такъ легко выжать изъ этихъ глазъ слезы состраданія. — Но научи меня, добрый Авфидій, какой миръ желаешь ты заключить?... Что до меня, я ужъ не пойду въ Римъ, я возвращусь съ тобою въ Анціумъ.—Прошу тебя, защити меня въ этомъ дѣлѣ!... Мать!.. жена!.... (*обнимаются*).

АВФИДІЙ (*про себя*).

Я радъ, что состраданіе и честь у тебя въ разладѣ; изъ этого я сооружу прежнее мое счастіе.

(*Женщины хотятъ уйти*).

КОРІОЛАНЪ.

О! погодите, погодите немного. Сперва освѣжимъ себя виномъ, а потомъ вы понесете въ Римъ лучшее свидѣтельство, чѣмъ одни слова, — миръ, который мы подпишемъ на обоюдныхъ условіяхъ. Войдите съ нами въ шатеръ!.. Благородныя Римлянки, вы заслуживаете того, чтобъ вамъ воздвигли храмъ въ Римѣ; безъ васъ всѣмъ мечамъ Италіи и всѣмъ соединеннымъ силамъ ея, не удалось бы заключить этого мира. (*Уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФОРУМЪ ВЪ РИМѢ.

МЕНЕНІЙ и СИЦИНІЙ.

МЕНЕНІЙ.

Видишь ли ты вотъ тотъ уголъ Капитолія, тотъ краеугольный камень?....

СИЦИНІЙ.

Ну такъ что жъ?

МЕНЕНІЙ.

Если бъ ты могъ сдвинуть его съ мѣста мизинцемъ, тогда была бы еще какая нибудь надежда, что благородныя Римлянки, въ особенности мать, могутъ преклонить его; но я говорю, что нѣтъ никакой надежды на успѣхъ. Головы наши приговорены и ожидаютъ только исполненія казни.

СИЦИНІЙ.

Возможно ли, чтобъ столь короткое время могло перемѣнить нравъ человѣка?

МЕНЕНІЙ.

Есть различіе между червемъ и мотылькомъ; однако жъ вашъ мотылекъ былъ прежде червемъ. Этотъ Марцій изъ человѣка превратился въ крылатаго дракона; онъ ужъ теперь больше чѣмъ насѣкомое.

СИЦИНІЙ.

Онъ нѣжно любилъ свою мать.

МЕНЕНІЙ.

И меня онъ любилъ также; а теперь онъ столько же помнитъ свою мать, какъ восьмилѣтній конь свою; гнѣвъ и гроза сверкаютъ въ его лицѣ; онъ не ходитъ, а движется какъ стѣнобитная машина, и земля дрожитъ подъ его стопами; взоръ его пробилъ бы самые крѣпкіе латы; рѣчь его звучитъ какъ погребальный колоколъ, а голосъ — громъ небесный. Онъ стоитъ въ своемъ величіи какъ Александръ, завоеватель вселенной; приказанія его исполняются вмѣстѣ съ его словомъ. Что бъ быть божествомъ, ему не достаетъ только вѣчности и неба для тропа.

СИЦИНІЙ.

Да, и милосердія, если твое описаніе вѣрно.

МЕНЕНІЙ.

Я изображаю его въ собственномъ его видѣ. Вы увидите, какую милость принесетъ отъ него мать: въ немъ столько же милосердія какъ въ тигрѣ! это почувствуетъ нашъ бѣдный городъ, и вы, вы всему виною!..

СИЦИНІЙ.

Да помилуютъ насъ боги!

МЕНЕНІЙ.

Нѣтъ, въ этомъ случаѣ и боги не помилуютъ насъ! Когда мы изгоняли его, тогда мы не уважали ихъ, а теперь, когда онъ возвратился для нашей казни, они не уважатъ нашихъ молитвъ!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ 1-й благородный Римлянинъ.

СИЦИНІЙ.

Что новаго?

1-й БЛАГОРОДНОЙ РИМЛЯНИНЪ.

Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти! Римлянки успѣли преклонить его. Вольски отступили и Марцій ушелъ съ ними. Никогда еще великій Римъ не видалъ дня веселѣе нынѣшняго!

СИЦИНІЙ.

Другъ! увѣренъ ли ты, что это правда?.. вѣрно ли это?

1-й БЛАГОРОДНОЙ РИМЛЯНИНЪ.

Такъ вѣрю, какъ то, что въ солнцѣ огонь. Гдѣ же вы скрывались, что до сихъ поръ сомнѣваетесь въ этомъ? Никогда сердитый потокъ не стремился такъ быстро подъ арку моста, какъ утѣшенные Римляне стремятся сквозь свои ворота. — Чу!.. слышите ли вы? (*слышны трубы, музыка, восклицанія, все вмѣстѣ*) Эти трубы, кимвалы, гусли и эти восклицанія Римлянъ заставляютъ плясать самое солнце. Слышите!.. (*Клики за сценой.*)

МЕНЕНІЙ.

Прекрасная новость! я пойду на встрѣчу благородныхъ Римлянокъ. Эта Волумнія стоитъ консуловъ, сенаторовъ, патриціевъ и цѣлаго города, а о такихъ трибунахъ, какъ вы, и говорить нечего! Знать хорошо вы молились сегодня!... Нынче утромъ за десять тысячъ вашихъ головъ я не далъ бы и обола. — Слышите, какъ они радуются. (*Снова музыка и веселые клики*).

СИЦИНІЙ.

Во-первыхъ, да благословятъ тебя боги за твое извѣстіе, а потомъ прими мою благодарность.

МЕНЕНІЙ.

Да, мы всѣ имѣемъ причину возсылать благодареніе.

СИЦИНІЙ.

Близко ли они къ городу?

1-й благ. рим.

Почти у самыхъ воротъ.

СИЦИНІЙ.

Пойдемъ имъ на встрѣчу и порадуемся вмѣстѣ съ ними. (*Уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Входятъ ДВА СЕНАТОРА СЪ БЛАГОРОДНЫМИ РИМЛЯНКАМИ *и проходятъ по сценѣ въ сопровожденіи патриціевъ и народа.*

1-й СЕНАТОРЪ.

Смотрите на нашу заступницу, спасительницу Рима. Созовите всѣ наши трибы, воздайте хвалу богамъ и зажгите торжественные огни; усыпьте ихъ дорогу цвѣтами; перекричите крикъ, изгнавшій Марція;

призовите его назадъ привѣтными криками его матери! Кричите всѣ: привѣтствуемъ васъ, благородныя Римлянки, привѣтствуемъ васъ?

ВСѢ ГРАЖДАНЕ.

Привѣтствуемъ васъ, благородныя Римлянки, привѣтствуемъ васъ!!! *(Уходятъ, звуки трубъ, музыка и проч.)*

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ПЛОЩАДЬ ВЪ АНЦІУМѢ.

Входятъ Тулль-Авфидій со свитой.

АВФИДІЙ (*свитѣ*)

Ступайте, извѣстите сенаторовъ города, что я здѣсь. Отдайте имъ эту хартію, попросите ихъ, по прочтеніи ея, явиться на площадь, гдѣ я подтвержу всѣмъ и каждому истину начертаннаго здѣсь. — Обвиняемый мною вошелъ уже въ городъ; онъ намѣренъ явиться народу — въ надеждѣ оправдать себя хитрыми словами. — Поспѣшите! *(свита уходитъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

(Входятъ трое или четверо Авфидіевыхъ приверженцевъ).

1-й ПРИВЕРЖЕНЕЦЪ.

Какъ поживаетъ нашъ полководецъ?

АВФИДІЙ.

Какъ человѣкъ, отравленный собственной своей милостыней и убитый своимъ великодушіемъ.

2-й ПРИВЕРЖЕНЕЦЪ.

Благородный начальникъ! если ты еще не перемѣнилъ своего намѣренія, для котораго ты желалъ нашей помощи, то мы выручимъ тебя изъ бѣды.

АВФИДІЙ.

Теперь я не могу еще ничего сказать: мы должны дѣйствовать, соображаясь съ расположеніемъ народа.

1-й ПРИВЕРЖЕНЕЦЪ.

Народъ останется въ нерѣшимости, пока между тобою и Марціемъ будетъ равновѣсіе; но паденіе одного изъ васъ сдѣлаетъ другаго полнымъ наслѣдникомъ покойника.

АВФИДІЙ.

Я это знаю; теперь мнѣ есть удобный предлогъ къ его пораженію: я возвысилъ его и честію своею поручился за его вѣрность. Осыпанный почестями, онъ поливалъ новыя свои растенія росою лести, и чрезъ то обольстилъ моихъ друзей; съ этой цѣлью онъ преодолѣлъ свою природу, которая дотолѣ была сурова, непреклонна и свободна.

1-й ПРИВЕРЖЕНЕЦЪ.

Эта непреклонность виною потери его консульства.

АВФИДІЙ.

Объ этомъ-то я и хотѣлъ говорить: изгнанный за свою строптивость, онъ пришелъ въ мой домъ и подставлялъ горло свое подъ ножъ мой. Я принялъ его, раздѣлилъ съ нимъ власть мою, далъ ему свободу дѣйствовать произвольно, позволилъ ему выбирать изъ моихъ дружинъ самыхъ отважныхъ и бодрыхъ воиновъ, для выполненія его замысловъ; даже я самъ, лично, служилъ его планамъ; помогалъ ему пожинать славу, которую напослѣдокъ онъ всю присвоилъ себѣ. Я гордился этой обидой которую добровольно наносилъ самому себѣ, пока наконецъ увидѣлъ, что я слѣдую за нимъ какъ подчиненный, а не какъ равный ему. Онъ обходился со мною такъ, какъ будто бы я былъ не полководецъ, а наемникъ!

1-й ПРИВЕРЖЕНЕЦЪ.

Вся армія была удивлена его поступками съ тобой и, къ довершенію всего, когда Римъ былъ уже у него въ рукахъ и мы надѣялись стяжать и славу и добычу.....

АВФИДІЙ.

Въ этомъ будетъ главное мое обвиненіе: за нѣсколько капель женскихъ слезъ, которыя такъ же дешевы, какъ ложь, продалъ онъ и кровь и труды нашего великаго предпріятія.... онъ долженъ умереть и я обновлюсь въ его паденіи. — Но слушайте!... *Звуки трубъ и громкія восклицанія народа).*

1-й приверженецъ.

Ты вступилъ въ родимой городъ какъ простой вѣстникъ, и никто не привѣтилъ тебя; *онъ* возвращается сюда и воздухъ потрясенъ криками народа.

2-й приверженецъ.

И мягкосердые глупцы прославляютъ убійцу дѣтей своихъ!

Авфидій.

Ни слова болѣе: сюда идутъ наши сенаторы..

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВХОДЯТЪ ВОЛЬСКІЕ СЕНАТОРЫ.

ВСѢ СЕНАТОРЫ ВОЛЬСКІЕ *(Авфидію)*.

Привѣтствуемъ тебя съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину.

АВФИДІЙ.

Я не заслужилъ этого пріема!... но, достойные сенаторы, прочли ли вы со вниманіемъ то, о чемъ я писалъ къ вамъ?

1-й СЕНАТОРЪ.

Да, мы съ горестію прочли доносъ твой; для прежнихъ проступковъ его легко найти извиненіе. Но окончить тѣмъ, чѣмъ бы онъ долженъ былъ начать; пожертвовать выгодами нашего вооруженія, заплативъ намъ за него только собственными нашими издержками и заключивъ договоръ съ Римомъ, когда онъ долженъ былъ намъ сдаться..... этого ни чѣмъ извинить нельзя.

АВФИДІЙ.

Вотъ онъ!....

(Входитъ Коріоланъ въ сопровожденіи Вольсковъ съ распущенными знаменами и при звукѣ трубъ).

КОРІОЛАНЪ.

Привѣтствую васъ, достопочтенные сенаторы! я возвращаюсь вашимъ воиномъ, столько же зараженный любовью къ своему отечеству, какъ и при отбытіи моемъ изъ этого города. — Я остаюсь подъ вашимъ великимъ начальствомъ. Успѣхъ увѣнчалъ мое предпріятіе, и, кровавымъ путемъ, довелъ я войско ваше до самыхъ воротъ Рима. Добыча, стяжанная нами, превышаетъ цѣлою третью издержки этой войны. Мы заключили миръ честный для Анціатовъ и постыдный для Римлянъ! Здѣсь представляемъ мы договоръ, подписанный консулами и патриціями и скрѣпленный печатью Римскаго сената!

АВФИДІЙ.

Не читайте его, благородные сенаторы, и скажите этому измѣнннику, что онъ употребилъ во зло власть, данную ему вами!

КОРІОЛАНЪ.

Измѣнннику?... какъ!....

АВФИДІЙ.

Да, Марцій измѣнникъ!

КОРІОЛАНЪ.

Марцій!

АВФИДІЙ.

Да, Марцій, Каій Марцій. — Не думаешь ли ты, что я почту тебя этимъ воровскимъ, украденнымъ въ Коріоли именемъ: Коріоланъ? Къ вамъ обращаюсь я, сенаторы и главы народа! онъ вѣроломно измѣнилъ вамъ и отдалъ за нѣсколько слезинокъ вашъ городъ Римъ, да, *ваш* городъ Римъ, своей матери и женѣ; онъ нарушилъ свою клятву и разорвалъ всѣ узы съ нами также легко, какъ гнилую нить. Онъ не сзывалъ военнаго совѣта; но при слезахъ своей кормилицы, самъ проплакалъ и провылъ вашу побѣду. — Наши оруженосцы краснѣли за него, а люди мужественные съ изумленіемъ глядѣли другъ на друга.

КОРІОЛАНЪ.

Слышишь ли ты, Марсъ!...

Авфидій.

Не именуй бога войны, слезливый ребенокъ!

КОРІОЛАНЪ.

А!!!

АВФИДІЙ.

Да, ребенокъ и больше ничего.

КОРІОЛАНЪ.

Безмѣрный лжецъ!.. сердце мое не можетъ вмѣстить въ себѣ всей моей ярости!... полный рабъ!.... Простите меня, сенаторы: въ первый разъ еще въ жизни я принужденъ ругаться!.... Вашъ судъ, достойные начальники мои, и собственные рубцы его, отъ меча этого ребенка, которые онъ будетъ носить до могилы, должны вдавить эту ложь назадъ въ горло этому псу!

1-й сенаторъ.

Замолчите оба и выслушайте меня.

КОРІОЛАНЪ.

Изрубите меня въ куски, Вольски, мужья, жены и дѣти!.... погрузите всѣ острія ваши въ грудь мою!... ребенокъ!..... лживая собака!.. если ваши лѣтописи писаны справедливо, такъ почти тамъ, что я, какъ орелъ на голубятню, налеталъ на вашихъ Вольсковъ въ Коріоли, я одинъ разбилъ васъ!...

АВФИДІЙ.

Благородные сенаторы! не ужели вы потерпите, чтобъ этотъ нечестивый хвастунъ, въ глаза, собственнымъ ушамъ вашимъ, напоминалъ о своемъ слѣпомъ счастіи, которое было стыдомъ для васъ.

ВСѢ ПРИВЕРЖЕНЦЫ АВФИДІЯ.

Смерть, смерть ему!

1-й вольскъ.

Разорвите его въ куски! онъ убилъ моего сына!...

2-й вольскъ.

Мою дочь!...

3-й вольскъ.

Моего брата Марка.

4-й вольскъ.

Онъ убилъ моего отца!

2-й сенаторъ.

Тише!.. не дѣлать насилія!.... этотъ человѣкъ благороденъ и слава его покрываетъ шаръ земной!.. послѣднія его оскорбленія намъ должно подвергнуть безпристрастному суду. Стой, Авфидій, не нарушай мира.

КОРІОЛАНЪ.

О! еслибъ онъ былъ въ моихъ рукахъ съ шестью Авфидіями и со всѣмъ своимъ отродьемъ, я поработалъ бы этимъ мечемъ.....

АВФИДІЙ.

Надменный наглецъ!... *(онъ и приверженцы его бросаются и поражаютъ Марція; Коріоланъ падаетъ, Авфидій наступаетъ на него ногою).*

СЕНАТОРЫ.

Остановитесь! остановитесь!

АВФИДІЙ.

Благородные начальники! выслушайте меня!

2-й сенаторъ.

Авфидій! ты совершилъ такое дѣло, отъ котораго сама храбрость заплачетъ.

1-й сенаторъ.

Не попирай его ногами, успокойся.

АВФИДІЙ.

Властители мои! когда вы узнаете о той великой опасности, какою угрожала вамъ жизнь этого человѣка, вы сами порадуетесь его смерти.

1-й сенаторъ.

Собственная горячность его снимаетъ съ Авфидія большую часть вины и порицанія.

АВФИДІЙ.

Ярость моя прошла и я пораженъ скорбію... Поднимите его, вы, трое самыхъ храбрыхъ воиновъ: я буду четвертый. Трубы, издавайте печальные звуки! Воины, преклоните копья!.. Хотя въ этомъ городѣ онъ овдовилъ и обездѣтилъ многихъ, досель оплакивающихъ свою потерю; но при всемъ томъ, онъ великій человѣкъ и долженъ быть почтенъ благороднымъ воспоминаніемъ!

(Подымаютъ Коріолана и уносятъ его при погребальномъ маршѣ).

ПУТАНИЦА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Ѳедоровымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Палагея Ѳедоровна Клушина, *Новгородская помѣщица.* Г-жа Сосницкая.
Марья Ивановна Сашина, *ея внучка.* Г-жа Самойлова 2-я.
Артамонъ Андреевичъ Огрызковъ, *зять Сашиной.* Г-нъ Мартыновъ.
Павелъ Александровичъ Веневскій, *Поручикъ.* Г-нъ Максимовъ.
Феропонтъ, *слуга Клушиной.* Г-нъ Фалѣевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Новгородской Губерніи, въ деревнѣ Клушиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

САШИНА, КЛУШИНА, ОГРЫЗКОВЪ.

(Сашина *вышиваетъ у рабочаго столика;* Клушина, *подлѣ нея, вяжетъ чулокъ;* Огрызковъ *стоитъ на той же сторонѣ*).

КЛУШИНА, (*Огрызкову*).

Да откуда жъ ты, батюшка, получилъ это письмо? изъ Петербурга, что ли?

ОГРЫЗКОВЪ (*въ сторону*).

Опять! Господи Боже мой!... (*въ слухъ*) кажется, ужъ мнѣ, бабушка, приходится говорить вамъ въ десятый разъ... это письмо было адрессовано на мое имя въ Новгородъ, потому что я тамъ служу и живу... а такъ-какъ я теперь у васъ въ деревнѣ, жена же моя, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, не могла пріѣхать со мною, то она переслала его ко мнѣ сюда... понимаете ли вы теперь?

КЛУШИНА.

Слышу, слышу.... что ты кричишь? я не глуха!... Но ты мнѣ не сказалъ еще, что жъ именно написано въ этомъ письмѣ?

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Да это, просто, мученіе!... (*Въ слухъ*). Это письмо заключаетъ въ себѣ тѣ самыя свѣдѣнія, которыя, по вашему желанію, требовалъ я отъ моего пріятеля Финогена Петровича Болонкина...

КЛУШИНА.

Да какія же это свѣдѣнія?

ОГРЫЗКОВЪ.

Господи!... Да о женихѣ Марьи Ивановны!... Понимаете ли, бабушка? о женихѣ Марьи Ивановны, вашей внучки и родной сестры моей жены.

КЛУШИНА.

Да! да!... Ну, хорошо ли о немъ отзываются?

ОГРЫЗКОВЪ.

Какъ нельзя лучше!

САШИНА, (*въ сторону*).

Бѣдная бабушка!... У нея совсѣмъ нѣтъ памяти!

ОГРЫЗКОВЪ.

Я ни сколько не ошибся... это именно тотъ самый Веневскій, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ, когда еще служилъ въ министерствѣ; отличный малый, умный малый, образованный малый... настоящій гвардеецъ!.. Превосходная партія для сестрицы, Марьи Ивановны!

КЛУШИНА.

Да прочти же мнѣ, батюшка... кажется, я, какъ бабушка ваша, имѣю полное право...

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну извольте же слушать... (*въ сторону*). Что ты станешь дѣлать съ этой женщиной!... Цѣлое утро, я только и дѣлаю, что читаю это письмо... (*въ слухъ, читаетъ*). «Любезный другъ Артамонъ Андреевичъ... Ты можешь сказать твоей почтенѣйшей бабушкѣ, что Веневскій пользуется въ Петербургѣ прекрасной репутаціей»...

КЛУШИНА.

Постой, батюшка... кто же этотъ Веневскій?..

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ вонъ!... (*Кричитъ во все горло.*) Веневскій, Павелъ Александровичъ Веневскій... женихъ сестрицы Марьи Ивановны... вашъ будущій внукъ...

КЛУШИНА.

Слышу, батюшка... что ты кричишь... я не глуха!

САШИНА.

Въ самомъ дѣлѣ, братецъ, вы ужъ слишкомъ кричите... бабушка и безъ того хорошо слышитъ...

ОГРЫЗКОВЪ (*про себя*).

Да, это и замѣтно...

КЛУШИНА.

Ну, что жъ дальше?... Читай же...

ОГРЫЗКОВЪ.

Только слушайте внимательнѣе... (*читаетъ*) «Веневскій пользуется въ Петербургѣ прекрасной репутаціей... я его очень коротко знаю, и скажу, положа руку на сердце, что онъ вполнѣ достойный, умный человѣкъ и, навѣрное, составитъ счастіе твоей сестрицы... Ко всему этому считаю не излишнимъ присовокупить, что два мѣсяца тому назадъ, досталось ему, по смерти дяди, чудесное состояніе... теперь онъ имѣетъ вѣрныхъ двадцать тысячъ дохода»...

КЛУШИНА.

А! двадцать тысячъ!... Должно быть, точно прекрасный человѣкъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Небось, это разслышала!... (*въ слухъ, читалъ*). «Завтра или послѣзавтра онъ отправляется въ деревню къ твоей бабушкѣ за рѣшительнымъ отвѣтомъ.. По твоей просьбѣ, я ни слова не сказалъ ему о твоемъ письмѣ... и онъ даже не знаетъ, что ты женать на сестрѣ его невѣсты...» Хорошо, что не проболтался!.. То-то онъ удивится, когда встрѣтится со мною...

КЛУШИНА.

Да чему жъ удивится?

ОГРЫЗКОВЪ.

Господи! да тому, что мы съ нимъ старые пріятели, и вдругъ, не думая, не гадая, увидитъ меня здѣсь, послѣ двухлѣтней разлуки... какой вѣдь сюрпризъ для него, особенно, когда онъ узнаетъ, что я женатъ на сестрицѣ его невѣсты... Ну, сестрица, поздравляю! чудеснаго женишка подхватили!..

САШИНА.

По одному описанію, онъ еще не можетъ мнѣ нравиться!..

КЛУШИНА.

Да чего жъ тебѣ еще нужно!.. Двадцать тысячъ дохода... человѣкъ съ репутаціей... Какъ бишь тамъ написано, Артамонъ Андреичъ?..

ОГРЫЗКОВЪ.

Не безпокойтесь, сестрица все слышала... (*въ сторону*). Двадцать-то тысячъ, небось, памятны...

КЛУШИНА.

Ну, а когда слышала, такъ о чемъ и толковать... такіе женихи нынче рѣдки...

САШИНА.

А если онъ безобразенъ?..

ОГРЫЗКОВЪ.

О, позвольте... не говорите этого, сестрица... могу васъ удостовѣрить, что подобныхъ физіономій и фигуръ немного на свѣтѣ... Да чего лучше... вотъ, напримѣръ... скажите, сестрица, вышли бы вы за меня за-мужъ?

САШИНА.

За васъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Да, за меня?.. Теперь вы можете отвѣчать смѣло... я человѣкъ женатый и вашъ родственникъ... ужъ вѣрно бы вышли, потому что ваша сестрица, не думая ни минуты, согласилась отдать мнѣ свою руку... а не можетъ быть, чтобъ у васъ не было одного вкуса... вы такъ похожи другъ на

друга, какъ двѣ капли воды... одно лицо, одинъ ростъ, одинъ голосъ, ну, до такой степени похожи, что не только посторонніе, даже бабушка ошибается... даже я принимаю васъ иногда за свою жену, когда вы бываете съ ней вмѣстѣ... и вмѣсто того, чтобъ назвать васъ сестрицей, называю мамушей... а ужъ когда между вами такое сходство, такъ и вкусы должны быть одни... вы, вѣрно, также согласитесь, что я не дуренъ... мамуша мнѣ всегда говоритъ, что я не дуренъ...

№ 1-й.

Но все Веневскаго я хуже,
Пониже и потолще я...
А ростъ и стройность стана въ мужѣ
Для женщинъ важная статья!
Онъ и умнѣй меня, признаться,
Ну, словомъ, чудо!.. я не лгу...
Вотъ, развѣ, съ нимъ я потягаться
Глазами только что могу!
Ужъ что до глазъ... такъ извините...
(*Вытаращиваетъ глаза на Сашину.*)
Взгляните... кто же такъ глядитъ?
Вы хорошенько разсмотрите...
Смотрите...

САШИНА.

Что же въ нихъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Магнитъ!..

Да-съ, у меня пропасть магнетизму въ глазахъ... спросите вашу сестрицу... но за исключеніемъ этого, Веневскій всѣмъ лучше меня: отличный малый, безподобный малый!.. Да вотъ вы сами увидите и убѣдитесь въ истинѣ... онъ будетъ сюда сегодня или завтра...

КЛУШИНА.

Но вотъ я чего не понимаю, батюшка Артамонъ Андреичъ...

ОГРЫЗКОВЪ (*въ сторону.*)

Господи!.. ни какъ опять придется читать это письмо...

КЛУШИНА.

Что бишь я сказала?..

ОГРЫЗКОВЪ, (*возвысивъ голосъ.*)

Вы сказали: но вотъ я чего не понимаю...

КЛУШИНА.

Да!.. я все еще не понимаю, отъ чего этотъ господинъ... какъ бишь...

ОГРЫЗКОВЪ.

Веневскій!

КЛУШИНА.

Да!.. отъ чего г. Веневскій проситъ руки Машинькиной?.. вѣдь онъ ее никогда не видалъ? Согласитесь, что такое сватовство довольно странно...

ОГРЫЗКОВЪ.

Оригинально... вотъ и все!.. это нынче въ модѣ...

САШИНА.

Но я не могу растолковать себѣ этой странности... не видать никогда меня и просить руки...

ОГРЫЗКОВЪ.

Почему вы знаете?.. можетъ быть, онъ и видѣлъ васъ гдѣ нибудь, а вы и не подозрѣвали, что это Веневскій!..

КЛУШИНА.

Кто это Веневскій?

ОГРЫЗКОВЪ.

Боже мой! да нашъ женихъ...

КЛУШИНА.

Ахъ, да... конечно, и это можетъ быть... только вотъ чего я не понимаю, батюшка...

ОГРЫЗКОВЪ.

Все поймете, бабушка... дайте только ему пріѣхать сюда, такъ онъ самъ разъяснитъ намъ это дѣло...

КЛУШИНА.

И то правда! а до совершеннаго окончанія мы будемъ держать это сватовство въ тайнѣ... только ты, батюшка Артамонъ Андреичъ, не проболтайся...

ОГРЫЗКОВЪ.

Помилуйте, за кого вы меня принимаете?.. Да я даже не сказалъ объ этомъ и женѣ...

КЛУШИНА.

Ну еще Марфушенкѣ можно бы было сказать...

ОГРЫЗКОВЪ.

Нѣтъ-съ, извините!.. я чрезвычайно остороженъ!.. знаете, женскій язычекъ!.. не равно скажетъ по секрету какой нибудь барынѣ, такъ и пойдутъ трезвонить... но у насъ все еще не то, что въ вашемъ уѣздномъ городѣ... у васъ узнай одинъ, такъ и весь городъ узнаетъ! берегитесь же, чтобъ не провѣдали!

№ 2.

Въ вашемъ мелкомъ городишкѣ
Осторожно надо жить:

Тамъ ходячія афишки
Любятъ сплетни разносить;
Тамъ секретовъ не скрываютъ,
Вздоромъ заняты умы,
Тамъ и то всѣ даже знаютъ,
Что въ умѣ имѣемъ мы.
Тамъ щадятъ другъ друга рѣдко:
Только солнышко взойдетъ,
И къ сосѣдкѣ ужъ сосѣдка
Коробъ новостей несетъ:
«Павла Львовича сыночекъ
Подрался съ секретаремъ...
Утромъ съ сахаромъ кулечекъ
Пронесли къ судьѣ тайкомъ...
У Авдотьи Алексѣвны
Былъ въ гостяхъ вчера сосѣдъ...
У Матрены Никодѣвны
Гуся жарятъ на обѣдъ...»
Тамъ хоть умъ и бьетъ баклуши,
Но за то во всѣхъ домахъ
Языки, глаза и уши
Съ утра до ночи въ трудахъ!

КЛУШИНА.

Что правда, то правда!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, ФЕРОПОНТЪ.

ФЕРОПОНТЪ.

Сейчасъ, сударыня Пелагея Ѳеоровна, пріѣхалъ къ намъ какой-то господинъ... офицеръ съ аполетами... такой молодецъ, право... съ усами... онъ поцѣлъ къ управителю... говоритъ: надо оправиться съ дороги...

ОГРЫЗКОВЪ.

Какъ же имя этого господина?..

ФЕРОПОНТЪ.

Имя... позвольте, вѣдь онъ мнѣ сказалъ.., доложи, говоритъ... на почтовыхъ пріѣхалъ, четвернею, въ колискѣ... лошади всѣ въ мылѣ... вѣрно, знатно гналъ!

ОГРЫЗКОВЪ.

Да скажешь ли ты имя?..

ФЕРОПОНТЪ.

Какъ бишь... экая вѣдь память!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону.*)

Ну, видно въ барыню!.. (*въ слухъ.*) Не Веневскій ли?

ФЕРОПОНТЪ.

Да, да! точно Веневскій! стало, вы, сударь, Артамонъ Андрѣичъ, его знаете?

ОГРЫЗКОВЪ.

Молчи!.. я пойду къ нему.

КЛУШИНА.

Что ты, батюшка! постой!.. (*Феропонту.*) Поди, попроси гостя сюда... доложи, что весьма, молъ, пріятно... очень, дискать, рады...

ФЕРОПОНТЪ.

Слушаю, сударыня!..

(*Уходитъ.*)

САШИНА.

Лучше вы примите его здѣсь... а намъ надобно еще переодѣться...

ОГРЫЗКОВЪ.

О, кокетка!

КЛУШИНА.

Да, да, переодѣться не мѣшаетъ... Да точно ли, батюшка, это... какъ бишь его...

ОГРЫЗКОВЪ.

Веневскій! (*въ сторону*) ну ужъ память!.. (*въ слухъ*). Вы развѣ не слыхали! комужъ больше и быть!

КЛУШИНА.

Ну, хорошо, хорошо... побесѣдуй же съ нимъ немножко... мы черезъ пять минутъ явимся...

ОГРЫЗКОВЪ.

Смотрите, не явитесь черезъ часъ... особенно вы, сестрица...

САШИНА.

Не безпокойтесь... я вамъ докажу, что нисколько не похожа на кокетку...

КЛУШИНА, (*уходя съ Сашиной направо*).

Что жъ ты, Машенька, надѣнешь? не розовое ли, грогрануовое?

САШИНА.

Чѣмъ проще, бабушка, тѣмъ лучше...

(*уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ОГРЫЗКОВЪ, (*одинъ*).

«Я вамъ докажу, что ни сколько не похожа на кокетку!..» Какъ же не такъ! знаю я вашу братью! вы, сударыни, всѣ на одну стать!

№ 3.

Всѣ онѣ за тѣмъ рядятся,
Чтобъ милѣй въ нарядѣ быть,

А милѣй хотятъ казаться,
Чтобъ мужчинъ съ ума сводить.
Вѣдь порядочно одѣта,
Нѣтъ, надѣну то и сё...
А по мнѣ, что значитъ это?
Вы кокетка — вотъ и все!

Наконецъ, я его увижу, моего милаго, добраго повѣсу! Что за малый! отличный малый! безподобный малый!..

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФЕРОПОНТЪ, ВЕНЕВСКІЙ, ОГРЫЗКОВЪ.

ФЕРОПОНТЪ (*входя за Веневскимъ въ среднюю дверь*).

Пожалуйте, сударь, сюда, въ гостиную... барыня и барышня сейчасъ выйдутъ.... а вотъ-съ Артамонъ Андреичъ!.. (*уходитъ*).

ВЕНЕВСКІЙ (*въ сторону.*)

Артамонъ Андреичъ?.. (*подходя къ Огрызкову*). Боже мой! неужели это ты, Огрызковъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Здорово, любезнѣйшій другъ, здорово, мой милый повѣса.

ВЕНЕВСКІЙ, (*цѣлуясь съ нимъ*)

Какая неожиданная встрѣча!... я едва вѣрю...

ОГРЫЗКОВЪ.

Однакожъ, это точно! Хоть въ наружности нѣсколько и поизмѣнился, но въ душѣ все тотъ же, нисколько тебя не разлюбилъ!

ВЕНЕВСКІЙ.

Я слышалъ мелькомъ, что ты женился и живешь въ Новгородѣ...

ОГРЫЗКОВЪ.

Вотъ ужъ скоро полтора года какъ я женатъ... имѣніе жены было въ разстройствѣ, и я долженъ былъ перейти на службу въ Новгородъ.

ВЕНЕВСКІЙ.

И не написать о себѣ ни одной строчки?.. это дурно! такъ не поступаютъ съ пріятелями!

ОГРЫЗКОВЪ.

Виноватъ, мой другъ.... знаешь, женатая жизнь... подъ часъ, невольно забываешь друзей...

ВЕНЕВСКІЙ.

Или лучше сказать, ты боишься, чтобъ они тебя не посѣщали.... ты вѣрно ревнивъ?..

ОГРЫЗКОВЪ.

О, нисколько!

ВЕНЕВСКІЙ.

Стало быть, извини, твоя жена не хороша собой?

ОГРЫЗКОВЪ.

Напротивъ, чудо какъ хороша! а какъ умна... даже умнѣе меня!.. Подобной женщины не найдешь во всей Новгородской губерніи!.. прекрасная женщина! умнѣйшая женщина!.. развѣ одна сестра ея можетъ еще съ ней поспорить... Поздравляю, мой другъ, у тебя также будетъ прелестнѣйшая жена!.. И какъ я радъ, что мы породнимся...

ВЕНЕВСКІЙ.

Такъ ты родня Клушиной?

ОГРЫЗКОВЪ.

Немножко! я женатъ на ея внучкѣ, то есть, на родной сестрѣ твоей невѣсты!

ВЕНЕВСКІЙ.

Не уже ли? какъ же я этого не зналъ!..

ОГРЫЗКОВЪ.

Неправда ли, сюрпризъ? ты доволенъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Чрезвычайно доволенъ!

ОГРЫЗКОВЪ.

А я какъ радъ! ты не повѣришь!... но растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ ты вздумалъ свататься на Марьѣ Ивановнѣ?.. вѣдь ты ее никогда не видалъ?.. это для меня такъ непонятно.

ВЕНЕВСКІЙ.

Напротивъ, я ее видѣлъ и очень хорошо знаю... доказательство, что я влюбленъ въ нее безъ ума!... это настоящій романъ.

ОГРЫЗКОВЪ.

Но гдѣ жъ ты ее видѣлъ?.. ты, кажется, постоянно живешь въ Петербургѣ?...

ВЕНЕВСКІЙ.

Да, два года я въ немъ живу безвыѣзжно... но до того времени, случилось мнѣ стоять съ полкомъ на лѣтнихъ квартирахъ, близъ деревни ея тетки...

ОГРЫЗКОВЪ.

Катерины Сергѣевны Сашиной... въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Именно!... въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я былъ у нея почти каждый день... въ это время гостила тамъ Марья Ивановна.

ОГРЫЗКОВЪ.

А! такъ вотъ что!... ахъ, плутовка!

ВЕНЕВСКІЙ.

Этого времени я никогда не забуду... Я полюбилъ ее такъ, какъ не любилъ еще никогда...

ОГРЫЗКОВЪ.

А она?

ВЕНЕВСКІЙ.

Я замѣтилъ, что и она раздѣляла мои чувства?

ОГРЫЗКОВЪ.

Какова! и ни слова!

ВЕНЕВСКІЙ.

Въ этомъ случаѣ, дѣвушки осторожны... подобныхъ вещей онѣ не разсказываютъ, до времени, своимъ роднымъ... нашему брату не всегда можно вѣрить... ты самъ по себѣ это знаешь!

№ 4.

Вспомни, какъ ты жилъ сначала,
Ты влюбленъ не разъ бывалъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Тридцати разъ даже мало,
Я влюбленъ былъ каждый балъ!

ВЕНЕВСКІЙ.

Увѣрялъ въ любви...

ОГРЫЗКОВЪ.

Разъ десять!

ВЕНЕВСКІЙ.

Вѣрнымъ быть клялся...

ОГРЫЗКОВЪ.

Разъ пять!

ВЕНЕВСКІЙ.

Если жъ клятвы эти взвесить?..

ОГРЫЗКОВЪ.

Выйдетъ — я изволилъ врать!

ВЕНЕВСКІЙ.

Ну, такъ видишь, могутъ ли вѣрить намъ дѣвушки?.. могла-ли тебѣ сказать что нибудь Марья Ивановна?

ОГРЫЗКОВЪ.

Понимаю, понимаю!

ВЕНЕВСКІЙ.

Но моя клятва была не такова... обстоятельства не позволяли мнѣ тогда просить формально ея руки... я былъ молодъ, только еще начиналъ службу... денежныя средства мои находились въ плохомъ положеніи... и мы условились любить другъ друга въ тайнѣ, пока я не устрою своихъ дѣлъ...

ОГРЫЗКОВЪ.

И наконецъ устроилъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Да... потомъ... мы хотѣли испытать себя...

ОГРЫЗКОВЪ.

Умно! и въ продолженіе двухъ лѣтъ не видались?..

ВЕНЕВСКІЙ.

Ни разу!

ОГРЫЗКОВЪ.

И не писали другъ къ другу?

ВЕНЕВСКІЙ.

Ни словечка! это было наше условіе! и, какъ видишь, я выдержалъ испытаніе...

ОГРЫЗКОВЪ.

Рѣдкій молодой человѣкъ! примѣрный малый, благородный малый! поцѣлуй меня за это!

(*цѣлуются*).

ВЕНЕВСКІЙ.

Но любитъ ли еще она меня?

ОГРЫЗКОВЪ.

О, вѣрно любитъ! да какъ послѣ этого и не любить тебя! такихъ жениховъ нынче со свѣчкой не отыщешь! примѣрный малый! благородный малый!

ВЕНЕВСКІЙ.

Два года прошли — и я сталъ дѣйствовать рѣшительно... написалъ письмо къ бабушкѣ... ты читалъ?...

ОГРЫЗКОВЪ.

Наизустъ знаю!

ВЕНЕВСКІЙ.

Съ нетерпѣніемъ я ждалъ отвѣта... я боялся, не измѣнила ли мнѣ она? не вышла ли она за-мужъ?.. Но, наконецъ, я былъ успокоенъ... меня приглашали сюда... это значило, что она еще свободна... въ ту же минуту бросился я хлопотать объ отпускѣ... чрезъ пять дней получилъ билетъ и, какъ

видишь, не замедлилъ пріѣздомъ... Но гдѣжъ Марья Ивановна? гдѣ бабушка?

ОГРЫЗКОВЪ.

Женское дѣло, мой другъ... наряжаются!

ВЕНЕВСКІЙ.

Но къ чему?... это *для* меня странно... я думалъ, что она выбѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу, и вдругъ заставлять такъ долго ждать...

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну, конечно... будь она здѣсь одна, такъ я не поручился бы за нее... пожалуй, встрѣтила бы тебя и за версту... но тутъ, видишь, бабушка... старинныя правила... она не хотѣла подать подозрѣнія... но, погоди, я ихъ потороплю... сейчасъ, сейчасъ... извини, что оставлю тебя одного... это для твоей же пользы!

(Уходитъ направо).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕНЕВСКІЙ, *одинъ.*

Можетъ быть, чувства ея измѣнились... два года — не бездѣлица!... можетъ быть, и я уже не тотъ... постарѣлъ, подурнѣлъ...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЕНЕВСКІЙ, САШИНА, КЛУШИНА, ОГРЫЗКОВЪ.

ОГРЫЗКОВЪ, *(выбѣгая изъ двери направо).*

Идутъ! идутъ!

(Дамы выходятъ изъ той же двери, Веневскій раскланивается).

ОГРЫЗКОВЪ, *(Клушиной).*

Имѣю честь представить вамъ, бабушка, искренняго моего друга, Павла Александровича Веневскаго... отличный малый, благородный малый!...

КЛУШИНА.

Весьма пріятно....

ВЕНЕВСКІЙ, *(Клушиной).*

Извините, Пелагея Ѳедоровна, что я такъ рано васъ обезпокоилъ!... *(въ сторону, смотря на Сашину).* Какъ она мила!..

КЛУШИНА, *(раскланиваясь церемонно).*

Помилуйте, вовсе не рано... одиннадцать часовъ!.. *(Огрызкову)* прекрасный молодой человѣкъ!

ОГРЫЗКОВЪ, *(Клушиной).*

Да-съ! и двадцать тысячъ дохода... *(кричa ей подъ ухо).* Двадцать тысячъ... *(показываетъ пальцами).*

КЛУШИНА.

Что ты кричишь, батюшка, я не глуха!... *(Веневскому).* Покорнѣйше прошу безъ церемоній... быть какъ дома... мы люди деревенскіе... вотъ-съ, рекомендую, это моя внучка... Маша, подойди!...

ВЕНЕВСКІЙ.

Я ужъ имѣю честь знать Марью Ивановну...

КЛУШИНА.

Какъ? ужъ знаете?

ОГРЫЗКОВЪ, *(въ сторону.)*

Ну, проболтался!...

ВЕНЕВСКІЙ.

Да-съ, по портрету... мнѣ такъ живо описалъ ихъ Артамонъ Андреичъ!..

ОГРЫЗКОВЪ, *(въ сторону).*

Браво! умно, очень умно!... поправился!

ВЕНЕВСКІЙ, *(смотря на Сашину).*

Но я нахожу, что описаніе было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь вижу!

ОГРЫЗКОВЪ.

Безподобно!... *(Клушиной подъ ухо)* Умный малый!... слышите, говоритъ, описаніе было ничтожно...

КЛУШИНА.

Да что ты, батюшка... я не глуха!

ВЕНЕВСКІЙ, *(тихо Сашиной).*

Вы стали еще прекраснѣе!.. О, еслибъ вы знали, въ какомъ я восторгѣ...

САШИНА.

Что это значитъ?...

ВЕНЕВСКІЙ, *(также).*

Виноватъ! я и забылъ, что за нами присматриваютъ... позвольте мнѣ хоть на минуту остаться съ вами наединѣ... мнѣ многое надо вамъ сказать...

САШИНА, *(въ сторону).*

Что жъ онъ хочетъ сказать?

КЛУШИНА, (*тихо Огрызкову, отведя его въ сторону*).

Какъ ты думаешь, батюшка, не подать ли завтрака?

ОГРЫЗКОВЪ.

Да, немѣшаетъ!... (*въ сторону*) зашептались!...

КЛУШИНА, (*Веневскому*).

Не прикажите ли... (*Огрызкову*) Какъ бишь его имя?...

ОГРЫЗКОВЪ.

Экая память! Павелъ Александровичъ!...

КЛУШИНА.

Не прикажите ли, Павелъ Александровичъ, чего нибудь?.. съ дороги не мѣшаетъ, я думаю, перекусить...

ВЕНЕВСКІЙ.

Позвольте и мнѣ просить васъ обращаться со мной безъ церемоній... не перемѣняйте нисколько своихъ обыкновеній...

КЛУШИНА.

Такъ ужъ извините... я васъ на минуту оставлю со внучкой и съ Артамономъ Андреичемъ...

(*хочетъ итти*).

ОГРЫЗКОВЪ, (*тихо Сашиной*).

О, скрытная душа!

САШИНА.

Это что такое?

ОГРЫЗКОВЪ, (*также*).

Я знаю все... тсъ...

КЛУШИНА, (*Сашиной*).

Маша!

САШИНА.

Сейчасъ, бабушка... (*Огрызкову*). Что вы хотѣли сказать?

ОГРЫЗКОВЪ, (*таинственно*).

Да-съ, мы знаемъ, что знаемъ...

КЛУШИНА.

Маша!...

САШИНА.

Что угодно, бабушка? (*Подходя къ Клушиной*). Я ничего не понимаю.

(*Огрызковъ разговариваетъ съ Веневскимъ*).

КЛУШИНА, (*тихо Сашиной*).

Какъ ты думаешь, что бы подать къ завтраку?

САШИНА.

Не знаю...

КЛУШИНА, (*также*).

Намъ сегодня принесли чудесныхъ карасей... не велѣть ли зажарить въ сметанѣ?

САШИНА.

Можетъ быть, онъ не любитъ рыбы?

КЛУШИНА.

Надобно спросить у Артамона Андреича... (*Огрызкову*). Артамонъ Андреичъ! на минуту!..

ОГРЫЗКОВЪ, (*подходя къ ней*).

Что прикажете?

КЛУШИНА, (*тихо Огрызкову*).

Не подать ли къ завтраку карасей въ сметанѣ?.. У меня есть славные караси!..

ВЕНЕВСКІЙ, (*особо*).

Что они тамъ толкуютъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Чтожъ, безподобно!... Я чрезвычайно люблю карасей...

САШИНА.

Тутъ рѣчь идетъ не о васъ... любитъ ли ихъ вашъ пріятель?

ОГРЫЗКОВЪ.

А право не знаю... вотъ я его спрошу...

САШИНА.

Это нейдетъ...

ОГРЫЗКОВЪ.

Вотъ еще! что за этикеты!... (*Веневскому*). Павелъ Александровичъ!... (*манитъ его*) поди-ка сюда!...

ВЕНЕВСКІЙ, (*въ сторону*).

Кажется, и меня хотятъ посвятить въ тайну...

ОГРЫЗКОВЪ, (*рѣшительно*).

Любишь ли ты карасей въ сметанѣ?

ВЕНЕВСКІЙ, (*смѣясь*).

Только-то!... очень люблю!

ОГРЫЗКОВЪ, (*подъ ухо Клушиной*).

Очень любитъ!

КЛУШИНА.

Я не глуха... что ты кричишь!.. надобно признаться, прекрасный молодой человѣкъ!..

ОГРЫЗКОВЪ, (*Клушиной*).

Славный малый, умный малый!

КЛУШИНА.

Такъ я пойду, распоряжусь!

ОГРЫЗКОВЪ.

Ступайте, бабушка, ступайте... да прикажите подать и грибковъ и наливочекъ...

КЛУШИНА.

Знаю безъ тебя!.. Извините... (*Огрызкову*). Какъ бишь его зовутъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Опять!... Да затвердите, бабушка... ужъ который разъ я вамъ говорю... Павелъ Александровичъ!... (*Подъ ухо*). Павелъ Александровичъ!

КЛУШИНА.

Да что я, глуха что-ли! (*Веневскому*). Извините, Павелъ Александровичъ... я васъ на минуту оставлю... (*уходя въ среднюю дверь*). Павелъ Александрычъ... Павелъ Александрычъ...

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЕНЕВСКІЙ, ОГРЫЗКОВЪ, САШИНА.

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо Огрызкову*).

Поди и ты отсюда...

ОГРЫЗКОВЪ.

Что?

ВЕНЕВСКІЙ, (*также*).

Оставь насъ однихъ...

ОГРЫЗКОВЪ, (*улыбаясь*).

Понимаю, понимаю!

(*хочетъ итти*).

САШИНА, (*въ сторону*).

Неужели онъ оставитъ меня одну съ нимъ... (*въ слухъ*). Братецъ!

ОГРЫЗКОВЪ.

Что-съ?

САШИНА.

Куда же вы?... вашъ другъ только-что пріѣхалъ, а ужъ вы хотите его оставить... это не хорошо...

ВЕНЕВСКІЙ, (*подойдя къ столу и смотря на работу Сашиной*).

Какая прекрасная работа, какой чудесный рисунокъ!.. (*Тихо Огрызкову*). Найди предлогъ.

САШИНА.

Это работа моей сестры, моей милой сестры, единственнаго моего друга... Теперь мы съ ней разлучены и она прислала мнѣ окончить свое шитье... для меня это такъ пріятно... я вышиваю и думаю о ней...

ВЕНЕВСКІЙ.

Вы видитесь съ нею рѣдко?

САШИНА.

Да... вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я ее не видала.

ОГРЫЗКОВЪ.

Что дѣлать... обстоятельства!.. она не то, чтобы больна, не то, чтобы здорова.. но не можетъ выѣзжать... а Марьѣ Ивановнѣ нельзя оставить бабушки... такъ и не видятся поэтому... за то, какъ Марфуша моя была здорова, такъ рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобъ мы не побывали здѣсь... Но надобно сказать, что и жена моя чрезвычайно къ вамъ привязана... Да и кто васъ не любитъ!... Добродѣтель, совершенная добродѣтель!.. рѣдкая дѣвица, прекрасная дѣвица!...

САШИНА.

Слишкомъ много чести для меня...

ВЕНЕВСКІЙ.

Я совершенно согласенъ съ Артамономъ Андренчемъ...

ОГРЫЗКОВЪ.

Когда смотришь на васъ, такъ и хочется поцѣловать ручку...

(*Хочетъ поцѣловать ея руку*).

ВЕНЕВСКІЙ, (*удерживая его, тихо*).

Сдѣлай же одолженіе, оставь насъ... толкуешь, хочешь цѣловать ручки... только мѣшаешь...

ОГРЫЗКОВЪ, (*Веневскому*).

О, ревнивецъ! дай мнѣ по крайней мѣрѣ найти предлогъ...

ВЕНЕВСКІЙ, (*Сашиной*).

Какъ я радъ, что судьба соединила моего друга съ вашей сестрицей... вы вѣрно имъ довольны?

САШИНА.

Да... онъ добрый братъ, добрый мужъ...

ОГРЫЗКОВЪ, (*вынимая часы*).

И я это сію минуту докажу... чрезъ пол-

часа должна проходить мимо насъ почта... и не смотря на то, что я послалъ вчера письмо къ Марфушѣ... мнѣ хочется написать ей еще кое-что... (*Веневскому*). Каково?

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо*).

Чудесно!

САШИНА.

Вы ошибаетесь... почта ужъ навѣрное прошла...

ОГРЫЗКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не прошла... хоть объ закладъ... (*Веневскому*) Извини меня, милый другъ... я не замедлю явиться... мы сей часъ увидимся за завтракомъ.

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо*).

Пожалуйста, не торопись!

(Огрызковъ уходитъ въ среднюю дверь).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВЕНЕВСКІЙ, САШИНА.

ВЕНЕВСКІЙ.

Наконецъ, я могу говорить съ вами безъ свидѣтелей.

САШИНА.

Развѣ вамъ мѣшалъ Артамонъ Андреичъ?..

ВЕНЕВСКІЙ.

И вы еще спрашиваете?... но отъ чего вы такъ серіозны?

САШИНА, (*въ сторону*).

Что за странные вопросы?

ВЕНЕВСКІЙ.

Неужели измѣнились ваши чувства? Кажется, я не подалъ повода... вы хотѣли испытать меня, осудили на двухлѣтнюю разлуку... и не смотря на жестокость такого испытанія, я перенесъ все, я доказалъ, что люблю васъ истинно...

САШИНА.

Я васъ не понимаю..

ВЕНЕВСКІЙ.

О! оставьте эти шутки... не ужели вамъ еще мало доказательствъ моей любви?

САШИНА.

Вы ошибаетесь... иначе я не смѣю думать... не можетъ быть, чтобъ вы допустили себя до подобной шалости... скорѣе должна я полагать, что всѣ ваши слова относятся къ другой особѣ... и потому позвольте мнѣ удалиться...

(Хочетъ итти).

ВЕНЕВСКІЙ.

Остановитесь.... выслушайте меня!... къ другой, говорите вы?... о, я теперь вижу, что меня ужасно оклеветали предъ вами... но клянусь вамъ, что въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, ни одна женщина немогла привлечь на себя моего вниманія.... сердце мое постоянно принадлежало вамъ....

САШИНА.

Но позвольте васъ спросить : вы меня знаете ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Странный вопросъ!... Не ужели я такъ измѣнился?... не ужели вы забыли , что, два года тому назадъ, я видѣлъ васъ у Катерины Сергѣевны?

САШИНА.

У тетушки ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Да-съ, въ ея деревнѣ....

САШИНА.

Я точно бывала у тетушки.... гостила не одинъ разъ, можетъ быть, и можетъ, вы меня видѣли у нея.... но признаюсь , я васъ не помню....

ВЕНЕВСКІЙ.

Какъ, вамъ ничего не припоминаетъ мое лицо ?

САШИНА, (*холодно*).

Ничего !

ВЕНЕВСКІЙ.

Посмотрите на меня хорошенко ! Ничего ?

САШИНА.

Ничего !

ВЕНЕВСКІЙ.

О , это ужасно !

САШИНА.

Чтожъ оно можетъ мнѣ припомнить ?

ВЕНЕВСКІЙ.

А ! вамъ угодно знать !... вы забыли !... извольте, я вамъ напомню.... помните ли вы бесѣдку въ саду Катерины Сергѣевны ?

САШИНА.

Которая выходитъ на большую дорогу ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Да-съ !

САШИНА.

Съ высокимъ шпицомъ и съ пренесноснымъ флюгеромъ, который ни днемъ ни ночью не даетъ покою?

ВЕНЕВСКІЙ.

Да-съ!

САШИНА.

Помню!

ВЕНЕВСКІЙ, (*въ сторону*).

Она помнитъ бесѣдку.... и забыла наши свиданія!... О, женщины!

САШИНА.

Такъ что же?

ВЕНЕВСКІЙ.

Вы бывали въ этой бесѣдкѣ?

САШИНА.

Очень часто, не смотря на несносный флюгеръ.... оттуда прекрасный видъ на озеро....

ВЕНЕВСКІЙ.

Этого вы не забыли?

САШИНА.

Не забыла!... Потомъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Помните ли подлѣ этой бесѣдки высокій дубъ?

САШИНА.

Съ дупломъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Да-съ? (*въ сторону*) Стало быть, она не забыла и складочнаго мѣста нашихъ писемъ!...

САШИНА.

Его уже срубили!

ВЕНЕВСКІЙ.

Срубили? И вамъ не жаль?

САШИНА.

Чтожъ его жалѣть?... онъ былъ ужъ очень старъ!

ВЕНЕВСКІЙ, (*въ сторону*).

Какія ужасныя чувства!.... (*въ слухъ*). Такъ вы все забыли.... все?...

САШИНА.

Нѣтъ, какъ видите, я помню и деревню тетушки, и бесѣдку, и дубъ... даже, если угодно, я опишу вамъ всѣ комнаты въ домѣ...

№ 5.

Во первыхъ залъ большой, претемный, прехолодный...

ВЕНЕВСКІЙ.

Гдѣ съ вами я еще такъ часто танцовалъ!

САШИНА.

Въ гостиной тьма картинъ и флигель старомодный...

ВЕНЕВСКІЙ.

Однакожъ, съ вами я всегда на немъ игралъ.

САШИНА.

Потомъ диванная, посвящена портретамъ....

ВЕНЕВСКІЙ.

Въ диванной въ первый разъ вы видѣли меня....

САШИНА.

Потомъ столовая съ огромнѣйшимъ буфетомъ....

ВЕНЕВСКІЙ.

Тамъ рядомъ за столомъ садился съ вами я!

САШИНА.

Весь домъ я помню....

ВЕНЕВСКІЙ.

А меня?

САШИНА.

Я васъ не знаю....

ВЕНЕВСКІЙ.

И, стало быть, моимъ не вѣрите словамъ?

САШИНА.

Я ничего изъ вашихъ словъ не понимаю,
Я только слушаю и удивляюсь вамъ!

ВЕНЕВСКІЙ.

Мнѣ страшнымъ кажется такое удивленье,
Я говорю вамъ то, что всякій бы сказалъ...

САШИНА.

Неужли же теперь вошло въ обыкновенье,
Такъ говорить, чтобъ насъ никто не понималъ?...

ВЕНЕВСКІЙ.

Я вижу, что вы хотите все кончить!... Покоряюсь моей судьбѣ!.. Позвольте же мнѣ лучше удалиться отъ васъ.... проститься съ вами навсегда.... по крайней мѣрѣ, я исполнилъ желаніе моего сердца... и сдержалъ съ своей стороны слово....

САШИНА.

Довольно! кончимте эту комедію.... она становится уже для меня обидною.

ВЕНЕВСКІЙ.

Не безпокойтесь, я сію минуту васъ успокою.... быть можетъ, послѣдствія откроютъ мнѣ....

САШИНА.

Еще....

ВЕНЕВСКІЙ.

Я все сказалъ... вы меня забыли, вы меня не любите... возьмите же ваши письма... я думалъ разстаться съ ними не иначе, какъ

съ моею жизнію... но теперь я не хочу ихъ удерживать у себя.... я долженъ васъ вполнѣ успокоить....

САШИНА.

Письма?...

ВЕНЕВСКІЙ, (*вынимая пачку писемъ*).

Я сохранилъ всѣ.... вотъ они, возьмите ихъ, возьмите....

САШИНА. (*взявъ письма, въ сторону*).

Что это значитъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Прощайте, Марья Ивановна! прощайте навсегда!

(*Уходитъ въ среднюю дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

САШИНА, (*одна*).

Ушелъ!.. признаюсь, онъ говоритъ съ такой увѣренностью, какъ будто въ словахъ его заключается истина... Однако жъ, тутъ что нибудь да есть.... не можетъ быть, чтобъ онъ такъ безстыдно лгалъ. Къ чему онъ отдалъ мнѣ эти письма? (*разсматривая письма*). Боже мой! Рука моей сестры! да, да... точно, я не ошибаюсь.... теперь я все понимаю! Его обмануло наше сходство!.... О, какая вѣтреница!... что̀ если узнаетъ объ этомъ ея мужъ?... она погибла! Нѣтъ, я должна спасти ее!... Я должна говорить съ Веневскимъ... и если онъ точно благородный человѣкъ... Кто-то идетъ!... Прежде мнѣ надобно прочесть эти письма!

(*Убѣгаетъ налѣво*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ВЕНЕВСКІЙ, ОГРЫЗКОВЪ.

(*Входятъ въ среднюю дверь*).

ОГРЫЗКОВЪ, (*держа за руку Веневскаго*).

Нѣтъ, я тебя не пущу! На что это похоже? Только-что пріѣхалъ и опять ужъ хочешь въ путь?

ВЕНЕВСКІЙ.

Необходимая надобность!

ОГРЫЗКОВЪ.

Вздоръ! Не будетъ тебѣ лошадей! Не будетъ!... наши всѣ на работѣ, а на станціи всѣ разобраны....

ВЕНЕВСКІЙ.

Почему ты знаешь?

ОГРЫЗКОВЪ.

Да ужъ я знаю! И такое ли теперь время?... завтракъ на столѣ, я до смерти хочу ѣсть, а онъ хочетъ уѣхать!... вздоръ, ты не поѣдешь!

ВЕНЕВСКІЙ.

Я долженъ ѣхать!

ОГРЫЗКОВЪ.

И разсуди, учтиво ли это? Что скажетъ твоя невѣста?

ВЕНЕВСКІЙ.

Она будетъ очень рада!

ОГРЫЗКОВЪ.

Что?

ВЕНЕВСКІЙ.

Между нами все кончено!

ОГРЫЗКОВЪ.

Неужели она тебѣ не понравилась?

ВЕНЕВСКІЙ.

Я безъ ума отъ нея!

ОГРЫЗКОВЪ.

Такъ чтожъ тебѣ мѣшаетъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Не спрашивай меня..... Я долженъ ѣхать!...

(*хочетъ итти*).

ОГРЫЗКОВЪ, (*удерживая его*).

Вздоръ! ты не уѣдешь! я не допущу!... Говори мнѣ все....

ВЕНЕВСКІЙ.

Будешь ли ты молчать?

ОГРЫЗКОВЪ.

Честное, благородное слово!

ВЕНЕВСКІЙ.

Слушай же!.. Я, давича, не все тебѣ сказалъ, я скрылъ отъ тебя многое на счетъ Марьи Ивановны....

ОГРЫЗКОВЪ.

Чтожъ такое?

№ 6.

ВЕНЕВСКІЙ.

Она была со мною въ переписке
И ручку мнѣ давала цѣловать....

ОГРЫЗКОВЪ.

О, милый другъ, да вы съ ней были близки,
Ты какъ женихъ изволилъ поступать!

ВЕНЕВСКІЙ.

Она меня безъ памяти любила,
И вдругъ теперь забвенью предала!

ОГРЫЗКОВЪ.

Ужлижъ и ей ужъ память измѣнила,
Ужли она по бабушкѣ пошла?
Вотъ штука, признаюсь!

ВЕНЕВСКІЙ.

Просто, не хочетъ меня и знать! какъ будто никогда не видала!... Я васъ не знаю, да и только....

ОГРЫЗКОВЪ.

Она испытывала тебя.... шутила! другаго быть не можетъ... а ты принялъ за серіозное!... вотъ умора!... (*хохочетъ*).

ВЕНЕВСКІЙ.

Но какая же это шутка? Я ей сказалъ, что ѣду отсюда, что разстаюсь съ нею навсегда — и опять тотъ же отвѣтъ: я васъ не знаю!

ОГРЫЗКОВЪ, (*смѣясь*).

Неужели?.. Ну, ужъ проказница!

ВЕНЕВСКІЙ.

Да чему жъ ты смѣешься?

ОГРЫЗКОВЪ.

Какъ же не смѣяться.... взгляни на себя, что за постное лицо!... фу! такъ и хочется смѣяться....

ВЕНЕВСКІЙ.

Перестань, пожалуйста!...

ОГРЫЗКОВЪ.

Но, постой, я все устрою....

ВЕНЕВСКІЙ.

Нѣтъ, все кончено!.. Это было не испытаніе, не шутка... это... признаюсь, я такъ озадаченъ ея пріемомъ... не знаю, что и подумать.... Мнѣ кажется, ужъ не обманулся ли я?...

ОГРЫЗКОВЪ.

Чѣмъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Сходствомъ!...

ОГРЫЗКОВЪ, (*съ испугомъ*).

Что?

ВЕНЕВСКІЙ.

Сходствомъ! да.... иначе я не могу думать. Можетъ быть, есть на свѣтѣ ея двойникъ... но, опять, ея имя... ея тетушка, бабушка.... признаюсь, голова кругомъ идетъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*также*).

Ты говоришь, сходствомъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Ну, да!... Но что съ тобою?

ОГРЫЗКОВЪ, (*серіозно*).

Такъ.... ничего!... (*про себя*) Обманулся сходствомъ!... Неужели моя жена?... ее также иногда называли Марьей Ивановной, потому, что имя Марфы ей не нравилось.... а у тетушки Катерины Сергѣевны и за урядъ шла она за Марью Ивановну. Эта тетушка такая баловница, такая модница!...

ВЕНЕВСКІЙ.

Ну, что жъ ты мнѣ ничего не говоришь?..

ОГРЫЗКОВЪ, (*разсѣянно*).

Не могу сказать....

ВЕНЕВСКІЙ.

Что такое?

ОГРЫЗКОВЪ.

Ты, стало быть, не знаешь?

ВЕНЕВСКІЙ.

Что?

ОГРЫЗКОВЪ.

Это было, однакожъ, въ такое время....

ВЕНЕВСКІЙ.

Въ какое время?

ОГРЫЗКОВЪ.

Молодость, неопытность....

ВЕНЕВСКІЙ.

Ну, что же?

ОГРЫЗКОВЪ, (*опомнясь*).

Ничего!

ВЕНЕВСКІЙ, (*съ нетерпѣніемъ*).

Но и ты, кажется, вздумалъ шутить со мною! Вмѣсто того, чтобъ утѣшить меня, ты просто безумствуешь.... то хохочешь, то вздыхаешь, корчишь какія-то рожи!... Этакъ, право, потеряешь всякое терпѣніе!

ОГРЫЗКОВЪ.

Помилуй, что ты!... Успокойся, будь хладнокровнѣе.... бери примѣръ съ меня: посмотри, какъ я спокоенъ!...

ВЕНЕВСКІЙ.

Но тебѣ не отъ-чего и сердиться! У тебя нѣтъ никакой причины....

ОГРЫЗКОВЪ.

Нѣтъ никакой причины?... А эта дѣвушка, которая тебя любила, была съ тобою въ перепискѣ, позволяла цѣловать ручки?... Развѣ это не причина?

ВЕНЕВСКІЙ.

Я тебя не понимаю!

ОГРЫЗКОВЪ.

Вѣдь это не Марья Ивановна....

ВЕНЕВСКІЙ.

Не Марья Ивановна?...

ОГРЫЗКОВЪ.

Да-съ, это, именно, ничто иное, какъ сходство....

ВЕНЕВСКІЙ.

Можетъ ли быть?...

ОГРЫЗКОВЪ.

Очень можетъ быть!

ВЕНЕВСКІЙ.

Ты увѣренъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Увѣренъ!

ВЕНЕВСКІЙ.

Ты знаешь эту дѣвушку?

ОГРЫЗКОВЪ.

Знаю!

ВЕНЕВСКІЙ.

Кто жъ она?

ОГРЫЗКОВЪ.

Кто она?... Кто она?...

ВЕНЕВСКІЙ.

Говори же скорѣе.

ОГРЫЗКОВЪ.

Ты спрашиваешь, кто она?... Этого ты никогда не узнаешь!

ВЕНЕВСКІЙ.

Отъ чего?

ОГРЫЗКОВЪ.

Такъ.... да и къ чему тебѣ знать?...

ВЕНЕВСКІЙ.

Какъ къ чему? Я на ней женюсь!

ОГРЫЗКОВЪ.

Женишься? Нѣтъ, извини, это о быть не можетъ.

ВЕНЕВСКІЙ.

Что жъ мнѣ можетъ помѣшать?

ОГРЫЗКОВЪ.

Что?

ВЕНЕВСКІЙ.

Что?

ОГРЫЗКОВЪ, (*рѣшительно*).

Ничего!

ВЕНЕВСКІЙ, (*вспыльчиво*).

О, это ужъ слишкомъ!

ОГРЫЗКОВЪ.

Другъ мой! добрый другъ! милый другъ! будь покойнѣе, сдѣлай милость, будь покойнѣе!... Видишь, я самъ не свой.... я самъ не знаю, что говорю!... Можетъ быть, и точно была это сестрица Марья Ивановна.... можетъ быть, и другая.... можетъ быть.... воля твоя, я самъ ничего не знаю!

ВЕНЕВСКІЙ.

Ты, мнѣ кажется, съ ума сошелъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Можетъ быть, и съ ума сошелъ... Но, постой, я пойду къ бабушкѣ.... она мнѣ скажетъ: сестрица ли это, Марья Ивановна.... или другая.... да, тебя надо успокоить! Я вполнѣ постигаю твое положеніе... я, можетъ быть, принимаю болѣе участія въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ ты самъ!

ВЕНЕВСКІЙ.

Ступай же скорѣе....

ОГРЫЗКОВЪ.

Бѣгу!.. Но, ради Бога, успокойся! (*въ сторону*). Боже мой! Боже мой! жены! жены! (*Отворивъ дверь направо*). Да вотъ, бабушка сама идетъ сюда.... поди въ садъ, прогуляйся, освѣжись немножко.... я сейчасъ приду къ тебѣ....

ВЕНЕВСКІЙ.

Только, пожалуйста, поскорѣе....

(*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ОГРЫЗКОВЪ, КЛУШИНА.

КЛУШИНА.

Караси сейчасъ изжарятся и мигомъ подадутъ завтракъ....

ОГРЫЗКОВЪ.

Теперь, бабушка, не до завтраковъ... у ме-

ня прошелъ и аппетитъ.... дѣло идетъ не о карасяхъ, а о вашихъ внучкахъ....

КЛУШИНА.

Что, что?

ОГРЫЗКОВЪ.

Дѣло идетъ о моей жизни!

КЛУШИНА.

Что?

ОГРЫЗКОВЪ, (*громко*).

Дѣло идетъ о моей жизни!

КЛУШИНА.

Да что ты кричишь? развѣ я глуха?... Только пугаешь!

ОГРЫЗКОВЪ.

Есть отъ чего и испугаться!

КЛУШИНА.

Господи! что такое случилось?

ОГРЫЗКОВЪ.

Отвѣчайте мнѣ, бабушка, коротко и ясно: которая изъ вашихъ внучекъ гостила, назадъ тому два года, у тетушки Катерины Сергѣевны!

КЛУШИНА.

Къ чему тебѣ?..

ОГРЫЗКОВЪ.

Нужно, бабушка, нужно! .. отвѣчайте, ради Бога!

КЛУШИНА.

Два года тому назадъ?..

ОГРЫЗКОВЪ.

Да, два года тому назадъ.

КЛУШИНА.

Чтожъ такое случилось два года тому назадъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Боже мой! (*громко*) Я у васъ спрашиваю: которая изъ вашихъ внучекъ: Марья Ивановна или жена моя, гостила, два года тому назадъ, въ деревнѣ у тетушки Катерины Сергѣевны?

КЛУШИНА.

Слышу, слышу! я не глуха! дай вспомнить!..

ОГРЫЗКОВЪ.

Вспомните же скорѣй!

КЛУШИНА.

Постой... два года тому назадъ...

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну-съ?

КЛУШИНА.

Которая-бишь?..

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну-съ?

КЛУШИНА.

Тогда гостила у племянницы...

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну-съ?

КЛУШИНА.

Постой, не перебивай... Боже мой, какая у меня стала память!

ОГРЫЗКОВЪ (*въ сторону*).

Этакое несчастіе! ничего не помнитъ...

КЛУШИНА.

Два года тому назадъ?.. да... точно... кажется, гостила Марѳушенька!

ОГРЫЗКОВЪ (*съ испугомъ*).

Моя жена!

КЛУШИНА.

Нѣтъ, не она!.. погоди... да, это Маша!.. или нѣтъ...

ОГРЫЗКОВЪ.

Господи! да говорите рѣшительнѣе!.. вы меня уморите!

КЛУШИНА.

Точно, не Маша... Марѳушенька!

ОГРЫЗКОВЪ.

Но увѣрены ли вы?..

КЛУШИНА.

Увѣрена! и вотъ почему.... когда она ѣхала къ племянницѣ, такъ я положила ей въ чемоданчикъ серизовое гроденаплевое платье...

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну-съ?

КЛУШИНА.

Когда жъ она возвратилась, все платье было изорвано...

ОГРЫЗКОВЪ.

Изорвано?

КЛУШИНА.

Да! Маша ужасно горевала...

ОГРЫЗКОВЪ.

То есть, Марѳушенька?

КЛУШИНА.

Нѣтъ, Маша!.. серизовое гроденаплевое платье было у Маши...

ОГРЫЗКОВЪ.

Да вы сами же сказали, что у Марѳушеньки?

КЛУШИНА.

А, и то можетъ быть!.. Я хорошенько не припомню... только серизовое гроденаплевое платье, кажется, было у Маши... впрочемъ, что тебѣ за нужда, у той ли, у другой ли было...

ОГРЫЗКОВЪ.

Какъ что за нужда? большая нужда!

КЛУШИНА.

А знаешь ли ты, что я сдѣлала изъ этого платья?.. вотъ это я хорошо помню!

ОГРЫЗКОВЪ.

Да которая же изъ нихъ?

КЛУШИНА.

Обѣимъ внучкамъ сдѣлала по передничку! и какіе прекрасные вышли передники!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Далось же ей это серизовое платье! (*въ слухъ, громко*). Бабушка! скажете ли вы мнѣ, наконецъ?..

КЛУШИНА.

Господи, какъ надоѣлъ!.. Я сказала тебѣ все, что могла вспомнить... Да для чего тебѣ знать? я рѣшительно не понимаю!

ОГРЫЗКОВЪ.

Этого вамъ не нужно знать!

КЛУШИНА.

Какъ не нужно? я хочу!

ОГРЫЗКОВЪ.

Такъ извольте же знать, что два года тому назадъ, Марья Ивановна или моя Марѳушенька... не знаю, навѣрное, которая... гостила у тетушки Катерины Сергѣвны... и если это была моя жена... тогда... вы понимаете!... дурно, очень дурно! неправда ли?..

КЛУШИНА, (*не понимая*).

Почему же дурно?

ОГРЫЗКОВЪ.

Потому, что дурно!.. такъ мнѣ и нужно непремѣнно знать, которая изъ нихъ гостила тогда у тетушки... Ну, говорите же, бабушка, которая?

КЛУШИНА.

Странно... а я что-то ничего не поняла! въ чемъ же дѣло?

ОГРЫЗКОВЪ (*разсердясь*).

Нѣтъ! ужъ это вонъ изъ рукъ!.. а вотъ въ чемъ дѣло... еслибъ пришлось мнѣ сегодня жениться на вашей внучкѣ Маровѣ Ивановнѣ... такъ я, скорѣе, согласился бы привязать себѣ камень на шею — да въ воду!

КЛУШИНА.

Что? что?

ОГРЫЗКОВЪ (*громко*).

Скорѣе согласился бы навязать себѣ камень на шею, чѣмъ жениться на такой вертушкѣ, какъ ваша прекрасная внучка!

№ 7.

КЛУШИНА.

Да ты, никакъ, рѣхнулся?

ОГРЫЗКОВЪ.

Нѣтъ, сталъ умнѣе я!

КЛУШИНА.

На что такъ вдругъ надулся?

ОГРЫЗКОВЪ, (*особо*)

Надули же меня!

КЛУШИНА.

Твоя ль жена не дива?

ОГРЫЗКОВЪ.

Предивная жена!

КЛУШИНА.

Скромна, не прихотлива...

ОГРЫЗКОВЪ.

Ужъ черезъ чуръ скромна!

КЛУШИНА.

Разумна по природѣ...

ОГРЫЗКОВЪ.

Да, проведетъ въ глаза!

КЛУШИНА.

Воспитана по модѣ.

ОГРЫЗКОВЪ.

Ну, словомъ, стрекоза!

КЛУШИНА.

Прекраснѣе амура...

ОГРЫЗКОВЪ.

Гдѣ спорить съ ней ему?

КЛУШИНА.

А что ужъ за фигура!

ОГРЫЗКОВЪ.

Фигурка по всему!

КЛУШИНА.

Да что ты пѣтушишься?

ОГРЫЗКОВЪ.

И я вѣдь не чурбанъ...

КЛУШИНА.

Опомнись, что ты злишься!

ОГРЫЗКОВЪ.

Я мужъ, глава, тиранъ!

КЛУШИНА.

Ну, съ глупостью ль твоею
Командовать надъ ней?
Да ты ничто предъ нею,
Не мужъ ты—а злодѣй!

вмѣстѣ.

ОГРЫЗКОВЪ.

И мнѣ весь вѣкъ жить съ нею!
Нѣтъ, лучше, поскорѣй,
Ужъ камень бы на шею,
Да въ воду безъ затѣй!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ОГРЫЗКОВЪ, САШИНА, КЛУШИНА.

САШИНА, (*выходя съ лѣвой стороны.*)

Что это? шумъ, крикъ!.. Ужъ не ссоритесь ли вы?.. и, вѣрно, виноватъ Артамонъ Андреичъ!

ОГРЫЗКОВЪ.

Все Артамонъ Андреичъ! всегда я виноватъ!

КЛУШИНА.

Конечно, ты виноватъ!.. этакой злой языкъ!.. Знаешь ли, Машенька, что онъ говоритъ?.. Ни за-что, ни-про-что, бранитъ Марѳушу! говоритъ, что онъ лучше бы привязалъ камень на шею, да бросился въ воду, чѣмъ женился на твоей сестрѣ?

САШИНА, (*въ сторону.*)

Боже мой! онъ узналъ! (*въ слухъ.*) Ахъ, братецъ, какъ вамъ не стыдно? я этого никакъ не ожидала! вы всегда были такъ милы, такъ скромны...

ОГРЫЗКОВЪ.

Тутъ ужъ не до любезностей, когда выводятъ тебя изъ терпѣнія... нечего сказать, хороша ваша сестрица!

САШИНА.

Да что она сдѣлала?

ОГРЫЗКОВЪ.

Какъ что? зачѣмъ она гостила у тетушки Катерины Сергѣевны?

КЛУШИНА.

Слышишь, за что сердится! онъ, просто, съ ума сошелъ!..

САШИНА.

Я не вижу въ этомъ ничего дурнаго... я сама гостила нѣсколько разъ у тетушки!

ОГРЫЗКОВЪ.

Вы, дѣло другое, вы не жена моя!

КЛУШИНА.

Да и Марѳуша не была еще тогда твоей женою...

ОГРЫЗКОВЪ.

Тѣмъ хуже!

САШИНА.

Ну, перестаньте, помиритесь... братецъ, дайте вашу руку!

ОГРЫЗКОВЪ.

Господи! я не сержусь на бабушку! я только хочу знать, которая изъ васъ...

КЛУШИНА.

Видишь, онъ опять начинаетъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ себя.*)

Да-съ, начинаю, и буду кричать до тѣхъ поръ, пока мнѣ не скажутъ истины.

КЛУШИНА.

Но къ чему тебѣ? что за упрямство!

ОГРЫЗКОВЪ.

Я этого хочу, я этого хочу!

САШИНА, (*въ сторону.*)

Эти письма мнѣ все объяснили!.. Но отъ кого жъ онъ узналъ?

ОГРЫЗКОВЪ, (*рѣшительно.*)

Бабушка! вы не хотите мнѣ сказать?

КЛУШИНА.

Что тебѣ еще надо?

ОГРЫЗКОВЪ.

Да! у васъ память плоха! (*Сашиной*). Сестрица... растолкуйте хоть вы мнѣ... скажите откровенно, гостили ли вы, назадъ тому два года, у тетушки въ деревнѣ?

САШИНА.

Я бывала у нея почти каждый годъ.

ОГРЫЗКОВЪ.

А бывали ли вы у нея въ серизовомъ гроденаплевомъ платьѣ?

САШИНА.

Этого я не помню!

ОГРЫЗКОВЪ.

И эта не помнитъ! этакая безпамятная семейка!..

САШИНА, (*въ сторону*)

Что мнѣ дѣлать? Какъ бы мнѣ разсѣять его сомнѣніе?

ОГРЫЗКОВЪ.

Да нѣтъ, это, точно, были не вы, сес-

трица... иначе бы вы тотчасъ узнали Веневскаго...

САШИНА, (*таинственно, Огрызкову*).

Те... молчите!

ОГРЫЗКОВЪ, (*тихо Сашиной*).

Какъ, неужли?..

САШИНА, (*также*).

Ни слова!.. прошу васъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*также*).

Молчу, сестрица, молчу! (*въ сторону*). Только все еще ничего не понимаю!

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КЛУШИНА, САШИНА, ВЕНЕВСКІЙ, ОГРЫЗКОВЪ.

ВЕНЕВСКІЙ, (*входитъ въ среднюю дверь*).

Извините... я, кажется, разстроилъ вашу бесѣду.

КЛУШИНА.

Помилуйте... помилуйте, намъ очень пріятно.. (*въ сторону*). Прелюбезный человѣкъ! ужъ не чета этому грубіяну! (*Сашиной*). Машенька! какъ бишь его имя?

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо Огрызкову*).

Я ужъ тебя ждалъ, ждалъ въ саду... ну, что, узналъ ли ты?

ОГРЫЗКОВЪ, (*Веневскому, таинственно.*)

Те!.. молчи!

ВЕНЕВСКІЙ, (*также.*)

Что это значитъ?

ОГРЫЗКОВЪ, (*также*).

Ни слова!

САШИНА, (*въ сторону.*)

Одно средство: поговорить съ Веневскимъ... (*тихо, Веневскому*) Мнѣ нужно поговорить съ вами безъ свидѣтелей.

ВЕНЕВСКІЙ.

Со мною?.. (*Огрызкову, тихо*) Уведи отсюда бабушку... Марья Ивановна хочетъ говорить со мною.

ОГРЫЗКОВЪ, (*Веневскому*).

Брависсимо! наконецъ мы все узнаемъ!

ВЕНЕВСКІЙ, (*также*).

Однакожъ и ты поди отсюда...

ОГРЫЗКОВЪ.

И я?... (*въ сторону*). но этакъ я опять ничего не узнаю... (*взглянувъ направо, на занавѣсъ*). Какая мысль!... безподобно!.. (*въ слухъ*). А что нашъ завтракъ, бабушка? вѣдь уже время... я умираю съ голоду... смотрите, чтобъ не пережарили нашихъ карасей? (*на ухо Клушиной*). Слышите, чтобъ не пережарили карасей...

КЛУШИНА.

Да слышу!.. Ахъ, Боже мой! и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я совсѣмъ забыла...

(*Уходитъ въ дверь направо*).

ОГРЫЗКОВЪ.

И я пойду съ вами, бабушка... пожалуй, вы что-нибудь еще забудете...

(*Доходитъ до двери направо и потомъ на цыпочкахъ подкрадывается къ окну и прячется за занавѣсъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

САШИНА, ВЕНЕВСКІЙ, ОГРЫЗКОВЪ (*за занавѣсомъ*).

ВЕНЕВСКІЙ.

Вы хотѣли что-то мнѣ сказать, Марья Ивановна... теперь мы одни... я васъ слушаю...

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Отсюда я все услышу.

ВЕНЕВСКІЙ.

Вы не рѣшаетесь, вы смущены... успокойтесь, я не буду теперь говорить вамъ о своихъ чувствахъ... я жестоко ошибся и пришелъ просить у васъ прощенія... мой давишній разговоръ оскорбилъ васъ... но я узналъ уже послѣ, что былъ игрушкою необыкновеннаго сходства....

САШИНА.

Я для того и осталась съ вами, чтобъ вы узнали всю истину...

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Наконецъ, приближается къ дѣлу!

ВЕНЕВСКІЙ.

О! говорите же... откройте мнѣ ея имя. Эта особа теперь не имѣетъ въ глазахъ моихъ другаго достоинства, кромѣ сходства съ вами... Скажите, гдѣ она скрывается?... Не смотря на впечатлѣніе, которое произ-

вели вы на мое сердце, я исполню свой долгъ...

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону, съ нетерпѣніемъ*).

Этакой болтунъ! только затягиваетъ разговоръ!

САШИНА.

О! вы очень виноваты предъ этой особой!

ВЕНЕВСКІЙ.

Виноватъ? Но чтожъ я сдѣлалъ?

САШИНА.

Два года не видаться, не написать ни одного слова...

ВЕНЕВСКІЙ.

Но она сама этого желала...

САШИНА.

Мало ли что мы говоримъ...

№ 8.

Чтобъ ваши чувства испытать,
Чтобъ власть стяжать намъ надъ мужчиной,
Должны мы истину скрывать
Подъ строгой, хитрою личиной!
Мы говоримъ нерѣдко вамъ:
Какъ вы неспосны, прочь подите!
А вѣрный смыслъ такимъ словамъ:
Не вѣрьте мнѣ, не уходите!

ВЕНЕВСКІЙ.

Я никакъ не думалъ, чтобъ ее могло разсердить мое повиновеніе...

САШИНА.

Но оно, однакожъ, ей было очень непріятно, и она отплатила вамъ.

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Нѣтъ сомнѣнія! это моя жена! она изъ мщенія вышла за меня!

ВЕНЕВСКІЙ.

Боже мой!... Но кто же она?

САШИНА.

Она...

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Сердце замираетъ! не уйти ли, лучше, или не зажать ли уши?

ВЕНЕВСКІЙ.

О! скажите, не мучьте меня!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Не мучьте, дорѣзывайте!

САШИНА.

Эта дѣвушка...

ВЕНЕВСКІЙ.

Кто?

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону, нисколько высунясь изъ-за занавѣса*).

Ну?

САШИНА, (*замѣтя Огрызкова, въ сторону*).

Онъ здѣсь!....

ВЕНЕВСКІЙ.

Ради Бога, скажите, кто была эта особа?

САШИНА, (*рѣшительно*).

Я!

ВЕНЕВСКІЙ.

Вы?

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Она?

САШИНА.

Да, я!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Вотъ и разгадка!

ВЕНЕВСКІЙ.

Вы моя, навѣкъ моя!

САШИНА, (*въ сторону*).

Что мнѣ дѣлать?

ВЕНЕВСКІЙ.

Я сейчасъ бѣгу къ бабушкѣ!.. О! какъ я счастливъ! какъ доволенъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Ну, бѣги же скорѣе! выпусти меня!

ВЕНЕВСКІЙ.

Она, вѣрно, не будетъ противиться нашему счастію...

САШИНА, (*удерживая его*).

Зачѣмъ же спѣшить?... Подождите немного... (*въ сторону*). Мнѣ должно открыть ему истину.

ВЕНЕВСКІЙ.

Еще ждать?... Нѣтъ, для меня довольно и двухъ лѣтъ!

САШИНА.

Тише! сюда идутъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Нѣтъ способа выйти... Увидятъ—осмѣютъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

ВЕНЕВСКІЙ, САШИНА, КЛУШИНА, ОГРЫЗКОВЪ, (*за занавѣсью*).

КЛУШИНА, (*выходя изъ двери на право*).

Завтракъ готовъ!... милости просимъ, Павелъ Андреичъ!

САШИНА, (*Клушиной*).

Павелъ Александрычъ!

КЛУШИНА.

Виновата, Павелъ Александрычъ... Этакая память!.... а гдѣ же Артамонъ Андреичъ?

ВЕНЕВСКІЙ.

Онъ пошелъ въ садъ... сію минуту оставилъ насъ...

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Этакой лгунишка!

КЛУШИНА.

Выбралъ же время прогуливаться, когда караси на столѣ... Пойдемте, чтобъ не простыли...

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Да ну, ступайте... я до смерти ѣсть хочу!

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ВЕНЕВСКІЙ, САШИНА, КЛУШИНА, ФЕРОПОНТЪ. (*выходитъ изъ средней двери*), ОГРЫЗКОВЪ, (*за занавѣсью*).

КЛУШИНА, (*Феропонту*).

Что еще? развѣ не все подано къ завтраку?

ФЕРОПОНТЪ. (*показывая письмо*).

А вотъ, письмо съ почты къ Артамону Андреичу, изъ Новгорода...

ОГРЫЗКОВЪ, (*выходитъ изъ за занавѣса*).

Отъ жены?... дай сюда!

(*Феропонтъ отдаетъ письмо и уходитъ*).

ВСѢ.

Артамонъ Андреичъ!

ОГРЫЗКОВЪ, (*въ сторону*).

Ахъ, канальство... они видѣли!

КЛУШИНА.

Что ты тамъ дѣлалъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Гдѣ?

КЛУШИНА.

За занавѣсью?

ОГРЫЗКОВЪ.

Я?... ничего... ждалъ завтрака... смотрѣлъ въ окно...

ВЕНЕВСКІЙ, (*Огрызкову*).

Ты насъ подслушивалъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Чтожъ за бѣда? — При моемъ участіи въ тебѣ, я не могъ утерпѣть... (*смотря на письмо*). Да, отъ мамуши!,. вотъ ужъ милашка!.. только бы былъ случай, ужъ непремѣнно напишетъ!... Этакъ мы любимъ другъ друга!... (*Пробѣгая письмо*). Ахъ, моя прелесть!... ахъ, моя милашка!

КЛУШИНА.

Что она пишетъ?

ОГРЫЗКОВЪ.

Все супружескія любезности!... что слово, то нѣжность!.. посмотри, Павелъ Александрычъ.

САШИНА, (*поспѣшно*).

Къ чему это?

ОГРЫЗКОВЪ.

Позвольте, сестрица... пусть онъ видитъ, какъ любитъ меня жена!

САШИНА, (*Огрызкову*).

Братецъ! прошу васъ...

ОГРЫЗКОВЪ, (*перебивая письмо Веневскому*).

Читай, любезный другъ, и восхищайся!

САШИНА, (*въ сторону*).

Все испорчено!

ВЕНЕВСКІЙ, (*съ удивленіемъ*).

Какъ, это рука твоей жены?

ОГРЫЗКОВЪ.

Да! каковъ почеркъ?... Чудо! настоящій министерскій!

ВЕНЕВСКІЙ, (*Сашиной, тихо*).

Вы обманули меня.

САШИНА, (*Веневскому, также тихо*).

Я должна была спасти сестру... онъ насъ подслушивалъ...

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо, Сашиной*).

Неужели вы лишите меня счастія?... неужели допустите открыться истинѣ?...

САШИНА, (*Веневскому*).

Боже мой, я не знаю...

ОГРЫЗКОВЪ.

Сестрица! на вашей свадьбѣ я танцую съ вами первый кадриль.

САШИНА.

Но... я не могу...

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо Сашиной*).

Вы должны спасти вашу сестру...

КЛУШИНА.

Какъ можно, первую кадриль?

ОГРЫЗКОВЪ.

Второй, сестрица... виноватъ!.. Я и забылъ, что первый вамъ пріятнѣе танцовать съ молодымъ супругомъ... Прошу васъ, сестрица, на второй кадриль...

ВЕНЕВСКІЙ, (*тихо Сашиной*).

Одно слово въ ея пользу... одно слово для моего счастія...

ОГРЫЗКОВЪ.

Согласны ли, сестрица?

САШИНА, (*смотря на Веневскаго и подавая руку Огрызкову.*)

Согласна!

ОГРЫЗКОВЪ, (*Клушиной*).

Она танцуетъ со мной второй кадриль, бабушка... (*подъ ухо*) второй кадриль, бабушка, а не первый!

КЛУШИНА.

Что ты кричишь? я не глуха!

ВЕНЕВСКІЙ, (*Сашиной*).

Вѣтренность вашей сестры и ваше сходство послужили къ моему счастію! Чего я искалъ въ ней, то нахожу теперь въ васъ....

САШИНА, (*Веневскому*).

Спасая ее, я вручаю вамъ счастіе всей моей жизни...

ОГРЫЗКОВЪ.

Успѣете еще наговориться... пойдемте завтракать... Я до смерти ѣсть хочу... (*Въ сторону.*) особенно послѣ этой перепалки! (*Взявъ подъ руку Клушину.*) Въ сто.ювую, въ столовую!

ВОДЕВИЛЬ.

№ 9.

ОГРЫЗКОВЪ, (*обращаясь къ Веневскому и Сашиной*).

Ну, извольте же, идите,
Да подъ-ручку, безъ стыда!
(*Обращаясь къ публикѣ*).
Извините, отдохните...
До свиданья, господа!

САШИНА, (*къ публикѣ*).

Да, теперь прощаясь съ вами,
Намъ осталося желать,
Чтобъ свиданьемъ вашимъ съ нами
Водевиль нашъ былъ опять!

Послѣдніе два стиха повторяютъ всѣ.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
РУССКАГО ТЕАТРА.

Мы неблагодарны, очень неблагодарны къ нашимъ предкамъ: давно ли перестали раздаваться въ ушахъ нашихъ имена нѣкогда-громкія людей нѣкогда-славныхъ, и мы совершенно забыли ихъ, а если и вспоминаемъ, то мимоходомъ, презрительно, насмѣшливо.... Имена Сумарокова, Княжнина, Озерова, Богдановича и другихъ рѣдко встрѣчаются на страницахъ нашихъ журналовъ, а между тѣмъ эти люди жили и дѣйствовали, были, въ свое время, предметомъ удивленія и почитанія, толковъ и зависти. Но если даже оставить таланты ихъ въ сторонѣ,—люди эти достойны вниманія нашего какъ писатели, бывшіе въ свое время представителями литературной жизни и дѣятельности Россіи, слѣдовательно какъ необходимое звѣно въ общей цѣпи, которою связана наша литературная исторія. Посмотрите на иностранцевъ, на Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ: кого они не отрыли изъ своихъ старинныхъ писателей, кого не разбирали, на кого не дѣлали комментаріевъ? У насъ умеръ Пушкинъ — и только послѣднія минуты его жизни извѣстны публикѣ, благодаря краснорѣчивому перу Жуковскаго; а между тѣмъ для многихъ изъ насъ, современниковъ Пушкина, нѣкоторыя произведенія его остаются загадочными. Мудрено ли, что при такой общей апатіи, при этомъ равнодушіи ко всему прошедшему, мы такъ бѣдны матеріалами для историческаго романа, для драмы, для комедіи?.. Мы не уважаемъ трудовъ нашихъ прошедшихъ знаменитостей, потому только, что эти знаменитости трудились для своихъ современниковъ; мы не уважаемъ ихъ жизни, не хотимъ сохранить объ ней во споминаніе, хотя наша жизнь есть продолженіе ихъ жизни...

Послѣ этого читатели Репертуара поймутъ, почему мы рѣшились представлять имъ біографическіе очерки тѣхъ людей, которые имѣли какое нибудь вліяніе на русскую сцену, какъ писатели, или какъ артисты... Для этого мы посвящаемъ цѣлое отдѣленіе Репертуара, которое назвали мы: *Матеріалами для исторіи русскаго театра*. Въ это отдѣленіе, кромѣ біографій, войдутъ и критическіе разборы сочиненій современныхъ драматическихъ писателей, и извѣстія о книгахъ, старыхъ и новыхъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи русскаго театра. *Біографіи современныхъ русскихъ сценическихъ артистовъ*, также относящихся къ этому отдѣленію Репертуара, составляютъ особое прибавленіе, какъ рядъ статей, имѣющихъ одну общую связь. Самое заглавіе — *Матеріалы для исторіи русскаго театра* — показываетъ, что не отъ всякой статьи, помѣщаемой въ семъ отдѣленіи, можно требовать надлежащей полноты: дѣло искуснаго зодчаго — построить изъ этого современемъ что-нибудь цѣлое и полное; мы же принимаемъ на себя обязанность доставлять только матеріалы, изъ которыхъ онъ долженъ будетъ строить. *Ред.*

ЯКОВЪ БОРИСОВИЧЪ КНЯЖНИНЪ.

(*Изъ Записокъ С. Н. Глинки*).

«Expliquer l'homme c'est le faire aimer, c'est
«rattacher l'étude de la vie d'un homme à
«l'étude du coeur humain et de faire de l'his-
«toire d'un individu un chapitre de l'histoire
«de l'humanité»

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ родился 1744 года, въ стѣнахъ древняго Пскова, на берегахъ рѣки *Великой*.

Отъ зари жизни до пятнадцати лѣтъ онъ олушевлялся совѣтами и примѣромъ своего отца-наставника; а потомъ, на берегахъ Невы, обогащалъ себя новыми познаніями у *Модераха*, тогдашняго профессора Академіи Наукъ. Умъ его свыкался съ науками, а душа питалась и расцвѣтала поэзіей. Часъ-отъ-часу болѣе юный Княжнинъ сроднялся съ *Метастазіемъ*, *Расиномъ*, *Галлеромъ* и *Гесперомъ*. Два первые поэта пролагали ему поприще драматическое; а Галлеръ, пѣвецъ горъ Альпійскихъ, и Гесперъ, Ѳеокритъ Швейцаріи, пробудили въ немъ тихую мечтательность. Воображеніе Княжнина любило впитать по заоблачнымъ вершинамъ Альпійскимъ и романтическимъ долинамъ отечества *Вильгельма Телл*. «Еслибъ я не родился въ Россіи, говорилъ онъ, то желалъ бы, чтобы Швейцарія была моею колыбелью.» Галлеру подражалъ онъ въ стихотвореніи своемъ *Вечеръ*, напечатанномъ въ *Санктербургскомъ Вѣстникѣ*, который издавалъ онъ вмѣстѣ съ творцемъ *Душеньки*, и гдѣ помѣстилъ также нѣсколько идиллій Геснера.

Не довѣряя одному влеченію природныхъ способностей, Княжнинъ приготовлялся къ поприщу словесности и терпѣливымъ трудомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ переведенныя имъ, такъ-называемыми *бѣлыми* стихами, трагедіи Корнеля и Вольтерова Ганріада. Жаль, что на послѣдній трудъ потерялъ онъ время, чернила и бумагу. Въ Ганріадѣ есть прекрасные стихи, но нѣтъ искры жизни поэтической.

Съ знаніемъ нѣсколькихъ Европейскихъ языковъ, поступилъ Княжнинъ въ Иностранную Коллегію, гдѣ отъ юнкера до переводчика былъ для него — одинъ шагъ.

Давнымъ давно сказано, что пути пылкой юности такъ же непостижимы, какъ раз-

машистый орлиный полетъ въ долинахъ воздушныхъ и какъ слѣды корабля, разсѣкающаго валы морскіе: вскипятъ, исчезнутъ, и снова заѣнятся. Кипѣла и юность нашего поэта. Неудивительно: такова судьба души пылкой и порывистой.

Съ поприща дипломатическаго судьба перевела Княжнина въ новый міръ. Фельдмаршалъ *Разумовскій*, полюбя ловкаго, расторопнаго юношу-красавца, перемапилъ его подъ знамена воспныя, куда и поступилъ онъ въ чинѣ капитана. Міръ очарованій раскинулся передъ его глазами. Все лелѣяло его. Онъ капитанъ почетный; онъ причисленъ къ дежурнымъ генераламъ. Сама *Терпсихора* учила его тому, что теперь называютъ *граціозностію*. А въ этой *граціозности* онъ не уступалъ въ стройныхъ танцахъ славному *Пику*, кориоею тетеатральныхъ балетовъ въцаретвованіе Екатерины, и который, вмѣстѣ съ княземъ Потемкинымъ, устроивалъ танцы на волшебномъ праздникѣ, данномъ Императрицѣ въ чертогахъ таврическихъ.

Мудрено ли, что при такихъ блестящихъ дос тоинствахъ Княжнинъ безпрестанно переходилъ съ почетнаго дежурства на вечеръ, съ вечера на балъ, съ бала въ маскерадъ? Плывя тѣмъ берегомъ, гдѣ, напѣвая очаровательныя пѣсни, коварныя сирены заманивали въ смертныя сѣти, *Улиссъ* приказалъ себя крѣпко-на-крѣпко привязать къ мачтѣ, но и тутъ едва устоялъ отъ восхитительныхъ напѣвовъ; а Улиссъ былъ Омировъ мудрецъ: гдѣ же юношѣ устоять противъ напѣвовъ обольстительнаго міра? Попалъ и нашъ поэтъ въ тотъ кругъ, гдѣ, говоря собственными его словами, —

«Фортуна, въ выборахъ слѣпая,
Бумагою судьбу метая,
Невинныхъ яростно разитъ:
Игрою скрывъ приманки льстивы
Какъ *Сфинксъ*, опустошившій *Оивы*,
Гаданьемъ къ гибели ведетъ.»

Княжнинъ, на бѣду свою, очень-твердо зналъ математику; а потому и въ ставкѣ картъ пустился въ *гадательныя* исчисленія. Онъ не зналъ тогда, что въ рукахъ *банкомета* готовъ громовый отводъ противъ всѣхъ гаданій *понтера*.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ кануло въ бездну кое-что изъ родоваго наслѣдства игрока-поэта; но изъ груди его не выпала ни одна искра прекрасной его души. Все въ ней уцѣлѣло. А разительнымъ этому доказательствомъ служитъ то, что въ этотъ бурный разгулъ страстей, онъ сочинилъ первую свою трагедію—*Дидону*. Въчесть ея гремѣли рукоплесканія въ обѣихъ столицахъ; на Петербургскомъ театрѣ Екатерина увѣнчала первый опытъ новаго трагика своимъ присутствіемъ; но скромность Княжнина была выше всѣхъ искушеній самолюбія, часто и невольнаго. Одинъ изъ его знакомыхъ, по окончаніи трагедіи, побѣжавъ къ нему, вслухъ закричалъ: «*Яковъ Борисовичъ нашъ Расинъ.*»—Молчи!' возразилъ шопотомъ Княжнинъ: молчи, братецъ, а не то если подслушаютъ такую ложь, то тебѣ ни въ чемъ не станутъ вѣрить.

Княжнинъ ни слова не говорилъ о Шекспирѣ; Сумароковъ зналъ и англійскаго поэта и голландскаго трагика Фонделя и Лопе-де-Вегу, и не шелъ по стопамъ Шекспира, даже и въ *Гамлетѣ*. Онъ былъ строгимъ наблюдателемъ трехъ Аристотелевыхъ единствъ: *времени, мѣста* и *дѣйствія*. И Княжнинъ подражалъ ему въ этомъ. Въ творевіяхъ ума человѣческаго существуетъ одно только единство—*единство мысли*. Дивный Шекспиръ угадалъ эту тайну, и раскинувъ мысль на всю вселенную, движетъ видимую природу и олицетворяетъ страсти человѣческія. Есть легенда, что одинъ какой-то отшельникъ тысячу лѣтъ прослушалъ пѣніе *райской птички*, и ему этотъ рядъ десяти вѣковъ показался однимъ днемъ, однимъ часомъ, однимъ мгновеніемъ. Такимъ очарованіемъ дышатъ и Шекспировы трагедіи. У него годы превращаются въ часы: и онъ правъ: въ театръ ходятъ не исчислять, а забывать время. Но Сумароковъ и Княжнинъ падѣлались на другое очарованіе. Давно сказано: «голосъ любви—голосъ серд-

ца — восхитительная *гармонія* душевная.» И они были правы. Улицъ, дѣйствовавшихъ въ ихъ трагеліяхъ, былъ душевный голосъ, замѣнявшій всѣ подстановки того, что теперь называютъ *театромъ на театръ*. Вотъ что говоритъ Княжнинъ о силѣ душевнаго въ посланіи къ *Граціямъ* : «безъ васъ

«Актеръ себя предъ зрителемъ ломаетъ,
Героя дѣлаетъ дугой;
А съ вами *Гюсъ*, подпора Мельпомены,
Пріятная владычица сердецъ,
Отъ нашихъ слезъ беретъ похвалъ вѣнецъ
И чувствовать дая страстей премѣны,
То къ трепету, то къ плачу приводя,
Плѣняетъ всѣхъ ея побѣдой, въ грудъ входя.

Гюсъ дѣйствительно была *Мельпоменою* французскаго петербургскаго театра. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ я видѣлъ ее въ *Альзирѣ*. Сильно волновалось сердце мое во время двухъ дѣйствій; но когда въ третьемъ дѣйствіи, почитая *Замора* убитымъ и взывая къ тѣни его, она произнесла :

«Le trait est dans mon coeur».

я думалъ, что сердце вырвется у меня изъ груди, выбѣжалъ изъ театра и за трепетъ душевный заплатилъ горячкою. Вскорѣ потомъ встрѣтилъ я эту драматическую очаровательницу въ Лѣтнемъ саду: и что же увидѣлъ? женщину небольшаго роста, лицо въ веснушкахъ...волосы золотистые «Рима не было уже въ Римѣ!» И къ ногамъ этой драматической красавицы прикованъ былъ тотъ нашъ Графъ-дипломатъ, который выбилъ изъ рукъ Наполеона карту Европы, когда на гробѣ пожизненнаго Консула предлагалъ онъ подѣлиться съ Россіей Европой.

Восхитителенъ, очарователенъ первый успѣхъ поэта: новый міръ возникаетъ въ очахъ его. Онъ слышалъ плески современниковъ; онъ слышитъ и вдали плески будущаго; онъ начинаетъ жить и во времени и въ потомствѣ. Но Княжнинъ не удовольствовался торжествомъ своимъ на Петербургскомъ театрѣ; съ пальмами драматической славы своей, съ береговъ Невы, посѣщалъ онъ на берега Москвы-рѣки къ отцу русскаго театра, къ А. П. Сумарокову. Какое свиданіе и въ какое время! Тогда еще драматическая поэзія была, такъ сказать, новою гостьею въ нашемъ отечествѣ, а на поэта смотрѣли какъ на какое-то существо необыкновенное.

— Я виноватъ передъ вами, сказалъ Княжнинъ Сумарокову: мнѣ надлежало, до представленія трагедіи моей, отдать ее на вашъ судъ; но я неосторожно поторопился прочитать ее нѣкоторымъ моимъ пріятелямъ. Молва о Дидонѣ дошла до слуха Императрицы, и она требовала, чтобъ ее сыграли, между тѣмъ, когда я самъ переписывалъ трагедію мою для васъ, отца нашего русскаго театра.»

Не нужно говорить, съ какимъ восторгомъ обнялъ Сумароковъ юнаго соперника своего! *Вольтеръ* сказалъ:

Qu' il est grand, qu' il est beau de se dire à soi même:
Je n'ai point d'ennemis, j'ai des rivaux que j'aime;
Montrez moi mon rival, et je cours l'embrasser.

Вольтеръ какъ будто высказалъ въ этихъ стихахъ сердце Сумарокова: онъ охотно отдавалъ справедливость каждому изъ современниковъ своихъ. Въ другомъ мѣстѣ я представлю разительныя свидѣтельства о томъ, что онъ никогда не былъ врагомъ нашего Холмогорскаго генія. Ихъ ссорили завистники; но Сумароковъ осыпалъ цвѣтами и гробъ Ломоносова. Предполагаютъ также какую-то гордость въ Сумароковѣ, и это несправедливо. Его величали именемъ *великаго* современники, а онъ самъ никогда не возводилъ себя на эту пышную

(*) Графъ А. П. Марковъ. Наполеонъ, взявъ въ руки карту Европы сказалъ, русскому посланнику: Je trace la ligne de l'Europe comme le pape a tracé la ligne de demarcation de l'Amerique: moitié á la France, moitié á la Russie, а нашъ русскій посланникъ возразилъ тѣмъ, о чемъ мы сказали.

чреду: онъ даже не почиталъ себя и безпримѣрнымъ поэтомъ.

А вотъ и доказательство.

«Трудится тотъ вотще,
Кто разумомъ своимъ лишь разумъ заражаетъ;
Не стихотворецъ тотъ еще,
Кто только мысль изображаетъ,
Холодную имѣя кровь.
Но стихотворецъ тотъ, кто сердце воспаляетъ
И чувствіе изображаетъ;
И кто умѣлъ воспѣть царицу музъ, любовь.
Парнасскимъ жителемъ назваться я не смѣю;
Но сладости любви я чувствовать умѣю.»

Такъ говоритъ Сумароковъ въ стихотвореніи своемъ подъ заглавіемъ: *Недостатокъ изображенія*. Онъ убѣжденъ былъ, что и самое живое слово человѣческое едва ли можетъ выразить полноту движеній сердца. А гордость, въ которой напрасно его упрекаютъ, называлъ онъ «язвою и занозою душевною *)» Княжнинъ такого же былъ мнѣнія. «Гордость, говоритъ онъ: «огромная вывѣска самой мелкой души.»

Но обратимся къ нашему повѣствованію.

Думалъ ли Сумароковъ, обнимая въ первый разъ Княжнина, что онъ въ лицѣ его обнимаетъ будущаго своего зятя—это его тайна. Но то вѣрно, что онъ также восхищенъ былъ привѣтствіемъ Княжнина, какъ и *Геродотъ*, отецъ Греческой исторіи, когда, при плескахъ Олимпійскихъ, юный *Өукидидъ* поларилъ его тѣмъ, что дороже всѣхъ рукоплесканій — слезами душевнаго восторга.

Вруча трагедію свою Сумарокову, Княжнинъ сдѣлался въ домѣ его ежедневнымъ гостемъ. Чрезъ нѣсколько дней съ робостію спросилъ онъ у Сумарокова, какъ показалась ему его трагедія? Сумароковъ отвѣчалъ, что онъ снова перечитываетъ *Энеиду* и *Дидону* Лефранка Помпиньяна, чтобы высказать основательно мнѣніе свое. Но вскорѣ нашъ поэтъ забылъ трагедію и какъ будто отыскивалъ въ себѣ самаго себя. Одна изъ дочерей Сумарокова была въ замужествѣ за графомъ *Головинымъ*, а другая, цвѣтя умомъ и красотою, ожидала еще *суженаго:* и этотъ суженой былъ Я. Б. Княжнинъ. Съ поэзіей музъ въ душѣ его откликнулась и поэзія любви. То же было и въ сердцѣ юной дочери Сумарокова. Часто казалось влюбленному поэту, будто въ глазахъ ея онъ вычитываетъ то, что *Дидона* говорила *Енею!*

Одинъ твой взглядъ, твой вздохъ и слово устъ твоихъ
Долгъ сердца моего.

Часто и онъ порывался выговорить:

Кто можетъ такъ любить, какъ я тебя люблю?
Все нахожу въ тебѣ!..

Но чрезвычайная скромность Княжнина оковывала уста его робостію. А любовь душевная, любовь, какъ будто изъ завѣтной храмины судьбы переходящая въ сердце, и безъ робости боязлива. Могущественное, сильное ея стремленіе то вѣритъ, то падѣется; а та, увлекаясь порывами сомнѣнія, страдаетъ и на порогѣ счастія; но это страданіе для души поэтической — блаженство. Княжнинъ это чувствовалъ и выразилъ въ прекрасныхъ стихахъ, дышащихъ и вдохновеніемъ *Сафы* и сердечнымъ словомъ нашего поэта.

Вотъ они:

«Что я — ты чувствуешь ли то же?
Не видя, алчу зрѣть тебя;
Узрѣвъ, забвеніе себя,
Стократно памяти дороже,
Объемлетъ душу, чувство, умъ.
Въ тревогѣ нѣжной сладкихъ думъ
Душой твои красы любзаю;
И кровь то мерзнетъ, то кипитъ,
И самъ себя тогда не знаю.
Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ.»

Это было воспоминаніе; а что кипѣло въ душѣ поэта въ настоящемъ, въ тѣ дни, въ тѣ мгновенія, когда безмольная любовь порывалась высказаться! Истомленный страстію, онъ открылся пріятелю своему Ѳедору Григорьевичу *Каршу*, пламенному

(*) См. полное собраніе сочиненій Сумарокова, томъ X.

любителю словесности и искусствъ. Каринъ взялся быть посредникомъ и полетѣлъ къ Сумарокову. У творца *Симиры* страсть любви была жизнію его жизни. Страдальцы угадываютъ сердце благотворительное; а кто живетъ любовью, тому и въ другомъ не трудно разгадать тайну любви.

Сумароковъ сказалъ *Карину*, что и онъ и дочь его уважаютъ умъ и душевныя качества Якова Борисовича, и что онъ радъ увѣнчать взаимную ихъ склонность. Стремительное нетерпѣніе нашего поэта равнялось порывамъ его любви. Едва вошелъ *Каринъ*, онъ вскричалъ: «Жизнь или смерть?» Каринъ отвѣчалъ ему стихами изъ Дидоны, съ нѣкоторою перемѣною:

«Се день уже насталъ, желаемый тобою;
Дидона перстень свой Енею отдаетъ
И ваши бракъ сердца на вѣки сопряжетъ.»

Въ тотъ же день голосъ высказалъ все той, къ кому оно горѣло.

А Сумароковъ, съ восторгомъ соединяя два сердца, достойныя одно другаго, надписалъ на рукописной Дидонѣ:

«Мы не въ равной долѣ:
Я тебѣ мила; а ты—стократъ мнѣ болѣ.»

И съ этою надписью поручилъ невѣстѣ возвратить жениху трагедію, которую умышленно продержалъ цѣлый мѣсяцъ, дожидаясь того, что̀ предвидѣлъ.

Въ это время Сумароковъ былъ на высшей степени своей литературной славы. 1767 года, при собраніи депутатовъ изъ всѣхъ предѣловъ обширнаго нашего отечества, пролилось и начало оживляться все то, что̀ онъ высказалъ Екатеринѣ въ словѣ, въ которомъ предъявилъ душу ея *Наказа*. Въ то же время былъ онъ въ перепискѣ съ Философомъ Фернейскимъ и трагедіи его вѣнчались рукоплесканіями и слезами и на театрахъ двухъ столицъ и на театрахъ народныхъ. Его *Хоревъ* сблизилъ народный духъ съ дворомъ и обществомъ большаго тогдашняго свѣта. Это его лавръ; ему одному удалось сблизить такія различныя области быта человѣческаго. Въ моихъ «Очеркахъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова», которыя выйдутъ въ непродолжительномъ времени, читатели увидятъ, какъ быстро, черезъ одинъ годъ, то есть, 1769 года, грозною тучею затуманилась его счастливая звѣзда. А по слѣдующимъ стихамъ можно судить о душевномъ его страданіи:

«Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, фуріи! ступайте вонъ изъ ада;
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!» *

Разскажу здѣсь и о Ѳедорѣ Григорьевичѣ Каринѣ, бывшемъ сватомъ у Княжнина. Я познакомился съ нимъ въ то уже время, когда отъ семи тысячъ душъ у него оставались только три тысячи, когда за роскошный разгулъ молодости въ старости платилъ онъ тяжелую дань докучливой подагрѣ. Въ цвѣтущіе годы жизни своей онъ не уступалъ въ пышности сатрапамъ древней Персіи. Да и что̀ тогда было въ Москвѣ? Улицы ея были блестящимъ маскерадомъ, кареты летали великолѣпными цугами; на запяткахъ гайдуки исполинскіе; по сторонамъ каретъ скороходы, порхавшіе зефирами, въ шелковыхъ чулкахъ, даже и въ трескучіе морозы. Кровь, видно, была горячѣе. А псовая охота? — цѣлое разноцвѣтное войско. Что за псари! что за ловчіе? Сколько тянется фуръ со всѣми прихотями застольными! Гдѣ же все это? Правду сказалъ *Тацитъ*, что «не отъ каменныхъ стѣнъ зависитъ душа городовъ». Все приведенное здѣсь, съ избыткомъ было у юнаго Карина. Но я, повторяю еще, познакомился съ нимъ на западѣ его дней. Въ домѣ у него кипѣла еще чаша пиршественая, но въ сердцѣ гнѣздилась змѣя, которая за разладъ семейный ссорила его съ человѣчествомъ. Онъ любилъ меня за страсть мою къ словесности; нерѣдко утолялъ я гнѣвные его порывы, и онъ, вынудивъ у меня скучный присѣстъ для моего портрета, написалъ къ нему слѣдующіе стихи:

«Младаго Глинку зримъ лица сего въ чертахъ;
Сей юноша, блистающій ученьемъ,

* Полн. соч. Ч. IX.

Умомъ и просвѣщеньемъ,
Поэтъ и пламень льетъ въ стихахъ:
Что жъ будетъ въ зрѣлыхъ онъ лѣтахъ?»

Я подписалъ подъ стихами: *Ничто.*

Хотя Я. Б. Княжнинъ и не слишкомъ надѣленъ былъ дарами своенравнаго счастія, однако и онъ, ставъ семьяниномъ, жилъ въ Петербургѣ открытымъ домомъ и былъ душою своего общества. Однажды обѣдали у него великолѣпный князь таврическій и Каринъ. Остроты сыпались аттическою солью, и князь Потемкинъ невсегда сидѣлъ заключась въ глубокую думу и грызя ногти. Развеселясь въ гостепріимной бесѣдѣ и оборотясь къ юному Адонису Карину, онъ сказалъ:

«Ты, Каринъ,
Райскій кринъ;
Ты лилеи
Намъ милѣе!
Многихъ умниковъ умнѣе,
И весенніхъ дней яснѣе.»

Каринъ не ходилъ въ карманъ за словами: за привѣтъ онъ тотчасъ отмахнулъ привѣтомъ:

«Не Каринъ —
Райскій кринъ;
Ты всѣхъ розъ для насъ алѣе
И милѣе всѣхъ цвѣтовъ;
Ты въ битвахъ — громовъ страшнѣе;
А съ друзьями—весь любовь!

Спросишь невольно: гдѣ все это? Въ воспоминаніи старика, отвѣчаетъ Княжнинъ; и вотъ что онъ говоритъ:

«О, память! прежнихъ дней пріятныхъ,
Проникни въ тонку, слабу мысль!
И прежнихъ случаевъ превратныхъ
Прошедшихъ радостей исчисль.
Когда весна моя блистала,
Сбиралъ я майскіе цвѣты;
Душа какъ роза расцвѣтала,
Не знавъ, что горесть, что бѣды.
Бывало съ милою Авророй
Встрѣчалъ я первый Ѳебовъ въѣздъ,
И въ мысли восхищенной, новой
Сіялъ какъ искра въ сонмѣ звѣздъ.
«Бывало — ранніхъ птичекъ пѣнье
И громкой голосъ соловья,
Шумъ водопадовъ, ихъ стремленье,
Внималъ съ живѣйшимъ чувствомъ я,
Бывало — пляски, хороводы
Веселыхъ добрыхъ поселянъ,
Гдѣ безъ искусства видъ природы
Для блага общаго пиръ данъ,
Меня въ младенчествѣ питали;
Я съ ними радости дѣлилъ;
Рѣзвились, пѣли и играли:
Кто прожилъ такъ, тотъ прямо жилъ».

Вотъ какъ описываетъ Княжнинъ отроческія свои лѣта, проведенныя на берегахъ рѣки *Великой*, въ кругу трудолюбивыхъ поселянъ. Тутъ самъ Княжнинъ всего себя высказалъ. Онъ жилъ человѣколюбіемъ и ясными душевными воспоминаніями. Онъ не вспоминаетъ ни о пирахъ роскошныхъ, ни о собраніяхъ блестящихъ; онъ не вспоминаетъ даже и о торжествахъ своихъ драматическихъ. Заря жизни была бытіемъ его души; и по привычному чувству любви къ человѣчеству, онъ у себя въ домѣ не могъ видѣть печальнаго лица. Часто случалось съ нимъ, что въ дождливую погоду, взявъ денегъ, чтобы отправиться на дрожкахъ въ Кадетскій Корпусъ, гдѣ онъ былъ учителемъ словесности въ старшемъ возрастѣ, онъ отдавалъ тѣ деньги слугѣ, который или по какой либо причинѣ, или и умышленно, казался печальнымъ: «На, братецъ! говорилъ онъ: будь повеселѣе!» И въ корпусъ, на каѳедру словесности приходилъ въ скромномъ сюртукѣ, запрысканномъ дождемъ. Что такое добродѣтель?» говоритъ *Лабрюеръ*. — Человѣколюбіе. «А что такое человѣколюбіе?» Онъ же отвѣчаетъ: «Первая душевная добродѣтель». И потомъ прибавляетъ: «Счастливцы свѣта! вы, которыхъ судьба осыпала всѣми дарами своими! не замки сооружайте — сооружайте памятники благодѣтельные: когда слѣды вашихъ поколѣній затеряются въ книгѣ знаменитостей, васъ вспомнятъ, если и вы помнили, что одно добро безсмертно».

Къ числу прекрасныхъ душевныхъ качествъ Я. Б. Княжнина принадлежитъ безпристрастная его любовь къ отечественной словесности. Всѣмъ извѣстенъ *Петровъ*, другъ юности Карамзина, съ которымъ сей послѣдній началъ свое литературное поприще, въ «Дѣтскомъ чтеніи», издававшемся Н. И. *Новиковымъ*. Осыпая гробъ его цвѣ-

тами, Карамзинъ назвалъ его *Агатономъ*; этотъ другъ нашего исторіографа былъ пріятелемъ Княжнина, и показывалъ ему всѣ письма, получаемыя отъ *Русскаго путешественника*. Въ одинъ свой приходъ въ кадетскій корпусъ, Яковъ Борисовичъ съ восторгомъ сказалъ: «Привѣтствую русскую словесность съ новымъ писателемъ. Юный Карамзинъ создаетъ новый, живой, одушевленный слогъ». Любилъ и Карамзинъ Княжнина; особенно нравилось ему изъ сочиненій Якова Борисовича посланіе: *Отъ дѣди стихотворца рифмоскрипа*.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года Княжнина сопричислили къ какимъ-то *труженикамъ*. И я готовъ назвать Я. Б. *труженикомъ*; но въ чемъ? Въ неусыпномъ стремленіи къ подвигамъ добра и къ благу общественному во время служенія своего при Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ. Дай Богъ, чтобы такихъ *тружениковъ* у насъ было побольше!

Пушкинъ, въ Онѣгинѣ своемъ, называетъ Княжнина переимчивымъ. Согласенъ. Но то, что онъ перенималъ у другихъ, все то выражено творческимъ русскимъ словомъ.

Напр. *Вейссе* говоритъ:

Ohne Glück in unsern Tagen,
Hielt Vernunft und Klugheit nicht;
Glück fährt auf einen gold'nen Wagen,
Wer vernünft'g zu Füßen kriegt.

А вотъ какъ Княжнинъ это перевелъ:

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него — куда съ умомъ?
Счастье ѣдетъ и въ каретѣ,
А съ умомъ идетъ пѣшкомъ.

Въ посланіи *Ты* и *Вы*, Княжнинъ подражалъ Вольтеру: но какъ? — онъ оживлялъ тамъ чувствомъ, гдѣ поэтъ Фернейскій шутилъ.

Напр. Вольтеръ говоритъ:

„Ah! madame, que votre vie
D'honneurs aujourd'hui si remplie,
Diffère de nos doux instans!
Le large suisse à cheveux blancs,
Qui ment sans cesse à votre porte,
Philis! est l'image du temps,
Il semble qu'il chasse l'escorte
Des tendres amours et des ris.“

А у Княжнина:

Въ восторгахъ нашихъ *я* и *ты*, забывъ весь свѣтъ,
Мы думали, что насъ счастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ! Кто могъ быть насъ блаженнѣй;
И чѣмъ же генералъ въ веселіи отмѣнѣй?
Отмѣнѣй! быть нельзя; безмѣрно ниже насъ.
Не по природѣ онъ, по этикету *васъ*
Любя, пахмурясь къ *вамъ* важно подступаетъ,
Улѣхи, смѣхи прочь и игры отгоняетъ.
Боясь знатность онъ и блескъ свой уронить,
Онъ можетъ ли *васъ* такъ, какъ *я тебя* любить.
Превосходительствомъ природу отягчая,
И въ сердцѣ гордость онъ съ любовью къ *вамъ* мѣшая,
Васъ любитъ, помня то, что онъ и генералъ;
А *я тебя* любя, себя позабывалъ,
Всѣ были чувствія, вся мысль полна тобою,
И весь я занятъ былъ лишь Лизою одною.
Тобою слышалъ все, *тобой* на все взиралъ,
Тобою жилъ, твоимъ дыханіемъ дышалъ...»
И потомъ:
«У насъ лишь только два часа бывали въ сутки:
Одинъ — чтобъ вмѣстѣ свѣтъ и время забывать;
Другой — не видяся, увидѣться желать.»

Тутъ все чувство, вся тайна, вся поэма любви.

Заглавіе сказки своей *Попугай*, Княжнинъ заимствовалъ у *Грекета*; но весь русскій разсказъ его. И какой разсказъ! Послушаемъ. Старушка и прекрасная дочь, въ разлукѣ съ сыномъ, бывшимъ въ полку, купила попугая и ревностно занимается его воспитаніемъ.

И поэтъ говоритъ.

«Большое дѣло воспитанье!
Ласкаемъ и любимъ заморской кавалеръ,
Какъ нравиться — давалъ и щеголямъ примѣръ.
Его прелестно лепетанье,
Пристойно завсегда,
Не допускало никогда
Тѣхъ словъ, которыя стыда наводятъ краску.
Въ бесѣдахъ ласкою платя за ласку,
Красавицамъ кричалъ: je vous adore!
Цалующимъ: цалуй меня *сюда*;
Старушкамъ: Ну, подите съ Богомъ!»
Вотъ такъ-то отвѣчалъ разумникъ разнымъ слогомъ.

Подобно, Цесарь вдругъ и самъ писалъ
И сказывалъ другимъ совсѣмъ иныя строки.
Такъ и Жако свои выказывалъ уроки.
Мать съ дочерью, въ награду, за труды
Свой зрѣли полонъ домъ всечасно.
Знакомства новыя и — всѣ несутъ плоды
Конфекты, сухари, бомбонъ—какъ все прекрасно!
Катается Жако, какъ въ маслѣ сыръ—
И всякой день такой же пиръ,
Какой откупщики даютъ боярамъ рѣдко;
Однако жъ мѣтко.»

Повторяю еще: Пушкинъ называетъ Княжнина *переимчивымъ*; но развѣ и его *Онѣгинъ* не откликается родствомъ съ *Чайльдъ-Гарольдомъ? Байронъ* говоритъ: «Переводя, отважною грудью завоевывай духъ писателя»; А нашъ А. П. Сумароковъ сказалъ:

«Не мни, переводя, что смыслъ въ творцѣ
готовъ:
Творецъ даетъ намъ мысль, но не даетъ намъ
словъ.»

Сущая правда! Въ чемъ же состоитъ тайна *поэзіи* и *прозы*? — Въ живомъ сочетаніи словъ своего природнаго языка. Жуковскій, Пушкинъ и другіе наши поэты, тѣмъ же говорятъ языкомъ, какимъ и мы, люди обыкновенные; но отъ чего же изъ поэзіи ихъ переливается и въ слухъ и въ душу какая-то неопостижимая сладость? — Отъ того, что въ сочетаніи словъ отыскали они жизнь души, сердца и мысли. Въ Греческой *Антологіи* Венера говоритъ: «Вулканъ и Марсъ меня видали; но гдѣ видалъ меня *Праксителъ*?» Гдѣ? Въ творческой мысли своей и рѣзцомъ своимъ вывелъ изъ мрамора изумительную прелесть. Въ мысли олицетворилъ сперва Праксителъ свое произведеніе, а потомъ представилъ его взорамъ. То же дѣлаютъ и чародѣи-поэты: они словами олицетворяютъ свою мысль, движеніе своей души и сердца, и потомъ передаютъ намъ, въ нашемъ общемъ словѣ, *свои* вдохновенія. Такъ поступалъ и Княжнинъ. Скажутъ, что нѣкоторыя изъ красокъ его поблекли. А много ли живописцевъ слова человѣческаго устояли противъ грознаго напора времени?

Взглянемъ теперь на полный объемъ произведеній Княжнина. Первымъ его драматическимъ опытомъ была трагедія *Дидона*. Основа ея въ Энеидѣ Виргилія; но это основа *аживая*, а потому и всѣ драматическія Дидоны неудачны. Виргилій представляетъ, что Купидонъ, въ видѣ *Асканія*, юнаго сына Энея, рѣзвясь на колѣнахъ Дидоны, воспламеняетъ въ ней жаръ страсти къ Энею. Я сказалъ въ моей *Сумбекѣ*:

«Кто, кромѣ сердца, дастъ любви уставъ, законъ?»

и это справедливо не отъ того, что мое, но отъ того, что и природа то же скажетъ. Истина необходима и въ любви. Древніе, какъ будто мимо души человѣческой, все относили къ какому-то внѣшнему вліянію. Добрый Жанъ-Жакъ *Руссо* говоритъ, что «онъ далъ бы юному Эмилю, когда онъ достигнетъ лѣтъ семнадцати, для развитія чувствительности его, прочитать четвертую тетрадь Энеиды.» Но тамъ не любовь, а изступленіе страсти. И Руссо, въ *Новой Элоизѣ* своей, выдумывая любовь, въ лицѣ Сенъ-Пре, говоритъ: «Могущество небесное! ты дало мнѣ душу для ощущенія скорбей; дай мнѣ другую душу для чувствованія блаженства». Это любовь по воображенію. А развѣ *Шекспиръ* не выдумывалъ любви въ *Отелло* и въ *Жюліетѣ и Ромео*? Нѣтъ! онъ не умствовалъ, а изображалъ природу; онъ изображалъ въ *Отелло* борьбу ухищренія коварнаго *Яго* съ пылкою и порывистою душою легковѣрнаго супруга; и въ *Жюліетѣ и Ромео*, представивъ двухъ юныхъ, восхитительныхъ любовниковъ, отягченныхъ враждебною ненавистію отцевъ своихъ. Тутъ душа, тутъ голосъ природы. Впрочемъ, въ трагедіи Княжнина русской трагическій слогъ высказывается уже съ большею зрѣлостію.

Титово милосердіе заимствовано Княжнинымъ изъ *Метастазія*. Княжнинъ самъ читалъ ее въ кадетскомъ корпусѣ. Я былъ въ числѣ слушателей, и теперь повторю съ *Сен-Ламберомъ*:

«Ужъ соловей умолкъ, но слышу пѣснь его.»

Третія трагедія Княжнина — *Рославъ*. Усиливаясь исторгнуть изъ души *Рослава*

тайну, гдѣ скрывается *Густавъ Ваза*, будущій избавитель Швеціи, кровожадный Христіернъ говоритъ Рославу:

«Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?»

РОСЛАВЪ.

Я Россъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

РОСЛАВЪ.

Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Чего желаешь ты, скажи?

РОСЛАВЪ.

Чего? престола.

ХРИСТІЕРНЪ.

Умри, злодѣй! Мое терпѣнье истребя
Надежду на кого взлагаешь?

РОСЛАВЪ.

На себя.

Восхищенные зрители съ торжественными рукоплесканіями вызывали поэта, и это было началомъ вызововъ сочинителей драматическихъ. Скромный Княжнинъ отъ гремѣвшихъ кликовъ опрометью бѣжалъ изъ театра, но вызовъ продолжался. Дмитревскій, игравшій Рослава, вышелъ и сказалъ: «М. Г. сочинителя нѣтъ въ театрѣ; но голосъ вашъ, столь для него лестный и перешедшій и въ мое сердце, передамъ ему съ чувствомъ благодарности за тотъ торжественный вызовъ, которымъ вы удѣчали его.» Загремѣли новыя рукоплесканія; а Княжнинъ ожидалъ Дмитревскаго въ домѣ его. Едва увидѣвъ, онъ бросился его обнимать и съ восторгомъ воскликнулъ: «*Счастливъ Княжнинъ, что родился современникомъ Дмитревскаго: ему, а не себѣ обязанъ онъ торжествомъ Рослава.*

Въ трагедіи *Владисанъ* отчасти откликается Вольтерова Мерона. Разнесся слухъ, будто бы Владисанъ погибъ въ сраженіи. Витозаръ, главный вельможа, утѣшая *Пламиру* и сына его, преклоняетъ на свою сторону вельможъ славянскихъ. Рабольпнымъ поклоненіемъ изъявляютъ они покорность свою Витозару; а Пламира восклицаетъ:

О, малодушные! подъ иго уклоненны,
Вы слабыхъ удручать лишь только дерзновенны,
Безъ чести, безъ души, народныя главы,
Для счастья своего велики только вы!

Въ *Владисанѣ* есть отчасти и нынѣшній *романтизмъ* и *театръ въ театрѣ*. Славянскій князь является въ одеждѣ горестнаго странника въ той самой области, гдѣ владычествовалъ и гдѣ прослылъ убитымъ. Онъ видитъ надгробный памятникъ, воздвигнутый ему любовью печальной супруги. Наконецъ, къ величайшей скорби своей, видитъ супругу и сына, утѣсненныхъ наглою силою вельможи. Казалось, какъ бы всему этому не дѣйствовать на сердце? но я въ молодости моей два раза на театрахъ двухъ столицъ видѣлъ представленіе этой трагедіи, и она ни сколько не волновала души моей. А отъ чего? Отъ того, что, когда идешь смотрѣть ее, въ памяти не оживляется ни какое воспоминаніе. Герцогъ *Мальборугъ*, извѣстный и по военному своему поприщу и по пѣсни, громкой его именемъ, говорилъ: «Я въ трагедіяхъ Шекспира учусь англійской исторіи.» Онъ могъ бы еще прибавить: «и развитію страстей въ истинѣ исторической.» Сочиняя *Владисана*, Княжнинъ забылъ свой стихъ:

«Воспоминаніемъ живетъ душа моя.»

Владиміръ и *Ярополкъ*. Отчасти подраженіе Расиновой Андромахѣ. Въ ней много сильныхъ, великолѣпныхъ и сердечныхъ стиховъ. Въ ней поэтъ однимъ стихомъ выразилъ то боевое удѣльное междоусобіе, когда, по словамъ сочинителя Слова о полку *Игореву*: «Жизнь земли русской гибла въ распряхъ князей.» При Княжнинѣ не былъ отысканъ этотъ памятникъ нашей старины, онъ, по собственному вдохновенію, сказалъ:

«Россію Русскій князь Россіей истреблялъ.»

Послѣдняя трагедія Княжнина *Софонисба*, заимствованная у *Триссино* и у подражателя его *Лоре*. И въ ней также есть сильные стихи. Напр. *Масинисса*, истомленный и насиліемъ Римлянъ и тоскою жизни, обращаясь къ богамъ, восклицаетъ:

«О, боги лютые! коль жизнь моя вашъ даръ,
Возьмите вы его: я имъ себя терзаю,
Я сей несчастный даръ вамъ нынѣ возвращаю—

Возьмите вы его!.. пусть Римляне живутъ,
Въ злодѣйствахъ счастливы, пускай несчастныхъ
рвутъ.»

Подражалъ Княжнинъ въ трагедіяхъ классикамъ европейскимъ; то же дѣлалъ и въ комедіяхъ. Но и въ нихъ слово русское—его; это главное дѣло. Говорили и Мольеру, что онъ беретъ у Плавта и Теренція, а онъ возражалъ: «Гдѣ нахожу хорошее, то почитаю своимъ.» О Хвастунѣ я скажу только, что онъ отчасти заимствованъ изъ *Детуша*, но приноровленъ къ русской современности. Не посѣщая театра около тридцати лѣтъ, не знаю, часто ли его играютъ; но кто видѣлъ въ *Полистѣ* Черникова и Сандунова, тотъ вѣрно и теперь поблагодаритъ Княжнина за это лицо. Комедія его *Чудаки*, также отчасти заимствована у Детуша и Мольера. Въ операхъ: *Сбитеньщикѣ*, Степанъ выведенъ на степень *Фигаро* Бомарше; но въ немъ нѣтъ ни одного *галлицизма*. Онъ зоркимъ русскимъ взглядомъ присмотрѣлся къ быту житейскому: знаетъ всѣ его продѣлки, дѣйствуетъ, какъ опытный жилецъ міра продѣлокъ. Въ Сбитеньщикѣ слышны отголоски и изъ Мольеровой *Школы Мужей;* но *Волдыревъ Оддей* и *Власьевна*—собственныя лица нашего автора; сверхъ того и главная, основная мысль принадлежитъ Княжнину. Онъ хотѣлъ доказать, что есть люди, думающіе будто глупость и безсмысліе необходимы для безусловнаго повиновенія. Такъ мечталъ *Волдыревъ*, опекунъ *Паши*, и выходя изъ дома, оставленнаго имъ подъ надзоромъ ненавистныхъ невѣждъ, онъ, съ важностію тайсвенныхъ мудрецовъ древняго Египта, говоритъ: «Глупый человѣкъ гораздо лучше остряка. Все сдѣлаетъ вѣрно и точно, что̀ ему прикажетъ хозяинъ. Умъ надобенъ тому, кто повелѣваетъ: а кто исполняетъ приказанія, тому надобна глупая точность!» Такъ разсуждалъ *Волдыревъ*, и черезъ глупцовъ попалъ въ цѣхъ простофиль. Княжнинъ, подъ шутливою личиною Сбитеньщика, разрѣшилъ задачу, въ семнадцатомъ столѣтіи предъявленную *Боссюетомъ*, а въ осьмнадцатомъ *Суворовымъ*. »Здравый смыслъ, сказалъ Боссюетъ: «управляетъ свѣтомъ.» *) А Суворовъ говоритъ: «Точность въ одномъ Богѣ; въ дѣлахъ же человѣческихъ нужно теченіе.» Въ слѣдствіе этого правила, отдавая приказанія (особенно въ Италіи), онъ прибавлялъ: «Я говорю: или вправо, а ты, по направленію непріятеля или по какой нибудь удобности, увидя, что нужно идти влѣво—иди: у тебя есть и свой смыслъ.»

*) C'est le bon sens qui gouverne le monde.

Опера «Несчастье отъ кареты» непосредственно принадлежитъ и Княжнину и его времени. Она была любимою оперою Екатерины. Въ ней живая картина тѣхъ дурачествъ, когда суматошный Парижъ давалъ законы нашему, такъ называемому, большему свѣту; и когда *мода* была все, а человѣчество — дѣло постороннее.

Но счастливъ ли былъ Княжнинъ на поприщѣ своихъ трудовъ? Вотъ его отвѣтъ:

Одно заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа со лестію порочнаго союза,
Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ Фортунѣ никогда.

И это сущая правда, а онъ много трудился. Какъ членъ Россійской Академіи, онъ участвовалъ въ составленіи Русскаго словаря; а въ *Собесѣдникѣ*, гдѣ участвовала сама Екатерина,—доставлялъ многія статьи; онъ также вмѣстѣ съ Фонъ-Визинымъ переводилъ словарь, изданный Французскою Академіею.

Нашъ поэтъ доказалъ также, что душа его была выше всѣхъ обольщеній счастія. *Безбородко*, занимавшій и при Екатеринѣ чреду блистательную, перезывалъ его къ себѣ отъ *Бецкаго*, предлагая и чины и улучшеніе состоянія. Княжнина ничто не поколебало. Къ очерку жизни его должно прибавить, что В. А. *Озеровъ*, сочинитель «Эдипа» и «Фингала» и *Ефимьевъ*, были его учениками.

Рано уклонился Я. Б. Княжнинъ въ могилу: онъ не дошелъ и до полвѣка. Труды и чрезмѣрная чувствительность ускорили его кончину. Когда запумѣла буря Французской революціи, онъ написалъ почти в е то же, что тесть его Сумароковъ выска-

залъ Екатеринѣ 1762 года. Но тогда еще Франція, затерявшись въ кукольномъ быту своемъ, дремала, не слыша отдаленной бури. Правда, ее слышалъ Жанъ-Жакъ-Руссо еще 1756 года, но его называли безумцемъ и мечтателемъ. Я читалъ бумагу Княжнина и, повторяю еще: главныя мысли, изложенныя въ ней, читатели увидятъ въ моихъ «Очеркахъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова». Какъ бы то ни было, но тогда гулъ бури Французской революціи застращалъ умы, и патріотическія мысли Княжнина показались не умѣстными. Онъ непережилъ этого случая. Полагали, будто бы трагедія его *Вадимъ*, нанесла ему ударъ преждевременной смерти. Это несправедливо; онъ скончался въ началѣ 1791, а трагедія «Вадимъ» напечатана была княгинею Дашковою 1792 году. Не берусь описывать свойствъ прекрасной души Я. Б. Княжнина, онъ самъ высказалъ ихъ, и вотъ въ какихъ словахъ:

Для добродѣтели на всѣ бѣды стремиться
Любить отечество и смерти не страшиться,
Для счастья своего не льстить страстямъ людей:
Вотъ что я сохранялъ всегда въ душѣ моей!

НЕКРОЛОГІЯ

ПРИДВОРНОЙ РУССКОЙ

ПѢВИЦЫ И АКТРИСЫ

А. И. Ивановой.

Пѣвица Иванова яркимъ метеоромъ мелькнула на горизонтѣ петербургскихъ театровъ. Возбудивъ самыя блестящія надежды во всѣхъ любителяхъ и знатокахъ искусства, она унесла эти надежды съ собой въ могилу. Во всякомъ случаѣ, долгъ благодарности заставляетъ насъ посвятить страницу нашего изданія воспоминанію объ артисткѣ, пользовавшейся, въ короткое время своего существованія, общею любовію и уваженіемъ публики.

Александра Ивановна Иванова выпущена изъ С. Петербургскаго Театральнаго Училища 23-го февраля 1822 года. Имѣя доходъ слишкомъ ограниченный, единственно отъ трудовъ своихъ на службѣ, она, при ея пылкомъ и чувствительномъ характерѣ, не могла не сдѣлаться жертвою душевнаго безпокойства, которое терзало и разстроивало мало по малу здоровье ея: прежде начала она чувствовать стѣсненіе въ груди и сердцѣ, потомъ присоединились боли въ головѣ и животѣ, и вскорѣ всѣ эти болѣзни усилились и сдѣлались весьма частыми, такъ что она почти никогда не была совершенно здорова, и только изрѣдка чувствовала нѣкоторое облегченіе; 26 декабря 1830 года, она возвратилась домой съ репетиціи весьма разстроенною, обезпокоенною; къ вечеру того дня стала жаловаться на боль въ груди, животѣ и стѣсненіе сердца; въ 3 часа ночи боль усилилась, съ присоединеніемъ внутренняго жара, съ разслабленіемъ всѣхъ членовъ, продолжавшимся въ теченіе всего 27 числа; въ 9-мъ часу вечера, она скончалась, весьма-спокойно. Въ этотъ день должна была она играть въ большой волшебно-комической операѣ *Иванъ Царевичъ Золотой Шлемъ*, роль *Герды*, *княжны, норманской волшебницы;* пьеса, по причинѣ внезапной смерти Ивановой, замѣнена была *Бѣлой Волшебницей*.

Иванова отличалась горячею любовію къ искусству и примѣрнымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Не смотря на жестокую болѣзнь и тяжкія страданія, она никогда не отказывалась отъ службы и даже въ послѣднее время оставила театръ въ тотъ день, въ который прекратилась самая ея жизнь. Она умерла на 26 году отъ рожденія—въ самой цвѣтущей порѣ для таланта.

Иванова, въ теченіе своего сценическаго поприща, занимала слѣдующія роли; въ «Князѣ Невидимкѣ» — *Прілпцы*, въ «Иванѣ Царевичѣ, золотомъ шлемѣ» — *Герды*, въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ» — *Агаты* и *Анеты*; въ пьесѣ «Сумбурщица жена или со всѣмъ приборомъ сатана» — *Графини*, въ «Вавилонскихъ развалинахъ или торжество и Паденіе Гіафара Бармесида» — *Гассаны* и *Занды*, въ «Ѳедорѣ Григорьевичѣ Волковѣ или день рожденія русскаго театра» — *Груши*, въ «Илья Богатырь» — *Русиды* и *Зломеки*, въ «Мирославѣ, царицѣ волшебницѣ»—*Превраты*, въ «Жокондѣ» — *Камиллы*, въ «Костерѣ смерти, или Амизила и Албукеркъ»—*Ами-*

зилы, въ «Пещерѣ драконовой скалы, или Малидоръ и Розальба»—*Розальбы*, въ «Телемакѣ на островѣ Калипсы»—*Амура* и *Есхариссы*; въ «Іосифѣ Прекрасномъ»—*Веніамина*, въ «Жиллазъ въ вертепѣ разбойниковъ»—*Серафимы*, въ «Пашѣ Турецкомъ въ Италіи» — *Изабеллы*, въ «Тамерланѣ» *Сенды*, въ «Русалкѣ» (въ разныхъ частяхъ) *Лесты*, въ «Карачунѣ или старинныя диковинны» — *Геріады*, въ «Сандрильонѣ» —*Тизбы*, въ «Ромео и Юліи»—*Сесиліи*, въ «Водовозѣ или двухдневномъ приключеніи» —*Маркелины*, въ «Донъ Жуанѣ, Каменномъ Гостѣ» —*Донны Анны*, въ «Каменщикѣ»—*Ирмы*, въ «Каръ-птицѣ или приключеніе Левсила Царевича»-*Рогнеды*, въ «Забавахъ Калифа или шутки не однѣ сутки» *Зобеиды*, въ «Аталѣ и Терпсихорѣ»—*Аталы*, въ «Ропусѣ Пумхерникелѣ»—*Софьи*, въ «Ломоносовѣ или рекрутѣ стихотворецъ» —*Розы*, въ «Трехъ десяткахъ или двухдневномъ приключеніи»—*Матильды*, въ «Фингалѣ» — *Дѣвы Локлинской*, въ «Деревенскихъ пѣвицахъ»—*Розы*, въ «Жанѣ Парижскомъ»—*Наваррской*, въ «Чудномъ магикѣ или покойники въ лицахъ»—*Юліи*, въ «Волшебной флейтѣ» *Царицы ночи*, въ «Иванѣ Сусанинѣ»—*Алексѣя* и *Маши*, въ «Рѣдкой вещи»—*Гиты*, въ «Валасѣ» *Фана*, въ «Старинныхъ Святкахъ»—*Настасьи прекрасной*, въ «Свѣтланѣ или сто лѣтъ въ одинъ день»—*Услады*, въ пьесѣ «Вотъ каковы Русскіе или мужество Кіевлянина,» —*Всемилы*, въ «Трехъ Султаншахъ»—*Дели*, въ «Гостепріимствѣ Русскаго Барина» *Милены*, въ «Сенъ-Жерменской ярмаркѣ» —*Торговки пасиями*, въ «Фениксѣ или утро журналиста»—*Аглаи*, въ «Калифѣ Багдадскомъ»—*Кези*, въ «Гайнѣ»—*Клариссы*, въ «Мнимой невидимкѣ,—*Прелесты*, въ «Выдуманомъ кладѣ или опасность подслушивать у дверей»—*Лизы*, въ «Двухъ слѣпыхъ» —*Флоры*, въ «Казакѣ стихотворцѣ»—*Маруси*, въ Любовной Почтѣ»—*Софьи*, въ «Десять дней женитьбы»—*Лизы*, въ «Трехъ братахъ Горбунвхъ»—*Зеліи*, въ «Швейцарской молочницѣ»—*Катерины*, въ «Королѣ и пастухѣ,»—*Эрмолины*, въ «Смѣлость города беретъ или одинъ за четверыхъ»—*Лизы*, въ Живыхъ картинахъ или чужое хорошо, а свое дурно»—*Княжны*, въ «Запорожскихъ казакахъ»—*Маріулы*, въ «Нарядѣ не впопадъ или безъ невѣсты какъ безъ шпаги» —*Сонюшки*, въ «Бабушкиныхъ попугаяхъ» —*Коржеты*, въ «Пурсоньякѣ Фалалеевичѣ или Рохусѣ въ новомъ видѣ»—*Маруси*, въ «Сватъ не впопадъ»—*Софіи*, въ «Рѣдкомъ поступкѣ Русскаго»—*Любушки*, въ «Федулѣ съ дѣтьми»—*Душки*, въ «Посѣщеніи Принца или воинъ и купецъ»—Г. *Студіоза*, въ «Двухъ учителяхъ»—*Вѣрушки*, въ «Самолетѣ или печальный пріѣздъ» — *Маши*, въ «Медвѣдь и Паша»—*Рокселаны*, въ «Бснефиціантѣ»—*Пальмы*, въ «Театральномъ фойе или сцены позади сцены»—*Пѣвицы*, въ «Сантиментальномъ помѣщикѣ»— *Вари*, въ «Меркуріи на часахъ или Парнасская застава»—*Коринны*, въ «Удачѣ отъ неудачи или приключенія въ Жидовской корчмѣ»—*Теклы*, въ Актерѣ и Музыкантѣ или любовь всему научитъ» *Сонюшки*.

Сверхъ сего участвовала во всѣхъ почти концертахъ, даваемыхъ въ продолженіе постовъ дирекціею и артистами, равно какъ и въ разныхъ спектакляхъ, гдѣ были пѣты ею большія аріи, куплеты и разныя пѣсни, а именно въ нижеслѣдующихъ:

Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ.

Радость Молдаванъ или побѣда.

Четыре времени года или народныя забавы.

Театральное фойе.

Ворожея или танцы духовъ.

Встрѣча новаго года.

Возвращеніе князя Пожарскаго въ свое помѣстье.

Семикъ въ новомъ видѣ.

Гулянье на Крестовскомъ островѣ или Сюрпризы.

Праздникъ на Пресненскихъ Прудахъ.

Баба Яга.

Вечеръ въ Одесскомъ редутѣ.

Новости на Парнассѣ.

Святочный вечеръ.

Сельскій праздникъ.

Воздушный шаръ.

Миръ съ Турками, или чему быть, тому не миновать.

Сюрпризы именинникамъ.

Праздникъ на островѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.

(*Январь и Февраль.*)

Два бенефиса первыхъ нашихъ артистовъ, В. А. и А. М. Каратыгиныхъ были праздниками *для любителей* театра въ теченіе января мѣсяца; бенефисъ г-на Каратыгина 13-го января, состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

кай-марцій коріоланъ, историческая трагедія *Шекспира*, въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Посмотрѣвъ Коріолана въ первый разъ, въ бенефисъ В. А. Каратыгина, мы отправились смотрѣть эту піесу и въ другой разъ, въ день повторенія бенефиса нашего знаменитаго трагика. При входѣ въ *преддверіе* кассы, мы были поражены роковою надписью: «билетовъ нѣтъ никакихъ.» Ну, подумали мы, выходя на театральную площадь, видно Шекспиръ началъ очень нравиться нашей публикѣ? Нѣтъ *никакихъ* билетовъ,—каково?

Наконецъ, желая, во что бы то ни стало, хоть разъ еще взглянуть на Коріолана, мы въ третье представленіе снова отправились въ Александринскій театръ. Слава Богу, прежней досадной надписи нѣтъ! Мы вошли въ залу... Окинувъ ее взглядомъ, къ величайшему удивленію нашему увидали мы, что она была болѣе чѣмъ вполовину пуста. Что жъ это значитъ такое? подумали мы невольно: во второе представленіе «нѣтъ никакихъ билетовъ,» а въ третіе не занято и половины театра? Или въ два раза весь Петербургъ успѣлъ пересмотрѣть новую пьесу Шекспира и налюбоваться ею? или не ошиблись ли мы? *Коріолана ли* даютъ сегодня? Тотъ же часъ взглянули мы на аффишу. Да, играютъ *Коріолана*, того самаго, что и во второе представленіе, когда не осталось ни одного билета. Только не даютъ ни «Молодаго человѣка въ 60 лѣтъ», ни «Тарантеллы», ни... то есть ни одной изъ тѣхъ *піесъ* и *не-піесъ*, которыя были играны вмѣстѣ съ Коріоланомъ въ первое и второе представленія. Что жъ это значитъ такое? Отчего же такъ мало публики?

Начали мы послѣ того смотрѣть на сцену и видимъ—стоятъ два мужа: одинъ съ важною осанкой, другой худощавый и невысокій; одинъ съ особенною любовію, съ ви-

димымъ пристрастіемъ произноситъ букву *р* и растягиваетъ ее, сколь возможно длиннѣе. Хорошо, подумали мы, видно Римлянеочень любили эту букву. Смотримъ мы далѣе, въ глубь сцены, и видимъ чудные чертоги, пышные храмы, высокія колонны; хорошо, подумали мы, славно былъ построенъ Римъ во времена Коріолана! Чудесные были тогда въ Римѣ архитекторы! Но вотъ мужи римскіе, побесѣдовавъ между собою сколько было надобно, ушли, а съ ними ушли и чертоги, и храмы, и колонны. На мѣсто ихъ спустилась роскошная комната, такая, какихъ и въ Петербургѣ немного, и явилось нѣсколько римскихъ дамъ. Дамы эти принялись за прялки, начали говорить другъ другу разныя учтивости и любезности. Одна изъ этихъ дамъ, мать Коріолана, такъ была одушевлена, когда говорила о своемъ сынѣ, съ такою энергіею разсказывала о его воинскомъ духѣ, его мужествѣ, силѣ, красотѣ, что въ насъ невольно пробудилось нетерпѣніе скорѣе увидѣть героя римскаго. Другая, *лучшая часть* существованія Коріолана, какъ мы услышали отъ него самого въ послѣдствіи, была такая полная, дебелая, румяная, что хоть бы въ русскій хороводъ ее, такъ и подозрѣвать не станутъ, что это Римлянка. Славный народъ въ Римѣ, подумали мы — и подумавъ, взглянули на своихъ сосѣдей и на тѣхъ, которые сидѣли въ ложахъ: Что же увидѣли мы? одни изъ нихъ разговариваютъ потихоньку между собою, другіе смотрятъ на своихъ vis-a-vis, а иные, просто, сидятъ бокомъ или чуть не спиною къ сценѣ. Почти въ слѣдъ за тѣмъ появился на сценѣ высокій воинъ съ благородною наружностію, съ величественною поступью... это былъ тотъ, о комъ такъ-краснорѣчиво разсказывала намъ мать его, и кого съ такимъ нетерпѣніемъ желали мы видѣть; между тѣмъ, мы взглянули снова на зрителей и увидѣли, что всѣ они не сводятъ глазъ со сцены. Но только-что этотъ чародѣй-воинъ покинулъ ее, зрители принялись опять за то же, что дѣлали до прихода его и продолжали поступать такимъ образомъ во все представленіе Коріолана, то есть—молчать и смотрѣть на сцену, когда былъ на ней высокій воинъ, и вовсе не заниматься пьесой, когда высокій воинъ оставлялъ ее... Странно! подумали мы, выходя изъ театра: но отчего жъ такъ мало публики въ это *третье* представленіе?... Впрочемъ, поразмысливъ, мы совершенно убѣдились въ томъ, что такъ и должно было быть: Коріоланъ Шекспира созданіе превосходное, полное ума и высокой поэзіи, въ чемъ всякой убѣдится, прочитавъ его въ нынѣшней книжкѣ Репертуара, хотя мы печатаемъ въ сокращеніи, такъ, какъ онъ былъ игранъ на сценѣ: такое сокращеніе было необходимо для нашего, то есть, петербургскаго театра, а обязанность Репертуара — передавать игранныя пьесы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были играны. Никто не станетъ сомнѣваться и въ томъ, что Каратыгинъ былъ превосходенъ въ роли Коріолана, какъ будто нарочно для него созданной; но *одна ласточка весны не дѣлаетъ* и Каратыгинъ одинъ, положимъ даже при помощи г-жи Каратыгиной, въ роли которой впрочемъ была одна только сцена, гдѣ талантъ ея могъ развернуться на просторѣ, Каратыгинъ одинъ, говоримъ, не могъ вынести на плечахъ своихъ пьесу, обставленную такими тяжелыми артистами, какъ г-да Толченовы № 1-й и 2-й, г-нъ Ахалинъ, Вороновъ и подобные плебеи, хотя между ними были и патриціи, и трибуны... А согласитесь сами, кому придетъ охота пойдти въ другой разъ на обѣдъ, въ которомъ между пятью, шестью нестерпимо-дурными блюдами будетъ одно превосходное? Кто станетъ читать романъ какого нибудь г-па NN.. если бъ даже Лажечниковъ, по какому либо случаю, написалъ нѣсколько страницъ для этого романа?.. Да, этого надо было ожидать — и публика совершенно права.

— молодой человѣкъ въ 60 лѣтъ, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго.

Этотъ *Молодой человѣкъ* очень немолодъ даже и на нашей сценѣ, хотя онъ и принарядился, и приукрасился въ новомъ переводѣ. Г-нъ Каратыгинъ 2-й, не смотря на все свое стараніе, не могъ оживить его такъ, чтобы онъ не былъ скученъ, какъ

обыкновенно бываютъ скучны *молодые люди шестидесяти лѣтъ*.

— Тарантелла, лирическая (?) сцена съ хорами, сочиненіе *И. П. Мятлева*. Музыка *М. И. Глинки*.

Эта *лирическая* сцена состояла въ томъ, что г-нъ Каратыгинъ, съ обыкновеннымъ мастерствомъ своимъ, прочелъ стихи о томъ, какъ на землѣ все непрочно, измѣнчиво, непостоянно, дурно, и какъ, между тѣмъ, *на небѣ все прекрасно*; оркестръ наигрывалъ довольно-вялую музыку, подъ которую плясали какія-то *дѣвицы съ того свѣта*, какъ говорятъ внучки графини Хрюминой въ «Горе отъ ума». «Онѣ, замѣтилъ Ѳ. В. Булгаринъ, превосходно выражали танцами сонъ и скуку,» а хоры, распѣвавшіе въ *Тарантеллѣ*, «осуществили русскую пословицу: кто въ лѣсъ, кто по дрова.»

Смотря на все это, мы, настроенные стихами И. П. Мятлева, сами проимпровизировали куплетъ, который можетъ служить эпилогомъ къ *Тарантеллѣ*:

Посмотрите, эти дѣвы
Пляшутъ съ горемъ пополамъ;
Слышны хоры: ихъ напѣвы
Раздираютъ уши вамъ;
Какъ все скучно, какъ все вяло!
Надоѣли, — хоть бѣжать!
Здѣсь и жизни не видать,
И искусства очень мало ....
Какъ порою скученъ свѣтъ ...
А на небѣ — все прекрасно:
Небо чисто, небо ясно ...
Тамъ вещей подобныхъ нѣтъ!..

— Путаница, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, П. С. Ѳедорова.... Но мы объ этомъ водевилѣ ничего не скажемъ, потому-что онъ самъ за себя говоритъ — въ нынѣшней же книжкѣ Репертуара. Замѣтимъ только, что онъ очень-хорошо былъ разыгранъ на сценѣ г-жами Сосницкою и Самойловою 2-ю, и г-дами Мартыновымъ, Каратыгинымъ 2-мъ и Максимовымъ 1-мъ.

23 января публика снова привлечена была въ театръ именемъ бенефиціантки, А. М. Каратыгиной. Спектакль состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

— Зятюшка, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго *Г. Ленскимъ*.

Объ этомъ водевилѣ вы знаете, сколько вамъ знать надобно, изъ прошедшей книжки Репертуара. На Петербургской сценѣ однакожъ онъ не имѣлъ такого успѣха, какъ на Московской.

— Братья-враги или Мессинская невѣста, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе *Шиллера*.

Мессинская Невѣста давно переведена была на русскій языкъ г-мъ Ротчевымъ; публика, вѣроятно, забыла этотъ переводъ потому-что гдѣ же ей помнить всѣ дурные переводы? На нашей сценѣ явилась она въ первый разъ, и въ новомъ, сокращенномъ переводѣ. Въ Германіи трагедія эта игралась и по сіе время играется съ большимъ успѣхомъ; у насъ она успѣха не имѣла. Но для объясненія этого надобно взять въ соображеніе многія обстоятельства: вопервыхъ, разницу между германскою и русскою публикою. Шиллеръ въ Мессинской Невѣстѣ сдѣлалъ первый опытъ трагедіи въ древнихъ формахъ, съ хорами, которые прорекаютъ таинственную судьбу, сокрытую отъ человѣка, и гнетущую его своей желѣзною волею. Публика германская, привыкшая глубоко уважать писателей, составляющихъ славу и гордость націи, съ благоговѣніемъ стекалась въ театръ слушать и смотрѣть новое произведеніе ея любимаго автора; а эта публика — во-вторыхъ, приготовлена къ воспринятію впечатлѣній высокаго художественнаго произведенія и классическимъ ученіемъ, нечуждымъ въ Германіи не только высшему, но и среднему сословію народа, и эстетическимъ образованіемъ, также общимъ почти во всѣхъ классахъ народа; эта публика, въ-третьихъ, съ благоговѣніемъ выслушиваетъ и музыкальныя произведенія Бетховена и ораторіи Мендельсона-Бартольди, которые у насъ привлекаютъ только небольшое число любителей и знатоковъ музыки, хотя музыка обобщена въ Россіи болѣе всѣхъ другихъ искусствъ; эта публика, въ-четвертыхъ, наконецъ—смотря на трагедіи Шиллера со всею нѣмецкою важностію и національнымъ благоговѣніемъ, въ то же время плѣнялась сладостію стиховъ Шиллера, ея *роднаго* поэта, который такъ

сладко говоритъ сердцу Германца и отворяетъ себѣ входъ къ нему черезъ ухо—своимъ мелодическимъ стихомъ. Ни одного изъ этихъ обстоятельствъ не было соединено у насъ съ представленіемъ Мессинской Невѣсты, которая для многихъ показались непонятною, а для большей части скучною.

Разсказъ г-жи Курдюковой объ отъѣздѣ ея за границу. Отрывокъ изъ замѣчаній и *Сенсацій* г-жи Курдюковой за границею, данъ *хетераже*. Соч. *И. П. Мятлева*.

Въ этомъ *Разсказѣ* г-жа Курдюкова описываетъ, какъ она отправлялась за границу, по совѣту докторовъ, какъ брала билеты, какъ потомъ ѣхала на пароходѣ и пр. и пр. Разсказъ написанъ — à la lettre — *нижегородскимъ* языкомъ пополамъ съ *французскимъ*.

А. М. Каратыгина прочла эти стихи такъ мастерски, что публика прослушала ихъ безъ скуки — почти до самаго конца.

— Подставной и отставной, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенный съ французскаго.

Этотъ водевиль былъ *подставнымъ* въ бенефисъ г-жи Каратыгиной и *отставнымъ* послѣ бенифиса. По-французски онъ называется Le plastron и принадлежитъ къ числу самыхъ забавныхъ фарсовъ. Парижане, смотря на него, помираютъ со смѣху; на нашей сценѣ онъ показался довольно-тененъ, довольно скученъ и недовольно смѣшенъ.

Кромѣ бенефисныхъ новостей, мы должны отмѣтить въ нашей Хроникѣ возобновленіе на петербургской сценѣ лучшей русской комедіи — *Горе отъ ума*, которой мы давно уже не видали. Комедія эта явилась теперь въ новой обстановкѣ: роль Фамусова занималъ г. *Каратыгинъ 2-й*, Молчалина—г. *Самойловъ*, Скалозуба—г. *Смирновъ*, Софьи Павловны — г-жа *Ѳедорова*.

Мы истинно уважаемъ дарованіе г. Каратыгина 2 го и отъ-души радуемся началу новой сценической дѣятельности г. Смирнова, но должны сознаться, что исполненіе ролей, принятыхъ ими на себя въ этой пьесѣ, не было удовлетворительно въ той степени, какъ желали бы мы, избалованные исполненіемъ тѣхъ же самыхъ ролей на московской сценѣ. Впрочемъ оба они сдѣлали все, что̀ могли; видно было, что они изучали и обдумывали свои роли; но имъ не достало случая изучить на мѣстѣ бытъ, движенія, складъ рѣчей и образъ мыслей тѣхъ типическихъ лицъ, которыхъ вывелъ Грибоѣдовъ въ своемъ безсмертномъ «Горе отъ ума», лицъ, подобныхъ которымъ, быть можетъ, нѣтъ въ Петербургѣ. Г. Каратыгинъ 2-й, столь-хорошо олицетворяющій на сценѣ петербургскихъ чиновниковъ втораго разряда, былъ вообще *недовольно важенъ* для московскаго барина, воспитаннаго въ прошедшемъ столѣтіи. Московскій баринъ, съ подобнымъ воспитаніемъ, взвѣшиваетъ каждый свой взглядъ, каждую свою улыбку, каждое свое слово; онъ важенъ въ каждомъ своемъ движеніи; онъ даже нюхаетъ табакъ съ такою важностію, какъ бы совершаетъ великое, государственное дѣло; онъ помнитъ о своей длинной родословной и о своихъ деревняхъ, даже въ самыхъ унизительныхъ для него случаяхъ, и забываетъ о томъ и о другомъ только въ то время, когда стоитъ передъ черезъ чуръ-важнымъ или необходимымъ человѣкомъ. Рѣзкія движенія и отрывистая рѣчь, а особенно въ обществахъ, для подобнаго барина — вещи неизвѣстныя. Впрочемъ г. Каратыгинъ 2 й былъ хорошъ во многихъ мѣстахъ своей роли; самою же лучшею сценою была, по нашему мнѣнію, сцена его съ Скалозубомъ и представленіе Чацкаго. Г. Смирновъ также былъ нѣсколько *простонародевъ* для своей роли: московскіе Скалозубы очень хорошо понимаютъ, что̀ они значатъ въ тамошнемъ кругу и немного слабѣе потряхиваютъ своими эполетами въ танцахъ, чѣмъ это дѣлалъ г. Смирновъ. Смѣшная сторона ихъ рѣзко проявляется только въ образѣ мыслей и въ словахъ ихъ, а обращеніе ихъ давно уже не шероховато. Впрочемъ для начала, для дебюта, г. Смирновъ очень хорошо отрекомендовался публикѣ.

Г. Самойловъ, прекрасный талантъ, котораго мы такъ-много любимъ, г. Самойловъ, который, сколько намъ кажется, послѣ Мартынова, стоитъ первымъ въ первой шеренгѣ нашихъ молодыхъ артистовъ, —

въ роли Молчалина былъ не на своемъ мѣстѣ; можетъ быть, чувствуя это, онъ не потрудился хорошенько протвердить роль свою, и въ *казусныхъ* случаяхъ принужденъ былъ прибѣгать или къ суфлеру или къ зѣвотѣ. Очень-естественно, что въ такихъ случаяхъ, публика по сочувствію зѣвала въ слѣдъ за нимъ. Нельзя не поблагодарить за отчетливое исполненіе своей роли г-на Максимова, хотя, на будущее время, мы желали бы ему нѣсколько болѣе одушевленія, потому что Чацкій — человѣкъ съ глубокимъ чувствомъ, человѣкъ, въ душѣ котораго еще много любви, много поэзіи... Г-жу Ѳедорову за роль Софьи, роль довольно трудную, упрекнуть, кажется, нельзя ни въ чемъ: она сдѣлала, что могла; впрочемъ и то сказать, за исключеніемъ одной г-жи Самойловой, мы не знаемъ никого, кто бы могъ исполнить ее лучше г-жи Ѳедоровой.

О г-жѣ Каратыгиной 1-й (Наталья Дмитріевна), о г. Сосницкомъ (Репетиловъ) распространяться не нужно: исполненіе ролей, занимаемыхъ ими въ «Горе отъ ума» и дарованія ихъ давно оцѣнены по достоинству.

Вотъ всѣ театральныя новости января и февраля мѣсяцевъ. Затѣмъ настала масляница, шумная, веселая, неугомонная. Театры, и утромъ и вечеромъ, были наполнены съ верху до низу.

Въ теченіе масляницы однѣхъ русскихъ пьесъ — трагедій, драмъ, комедій, водевилей и оперъ — было представлено 61. И ужъ чего тутъ не давали, какихъ спектаклей не было! До того дошло наконецъ, что перебрали весь Репертуаръ, и въ заключеніи спектаклей на двухъ разныхъ театрахъ — Михайловскомъ и Александринскомъ, въ одно время (ввечеру) играли одну и ту же піесу!! Эта счастливица была — *Новички въ любви*!!! Risum teneatis, amici!

Въ теченіе масляницы г-жа Каратыгина играла 5 разъ, г-жа Дюръ 5 разъ, г-жа Самойлова 2-я 16 разъ, г-жа Асенкова 17 разъ; г. Каратыгинъ являлся въ десяти ролях, г. Брянскій въ восьми, г. Сосницкій въ одиннадцати, г. Самойловъ въ десяти.

Такъ прошла масляница. Театры закрыты. И такъ, почтенные читатели, до свиданія въ театрѣ — послѣ святой недѣли.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

§ 2.

Первая статья моя заключилась, помнится, бенефисомъ г-на Ленскаго. Въ двухъ-недѣльный промежутокъ, до бенефиса г-жи Сабуровой 1-й, мы снова любовались Парашей Сибирячкой, Аскольдовой могилой и Синичкинымъ. Кстати нѣсколько словъ объ Аскольдовой могилѣ. Едва возвѣститъ аффиша о любимой здѣсь оперѣ, все спѣшитъ къ театральной кассѣ, всѣ двери театра атакованы. Настаетъ вечеръ, идетъ опера: такъ же, какъ и прежде, театръ полонъ,

Ложи блещутъ;
Партеръ и кресла — все кипитъ!

Тотъ же соловей — Бантышевъ, тотъ же горячій восторгъ при каждой его поткѣ — только вы, какъ будто, чего-то не дослушали, будто.... чего-то нѣтъ, чего-то жаль! Нѣтъ прекрасной пѣсни: «*Въ старину живали дѣды!*» Нѣтъ чудной аріи: «*Умолкни сердца вящій голосъ,*» — Нѣтъ Лаврова! Г. Лазаревъ занимаетъ теперь роль неизвѣстнаго. Что объ немъ сказать? Вы слушаете человѣка, который будто съ-роду не учился пѣть: ни малѣйшей обработки, ни малѣйшей тѣни какой бы то ни было методы, ни малѣйшаго понятія о сценѣ.... Онъ выходитъ на сцену, и думаетъ только о томъ, какъ бы уложить свои слова подъ музыку, вскричать погромче гдѣ слѣдуетъ, тянуть, гдѣ нужно. Не ищите ни чувства, ни вы-

раженія... Откуда же это множество зрителей, эта восторженная толпа? Кому аплодисменты и браво, потрясающіе театръ? Все это слилось съ третьимъ актомъ, все очаровано Бантышевымъ. Бантышевъ на афишѣ — магнитъ! Бантышевъ на сценѣ—электричество! Восхитясь имъ, вздохнувъ о Лавровѣ, выходимъ изъ театра. Намъ подаютъ аффишу, длиною ровно въ аршинъ съ четвертью и полувершкомъ. Это бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й. *Стенька Разинъ, Разбойникъ Волжскій, быль XVII столѣтія, въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ, сочиненіе* господина Любецкаго.

Ну, какъ не посмотрѣть на «Разбойника»? Еслибы *г. Любецкій* написалъ свою быль прежде, и поставилъ бы ее на сцену вмѣстѣ съ водевилемъ *г. Мирошевскаго* «Ремонтеры» о! этотъ спектакль былъ бы въ высшей степени удивительный. Чудный талантъ г. Любецкій! Знаете ли, въ Россіи нѣтъ *другаго* г. Любецкаго! Закладъ, объ чемъ угодно! — Угодно? Въ 1-й картинѣ Стенька Разинъ схватилъ въ охапку молодую Персіянку, да и утащилъ съ собой. За симъ слѣдуетъ пожаръ..... обыкновенный писатель сдѣлалъ бы тутъ наводненіе, а г. Любецкій талантъ — пожаръ! Во 2-й картинѣ разбойники г. Любецкаго поютъ пѣсню — не г. Любецкаго — а «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и въ самомъ дѣлѣ плывутъ съ драмой и съ авторомъ въ Лету. Хотя это путешествіе весьма недальнее *для* драмы г. Любецкаго, однако ему вздумалось перевести духъ — да и кому же охота разстаться съ жизнію — и вотъ разбойники вышли на берегъ. Минутъ 40 они были въ занятіи: говорили нестерпимыя глупости. Наконецъ авторъ былъ столько вѣжливъ, что заставилъ одного изъ своихъ разбойниковъ пропѣть пѣсню, и не свою (какъ вѣжливъ г. Любецкій: пожалѣлъ хоть сколько нибудь бѣдную публику! за это нельзя не поблагодарить!)— пѣсню пѣлъ Бантышевъ—театръ отдохнулъ и на долго. Стенька Разинъ, надо вамъ сказать, все молчалъ, все молчалъ, какъ вдругъ возговорилъ: «А гдѣ же моя любушка? давай ее сюда!» Приводятъ похищенную. Похищенная проситъ, чтобы ее отпустили на родину. «Согласенъ — говоритъ — только поцалуй меня!.» Похищенная цаловать его никакъ не хочетъ. — Я люблю (говоритъ) Амантара.—«А! ты не хочешь меня цаловать! А! ты любишь Амантара! кричитъ Стенька, такъ постой же: хвать ее опять въ охапку, да и бултыхъ въ воду!.. Что это? Боже мой! Ахъ, ты..... обыкновенный авторъ просто бы *зарѣзалъ*, а г. Любецкій талантъ — *утопилъ*.

Въ 3-й картинѣ... но нѣтъ, постойте! Въ 1-й картинѣ былъ пожаръ; во 2-й утопленница; какъ вы думаете, что придумалъ г. Любецкій *для* 3-й? Не отгадаете, хоть что угодно, не отгадаете! Онъ выпустилъ на сцену *змія*! Невѣрите? — Спросите всѣхъ, кто имѣлъ *несчастіе* познакомиться съ авторствомъ Любецкаго! Мало того, что онъ насъ жегъ на медленномъ огнѣ въ 1-й картинѣ; мало, что утопилъ во 2-й, онъ захотѣлъ еще-жалить! Нѣтъ, увольте! У меня нѣтъ столько воли надъ собою, чтобы досказать вамъ до конца! Зрители были растеряны, всѣ смотрѣли другъ на друга и не понимали, какъ *можно осмѣлиться* отдать на сцену такую нелѣпость? Среди такого уныніи и безмолвія, въ сосѣднихъ рядахъ креселъ начался разговоръ — я его подслушалъ:—«Надо вызвать автора: пусть хоть на него посмотрятъ: любопытно!»

— И разумѣется, — начинай!

Два голоса прокричали: автора! *Вышелъ* г. Любецкій; публика съ благоговѣйной тишиной созерцала черты творца новаго драматическаго произведенія, хуже котораго ничего не бывало со временъ основанія русскаго театра. Но заиграли увертюру. Что-то будетъ теперь?.. Взвился занавѣсъ. Прекрасная декорація украшаетъ сцену. Начинается піэса, и не вѣрится, что мы сидимъ въ томъ же театрѣ!.. Прекрасный русскій языкъ, умъ, стройность, гармонія! Кто же эти волшебники?.. Кто перенесъ насъ однимъ мгновеніемъ изъ страны ужаса въ страну очарованія? Это Д. Т. Ленскій. Это новый его водевиль: «Въ людяхъ ангелъ — не жена, дома съ мужемъ — сатана!» Эти волшебники, чарующіе зрителя: Н. В. Рѣпина, М. С.

Щепкинъ, В. И. Живокини, Д. Т. Ленскій.

Разбирать игру ихъ — значитъ писать каждому панегирикъ въ половину книжки Репертуара, а говорить о Н. В. Рѣпиной — собрать всѣ слова хвалы, восторга, удивленія изо всѣхъ словарей. Роль Славиной — вѣнокъ торжества Н. В. Рѣпиной! А что за куплеты! Послушайте:

КУПЛЕТЪ О ПУШКИНѢ.

Кто постигать, какъ онъ умѣетъ,
Людей, природу и Творца?
И кто изъ Русскихъ не жалѣетъ
О смерти славнаго пѣвца?
Хоть смерть его и не касалась —
Онъ только бросилъ ей скелетъ —
Поэтовъ много намъ осталось,
Но Пушкина другаго нѣтъ!

Это не водевильный куплетъ, а *поэзія*! Или куплетъ, превосходно высказанный Д. Т. Ленскимъ о людяхъ, которые кричатъ, что недовольны службой:

Чиновнику, кто жъ этого не знаетъ,
Всегда легко отставку получить;
Насильно Царь служить не заставляетъ,
Мы всѣ вольны служить и не служить.
Иной кричитъ, что взять отставку хочетъ,
Что тягостна ужъ служба для него,
А самъ межъ-тѣмъ безъ памяти хлопочетъ,
Чтобъ какъ нибудь не выгнали его!

Прелесть, и прелесть!

А вотъ, почтенный коллежскій совѣтникъ Размазня, просматривая *толстый* журналъ, говоритъ о немъ свое мнѣніе, *неученое*:

Вотъ, напримѣръ, разборъ
Піэсы Полеваго;
И авторъ и актеръ
Тутъ не поймутъ ни слова.
Ну, что онъ тутъ навралъ?
О чемъ растолковался?
Ученыхъ словъ набралъ,
А смысла не набрался.
У этихъ всѣхъ господъ
Въ сужденьяхъ разногласье,
Какой-то свой комплотъ,
И дерзость и пристрастье:
Друзей своихъ всегда
Піэсы только славятъ,
И даже иногда
Мольера въ грошъ не ставятъ!
И кто же рецензентъ
Піэсы и артистовъ? —
Вонъ-выгнанный студентъ,
Глупецъ — изъ *Гегелистовъ*.

Водевиль «*Въ людяхъ ангелъ — не жена, дома съ мужемъ — сатана*» по моему мнѣнію, лучшая піэса Д. Т. Ленскаго, по языку и куплетамъ. Принята была она публикою со всеобщимъ удовольствіемъ; артисты были встрѣчаемы и провожаемы съ громомъ аплодиссментовъ.

Въ слѣдующемъ моемъ письмѣ я извѣщу васъ о послѣднихъ бенефисахъ любимцевъ здѣшней публики: гг. Мочалова, Щепкина и Бантышева.

К. Л. М. Н.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САРАТОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(*Письмо къ Издателю Репертуара.*)

У насъ, въ Саратовѣ, многіе утверждаютъ, что саратовская сцена, при посредственности талантовъ труппы, ее наполняющей, лишена возможности дарить насъ

правильнымъ выполненіемъ пьесъ, и это есть такая истина, которую единогласно сознаетъ просвѣщенная публика города. Но при всемъ недостаткѣ, столько замѣтномъ въ отношеніи къ театру, эта же самая публика спѣшила постоянно удовлетворять любопытство свое. Она, начиная съ скромнаго сидѣльца сарептскаго магазина, до самаго значительнаго лица въ городѣ, жертвовала выгодами своего состоянія на пользу провинціяльныхъ артистовъ.

Благодаря просвѣщенію нашего вѣка и возрастающей образованности, мы начинаемъ наконецъ замѣчать, что и провинціяльные театры не ограничиваются представленіемъ однихъ фарсовъ, но усиливаются итти въ дальнѣйшему совершенству. Литературная Газета прошлыхъ годовъ сообщила уже нѣсколько статей объ успѣхахъ театровъ Харьковскаго, Казанскаго, Нижегородскаго и другихъ. На одномъ изъ сихъ театровъ нашлись такіе счастливцы, которыхъ какъ было слышно, располагались взять на петербургскую сцену; почему же и намъ не сказать нѣсколько словъ о саратовскихъ артистахъ?

Слѣдя постоянно за нашимъ саратовскимъ театромъ, мы не можемъ не сознаться, что вмѣстѣ съ намѣреніемъ здѣшняго содержателя театра — облагородить въ возможной степени игру актеровъ и актрисъ, сцена приняла какъ бы новый, лучшій видъ. Не смотря на отсутствіе средствъ, игра нѣкоторыхъ лицъ довольно-замѣчательна, костюмы удачны и обстановка пьесъ сносна; наконецъ, самая музыка хоть не терзаетъ слуха — а этого довольно, тамъ особенно, гдѣ однообразіе отдаленнаго, степнаго города, «глушп, Саратова» рѣдко нарушается, и страхъ какъ утомительно.

Большая часть пьесъ, поставленныхъ на саратовскомъ театрѣ, есть, по близкому выраженію, толпа устарѣлыхъ кокетокъ: встрѣчая ихъ, вы сознаете въ нихъ обломки нѣкогда прекраснаго, любопытнаго произведенія природы; отыскиваете въ нихъ красоты, такъ безжалостно похищенныя временемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетесь, что эти прелестницы не тронутъ вашего сердца, которое, какъ будто избалованное другими предметами изящнаго, подъ вліяніемъ юности и вкуса, ищетъ себѣ пищи, больше удовлетворяющей требованіямъ вѣка.

При такомъ положеніи театра, конечно немного найдется высказать въ пользу здѣшней Мельпомены. Но повторимъ, что одной дѣятельности содержателя обязаны мы, что съ нѣкотораго времени начали разыгрывать здѣсь довольно значительныя пьесы. Этотъ успѣхъ произошелъ отъ недавняго появленія на здѣшней сценѣ новыхъ артистовъ. Они, по достоинствамъ игры, останавливаютъ на себѣ общее вниманіе и налагаютъ на насъ пріятную обязанность—высказать объ нихъ наше мнѣніе.

Г. Борисоглѣбскій. При первомъ появленія своемъ на сцену въ трагедіи *Графъ Эссексъ*, онъ былъ, въ полномъ смыслѣ, кельможа - времсницикъ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ англійской королевы Елисаветы и въ послѣдствіи испытавшій непостоянство земнаго величія. Игра его была чрезвычайно жива и естественна. Благородная наружность, ловкость движеній и правильное произношеніе стиховъ обличаютъ въ немъ знатока своего дѣла. Другія, слѣдовавшія за тѣмъ піесы: *Молдаванская Цыганка*, *Венеціянская актриса*, *Параша Сибирячка* и проч. по серіознымъ предметамъ своимъ требующія отъ актера игры сильной, одушевленной, обнаружили въ г. Борисоглѣбскомъ необыкновенныя способности. Къ удовольствію, публика замѣтила, что новый артистъ, при дарованіяхъ своихъ въ драматическихъ пьесахъ, соединяетъ еще другое, не меньше важное достоинство: онъ прекрасный комикъ. Въ комедіи *Ревизоръ*, въ роли Городничаго, г. Борисоглѣбскій, естественною, неподдѣльною игрою, такъ пріятно изумилъ публику, что многія лица, бывшія при этомъ представленіи и имѣвшія случай видѣть эту піесу на столичныхъ театрахъ, рѣшительно отозвались, что онъ бы и тамъ не испортилъ своего дѣла. Вѣроятно, согласятся многіе, что артистъ, усвоивній игрою своею одинъ какой либо родъ ролей, совершенствуется навыкомъ въ принятомъ имъ характерѣ, быть можетъ и потому, что онъ не тратитъ своего

дара для другихъ противоположныхъ ощущеній; слѣдовательно неудивительно, что онъ создаетъ себѣ прочное амплуа и становится любимцемъ просвѣщенной публики. Но г. Борисоглѣбскій и здѣсь и тамъ удивляетъ своимъ искусствомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, естественно ли, возможно ли даже, чтобы трагическій артистъ, въ трагедіи, послѣ сильныхъ движеній души, взволнованной, бѣшеной, заставившей зрителей трепетать и сочувствовать ужасному состоянію ея, могъ вдругъ сдѣлаться комическимъ, играть хорошо роль какого нибудь *Сквозника-Дмухановскаго?* Это-то самое соединеніе достоинствъ въ г. Борисоглѣбскомъ еще болѣе заставляетъ удивляться и цѣнить его способности. Одно только, что можно назвать въ немъ недостаткомъ: это слабый голосъ; отсутствіе его силы, какъ главнаго условія въ роляхъ трагическихъ, часто уничтожаетъ прекрасное явленіе, высказанное тихо. Дорожа игрою г. Борисоглѣбскаго, отъ души совѣтуемъ не прибѣгать къ насильственному крику, но быть въ этомъ отношеніи сколько можно ближе къ природѣ. Все, что противится ей и нарушаетъ ея границы, дѣлается безобразнымъ. Вѣрная, отчетистая игра г. Борисоглѣбскаго, безъ сомнѣнія, замѣнитъ эту потерю.

Другое лицо сцены — *г-жа Мочалова-Францiева,* принадлежитъ къ разряду тѣхъ немногихъ явленій драматическаго искусства, которыя имѣютъ неоспоримое право на уваженіе публики и журналовъ. Занимаемыя ею роли, преимущественно въ драмахъ и трагедіяхъ, обличаютъ энергію и точное знаніе дѣла. Нѣтъ монолога, въ которомъ бы она не развила могучаго чувства и не увѣнчала его успѣхомъ; нѣтъ движенія, которое не было бы заранѣе обдумано, разсчитано, и при всемъ томъ во всемъ видна естественность. Этому конечно помогаютъ навыкъ, пріобрѣтенный ею на Московскомъ и на лучшихъ театрахъ провинціальныхъ, наружность, соотвѣтствующая роли и необыкновенная сила голоса. Быть можетъ, г-жа Мочалова-Францiева въ лѣтахъ первой молодости, была еще замѣчательнѣе на сценѣ; но должно согласиться, что и теперь она вполнѣ сохранила это призваніе. Отдавая ей справедливость, нельзя однако жъ не замѣтить нѣкоторыхъ ея недостатковъ. По общему отзыву нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ зрителей, г-жа Мочалова-Францiева иногда переходитъ границы характера: чувства любви, бѣшенство ревности, все изступленіе страстей выражаются ею слишкомъ рѣзко; самый голосъ ея бываетъ больше звученъ, нежели сколько нужно: переходя отъ обыкновеннаго состоянія своего къ крикамъ отчаянія, онъ становится непріятнымъ для слуха. Вѣроятно, г-жа Мочалова-Францiева согласится, что лучше было бы ей сохранять безъискусственную гармонію своего голоса: усиленіе его могло бы быть полезно на другомъ, бо́льшемъ театрѣ, гдѣ расположеніе его и резонансъ видимо къ тому приспособлены, гдѣ пространство требуетъ отъ артистовъ наполнить его силою голоса и гдѣ отсутствіе его было бы явнымъ недостаткомъ. Впрочемъ въ явленіяхъ, сопровождаемыхъ присутствіемъ г-жи Мочаловой-Францiевой съ другимъ лицомъ здѣшней труппы, замѣтно пространство, отдаляющее ее отъ него: въ одной видишь жизнь, чувство, въ другомъ холодность, вялость. Этого примѣненія нельзя сдѣлать только въ отношеніи къ г. Борисоглѣбскому; общее явленіе ихъ всегда живо и увлекательно.

Г. Романовскій, безъ двухъ описанныхъ лицъ, былъ бы довольно замѣчателенъ. Его ростъ, голосъ, вообще наружность, кажется, приготовили его для пьесъ серіозныхъ; но въ немъ нѣтъ той силы, той благородной манеры, которыя сопровождаютъ игру г. Борисоглѣбскаго. Мимика его постоянно однообразна; въ жестахъ видно что-то заученое, связанное, что охлаждаетъ вниманіе зрителя. Замѣчаніе, сдѣланное публикою, что г. Романовскій принимаетъ часто роли, несоотвѣтствующія его характеру, кажется, весьма-справедливо. Кто видѣлъ игру его и игру г. Борисоглѣбскаго, тотъ согласится, что послѣднему принадлежитъ пальма первенства и что первый долженъ занимать только второстепенныя роли: въ нихъ онъ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Самъ г. Романовскій, вѣроятно, сознается, что занимаемая имъ роль *Керимъ Гирея въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ*, должна была принадлежать одному г. Борисоглѣбскому. Тамъ, гдѣ является деспотизмъ крымскаго владыки, съ его стремленіемъ къ войнѣ, съ его пылкими страстями Востока, гдѣ нужно много искусства, чтобъ передать гармоническій стихъ нашего безсмертнаго поэта, тамъ, само - собою, однообразная, монотонная игра только портитъ дѣло; но когда бы взялся за это г. Борисоглѣбскій, мы увѣрены, онъ поддержалъ бы пьесу и произвелъ эффектъ, котораго, къ сожалѣнію, не замѣтили въ игрѣ г. Романовскаго. Сообщаемъ это общее замѣчаніе потому собственно, что желаемъ усовершенствованія здѣшней сценѣ.

Не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о новой актриссѣ *г-жѣ Романовской*. При посредственности таланта, видно однако же, что она изучила искусство—держать себя на сценѣ. Роли въ водевильныхъ пьесахъ исполнялись ею довольно успѣшно; а увидавъ ее въ *Парашѣ Сибирячкѣ*, мы рѣшительно порадовались ея дарованію. Внезапная мысль — оставить отца и мать въ снѣжной пустынѣ, однихъ, безъ утѣшенія, для того собственно, чтобъ испросить ссыльному помилованіе Монарха, ея умоляющій взоръ, убѣжденія прохожаго взять ее въ Москву, наконецъ послѣднее прощальное свиданіе съ тѣми, кого она оставляла на волю Провидѣнія, —выполнены были такъ прекрасно и естественно, что много нашлось въ эти минуты готовыхъ сочувствовать игрѣ ея горячею слезою. Въ ней видѣли добровольную жертву изгнанія, произвольную сироту, съ благороднымъ стремленіемъ спасти несчастное семейство. Желаемъ отъ чистаго сердца, чтобы г-жа Романовская, сколько можно чаще принимала подобныя роли, исполненіе которыхъ приноситъ честь ей, а зрителямъ удовольствіе.

Послѣ этихъ лицъ, сцена саратовская обыкновенно наполняется труппою прежнихъ актеровъ и актриссъ, игра которыхъ, въ продолженіе прошедшей зимы, заставляетъ сказать и объ нихъ нѣсколько словъ. Оперы: *Цампа* и *Водовозъ*, столько извѣстныя превосходною музыкою Герольда и Херубини, для здѣшнихъ артистовъ суть тѣ смѣлыя выходки, которыя невольно обратили на себя общее вниманіе. Въ памяти многихъ удержаны дивное произведеніе композиторовъ и довольно отчетливое исполненіе ролей. Вотъ предметы, заставляющіе высказать мнѣніе наше объ одномъ изъ сихъ представленій.

Вѣроятно, многимъ извѣстно историческое событіе изъ французской исторіи, случившееся во время правленія Мазарини, событіе, основанное на безкорыстномъ, удивительномъ поступкѣ Савойца Микеля, спасшаго знаменитаго изгнанника отъ преслѣдованія сильныхъ враговъ его. Это лицо, ничтожное по своему значенію, но сильное характеромъ, выполнялъ на сценѣ *г. Васильевъ* довольно-удачно. Его сильный баритонъ и декламація, безъ усилій, выдержанныя въ продолженіе цѣлой піесы, ровно, безъ всякой жеманировки, имѣютъ всѣ права на признательность публики, которая весьма справедливо желала, чтобы этотъ актеръ еще болѣе знакомился съ искусствомъ драматическимъ и опытами усилилъ замѣчаемое въ немъ дарованіе; но, къ сожалѣнію, онъ оставилъ саратовскую сцену.

Невозможно отдать подобной похвалы *г. Стрѣлкову*, который въ лицѣ *Юлія Армана*, верховнаго президента Парижскаго парламента, не могъ соединить достоинствъ человѣка, сдѣлавшагося извѣстнымъ, какъ жертва гоненія и, вѣрно, не могъ понять своей роли дальше плаща, въ которомъ думалъ скрыть недостатокъ своего характера. Вѣроятно, многіе помнятъ ту минуту, когда буйные поступки солдатъ противъ жены его *Констанціи*, заставили его пренебречь чувствомъ собственной безопасности, чтобы броситься для спасенія ея. Но вмѣсто того, чтобы выказать энергію при защитѣ предмета, столько-милаго его сердцу, всѣ видѣли, что онъ, съ стоическимъ хладнокровіемъ, выбѣжалъ изъ своей засады, и это-то самое было минутою уничтоженія его великаго характера! — Жаль, что онъ не постигъ этой тайны и тѣмъ разочаровалъ всѣхъ въ привязанности къ своей женѣ,

заслуживающей любви чистой и удивлявшей силою души. О голосѣ его сказать ничего нельзя. Эта сторона въ немъ слаба и ограниченна; но не будемъ обвинять его, тѣмъ больше, что онъ замѣнилъ ее памятью, и поетъ твердо въ продолженіе цѣлой оперы.

Едва ли не лучшимъ дѣйствующимъ лицемъ была дѣвица *Завидова*, въ роли Констанціи. Разсматривая игру ея безпристрастно, не можемъ не сказать, что въ ней столько было прямаго, неподдѣльнаго чувства, что она могла бы быть украшеніемъ лучшаго театра, нежели тотъ, на который судьба бросила ее такъ несправедливо. Возьмите въ соображеніе ея первый выходъ въ пріютъ Водовоза; благородныя, привлекательныя движенія, въ простомъ нарядѣ поселянки, рѣшимость раздѣлять судьбу бѣглеца - мужа, признательность къ великодушному избавителю, испугъ при осмотрѣ дома Водовоза офицеромъ наполеонскихъ войскъ, что все было столько естественно; наконецъ вѣрный, музыкальный слухъ — и вы убѣдитесь, что она строго поняла всю важность принятаго характера и строго выполнила его, и что все это вмѣстѣ рѣшительно уничтожаетъ всякое сомнѣніе на-счетъ ея сценическаго дарованія.

Здѣсь должно сказать, что всякая актриса, даже съ посредственнымъ дарованіемъ, замѣчая успѣхи своей игры, невольно увлекается чувствомъ самолюбія и чрезъ это нерѣдко жертвуетъ полнымъ торжествомъ роли, отступая отъ естественнаго исполненія ея; но этого недостатка рѣшительно нѣтъ въ дѣвицѣ Завидовой; она очень хорошо поняла, что всякой принужденный фарсъ исполнителя роли охлаждаетъ участіе зрителя, и потому строго соблюдаетъ условія сцены. Обязанная собственному достоинству, она не прибѣгаетъ къ насильственному искусству, и сознавая въ себѣ силу, сколько скромнаго, столько же и замѣчательнаго таланта, рѣшительно всегда будетъ имѣть въ операхъ по игрѣ своей перевѣсъ предъ прочими. Всѣ эти преимущества, при строгомъ разборѣ ихъ, однако же не чужды тѣхъ недостатковъ, которые, какъ противоположность таланта, возбуждаютъ, если не укоръ ему, то сожалѣніе. Природа поскупилась предать ей совершенства нѣкоторыхъ наружныхъ формъ. Ея благородный профиль лица измѣняется, когда она прямо смотритъ на публику: глаза, этотъ проводникъ ума, это зеркало, отражающее то бурные, то нѣжные порывы сердца, къ-сожалѣнію, не всегда выражаютъ движеніе души ея. Словомъ, это тотъ независящій отъ нея недостатокъ, который невольно разочаровываетъ зрителей, предубѣжденныхъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ ея пользу. Слабость груди, уничтожившая силу голоса, тоже довольно замѣтна. Впрочемъ та же природа замѣнила это весьма-выгодно другими физическими совершенствами: дѣвица Завидова имѣетъ прекрасный ростъ, отличную талію и на сценѣ величественно сохраняетъ позы, вполнѣ соотвѣтствующія принимаемому ею характеру.

Марцелину играла дѣвица *Николаева*. Роль ея въ этой піесѣ хотя и не была столько важна, но какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она наполняла собою цѣлое, и, слѣдовательно, была необходима къ поддержанію піесы, то это заставляетъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Первые дебюты ея, при появленіи, прошедшею зимою, на саратовской сценѣ, обнаружили сильный талантъ, преимущественно въ водевиляхъ. Поэтому публика была нѣкоторымъ образомъ предубѣждена въ сомъ, что дѣвица Николаева будетъ замѣтна въ этой піесѣ. Къ-сожалѣнію, послѣдствія не оправдали этой увѣренности. Въ первомъ актѣ, когда пособіе побѣга Констанціи основалось на подложномъ имени поселянки, Водовозъ требуетъ настоятельно отъ своей дочери — отказаться отъ присутствія на ожидаемой деревенской свадьбѣ, чтобъ этимъ доставить возможность женѣ Арманда пройдти чрезъ заставу; но простодушный капризъ не разставаться съ мыслію — быть на свадебномъ праздникѣ, нисколько не отозвался въ искусствѣ молодой дебютантки. Вмѣсто слезъ, которыми авторъ піесы желалъ обнаружить малодушіе ребенка, всѣ видѣли, что неумѣстнымъ, грубо-скрытымъ смѣхомъ, Марцелина ослабила прекрасное дѣйствіе этого явленія.

По серіозному ли сюжету піесы, въ которыхъ д. Николаева, можетъ быть, мало участвовала, или по привычкѣ присвоивать водевильные трофеи, только въ это время она уронила отъ собственной неосторожности вѣнокъ награды. Желаемъ, чтобы подобная мистификація не входила никогда въ разсчетъ ея игры и не губила такъ рано развивающіяся въ ней способности. Слѣдуя собственному благоразумію, она поймет всю пользу такого урока и, къ удовольствію публики, принимающей въ ней живое участіе, послѣдуетъ видамъ безкорыстнаго внушенія.

О всѣхъ прочихъ лицахъ, участвовавшихъ въ пьесѣ, сказать что нибудь въ похвалу — значило бы льстить безсовѣстно, и какъ это качество не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ, гдѣ одинъ безпристрастный взглядъ опредѣляетъ явленіе сценическія, то ограничимся на этотъ разъ молчаніемъ. Здѣсь исключеніемъ можетъ быть г. Линдинъ, котораго довольно пріятный теноръ поддерживалъ оперу.

Наконецъ нѣсколько словъ о водевиляхъ. Большая часть ихъ исполняется посредственно; преимущественное амплуа занимаютъ гг. *Косяковскій* и *Залѣсскій*. Первый изъ нихъ, въ роли стариковъ-подагриковъ, вельможъ въ родѣ *Фамусовыхъ* и проч., довольно-забавенъ, но по безсилію голоса (фамильный недостатокъ злѣшней сцены) не всегда успѣшно гармонируетъ съ оркестромъ, впрочемъ г. Косяковскій одаренъ вѣрнымъ музыкальнымъ слухомъ. Другой молодой артистъ, едва вступающій на театръ, настоящій буффъ, подаетъ большія надежды. Сначала онъ былъ только любимцемъ райка, но съ нѣкотораго времени пріобрѣлъ лучшую извѣстность. Какъ ученикъ Живокини, онъ очень-удачно подражаетъ этому артисту. Когда играетъ г. Залѣсскій, водевиль какъ будто принимаетъ другой, лучшій видъ: общія мѣста его въ піесахъ съ д. Николаевою чрезвычайно милы. Объ нихъ можно сдѣлать рѣшительный приговоръ, что они созданы нарочно для водевильныхъ сценъ и куплетовъ, и что въ этомъ отношеніи они могутъ быть украшеніемъ лучшаго театра.

К. МАКСИМОВЪ.

ЯРОСЛАВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(*Письмо къ Издателю Репертуара.*)

По просьбѣ многихъ почтенныхъ особъ, пишу къ вамъ. Случайно попало къ намъ нѣсколько *№ Пантеона*, издаваемаго книгопродавцемъ Поляковымъ, подъ редакціею г. Кони. Въ 7-й книжкѣ, за іюль мѣсяцъ, помѣщена статья о Ярославскомъ театрѣ, въ которой больше воображенія, чѣмъ истины. Съ нѣкотораго времени начали появляться статьи — въ вашемъ Репертуарѣ — о провинціяльныхъ театрахъ, статьи благонамѣренныя, благородныя и справедливыя. (Не скажу этого однакожъ о сочинителѣ статьи о Казанскомъ театрѣ.) О нашемъ театрѣ не было говорено ни слова. Первая статья о Ярославской сценѣ появилась въ Сѣверной Пчелѣ, и *Пантеонъ*, въ слѣдъ за тѣмъ, не преминулъ напечатать свои сужденія. Объявляю печатно, что все сказанное въ Пантеонѣ о Ярославскомъ театрѣ — просто... *выдумка*. Вотъ доказательства:

Въ началѣ статьи сказано слѣдующее: «Лучшимъ актеромъ Ярославской труппы, въ *комическомъ* родѣ, можетъ назваться Михайловъ. По таланту онъ гораздо выше Орлова» и проч. Орловъ съ-роду не игралъ комическихъ ролей, — 1-я *выдумка*. Михайлова вовсе не существуетъ въ труппѣ, — 2-я *выдумка*. Михайловъ былъ на сценѣ въ 1836 и 1837-мъ годахъ, въ управленіе

ніе прежняго содержателя и бездарнаго трагическаго фигляра — Алексѣева: стало быть, это «дѣла давно-минувшихъ лѣтъ.» Далѣе, смотрите въ *Пантеонѣ*: «Красовскій, молодой актеръ» и проч. Красовскаго въ Ярославской труппѣ тоже *нѣтъ*—3-я *выдумка*. Онъ былъ въ одно время съ Михайловымъ, когда труппу содержалъ знаменитый трагическій фигляръ Алексѣевъ.

Далѣе читайте въ Пантеонѣ: «Красовская, жена молодаго актера» и проч.;—и ея нѣтъ: эта знаменитость тоже отличалась на сценѣ съ трагическимъ фигляромъ Алексѣевымъ,—4-я *выдумка*. Правда, всѣ вышеперѣченные артисты были, повторяю, въ 1836 мъ и 1837-мъ годахъ, но Пантеонъ выдалъ свою статью за изображеніе *современнаго* состоянія Ярославскаго театра. Но такъ-какъ духъ современности у *нѣкоторыхъ* людей есть вранье и шарлатанство, то допустимъ, что Пантеонъ говорилъ о томъ, чего нѣтъ и что *было*. Посмотримъ теперь, такъ ли это *было*? Неугодно ли послушать. Развернувъ Пантеонъ, читаемъ: «Лучшими ролями Михайлова можно назвать Жовіаля, Курочкина и *Городничаго* въ Ревизорѣ.» Михайловъ *сь-роду* не игралъ этой роли, слѣдовательно по-счету выходитъ—5-я *выдумка*. «У Красовскаго», сказано въ Пантеонѣ, «прекрасный голосъ» — нѣтъ никакого! — 6-я *выдумка*.

«Ивановъ», сказано въ Пантеонѣ, «играетъ Нѣмцевъ и подъячихъ». Ивановъ *сь-роду* не игралъ ни Нѣмцевъ, ни подъячихъ, слѣдовательно—7-я *выдумка*.

«Жаль, что Соловьевой не достаетъ голоса» — сказано въ Пантеонѣ. Соловьева на сценѣ, а ее слышно едва ли не у театральнаго полъѣзда, —8-я *выдумка*.

Говоря объ Орловѣ, *сочинитель* статьи придумалъ сальный разсказъ о яйцѣ.—анекдотъ. случившійся будто бы во время представленія Гамлета съ Орловымъ.

Статья написана въ *іюлѣ*, 1840 года, а Орловъ игралъ въ Гамлетѣ, въ первый разъ, въ прошлое воскресенье, т. е. 22 *декабря* 1840 года, —9-я *выдумка*. Анекдотъ придуманъ *сочинителемъ*—10-я *выдумка*. Гамлета игралъ въ то время, о которомъ глаголитъ статья, *Дмитревскій*—11-я *выдумка*. Отъ лица всей Ярославской публики спрашиваю: когда это было? До сихъ поръ, и публика и артисты слыхали, и *повѣряли слухи*, что г. Кони искажаетъ французскіе водевили; знали, что г. Кони состряпалъ изъ французской піески, «Le trou sur l'habit» пошлый фарсъ, подъ оригинальнымъ названіемъ *Титулярные Совѣтники*, отъ котораго здѣсь всѣ бѣжали изъ театра; знали, что онъ же, г. Кони, выдалъ вод. *Madame st. Agnés* за свое сочиненіе, *подъ оригинальнымъ* названіемъ «*Въ тихомъ омутѣ черти водятся*»; изъ вод. *La haine d'une femme* сотворилъ *Женскую натуру*, согнатую со сцены въ первый вечеръ и въ Петербургѣ и въ Ярославлѣ; переписалъ изъ извѣстной французской повѣсти своего оригинальнаго *Дѣлового человѣка*. Повѣсть эта помѣщена въ собраніи, подъ названіемъ Contes du beau monde, и написана всѣ готовыми сценами, въ драматической формѣ, и проч. и проч.;—но не знали, что г. Кони, сдѣлавшись редакторомъ Пантеона, станетъ выпускать подобныя небылицы въ своемъ изданіи. Подъ статьею поставлено имя какого-то *Θ*. Майкова. Объявляю также, что никто изъ почтенной фамиліи Майковыхъ не посылалъ статьи въ Пантеонъ, а если и дѣйствительно существуетъ какой то-Θ. Майковъ, то онъ безстыдно лгалъ, и лучше бы поставилъ подъ статьею одну букву *Θ*; тогда мы могли бы думать, что писалъ этотъ вздоръ какой нибудь *литературный Θилапка*. Почтенное же имя Майкова возбудило толки, которые открыты, и я прошу ихъ довести до публики: такія вещи должно изобличать. Насмѣшка надъ публикой — какъ говоритъ Пантеонъ — стоящая въ афишѣ, объявившей пріѣздъ знаменитыхъ Долинскихъ, будто бы пользующихся *Европейскою извѣстностью* (и это будто бы было въ афишѣ—12-я *выдумка*) была въ управленіе того же бездарнаго трагическаго фигляра Алексѣева, а не въ управленіе Орленанскаго. Если и случались забавныя вещи въ трагедіяхъ, то случались не съ Орловымъ, который имѣетъ прекрасный талантъ, любитъ искусство и трудится надъ нимъ, а съ Алексѣевымъ же.—Онъ-то и былъ причиною всѣхъ безпорядковъ тог-

дашняго театра. Не имѣя понятія объ искусствѣ, вздумалъ самъ управлять театромъ; едва зналъ грамотѣ, онъ оцѣнивалъ и судилъ произведенія драматическія: наполнялъ репертуаръ Филатками и Мирошками; безъ всякаго разбора раздавалъ роли, и пр.

Упомянутые въ Пантеонѣ артисты: Михайловъ, Красовскій, Николаевъ оставили театръ Алексѣева, и перешли въ другія труппы. Кромѣ всей этой безголовщины, которую завелъ въ театрѣ Алексѣевъ — слонъ на воеводствѣ — Алексѣевъ *вообразилъ*, что онъ трагикъ. Кончено, никому нѣтъ хода. Всѣ лучшія роли забралъ себѣ. Такимъ образомъ бездарнѣе, несноснѣе, хуже Алексѣева въ трагедіи быть ничего не могло: трагедія падала, — въ театръ никто не ходилъ. Оставались небольшія комедіи и водевили, которые можно было бы смотрѣть иногда съ удовольствіемъ. Алексѣевъ, неудовлетворенъ славой въ трагедіяхъ, вздумалъ запѣть и въ водевиляхъ. Публикѣ нравился водевиль «Мужъ, какихъ мало»: Алексѣевъ явился въ водевилѣ и убилъ его, какъ убилъ трагедію. Подумаешь, какъ люди берутся не за свое дѣло?

Вотъ въ какомъ положеніи былъ театръ въ 1836 и 1837-мъ годахъ. Хорошія піесы портилъ самъ Алексѣевъ. Михайловъ, точно человѣкъ съ талантомъ, игралъ многія роли прекрасно, наприм. Хлестакова въ Ревизорѣ, а не Городничаго, какъ гласитъ Пантеонъ. Въ водевиляхъ онъ бывалъ иногда очень хорошъ; но Алексѣевъ давалъ такіе водевили, отъ которыхъ хорошая публика бѣгала. Кто изъ людей образованныхъ можетъ выслушать, наприм. Титулярныхъ совѣтниковъ и т. п.? Красовскій былъ фарсёръ. Съ 1837 года, когда труппа, ко всеобщему удовольствію, перешла въ управленіе Орлеанскаго, Ярославскій театръ, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, дѣлалъ и дѣлаетъ все, что̀ можетъ. Въ трагедіи Орловъ прекрасенъ. Водевиль идетъ иногда весьма хорошо. Громовъ, недавно пріѣхавшій сюда, Орлеанскій, Ивановъ, Соколовъ, Бѣшенцовъ, Немчинова, Соколова, Орлова (на амплуа старухъ) разыгрываютъ небольшія піесы очень-удачно, и могутъ стать на ряду со всѣми провинціальными артистами.

Вчерашній спектакль, 26-го декабря, можетъ служить доказательстомъ. Два акта изъ драмы Н. В. Кукольника, Князь Скопинъ-Шуйскій, и водевиль Н. А. Коровкина: Его Превосходительство, были сыграны такъ, какъ вѣрно не сыграютъ ихъ ни на одной провинціальной сценѣ. Орловъ, въ роли Ляпунова, былъ прекрасенъ. Первая сцена съ Шуйскимъ, когда Ляпуновъ является и проситъ казни, была исполнена Орловымъ превосходно. Въ водевилѣ Громовъ 2-й, въ роли Тюльпанова, и Ивановъ, въ роли Кувыркина, имѣли бы успѣхъ вездѣ. Заслуженнымъ аплодисментамъ лучшей публики не было конца. Нельзя не сказать о Соколовѣ, очень-хорошо исполнившемъ роль Скопина.

Что̀ касается до средствъ, Ярославскій театръ имѣетъ ихъ несравнено менѣе противъ другихъ театровъ. Въ Ярославлѣ такъ много веселостей въ самомъ обществѣ, что не находятъ времени ѣздить въ театръ; да и правду сказать, любителей вовсе нѣтъ. Можетъ ли же театръ идти впередъ? Если Ярославскій театръ такъ ничтоженъ, какъ изобразила его статья въ Пантеонѣ, то лучше было бы вовсе не говорить объ немъ, нежели печатать такую небывальщину. А потому, статья, кажется, составлена самой редакціей съ чьихъ-нибудь словъ. Согласитесь, что никто бы не взялся писать, незная того, о чемъ онъ пишетъ. Я насчиталъ, кажется, дюжину небылицъ, и могу найдти еще столько же, если угодно. Прошу покорнѣйше васъ, г. издатель, напечатать мое письмо въ вашемъ Репертуарѣ, дабы въ другой разъ какой нибудь шарлатанъ не осмѣливался писать подобныхъ вздоровъ, подписывать чужое имя (*это я знаю навѣрно*), посылать статьи въ Пантеонъ, и тѣмъ самымъ вводить его редакцію въ неумышленную — можетъ быть — вину противъ всей читающей публики.

25 декабря 1840. Имѣю честь быть и проч.

Коренной Ярославецъ.

КАЗАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ *Москвитянинѣ* находимъ мы слѣдующую статью о *Казанскомъ Театрѣ*, которую не лишнимъ считаемъ передать нашимъ читателямъ.

«Декабря 19, 1840 года. Еще до сихъ поръ не изгладилось изъ памяти здѣшнихъ жителей пребываніе г. Щепкина въ 1838 году. Мы помнимъ общій энтузіасмъ, произведенный появленіемъ этого таланта и его дочери. Цѣна на всѣ мѣста тотчасъ возвысилась, публика привыкла ихъ платить, и содержатель, г. Соколовъ, со всѣмъ познаніемъ человѣческаго сердца и силы привычки, оставилъ возвышенную цѣну навсегда, и по отъѣздѣ артиста. Не говоримъ уже, что пребываніе г-на Щепкина, равно какъ гг. Максимова и Бантышева, важно для нашихъ актеровъ въ образовательномъ отношеніи — вліяніе перваго въ экономическомъ отношеніи весьма благодѣтельно на театръ, едва существующій, не смотря на трудныя пилигримства, совершаемыя предпринимателемъ съ труппою въ сѣверные пріюты вкуса, Пермь и Вятку. Исчезли тамъ вѣковые лѣса; не одна Пермская соль, желѣзо, лѣсъ и рогожи, провозятся теперь по Камѣ: вмѣстѣ съ ними укладывается труппа г. Соколова. Но послѣ краткаго отсутствія, странствующія музы, Талія и Мельпомена, опять являются у насъ, разсѣявъ на пути своемъ, какъ Церера, сѣмена образованности—московское произношеніе, водевильныя пѣсенки и искусство волочиться. Это добровольное изгнаніе, на которое осуждаютъ себя наши музы, великодушно опять возвращающіяся, да послужитъ укоромъ равнодушію публики, хотя она въ иныхъ случаяхъ показываетъ любовь къ искусству. Эти случаи суть конечно событія частныя, напр. невыносимый шумъ, крикъ, ужасный стукъ и топотъ въ представленіяхъ, данныхъ г. Щепкинымъ, высокая цѣна за мѣста, доходившая до 25 руб. за кресла въ бенефисы, и когда еще, о времена! синенькая стоила 6 руб.

«Равнодушіе высшей публики къ здѣшнему театру происходитъ отъ того, что она не можетъ съ нимъ симпатизировать Появленіе дѣвицы Щепкиной пробудило опять любовь къ театру. Успѣхъ ея на провинціальной нашей сценѣ блистателенъ. Всѣ ложи и половина креселъ взяты впередъ на 20 представленій, въ которыхъ будетъ участвовать д. Щепкина: это безпримѣрно въ нашихъ лѣтописяхъ! Дѣвица Щепкина имѣетъ на сценѣ очень-привлекательную наружность, и успѣхъ ея, происходящій частію отъ внѣшнихъ преимуществъ, частію отъ игры, столько исключителенъ, что здѣшнихъ, бѣдныхъ актрисъ, болѣе не вызываютъ,—имъ шикаютъ. Придетъ твоя пора, дѣвица Александрова, говоря словами одного любимаго водевиля, но по отъѣздѣ Щепкиной. Впрочемъ любезная наша гостья не должна ослѣпляться такимъ успѣхомъ: она должна знать, надъ кѣмъ торжествуетъ,—бѣдными актрисами, которыя не умѣютъ ни представиться, ни говорить, ни даже ходить. Человѣкъ — гордое и своенравное существо: онъ преобразуетъ все, произведенное природою. Ему не довольно ходить и говорить такъ, какъ научила природа, онъ вездѣ ищетъ условной граціи и приличій. И горе тому, кто неискусно перенимаетъ эти условія, горе вамъ, бѣдныя необразованныя дѣвушки, если вы, желая принять благородный, аристократическій видъ, дѣлаетесь изъ швей и гризетокъ неуклюжими прачками; горе вамъ, если, желая перенять мягкую воздушную поступь благовоспитанныхъ дѣвицъ, которую видѣли раза два въ жизни, вы начинаете дѣлать козлиные прыжки! Какъ не обрадоваться зрителю, если наконецъ появится дѣвушка благовоспитанная, молоденькая и красивая? Но мы не будемъ къ вамъ такъ-мало строги, какъ большая часть здѣшней публики, дѣвица Щепкина! Мы не будемъ васъ хвалить. Я думаю, вы устали отъ похвалъ, которыя сыплются на васъ со всѣхъ сторонъ съ гремящими рукоплесканіями. Берегитесь! во-первыхъ, онѣ могутъ вредить вашимъ дарованіямъ, которыя еще далеки

отъ зрѣлости, и породить самоувѣренность — гробъ всякихъ успѣховъ. Въ игрѣ г-жи Щепкиной есть непріятное однообразіе. Нѣтъ этой полноты жизни; нѣтъ безконечнаго разнообразія дѣйствительности, игры физіономіи и постепенностей голоса; игра ея есть безпрерывный переходъ отъ меланхолическаго выраженія къ живому, грустной мины, съ томными глазами, къ живой съ открытыми, правда, очень-хорошенькими, зубами. Но какъ ни одна пѣсенка, кромѣ развѣ чухонскихъ, которыя мнѣ удавалось слышать, не можетъ состоять изъ двухъ нотъ, какъ повѣсть и водевиль не могутъ состоять изъ двухъ словъ, такъ и представленіе не можетъ довольствоваться только двумя минами и лице не состоитъ изъ двухъ губъ или двухъ глазъ: оно способно отражать всѣ безконечныя подробности жизни и ощущеній, отъ могущественнѣйшихъ страстей до мелкихъ заботъ. Неужели въ жизни ничего нѣтъ, кромѣ легкой грусти и начатой улыбки? Мы знаемъ, что дѣвица Щепкина предается въ своихъ роляхъ отчаянію, восторгу, досадѣ et cetera; мы сами видѣли, какъ она въ Украинской невѣстѣ поэтизировала любящую, простую дѣвушку, которая, съ трогательною простотою и неподдѣльнымъ чувствомъ, пробуждающимъ звуки столькихъ струнъ въ сердцѣ, готова для жениха оставить всѣ свои деревенскія преданія: всякій приноситъ жертвы, какія можетъ. Мы видѣли, съ какимъ благородствомъ она принимала видъ оскорбленной гордости, съ какою рѣзвостію и легкостію, дѣтствомъ и простотою, порхала въ «Дебютанткѣ», въ «Хороша и Дурна»; но еще много остается усовершенствоваться вамъ, молодая актриса: многое надо изучать вамъ въ свѣтѣ, многое угадать своимъ вкусомъ, сердцемъ и поэтическимъ чувствомъ. Старайтесь изучить лучше самихъ себя и воспользоваться своими преимуществами.

Не увлекайтесь похвалами этой публики, которая утомлена неловкими и дурными актрисами. Въ заключеніе мы просимъ васъ думать, что лишь одна любовь къ искусству и желаніе вамъ прочныхъ успѣховъ внушили эти совѣты.»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СЛУХИ И НОВОСТИ.

Что ожидаетъ насъ впереди, когда откроютъ театры?

Насъ ожидаетъ новая драма Н. В. Кукольника, который давно уже не являлся съ своими произведеніями на сценѣ. Драма его называется *Князь Холмскій*. Вѣроятно, она будетъ разучена и поставлена великимъ постомъ. Для антрактовъ въ этой драмѣ, М. И. Глинка написалъ особенную музыку.

— Насъ ожидаетъ бенефисъ В. Н. Асенковой, въ который мы увидимъ *Боярское слово*, оригинальную драму П. Г. Ободовскаго, *какую-то*, оригинальную драму Н. А. Полеваго, и еще кое-что. —

— В. А. и А. М. Каратыгины, какъ слышно, намѣрены весною отправиться въ Москву, гдѣ уже давно ожидаютъ ихъ любители и любительницы театра. Не пришлетъли и намъ Москва кого-нибудь?

— Съ удовольствіемъ прочли мы въ новомъ журналѣ *Москвитянинѣ* благонамѣренный отзывъ издателя сего журнала М. П. Погодина о молодомъ Московскомъ комическомъ артистѣ г-нѣ *Садовскомъ*. Вотъ что говоритъ г-нъ Погодинъ:

«Поставляемъ долгомъ обратить вниманіе публики на этого молодаго актера, который, смѣло сказать можно, вскорѣ сдѣлается ея любимцемъ и московскою знаменитостію, если, вѣрный искусству, будетъ думать объ немъ, работать, работать, учиться, совершенствовать свой талантъ. Живость, простота, ловкость — у него такія, какія встрѣчаются рѣдко. Натуры бездна. Показывается сердечная теплота. Жаль, что онъ рѣдко виденъ на сценѣ; между актерами у насъ, какъ между учеными, медиками, есть какое-то чиноначаліе. Явись, напримѣръ, новый талантъ на роли г-на Щепкина или г-жи Репиной — они не скоро получатъ себѣ дѣла; но подъ чьимъ же руководствомъ могли бы образоваться они лучше, какъ не подъ руководствомъ знаменитаго ветерана и милой... мы не скажемъ ветеранки, но милой, всегда юной и прелестной нашей актрисы. Такъ точно и г-нъ Садовскій могъ бы смѣнить во многихъ роляхъ нашего стараго забавника, г. Живокини, разумѣется, безъ малѣйшаго ущерба его выслуженнымъ выгодамъ. Изъявимъ желаніе, чтобы дирекція доставляла публикѣ чаще случай видѣть г. Садовскаго, а г-ну Садовскому случаи чаще бывать на сценѣ, и упражняться въ труднѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ.

—Въ той же книжкѣ «Москвитянина» напечатано, что у Гоголя, между прочимъ, давно готова комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ — *Женихъ*; изъ комедіи *Владиміръ III-й степени* написано два дѣйствія. Къ *Ревизору* прибавлено нѣсколько новыхъ сценъ, другія исправлены, и онъ выйдетъ вскорѣ вторымъ изданіемъ.

— Это все новости пріятныя; но роковая, ужасная для любителей театра вѣсть долетѣла къ намъ изъ Москвы на первой недѣлѣ поста: говорятъ, будто бы наша очаровательная, милая, умная, заслуженная артистка, Н. В. Рѣпина оставляетъ театръ, и въ субботу на масляницѣ играла въ послѣдній разъ въ піесѣ г. Ленскаго: *Въ людяхъ ангелъ не жена — дома съ мужемъ сатана*. Мы такъ страшимся этой роковой вѣсти, что просто — не хотимъ ей вѣрить!

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТИНА ТИЦІАНА.

(*Разсказъ*).

Роскошный итальянскій день склонялся къ вечеру. Небо было ясно и чисто. Дневной жаръ смѣнился упоительной прохладою. На улицахъ Венеціи начала пробуждаться жизнь, рѣзвая и веселая. Въ это время всякой спѣшилъ выйдти изъ дому, чтобы на свободѣ вздохнуть прохладой и прокатиться въ легкой гондолѣ по зеркальной поверхности безчисленныхъ Венеціянскихъ каналовъ.

Но самая живая, самая разнообразная картина представлялась взору на Большомъ Каналѣ (il Canal Grande): безчисленное множество гондолъ и лодокъ разсѣкали волны его; со всѣхъ сторонъ слышны были веселыя баркаролы или гармоническіе звуки Тассовыхъ октавъ. Толпы пѣшеходовъ длинной вереницей тянулись по обѣимъ набережнымъ канала; пестрота физіономій, костюмовъ, званій, половъ, возрастовъ, представляла богатый предметъ для кисти художника, который захотѣлъ бы изобразить картину Венеціянской жизни.

И дѣйствительно, на эту картину было устремлено вниманіе одного живописца: тамъ, гдѣ Большой каналъ пересѣкается каналомъ Св. Лазаря (di San-Lazaro), на углу набережной, образуемомъ этимъ пересѣченіемъ, возвышался огромный, великолѣпный palazzo, выходившій на двѣ улицы; все, что только вкусъ итальянскаго архитектора могъ придумать лучшаго и изящнѣйшаго, все это было соединено въ palazzo графа Гвиделли, одного изъ богатѣйшихъ вельможъ Венеціянскихъ, связаннаго узами родства съ самимъ Дожемъ. Самъ графъ, какъ посланникъ Венеціянской республики, жилъ постоянно въ Римѣ, а его роскошный домъ занятъ былъ знаменитымъ живописцемъ *Вичелли* или *Верчелли*, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ *Тиціана*.

Тиціанъ Вичелли, знаменитѣйшій живописецъ своего—да и нетолько *своего*—времени, принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ гражданъ Венеціи. Да и не мудрено: соперникъ Беллини, Джіорджіони—своихъ наставниковъ—Веронеза, Тинторета и проч. во всѣхъ родахъ живописи, онъ не имѣлъ себѣ соперника, какъ портретистъ, такъ что знаменитѣйшіе люди того времени по-

читали за счастіе имѣть свой портретъ работы Тиціана. Папа Павелъ III-й нарочно выписывалъ его для этого изъ Венеціи, такъ же, какъ герцогъ Феррарскій, какъ Карлъ V, когда короновался въ Римѣ, наконецъ какъ самъ Филиппъ II й, который даже увеличилъ пенсію, назначенную Тиціану КарломъV-мъ. Великій Аріость тогда только увѣрился въ своёмъ безсмертіи, когда Тиціанъ нарисовалъ портретъ его. Можете представить себѣ послѣ этого, какъ щедро награждались труды великаго живописца, и какъ онъ былъ богатъ! Не забудьте притомъ, что онъ жилъ въ Венеціи, а Венеція въ то время была богатѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Знатнѣйшіе вельможи и негоціанты Венеціянскіе, не жалѣя денегъ, добивались того, чтобы Тиціанъ нарисовалъ ихъ портретъ; а увидавъ свое изображеніе на полотнѣ, они желали видѣть и портреты близкихъ къ сердцу своему — жены, любовницы, дочери, и т. п. Тиціанъ, щедро награждаемый, работалъ усердно. Воображеніе его было неистощимо: какой чудный колоритъ умѣлъ онъ придать всякому портрету! какъ умно могъ придумать костюмъ, который скрывалъ бы недостатки или возвышалъ красоту изображаемаго имъ лица! Его *Венеры*, такъ дорого цѣнимыя любителями и знатоками живописи, суть ничто иное, какъ портреты знаменитѣйшихъ венеціянскихъ красавицъ его времени. Какая красавица не пожелала бъ быть моделью для такого живописца!

Пользуясь такою славою и имѣя такія огромныя средства къ жизни, Тиціанъ не зарывалъ богатства своего въ землю: онъ жилъ, что называется, на славу; принималъ въ домѣ своемъ все, чѣмъ только Венеція въ то время гордилась, передъ чѣмъ унижалась и раболѣпствовала, что любила и чего боялась. Знатнѣйшіе нобили республики, знаменитѣйшіе литераторы и поэты, богатѣйшіе негоціанты — венеціанскіе *аристократы* по преимуществу, первыя красавицы Венеціи, однимъ словомъ, все, что только было отличено властію, умомъ, богатствомъ, дарованіемъ—все это собиралось у Тиціана, принося ему дань уваженія и гордясь его знакомствомъ. Имя великаго живописца было извѣстно послѣднему ремесленнику въ Венеціи; мѣсто его жительства могъ указать всякій мальчикъ. Такова была слава Тиціана!

Въ то время, съ котораго начинается разсказъ нашъ, Тиціанъ сидѣлъ у раствореннаго окна, отдыхая послѣ дневныхъ трудовъ и любуясь представлявшейся взорамъ его картиной. Въ той же самой комнатѣ— это была его мастерская—задумчиво стоялъ молодой человѣкъ, устремивъ взоры на портретъ дѣвушки, висѣвшій на стѣнѣ, въ богатой золотой рамѣ. И точно, было надъ чѣмъ призадуматься, было на что заглядѣться! Много выходило прекрасныхъ женскихъ фигуръ и головъ изъ-подъ волшебной кисти великаго маэстро, но съ этимъ портретомъ ничто не могло идти въ сравненіе: въ немъ было особенное выраженіе, особенный колоритъ, разливавшій на все изображеніе дѣвушки какой-то очаровательный оттѣнокъ дѣвственности; нельзя было смотрѣть на этотъ портретъ безъ того, чтобы въ душѣ не напечатлѣлось тревожное и вмѣстѣ успокоительное чувство: столько въ этомъ лицѣ было красоты и очарованія, и въ то же время чистоты и невинности!

Обернувшись назадъ, Тиціанъ взглянулъ на юношу, и замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ на портретъ дѣвушки, улыбнулся.

— Ты любуешься этой картиной, Джюліо? сказалъ онъ ему.

— Да, синьоръ маэстро, отвѣчалъ Джюліо Монтани, его первый и любимый ученикъ: ночей это портретъ? Когда онъ былъ написанъ? гдѣ онъ былъ до сихъ поръ?

— Ты не спрашиваешь, *кѣмъ* онъ написанъ? Не ужели ты не желаешь узнать этого? Не ужели ты такъ не любопытенъ.

— О, синьоръ маэстро! мы всѣ дѣти Еввы, и любопытство есть наше врожден-

ное свойство; но мнѣ не зачѣмъ спрашивать, *кто* написалъ эту картину, потому что во всемъ мірѣ есть только *одинъ*, кто могъ такъ написать ее. Если ты хочешь, синьоръ маэстро, чтобы не узнавали твоихъ картинъ, то совѣтую тебѣ вѣшать ихъ рисункомъ къ стѣнѣ.

— Ты льстишь мнѣ, Джюліо, льстишь старому своему учителю. Ну, положимъ, что ты думаешь, какъ говоришь, и говоришь, какъ думаешь... Что̀ касается до портрета...

— Ахъ, да, синьоръ, скажите, чей же онъ?

— Такъ какъ ты очень желаешь узнать это и часто подшучиваешь надъ своимъ старымъ учителемъ, то, мой милый Джюліо, въ отмщеніе тебѣ я не скажу этого; сердись не сердись, но *теперь*, повторяю, я тебѣ этого не скажу... До свиданія, прибавилъ онъ, вставъ съ своего мѣста: погода чудная, я поѣду покататься на Лидо. *Addio*, *addio*!

Тиціанъ вышелъ изъ дому, сѣлъ въ свою гондолу и поплылъ черезъ лагуну. На лицѣ его видна была улыбка, подобная той, которою оживляется лицо человѣка при веселой мысли или удачной спекуляціи; ясно было, что въ душѣ его таится веселая дума. Протянувшись во всю длину, подъ навѣсомъ гондолы, вотъ что̀ думалъ Тиціано: онъ добрый малый, этотъ Джюліо Монтани, любитъ свое искусство и занимается имъ усердно. Нравъ у него тихій, нѣжный, сердце горячее. Моя Беатриче милая голубка. Хорошо, если въ его сердцѣ отъищетъ она пріютъ себѣ.... Какъ онъ смотрѣлъ на портретъ!.. Если онъ вполовину будетъ такъ любоваться оригиналомъ, то вскорѣ все дѣло уладится.... Да, Джюліо прекрасный молодой человѣкъ...

Вотъ какія мысли занимали Тиціана, во время непродолжительнаго плаванія его на Лидо.

Ученикъ его, въ то же время, разсматривалъ портретъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Это близкое, пристальное наблюденіе удостовѣрило его въ томъ мнѣніи, что картина превосходна не только, какъ произведеніе искусства, но какъ изображеніе женской красоты, еще никогда имъ невиданной въ Венеціи. Портретъ изображалъ, какъ мы сказали, прекрасную дѣвушку, въ самомъ цвѣтѣ юности; она несла маленькій ларчикъ, и остановилась, какъ будто для того, чтобы улыбнуться передъ зрителемъ улыбкою, подобною лучу солнечному. Лицо было красоты очаровательной; наивное милое выраженіе его, сердечная радость, невинно-простодушный взоръ — все это вмѣстѣ составляло такую прелесть, которая глубоко проникала въ душу.

Молодой артистъ любовался портретомъ нѣсколько времени и задумался: — дѣло не совсѣмъ для него обыкновенное, потому-что̀ хотя онъ былъ Испанецъ, но юноша съ пылкимъ воображеніемъ и живымъ характеромъ; а такіе люди не имѣютъ обыкновенія погружаться въ глубокія думы, которыя, по ихъ мнѣнію, болѣе приличны зрѣлому возрасту. Юноша мечталъ, мечталъ, мечталъ, до того, что когда Тиціанъ возвратился, то нашелъ своего ученика сидящимъ противъ портрета, съ карандашомъ въ рукахъ и съ поникшею главою. Тиціанъ подошелъ поближе, но Джюліо не шевелился; — еще ближе — Джюліо тяжело дышалъ; онъ положилъ ему руку на плечо — молодой человѣкъ вскочилъ: онъ заснулъ передъ портретомъ!.. О, какъ это не похоже на влюбленнаго!... Но siesta — сокровище для Испанца, а день былъ такой тяжелый, Джюліо такъ утомился.... притомъ одному сидѣть скучно.... А если говорить правду, то я вамъ скажу, что Джюліо, одаренный зоркимъ глазомъ живописца, въ отношеніи къ женской красотѣ, всю ночь провелъ подъ балкономъ одной красавицы, свѣтлые глаза которой очаровали его съ одного разу, когда онъ проходилъ подъ окнами палаццо ея отца. Джюліо Монтани сдѣлался ученикомъ Тиціана за шесть мѣсяцовъ до того, что̀ мы разсказываемъ. Онъ явился къ Тиціану безъ всякой рекомендаціи, но запла-

тилъ ему большую сумму за свои уроки. Вскорѣ кроткій его характеръ, его любовь къ искусству, его быстрые успѣхи, до того понравились Тиціану, одинокому вдовцу, что онъ упросилъ его быть своимъ жильцомъ. И точно, Тиціано былъ совершенно одинокъ: сынъ его, вѣтреный юноша, промѣнялъ Венецію на Кипръ и отправился туда въ свитѣ адмирала; дочь его Беатриче находилась на-время въ монастырѣ, гдѣ игуменьей была одна изъ ея родственницъ. Джюліо съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дома, съ котораго нашъ разсказъ начинается, онъ привыкъ къ Тиціану и обходился съ нимъ какъ нѣжный, добрый и послушный сынъ. Къ тому же онъ такъ искусно владѣлъ кистью, что ловкостію своею и страстію къ работѣ напоминалъ ему то, что самъ былъ Тиціанъ, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Нѣсколько дней прошло — портретъ все оставался въ мастерской Тиціана. Джюліо часто смотрѣлъ на него, но никогда объ немъ не говорилъ, и Тиціанъ не ошибся, думая, что въ этомъ молчаніи скрывалось какое нибудь значеніе...

=

Большой праздникъ приближался въ Венеціи — день Вознесенія, въ который Дожъ исполнялъ головую церемонію обрученія своего съ моремъ. На это великолѣпное торжество собиралась вся Венеція. Плаваніе Дожа отъ набережной герцогскаго палаццо до Лидо и Моломокко совершалось всегда на великолѣпной галерѣ, называемой Буцентавромъ (Bucentauro), которая сохранилась отъ самаго того времени, когда это торжество было въ первый разъ установлено. На этой галерѣ, кромѣ Дожа, сената, главныхъ чиновъ и адмирала (который представлялъ кормчаго и обязывался присягой — приводить въ цѣлости судно назадъ, въ гавань адмиралтейства) — находились посланники всѣхъ странъ, которыя были въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Венеціею. Иногда, кромѣ *побилей* и высшихъ чиновъ республики, находились на ней почетнѣйшіе граждане, и Дожъ завсегда былъ очень доволенъ, если при этомъ торжествѣ присутствовалъ подлѣ него великій живописецъ Тиціано Вичелли, котораго кисть могла доставить ему безсмертіе самое прочное.

Джюліо съ товарищами, равныхъ съ нимъ лѣтъ, слѣдовалъ за процессіею, которая представляла зрѣлище неоцѣнимое для художника. Гордо разсѣкалъ волны Буцентавръ, и легкая гондола Джюліо такъ близко подплыла къ нему, что онъ могъ разсмотрѣть все общество, стоявшее на немъ подъ навѣсомъ малиноваго, шитаго золотомъ бархата. Каковы же были удивленіе и восторгъ Джюліо, когда вдругъ увидѣлъ онъ возлѣ Тиціана молодую дѣвушку, и узналъ въ ней прелестный оригиналъ очаровательнаго портрета! Церемонія продолжалась. Дожъ Андрео Гритти обручился съ моремъ — невѣстой непокорной и непостоянною — сими словами: «Обручаюсь съ тобою въ знакъ нашего истиннаго и вѣчнаго владычества». Въ ту самую минуту, какъ эти слова были вымолвлены, и кольцо брошено въ море, въ волны его со всѣхъ сторонъ посыпались цвѣты и благовонныя растенія — въ знакъ того, что невѣста обручается съ женихомъ своимъ.

Праздникъ кончился. Джюліо поспѣшилъ домой, гдѣ онъ нашелъ и своего маэстро. Разумѣется, первымъ предметомъ ихъ разговора было совершившееся великолѣпное торжество. Разсказывая подробно обо всѣхъ обстоятельствахъ, Тиціанъ ничего не сказалъ однако жъ о той очаровательной красавицѣ, которая была подлѣ него на галерѣ. Джюліо сказалъ, что онъ видѣлъ Тиціана на Буцентаврѣ — Тиціанъ ни слова. Наконецъ Джюліо рѣшился прямо сказать своему маэстро, что молодая синьора, которая была на галерѣ, подлѣ Тиціана, съ перваго взгляда показалась ему чрезвычайно-похожею на портретъ, которымъ онъ такъ любовался.

— Любуйся имъ, синьоръ Джюліо Мон-

тани, сказалъ маэстро: засни передъ нимъ въ избыткѣ восхищенія...

Молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Ну, ну, не краснѣй, ласково сказалъ Тиціанъ: это моя дочь, Беатриче, которую ты скоро увидишь. Но будешь ли ты ею любоваться или нѣтъ, я совѣтую тебѣ хорошенько выспаться прежде, нежели ты ее увидишь: ты знаешь, что женщины не любятъ лѣнивыхъ кавальеровъ... Не опасайся впрочемъ, — я ей этого не говорилъ. Она замѣтила тебя, когда ты подъѣзжалъ къ нашей галерѣ, и я сказалъ ей, что ты мой ученикъ и жилецъ, но не говорилъ, что ты до сна восхищался ея портретомъ. Ну, пойдемъ; тебѣ вѣрно понравится моя кроткая Беатриче. Она напоминаетъ мнѣ, и лицомъ и характеромъ, свою добрую, прекрасную мать.

И дѣйствительно, Беатриче понравилась Джюліо. И съ своей стороны она любовалась мужественной красотой и рыцарской осанкой Испанца... *Любовалась*... увы! это слово слишкомъ слабо. Женщина, въ сношеніяхъ своихъ съ нашимъ поломъ, едва ли знаетъ середину между холоднымъ равнодушіемъ и горячею любовью... Беатриче глубоко и всей душей привязалась къ Джюліо, прежде нежели сама она догадалась о своей любви. Отецъ ея видѣлъ это, и нисколько не останавливалъ влеченія своей дочери: онъ любилъ уже Джюліо Монтани, какъ роднаго сына, и радостно думалъ, что съ теченіемъ времени и обстоятельствами, Джюліо точно назоветъ его *отцомъ*, съ согласія Беатриче.

Джюліо много любовался красотою, ловкостію и невинностію Беатриче Вичелли; но онъ любилъ ее любовью брата — не болѣе. Должно сказать правду: онъ не подозрѣвалъ даже, какія чувства возбудилъ въ нѣжномъ сердцѣ дѣвушки своимъ пріятнымъ съ нею обхожденіемъ. Онъ читалъ, разговаривалъ съ нею, какъ бы съ своей нѣжно-любимою сестрою. Беатриче очень ошиблась, думая, что эти общія учтивости, эта ласка, значили что нибудь особенное....

Синьора страстно была влюблена въ него!

=

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Беатриче возвратилась въ домъ отцовскій. Въ продолженіе всего этого времени, молодая дѣвушка, очарованная своей страстію, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе возраставшею, страстію, столько же невинной, сколько и глубокою, ободренная надеждами, очень естественными въ ея полѣ и въ ея лѣтахъ, упивалась радостію, которая дѣлала ее счастливой болѣе, нежели когда-либо прежде. Въ это-то время Тиціанъ совершенно окончилъ портретъ ея, который остался неподражаемымъ образцомъ въ портретномъ искусствѣ. Украшая картинную галлерею одного богатаго любителя искусствъ въ Италіи, онъ извѣстенъ знатокамъ по нѣкоторымъ сдѣланнымъ съ него копіямъ и гравюрамъ.

Но Джюліо Монтани, не смотря на молодость и красоту Беатриче, влюбленъ въ нее не былъ....

=

Однажды, въ жаркій іюльскій день, сидѣли они вмѣстѣ, въ комнатѣ Беатриче. Прохладный вѣтерокъ вѣялъ съ Адріатическаго моря, и разлувалъ занавѣсы комнаты, какъ паруса оснащеннаго челнока. Былъ полдень. На улицахъ Венеціи все было тихо такъ, какъ въ другихъ городахъ не бываетъ и въ полночь: полуденный зной не позволялъ даже гондольерамъ выходить изъ-за дверей. Въ комнатѣ, гдѣ сидѣли Беатриче и Джюліо, было однакожъ прохладно, потому-что длинные занавѣсы, опущенные во всю вышину окна, защищая отъ солнца, впускали въ комнату прохладный вѣтерокъ.

Беатриче пѣла. Яркій румянецъ на ще-

кахъ и нѣсколько дрожащій голосъ, обнаруживая какъ будто внутреннее волненіе души, заставили Джюліо впервые подумать о чувствованіяхъ Беатриче къ нему.

Вотъ какой смыслъ заключался въ пѣсни Беатриче:

О, не ищи ни пышности, ни славы,
Могущества и власти не желай;
Къ чему тебѣ побѣдъ вѣнокъ кровавый?
Въ одной любви прямой найдешь ты рай.
Всѣ говорятъ, что будто я прекрасна,
Что взоръ мой полонъ жизни и огня...
Зачѣмъ же цвѣтъ красы моей напрасно?...
О, полюби, о, полюби меня!....

Пѣсня эта была простая мелодія, но въ ней видна была такая искренность страсти, что Джюліо невольно содрогнулся... Помолчавъ немного, онъ обратился къ прекрасной пѣвицѣ съ слѣдующими словами:

— Оставьте мандолину, Беатриче, и поговоримъ со мною. Вы никогда не спрашивали у мѣня: кто я и откуда? Но вѣдь я считаю васъ сестрою своею, такъ вамъ не должно не знать этого.

— Нѣтъ, сказала Беатриче, улыбнувшись и покраснѣвъ: я васъ не считаю братомъ, и не хочу знать вашихъ тайнъ. Дайте мнѣ спѣть мою баркаролу.

— Беатриче! съ важнымъ видомъ сказалъ Джюліо — такимъ голосомъ, который тотчасъ оледенилъ веселье ея: Беатриче! пришло время, въ которое и для васъ и для меня пора открыть вамъ тайну, если только можно назвать это тайной. Я не совсѣмъ то, чѣмъ кажусь вамъ: сказать короче, я принадлежу къ королевскому дому: мать моя—дочь одного испанскаго вельможи, а отецъмой — Императоръ Карлъ. Не желая вступить въ бракъ, предложенный мнѣ имъ, — потому-что рука и сердце мое принадлежали той, которую я самъ выбралъ — я оставилъ Испанію и сдѣлался ученикомъ вашего батюшки, какъ изъ любви къ искусству, такъ и потому, чтобы имѣть пріятное занятіе въ своей безпечной жизни....

Но онъ говорилъ ушамъ, его неслушающимъ, потому-что гораздо прежде, чѣмъ онъ кончилъ, Беатриче лишилась чувствъ; скоро однакожъ она превозмогла свою слабость и съ искренностію отвѣчала ему:

— Я не знала, я не могла знать, что подъ нашимъ кровомъ находится принцъ... Но кто бы вы ни были, вы должны оставить Венецію: вчера на *ridotto* (раутъ) у синьора Барбериго слышала я, что въ Венеціи тщательно отыскиваютъ одного Испанскаго принца, который скрывается здѣсь подъ вымышленнымъ именемъ: proveditori (полицейскіе чиновники) имѣютъ строгое приказаніе схватить его. Я слышала это случайно, стоя подлѣ двухъ побилей, разговаривавшихъ между собою... Вы должны спасаться, синьоръ! Ни безопасность ваша, ни наша честь не могутъ позволить вамъ остаться у насъ долѣе. Венеція въ войнѣ съ Императоромъ Карломъ; отецъ мой, одинъ изъ первыхъ гражданъ ея, былъ отличенъ императоромъ, и подозрѣніе, что онъ, зная, *кто вы*, скрывалъ васъ у себя въ домѣ, можетъ сравниться съ несчастіемъ вашего ареста здѣсь.

Джюліо, котораго настоящее имя—принцъ *Антоніо де Леонъ*, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— Но куда же я скроюсь? спросилъ онъ, совѣтуясь въ эту минуту опасности съ Беатриче.

— Вы назвали... вы упомянули... у васъ есть *одна*, съ которой вы помѣнялись любовью... она мало достойна ея, если не спасетъ васъ...

— Вы правду говорите, сказалъ принцъ: она дочь Сфорцы, герцога Миланскаго, и у него, хотя онъ небольшой пріятель нашего дома — и впрочемъ не имѣетъ причины поступать иначе — у него я найду себѣ убѣжище... А вы, Беатриче?...

— Я — ничего... Теперь про меня ни

слова, послѣ ни одной мысли! Теперь всѣ минуты вашей жизни сочтены. Вотъ, прибавила она, снявъ съ шеи богатое ожерелье: вотъ, если вы нуждаетесь въ способахъ доѣхать до Милана, возьмите это: теперь мнѣ не нужны богатыя украшенія.

Джюліо не принялъ пособія отъ Беатриче, потому-что съ нимъ было довольно брилліантовъ на всѣ издержки этого пути. Видя необходимость—какъ можно скорѣе поспѣшить отъѣздомъ, онъ удалился въ свою комнату, чтобы написать благодарственное письмо Тиціану: ему не хотѣлось проститься съ нимъ лично, во избѣжаніе всякихъ объясненій, непріятныхъ какъ для него самого, такъ, вѣроятно, и для Тиціана.

Но онъ не могъ утерпѣть, чтобы не взглянуть еще разъ на ту, которая въ это время была для него ангеломъ-хранителемъ. Онъ вошелъ въ комнату Беатриче.

Блѣдная, какъ бы неживая сидѣла она, склонивъ голову на руку. Джюліо подошелъ къ ней.

— Я пришелъ проститься съ вами, Беатриче, сказалъ онъ.

Беатриче, не поднимая взора, тихо протянула ему дрожащую руку.

— Простите, принцъ!

— Увидимся ли мы когда нибудь, когда я буду въ лучшей долѣ?

— *Тамъ*! прошептала Беатриче, поднявъ полные слезъ глаза къ небу.

Черезъ пять минутъ Джюліо уже не было въ домѣ Тиціана...

И съ нимъ исчезла ужасная рѣшимость, которая въ этомъ крушеніи всѣхъ надеждъ сердца Беатриче поддерживала ее и заставляла сыграть трудную и странную роль — казаться равнодушной, тогда какъ душа ея испытывала всю муку безнадежной любви. По отъѣздѣ Джюліо, Беатриче не двинулась съ мѣста, не сказала ни слова. Тиціанъ, возвратившись ввечеру домой, нашелъ ее подобною мраморной статуѣ.

Но несчастная страдала не долго: мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда Джюліо, ея не стало...

*

Съ нею кончилось счастіе Тиціана.... Одинокій, убитый горемъ, онъ отказался отъ общества, отъ людей, даже отъ искусства: съ той поры не нарисовалъ онъ ни одного портрета, ни одной картины.

— На что мнѣ богатство, на что мнѣ слава? говорилъ онъ: было у меня всего этого много, и я не радовался, я не гордился этимъ, потому-что у меня была одна радость, одна гордость, одно счастіе—дочь моя. Она въ могилѣ... кромѣ могилы и я ничего не желаю.

=

Про Джюліо или, правильнѣе, принца Антоніо де Леонъ, ничего неизвѣстно. Лѣтописи Венеціи не упоминаютъ о томъ, былъ ли онъ арестованъ, а потому должно полагать, что онъ успѣлъ спастись. Но дошелъ ли онъ до своей возлюбленной, женился ли на ней, и думалъ ли, въ теченіе жизни своей, когда нибудь о Беатриче—мы сказать не можемъ.

—

Часто по цѣлымъ днямъ почти Тиціанъ безмолвно сидѣлъ передъ портретомъ своей дочери. Занавѣсивъ его чернымъ покрываломъ; онъ тщательно берегъ его отъ любопытныхъ взоровъ. Умирая, онъ велѣлъ поставить его передъ собою: взоръ его угасъ на изображеніи дочери...

—

По смерти Тиціана, все его имущество, всѣ картины перешли въ руки наслѣдниковъ. Лучшія изъ произведеній великаго художника были пріобрѣтены для богатѣй-

шихъ картинныхъ галлерей Италіи. Портретъ Беатриче, купленный за дорогую цѣну, долгое время украшалъ частную галлерею одного богатаго аристократа. У Итальянцевъ эта картина и по сіе время извѣстна подъ именемъ *послѣдняго произведенія Тиціана* (l'ultima opera di Titiano); про нее осталась въ Италіи даже поговорка: L'ultima opera di Titiano é la sua prima opera (*послѣдняя* картина Тиціана есть его *первая картина.*)

—

Здѣсь оканчивается разсказъ моего пріятеля К***, возвратившагося въ прошломъ году изъ Италіи. Этотъ разсказъ написанъ имъ по моей просьбѣ: мнѣ хотѣлось знать исторію одной превосходной гравюры à l'aqua tinta, привезенной имъ изъ своего путешествія. Эта гравюра была именно копія съ портрета дочери Тиціана. Справедливо ли все, что разсказываетъ мой пріятель, не знаю: я за что купилъ, за то и продаю.

Л. Л.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ЗНАМЕНИТАГО АКТЕРА.

Въ уединенной тавернѣ, находящейся въ окрестностяхъ Манчестера, ужинали за однимъ столикомъ трое мужчинъ, одна молодая женщина и нѣсколько дѣтей.

По странной, безпорядочной одеждѣ ужинавшихъ, по ихъ разговору, то довольно пошлому, то остроумному и, наконецъ, по багажу ихъ, состоявшему изъ нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментовъ и связки пестрыхъ лохмотьевъ, легко было угадать, что эти люди принадлежали къ бѣдному классу странствующихъ актеровъ.

Старикъ Бобъ, — директоръ, режиссеръ, контролеръ, декораторъ и кларнетистъ своего театра, бродилъ вокругъ стола, печально вздыхая по временамъ и бросая вокругъ себя мрачные взгляды.

— Что̀ вы все ходите, мистеръ Бобъ? сказалъ ему актеръ Томъ. Вы только по-пустому носите мои красные сапоги.... да еще вздыхаете, словно ханжа какая!

— Полно задумываться, пріятель, сказалъ послѣ того пѣвецъ Джаксонъ: ты прозѣваешь свой ужинъ. Смотри-ка, какъ Томъ убираетъ пудингъ; полно, Бобъ, ступай ужинать: завтра, можетъ статься, не придется перекусить утромъ....

— Я не голоденъ, грустно отвѣчалъ Бобъ и машинально протянулъ руку за кувшиномъ съ пивомъ, но тотъ же часъ отдернулъ ее назадъ, какъ будто отъ сильной обжоги о края кувшина. Мнѣ и пить не хочется! сказалъ онъ сердито и глубоко вздохнулъ потомъ.

— Да! воскликнулъ одинъ молодой, рыжеватый актеръ: дядюшкѣ Бобу не хочется пить отъ того, что въ кувшинѣ вода, а не портеръ.

Бобъ показалъ видъ, что не слышитъ этихъ словъ, а Томъ воскликнулъ въ свою очередь: Въ самомъ дѣлѣ, господа, не спросить ли намъ пива?

— Что̀ за пиво, сегодня, Томъ? съ важностію возразилъ Джаксонъ: завтра будетъ ведро и хорошій сборъ, завтра и поужинаемъ мы посытнѣе.... а сегодня спасибо хозяину и за то, что повѣрилъ въ долгъ пуддингъ....

— Джаксонъ говоритъ правду, воскликнулъ «первый любовникъ»: завтра будетъ славный сборъ, завтра будутъ у насъ жа

реные голуби, портеръ, рыба подъ соусомъ и пуншъ!

При словахъ «жареные голуби, рыба подъ соусомъ», дѣти, сидѣвшія на другомъ концѣ стола, вспрыгнули съ мѣстъ своихъ и закричали отъ радости. Но радость ихъ была непродолжительна. Бобъ, продолжавшій бродить покомнатѣ, не смотря на увѣщаніе Тома, вдругъ остановился и сказалъ важно и печально:

— Завтра, господа! завтра, можетъ быть, придется намъ кушать сѣно, да пить воду, а объ жареныхъ голубяхъ и не думать....

— А почему бы такъ? воскликнули всѣ прочіе.

— Почему? съ живостію возразилъ Бобъ. почему? а развѣ вы не видите, что *его* нѣтъ и теперь?...

— Давида? воскликнула молоденькая, хорошенькая, бѣлокурая Битти.

— Да, Давида, сказалъ Бобъ; онъ хотѣлъ пробыть у герцога Бидфорда не долго, а вотъ ужъ цѣлые два дня, какъ его нѣтъ! Кто жъ завтра будетъ играть роли Шейлока и арлекина, если онъ не воротится? Кто пропоетъ Rule Britannia съ такимъ энтузіазмомъ, какъ онъ поетъ? Что мы будемъ безъ него дѣлать?

— Правда, сказалъ Томъ: — но Давидъ воротится сегодня.

— Нѣтъ, возразилъ Бобъ, нѣтъ, онъ не воротится: герцогъ любитъ его и навѣрное возьметъ его къ себѣ въ службу, а Давидъ съ радостію оставитъ насъ: ему надоѣло ѣсть одинъ картофель, да спать на голой соломѣ....

Старикъ Бобъ, произнося эти послѣднія слова, горестно пожалъ плечами, тяжело вздохнулъ и глубоко запряталъ носъ въ свой просторный галстухъ.

— Вы съ-ума сошли, мистеръ Бобъ, сказалъ Томъ.

— Разумѣется, подхватила съ живостію бѣлокурая Битти: только сумасшедшему придетъ въ голову, что Давитъ оставитъ насъ. Еслижъ онъ не придетъ сегодня, я сама завтра на разсвѣтѣ пойду за нимъ и приведу его... да, приведу!.. хоть бы онъ былъ у самой герцогини, не только что у герцога!

Сказавъ это, Битти быстро встала съ своего мѣста, но, въ слѣдъ за тѣмъ, замѣтивъ неосторожность такой выходки, покраснѣла, потупила глазки и снова опустилась на свою скамейку.

Въ эту минуту вошелъ въ таверну трактирщикъ съ крайне-грозною миною и съ длиннымъ счетомъ въ рукѣ. Онъ только-что началъ-было требовать уплаты, какъ вдругъ дверь отворилась съ шумомъ и передъ изумленною трупою предсталъ Давидъ, отсутствіе котораго такъ безпокоило его товарищей.

— Давидъ! воскликнула Битти: вѣдь я говорила, что онъ воротится сегодня...

— Я былъ увѣренъ въ этомъ! Сказали всѣ другіе актеры въ одно и то же время.

— Я тоже былъ увѣренъ, подхватилъ старикъ Бобъ.

— Я воротился бы еще утромъ, сказалъ Давидъ, еслибъ погода была сколько нибудь получше и была бы хоть какая нибудь надежда, что вы станете играть сегодня. Мнѣ ужъ смерть сдѣлалось скучно у герцога..... я переигралъ у него всѣ мои роли..... Ну, теперь ужинать! Хозяинъ! жаркаго, бѣлаго хлѣба и портеру! портеру, да самаго лучшаго и для всѣхъ! прибавилъ онъ, бросая на столъ крону. Хозяинъ учтиво подхватилъ монету, а старикъ Бобъ весело улыбнулся, отворотилъ воротникъ своего сюртука и, къ великой радости Тома, столь озабоченнаго благодѣяніемъ красныхъ сапоговъ своихъ, усѣлся передъ столомъ.

Бѣдные комедіанты, воображавшіе за минуту предъ тѣмъ, что они ужинали, принялись съ величайшимъ усердіемъ за ростбифъ, за портеръ и за пуншъ. Всѣ были довольны и, наконецъ, поужинавъ, въ самомъ дѣлѣ, собирались уже спать, какъ вдругъ Давидъ потребовалъ шампанскаго:

— Мы не станемъ пить! воскликнули актеры, испуганные этою новою, колоссальною для нихъ издержкою.

— А! вы боитесь, что мнѣ не чѣмъ заплатить, подхватилъ Давидъ. Постойте же, я покажу вамъ, что у насъ есть кое-что... вотъ, напримѣръ, серебрецо, а вотъ и ассигнаціи...

При видѣ банковаго билета въ пять гиней, который Давидъ торжественно вынулъ изъ кармана, актеры ужаснулись; они робко взглянули другъ на друга, сдѣлали другъ другу нѣсколько знаковъ и на цыпочкахъ выбрались изъ таверны.

Давидъ, озабоченный разливаньемъ шампанскаго по бокаламъ и уже не совсѣмъ трезвый, замѣтилъ уходъ своихъ товарищей только въ то время, когда въ тавернѣ не было уже ни души.

— Что бъ чортъ ихъ побралъ и со сномъ ихъ! проворчалъ онъ сердито сквозь зубы: — пусть же спятъ, а я одинъ выпью.

Потомъ онъ выпилъ поочереди всѣ бокалы, опрокинулъ бутылку на полъ и заснулъ на столѣ.

На другой день Давидъ проснулся очень поздно. Передъ нимъ стоялъ старикъ Бобъ.

— Ну, Давидъ, сказалъ онъ съ важностію, пора вставать; теперь тебѣ не о снѣ надобно думать.

— А почему бы такъ? спросилъ Давидъ, открывъ наконецъ совершенно глаза.

— Вставай, печально сказалъ Бобъ: вотъ твой арлекиновскій костюмъ, и твоя труба; возьми эту связку... ступай подальше отсюда, и да проститъ тебя Господь Богъ!

Давидъ не понималъ ни слова и молчалъ.

— Ты молодъ, продолжалъ Бобъ, дѣятеленъ, уменъ; ты добудешь себѣ хлѣбъ... только старайся укрыться отъ полицейскихъ... но мы... худо намъ будетъ безъ тебя, Давидъ!

При этихъ словахъ старикъ заплакалъ.

Видно, думалъ про себя Давидъ, онъ много выпилъ сегодня... Въ эту минуту вошла въ комнату Битти въ клеенчатомъ плащѣ и съ корзинкою въ рукахъ.

— Здравствуй, Битти, сказалъ Давидъ: что такъ рано снарядилась сегодня?

— Я ѣду съ тобою, отвѣчала Битти.

— А куда мы поѣдемъ? спросилъ Давидъ, вставая съ своей жесткой постели.

— Куда ты хочешь, сказала Битти; я отъ тебя не отстану.... давай, я положу твои вещи въ корзинку...

— Да что за чертовщина такая? воскликнулъ Давидъ: во снѣ, что ли я все это вижу? Гдѣ наши товарищи?

— Въ сараѣ... они прогнали меня оттуда за то, что я отстаивала тебя и просила не отсылать.

— Зачѣмъ же хотятъ они отослать меня?

— Затѣмъ, чтобы ихъ не повѣсили вмѣстѣ съ тобою.

— Какъ повѣсили? Да за что жъ меня повѣсятъ? сказалъ Давидъ съ громкимъ смѣхомъ.

— За кражу... такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ дядюшка Бобъ.

— За кражу? сказалъ Давидъ нѣсколько серьезнѣе: въ чемъ же обвиняютъ меня?

— Въ томъ... въ томъ, что ты укр... что... банковый билетъ... нерѣшительно отвѣчала Битти.

— У кого жъ я укралъ его? сурово спросилъ Давидъ.

— У герцога Бидфорда, въ полголоса сказала Битти.

Наступило довольно продолжительное молчаніе. Давидъ былъ въ сильномъ волненіи; онъ быстрыми шагами ходилъ по тавернѣ изъ угла въ уголъ; потомъ вдругъ остановился, схватилъ Битти за руку и сказалъ съ рѣшительнымъ видомъ:

— Пойдемъ, Битти: я поговорю съ ними.

— Ты поссоришься съ ними! сказала Битти, стараясь удержать его.

— Не поссорюсь! не поссорюсь! съ живостію отвѣчалъ Давидъ; потомъ онъ поспѣшно перешелъ черезъ дворъ и растворилъ настежь огромную дверь какого-то ветхаго зданія.

Это была дверь сарая.

При видѣ Давида, актеры отступили нѣсколько шаговъ назадъ, какъ будто отъ страшнаго призрака.

— Зачѣмъ вы бѣжите отъ меня? сказалъ имъ Давидъ.

Отвѣта не было.

— Я раздѣлилъ съ вами, продолжалъ онъ горестно: то, что досталъ съ такимъ тяжкимъ трудомъ, а вы... вы называете меня воромъ! Джонъ Бобъ! сказалъ онъ обращаясь къ директору: вы сейчасъ должны идти со мною къ герцогу... вы убѣдитесь тамъ, что Давидъ не былъ воромъ! Сказавъ это, онъ схватилъ старика Боба за воротъ и увлекъ его за собою со двора таверны.

Трактирщикъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены и озабоченный участью уплаты за вчерашній роскошный ужинъ, послѣдовалъ за Давидомъ и Бобомъ. Всѣ трое пришли они въ домъ герцога, почти силою ворвались въ комнаты и прошли до самой спальни вельможи. Герцогъ былъ еще въ постелѣ.

— Простите, милордъ, сказалъ ему Давидъ: что я нарушаю вашъ покой; теперь дѣло идетъ о моей чести... и я осмѣлился...

Герцогъ, удивленный этимъ страннымъ посѣщеніемъ и еще болѣе того страннымъ вступленіемъ, приподнялся съ своего пышнаго ложа.

— Вчера вечеромъ, продолжалъ Давидъ: вы пожаловали мнѣ банковый билетъ въ пять гиней, а мои товарищи думаютъ, что я укралъ его у васъ.

— Я не давалъ вамъ билета въ пять гиней, отвѣчалъ герцогъ съ лукавою улыбкою.

— Простите его, милордъ, сказалъ Бобъ умоляющимъ голосомъ, молодость...

— Вы говорите неправду, герцогъ! воскликнулъ Давидъ: вотъ билетъ, который вы дали мнѣ вчера.

Герцогъ спокойно протянулъ руку, взялъ билетъ и внимательно посмотрѣлъ на него.

—Я ошибся, сказалъ онъ потомъ, подавая Давиду другую ассигнацію: мнѣ показалось вчера, что я далъ вамъ билетъ въ десять гиней... извините... вотъ тотъ, который былъ назначенъ вамъ... а теперь, господа, до свиданія... мнѣ еще рано вставать...

Давидъ и товарищи его удалились.

Кажется, нѣтъ надобности говорить, что, послѣ этого объясненія, актеры примирились съ нимъ, что о разставаньи не было и помину и что они заключили свое примиреніе ростбифомъ, портеромъ и пуншемъ.

Знаете ли, чѣмъ сдѣлался въ послѣдствіи этотъ бѣдный странствующій актеръ, игравшій роли арлекина для потѣхи бѣдныхъ простолюдиновъ? Онъ сдѣлался славою Англійской сцены, онъ сдѣлался знаменитымъ во всей Европѣ подъ именемъ *Эдмонда Кина*.

Кинъ, во время самыхъ блестящихъ торжествъ своихъ, любилъ припоминать о своей прежней бѣдности и разсказывать объ этомъ происшествіи.

ТЕАТРАЛЬНАЯ МОЗАИКА.

БЕЛЛИНИ.

Теперь, въ самое музыкальное время года въ С.-Петербургѣ, имя Беллини встрѣчается почти каждый день, почти на каждой концертной афишѣ. Читателямъ Репертуара вѣрно не-непріятно будетъ узнать нѣкоторыя подробности о его жизни.

Винченцію Беллини родился въ 1804 году въ Катаніи, (неподалеку отъ Мессины, въ Сициліи). Отецъ его содержалъ многочисленное семейство свое музыкальными уроками. Для Винченціо, гораздо лучше знавшій музыку, чѣмъ отецъ его, принялъ на себя музыкальное воспитаніе будущаго маэстро. Замѣтивъ въ воспитанникѣ своемъ самыя счастливыя способности, онъ отправилъ его, въ 1814 году, къ одному пріятелю въ Неаполь, для опредѣленія въ тамошнюю знаменитую Консерваторію. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ этомъ заведеніи пансіонеромъ, Беллини такъ отличился, что былъ перемѣщенъ на содержаніе Консерваторіи.

Въ 1821 году онъ былъ назначенъ главнымъ репетиторомъ, а въ 1824 г. именованъ первымъ воспитанникомъ Консерваторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ порученъ надзоръ задругими ея воспитанниками. Знаменитый Зингарелли, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго находился онъ во все время ученія, поручилъ ему написать, для перваго опыта, музыку для литургіи. Послѣ того, въ 1825 году, онъ сочинилъ для театра Консерваторіи оперу въ двухъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: Adelson e Salvini. Лаблашъ, присутствовавшій при представленіи этой піесы, достойно оцѣнилъ даровитость автора и взялъ его подъ свое покровительство. Е. В. королева Неаполитанская, которой былъ рекомендованъ Беллини, поручила директору Барбайѣ предложить ему написать оперу. Барбайя исполнилъ это порученіе тѣмъ охотнѣе, что былъ уже предупрежденъ Лаблашемъ въ пользу молодаго маэстро. По этому-то приглашенію написалъ Беллини въ 1826 году, для Рубини, Лаблаша и Лаланда, оперу Bianca e Fernande.

Успѣхъ этой піесы, въ которой особенно замѣчены были прелестный дуетъ, пропѣтый Рубини и Лаландомъ, и арія, выпавшая на долю Лаблаша, рѣшилъ Барбайю отпрзвить Беллини въ Миланъ (гдѣ Барбайя также управлялъ театромъ), съ тѣмъ, чтобы юный композиторъ написалъ тамъ на либретто Романи, тогда еще весьма мало извѣстнаго, оперу для Рубини и Лаланда. Въ 1827 году, Беллини сочинилъ своего

Pirata, пріобрѣвшаго ему Европейскую знаменитость. Тогдашніе журналы, гиперболически смотрѣвшіе на его раждающійся талантъ, и поставившіе его за Bianca e Fernando наравнѣ съ Россини, превознесли его, при появленіи Pirata, выше del piu gran maestro del mondo (величайшаго маэстро въ мірѣ). Анекдотъ, который мы передадимъ здѣсь, объясняетъ этотъ энтузіазмъ, хотя и не оправдываетъ его.

Во время репетицій Pirata въ Миланѣ, Россини посѣтилъ однажды какого-то знакомаго своего, жившаго надъ самою квартирою Беллини. Сей послѣдній, начинавшій бриться въ ту минуту, когда узналъ объ этомъ посѣщеніи, бросилъ бритву и выбѣжалъ за дверь, чтобы взглянуть на знаменитаго творца Танкреда. Вскорѣ послѣ того, Россини вышелъ отъ своего знакомаго и Беллини имѣлъ случай представиться. Россини, увидѣвъ, что лицо молодаго художника было покрыто мыломъ, сказалъ ему со смѣхомъ: «я слышалъ вашу оперу вчера на репетиціи и отъ души поздравляю васъ: вы начинаете тѣмъ, чѣмъ другіе оканчиваютъ.»

Этотъ комплиментъ, повторенный во всѣхъ журналахъ, еще болѣе убѣдилъ Миланскую публику въ томъ, что Беллини выше Россини: она подумала, что Россини самъ сознается въ этомъ. Беллини сдѣлался ея идоломъ..... Въ 1828 году, во время открытія Генуэзкаго театра Carlo Felice, Беллини былъ призванъ туда вмѣстѣ съ Доницетти. Каждому изъ нихъ было поручено написать по оперѣ. Но такъ-какъ срокъ для сочиненія былъ данъ весьма непродолжительный, то Беллини нашелся въ необходимости арранжировать свою Bianca e Fernando для голосовъ г-жи Козп, Давида и Тамбурини, присовокупивъ къ этой піесѣ нѣсколько новыхъ нумеровъ. Но опера эта была не слишкомъ хорошо принята Генуэзцами. Возвратясь въ Миланъ, онъ по порученію Барбайя написалъ новую оперу и назвалъ ее — la Straniera.

Миланцы приняли ее съ восторгомъ, хотя въ ней и нѣтъ ничего особенно-хорошаго. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ призванъ въ Парму, гдѣ открывался въ то время новый театръ; но ему не посчастливилось на этотъ разъ: *Зайра*, которую онъ написалъ тамъ и въ представленіи которой участвовали: Лаблашъ, Лаландъ и Чеккони, не удержалась въ репертуарѣ Парижскаго театра и не была нигдѣ послѣ того играна.

Въ 1830 году онъ былъ вызванъ въ Венецію и сочинилъ для Юліи Гризи, Карадори и Бонфильи Capuletti e Montecchi,— оперу, на либретто которой, написанное Романи и названное имъ Giulietta e Romeo, была уже сочинена музыка композиторомъ Вакаи.

Бывшій наставникъ Беллини, Зингарелли, узнавъ объ этой передѣлкѣ, былъ чрезвычайно раздраженъ *смѣлостію* своего питомца; онъ обвинялъ Беллини въ неблагодарности, въ самонадѣянности, въ томъ, что онъ осмѣлился написать музыку на сюжетъ, уже избранный другимъ маэстро. Негодованіе Зингарелли, любившаго Беллини, какъ своего роднаго сына, простерлось до того, что онъ не хотѣлъ и слышать о своемъ питомцѣ. Однакожъ гнѣвъ его потухъ, когда Беллини написалъ и посвятилъ ему Норму.

Возвратившись въ Миланъ, Беллини написалъ для Пасты и Рубини — Сомнамбулу, которую предназначено было дать на театрѣ Каркано въ одинъ и тотъ же годъ съ Анной Боленъ Доницети. Послѣ того, въ декабрѣ 1831 г. онъ сочинилъ для Пасты и Донзелли свою прелестную Норму. Опера эта, благодаря тому, что г-жа Паста пѣла фальшиво многія ея аріи, не имѣла успѣха при первыхъ представленіяхъ; но послѣ того она была принята съ восторгомъ въ Неаполѣ, гдѣ участвовала въ ней Малибранъ, и въ Лондонѣ, гдѣ участвовала въ ней та же самая г-жа Паста.

Въ 1832 году Беллини вздумалъ посѣтить родину свою, гдѣ не былъ онъ около пятнадцати лѣтъ. Катанійцы были восхищены его пріѣздомъ; во все время пребыванія Беллини въ Катаніи, они давали въ честь его празднество за празднествомъ, и даже выписали изъ Неаполя труппу актеровъ для представленія піесъ, имъ написанныхъ.

Beatrice Tenda, написанная въ 1833

году для Венеціянскаго театра, не имѣла большаго успѣха, потому что Беллини замедлилъ ея окончаніемъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ довольно-жаркой полемикѣ между Беллини и авторомъ либретто, Романи. Беллини утверждалъ, что Романи слишкомъ долго продержалъ либретто у себя, а Романи обвинялъ Беллини въ безпечности и говорилъ, что онъ гораздо болѣе любитъ *забавляться*, чѣмъ *писать*.

Вскорѣ послѣ первыхъ представленій Beatrice Tenda, Беллини посѣтилъ съ г-жею Паста — Лондонъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что г-жа Паста чрезвычайно любила Беллини и, еслибъ онъ пожелалъ, охотно бы выдала за него дочь свою.

Въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ принятъ чрезвычайно благосклонно въ самомъ высокомъ кругу, написалъ онъ для тамошняго Итальянскаго театра I Puritani. Говорятъ, что одинъ изъ дуэтовъ этой оперы, имѣвшій самый блестящій успѣхъ, былъ сочиненъ имъ единственно для того, чтобы удовлетворить самолюбію двухъ пѣвцовъ-соперниковъ.

Музыка Беллини нравится почти всѣмъ, но музыка эта не безъ недостатковъ. Цѣлая половина мотивовъ его принадлежитъ не ему; онъ самъ сознавался въ этомъ; впрочемъ онъ умѣлъ превосходно обработывать чужія идеи. Такъ называемые morceaux d'ensemble составляютъ самую слабую сторону въ его операхъ; онъ сознавался и въ этомъ. Беллини не слишкомъ хорошо зналъ инструментовку; но, прибывъ въ Парижъ, онъ началъ прилежно знакомиться съ нею и изучать творенія Нѣмецкихъ композиторовъ. Результаты этого изученія замѣтны уже въ Пуританахъ, — операѣ, инструментованной гораздо лучше, чѣмъ другія его произведенія. Однакожъ, должно сказать, что музыка его имѣетъ много прелести и долго будетъ нравиться своей граціей, нѣжностью и какою-то милою грустію.

Донизетти написалъ тридцать восемь оперъ, но не пользуется такою извѣстностію, какъ Беллини, который написалъ только девять. Вотъ какъ отозвался однажды Россини о томъ и другомъ изъ нихъ: «Донизетти — истинный художникъ: въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но Беллини, у котораго есть чувство и своя особенная метода, гораздо болѣе всѣмъ нравится, чѣмъ Донизетти.

ЗАГОРОДНЫЙ ДОМИКЪ ТАЛЬМЫ.

Долгое время мечталъ Тальма о загородномъ уединеніи, гдѣ бы онъ могъ на свободѣ предаваться искусству и вдохновенію. Наконецъ, въ 1806 году, обстоятельства позволили ему осуществить любимую мечту свою: въ этомъ году, Тальма купилъ въ хорошенькой деревнѣ Брюнуа, находящейся въ 5 миляхъ отъ Парижа, нѣсколько десятинъ земли и выстроилъ на ней красивый домикъ. Но домикъ этотъ недолго радовалъ великаго художника. Однажды Тальма узналъ, что земля, смежная съ его маленькою виллою, продается. Узнавъ объ этомъ, онъ тотчасъ же отправился къ владѣльцу продаваемой дачи.

— На вашей дачѣ, сказалъ онъ ему, мнѣ бы гораздо лучше было построиться, чѣмъ на моей: мѣстоположеніе у васъ чудесное.

— Да, холодно отвѣчалъ сосѣдъ, но теперь ужъ поздно.

— А почему поздно? съ живостію возразилъ Тальма.

— Потому что вашъ домъ уже выстроенъ.

Препятствіе это не показалось Тальмѣ слишкомъ важнымъ: онъ приказалъ сломать свой домъ и выстроить точно такой же на смежной дачѣ.

Эта неожиданная перестройка послужила поводомъ къ довольно забавному происшествію. Наполеонъ, какъ извѣстно, имѣлъ привычку призывать къ себѣ Тальму неожиданно. Какъ-то разъ посланъ былъ за нимъ придворный лакей. Посланный, хорошо знавшій домикъ артиста, отправился въ сумеркахъ, твердо надѣясь найдти эту виллу. Но, о ужасъ! на томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько дней предъ тѣмъ стояла она, нѣтъ ничего, кромѣ травы и нѣсколькихъ кустовъ: бѣдный лакей остолбенѣлъ отъ изумленія... Увѣрившись наконецъ, что домъ переправился на другое мѣсто, онъ твердо

убѣдился, что зданіе это построено было на подвижномъ фундаментѣ.

Тальма страстно полюбилъ свою дачу, проводилъ на ней все свободное отъ занятій время и принималъ друзей своихъ. Самъ Наполеонъ посѣщалъ Брюнуа. Но, какъ бы вы думали, чѣмъ занимался Тальма на дачѣ? Онъ игралъ тамъ съ пріятелями комедіи, да еще какія! напр. *Отчаяніе Жокриса*! Сыгравъ свою роль, онъ не рѣдко обращался къ зрителямъ и спрашивалъ съ гордостію:

— Не правда ли, что я играю лучше, чѣмъ Брюне? Да?

Можно себѣ представить, каковъ былъ величественный Тальма въ роли Жокриса...

Во время первыхъ представленій *Школы Стариковъ* случилась въ Брюнуа довольно странная сцена. Всѣ, видѣвшіе Тальму въ «Школѣ» помнятъ, какъ великъ былъ тогдашній успѣхъ его, но весьма немногіе знаютъ, что успѣхъ этотъ долженъ быть приписанъ жестокой досадѣ. Во время репетицій «Школы» ему вдало на мысль, что онъ, какъ первый трагикъ Европы, непремѣнно долженъ влюбиться въ первую комическую актрису Европы. Подумавъ порядкомъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ влюбился въ г-жу Марсъ, влюбился такъ, какъ была влюблена въ Наполеона г-жа Сталь. А публика, восхищавшаяся Тальмою въ піесѣ, о которой говоримъ мы, восхищавшался его сценическою любовью, и не подозрѣвала, что Тальма передавалъ свои истинныя чувства, свою истинную, но обманутую страсть... Сцена, въ которой убѣдился Тальма въ несбыточности надеждъ своихъ, происходила въ Брюнуа и была очень непродолжительна.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ г-жи Марсъ на эту дачу, Тальма побѣдилъ свою долгую нерѣшительность, упалъ передъ несравненною актриссою на колѣни и въ самыхъ страстныхъ, въ самыхъ поэтическихъ выраженіяхъ, высказалъ ей свои чувства.

Г-жа Марсъ выслушала его внимательно, улыбнулась и сказала съ тою дружескою фамильярностію, которая такъ часто встрѣчается между артистами:

— Да, мой добрый Тальма, ты влюбленъ: я это вижу; но только не въ меня, а... въ искусство!

— Богъ мой! вѣдь это правда! простодушно сказалъ Тальма, вытирая колѣни свои, къ которымъ прильнуло нѣсколько пыли.

Въ отношеніи къ искусству, владѣніе этою большою дачею имѣло большое вліяніе на Тальму. Не одинъ разъ, въ живописныхъ аллеяхъ ея, испытывалъ онъ чудную силу своего громозвучнаго голоса... но надъ кѣмъ бы вы думали? надъ маленькими мальчиками! И сколько ролей создалъ онъ въ этомъ уединеніи!...

Послѣ смерти Тальмы этотъ домикъ былъ проданъ съ аукціоннаго торга.

ФАННИ И ТЕРЕЗА ЭЛЬСЛЕРЪ.

Лѣтъ пять, шесть тому назадъ, имя Фанни Эльслеръ, нынѣ столь знаменитое, было почти неизвѣстно въ Парижѣ. Вдругъ, около того времени, о которомъ говоримъ мы, разнесся въ Парижѣ слухъ, что нѣкто Веронъ, директоръ одного изъ тамошнихъ театровъ, открылъ въ Лондонѣ два чуда, двухъ сестеръ, дѣвицъ Терезу и Фанни Эльслеръ и ангажировалъ ихъ въ свою труппу. Говорили также, что для нихъ именно готовится новый пышный балетъ съ очаровательными декораціями, съ богатыми костюмами. Толки эти возбудили всеобщее любопытство: Парижане ждали новыхъ танцовщицъ съ нетерпѣніемъ.

Наконецъ наступилъ и день дебюта. День этотъ не обманулъ ожиданій публики: Парижъ остался доволенъ Терезою Эльслеръ и пришелъ въ восторгъ отъ ея меньшей сестры, отъ очаровательной Фанни. Съ этого дня она сдѣлалась любимицею Парижанъ и стала въ мнѣніи ихъ наравнѣ съ Таліони.

Фанни Эльслеръ родилась въ Вѣнѣ, между 1810 и 1812 годами. Она дебютировала тамъ, въ самой первой молодости, на Каринтійскомъ театрѣ (Kärnthner-thor). Семейство ея посвятило ее и Терезу, съ самаго дѣтства ихъ, изученію искусства, украшеніемъ котораго она сдѣлалась нынѣ. Ей было, кажется, не болѣе пяти лѣтъ, когда появилась она въ первый разъ на сценѣ. Въ послѣдствіи, знаменитый Омеръ сдѣлался наставникомъ ея и передалъ ей то

благородство движеній, которымъ отличались танцы того времени.

Изъ Вѣны Фанни Эльслеръ переселилась въ Неаполь—въ этотъ музыкальный и хореграфическій городъ по превосходству, — и чрезвычайно понравилась тамошней публикѣ. Барбалья (Barbaglia), столько извѣстный по своему колоссальному богатству, ангажировалъ ее къ своему театру на весьма-выгодныхъ условіяхъ. Но, не смотря на все это, желаніе новизны, жажда славы и наконецъ то безпокойное чувство, которое мучитъ истиннаго художника, пока не найдетъ онъ *своего* мѣста, пока не станетъ на самую высокую степень извѣстности, снова увлекли Фанни Эльслеръ въ Германію.

На этотъ разъ, она отправилась въ Берлинъ. Успѣхъ ея въ отчизнѣ Гофмана, столь степенной, столь простой и вмѣстѣ съ тѣмъ столь ученой и страстной ко всему изящному, былъ полный и блестящій.

Здѣсь-то, въ этомъ-то художественномъ городѣ, Фанни наиболѣе изучала свое искусство и здѣсь-то поистинѣ началась ея извѣстность. Впрочемъ, пребываніе въ Берлинѣ, ознаменованное трудомъ и славою, навсегда осталось въ ея памяти.

Фанни ангажировалась къ Берлинскимъ театрамъ три или четыре раза. Въ промежутки своихъ театральныхъ контрактовъ, она посѣщала Лондонъ и была принимаема тамъ съ такимъ же восторгомъ, какъ и въ Берлинѣ. Наконецъ въ 1835 году она появилась въ Парижѣ и пріобрѣла ту огромную знаменитость, которою пользуется нынѣ въ цѣломъ мірѣ. Едвали можно указать въ исторіи искусства, а въ исторіи танцовальнаго искусства рѣшительно нельзя, другой примѣръ такого, можносказать, безумнаго восторга, съ какимъ встрѣчаютъ и принимаютъ Фанни Эльслеръ въ Сѣверной Америкѣ! Въ Ричмондѣ, напримѣръ, столицѣ Виргиніи, прибытіе ея возвѣщено было пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ; первые сановники, въ сопровожденіи всѣхъ жителей города, несли ее на рукахъ, и пр. и пр. Всякій шагъ ея, всякое слово вносятся въ хронику журналовъ, и составляютъ предметъ всеобщаго любопытства и удивленія. Однимъ словомъ, Фанни Эльслеръ есть идолъ Сѣверо-Американцевъ, идолъ, которому они поклоняются и предъ которымъ благоговѣютъ.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о старшей сестрѣ Фанни, — ея вѣрной спутницѣ во всѣхъ хореграфическихъ странствованіяхъ по Европѣ.

Тереза Эльслеръ высока ростомъ, и граціозна; но танцуетъ — если можно такъ выразиться—слишкомъ съ академическою точностію, какъ-то холодно; слишкомъ высокій ростъ ея какъ будто не въ ладу съ тою прелестною легкостію, которою отличается Фанни. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, Терезу Эльслеръ должно причислить къ первокласснымъ танцовщицамъ.

ПАРИЖСКІЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРИВРАТНИКЪ.

Странная власть дана этому человѣку: — власть охранять закулисный міръ столь обольстительный для воображенія, отъ вторженій молодыхъ и немолодыхъ искателей счастія.... И какъ умѣетъ онъ пользоваться этою властію! Какъ умѣетъ онъ отличить посвященнаго въ закулисныя таинства отъ профана! Бѣдные профаны! Напрасно прибѣгаютъ они къ самымъ остроумнымъ хитростямъ; напрасно выдаютъ себя за врачей, внезапно призванныхъ на помощь которой либо изъ актрисъ, за кузеновъ отворяльщицъ ложъ, за племянниковъ дежурнаго брандтъ-маіора, за сотрудниковъ авторовъ всевозможныхъ піесъ! Напрасно! Неумолимый стражъ не отворяетъ предъ ними очаровательныхъ вратъ.... Онъ смиряется только предъ тѣми счастливцами, имена которыхъ начертаны въ спискѣ всемогущею рукою режиссера.

Однакожъ одному молодому человѣку удалось обмануть неусыпную бдительность этого аргуса. Подмѣтивъ, что въ одно опредѣленное время привратникъ пропускаетъ за кулисы по одному бѣглому взгляду на лица приходящихъ, молодой человѣкъ угадалъ причину этой необыкновенной снисходительности. На другой день онъ смѣло явился предъ запретнымъ входомъ.

— Позвольте.... съ кѣмъ имѣю честь.... спросилъ привратникъ.

— Глупецъ! возразилъ ему смѣльчакъ: развѣ ты не видишь, что я нарумяненъ?

— Извините.... робко отвѣчалъ обманутый аргусъ и почтительно пропустилъ молодаго человѣка туда, гдѣ цвѣтутъ бумажныя розы, гдѣ машинистъ завѣдываетъ громомъ и молніею, гдѣ можно пересчитать глубокія морщины тѣхъ, которыя такъ очаровательны изъ-дали.

Но съ этого времени привратникъ былъ предупрежденъ, что румяны не составляютъ отличительнаго признака актера.

Впрочемъ, привратникъ театральный не ограничивается одного только *охранительною* должностію. Оберегая добродѣтель хористокъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оберегаетъ свѣтъ въ лампахъ и кенкетахъ, а по утрамъ состоитъ въ званіи театральнаго курьера и разноситъ даровые билеты отъ директора, приглашенія на репетиціи, письма къ авторамъ и пр.

ГИТАРИСТЪ, НОВАЯ ОПЕРА СКРИВА, ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ. МУЗЫКА ГАЛЕВИ.

Русская оперная труппа въ Петербургѣ, кажется, рѣшительно отказалась отъ комической оперы; мы видимъ на нашей сценѣ только оперы *серьезныя*, хотя впрочемъ онѣ нерѣдко превращаются въ *комическія*. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, въ комической операхъ, для нашей публики, предстоитъ большая потребность, нежели въ серьёзной: для послѣдней мы еще недостаточно приготовлены; у насъ есть много любителей музыки — *отъ нечего дѣлать*, но знатоковъ очень немного; а для любителей музыки чѣмъ произведеніе легче, тѣмъ оно болѣе по-плечу, тѣмъ понятнѣе, тѣмъ занимательнѣе. Можно сказать почти утвердительно, что комическая опера открыла бы намъ доступъ къ оперѣ высшей; между тѣмъ какъ теперь лучшія произведенія Итальянской и Нѣмецкой школы проходятъ незамѣченными, и для большинства публики не имѣютъ никакого интереса: если такая опера выдержитъ два, три представленія, даетъ два, три полныхъ сбора, это уже считается очень хорошимъ дѣломъ и опера, значитъ, имѣла *успѣхъ*.

Въ такомъ положеніи дѣлъ нельзя винить никого, а тѣмъ менѣе публику; есть на Руси пословица: «рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ, гдѣ лучше»; — къ этому можно прибавить: «а публика — гдѣ пзящнѣе». Если у насъ падаютъ трагедіи Шекспира, потому-что ихъ обставить, какъ слѣдуетъ, не кѣмъ: какъ-же не падать операмъ, когда для оперы нѣтъ и Каратыгина? А гдѣ вы возьмете пѣвцовъ, когда ихъ нѣтъ? Какимъ искусствомъ, какимъ ученьемъ создатите вы ихъ, когда не создала природа? Голосъ можно выработать, но вѣдь надобно, чтобъ было *что* вырабатывать.

Но не смотря на недостатокъ пѣвцовъ, у насъ въ Петербургѣ существуетъ только серьёзная опера; немногія попытки — поставить на сцену оперу комическую, въ послѣднее время, остались почти всѣ безуспѣшны: *Невѣста*, *Черное Домино* и другія оперы Французской школы на Петербургской сценѣ не удержались.

Совсѣмъ иное въ Москвѣ: тамъ немногія изъ серьёзныхъ оперъ имѣли успѣхъ; за то комическія постоянно держатся на сценѣ и привлекаютъ въ театръ многочисленную публику. Невѣста, Фра-Діаволо, Черное Домино, Принцъ-Маляръ (Cosimo), Поединокъ при Ришелье, Людовикъ, игрались и по сію пору играются съ успѣхомъ. Намъ кажется, что причины этого надо искать-во первыхъ, въ томъ, что при недостаткѣ надлежащаго числа пѣвцовъ, Московскій театръ имѣетъ хорошихъ актеровъ, которые могутъ игрой своей поддержать комическую оперу: г-жа Репина, напримѣръ, не принадлежитъ къ числу записныхъ пѣвицъ, но какъ она прекрасна въ комическихъ операхъ! Это подтвердятъ всѣ, кто видѣлъ ее въ Невѣстѣ, во Фра-Діаволо, въ Черномъ Домино и другихъ. Во вторыхъ, причина успѣха комической оперы въ Москвѣ заключается и въ томъ, что тамъ оперная и драматическая труппы соединены вмѣстѣ, такъ-что г-жи Репина, Сабурова, г-да Живокини, Никифоровъ и другіе, будучи по преимуществу комическими артистами, въ тоже время участвуютъ въ комической оперѣ, и никто не скажетъ, чтобы они не были на своемъ мѣстѣ. Отъ этого

спектакли Московскіе гораздо разнообразнѣе и занимательнѣе, а потому и публика, какихъ бы она классовъ и образованій ни была, идетъ въ театръ охотнѣе.

Мы говоримъ все это для того, чтобы, показавъ читателямъ, въ какомъ положеніи находится комическая опера въ Россіи, познакомить ихъ съ новымъ, весьма замѣчательнымъ произведеніемъ Скриба и Галеви, которое можетъ пригодиться, если не для Петербургской, то для Московской сцены, гдѣ г-нъ Ленскій такъ усердно и такъ хорошо переводитъ либретто Скрибовыхъ оперъ: не придетъ ли ему и теперь желаніе передать на русскій языкъ новое произведеніе неистощимаго французскаго комика и ученаго, талантливаго композитора? Впрочемъ и читатели Репертуара не соскучатся выслушать содержаніе оперы, которое само-по-себѣ, независимо отъ музыки, можетъ быть предметомъ очень занимательной комедіи. Новая опера, о которой мы говоримъ, и которая составляетъ теперь предметъ всеобщаго разговора въ Парижскихъ салонахъ—называется «Le Guitarrero» — *Гитаристъ*.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ Португальскомъ городкѣ, недалеко отъ Лиссабона. Направо огромный замокъ, налѣво трактиръ; подъ балкономъ замка, играетъ и поетъ Гитаристъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него трое молодыхъ господъ тихо говорятъ между собою и указываютъ жестами на окна. Пѣвецъ съ-виду кажется влюбленнымъ; молодые люди взбѣшенными... Въ чемъ же дѣло? А вотъ видите: одинъ бездомный и безпомощный бѣднякъ, по имени Риккардо, недавно пріѣхавшій изъ Лиссабона, гдѣ онъ велъ беззаботную жизнь, благодаря своему музыкальному таланту, влюбился по-уши въ прекрасную Сару, дочь знатнаго и богатаго отца, но дѣвушку холодную, безчувственную, за которой ухаживали многіе и всѣ остались съ носомъ, а одинъ даже съ пощечиной. Гитаристъ увидалъ ее въ первый разъ въ церкви, и съ того времени повсюду ее преслѣдуетъ, забывая для нея сонъ и пищу. Онъ любитъ тою пламенною, или, лучше сказать, бѣшеною и вмѣстѣ безнадежною любовью, которая переходитъ въ неизлечимую манію и доводитъ до самоубійства. Риккардо почти дошелъ уже до этой степени: онъ думаетъ и говоритъ о смерти; въ послѣдній разъ приходитъ онъ пропѣть лебединую пѣсню подъ окнами Сары, которая слушаетъ его, нисколько не думая о страданіяхъ пѣвца.

Донъ Альваръ, одинъ изъ трехъ молодыхъ людей, о которыхъ сказано выше, одушевленъ совсѣмъ другимъ чувствомъ къ прекрасной Сарѣ: подобно двумъ своимъ пріятелямъ и повѣреннымъ, онъ былъ отвергнутъ ею, презрѣнъ, и, мало того, получилъ отъ нея пощечину, на одномъ балѣ, при многочисленномъ обществѣ, за то, что слишкомъ неосторожно осмѣлился прикоснуться губами свои до бархатныхъ щекъ жесткой красавицы. Разумѣется, ловкій кавалеръ съ *восторгомъ* разсказывалъ объ этомъ приключеніи, описывая всю прелесть пощечины отъ пухленькой, мягенькой ручки, но въ тоже время затаивъ въ душѣ своей все бѣшенство и поклявшись отмстить за такое оскорбленіе, во что бы ни стало! И это-то мщеніе составляетъ теперь предметъ толковъ между тремя *кавальерами*. Пѣсня гитариста, его разстроенный и отчаянный видъ, его отрывистыя слова, съ перваго раза показываютъ Донъ-Альвару, какую пользу для себя можетъ онъ извлечь изъ него. Молодые люди удаляются, чтобы обсудить между собою это дѣло. Вдругъ является высокой мужчина, мрачнаго вида, одѣтый въ темную мантію, бросающій мрачные взоры на мрачнаго гитариста.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Страдаю.

— Что ты намѣренъ дѣлать!

— Умереть.

— Стало быть, ты не дорожишь жизнію?

— Нѣтъ.

— Такъ отдай же ты ее мнѣ, и я клянусь тебѣ, что сдѣлаю изъ нея благородное употребленіе.

— Она принадлежитъ тебѣ.

— И такъ, погоди располагать ею: я приду къ тебѣ потребовать твоей жизни,

когда наступитъ время, не безпокойся — дожидаться не долго.

— Я согласенъ!

Какъ скоро ушелъ мрачный человѣкъ, является Донъ Альваръ. Онъ заставляетъ Риккардо признаться въ любви его къ Сарѣ, и доказываетъ ему, что, съего стороны, очень-глупо приходить въ отчаяніе. Сара выйдетъ замужъ не иначе, какъ за человѣка знатнаго и богатаго: такъ что̀ жъ такое! бѣдный уличный пѣвецъ перемѣнитъ свое платье на роскошную одежду, гитару на шпагу, плебейское имя на имя *Донъ-Жуана де Мирiаса*. Подъ этимъ именемъ представятъ его прекрасной Сарѣ, и если у него достаетъ умѣнья — заставить полюбить себя, что̀ тогда можетъ воспрепятствовать ихъ соединенію? Все это уладить очень-легко: имя Дона-Жуана де Мирiаса извѣстно въ семействѣ Сары и въ большомъ тамъ уваженіи; тотъ, кто носилъ его никого никогда въ этомъ домѣ не видали въ глаза, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать изъ Мексики, но во время пути онъ умеръ. Донъ-Альваръ имѣетъ объ этомъ достовѣрное свѣдѣніе, можетъ сохранить эту тайну отъ всѣхъ, — стало быть, ничто не разстроитъ дѣла. Несчастный Риккардо, полуумный отъ любви и отчаянія, соглашается на все, что̀ ему предлагаютъ.

Настаетъ день представленія; самое замѣшательство и неловкость Гитариста говорятъ въ его пользу въ глазахъ Сары, которая не любитъ фатовъ, что̀ она очень-хорошо доказала Донъ-Альвару. Скоро дѣло затѣвается на счетъ свадьбы; Сара ни чуть не прочь отъ этого: она даетъ согласіе; рука и сердце ея принадлежатъ ложному Донъ-Жуану. Среди бурнаго восторга своего, Гитаристъ, терзаемый совѣстію, не желая обманомъ получить такое счастіе, беретъ рѣшительное намѣреніе—во всемъ открыться своей невѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, она проститъ его: развѣ, за минуту передъ этимъ, не говорила она ему, что еслибъ онъ былъ лишенъ всѣхъ даровъ счастія и рода, еслибъ онъ былъ бѣднѣе и безвѣстнѣе всѣхъ людей, она любила бы его ни сколько не меньше? И такъ Риккардо пишетъ къ Сарѣ письмо, въ которомъ во всемъ ей признается, и передаетъ это письмо теткѣ ея, Донѣ Мануэллѣ, которая должна отдать письмо по-принадлежности. Но Донъ Альваръ, подъ предлогомъ того, какъ неприлична подобная переписка между двумя благородными любовниками, успѣваетъ взять у Доньи Мануэллы это письмо, чтобы, говоритъ онъ, возвратить его Донъ Жуану, и, само собой разумѣется, письма не возвращаетъ. Честный Риккардо, убѣжденный въ томъ, что Сара знаетъ о его хитрости, и не смотря на это по прежнему мила и ласкова съ нимъ, ни сколько не сомнѣвается въ томъ, что она совершенно простила его, и торжественно ведетъ ее къ алтарю.

Можно заранѣе предвидѣть катастрофу: смерть настоящаго Донъ Жуана доказана, и въ добавокъ къ этому, открывается плутовство Риккардо и открывается въ ту самую минуту, какъ ужъ былъ подписанъ свадебный контрактъ. Ярость и бѣшенство знатныхъ родителей Сары, негодованіе самой невѣсты, которая, не смотря на всѣ свои прежнія увѣренія, видѣть не хочетъ несчастнаго Гитариста, уличнаго пѣвца, скомороха, который осмѣлился возвесть взоръ свой на нее! Тетка Мануэлля думаетъ, что бракъ уничтоженъ: но Донъ Альваръ, по своей злодѣйской предосторожности, воспользовавшись ослѣпленіемъ семейства Сары, приготовилъ какъ свидѣтель и другъ жениха и невѣсты, контрактъ, въ которомъ, вмѣсто имени Дона Мирiаса, поставлено настоящее имя жениха; контрактъ подписали не читавши, и Сара, по всѣмъ законамъ, должна быть женою Гитариста. Но все равно, — его выгоняютъ изъ замка... И вотъ онъ, по прежнему—среди улицы, бѣдный Гитаристъ, съ своимъ инструментомъ и отчаяніемъ въ душѣ. Мрачный мужчина, какъ разъ въ эту минуту является передъ нимъ: онъ пришелъ потребовать отъ Риккардо жизнь, которую тотъ обѣщалъ ему, и которая теперь для бѣдняка сто̀итъ меньше еще, чѣмъ прежде. На что̀ же этому мрачному мужчинѣ жизнь Гитариста? Какое употребленіе сдѣлаетъ онъ изъ нея? Вотъ видите: въ Лиссабонѣ составленъ заговоръ въ пользу герцога Браганцскаго; для исполненія замысловъ, необходимо нужно, чтобы Риккардо, искус-

нымъ образомъ, былъ выданъ за герцога Браганцскаго и взятъ подъ-арестъ. Онъ, конечно, можетъ быть осужденъ, приговоренъ къ смерти и казненъ въ короткое время — но для этого-то и нужна рѣшимость! Чтожъ за дѣло до всего этого Риккардо, который и безъ того хотѣлъ умереть! Если же настоящій герцогъ успѣетъ въ короткое время овладѣть Лиссабономъ, то заслуга Риккардо будетъ для него такъ велика, что вѣрно герцогъ не постоитъ ни за какой наградой: почемужъ бѣдной Гитаристъ не можетъ тогда достигнуть важнаго сана, и подъ покровительствомъ самого герцога, вымолить прощеніе Сары, которая, что кто ни говори, а все таки его жена, законная жена его? И дѣйствительно, дѣла принимаютъ такой оборотъ. Только бѣдная Сара, подобно всѣмъ другимъ обманутая во второй разъ, думаетъ, въ ту минуту, когда Риккардо арестуютъ, что онъ — переодѣтый герцогъ Браганцскій, почему возвращаетъ ему любовь свою и даже добивается чести — умереть вмѣстѣ съ нимъ!

Новые перевороты, новыя открытія! Лиссабонъ вовластигерцога. МужъСарыеще жпвъ. Егоокружаютъ, поздравляютъсо всѣхъ сторонъ. Кто-жеонъ? Нескрываетсяли здѣсь новый какой нибудь обманъ?—Да, обманъ высочайшій: Риккардо рѣшился умереть засвободу своей родины.—Такое самоотверженіе, сударыни, стоитъ награды,—неправда ли??— Вотъ твоя награда, милый Риккардо, говоритъ Сара, протягивая ему руку. — Что же? совсѣмъ нѣтъ: Риккардо, который не былъ Донъ Жуанъ де Мирiасъ, не былъ герцогъ Браганцскій, выходитъ на-повѣрку совсѣмъ и не Гитаристъ; онъ, чтобы сказать вамъ наконецъ сущую правду, онъ — младшій братъ герцога; только одинъ мрачный мужчина зналъ его санъ, и не могъ открыть этого самому ему иначе, какъ въ тотъ день, когда восторжествуетъ и утвердится домъ Герцогскій. Послѣ этихъ безпрестанныхъ мистификацій, дѣло-то выходитъ такое, что Сара обвѣнчана съ самымъ близкимъ родственникомъ своего Государя, человѣкомъ прелестнымъ, любящимъ ее страстно и, сверхъ того, превосходно играющимъ на гитарѣ.

Музыка этой оперы жива, разообразна и оригинальна, особенно въ послѣднихъ двухъ актахъ.

СМѢСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

LE VERRE D'EAU, (СТАКАНЪ ВОДЫ), комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Скриба. Піеса эта имѣла блестящій успѣхъ на нашей Французской сценѣ. Въ продолженіе двухъ съ половиною недѣль, ее давали, если неошибаемся, семь разъ. Въ четвертое представленіе, когда мы видѣли ее, театръ былъ полонъ. Впрочемъ, это успѣхъ почти заслуженный. «Стаканъ воды», не совсѣмъ въ ладу съ исторіею, но все-таки принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній своимъ, передаетъ роль Герцогини Мальборо довольно хорошо, а за г. Брессана, занимающаго роль Болинброка, мы порадовались отъ всего сердца: онъ, на этотъ разъ, игралъ роль, выходящую изъ круга его обыкновенной театральной дѣятельности, и сыгралъ съ умомъ, съ знаніемъ дѣла. Г-жа Луиза Мейеръ, также участвующая въ «Стаканѣ воды», по обыкновенію, была чрезвычайно мила; въ сценахъ же, Парижской драматической литературы прошлаго года. Роли Королевы, Герцогини Мальборо и лорда Болинброка, *въ сценическомъ* отношеніи, созданы прекрасно. Придворныя интриги Болинброка и Герцогини ведены умно, и живо интересуютъ зрителя. Эффектныхъ сценъ немного и притомъ онѣ не натянуты. Роль Королевы занимаетъ г-жа Алланъ; игра ея въ этой піесѣ исполнена ума, чувства, благородства и естественности. Г-жа Коррежъ, по средствамъ гдѣ требуется чувство, она играла съ душою.

Декорація и костюмы «Стакана воды» прекрасны.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ КОНЦЕРТЫ.

Бываетъ въ Петербургѣ извѣстное время въ году, когда все, что только можетъ пѣть — поетъ, всякъ, кто только играетъ на какомъ либо инструментѣ, считаетъ обязанностію «*имѣть честь дать большый вокальный и инструментальный концертъ.*» Въ это время пестрыхъ аффишъ и разноцвѣтныхъ объявленій, когда театры закрыты, а публика жаждетъ развлеченій и удовольствій, являются у насъ и *члены разныхъ консерваторій*, и артисты разныхъ *королевскихъ величествъ*, и геніяльныя *дѣти—виртуозы*, которые пошумѣвъ и погремѣвъ, да пособравъ съ насъ денежки, прощаются потомъ надолго или навсегда съ Петербургомъ и улетаютъ въ другія страны — *плѣнять своимъ искусствомъ слухъ*.

Въ нынѣшній постъ концертовъ у насъ столько, что самый записной и отчаянный меломанъ не имѣетъ возможности быть на всѣхъ ихъ. Да и какъ, скажите, поспѣть всюду, когда въ одинъ и тотъ же вечеръ, въ разныхъ мѣстахъ бываетъ, два и даже три концерта?

Не входя въ подробное сужденіе и даже исчисленіе всѣхъ музыкальныхъ вечеровъ Петербурга въ нынѣшнемъ посту, мы не лиш-

нимъ считаемъ сообщить читателямъ Репертуара извѣстіе о тѣхъ концертахъ, которые заслужили особенное вниманіе, и надолго остались въ памяти любителей и знатоковъ музыки.

Нынѣшій великій постъ ознаменовался возвращеніемъ Дрейшока, который, въ прошедшемъ году, возбудилъ такой восторгъ въ публикѣ, и прибытіемъ — въ первый разъ — Гиса, одного изъ замѣчательнѣйшихъ скрипачей нашего времени.

Дрейшокъ успѣлъ уже дать два концерта — во вторникъ и въ субботу на второй недѣлѣ поста. Въ оба раза онъ возбудилъ восторгъ неописанный. Сколько ни восхищались мы имъ, сколько ему ни удивлялись въ прежнее время, но теперь онъ сталъ еще выше, еще удивительнѣе: какъ будто десять новыхъ рукъ у него выросло, какъ будто душа его пережила новую жизнь, нашла новые звуки, открыла новый міръ гармоніи! Подъ его пальцами вы не узнаете фортепьянъ, этого холоднаго, неблагодарнаго инструмента: все, что только есть очаровательнаго въ голосѣ человѣка, въ пѣсни соловья, въ воркованьи голубя, въ мелодическихъ переливахъ флейты, все это передаетъ вамъ Дрейшокъ на своемъ волшебномъ инструментѣ, и передаетъ полно, глубоко, вдохновенно. Закройте на время глаза, забудьте, что вы въ залѣ собранія, что вы окружены множествомъ людей, что вы слушаете *человѣка*, *играющаго на инструментѣ*, — вамъ покажется, что вы въ небѣ, и слышете звуки неземные, какъ будто стоя у вратъ рая и до васъ долетали отдаленные звуки пѣсни ангеловъ. Чудный художникъ! Чудный инструментъ! Его *драматическая сцена*, его *Рапсодія*, *Impromptu*, *Колокольчикъ* — такъ глубоко западаютъ въ душу, что вы долго не можете освободиться изъ подъ обаятельнаго вліянія звуковъ и забываете всю прозу обыденной жизни, погружаясь мыслію и сердцемъ въ дивномъ, безконечномъ царствѣ гармоніи..

—. Скрипачъ Гисъ, бельгіецъ — великій мастеръ своего дѣла. Игра его вѣрна и отчетлива; вкуса бездна; его *тремоло* (pergetuum mobile) удивительно; механическая часть игры его усовершенствована въ высшей степени. Какъ *композиторъ*, онъ можетъ стать на ряду съ первостепенными виртуозами нашего времени. Концертъ его былъ въ пятницу, во второй недѣлѣ поста, въ Александринскомъ театрѣ. Зала была полна.

— Концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, данный Филармоническимъ Обществомъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, привлекъ самую многочисленную публику. Концертъ состоялъ изъ двухъ частей: въ первой разыграна была увертюра Вебера; пропѣтъ дуэтъ Габуссн (г-ми Балабинымъ и Волковымъ, графинею Гриньезвиль рззъиграны варіаціи) на тему изъ Вильгельма Теля, и въ заключеніе пропѣтъ превосходный квартетъ Россини—графинею Росси, г-жею Шатиловою и г-ми Балабинымъ и Волковымъ. Упомянувъ имя графини Росси, прибавлять къ этому нечего. Вторая часть концерта была составлена изъ отрывковъ безсмертной ораторіи Гайдна—*Сотвореніе міра*. Послѣ превосходно исполненныхъ хоровъ любительницами и любителями музыки и придворными пѣвчими, слушатели снова были приведены въ восторгъ звуками очаровательнаго голоса графини Росси... Въ этомъ концертѣ высокое искусство соединилось съ благотворительностію: кто же изъ слушателей не вынесъ самыхъ сладкихъ, самыхъ отрадныхъ впечатлѣній изъ этого концерта?

—Въ субботу на второй недѣлѣ поста Петербургская публика въ первый разъ услышала юнаго русскаго скрыпача г-на Дмитріева, уже пріобрѣтшаго себѣ европейскую извѣстность. Онъ давалъ концертъ въ Александринскомъ театрѣ. Рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца. Изъ трехъ пьесъ игранныхъ г-мъ Дмитріевымъ, понравились публикѣ въ особенности варіаціи Беріо, и фантазія Липинскаго на темы изъ Соннамбулы.

—Носились и по сіе время еще носятся въ Петербургѣ слухи и о пріѣздѣ будто бы знаменитаго піаниста Листа. Богъ знаетъ, отчего и отъ кого взялись эти слухи! Листъ и не думалъ ѣхать въ нынѣшнемъ году въ Россію, а доказательствомъ

этому служитъ то, что его ожидаютъ въ Брюссель, гдѣ онъ долженъ былъ дать концертъ 8-го Февраля. Вотъ что̀ между прочимъ пишутъ объ немъ въ Брюссельской газетѣ l'Eclavie: «Листъ, выѣхавшій изъ Лондона въ прошедшій четвергъ, какъ это видно изъ писемъ, отправленныхъ въ субботу изъ сего города, еще не пріѣхалъ въ Брюсель, и по сіе время нѣтъ объ немъ никакого извѣстія. Друзья Листа очень безпокоятся на счетъ его, по причинѣ страшной бури, съ самой пятницы свирѣпствовавшей на морѣ. Концертъ, возвѣщенный на нынѣшній день, долженъ быть отложенъ.»

— Не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на концертъ дѣвицы Озеровой, племянницы знаменитаго нашего трагика. Концертъ этотъ будетъ данъ завтрашній день, 1-го марта, въ залѣ Коммерческаго клуба. Дѣвица Озерова обладаетъ удивительно сильнымъ голосомъ, въ которомъ соединенъ весь *сопрано* и весь *контральтъ*. Цѣль концертовъ нашей дилетантки — образовать свой голосъ подъ небомъ Италіи: кто изъ Русскихъ не пожелаетъ споспѣшествовать ея прекрасному намѣренію?

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

съ 1 января 1840 по 1 марта 1841.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.	МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.
1. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д. *Ал. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Мнимый больной, к. въ 3 д.; Ни статскій, ни военный, шут. вод. въ 1 д.	1. *Бол. т.* Бездѣтная вдова, вод. въ 1 д.; Синичкинъ, вод. въ 5 д.
2. *Ал. т.* Ревизоръ, к. въ 5 д.; Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.; Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д.	2. *Бол. т.* Трусъ, вод. въ 1 д.; Сильфида, бал. въ 2 д.
3. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 карт. *Мих. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Дѣловой человѣкъ, к. 1 д.; Жена кавалериста, въ 1 д. *Ал. т.* Эсмеральда, др. въ 5 д.; Артистъ, к.-вод. въ 1 д.	3. *Бол. т.* Стенька Разинъ, др. въ 3 д.; Въ людяхъ ангелъ—не жена, вод. въ 3 д.
4. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д.; Гусарская стоянка, вод. въ 1 д.; Усы, вод. въ 1 д.	
6. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар. *Ал. т.* Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, шут. оп. въ 1 д.; Царство женщинъ, вод. въ 2 д.; Мужъ и жена, к.-вод. въ 1 д.; Матушка Фетинья Тимоѳеевна шут.-вод. въ 1 д.	6, *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
7. *Ал. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Хочу быть актрисой, шут. вод. въ 1 д.; Харьковской женихъ, въ 2 д.	7. *Мал. т.* Загадка, к. въ 1 д.; Параша Сибирячка, Рус. быль.
8. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д. *Ал. т.* Гризельда, тр. въ 5 д.; Маркизъ по неволѣ, к.-вод. въ 1 д.; Не влюбляйся безъ памяти, шут. вод. въ 1 д.	8. *Бол. т.* Домъ на Петербургской сторонѣ, вод. въ 1 д.; Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод. въ 5 д.
9. *Бол. т.* Семирамида, оп. въ 2 д. *Ал. т.* Добрый Геній, тр. в. въ 3 сут.; Чудныя приключенія Пьетро Дандини, в. въ 3 д. Женихи чужихъ невѣстъ, оп. въ 1 д.	9. *Бол. т.* Два мужа, вод. въ 2 д.; Дѣва Дуная, бал. въ 2 д. Цыганка, оп. въ 2 д.; Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д.
10. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д. *Ал. т.* Отцовское проклятіе, др. въ 2 д.; Сбритая борода, к. въ 3 д.; Новички въ любви, к. вод. въ 3 д. *Мих. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.; Кетли, оп. въ 1 д.; Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.	
12. *Бол. т.* Жизнь за Царя, б. оп. въ 4 д. *Ал. т.* Велизарій, др. въ 5 д.; Архиваріусъ, вод. въ 1 д.	12. *Бол. т.* Прародительница, тр. въ 5 д.; Купеческая дочка, вод. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, б. въ 4 кар. *Ал. т.* Каій Марцій Коріоланъ, тр. въ 4 д.; Тарантелла, съ хор. и тан.; Путаница, вод. въ 1 д.; Молодой человѣкъ въ 60 лѣтъ, к. въ 1 д.	13. *Бол. т.* Робертъ, въ 5 д.

14. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 2 д.; Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.
Ал. т. Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Отцовское проклятіе, др. въ 2 д.; Отецъ какихъ мало, вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.
Ал. т. Заколдованный домъ, тр. въ 5 д; Тарантелла, лир. сц.; Усы, вод. въ 1 д.

16. *Ал. т.* Горе отъ ума, к. въ 4 д.; Пожилая дѣвушка, ком.-вод. въ 1 д.

17. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.; Сильфида, бал. въ 2 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.; Маскарадъ изъ балета Гитана.
Ал. т. Коріоланъ, тр. въ 4 д.; Тарантелла, лир. сц., Путаница, вод. въ 1 д.; Молодой человѣкъ въ 60 лѣтъ, к. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Цампа, оп. въ 3 д.
Мих. т. Горе отъ ума, к. въ 4 д. Женщины солдаты, вод. въ 1 д.; Первая морщинка, ком. въ 1 д.
Ал. т. Разбойники, тр. въ 5 д.; Двѣ женщины противъ одного мужчины, вод. въ 1 д.; Фплатка и Мирошка, въ 1 д.

20. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.; Сильфида, бал. въ 2 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.; Маскарадъ изъ Гитаны.
Ал. т. Отцовское проклятіе, др. въ 2 д.; Молодой человѣкъ въ 60 лѣтъ, к. въ 1. д.; Путаница, вод. въ 1 д.; Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д.

21. *Ал. т.* Параша Сибирячка, др. въ 2 д. съ эпил.; Тарантелла, лир. сцев.; Сбритая борода, к. въ 3 д.; Не влюбляйся безъ памяти, вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Воспитанница Амура, бал. въ 1 д.; Маскарадъ, 1-е д. бал. Гитана.
Ал. т. Коріоланъ, тр. въ 4 д.; Полюбовная сдѣлка, ком.-вод. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.

23. *Бол. т.* Капулетти и Монтекки, оп. въ 4 д.
Ал. т. Братья враги, тр. въ 3 д.; Разсказъ г-жи Курдюковой, Подставной и отставной, вод. въ 2 д.; Затюшка, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* Воспитанница Амура, бал. въ 1 д.; Маскарадъ, 1-е д. изъ б. Гитаны.
Ал. т. Смерть или честь, др. въ 5 д.; Царство женщинъ, вод. въ 2 д.

25. *Ал. т.* Братья враги, тр. въ 3 д.; Разсказъ г-жи Курдюковой, Подставной и отставной, вод. въ 2 д.; Зятюшка, вод. 1 д.

26. *Бол. т.* 1-е д. бал. Гитана; Волшебная флейта, бал. въ 1 д. Маскарадъ, изъ бал. Гитана.
Ал. т. Горе отъ ума, к. въ 4 д.; Пожилая дѣвушка, ком.-вод. въ 1 д.; Пажъ арестантъ, бал. въ 1 д.

27. *Ал. т.* Король Лиръ, тр. въ 5 д.; Хочу быть актрисой, ш. вод. въ 1 д.
Бол. т. Воспитанница Амура, бал. въ 1 д.; Маскарадъ, 1 е д. Женни или Нѣмая.

28. *Ал. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д.; Сиротка Сусанна, к. въ 2 д.; Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 д.
Бол. т. Крестоносецъ въ Египтѣ, оп. въ 3 д.

29. *Мих. т.* Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.;

14. *Мал. т.* Дѣдушка Русскаго флота, др. въ 2 д.; Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 д.; Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Крестный отецъ, вод. въ 1 д.

16. *Бол. т.* Любовное зелье, вод. въ 1 д.; Параша Сибирячка, др. въ 2 д.; Имянины помѣщика, инт.

17. *Бол. т.* (*бенефисъ Мочалова*). Ромео и Юлія, др. въ 5 д.; Роковое Да, вод. въ 1 д. дивертис.

19. *Бол. т.* Смерть или честь, др. въ 5 д.

20. *Бол. т.* Влюбленная баядерка, оп. въ 2 д.; Невѣста подъ замкомъ, вод. въ 1 д.

21. *Мал. т.* Загадка, ком. въ 1 д.; Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ—сатана, вод. въ 3 д.

22. *Бол. т.* Ромео и Юлія, др. въ 5 д.

23. *Мал. т.* Лунатикъ, бал. въ 3 д.; Роковое Да, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* (*бенефисъ г. Балтышева*) Пожилая дѣвушка, вод. въ 1 д.; Капулетти и Монтекки—1-й актъ оперы) Лаурета, вод. въ 1 д.; 3-й актъ оп. Аскольдова могила.

26. *Бол. т.* Гамлетъ, др. въ 5 д.

27. *Бол. т.* Пожилая дѣвушка, вод. въ 1 д; 1-й и 2-й акты оперы: Тайный бракъ, съ танцами изъ Розальбы.

28. *Мал. т.* Урокъ Матушкамъ, ком. въ 3 д.; Архиваріусъ, вод. въ 1 д.

29. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

Женщины солдаты, оп. вод. въ 1 д.; Авось! сцены въ книжной лавкѣ, ш. вод. въ 1 д.

Ал. т. Братья враги, тр. въ 3 д.; Женихи чужихъ невѣстъ, оп. въ 1 д.; Разсказъ Курдюковой; Тарантелла, лир. сц.; Провинціальный театръ, ш. вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Семирамида, оп въ 2 д.

Ал. т. Сбритая борода, к. въ 3 д.; Дѣдушка Русскаго флота, ист. был. въ 1 д.; Усы, вод. въ 1 д.

31. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.

Мих. т. Отцовское проклятіе, др. въ 2 д.; Два отца и два купца, ком.-вод. въ 1 д. Путаница, вод. въ 1 д.

Ал. т. МихаилъВасильевичъ Скопинъ-Шуйскій, др. въ 5 д.

30. *Бол. т.* Лауретта, вод. въ 1 д.; Параша Сибирячка, др. въ 2 д. Дивертисементъ.

31. (*Бенефисъ г. Щепкина*) Сбритая борода, ком. въ 3 д.; Сардамскій корабельный мастеръ, ком. въ 2 д.; Ив. Ив. Недотрога, ком. въ 1 д. Дивертисементъ.

МѢСЯЦЪ ФЕВРАЛЬ.

1. *Ал. т.* Подставной и отставной, вод. въ 2 д.; Деревенская простота, ком. въ 4 д.; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, опер. въ 1 д.

2. *Бол. т.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.

Ал. т. Параша Сибирячка, Руская быль, въ 2 д.; Мужъ и жена, к. въ 1 д.; Женщины солдаты, оп. вод. въ 1 д.

3. *Ал. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, ком. въ 2 д.; Два отца и два купца, ком.-вод. въ 1 д.; Мирандалина, ком. въ 3 д.

Бол. т. Озеро волшебницъ, бал. въ 4 д.

Ал. т. Каій Марцій Коріоланъ, тр. въ 4 д. Полковникъ старыхъ временъ, ком.-вод. въ 1 д Не влюбляйся безъ памяти, шут. вод. въ 1 д.

4. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.

Мих. т. Подставной и отставной, ком. въ 2 д.; Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д.; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оп. въ 1 д.; Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д.

Ал. т. Гамлетъ, драмат. пред. въ 5 д.; Провинціальный театръ, шут. вод. въ 1 д.

Ал. т. Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.; Ложа 1-го яруса, анекд. вод. въ 2 карт.; Студентъ артистъ.

Бол. т. Воспитанница Амура, бал. въ 1 д.; Гитана, 1 д. бал.

5. *Ал. т.* Гризельда, тр. въ 5 д.; Кетли, оп. вод. въ 1 д.; Тарантелла, лир. сцена.

Мих. т. Горе отъ ума, ком. въ 4 д.; Гусарская стоянка, вод. въ 1 д.

Бол. т. Озеро волшебницъ, бал. въ 4 карт.

Ал. т. Братья враги, тр. въ 3 д.; Хочу быть актрисой, шут. вод. въ 1 д.

6. *Бол. т.* Капулетти и Монтекки, оп. въ 4 д.

Ал. т. Александръ Македонскій, истор. пр.

2. *Бол. т.* Иголкинъ, др. въ 2 д.; Петербургскія квартиры, вод. въ 5 д.; Филатка и Мирошка, инт. съ танцами.

3. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

Бол. т. Сардамскій корабельный мастеръ, ком. въ 2 д.; Сиротка Сусанна, вод. въ 2 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.

4. *Бол. т.* Параша Сибирячка, др. въ 2 д.; Сбритая борода, ком. въ 3 д.

Бол. т. Заемныя жены, вод. въ 1 д.; Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.

5. *Бол. т.* Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 3 д.; Прародительница, тр. въ 5 д.; Онъ остепенился, вод. въ 1 д.

6. *Бол. т.* Скопинъ Шуйскій, др. въ 5 д.; Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

въ 5 д.; Путаница, вод. въ 1 д.; Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.

Бол. т. Морской разбойникъ, бал. въ 2 д.; Два слова, оп. въ 1 д.

Ал. т. Эсмеральда, др. въ 5 д.; Два отца и два купца, ком.-вод въ 1 д

7. *Бол. т.* Луція де Ламермуръ, оп. въ 3 д.; Мельники, бал. въ 1 д.

Мих. т. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 1 д.; Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.; Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.

Ал. т. Уголино, драм. пред. въ 5 д.

Бол. т. Сильфида, бал. въ 2 д.

Ал. т. Отцовское проклятіе, др. въ 2 д.; Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.; Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д.

8. *Ал. т.* Тридцать лѣтъ, др. въ 3 д.; Первое іюля въ Петергофѣ, шут. вод. въ 1 д.

Мих. т. Дѣвица отшельница, ком.-вод. въ 1 д.; Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д.; Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д.; Жена какихъ много, ком.-вод. въ 1 д.

Бол. т. Воспитанница Амура, бал. въ 1 д.; Маскарадъ, дивер. Женни, 1 д. оперы.

Ал. т. Елена, ком.-вод. въ 1 д.; Жена и зонтикъ, вод. въ 1 д.; Отецъ какихъ мало, вод. въ 1 д.

9. *Бол. т.* Морской разбойникъ Цампа, оп. въ 3 д. Дезертеръ, ком. въ 4. д.

Мих. т. Подставной и отставной, вод. въ 2 д.; Два отца и два купца, ком. вод. въ 2 д.; Пятнадцати-лѣтній король, ком. въ 2 д.; Новички въ любви, ком. вод въ 1 д.

Ал. т. Сбритая борода, ком. въ 3 д.; Новички въ любви, ком. вод. въ 1 д.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.

Бол. т. Гитана, бал. въ 3 д.

Ал. т. Велизарій, др. въ 5 отд.; Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д.

7. *Бол. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком. въ 5 д. Домъ на Петербургской сторонѣ, вод. въ 1 д.; Параша Сибирячка, др. въ 2 д.; Иванъ Ивановичъ Недотрога, ком. въ 1 д.; Семикъ, диверт.

8. *Бол. т.* Двѣ Дуная, бал.; Купеческая дочка, вод. въ 1 д.; Русскій человѣкъ добро помнитъ, др. въ 1 д.; Въ людяхъ ангелъ — не жена, вод. въ 3 д.; Пріѣздъ жениха, инт.

9. *Бол. т.* Двумужница, др. въ 5 д.; Цампа, оп. въ 3 д.

Мал. т. Ревизоръ, ком. въ 5 д.; Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д.

ДОЧЬ АДВОКАТА.

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ОТЦА

И

ДОЛГЪ ГРАЖДАНИНА.

ДРАМА ВЪ 2-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рамберъ, адвокатъ.
Клара, дочь его.
Баронъ Шатонёфъ.
Германъ, сынъ его.
Дюверне, всеобщій другъ.
Г-жа Дюранъ, бывшая гувернантка Клары.
Секретарь Рамбера.
Два помощника.
Слуга.
Слуги.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната, дверь въ срединѣ, кабинетъ вправо, во 2-й кулисѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛАРА, (*примриваетъ ленту на кушакъ*).

Эта лента была на мнѣ въ тотъ день, какъ я въ первый разъ увидѣла Германа. Вотъ уже четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ! Но я сохраню ее во всю мою жизнь и буду иногда надѣвать ее, чтобъ съ большею живостью вспомнить первыя минуты любви нашей... (*прислушивается*) Онъ нейдетъ! — Какъ онъ сегодня долго!.. Хоть намъ, кажется, и будетъ еще время наглядѣться другъ на друга, а все скучно, какъ его нѣтъ со мною!.. Боже мой, Боже мой!

я не могу еще привыкнуть къ мысли, что я жена Германа, что я пріѣхала въ Парижъ и должна буду увидѣть отца моего... Все это какъ будто сонъ! (*Снимаетъ съ руки обручальное кольцо*) Вотъ однако обручальное наше кольцо... Клара Рамберъ, Германъ Шатонёфъ, — и мысли и сердца наши соединены навсегда... навсегда! О! какъ я счастлива!.. онъ все однако же нейдетъ!.. Постой, кажется, его шаги... точно! это онъ... Ахъ, Боже мой! съ нимъ кто-то чужой.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

КЛАРА, ГЕРМАНЪ И ДЮВЕРНЕ.

ДЮВЕРНЕ.

Ахъ, Боже мой! кажется я испугалъ васъ.

ГЕРМАНЪ.

Она еще никого не знаетъ въ Парижѣ... рекомендую тебѣ, милая Клара, господина Дюверне, стариннаго моего друга...

ДЮВЕРНЕ.

Очень радъ, что могу засвидѣтельствовать вамъ всю свою преданность и почтеніе... Ну, любезный Германъ, надобно родиться особеннымъ счастливцемъ, чтобъ отыскать въ провинціи такой кладъ... А давно ужъ ты женатъ?..

ГЕРМАНЪ.

Двѣ недѣли.

ДЮВЕРНЕ.

Это замѣтно; онъ, встрѣтясь со мною, почти сбилъ меня съ ногъ, не узналъ, насилу рѣшился остановиться, такъ и рвался отъ меня. Но я не такъ легко отпускаю знакомыхъ, и сдѣлалъ ему полный допросъ: гдѣ онъ былъ? что онъ дѣлалъ? гдѣ живетъ? куда идетъ? Бѣдняжка былъ какъ на иголкахъ! Наконецъ рѣшился сказать мнѣ, что женатъ и спѣшитъ къ молодой женѣ. Хороша ли она? спросилъ я... виноватъ! Я насчетъ женщинъ ужасно любопытенъ. Онъ отвѣчалъ, что прелестна — и я непремѣнно потребовалъ, чтобъ онъ меня тотчасъ же отрекомендовалъ. Незнаю, охотно ли онъ это сдѣлалъ, но за то я вполнѣ награжденъ за свое любопытство и эгоизмъ... Да! виноватъ! Я эгоистъ; хочу видѣть все хорошее, чтобъ восхищаться...

ГЕРМАНЪ.

Да помилуй, Дюверне, ты заговорилъ Клару; отдохни немножко.

ДЮВЕРНЕ.

Виноватъ! — вѣдь надобно же имѣть какой нибудь предлогъ, чтобъ любоваться красавицами... Впрочемъ, по старинной моей дружбѣ съ бароном, твоимъ отцомъ, я, кажется, имѣю право быть принятымъ у тебя.

КЛАРА.

А вы знакомы съ родителемъ Германа?

ДЮВЕРНЕ.

Помилуйте, — съ малолѣтства, чудесный старикъ! Немножко строгъ, немножко гордъ, но это фамильное наслѣдство; зато добръ, честенъ, веселъ, уменъ, любезенъ, особливо съ женщинами.... О! мы на своемъ вѣку покутили.

КЛАРА.

Часто вы бываете у барона?

ДЮВЕРНЕ.

Весь октябрь мѣсяцъ провожу я въ бретаньскомъ его замкѣ. Въ это время у него много дичи,—и обѣдъ всегда чудесный...

ГЕРМАНЪ.

А любезный мой Дюверне считаетъ обѣдъ за самое важное событіе въ суточномъ періодѣ жизни.

ДЮВЕРНЕ.

Да, я думаю, всякому непріятно было бы обойтись безъ этого событія. Стихотворцы и влюбленные смѣются надъ этою матеріальностію, но эти обветшалыя идеи уже проходятъ. Въ нашъ положительный вѣкъ голодный человѣкъ самое жалкое созданіе. И геній, и любовь нынче очень-плотно обѣдаютъ.

ГЕРМАНЪ.

Къ которому же разряду ты принадлежишь, Дюверне?

ДЮВЕРНЕ.

Просто — къ цеху любителей хорошихъ обѣдовъ.

КЛАРА.

У васъ вѣрно большое знакомство?

ДЮВЕРНЕ.

Рѣшительно всѣ дома, въ которыхъ хорошо кормятъ. Меня вездѣ любятъ, вездѣ принимаютъ, вездѣ кормятъ; покуда я могу имъ отплатить одною услужливостію; но прійдетъ время, я опять начну угощать моихъ друзей.

ГЕРМАНЪ.

А есть надежда, что ты разбогатѣешь?

ДЮВЕРНЕ.

Да, если состоится мой проектъ. Всѣ теперь бросаются на акціи, всѣ составляютъ общества. Я придумалъ изъ долговъ своихъ составить акціи: кредиторы мои разберутъ ихъ, на биржѣ ихъ купятъ, курсъ на нихъ поднимется — и я разбогатѣю... Но чтожъ это однако? вы меня все заставляете говорить о самомъ себѣ; скажите лучше, не нужно ли вамъ чего нибудь? Я бы почелъ себя счастливымъ, еслибъ прелестная супруга моего пріятеля удостоила меня какими нибудь порученіями, приказаніями. Я вездѣ и со всѣми знакомъ, и берусь васъ познакомить со всѣмъ Парижемъ.

КЛАРА.

Покорно васъ благодарю; мы, кажется, будемъ жить покуда уединенно.

ДЮВЕРНЕ.

Въ ваши лѣта? съ вашею красотою? это непростительно! Вамъ надобно блистать между нами... или, можетъ быть, вы боитесь, что старый баронъ очень строгъ. О нѣтъ! Это только съ перваго взгляда. Отецъ его воспитанъ точно такъ же, и воспиталъ Германа точто такимъ же образомъ. Страхъ и повиновеніе сына къ отцу переходятъ у нихъ изъ одного поколѣнія въ другое. Но онъ вовсе не такъ неприступенъ, — сердце у него предоброе. Я, конечно, всегда боялся, что подобное воспитаніе сдѣлаетъ Германа скрытнымъ, недовѣрчивымъ; боялся, что онъ когда нибудь надѣлаетъ тайно отъ отца большихъ глупостей, но теперь, слава Богу, все кончено — онъ женатъ... Однако теперь я вспомнилъ, что старикъ мнѣ вчера ничего объ этомъ не сказалъ...

КЛАРА.

Вчера?

ДЮВЕРНЕ.

Точно такъ! Чему жъ вы удивились? Я его встрѣтилъ при выходѣ отъ знаменитаго парижскаго адвоката Рамбера....

ГЕРМАНЪ.

Рамбера!

КЛАРА (*въ сторону*).

У моего отца!

ДЮВЕРНЕ.

Ну да! и это васъ удивляетъ... да чтожъ это значитъ?

ГЕРМАНЪ, (*сквозь замѣшательство.*)

Ничего, ничего!.. Я вовсе не зналъ, что батюшка знакомъ съ Рамберомъ... да и ты-то давно ли его знаешь?

ДЮВЕРНЕ.

Конечно недавно... но кого же я не знаю въ Парижѣ? А чтобъ познакомиться съ такимъ человѣкомъ ,какъ Рамберъ, можно и годъ похлопотать. Вотъ, братецъ, рѣдкое явленіе въ нашъ вѣкъ! Адвокатъ, который краснорѣчивъ, безкорыстенъ, непреклоненъ, великъ душою, словомъ, это образецъ всѣхъ добродѣтелей! Ужъ если онъ возмется за какое нибудь дѣло, такъ ужъ судьи заранѣе знаютъ, что онъ правъ... Теперь я хочу уговорить его взяться за мои акціи.

ГЕРМАНЪ.

Да батюшка зачѣмъ у него былъ?..

ДЮВЕРНЕ.

Не знаю, право, я не успѣлъ его разспросить; онъ что-то не въ духѣ былъ, и не сказалъ мнѣ даже, давно ли онъ пріѣхалъ въ Парижъ и гдѣ остановился? Хорошо еще, что я встрѣтилъ тебя, Германъ; скажика мнѣ пожалуйста, гдѣ живетъ баронъ? Здѣсь же?

ГЕРМАНЪ.

Нѣтъ!.. мы всѣ здѣсь на короткое время. Я занялъ для Клары особенную квартиру, которая первая на глаза попалась.

ДЮВЕРНЕ.

Ну, такъ скажи пожалуйста, гдѣ живетъ баронъ? мнѣ надобно сдѣлать ему визитъ.

ГЕРМАНЪ.

Право не знаю.

ДЮВЕРНЕ.

Вотъ мило! да чтожъ это значитъ?

КЛАРА.

Мы ѣхали въ Парижъ не вмѣстѣ съ барономъ... и самъ еще не знаемъ, что онъ уже пріѣхалъ...

ДЮВЕРНЕ.

Ну такъ я побѣгу къ Рамберу, онъ вѣрно знаетъ... До свиданья, Германъ; я отъ Рамбера зайду еще къ тебѣ. *(Кларѣ)* Вы мнѣ позволите являться къ вамъ и удостоите меня конечно вашими порученіями?...

КЛАРА.

Друзья Германа всегда для меня будутъ пріятны.

ДЮВЕРНЕ.

И я буду самымъ усерднымъ и почтительнымъ изъ нихъ. Прощай, Германъ.

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

КЛАРА и ГЕРМАНЪ.

КЛАРА.

Боже мой! отецъ твой въ Парижѣ, и ты скрывалъ это отъ меня.

ГЕРМАНЪ.

Я его еще не видалъ... чтожъ мнѣ было говорить тебѣ?.. по всего болѣе удивляетъ меня свиданіе его съ твоимъ отцомъ...

КЛАРА.

Это вовсе до насъ не можетъ касаться: баронъ меня не знаетъ и даже настоящее мое имя ему не извѣстно; онъ могъ только узнать, что какая-то Камилла Ренваль уѣхала тайно съ его сыномъ въ Англію, и что она теперь твоя жена.

ГЕРМАНЪ.

Предъ Богомъ и людьми навсегда.

КЛАРА.

Насъ хотѣли разлучить, но мы доказали, что истинная любовь преодолѣваетъ все.

ГЕРМАНЪ.

И ты никогда не будешь раскаяваться, что оставила свою бабушку и послѣдовала за мною?

КЛАРА.

Я послѣдовала за своимъ мужемъ. Это мой долгъ; съ чемъ же мнѣ раскаяваться?

ГЕРМАНЪ.

А если отецъ мой не проститъ моего самовольнаго брака, если лишитъ меня своей помощи, ты будешь жить въ нуждѣ, въ бѣдности...

КЛАРА.

Тѣмъ лучше; когда я послѣдовала за тобою, я вѣдь не знала, что отецъ твой знатный и богатый человѣкъ. Я любила Германа; будь бѣденъ и наши состоянія сравнялются.

ГЕРМАНЪ, *(обнимая ее.)*

Милая Клара!

КЛАРА.

Мнѣ предстоитъ то же испытаніе; и мой отецъ ничего еще не знаетъ о моемъ замужествѣ .. что скажетъ онъ?

ГЕРМАНЪ.

Онъ вѣрно проститъ насъ... Впрочемъ признаюсь, удивительная похвала, съ которой говорилъ объ немъ сейчасъ Дюверней, вовсе несходна съ его поступками противу единственной своей дочери. Какъ это можно? не видать дочь свою съ самаго ея рожденія; оставить ее на рукахъ дряхлой и своенравной бабушки!.. Хорошо еще, что добрая твоя гувернантка, мадамъ Дюранъ, была такая милая, веселая, ласковая.. хорошо еще, что судьба привела меня въ окрестности вашего бретаньскаго замка,—ты бы и теперь еще тамъ сидѣла въ четырехъ стѣнахъ. Наконецъ ты моя, никто и никогда не разлучитъ теперь тебя со мною.

КЛАРА.

Никогда! *(обнимаются. Слышенъ говоръ и шумъ за дверью).*

ГЕРМАНЪ.

Что тамъ за шумъ! кто-то насъ спрашиваетъ... войди въ комнату, а я пойду узнаю. *(Клара уходитъ).*

СЛУГА, *(за дверью).*

Да позвольте узнать ваше имя!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЕРМАНЪ и Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Что за доклады? Если онъ здѣсь, такъ я его увижу.

ГЕРМАНЪ.

Кого вамъ угодно?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Да ужъ конечно васъ, если вы г. Германъ Шатонёфъ.

ГЕРМАНЪ.

Точно такъ ..

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Да я и по одному взгляду на васъ догадалась бы, что это вы настоящій герой романа...

ГЕРМАНЪ.

Что это значитъ?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Молодой человѣкъ 20-ти лѣтъ, пылкой, который похищаетъ неопытную дѣвушку... Вотъ всѣ они таковы! ну, сударь! гдѣ же моя Клара?

ГЕРМАНЪ.

Ваша Клара... такъ вѣрно вы...

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Ея гувернантка Дюранъ, которая за нею съ малолѣтства все смотрѣла, да наконецъ просмотрѣла ..

ГЕРМАНЪ.

Вы мадамъ Дюранъ, которую Клара такъ любила? Какъ она обрадуется! Клара! Клара! поди сюда. Это мадамъ Дюранъ.

КЛАРА *(выбѣгая)*.

Какъ, это вы, моя добрая, моя милая мадамъ Дюранъ?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Да; мадамъ Дюранъ, которая вотъ уже два мѣсяца гонялется по вашимъ слѣдамъ и насилу-то отыскала; ужъ надѣлали же вы дѣла!

ГЕРМАНЪ.

Полно теперь говорить объ этомъ; дѣло сдѣлано, и мы счастливы. А такъ-какъ вы насъ отыскали, то вѣрно останетесь съ нами.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Какъ, съ вами?

КЛАРА.

Да, милая, добрая мадамъ Дюранъ, вы меня всегда такъ любили, и вѣрно согласитесь навсегда остаться со мною...

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Я бы, разумѣется, была рада: я воспитывала вашу покойную мать, добрую мою Марію; она умерла въ первый годъ замужства — и бабушка ваша взяла съ меня обѣщаніе остаться при ней, на воспитаніе внучки. Я согласилась...

КЛАРА.

И вы были однѣ, которыя утѣшали скуку моей жизни. Какъ я вамъ благодарна!...

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Я чувствовала, что молодой дѣвушкѣ было очень-скучно съ двумя старухами, и потому выпросила у бабушки позволеніе, чтобъ вамъ можно было ходить гулять на холмикъ у ручья. Но судьбою ужъ видно опредѣлено, что тамъ, гдѣ есть молодая, хорошенькая дѣвушка, непремѣнно долженъ быть молодой человѣкъ...

КЛАРА.

Виновата, милая мадамъ Дюранъ!

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Что ужъ тутъ *виновата*... Мои упреки ни къ чему не послужатъ... Да я же такъ рада, что отыскала васъ... теперь дѣло въ томъ, что надобно приготовить вашего батюшку... Вѣдь онъ еще ничего не знаетъ... онъ все еще думаетъ, что вы у бабушки...

КЛАРА.

Вы будете нашею представительницею, вы представите батюшкѣ насъ обоихъ, и меня и моего мужа.

Г-ЖА ДЮРАНЪ *(вскакиваетъ испуганная)*.

Мужа! да развѣ вы ужъ обвѣнчались?

КЛАРА.

Разумѣется, ужь двѣ недѣли.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

И оба безъ согласія вашихъ родителей?

ГЕРМАНЪ.

Они бы намъ отказали, а мы уже рѣшились принадлежать другъ другу. Поэтому-то мы и уѣхали въ Англію, гдѣ, обвѣнчавшись, возвратились сюда.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Похищеніе! тайный бракъ! Боже мой, Боже мой! что изъ этого будетъ?

ГЕРМАНЪ.

Чему же быть? Романъ кончетъ, послѣдняя глава обыкновенно оканчивается свадьбою.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Свадьбою! *(вздохнувъ)* Да, это бываю въ

нашихъ старинныхъ романахъ. Теперь о свадьбѣ никто и не думаетъ. Въ нынѣшнихъ романахъ влюбляются только въ замужнихъ женщинъ.

КЛАРА.

Я во всю жизнь буду любить одного мужа. Если бъ вы знали какъ мы счастливы!

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Одного мужа. (*Вздыхаетъ*) Бѣдный отецъ! что̀ съ нимъ будетъ, если онъ узнаетъ объ этомъ.

КЛАРА.

Онъ, я думаю, едва помнитъ, что у него есть дочь.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Онъ? Боже мой! у него нѣтъ въ мірѣ сокровища драгоцѣннѣе тебя.

КЛАРА.

Что̀ вы говорите?.. Но онъ меня никогда не видалъ, не знаетъ, и 17-ти лѣтъ оставлялъ на чужихъ рукахъ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Все это правда, и все-таки онъ безъ ума отъ тебя. Если бъ ты знала, чего ему стоило оставить тебя на рукахъ бабушки. Но что̀ было ему дѣлать! бѣдная старуха потеряла добрую свою Марію, твое рожденіе стоило ей жизни. И отчаяніе старухи могло утѣшить одно обѣщаніе твоего отца, что онъ оставитъ тебя на ея рукахъ до 17-ти лѣтъ Она оставила Парижъ и клялась, что никогда не возвратится въ этотъ городъ; отецъ же твой обязанъ былъ по своей службѣ оставаться въ столицѣ. Тогда бѣдная старуха обратила на тебя всю свою любовь и заботливость; она была безъ ума отъ тебя; ее мучила мысль, что она должна будетъ съ тобою разстаться. Письма же отца и разспросы его превратили это чувство въ какое-то сумасшествіе. У нея родилась мысль отнять тебя рѣшительно у отца, и для этого она перемѣнила свою фамилію и отправилась оттуда въ самую глушь бретаньскихъ лѣсовъ, гдѣ нарочно купила себѣ замокъ. Отцу же твоему написала, что мы уѣхали въ Италію. Жизнь свою въ этомъ замкѣ ты очень хорошо помнишь, и судьба сдѣлала развязку вовсе-неожиданную для всѣхъ насъ.

КЛАРА.

Зачѣмъ же вы мнѣ не разсказали всего этого еще въ замкѣ? я такъ часто васъ разспрашивала о своемъ отцѣ и маменькѣ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Бабушка запретила мнѣ, и я только изрѣдка рѣшалась посылать къ отцу твоему секретныя письма, чтобъ успокоить его на твой счетъ. Когда 17-ти-лѣтній срокъ прошелъ, отецъ сталъ требовать твоего возвращенія. Это ускорило разстройство бѣдной старухи; побѣгъ же твой лишилъ ее жизни.

КЛАРА.

Милосердый Боже! Я причиною ея смерти!

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Она все равно умерла бы съ тоски, еслибъ ты и къ отцу уѣхала. Но бѣдный Рамберъ, вотъ объ комъ надо теперь подумать. Онъ думаетъ, что ты въ Италіи и пишетъ письмо за письмомъ... Вотъ послѣднее; оно уже было получено на другой день твоего побѣга. Прочти.

КЛАРА.

Письмо отъ отца моего и ко мнѣ! Ахъ, дайте поскорѣе! это еще первое во всю мою жизнь.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

О! ихъ было много,—но бѣдная бабушка не отдавала ихъ тебѣ, боясь, чтобъ ты не стала проситься къ отцу.

КЛАРА (*читаетъ*).

«Вотъ наступилъ и срокъ, въ который «опять вступлю во всѣ мои права надъ то«бою, милая Клара, любимый и единствен«ный другъ. Какъ долго я ждалъ этого вре«мени! какъ мучительно было мнѣ ожида«ніе! Но слова, даннаго надъ гробомъ твоей «бѣдной матери, я не хотѣлъ, не смѣлъ «нарушить. Любовь бабушки вѣрно замѣ«нила тебѣ нѣжность матери; ты вѣрно бы«ла счастлива, и этой-то увѣренности при«несъ я на жертву собственныя мои чув«ства къ тебѣ. А чтобъ не возмущать тво«его счастія, я рѣшился даже не видать «тебя во все это долгое и мучительное вре«мя. Я чувствовалъ, что, увидя тебя, я бы «не захотѣлъ уже съ тобою разлучиться, «и отнялъ бы тебя у матери, моей незаб«венной Маріи. Я лучше хотѣлъ страдать «и ждать. Слава Богу, жестокій срокъ кон-

«чился — и я прижму тебя въ свои объятія, «чтобъ никогда, ни за что съ тобою не «разлучаться. Проведя всю свою жизнь без- «укоризненно, и пользуясь всеобщимъ ува- «женіемъ людей, я надѣюсь, что найду тебѣ «честнаго и благороднаго человѣка, кото- «рый сдѣлаетъ тебя счастливою супругою. «Но и тогда мы составимъ одно семейство. «Счастье супруги и матери никогда не по- «мѣшаетъ любви нѣжнѣйшаго отца. Пріѣз- «жай же, пріѣзжай скорѣе, милый, един- «ственный другъ мой. По твоей поспѣшно- «сти я узнаю любовь твою ко мнѣ. Лун «Рамберъ.»—О! какъ я счастлива, Германъ! отецъ мой вѣрно проститъ насъ; онъ найдетъ въ тебѣ достойнаго сына. Поскорѣе; не надо терять ни минуты; милая мадамъ Дюранъ будетъ нашею примирительницею. Не правда ли?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Съ вашимъ отцомъ я еще надѣялась бы уладить; но вы забываете главное свое несчастіе: вы обвѣнчаны, а отецъ Германа знатенъ и богатъ.

ГЕРМАНЪ.

Онъ имѣетъ конечно полное право сердиться на меня; но какая же ему будетъ польза отвергать Клару? По чувствамъ, красотѣ и добродѣтелямъ, онъ вѣрно не нашелъ бы лучшей для меня жены. Вѣдь все тѣмъ же окончится, что онъ долженъ будетъ дать свое согласіе.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Дай-то Богъ!

КЛАРА.

Теперь онъ только знаетъ меня подъ чужимъ именемъ, которое приняла бабушка въ послѣдне время;—но когда узнаетъ, что я дочь Рамбера, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ и который въ состояніи защитить права своей дочери... Нѣтъ! я вовсе неопытна и не знаю ни условій, ни отношеній вашихъ обществъ, но увѣрена, что счастіе мое ничѣмъ небудетъ нарушено. Пойдемъ же, милая мадамъ Дюранъ, я переодѣнусь — и мы сейчасъ же отправимся къ батюшкѣ. О! съ какою радостію я обниму тебя тогда, мой Германъ (*обѣ уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ГЕРМАНЪ (*одинъ*).

Боже мой! что̀ будетъ изъ всего этого? Клара еще ничего не знаетъ. Да и могъ ли я сказать ей ужасныя новости, которыя узналъ вчера и сегодня. Отецъ мой именно за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы судебнымъ порядкомъ уничтожить мой бракъ. Я вчера совѣтовался съ отличнѣйшимъ адвокатомъ Бенаромъ, и хоть онъ взялся за мое дѣло, но вовсе не успокоиваетъ меня. Онъ совѣтуетъ мнѣ поскорѣе увидѣться съ батюшкою и умилостивить его просьбами. Я трепещу; но такъ и быть: спасеніе Клары и собственной моей чести зависитъ теперь отъ моей рѣшимости. Пойду, брошусь къ ногамъ отца моего! (*идетъ къ дверямъ*) Кто-то идетъ... Боже мой! это онъ самъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГЕРМАНЪ И БАРОНЪ.

БАРОНЪ.

А! ты здѣсь, Германъ. Дюверне не обманулъ меня.

ГЕРМАНЪ.

Я сейчасъ только-что хотѣлъ... я спѣшилъ къ вамъ...

БАРОНЪ.

Ты дрожишь?.. что съ тобою?

ГЕРМАНЪ (*въ сторону*).

Что̀ значитъ эта ласковость?

БАРОНЪ.

Покуда ты былъ ребенкомъ, я, разумѣется, требовалъ, что бъ ты меня боялся; но теперь ты ужъ совершенно-лѣтній молодой человѣкъ, и боязнь тебѣ неприлична.

ГЕРМАНЪ.

Я боюсь только одно... боюсь заслужить ваше негодованіе.

БАРОНЪ.

Да, это случается, и молодые люди, начитавшись романовъ, воображаютъ себѣ, что все въ свѣтѣ дѣлается такъ, какъ авторы пишутъ въ своихъ книжонкахъ. Ты недавно пустился въ романическія приключенія, и

я, правду сказать, сперва-было разсердился на тебя, но послѣ вспомнилъ, что самъ былъ молодъ и не одну глупость сдѣлалъ.

ГЕРМАНЪ (*радостно*).

Что я слышу?..

БАРОНЪ (*садится*).

Послушай, Германъ, я хочу съ тобою дружески поговорить. Если я тебя воспиталъ нѣсколько строго и не въ нынѣшнихъ нравахъ, то это потому, что искренно желалъ тебѣ добра. Только страхъ и повиновеніе сына къ отцу могутъ сдѣлать хорошаго гражданина. Я самъ былъ такъ воспитанъ, отецъ мой тоже, дѣдъ тоже, и я не хотѣлъ нарушить семейственнаго закона, который сохранилъ нашъ родъ во всеобщемъ уваженіи.

ГЕРМАНЪ.

Повѣрьте, что я имя ваше передамъ моимъ дѣтямъ, не запятнавъ его никакимъ предосудительнымъ поступкомъ.

БАРОНЪ.

Я увѣренъ; честь дворянина выше всего. Нашъ родъ ужъ болѣе 500 лѣтъ существуетъ, и дай Богъ, для блага Франціи, чтобъ онъ процвѣталъ еще столько же.

ГЕРМАНЪ.

И я, вѣрно, поддержу его славу.

БАРОНЪ.

Этого-то я и хочу. Впрочемъ, съ перваго шагу, ты зашелъ слишкомъ далеко, надѣлалъ много шуму изъ пустяковъ, — но какъ сдѣланнаго воротить нельзя, то я и не буду тебѣ скучать пустыми наставленіями, а лучше вмѣстѣ подумаемъ о средствахъ, какъ поправить твою шалость.

ГЕРМАНЪ.

О! какъ вы добры, какъ милостивы!..

БАРОНЪ.

Твоя романическая героиня вѣрно хороша собою?

ГЕРМАНЪ.

Самое прелестное существо...

БАРОНЪ.

И ты все еще въ нее влюбленъ?

ГЕРМАНЪ.

Я люблю ее больше жизни.

БАРОНЪ.

Чудакъ! да вѣдь ужъ больше мѣсяца, какъ она ушла съ тобою.

ГЕРМАНЪ.

О! моя любовь продолжится во всю жизнь.

БАРОНЪ.

Это значитъ, что ты еще въ самомъ дѣлѣ молодъ... но дѣло не въ томъ; ты конечно понимаешь, что я пріѣхалъ въ Парижъ не для того, чтобъ слышать твои страстныя увѣренія...

ГЕРМАНЪ.

Чтожъ вы хотите, чтобъ я говорилъ, кромѣ того, что истинно чувствую?

БАРОНЪ.

Чувствованій твоихъ я не осуждаю; хорошенькая дѣвушка всегда должна нравиться. Я не требую, чтобъ ты пересталъ любить свою героиню, даже постараюсь обезпечить ея состояніе, когда ты женишься.

ГЕРМАНЪ.

Когда я женюсь?..

БАРОНЪ.

Да, другъ мой! Я пріискалъ тебѣ невѣсту молодую, прекрасную и богатую, дѣвицу Моренвиль...

ГЕРМАНЪ.

Но развѣ это возможно, батюшка; вы ужъ знаете, что я....

БАРОНЪ (*улыбаясь*).

Женатъ? знаю! въ Англіи... ну, да это была шутка.

ГЕРМАНЪ.

Какъ шутка?

БАРОНЪ.

Разумѣется, ты еще не знаешь законовъ, не понимаешь важности женитьбы, ты еще ребенокъ...

ГЕРМАНЪ.

Батюшка! не шутите такъ жестоко надъ самыми священными чувствами любви и чести. Я люблю Клару... какъ мужъ и благородный человѣкъ, никогда не рѣшусь я на такой низкой поступокъ, чтобъ обмануть невинную, неопытную дѣвушку, которая ввѣрилась моей чести; повторяю вамъ, что Клара моя жена.

БАРОНЪ.

Клара? Да это имя...

ГЕРМАНЪ.

Камилла и Клара — это одна и та же... вы потомъ узнаете всю исторію ея жизни.

БАРОНЪ.

Вовсе не любопытенъ, да и не охотникъ до подобныхъ исторій. Твоя Камилла или Клара Ренваль, разумѣется, дѣвушка бѣднаго и низкаго происхожденія; она разочла, что очень выгодно сдѣлаться женою богатаго и знатнаго человѣка, но она знаетъ наши законы; однимъ словомъ: бракъ вашъ недѣйствителенъ.

ГЕРМАНЪ.

Это невозможно, батюшка!

БАРОНЪ.

Сегодня же будетъ судомъ и по формѣ объявлено объ уничтоженіи его.

ГЕРМАНЪ.

Нѣтъ! я не допущу до этого...

БАРОНЪ, *(строго)*.

Германъ! ты, кажется, забываешь, съ кѣмъ ты говоришь.

ГЕРМАНЪ, *(боязливо)*.

Виноватъ, батюшка... но вы сами сейчасъ говорили...

БАРОНЪ.

Я говорилъ съ тобою ласково, потому что готовъ всегда простить шалость; но проступокъ, который навсегда тебя погубитъ, это дѣло другое; тутъ снисхожденіе было бы непростительно.

ГЕРМАНЪ.

Умоляю васъ, батюшка.

БАРОНЪ.

Перестань же дурачиться, неужли я хочу тебѣ зла?— Я все улажу съ твоею героинею, а ты женишься на дѣвицѣ Моренвиль... Глупо и смѣшно было бы тебѣ отказываться отъ прелестной, богатой и знатной дѣвушки. Я ужъ все окончилъ съ ея отцомъ. Мы отъ нихъ скроемъ твою глупую свадьбу.

ГЕРМАНЪ.

Никогда, батюшка, ни за что!

БАРОНЪ.

Это очень громкія, но глупыя слова. Полно ребячиться, Германъ: дай мнѣ руку, и забудемъ прошедшее.

ГЕРМАНЪ.

Ахъ! это снисхожденіе, эти ласки довершаютъ мое несчастіе. Зачѣмъ вы прежде не были со мною такъ добры? Я бы осмѣлился ввѣрить вамъ тайну моей страсти, прежде, чѣмъ бы рѣшился уѣхать. Но теперь, когда невинное и прелестное существо ввѣрило мнѣ и жизнь и честь свою, вы хотите, чтобъ я ее оставилъ... Сжальтесь, батюшка! согласитесь на счастье вашего сына.

БАРОНЪ.

Ты не знаешь еще, въ чемъ состоитъ счастіе. Еслибъ я согласился на твое безразсудное желаніе, то вѣрно ты сталъ бы раскаиваться. Но будь спокоенъ, я спасу тебя, какъ скоро судъ рѣшитъ дѣло: ты уѣдешь въ Италію, въ Германію, пробудешь тамъ съ полгода; въ это время вся эта глупая исторія забудется, и ты съ приличіемъ вступишь въ общество, которому принадлежишь.

ГЕРМАНЪ.

И вы думаете, батюшка, что судъ осмѣлится признать нашъ бракъ недѣйствительнымъ?

БАРОНЪ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія. Вотъ рѣчь, которую будетъ сегодня читать въ судѣ первый парижскій адвокатъ. (*Вынимаетъ печатный листъ*) Противъ его доказательствъ нѣтъ никакого возраженія.

ГЕРМАНЪ.

Это ужасно! это безчеловѣчно! Боже мой! гдѣ же я найду помощь и спасеніе? Батюшка! ради Бога, не доводите меня до преступленія! не заставляйте защищать Клару противъ васъ самихъ...

КЛАРА (*въ другой комнатѣ*).

Я совсѣмъ готова, милая мадамъ Дюрапъ (*Германъ съ ужасомъ бросается къ двери*).

ГЕРМАНЪ.

Боже мой! это она! если выйдетъ...

БАРОНЪ.

Чего ты испугался? Вѣрно тамъ въ комнатѣ твоя героиня...

ГЕРМАНЪ.

Умилосердитесь, если она придетъ сюда...

БАРОНЪ.

Тѣмъ лучше, я ей прочитаю... (*развертываетъ листъ. Германъ вырываетъ бумагу и прячетъ, идя на встрѣчу*).

ГЕРМАНЪ.

Нѣтъ! ради Бога — вы ее убьете.

КЛАРА, *(изъ комнаты)*.

Германъ! что ты тамъ дѣлаешь?

ГЕРМАНЪ.

Я сейчасъ приду къ тебѣ, погоди... Батюшка! умоляю васъ, скройте отъ нея эту ужасную вѣсть.

БАРОНЪ.

Да вѣдь надобноже, чтобъ она узнала объ этомъ. Оба вы не знали законовъ, оба сдѣлали глупость...

ГЕРМАНЪ.

Дайте мнѣ время опомниться, приготовить и... вы потомъ ее увидите и вѣрно тронетесь.

КЛАРА *(въ комнатѣ)*.

Гдѣ же ты?

ГЕРМАНЪ.

Иду, иду... Батюшка! умилосердитесь! если вы меня доведете до крайности, то я у ногъ вашихъ лишу себя жизни! *(уходитъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

БАРОНЪ *(одинъ)*.

Нѣтъ! онъ еще очень влюбленъ, и дѣло труднѣе нежели я думалъ. Впрочемъ, все таки надобно его кончить. Сегодня пусть онъ ее приготовитъ, а завтра я опять приду, и тогда... *(идетъ въ средніе двери и встрѣчается съ Дюверне)*.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БАРОНЪ И ДЮВЕРНЕ.

ДЮВЕРНЕ.

Вы здѣсь, бароиъ? — Вотъ истинно добрый отецъ! Только что успѣлъ сказатьвамъ, гдѣ вашъ сынъ, какъ вы уже сами къ нему пріѣхали... а я-было только хотѣлъ предупредить Германа...

БАРОНЪ.

Хорошо, хорошо, мы уже видѣлись, прощай. *(Хочетъ идти)*.

ДЮВЕРНЕ.

Да куда же вы? постойте! что съ вами сдѣлалось? я васъ не узнаю: баронъ Шатонёфъ ѣздитъ по судамъ, по адвокатамъ, убѣгаетъ своихъ знакомыхъ... ужъ не разорились ли вы? не могу ли я чѣмъ служить, скажите?

БАРОНЪ.

Убирайся къ чорту! мнѣ просто некогда. Прощай, мы послѣ увидимся.

ДЮВЕРНЕ.

А когда же свадебный обѣдъ?

БАРОНЪ.

Какая у тебя свадьба?

ДЮВЕРНЕ.

Да вашего Германа... я вѣдь видѣлъ и молодую.

БАРОНЪ.

Видѣлъ, да не то... прощай.

ДЮВЕРНЕЙ.

Да растолкуйте же, что же это значитъ?

БАРОНЪ.

Что сынъ мой не женатъ, — вотъ и все, ясно ли? Теперь мнѣ некогда ни говорить съ тобою, ни давать обѣды; пріѣзжай ко мнѣ, такъ узнаешь все. До свиданія.

(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДЮВЕРНЕ, *(одинъ)*.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! теперь понимаю ихъ давишнее смущеніе, ея неловкость... Этотъ злодѣй Германъ просто подцѣпилъ такую красавицу, а вѣдь чудо! *(хохочетъ)* Въ какихъ же я былъ дуракахъ... давича я съ нею такъ разсыпался, любезничалъ, а она... хорошъ же я былъ.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ДЮВЕРНЕ, ГЕРМАНЪ И КЛАРА.

КЛАРА.

Нѣтъ! съ тобою тутъ что нибудь случилось... ты блѣденъ, разстроенъ. *(Увидя Дюверне)*. Ахъ, г. Дюверне!

ГЕРМАНЪ *(удивленный)*.

Дюверне?

ДЮВЕРНЕ.

Точно такъ. Я обѣщалъ тотчасъ же воротиться и сдержалъ свое слово.

ГЕРМАНЪ (*въ сторону*).

Онъ ушелъ, отдыхаю.

КЛАРА (*въ сторону*).

Не постигаю теперь, почему же онъ меня не пускалъ сюда? (*Садится на кушетку, Дюверне подлѣ нея; его обращеніе теперь вольнѣе*).

ДЮВЕРНЕ (*тихо Кларѣ*).

Онъ не ревнивъ ли?..

КЛАРА.

Кто? Германъ?

ДЮВЕРНЕ.

Впрочемъ и не мудрено: кто нашелъ такое сокровище...

ГЕРМАНЪ (*тихо*).

Какъ приготовить ее къ ужасной вѣсти?

ДЮВЕРНЕ.

А признаюсь, я никогда еще не видалъ такой прелестной женщины, какъ вы.

КЛАРА (*съ удивленіемъ глядя на него*).

Вы это думаете? очень благодарна.

ДЮВЕРНЕ.

А онъ, посмотрите на него, задумался, мечтаетъ о чемъ нибудь постороннемъ, и не чувствуетъ всего своего счастія, за которое другой бы радъ жизнію пожертвовать... Вотъ людн! Конечно, въ его положеніи...

КЛАРА.

Такъ вы знаете причину его безпокойства и страха?

ДЮВЕРНЕ.

Строгость отца, вѣроятно, пугаетъ его. .

КЛАРА.

Но отъ чего же до такой степени?..

(*Германъ, вынувъ тихонько изъ кармана бумагу, вырванную имъ у отца, говоритъ про себя*).

ГЕРМАНЪ.

Еслибъ я могъ опровергнуть эту бумагу...

ДЮВЕРНЕ.

А какъ жаль, что вы полюбили Германа! онъ слишкомъ молодъ для васъ ; красота ваша привлечетъ къ вамъ множество обожателей...

КЛАРА.

Вѣрно ни одинъ изъ нихъ не будетъ лучше моего мужа.

ДЮВЕРНЕ.

Мужа?.. пожалуй, какъ хотите называйте его, но я домашній другъ и со мною не надобно имѣть секретовъ. Баронъ мнѣ все сказалъ...

КЛАРА.

Баронъ? развѣ вы его съ тѣхъ поръ видѣли? Что жъ онъ вамъ сказалъ?

ДЮВЕРНЕ.

Все; я его сейчасъ здѣсь видѣлъ...

КЛАРА.

Боже мой ! такъ вотъ причина страха Германа! Что жъ онъ сказалъ вамъ? говорите, ради Бога.

ДЮВЕРНЕ.

Онъ открылъ мнѣ... что Германъ вамъ не мужъ...

КЛАРА.

Германъ! Германъ! развѣ я не жена твоя предъ Богомъ и людьми?

(*Германъ вскакиваетъ, бумага выпадаетъ изъ рукъ его*).

ГЕРМАНЪ.

Что ты говоришь, Клара? что съ тобою сдѣлалось?

КЛАРА.

Ты отъ меня скрывалъ, что отецъ твой былъ здѣсь. Онъ сказалъ, что ты не мужъ мой... онъ не хочетъ, чтобъ я была его дочерью. О! повтори еще: жена ли я твоя? можетъ ли кто нибудь насъ разлучить?

ГЕРМАНЪ.

Никто, никогда!

ДЮВЕРНЕ (*въ сторону*).

Не ужели онъ обманулъ ее?

ГЕРМАНЪ (*Дюверне*).

Это вѣрно вы, сударь, сказали женѣ моей... вы ошиблись: батюшка можетъ на меня сердиться, но онъ не въ состояніи разлучить меня съ Кларою, и я васъ прошу помнить, что жена моя стоитъ уваженія всѣхъ и каждаго.

ДЮВЕРНЕ.

Извини, любезный другъ, я, право, ничего не сказалъ такого... до свиданія. (*Въ сто-*

рону) Вѣдь узнаю же я правду. (*Ей*) Примите все изъявленіе моихъ искреннѣйшихъ чувствъ (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ГЕРМАНЪ И КЛАРА.

КЛАРА.

Теперь разскажи мнѣ все, что у тебя происходило съ отцомъ.

ГЕРМАНЪ.

Успокойся, ради Бога; мы смягчимъ его гнѣвъ.

КЛАРА.

Нѣтъ! я хочу все знать; ужасное несчастіе написано на лицѣ твоемъ. Какую бумагу читалъ ты сейчасъ?.. (*подымаетъ ее*) Вотъ она! откроетъ ли она мнѣ все?

ГЕРМАНЪ.

Такъ, Клара, ты должна все узнать. Противъ насъ возстаютъ люди и законы; отецъ мой грозитъ, что бракъ нашъ... который совершенъ безъ его согласія и въ чужихъ краяхъ... можетъ быть уничтоженъ.... но я уже видѣлся съ здѣшними знаменитыми авдокатами, и они говорятъ, что можно защищать наше дѣло. Сегодня будетъ оно рѣшено.

КЛАРА (*читаетъ*).

«Бракъ безъ согласія родителей, бракъ, «совершенный въ чужихъ краяхъ, признается недѣйствительнымъ.» (*Рыдая бросается въ объятія Германа*).

ГЕРМАНЪ.

Клара! ради Бога, успокойся.

КЛАРА.

И это тебѣ отдалъ отецъ твой? и онъ требуетъ, чтобъ судъ уничтожилъ нашъ бракъ? и ваши законы готовы на это? Боже мой! Боже мой! (*перевертываетъ бумагу, и видя подпись, вскрикиваетъ*)! Ахъ, чье имя вижу я! и это подписалъ отецъ мой?

ГЕРМАНЪ.

Твой отецъ... да! Луи Рамберъ!

КЛАРА.

И никакое предчувствіе не сказало ему, что онъ ищетъ погибели своей дочери!

ГЕРМАНЪ.

Мой отецъ вѣрно выбралъ его своимъ авдокатомъ, не зная, что дѣло идетъ о жизни и чести его дочери.

КЛАРА.

Мой отецъ!.. О! такъ еще есть лучъ надежды! Бѣгу къ нему! онъ не покинетъ своей дочери, онъ будетъ защищать ее. (*Бѣжитъ къ кабинету*) Поскорѣе, поскорѣе! милая мадамъ Дюранъ. Пойдемте къ батюшкѣ, онъ одинъ можетъ спасти насъ (*уходитъ къ Дюранъ*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Кабинетъ Адвоката; дверь въ срединѣ, два кабинета по бокамъ. У маленькаго стола пишетъ секретарь; въ глубинѣ два помощника сидятъ у большаго стола.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЮВЕРНЕ, РАМБЕРЪ И СЕКРЕТАРЬ.

ДЮВЕРНЕ.

Такъ ты рѣшительно отказываешься?

РАМБЕРЪ.

Рѣшительно, любезный Дюверне.

ДЮВЕРНЕ.

А я на тебя надѣялся, какъ на стариннаго пріятеля.

РАМБЕРЪ.

Ты и не ошибся; но чтобъ защищать какое нибудь дѣло, я долженъ самъ быть убѣжденъ въ правотѣ его.

ДЮВЕРНЕ.

А мое, по твоему мнѣнію, не право?

РАМБЕРЪ.

Я такъ думаю, и потому-то не берусь защищать его. Могу ли я говорить убѣдительно, когда самъ неувѣренъ въ чемъ нибудь?

ДЮВЕРНЕ.

Посовѣтуй же мнѣ по крайней мѣрѣ къ кому обратиться?

РАМБЕРЪ.

Э, Боже мой! всѣ мои товарищи возьмутся за твое дѣло съ удовольствіемъ.

ДЮВЕРНЕ.

Чудакъ, а все-таки нельзя искренно не уважать тебя! Правила твои строги, не умѣстны, даже иногда самому тебѣ вредны.

РАМБЕРЪ.

Какъ быть! это мой долгъ. Вотъ напримѣръ, молодые люди (*указываютъ на пишущихъ*), которыхъ мнѣ ввѣрили родители для наставленія ихъ: къ чему же послужили бы мои слова, еслибъ въ моихъ поступкахъ они видѣли противное. Адвокатъ долженъ быть защитникомъ истины и законовъ; объ немъ не должны говорить, что онъ человѣкъ съ дарованіемъ, а только, что онъ съ честными правилами и чистою совѣстью.

ДЮВЕРНЕ.

Очень хороши правила, любезный Рамберъ, да ужъ немножко поустарѣли. Съ ними ты конечно нажилъ себѣ много уваженія, но не нажилъ ни значительныхъ мѣстъ, ни состоянія.

РАМБЕРЪ.

Я ихъ не искалъ. Съ меня будетъ и добраго имени; покуда его не потеряю, я буду почитать себя въ выигрышѣ противу многихъ. Повѣрь, другъ Дюверне, что чувство собственной совѣсти выше всего; когда я успѣю возвратить бѣдному имѣніе, которое у него оспориваютъ насильствомъ, когда спасаю жизнь, которую преслѣдуетъ злоба, когда спасаю кому нибудь доброе имя, которое клевета помрачила... О! вѣрно я самъ довольнѣе тѣхъ, для кого трудился... Однако, господа, скоро ли у васъ будутъ кончены наши бумаги? пора и въ судъ: сегодня у меня на рукахъ важное дѣло.

ДЮВЕРНЕ.

Какое?

РАМБЕРЪ.

Противозаконный бракъ, который долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ; молодой повѣса презрѣлъ власть родителя... О! нынѣшняя молодежь очень испорчена; ей нужны примѣры строгости. (*помощникамъ*). Ступайте покуда, господа, я сейчасъ приду.

(*Они уходятъ*).

ДЮВЕРНЕ.

Не задерживаю ли я тебя? Пожалуйста не церемонься. Я человѣкъ праздный и обыкновенно сижу до тѣхъ поръ, пока меня не выгонятъ.

РАМБЕРЪ.

Нѣтъ, Дюверне, посиди еще минутъ десять: я радъ, если могу съ кѣмъ нибудь поговорить. Когда я одинъ, то мнѣ очень скучно: мои семейныя дѣла наводятъ на меня такую тоску, что я готовъ съ ума сойдти.

ДЮВЕРНЕ.

Семейныя дѣла? да помилуй, какое же у тебя семейство? Я съ тобою лѣтъ 15-ть знакомъ, а никого никогда не видалъ въ домѣ твоемъ.

РАМБЕРЪ.

Но у меня есть дочь...

ДЮВЕРНЕ.

Ну! я знаю, она у бабушки...

РАМБЕРЪ.

Бабушка эта скончалась, и я каждую минуту жду Клару. Добрая ея гувернантка, мадамъ Дюранъ, писала мнѣ, что ихъ поѣздка въ Италію не состоялась, и что она мнѣ скоро привезетъ мою дочь; но вотъ ужъ почти два мѣсяца, а ихъ нѣтъ. Это меня безпокоитъ до чрезвычайности. Цѣлыя 17 лѣтъ связанъ я былъ даннымъ словомъ, и не видалъ своей дочери; но эта-то самая жертва съ каждымъ днемъ усиливала мою любовь къ Кларѣ. Увидѣть ее, обнять—сдѣлалось для меня теперь необходимостію. Всякій день замедленія убиваетъ меня.

ДЮВЕРНЕ.

Э, полно, любезный Рамберъ: какіе-нибудь пустяки задержали ее на дорогѣ. Она, вѣрно, не пишетъ, чтобъ обрадовать тебя нечаяннымъ пріѣздомъ.

РАМБЕРЪ.

Дай-то Богъ! А мнѣ все что-то ужасно грустно. Я готовъ вѣрить предчувствіямъ. (*Секретарь подноситъ ему бумаги*).

ДЮВЕРНЕ.

Я однако мѣшаю тебѣ заниматься... пойду въ судъ; я ужасно люблю слушать, когда ты говоришь. До свиданія.

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

РАМБЕРЪ И СЕКРЕТАРЬ.

Добрый малой, но не очень строгъ въ своихъ правилахъ. Впрочемъ для общества такіе люди необходимы... Пора однако же и мнѣ... подайте мой портфёль: я думаю, публика уже сбирается.

Г-ЖА ДЮРАНЪ (*за дверью*).

Не надо докладывать... онъ уже знаетъ этотъ голосъ...

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, КЛАРА И МАДАМЪ ДЮРАНЪ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

РАМБЕРЪ.

Если не ошибаюсь... вы мадамъ Дюранъ...

КЛАРА (*снимая въ это время шляпку*).

Я трепещу...

РАМБЕРЪ (*трепещетъ*).

Эта милая дѣвица?..

Г-ЖА ДЮРАНЪ (*толкаетъ его въ объятія ея*).

Ваша Клара.

РАМБЕРЪ, (*съ восторгомъ обнимаетъ ее*).

Дочь моя! моя Клара! милое дитя мое! о какъ я счастливъ! какъ ты похожа на бѣдную мою Марію!

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Довольны ли вы, г. Рамберъ?

РАМБЕРЪ.

Вы прелестная женщина, мадамъ Дюранъ. Вы мнѣ такъ долго ничего не писали. Вы не постигаете всего моего безпокойства!.. но теперь все кончено! Клара со мною и на всегда!.. Но что-жъ ты ничего не говоришь, милое дитя мое, дай услышать свой голосъ, ты какъ будто боишься меня...

КЛАРА.

Простите! это минутная робость... будете ли вы всегда такъ добры?

РАМБЕРЪ.

Какой вопросъ! ты единственное мое сокровище, утѣшеніе моей жизни...

СЕКРЕТАРЬ (*подходитъ*).

Васъ ожидаютъ въ судѣ.

РАМБЕРЪ.

Боже мой! я и забылъ совсѣмъ; въ первый разъ еще должность моя мнѣ тягостна... я долженъ оставить тебя, Клара...

КЛАРА.

Такъ скоро? А мнѣ такъ много надобно было сказать вамъ...

РАМБЕРЪ.

Будь спокойна, это въ двухъ шагахъ отсюда, и я еще во время засѣданія успѣю прибѣжать къ тебѣ. (*Звонитъ; является слуга и горничная*). Вотъ дочь моя и хозяйка всего дома. Вотъ, Клара, твоя комната; ужъ два мѣсяца, какъ все приготовилъ я, и наряды, и платья, и прислугу... не достовало только тебя, и тысяча грустныхъ мыслей приводили меня въ отчаяніе... наконецъ ты со мною — и все забыто; но прощай, прощай, — мнѣ пора! обними меня еще разъ... я сейчасъ ворочусь.

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

КЛАРА И Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Что я вамъ говорила, Клара? вы видите, какъ отецъ васъ любитъ.

КЛАРА.

И это еще болѣе приводитъ меня въ от-

чаяніе: какъ я выдержу теперь его ласки? Вы, милая моя мадамъ Дюранъ, должны мнѣ помочь въ ужасномъ признаніи моего проступка, который я только теперь начинаю чувствовать вполнѣ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Хорошо, хорошо! я ужъ берусь за все, дайте мнѣ только время...

КЛАРА.

Какъ время? ни дня, ни часа, ни минуты нельзя медлить. Вы еще не знаете всего моего несчастія!

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Я еще не вижу тутъ большаго несчастія: вы вышли замужъ за молодаго, знатнаго человѣка, у котораго будетъ тысячъ до ста франковъ годоваго доходу.

КЛАРА.

О Боже мой! я объ этомъ никогда не думала.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Ну, да вы еще молоды... но придетъ время, когда любовь улетитъ, а сто тысячъ доходу останется. Это будетъ очень пріятно.

КЛАРА.

Кто-то идетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ДЮВЕРНЕ.

КЛАРА.

Г. Дюверне!

ДЮВЕРНЕ.

Какъ! и вы здѣсь! у нашего знаменитаго адвоката! Это прекрасно! Если онъ возьмется за ваше дѣло, то можете быть увѣрены, что выиграете его.

Г-ЖА ДЮРАНЪ (*тихо Кларѣ*).

Кто это?

КЛАРА (*тихо ей*).

Другъ Германа, который былъ у насъ сегодня поутру.

ДЮВЕРНЕ.

Я сейчасъ изъ суда, — хотѣлъ послушать Рамбера, но меня-было совсѣмъ задавили. А такъ—какъ я не охотникъ до такихъ случаевъ, гдѣ можно рисковать своею жизнію, то и ушелъ... лучше здѣсь подожду Рамбера.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

А мы, Клара, пойдемъ въ эту комнату.

ДЮВЕРНЕ.

Почему же вамъ не угодно посидѣть здѣсь?

КЛАРА (*съ достоинствомъ*).

Потому, что я еще не довольно имѣю чести быть съ вами знакомою. (*Обѣ уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЮВЕРНЕ (*одинъ*).

Смотри пожалуй... говоритъ какъ знатная дама, а дѣло въ чемъ? Рамберъ взялся уничтожить бракъ ея съ Германомъ, а она пришла сюда, чтобъ склонить адвоката на свою сторону, — хорошо попала! Нѣтъ, моя милая! Рамбера не подкупишь ни красотою, ни деньгами, ни связями; дѣло твое потеряно... Займусь-ка однако собственными своими дѣлами: надобно составить записку. Присяду и напишу ее соскуки: можетъ быть, Рамберъ, прочтя ее, и подастъ мнѣ хорошій совѣтъ. (*Садится и пишетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДЮВЕРНЕ, БАРОНЪ И РАМБЕРЪ. (*Послѣдніе входя разговариваютъ и не замѣчаютъ Дюверне*).

БАРОНЪ.

Противная сторона много наговорила...

РАМБЕРЪ.

Бенаръ человѣкъ съ большимъ дарованіемъ.

ДЮВЕРНЕ (*про себя*).

Они говорятъ о своемъ процессѣ; непадо мнѣ мѣшать.

БАРОНЪ.

Однако же причины Бенара не всѣ осно-

вательны... Что̀ если судьи не разберутъ ихъ со всею внимательностію?

РАМБЕРЪ.

Не безпокойтесь, баронъ: чрезъ полчаса возобновится засѣданіе, и я самымъ яснымъ образомъ опровергну всѣ доводы противной стороны.

БАРОНЪ.

Всѣ законы говорятъ въ мою пользу: неизвѣстная дѣвушка захотѣла втереться въ знатное и богатое семейство, и составила искусный планъ обольщенія. Молодой человѣкъ попалъ въ разставленную сѣть, забылъ долгъ и повиновеніе...

РАМБЕРЪ.

Я все ужъ знаю, баронъ; будьте спокойны: повторяю вамъ, вы выиграете свое дѣло. (*Осматривается съ нетерпѣніемъ*).

БАРОНЪ.

Это мой единственный сынъ, на немъ всѣ надежды нашего дома, и для меня лучше видѣть его мертвымъ, нежели такимъ неровнымъ бракомъ нанести безчестіе нашему роду.

РАМБЕРЪ.

Законы на вашей сторонѣ, и я буду защищать васъ. Что же касается до вашей фамильной гордости, то до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла... Вы меня извините, баронъ... но я ушелъ на время изъ суда вовсе не затѣмъ, чтобъ говорить съ вами о вещахъ, которыя вы мнѣ уже столько разъ повторили. Я самъ отецъ; 17 лѣтъ не видалъ своей дочери, милой, доброй, прекрасной, и она сегодня пріѣхала,—позвольте же мнѣ обнять ее, и я опять къ вамъ явлюсь.

БАРОНЪ.

Простите же меня, любезный г. Рамберъ, я васъ оставлю...

РАМБЕРЪ.

А! да ты здѣсь, Дюверне.

БАРОНЪ.

Какъ! другъ Дюверне?

ДЮВЕРНЕ.

Вы были заняты серіознымъ разговоромъ, а я писалъ записку о своемъ дѣлѣ..

БАРОНЪ (*возвращаясь*).

Виноватъ, еще слово. Я узналъ, что мой повѣса ѣздитъ по всѣмъ судьямъ... не мудрено, что героиня его, надѣясь на красоту свою, была уже у многихъ... Если ей вздумается залетѣть и къ вамъ...

РАМБЕРЪ.

Я не приму ее.

БАРОНЪ.

Я былъ въ этомъ увѣренъ. И такъ, до свиданія; чрезъ часъ засѣданіе откроется, и я явлюсь къ вамъ.

РАМБЕРЪ.

До свиданія. (*баронъ уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РАМБЕРЪ И ДЮВЕРНЕ.

(*Дюверне останавливаетъ Рамбера у входа въ кабинетъ, гдѣ Клара*).

ДЮВЕРНЕ.

Хорошо, что онъ ушелъ, не узнавши, что она здѣсь.

РАМБЕРЪ.

Кто она? гдѣ?

ДЮВЕРНЕ.

Жена Германа.

РАМБЕРЪ.

У меня? ты съ ума сошелъ.

ДЮВЕРНЕ.

Увѣряю тебя, я сейчасъ видѣлъ ее здѣсь... прелестная молодая женщина и съ какой-то старухою, такъ, знаешь, для приличія...

РАМБЕРЪ.

Чудакъ! и ты вообразилъ себѣ, что это героиня Германа. Будь спокоенъ, та не придетъ ко мнѣ. А лучше порадуйся вмѣстѣ со мною. Помнишь ли мои давишнія безпокойства и мученія? — все кончено, другъ мой: она здѣсь! она пріѣхала! Я обнималъ уже свою дочь, свою Клару!

ДЮВЕРНЕ.

Клару!.. То же самое имя... ничего не понимаю.

РАМБЕРЪ (*обращаясь въ кабинетъ*).

Выйди сюда, другъ мой: я на минуту прибѣжалъ домой, чтобъ обнять тебя... По-

смотри на нее, Дюверне, и позавидуй моему счастію.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И КЛАРА.

КЛАРА.

Я здѣсь, батюшка!.. Боже мой! г. Дюверне!

РАМБЕРЪ.

Что это значитъ? чего ты испугалась?

ДЮВЕРНЕ.

Я не ошибся! Это она!

РАМБЕРЪ.

Кто она?

КЛАРА.

Я трепещу!

ДЮВЕРНЕ.

Жена Германа.

РАМБЕРЪ.

Она! кто смѣетъ это сказать?..

(Клара становится на колѣни).

КЛАРА.

Я болѣе несчастна, чѣмъ виновна... я почти не знала, что у меня есть отецъ, и безъ воли его рѣшилась располагать своею участью... такъ, я жена Германа!

РАМБЕРЪ, *(падаетъ въ кресла).*

О Боже, Боже мой!

ДЮВЕРНЕ *(тихо уходя).*

Бѣдный Рамберъ!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

РАМБЕРЪ И КЛАРА.

КЛАРА *(все еще на колѣняхъ).*

О! простите, простите меня.

РАМБЕРЪ.

И я безумецъ радовался возвращенію дочери... тогда-какъ у меня ея уже не было. Это жена, которую законы и общественное мнѣніе отвергаютъ, которая похитила сына у отца, которая подъ чужимъ именемъ послѣдовала за своимъ похитителемъ... которую теперь, сейчасъ приговоръ суда поразитъ безчестіемъ... Нѣтъ! это свыше силъ моихъ... Милосердый Боже! за что такое наказаніе? за что ты лишилъ меня послѣдняго утѣшенія на землѣ .. моей дочери!.. Оставьте меня, сударыня, мы чужды другъ другу.

КЛАРА *(встаетъ).*

Вы правы... преступная дочь не можетъ уже имѣть отца... я не знала его во всю жизнь мою, и теперь узнаю только потому, что онъ меня отвергаетъ.

РАМБЕРЪ *(самъ съ собою, не слушая ее).*

И какъ это все могло случиться? Подъ надзоромъ своей бабки, которая описывала мнѣ ее какъ самую невинную и неопытную дѣвушку... гдѣ они видѣли другъ друга? какъ она могла обольстить его?

КЛАРА.

Тутъ ни съ чьей стороны не было обольщенія: оба мы, покинутые отцами, увидѣли печально другъ друга, полюбили одинъ другаго, не понимая еще сами нашихъ чувствъ, и судьба довершила остальное.

РАМБЕРЪ.

Судьба не ищетъ ни чьей погибели. Наши страсти и безразсудство увлекаютъ насъ въ бездну.

КЛАРА.

Я не хочу быть вамъ въ тягость, батюшка; но прежде чѣмъ навсегда удалюсь изъ отцовскаго дома, угодно ли вамъ меня выслушать? вы узнаете все.

РАМБЕРЪ.

Я ничего не хочу знать!.. *(Клара хочетъ идти, — онъ продолжаетъ смягченнымъ голосомъ)* Говорите, говорите!

КЛАРА.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы были на водахъ; какъ вдругъ бабушка, перемѣнивъ свою фамилію, внезапно уѣхала въ какой-то бретаньской замокъ. Сегодня только узнала я, что цѣлью этого скрытнаго отъѣзда было желаніе увезти меня отъ васъ подальше. Никогда она мнѣ не говорила объ отцѣ моемъ, не показывала его писемъ, не позволяла мнѣ писать къ

нему. Она меня конечно любила, но болѣзнь помрачила наконецъ ея разсудокъ — и мы переносили всѣ прихоти ея и мученія. Однимъ словомъ, я была очень несчастна.

РАМБЕРЪ.

Бѣдное дитя!

КЛАРА.

Въ новомъ нашемъ убѣжищѣ никто не посѣщалъ насъ, и мы никуда не выходили; мнѣ одной позволено было гулять по парку; я всякой день ходила на холмикъ у ручья и читала тамъ книгу. Однажды явился ко мнѣ Германъ, который заблудился на охотѣ, и съ той минуты каждый день пріѣзжалъ ко мнѣ, садился подлѣ меня, читалъ со мною и восхищался красотами природы.

РАМБЕРЪ.

Къ чему замокъ этого человѣка подлѣ жилища ихъ?

КЛАРА.

Такъ прошло два мѣсяца... Вдругъ бабушка увидала однажды Германа, и съ тѣхъ поръ мнѣ запрещено было выходить. Я страдала и повиновалась; жизнь моя сдѣлалась тягостною, силы мои истощались, но я переносила все; еще бы нѣсколько дней, — и я бы умерла. Вдругъ бабушка сдѣлалась больна: я просиживала у изголовья цѣлыя ночи, и мечтала о Германѣ. Наконецъ я успѣла однажды пробраться на свой любимый холмикъ; Германъ сидѣлъ тамъ; онъ всякой день ждалъ меня; мы бросились въ объятія другъ къ другу; не помню, что мы говорили, но черезъ часъ мы уже ѣхали въ коляскѣ по дорогѣ въ Кале. Тамъ пріѣхали мы въ Англію, и отыскавъ священника, тотчасъ же обвѣнчались. Вотъ вся моя исторія! Она коротка, но въ ней я ни слова не сказала о моихъ чувствахъ. Вспомните, что у меня не было во всю жизнь матери, которая могла бы спасти меня совѣтомъ и любовью; у меня не было отца, котораго бы нѣжность бодрствовала надо мною; не было даже подруги, которая раздѣляла бы мои чувства. Я была одна, я повѣрилась человѣку, который меня искренно любилъ, который хочетъ навсегда раздѣлить мой жребій, — и вы, ваши законы, гордость отца его, хотятъ разорвать нашъ союзъ, заключенный именемъ Бога и чистѣйшей любви. Что мнѣ сказать противъ этого? Я буду умѣть страдать и терпѣть. *(Хочетъ уйдти, но Рамберъ встаетъ и останавливаетъ ее).*

РАМБЕРЪ.

А что же могъ отвѣчать я тому отцу, который, недѣлю тому назадъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: у меня есть сынъ, единственный сынъ и наслѣдникъ знатнаго имени; онъ составлялъ всю мою надежду и утѣшеніе. Недавно безразсудная страсть увлекла его въ бездну погибели: презрѣвъ власть отца и законы, онъ увезъ дѣвушку и въ чужихъ краяхъ обвѣнчался на ней. Эта дѣвушка бѣднаго, неизвѣстнаго, низкаго происхожденія. Она обольстила неопытнаго юношу, чтобъ получить знатное имя и богатство. Я прибѣгаю къ вамъ, вы защитникъ истины и законовъ. Возвратите мнѣ моего сына, потребуйте уничтоженія безразсуднаго брака!.. Что мнѣ было отвѣчать этому человѣку? Я самъ былъ отецъ, любилъ свою дочь, ожидалъ ея пріѣзда ежеминутно, и чувствовалъ, что власть и нѣжность родителя всего свящ нѣе.

КЛАРА.

Тогда вы хотѣли защитить чужаго отца, теперь защитите собственную свою дочь, которую хотятъ разлучить съ ея мужемъ.

РАМБЕРЪ.

Онъ тебѣ не мужъ... я сейчасъ это доказалъ судьямъ и всему Парижу.

КЛАРА.

Вы это говорили, повѣря словамъ отца его, будто бы Германъ былъ обольщенъ и увлеченъ. Но теперь онъ самъ подтвердитъ клятвенно, что не только собственною волею на мнѣ женился, но даже меня насильно увлекъ за собою.

РАМБЕРЪ.

Очень вѣрю; но воля его была недѣйствительна передъ законами; онъ не могъ, безъ согласія родителей и въ чужой землѣ заключить бракъ, который непремѣнно долженъ быть уничтоженъ. Все это доказалъ уже я, не смотря на краснорѣчивую защиту адвоката твоего мужа, и теперь, сейчасъ долженъ еще разъ отвѣчать на его

рѣчь, чтобъ собрать послѣднія и неопровержимыя убѣжденія.

КЛАРА.

И вы рѣшитесь на это? Вы покроете безчестіемъ имя вашей дочери, вы отнимите у нея все ея счастіе, жизнь и честь!..

РАМБЕРЪ.

Это ужасно!

КЛАРА.

Если я виновна была въ незнаніи вашихъ законовъ, то въ глазахъ отца не ужели мнѣ нѣтъ прощенія? Кто же защититъ и спасетъ несчастную, если отецъ отвергнетъ ее?

РАМБЕРЪ.

Я не переживу этого.

КЛАРА.

Вспомните мою мать, свою незабвенную Марію: она съ высоты небесъ умоляетъ васъ о спасеніи дочери, — не ужели вы отвергнете ея моленіе?

РАМБЕРЪ.

О! перестань, перестань! Это испытаніе выше силъ человѣческихъ. Я цѣлый вѣкъ твердилъ о правосудіи, о непреклонности и чистой совѣсти, а теперь чувствую, что я такой же слабый человѣкъ какъ и всѣ. Разсудокъ мой колеблется... Боже! подкрѣпи меня! *(Слышенъ стукъ кареты).*

КЛАРА.

Кто-то пріѣхалъ!..

РАМБЕРЪ.

Карета барона!.. Боже мой! и онъ увидитъ тебя со мною, тогда какъ я недавно еще увѣрялъ его, что никогда не увижусь съ похитительницею его сына... не будетъ ли онъ въ правѣ подозрѣвать меня...

КЛАРА.

Но онъ меня не знаетъ, никогда не видалъ...

РАМБЕРЪ.

Все равно! могу ли я скрыть отъ него?..

КЛАРА.

Вы не скроете, что къ вамъ пріѣхала дочь; но вы могли еще и не знать, что у васъ была жена Германа.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И БАРОНЪ.

БАРОНЪ.

Мнѣ совѣстно, что помѣшалъ такому пріятному свиданію, любезный Рамберъ. Представьте меня вашей дочери.

РАМБЕРЪ.

Г. баронъ!.. много чести!

БАРОНЪ.

Прелестная дѣвушка! поздравляю васъ. Вы счастливый отецъ, не такъ, какъ я...

РАМБЕРЪ *(въ сторону)*.

Какое мученіе!

БАРОНЪ.

Конечно и въ Германіи очень много хорошаго; и какъ скоро несчастное дѣло это кончится, я увезу его волжировать, и мы опять поладимъ.

РАМБЕРЪ *(въ сторону)*.

Кажется, я уже начинаю терять свои мысли; я уже едва понимаю, что вокругъ меня происходитъ.

БАРОНЪ.

Вижу, любезный г. Рамберъ, что я гость твой... но вспомните, что насъ ждутъ, засѣданіе сейчасъ начнется, и въ вашихъ рукахъ участь моего сына...

КЛАРА *(тихо отцу)*.

Слышите ли, батюшка?

БАРОНЪ *(ей)*.

А вы вѣрно уже знаете, въ чемъ состоитъ наше дѣло...

КЛАРА.

Извините, баронъ, я не мѣшаюсь въ дѣла батюшки; но если ему ужъ непремѣнно нужно уйдти съ вами, то я прошу его, чтобъ онъ не забылъ меня и поскорѣе воротился.

БАРОНЪ.

О! это сейчасъ кончится; нѣсколько словъ и судьи будутъ убѣждены. Весь Парижъ уже заранѣе всегда знаетъ, что то дѣло право, которое защищаетъ г. Рамберъ.

РАМБЕРЪ.

Я человѣкъ—и могу ошибиться, г. баронъ.

БАРОНЪ.

Какъ это можно! Вы сами были удостовѣрены въ правотѣ моего дѣла.

РАМБЕРЪ.

Но я могу и ошибиться. Что, если баронъ правъ?

БАРОНЪ.

Что вы говорите, Рамберъ.

РАМБЕРЪ.

Самъ не знаю... голова моя горитъ... разсудокъ мой...

БАРОНЪ.

Вы въ самомъ дѣлѣ очень больны! что съ вами сдѣлалось?.. Боже мой! и въ какую минуту! честь и будущность цѣлаго семейства зависитъ теперь отъ васъ.

КЛАРА (*тихо отцу*).

Да! честь и жизнь вашей дочери.

РАМБЕРЪ.

Постойте, постойте, ради Бога! Дайте мнѣ собрать хоть искру разсудка.

СЕКРЕТАРЬ (*входитъ*).

Г. Рамберъ! засѣданіе открылось.

РАМБЕРЪ.

Иду... Боже, подкрѣпи меня! (*Хочетъ идти*).

КЛАРА.

Батюшка! вы уходите... обнимите дочь свою.

РАМБЕРЪ.

Милое дитя мое! обнимн меня, покорись судьбѣ.

КЛАРА (*тихо ему*).

Помните обо мнѣ, о моей матери — и я буду спасена.

РАМБЕРЪ.

Пойдемте... (*падаетъ безъ силъ въ кресла*).

БАРОНЪ.

Что съ вами? Боже мой!

КЛАРА.

Батюшка!

РАМБЕРЪ (*быстро встаетъ*).

Ничего, ничего, г. баронъ; это пройдетъ, минутная слабость... пора, пойдемте; вы мнѣ ввѣрили свое дѣло, и я исполню мой долгъ: ничто не перемѣнитъ его. Законы не должны знать лица, а одно дѣло — и вы его выиграете.

КЛАРА (*опускается на кресла*).

Умираю!..

БАРОНЪ.

Вы благородный и честнѣйшій человѣкъ. (*Оба уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

КЛАРА, (*мало по малу приходитъ въ себя*).

Батюшка!.. Его уже нѣтъ!.. онъ ушелъ! Куда? зачѣмъ?.. Милосердый Боже!.. онъ ушелъ въ судъ, и тамъ... о! нѣтъ! это невозможно! онъ не будетъ говорить противъ своей дочери, онъ не захочетъ погубить ее... Ужасная минута! что-то теперь тамъ дѣлается? Люди судятъ тамъ хладнокровно по мертвымъ буквамъ законовъ, и рѣшаютъ жизнь и смерть людей. Только одинъ человѣкъ могъ бы защитить меня,— мой отецъ, и онъ повинуется какому-то призраку долга и чести, будетъ, можетъ быть, главнымъ орудіемъ моей погибели. О! еслибъ я сама могла тамъ быть! еслибъ сама могла высказать все этимъ судьямъ, мои чувства, мои страданія, мою прежнюю жизнь, мою неопытность, мою любовь къ Герману, — они бы не рѣшились осудить меня; но и тутъ ужасный законъ не допускаетъ меня до этого: я должна подъ остріемъ меча ждать рѣшенія своей участи. Ждать — одна и безъ надежды! О! какъ минуты тянутся долго, медленно. Счастливцы говорятъ, что время скоро идетъ: пусть бы они испытали мои теперешнія минуты... А бѣдный мой Германъ, онъ ждетъ меня, какъ вѣстника примиренія и счастія. Что я принесу ему? — и дозволятъ ли еще мнѣ увидѣть его. Гордый отецъ тотчасъ же овладѣетъ имъ, увезетъ его, запретъ... О! нѣтъ, нѣтъ! поскорѣе къ нему! чѣмъ бы ни рѣшили люди, я еще разъ увижу того, кого выбрало мое сердце и назначила судьба. (*Хочетъ идти, но встрѣчается съ госпожею Дюранъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КЛАРА и Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Засѣданіе кончилось, и толпы расходятся.

КЛАРА.

Но чѣмъ кончилось?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Не знаю, какъ истолковать, но сію минуту вышли изъ суда баронъ и г. Рамберъ; тутъ внизу стояли торговки съ цвѣтами, и баронъ купилъ мимоходомъ нѣсколько лучшихъ букетовъ: ихъ несутъ сюда.

КЛАРА.

Кому? для чего?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Онъ кричалъ, что это дочери Рамбера.

КЛАРА.

Не понимаю.

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Вотъ и онъ съ цвѣтами.

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И БАРОНЪ; *потомъ* РАМБЕРЪ И ДЮВЕРНЕ.

(*Слуги несутъ корзины съ цвѣтами*).

БАРОНЪ.

Это прелестной дочери моего знаменитаго адвоката, который сейчасъ выигралъ мое дѣло.

КЛАРА (*тихо*).

Я погибла... Германъ!

БАРОНЪ.

При выходѣ изъ суда, я вижу цвѣты, и первая моя идея была поднести ихъ вамъ. Они конечно не такъ прелестны какъ вы, но пусть вамъ напомнятъ они благодарность счастливаго старика, который много обязанъ вашему отцу. А вы, г. Рамберъ... (*Вынимаетъ бумажникъ; Рамберъ съ ужасомъ отступаетъ*) вы вѣрно не откажетесь принять должную награду за ваши труды. Ее опредѣляютъ законы, а моя благодарность удвоитъ ее. Вашей дочери, какъ милой и прелестной *дѣвицѣ*, я предложилъ цвѣты, а вамъ...

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Дѣвицѣ! что вы говорите, баронъ? Вѣрно вы хотѣли сдѣлать подарокъ вашей невѣсткѣ.

БАРОНЪ.

Кому? кто моя невѣстка?

Г-ЖА ДЮРАНЪ.

Дочь г. Рамбера, супруга вашего сына Германа.

БАРОНЪ.

Возможно ли?

Г-ЖА ДЮРАНЪ (*въ сторону*).

Онъ этого не зналъ?

РАМБЕРЪ.

Такъ точно! это была моя дочь.

КЛАРА.

Да, баронъ! я, бѣдная Клара, дочь вашего адвоката, который, слишкомъ хорошо повинуясь закону, долгу и совѣсти, сейчасъ говорилъ противъ меня и погубилъ собственное свое дитя. Вы недавно видѣли, какъ онъ страдалъ! Ахъ! онъ меня любилъ! я его единственная дочь; онъ не видалъ меня 17 лѣтъ, онъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ, и теперь одно несчастіе, отчаяніе и стыдъ будутъ нашимъ удѣломъ. Вы, говорятъ, очень горды, баронъ, но вѣрно никто еще не поступилъ такъ благородно и великодушно, какъ мой отецъ, простой адвокатъ: уважайте его добродѣтели, мужество и страданія. Я отъ васъ ничего не прошу: я бы постыдила отца моего всякою къ вамъ просьбою. (*Уходитъ, уводя съ собою г-жу Дюранъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

БАРОНЪ, РАМБЕРЪ И ДЮВЕРНЕ.

РАМБЕРЪ.

Вы теперь видите, г. баронъ, что я не могу принять отъ васъ платы за труды мои, хотя они и очень были тяжки.

БАРОНЪ.

Я изумленъ, пораженъ, уничтоженъ... я, баронъ Шатонефъ, заставилъ благороднаго человѣка произнесть приговоръ надъ собственнымъ его семействомъ — и не могу ничѣмъ вознаградить его. Послушайте однако, любезный г. Рамберъ, я не смѣю вамъ предлагать нѣсколько банковыхъ билетовъ, но вы не откажетесь конечно отъ части

моего имѣнія... Не обязанъ ли я обезпечить судьбу бѣдной Клары?

РАМБЕРЪ *(гордо)*.

Баронъ! я былъ въ правѣ отказаться отъ платы, какъ адвокатъ, — но какъ отецъ, я иначе буду отвѣчать на оскорбительныя предложенія богача, который думаетъ, что золото его можетъ все загладить и заплатить.

БАРОНЪ.

Ну, вотъ этого не доставало! Теперь я обидѣлъ его, и дѣло хоть до дуэли.

ДЮВЕРНЕ.

Да вѣдь и ваши предложенія ни на что не похожи... Рамберъ, кажется, доказалъ вамъ, что онъ не такой человѣкъ.

БАРОНЪ.

Вотъ то-то и бѣда, что съ нимъ не знаешь какъ говорить. Люди, для которыхъ богатство ничего не значитъ и которые всѣмъ жертвуютъ *славѣ*...

РАМБЕРЪ.

Славѣ? Вы жестоко ошибаетесь, г. баронъ; вся моя слава состоитъ въ томъ, что я исполнялъ мой долгъ. Это сознаніе будетъ поддерживать меня, но не утѣшитъ въ будущихъ моихъ несчастіяхъ. Съ этой минуты я отказываюсь отъ своего званія. Тамъ, гдѣ я говорилъ для осужденія моей дочери, никто уже не долженъ слышать моего голоса. Я сегодня же оставлю Парижъ, и навсегда. Теперь я только несчастный отецъ, и удалюсь въ какое нибудь уединеніе, гдѣ постараюсь забыть людей, такъ же, какъ они и обо мнѣ скоро забудутъ. Прощайте, г. баронъ. — Вы теперь счастливы, а мнѣ еще надобно утѣшить свою дочь. *(Быстро уходитъ въ кабинетъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

БАРОНЪ И ДЮВЕРНЕ.

БАРОНЪ.

Твой адвокатъ гордъ, какъ перъ Франціи.

ДЮВЕРНЕ.

Скажите лучше, какъ честный человѣкъ.

БАРОНЪ.

И онъ ушелъ, не принявъ отъ меня ничего.

ДЮВЕРНЕ.

Кажется, иначе и нельзя.

БАРОНЪ.

Да я-то не хочу этого... я не хочу, чтобъ какой нибудь адвокатъ унизилъ барона Шатопёфа; на что это похоже? Я остался его должникъ, тогда какъ онъ пожертвовалъ мнѣ собственною своею дочерью.

ДЮВЕРНЕ.

Да, рѣдкій поступокъ!

БАРОНЪ.

А все этотъ негодный Германъ; вотъ имѣй послѣ этого дѣтей! Они надѣлаютъ глупостей, а ты самъ отвѣчай за нихъ... *(Германъ входитъ)*. Да вотъ и онъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ И ГЕРМАНЪ.

ГЕРМАНЪ.

Гдѣ она? гдѣ Клара! батюшка! ради Бога не доводите меня до отчаянія. Ни ваша власть, ни приговоръ суда не застарятъ меня разлучиться съ нею: моимъ клятвамъ и моей чести ввѣрилась она; — Богъ и любовь соединили насъ. Если она всѣми отвергнута и даже собственнымъ своимъ отцомъ, то я не оставлю ея.

БАРОНЪ.

Кто тебѣ сказалъ, что отецъ ее оставилъ? отецъ ея честнѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ.

ГЕРМАНЪ.

Пусть такъ! но онъ безчеловѣчный отецъ: онъ погубилъ дочь свою. Сегодняшній приговоръ суда — его дѣло.

БАРОНЪ.

Да, безумецъ! это его дѣло, но дѣло великое и благородное. И ты смѣешь его упрекать за него! Сперва пойми его, а послѣ удивляйся.

ГЕРМАНЪ.

Но дочь его, прелестнѣйшее въ свѣтѣ созданіе, чѣмъ она виновна?

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ И КЛАРА.

КЛАРА.

Такъ! я узнала его голосъ! Германъ!

ГЕРМАНЪ *(удерживаемый отцомъ)*.

Я пришелъ за тобою, Клара: ничто въ свѣтѣ не разлучитъ насъ.

КЛАРА.

Нѣтъ, Германъ! я уже не могу за тобою слѣдовать.

ГЕРМАНЪ.

Не можешь?

КЛАРА.

Я уже не жена твоя... законы отечества разорвали связь, которая насъ соединила, и мы должны повиноваться. Я умру; и что мнѣ въ жизни безъ тебя? — но умру безъ ропота, не обвиняя никого въ моихъ страданіяхъ и моей смерти. Когда я за тобою послѣдовала, Германъ, то вѣрилась любви твоей и святости совершеннаго брака; но люди и законы разлучаютъ насъ.. покоримся судьбѣ... *(Удерживаясь во время этой тирады, она наконецъ рыдаетъ)*.

ГЕРМАНЪ.

Никогда! нѣтъ! я не разлучусь съ тобою.

КЛАРА *(Барону)*.

Такъ я *васъ* прошу, баронъ, — и это первая и послѣдняя моя просьба, — уведите его, уведите отсюда поскорѣе; я не послѣдую за нимъ: но вы видите, покуда онъ здѣсь, я не въ силахъ противиться любви моей: едва я услышала его голосъ, какъ оставила отца въ отчаяніи и прибѣжала сюда. Потерять Германа все равно, что тысячу разъ умереть, но я все перенесу. Уведите его только поскорѣе, — умоляю васъ о томъ. *(Становится на колѣни)*.

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТѢ ЖЕ И РАМБЕРЪ.

РАМБЕРЪ.

Дочь моя! что это значитъ? на колѣняхъ передъ барономъ!

КЛАРА *(встаетъ съ достоинствомъ)*.

Я умоляла его только о томъ, чтобъ онъ поскорѣе увелъ Германа. *(Бросается въ объятія отца)*.

РАМБЕРЪ.

Ты права! пусть онъ уйдетъ, пусть оставитъ насъ навсегда: присутствіе обоихъ для насъ тягостно... оно только увеличиваетъ наши страданія. Оставьте насъ, господа.

КЛАРА.

Постойте, батюшка, на минуту *(подходитъ къ Герману)* вотъ ваше обручальное кольцо. Возьми его, Германъ, я уже не имѣю права носить его, я уже не жена твоя — все кончено, возьми!

ГЕРМАНЪ.

Никогда!

КЛАРА *(Барону)*.

Скажите же ему, баронъ, чтобъ онъ взялъ.

БАРОНЪ.

Отдайте его мнѣ! *(беретъ)* Г. Рамберъ!

РАМБЕРЪ.

Вы еще здѣсь? что̀ вамъ угодно?

БАРОНЪ.

Г. Рамберъ! баронъ Шатонёфъ проситъ у васъ руки вашей дочери для своего сына.

Вмѣстѣ.

РАМБЕРЪ.

Возможно ли!

ГЕРМАНЪ.

Что̀ это значитъ?

КЛАРА.

Боже!

ДЮВЕРНЕ.

Вотъ это безподобно, баронъ! теперь *вы* побѣдили Рамбера.

БАРОНЪ.

Да, съ этими людьми нечего больше дѣлать... Германъ! Вотъ твоя жена! *(толкаетъ сына въ объятія Клары)* Рамберъ! вотъ вамъ рука друга!

РАМБЕРЪ.

Принимаю ее отъ всего сердца, баронъ; но не будете ли вы раскаяваться...

БАРОНЪ.

Никогда! Я хотѣлъ найти сыну моему жену, которая бы сдѣлала честь нашему семейству и, кажется, не могъ лучше выбрать. Обнимите меня, дѣти мои!

ОТЦОВСКОЕ ПРОКЛЯТІЕ,

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ съ Французскаго

К. П. В — го.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАПИТАНЪ СИРЪ КОБРЕДЖЪ, старикъ, слѣпой..... *Г. Брянскій.*
КЛЕКТОНЪ, племянникъ его *Г. Каратыгинъ* 2.
СИРЪ АРТУРЪ, молодой офицеръ ..... *Г. Максимовъ.*
ЭДГАРЪ, другъ его..... *Г. Толченовъ* 3.
ТОНИ, слуга леди Жеральдъ *Г. Алексѣевъ.*

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, тетка Артура..... *Г-жа Вальберхова.*
КАРОЛИНА..... *Г-жа Дюръ.*
Друзья Артура..... *Г. Горшенковъ. Г. Михайловъ. Г. Сергѣевъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи: первый актъ въ домѣ леди Жеральдъ; второй въ домѣ Кобреджа.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ хорошо меблированный залъ, въ домѣ леди Жеральдъ. Въ срединѣ и по сторонамъ двери. Декорація въ глубинѣ театра изображаетъ видъ Шотландіи; впереди сцены, налѣво отъ актеровъ, столъ и все нужное для письма.

ЯВЛЕНІЕ I.

АРТУРЪ, ЭДГАРЪ И НѢСКОЛЬКО МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ (*входятъ на сцену изъ боковой двери съ лѣвой стороны отъ актеровъ*).

ЭДГАРЪ.

Браво, любезный Артуръ, завтракъ былъ превосходный.

АРТУРЪ.

Да, и тетушкино вино безподобно!.. теперь мы позапаслись для охоты... клянусь святымъ Дунстаномъ, она будетъ удачна.

ЭДГАРЪ.

Какъ вчера (*всѣ смѣются*).

АРТУРЪ.

О! вчера, какая разница!.. Я едва зналъ этотъ край... я пріѣхалъ только на дняхъ въ горы Шотландіи къ моей теткѣ, леди Жеральдъ, и не имѣлъ времени порядочно ознакомиться съ мѣстностію; мнѣ должно бы было заняться этимъ прежде, чѣмъ приглашать васъ на охоту. Но что нужды? если мы и ничего не убили кромѣ времени, за то имѣли случай и удовольствіе познакомиться другъ съ другомъ. Теперь между нами дружба на жизнь и на смерть; не такъ ли? (*подаетъ имъ руку*).

ЭДГАРЪ.

Безъ сомнѣнія.

АРТУРЪ.

Вы смѣетесь! Вы привыкли видѣть англійскихъ офицеровъ угрюмыми и задумчивыми, васъ удивляютъ моя веселость и откровенность... вы не понимаете, какимъ образомъ я, англійскій лейтенантъ, могу измѣнять привычкамъ моихъ товарищей... но я Англичанинъ только по чину и мундиру. Отецъ мой былъ Шотландецъ, мать Француженка, я родился на кораблѣ въ открытомъ морѣ, и потому самъ не знаю, къ какой націи я принадлежу.

ЭДГАРЪ.

Пусть наши горы, сиръ Артуръ, будутъ вашимъ отечествомъ.

АРТУРЪ.

Очень охотно... и кромѣ того, какъ ближайшій наслѣдникъ моей тетки, которая, если Богъ меня услышитъ, еще долго заставитъ меня ждать своихъ титуловъ и наслѣдства... я уже принадлежу этой странѣ... въ ней заключаются мои надежды и мое имѣніе... Мы часто будемъ видѣться. Я люблю этотъ замокъ, его прекрасныя окрестности... съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда, я не имѣлъ еще ни одной скучной минуты... однако, нѣтъ... сегодня утромъ проснувшись...

ЭДГАРЪ.

Не можетъ быть... вы всегда такъ веселы.

АРТУРЪ.

И какъ же иначе? Мертвый улыбнется, когда взглянетъ на жителей здѣшняго замка... я не говорю объ одной половинѣ... о нашей... мы вообще довольно порядочны; но другая...

ВСѢ.

Ха! ха! ха! ха!

ЭДГАРЪ.

Вотъ истинно-философическій взглядъ.

АРТУРЪ.

Что жъ дѣлать!.. Я люблю разсматривать природу въ хорошемъ видѣ... тетушка не дурна... для тетки... я ее слишкомъ уважаю, чтобы сказать противное... (*съ досадою*) но за то ее окружаютъ все какія-то старыя рожи... просто, ужасъ!.. пятьдесятъ лѣтъ по меньшей мѣрѣ... ни одного порядочнаго личика! удивительный народъ! Но довольно объ этомъ, постараемся, чтобы другія удовольствія насъ вознаградили... отправимся на охоту.

ВСѢ.

Ѣдемъ!

АРТУРЪ.

Жаль, что съ нами нѣтъ еще нашего сосѣда, молодаго Клѣктона, самаго отважнаго охотника.

ЭДГАРЪ.

Да, онъ, кажется, знаетъ ваши владѣнія лучше васъ самихъ.

АРТУРЪ.

Я думаю... Тетушка предоставляетъ ему право истреблять дичь въ ея имѣніи... и замѣтно, что онъ усердно поретъ дичь. Впрочемъ, онъ веселый товарищъ... я велю ему сказать, чтобы онъ присоединился къ намъ въ Андреевскомъ лѣсу. (*Увидя Тони, который входитъ изъ двери съ правой стороны*) Вотъ что мнѣ для этого нужно...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ, ТОНИ (*съ правой стороны.*)

ТОНИ (*въ дверяхъ.*)

Слушаю, миледи... черезъ часъ!.. (*Артуръ ведетъ его на аван-сцену.*)

АРТУРЪ.

Тони! знаешь ты Клектона, который живетъ въ двухъ миляхъ отсюда?

ТОНИ.

Племянникъ слѣпаго?

АРТУРЪ.

Ба! у него дяди слѣпой?

ТОНИ.

Да, милордъ... Старый капитанъ корабля; онъ потерялъ зрѣніе послѣ наваринскаго дѣла, гдѣ былъ оставленъ замертво... онъ жилъ въ Англіи, но съ годъ уже, какъ переселился сюда, къ племяннику.

ЭДГАРЪ.

А! капитанъ Кобреджъ, который, какъ говорятъ, дѣлаетъ много добра въ здѣшней сторонѣ...

ТОНИ.

Онъ самый!.. Но только настоящій медвѣдь!.. всегда угрюмъ... всегда сердитъ... заперся дома какъ въ крѣпости, никого къ себѣ не принимаетъ. Миледи нѣсколько разъ его приглашала къ себѣ, однако онъ не пріѣзжалъ ни разу.

АРТУРЪ.

Я бы понялъ почему, если бы онъ не былъ слѣпъ... но я самъ къ нему съѣзжу... я люблю старыхъ моряковъ... старыхъ солдатъ. Нѣтъ ли у него дочери... или племянницы?

ТОНИ.

Только одинъ племянникъ, который его ни на минуту не оставляетъ; капитанъ требуетъ, чтобы онъ былъ при немъ безотлучно, читалъ ему, или слушалъ его разсказы о морскихъ путешествіяхъ.

АРТУРЪ.

Ну, онъ его уволитъ на нынѣшній день. Возьми лошадь.

ТОНИ.

Милордъ...

АРТУРЪ.

Молчи! Поѣзжай въ замокъ капитана.

ТОНИ.

Но...

АРТУРЪ.

Замолчишь ли ты? Скажи его племяннику...

ТОНИ.

Но это невозможно.

АРТУРЪ.

Почему?

ТОНИ.

Потому-что миледи посылаетъ меня въ городъ.

АРТУРЪ.

Лѣнтяй!.. Не правда.

ТОНИ, (*показывая ему два письма*).

Да вотъ, взгляните сами!.. Я долженъ отвезти эти письма... одно къ ея стряпчему, по тому процессу, который, можетъ быть, всѣхъ насъ заставитъ ѣхать въ Эдинбургъ; а другое...

АРТУРЪ, (*взявъ письма*).

Точно! (*читая надпись*) Миссъ Волсей... Каролина... прекрасное имя! оно очень идетъ къ молодой дѣвушкѣ. (*Смотря на Тони*) Вѣдь она молода?... неправда ли? вѣрно моложе сорока лѣтъ?

ТОНИ.

Я слышалъ отъ леди Жеральдъ, вашей тетушки, что она молода и очень хороша собой.

АРТУРЪ.

Ба!.. И живетъ въ здѣшнемъ краю?.. Тетушка ее знаетъ, а мы ее никогда здѣсь не видимъ.

ТОНИ.

Она только-что извѣстила миледи о возвращеніи своемъ изъ Франціи, и миледи въ этомъ письмѣ приглашаетъ ее сюда.

АРТУРЪ.

Сюда?.. Такъ скорѣй, мой другъ, отправляйся... загони лошадь, если нужно.

ТОНИ.

Но, милордъ...

АРТУРЪ.

Безъ разсужденій!.. Скажи что ее ждутъ... привези ее, или ты будешь выгнанъ отсюда. (*Тони уходитъ*) Молода и хороша... мнѣ очень хочется ее видѣть... такая особа большая рѣдкость въ здѣшнемъ домѣ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ТОНИ.

ЭДГАРЪ.

Сиръ Артуръ! это обстоятельство можетъ измѣнить ваши философическія разсужденія.

АРТУРЪ.

О! нисколько!.. Что же, отправляемся... Эй! наши ружья!.. (*въ размышленіи*) Каролина!..

ЭДГАРЪ.

Это имя васъ занимаетъ?

АРТУРЪ.

Да, признаюсь. Нѣкоторыя имена какъ-то особенно пріятны для меня, наприм. Анна, Женни, Камилла, Каролина...

ЭДГАРЪ.

Я думаю, съ каждымъ изъ этихъ именъ, соединено для васъ какое-нибудь воспоми-

наніе... а, можетъ быть, и кой-какія неудачи...

АРТУРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... одно изъ этихъ именъ.. я не скажу которое... точно напомнило мнѣ неудачу.

ЭДГАРЪ.

Молодая дѣвушка?.

АРТУРЪ.

Нѣтъ, замужняя. Въ Англіи... годъ тому назадъ... въ городѣ, гдѣ нашъ полкъ стоялъ гарнизономъ... и гдѣ я все время скучалъ, какъ здѣсь сегодня утромъ.. я встрѣтилъ у одного богатаго негоціанта, молодую женщину. Ея томный видъ сначала возбудилъ во мнѣ вниманіе, которое скоро обратилось въ любовь (*Эдгаръ отворачивается, улыбаясь*)...нѣтъ, право, истинную любовь... Она была прекрасна собою! Вдругъ я узнаю, что мужъ ея самый ревнивый человѣкъ во всей Великобританіи... однакожъ, это нисколько не помѣшало мнѣ съ нею видѣться!.. Я нѣсколько разъ говорилъ съ нею, принималъ участіе въ ея положеніи... это, казалось, ее тронуло... и, наконецъ, я открылся ей въ моей страсти...

ЭДГАРЪ.

Что жъ она вамъ отвѣчала?

АРТУРЪ.

Ничего... но ея глаза, полные слезъ, придали мнѣ смѣлость... я просилъ, настоятельно требовалъ свиданія... она отказала; это еще болѣе подстрекнуло мою любовь. Впрочемъ, отказъ ничего не доказываетъ. Наканунѣ выступленія нашего изъ города, я рѣшился, во что бы ни стало, съ нею проститься. Мужъ ея былъ въ отсутствіи... (*Леди Жеральдъ входитъ въ боковую дверь съ правой стороны и медленно приближается къ аван-сцепѣ*). Я пробрался въ садъ ея дома... и съ помощію садовой лѣстницы...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ и ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, (*выходятъ съ правой стороны*).

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ты влѣзъ въ окно?

АРТУРЪ.

Ахъ, тетушка!

ЭДГАРЪ.

Миледи!..

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Не такъ ли всегда у васъ начинаются романы?

АРТУРЪ.

Они часто такъ и кончаются... прежде надобно, чтобъ окно отворилось.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

А оно не отворилось?

АРТУРЪ.

Не смотря на то, что я стучалъ въ него такъ нѣжно... этотъ тихій стукъ, который значитъ: это я... знаете, тетушка?..

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Нѣтъ, вовсе не знаю.

АРТУРЪ.

Ахъ! извините!.. уже разсвѣтало; часъ нашего выступленія приближался... и я долженъ былъ сползти по лѣстницѣ 17 ступеней.

ЭДГАРЪ.

Ай! ай!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

И ты не боялся оскорбить женщину, можетъ быть, достойную уваженія?

ЭДГАРЪ (*Артуру*).

О, нравоученіе!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Вотъ вы каковы, господа!.. предпріимчивы... дерзки. Вамъ и въ голову не приходитъ, что слѣдствіемъ вашихъ шалостей часто бываютъ слезы... отчаяніе тѣхъ, къ кому они относились.

АРТУРЪ.

Это кончается веселѣе, тетушка.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Безславіе на всю жизнь...

АРТУРЪ.

По крайней мѣрѣ я не былъ тутъ виноватъ... у меня на совѣсти нѣтъ ни одной важной вины... ни одной!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Честь женщины...

АРТУРЪ.

Все равно, я за себя отвѣчаю: я не былъ причиною ни чьего несчастія и никого не заставилъ проливать слезъ горести.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Сумасшедшій!

АРТУРЪ.

Къ тому же, я остороженъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ты хочешь сказать — благоразуменъ.

АРТУРЪ.

Надѣюсь! И если бы у васъ была здѣсь красавица, которую бы я любилъ... обожалъ... ну, какъ бы вы ни стали замѣчать, подсматривать... вы не нашли бы даже причины къ подозрѣнію.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Какъ!.. (*въ сторону*) да онъ меня пугаетъ.

(*Стукъ кареты; крикъ съ лѣвой стороны*).

ЭДГАРЪ.

Что это за крикъ?.. (*Смотря въ окно*): какая-то коляска опрокинулась!..

АРТУРЪ.

Боже мой! можетъ быть, это Каролина?

(*Эдгаръ и прочіе выходятъ*).

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Каролина!.. ты какъ знаешь?

АРТУРЪ.

Да, тетушка, да... молодая женщина, которую вы ожидаете... (*Движеніе леди Жеральдъ*). Поспѣшимъ на помощь.

(*Хотятъ идти—входитъ Клектонъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

АРТУРЪ, ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, КЛЕКТОНЪ (*одѣтый охотникомъ, выходитъ изъ средней двери*).

КЛЕКТОНЪ.

Не безпокойтесь... опасности нѣтъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Сиръ Клéктонъ!

АРТУРЪ.

Нашъ молодой сосѣдъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Но эта коляска....

КЛЕКТОНЪ.

Ничего, я говорю: это мой дядя.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Сиръ Кóбреджъ?

КЛЕКТОНЪ.

Маленькое приключеніе, котораго я нѣсколько причиною.

АРТУРЪ.

Какъ такъ?

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Но прежде надо помочь.

КЛЕКТОНЪ.

Не нужно... ничего не случилось. Вообразите... это исторія... мой дядя капитанъ всегда хочетъ, чтобы я былъ съ нимъ, возлѣ него, читалъ ему или слушалъ его разсказы о сраженіяхъ... Вы можете посудить, какъ это забавно... заставляетъ читать Шекспира и Мильтона, такого же слѣпаго, какъ и самъ... гмъ!... какое общество!... особливо для меня, съ такими прекрасными глазами.... къ тому же не хочетъ никого принимать, и самъ никуда не выходитъ, всегда сердится... однимъ словомъ, это старикъ самый.... что не мѣшаетъ мнѣ, однакожъ, оказывать ему уваженіе, какое должно имѣть къ дядѣ, котораго любишь и послѣ котораго достается богатое наслѣдство.

АРТУРЪ (*захохотавъ*).

Ха! ха! ха! вы его наслѣдникъ?

КЛЕКТОНЪ.

Единственный и ближайшій!.... это другая исторія. Его считали жепатымъ и даже отцомъ многочисленнаго семейства на какомъ-то пустомъ островѣ... но, вышло, что это пустое. Въ одинъ день онъ упалъ къ намъ какъ снѣгъ на голову... я его не зналъ, никогда не видывалъ. «Я одинъ на свѣтѣ» сказалъ онъ мнѣ, «и пріѣхалъ къ вамъ умереть; я богатъ и оставлю тебѣ мое имѣніе». Вы понимаете, что родственникъ, который вамъ такъ говоритъ....

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Но что же съ нимъ теперь случилось?...

КЛЕКТОНЪ.

Ахъ да! теперешняя исторія,—извольте. Съ нѣкотораго времени онъ запретилъ мнѣ отлучаться отъ него, даже на минуту. Я рѣшился-было уже повиноваться, какъ вчера сиръ Артуръ пригласилъ меня на охоту и на хорошій обѣдъ. Охоту я люблю безъ памяти, и вовсе не врагъ хорошихъ обѣдовъ. Однако, что дѣлать? какъ оста-

вить дядю, или привезти его сюда? Мнѣ пришла счастливая мысль: я предлагаю ему прогуляться,— онъ соглашается; мы садимся въ коляску, — онъ велитъ поворотить направо — я не мѣшаю; но доѣхавъ до Андреевскаго лѣса, приказываю взять налѣво, однако такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ, и мы ѣдемъ тропинкою до вашего замка. Къ несчастію, чѣмъ мы ближе подъѣзжали, тѣмъ дорога становилась хуже, такъ что въ виду вашей голубятни... хлопъ... глупецъ кучеръ вывалилъ насъ.

АРТУРЪ.

Однако не ушибъ?

КЛЕКТОНЪ.

А! это еще исторія: у меня шишка на лбу.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Но вашъ дядюшка?...

КЛЕКТОНЪ.

Ничего; онъ упалъ на меня, и мнѣ показалось всего забавнѣе, что ушибся я, а кричалъ онъ, да еще и теперь кричитъ на работниковъ..... бранится, сердится на нихъ за то, что они не могутъ починить коляску сію же минуту; я ужъ это устроилъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

И онъ тамъ остался?

КЛЕКТОНЪ.

Я не могъ уговорить его идти со мною... и прибѣжалъ просить васъ, чтобъ вы пригласили его сюда...

АРТУРЪ.

Сію минуту. (*Клектону*). Вы идете?

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Да, да, подите, скажите, что я его ожидаю... и если нужно, я сама...

КЛЕКТОНЪ.

Навѣрно онъ останется.

(*Артуръ и Клектонъ выходятъ въ дверь, въ глубинѣ театра, и когда леди Жеральдъ хочетъ за ними слѣдовать, Тони входитъ въ дверь съ лѣвой стороны*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, ТОНИ, *потомъ* КАРОЛИНА.

ТОНИ.

Миледи...

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

А! это ты?

ТОНИ.

Я отдалъ письма; стряпчій вашъ будетъ сюда вечеромъ. Вамъ нынѣшнюю же ночь должно отправиться въ Эдинбургъ, потому, что дѣло по вашему процессу будутъ тамъ слушать послѣ завтра, въ четвергъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ахъ Боже мой!.. такъ скоро!

ТОНИ.

Что же касается до молодой особы...

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ну!

ТОНИ.

Она уже здѣсь.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Здѣсь, говоришь ты? Ахъ! я почти этимъ не довольна... теперь, какъ мой племянникъ...

ТОНИ.

Вотъ она.

(*Каролина входитъ изъ двери съ лѣвой стороны, а Тони выходитъ въ дверь направо*).

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ахъ! миссъ, признаюсь, я васъ не ожидала такъ скоро... за это я вамъ очень благодарна.

КАРОЛИНА.

Миледи, я исполнила свою обязанность... вы удостоили вспомнить обо мнѣ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Могла ли я позабыть васъ... ваше нѣжное попеченіе обо мнѣ во Франціи... вы, казалось, тогда не очень были довольны вашимъ положеніемъ, и я особенно жалѣла, что вы вступили въ домъ леди Броунъ, моей двоюродной сестры, женщины самой своенравной.

КАРОЛИНА.

Я должна быть ей благодарна, миледи: она согласилась принять меня въ то время, когда я не знала, куда приклонить голову.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Вы и къ ней умѣли приноровиться; она мнѣ очень хвалила вашъ характеръ.

КАРОЛИНА.

Миледи!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Вы желали поговорить со мною?

КАРОЛИНА.

Да, миледи. Послѣ смерти вашей сестрицы, леди Броунъ, съ которою я пріѣхала въ Шотландію, я осталась одна, безъ пристанища...

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

И вы не пожелали возвратиться въ Англію, къ вашему семейству?..

КАРОЛИНА.

Моему семейству!.. у меня его нѣтъ, миледи. Когда я услышала ваше имя, я вспомнила о благосклонности, которою вы меня удостоивали... и подумала, что могу обратиться къ вамъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

И хорошо сдѣлали... дѣло въ томъ, чтобы помѣстить васъ въ должность компаніонки... для чтенія... я поищу... посмотрю между моими знакомыми... къ несчастію, я ихъ вижу очень мало...

КАРОЛИНА.

Но мнѣ сказывали, что вы сами, миледи...

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, (*съ запинательствомъ*).

Я?... конечно... мнѣ было бы пріятно... но только не теперь... я сегодня отъѣзжаю... къ тому же и другія причины... (*въ сторону*) Она такъ хороша! (*Каролина отираетъ слезы*). О!.. что это? успокойтесь! я обѣщаю позаботиться объ васъ... по возвращеніи... вы меня подождете...

КАРОЛИНА.

Миледи! я безъ пристанища... одна на свѣтѣ...

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ахъ! Боже мой! я васъ не оставлю... (*шумъ позади*) Я слышу шумъ... они идутъ...

КАРОЛИНА.

У васъ гости... я, можетъ быть, лишняя.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Какое ребячество! вы останетесь здѣсь по крайней мѣрѣ до вечера... (*звонитъ*.) Я непремѣнно хочу васъ пристроить. (*Входитъ Тони*.) Проводи эту дѣвицу въ мои комнаты... Идите, миссъ, идите... я сей часъ сама къ вамъ буду.

КАРОЛИНА.

Слушаю, миледи... (*въ сторону*) Ахъ! я не этого надѣялась? (*Уходитъ съ Тони въ дверь направо*).

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Кому бы мнѣ поговорить объ ней?.. Оставить у меня никакъ нельзя.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, АРТУРЪ, СИРЪ КОБРЕДЖЪ, КЛЕКТОНЪ, ЭДГАРЪ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ, ПОТОМЪ ТОНИ.

КЛЕКТОНЪ (*входя первый*).

Миледи, вотъ мой дядя.

АРТУРЪ (*ведя Кобреджа*).

Нечего дѣлать, капитанъ, вы должны сдаться... позвольте ввести васъ.

КЛЕКТОНЪ.

Идите... пристань хороша...нельзя упасть удачнѣе.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*съ досадою*).

Несчастный!

АРТУРЪ.

Капитанъ! вотъ моя тетушка, леди Жеральдъ: ей весьма пріятно ваше посѣщеніе.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*снимая шляпу*).

Леди Жеральдъ!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Не сердитесь, капитанъ; я бы должна была на васъ сердиться за отказъ вашъ посѣтить меня.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Но, миледи... теперь я, кажется, у васъ.

АРТУРЪ.

Не совсѣмъ по своей волѣ (*Клектонъ дѣлаетъ ему знаки*). И еслибъ вашему племяннику не пришла мысль...

КЛЕКТОНЪ (*поспѣшно*).

Да садитесь же, дядюшка. (*Сажаетъ его*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ну... ты меня опять уронишь... Поди, поторопи работниковъ.

КЛЕКТОНЪ.

Слушаю, дядюшка. (*Артуру тихо*) Будьте спокойны.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Не думаете ли вы, капитанъ, что мы васъ такъ отпустимъ... сегодня вы нашъ... я васъ не пущу... и буду при васъ безотлучно.

АРТУРЪ.

А племянникъ вашъ отправится съ нами на охоту.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Мой племянникъ!.. но это невозможно... онъ не приготовился.

КЛЕКТОНЪ.

Нѣтъ, дядюшка, я готовъ; мое ружье тамъ, въ коляскѣ... охотничье платье на мнѣ.

АРТУРЪ.

Все, что нужно.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ба! такъ это было улажено прежде.

КЛЕКТОНЪ.

Да, прежде.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Какъ, и поѣздка черезъ поле... опрокинутая коляска...

КЛЕКТОНЪ (*тихо Эдгару*).

Ну! теперь для него все ясно...

(*Смѣются*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Онъ еще, кажется, изволитъ смѣяться.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Успокойтесь... я ему благодарна за мысль, которая забросила васъ къ намъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Забросила!.. это настоящее выраженіе... но вы сами, миледи, вы не знаете, чему вы подвергаетесь... въ обществѣ слишкомъ скучная вещь слѣпой старикъ: онъ часто ворчитъ, никогда не улыбается; сердце его исполнено тягостныхъ воспоминаній.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

О комъ вы говорите?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы видите... ужь начинается... мои слова охладили веселость молодежи.

АРТУРЪ.

Напротивъ, мы постараемся развеселить васъ самихъ, и сегодня вечеромъ, со стаканомъ въ рукѣ, вы намъ разскажете что нибудь изъ вашихъ походовъ... это всѣмъ доставитъ удовольствіе, мнѣ же сверхъ того принесетъ и пользу, какъ лейтенанту англійской службы.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы, молодой человѣкъ, военный, товарищъ?.. ахъ! дайте же мнѣ вашу руку.

АРТУРЪ.

Съ удовольствіемъ, капитанъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Сколько вамъ лѣтъ?

АРТУРЪ.

Двадцать четыре года.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Двадцать четыре года — и шпага! Какая будущность! какая надежда! Съ молодымъ воиномъ я чувствую себя моложе... оживаю на это время... и сколько несчастій тогда позабываю!

КЛЕКТОНЪ.

Несчастій!.. но, я у васъ спрашиваю, чего вамъ еще не достаетъ? Вы спокойны... богаты... имѣете племянника, онъ васъ утѣшаетъ... онъ ваше дитя...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Молчи!

КЛЕКТОНЪ.

Ваше семейство...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Молчи!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ (*подходя къ Кобреджу*).

Я очень рада, капитанъ, вашему расположенію къ Артуру... вы останетесь по крайней мѣрѣ для него.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Непремѣнно, миледи!.. онъ въ отпуску?

АРТУРЪ.

Еще на мѣсяцъ; послѣ чего мнѣ должно будетъ явиться въ полкъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Въ полкъ... а въ который?

АРТУРЪ.

Третій драгунской.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*вставая поспѣшно со стула.*)

Третій драгунской!

АРТУРЪ.

Самый красивый и самый храбрый въ арміи.

С. КОБРЕДЖЪ.

Полкъ подлецовъ и мерзавцевъ.

АРТУРЪ.

Что я слышу!

ВСѢ.

Боже мой!

КЛЕТКОНЪ.

Дядюшка!

С. КОБРЕДЖЪ.

Да, полкъ подлеповъ и мерзавцевъ! я это сказалъ и повторяю.

АРТУРЪ.

Капитанъ! капитанъ!.. Вы забываете, что я служу въ этомъ полку.

С. КОБРЕДЖЪ.

Тѣмъ хуже для васъ... Я васъ не знаю... и если вы изъ числа тѣхъ низкихъ душъ, которыя играютъ честію...

АРТУРЪ *(останавливая его.)*

Никогда!.. и если бы кто другой сказалъ мнѣ это, я бы зналъ мою обязанность... Что же касается до моихъ товарищей, то они заслуживаютъ уваженіе своего отечества: они показали себя храбрыми предъ непріятелемъ и добрыми предъ своими согражданами.

С. КОБРЕДЖЪ.

Всѣ?

АРТУРЪ.

Спросите въ городахъ, которые они занимали.... Ворчестеръ, Варвикъ, Линкольнъ...

С. КОБРЕДЖЪ *(ужаснымъ голосомъ.)*

Линкольнъ! *(движеніе ужаса.)*

КЛЕТКОНЪ.

Дядюшка!

ВСѢ.

Капитанъ!

С. КОБРЕДЖЪ *(глухимъ голосомъ, опускаясь въ кресло.)*

Линкольнъ! *(закрываетъ лицо руками.)*

КЛЕКТОНЪ *(Эдгару.)*

Его не скоро уймешь.

(Минутное молчаніе, въ продолженіе котораго молодые люди, окружающіе Артура, стараются его утишить.)

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Что жъ, господа, ужъ время... вы забыли свою охоту.

КЛЕКТОНЪ.

Миледи говоритъ правду. Отправимтесь, господа; это будетъ лучше, чѣмъ горячиться изъ пустаго.

АРТУРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, это глупо... *(подходя къ Сиру Кобреджу и взявъ его за руку).* Не правда ли, капитанъ, вы не имѣли намѣренія оскорбить меня?..

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, *(пришедъ въ себя, спокойно).*

Нѣтъ, молодой человѣкъ, ни васъ и, вѣроятно, никого изъ вашихъ друзей... но есть мѣста, имена, которыя возбуждаютъ ненависть въ глубинѣ сердца... прощайте, прощайте...

АРТУРЪ.

До вечера, капитанъ. *(Въ сторону).* Я чуть не надѣлалъ глупостей, связался съ старикомъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Клектонъ! Клектонъ!

КЛЕКТОНЪ.

Дядюшка!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Посмотри, готова ли наша коляска? поѣдемъ.

КЛЕКТОНЪ.

Какъ, ѣхать?.. А наша охота? вѣдь вы мнѣ позволили...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Клектонъ!

КЛЕКТОНЪ.

Что это? лишать меня рѣшительно всѣхъ удовольствій... это хуже рабства!.. это совершенное невольничество!..

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ *(Сиру Кобреджу).*

Успокойтесь, я останусь здѣсь, при васъ, до возвращенія нашихъ охотниковъ.

АРТУРЪ.

И мы не заставимъ долго ждать себя. *(Одинъ на аван-сценѣ, въ сторону).* Не

знаю... но у меня прошла охота рыскать по полю... а! что за вздоръ! (*вслухъ*). Ѣдемъ, господа! По возвращеніи, мы потребуемъ отъ нашего гостя удовлетворенія за столомъ.

ТОНИ (*входя*).

Все готово, милордъ.

АРТУРЪ.

Хорошо. (*Отведя его въ сторону*). А эта молодая особа? ты ее видѣлъ?... гдѣ она теперь?.. скоро ли будетъ?..

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ (*вслушавшись*).

Это до тебя не касается (*замѣшательство Артура*); къ тому же я должна тебѣ объявить, что мы въ эту ночь поѣдемъ въ Эдинбургъ.

АРТУРЪ.

Какъ?

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Но ты скоро возвратишься.

АРТУРЪ, КЛЕКТОНЪ, ЭДГАРЪ.

Скорѣе же на охоту. (*Уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, *потомъ* ТОНИ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*сидя*).

Они не найдутъ уже меня здѣсь... и Клектонъ оставляетъ меня!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

По крайней мѣрѣ, не одного.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*вставая*).

Ахъ, миледи! тысячу разъ прошу у васъ прощенія за этотъ непріятный разговоръ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Мы всѣ уже его позабыли. Сиръ Кобреджъ, тутъ, вѣроятно, заключается какая нибудь тайна, — ее должно уважать... и я, повѣрьте, не буду васъ разспрашивать.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*пожимая ей руку*).

Благодарю васъ, миледи!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Но я прошу у васъ снисхожденія къ вашему племяннику; онъ рѣдко находитъ время для удовольствій.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Да... еще одинъ, которому я въ тягость... онъ на меня жалуется и втайнѣ проклинаетъ меня.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Какая мысль!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ахъ, миледи! какое чувство можетъ привязывать его ко мнѣ, всегда мрачному, всегда сердитому?.. у меня тутъ камень (*показывая на сердце*), онъ меня душитъ и, вѣрно, скоро убьетъ. Тогда онъ будетъ свободенъ и имѣніе мое вознаградитъ его за нѣсколько мѣсяцевъ принужденной услужливости. Вотъ моя участь!.. я всегда дѣлалъ добро неблагодарнымъ... онъ увеличитъ число ихъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Конечно... онъ молодъ, вѣтренъ, любитъ удовольствія, и ему должно казаться скучнымъ уединеніе, которое вамъ такъ нравится.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Но чего я отъ него требую?.. водить меня... читать мнѣ любимыхъ моихъ авторовъ... стараго Шекспира, единственнаго друга, который у меня остался... отвѣчать, когда я спрашиваю.... молчать, когда я страдаю.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Однимъ словомъ, имѣть къ вамъ то вниманіе, ту дружбу, которыхъ, можетъ быть, можно ожидать только отъ женщины.

СИРЪ КОБРЕЖДЪ.

Да, это правда... не его я надѣялся имѣть подпорою въ старости, утѣшеніемъ въ печальные дни мои... но теперь кто согласится раздѣлять со мною скуку уединенія?

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Въ этомъ случаѣ женщина могла бы лучше замѣнить вашего племянника.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Моего племянника... это правда... мнѣ бы хотѣлось послать его въ Англію... въ Линкольнъ, на мѣсяцъ, можетъ быть... но гдѣ найти такую женщину?..

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Я могу вамъ рекомендовать одну особу...

она вѣроятно будетъ вамъ угождать... она теперь здѣсь...(*звонитъ*) Ахъ, какъ я рада!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Какъ, миледи?

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Примите ее, сиръ Кобреджъ... вы этимъ сдѣлаете мнѣ услугу... а послѣ сами будете меня благодарить.

ТОНИ (*входя*).

Миледи!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Попроси сюда эту молодую женщину, которая недавно пріѣхала.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Молодая женщина?

ТОНИ.

Слушаю... Но, миледи, чтобъ достать вечеромъ лошадей, отъ васъ нужна записка.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ (*идя къ столу налѣво*).

Хорошо... я сейчасъ напишу...

(*Тони уходитъ на правую сторону*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Молодая женщина... это невозможно. (*садится*).

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Я вамъ за нее отвѣчаю... умна, добродѣтельна и достойна всякаго уваженія.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Я не хочу.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Если такъ, нечего намъ болѣе говорить объ этомъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ, КАРОЛИНА.

КАРОЛИНА (*входя въ дверь съ правой стороны*).

Миледи.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Ахъ, миссъ! извините, что я васъ обезпокоила... я надѣялась доставить вамъ пріютъ и друга.. но это зависѣло отъ сиръ Кобреджа.

(*Она садится и пишетъ*).

КАРОЛИНА.

(*Бросаясь, блѣдная и трепещущая, къ сиру Кобреджу*). Сиръ!.. (*Останавливается, смотритъ на него и бѣжитъ къ двери налѣво*).

О! нѣтъ, никогда...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Невозможно!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ (*подходя къ Каролинѣ*).

Чтожъ!.. куда вы идете?.. что значитъ это смущеніе?..

КАРОЛИНА, (*остановясь въ глубинѣ театра*).

(*въ полголоса*). Я! нѣтъ... но незнакомецъ... я надѣялась, что вы сами... (*въ сторону*) силы меня оставляютъ.

(*Облокачивается на кресла*).

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Успокойтесь... я хотѣла... только на мѣсяцъ... но это не можетъ состояться: сиръ Кобреджъ отказывается.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Конечно — молодая женщина... воспоминаніе раздирало бы мнѣ сердце... и сверхъ того, принуждать ее переносить мои причуды, мой суровый нравъ...

КАРОЛИНА (*живо*).

О! нужды нѣтъ... (*удерживаясь*) У меня достало бы мужества, если бы только это было угодно миледи...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*слушая ее*).

Ахъ!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Вы говорите...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Извините, миледи... (*Каролинѣ*) Говорите, говорите... я слушаю...

КАРОЛИНА.

Я буду покорна вашей волѣ, я буду имѣть о васъ, милордъ, попеченіе, котораго требуютъ ваше положеніе и ваши лѣта. (*Леди Жеральдъ переходитъ на правую сторону сиръ Кобреджа*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*къ леди Жеральдъ*).

Ея имя?

КАРОЛИНА (*поспѣшно*).

Миссъ Вольсей.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Странно... этотъ голосъ... иногда... вашу руку, миссъ Вольсей.

КАРОЛИНА (*въ сторону*).

Я умираю!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Вотъ, сиръ Кобреджъ, вожатый и чтецъ, которые вамъ нужны.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы думаете?.. можетъ статься... въ самомъ дѣлѣ, миссъ Вольсей, вашъ голосъ меня тронулъ... мнѣ бы хотѣлось его часто слушать... Но привыкнете ли вы къ моей грусти, къ уединенію, которое мнѣ нравится?..

КАРОЛИНА.

Постараюсь...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*леди Жеральдѣ*).

Она свободна?

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Я вамъ уже сказала.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы будете часто видѣться съ леди Жеральдъ, по ея возвращеніи.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

И такъ, вы ее принимаете?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Да. (*Каролинѣ*) Но вы молчите. Говорите... ваше семейство... ваша родина...

КАРОЛИНА.

Я родилась въ графствѣ Стаффордъ отъ бѣдныхъ родителей; они оставили меня сиротою; я до сихъ поръ ихъ оплакиваю.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы очень любили вашего отца, не правда ли? онъ воспиталъ васъ въ этой любви... онъ ожидалъ отъ васъ утѣшенія и подпоры въ старости, и вы, вѣрно, не обманули его въ этихъ ожиданіяхъ... онъ не умеръ отъ горести?

КАРОЛИНА.

О, нѣтъ!.. я люблю его... (*опомнясь*) я его такъ любила.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЕ, ТОНИ.

ТОНИ (*входя изъ среднихъ дверей*).

Миледи! опять несчастіе, наши охотники возвращаются домой... одинъ изъ нихъ упалъ съ лошади.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*выходя изъ забывчивости*).

Это, вѣрно, мой племянникъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Не ушибся ли онъ?

ТОНИ.

Нѣтъ; но немного хромаетъ... Вашъ стряпчій также пріѣхалъ, миледи.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Хорошо... я иду къ нему и разузнаю все достовѣрнѣе... Не безпокойтесь, капитанъ, я приведу къ вамъ сира Клектона. (*Она уходитъ. Тони слѣдуетъ за нею*).

КАРОЛИНА (*упавъ на колѣна*).

О Боже! благодарю тебя!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Миссъ Вольсей, я хочу ѣхать... эти молодые люди... такое общество — все это для меня несносно..

(*Слышенъ громкій смѣхъ за кулисами*).

КАРОЛИНА (*вставъ поспѣшно*).

Ахъ! идутъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, КАРОЛИНА И АРТУРЪ.

АРТУРЪ, (*входя со шляпою въ рукѣ и громко смѣясь*).

Ха! ха! ха! Бѣдняжка! (*видитъ Каролину*). А! вотъ эта молодая особа! (*Каролина оборачивается къ нему, онъ узнаетъ ее*) Боже! миледи!

КАРОЛИНА (*вскрикиваетъ*).

Ахъ! (*она знаками заставляетъ его*

молчать. Артуръ остается въ изумленіи).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Кто тутъ?

КАРОЛИНА.

Леди Жеральдъ, со всѣмъ обществомъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, КАРОЛИНА, ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ, КЛЕКТОНЪ, АРТУРЪ, ЭДГАРЪ И МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

(Всѣ входятъ громко смѣясь).

КЛЕКТОНЪ.

Смѣйтесь, господа, смѣйтесь; это васъ очень забавляетъ...

ЭДГАРЪ.

Вы такъ мило свалились!

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Успокойтесь, капитанъ... опасности нѣтъ... вашъ племянникъ только испугался.

КЛЕКТОНЪ.

Совсѣмъ нѣтъ; не я... а лошадь... она испугалась моей тѣни, взбѣсилась... поднялась на дыбы, а я упалъ на ноги... или почти... *(Еще большій смѣхъ. Клектонъ становится по правую сторону сира Кобреджа).*

ЭДГАРЪ.

Спросите сира Артура, который поднялъ васъ... Ахъ, Боже мой!.. что съ вами? *(Примѣтя Каролину, тихо Артуру).* А!.. какъ хороша! это Каролина.

АРТУРЪ.

Тсъ... тише!

КЛЕКТОНЪ.

Успокойтесь, дядюшка; со мною ничего не сдѣлалось.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ты ничего не чувствуешь?

КЛЕКТОНЪ.

Ровно ничего.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Тѣмъ лучше. Я здѣсь засидѣлся... поѣдемъ.

КЛЕКТОНЪ.

Ѣхать! безъ обѣда? что вы, дядюшка! Нѣтъ, я такъ скоро не поѣду; мнѣ надобно отдохнуть послѣ такого скачка.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

Останьтесь, капитанъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Я ѣду, мнѣ должно ѣхать; но теперь я уже не одинъ. Вотъ моя Антигона.

КЛЕКТОНЪ.

Гмъ! Еще выдумка!.. ну, эта... еще куда ни шла!

АРТУРЪ *(въ сторону)*.

ВМѢСТѢ:
Что это значитъ?

КАРОЛИНА *(въ сторону)*.

Онъ будетъ молчать, я надѣюсь...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ *(Каролинѣ)*.

Поѣдемте, миссъ.

ЛЕДИ ЖЕРАЛЬДЪ.

До свиданія.

КАРОЛИНА.

Боже! будь моимъ покровителемъ!

(Сиръ Кобреджъ съ Клектономъ и Каролиною уходятъ въ среднюю дверь, лэди Жеральдъ провожаетъ его. Артуръ, Эдгаръ и молодые люди кланяются ему).

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ спальню сира Кобреджа. Двери на правой и лѣвой сторонахъ. Въ глубинѣ театра альковъ, гдѣ находится постель капитана.

ЯВЛЕНІЕ I.

При поднятіи занавѣса, капитанъ сидитъ въ большихъ креслахъ подлѣ стола, стоящаго на лѣвой сторонѣ отъ актеровъ.— Клектонъ сидитъ по другую сторону стола, налѣво отъ капитана. — Каролина сидитъ по правую сторону капитана, подлѣ маленькаго столика, находящагося между ними. Читаетъ.

КАРОЛИНА, СИРЪ КОБРЕДЖЪ, КЛЕКТОНЪ.

КАРОЛИНА (*читая*).

КОРДЕЛІЯ.

Языкъ мой сердца высказать не можетъ:
Я васъ люблю, какъ дочь должна любить —
Ни больше и ни меньше.

КЛЕКТОНЪ.

А! дядюшка спитъ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Молчи, или убирайся.

КЛЕКТОНЪ.

Благодарю.

КАРОЛИНА (*читая*).

ЛИРЪ.

Пускай же искренность твоя
Тебѣ приданымъ будетъ: я
Клянусь священными лучами солнца,
Гекаты таинствами, мракомъ ночи,
Вліяньемъ сферъ, которое даетъ
Намъ бытіе и насъ уничтожаетъ, —
Что отрекаюсь я отъ всѣхъ заботъ,
Отца, родства, — отъ собственности крови,
И сердцу моему чужой считаю
Тебя, съ сихъ поръ, на вѣкъ! Жестокій Скиѳъ,
Иль тотъ, кто собственныхъ своихъ дѣтей
Съѣдаетъ, чтобъ свой голодъ утолить,
Моей душѣ такъ будетъ жалокъ, милъ,
Какъ ты, когда-то бывшая мнѣ дочь.

КЛЕКТОНЪ.

Какъ дрожитъ ея голосъ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Будешь ли ты молчать!.. нельзя прочесть двухъ стиховъ безъ того, чтобъ онъ не перебилъ... это уже въ седьмой разъ, въ продолженіе одного явленія.

КЛЕКТОНЪ.

Боже мой! дядюшка, неужели мнѣ нельзя сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія... что это! я не квакеръ! и безъ того уже слишкомъ мнѣ весело быть въ заключеніи въ этомъ домѣ, въ этой крѣпости, откуда, вотъ уже цѣлая недѣля, вы ни шагу не сдѣлали и гдѣ никому нѣтъ мѣста, кромѣ вашего Шекспира.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Да, мнѣ никого кромѣ его не нужно. Во время моей молодости, дома, въ походѣ, вездѣ онъ доставлялъ мнѣ удовольствіе... теперь, когда я все потерялъ... все, даже зрѣніе, онъ же служитъ мнѣ утѣшителемъ.

КЛЕКТОНЪ.

Очень забавно!.. отъ сраженій, кинжаловъ, монологовъ этого сочинителя... у меня морозъ по кожѣ подираетъ... да, вотъ еще сейчасъ, меня тронулъ голосъ миссъ Вольсей... она прочла проклятіе короля Лира съ такимъ чувствомъ!...

КАРОЛИНА.

Потому-что, въ самомъ дѣлѣ, отецъ,

проклинающій свою дочь... это невольно стѣсняетъ сердце!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Онъ правъ.

КЛЕКТОНЪ.

Замѣтно, что вы никогда не имѣли дѣтей, дядюшка.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*съ неудовольствіемъ*).

Клектонъ, оставь насъ! прежде ты не могъ пробыть со мною одной минуты; теперь же, когда у меня миссъ Вольсей и я, благодаря ея попеченію и добротѣ, не имѣю болѣе въ тебѣ нужды... ты здѣсь безотлучно.

КЛЕКТОНЪ.

Потому-что я не могу васъ оставить, любезный дядюшка... я хочу васъ слушать... (*Смотря на Каролину*) васъ видѣть!... Къ тому же, леди Жеральдъ не возвратилась еще изъ Эдинбурга, а я обѣщалъ ждать сиръ Артура и его друзей, чтобъ ѣхать вмѣстѣ съ ними на охоту... мнѣ, однакожъ, не помѣшало это вчера одному поохотиться... въ ожиданіи ихъ, я пролилъ крови не менѣе вашего Шекспира.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія!

КЛЕКТОНЪ.

Напротивъ.. сегодня будетъ для васъ изготовлена моя дичь... (*встаетъ*) Мнѣ еще должно осмотрѣть завтракъ. (*Хочетъ идти*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Убирайся!

КЛЕКТОНЪ, (*возвращаясь и подходя къ сиръ Кобреджу*).

Я согласенъ съ миссъ Вольсей... отецъ, проклинающій свою дочь...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Опять!

КЛЕКТОНЪ.

О! не сердитесь... я ухожу. (*Уходитъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ II.

КАРОЛИНА, СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

(*продолжаютъ сидѣть*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Онъ имѣетъ причину проклинать ее, если считаетъ виновною.

КАРОЛИНА.

Ахъ! капитанъ, мнѣ кажется, что отецъ всегда готовъ простить свою дочь.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Всегда... а если эта дочь обезславила его имя... если она покрыла стыдомъ его голову, когда онъ, можетъ быть, всѣмъ для нея жертвовалъ, когда онъ полагалъ въ ней всю свою славу, всѣ свои надежды?

КАРОЛИНА.

Если только свѣтъ ее обвиняетъ... свѣтъ часто бываетъ несправедливъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Несправедливъ... это должно доказать.

КАРОЛИНА.

И за то онъ предаетъ дочь свою въ жертву отчаянію... нищетѣ.

СИРЪ КОБРЕЖДЪ, (*задумываясь*).

Нищетѣ!.. о, нѣтъ... нищетѣ!.. это невозможно... Клектонъ поѣдетъ завтра... сегодня вечеромъ...

КАРОЛИНА, (*скоро*).

Сиръ Клектонъ поѣдетъ!.. а зачѣмъ?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ничего... ничего... я хочу его удалить... онъ мнѣ въ тягость... надоѣдаетъ мнѣ.

КАРОЛИНА.

Вашъ племянникъ? онъ васъ такъ любитъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Любитъ мое наслѣдство.

КАРОЛИНА.

Развѣ у васъ кромѣ его нѣтъ другихъ родственниковъ?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Нѣтъ.

КАРОЛИНА.

Ахъ!.. другой бы, можетъ быть, оказывалъ вамъ еще болѣе вниманія, нѣжности... напримѣръ, еслибы у васъ была... (*движеніе Кобреджа*) племянница.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Я одинъ... одинъ на свѣтѣ... по крайней мѣрѣ, я этого желаю... я умру одинокимъ, забытымъ всѣми... родственники, друзья мои, только тѣ, которые жалѣютъ старика Кобреджа... какъ вы... (*послѣ минутнаго молчанія*). Что же! вы болѣе не читаете?

КАРОЛИНА.

Пѣтъ, я готова.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*протягивая къ ней руку*).

Миссъ Вольсей, я очень несчастливъ! (*Каролина схватываетъ его руку*). Ну, ну, читайте... я слушаю.

КАРОЛИНА, (*читаетъ*).

КОРДЕЛІЯ.

Вы дали жизнь мнѣ, о, родитель!
Меня любили вы; и я, съ моей
Вамъ стороны, плачу, какъ долгъ велитъ:
Покорна вамъ, люблю васъ, почитаю,
Чтожъ для сестеръ мужья, коль говорятъ
Онѣ, что васъ однихъ на свѣтѣ любятъ?
Я, вѣрно, никогда не выйду за-мужъ,
Чтобы любить, какъ сестры, лишь отца.

(*Сиръ Кобреджъ склоняетъ голову и кажется въ усыпленіи, Каролина останавливается и, наклонясь на его сторону, смотритъ на него*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*засыпая*).

Ищетѣ!

КАРОЛИНА (*продолжая чтеніе*).

ЛИРЪ.

Отъ сердца ли ты говоришь мнѣ?

КОРДЕЛІЯ.

Да,
Милордъ.

ЛИРЪ.

Такъ молода и хладнокровна?

КОРДЕЛІЯ.

Такъ молода и искренна, милордъ.

(*Останавливается и наклоняется къ нему*)

Онъ спитъ... ахъ! если бъ я могла... (*Встаетъ, оглядывается вкругъ себя и приближается*). Еслибъ я смѣла его поцѣловать... сколько уже времени... (*Идетъ къ нему и въ то время, какъ она хочетъ его поцѣловать, Клектонъ входитъ... Каролина, услыша его голосъ*). Ахъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

КАРОЛИНА, КЛЕКТОНЪ, СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*спитъ*).

КЛЕКТОНЪ.

Вотъ и я... готово!

КАРОЛИНА (*дѣлая ему знакъ*).

Тсъ!.. (*относитъ столикъ въ глубину театра*).

КЛЕКТОНЪ.

А! онъ спитъ?... это меня не удивляетъ... съ нимъ это часто случается... иногда мы оба засыпали, и тогда онъ сердился... онъ всегда сердится.

КАРОЛИНА.

Возможно ли? онъ, кажется, такъ добръ... вѣрно, вы не имѣете о немъ попеченія.

КЛЕКТОНЪ.

Нельзя же, по вашему, предупреждать всѣ его желанія... не оставлять его ни на минуту... это уже свыше моихъ силъ... Къ счастію, теперь при немъ насъ двое... и я съ удовольствіемъ буду оставаться вмѣстѣ съ вами.

КАРОЛИНА.

Вы...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*во снѣ*).

Нѣтъ, нѣтъ.

КАРОЛИНА.

Боже мой!

КЛЕКТОНЪ.

Не безпокойтесь... онъ бредитъ. (*Каролинѣ*). Я не хочу болѣе покидать его, если вы...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*во снѣ*).

Оставьте меня... дочь моя...

КЛЕКТОНЪ.

Гмъ! его дочь!

КАРОЛИНА (*въ большомъ смятеніи*).

Его дочь!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*во снѣ*).

Дочь моя!.. я ее такъ любилъ...

ВМѢСТѢ.

КЛЕКТОНЪ.

Гмъ!.. наслѣдница!

(*Движеніе Каролины, Клектонъ ее останавливаетъ*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*во снѣ*).

Я не хочу ее видѣть!.. мужъ... такой добрый... убить... у меня нѣтъ болѣе дочери... я ее прок...

(*Каролина въ трепетѣ роняетъ стулъ, на который облокотилась*).

КЛЕКТОНЪ.

Тише!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*проснувшись*).

Что это?.. кто здѣсь?..

КЛЕКТОНЪ.

Мы, дядюшка... вы говорили во снѣ такія вещи...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*вставая*).

Я говорилъ... что? о комъ?..

КЛЕКТОНЪ

Вы сказали: дочь моя... дочь моя!..

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Дочь... нѣтъ, нѣтъ... не можетъ быть.

КЛЕКТОНЪ.

Однако, было.

КАРОЛИНА, (*которая было удалилась, подходя къ нему поспѣшно*).

Вы такъ заняты были нашимъ чтеніемъ, что оно, вѣроятно, мечталось вамъ и во снѣ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Точно... иначе и быть не могло.

КЛЕКТОНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ... какъ же я глупъ! Вы, было, меня напугали... Завтракъ готовъ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Хорошо... послушай... (*подавая знакъ Каролинѣ удалиться*). Сейчасъ, миссъ Вольсей. (*Отводя Клектона въ сторону и въ полголоса*). У меня есть важное порученіе... я бы желалъ найти кого нибудь попутнѣе... но у меня только ты одинъ.

КЛЕКТОНЪ.

Благодарю за предпочтеніе.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*также*).

Завтра, ты поѣдешь...

КЛЕКТОНЪ.

Какъ, поѣду!.. когда я жду гостей... я сейчасъ слышалъ ружейные выстрѣлы... это знакъ, что сиръ Артуръ и его друзья уже возвратились.

КАРОЛИНА, (*въ сторону*).

Сиръ Артуръ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Какая мнѣ до этого нужда... ты поѣдешь въ Англію... въ графство Линкольнъ.

КЛЕКТОНЪ.

Въ графство Линкольнъ?

КАРОЛИНА (*подходя*).

Какъ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*Клектону*).

Тише! насъ могутъ слышать; послѣ, когда мы будемъ одни, ты узнаешь, какой услуги я отъ тебя ожидаю.

КАРОЛИНА.

Что за тайна?

КЛЕКТОНЪ.

На прошедшей недѣлѣ я бы охотно поѣхалъ въ Англію, но теперь... (*Смотря на Каролину*) для меня пріятнѣе было бы остаться здѣсь. (*Уходитъ въ дверь съ правой стороны; Каролина и сиръ Кобреджъ также идутъ къ той двери, какъ вдругъ Артуръ, входя въ дверь съ лѣвой стороны, идетъ къ Каролинѣ, которая знакомъ заставляетъ его остановиться.*)

КАРОЛИНА.

Ахъ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Что такое?

КАРОЛИНА (*уводя его*).

Ничего... ничего...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРТУРЪ *одинъ*.

Она! и вездѣ этотъ старикъ!.. къ счастію, онъ не можетъ меня видѣть... но Каролина... или, лучше, леди Престонъ... да, это точно леди Престонъ, изъ Линкольна... богатая, всѣми уважаемая женщина!.. слишкомъ достойная уваженія!.. Что значитъ эта таинственность?.. Ахъ! съ тѣхъ поръ, какъ я ее опять увидѣлъ, не знаю, что со мною дѣлается... я умолялъ леди Жеральдъ поспѣшить возвратиться изъ Эдинбурга, куда она завезла меня противъ моей воли... едва

пріѣхали, я украдкою оставляю тетку и веселыхъ друзей, которыхъ заставилъ плутать на охотѣ. Я непремѣнно хочу узнать... она... миссъ Волсей... компаніонка... а мужъ ея... она была замужемъ... я тутъ ничего не понимаю. Впрочемъ, какая мнѣ нужда, я ее нахожу... и могу докончить романъ, который такъ неудачно началъ. Вотъ она.... какъ блѣдна.... какой печальный видъ!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

КАРОЛИНА И АРТУРЪ.

(*Каролина, входя съ правой стороны, оглядывалась со страхомъ, затворяетъ за собою дверь*).

АРТУРЪ (*подойдя къ ней*).

Миледи...

КАРОЛИНА.

Ни слова, сиръ Артуръ! прошу у васъ этого какъ милости... удалитесь, удалитесь отсюда и не возвращайтесь болѣе никогда.

АРТУРЪ.

Чего вы отъ меня требуете?.. О! нѣтъ, я останусь, вы меня выслушаете.

КАРОЛИНА.

Вы хотите лишить меня послѣдней надежды.

АРТУРЪ.

Я, я, который готовъ жертвовать для васъ жизнію... о! скажите мнѣ, что̀ все это значитъ? я не нарушу вашей тайны... прошедшее ручается вамъ за меня.

КАРОЛИНА.

За васъ?

АРТУРЪ.

Не опасайтесь ничего, Каролина: вы знаете, что я васъ люблю.

КАРОЛИНА.

Я знаю, что вы меня обезславили.

АРТУРЪ.

Что̀ это значитъ?

КАРОЛИНА.

Знаю, что вы причиною моихъ слезъ, бѣдности, позора.

АРТУРЪ.

О! не говорите этого.

КАРОЛИНА.

Честь моя была для васъ игрушкою.

АРТУРЪ.

Каролина!.. я не могу васъ понять... когда моя любовь, мое счастіе, всегда и для всѣхъ были тайною...

КАРОЛИНА.

А эта ужасная ночь!.. ночь, въ которую вы пробрались до окна моей комнаты, въ отсутствіи моего мужа...

АРТУРЪ.

Такъ что̀ же! вы меня не выслушали; вы съ презрѣніемъ отвергли мои просьбы... однако, мнѣ казалось, что съ нѣкотораго времени ваше сердце начинало смягчаться... въ вашемъ взорѣ замѣтно было смятеніе, оно вамъ измѣняло.

КАРОЛИНА.

Но по какому праву позволили вы себѣ толковать такимъ образомъ мое молчаніе? (*движеніе Артура*) Вѣрная моимъ обязанностямъ, я не могла васъ любить... я васъ не любила; отвѣчайте: подала ли я вамъ поводъ малѣйшею надеждою, хоть однимъ словомъ, къ той дерзости, за которую должна была страдать я? да, я... потому что васъ видѣли, когда вы пробрались къ моему дому, и потомъ спускались отъ окна, перелѣзали чрезъ садовую стѣну и бѣжали, какъ любовникъ, котораго считали счастливымъ... Вскорѣ, слухъ о томъ распространился въ окрестности, по всему городу... на меня смотрѣли съ презрѣніемъ... двери въ порядочныя общества для меня затворились... а если гдѣ и принимали меня, то, при мнѣ же, шопотомъ, разсуждали обо мнѣ и переставали только тогда, когда я подходила. Наконецъ, слухи эти дошли до моего мужа, онъ узналъ все... я была обезславлена и погибла!..

АРТУРЪ.

Боже мой!.. но, по крайней мѣрѣ, должно бы было обратиться ко мнѣ... должно бы было...

КАРОЛИНА.

Должно было молчать... Мнѣ не вѣрили... и кто бы захотѣлъ вѣрить вамъ?.. мужъ мой, ревнивый... гордый...

АРТУРЪ.

Мы бы дрались съ нимъ.

КАРОЛИНА.

Онъ этого и хотѣлъ; но мнѣ, не щадя моей жизни, должно было разстроить вашъ поединокъ... Я его любила... это была, можетъ быть, не любовь, но нѣжнѣйшая дружба, почтеніе!.. Еслибъ вы знали, какъ онъ отвергалъ мои просьбы... съ какою жаждою мщенія спрашивалъ о вашемъ имени! Я отказалась назвать васъ... тщетно въ слезахъ я обнимала его колѣна! онъ хотѣлъ уже уѣхать... вдругъ, вечеромъ, проходя по балу, слышитъ онъ мое имя... приближается... одинъ офицеръ разсказывалъ нѣсколькимъ повѣсамъ это происшествіе... сиръ Престонъ бросается къ нему и въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ вызываетъ его на поединокъ... Его принесли домой блѣднаго, обезображеннаго, онъ былъ смертельно раненъ!.. Я бросилась къ нему, спѣшила подать помощь, но онъ съ ужасомъ меня отвергнулъ... Доктора, находя единственнымъ средствомъ къ сохраненію его жизни перемѣну климата, приказали перевезти его во Францію... я, противъ воли его, послѣдовала за нимъ, и онъ умеръ на моихъ рукахъ, не простивъ меня... Кровь его пала на меня вмѣстѣ съ проклятіемъ моего отца!

АРТУРЪ.

Вашего отца!

КАРОЛИНА.

Да, отца, котораго я пять лѣтъ не видала... который до того времени, гордясь моимъ мужемъ, имъ для меня избраннымъ, надѣялся, что мы усладимъ его старость... исполнимъ счастіемъ и радостію послѣдніе дни его!.. Отецъ мой, котораго я боготворила, сиръ Артуръ, оставилъ Англію, гдѣ мой позоръ, казалось, тяготѣлъ и надъ нимъ... Онъ лишилъ меня наслѣдства, проклялъ!.. (*Закрываетъ лицо руками и садится на стулъ съ правой стороны театра*).

РТУРЪ.

Несчастный!.. Вотъ слѣдствія моего безумства!

КАРОЛИНА.

У меня не было болѣе на землѣ никакой защиты... безъ состоянія, безъ пристанища, я принуждена была скрывать мое имя, опасаясь, чтобы оно не погубило меня... я почла себя счастливою, когда нашла во Франціи леди Броунъ, которая согласилась принять меня въ услуженіе... Снося съ покорностію, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, ея крутой и причудливый нравъ, я послѣдовала за нею въ Эдинбургъ, гдѣ мы ее лишились... Я знавала вашу тетушку въ Парижѣ и пріѣхала было къ ней просить ея покровительства... какъ вдругъ, мой отецъ, о которомъ я давно уже не имѣла никакихъ извѣстій...

АРТУРЪ.

Вашъ отецъ!.. скажите мнѣ его имя, гдѣ онъ живетъ? я пойду...

КАРОЛИНА (*вставая*).

Вы у него.

АРТУРЪ.

Сиръ Кобреджъ!.. капитанъ!.. А! теперь я постигаю его бѣшенство, когда названіе моего полка напомнило ему... но я бѣгу къ нему оправдать васъ... оправдать самого себя. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

КАРОЛИНА.

Остановитесь!.. Вы обоихъ насъ погубите.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*за кулисами*).

Миссъ Вольсей.

КАРОЛИНА.

Это онъ!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, АРТУРЪ, КАРОЛИНА.

АРТУРЪ (*идя къ нему*).

Капитанъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Кто зоветъ меня?

АРТУРЪ.

Я... племянникъ леди Жеральдъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Сиръ Артуръ... я думалъ, что здѣсь миссъ Вольсей.

(*Движеніе Каролины, Артуръ останавливаетъ ее*).

АРТУРЪ.

Какъ, капитанъ, вы ужъ уходите?.. стало быть, вы забыли, что должны объясниться со мною.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*обернувшись поспѣшно*)

Объясниться? съ вами?

АРТУРЪ.

А! я былъ увѣренъ, что вы останетесь.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Объясниться?

АРТУРЪ.

Да!.. вспомните, какъ вы отзывались, назадъ тому недѣля, въ замкѣ моей тетки, о полкѣ, къ которому я имѣю честь принадлежать...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ахъ! зачѣмъ мнѣ напоминать... я, кажется, сказалъ вамъ, сиръ Артуръ, что не имѣлъ намѣренія лично васъ оскорбить... Долженъ ли я требовать отчета отъ васъ въ поступкѣ какого нибудь мерзавца?

АРТУРЪ (*скоро*)

Вы говорите... (*Каролина бросается къ нему... онъ успокоивается*) Да, конечно, не мнѣ отвѣчать за другаго... но я намѣренъ вамъ доказать, что въ полку нѣтъ ни одного изъ моихъ товарищей...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Довольно, сиръ Артуръ, довольно... позвольте...

АРТУРЪ (*удерживая его*).

Вы меня выслушаете, капитанъ... выслушаете... Въ полку нѣтъ ни одного изъ моихъ товарищей, который бы не былъ недостоинъ вашего уваженія... я знаю ихъ всѣхъ. (*Каролина слушаетъ со страхомъ*) И если-бы кому изъ нихъ случилось, по несчастію, сдѣлаться виновнымъ, даже безъ умысла... то, чтобы загладить свою вину, я увѣренъ что...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

А если чего нельзя загладить?..

АРТУРЪ.

Понимаю... въ Линкольнѣ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Что вы говорите о Линкольнѣ?

АРТУРЪ.

Несчастія леди Престонъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*схвативъ его за руку*).

Сиръ Артуръ, молчите... молчите!.. заклинаю васъ честію.

(*Каролина тихо подходитъ къ двери налѣво и закрываетъ ее*)

АРТУРЪ.

Зачѣмъ?.. насъ не слышатъ, и я могу...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*отходя*).

Слышите... (*Каролина останавливается*).

АРТУРЪ.

Ничего .. ея несчастія, говорю я вамъ, мнѣ извѣстны...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Какое мнѣ дѣло?.. съ какой стати вздумалось вамъ говорить объ этомъ?.. Линкольнъ... леди Престонъ!.. Съ чего вы взяли, что это меня сколько нибудь занимаетъ?

АРТУРЪ.

Я полагалъ... впрочемъ, офицеръ, котораго вы обвиняете... назвалъ мнѣ одно имя...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Не мое... я не знаю этого офицера! но вы... вы его знаете... вы мужественны... имѣете благородное сердце... дорожите честію и оставили его безъ наказанія. Вы не отмстили за женщину, имъ ограмленную, за честнаго человѣка, котораго смерти онъ причиною; за старика, котораго онъ покрылъ позоромъ?.. вы не сорвали съ него эполетъ? не сказали ему: твоею кровью я долженъ смыть пятно, сдѣланное тобою нашему мундиру, который ты болѣе носить не достоинъ.

АРТУРЪ.

Не говорите этого: онъ не былъ виноватъ, онъ мнѣ въ томъ клялся (*Каролина останавливаетъ его*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Онъ солгалъ.

АРТУРЪ.

Сиръ Кобреджъ!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Я говорю вамъ, что онъ солгалъ!.. зачѣмъ не явился онъ къ сиру Престону... ко мнѣ?..

АРТУРЪ.

Но онъ ничего не зналъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

И сказалъ вамъ...

АРТУРЪ.

Онъ узналъ обо всемъ только отъ вашей дочери.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Отъ моей дочери! *(онъ вне себя. Каролина въ ужасѣ удаляется. Артуръ въ отчаяніи, что проговорился)* Моей дочери!...

АРТУРЪ.

Извините, капитанъ... я не хотѣлъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Кто вамъ сказалъ, что это была моя дочь?.. вы этого прежде не знали .. кто вамъ открылъ... говорите же...

АРТУРЪ *(смотрл на Каролину.)*

Кто мнѣ сказалъ?... *(Каролина умоляетъ его знаками.)* Вашъ племянникъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Мой племянникъ!.. а онъ отъ кого узналъ? Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ, я самъ ему поручалъ... но какъ онъ могъ догадаться?.. я его спрошу.

(ужасъ Каролины.)

АРТУРЪ *(взявъ за руку Кобреджа и останавливая его).*

Развѣ вы сомнѣваетесь въ моей скромности?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Не въ вашей... на васъ я еще надѣюсь... вы честный молодой человѣкъ. Вы бы не заставили краснѣть стараго солдата, котораго судьба лишила счастія умереть въ сраженіи... не моя вина!.. Но если вы знаете ея несчастія, то, вѣрно, никогда не будете мнѣ о нихъ напоминать: не такъ ли, сиръ Артуръ?

АРТУРЪ *(приближая Каролину.)*

Пора имъ кончиться, капитанъ; еслибы леди Престонъ упала къ вашимъ ногамъ и просила...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ *(холодно.)*

Я ей ничѣмъ болѣе не обязанъ, я ее проклялъ!

АРТУРЪ.

Но еслибы она возвратилась?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Я бы ее опять проклялъ! *(Каролина въ испугѣ отступаетъ.)*

АРТУРЪ.

Еслибы она оправдалась... еслибы офицеръ, который ее оскорбилъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

А! пусть придетъ!.. пусть придетъ... я его ожидаю.

АРТУРЪ.

Еслибы, желая загладить свою вину, онъ просилъ у васъ руки вашей дочери?

(движеніе Каролины.)

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ему быть моимъ сыномъ? подлецъ!.. о! никогда! скорѣй послѣдній изъ людей... Еслибы онъ осмѣлился предстать предо мною...

АРТУРЪ.

Что бы вы сдѣлали?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Что бы я сдѣлалъ?.. я попросилъ бы у васъ вашу шпагу... или, лучше, молодой товарищъ, я вручилъ бы вамъ свою.

АРТУРЪ.

Капитанъ!..

(Слышно снаружи стукъ отъ прикладовъ и голосъ Эдгара.)

ЭДГАРЪ, *(за дверью).*

Эй! никого нѣтъ.

(Каролина поспѣшно выходитъ въ дверь налѣво и тотчасъ возвращается).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Что это? кто такъ шумитъ?

КОРОЛИНА *(возвращаясь).*

Сиръ Кобреджъ, это молодые люди... охотники изъ замка.

(Она очень растрогана. Артуръ жметъ ей руку)

АРТУРЪ, *(тихо.)*

Успокойтесь.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, ЭДГАРЪ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

(*Эдгаръ и прочіе одѣты въ охотничьи платья.*)

ЭДГАРЪ. (*входя.*)

Сиръ Артуръ! такъ мы должны были найти его здѣсь.

АРТУРЪ.

Господа! мы были такъ близко отъ сиръ Кобреджа, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему мое почтеніе... онъ говорилъ со мною о своихъ походахъ.

ЭДГАРЪ.

Да, знаю... вы для того и пріѣхали. Вы очень любите походы и побѣды.

(*Они едва удерживаются отъ смѣха. Артуръ умоляетъ ихъ.*)

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Милости просимъ, господа... вы здѣсь не въ замкѣ леди Жеральдъ... по старый Кобреджъ можетъ еще оказать гостепріимство охотникамъ, неимѣвшимъ удачи.

АРТУРЪ (*тихо Эдгару и другимъ.*)

Откажитесь.

ЭДГАРЪ.

Напротивъ... Капитанъ! мы съ удовольствіемъ принимаемъ ваше приглашеніе.

АРТУРЪ.

Этимъ господамъ не далеко до замка.

ЭДГАРЪ.

Вамъ хорошо такъ разсуждать, вы просидѣли подъ крышею въ то время, какъ солнце пропекло насъ насквозь.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Они правы, и я сейчасъ отдамъ приказанія (*въ сторону*) мнѣ нужно быть одному... (*Каролинѣ*) пойдемте... Сиръ Артуръ и его друзья извинятъ меня... мой племянникъ долженъ быть здѣсь... (*Артуру, который, слыша свое имя, протянулъ къ нему руку*) Сиръ Артуръ, будьте скромнѣе его... но я еще съ нимъ поговорю.

КАРОЛИНА (*въ сторону.*)

Боже мой!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Пойдемте, миссъ Вольсей (*уходитъ съ Каролиною въ дверь направо. Эдгаръ и другіе провожаютъ его до двери.*)

АРТУРЪ (*одинъ на авансценѣ.*)

Одна шалость молодаго человѣка была причиною несчастія этой женщины... ея семейства... Ахъ!..

(*Когда Сиръ Кобреджъ вышелъ, Эдгаръ и другіе подходятъ къ Артуру.*)

ЭДГАРЪ.

Скажите, сиръ Артуръ, что съ вами дѣлается?.. можно подумать, что походы капитана нѣсколькомъ веселы вамъ показались... или, можетъ быть, молодая миссъ не много сурова.

ВСѢ (*весело*).

Вѣрно, вѣрно!

АРТУРЪ.

Господа! господа! ни слова лишняго... подумайте, что честь женщины, ея доброе имя...

ЭДГАРЪ.

Браво! правоученіе... это не хуже вашей почтенной тетушки.

АРТУРЪ (*въ сторону.*)

Моя тетка! но какъ увѣрить капитана... я хочу прежде ее видѣть... это необходимо...

ЭДГАРЪ.

Въ какомъ вы волненіи!

АРТУРЪ.

Извините, господа... я васъ оставлю на минуту, я скоро буду назадъ.

ВСѢ (*идя за нимъ.*)

Какъ!

ЭДГАРЪ.

Вы насъ опять оставляете.

АРТУРЪ.

Прощайте, прощайте! (*уходитъ въ дверь налѣво; въ это время Клектонъ входитъ въ дверь справа.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КЛЕКТОНЪ, ЭДГАРЪ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

КЛЕКТОНЪ (*съ двумя письмами въ рукѣ*).

А! сиръ Артуръ здѣсь!.. что это? онъ уходитъ.

ЭДГАРЪ.

Онъ вовсе не занимается своими гостями!

ВСѢ.

Это очень дурно.

КЛЕКТОНЪ.

А мнѣ еще нужно было съ нимъ поговорить.

ЭДГАРЪ.

Что такое? Не письмо ли къ нему?

КЛЕКТОНЪ.

О, нѣтъ!.. Вы не знаете... еще исторія... я ѣду путешествовать.

ЭДГАРЪ.

Возможно ли!

КЛЕКТОНЪ.

Опять выдумка моего дяди... онъ хочетъ, чтобы я втайнѣ, не открывая себя, собралъ свѣдѣнія объ одной женщинѣ... не знаю какая... но, что онъ ни говори, а мнѣ кажется, она его очень занимаетъ.

ВСѢ.

Быть не можетъ.

КЛЕКТОНЪ.

Это еще не все... онъ посылаетъ ей деньги... хочетъ, чтобы я отдалъ ихъ отъ него одному коммиссіонеру въ Линкольнѣ.

ЭДГАРЪ.

Какъ! въ Линкольнѣ!

КЛЕКТОНЪ.

Ну, да!.. И вы можете понять... незнакомка, которая вытягиваетъ деньги изъ наслѣдства... это не совсѣмъ пріятно для меня... единственнаго и ближайшаго наслѣдника... единственнаго и ближайшаго!

ЭДГАРЪ (*смѣясь съ другими*).

Ха! ха! ха! правда... Вы говорите, что въ графствѣ Линкольнъ...

КЛЕКТОНЪ.

Тамъ эти деньги должны быть ей доставлены... а какъ сиръ Артуръ жилъ въ этомъ краю, то онъ могъ бы мнѣ что-нибудь о немъ разсказать.

ЭДГАРЪ.

Это я могу за него исполнить... я самъ провелъ тамъ 6-ть смертельныхъ мѣсяцевъ прошедшею зимою.

КЛЕКТОНЪ.

Право?.. Такъ, можетъ быть, не случалось ли вамъ слышать что-нибудь о леди Престонъ?

ЭДГАРЪ.

И очень!.. стало быть, дѣло идетъ о ней?

КЛЕКТОНЪ.

Ну, да!.. Такъ эта незнакомка вамъ знакома?

ЭДГАРЪ.

Не она... но ея слава... которая слишкомъ незавидна!.. Мужъ ея умеръ отъ горести... а соблазнительное ея поведеніе...

КЛЕКТОНЪ.

Браво!.. Вы мнѣ это разскажете... прекрасно... я совершу мое путешествіе не выходя отсюда... и если свѣдѣнія хороши, то есть, если они худы, я объявлю дядѣ... тсъ!.. вотъ старикъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ, СИРЪ КОБРЕДЖЪ, КАРОЛИНА.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*входя*).

Извините, господа... Сиръ Артуръ, если вы хотите пройти...

КЛЕКТОНЪ.

Сиръ Артуръ... да онъ ушелъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Клектонъ, это ты?

КЛЕКТОНЪ.

Да, дядюшка, я и два письма на ваше имя. (*подаетъ ему письма*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

(*Взявъ его за руку, въ полголоса*). Клектонъ, ты мнѣ растолкуешь, какъ могло случиться, что тайна... которую ты проникъ...

КЛЕКТОНЪ.

Гмъ!.. что такое?.. тайна...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*также*).

Тише!.. то, что ты сказалъ сиръ Артуру...

КЛЕКТОНЪ.

Я!

КАРОЛИНА (*поспѣшно сиръ Кобреджу*).

Сиръ Кобреджъ, эти господа ждутъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*Клектону*).

Ступай, ступай... но послѣ ихъ отъѣзда ты мнѣ объяснишь...

КЛЕКТОНЪ (*отнимая руку*).

Все, что̀ вамъ угодно. (*въ сторону*) Онъ мнѣ вывихнулъ руку. (*Сиръ Кобреджу*) Все, что вамъ угодно... а что̀ касается до свѣдѣній о леди Престонъ, которыхъ вы отъ меня требовали, вы ихъ получите... я вамъ доставлю ихъ скоро, и даже не вытзжая отсюда.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Что ты хочешь сказать?

КАРОЛИНА (*въ сторону*).

Боже мой!

КЛЕКТОНЪ.

Господа! за мною. (*Клектонъ, Эдгаръ и другіе уходятъ въ дверь направо*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

КАРОЛИНА, СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Свѣдѣнія?..

КАРОЛИНА *въ сторону*.)

Если онъ узнаетъ!.. Боже!.. что мнѣ дѣлать!..

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*сухо*).

Миссъ Вольсей.

КАРОЛИНА.

Что прикажете, капитанъ?

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вотъ, распечатайте эти письма... взгляните, что въ нихъ такое! (*Сердито*) Возьмите же.

КАРОЛИНА.

Слушаю.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Прочтите мнѣ ихъ.

КАРОЛИНА.

Сейчасъ. (*Распечатываетъ одно письмо*).

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*ворча про себя*).

Онъ растолкуетъ мнѣ, какимъ образомъ сиръ Артуръ могъ узнать.

КАРОЛИНА (*вслушавшись*).

Я погибла!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*съ нетерпѣніемъ*).

Ну, что̀ же вы не читаете?

КАРОЛИНА.

Сейчасъ... сейчасъ... это изъ адмиралтейства... увѣдомляютъ, что вамъ выш лъ пансіонъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Деньги, деньги!.. на что онѣ мнѣ теперь?... только?

КАРОЛИНА (*открывая другое письмо*).

Другое отъ стараго моряка Джона Кемпбеля; онъ поручаетъ себя вашимъ милостямъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

И хорошо дѣлаетъ... я о немъ позабочусь... старые моряки, мое семейство... другаго у меня нѣтъ... (*про себя*) Клектонъ пустой человѣкъ... Но я такъ растроганъ... какое-то безпокойство... подожду его здѣсь. (*Каролинѣ*) оставьте меня.

КАРОЛИНА.

Вотъ... еще... письмо...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Третье?.. а я думалъ... посмотримъ, посмотримъ... (*минутное молчаніе*).

КАРОЛИНА.

Я сейчасъ прочту, если вамъ угодно.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*очень сердито*).

Разумѣется, угодно! что̀ съ вами такое?

КАРОЛИНА (*испуганная*).

Вы такъ сердитесь... я боюсь...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Быть можетъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, на меня находятъ минуты... но предъ вами я виноватъ, миссъ Вольсей... простите меня... причиною этому мои несчастія.

КАРОЛИНА.

Ваши несчастія.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Но это до васъ не касается... прочтите... откуда?

КАРОЛИНА.

Изъ графства Линкольнъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Изъ графства... кто бы могъ писать!.. имя?

КАРОЛИНА, (*въ нерѣшимости*).

Каролина...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ, (*въ волненіи*).

Каролина!.. подайте... письмо.

КАРОЛИНА, (*въ замѣшательствѣ*).

Сиръ Кобреджъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Подайте-же! (*Каролина поспѣшно наклоняется, поднимаетъ одно изъ писемъ и подаетъ ему*). Она ко мнѣ пишетъ!.. Она смѣетъ!.. (*Смотря на письмо такъ, какъ будто можетъ прочесть его, потомъ показываетъ его Каролинѣ*). Точно, Каролина! не правда ли?

КАРОЛИНА, (*задыхающимся голосомъ*).

Да, да... отдайте мнѣ его.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Не хочу... какая смѣлость!.. Кто могъ открыть ей мое убѣжище?.. Мнѣ и умереть не дадутъ спокойно! (*разрываетъ письмо*). Оставить меня! (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Но о чемъ она пишетъ?.. что можетъ мнѣ сказать?.. я хочу знать...

КАРОЛИНА.

Дайте мнѣ письмо.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Я его изорвалъ... не можете ли вы...

КАРОЛИНА.

Почему же нѣтъ... можно сложить ..

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ахъ! въ самомъ дѣлѣ... возьмите... (*удерживая письмо*) но вы не знаете, что за женщина эта Каролина?.. (*приближая ее къ себѣ тихо*). Это моя дочь... (*Движеніе Каролины*) Да... моя дочь!.. ни слова!.. она была обезчещена... и я... любя ее столько... (*глухимъ голосомъ*). Я... я... (*не можетъ окончить*). Возьмите, возьмите... читайте, только тише... какъ можно тише.

КАРОЛИНА, (*беретъ бумагу, роняетъ ее и съ усиліемъ*).

Родитель мой!.. почтеннѣйшій родитель!.. я обвинена, осуждена и мнѣ даже не было дозволено видѣть моего судію; но въ глубинѣ души, я чувствую, что мои просьбы, мои слезы могли бы смягчить его...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!..

КАРОЛИНА.

Я ни сколько не виновна въ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вздоръ!

КАРОЛИНА.

Нѣтъ, мой родитель! нѣтъ... клянусь вамъ въ томъ памятью моей матери...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ея матери!.. она была добрая, достойная жена! она... (*Каролинѣ*) читайте.

КАРОЛИНА.

Клевета меня погубила... Лишивъ прежде любви супруга, неумѣвшаго понимать меня, она обрушила на мою голову ваше проклятіе... которое меня убиваетъ!

СИРЪ КОБРЕЖДЪ.

Довольно.

КАРОЛИНА.

Ахъ! снимите его, родитель мой!.. Я скитаюсь безъ пристанища, безъ помощи...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Она должна быть очень несчастна! (*бросается въ кресла*).

КАРОЛИНА.

Вы сами одинокіи, всѣми оставлены... тогда — какъ дочь ваша должна бы быть вашею опорою... окружать васъ любовью и счастіемъ...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Довольно... довольно...

КАРОЛИНА, (*скорѣе*).

И потому я отправляюсь... спѣшу въ ваше убѣжище... пріѣду скорѣе этого письма, быть можетъ... вы меня не отвергнете, или я умру у ногъ вашихъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

О! Каролина!.. никогда!..

КАРОЛИНА, (*бросаясь къ его ногамъ съ воплемъ*).

Батюшка!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Что это... кто?..

КАРОЛИНА.

Она... она... вотъ она.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Она была здѣсь?

КАРОЛИНА.

Да... она у ногъ вашихъ... но не смѣетъ броситься въ ваши объятія, и ожидаетъ отъ васъ одного слова.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Миссъ Волсей... миссъ Волсей...

КАРОЛИНА.

Что вамъ угодно?.. я здѣсь...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы!.. но она?.. она?..

КАРОЛИНА.

Она? — это я, батюшка!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Дочь моя!

КАРОЛИНА (*поспѣшно вставая и бросаясь къ нему на шею.*)

Батюшка!.. (*обнимая его*) да, это я... дочь ваша, которую оклеветали, погубили... батюшка! я никогда не переставала быть васъ достойною.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ты, Каролина?.. да, да, ты дочь моя... я тебя оплакивалъ... дочь моя... я тебя ожидалъ, не такъ ли?

КАРОЛИНА.

Батюшка!

(*Слышенъ шумъ съ правой стороны, который произвело возвращеніе Клектона и другихъ молодыхъ людей; она удаляется.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПРЕЖНІЕ, КЛЕКТОНЪ, ЭДГАРЪ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

КЛЕКТОНЪ.

Ха! ха! ха! безподобно!.. это вы, дядюшка!.. я васъ искалъ.

СИРЪ КОБРЕДЖЪ (*не вставая.*)

Что такое? что тебѣ надобно?

КЛЕКТОНЪ.

Спросите у сиръ Эдгара и этихъ господъ... ха! ха! ха! вамъ угодно было имѣть свѣдѣнія о леди Престонъ...

КАРОЛИНА,

Боже мой!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Ну!..

КЛЕКТОНЪ.

Они готовы къ вашимъ услугамъ... и надо признаться чудесныя... я ихъ получилъ отъ сиръ Эдгара, который теперь самъ здѣсь на лицо, а 6 мѣсяцевъ тому назадъ, былъ въ Линкольнѣ... онъ скажетъ вамъ, достойна ли она вашихъ благодѣяній!.. ха! ха! ха!

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Клектонъ!

КЛЕКТОНЪ.

Поведеніе ужасное!... соблазнъ... ея мужъ...

КАРОЛИНА.

О! пощадите!..

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

И я былъ готовъ все забыть... слишкомъ много безчестія... я этого не перенесу.

ЭДГАРЪ.

Говорили, что она всѣми отвернута...

СИРЪ КОБРЕДЖЪ.

Вы слышите, миссъ Волсей.

КАРОЛИНА.

Несчастная!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПРЕЖНІЕ, СИРЪ АРТУРЪ, (*входитъ съ лѣвой стороны*).

АРТУРЪ.

Что это, господа? что здѣсь дѣлается?

КАРОЛИНА.

Ахъ! сиръ Артуръ! придите, придите... они оскорбляютъ... обвиняютъ...

АРТУРЪ.

Кого?

КАРОЛИНА.

Дочь сиръ Кобреджа.

ВСѢ.

Его дочь!

КЛЕКТОНЪ.

Наслѣдница!

ЭДГАРЪ.

Я говорилъ, что въ Линкольнѣ осуждали леди Престонъ.

АРТУРЪ.

А я ее защищаю, господа!.. Это сама добродѣтель, клянусь въ томъ всѣмъ на свѣтѣ... и еслибъ кто былъ столько низокъ, столько безчестенъ, что сталъ бы обвинять ее въ преступленіи, въ которомъ я объявляю ее невинною, тотъ долженъ бы былъ со мною драться на смерть.

КЛЕКТОНЪ, (*поспѣшно*).

Это не я сказалъ.

СИРЪ КОВРЕДЖЪ, (*Артуру*).

Хорошо, молодой человѣкъ!

АРТУРЪ.

Капитанъ, я пришелъ отъ имени моей тетки леди Жеральдъ, просить у васъ, для меня, Артура Бюри, графа Жеральда, наслѣдника ея владѣній, руки вашей дочери.

КАРОЛИНА.

Боже мой!!

ВСѢ.

Что это?

АРТУРЪ.

Да, господа, мое званіе, богатство я повергаю къ ея ногамъ и почту себя слишкомъ счастливымъ, если мое предложеніе не будетъ отвергнуто.

КАРОЛИНА.

Артуръ!

АРТУРЪ.

Вотъ мои доказательства, капитанъ... и теперь, повѣрите ли вы мнѣ, батюшка?

СИРЪ КОВРЕДЖЪ.

Да, я этимъ словамъ вѣрю болѣе, чѣмъ ея слезамъ! Каролина! дочь моя!

КАРОЛИНА, (*бросаясь къ нему на шею*).

Батюшка!

СИРЪ КОВРЕДЖЪ.

Подойдите, Сиръ Артуръ... (*Онъ ихъ соединяетъ и находится между Каролиною и Артуромъ, которые обнимаютъ его*).

КЛЕКТОНЪ.

Гмъ!.. это совсѣмъ другая исторія.

СИРЪ КОВРЕДЖЪ.

Но злодѣй, который былъ причиною ея бѣдствій...

КАРОЛИНА.

Простите его!

АРТУРЪ.

Вы его никогда не узнаете. Когда я возвращусь въ полкъ, — виновника вашихъ несчастій тамъ уже не будетъ.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
РУССКАГО ТЕАТРА.

ЛЮБОПЫТНАЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ РѢДКОСТЬ.

Года три тому назадъ, почтенный Московскій артистъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ показалъ мнѣ любопытную старинную книгу, подъ заглавіемъ «Драмматическій словарь *или показанія по алфавиту всѣхъ Россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ съ означеніемъ имянъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ, и въ которое время напечатаны.* Въ пользу любящихъ театральныя представленія. Собранной въ Москвѣ въ типографіи А. А. 1787 года». Въ 12-ю долю листа, 166 стр.

Книга эта возбудила полное мое вниманіе множествомъ любопытныхъ свѣдѣній и замѣчаній о старинныхъ театральныхъ піесахъ, игранныхъ на русской сценѣ. Съ большимъ трудомъ и за дорогую цѣну удалось мнѣ, спустя долгое время, отыскать другой экземпляръ этого «Драмматическаго Словаря». Полагая, что эта библіографическая рѣдкость будетъ столько же любопытна для всѣхъ любителей театра, какъ была для меня, по многимъ драгоцѣннымъ и мало извѣстнымъ указаніямъ, я предлагаю въ извлеченіи самыя замѣчательнѣйшія страницы изъ нея. Въ предлагаемыхъ здѣсь выпискахъ вполнѣ удержаны слогъ и правописаніе неизвѣстнаго составителя «Драмматическаго Словаря.»

Начнемъ съ предисловія, очень любопытнаго по тогдашнимъ понятіямъ о театрѣ.

«Извѣстно всему просвѣщенному свѣту, сколько полезны и притомъ забавны театральныя сочиненія, не только идущія къ благонравному воспитанію дѣтей; да и человѣку совершеннаго возраста пріятныя нравоученія безъ отягощенія памяти въ свободное время приносятъ съ пользою удо-

вольствіе и пріятную забаву; а паче младенцамъ при воспитаніи вкореняютъ въ нихъ благонравіе, показывая имъ въ лицахъ тяжесть пороковъ, искушенія въ слабостяхъ, или пристрастія легковѣрія, наглость, подозрительную застѣнчивость, непослушаніе и многіе другіе человѣческіе недостатки.

«Сіе есть зеркало, въ которое каждой самъ себя ясно видѣть можетъ. Ктобъ могъ подумавши удостовѣриться, чтобъ онъ не былъ въ какомъ нибудь лицѣ представленъ на театрѣ когда ни есть. Ясно увидишь свое образованіе, свой недостатокъ какъ на примѣръ скупаго въ чрезмѣрности, разточителя безъ поправленія, жестокаго доужаса, лицемѣра, ревниваго; недовѣрчивость до безумія, робкаго въ наглости, прихотника до разслабленія, влюбленнаго до дурачества и прочіе пороки, не столь уважаемые, навсегда представляются на театрахъ для правоученія и поправки нашей.

«Благородное Россійское дворянство, вошедшее во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, пользуясь просвѣщеніемъ нынѣшняго времени, Премудрой обладательницы нашей, къ добру на разумъ законовъ всѣхъ ведущей, прохотившись къ наукамъ, ищущее полезнаго съ пріятнымъ, находятъ свою забаву вмѣсто отдохновенія въ чтеніи книгъ, музыкѣ, въ зрѣніи театра и въ прочихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ.

«Кто же похвалитъ веселія прежнихъ вѣковъ? Они дирались со звѣрьми, боролись сами между собою до убійства, почитая то геройствомъ; кулачные бои бывали лучшимъ позорищемъ, важивали дѣтей своихъ опымъ забавляться; и какъ ручаться, чтобъ въ ребячьемъ возрастѣ человѣкъ не пріучилъ сердце свое къ ожесточенію; даже благородныя женщины въ недавномъ времени были зрительницами сихъ позорищей.

«Къ счастію нашему время оное перемѣнилось; просвѣщеніе торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи; жестокость изчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ Россійскихъ провинціяхъ невѣжества не видно.

«Каждой знаетъ, что въ десяти-лѣтнее время и меньше начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенные и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драмматическія сочиненія; и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей, и даже разночинцовъ, восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія; нежели гоняніемъ голубей, конскимп рысканіями или травлею зайцовъ и входятъ въ разсужденія о піесахъ, чему я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель.

«Будучи я въ отдаленномъ отъ Москвы городѣ, гостилъ у ближняго моего родни, которой имѣетъ большую семью и къ счастію его умныхъ и хорошихъ дѣтей, копмъ также старается дать доброе воспитаніе. Маленькія дѣти рѣзвясь подлѣ меня завсегда, чемъ изъявляли мнѣ свое усердіе и привязанность, разсуждая со мною, спрашивали меня очень часто, какія забавы въ Петербургѣ и Москвѣ, часты ли театральныя представленія, какія играютъ больше піесы: но я не знавши всѣхъ наизусть удовлетворялъ ихъ любопытству наименованіемъ только нѣкоторыхъ. Они будучи симъ не довольны желали знать, кто которую сочинялъ, какая матерія, чья музыка, когда представлена, удачно ли принята публикой; и говоря между прочимъ жаловались, для чего на Французскомъ языкѣ есть Anecdote Drammatick, а на Россійскомъ нѣтъ. Сіе самое и подало мнѣ мысль начать собирать Россійскія оригинальныя и переведенныя съ разныхъ языковъ Драмматическія сочиненія, и дѣлать имъ короткое по алфавиту описаніе, что меня завело къ труду, и я упреждая читателя прошу отъ его благосклонности не осуждать меня такъ какъ писателя, пикирующагося онымъ быть; потому что я писателемъ быть не умѣю; а работа моя идетъ для всѣхъ любопытныхъ дѣтей, желая, чтобы мой Драмматической Словарь былъ для нихъ памятникомъ. Вотъ въ чемъ состоитъ мое безкорыстное удовольствіе, и я обѣщаю продолжать его, вы-

пустя первой томъ начинаю сбирать другой (*); и какъ есть нынѣ много трудящихся сочинять и переводить разныя піесы, то въ томъ я и не замѣшкаюсь; собравъ же сей Словарь для читателя, не боялся я оной напечатать, почитая услугою публикѣ и не робѣлъ осужденія, какъ напримѣръ читалъ я въ предисловіи отъ переводчика вновь переведенной комедіи, называемой Фигорова женидьба. Господинъ переводчикъ объясняется въ своемъ предисловіи, выводя, что переводъ его послѣ того, какъ былъ преставленъ на Московскомъ публичномъ театрѣ, многими былъ критикованъ, даже и оригиналъ; буттобы говорятъ, для чего продолжительна піеса и много наглости въ роляхъ. Я думаю, подозреніе г. переводчича есть напрасно. Не льзя, чтобъ публика ей была не довольна; всякой разъ, какъ представляли, театръ былъ наполненъ, безпрестанно портеръ апплодировалъ; ктомужъ господинъ Бомарше заслужилъ въ цѣломъ просвѣщенномъ свѣтѣ похвалу и имя писателя замысловатаго, остраго и важнаго. Какое сомненіе! нечего было останавливаться печатать. Много ревности г. переводчика. Онъ пишетъ, что самъ слышалъ притчину. Отъ когоже? Мимоходящей ему сказывалъ, что дурно расположенъ театръ, и г. переводчикъ его спрашивалъ, читалъ ли онъ комедію, видѣлъ ли съ примѣчаніемъ въ представленіи. Нѣтъ, знакомый г. переводчика отвѣчалъ, а слышалъ, что разсуждалъ съ нимъ на Тверской въ трактирѣ одинъ Гвардіи Офицеръ. Странное воображеніе! Какое подозреніе. Вѣроятія много. Гвардіи офицеры не имѣютъ въ Москвѣ времени быть въ вольныхъ домахъ; здѣсь оное не въ обычаѣ; воспрещаетъ имъ благовоспитаніе, напротивъ того имѣютъ въ городѣ много своей родни, знакомыхъ и частыя публики; слѣдовательно нескучно имъ и безъ трактировъ, да притомъ и не когда. Чемужъ вѣрилъ г. переводчикъ? Сходнѣе бы была фантазія его знакомца пересказать, что слышалъ отъ какого ни есть стараго приказа подъячаго, то уже бы вздоръ былъ складнѣе.

«Г. Сумароковъ, исвѣстной нашъ Россійской писатель, ревновалъ только приказныхъ людей, а не сомневался въ благовоспитанныхъ молодыхъ дворянахъ; а паче въ нынѣшнее время вкусы еще больше исправились; дѣти благородныхъ людей разсуждать умѣютъ. Я почитаю за пристойное припомнить, что воспитаніе много обязано покойному г. Сумарокову. Онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру конечно отъ его пера исправленъ. До него представленія почитали одними токмо театральными игрищами; а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почуствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ г. Моліера и протчихъ подражая онымъ. Басни его поставить можно нравоучительной азбукой, служащей для каждаго. Паче всего заслуживаетъ безсмертіе омерзеніе къ ябѣдѣ, чему конечно ліющійся складъ стиховъ его притчина; не пощеголяетъ никто нынѣ, какъ прежде, десятилѣтней тяжбой, которую помощію стряпчаго, могъ продолжать; а до его ополченія на подъячихъ, ставили въ старину дворяне честію, будучи добрые люди, что проворствомъ повѣреннаго тянетъ виноватое дѣло четверть вѣка, хвалясь притомъ, что ему Секретари въ судахъ знакомы. Невежество конечно оное было, чему бы остались нѣкоторые слѣды, когда бы благополучное нашего времени правленіе не просвѣтило надъ лучемъ истины и не вселило духъ въ насъ благородной и правдолюбивой. Вотъ истинное счастіе нашего вѣка, дѣти воспитываются съ омерзеніемъ ябѣды. Имъ твердятъ наставники: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь. Повинуйся законамъ и не вымышляй противу ихъ пустыхъ оправданій. Буйныя забавы изъ обычая вышли, а когда досугъ и не учишся; веселись благопристойно, ѣзди въ театръ и танцуй въ маскерадѣ».

Отъ предисловія перехожу къ выпискамъ любопытнѣйшихъ мѣстъ изъ самой книги. Во всѣхъ выпискахъ соблюдена орѳографія подлинника.

Александръ въ индіи. Опера въ трехъ актахъ Аббата Петра Метастазія, славнаго стихотворца Римскаго, переведена съ Ита-

(*) Другаго однакожъ не было.

ліанскаго на Россійской языкъ. Музыка г. *Араія*, бывшаго въ службѣ у Россійскаго Императорскаго двора. Представлена была въ первой разъ въ *Ораніенбаумѣ* на новомъ театрѣ въ 1759 году; напечатана при Санктпетербургской Академіи.

Альцеста. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ; сочиненіе г. Сумарокова, музыка г. Раупаха, представлена нѣсколько разъ у двора Ея Императорскаго Величества придворными пѣвчими. Напечатана при Санктпетербургской Академіи наукъ въ 1759 году.

Амфитріонъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе славнаго Французскаго Комика г. Моліера. Переведена съ Французскаго языка, представлена была не однократно на придворномъ Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ. (*). Напечатана въ Санктпетербургскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ въ 1761 году.

Анюта. Комическая опера въ одномъ дѣйствіи стихами, сочинена *Михайломъ Поповымъ*, представлена была въ первой разъ въ *Сарскомъ* селѣ *придворными пѣвцами* Августа 26 дня 1772 года. Сія опера изъ *первыхъ комическихъ* на Россійскомъ языкѣ играна. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1772 года.

Аркасъ и Ириса. Маленькая опера съ музыкою сочинена г. Майковымъ на открытіе Московскаго публичнаго ваксала, гдѣ была въ перьвой разъ представлена; и потомъ часто представляема какъ въ ваксалѣ, такъ и на большомъ театрѣ. Музыка господина Керцеллія принята была публикою съ удовольствіемъ.

Армида. Опера, сочиненіе г. Марка Колтелини, піиты находившагося въ Россійской Императорской службѣ; потомъ переведена съ Италіанскаго на Россійской языкъ. Музыка г. Гранже, театральныя украшенія г. Градиція, машины г. Бригонція. Платье какъ для оперы, такъ и для балетовъ г. Женара. Всѣ оные находились тогда въ службѣ у Россійскаго двора. Представлена на придворномъ Санктпетербургскомъ театрѣ. Сей спектакль почитался наивеликолѣпнѣйшимъ въ то время. Печатана въ Санктпетербургѣ 1774 года.

Артаксерксъ. Трагедія съ хорами переведена съ Немецкаго языка прозою изъ Голбергова театра Андреемъ Нартовымъ. Представлена въ перьвой разъ въ 1778 на Головинскомъ театрѣ вольными Московскими актерами, и была играна съ разу десять разъ. Во всѣ оные спектакли портеръ, ложи верхнія и нижнія наполнены были такъ, что уже желающимъ войти отказывали. Оная трагедія болѣе великолѣпна тѣмъ, что наполнена огромными хорами и разными декораціями, что и придавало публикѣ болѣе любопытства оную видѣть. Напечатана при Санктпетербургской Академіи въ 1764 году.

Артистона. Трагедія въ пяти актахъ стихами сочиненія г. Сумарокова, представлена въ перьвый разъ въ 1759 году октября мѣсяца въ Императорскихъ комнатахъ въ зимнемъ дворцѣ, въ Санктпетербургѣ.

Башмаки мордоре или нѣмецкая башмашница. Лирическая комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переведена съ Французскаго языка Васильемъ Вороблевскимъ 1778 года въ Москвѣ. Въ перьвой разъ представлена на домовомъ театрѣ *Его Сіятельства Графа Петра Борисовича Шереметева собственными его пѣвцами и пѣвицами*, генваря 11 дня 1772 года; напечатана въ Университетской типографіи.

Беверлей. Трагедія *мѣщанская* въ пяти дѣйствіяхъ, съ Французскаго языка перевелъ Россійской придворной актеръ г. Дмитревской: въ перьвой разъ представлена была сія трагедія на придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ маія 11 дня 1772 года. Ролю г-жи Беверлей представляла на тогдашнее время перьвая придворнаго театра актриса г-жа Троепольская, и послѣ онаго къ совершенной потерѣ публики вскорѣ похищена была смертію. Сія трагедія часто играется на Московскомъ театрѣ съ похвалою. Напечатана въ Санктпетербургѣ иждивеніемъ общества старающагося о напечатаніи книгъ въ 1773 году.

Благодѣтельной грубіянъ. Комедія замѣ-

(*) Оная піеса открывается прологомъ, въ которомъ машины великолѣпны; піеса вся наполнена шутками и множествомъ острыхъ словъ. Бывшіе придворнаго театръ актеръ г. Шумской и Московс. вольнаго г. Базилевичь первые комики въ ролѣ Созіи, пріобрѣли себѣ славу.

ченная въ лучшихъ на Парижскомъ театрѣ, сочиненіе г. Голдонія; переведена съ Французскаго Михайломъ Храповицкимъ. Сія комедія была представлена на Французскомъ языкѣ во время знаменитаго торжествованія мира на Ходынкѣ въ Москвѣ въ 1775 году, и на нашемъ языкѣ на Россійскихъ театрахъ часто была представляема; напечатана въ Санктпетербургѣ 1772 года.

БЛАГОРОДНОЙ ПОСЕЛЯНИНЪ. Драмма вътрехъ дѣйствіяхъ, сочиненная на Нѣмецкомъ языкѣ, представлена была на Вѣнскомъ театрѣ въ 1780 году съ великою удачею, отмѣнно понравившаяся зрителямъ; а переведена на Россійской языкъ 1784 года К. Г. Ф. Примѣчательна въ сей комедіи роль Жида, представляющаго человѣка примѣромъ и свидѣтелемъ добрыхъ дѣлъ. Авторъ самъ извиняется въ ономъ оговариваясь, что замѣнять лучше оную можетъ нищій. Напечатана въ Санктпетербургѣ у Брейткопфа.

Борислав. Трагедія въ стихахъ М. Х. представлена въ первой разъ на придворномъ театрѣ въ 1772 году ноября 7 дня; вся трагедія была сочинена подъ другими именами; *нѣкоторыя обстоятельства принудили перемѣнить оныя и поставить вымышленныя*. Причемъ должно упомянуть, что пятой актъ совсѣмъ перемѣненъ и при выборѣ другихъ именъ сочиненъ новой. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1774 года.

БРИГАДИРЪ. Комедія, сочиненіе г. фонъ Визина, нравящаяся публикѣ часто представлялась на театрахъ, какъ въ Санктпетербургѣ такъ и въ Москвѣ завсегда къ отмѣнному удовольствію зрителей и не выходящая изовкуса.

БѢГЛЕЦЪ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ г. Мерсіера, переведена съ Французскаго на Россійскій языкъ М. С. *Сочиненіе интересное матеріею и штилемъ*. Напечатана въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова въ 1784 году.

ВЛЮБЛЕННОЙ СЛѢПЕЦЪ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненная придворнымъ *Россійскимъ актеромъ г. Соколовымъ*. Часто была представляема на Россійскихъ театрахъ. Пісса отмѣнно забавна. Напечатана въ Москвѣ въ театральной типографіи у Христофора Клаудія 1784 года.

ВОСПИТАНІЕ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочинена въ 1774 году *Дмитріемъ Васильевичемъ Волковымъ*. Представлена въ перьвой разъ на Московскомъ театрѣ. Сія піеса наполнена многими нравоученіями, приносящими любопытнымъ нетолько удовольствіе, но и пользу. Напечатана при Московскомъ Университетѣ.

ВОТЪ КАКОВО ИМѢТЬ КОРЗИНУ И БѢЛЬЕ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, вольное преложеніе изъ Шакеспира. Представляема была въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1786 года (*).

ВЫБОРЪ ПО РАЗУМУ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ взята по объявленію писателя изъ театра одного Французскаго сочинителя; въ оригиналѣ она въ одномъ дѣйствіи; притомъ переложена на Россійской вкусъ, и театръ расположенъ по нынѣшнему обыкновенію. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1773 году.

ВЫДУМАННОЙ КЛАДЪ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе придворнаго Россійскаго актера г. *Соколова*, часто была играна на придворномъ Россійскомъ театрѣ, и также на Московскомъ къ удовольствію публики не рѣдко представляется; особливо роль старика и старухи въ явленіи приносятъ забавное удовольствіе публикѣ своею игрою.

ГЕНРІЕТТА ИЛИ ОНА УЖЕ ЗАМУЖЕМЪ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, вольной переводъ съ Нѣмецкаго изъ Гамбургскаго театра, часто представляема была на вольномъ Московскомъ театрѣ; благосклонно публикою принята. Замѣчательно хорошо роль Полковника играетъ Московской актеръ г. Померанцовъ. Напечатана въ Москвѣ въ Университетской типографіи у г. Новикова 1784 года.

ГОВОРЯЩАЯ КАРТИНА. Опера комическая въ одномъ дѣйствіи, переведена съ Французскаго языка к. Хилковымъ, довольно нравящаяся публикѣ. Блистающій разумъ автора изъяснилъ въ толь маленькой піесѣ

(*) Вотъ еще когда Шекспиръ явился на Русской сценѣ. *Л. Л.*

полную интригу, приносящую для зрителей забаву и смѣхъ; довольно часто представляема въ Москвѣ, и надежно, что впредь невыдетъ изъ вкуса публики.

гонимыя. *Слезная* драмма сочиненія г. Хераскова, представлена въ первой разъ на Россійскомъ театрѣ въ 1775 году октября 11 дня. Публикою была принята съ удовольствіемъ. Роль пустынника есть лучшая въ піесѣ, что привлекаетъ вниманіе зрителей. Напечатана въ Университетской типографіи въ 1775 году.

госпожа вестникова съ семьею. Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочинена въ *Ярославлѣ*. Піеса замысловатая представлена много разъ на Россійскихъ театрахъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ, и можетъ почесться изъ забавныхъ театральныхъ сочиненій. Напечатана въ Санктпетербургѣ.

гостиной дворъ. Опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ, сочинена на Россійскомъ языкѣ путешествующимъ въ Италіи крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго Матинскимъ, и на музыку также имъ положена къ крайнему удовольствію нашего времени. Успѣхъ сочинителя оной оперы, забавное зрелище и нарядной спектакль въ Россійскихъ древнихъ нравахъ приносятъ честь сочинителю. Театръ представляетъ по обычаю Россійскому древнему подъяческую парядную свадьбу. Характеръ жениха играющій Московскаго Россійскаго театра актеръ г. Залышкинъ совершенно обращаетъ на себя вниманіе публики, принося ей забавное зрелище. Часто сія піеса представляется на Россійскихъ театрахъ какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и Москвѣ. Когда въ первой разъ отдана была на театръ сочинителемъ въ Санктпетербургѣ содержателю вольнаго театра Кипперу, то была представлена разъ до пятнадцати сряду, и никакая піеса не дала ему столько прибытка, какъ оная.

Любопытное извѣстіе! Крѣпостной человѣкъ пишетъ оперу, самъ сочиняетъ для нея музыку — и эта опера имѣетъ огромный успѣхъ... А между тѣмъ мы не знаемъ даже и имени его. По всему видно, однакожъ, что этотъ Матинскій былъ человѣкъ замѣчательный. Кромѣ упомянутой оперы, послѣ него остались слѣдующіе труды:

1. *Описаніе различныхъ мѣръ и вѣсовъ разныхъ государствъ*, изданіе *Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ*. Спб. въ тип. морск. шлях. корпуса. 1779 въ 8 д. л.

2. *Начальныя основанія Геометріи*, соч. *для общества благородныхъ дѣвицъ*. Спб. въ тип. Мед. Коллегіи. 1798 г. въ 8 д. л.

3. *Республика ученыхъ* или аллегорическое и критическое описаніе художествъ и наукъ. Соч. *Фалрда* Спб. въ 8 д. л.

4. *Богомолка*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Геллерта, съ Нѣмецкаго, Спб. 1774, въ 8-ю д. л.

5. *Басни и сказки Геллерта*. Пер. съ Нѣмецкаго, 2 части. Вторымъ изданіемъ напечатана въ Спб. въ тип. Академіи Наукъ, 1788 г.

Сверхъ того часто игралась въ Петербургѣ и Москвѣ непапечатанная опера Матинскаго, подъ названіемъ: *Тунисскій Паша*, комическая опера, въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Музыка придворнаго музыканта г. Ш...

И такъ этотъ крѣпостный человѣкъ въ одно и тоже время былъ поэтъ, музыкантъ, ученый, математикъ! Любопытно было бы собрать поболѣе свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

два охотника. Комическая опера въ одномъ дѣйствіи, г. Ансома, переведена съ Французскаго. Часто была представляема на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ. Примѣчательно, что сверхъ трехъ роль въ ней находящихся есть *характеръ медвѣдя*. Піеса довольно забавна матеріей и музыкой. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1779 года.

двѣ сестры или хорошая пріятельница. Комедія въ одномъ дѣйствіи, наполнена пѣснями, сочиненіе г. де ла Кабардіера; музыка г. Десброка. Съ Французскаго по-Русски переложилъ Василій Вороблевскій. Надписана Ея Сіятельству Графинѣ Варварѣ Петровнѣ Разумовской. Представлена въ первой разъ на театрѣ въ Кусковѣ Его Сіятельства Графа Петра Борисовича Шереметева собственными пѣвцами и пѣвицами іюня 28 дня 1778 года.

ДВѢ ТУРЕЦКІЯ ВДОВЫ. Комедія въ одномъ дѣйствіи изъ театра г. Сентфуа сочинена *по Турецкому вкусу*. Представлена въ первый разъ въ Парижѣ приватно въ мѣсяцѣ маіѣ 1742 года и надписана была авторомъ послу Оттоманской порты Сентъ Эфендію на тотъ разъ случившемуся при Французскомъ дворѣ; переведена на Россійской языкъ Ал. Пр. Напечатана въ Санктпетербургѣ иждивеніемъ книгопродавца Миллера въ 1775 году.

ДЕВКАЛІОНЪ И ПИРРА. Комедія въ одномъ дѣйствіи г. Сентфуа переведена съ Французскаго. Расположеніе сей комедіи есть опытъ искусства автора, которой исправно началъ и кончилъ двумя лицами, и вообще вымыслъ сего малаго сочиненія долженъ казаться новымъ и замысловатымъ: напечатана въ Санктпстербугкой Академіи.

ДЕЙДАМІЯ. Трагедія сочинена бывшимъ Санктпетербургской Академіи Наукъ Профессоръ г. Тредьякомъ въ 1750 году. *Сія трагедія есть наипродолжительнѣйшая изъ всѣхъ Рускихъ драмматическихъ сочиненій. Къ любопытству читателя извѣщается, что находится въ ней 2313 стиховъ двоестрочныхъ.* Напечатана въ Москвѣ вторымъ тисненіемъ 1775 году.

ДЕМОФОНТЪ. Трагедія Михайла Ломоносова, взята матерія изъ Троянской Исторіи, писанная громкими стихами, наполненными важностью. Роль Мемнона есть свидѣтелемъ дарованія его въ стихотвореніи; естьли и не представляема сія трагедія на театрахъ, то сіе не иначе, какъ за трудностію для актеровъ; напечатана въ Санктпетербургской Академіи въ 1752 году.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ. Трагедія сочинена Александромъ Сумароковымъ, представлена въ первой разъ въ 1771 году Февраля 1 дня на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ, потомъ многократно представляемая на Россійскихъ театрахъ, имѣющая довольно уваженія для любителей драмматическихъ сочиненій. Роль Димитрія игралъ въ совершенствѣ бывшій Московскій первый актеръ г. *Каллиграфъ*. Напечатана послѣднимъ тисненіемъ въ собранныхъ его г. Суморокова сочиненіяхъ въ Москвѣ въ Университетской типографіи г. Новикова 1781 года.

При этомъ находится слѣдующее примѣчаніе: «Памятно довольно для Московской публики несчастіе, случившееся во время представленія сей трагедіи, сгореніемъ театра, бывшаго на *Знаменкѣ въ домѣ Его Сіятельства Графа Воронцова*, гдѣ уже онъ болѣе и не возобновлялся; также и господинъ *Каллиграфъ*, знаменитой въ сей трагедіи актеръ, оставилъ свои роли послѣ онаго случая вскорѣ пресѣченіемъ жизни къ сожалѣнію любителей Мелпомены».

ДОБРЫЕ СОЛДАТЫ. Опера комическая, сочиненія на Россійскомъ языкѣ г. Херасковымъ. Сія опера, наполнена лучшими хорами къ чести сочинителя; музыка г. Раупаха, похваляема была довольно Публикою. Играна была много разъ на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ. Напечатано въ Университетской типографіи у г. Новикова въ 1782 году.

ДРУЗЬЯ СОПЕРНИКИ. Драмма въ пяти дѣйствіяхъ, сочинена въ Санктпетербургѣ 1751 года. Содержаніе оной взято изъ Англійскаго романа, сочиненнаго господиномъ де-Саси подъ такимъ же заглавіемъ *Друзья Соперники*, въ которомъ такъ какъ и въ драммѣ сей представлены добродѣтель, благодѣяніе, благодарность, дружба и любовь блестящими, напротивъ того лицемѣрство и злоба гнуснымп. Напечатана въ Санктпетербургѣ при Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ иждивеніемъ книгопродавца С. І. Шеля 1782 года.

ЕВГЕНІЯ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная г. Бомарше, переведена съ Французскаго Николаемъ Пушниковымъ, надписанная его Сіятельству Графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому. Представлена въ первой разъ на Московскомъ Россійскомъ театрѣ 18 мая 1770 года. Сія комедія часто преоставляется на Россійскихъ театрахъ и довольно уважаема. Находящійся во время перваго ея представленія въ Москвѣ славной Россійской придворной актеръ г. Дмитревской изображалъ естественно то, чего сочинитель требовалъ, далъ почувствовать драмму сію въ совер-

пенствѣ; а роль Евгеніи играющая также придворная актриса г-жа *Иванова* привлекла на себя отъ зрителей вниманіе. Напечатана въ Москвѣ 1770 года.

евдоксія вѣнчанная или еводосій вторый. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненная г. докторомъ *Бонекіемъ Флорентинцомъ стихотворцемъ бывшимъ у Россійскаго Императорскаго двора.* Переведена съ Италіанскаго на Россійскій языкъ Надворнымъ Совѣтникомъ Адамомъ Олсуфьевымъ. Музыка г. *Франциска Араія Неаполитанца каппельмейстера*, служащаго у Россійскаго двора. Украшеніе театра и протчія машины г. *Іосифа Валеріана Римлянина*, бывшаго въ службѣ ея императорскаго величества живописцемъ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Профессоромъ Проспективы. Балеты изобретены и составлены г. *Антоніемъ Ринальдіемъ Фасаномъ* Придворнымъ балетмейстеромъ. Представлена въ первой разъ на Россійскомъ Придворномъ театрѣ въ 1751 году апрѣля 25 дня въ торжествованное воспоминаніе коронованія Ея Императорскаго Величества Елисаветы Петровны. Напечатана въ Санктпетербургской Академіи Наукъ въ тоже время.

евнухъ или скопецъ. Комедія Публія Теренція въ пяти дѣйствіяхъ. Перевѣлъ съ Латинскаго языка Михайло Головинъ. Сія піеса по древности своей почитается изъ давнихъ театральныхъ сочиненій; представляема была въ Римѣ на позорищахъ ихъ въ 593 году по созданіи Рима, полагая за 159 лѣтъ до Рождества Христова при консулахъ Маркѣ Валеріѣ, Мессалѣ и Каіѣ: по по сію пору съ пріятностію ее читать можно. Напечатано въ Санктпетербургской Академіи въ 1773 году.

емилія галотти. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ сочиненія г. Лесспнга, переведена съ Нѣмецкаго языка Г. А. Часто представляется на Московскомъ театрѣ къ удовольствію публики, которою всегда принимается благосклонно. Роль Емиліи, играющая Московскаго театра актриса, г-жа *Ульяна Сипявская* показываетъ дарованіе свое къ удовольствію зрителей. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ вольной типографіи у Бренткопфа въ 1784 году (*).

жанъ де моле. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Ѣгалина. Оная піеса была играна не однократно какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москѣ. Заслуживаетъ похвалу тѣмъ, что авторъ, стараясь своимъ соотечественникамъ какъ отцамъ, такъ и дѣтямъ показать въ оригиналѣ слабость нѣкоторыхъ отцовъ и матерей, и развращеніе дѣтей, коп, къ сожалѣнію нашему будучи въ чужихъ краяхъ, возвращаются подобными персонажу Жана де Моле, не обретя ничего кромѣ тщеславія и нетерпѣнія своего языка, а потому и желательно бы было, дабы таковые уподоблялись путешествующимъ съ успѣхомъ, и возвращающимся съ пользою къ своему отечеству.

живописецъ влюбленной въ свою модель. Комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненія г. Анзома, музыка г. Дюни; перевелъ съ Франзузцаго Василей Вороблевской. Надписана графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому. Въ первой разъ представлена на домовомъ театрѣ его сіятельства графа Петра Борисовича Шереметева, собственными его пѣвцами февраля 7 дня 1779 года. Напечатана при Московскомъ Университетѣ.

жизнь и смерть ричарда III короля англійскаго. Трагедія г. Шакеспира, жившаго въ XVI вѣкѣ, умершаго въ 1776 году. Переведена съ Французскаго языка въ *Нижнемъ Новъ-городѣ* прозою въ 1733 году. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1737 года.

При этомъ находится слѣдующее *примѣчаніе Французскаго переводчика*: «Хотя трагедія переименована Жизнь и Смерть Ричарда III. Она однакожъ не содержитъ болѣе, какъ только восемъ лѣтъ послѣднія жизни его, ибо начинается съ заключенія въ темницу Герцога Кларенскаго въ 1477 году, а оканчивается смертію Ричарда въ баталіи Босфорскую. Сія піеса переведена литерально, сколько было возможно преложить на Францускій языкъ то, что въ подлинникѣ есть смѣлаго и от-

(*) та же драма, спустя четыре года послѣ, (въ 1789), переведена была Карамзинымъ. *А. А.*

мѣннаго. Знающій языкъ Шакесперовъ не найдетъ конечно ничего безмѣрнаго въ томъ образѣ, какимъ стараніемъ употреблено перенести его на Россійской языкъ.

ЖОРЖЪ ДАНДИНЪ ИЛИ ВЪ СМЯТЕНІЕ ПРИВЕДЕННЫЙ МУЖЪ. Комедія г. Молліера въ трехъ дѣйствіяхъ, переведена Иваномъ Чаадаевымъ. Представлена была въ первой разъ въ 1738 году Сентября 24 дня на Россійскомъ театрѣ; и потомъ часто играннал на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ. Сія комедія на многихъ Европейскихъ языкахъ принята со уваженіемъ, и повсюду часто представляема на театрахъ въ разсужденіи замысловатыхъ интригъ и забавныхъ шутокъ. Печатана въ Московскомъ Университетѣ.

ЗАИРА. Трагедія г. Волтера почитающаяся лучшею изъ Французскихъ драмматическихъ сочиненій. Авторъ въ предисловіи своемъ выдаетъ ее нанчувствительнѣйшей изъ своихъ трагедій. Г. Волтеръ ни въ одной піесѣ *не изражалъ* столько чувствій любопытныхъ. Когда она была сперва играна на Французскомъ театрѣ пленяла умы зрителей, и чаще многихъ была представляема. Переведена съ Французскаго на Россійской языкъ стихами А. Д. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1779 году.

ЗБИТЕНЬЩИКЪ. Опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ, сочинена г. Княжниннымъ въ 1783 году. Музыка двора ея императорскаго величества музыканта г. Бюлана; представлена въ первой разъ на Придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ. Въ ролѣ збитеньщика Придворной Россійской актеръ *г. Черниковъ* отмѣнно талантъ свой изъявилъ къ забавѣ зрителей. Потомъ часто повторяема была и въ Москвѣ на публичномъ театрѣ къ удовольствію публики.

ЗЕМИРА И АЗОРЪ. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочинена нашего времени писателемъ г. Мармонтелемъ. Музыка извѣстнаго изъ числа главныхъ оперныхъ музыкантовъ г. Гретри. Переведена на Россійской языкъ нѣкоторою благородною госпожею. Въ первой разъ представлена на Московскомъ театрѣ, и при пѣніи аріи горлицы Московскаго театра актриса г-жа *Соколовская была апплодирована метаніемъ кошельковъ*. Опера и музыка столько интересны, что никогда изо -вкусу вытти не могутъ. Напечатана въ Университетской типографіи у г. Новикова 1783 года.

ЗОА. Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ. Переведена съ Французскаго языка на Россійской г. Малиновскимъ. Въ перьвой разъ представлена была на Московскомъ театрѣ въ 1786 году. Опая драмма принята была отъ публики съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ какъ вг переводѣ такъ и въ представленіи. Въ ролѣ Зои первая Московскаго театра актриса г-жа М. *Синявская* столько своего искуства къ удовольствію публики оказала, что и по закрытіи театра при концѣ ея роли, долгое время была апплодирована.

ИГРОКЪ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочинія г. Рен-ярда, переведена съ Французскаго язака. Піеса часто представляемая на театрахъ повсюду, не выходящая никогда изо вкусу. Дѣйствія четвертаго въ десятомъ явленіи читаніе Сенски довольно замѣчено всѣми любителями драмматическихъ сочиненій, даже именитые наши придворные актеры г. *Дмитревской* и г. *Шумской* напечатаны въ естампѣ въ ономъ положеніи.

ИДОЛОПОКЛОННИКИ ИЛИ ГОРИСЛАВА. Трагедія г. Хераскова. Сіе сочиненіе принято публикою съ удовольствіемъ и расположеніе театра изъ трагедій есть новаго вкуса. Была представляема неоднократно на Московскомъ театрѣ съ похвалою. Напечатана въ Университетской типографіи у г. Новикова въ въ 1782 году.

ИСПЫТАННОЕ ПОСТОЛНСТВО. Комедія въ одномъ дѣйствіи сочиненная И. И. представлена въ первой разъ благороднымъ обществомъ въ домѣ К. Петра Михайловича Волконскаго, а потомъ много разъ играна на прочихъ театрахъ. Напечатана въ Университетской типографіи, коштомъ книгопродавца Христіана Риднгера.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ. Драмма на музыкѣ въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе г. Кольтеллини. Творецъ сея трагедіи взявъ сіе содержаніе изъ исторіи, ничего болѣе не перемѣнилъ, какъ только вмѣсто Діанина храма представилъ храмъ Палладинъ и у-

чпяетъ въ немъ Ифигенію великою жрицею, которая была священницею Діаны. Музыка придворнаго капельмейстера г. *Балтазара Галуппи*. Декораціи изобрѣтенія придворнаго живописца г. *Градиціи;* машины изобрѣтенія также находящагося въ службѣ у Двора театральнаго машиниста г. *Дюкло*. Играна была придворными Ея Императорскаго Величества пѣвчими. Представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ апрѣля 21 дня въ 1768 году на день рожденія Ея Императорскаго Величества Екатерины II. Переведена на Россійскій языкъ и напечатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ.

КАКЪ ХОЧЕШЬ НАЗОВИ. Комедія въ одномъ дѣйствіи сочинена на Россійскомъ языкѣ Михайломъ Чулковымъ. Піеса сія похвалена можетъ быть тѣмъ, что два характера гораздо отмѣнные между собою, какъ то болтуна и молчалнваго изъяснены къ удовольствію публики довольно удачно; представлена въ первой разъ на Московскомъ театрѣ.

КАЛИФЪ НА ЧАСЪ. Опера комическая въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненія К. Д. Горчакова, часто представляемая на Московскомъ театрѣ. Въ оной операѣ преимущественное расположеніе театра и спектакль забавенъ. Характеръ чебогаря играющій актеръ г. *Ожогинъ* представляетъ въ пущей своей силѣ, чемъ отмѣнное приноситъ удовольствіе зрителямъ. Напечатана въ Москвѣ въ театральной типографіи у г. Клаудія 1786 года.

КЛАВИГО. Трагедія г. Гете, славнаго Нѣмецкаго автора, которой написалъ отличную книгу, похваляемую повсюду, *страданіе младаго Вертера*. Мысль въ сей трагедіи, такъ какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ его, подражаніе единой натурѣ и не слѣдуя правиламъ; слѣдственно сія трагедія писана не принужденнымъ, а естественнымъ слогомъ. Приключеніе г. Бомарше, служившее основаніемъ слѣдующей трагедіи, случилось въ Испаніи въ 1764 году. Расположеніе и слогъ ея соотвѣтствуетъ тогдашнему состоянію дѣйствующихъ лицъ и мѣсту дѣйствія. Сія трагедія на Нѣмецкомъ языкѣ повсюду часто представляема, также и въ Санктпетербургѣ у Двора; переведена на Россійской языкъ въ прозѣ, представлена была на Московскомъ публичномъ театрѣ два раза. Напечатана вторымъ исправленнымъ изданіемъ 1770 года въ Санктпетербургѣ въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора.

КУЗНЕЦЪ. Опера комическая въ одномъ дѣйствіи изъ трехъ лицъ состоящая, сочиненная на Россійскомъ языкѣ въ Санктпетербургѣ въ 1780 году; играна часто въ Московскомъ публичномъ ваксалѣ.

КУЗНЕЦЪ ЛѢКАРЬ. Опера комическая въ одномъ дѣйствіи, представлена была на Московскомъ публичномъ театрѣ многократно съ похвалою.

ЛЖЕЦЪ. Забавное зрѣлище, вольной переводъ изъ Голдонія. Театръ представляетъ Серенаду на рѣкѣ съ пріятною музыкою и поютъ пѣсню, извѣстную всѣмъ, *Владычица души моей*. Представленіе сей комедіи приносило удовольствіе любящимъ театръ. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1774 году.

ЛОРЕТТА. Лирическая комедія въ одномъ дѣйствіи, выбранная изъ сказки г. Мармонтеля тогожъ названія. Музыка сочинена г. Меро. Переведена съ Французскаго языка В. А. Левшинымъ. Стихи и преложеніе музыки егожъ. Сія піеса своимъ переводомъ можетъ не токмо сравнена быть съ оригиналомъ, но въ нѣкоторыхъ пасажахъ еще удачнѣе. Въ первой разъ представлена на домовомъ театрѣ *К. П. М. В.* (*) собственными его пѣвчими и пѣвицами кои пріобрѣли себѣ отъ зрителей довольную похвалу.

ЛУЦІЙ ВЕРЪ. Опера сочиненія Апостола Зено въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена на Императорскомъ придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ. Музыка сочиненія придворнаго каппельмейстера г. *Траетта*, наполненная балетами, сочиненными находившемся въ то время у Двора балетмейстеромъ г. *Гранже*. Музыка балетовъ г. *Раупаха;* декораціи и машины дѣланы въ то время г. *Градиціемъ*, живописцомъ и архитекторомъ театральнымъ. Напечатана

(*) Волконскаго.

переведенная на Россійской языкъ въ 1774 году.

любовникъ, сочинитель и слуга. Комедія въ одномъ дѣйствіи, переведена съ Французскаго языка Михайломъ Храповицкимъ. Представлена была много разъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ, приносящая на всякой разъ удовольствіе публикѣ замысловатымъ слогомъ и матеріею, и по сіе время не выходящая изо вкуса, часто представляется на Россійскихъ театрахъ; напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1773 г.

матросскія шутки. Опера комическая въ двухъ дѣйствіяхъ, сочинена на Россійскомъ языкѣ нѣкоторымъ любителемъ литтературы. Музыку дѣлалъ г. *Себастіанъ Жоржъ*; представляема была на Россійскихъ театрахъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ. Печатана въ Московской Университетской типографіи у г. Новикова 1780 году.

мельникъ колдунъ. Комическая опера оригинальная въ трехъ дѣйствіяхъ сочиненія г. Аблесимова. Музыка положена изъ Русскихъ пѣсенъ Россійскимъ Московскаго театра музыкантомъ г. *Соколовскимъ*. Представлена въ первый разъ на Московскомъ театрѣ генваря 20 дня 1779 года. Сія піеса столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ съ ряду была играна, и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. *Кипера* была играна съ ряду двадцать семь разъ; не только отъ *національныхъ* слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы *любопытствовали довольно*; кратко сказать, что едвали не первая Русская опера имѣла столь *восхитившихся спектаторовъ и плесканія*. Напечатана въ Москвѣ въ 1782 году.

меропа. Трагедія г. Волтера переведена съ Французскаго на Россійской языкъ въ прозѣ, а потомъ преложена въ стихи г. Майковымъ. Замѣчательна мысль автора въ сей трагедіи, въ характерѣ Меропы коя безъ любви тронула всѣхъ сердца. Напечатана въ Москвѣ при Государственной Коллегіи въ 1775 году.

милена. Опера въ одномъ дѣйствіи сочиненія г. Хераскова. Музыка положена *крѣпостнымъ человѣкомъ Его Сіятельства К. Петра Михайловича Волконскаго Ѳ. Г.* и представлена въ первой разъ на собственномъ егожъ театрѣ.

мисъ-сара самсонъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ переведена съ Англійскаго подлинника на Нѣмецкой; а потомъ на Россійской языкъ перевелъ В. Левшинъ. Сія трагедія была играна только два раза на Московскомъ театрѣ: піеса наполнена чрезвычайною жестокостію, а особливо въ ролѣ Марвуудъ, которую на Московскомъ театрѣ актриса г-жа *Каллиграфъ* представляла, и пріобрѣла похвалу отъ публики рукоплесканіемъ безпрестаннымъ.

мотъ или расточитель. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Піеса сія сочинена на Польскомъ языкѣ въ подражаніе Французской Детушевой называемой Dissipateur съ нѣкоторыми отмѣнами, соотвѣтствующими Польскому вкусу, какъ именами дѣйствующихъ лицъ, такъ и разговорами оныхъ; по сему сей переводъ съ Французскимъ подлинникомъ и не можетъ быть очень сходенъ. Сверхъ онаго вмѣщены переводчикомъ Русскія пословицы. Сія комедія благосклонно принята публикою, въ разсужденіи морали въ ней находящейся. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1778 года.

мотъ любовію исправленной. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Лукина, надписанная Его Превосходительству Ивану Ивану Перфильевичу Елагину. Въ первой разъ представлена на придворномъ Россійскомъ театрѣ, генваря 19 дня 1755 года. Сія піеса часто была представляема на Россійскихъ театрахъ. Напечатана въ Санктпетербургѣ 1755 года.

мстиславъ. Трагедія сочиненіе А. Сумарокова, представлена въ первой разъ на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ маія 16 дня 1774 года. Бывшая при дворѣ актриса г-жа *Троепольская* представлявшая роль Ольги въ сей трагедіи, плѣняя умы зрителей, въ послѣдней разъ оставляетъ сцену. Къ чувствительному сожаленію г. Сумароковъ изъявляетъ въ приложенныхъ стихахъ при сей піесѣ къ г.

Дмитревскому потерю столь великой актрисы, слѣдующимъ:

— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —

А ты мой вѣрный другъ игравши намъ Мстиславa;
Кѣмъ днесь умножилась моя въ Россіи слава;
Старайся чтобы нашъ театръ непалъ на вѣкъ;
А такъ какъ жалостный и добрый человѣкъ,
Восплачь, восплачь о той со мной и воспѣчались,
Которой роли всѣ на свѣтѣ окончались.

Сія трагедія неоднократно была играна на Россійскихъ театрахъ, напечатана послѣднимъ тисненіемъ въ сочиненіяхъ его г. Сумарокова въ Москвѣ въ Университетской типографіи у г. Новикова 1781 года.

мѣщанинъ во дворянствѣ. Комедія съ балетомъ въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная господиномъ Молліеромъ, славнымъ Французскимъ комикомъ, переведена на Россійской языкъ П. С. Представлена въ первой разъ на Россійскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ въ 1758 году генваря 25 дня, и по сіе время на Россійскихъ театрахъ играна бываетъ къ удовольствію зрителей.

Здѣсь прибавлено слѣдующее примѣчаніе: Во время представленія сей комедіи, въ разсужденіи большаго спектакля, великаго числа людей, какъ то пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ дѣйствующихъ въ интермедіяхъ лицъ, балетовъ, и богатыхъ декорацій, на вольныхъ театрахъ за входъ была двойная противъ обыкновеннаго плата.

нанина или побѣжденное предразсужденіе. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ сочиненія славнаго автора г. Волтера, переведена съ Французскаго языка, всегда публикою во время представленія была зрима съ удовольствіемъ, и часто играна благородными на многихъ домовыхъ театрахъ. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1765 году.

нашла коса на камень. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Нѣкоторая часть приключенія, на которомъ сія комедія основана, взята изъ скаски г. Лафонтена, представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ въ 1781 году іюня 9 дня. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ вольной типографіи у Шнора.

недоросль. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Фонъ-Визина, представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ, сентября 24 дня 1772 года, на щотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго; въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ *Мамы* игралъ бывшій придворной актеръ г. *Шумской* къ несравненному удовольствію рнтелей, а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. *Ожогинымъ* также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія наполненная замысловатыми изображеніями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ, и почасту на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ была представляема. Напечатана въ Санктской вольной типографіи у г. Шнора, 1783 года.

ненавистникъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, писанная стихами, сочинена 1774 года. Въ первой разъ представлена на Императорскомъ Россійскомъ придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1779 году. Напечатана въ Москвѣ въ Университетской типографіи въ 1779 году.

необитаемой островъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, переведена съ Французскаго языка. Хотя сія піеса и весьма мала, но расположеніемъ своимъ въ матеріи, забавными шутками и невинностію Силвіи, сестры Констасиной, довольно нравится публикѣ, почему часто и представляется на Россійскихъ театрахъ.

петрусовъ или воръ въ саду. Опера комическая въ одномъ дѣйствіи, переведена съ Нѣмецкаго языка Ѳедоромъ Геншемъ, надписана Московскаго Почтъ-Амта Директору г. Пестелю. Представлена была *въ первой разъ на Нижегородскомъ театрѣ;* напечатана въ Университетской типографіи у Н. Н. 1782 года.

печальное возвращеніе. Комедія въ од-

номъ дѣйствіи г. Реньярда, переведена съ Французскаго языка и часто представляется на театрахъ; почесться можетъ изъ замысловатыхъ *комедіевъ*. Напечатана въ Университетской типографіи 1779 года.

несчастіе отъ кареты. Комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненія г. Княжнина, музыка придворнаго музыканта г. Пашкевича, представлена въ первой разъ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ *въ Ермитажѣ 1779 года ноября 7 дня*, и нынѣ много разъ представляется на Россійскихъ театрахъ. Напечатана въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ.

новое семейство. Опера комическая въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Россійское г. Вязмитинова, музыка г. *Фрейшка*. Въ первой разъ представлена была въ *Ярополчѣ въ домѣ его Сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева* благородными, потомъ играется въ Москвѣ съ довольнымъ успѣхомъ, какъ на большомъ Петровскомъ театрѣ, такъ и въ ваксалѣ и на многихъ партикулярныхъ театрахъ, также и въ Санктпетербургѣ. Напечатана въ Университетской типографіи у г. Новикова 1781 года.

новыя лавры. Прологъ для представленія. на Императорскомъ театрѣ при торжествованіи тезоименитства Ея Императорскаго Величества по преславной побѣдѣ, одержанной Россійскимъ войскомъ 1759 года августа въ первый день при Франкфуртѣ. *Стихотворство* г. *Сумарокова*. Балетъ г. *Гильфердинга*, музыка г. *Раупаха* и г. *Старцера*, театральныя украшенія изобрѣтенія г. *Валеріани* и труловъ г. *Перезиотти*, *махины* г. *Бригонзи* и г. *Гильфердинга машиниста*.

немой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ Аббата Брюэя въ сообществѣ съ г. Палапратомъ, переведена съ Французскаго языка г. Поповымъ. Переводчикъ старался не отступать отъ подлинника въ содержаніи матеріи, и перемѣнялъ нѣкоторыя мѣста на нравы Рускіе, а болѣе успѣлъ въ роли Трофима, когда представляетъ онъ Доктора, гдѣ въ подлинникѣ рѣчи Латино-Французскія; а онъ могъ также дать ему рѣчи внятныя Латино-Русскія. Представлена была въ первой разъ на придворномъ Россійскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ 1756 года ноября 2 дня.

обманутой опекунъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. сочиненія г. Статскаго Совѣтника Николая Сергѣевича Титова, бывшаго прежде Директора Московскаго театра, была часто играна въ Москвѣ.

обманщикъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ первой разъ представлена была въ Ермитажѣ, а потомъ часто представляемая на Санктпетербургскомъ и Московскомъ Россійскихъ театрахъ. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1785 году.

обращенный миръ. Драмма увеселительная съ музыкою въ трехъ дѣйствіяхъ, изобрѣтенная живописью, театральнымъ украшеніемъ *Ангіолома Карбонома*, инженеромъ Болонескимъ. Танцы сочиненія г. Гаспера Сантини. Представлена въ первой разъ на привилегированномъ публичномъ новомъ театрѣ Столичнаго города Москвы въ 1759 году. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

обольщенной. Комедія. въ пяти дѣйствіяхъ. Въ первой резъ представлена при Дворѣ Ея Императорскаго Величества въ Ермитажѣ; потомъ на Санктпетербургскомъ театрѣ, много разъ играна и на Московскомъ вольномъ театрѣ. Публика къ сей піесѣ имѣла большее вниманіе, и всякой разъ ея представленія театръ отмѣнно наполнялся. Напечатана въ Санктпетербургской Академіи Наукъ 1785 года.

о время. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 году, много разъ была играна на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ, и принята публикою съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Складъ сочиненія и расположенія театра есть изъ лучшихъ Россійскихъ піесъ; напечатана въ Санктпетербургѣ.

олендъ и софронія. Драмма ироническая въ пяти дѣйствіяхъ, переведена съ Французскаго на Россійской языкъ *Кнгн. Ктрн. Мнцкв.* надписанная *Преосвященному Архіепископу Новогородскому и Санктпетербургскому Гавріилу*. Содержаніе сей піесы есть отмѣнная ревность къ Христіанской вѣрѣ во время побѣды Магометанами надъ областію Іерусалимскою до пришествія Годефрита Булліонскаго и крестовой войны; напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1780 году.

опытъ дружбы. Комедія съ аріями въ двухъ дѣйствіяхъ. Матерія взята изъ нравоучительныхъ сказокъ г. Мармонтеля, рѣчи писанныя г. Фаваромъ, музыка г. Грезрія, извѣстнаго знаменитаго музыканта, прославившагося во многихъ Французскихъ комическихъ операхъ, переведена съ Французскаго на Россійской языкъ Васильемъ Вороблевскимъ; надписана Его Сіятельству Дѣйствительному Камергеру, Московскаго дворянскаго Банка, Главному Директору, Графу Николаю Петровичу Шереметеву, представлена въ первой разъ къ селѣ Кусковѣ на домовомъ театрѣ Его Сіятельства графа Петра Борисовича Шереметева собственными его пѣвцами іюня 29 дня 1779 года; печатана въ типографіи Императорскаго Московскаго Университета.

отецъ солюбовникъ сыну своему или завороженная табакерка. Пантомима въ трехъ дѣйствіяхъ украшенная разными машинами сочиненія господина машиниста *Іосифа Бригонци*, живопись г. *Людвига Франческини*. Представлена на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ близъ салу у лѣтняго дворца въ 1578 году.

перерожденіе. Опера въ одномъ дѣйствіи, играна въ первой разъ на Московскомъ театрѣ въ 1777 году генваря 8 дня. Сія опера была изъ первыхъ на Московсковскомъ тсатрѣ оригинальныхъ съ музыкою изъ Русскихъ пѣсенъ представленій; напечатана въ Университетской типографіи въ 1779 г.

Любопытно находящесся при этомъ *примѣчаніе*: прежде сей оперы никакихъ еще оперъ на Московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную играть рѣшились, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ, между большею комедіею и сею оперою.

подражатель. Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочинена въ Дмитровѣ; много разъ была представляема на Московскомъ театрѣ. Піеса довольно забавная. Характеры заики и картаваго суть напріятнѣйшіе въ представленіи; напечатана въ Университетской типографіи 1779 года.

походъ съ непремѣнныхъ квартиръ. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Оригинальное Россійское сочиненіе г. Аблесимова, сочинителя Россійской оперы называемой *Мельникъ*. Музыка сочиненія г. *Еккелл*. Представлена была много разъ на Московскомъ театрѣ. Оная піеса довольно хорошо принята публикою. Г. сочинитель показалъ въ оной піесѣ подробно всѣ солдатскія нужды такъ такъ *искусившейся во сей части*.

прибѣжище добродѣтели. Балетъ въ пяти частяхъ. Стихотворство и расположеніе драммы сочиненія г. Сумарокова. Музыка г. Раупаха; танцы и основаніе драммы г. *Гильфердинга*; театральныя украшенія г. *Перезинотти*. Представленъ былъ на придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ; напечатанъ въ собранныхъ сочиненіяхъ г. Сумарокова въ Москвѣ въ университетской типографіи у Н. Новикова 1771 года.

прикащикъ. Драмматическая пустельга съ голосами въ одномъ дѣйствіи, сочинена въ Москвѣ, музыка г. *Дирсиса*, извѣстнаго изъ славныхъ виртуозовъ, которой въ молодомъ возрастѣ втожь время, кончилъ жизнь свою къ чувствительному сожалѣнію любителей музыки. Представлена въ первой разъ на вольномъ Московскомъ театрѣ 1778 году въ іюлѣ мѣсяцѣ. Сія маленькая драмма довольно увеселяла публику къ чести сочинителя; напечатана въ Университетской типографіи у г. Новикова въ 1781 году.

прологъ. На открытіе Калужскаго Намѣстничества въ стихахъ. Сочиненіе г.

Майкова. Представленъ въ первой разъ при открытіи онаго Намѣстничества, изъясняющій въ матеріи Премудрыя Матеріи узаконенія ко благу подданныхъ; игранъ Калужскими актерами.

ПРОЛОГЪ. На открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, сочиненъ стихами, представленъ въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества ноября 24 дня 1786 года; игранъ благородными Тамбовской губерніи во множествѣ лицъ. Музыка сочиненія г. Журавченка, находящагося при должности въ томъ намѣстничествѣ. Живопись и изобрѣтеніи декорацій г. Барзантія; напечатанъ въ Санктпетербургѣ 1787 года.

ПУСТЫННИКЪ. Драмма въ стихахъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненія г. Сумарокова, представлена въ первой разъ у Двора Ея Императорскаго Величества въ Санктпетербургѣ въ 1757 году.

РАЗВРАТНОЕ СЕМЕЙСТВО. Комедія въ одномъ дѣйствіи, переведена съ Французскаго языка *Княгинею Катериною Меншиковою* въ 1777 году; напечатана въ Московскомъ Университетѣ въ 1778 году.

РОЗАНА И ЛЮБИМЪ. Драмма съ голосами въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочинена на Россійскомъ языкѣ г. Николевымъ. Музыка г. *Керцелліи*. Представлена была въ первой разъ на Московскомъ театрѣ, и была играна сряду четыре раза къ отмѣнному удовольствію публики, была много разъ аплодирована. Роль Симеона Лѣсника, которую игралъ г. *Ожогинъ*, была первая для его преимущественно одобрена; *ибо чрезъ оную онъ сталъ извѣстенъ въ комическихъ операхъ лучшимъ въ роляхъ Буфонскихъ.*

СЕЛЕВКЪ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Стихи сочиненія Доктора Іозефа Бонекки Флорентинца. Содержаніе сей оперы взято изъ авторовъ о исторіи Сирской; впрочемъ учинено нѣкоторое прибавленіе. Музыка сочинена *Францискомъ Аравіемъ Неаполитанцомъ*, придворнымъ Каппельмейстеромъ; балеты изобрѣталъ и сочинялъ г. *Фоссано*, находившійся въ службѣ у Двора Россійскаго. Представлена была при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ въ высочайшій день короноваціи Ея Императорскаго Величества Государыни ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, на день всенароднаго торжествованія о заключенномъ между Россіею и Швеціею вѣчномъ мирѣ. Напечатана съ переводомъ на Россійской языкъ въ Санктпетербургѣ, въ типографіи Императорской Академіи наукъ 1744 года.

СЕЛЬСКОЙ ФИЛОСОФЪ. Опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ на музыкѣ, сочинена г. Поллисеномъ Феджеемъ, членомъ Академіи Арнодской, представлена на Италіанскомъ языкѣ, на Московскомъ театрѣ 1774 года. Музыка славнаго г. *Валтазара Галуппія*, именуемаго *Буранелло*, Директора музыки и капельмейстера двора Ея Императорскаго величества и Герцогской Капеллы С. Марка въ Венеціи. Переведена на Россійской языкъ и напечатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

СЕМИРА. Трагедія сочиненія А. Сумарокова, представлена въ первой разъ на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ въ исходѣ 1751 года. Много разъ потомъ была представлема на Россійскихъ театрахъ. Всегдашнее вниманіе и похвалу имѣла отъ публики. Красота стиховъ, и пройскіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора; переведена сія трагедія на разные Европейскіе языки; печатана была многократно, а впослѣдній разъ въ собранныхъ его г. Сумарокова сочиненіяхъ въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. И. 1781 года.

СИВИЛЬСКОЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ, или БЕЗПОЛЕЗНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненія г. Бомарше, лучшаго сочинителя комедіевъ нашего времени, на Россійской языкъ съ Французскаго переведена бывшимъ придворнаго театра актеромъ Михайломъ Поповымъ. Оная піеса имѣла успѣхъ какъ въ переводѣ, такъ и въ представленіи. Представлена была много разъ въ Санктпетербургѣ, а въ Москвѣ имѣла свою цѣну болѣе тѣмъ, что извѣст-

ная пѣвица г-жа *Соколовская*, имеющейся въ сей піесѣ аріею, г. *Померанцевъ* въ ролѣ *Бортало* и г. *Шушеринъ* въ ролѣ графа Альмавино, преображаяся въ четыре разные характера, принесли отмѣнное удовольствіе публикѣ, а себѣ немалую похвалу.

сила любви и ненависти. Драмма на музыкѣ въ трехъ дѣйствіяхъ, переведена съ Италіянскаго языка; представлена была на новомъ Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ, по Указу *Ея Величества Императрицы Анны Іоановны* въ 1736 году, напечатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ.

синавъ и трувор. Трагедія г. Сумарокова въ пяти актахъ. Представлена была въ первой разъ на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ іюля 29 дня 1750 года. Нѣтъ нужды описывать важность сей трагедіи по извѣстности всѣмъ, надѣясь, что каждой, хотя имѣя маленькое вниманіе, къ театральнымъ сочиненіямъ, уже сохраняетъ высокое къ ней почтеніе; притомъ частыя представленія на Россійскихъ театрахъ, сіе намъ подтверждаютъ. Печатана многими тисненіями въ разныхъ годахъ, а напослѣдокъ напечатана въ собранныхъ его г. Сумарокова сочиненіяхъ въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1781 года.

скупой. Комедія Молліерова въ пяти дѣйствіяхъ, передевена Иваномъ Кропотовымъ съ Французскаго языка. Представлена была въ первой разъ на Россійскомъ театрѣ въ 1757 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Санктпетербургѣ. Должна почитаема быть изъ лучшихъ комедіевъ. Печатана въ Университетской типографіи.

скупой. Опера комическая въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе Россійское г. Княжнина. Музыка придворнаго камеръ-музыканта г. *Пашкевича*. Сочиненіемъ и музыкою довольно нравящаяся публикѣ; а что болѣе сего: монологъ оной, подражая монологу Скупаго изъ Молліера, будучи расположенъ речитативою, приноситъ отмѣнную честь сочинителю. Представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ, и много разъ въ Москвѣ, какъ на большомъ Петровскомъ театрѣ, такъ и въ воксалѣ бываетъ играна.

солиманъ вторый или три султанши. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ г. Фаворта, переведена съ Французскаго языка. Сія піеса часто играна на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ, и завсегда благосклонно была Публикою принимана. Роль Роксоланы наполнена отмѣнными выдумками и игрою, дающая способъ показывать себя актрисѣ играющей оную. Дѣляжъ другая изъ Султаншъ имѣетъ аріи въ своей ролѣ наполненныя прілтностію. Сія піеса никогда не наскучитъ для веселаго расположенія матеріи и театра. Печатана въ Москвѣ въ театральной типографіи у Христофора Клаудія въ 1785 году.

сорена и замиръ. Трагедія въ стихахъ, сочиненная г. Николевымъ, отмѣнно понравившаяся Московской публикѣ нѣжностію и слогомъ стиховъ, и не однократно представляема была на Московскомъ публичномъ театрѣ. Изображающая роль Сорены Московскаго публичнаго театра актриса г-жа *Ульяна Синявская* къ удовольствію зрителей, въ представленіи обращаетъ на себя вниманіе.

такъ и должно. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Веревкина, надписанная К. Петру Ивановичу Репину. У двора Ея Императорскаго Величества и на Россійскихъ театрахъ часто представляема была сія комедія. Критика на нравы національные заслуживаетъ вниманіе, и притомъ приноситъ пользу съ нравоученіемъ и забавою. Напечатана при Московскомъ Университетѣ 1773 года.

тартюфъ или лицемѣръ. Комедія сочиненія г. Молліера, переведена съ Французскаго языка Иваномъ Кропотовымъ, въ пяти дѣйствіяхъ; представлена была въ первой разъ въ Санктпетербургѣ на Россійскомъ театрѣ 1757 года въ ноябрѣ. Почитается лучшею комедіею повсюду. Г. Сумаровъ написалъ нѣкогда слѣдующіе стихи:

Мольеровъ лицемѣръ до тѣхъ поръ не падетъ
Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пребудетъ свѣтъ.

Расположеніе театра, и складъ ролей

должны быть уважаемы, отдавая справедливость толь великому комическому писателю. Напечатана въ Университетской типографіи.

ТАХМАСЪ ХУЛЫ ХАНЪ. Трагедія въ пяти актахъ стихами, сочиненія придворнаго Россійскаго актера г. Плавильщикова, представлена была на Санктпетербургскомъ театрѣ. Первой характеръ игранъ самимъ сочинителемъ довольно удачно.

ТИМОНЪ НЕЛЮДИМЪ (*). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ, сочиненія г. Аленвиля, переведена съ Французскаго языка съ исключеніемъ отъ подлинника балетовъ и хоровъ; была представлена на Россійскихъ театрахъ. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1775 году.

ТОМАСЪ МОНЪ ИЛИ НАЙДЕНЫШЪ. Лирическая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, выбранная изъ романа г. Фильдинган преложенная стихами господиномъ Пуансенетомъ подъ тѣмъ же названіемъ. Музыка сочиненія знаменитаго музыканта г. Филидора; переведена съ Французскаго языка *Княжною Е. П. В.* (**), а стихи и преложеніе музыки въ переведенной *Вас. Алек. Левшина*. Въ первой разъ представлена на домовомъ театрѣ Его Сіятельства Князя Петра Михайловича Волконскаго, собственными его пѣвцами и пѣвицами. Оная піеса наполнена довольно хорошими мыслями, огромными хорами, и пріятными аріями; болѣе придаетъ великолѣпія въ сей піесѣ роговая музыка. Роль г. Вестера довольно пріобрѣла у зрителей себѣ похвалу.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ. Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ. Россійское сочиненіе г. Потемкина стихами, часто представляется на Россійскихъ театрахъ. Красота стиховъ изо вкуса не выдетъ какъ сочиненіемъ такъ и представленіемъ. Намѣреніе г. автора, какъ видно, взято изъ истинной исторіи.

ТРАКТИРЪ КОМЕДІЯ ИЛИ ПИТЕЙНОЙ ДОМЪ. Веселое игрище въ одномъ дѣйствіи, переведена на Россійской языкъ *дѣвицею* N. *пребывающею въ одномъ изъ украинскихъ городовъ* (*), гдѣ и комедія сія на тамошнемъ театрѣ нѣсколько разъ представлена была. Приписана отъ переводчицы Императорскаго Россійскаго театра актрисѣ *Прасковьѣ Тимофеевнѣ Софроновой*; напечатана въ Санктпетербургѣ 1777 года.

ТЩЕСЛАВНОЙ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, переведена съ Французскаго театра г. де Туша, называемая glorieu; много разъ была представляема какъ на придворномъ Санктпетербургскомъ, такъ и на публичномъ Московскомъ театрахъ. Придворной Россійской актеръ г. Дмитревскій отмѣнно похваляемъ былъ въ представленіи характера тщеславнаго.

УБѢЖИЩЕ БОГОВЪ. Дѣйствіе драмматическое въ двухъ частяхъ, сочиненное *Іоганномъ Баптистомъ Локкателіемъ*, находящимся въ службѣ Ея Императорскаго Величества Директоромъ комическихъ оперъ представленное на придворномъ театрѣ при случаѣ торжества всерадостнаго на престолъ возшествія Императрицы Елисаветы петровны. Напечатана въ Санктпетербургѣ въ 1776 года.

УКСУСНИКЪ. Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненія г. Мерсіе, переведена съ Французскаго языка К. Н. Г. Сія драмма много разъ представляема была въ Москвѣ къ отмѣнному удовольствію публики, играющій роль Уксусника нашего времени актеръ г. *Померанцевъ* обращаетъ на себя вниманіе. Примѣчательно, что онъ въ семъ характерѣ заслуживаетъ названіе отмѣннаго комедіанта. Напечатана въ Москвѣ въ театральной типографіи у Христофора Клаудія 1785 года.

ФИГАРОВА ЖЕНИДЬБА. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ съ пѣснями, сочиненія Петра Августина Барона де Бомарше, знаменитаго нашего времени Французскаго комическаго автора, нацисавшаго комедію *Сивильскаго Цирюльника*. Цѣлой Парижъ былъ въ волненіи увидѣвши представленную въ театрѣ. Вооружась сперва на нее критики заводили большіе противъ автора

(*) Не *Тимонъ ли Левшинъ*, Шекспира?

(**) Видно что въ то время прекрасный полъ не считалъ недостойнымъ себя трудиться для театра: послѣ княжны Екатерины Меньщиковой, о которой было упомянуто выше, это второй примѣръ. *Л. Л.*

(*) И еще дѣвица, переводчица для театра! Comment trouvez vous cela, mesdames? *Л.*

и вкуса общаго возраженія; боролись онымъ очень долго: напослѣдокъ комедія взяла свой верхъ, и сто разъ была представлена сряду. Неумолкаемыя рукоплесканія каждой разъ ее одобривали, и едвали есть на Французскомъ языкѣ подобная піеса, столько вниманія отъ публики получившая. Переведена на Россійскій языкъ А. Л. Представлена въ первой разъ въ Москвѣ на вольномъ Петровскомъ театрѣ генваря 15 дня 1787 года. Переводъ и представленіе публикою одобрены; повторялема была на театрѣ много разъ и завсегда зрителями театръ наполнялся. Напечатана иждивеніемъ переводившаго, въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова 1787 года.

Французы въ Лондонѣ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненія г. Буассн, переведена съ Французскаго *Пелагѣею Вельяшевою Волынцовою*, надписанная Ея Сіятельству *Графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой*; напечатана въ Университетской типографіи у Н. Новикова 1782 года.

Фемистъ и Бронима. Трагедія сочиненія г. Майкова въ стихахъ, взята была на придворной театръ въ 1775 году для представленія: но за приключившейся болѣзнію, а потомъ и смертію госпожи Троепольской, первую роль на тогдашнее время играющей придворной актрисы, оставлена, и по сіе время представлена сія трагедія нигдѣ не была. Напечатана въ Москвѣ въ 1775 году.

Хоревъ. Трагедія сочиненная извѣстнымъ всѣмъ славнымъ Россійскимъ писателямъ г. Сумароковымъ, въ первой разъ представлена была у Двора благородными служащими въ Шляхетномъ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ 1750 года. Столько сія трагедія имѣла уваженія по складному положенію стиховъ и мысли автора въ содержаніи ея, что по правдѣ почесться можетъ первою на нашемъ языкѣ въ новомъ штилѣ и театральномъ вкусѣ писанною. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ въ 1747.

Цефалъ и Прокрисъ. Опера въ стихахъ въ трехъ дѣйствіяхъ, сочинена А. Сумароковымъ, музыка сочиненія г. Араія. Была представлена у Двора придворными Россійскими пѣвцами; театральныя украшенія г. Валеріана, бывшаго у Двора перваго историческаго живописца и театральной архитектуры инженера, напечатана послѣднимъ тисненіемъ въ сочиненіяхъ его г. Сумарокова въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова 1787 года.

Честной преступникъ или дѣтская къ родителямъ любовь. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная г. Фалберомъ-Фалбриджемъ, переведена съ Французскаго языка. Самъ авторъ сея комедіи сказываетъ, что взялъ ее изъ поэтики г. Мармонтеля, что служило ему основаніемъ и подкрѣпляло его трудъ больше то, что сія матерія есть истинная, приключившаяся въ 1756 году. Больше бы сію драмму назвать должно *Мѣщанскою трагедіею* благополучно кончившеюся. Сколь она почтена на Россійскихъ театрахъ, каждой охотникъ извѣстенъ, паче же славной нашъ придворной Россійской актеръ г. Дмитревской къ пущей красотѣ піесы изобразилъ первой характеръ въ чрезвычайности, представлена была въ первой разъ на Московскомъ театрѣ 1771 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, напечатана въ Санктпетербургѣ 1772 года.

Чувствованія благотворенія. Драмма съ балетомъ, сочиненная въ Твери г. Тейльсомъ и въ Высочайшемъ присутствіи въ проѣздъ изъ Москвы 1787 года іюля 9 дня Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича представленная питомцами Тверскаго дворянскаго училища, напечатана въ томъ же году въ Москвѣ въ Университетской типографіи у г. Новикова.

Щастіе по жребію. Комическая опера въ одномъ дѣйствіи, сочинена А. Аблесимовымъ 1779 года марта 9 дня, напечатана въ Москвѣ въ Университетской типографіи 1780 года.

Щастливая Россія или двадцатипяти лѣтній юбилей. Прологъ; стихи сочиненія г. Хераскова, музыка придворнаго фаготиста г. Бюлана, представленной въ 1787 году іюня 28 числа, въ день всерадостнаго на Престолъ вступленія Екатерины II, въ бытность проѣздомъ въ Москвѣ Ея Император-

скаго Величества изъ полуденнаго края. Наполненъ хорами, спектакль украшается великолѣпными декораціями. Напечатанъ въ тоже время въ театральной типографіи въ Москвѣ у Христофора Клаудія.

щастливая тоня. Опера комическая въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе К. Д. Горчакова, музыка сочинена г. Стабингеромъ, часто представляется на Московскомъ театрѣ. Публикою принята съ отмѣнною благосклонностію. Едва ли изъ Русскихъ оперъ подобно была похваляема другая. Напечатана въ Москвѣ въ театральной типографіи у Христофора Клаудія 1786 года.

юлій цезарь. Трагедія Вилліама Шакеспира, извѣстнаго Англинскаго драмматическаго писателя, переведенная на Россійской языкъ *бѣлыми стихами*. Сія трагедія почитается лучшею (*) въ оригиналѣ изъ сочиненій сего писателя, и на Россійскомъ языкѣ по точности перевода и рѣдкости извѣстной намъ Англинской литературы должна быть уважаема. Чтожъ Шакеспиръ не держался театральныхъ правилъ, тому истинная причина почесться можетъ пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ правиламъ, въ чемъ его осуждаетъ знаменитый софистъ г. Волтеръ, такжъ и Россійской стихотворецъ г. Сумароковъ. Напечатана въ типографической компаніи въ Москвѣ 1787 года.

яга баба. Опера комическая въ четырехъ дѣйствіяхъ; сочиненіе Россійское К. Горчакова, музыка г. Стабингера. Оная опера довольно забавна въ разсужденіи роли *Феи бабы яги*, какъ страннымъ своимъ одѣяніемъ и ѣздою въ ступѣ, такъ и разными въ оной оперѣ перемѣнами и декораціями.

Вотъ любопытнѣйшія статьи, которыя почли мы нужнымъ выписать для читателей Репертуара изъ рѣдкой нынѣ книги. Пока ничего не прибавимъ къ этимъ выпискамъ. Но они пригодятся впередъ и намъ самимъ и тѣмъ, кому нужно будетъ справиться о театральной старинѣ, и вѣрно многіе скажутъ спасибо (*).

(*) Этотъ переводъ сдѣланъ Карамзинымъ; достать его очень трудно. Я повѣрилъ на слово неизвѣстному составителю *Драматическаго Словаря*, и потому то самому сказалъ, что Карамзинъ перевелъ Юлія Цезаря *бѣлыми стихами*. Правда ли это, повѣрить не могу, потому что я нигдѣ не могъ найдти Карамзинскаго перевода.

(*) Издатель Репертуара, съ своей стороны, очень былъ бы благодаренъ всякому, кто избралъ бы его посредникомъ, передачи публикѣ любопытныхъ рѣдкостей театральной старины, какъ-то замѣчательныхъ старинныхъ піесъ, которыя нынче достать трудно, предисловій къ старинным театральнымъ сочиненіямъ, старинныхъ театральныхъ разборовъ, если въ нихъ выражается вкусъ и духъ времени, и т. п.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

НИЩАЯ.

Разсказъ М. А. Маркова.

Во всемъ Петербургѣ царствовала весенняя слякоть, на Петербургской сторонѣ — въ особенности: грязь на землѣ, непроницаемая мгла въ небѣ, дождь и снѣгъ между небомъ и землею, морской вѣтеръ на каждомъ перекресткѣ съ своими однозвучными пѣснями. Такова была декорація Петербургской стороны, когда раздался благовѣстъ къ заутрени; но его услышали немногіе: ненастная ночь отяготила свинцовымъ сномъ усталое человѣчество, — въ ту минуту бодрствовало только духовенство у алтарей и нищая братія въ притворѣ храмовъ.

Вдругъ въ самой безлюдной улицѣ появились двое мужчинъ: одинъ изъ нихъ, болѣе-чѣмъ среднихъ лѣтъ, тщательно держалъ на груди какую-то ношу и, весь закутанный въ плащъ, осторожно ступалъ по скользкой дорогѣ; другой, только-что вышедшій изъ юношества, нетерпѣливо слѣдовалъ за первымъ, поминутно обнажая голову на встрѣчу рѣзкому вѣтру; — лицо его пылало, губы дрожали, въ глазахъ отвѣчивалась буря души.

— И неужели нѣтъ никакой возможности отстрочить вашей поѣздки, графъ? спросилъ первый.

— Никакой! рѣшительно — никакой! — и это такъ же вѣрно, какъ то, что у васъ на рукахъ моя дочь. Онъ сдѣлалъ движеніе къ товарищу, тотъ отсторонился.

— Но, можетъ быть, вашъ батюшка...

— Проклянетъ, если только узнаетъ о моей женитьбѣ! Докторъ, ради всего, что свято для васъ, умоляю быть защитникомъ моей злосчастной жены и младенца! Вамъ предстоитъ сдѣлать такое благодѣяніе, отъ котораго не отказались бы и сами ангелы! Но не ждите меня; не смѣйте довѣ-

рить одного слова о мнѣ посреднику, одной строки бумагѣ: неумолимый отецъ узнаетъ все — и я погибъ! Довольно, что въ эту минуту — я бѣглецъ изъ родительскаго дома! я убѣжалъ, какъ воръ, чтобы окрестить своего перваго младенца! Докторъ, неужель человѣкъ можетъ переносить подобныя испытанія?.. Несчастный приникъ къ плечу товарища, тотъ остановился и почувствовалъ, что ему на руку закапали крупныя слезы.

— Полноте, другъ мой! полноте! — Богъ милостивъ! Призовите Его! — Положитесь на мое усердіе и покоритесь обстоятельствамъ. Пойдемте, заутреня скоро кончится: надобно священника застать въ церкви. Они пошли далѣе.

— Но, вѣрно, у батюшки вашего есть другая цѣль? Что за странная поспѣшность! спросилъ, по нѣкоторомъ молчаніи докторъ.

— Говорю вамъ — деньги, деньги и деньги — единственная цѣль его путешествія. Америка давно грезится ему во снѣ и наяву, а мол безпрерывная грусть ускорила его рѣшимость. Но, гдѣ мы?

Докторъ, не отвѣчая, поворотилъ въ широкую улицу и указалъ не ярко-освѣщенную церковь. Вскорѣ они вошли на паперть и встрѣтили священника, который, сдѣлавъ земный поклонъ въ преддверіи, хотѣлъ уже удалиться изъ храма.

Потрудитесь, духовный отецъ, исполнить христіанскую обязанность — окрестите, сказалъ докторъ и открылъ спящаго на рукахъ его младенца.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ священникъ. Дѣвочка не ваша ли дочь? или... онъ взглянулъ пристально на графа, тотъ помертвѣлъ.

— Этомой подкидышъ, сказалъ, нисколько не смутясь, докторъ. Сдѣлайте одолженіе, батюшка, начните: я самъ, буду крестнымъ отцомъ.

— А воспріемница?

Графъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и устремилъ глаза на доктора.

— Все равно, отвѣчалъ тотъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ церемониться нечего: нѣтъ ли кого нибудь изъ вашихъ прихожанъ въ храмѣ?

Священникъ оборотился и потрепалъ по плечу, стоявшую на колѣняхъ, нищую.

— Аксиньюшка, тебя просятъ быть воспріемницей: ступай за нами. Нищая униженно поклонилась въ знакъ послушанія. Всѣ вошли въ церковь; обрядъ крещенія начался; бѣдный отецъ отдалъ собственный крестъ для младенца и удалился; — онъ изнемогалъ, стоя у входа въ церковь: голова кружилась, въ глазахъ темнѣло, мысли мѣшались; только голосъ одного доктора могъ разбудить въ немъ нѣмѣющія силы.

— Что? вскричалъ онъ, увидя своего друга.

— Кончено.

— Имя?

— Лизавета.

— Докторъ!.. Боже мой! ужъ начинаетъ свѣтать! Прощайте!.. Прощай, несчастная!.. Младенецъ закричалъ; графъ, схватясь обѣими руками за голову, исчезъ. У доктора навернулись слезы; онъ успокоилъ, какъ могъ, младенца и печально побрелъ прежней дорогой; за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, послѣдовала нищая; но онъ, не замѣчая ее, повернулъ въ узенькую улицу, стукнулъ въ калитку — его впустили. Нищая присѣла на скамью у калитки; она внимательно осмотрѣла улицу: передъ ней возвышался каменный зеленый домъ съ огромнымъ садомъ; калитка принадлежала деревянной лачугѣ въ два окна; этого было довольно для нищей: она долгоне забудетъ — ни зеленаго дома, ни лачуги съ калиткой и скамьей на улицѣ.

Прошло шестнадцать лѣтъ. Весна ранѣе обыкновеннаго спрыснула смолистой почкой березу и начала дразнить столичныхъ жителей загороднымъ воздухомъ. Сухопутное сообщеніе между жителями Петербургской стороны возстановилось. Зеленый домъ въ узенькой улицѣ окрашенъ за-ново; въ окнахъ его появились дубовыя рамы съ цѣльными стеклами и мѣдными наугольниками; у парадная подъѣзда, на рѣзной ясневой двери, прибита золоченая доска съ надписью «Ральфъ съ сыномъ». Двухъ-оконная лачуга немного покривилась; на калиткѣ собаки прогрызли дыру; но скамья стоитъ попрежнему: на ней дремлетъ нищая, согрѣваемая лучами весенняго солнца. Кто видѣлъ Аксинью шестнадцать лѣтъ назадъ, тотъ узнаетъ ее и теперь: она такъ же сѣда и грязна; и если утратила нѣсколько зубовъ, то чужихъ зубовъ никто не считаетъ; одежда та же самая, только суковатая клюка отличаетъ Аксинью настоящую отъ Аксиньи прежней.

Нищая, сквозь сонъ, поглядывала на суету происходившую въ зеленомъ домѣ: тамъ все мыли, чистили, лощили; къ крыльцу подвозили разную мебель, цвѣты, бронзу, картины и все это быстро размѣщалось ловкими оффиціантами по комнатамъ. Наконецъ, къ зеленому дому подъѣхала карета: изъ нея вышли двое мужчинъ. — Ральфъ съ сыномъ и съ какимъ сыномъ! — стройнымъ, красивымъ, двадцатидвухъ-лѣтнимъ сыномъ.

При шумѣ подъѣхавшаго экипажа, распахнулось одно окно лачуги и въ немъ, между двумя горшками душистой зелени, показалась кудрявая головка на фарфоровыхъ плечикахъ — и что за головка! что за плечики! Но кто жъ эта удивительная, которой принадлежатъ такая головка и плечики! — Съ перваго взгляду, Магометанинъ назвалъ бы его Гуріей, поэтъ и художникъ — Граціей и весь гостиный дворъ — непремѣнно, Тайлоновой, а это, просто, была сиротка Лиза, если только позволено назвать сироткой ту, передъ которой съ удовольствіемъ склонило бы колѣна все мужское народонаселеніе — отъ семнадцати до семидесяти лѣтъ включительно.

— А! ты здѣсь, Аксиньюшка! вскричала Лиза и черезъ мгновеніе, розовая ручка съ грошемъ протянулась къ нищей.

Нищая машинально приняла милостыню, поклонилась и устремила желтые глаза на Лизу.

— Что ты сегодня такъ пристально на меня смотришь?

— Ничего, матушка, такъ... любуюсь на тебя... благодарствую, моя красавица! Она поклонилась вдругорядъ и побрела по улицѣ, взглядывая на окна зеленаго дома, гдѣ въ зеркальныхъ стеклахъ ясно мелькала голова молодаго Ральфа. Нищая грустно нахмурила брови, когда убѣдилась, что конторка негоціанта стоитъ прямехонько противъ оконъ ея крестницы.

— Да будетъ Твоя святая воля, Творецъ милосердый! прошептала старуха, перекрестилась и пошла домой.

Если конторка молодаго человѣка стоитъ прямехонько противъ плѣцъ хорошенькой дѣвушки, и притомъ весьма черезъ узкую улицу—немудрено, что работа того и другой пойдетъ ошибочно и медленно. И въ-самомъ-дѣлѣ, молодой Ральфъ началъ дѣлать ошибки въ счетахъ, а Лиза попадала иглой не туда, куда бы слѣдовало; она въ каждомъ цвѣткѣ на своемъ рисункѣ видѣла блестящіе глаза Ральфа; а ему въ каждомъ итогѣ мерещилась кудрявая головка съ розовымъ личикомъ; но глаза, электрическій проводникъ двухъ душъ, — еще одно предисловіе къ длинному роману; — они только знакомятъ съ новыми чувствами, а чувства хотятъ наслажденія высшаго, необъяснимаго — особенно для шестнадцати-лѣтней дѣвушки—и тогда мужчина первый предпринимаетъ наступательное движеніе. Такъ случилось и здѣсь. Ральфъ употребилъ всѣ средства разузнать, кто живетъ противъ его оконъ и—не узналъ ничего; единственная прислужница Лизы, чухонка Анна, имѣла обыкновеніе отвѣчать по чухонски на всѣ вопросы, на которые не хотѣла отвѣтить, и потому атака на нее была удачно отражена чухонскимъ краснорѣчіемъ. А надобно жъ было узнать, кому принадлежала кудрявая головка! Ральфъ за шелковой гардиной своего окна учредилъ наблюдитель-

ный постъ и оставался на немъ, до-времени, безсмѣннымъ часовымъ.

Въ одно утро, когда нищая, получа, по обыкновенію, грошъ изъ окна, отправлялась домой—ее остановилъ старый слуга и дядька Ральфа.

— Послушай, голубушка-старушка!

—Что тебѣ надо?

—Отъ кого ты получила милостыню?

—Не твое дѣло!

Слуга сунулъ въ руку нищей полуимперіалъ и сцросилъ шопотомъ: кто такая, эта пригоженькая?..

Старуха грознымъ взглядомъ остановила любопытство усерднаго слуги и подала ему обратно монету; тотъ отступилъ.

—Но, скажи, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ ты сама живешь? продолжалъ слуга и, чтобъ сдѣлать вопросъ свой выразительнѣе, положилъ въ руку нищей другой полуимперіалъ.

Старушка хладнокровно спустила деньги въ карманъ, перстенпулась съ щедрымъ повѣреннымъ и побрела далѣе.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, молодой Ральфъ взобрался на чердакъ одного полусвалившагося дома и постучался въ рогожаную дверь: за нею послышался продолжительный кашель; наконецъ дверь тихо приотворилась.

— Что у тебя за надобность случилась до нищей старухи, боярчикъ? Хочешь говорить, такъ садись: того-гляди головой о потолокъ стукнешься;—у нашей братьи хоромы невысокія, а ты, знать, подъ дождичкомъ росъ... нищая смѣряла глазами гостя и, опустясь на скамью, преспокойно начала расчесывать сѣдые волосы толстой роговой гребенкой, на которой оставалось зубовъ менѣе, чѣмъ у самой хозяйки.

Ральфъ ошеломѣлъ, очутясь впервые въ такой щели, гдѣ, не сходя съ мѣста, могъ свободно коснуться руками всѣхъ четырехъ стѣнъ; — маленькій столъ, подпертый полѣномъ, на которомъ, въ грязномъ черепочкѣ тлѣла вонючая свѣтильня, войлокъ, обшитый ветошками — на полу и шаткая скамья у стѣны — составляли всю роскошь обиталища нищеты.

— Садись, боярчикъ, гостемъ будешь, повторила старуха, очищая для него конецъ скамьи.

Ральфъ безъ отвращенія сѣлъ возлѣ нищей и началъ съ жаромъ, свойственнымъ первой любви, выспрашивать о всемъ, что могло относиться къ предмету его страсти, но ни убѣжденія, ни мольбы не заставили угрюмой хозяйки открыть имени ея крестницы.

— Зачѣмъ тебѣ знать кто она? она тебѣ не пара: ты богатый боярчикъ, она бѣдная сиротка! а обмануть ее не удастся, пока жива нищая — прохрипѣла старуха въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія. И первая попытка Ральфа кончилась тѣмъ, что нищая, послѣ долгаго сопротивленія, рѣшилась наконецъ передать письмо.

Ральфъ бросилъ на треногій столъ кошелекъ и вышелъ, упоенный надеждами, которыя пророчили ему цѣлое небо блаженства.

На другой день, только-что нищая повернула въ улицу къ зеленому дому, знакомый слуга сунулъ ей въ руку письмо. — Старуха кивнула головой, въ знакъ согласія, пошла къ лачугѣ, получила изъ окна грошъ и сѣла на скамью у калитки, посматривая съ безпокойствомъ въ другой конецъ улицы, гдѣ вскорѣ показался человѣкъ съ толстымъ животомъ и добродушной физіономіей. Ба, да это докторъ, тотъ самый докторъ, который... ну, да всякій знаетъ — который. Онъ, дѣйствительно, мало измѣнился: та же готовность на услугу, то же ограниченное состояніе — неминуемая принадлежность добраго сердца, весь онъ тотъ-же самый, только потучнѣлъ немного животъ и лысина стала вдвое шире.

Нищая, по приближеніи доктора, согнулась передъ нимъ съуниженіемъ, свойственнымъ ея званію и незамѣтно передала письмо. Докторъ исчезъ за калиткой; но, не входя въ лачугу, внимательно прочиталъ письмо. «Эдуардъ Ральфъ...! — Ральфъ! — Значительная фамилія въ торговомъ мірѣ... посмотримъ!» Онъ вошелъ къ крестницѣ.

— А! папа! Какъ вы устали! — Анна! Анна! есть ли свѣжая вода? папа вѣрно спросятъ воды съ сахаромъ! кричала Лиза, цалуя доктора въ обѣ щеки.

— Полно же! полно, Лиза! побереги лучше поцалуп для жениха: за тебя сватается женихъ...

— Какой вы насмѣшникъ, папа! — перебила скромная спротка, вспыхнула до ушей и сѣла за пяльцы, опустя голову такъ низко, что кудри завѣсили все лицо.

— Не шутя, Лиза. Но, сперва надобно хорошенько подумать, развѣдать... не всегда хорошо слѣдовать движенію неопытнаго сердца: особенно ты не должна увлекаться первой страстью: это завѣтъ твоей покойной матери.

— Такъ вы знали мать мою? и я не подкидышъ? вскричала Лиза.

— Ужь, если сорвалось съ языка, дѣлать нечего: зналъ; твой младенческій крикъ, въ этой самой хижинѣ, былъ предвѣстникомъ послѣдняго ея вздоха... зналъ и отца... но о немъ послѣ.

— И вы могли быть такъ жестоки?...

— Лиза! я никогда не говорилъ тебѣ о своихъ услугахъ; но, слушай: если я тебя взлелѣялъ съ пеленъ, воспиталъ, купилъ тебѣ эту лачугу, доставляю средства къ жизни — неужели же, послѣ того, я не люблю тебя? Довѣрься своему единственному другу — не упрекай, не выспрашивай: еще не настало время объясненія, еще не явился тотъ, кто имѣетъ право оторвать тебя отъ моего сердца....

— Папа!... Лиза протянула обѣ руки къ доктору и слезы, словно роса на утренней розѣ, засверкали на пылающихъ щекахъ сироты.

Умиленный добрякъ поцаловалъ ее въ голову и попросилъ изготовить стаканъ воды съ сахаромъ.

— Подумай-ко лучше о томъ, прибавилъ онъ, посматривая на окна зеленаго дома, что у тебя занавѣски слишкомъ прозрачны: взрослой дѣвушкѣ надобно беречься отъ любопытства проходящихъ. Не хочешь ли, я пришлю тебѣ лоскутокъ коленкору?..

— Слушаю, папа; пришлите, отвѣчала Лиза, подавая стаканъ и не смѣя взглянуть на благодѣтеля.

Докторъ выпилъ воду, снова поцаловалъ крестницу и вышелъ. Нищей уже не было у калитки: на мѣстѣ ея дожидался слуга Ральфа.

— Случайно узнавъ, сударь, что вы докторъ—началъ онъ, учтиво кланялся — господинъ мой проситъ васъ пожаловать на минуту: молодому барину очень дурно. — Слуга указалъ на крыльцо зеленаго дома.

— Штукн! подумалъ докторъ; но не успѣлъ еще вывести никакого умозаключенія, какъ старый Ральфъ схватилъ его обѣими руками и потащилъ по лѣстницѣ.

— Бога ради, помогите, докторъ: съ моимъ сыномъ ударъ...

— Осмѣлюсь узнать, не было ли къ тому причины?

— Сущій вздоръ: онъ просилъ позволенія жениться на дѣвушкѣ, которой самъ хорошенько не знаетъ; я, чтобъ не огорчить его отказомъ, назначилъ годичный срокъ для размышленія... и вотъ причина его обморока, если не смерть...

Они вошли въ кабинетъ Эдуарда, помощь скоро сказана и докторъ, по желанію больнаго, приглашенъ быть всегдашнимъ врачемъ въ домѣ Ральфа.

Время, пообыкновенію, неслось сломя голову. Сѣрое лѣто съ маленькой примѣсью солнца и огромной вереницей простудъ, флюсовъ, насморковъ и кашлей приходило къ концу и — не въ примѣръ другимъ годамъ — раньше срока, указаннаго календаремъ, перемѣновалось въ осень, а дѣла Эдуарда не подвигались впередъ: отецъ упорствовалъ, докторъ старался охладить любовь въ обитательницѣ узкой улицы и въ первый разъ сдѣлалъ ошибку противъ натуры человѣческой.

Однажды, поздно вечеромъ, Эдуарда позвали къ отцу. Удивленный несвоевременнымъ зовомъ, молодой Ральфъ съ дурнымъ предчувствіемъ вошелъ въ кабинетъ родителя и остановился передъ нимъ, словно для выслушанія смертнаго приговора. Старикъ долго и пытливо осматривалъ сына и наконецъ сказалъ ему трепещущимъ голосомъ:

— Эдуардъ, милый Эдуардъ, я требую отъ тебя жертвы...:

— Что вамъ угодно, батюшка?

— Знаешь ли ты, что я теперь стою

надъ пропастью? — Имя безчестнаго должника уже готово присоединиться къ незапятнанному имени Ральфа: мои американскіе корабли оба погибли — это почти вѣрно: время платежей наступаетъ; къ отсрочкѣ согласить нѣтъ возможности по неимѣнію наличныхъ суммъ для уплаты процентовъ; два три-десятка тысячъ, — я бытьможетъ, удержался бы; но ихъ нѣтъ — и я... требую отъ тебя жертвы.

— Говорите, что вамъ угодно, батюшка?

— Ты долженъ жениться, Эдуардъ! и жениться на такой невѣстѣ, которая — ни по-уму, ни по-сердцу, ни по-воспитанію, ни даже по-красотѣ — для тебя не годится; но я уже сказалъ, что требую отъ тебя жертвы... Она богата! Отвѣчай, Эдуардъ, согласенъ ли ты? Согласенъ ли спасти отца отъ нищеты и позора?

— Батюшка! я вамъ сынъ: вы должны были угадать отвѣтъ заранѣе...

Эдуардъ бросился на грудь отца; старикъ съ полнымъ чувствомъ родительской любви прижалъ его къ сердцу. Они разстались, но отецъ долго еще благословлялъ послушаніе единственнаго сына.

Не прошло и недѣли, какъ чухонка Анна, возвратясь изъ мелочной лавочки, объявила своей барышнѣ о помолвкѣ молодаго сосѣда съ дочерью какого-то подрядчика, извѣстной по своей колоссальной дородности въ трехъ частяхъ Петербурга.

Лиза, блѣднѣя, выслушала разскащицу, удалила ее, устремила глаза на образъ и почти замертво упала къ его святому подножію.

Съ этой минуты какая-то свинцовая, тяжкая грусть деспотически завладѣла узенькой улицей. Начались проливные дожди, растворились непроходимыя грязи. Веселый докторъ смолкъ, старый Ральфъ становился часъ-отъ-часу угрюмѣе, желая скрыть до времени положеніе своихъ дѣлъ. Эдуардъ вялъ и желтѣлъ вмѣстѣ съ деревьями: ядовитый червякъ подтачивалъ розу-сиротку; все трепетало судорожнымъ предчувствіемъ горя; даже нищая не ходила за обычной милостыней; но это обстоятельство вскорѣ объяснилось: Лиза, получа однажды мотокъ шелку, завернутый въ лоскуткѣ Полицейской Газеты, начала просматривать объявленія и съ ужасомъ удостовѣрилась, что она стала наслѣдницей послѣ умершей нищей; горестная новость сообщена чухонкѣ Аннѣ, великой мастерицѣ ходить по дѣламъ касательно полученія наслѣдства. Анна воспользовалась протекціей одного будочника, который былъ въ кумовствѣ съ хожалымъ, черезъ нѣсколько часовъ возвратилась съ войлокомъ, обшитымъ ветошками, увѣдомила барышню, что треногій столъ и скамья не стоятъ переноски и тутъ же испросила разрѣшеніе употребить войлокъ въ свою пользу.

Наступилъ вечеръ; настала полночь; Лиза легла, но не смыкала глазъ: она томилась тихой грустью по умершей. А въ зеленомъ домѣ, въ то самое время, происходила сцена разсвирѣпѣлаго отчаянія: старый Ральфъ повѣрялъ счеты; къ нему вбѣжалъ Эдуардъ, сронія плащъ на серединѣ кабинета, и вскрпчалъ задыхающимся голосомъ:

— Батюшка, все погибло! — Обстоятельства наши дѣлаются гласными: мнѣ отказано и возвращенъ подарокъ; — онъ бросилъ на столъ сафьянную коробку съ какой-то бриллiантовой вещью.

Отецъ Эдуарда потеръ голову рукой и отвѣчалъ хладнокровно:

— Что жъ дѣлать! надобно прiискать другое средство. Прощай! — Успокойся: завтра подумаемъ вмѣстѣ.

Эдуардъ, изумленный спокойствіемъ отца, ушелъ къ себѣ въ комнату; — надежда снова блеснула ему... Онъ приподнялъ сторы и съ удивленіемъ замѣтилъ движеніе зажженной свѣчи въ окнахъ противоположной лачуги.

И дѣйствительно, тамъ происходила трезанимательная сцена: Лиза, томимая грустью, слыша, что ея служанка не спала еще, вышла къ ней въ переднюю и была встрѣчена неожиданнымъ разсказомъ.

— Знаете ли что, барышня? подрядчица отказала нашему сосѣду: слышно, онъ совсѣмъ разорился! я только сей-часъ съ ихъ двора — люди не хотятъ болѣе служить у него, боясь, что имъ не заплатятъ жалованья; одинъ старый дворецкій говоритъ, что это

все вздоръ; да повѣрятъ ли ужъ одному, если всѣ утверждаютъ! Анна продолжала перечислять доказательства справедливости слуховъ о сосѣдяхъ и усердно спарывала ветошки съ вновь-пріобрѣтеннаго войлока. Лиза, закрывъ глаза и опершись локтемъ о стѣну, внимательно слушала Чухонку: ей почему-то пріятно было узнать о разореніи Ральфа... Съ этимъ извѣстіемъ поблеклыя мечты начали снова разсвѣтать въ ея воображеніи; она разгорѣлась и хотѣла идти въ постель; служанка остановила ее громкимъ возгласомъ:

— Барышня-сударыня! посмотрите-ка, что это за картинки такія зашиты въ войлокѣ? Э, да все одинакія!

Лиза чуть не лишилась чувствъ, увидя у себя въ рукахъ на-тридцать тысячъ билетовъ Опекунскаго Совѣта. Она быстрѣе молніи бросилась къ столу и, не думая, начертила записку слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

«Я слышала о вашемъ разореніи; если «прилагаемые билеты могутъ успокоить «васъ — посылающая ихъ сирота назоветъ себя счастливою.

Ральфу-сыну.

Запечатавъ билеты и записку въ конвертъ безъ адреса, Лиза съ неизъяснимымъ восторгомъ замѣтила свѣтъ въ окнѣ Эдуарда, позвала Анну и велѣла въ тужъ секунду отдать пакетъ молодому сосѣду въ собственныя руки.

Эдуардъ, словно окаменѣлый, сидѣлъ на конторскомъ стулѣ, когда слуга-дядька доложилъ ему о приходѣ Чухонки: разумѣется, она была тотчасъ же допущена...

Трепеща всѣмъ тѣломъ, Эдуардъ сломилъ печать, прочелъ записку, сбилъ съ ногъ Чухонку и вихремъ ворвался въ кабинетъ отца: тотъ писалъ и не замѣтилъ шумнаго появленія сына; — крупный потъ покрывалъ лицо его, возлѣ чернильницы лежалъ заряженный пистолетъ.

Эдуардъ, осторожно приблизясь, прочелъ нѣсколько строкъ написанныхъ отцомъ, — выхватилъ письмо и растерзалъ на мелкіе клочья.

Старый Ральфъ вопросительно выпрямился; но Эдуардъ, не давая ему опомниться, взялъ отца за руку, подвелъ къ Распятію и властительно поставилъ на колѣни: старикъ зарыдалъ и нѣсколько минутъ пронеслись въ чистосердечномъ раскаяніи...

— Теперь прочтите эту записку, сказалъ Эдуардъ.

Отецъ хотѣлъ встать.

— На колѣняхъ! непремѣнно на колѣняхъ! закричалъ сынъ торжественнымъ голосомъ и подалъ кипу билетовъ...

На слѣдующее утро въ зеленомъ домѣ было очищено особое отдѣленіе для помѣщенія доктора съ его питомицей.

=

Прошло нѣсколько дней. Старый Ральфъ и докторъ ожидали въ гостиной завтрака; Лиза въ своей комнатѣ примѣривала подвѣнечное платье — ее пригласили показаться въ гостиную. Эдуардъ, которому съ намѣреніемъ дано было препорученіе, исполнилъ его съ неимовѣрною скоростію и тоже поспѣлъ къ завтраку; докторъ уже рѣшался объявить фамилію сироты, но его на минуту вызвали. Ральфы не обращали сначала вниманія на вызовъ общаго ихъ друга, — но вскорѣ, услыша громкія восклицанія и поцалуи, оба вышли въ залу: тамъ красивый незнакомецъ среднихъ лѣтъ тискалъ въ объятіяхъ доктора и наконецъ, блѣднѣя, спросилъ — «Ну, что?..

— Твоей Маріи нѣтъ!.. но она и за гробомъ обѣщалась благословлять тебя, если ты устроишь счастіе дочери.

— Съ первымъ родительскимъ поцалуемъ — милліонъ чистаго капитала! вскричалъ незнакомецъ: гдѣ она?

Докторъ, безъ отвѣта, убѣжалъ въ боковую дверь.

— Судя по надписи на полъѣздѣ, я, кажется, имѣю честь находиться въ домѣ почтеннаго Ральфа? сказалъ незнакомецъ.

— Къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ хозяинъ, кланяясь.

— Желательно, чтобъ я первый объявилъ вамъ радостную вѣсть: два Американскіе корабля вашего имени крѣпко потерпѣли

отъ бури, но не безпокойтесь — грузъ цѣлъ; они починиваются въ одномъ изъ приморскихъ городовъ и, вѣроятно, скоро прибудутъ въ Кронштадтъ.

Ральфъ упалъ въ кресла, смотря на незнакомца такимъ взглядомъ, что всякое доброе сердце разорвалось бы отъ радости.

- Войди, Лиза, — здѣсь все свои!.. проговорилъ докторъ, вводя олицетворенную грацію въ подвѣнечномъ нарядѣ. Въ послѣдній разъ называю тебя этимъ сладкимъ именемъ! — Вотъ вашъ отецъ, графиня... Добрякъ захлебнулся слезами, не договорилъ фамиліи и выпустилъ изъ рукъ Лизу.

Незнакомецъ протянулъ къ ней объятія.

— Не одну меня обнимите, батюшка: вотъ мой женихъ, вотъ его отецъ! вотъ мой благодѣтель!..

Всѣ присутствовавшіе сплелись въ одни общія, продолжительныя объятія. Старый дядька жениха, вошедшій въ ту минуту съ завтракомъ, казалось, приросъ къ полу: онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на картину совершеннаго счастія господъ, улыбался и не чувствовалъ, что на подносъ давно капали слезы.

Исторія одной пѣвицы,

I.

Разъ — это было въ 1826 году, въ прекрасный августовскій день, — молодой человѣкъ, съ задумчивымъ взглядомъ, съ самодовольною улыбкою, проходилъ по одной изъ мирныхъ улицъ тихаго предмѣстія Сенъ-Жерменскаго. Въ то же самое время, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати плескалась въ грязномъ ручейкѣ, извивавшемся по этой улицѣ и весело пѣла:

A la barriére de Maine
On mange des bons goujons.. bon!

Послѣдній слогъ этой пѣсни разлился въ такихъ очаровательныхъ звукахъ, что молодой человѣкъ вздрогнулъ и остановился.

— Ты, видно, любишь пѣть, моя милушка? сказалъ онъ дѣвушкѣ, дослушавъ ея чудныя трели.

— Да-съ, иногда.

— У тебя прекрасный голосъ.

— Право? сказала дѣвушка съ какимъ-то милымъ кокетствомъ.

— Ты знаешь музыку?

— Нѣтъ-съ.

— Хочешь выучиться ей?

— Да-съ; но я не богата...

— Есть школы, въ которыхъ учатъ даромъ, и если ты хочешь...

— О, конечно, хочу!

— Ты далеко живешь отсюда?

— Близехонько.

— Такъ веди же меня къ себѣ.

Дѣвушка привела молодаго человѣка въ бѣдную, темную комнатку. Въ одномъ уголкѣ ея сидѣла за рукодѣльемъ мать дѣвушки. Она разсказала своему нежданному гостю, что, кромѣ проводницы его, у нея четверо дѣтей, и что единственная подпора всѣхъ ихъ — она сама. Незнакомецъ вызвался отдать маленькую пѣвицу въ школу пѣнія: старуха согласилась на это предложеніе.

Незнакомецъ и дѣвушка отправились вмѣстѣ.

II.

Между второстепенными учрежденіями общественными, получившими начало свое во времена «Возстановленія», должно дать почетное мѣсто школѣ классической музыки, основанной въ 1816 г. Александромъ Шорономъ и закрытой въ 1850 году. Школа эта, не смотря на кратковременность

своего существованія, имѣла самое благотворное вліяніе на распространеніе истинныхъ понятій о музыкѣ. Питомцы Шорона составляютъ теперь украшеніе многихъ театровъ Европы.

Въ ту эпоху, когда начинается разсказъ нашъ, Шоронъ имѣлъ пятьдесятъ лѣтъ. Это былъ толстенькій человѣчекъ съ живою, веселою, умною физіономіею и почти совершенно плѣшивый. Онъ не ходилъ, какъ ходимъ обыкновенно мы, а бѣгалъ и прыгалъ напѣвая, присвистывая и по временамъ останавливался въ раздумьи. Всѣ движенія его были отрывисты; онъ говорилъ скоро и въ разговорѣ часто ударялъ себя рукою по лбу, какъ-бы для того, чтобы быстрѣе вытолкнуть изъ головы ту мысль, которую желалъ онъ высказать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ необычайно умный и удивительно образованный. Музыкѣ онъ началъ учиться, будучи уже двадцати пяти лѣтъ. Столь позднее начало было причиною того, что Шоронъ, принадлежавшій къ числу первѣйшихъ теоретиковъ своего времени, не вполнѣ владѣлъ механическою частью своего искусства: надъ сочиненіемъ самаго незначительнаго произведенія музыкальнаго онъ работалъ долго и притомъ въ самомъ глубокомъ уединеніи. Но Шоронъ былъ добръ до чрезвычайности, образованъ, зналъ исторію музыки въ совершенствѣ, имѣлъ самое точное понятіе о свойствахъ голоса человѣческаго, зналъ всѣ средства, которыми можно развить его, и былъ одаренъ какимъ-то чуднымъ музыкальнымъ предвидѣніемъ. Дюпре было только четырнадцать лѣтъ, когда Шоронъ говаривалъ ему: *дитя, ты будешь первымъ пѣвцомъ своего времени!*

Шоронъ, по организаціи своей и по свойству своего музыкальнаго воспитанія, почти исключительно любилъ старинную Итальянскую школу. Онъ даже издалъ сочиненіе Перголиза, Скарлати и Перпоры. Шоронъ посвящалъ своихъ питомцевъ въ тайны искусства этихъ великихъ художниковъ; онъ заставлялъ ихъ пѣть мелодіи, созданныя своими любимцами, мелодіи простыя, не обремененныя излишними аксесуарными украшеніями. Но онъ зналъ, что изученіе этихъ мелодій составляетъ подвигъ для пѣвца; что при исполненіи ихъ надобно бороться съ такими трудностями, отъ которыхъ нельзя спастись ни ловкою руладою, ни какимъ нибудь lazzi музыкальнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шоронъ былъ человѣкъ чрезвычайно живой и пылкій: онъ трепеталъ, онъ вздыхалъ, онъ плакалъ горячими слезами, когда слушалъ музыкальное произведеніе, которое ему нравилось.

Три раза въ недѣлю, всѣ воспитанники, — (число которыхъ простиралось до ста), соединялись, подъ его предсѣдательствомъ, въ одинъ общій классъ. Въ этомъ классѣ происходили иногда сцены единственныя въ своемъ родѣ! Кто изъ воспитанниковъ Шорона не помнитъ, какъ пѣвали тогда молодой Дюпре и дѣвица Дюперонъ— нынѣ, г-жа Дюпре, — прекрасный дуетъ изъ «Роланда» Пайчини?

Médor, vous avez pu croire
Que je m'interesse à vos jours!

При этихъ словахъ, Шоронъ обыкновенно поправлялъ свой шелковый колпачекъ, отвертывалъ свои манжеты и восклицалъ, поколачивая рукою объ руку: «Не такъ, сударыня, не такъ изволили пропѣть: не угодно ли послушать, какъ я пропою». И въ слѣдъ за этимъ, откашлявшись порядкомъ, онъ повторялъ дрожащимъ голосомъ тѣ же самые стихи.

Дѣвица Дюперонъ, выслушавъ своего наставника, начинала снова пѣть ихъ, но Шоронъ почти всегда прерывалъ ее и пѣлъ тѣ же стихи еще разъ, нерѣдко со слезами и даже съ рыданіями. Можете себѣ представить, каковъ былъ рыдающій Шоронъ!

Онъ страстно любилъ своихъ питомцевъ и былъ страстно любимъ ими; но любя ихъ, онъ умѣлъ благоразумно руководствовать ихъ воспитаніемъ. Музыкѣ онъ былъ преданъ, какъ говорится, тѣломъ и душею; преданъ до того, что умеръ съ горя, когда школа его была закрыта, въ 1830 году. Всякій годъ ѣздилъ онъ по провинціямъ Франціи, и почти всегда, гдѣ-либо въ отдаленномъ, неизвѣстномъ уголкѣ ея, находилъ между дѣтьми такихъ, которыя имѣли рѣшительное музыкальное дарованіе.

Эти находки свои Шоронъ горделиво называлъ — *надеждою Франціи*.

Въ числѣ воспитанниковъ Шорона было четверо, которыхъ онъ любилъ предпочтительно предъ другими и которыхъ выставлялъ онъ на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Воспитанники эти были: Дюпре, нынѣ знаменитый пѣвецъ Парижскій, Буланже, Вамонъ и авторъ разсказа, который передаемъ мы читателямъ.

Однажды онъ возвратился въ свою школу необыкновенно растревоженный, и тотчасъ позвалъ къ себѣ своихъ любимцевъ.

— Господа! сказалъ онъ имъ, важныя новости! Министръ двора Его Величества уволенъ; на мѣсто его назначенъ г. Лористонъ, тотъ самый, который такъ не благоволитъ къ нашей школѣ и думаетъ даже закрыть ее. Но онъ выслушаетъ насъ, прежде нежели отдастъ окончательное приказаніе: я выхлопоталъ эту милость съ великимъ трудомъ. Сегодня вечеромъ мы отправимся къ нему; смотрите же, не сробѣйте: надобно будетъ пѣть. Ты, Дюпре, пропоешь: O des amants, déité tutelaire! Ты, Буланже: Ah! que je fus bien inspiré! Ты, Вамонъ: Di piacer mi balza il cor! А ты, венеціянскій проказникъ, ты изволь намъ пропѣть: Non piu audrai farfallone amoroso; да, да: Non piu..... Ага, вашe превосходительство! вамъ благоугодно закрыть нашу школу! O des amans.... Di piacer... Non piu audrai.... Онъ не устоитъ противъ насъ... право, не устоитъ!

Произнося эти слова, Шоронъ прыгалъ, смѣялся и даже пѣлъ въ паузахъ своего монолога; онъ походилъ тогда на сумасшедшаго.

Наконецъ воспитатель и питомцы отправились къ новому министру. Молча, прошли они чрезъ улицы Парижа, боязливо пробрались чрезъ переднюю вельможи и почтительно выстроились передъ нимъ въ гостиной.

— У васъ только и есть четыре воспитанника? повелительно спросилъ у Шорона новый министръ.

— Никакъ-нѣтъ, ваше превосходительство; это лучшіе изъ моихъ... Это надежда Франціи! отвѣчалъ Шоронъ.

— Ого! воскликнулъ Лористонъ со смѣхомъ.

— Ваше превосходительство изволите убѣдиться сами, что я говорю правду, возразилъ Шоронъ: Вотъ Дюпре — *первый любовникъ*, продолжалъ онъ, подводя своихъ питомцевъ поочереди; вотъ Буланже — вотъ Вамонъ и вотъ il signor buffo cantante. Дюпре, Скудо, пропойте вашъ дуетъ, изъ bella Nice.

Въ гостиной стихло. Мальчики пошли къ фортепіанамъ и запѣли подъ акомпанименъ Пансерма. Послѣ нѣсколькихъ тактовъ, исполненныхъ ими, по комнатѣ пронесся шопотъ одобренія и почти въ слѣдъ за тѣмъ раздались рукоплесканія и восклицанія: прелестно! прелестно! — Да, да, прелестно! восхитительно! воскликнулъ въ свою очередь Шоронъ со слезами на глазахъ; повторите, мои милые, еще разъ... еще разъ! Да, Франція спасена! прибавилъ онъ вполголоса, обращаясь къ своимъ питомцамъ.

И въ самомъ дѣлѣ, пѣніе это спасло — конечно не Францію — но школу Шорона.

III.

Въ эту-то школу долженствовала поступить та дѣвушка, которую принялъ на свое попеченіе незнакомецъ, проходившій по одной изъ улицъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія. Дѣвушка эта называлась Розою Нива. Роза не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ обыкновенно называютъ хорошенькими: она была слишкомъ высока ростомъ для своихъ лѣтъ, худа и не имѣла граціи, пріобрѣтаемой хорошимъ воспитаніемъ. Но она имѣла маленькую ножку, стройную талію, овальное и выразительное лице, черные, огненные глаза, прелестную улыбку и много природнаго ума. Воспитаніе ея вовсе не было еще начато.

Она была очень разсѣянна и непослушна; но имѣла рѣдкія способности и рѣдкую чувствительность. Эта смѣсь добрыхъ и дурныхъ качествъ, смѣсь, въ которой преобладали однако же качества добрыя, живо заинтересовала въ пользу Розы ея молодаго покровителя. Покровитель этотъ былъ —

Рамье, учитель музыки въ школѣ Шорона. Сначала Рамье покровительствовалъ Розѣ по одному только простому чувству тщеславія, но вскорѣ чувство это измѣнилось совершенно и приняло такое направленіе, которое удивило его самого. Рамье, занимавшійся преподаваніемъ музыки по одной только необходимости и охотно изучавшій знанія, чуждыя этому искусству, рѣшился быть воспитателемъ Розы не въ одномъ только музыкальномъ отношеніи.

И такъ, Роза была помѣщена въ школу Шорона и ввѣрена особому попеченію Рамье. Въ классѣ Рамье, состоявшемъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ, царствовали порядокъ и благопристойность. Строгость Рамье въ семъ послѣднемъ отношеніи была такъ велика, что налъ ней нерѣдко подшучивали его сотоварищи. Но строгость эта была необходима: въ классѣ его было много такихъ воспитанниковъ, которые, благодаря дурному воспитанію, полученному ими въ дѣтствѣ, не могли обойтись безъ самой строгой цензуры.

Вступленіе Розы въ классъ Рамье и первые дни, проведенные ею въ этомъ классѣ, были довольно оригинальны. Рамье, представивъ ее ученикамъ своимъ, обратился къ ней съ слѣдующимъ вопросомъ: «Вамъ, навѣрное, насказали много худаго обо мнѣ? Вамъ, вѣрно, говорили, что я бранчивъ, строгъ, взыскателенъ»? Роза лукаво улыбнулась. «Такъ знайте же, продолжалъ Рамье, что меня оклеветали передъ вами: я докажу вамъ это... Напримѣръ сегодня, вы не будете ничего дѣлать... потрудитесь только хорошенько умыться... а тамъ... а тамъ, мы посмотримъ». Слова почтеннаго профессора произвели въ аудиторіи взрывъ сильнаго смѣха, но, на другой день, Роза явилась въ классѣ нѣсколько болѣе опрятная, чѣмъ наканунѣ. «Теперь, сказалъ ей Рамье, извольте заняться вашими руками... потрудитесь мыть ихъ какъ можно чаще... я даю вамъ на это цѣлую недѣлю: не жалѣйте ни мыла, ни теплой воды... васъ это поведетъ къ добру...

Черезъ недѣлю, Роза сдѣлалась совершенно другою дѣвушкою: прекрасные зубы стали бѣлы, какъ слоновая кость; плечи ея начали прикрываться косынкою гораздо съ большимъ вкусомъ, чѣмъ прежде; прическа ея приняла совершенно другой видъ, а станъ граціозно обрисовался стянутымъ платьемъ: словомъ, въ Розѣ пробудился инстинктъ женщины. Послѣ этого, Рамье бдительно занялся ея музыкальнымъ воспитаніемъ: онъ зорко слѣдилъ каждый шагъ ея на этомъ поприщѣ, самъ назначалъ ей часы для занятій, и требовалъ самаго точнаго отчета въ употребленіи ею времени. Мало по малу, голосъ Розы, умно и тщательно вырабатываемый, пріобрѣлъ значительную силу. Рамье, восхищенный успѣхами своей питомицы, рѣшился расширить кругъ ея образованія. Роза, какъ и выше замѣтили, имѣла способности необыкновенныя: она понимала и удерживала въ памяти все, что выучивала; но пріучить ее къ повиновенію и труду было не легко: для этого нужно было прибѣгать нерѣдко къ средствамъ самымъ строгимъ. Сколько разъ покушалась она возмутиться противъ своего воспитателя, сколько разъ порывалась покинуть школу, но Рамье былъ непоколебимъ! Твердая воля его всегда торжествовала надъ своенравною строптивостью пылкой Розы. Впрочемъ Рамье обходился съ своею питомицею чрезвычайно ласково; онъ посвящалъ ей все свое свободное время, забывалъ для нея свои собственныя дѣла, предупреждалъ всѣ ея нужды, покупалъ ей платья, ноты и даже купилъ ей фортепіано...

Благодаря этому бдительному, отеческому надзору, Роза сдѣлалась милою, ловкою, граціозною и образованною дѣвушкою. Рамье гордился ею, какъ своимъ созданіемъ; сердце его билось радостно и сильно, когда вокругъ питомицы его слышался шопотъ одобренія, когда вокругъ нея слышались восклицанія: прелесть! какой талантъ! Во время уроковъ, когда она пѣла подлѣ него, когда голосъ ея разливался въ звукахъ то торжественныхъ, то жалобныхъ, онъ не сводилъ глазъ съ нея; онъ смотрѣлъ на нее тогда съ какимъ-то упоеніемъ; онъ затаивалъ въ то время свое дыханіе... Бѣдный Рамье! Онъ уже не говорилъ съ нею такъ отрывисто, такъ по-

вительно, какъ прежде; онъ почти боязливо разспрашивалъ ее о состояніи ея здоровья, о ея занятіяхъ, о надобностяхъ...

Непонятная странность сердца человѣческаго! Рамье, посвятившій три года на воспитаніе Розы, на пріученіе ея къ безпрекословному повиновенію, вполнѣ достигшій своей цѣли, былъ недоволенъ совершенствомъ своего созданія! Безропотная покорность Розы, ея кротость, ея безусловное повиновеніе печалили Рамье и дѣлали его несчастливымъ. Ему хотѣлось найдти въ ней хоть тѣнь прежняго своенравія, хоть тѣнь прежнихъ капризовъ; ему хотѣлось, чтобы Роза не съ такою робкою покорностію исполняла его приказанія; ему хотѣлось видѣть въ ней не ученицу, а женщину... Увы! Рамье влюбился въ нее... Подобно Пигмаліону, онъ повергся ницъ предъ своимъ собственнымъ созданіемъ. Но онъ таилъ свою страсть; онъ не осмѣливался переступить грань, отдѣлявшую его отъ Розы, онъ не осмѣливался покинуть своей прежней роли, — роли строгаго, важнаго наставника, — и робко упасть на колѣна передъ своею бывшею ученицею, — передъ дѣвушкою, которая нѣкогда трепетала отъ страха при одномъ видѣ его. И притомъ какъ знать — быть можетъ, она отвергнетъ любовь его! Бѣдный Рамье!

Между тѣмъ Роза съ каждымъ днемъ, совершенствовалась болѣе и болѣе. Способность ея понимать и передавать всѣ трудности музыкальныя — была удивительная. Ея прекрасный голосъ, ея выразительное лицо, ея стройный и величественный станъ, наконецъ ея метода пѣнія, благородная и полная силы, приводила въ восхищеніе всѣхъ ея слушателей. Въ классѣ Рамье пѣніе ея производило взрывы восторга; въ обществахъ — ее осыпали рукоплесканіями, угожденіями и подарками. Въ подобныя минуты, она, глубоко растроганная, со слезами на глазахъ, говаривала Рамье: — Вамъ, вамъ обязана я всѣмъ этимъ! А онъ, — онъ, вмѣсто отвѣта, безмолвно пожималъ ей руку!

Прошло три года. Шоронъ, ни разу не слыхавшій Розы, назначилъ наконецъ день, въ который она долженствовала пѣть въ его присутствіи. Подобныя представленія совершались обыкновенно въ полномъ собраніи школы, подъ предсѣдательствомъ самого Шорона. Каждый профессоръ дефилировалъ тогда съ своимъ классомъ передъ главою заведенія и выставлялъ, такимъ образомъ, на судъ его всѣхъ питомцевъ. Впрочемъ, молодые люди гораздо больше боялись суда своихъ товарищей, чѣмъ суда Шорона; какая-нибудь улыбка, какое-нибудь слово, сказанное въ полголоса, приводили въ ужасъ и заставляли смущаться совершенно. Но особенно страшно было такое испытаніе для дѣвушекъ: мысль уступить первенство своимъ соперницамъ — была для нихъ нестерпима.

Днемъ дебюта для Розы была назначена суббота. Школа собралась. Въ числѣ присутствующихъ было даже нѣсколько дамъ, знавшихъ романическую исторію Розы и живо интересовавшихся ея судьбою. Любопытство было всеобщее. Наконецъ Роза, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, подошла къ эстрадѣ; щеки ея были покрыты мертвою блѣдностію; дыханіе ея замирало въ груди, она трепетала всѣмъ тѣломъ. Рамье сѣлъ за фортепіано и ударилъ по клавишамъ.... Роза запѣла арію Николини:

Or che son vicino a te;
Stanca son di palpitar.

Но когда она дошла до словъ:

Tanto amore e tanta fe,

голосъ ея былъ заглушенъ громомъ рукоплесканій. Шоронъ ринулся къ эстрадѣ, рыдая, обнялъ Розу и осыпалъ ее поцалуями; воспитанники школы невольно встали съ мѣстъ своихъ, а Рамье, потупивъ взглядъ на фортепіано, усиливался скрыть свое внутреннее волненіе. Роза, увидавъ это, вырвалась изъ объятій Шорона и бросилась къ своему благодѣтелю... Bravo! bravo! bravo! Рамье, bravo! послышалось отовсюду... Чудесный день тогда былъ для Рамье!

Успѣхъ Розы заставилъ умолкнуть ея соперницъ. Шоронъ не могъ наговориться о ней, не могъ нахвалиться ея чудными успѣхами.

IV.

Около этого времени въ классъ Рамье поступилъ новый воспитанникъ: это былъ молодой человѣкъ лѣтъ осмнадцати, съ пріятною наружностію и довольно образованный. Его звали — Рифо. Рифо влюбился въ Розу съ перваго взгляду. Онъ не отходилъ отъ нея, старался угождать ей, ловилъ каждый взглядъ ея, каждую ея улыбку. Рамье, глубоко огорченный этой любовью, дѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы предупредить бѣду, угрожавшую его собственной страсти; но старанія его только ускорили развязку романа, который начался такъ неожиданно.

Однажды, въ маѣ 1850 года, въ воскресенье, Рамье и Роза были приглашены на обѣдъ къ какимъ-то своимъ знакомымъ. Роза отказалась отъ этого предложенія, подъ предлогомъ болѣзни. Рамье пошелъ одинъ. Безпокоясь о здоровьѣ своей питомицы, онъ ускользнулъ изъ гостей тотчасъ послѣ обѣда и отправился въ Вавилонскую улицу, гдѣ жила въ то время Роза. День былъ прекрасный. Рамье, въ раздумьи о Розѣ и съ огромнымъ букетомъ въ рукѣ для нея, пробирался по бульвару «Инвалидовъ», какъ вдругъ передъ нимъ предстали — Роза и Рифо... Въ глазахъ у Рамье помутилось, колѣни его подогнулись...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Рамье пересилилъ свое волненіе и, не сказавъ ни слова, покинулъ любовниковъ. Для него — все было кончено. Но онъ не слѣлалъ послѣ того ни малѣйшаго упрека своей питомицѣ, никогда не припомнилъ ей о той встрѣчи, и по прежнему, какъ будто бы не случилось ничего, продолжалъ давать ей уроки. Вскорѣ послѣ того вспыхнула іюльская революція, положившая предѣлъ существованію школы Шорона, и Рамье, черезъ двѣ недѣли послѣ закрытія ея, уѣхалъ изъ Парижа.

Ровно полгода жилъ онъ въ маленькомъ городкѣ*** въ двадцати-пяти миляхъ отъ Парижа. Вдругъ пріѣхала въ этотъ городъ молодая пѣвица, вмѣстѣ съ своею матерью, и объявила, что она будетъ пѣть въ публичномъ концертѣ. Городокъ взволновался. Въ назначенный день, Рамье изъ первыхъ явился въ концертную залу и усѣлся прямо противъ фортепіано. Послѣ симфоніи, сыгранной мѣстными любителями, появилась молодая артистка... Въ аффишѣ была назначена также самая арія Николини, которую нѣкогда такъ-часто пѣвала Роза. Молодая пѣвица подошла къ фортепіано съ самоувѣренностію, и смѣло начала прекрасное адажіо:

Or che son vicino a te...

Потомъ внезапно остановилась, поблѣднѣла и прослезилась... Рамье, замѣтивъ, что она готова упасть въ обморокъ, бросился къ ней на помощь, посадилъ ее, взялъ у ней изъ рукъ ноты и пропѣлъ вмѣсто ея:

Or che son vicino a te,
Stanca son di palpitar,

съ выраженіемъ столь глубокимъ, что растрогалъ всѣхъ слушателей. Концертъ былъ прерванъ. Рамье, пропѣвъ арію, вышелъ изъ залы и, на другой же день, уѣхалъ изъ города.

Вы, безъ сомнѣнія уже угадали, что пѣвица эта была — Роза.

V.

Десять лѣтъ спустя послѣ этого происшествія, въ королевской академіи музыки давали новую оперу, возбуждавшую вниманіе всего Парижа. Пѣвица, любимая публикою, собирала въ ней дани шумныхъ рукоплесканій. Въ четвертомъ дѣйствіи, въ одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ, изъ самаго темнаго уголка оркестра раздались громкія рыданія: это были рыданія Рамье, узнавшаго свою Розу подъ блестящимъ костюмомъ примадонны, — пѣвицы, которая нынѣ извѣстна подъ именемъ Розины Штольцъ!

СКЮДО.

И въ самомъ дѣлѣ, г-жа Штольцъ принадлежитъ нынѣ къ числу самыхъ знаменитыхъ пѣвицъ Парижской большой оперы.

ТЕАТРАЛЬНАЯ МОЗАИКА.

НАЧАЛО ТЕАТРА ВЪ ЕВРОПѢ.

Греція! — Вотъ удивительное слово, безъ котораго не обойдется ни одна статья, ни одно разсужденіе, ни одна диссертація! Въ области наукъ и художествъ нѣтъ предмета, котораго образцы не скрывались бы въ развалинахъ Греціи. Удивительный уголокъ земли! Почему именно *онъ* одинъ такъ просвѣтился, такъ прославился? Почему другіе народы не заимствовали у Грековъ ничего, кромѣ ихъ пороковъ? Почему, торгуя своими товарами со всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ, Греки не могли сообщить ни одному народу своего просвѣщенія? Почему оно такъ быстро у нихъ возвысилось и такъ неожиданно погибло? Почему вдругъ наступилъ цѣлый рядъ столѣтій мрака и невѣжества, какъ будто люди никогда и ничего не знали? — любопытные вопросы, на которые немногіе рѣшатся отвѣчать! Чего не знали Греки! Какою отраслью наукъ не занимались! Что, если бы съ тѣхъ поръ просвѣщеніе и изобрѣтательность людей шли безпрерывно впередъ! Гдѣ бы мы теперь были? что бы знали?

А между тѣмъ сколько твореній древней Греціи погубило время, варвары и фанатизмъ! Елва одна треть спаслась, — но и этого довольно, чтобъ изумиться тогдашнему состоянію наукъ и художествъ. Двѣ тысячи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этого высокаго періода Греціи, — и мы все-таки удивляемся произведеніямъ ея великихъ мужей.

Возьмемъ, напримѣръ, состояніе греческаго театра. Сколько великихъ именъ дошло до насъ! Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ, Менандръ! — и все это въ одно столѣтіе! Какое блистательное время! Какое было обширное поприще для драматическихъ писателей! Тамъ театръ былъ не пустымъ препровожденіемъ времени, не убѣжищемъ праздныхъ, не мѣсто свиданій и волокитствъ, — тамъ это было дѣло народное, государственное. Произведенія писателей разсматривали тамъ и судили не цеховые авторы, не антрепренеры, которымъ до благосостоянія литературы вовсе нѣтъ дѣла и которые только заботятся о *своей* кассѣ, но важнѣйшіе сановники правительства и

весь народъ. Тамъ не разсуждали: будетъ ли приносить такая-то піеса много сбора и нужно ли на нее новые костюмы, а обращали вниманіе на одну литературную сторону сочиненія. Конечно, и тогда смѣтливые авторы уже искали *эффектовъ*, чтобъ увлечь *толпу*, рѣшающую судьбу піесъ, но и самая несправедливость приговора могла тамъ быть утѣшительною. Понравилось всѣмъ! чего же больше? Для кого же и пишутъ, какъ не для всѣхъ? Авторъ могъ быть по крайней мѣрѣ увѣренъ, что не партія полуученыхъ школьниковъ, не фаланга завистливыхъ писателей, не условное собраніе шикальщиковъ превознесли, или уронили его піесу. Нѣтъ! Все собраніе народа судило по впечатлѣніямъ и рѣшало участь сочиненія по врожденному чувству изящнаго. Театръ не разорялъ тогда своихъ посѣтителей огромными цѣнами за мѣста. Не нужно было ни экипажей, ни нарядовъ. За самую дешевую цѣну всѣ тогда шли въ спектакль пѣшкомъ, и слушали Софокловъ и Аристофановъ. Удивительное время! Земля чудесъ и славы!

И куда же это все дѣвалось? Сперва міровластительный Римъ хотѣлъ мечемъ завоевать себѣ просвѣщеніе Греціи, но пересаженное на берега Тибра, оно не пустило корней въ землю военнаго владычества. Тамъ, гдѣ всѣ жертвы и помышленія народа принадлежали Марсу, нѣкогда было думать о Музахъ. Философія, литература и краснорѣчіе, бывшія въ Греціи первою потребностію и душею общества, сдѣлались въ Римѣ занятіемъ праздполюбцевъ, неучаствовавшихъ въ государственномъ правленіи. Слѣдственно, главы народа смотрѣли уже на нихъ съ неуваженіемъ, а воины — съ презрѣніемъ. Краткій періодъ Виргилія блеснулъ обманчивымъ метеоромъ, чтобъ сдѣлать еще ощутительнѣе послѣдующій мракъ. Нахлынули варвары, — и раздробивъ на части древній Римъ, съ презрѣніемъ оттолкнули отъ себя просвѣщеніе. Оно имъ казалось причиною изнѣженности, малодушія и разврата Римлянъ.

Только подъ сѣнію новой, истинной Вѣры, осмѣлились науки и художества искать пріюта! Но въ первыя времена великой эры все стремилось къ одной высокой цѣли: къ утвержденію христіанства надъ низверженными идолами. Всѣ науки сосредоточились въ познаніе таинства религіи; никакихъ другихъ не нужно было. Никто не помышлялъ о художествахъ древней Греціи, всего же менѣе о театрѣ. Всѣ творенія мужей древности подверглись запрещенію, потому-что сочинители были идолопоклонники и потому-что книги ихъ наполнены были прозваніями ложныхъ боговъ. Такъ съ одной стороны Готы и Вандалы, а съ другой необходимая ревность первыхъ временъ христіанскаго законодательства истребили не только всѣ отрасли наукъ и художествъ древней Греціи, но мало-по-малу даже и воспоминаніе о нихъ прежнемъ существованіи.

Наступили вѣка рыцарства, невѣжества и самоуправства. Феодальные тираны едва умѣли подписывать свои имена, и гордились грубостію своихъ нравовъ. Самый языкъ Грековъ и Римлянъ истреблялся съ лица земли, а развалины наукъ и познаній ихъ хранились въ пыли монастырскихъ книгохранилищъ. Немногіе изъ монаховъ осмѣливались ихъ выкапывать оттуда, и дѣлали это только для себя. Толпа же мірянъ, отъ вельможи до простолюдина, оставалась въ глубочайшемъ невѣжествѣ. Люди какъ будто ничего прежде не знали, какъ будто бы еще были во младенчествѣ бытія своего. Только изрѣдка смѣлые умы испытывали свои силы въ областяхъ наукъ,—но рука фанатизма тотчасъ же подрѣзывала крылья этимъ неопереннымъ первенцамъ. Такъ протекали столѣтія, — и ничто не предвѣщало, чтобъ человѣкъ могъ когда-нибудь дойдти до XVII-го и XIX-го столѣтій. Вдругъ блеснулъ съ Востока отрадный лучъ просвѣщенія. Кто бы могъ подумать, что Европа, погрязшая въ невѣжествѣ послѣ вѣковъ Перикла и Филопомена, получитъ чрезъ тысячу лѣтъ давно забытыя ею познанія отъ дикарей Азіи? Кто бы воображалъ, что христіанскій міръ пріобрѣтетъ первыя познанія отъ невѣрныхъ поклонниковъ Мухаммеда?

И однако же это были Аравитяне, Мавры, Сарацины, которые изъ пепла прошедшихъ вѣковъ вдругъ воскресили память Аристотеля, Пиѳагора, Эвклида и другихъ. Хотя и у сихъ сыновъ степей военно-религіозный фанатизмъ изгонялъ великія познанія, неимѣющія основаніемъ Корана, однако эти орды аравійскихъ пустынь были одарены слишкомъ пылкимъ воображеніемъ, которое должно было создать *народную поэзію*. Гдѣ же поэзія, тамъ уже существуютъ всѣ сѣмена образованія. Блистательныя царствованія Аль-Рашида и преемниковъ вполнѣ развили въ Аравитянахъ страсть къ наукамъ. Духъ же завоеваній, перенося толпы ихъ изъ края въ край, сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеніе ихъ тѣмъ народамъ, къ которымъ проводилъ изъ побѣда.

Начались наконецъ Крестовые походы. И у Мусульманъ торжествующій фанатизмъ задушилъ наконецъ порывы къ наукамъ и просвѣщенію. Мечъ и Коранъ угрожали истребленіемъ всему міру; а между тѣмъ тысячи пилигримовъ, не страшась ни опасностей, ни мученій, ежедневно стремились къ священнымъ мѣстамъ, бывшимъ свидѣтелями житія, чудесъ и смерти Спасителя. Возвращеніе сихъ пилигримовъ въ Европу было повсемѣстнымъ праздникомъ: всѣ толпились около нихъ, всѣ хотѣли слышать разсказы о ихъ странствованіяхъ, приключеніяхъ, о страданіяхъ христіанъ на Востокѣ, о униженіи святыхъ мѣстъ, о чудесахъ, порождаемыхъ вѣрою.

Кто бы *теперь* могъ догадаться, что сіи-то самые пилигримы были основателями европейскаго *театра* и драматической литературы? И вотъ однако же наши первоначальные Софоклы! О существованіи древнихъ тогда и понятія не имѣли. Видя, что разсказы ихъ вездѣ нравятся и всѣхъ привлекаютъ, эти пилигримы начали составлять *братства* и цѣлыми обществами обходили города, замки и села западной Европы. Сопровождая жестами свои разсказы и прерывая ихъ пѣніемъ духовныхъ кантатъ, они не только изображали собственныя свои путешествія и приключенія, но стали часто представлять и сцены изъ жизни Спасителя и Апостоловъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Страсть къ зрѣлищамъ и лицедѣйству разлилась по всѣмъ сословіямъ: всѣ искали, требовали *мистерій*, — такъ общества пилигримовъ назвали свои представленія. Сами же назвались *братіею Страстей*. Ничто не могло быть проще драматическихъ сочиненій этой братіи. Всякое событіе, всякая сцена Новаго Завѣта была разыграны въ лицахъ. Разговоры сперва импровизировались, а отъ ежедневнаго повторенія и заучивались, не только дѣйствующими лицами, но и слушателями. Тутъ не могло быть никакой критики и ни цензуры. Публика плакала, восхищалась, и съ изумленіемъ повторяла за пилигримами слова Евангелистовъ, представляемыхъ на сценѣ.

Теперь подобные сюжеты показались бы крайне неприличными, — но тогда они были совершенно сообразны съ духомъ вѣка и потребностію младенчествующаго общества. Крестовые походы вполнѣ развили набожность Европы. Народъ хотѣлъ вездѣ и во всемъ слышать высокія таинства своей Вѣры. Теперь мы слишкомъ просвѣтились, и подобныя представленія были бы для насъ соблазномъ; — тогда же народъ, во младенчествѣ своего просвѣщенія, почиталъ *мистеріи* назидательными, спасительными воспоминаніями.

Къ сожалѣнію, всѣ сіи драматическія мистеріи были изустныя: авторы ихъ не умѣли писать, и до насъ не дошло ни одного изъ этихъ первоначальныхъ образчиковъ нашей драматической литературы. Уже гораздо позже, когда въ монастыряхъ начали играть подобныя же мистеріи, явились манускрипты этихъ твореній. Когда же въ Парижѣ духовныя лица рѣшились давать мистеріи всенародно, то составилось множество піесъ, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли и до насъ.

Обозримъ однако же постепенный ходъ драматической литературы, со времени учрежденія мистерій.

Еще во времена Карла Великаго существовало въ Парижѣ общество, подъ названіемъ *беззаботныхъ дѣтей* (les enfans de sans soucis), которыхъ начальникъ назывался *королемъ глупцовъ* (le Roy des sots). Это былъ всякой сбродъ праздныхъ людей, которые плясками, фиглярствами, фокусами и представленіемъ разныхъ фарсовъ забавляли на площадяхъ народъ и доставали себѣ этимъ хлѣбъ. Карлъ Великій, видя однако же, что эти скопища приносятъ обществу вредъ своею безнравственною и скитальческою жизнію, уничтожилъ ихъ повелѣніемъ 799-го года. Согнанные съ улицъ, они перевели безобразныя свои представленія во внутренность монастырей, подъ названіемъ: *празднества глупцовъ*, и, по странной снисходительности тогдашняго духовенства, оно дозволяло эти спектакли. Около IX-го столѣтія явилось новое братство публичныхъ лицедѣевъ, подъ названіемъ, *жонглеры*, которые, распѣвая поэмы со всѣми сценическими подробностями, занимали своихъ слушателей во время антрактовъ плясками медвѣдя и обезьяны, пріученными къ симъ представленіямъ.

Любопытно при этомъ слѣдующее обстоятельство. По указу Людвига Свѣтаго, положено было при въѣздѣ въ Парижъ платить пошлины съ каждой обезьяны, привозимой купцомъ на продажу по 4 денье; если жъ обезьяну везетъ житель Парижа для собственнаго удовольствія, то не платитъ ничего; если же обезьяна находится съ *жонглеромъ*, то обязана она, вмѣсто пошлинъ, представить свои штуки предъ таможенными чиновниками. Когда же наконецъ жонглеръ былъ одинъ безъ обезьяны, то избавлялся также отъ пошлины представленіемъ фокусовъ, или пѣніемъ сценъ изъкакой-нибудь драматической поэмы. И сія статья законодательства относилась, разумѣется, не къ доставленію удовольствія таможеннымъ досмотрщикамъ, а для предупрежденія злоупотребленій.

Общество жонглеровъ вскорѣ усилилось. Въ первый разъ, со времени существованія публичныхъ представленій, явились женщины, и, разумѣется, страсть къ зрѣлищамъ еще болѣе увеличилась. Парижское общество жонглеровъ сдѣлалось столь многочисленнымъ, что заселило цѣлую улицу, которой и дало ей свое названіе: rue de jongleurs.

Между тѣмъ первообразное драматическое искусство оставалось въ однѣхъ мистеріяхъ. Братья Страстей продолжали давать свои представленія, въ которыхъ участвовало и тогдашнее духовенство. Но какъ спектакли жонглеровъ и мистеріи были совершенно противуположны по нравственной своей цѣли, а народонаселеніе Парижа, уже вовсе неодушевленное первоначальнымъ усердіемъ къ религіознымъ воспоминаніямъ, болѣе толпилось къ фарсамъ шутовъ и пляскамъ публичныхъ женщинъ, то духовенство и выхлопотало наконецъ (въ 1395 году) королевское повелѣніе, которымъ воспрещалось на улицахъ и площадяхъ пѣть и представлять *неблагопристойности*, подъ опасеніемъ двухъ-мѣсячнаго заключенія на хлѣбѣ и на водѣ. Этимъ окончилось существованіе жонглеровъ. Мистеріи восторжествовали, но однако же не долго оставались единственными публичными представленіями: явился новый классъ фокусниковъ, подъ названіемъ *Батлеры* (bateleurs), которые плясали на канатѣ и проглатывали шпаги. И сіи жалкіе фигляры оспоривали посѣтителей у мистерій. — Вдругъ въ 1398 году послѣдовалъ неожиданный ударъ для общества мистерій. Именемъ короля (потому-что, вѣроятно, самъ Карлъ VI не въ состояніи былъ издавать повелѣній) воспрещено было этому обществу давать представленія, коихъ содержанія были бы заимствованы изъ житій святыхъ, или изъ страданій Спасителя. Это повелѣніе было равносильно уничтоженію общества. Оно однако же не потеряло, не упало духомъ. Братья Страстей имѣли вездѣ покровителей, — и жалобы ихъ наконецъ дошли до римскаго престола; самы церковные служители вступились за мистеріи, и въ 1402 году зрѣлища сіи были снова дозволены: и на этотъ разъ общество получило особенную и исключительную привилегію. Основавши издавна

свое жилище въ госпиталѣ Св. Троицы за Сенъ-Денисскою заставою, гдѣ братья исправляли духовныя свои обязанности (принимая пилигримовъ, возвращающихся изъ святыхъ мѣстъ), оно тутъ же напяло залу для представленія своихъ піесъ. Зала эта была въ 20 тоазовъ длины и 6 ширины. Она была въ первомъ этажѣ и поддерживалась арками. Тутъ по воскресимъ и праздничнымъ днямъ общество начало постоянно давать свои мистеріи, коихъ содержаніе всегда было взято изъ Новаго Завѣта. — На этотъ разъ публика, давно лишенная подобныхъ зрѣлищъ, многочисленными толпами хлынула въ новоотстроенный театръ. Спектакль всегда былъ полонъ да такой степени, что парижское духовенство принуждено было назначить вечернюю церковную службу (vêpres) часомъ раньше, для того, чтобъ церкви не были пусты. Вскорѣ и другіе города Франціи захотѣли имѣть театры. Руанъ, Анжеръ и Мецъ послѣдовали примѣру столицы—и представленіе мистерій сдѣлалось повсемѣстнымъ.

Недолго было однако же это общество единственнымъ обладателемъ публичныхъ увеселеній: явилось новое и опасное соперничество. Еще при Филиппѣ Красивомъ въ 1303 году основалось юридическое общество подъ названіемъ: *Базошскихъ клерковъ* (clercs de la Basoche). Начальникъ этого заведенія принялъ пышное названіе Базошскаго короля, и пародируя королевское достоинство во всѣхъ его принадлежностяхъ, устаповилъ при себѣ канцлеровъ, рекетмейстеровъ, авдокатовъ, генералъ-прокуроровъ, великихъ референдаріевъ и проч.; носилъ королевскій токъ, а мнимые его вельможи—костюмы принятыхъ придворныхъ званій (Генрихъ III уничтожилъ потомъ это странное королевство). Сіи-то Базошскіе клерки начали играть между собою піесы совершенно въ новомъ родѣ. Они хотѣли смѣяться и смѣшить. Они не скрывали своей цѣли, давъ піесамъ своимъ названія *глупостей* (sottics). Вскорѣ спектакли ихъ сдѣлались публичными. Новизна всегда увлекаетъ толпу, и *глупости* нравились Парижскому народу болѣе, нежели мистеріи.

Нѣсколько времени два упомянутые общества раздѣляли между собою и славу и зрителей. Вдругъ явилось третье—и похитило у нихъ и то, и другое. Новое это общество сдѣлалось извѣстнымъ подъ названіемъ: *Общество толченаго гороха* (pois pilé) и съ драматическою важностію мистерій соединило острыя насмѣшки *глупостей*, избирая содержаніемъ піесъ своихъ историческія или частныя событія. Такъ родилась *драма*.—Въ 1518 году Францискъ I далъ этому обществу привилегію.

Въ 1518 году боролись прежнія общества *съ Толченымъ Горохомъ*, но время мистерій уже видимо проходило. Всѣ начинали чувствовать, что представленіе высокихъ таинствъ вѣра и дѣяній Божественнаго ея основателя вовсе не приличны для публичныхъ зрѣлищъ, гдѣ часто люди самой двусмысленной нравственности представляли на сценѣ самыя священныя лица. И въ этомъ году (1548) королевское повелѣніе, дозволивъ Братьямъ Страстей, продолжать ихъ драматическія представленія, вмѣстѣ съ тѣмъ воспретило имъ играть мистеріи, и вообще избирать сюжеты изъ Новаго Завѣта. Это былъ послѣдній ударъ. Духовное званіе и одежда игравшихъ не дозволяли имъ играть мірскихъ піесъ. Они окончили свое существованіе — и отдали свой театръ въ наймы.

Таково было начало драматической литературы въ Европѣ.

РОССИНИ.

Россини родился 27 февраля 1789 года, въ хорошенькомъ городкѣ Пезаро, находящемся въ Папскихъ владѣніяхъ.

Отецъ Россини былъ бѣдный странствующій музыкантъ, а мать его, — женщина нѣкогда прекрасная собою, — была довольно изрядная seconda donna. Всю жизнь свою бродили они изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку, и предлагали свои услуги первой встрѣчной трупиѣ кочующихъ актеровъ: мужъ — въ качествѣ музыканта, жена — въ качествѣ пѣвицы.

Они были бѣдны, но, благодаря всеобщей дешевизнѣ въ маленькихъ городахъ Италіи, жили довольно-весело и не слишкомъ заботились о будущемъ. Маленькій Іоакимо выступилъ на музыкальное поприще чрезвычайно рано: ему не было еще и семи лѣтъ, когда онъ началъ пѣть въ церквахъ Пезаро. Десяти лѣтъ отъ рожденія, онъ уже такъ хорошо зналъ музыку, что былъ избранъ въ дирижеры оркестра, составившагося въ Болоніи для исполненія *Сотворенія Міра* и *Четырехъ временъ года* Гайдна. Это было въ 1800 году. Впрочемъ, быть можетъ, что предприниматели этого концерта спекулировали на самую молодость будущаго маэстро. Но, какъ-бы то ни было, Россини, исполнивъ возложенное на него порученіе, жилъ послѣ того довольно-долгое время въ Болоньѣ и пользовался наставленіями извѣстнаго Маттео. Изъ Болоньи онъ ѣздилъ въ Феррару и написалъ тамъ небольшую оперетку въ одномъ дѣйствіи, т. е. одну изъ тѣхъ піесокъ, которыя извѣстны въ Италіи подъ названіемъ una farza.

Отецъ и мать Россини, въ промежуткахъ странствованій своихъ по ярмаркамъ, жили постоянно въ Пезаро. Маленькій Іоакимо, также пріѣзжавшій по временамъ въ Пезаро, вскорѣ сдѣлался любимцемъ своихъ согражданъ, и былъ отправленъ одною дамою, для усовершенствованія, въ Венецію.

Прекрасный голосъ, красивая наружность и необычайный талантъ Россини, какъ композитора, очаровали Венеціянцевъ. И дѣйствительно, талантъ этотъ былъ удивительный: Іоакимо сочинялъ музыку также легко, какъ другія дѣти списываютъ прописи. Покровители Россини до того были увѣрены въ его дарованіяхъ, что рѣшились поручить ему сочиненіе оперы для одного изъ театровъ венеціянскихъ. Молодой маэстро не обманулъ ихъ ожиданій и, такъ сказать, шутя, написалъ оперетку Scala di Seta, прозванную въ то время музыкальнымъ чудомъ; вслѣдъ за тѣмъ, онъ написалъ Inganno felice.

На этомъ произведеніи уже лежитъ печать таланта, а опытный слухъ узнаетъ въ немъ основныя идеи тѣхъ капитальныхъ мѣстъ, которыя составили въ послѣдствіи славу лучшихъ произведеній Россини.

Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ impresario венеціянскихъ, предложилъ Россини написать двѣ оперы. Семнадцатилѣтній маэстро согласился на это предложеніе. Но impresario, завладѣвъ Россини, поступилъ съ нимъ такъ дурно, что Россини рѣшился — мстить, и отмстилъ чрезвычайно оригинально.

Россини, въ качествѣ маэстро, былъ полнымъ властелиномъ порученнаго ему оркестра и имѣлъ право заставить этотъ оркестръ играть все, что ему вздумается. Пользуясь этимъ правомъ, онъ собралъ въ оперѣ, предназначенной для impresario, самыя забавныя музыкальныя странности. Напримѣръ въ аллегро увертюры скрипачи должны были переставать играть въ извѣстныхъ мѣстахъ и стучать смычками по жестянымъ реверберамъ свѣчъ, стоявшихъ передъ ними... Публика, столь нетерпѣливо ожидавшая новой оперы молодаго Іоакимо, оскорбилась этими выходками, и освистала сначала увертюру, а потомъ и самую оперу.

Шалость эта едва не погубила Россини въ мнѣніи Венеціянъ, а Россини былъ отъ нея въ восхищеніи. Impresario, видя, что наглость и вражда съ Іоакимо не ведутъ къ добру, помирился съ нимъ и упросилъ написать другую оперу. Россини написалъ ему — «Танкреда.»

Можно представить себѣ, какъ великъ былъ успѣхъ этого чуднаго произведенія въ Венеціи, — въ городѣ, гдѣ такъ страстно любятъ музыку; и въ самомъ дѣлѣ Танкредъ произвелъ въ Венеціи furore, въ полномъ смыслѣ этого слова. Гондольеры, вельможи, женщины, купцы, все это пѣло и повторяло: Ti rivedro, mi rivedrai.

Вскорѣ улыбнулась Россини и любовь. Его ласкали самыя знатныя дамы, но онъ

оставилъ нхъ для М..., хорошенькой пѣвицы одного нзъ театровъ венеціянскихъ. Впрочемъ связь ихъ длилась не долго: Россини покинулъ М... любившую его, какъ утверждаютъ, страстно.

Въ 1812 году онъ былъ приглашенъ въ Миланъ и написалъ для театра la Scala — la Pietra del Pagone. Ему тогда былъ 21 годъ отъ рожденія. Новая опера его имѣла успѣхъ колоссальный: цѣлыя толпы любителей пріѣзжали въ Миланъ изъ Пармы, Бергамо, Брешіи и многихъ другихъ городовъ слушать ее и восхищаться ею. Россини сдѣлался кумиромъ Италіи. Одна изъ самыхъ прекрасныхъ женщинъ Ломбардіи до того влюбилась въ него, въ его талантъ, въ его славу, что забыла для него мужа, знаменитый санъ свой и почти не скрывала этой связи. Россини даже жилъ въ ея загородномъ домѣ; здѣсь-то, въ прелестномъ уединеніи, написалъ онъ свои знаменитыя кантилены.

Не задолго передъ путешествіемъ его въ Пезаро, его встрѣтило новое торжество, — торжество въ то время необыкновенное: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ осмѣлился предложить принцу Евгенію исключить Россини изъ конскрипціи и Евгеній, подъ опасеніемъ гнѣва Наполеона, согласился на это предложеніе. Россини, избавившись отъ необходимости вступить въ военную службу, отправился въ Болонью, гдѣ ожидали его, также какъ и въ Миланѣ, энтузіасмъ публики и любовь красавицъ. Нѣкоторые изъ музыкальныхъ классиковъ Болоніи замѣтили,— впрочемъ довольно основательно, — что онъ иногда отступаетъ отъ принятыхъ всѣми правилъ сочиненія. Россини согласился съ ними и отвѣчалъ: «Мнѣ не было бы надобности упрекать себя за такое множество ошибокъ, еслибъ я по два раза читалъ мои сочиненія; вы знаете, что на сочиненіе оперы мнѣ не даютъ болѣе шести недѣль, а я имѣю привычку веселиться мѣсяцъ передъ сочиненіемъ... Да и когда же буду я весело проводить время если не теперь? Не прикажете ли мнѣ ждать покамѣстъ я состарѣюсь и сдѣлаюсь завистливымъ? Накопецъ наступаютъ и послѣднія двѣ недѣли; въ продолженіи ихъ, я пишу каждое утро дуэтъ или арію: вечеромъ ихъ репетируютъ. Какъ же хотите вы, чтобы я замѣчалъ *грамматическія* ошибки въ инструментовкѣ?»

Въ Болоньи получилъ онъ приглашенія писать оперы отъ всѣхъ италіянскихъ городовъ, гдѣ существуютъ театры. Ему платили обыкновенно по тысячѣ франковъ за оперу, а онъ писалъ ихъ по четыре и по пяти въ годъ...

Съ 1810 по 1816 годъ Россини велъ жизнь чрезвычайно оригинальную. Онъ объѣзжалъ поочередно всѣ города Италіи и жилъ въ каждомъ изъ нихъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. При пріѣздѣ, его обыкновенно встрѣчали торжественно мѣстные диллетанты и давали послѣ того въ честь его пиршество за пиршествомъ. Послѣ этихъ пировъ, продолжавшихся, по большей части, отъ 15 до 20 дней сряду, Россини начиналъ изучать голоса актеровъ, которымъ слѣдовало исполнять его оперу, заставлять ихъ пѣть передъ нимъ, приноравливать къ голосамъ ихъ свою музыку и нерѣдко измѣнять для нихъ самыя лучшія свои аріи. Это длилось до самаго представленія. Послѣ первыхъ трехъ представленій, почти-всегда блестящихъ и въ продолженіе которыхъ онъ долженъ былъ находиться въ театрѣ, онъ получалъ свои 70 цехиновъ (около 80 франковъ), присутствовалъ на послѣднемъ торжественномъ обѣдѣ, который всегда давался ему передъ отъѣздомъ, и уѣзжалъ въ другой городъ.

Слава Россини достигла до Неаполя нежели какъ въ 1814 году; директоромъ неаполитанскихъ театровъ былъ тогда Барбайя, который, благодаря счастію въ картахъ, изъ простаго мальчика кофейнаго дома сдѣлался милліонеромъ. Барбайя тотчасъ понялъ, что Россини сдѣлается любимцемъ Европы... Онъ отправился къ маэстро въ Болонью. Россини, привыкшій имѣть дѣло съ бѣдняками impresario, съ людьми, которымъ на каждомъ шагу угрожало банкрутство, былъ чрезвычайно удивленъ по-

сѣщеніемъ такого милліонера, какъ Барбайя и немедленно принялъ всѣ его предложенія. Послѣ того, въ Исаполѣ, Россини заключилъ съ нимъ условіе на нѣсколько лѣтъ. Россини обязался писать для Барбайи по двѣ новыхъ оперы ежегодно и аранжировать музыку всѣхъ тѣхъ оперъ, которыя Барбайя сочтетъ надобнымъ дать какъ на театрѣ San Carlo, такъ и на театрѣ del Fondo. За все это Россини получалъ по двѣнадцати тысячъ франковъ въ годъ.

Управленіе театрами San Carlo и del Fondo въ музыкальномъ отношеніи составляло трудъ необъятный и вынуждало Россини передѣлывать свои сочиненія по мѣрѣ голосовъ пѣвицъ тамошнихъ, а нерѣдко и по мѣрѣ кредита ихъ покровителей. Одно это обстоятельство подавило бы талантъ меланхолическій и нѣжный; Моцартъ, напримѣръ, погибъ бы подъ тяжестію подобнаго труда; но Россини, всегда веселый и смѣлый, восторжествовалъ надъ нимъ. Но, управляя этими театрами, онъ нажилъ себѣ множество враговъ. Изъ числа ихъ самымъ непримиримымъ сдѣлался въ 1823 году Барбайя, котораго женилъ онъ, обманомъ, на своей любовницѣ. Срокъ этого обязательства, имѣвшаго столь важное вліяніе на талантъ и на счастіе Россини, истекъ въ 1822 году.

Нынѣ Россини, какъ извѣстно, самъ сдѣлался милліонеромъ, живетъ въ своей прелестной виллѣ, удитъ рыбу и вовсе не думаетъ о новыхъ сочиненіяхъ.

ОБЫЧНЫЕ ПОСѢТИТЕЛИ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Въ Парижѣ есть много людей, которые въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ постоянно посѣщаютъ одну и ту же кофейную, одинъ и тотъ же театръ, одинъ и тотъ же кабинетъ чтенія. Такихъ людей называютъ тамъ «обычными» les habitués. Натурально, каждый изъ многочисленныхъ видовъ многочисленнаго семейства парижскихъ «обычныхъ» имѣетъ свои собственныя особенности, болѣе или менѣе характеристическія, болѣе или менѣе любопытныя, но всѣ они должны уступить, въ этомъ отношеніи, пальму первенства театральнымъ «обычнымъ». Если угодно, мы нѣсколько познакомимъ васъ съ ними.

Каждый изъ парижскихъ театровъ имѣетъ своихъ особенныхъ «обычныхъ». Напримѣръ во французскомъ театрѣ «обычные» суть академики, бывшіе или редакторами или сотрудниками *Журнала Имперіи*. Всегдашній костюмъ «обычнаго» этого театра простъ, но благороденъ. «Обычный» его постоянно носитъ платье чернаго цвѣта, огромный бѣлый галстухъ и массивную трость съ золотымъ набалдашникомъ. Онъ, разумѣется, классикъ, и не пропускаетъ ни одной піесы Расина или Вольтера. Въ эпоху нашествія варваровъ (такъ называетъ онъ Виктора Гюго и его послѣдователей) на французскій театръ, онъ находился въ глубокой меланхоліи и едва совсѣмъ не сошелъ съ ума. Онъ даже не входилъ тогда въ театральную залу, засѣдалъ въ фойе, между бюстами Мольера и Корнеля и, въ кругу своихъ современниковъ, столь же вѣрныхъ классицизму, какъ и онъ самъ, грозно возставалъ на *оныхъ безсильныхъ нововводителей, кои осаждаютъ Парнасъ, испускал страшные вопли и возмечтавают преобразить прекрасный языкъ французскій въ дикое и непонятное варварство*. Нынѣ, однако жъ, онъ нѣсколько успокоился, потому что дирекція часто даетъ старинныя піесы. Впрочемъ, онъ все еще не можетъ равнодушно говорить о произведеніяхъ новѣйшей школы.

«Обычный» комической оперы, напротивъ того, есть старинный пѣвецъ романсовъ, пѣвецъ, который, благодаря успѣхамъ своимъ въ гостиныхъ временъ Наполеона, ведетъ жизнь пріятную и счастливую. Онъ уже старъ и дряхлъ, но все еще смотритъ франтомъ Баррасовской эпохи. Онъ носитъ парикъ à la Titus, огромный камей, вдѣланный въ булавку, кафтанъ съ стоячимъ воротникомъ, обтяжные панталоны и широкій сюртукъ желтаго цвѣта. Онъ знаетъ бездну анекдотовъ объ Элевіу, о Гаводанѣ, о Гарà и проч.

Онъ надоѣдаетъ дирекціи безъимянными письмами о возобновленіи тѣхъ старинныхъ комическихъ оперъ, которыя восхищали его въ былыя времена, безпрестанно напѣваетъ какую-нибудь арію изъ этихъ оперъ и съ необычайною силою бьетъ такъ по балюстрадѣ, всякій разъ, когда оркестръ играетъ увертюру.

Въ театрѣ Gaîté, право на титулъ «обычныхъ» неоспоримо принадлежитъ мелкимъ капиталистамъ изъ Marais, которые посвящаютъ весь остатокъ своей жизни спектаклямъ и игрѣ въ домино въ «Турецкомъ саду». «Обычный» этого театра есть существо невиннѣйшее и чистѣйшее, человѣкъ, чувствительности котораго нѣтъ ничего подобнаго во всѣхъ другихъ частяхъ Парижа. Онъ краснѣетъ при каждомъ двусмысленномъ словѣ и плачетъ при каждомъ *трогательномъ* мѣстѣ піесы.

Въ Пале-Ройяльскомъ театрѣ «обычный» есть старый генералъ — любитель веселыхъ куплетовъ и шутокъ; въ Ambigu—отставной агентъ общества предпринимателей погребеній; въ Пантеонѣ — студентъ, который лѣтъ двадцать учитъ правамъ, а въ Фюнамбульскомъ театрѣ—ремесленникъ, котораго хозяинъ ни какъ не можетъ удержать въ мастерской, послѣ пяти часовъ вечера.

«Обычный» имѣетъ свои особенныя права и преимущества: онъ, при входѣ, не оставляетъ ни трости, ни зонтика; отворяльщицы ложъ перемигиваются съ нимъ, а разносчикъ *Антракта* сердится, когда онъ собирается платить за эту афишу-газету. Онъ также пользуется особеннымъ благорасположеніемъ полицейскаго коммисара и даже подчуетъ его по временамъ табакомъ изъ своей табакерки.

«Обычный» всегда бываетъ въ восторгѣ, когда случается ему спѣть послѣ какого нибудь провинціала, вовсе незнакомаго съ парижскими театрами и прибѣгающаго къ его сценическому всевѣдѣнію. Въ подобныхъ случаяхъ, онъ посвящаетъ своего сосѣда во всѣ закулисныя тайны, разсказываетъ ему вкратцѣ біографіи актеровъ и актрисъ, дѣлаетъ оцѣнку талантовъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и сообщаетъ подробности о дебютахъ ихъ. Рѣчамъ его тогда, какъ говорится, не бываетъ конца; онъ говоритъ тогда такъ-много, что бѣдный провинціалъ вовсе не слышитъ піесы и проклинаетъ судьбу, которая свела его съ такимъ неугомоннымъ сосѣдомъ; но «обычный» не замѣчаетъ ничего и продолжаетъ терзать свою жертву до конца спектакля.

Въ первое представленіе піесы, «обычный» приходитъ въ театръ очень рано: онъ слушаетъ новую піесу спокойно, съ достоинствомъ, потомъ произноситъ ей приговоръ, но въ весьма кроткихъ выраженіяхъ. *Это не удержится на сценѣ болѣе недѣли* говоритъ онъ, когда піеса ему не нравится; а когда она нравится ему, онъ торжественно возглашаетъ: *это выдержитъ, по крайней мѣрѣ, сто представленій.* Еслижъ предсказаніе его не сбудется, онъ энергическп выбраниъ публику и уже никогда не упоминаетъ о піесѣ, обманувшей его предусмотрительность.

«Обычный» знаетъ все, что дѣлается за кулисами; ему извѣстно, кто подарилъ такой-то елъ превосходные брилліанты, откуда у такой-то взялся богатый гардеробъ; какой актеръ привлекаетъ въ театръ такую-то даму; и если «обычный» не явится въ театръ цѣлую недѣлю, то это значитъ, что уже его нѣтъ на свѣтѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ.

ЖАСМИНЪ. *

Много есть цвѣтовъ душистыхъ
Въ мягкой зелени долинъ,
Въ переливахъ серебристыхъ
Яркихъ, радужныхъ, огнистыхъ —
Но милѣе всѣхъ жасминъ!

Братъ красавицы лилеи,
Въ покрывалѣ чистоты,
Не блестишь, красой — алѣя,
Но укромную аллею
Всю собою красишь ты.

Ты нѣжнѣе, ты душистѣй
Всѣхъ цвѣтовъ роскошныхъ странъ,
Ты милѣй въ туникѣ чистой,
Чѣмъ раскладистый, огнистый
Въ яркомъ пурпурѣ тюльпанъ.

Чѣмъ покровы золотые
Въ гордомъ *утреннемъ цвѣткѣ*
Звѣзды скромныя земныя
Незабудки голубыя,
Что склоняются къ рѣкѣ.

Я люблю тебя порою,
Какъ прекрасные цвѣтки,
Подъ вечернею росою,
Предъ ночною темнотою,
Прячутъ пышные листки.

Или въ утра часъ, какъ плоскій
Развернется твой листокъ —
И польются перлы, блестки,
Неба утреннія слезки,
На проснувшійся цвѣтокъ.

И поднявши стебель низкій
Развернешься ты вѣнцомъ,
Утра часъ почуя близкій
Какъ тюрбаномъ одалиски,
Окаймленный жемчугомъ.

В. Зотовъ.

Привѣтствуемъ молодое дарованіе, пока скрывающееся еще въ стѣнахъ Царскосельскаго Лицея. Изъ довольно большаго собранія стихотвореній В. Зотова, мы выбрали три, не потому, чтобъ они были самыя лучшія, а потому что въ соединеніи одно съ другимъ они полнѣе выказываютъ гибкость дарованія молодаго поэта.

ОБАЯНІЕ БЕЗДНЫ.

Въ утесистой высинѣ области горной
Стою я безмолвно надъ бездною черной,
И что, то во мракѣ ревѣтъ и гудитъ.
Вокругъ все пустынно: все скалы да скалы,
Все голыя ребра, пещеры, обвалы,
Ни травки зеленой,—гранитъ да гранитъ!

Тамъ камни, взобравшись на камни, застыли,
Тамъ небо утесы собой заслонили,
И смотрится въ бездну клочекъ голубой,
Какъ глазъ исполина; все мертво и глухо,
Не вѣжитъ ни чувства, ни взора, ни слуха,
И жизнь шевелится лишь въ безднѣ одной.

И странное чувство душой овладѣло!
И тяжко носить мнѣ грѣховное тѣло,
И тяжко вздымается бѣдная грудь;
Хотѣлось бы разомъ въ объятья пучины,
Съ скалы первозданной, съ угрюмой вершины,
Въ томленьи, въ волненьи, въ безумьи спрыгнуть.

И бездна зоветъ, привлекаетъ и манитъ,
Невидимой силой коварная тянетъ,
Чаруетъ бездонною тмою своей,
И тѣло стремится, и тѣло къ ней рвется,
То сердце застынетъ, то сильно забьется,
И тѣло не въ силахъ противиться ей.

То странное чувство душѣ непонятно!
Закрою ль глаза я — багровыя пятна
Кружатся, растутъ, устремляются вдаль; —
Когда же всѣ силы свои соберу я,
И тѣло отъ бездны, рѣшась, оторву я —
И радъ я, и веселъ, и бездны мнѣ жаль.

И въ жизни есть много такихъ обаяній!
И если въ минуты несчастій, страданій,
Юдольной пустыни угрюмый жилецъ
Средь камней холодныхъ, гранитовъ унылыхъ —
Могилѣ противиться будетъ не въ силахъ
Упрекъ ли заслужитъ страдальца конецъ?

В. Зотовъ.

БОГЪ ПОДАСТЪ!

Усталый убитый и горемъ, и жаждой,
И голодомъ — нищій скитался однажды
По улицамъ славной столицы.
За хлѣбомъ простертыя руки дрожали,
И жалкіе звуки изъ устъ вылетали,
Весь день до вечерней денницы!

И мимо страдальца ходили всѣ люди:
Не тронулись горемъ холодныя груди,
Слеза на глазахъ не сіяла
Не слушали воплей, и горя не зная,
Развратныхъ безумцевъ толпа молодая
Насмѣшкой его оскорбляла.

Люди шумною толпою,
Разныхъ чувствъ и разныхъ кастъ,
Шли всѣ мимо, лишь порою
Раздавалось: Богъ подастъ!
Богъ подастъ! Насмѣшка злая
Надъ вѣчнымъ Творца;
То его толпа пустая
Такъ осмѣивала, зная
Добродушіе отца.
Богъ подастъ!! Да, міръ развратный,
Богъ страдальцамъ подаетъ!
Ихъ прекрасный, благодатный
Рай за этой жизнью ждетъ.
Не утѣшитъ свѣтъ коварный
Бѣдныхъ, сирыхъ и больныхъ —
Богъ самъ ризой лучезарной
Отираетъ слезы ихъ.
Чистый ангелъ въ этой жизни
Утѣшаетъ ихъ порой,
И твердитъ имъ объ отчизнѣ
Свѣтлой, райской, дорогой.
Имъ Христосъ мученій время
Сократитъ и усладитъ;
Тяжкій крестъ, страданій бремя
Слабымъ плечамъ облегчитъ:
Дастъ имъ спутникомъ Надежду,
Въ часъ послѣдній бытія
Самъ закроетъ бѣднымъ вѣжды,
И покажетъ имъ края,
Гдѣ утѣшатся скитальцы,
Гдѣ онъ скажетъ въ страшный часъ:
«Пріидите всѣ страдальцы,—
Упокою здѣсь я васъ!»
Тѣмъ, чьи слезы льются вѣчно,
Тѣмъ, чей вздохъ тяжелъ и частъ,
Въ жизни новой, безконечной,
Утѣшенье *Богъ подастъ!!*...

В. Зотовъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ БАЙРОНА.

I.

О жизнь моя! въ часъ нѣги и любви
Твои уста мнѣ шепчутъ, другъ безцѣнный....
Какъ сладки для меня слова твои!....
Но вспомни: жизнь — блескъ молніи мгновенный.

Она увянуть можетъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
И мнѣ не слышать больше звуковъ милыхъ:

«*Душой своей*» меня зови: — ей нѣтъ
Конца, какъ и любви моей, о милый!

А — въ.

II.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА ЧАШѢ, СДѢЛАННОЙ ИЗЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЧЕРЕПА (*).

Не морщись—пей! — Мой духъ еще со мной.
Узнай: — я черепъ, братъ, такой, въ которомъ
Совсѣмъ нето, что въ головѣ живой:
Нѣтъ грязи, пошлыхъ глупостей и вздоровъ.

Я жилъ, любилъ и пилъ, какъ пьешь и ты,
И умеръ... не тревожь моихъ костей! —
Вина въ меня!—Ну, пей!—уста твои
Вѣдь, право, лучше склизстыхъ червей...

Пріятнѣй мнѣ быть чашей пуншевой,
И нектаръ искристый во мнѣ держать,
Чѣмъ тлѣть въ гробу, иль гнить въ землѣ сырой,
И гадкую семью червей питать...

Такъ пусть же здѣсь вино блеститъ во мнѣ,
Гдѣ прежде я блисталъ своимъ умомъ...
Когда не станетъ мозгу въ головѣ
Чѣмъ замѣнить его, какъ не виномъ?

Пока въ тебѣ есть силы—пей! Какъ знать?
Быть можетъ, и надъ черепомъ твоимъ
Подомокъ также станетъ рифмовать,
И повѣрять ему мечты свои...

Зачѣмъ не такъ? хоть наша голова
При жизни много производитъ вздору;
За то, по смерти, чашей для вина
Годится быть, очистившись отъ сору...

А — въ.

---

* Байронъ вотъ что говоритъ объ этой чашѣ: «Саловникъ, роя землю, нашелъ черепъ, который, вѣроятно, принадлежалъ какому нибудь умершему брату аббатства; при взглядѣ на гигантскую форму черепа и на то, что онъ совершенно сохранился, мнѣ пришла странная фантазія сдѣлать изъ него чашу для питья. Съ этою цѣлью, я отправилъ его въ городъ и онъ воротился ко мнѣ прекрасно выполированный и поддѣланный подъ цѣтъ черепахи.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(*Изъ водевиля «Елена»*).

Безъ росы цвѣтокъ отъ зноя
Въ полѣ засыхаетъ,
А безъ милаго дѣвица
Съ горя пропадаетъ.

Люди злые у дѣвицы
Счастье отнимаютъ,
Не за нравъ ее, за бѣдность
Съ другомъ разлучаютъ!

Лучше съ жизнію разстаться,
Чѣмъ въ тоскѣ томиться...
Что и жизнь, какъ нѣтъ надежды
Съ милымъ съединиться!

П. Ѳедоровъ.

ТАКЪ ПРЕДНАЗНАЧЕНО СУДЬБОЮ.

(*Изъ новаго водевиля*).

На свѣтѣ многіе изъ насъ
Судьбѣ всю жизнь свою ввѣряютъ,
Чтобъ ни случилося—тотчасъ
Судьбу бранятъ и обвинятъ;
Друзей ли сплетни разлучатъ,
Мужъ разойдется ли съ женою,
Всѣ въ утѣшенье имъ твердятъ:
Такъ предназначено судьбою!

Аннета влюблена была
И прапорщика обожала
А мать бѣдняжку отдала
За инвалида генерала.
Теперь ей мужъ мораль твердитъ,
Аннета нянчется съ тоскою,
А мать съ слезами говоритъ:
Такъ предназначено судьбою!

Отецъ Снуркова былъ богатъ
И въ банкѣ милліонъ оставилъ,
А сынъ чрезъ банкъ весь этотъ кладъ
Въ чужіе сундуки отправилъ.
Снурковъ нашъ духомъ не упалъ
И разсуждаетъ самъ съ собою:
Не я виной, что нищимъ сталъ, —
Такъ предназначено судьбою!

Какой-то селадонъ чудакъ
Въ богатую вдову влюбился,
Но былъ обманутъ, какъ дуракъ,
И разума съ тоски лишился.
Теперь вдову весь свѣтъ винитъ,
Зоветъ ее кокеткой злою;
Онажъ спокойно говоритъ:
Такъ предназначено судьбою.

Иной по клеузнымъ дѣламъ
Самъ влѣзетъ въ омутъ головою,
А выйдетъ, по его словамъ, —
Такъ предназначено судьбою!
Другой чрезъ глупость разоритъ
Себя аферою пустою,
А тоже по свѣту кричитъ:
Такъ предназначено судьбою!

Чѣмъ въ неудачахъ горевать
И въ нихъ считать себя виною,
Давайте-ка и мы кричать:
Такъ предназначено судьбою!
Піесаль наша упадетъ,
Актеры ль насъ убьютъ игрою,
Твердить мы будемъ, въ свой чередъ:
Такъ предназначено судьбою!

П. Ѳедоровъ.

СМѢСЬ.

КОНЦЕРТЫ Г-НА И Г-ЖИ ПЕТРОВЫХЪ

ВЪ МОСКВѢ (*).

Вчера былъ второй и послѣдній концертъ Петровыхъ. Театръ былъ полнёхонекъ въ оба раза. Счастливцы, попавшіе въ эти концерты, еще не могутъ успокоиться, такъ-сказать, отъ неожиданнаго мгновеннаго очарованія. Куда ни загляните, въ гостиныя, въ клубы, на улицу, гдѣ сойдутся знакомые — все въ восторгѣ говоритъ о Петровой. Я сказалъ, что очарованіе было *неожиданное*,—да: слышала Москва о Петровой; читала ей громкія хвалы въ петербургскихъ журналахъ; вѣрила насловамъ талантъ этой артистки, но не знала, что̀ она въ самомъ дѣлѣ? Назначенъ первый концертъ. Лучшая публика столицы наполнила прелестный залъ Малаго театра. Послѣ хорошо-исполненной увертюры взвился занавѣсъ и явилась Петрова. Она была встрѣчена такъ, какъ всегда встрѣчаетъ Москва гостей своихъ. Петрова пропѣла арію изъ Семирамиды, и громкое браво и единодушный вызовъ наградили артистку. Но это было ничто̀ передъ тѣмъ, что̀ ожидало и публику и артистку. Восторги, браво и вызовы возрастали crescendo. Прекрасной дуэтъ изъ оперы «Жизнь за Царя» новый для Москвы и по музыкѣ и по исполненію, увлекъ въ новое наслажденіе, и театръ загремѣлъ вызывая Петровыхъ. Тутъ слѣдовали нѣсколько романсовъ, которые, натурально, были мелки послѣ Семирамиды. Но вотъ снова является Петрова съ *пѣснію Сироты*. Запѣла и — не умѣю сказать, что̀ сдѣлалось въ театрѣ. Долго публика удерживала восторгъ свой (тамъ и сямъ поднимались руки, начиналось браво), боясь заглушить хоть одну ноту; но когда раздались удивительные звуки: «*Не крики дѣтей, не стоны родныхъ, но вопли враговъ раздавались надъ нимъ*» въ театрѣ не было *обыкновенныхъ* зрителей - слушателей: это былъ одинъ олицетворенный восторгъ, счастливый, забывшій, кажется, все въ мірѣ и вырывавшійся изъ одной души. Если бы посторонній вошелъ въ эту минуту въ театръ, одинакое восторженное состояніе этой разнородной толпы, кажется, передалось бы ему, какъ сила электричества. Наконецъ крики и плески перешли въ общее, согласное *фора* и пѣснь Сироты

(*) Куда дѣваться отъ концертовъ! Въ Петербургѣ ихъ столько, что, право, самому отчаянному меломану надоѣдятъ они. Куда ни пойдите, о чемъ ни заговорите, непремѣнно разговоръ съѣдетъ на концерты; журналы и газеты наполняются извѣстіями о концертахъ. Мы было хотѣли въ нашемъ изданіи представить краткій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ петербургскихъ концертахъ, но право *не достаетъ силъ*: такъ утомили насъ эти безпрестанные толки о музыкѣ. Очень рады случаю, вмѣсто извѣстія о здѣшнихъ концертахъ, передать читателямъ Репертуара вѣсточку объ успѣхахъ петербургскихъ нашихъ соловьевъ въ Москвѣ бѣлокаменной. *Ред.*

снова унесла всѣхъ въ міръ чувства и гармоніи. Пять вызововъ сряду заключили концертъ. Шумно разъѣзжались экипажи изъ театра. Каждый возвращался домой съ душою полною наслажденія, и, чтобы убѣдить себя, что оно еще не послѣднее — безпрестанно заглядывалъ въ аффишу, возвѣщавшую о второмъ и, увы! послѣднемъ концертѣ Петровыхъ. Насталъ понедѣльникъ, 3-го февраля, и Малый театръ кипѣлъ публикою. По общему желанію, концертъ былъ измѣненъ: всѣ требовали опять пѣсни Сироты... Они не знали, не ждали, что въ этотъ вечеръ ждетъ ихъ наслажденіе еще бо́льшее. Первая часть концерта не произвела ничего особеннаго. Петровы пѣли прекрасно, также приняты и вызваны. Началась вторая часть, и Петрова запѣла сцену Ромео изъ оперы «*Монтеки и Капулети*». Артистка была выше своего таланта въ эту минуту. Видно было, что ей не достаетъ Юліи, лежащей въ гробѣ, не достаетъ костюма, нельзя играть. Но она забылась, — забылись и зрители. Ни кто не видалъ и не слыхалъ Петровой, поющей въ концертѣ. Всѣ видѣли Ромео, слышали его вопли, его отчаяніе. Когда Петрова запѣла «*Моей Джульеты нѣтъ — смерть, смерть! скорѣй!*» она, кажется, переполнила чувства зрителей: слезы заблистали въ глазахъ ихъ; раздались оглушительные плески и браво. Артистка не успѣвала сойдти со сцены, какъ публика требовала ее снова. Настала минута разлуки: Петрова вышла въ послѣдній разъ. Едва появилась она, раздались аплодисменты и не умолкали долго. Глубокое чувство признательности выразилось на лицѣ артистки. Пѣснь Сироты была прощальною пѣснью Петровой. Грустна была эта разлука, и публика требовала повторенія, чтобы хотя сколько-нибудь продолжить очарованіе. Петрова исполнила это желаніе — и неумолимый занавѣсъ тихо опустился. Долго зрители не выходили изъ театра; не одинъ разъ петербургскіе артисты молча являлись на сцену; наконецъ надо было разстаться. Много, много благодарности гг. Петровымъ за посѣщеніе Москвы. Она, не зная, уже любила ихъ, узнавъ — оцѣнила вполнѣ. Дорогіе гости видѣли это сами, и вѣрно навѣстятъ еще не одинъ разъ Москву и погостятъ въ ней подолѣе. Если въ концертахъ Петровы заслужили въ Москвѣ любовь и уваженіе, что́ же будетъ, если когда-нибудь они явятся въ оперѣ въ полномъ блескѣ и развитіи своихъ прекрасныхъ талантовъ?!

И. КОРОВКИНЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Подписчики Репертуара получили при второй книжкѣ нашего изданія портретъ любимаго артиста петербургскаго, *В. А. Каратыгина*. Этотъ портретъ удостоился всеобщаго одобренія, по своему сходству съ оригиналомъ. Но издатель Репертуара далеко не видалъ въ немъ исполненія того, что желалъ онъ представить своимъ подписчикамъ. Портретъ, въ отношеніи къ отдѣлкѣ, *не удался*... Это обстоятельство заставило его искать другихъ способовъ, и онъ обратился къ извѣстному петербургскому художнику Шевалье, который взялся выгравировать и раскрасить *второй* портретъ, долженствующій быть при Репертуарѣ — *А. М. Каратыгиной*. Тщательная отдѣлка требуетъ времени, а потому портретъ не могъ быть приготовленъ къ нынѣшней книжкѣ Репертуара. Если бы и этотъ второй портретъ не удовлетворилъ ожиданіямъ издателя, онъ будетъ принужденъ обратиться къ парижскимъ художникамъ и имъ заказать портреты русскихъ артистовъ. Очень жалѣетъ онъ, что выдача портретовъ не можетъ быть сдѣлана *своевременно*, то есть по *одному* портрету черезъ каждые два мѣсяца; по крайней мѣрѣ, принявъ твердое намѣреніе подарить любителей театра въ возможной степени лучшими портретами русскихъ артистовъ, онъ не жалѣетъ для этого хлопотъ и издержекъ. Сказать откровенно, портреты сіи теперь обходятся вдвое дороже противъ того, какъ расчитывалось сначала. Что дѣлать! Если издатель Репертуара, въ этомъ случаѣ, *ошибся въ разсчетѣ*, то вѣрно не ошибся въ томъ, что образованная публика оцѣнитъ его старанія — угодить ей.

ШИЛА ВЪ МѢШКѢ НЕ УТАИШЬ, —

ДѢВУШКИ ПОДЪ ЗАМКОМЪ НЕ УДЕРЖИШЬ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ КАРТИНАХЪ,

СОЧ. Н. А. ПЕРЕПЕЛЬСКАГО.

(*Сюжетъ взятъ изъ повѣсти Нарѣжнаго.*)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рупертъ, ювелиръ. . . . *Г. Каратыгинъ 2.*
Симонъ Аффенбергъ, докторъ. *Г. Григорьевъ 1.*
Филиппъ Ивановичъ Фортункинъ . . . . . *Г. Максимовъ.*
Розина, племянница Руперта, *Г-жа Самойлова 2.*
Анисья, служанка Руперта. . *Г-жа Рамазан. 2.*
Слуга доктора . . . . . *Г. Фалле.*
Слуги безъ рѣчей.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Театръ представляетъ комнату ювелира Руперта. Три двери: на право, на лѣво и въ срединѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОЗИНА, ЗА ПАЛЬЦАМИ, И РУПЕРТЪ.

РУПЕРТЪ, съ шляпой и письмомъ въ рукѣ.

Одѣлся совсѣмъ, а не знаю куда итти. Есть же люди, около того.. которые такъ не разборчиво пишутъ свои адресы.. (*смотритъ въ письмо*) Я живу... извѣстно, что живетъ.. а гдѣ? ни тутъ, ни тамъ, ни около того.. Только и можно понять, что сіятельный: въ графскомъ переулкѣ живетъ. Постой, еще взгляну.. (*Смотритъ въ письмо*). Такъ и есть.. Вотъ тутъ въ концѣ строки поставлено *Ев*, а въ началѣ другой *графъ*, значитъ графъ.. а за чѣмъ же *Ев*? развѣ фамилія?.. А письмо само по себѣ прекрасное, благородное, около того. (*Читаетъ*) «Мнѣ нужно бриліантовъ тысячъ на двадцать»... очень остро! «зная вашу опытность».. и умно таки, около того.. «Я прошу васъ побывать у меня сегодня въ 4 часа и надѣюсь, что мы скоро сойдемся» (*вздыхаетъ*). Богъ еще знаетъ сойдемся ли: адресъ такъ темно написанъ, что хоть глазъ выколи, ничего не увидишь... «Я живу, я живу...» вотъ какъ будто кто подтолкнулъ его подъ руку... ничего не разберешь!. «Я живу въ домѣ гу-гу, гу-гу..» нѣтъ, *не гугу*.. около того... (*смотритъ на часы*) Ужъ четвертый! Прощай, Розина, да смотри.. ни въ окно, ни около того не смотри..

РОЗИНА.

Да куда же вы, дядюшка?

РУПЕРТЪ.

Какъ куда? Къ его сіятельству, графу *Ев*.

РОЗИНА.

Да какъ же вы найдете его?

РУПЕРТЪ.

Извѣстное дѣло: покупщика на 20 тысячь не скоро найдешь, около того.. Съѣзжу во всѣ Графскіе переулки; спрошу, гдѣ найти его сіятельство графа *Ев*.. такого туза вѣрно всѣ будочники знаютъ..

РОЗИНА.

Точно, дядюшка. Вы очень умно придумали.

РУПЕРТЪ.

Э! да что съ тобой вертѣться около того; нужно къ его сіятельству.. (*идетъ*) Смирно, сударыня; на улицу ни шагу, ни въ дверь, ни около того.. нагуляешься, какъ будешь моею женою.

РОЗИНА.

Женою вашею не буду, а гулять буду..

РУПЕРТЪ.

Что, саперлотъ! упрямство? Ну да ужо поговоримъ фундаментально, а теперь я скоро ворочусь.

РОЗИНА.

Да что вы это, дядюшка, все дверь на замокъ запираете, какъ уходите?.

РУПЕРТЪ.

Такъ, около того, для политики. Чуть было не забылъ. (*Идетъ къ двери на лѣво*) Эй! Анисья!

АНИСЬЯ, за сценой.

Чего изволите?

РУПЕРТЪ, отворивъ дверь, тихо.

Смотри же ты у меня съ чорной лѣстницей: никого не пускай.. я вѣдь тебѣ за то жалованья прибавляю..

АНИСЬЯ, показываясь въ дверяхъ.

Хорошо-съ, не пущу..

РУПЕРТЪ, идетъ къ средней двери.

На двадцать тысячь! Стоитъ проѣздить пятіалтынникъ или.. около того. (*уходитъ; слышно какъ онъ запираетъ снаружи дверь*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

РОЗИНА, одна.

Ха, ха! Какъ онъ строго за мной присматриваетъ.. да напрасно безпокоится. Я ему не жена; я ужъ успѣла присмотрѣть себѣ мужа.. Запираетъ парадный входъ, а чорная лѣстница-то на что.. Хорошо, что Анисья съ нами за одно.. А то бѣда, сиди одна въ четырехъ стѣнахъ да считай птицъ на потолкѣ. Онъ меня перехитрить хочетъ.. напрасно! не видать ему моего приданаго. Я знаю, что батюшка оставилъ завѣщаніе; найду его и вытребую деньги.. И выду не за него.. Какой онъ мужъ! Самъ толстый, ноги какъ у дрозда, точно каменный домъ на деревянномъ фундаментѣ.. А онъ — какая разница!

Онъ и ловокъ, и прекрасенъ,
И уменъ онъ, и ученъ,
Взглядъ его такъ нѣженъ, ясенъ,
И меня такъ любитъ онъ.
Лучше въ свѣтѣ нѣтъ мужчины,
Будетъ мнѣ съ нимъ вѣчный пиръ..
Не видать тебѣ Розины,
Мой дражайшій ювелиръ!
Я читала у Бальзака:
«Какъ-то все идетъ не такъ,
«Тамъ, гдѣ мужъ еще до брака
«Поступилъ давно ужъ въ бракъ!»
А у дяди ужъ морщины,
Онъ по шею заплылъ въ жиръ...
Не видать тебѣ Розины,
Мой дражайшій ювелиръ!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

РОЗИНА и АНИСЬЯ.

АНИСЬЯ.

Стучатся, сударыня, съ чорной лѣстницы.. Я спрашивала.. Это Филиппъ Иванычъ. Прикажете впустить?.

РОЗИНА.

Ахъ, Боже мой; разумѣется! И ты еще спрашиваешь...

АНИСЬЯ.

Признаться, я ужъ сама не рада, сударыня, что вошла въ ваше дѣло.. Когда мы сюда переѣхали, баринъ мнѣ строго наказывалъ не пускать никого по черной лѣстницѣ, да и обѣщалъ наказать, коли пущу.. А я вотъ какъ послушалась.. Ввела въ домъ Филиппа Ивановича, съ которымъ вы еще на той квартирѣ черезъ окошко познакомились..

РОЗИНА.

Что же дѣлать? Ты видишь какъ дядюшка со мной поступаетъ; надо же принять мѣры, а что я одна сдѣлаю..

АПИСЬЯ.

А и въ правду такъ, барышня.. я и сама не люблю его, и лучше буду жить съ вами, когда вы..

РОЗИНА.

Ну, хорошо.. отопри же скорѣй.

АПИСЬЯ.

Сейчасъ, барышня. (*Уходитъ*).

РОЗИНА.

Какой милой, точно знаетъ, когда дядюшки дома нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОЗИНА И ФОРТУНКИНЪ.

ФОРТУНКИНЪ, бѣгая, весело.

Душечка, Розочка, Розеточка! цѣлуйте меня, обнимайте меня, поздравляйте меня!

РОЗИНА.

Вѣчно веселы, а и не подумаете, что я скучаю..

ФОРТУНКИНЪ.

Вы скучаете? Э, полноте! отопритесь отъ своихъ словъ, а то я самъ сейчасъ начну скучать, хоть у меня радость большая. Позвольте же мнѣ поцѣловать вашу ручку, мой ангелъ; нѣтъ, больше—моя невѣста; больше—моя будущая жена! (*цѣлуетъ ея руку*).

РОЗИНА.

Какая же радость? говорите скорѣе; того гляди, придетъ дядюшка.

ФОРТУНКИНЪ.

О, не безпокойтесь! Онъ вѣрно долго пробудетъ Графскихъ переулковъ и въ нихъ дома Чугунова, а въ немъ квартиры господина Ев-*графа* Тупѣева, полъ № 1442, во второмъ этажѣ отъ крыши, окнами ни на дворъ, ни на улицу.

РОЗИНА, съ изумленіемъ.

Какъ, вы знаете.. Развѣ это вы писали?

ФОРТУНКИНЪ.

Разумѣется, я.

РОЗИНА.

Бѣдный дядюшка!... Но что же изъ этого будетъ?

ФОРТУНКИНЪ.

А то, что я сегодня женюсь на васъ, моя живая картиночка.

РОЗИНА.

Ужъ который разъ вы это говорите..

ФОРТУНКИНЪ.

Ахъ, Розина! за всякой запятой не угонишься. То было тогда, а это теперь. Тогда я былъ студентъ;—теперь я свободенъ, какъ вѣтеръ въ небѣ, какъ птица въ воздухѣ, какъ инфузорія въ водѣ. Вотъ моя радость, большая, пергаментная радость, съ гербомъ, съ печатями.. (*Вынимаетъ бумагу и читаетъ*) Excellentissime, prestantissime..

РОЗИНА.

Я все таки ничего не понимаю..

ФОРТУНКИНЪ.

Не понимаете? Дѣло, кажется, ясно: — я кончилъ курсъ, сдалъ экзаменъ, получилъ аттестатъ..

РОЗИНА.

Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, какъ это мило!

ФОРТУНКИНЪ.

Понимаете ли вы всю важность моего шага? Я свободенъ! Я могу ѣхать въ Индію и вывезти оттуда несмѣтныя сокровища. Я могу пуститься въ Китай и разшевелить китайскую неподвижность. Я могу ѣхать въ Америку и сдѣлаться какимъ нибудь американскимъ величествомъ; дать толчекъ умамъ дикихъ сыновъ полудня и основать изъ нихъ новую имперію, подъ именемъ *Фортункинистана*.. Я могу открыть шестую часть свѣта.. (*спокойнѣе*) Разумѣется, что я все это мечтаю, но кто поручится, что я не могъ бы всего этого сдѣлать? Я не даромъ учился!

Скученъ былъ я и суровъ
На скамейкѣ школьной,
И своихъ профессоровъ
Проклиналъ невольно.
Я науки вздоромъ зналъ,
Самъ же занимался,
Я начальство осуждалъ,—
А повиновался!
Такъ я жилъ, терпя борьбу,
Вдругъ я курсъ кончаю, —
И теперь свою судьбу
Я благословляю!
Мнѣ вездѣ открытый путь, —
Статскимъ иль солдатомъ,—
Я вѣдь значу что нибудь
Съ этимъ аттестатомъ!

Такъ-то, моя прелестная Розина.. Теперь я могу располагать самъ собою, и начну съ того, что женюсь на васъ сегодня же.

РОЗИНА.

Ахъ, нѣтъ.. Конечно, я свободна, но мое приданое.. оно въ рукахъ дядюшки и, кажется, онъ его рѣшительно не отдастъ..

ФОРТУНКИНЪ.

Мы сами возьмемъ.

РОЗИНА.

Едва ли. Дядюшка рѣшительно хочетъ на мнѣ жениться..

ФОРТУНКИНЪ.

Ахъ онъ безбожникъ! Угораздила же его судьба родиться нѣмцемъ.. вотъ и женится на племянницѣ.. будь онъ русской—ничего бы этого не было.

РОЗИНА.

Разумѣется, я не пойду за него, а все-таки страшно.. Онъ говоритъ, что только и живетъ для меня, что онъ мнѣ второй отецъ.

ФОРТУНКИНЪ.

Ну отецъ и конечно, а не мужъ.

РОЗИНА.

Онъ говоритъ, мои расходы
Совсѣмъ замучили его.
И въ благодарность за заботы
Должна я выйти за него.

ФОРТУНКИНЪ.

Ему ли, старому розинѣ,
Жена такая суждена!
Нѣтъ, старичокъ не мужъ Розинѣ,
Нѣтъ, вы *розинѣ* не жена!

РОЗИНА.

Онъ говоритъ, что торгъ свой губитъ,
Въ долгахъ кругомъ изъ за меня;
Онъ говоритъ, что страстно любитъ,
Что буду счастлива съ нимъ я!

ФОРТУНКИНЪ.

Кто молодъ, кто съ горячей кровью,
Любить тотъ искренно готовъ,
А старики *горятъ* любовью
Для погашенія долговъ!

Впрочемъ, если на то пошло, то мы пожалуй и откажемся отъ вашихъ 30 тысячъ, а онъ изъ нихъ только и хлопочетъ.. Мы и такъ будемъ счастливы.. не правда ли?

РОЗИНА.

Разумѣется.

ФОРТУНКИНЪ.

Однако за чѣмъ терять надежду.. О, да мы по пустому горюемъ, вѣдь я сказалъ, что сегодня будетъ все кончено—ну и исполню.

РОЗИНА.

Да какъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Не бойтесь, исполню.. Я придумалъ чудный способъ, удивительный! Когда онъ мнѣ удастся, я его обнародую, подъ заглавіемъ: «Самонаивѣрнѣйшій самоучитель, заключающій въ себѣ наставленіе, какъ жениться на какой угодно дѣвушкѣ безъ согласія ея родителей, опекуновъ и родственниковъ, и получить законную часть приданаго..

РОЗИНА.

Какой-же способъ?

ФОРТУНКИНЪ.

А вотъ увидите.. Я нарочно отправилъ вашего дядюшку въ Графскіе переулки, чтобъ сказать вамъ, что сегодня должно все рѣшиться.. Прощайте, скоро придетъ вашъ дядюшка. Вслѣдъ за нимъ явится еще человѣкъ, только чуръ не смѣяться.. Увидите, что будетъ.. вечеромъ будетъ всему конецъ.. у меня уже все устроено.

РОЗИНА.

А мои тридцать тысячъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Въ томъ-то и штука, что и онѣ будутъ съ нами.

РОЗИНА.

А я все-таки поищу завѣщанія, которое дядюшка утаить хочетъ.

ЛИЗЕТЪ, вбѣгаетъ.

Баринъ, баринъ ѣдетъ!

РОЗИНА.

Ахъ, скорѣе, скорѣе; прощайте.

ФОРТУНКИНЪ.

Ну, прощайте, моя голубочка.. Иду, иду.. Куда же?

ЛИЗЕТЪ.

Пожалуйте за мной, я опять проведу васъ по черной лѣстницѣ.

(Уходятъ.)

РОЗИНА, садится за пяльцы и напѣваетъ въ полголоса.

Не видать тебѣ Розины,
Мой дражайшій ювелиръ!

ЯВЛЕНІЕ V.

РОЗИНА И РУПЕРТЪ.

РУПЕРТЪ, входитъ, съ разстроеннымъ лицемъ.

Чудеса, чудеса! Во всѣхъ Графскихъ переулкахъ и около того ни одного графа нѣтъ! Два двугривенныхъ стоитъ!... Былъ одинъ графъ, да и тотъ, говоритъ, съѣхалъ въ Мѣщанскую... Что ты будешь дѣлать... Чудное дѣло, какъ живутъ люди! совсѣмъ не понимаютъ политики, а извощики, канальи, очень дороги. Графъ живетъ — въ Мѣщанской, бѣднякъ въ Милліонной, подлячій на Невскомъ проспектѣ... Я бы совсѣмъ не такъ распорядился... У меня бы во всемъ была политика. Офицеръ — живи въ Офицерской, мѣщанинъ—въ Мѣщанской, мастеровой—въ Мастерской, шутъ—въ Гороховой; голодныхъ бы всѣхъ согнать въ Поварской переулокъ—и.. около того.. въ Хлѣбный.. Вотъ тогда бы и адресовъ не надо... Сейчасъ бы нашелъ, а то не въ свои сани садятся! А теперь же завелись сани съ полостями,—безъ двугривеннаго ни на шагъ.

РОЗИНА.

Что вы, дядюшка, такъ разстроены?

РУПЕРТЪ.

Шутка! человѣкъ на двадцать тысячъ купить хотѣлъ... вѣдь не шутка! Тутъ десять барыша... А вотъ теперь его сіятельство подождетъ, полождетъ—разсердится да и пошлетъ за другимъ... А ты и сиди, да наслаждайся воображеніемъ, какъ другіе продаютъ крашеное тѣсто за бирюзу и.. около того.. (*Ходитъ большими шагами*) Странное дѣло! я ужъ нѣсколько получалъ такихъ приглашеній и все не находилъ квартиръ... А прежде этого не бывало; это стало случаться именно около того, какъ тебѣ шестнадцать лѣтъ минуло!

РОЗИНА, украдкой смѣется.

Такъ вы не нашли графа?

РУПЕРТЪ.

Не нашелъ, не нашелъ, да еще проѣзднлъ два двугривенныхъ на извощикѣ; охъ люди, люди! охъ, извощики! А все адресъ! Все перемѣна квартиры... вовсе нѣтъ политики, около того!

Надо мнѣ поселиться на Невскомъ или хоть около того... въ Грязной... вывѣску большую заказать... да непремѣнно... Да вотъ какъ бы свадьбу уладить прежде. Тутъ бы можно и товару прикупить. (*Оборачивается и видитъ, что Розина смотритъ въ окно*). Племянница! я сказалъ—ни въ окно, ни около того не смотрѣть!

РОЗИНА.

Вы ужъ очень важничаете, дядюшка. Окно для того и сдѣлано, чтобъ въ него смотрѣть.

РУПЕРТЪ.

Ну такъ, около того! Хороша политика, угадала!

РОЗИНА.

Мало того, что вы меня держите подъ замкомъ, еще и въ окно не взгляни... что я за монахиня такая!

РУПЕРТЪ.

Сказать правду, племянница, хоть тебѣ ужъ, около того... двадцать лѣтъ... а ты еще куда не разумна. Вотъ, напримѣръ, отчего ты не соглашаешься выйти за меня за мужъ?

РОЗИНА.

Отъ того, что вы не нравитесь мнѣ, вы очень стары, дядюшка.

РУПЕРТЪ.

Тѣмъ лучше! Я сорока двумя годами старше тебя, значитъ въ сорокъ два раза умнѣе.

РОЗИНА.

Такъ я повашему въ сорокъ два раза васъ глупѣе. Чтожъ вамъ дѣлать съ глупой женой!

РУПЕРТЪ.

Это ужъ не твоя забота... мы постараемся, около того... на умъ наставить!

РОЗИНА.

Вы большой скряга, а я люблю щеголять, люблю дѣлать пожертвованія въ пользу бѣдныхъ.

РУПЕРТЪ.

Я буду тебя останавливать, около того..

РОЗИНА.

Нѣтъ, дядюшка, вы пустяки затѣяли... не бывать этому!

РУПЕРТЪ, съ гнѣвомъ.

Почему? что?.. революціонныя идеи!..

РОЗИНА.

Скажу вамъ однажды навсегда, что я давно

уже влюблена, и не въ васъ, дражайшій ляюшка!

РУПЕРТЪ.

Неблагодарная! я ли не прилагалъ стараній, чтобы воспитать тебя въ чистотѣ святой невинности! Я ли не внушалъ тебѣ священныхъ правилъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія, кротости и... около того. Я ли не посвящалъ тебя въ тайны политики ювелирскаго дѣлопроизводства! Дочь—недостойная, племянница—неблагодарная, женщина—злонравная и.. около того.. ты будешь такою же женою, матерью, бабушкою и около того.. если Богъ благословитъ тебя потомствомъ.

РОЗИНА.

Что жъ вамъ за охота на мнѣ жениться...

РУПЕРТЪ.

Розина! не противься! взгляни на небо... вспомни отца твоего... почтенный былъ онъ человѣкъ; честный... около того...

Припомни, какъ, бывало, съ чашкой кофе,
Сидитъ себѣ онъ съ трубкою въ зубахъ..
Онъ содержалъ харчевню въ Петергофѣ,
Теперь душа его на облакахъ!
Оттоль на насъ торжественно взираетъ,
Какъ геній онъ съ улыбкой на челѣ.
И въ знакъ того, что насъ благословляетъ,
Надъ нами онъ простеръ свои крыле...

РОЗИНА.

Ну, это еще Богъ знаетъ... Я ничего не вижу на небѣ, кромѣ сѣрыхъ тучь.

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Нѣтъ, ее не скоро запугаешь! около того. (*ей*) Нечувствительная душа, горячка, вертушка!.. Впрочемъ, знаемъ мы какъ уняать вашего брата, и не примѣтишь, какъ проведутъ... около того... вокругъ пальца. А если ты въ самомъ дѣлѣ не хочешь, такъ по мнѣ съ Богомъ хоть на всѣ четыре стороны и... около того... вѣшайся на шею кому хочешь... Провидѣніе накажетъ тебя.

РОЗИНА.

Съ радостью, дядюшка, хоть сейчасъ уйду, только отдайте мои деньги.

РУПЕРТЪ.

О, о! нельзя ли потише! Экая прыть... ла ничего сей не возьмешь... Я ужь тебѣ говорилъ, что у меня были свои счеты съ твоимъ отцемъ, да и ты мнѣ стала таки въ копейку, около того.

РОЗИНА, съ безпокойствомъ.

Такъ вы рѣшительно хотите отпереться отъ моихъ денегъ! Нѣтъ, вамъ это не удастся... я была уже не маленькая, когда умеръ мой отецъ...

Я помню день: въ предсмертной, тяжкой мукѣ
Родитель мой, страдая, изнывалъ,
Ко мнѣ свои хладѣющія руки
Съ любовью онъ и грустью простиралъ.—
И мнѣ сказалъ: «всю жизнь моей заботой
Была лишь мысль объ участи твоей.
Что нажилъ здѣсь я честною работой,
Все для тебя, для дочери моей!»
И умеръ онъ. Безъ чувства и разсудка
Рыдала я, лишенная всѣхъ силъ...
Но я была тогда ужь не малютка,
Я помню все, что онъ мнѣ говорилъ...
И я горжусь дочерними правами,
Не откажусь легко я отъ того,
Что мой отецъ кровавыми трудами
Пріобрѣталъ для счастья моего!

Батюшка сказалъ, что оставляетъ мнѣ, кромѣ всего, тридцать тысячь, которыя я могу считать приданымъ, а о счетахъ вамъ бы надо было тогда говорить.

РУПЕРТЪ.

Развѣ я врагъ своему брату, чтобъ въ святой часъ, когда онъ долженъ молиться о спасеніи души своей и.. около того... оскорблять его счетами... онъ тогда разсчитывался съ небомъ... Да притомъ вспомни-ка, племянница, не говорилъ ли отецъ твой: «Любезная дочь! живи у дяди даромъ, пей и ѣшь даромъ, учись бренчать, пищать, разные виртуозы ногами выкидывать, около того... все даромъ, Розинушка, даромъ! а? Онъ это говорилъ тебѣ? я думаю ты сама знаешь чего мнѣ стоитъ твое обученье. Пѣвцы, плясцы, музыканты... около того. А щегольство... Ты таки франтиха не послѣдняя... купите шляпку, дядюшка—гулять не въ чемъ итти; купите платочикъ—въ

церкви стоять стыдно, около того.. а около кого? купите ботиночки — ножки промочу, не здорова буду... я вотъ избавлялъ тебя отъ простуды, а самъ невидимо вогналъ кошелекъ въ чахотку... А чуть по упрямься: — разрюмишься, разкудахтаешься, точно турецкая султанша или голландская ключница. Сказать правду, — я предложилъ тебѣ руку по родству, хотѣлъ тебя осчастливить.

РОЗИНА.

Спасибо, дядюшка; я сама позабочусь о своемъ счастіи. Хорошъ вы счетъ сдѣлали! точно аптекарь! можно ли, чтобъ я прожила въ пять лѣтъ столько денегъ! съ васъ довольно и однихъ процентовъ.. Впрочемъ, здѣсь не въ степи, здѣсь судятъ по законамъ.

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Какова! и въ прямъ ее не скоро надуешь. (*ей*) Ба, ба! ты, кажется, начинаешь грозить, хочешь просить на меня... ступай, голубушка, ябедничай на дядю, поноси, клевещи, около того, за его хлѣбъ соль, за его попеченія, и около того.. хорошо, очень хорошо! А, кто-то идетъ.. Розина! маршъ въ спальню!

РОЗИНА.

Вотъ еще! мнѣ и здѣсь хорошо. Вы ужъ очень рано ревнуете.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и ФОРТУНКИНЪ, переряженный, въ богатой одеждѣ, ходитъ важно и говоритъ то слишкомъ скоро, то съ разстановкою.

ФОРТУНКИНЪ.

Фи! усталъ! эта лѣстница высока, какъ мое родословное дерево... и также извилиста... Насилу вошелъ, страхъ какъ ходить тяжело... набьешь еще карманы золотомъ... просто хоть пилай.... чортъ помѣстилъ васъ такъ высоко!

РУПЕРТЪ.

Помилуйте... не чортъ... я самъ нанялъ: это третій этажъ... или... около того... четвертый подвалъ внизу...

ФОРТУНКИНЪ.

Такъ зачѣмъ-же вы не наняли въ подвалѣ?

РУПЕРТЪ.

Какъ можно... вывѣски не видать... около того... вотъ если бъ я содержалъ мелочную лавочку, такъ конечно... а я ювелиръ...

ФОРТУНКИНЪ.

Знаю, знаю, что вы ювелиръ, точно такъ же, какъ я баронъ... вникаете?

РУПЕРТЪ, тихо.

Розина! уйди!

РОЗИНА, громко.

Что вамъ угодно?

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Молчать! (*ему*) Чему обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ, высокопочтенный баронъ,—не имѣю чести знать имени и... около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Баронъ Генрихъ-Ульрихъ-Каспаръ-Христіанъ... какъ? забылъ, а есть еще какое-то имя... фонъ-Лохенкретъ... замѣтьте: *кретъ*, а не Лохен-*кротъ*, — то другой... мужикъ... изъ плебеевъ.... вникаете?

РУПЕРТЪ.

Что жъ вы изволите сказать?.. около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Сей-часъ... Я вамъ объясню. Надо вамъ сказать, что еслибъ наше родословное дерево росло и не подсыхало... то я, какъ верхушка его, былъ бы теперь въ облакахъ... а не у васъ въ магазинѣ... вникаете?

РУПЕРТЪ.

Около того.

ФОРТУНКИНЪ.

А слѣдовательно я не имѣлъ бы нужды купить у васъ бриліантовъ на 50 т.

РУПЕРТЪ, въ сторону.

На 50 тысячъ! Слава Богу, что онъ не попалъ въ облака... около того... (*ему*) Всепрепокорнѣйше прошу садиться. Что же вашей милости угодно?

ФОРТУНКИНЪ.

Надѣюсь, что нашъ разговоръ не будетъ такъ длиненъ, какъ мое родословное дерево... вникаете? Мнѣ сказали, что вы отличнѣйшій ювелиръ въ Петербургѣ...

РУПЕРТЪ.

Около того... не могу самъ себя хвалить... а вотъ на дняхъ было разослано при афишахъ и... около того... объявленіе. Тамъ все сказано... Вы, конечно... читали...

ФОРТУНКИНЪ.

Объявленіе? Съ тѣхъ поръ какъ одна изъ вѣтвей моего родословнаго дерева, баронесса Гертруда фонъ-деръ Шустеръ-Мустеръ помѣшалась отъ объявленія «о средствахъ сохранять молодость и красоту», я презираю объявленія и рѣшительно не вѣрю имъ...

На объявленья ловятъ насъ,
Кто нынѣче ихъ не разсылаетъ...
О новой книгѣ въ день пять разъ
Книгопродавецъ объявляетъ...
Всѣ деньги плютъ за новизну,
Спѣша прочесть ее во здравье;
А получаютъ старину
Гдѣ ново—только лишь заглавье;
Врачи зубные о зубахъ
Кричатъ не мало и кричали;
А между тѣмъ, не дай Аллахъ,
Чтобъ мы къ нимъ на зубы попали.
Очки вамъ оптикъ продаетъ,
Слѣпцы въ которыхъ видѣть станутъ,—
А кто ихъ купитъ, тотъ поймется,
Что онъ оптически обманутъ...
Какой нибудь мосье Гримо,
Недоучившійся повѣса,
Берется съ глаза снять бѣльмо,
А самъ не смыслитъ ни бельмеса.
Вотъ объявленья! Вотъ они!
Сказать не будетъ не прилично,
Что объявленья въ наши дни
Легчайшій способъ врать публично!

Вникаете?

РУПЕРТЪ.

Оно не совсѣмъ такъ, а около того... Но мое объявленіе писано не такъ...

ФОРТУНКИНЪ.

Конечно... Я и не говорю, можетъ-быть вы и не плутъ...

РУПЕРТЪ.

Какъ, помилуйте, около того... Такъ вы изволите покупать бриліянты?..

ФОРТУНКИНЪ.

Да, мнѣ сказали, что вы отличнѣйшій ювелиръ... А эта прелестная дѣвушка, отростокъ вашего родословнаго дерева, дочь ваша?

РУПЕРТЪ.

Нѣтъ.

ФОРТУНКИНЪ.

Такъ жена?

РУПЕРТЪ.

Нѣтъ... около того.

ФОРТУНКИНЪ.

Такъ сирота... бѣдняжка!

РУПЕРТЪ.

Впрочемъ, не безпокойтесь объ ея участи; эта прелестная дѣвушка, какъ вы ее называете, моя племянница, а вскорѣ будетъ кое-что и поболѣ... около того... (*Въ сторону*). Не будь здѣсь этой прелестной дѣвушки... дѣло пошло бы скорѣе. (*Ему*). Ну, сударь... Вы сказали... около того, что я отличный ювелиръ.

ФОРТУНКИНЪ.

А эта прелестная дѣвушка?

РУПЕРТЪ.

Да, Боже мой! Я ужъ сказалъ: будущая жена моя... Розина! Поди, скажи Анисьѣ, чтобы приготовила кофе... (*Идетъ мимо нея и шепчетъ*). Да не приходи сюда, а то...

РОЗИНА, громко.

Что вы говорите?

РУПЕРТЪ, отходя отъ нея; громко.

Со сливками... я говорю, со сливками. (*Въ сторону*). Вишь какъ онъ ее осматриваетъ... съ головы до ногъ... и около того... Продолжайте, г. баронъ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ РОЗИНЫ.

ФОРТУНКИНЪ.

Одинъ изъ сучковъ моего родословнаго дерева, дядя мой по матери баронъ-фонъ Аффенбергъ вздумалъ жениться на вѣтви другаго дерева... Графинѣ... фонъ... фонъ... да гдѣ мнѣ помнить... чтобъ упомнить однихъ моихъ предковъ мало вѣчной памяти...

РУПЕРТЪ.

Что жъ этотъ... около того... сучекъ?

ФОРТУНКИНЪ.

У всѣхъ нашихъ предковъ водился обычай дарить невѣсть... вникаете чѣмъ?..

РУПЕРТЪ.

Ужъ если дарить, такъ, около того... приличнѣе всего бриліянтами...

ФОРТУНКИНЪ.

Онъ однихъ съ вами мыслей и просилъ меня съѣздить къ вамъ и... купить...

РУПЕРТЪ.

Ну, сударь? купить...

ФОРТУНКИНЪ.

Да, дядя мой поручилъ мнѣ, какъ знатоку, купить бриліянтовъ ни болѣе, ни менѣе, какъ на... пятдесятъ тысячъ... У васъ есть на эту сумму? вникаете?

РУПЕРТЪ.

Есть, сударь... есть... Вамъ видно не дураки на меня указали...

ФОРТУНКИНЪ.

И такъ — я покупаю ихъ для моего дяди... Вникаете?

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Насилу выговорилъ! Точно ему жаль слова-то было! (*Ему*) Вы можете получить у меня все, что угодно, только предупреждаю, что я въ долгъ не даю ни на гривенникъ, ни... около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Вы боитесь, что вамъ не заплатятъ... Ха, ха... Ни одинъ изъ сучковъ нашего родословнаго дерева не обрывался еще на этомъ. Знаете ли, какія у насъ помѣстья на островѣ Эзелѣ... милліоны бы дохода можно получать, если бы порядокъ... вникаете? Коротко сказать вамъ: одною рукою будете отдавать вещи, другою принимать деньги.

РУПЕРТЪ.

Это всего лучше. (*Въ сторону*). Наконецъ кончено или, по крайней мѣрѣ, около того... (*Ему*) Что же вамъ нужно?

ФОРТУНКИНЪ.

Сей часъ. Со мной есть роспись за подписью дядюшки... (*Вынимая бумагу*) Табакерка—отъ 5 до 10 тысячъ?

РУПЕРТЪ.

Есть цѣною около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Двѣ пары серегъ самыхъ лучшихъ, полдюжины колецъ, фермуаръ, словомъ, чтобы все не превышало 50 тысячъ, и было не дешевле...

РУПЕРТЪ.

Все есть, все есть. Точно вамъ сказывалъ человѣкъ, который былъ въ моихъ вникахъ или около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей. Вотъ вамъ записка, отыщите по ней вещи, уложите,—и вмѣстѣ отправимся къ барону...

РУПЕРТЪ.

Къ барону? Это можно бы и тутъ кончить. Вы бы взяли вещи, а я получилъ бы, около того, деньги.

ФОРТУНКИНЪ.

Э! что вы затѣяли! Ни одинъ сучокъ нашего родословнаго дерева не дѣлалъ ничего опрометчиво... вникаете? Это отличительный признакъ нашего рода... Если бъ я покупалъ для себя, такъ я здѣсь же отдалъ бы такую малость, чтобъ освободить себя отъ излишней тяжести. А то, пожалуй, не понравится... Впрочемъ, если вы такъ тяжелы на подъемъ, то, я легокъ на ногу и пожертвую собой... къ другому ювелиру схожу... вникаете?

РУПЕРТЪ.

Помилуйте, я только такъ сказалъ... Извольте, извольте.—Я иду около того съ вами; вашъ дядюшка живетъ недалеко?

ФОРТУНКИНЪ.

Близехонько! только что отсюда не видать.

РУПЕРТЪ.

Очень хорошо... тѣмъ ближе къ дѣлу... Я сей часъ уложу вещи. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ФОРТУНКИНЪ И ПОТОМЪ РОЗИНА.

ФОРТУНКИНЪ.

Браво! Я съ нимъ хорошо управился! Что-то дальше будетъ... Впрочемъ, докторъ уже довольно приготовленъ. Начало не дурно—а хорошо начать то же, что половину дѣла сдѣлать!

Мой планъ и дерзокъ и смѣшонъ,
Но я иду на удалую,—
Авось удаченъ будетъ онъ,
А не удастся—потоскую.
Я въ книгѣ жизни записать
День этотъ долженъ безъ сознанья,
Вниманье поздно обращать
Теперь на знаки препинанья!

Если бъ я не любилъ Розину, у меня никогда не было такой баронской важности... величія... Я бы не полнялся на такую штуку. Впрочемъ, чтожъ? Средство немного рѣшительное, а цѣль очень хорошая: надо же наконецъ вырвать у старого скряги

приданое Розины, если онъ добровольно не отдаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ФОРТУНКИНЪ и РОЗИНА.

РОЗИНА.

Ахъ, что вы дѣлаете... Я боюсь... Право, ну къ чему это поведетъ...

ФОРТУНКИНЪ.

А къ тому, что я черезъ полчаса ворочусь, и мы поѣдемъ вѣнчаться. Будьте готовы.

РОЗИНА.

А дядюшка?

ФОРТУНКИНЪ.

Съ нимъ ничего худаго не будетъ... Онъ только вылечится отъ своей жадности... А вы еще не нашли способа отыскать завѣщаніе?

РОЗИНА, въ смущеніи.

Я не знаю не дурно ли это будетъ... Я хотѣла (*Останавливается*)... я хотѣла, да нѣтъ, это нехорошо...

ФОРТУНКИНЪ.

Говорите, говорите...

РОЗИНА.

Ну, пожалуй, скажу, только я это дѣлать не стану. Я хотѣла взять у него одинъ ключикъ, который онъ всегда держитъ при себѣ и посмотрѣть въ его шкатулку...

ФОРТУНКИНЪ.

Чтожъ?... Впрочемъ, теперь все равно... Онъ и такъ долженъ будетъ отдать деньги, а все бы лучше... Посмотрите, милая Розина... вѣдь тутъ ничего нѣтъ худаго...

РОЗИНА.

Ну, можетъ быть...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и РУПЕРТЪ.

РУПЕРТЪ.

Я готовъ. (*Увидѣвъ Розину*) И она ужъ поспѣла... около того... Ступай въ свою комнату, прелестная дѣвушка... все бы ей вертѣться... или тутъ или около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Тутъ ровно на пятдесятъ тысячъ?

РУПЕРТЪ.

Да-съ, около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Идемъ. Дядюшка, я думаю, ждетъ... Ахъ, чуть было не забылъ объ одномъ... объ самомъ-то главномъ. А все свадебные хлопоты! Надо вамъ сказать, что дядюшка мой на пятидесятомъ году своей юности влюбился...

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Ну, вотъ опять повернулъ около того... точно ему вытти лѣнь... Ну, сударь, влюбился?..

ФОРТУНКИНЪ.

Вникаете въ кого?

РУПЕРТЪ.

Суди по здравой политикѣ ужъ если влюбляться, то, такъ сказать, не иначе, какъ въ прекрасную дѣвушку или около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Нѣтъ, онъ просто нѣсколько помѣшался на медицинѣ. Это наша потомственная страсть... Во всѣ времена отъ корня нашего древа выходилъ сучокъ, который наскакивалъ на идею о медицинѣ... вникаете? Точно такъ и дядюшка подъ старость пристрастился къ медицинѣ, нанялъ десять докторовъ. Десять лѣтъ онъ учился, но ничему не выучился, и только дошелъ почти до сумасшествія... Наконецъ онъ опомнился, прогналъ докторовъ и бросилъ медицину...

РУПЕРТЪ.

И только. Такъ на что же было и разсказывать...

ФОРТУНКИНЪ.

Нѣтъ, не только. Медицина и до сихъ поръ его не оставляетъ. На него, какъ и на многихъ знаменитыхъ людей нашего дерева, по временамъ находитъ дурь и онъ опять воображаетъ, что онъ великій докторъ. Тогда не только слуги, но и близкіе родственники не смѣй напомнить ему, что онъ баронъ...

РУПЕРТЪ.

А мнѣ какое дѣло напоминать!

ФОРТУНКИНЪ.

Онъ тогда увѣряетъ, что уже тридцать лѣтъ докторъ,—замѣтьте, тридцать... И по-

тому вы должны быть съ нимъ осторожнѣе, если неравно онъ въ такомъ припадкѣ...

РУПЕРТЪ.

Около того... ничего... найдемся. Я покуда останусь въ прихожей, а вы забѣжите узнать въ какомъ онъ, около того... припадкѣ сумасшествія: баронъ или докторъ, вотъ я и явлюсь безопасно...

ФОРТУНКИНЪ.

То-то. Смотрите, а то съ нимъ не сладишь. Не удивляйтесь, если онъ будетъ звать себя докторомъ, щупать вашъ пульсъ, говорить о медицинѣ... ввикаете?

РУПЕРТЪ.

Что мнѣ... Пусть говоритъ что хочетъ; мнѣ у него не дѣтей крестить... только бы деньги отдалъ! Пойдемте; мы ужъ и такъ довольно вертимся все около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Опять около того... У этихъ плебеевъ есть свои выраженія, которыхъ намъ, вельможамъ, не понять... Я слушалъ, слушалъ... а просто не понимаю къ чему вы говорите около того... или вы шутите...

РУПЕРТЪ.

Какъ? не понимаете, около того... Да помилуйте... тутъ глубочайшій смыслъ политическій... тутъ, такъ сказать, вся жизнь наша, все... около того!

Жизнь нашу тратя на химеры,
Весь вѣкъ мы всѣ до одного
На разнородныя манеры
Вертимся около того...
Чиновникъ, чтобы подслужиться
Тамъ, гдѣ есть польза для него
И повышенія добиться,—
Вертится *около того.*
Тотъ на красавицѣ женился,
Для утѣшенья своего:
Вдругъ знатный другъ къ нему явился,
Вертится *около того!*
Писатель разъ умно напишетъ
Такъ что похвалятъ всѣ его,
Да послѣ тамъ-же все и дышетъ,
Вертится *около того.*
Женихъ невѣсту такъ голубитъ,
Ее хранитъ какъ божество:
Подумаешь—ее онъ любитъ,—
Вертится *около того.* (*Бьетъ по карману*)
Тутъ впрочемъ нечему дивиться,
Мурденаго нѣтъ ничего:
И міръ-то, кажется, вертится
Весь около того!

Вотъ видите, какая это политическая поговорка! Знайте-же теперь, что земля вертится во первыхъ около своей оси, во вторыхъ около солнца, а въ третьихъ еще около того. Однакожъ, надѣюсь, что мы теперь въ послѣдній разъ повернулись около того...

РОЗИНА, ВХОДИТЪ.

Дядюшка! вы забыли ключи. (*Подаетъ*).

РУПЕРТЪ, съ безпокойствомъ.

Гдѣ они были? Ты ихъ сейчасъ нашла?

РОЗИНА, съ замѣшательствомъ.

Сейчасъ, дядюшка... Я ихъ на полу подняла.

РУПЕРТЪ.

Какъ это я ихъ уронилъ! Идемъ; да, я сейчасъ, только отдамъ приказаніе (*Подходитъ къ двери на лѣво и кричитъ*). Анисья! Анисья!

РОЗИНА, украдкой.

Я нашла завѣщаніе, только не знаю, что въ немъ написано...

РУПЕРТЪ, въ дверяхъ въ полголоса.

Смотри же... чтобъ все было по прежнему... Я вѣдь тебѣ лишнія деньги даю за то, чтобъ ты не пускала ни кого на черную лѣствицу и около того...

ФОРТУНКИНЪ, Розинѣ.

Хорошо... очень хорошо...

АНИСЬЯ, въ дверяхъ Руперту.

Хорошо, сударь...

РУПЕРТЪ, идетъ.

Ну, теперь совсѣмъ... только надо дверь запереть... безъ меня вѣдь продажи нѣтъ...

ФОРТУНКИНЪ.

Какъ, не ужели вы запрете вашу племянницу?

РУПЕРТЪ.

У меня такой обычай... Я скоро ворочусь...

ФОРТУНКИНЪ.

Странно, а она, кажется, такая смирная... Плебеизмъ, варваризмъ!

РУПЕРТЪ.

Она послушна и покорна,
Одна не смѣетъ выходить;
Но я скажу вамъ непритворно,
Что дверь не худо притворить!

ФОРТУНКИНЪ.

Вы говорите очень мило,
Обычай вашъ весьма хорошъ.

Но вѣдь въ мѣшкѣ не спрячешь шила,
Замкомъ дѣвицы не запрешь!
(Они уходятъ; слышно какъ Рупертъ запираетъ снаружи дверь).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Театръ представляетъ комнату доктора Аффенберга. Впереди письменный столъ, на которомъ разбросаны книги и бумаги.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОКТОРЪ, ОДИНЪ.

Хоть бы отъ одного копейка... Да тутъ же еще и сердечныя огорченія: тотъ противъ чаянія вдругъ выздоровѣлъ; тому стало легче; тотъ перемѣнилъ доктора... Суета суетъ! Ужъ нынче и нашему брату, доктору, не легко жить на свѣтѣ... Свѣтъ черезъ чуръ умудрился... люди въ насъ плохо вѣрятъ... да на бѣду еще теперь всѣ водой лечатся, а отъ такого леченья ни доктору, ни аптекарю пользы нѣтъ ровно ни на алтынъ... А все мы же виноваты... все доктора...

Доктора свои находки
Сып. потъщедрою рукой:
Лечатъ солью отъ чахотки,
И водой отъ водяной.
Прежде этими вещами
Добывали мы доходъ,
А теперь не ради сами.
Что пустили воду въ ходъ.
Времена для насъ плохія,
Мы теперь хоть волкомъ вой:
Не зовутъ ужъ насъ больные,
Сами лечатся водой.
И недужныхъ, и уродовъ—
Всѣхъ вода лечить взялась,
И теперь *водопроводовъ*
Тьма на свѣтѣ завелась.
Въ бога здравья воду тянутъ.
Воду тянутъ, какъ вино.
И ужъ скоро въ морѣ станутъ
Безъ помѣхи видѣть дно...
Но дождутся злаго году...
Какъ во всѣхъ концахъ земли
Всю до капли выпьютъ воду—
Сядутъ раками на мель!

Тогда-то намъ опять будетъ праздникъ... Не дождешься, кажется, такого счастія!..

Ну, что-то изъ этого будетъ... Пойду прочту завѣщаніе!

ЯВЛЕНІЕ II.

ДОКТОРЪ, ФОРТУНКИНЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Вотъ г-нъ баронъ фонъ Лохенкретъ.

ДОКТОРЪ.

Добро пожаловать. Что вашъ больной?

ФОРТУНКИНЪ.

Къ несчастію, ему все хуже. Онъ теперь только и бредитъ о брилліантахъ, что впрочемъ было всегда исключительнымъ конькомъ помѣшательствъ въ нашемъ родѣ. Кто же напомнитъ ему его благородную породу, скажетъ, что онъ графъ Рупертъ, а не ювелиръ — онъ бѣсится еще больше... вникаете?

ДОКТОРЪ.

Странный конекъ помѣшательства! Разскажите мнѣ еще, какъ это было...

ФОРТУНКИНЪ.

Очень просто, или мудрено, если хотите... Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ увидѣлъ на Гороховой Улицѣ вывѣску ювелира Руперта —и вдругъ въ голову его забралась мысль, что онъ не графъ, а ювелиръ... Ни въ одномъ изъ сучковъ нашего родословнаго дерева такъ быстро не вкоренялась подобная идея... она привилась какъ оспа... Это сходство фамилій показалось ему игралищемъ рока... вникаете?.. Онъ сталъ увѣрять всѣхъ, что онъ первый ювелиръ въ свѣтѣ; опроверженія всего нашего дома не могли его образумить. Словомъ, если вы не возвратите ему разсудка, то вся надежда пропала...

ДОКТОРЪ.

Кто? Я—докторъ медицины и хирургіи, членъ многихъ ученыхъ обществъ и благотворительныхъ заведеній, не возвращу ему разсудка?.. Надѣюсь, что вы ошибаетесь...

ФОРТУНКИНЪ.

Дай Богъ! Я привезъ его къ вамъ; онъ въ пріемной... Родственники изъявили согласіе отдать его къ вамъ для излеченія, и вотъ бумага, ими подписанная, которая даетъ вамъ право поступать съ нимъ по своему усмотрѣнію... вникаете? Только предупреждаю васъ, что онъ бываетъ очень сердитъ, когда станутъ ему противорѣчить... вникаете?

ДОКТОРЪ.

Сердитъ? прекрасно! я ужъ знаю, какъ мнѣ поступать...

ФОРТУНКИНЪ.

Вся родня наша чрезъ меня проситъ васъ не думать, чтобъ излеченіе такого лица не доставило вамъ славы и выгодъ... вникаете?

ДОКТОРЪ.

А я съ своей стороны надѣюсь, что чрезъ недѣлю вы увидите графа совсѣмъ здоровымъ...

ФОРТУНКИНЪ.

Итакъ прощайте; прикажите проводить меня особымъ ходомъ: я не хочу разстраивать моихъ нервъ печальной картиной сумасшествія моего бѣднаго дяди, да и онъ, увидѣвъ меня, пожалуй привяжется и отъ него не отдѣлаешься... а мнѣ нужно... есть важное дѣло... вникаете?

ДОКТОРЪ.

Именно, лучше не показывайтесь. (*Звонитъ; входитъ слуга*). Проводи г-ва барона заднимъ ходомъ, да скажи Ивану, чтобы пришелъ стеречь больнаго... (*Фортункину*). Не дерется ли онъ, когда на него находитъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Нѣтъ... въ нашей фамиліи вообще замѣчена благородная привычка не давать рукамъ воли. Впрочемъ, вы можете быть спокойны... Въ бумагѣ, которую я вамъ далъ, сказано, что вы можете и связать его въ случаѣ нужды... (*Въ сторону*). Оно и мнѣ спокойнѣе, какъ его свяжутъ... Итакъ, до свиданія.

ДОКТОРЪ.

Прощайте... (*Фортункинъ уходитъ съ слугою*).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ДОКТОРЪ, ПОТОМЪ СЛУГА.

Нынѣшній день не потерянъ... Гдѣ бы мнѣ удобнѣе помѣстить моего больнаго и по какой методѣ начать леченіе? Пусть покуда побудетъ здѣсь; въ пріемной не ловко... а въ тѣхъ прежде протопить надо... Пользовать начну по совѣту великаго Боэргава, т. е. прежде всего разсержу его какъ можно болѣе, а потомъ задамъ добрый пріемъ микстуры... А чтобъ она имѣла болѣе дѣйствія, цѣлый день не дамъ ему ни ѣсть, ни пить, ни спать... Однакожъ пора и посмотрѣть на его сіятельство. (*Звонитъ; входитъ слуга*). Что больной, смирно сидитъ?..

СЛУГА.

Не сидитъ, сударь, а стоитъ у двери...

ДОКТОРЪ.

Проси его сюда... (*Слуга уходитъ*). Сейчасъ же взбѣшу его... это самая спасительная мѣра.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДОКТОРЪ И РУПЕРТЪ.

РУПЕРТЪ, смиренно становится у дверей и кланяется.

Честь имѣю засвидѣтельствовать всенижайшее почтеніе, преданность и... около того....

ДОКТОРЪ.

Здравствуйте... Чтожъ вы остановились? Пожалуйте сюда...

РУПЕРТЪ.

Ничего-съ, помилуйте, постою и около... И такъ много чести, что я, простой ювелиръ — стою въ вашемъ присутствіи... Понравились ли вамъ мои бриліянты?

ДОКТОРЪ, въ сторону.

Ювелиръ, бриллianты! Началъ ужъ, началъ... Какіе бриллianты, ваше сіятельство?

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Тонкая насмѣшка! (*Ему*) Конечно, вамъ угодно называть меня сіятельнымъ, потому что я бриліянты продаю, но осмѣлюсь вамъ сказать, что я больше ничего какъ простой ювелиръ.

ДОКТОРЪ.

Полноте, это вамъ такъ кажется, оттого что вы больны... Я употреблю всѣ мои медицинскія познанія, чтобъ васъ вылечить.

РУПЕРТЪ.

Помилуйте, г-нъ баронъ!

ДОКТОРЪ.

Я не баронъ, а докторъ...

РУПЕРТЪ.

Докторъ? понимаю. (*Въ сторону*). Ну, такъ попалъ же я кстати! (*Ему*) Такъ вы сегодня докторъ?..

ДОКТОРЪ.

Не сегодня, а вотъ ужъ тридцать лѣтъ...

РУПЕРТЪ.

Тридцать, гм! около того.

ДОКТОРЪ.

Я всѣми силами постараюсь выбить изъ головы вашей эти несчастные бриліянты и замѣнить ихъ свѣтлыми мыслями.

РУПЕРТЪ.

Позвольте вамъ замѣтить, что я за свои бриліянты не возьму никакихъ свѣтлыхъ мыслей, около того... если вы хотите имѣть ихъ, то пожалуйте деньги.

ДОКТОРЪ.

Какіе у васъ бриліянты, ваше сіятельство; вы графъ, а не ювелиръ.

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Что онъ несетъ! (*ему*) Помилуйте, всѣмъ извѣстно, что я тридцать лѣтъ ювелиръ и составилъ себѣ извѣстность на Гороховой улицѣ и около того.

ДОКТОРЪ, (въ сторону).

Ну, пошелъ городить..

РУПЕРТЪ.

Что касается до бриліянтовъ, то вы нигдѣ лучше тѣхъ не найдете, которые къ вамъ доставлены.

ДОКТОРЪ.

Доставлены ко мнѣ? (*въ сторону*) Вотъ что выдумалъ! у сумасшедшихъ воображеніе работаетъ удивительно... внесу въ мои записки... (*ему*) Такъ вы доставили мнѣ бриліянты?

РУПЕРТЪ.

Около того... И пришелъ получить за нихъ деньги.

ДОКТОРЪ, въ сторону.

И какъ складно вретъ! (*ему*) Что вы толкуете, графъ? Говорю вамъ рѣшительно: я никакихъ бриліянтовъ не получалъ: денегъ вамъ ни копейки давать мнѣ не за что.

РУПЕРТЪ, въ испугѣ.

Не получали... не отдадите? Что вы?... вы хотите меня ограбить... я обманутъ... Отдайте... или я пойду... около того....

ДОКТОРЪ.

Я васъ никуда не пущу.

РУПЕРТЪ.

Не пустите! Вы хотите меня погубить... около того. Что вы, господинъ докторъ, г-нъ баронъ... чортъ знаетъ въ какомъ вы теперь припадкѣ... я пожалуюсь.

ДОКТОРЪ.

А! насилу разсердился! (*идетъ*) Пора связать, пора!

РУПЕРТЪ.

Куда же вы, куда!.. (*идетъ за нимъ*) Отдайте бриліянты... отдайте! (*Докторъ уходитъ*) Силы небесныя! я — разоренъ!

Что со мной? я весь въ пожарѣ,
Я горю какъ на огнѣ.
Кровь кипитъ, какъ въ самоварѣ,
Мочи нѣтъ какъ жарко мнѣ!
Сердце бьется и тоскуетъ,
Отъ испуга ноетъ грудь,
Самый воздухъ въ уши дуетъ,
Что меня хотятъ надуть!

Вотъ тебѣ, того, вотъ тебѣ около того! Какъ я сплошалъ... Гдѣ я? у воровъ, или у барона?.. Если у него, то онъ уже долженъ быть въ третьемъ градусѣ сумасшествія, когда такую штуку затѣялъ... нѣтъ, ужъ это не шутка! Всѣ ушли, ни тутъ ни около того ничего не слышно... можетъ быть, меня зарѣзать хотятъ... Нѣтъ, я не могу оставаться одинъ; что будетъ—только бы скорѣе къ концу... Эй, люди! (*бѣгаетъ отъ одной двери къ другой*) Откликайтесь, эй, эй!

(Входитъ докторъ съ четырьмя слугами и склянкою въ рукахъ).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

РУПЕРТЪ, ДОКТОРЪ И СЛУГИ.

Не должно опускать спасительной минуты. Если онъ будетъ упрямиться, то ты, Иванъ, и ты, Ѳедоръ—поймайте его и держите покрѣпче; ты, Давидъ, приподними ему голову, а ты, Сидоръ, этимъ инструментомъ разинь ему ротъ пошире; а я знаю ужъ, что дѣлать... Графъ, потрудитесь разинуть ротъ.

РУПЕРТЪ.

Что... около того... ротъ разинуть?... да зачѣмъ это... что я буду стоять ротъ разиня... Вы мнѣ зубъ что ли вылернуть хотите... у меня зубы не болятъ... съ тѣхъ поръ, какъ пристяжная лошадь какого-то франта мнѣ, около того, коренной зубъ вышибла...

ДОКТОРЪ.

Повинуйтесь, графъ... а нето хуже будетъ... я прикажу васъ держать... *(идетъ къ нему)*

РУПЕРТЪ.

Ай, ай! у васъ склянка... вы меня отравить... около того, отравить хотите. *(бѣжитъ отъ него)*.

ДОКТОРЪ, СЛУГАМЪ.

Исполняйте приказаніе! *(слуги бросаются на Руперта, который защищается)*.

РУПЕРТЪ, въ изступленіи.

Люди вы, черти или что нибудь около того! Помилуйте, ай, рѣжутъ! ой, отпустите душу на покаяніе!

ДОКТОРЪ.

Не отпускайте, держите, держите! *(Слуги держатъ, Рупертъ старается вырваться)*.

РУПЕРТЪ.

Около того. . мучители... постойте! такъ и быть, тиранъте; я самъ дамъ отравить себя.

(Разѣваетъ ротъ).

ДОКТОРЪ.

Эта спасительная влага есть изобрѣтеніе великаго Бердта *(вливаетъ ему въ ротъ микстуру)*. Глотайте осторожнѣе, чтобъ не пролить капельки.

РУПЕРТЪ.

Все кончено, около того... я отравленъ... фу! какъ гадко... около того... *(плюетъ)*. Какой вы мнѣ горечи поддали!

ДОКТОРЪ.

А! прекрасно! ничего еще не видя, онъ ужъ зажмурилъ глаза и пѣна показалась на губахъ; это значитъ, что дурь мигомъ выходить начинаетъ. Довольно! садитесь въ кресло. Такъ! Что, графъ, не чувствуете ли вы во рту небольшой горечи съ малою солоноватостью?

РУПЕРТЪ.

Отравилъ, да еще спрашиваетъ—вкусно ли, около того. Охъ, Господи!

ДОКТОРЪ.

Отравилъ? это ужъ слишкомъ! Прощаю вамъ это единственно изъ уваженія къ тому, что вы сумасшедшій.

РУПЕРТЪ, вскакивая.

Я сумасшедшій!

ДОКТОРЪ.

Конечно. Совѣтую вамъ безпрекословно слѣдовать моимъ рецептамъ, а не то я поступлю по силѣ данной мнѣ власти... Съ чего вы взяли, что я баронъ—я просто докторъ Симонъ Аффенбергъ!

РУПЕРТЪ.

Знаю, знаю. На васъ дурь нашла; вы сами себя не помните, а меня изъ ювелира сдѣлали графомъ! Опомнитесь, ради Бога, г-нъ баронъ фонъ Аффен...

ДОКТОРЪ.

Стойте, стойте... говорятъ вамъ, что я докторъ, а не баронъ.

РУПЕРТЪ.

А долго ли вы намѣрены пробыть докторомъ?

ДОКТОРЪ.

До конца моей жизни...

РУПЕРТЪ.

Какъ до конца? Такъ этому, значитъ, и конца не будетъ... Да образумьтесь, баронъ.

ДОКТОРЪ.

Образумьтесь вы, ваше сіятельство.

ДОКТОРЪ И РУПЕРТЪ.

Образумьтесь, Бога ради,
Не мелите на обумъ,
Сами будете вы рады,
Какъ найдете вы на умъ!

ДОКТОРЪ.

Графъ, вы очень ужъ кричите,
Вы свирѣпы, какъ вампиръ!

РУПЕРТЪ.

Вы чрезъ-чуръ, баронъ, кричите,
Вы свирѣпы, какъ вампиръ!

ДОКТОРЪ.

Не баронъ я, извините, —
Я врачемъ родился въ міръ.

РУПЕРТЪ.

Что за графъ я! не мудрите. —
Я отличный ювелиръ!

Повторяю вамъ, что вы въ припадкѣ безумія произвели меня въ графы... около того...

ДОКТОРЪ.

Повторяю вамъ, что вы въ сумасшествіи, и потому вообразили себя ювелиромъ, меня баровомъ, и бредите чортъ знаетъ какими бриліантами, которыхъ я никогда не получалъ, а вы не имѣли, и имѣть не будете!

РУПЕРТЪ.

Имѣть не буду! Нѣтъ! мнѣ видно покуда оставить бриліанты и кинуться въ управу благочинія и... около того... Прощайте, г-нъ баронъ!

ДОКТОРЪ.

Эй, люди! будьте готовы! Не угодно ли вашему сіятельству подождать немного и выслушать, что написано въ этой бумагѣ. (*Вынимаетъ бумагу и читаетъ*) «Мы нижеподписавшіеся сумасшедшаго лядю нашего графа фонъ Руперта отдаемъ для пользованія въ сей болѣзни доктору Симону Аффенбергу, съ тѣмъ, что можетъ онъ съ онымъ лядею нашимъ поступать по своей волѣ; именно: связывать его веревками, брить голову, сажать на цѣпь и употреблять всѣ другія средства къ укрощенію порывовъ его бѣшенства. Вотъ и подпись вашихъ родственниковъ: *баронъ Гансъ фонъ-деръ Лохенкретъ, графъ Ульрихъ фонъ-деръ Шустеръ Мустеръ, баронесса Гертруда фонъ-деръ Фосфоръ, графиня Кунигунда фонъ Гарепъ Лохъ.*

РУПЕРТЪ.

Въ какую родню я попалъ! Силы небесныя! что со мной?

ДОКТОРЪ.

Ну, что скажете, графъ? Стоитъ только мнѣ приказать — и вы будете посажены на цѣпь, связаны и васъ отбрѣютъ начистѣйшимъ образомъ.

РУПЕРТЪ.

Обрѣютъ голову?

ДОКТОРЪ.

Да.

РУПЕРТЪ.

Начисто... около того?

ДОКТОРЪ.

Да.

РУПЕРТЪ.

О, Господи, новый расколъ... заказывай парикъ... Силы небесныя и... около того!.. что со мной? Камни мои драгоцѣнные отняли... меня брить хотятъ...

Какъ будто въ адъ меня влекутъ;
Въ глазахъ какія-то букашки,
Сто кошекъ на сердцѣ скребутъ,
По тѣлу бѣгаютъ мурашки.
За что я долженъ такъ страдать,
За что столь тяжкія мученья?
Хотѣлъ я *камни* имъ продать...
И встрѣтилъ *камень* преткновенья.

Пропала моя головушка.. Не понимаю, что со мной дѣлается! Нѣтъ спасенья ни здѣсь, ни тамъ, ни около того! (*про себя*) Попытаюсь еще, попрошу его.. польщу ему... около того... Докторъ, а докторъ.

ДОКТОРЪ.

Что, ваше сіятельство?

РУПЕРТЪ.

Вы посвятили себя на пользу страждущихъ, болящихъ... и... около того; вы ихъ спасаете, воскрешаете, оживляете, и... около того... Извѣстно всѣмъ, что вы первѣйшій врачъ, великодушнѣйшій человѣкъ. Ужели же вы не захотите возвратить мнѣ здоровья и... около того.

ДОКТОРЪ, въ сторону.

А, а! Онъ что-то дѣло заговорилъ! (*ему*). Какъ можно? и изъ того и хлопочу, ваше сіятельство. Я вотъ уже давеча и началъ васъ лечить, (*смотритъ на часы*) а теперь скоро другой пріемъ приближается.

РУПЕРТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте... (*въ сторону*) Вотъ надоумилъ! (*ему*) Я болѣнъ... но не тѣломъ; а душою и... около того. Возвратите мнѣ бриліянты, и я буду здоровъ, какъ нельзя болѣе.

ДОКТОРЪ, въ сторону.

Ну, опять понесъ! (*ему*) Я не могу вамъ возвратить того, чего не бралъ...

РУПЕРТЪ.

Не брали... не брали... Полноте докторъ... Не вы ли получили ихъ отъ вашего племянника, которому я отдалъ ихъ для показанія вамъ.

ДОКТОРЪ.

Что за племянникъ? новая чушь...

РУПЕРТЪ.

Не чушь, право не чушь.. около того... настоящая правда... Я вотъ какъ теперь помню, какъ я уложилъ бриліянты, вотъ по этому реэстру, около того... мы пріѣхали къ вамъ и я отдалъ ему коробочку, для показанія вамъ.

ДОКТОРЪ.

Складно, очень складно; только племянника у меня никакого нѣтъ, невѣсты тоже, бриліянтовъ покупать мнѣ не для чего... А покажите-ка, что у васъ за бумага въ рукахъ.

РУПЕРТЪ.

Реэстръ... около того... за вашимъ подписаніемъ.

ДОКТОРЪ, разсматривая бумагу, съ изумленіемъ.

Свидѣтельствуюсь всѣми больными, которыхъ, можетъ быть, ужъ нѣтъ на свѣтѣ, но все таки свидѣтельствуюсь, что тутъ нѣтъ ни одной буквы моего почерка... Что это значитъ?

РУПЕРТЪ.

Что, нѣтъ? Не вы писали... около того... не вы? А! я начинаю понимать!... Онъ не вашъ племянникъ? Послушайте, баронъ, скажите пожалуйста правду — находитъ ли на васъ иногда этакая медицинская дурь, около того... что вы воображаете себя медикомъ?

ДОКТОРЪ.

Я и безъ того медикъ... Скажите лучше, не находитъ ли на васъ дурь, что вы воображаете себя ювелиромъ?

РУПЕРТЪ.

Я и такъ ювелиръ... И могу доказать... спросите въ Гороховой и около того... Такъ на васъ дурь не находитъ?

ДОКТОРЪ.

И на васъ?

РУПЕРТЪ.

Ей Богу, нѣтъ...

ДОКТОРЪ.

Ну такъ насъ одурачили. Подпись подложная... бриліянты ваши похищены.

РУПЕРТЪ.

Что... украдены... Кѣмъ?... около того... Мои драгоцѣнные камни, мои бриліянты и... около того—украдены... Вы ничего объ нихъ не знаете?

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ!

РУПЕРТЪ.

Такъ ихъ укралъ вашъ племянникъ?

ДОКТОРЪ.

Какой мой племянникъ, этотъ молодой человѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ вашъ племянникъ.

РУПЕРТЪ.

Какой онъ мнѣ племянникъ. . . выходитъ онъ просто, около того .. мошенникъ.

ДОКТОРЪ.

Да, теперь это, кажется, ясно.

РУПЕРТЪ.

Это ни на что не похоже... около того... это меня въ гробъ сведетъ...

Я мирно камни продавалъ
И капиталъ себѣ упрочилъ;
Вдругъ чортъ меня околдовалъ
И шутъ какой-то обморочилъ.
Нашъ міръ въ искусствѣ надувать
Достигъ такого совершенства,
Что и *на камнях* основать
Нельзя ужъ прочнаго блаженства!

Дѣлайте что хотите... а я просто съ ума сошелъ... около того... Какъ это люди не имѣютъ совѣсти!

ДОКТОРЪ.

У тѣшьтесь... Что дѣлать!

Нашъ міръ театръ. На сценѣ свѣта
Играть намъ роли суждено,
Въ репертуарѣ жизни этой
Піесы тѣ же ужъ давно:
Любовь — опошленная драма,
Честь — историческая быль,
Пріязнь — на вѣкъ нашъ эпиграма,
И *Совѣсть* шутка-водевиль.
Мы въ жизни бенефиціанты;

Вся трудность въ томъ, что надо знать,
Чтобъ показать свои таланты,
Какую пьесу разыграть:
Въ *Любви и Дружбѣ* мало смѣху,
Отъ *Чести* выгодой не льстись,
А *Совѣсть* дай толпѣ въ потѣху, —
Такъ схватишь славный бенефисъ!

Надѣюсь, что эта неутѣшительная истина должна васъ нѣсколько утѣшить... лучше этого рецепта теперь я не могу вамъ прописать...

РУПЕРТЪ, плачетъ.

Гдѣ, то мои бриліянтики гуляютъ теперь; я ихъ уложилъ, укуталъ... около того... (*всхлипываетъ*) Еще въ Графскомъ переулкѣ давича какое-то предчувствіе было... около того... сбылось... сбылось...

ДОКТОРЪ.

Чѣмъ отчаяваться, лучше подумать о средствахъ возвратить...

РУПЕРТЪ.

Возвратить... около того... нѣтъ! Силы небесныя, около того! Силы мои не въ силахъ этого вынести!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ, ФОРТУНКИНЪ И ПОТОМЪ РОЗИНА.

ФОРТУНКИНЪ.

Извините, что безъ доклада. (*Осматривается*).

ДОКТОРЪ.

Вамъ конечно есть до меня нужда?

РУПЕРТЪ.

Пришелъ кто-то... кто? Молодой человѣкъ! скажите, скажите... не видали ли вы моихъ бриліантовъ... около того...

ДОКТОРЪ.

Извините его, сударь... онъ въ припадкѣ сильной горести.

ФОРТУНКИНЪ.

Мнѣ именно съ нимъ нужно поговорить и съ вами, докторъ.

ДОКТОРЪ.

Такъ вы его знаете?

ФОРТУНКИНЪ.

Очень коротко.

РУПЕРТЪ.

О, помогите, помогите мнѣ... около того... спасите... меня обокрали... ограбили и... около того... одурачили... Конецъ мой насталъ... около того...

РОЗИНА, вбѣгаетъ.

Дядюшка, дядюшка! Что съ вами?

РУПЕРТЪ.

Розина! племянница... и... около того... О! Ты пришла на помощь къ твоему ограбленному дядѣ и... около того... ты знаешь, гдѣ бриліанты... о! добрая душа... ты спасешь меня... другъ мой, около того... жена моя!

ФОРТУНКИНЪ.

Постойте... Жена—только не ваша!

РУПЕРТЪ.

Чья-же?

ФОРТУНКИНЪ.

Моя!

РУПЕРТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?... Что я вижу... да это тотъ самый студентъ... Она ваша жена? не можетъ быть... вѣдь я ее заперъ, около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Я прошелъ съ черной лѣстницы.

ДОКТОРЪ, про себя.

Не понимаю, что за исторія!

РУПЕРТЪ.

Неужели она ужъ, около того... ваша жена...

ФОРТУНКИНЪ.

Я не шутя говорю...

РУПЕРТЪ.

Дочь непослушная, своевольная и около того... ты вышла замужъ безъ позволенія дяди... Богъ знаетъ за кого... ты будешь достойно наказана. Ты не получишь приданаго ни копѣйки... слышишь ли... около того... ни копѣйки не получишь! (*въ сторону*) Слава Богу! хоть тридцать тысячъ остались... около того...

РОЗИНА.

Не безпокойтесь дядюшка, я ужъ получила всѣ тритцать тысячъ!

РУПЕРТЪ.

Какъ получила? что ты говоришь? около того...

ДОКТОРЪ, Фортункину.

Объяснитесь, пожалуйста... что все это значитъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Успокойтесь на минуту г-нъ Рупертъ... выслушайте меня.

РУПЕРТЪ.

Успокоюсь, потому что я уже и не могу говорить... около того...

ФОРТУНКИНЪ.

Во-первыхъ, вамъ, докторъ, и вамъ г-нъ Рупертъ нужно знать, что я тотъ самый человѣкъ, который извѣстенъ вамъ подъ именемъ барона Лохенкрста.

ДОКТОРЪ.

Какъ, такъ это не ваша фамилія?

ФОРТУНКИНЪ.

Нѣтъ, настоящая моя фамилія Фортункинъ, а званіе не баронъ.

РУПЕРТЪ.

Такъ это вы взяли мои бриліянты... вы.. Отдайте, отдайте ихъ, сударь... или, около того... въ управу..

ФОРТУНКИНЪ.

Погодите немного... Вы сейчасъ ихъ получите на одномъ условіи... Вотъ видите въ чемъ дѣло... Я давно былъ влюбленъ въ племянницу г-на Руперта... Но онъ самъ хотѣлъ жениться на ней, потому что у нея тридцать тысячъ приданаго...

РУПЕРТЪ, про себя.

Разумѣется, потому.

ФОРТУНКИНЪ.

Онъ скрылъ завѣщаніе ея покойнаго отца, и никакъ не хотѣлъ отдать денегъ.

РУПЕРТЪ, въ сторону.

Какой же сумасшедшій сдѣлалъ бы это!

ФОРТУНКИНЪ.

Я рѣшился взять приданое силою и употребилъ средство, которое вамъ, я думаю, теперь ясно.

ДОКТОРЪ.

Конечно.

РУПЕРТЪ.

И все это наплела эта недостойная женщина... около того.

ФОРТУНКИНЪ.

Вы ее браните... а она еще объ васъ безпокоилась... Если бы не она, то вы бы еще долго пробыли въ недоумѣніи. Потому что я бы никогда не рѣшился въ самый день свадьбы дѣлать съ моею женою визиты, особенно холостымъ людямъ.

РУПЕРТЪ.

Что вы около того-то вертитесь... отдайте скорѣй бриліянты....

ФОРТУНКИНЪ.

Потише, г. Рупертъ. Вы получите бриліянты не прежде, какъ исполнивъ завѣщаніе отца Розина, т. е. отдавши ея приданое... для того я и взялъ ихъ у васъ.

РУПЕРТЪ.

Какое завѣщаніе! Кто вамъ сказалъ, около того... его нѣтъ... хотите такъ взять Розину, такъ съ Богомъ, а нѣтъ, такъ я еще жаловаться пойду... около того.

ФОРТУНКИНЪ.

Ничего этимъ не возьмете... къ счастію и завѣщаніе уже у насъ.

РУПЕРТЪ, въ испугѣ.

Какъ у васъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Розина нашла его въ вашей шкатулкѣ... стоитъ только предъявить его... такъ вы сейчасъ будете принуждены выдать деньги.

РУПЕРТЪ.

Вотъ тебѣ и тридцать тысячъ! Вотъ тебѣ и жена... около того... (*съ горестью*). Да не ужели же ужъ вы успѣли жениться на ней?

ФОРТУНКИНЪ.

Да успѣлъ... долго ли это... сейчасъ же взялъ да и женился.

РУПЕРТЪ.

Вотъ тебѣ и чорная лѣстница, вотъ тебѣ и замокъ съ пружинами... около того...

РОЗИНА.

Простите-же насъ дядюшка, мы будемъ васъ любить, будемъ вамъ хорошими дѣтьми.

РУПЕРТЪ.

Дѣти... около того... очень хоши дѣти! около того... отца провели...

ФОРТУНКИНЪ.

Простите насъ, г. Рупетръ... теперь ужъ все кончено... мы обвѣнчаны... и я право буду хорошій мужъ Розинѣ. Вѣдь и я самъ много страдалъ для нея.

Я къ ней горячею любовью
Еще на лекціяхъ пылалъ,
Готовъ былъ жертвовать я кровью
За мой прекрасный идеалъ.
Мнѣ какъ въ лѣсу встрѣчались сучья,
Маслу пристань я нашелъ...

Да, я на верхъ благополучья
По черной лѣстницѣ взошолъ!

РОЗИНА.

И я давно его любила,
Онъ мнѣ являлся день и ночь,
И отъ меня не отходила
Мечта о немъ ни шагу прочь!

РОЗИНА и ФОРТУНИКИНЪ.

Давно другъ друга мы любили
И нашъ вполнѣ счастливый бракъ,
Какъ небеса благословили,
Благословить васъ просимъ такъ!

РУПЕРТЪ.

Да ужъ больше и дѣлать ничего не остается... около того... Вы такъ хорошо сдѣлали, что и не поправишь; видно правда, что шила въ мѣшкѣ не утаить, а дѣвушки подъ замкомъ не удержать... Какъ скажете вы, докторъ, около того?

ДОКТОРЪ.

Да я скажу,—и около того, и около этого, и около другаго, какъ ни поверни, все такъ...

РУПЕРТЪ.

Мы похитрѣли чрезвычайно
И похитрѣлъ ужасно міръ...
«Вотъ бриліантъ необычайный»
Нашъ братъ толкуетъ ювелиръ...
Оно и точно что блестящій,
А ближе взглянешь на него,—
Не то чтобъ вовсе настоящій,
А только — около того...

ФОРТУНИКИНЪ.

Иной профессоръ увѣряетъ,
Что онъ всю мудрость разжевалъ,
И языковъ такъ много знаетъ,
Что самъ въ *язычники* попалъ.
Онъ точно малый премудреный,
А ближе взглянешь на него,—
Не то чтобъ вовсе онъ ученый,
А только — около того.

ДОКТОРЪ.

Иной и медикъ, и философъ
Больнымъ всѣмъ уши прокрпчалъ,
Что всѣ болѣзни вѣрный способъ
Лечить давно онъ отыскалъ...
То правда—способъ безпримѣрный,
А ближе взглянешь на него,—
Не то что бъ вовсе очень вѣрный,
А только—около того!

РОЗИНА, къ публикѣ.

Такъ точно вы воображали,
Что водевиль нашъ будетъ новъ,
И намъ бѣда, когда узнали,
Что онъ и старъ и безтолковъ...
Когдажъ вы имъ довольны были,
Такъ просимъ только одного, —
Не то чтобъ вы насъ похвалили,
А хоть бы — около того!

ОНА ПОМѢШАНА!

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ съ Французскаго,

(ELLE EST FOLLE).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сэръ Бернардъ Гарлейгъ, баронетъ.
Леди Анна, жена его.
Нелли, ихъ племянница.
Докторъ Гаррисонъ.
Сэръ Максвель.
Вилькинсъ, двоюродный братъ Гарлейга.
Давидъ, старый слуга Гарлейга.
Томъ, пастухъ.
Слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ садъ; налѣво входъ въ домъ, направо барьеръ аллеи парка, на средней занавѣсь терраса, съ которой видно море.

ЯВЛЕНІЕ I.

НЕЛЛИ, *(одна входитъ торопливо).*

Какіе-то двое мужчинъ верхами и, кажется, ѣдутъ за мной... а тетушка приказала мнѣ никому не показываться... Ахъ! они уже здѣсь! *(убѣгаетъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВИЛЬКИНСЪ И МАКСВЕЛЬ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Ну да, какая-то женщина...

МАКСВЕЛЬ.

Хороша?

ВИЛЬКИНСЪ.

Я видѣлъ только платье.

МАКСВЕЛЬ.

Досадно!

ВИЛЬКИНСЪ.

Да развѣ я охотился за женскимъ платьемъ. Вотъ что непріятно: лисица была почти въ рукахъ, а теперь ищи ее.

МАКСВЕЛЬ.

Стоило ломать чужія загородки!

ВИЛЬКИНСЪ.

Я въ этомъ нисколько не виноватъ. Вольно было лошади перебросить меня въ сосѣдній паркъ.

МАКСВЕЛЬ.

Надобно извиниться передъ хозяиномъ парка.

ВИЛЬКИНСЪ.

Извиниться! Англичанинъ на охотѣ станетъ извиняться... что вы, милордъ.

МАКСВЕЛЬ.

Страсть къ охотѣ не вовсе увольняетъ отъ приличій, любезный Вилькинсъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Совершенно увольняетъ, милордъ. Разломать перегородку, пронестись засѣяннымъ полемъ — пустяки! Къ тому же это круговая порука: мои поля, мои загородки уничтожай кто хочетъ. Жаль только, что у меня нѣтъ ни полей, ни загородокъ.

МАКСВЕЛЬ.

Вспомни, что я мирный судья графства, а судьѣ не пристало пользоваться чужою собственностію. Нѣтъ ли кого нибудь, я бы послалъ къ владѣльцу парка?

ВИЛЬКИНСЪ.

Кому быть? домъ запертъ.

МАКСВЕЛЬ.

А вотъ какой-то мальчикъ, пастухъ, кажется.—Послушай!

ВИЛЬКИНСЪ.

Поди сюда!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ТОМЪ.

ТОМЪ.

Вы меня зовете, что ли?

МАКСВЕЛЬ.

Кто здѣсь хозяинъ?

ТОМЪ.

Хозяинъ-съ — г. Бриджеттъ.

МАКСВЕЛЬ.

Бриджетъ! я что-то не помню этой фамиліи.

ТОМЪ.

Онъ не здѣшній. Мѣсяца съ два появился, не знаю откуда, да и купилъ здѣсь имѣнье. Слугъ всѣхъ отпустилъ, никуда не ѣздитъ и кромѣ жены своей, да еще молоденькой барышни, что вчера пріѣхала, да кромѣ старика Давида, да большой собаки — ни съ кѣмъ знаться не хочетъ.

МАКСВЕЛЬ.

А, съ нимъ дамы?

ТОМЪ.

Мистрисъ Бриджетъ — такая славная и собой хорошая. Да только что-то не весела-съ.

МАКСВЕЛЬ.

Она, вѣрно, несчастлива.

ВИЛЬКИНСЪ.

И, разумѣется, отъ мужа.

ТОМЪ.

Мнѣ почему знать? Матушка говоритъ: всякой знай свое дѣло... (*въ кулису*) не ходи туда, Памела, не ѣщъ чужова.

МАКСВЕЛЬ.

Ну, а старикъ слуга... нельзя ли съ нимъ поговорить.

ТОМЪ.

Съ нимъ-съ? да онъ ни съ кѣмъ не говоритъ; онъ все бранится.

МАКСВЕЛЬ, (*даетъ ему денегъ*).

Возьми... и позови старика.

ТОМЪ.

Онъ не пойдетъ!

ВИЛЬКИНСЪ.

Скажи, что мирный судья... сэръ...

МАКСВЕЛЬ.

Скажи, что сосѣдъ хочетъ видѣться съ г. Бриджетомъ.

ТОМЪ.

Хорошо-съ, сказать-то я скажу; только посмотрите, чтобъ мои коровы не ѣли чужой травы (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВИЛЬКИНСЪ и МАКСВЕЛЬ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Что вамъ въ этомъ старикѣ?

МАКСВЕЛЬ.

Разспрошу его... мнѣ очень странно.

ВИЛЬКИНСЪ.

Ничего не вижу страннаго: мужъ, изъ ревности, прячетъ ото всѣхъ жену и дочь. Онъ, разумѣется, несчастливы, — обыкновенная исторія. Не стоитъ терять времени.

МАКСВЕЛЬ.

Я очень усталъ, и вамъ вовсе не мѣшаю. Ступайте, если хотите.

ВИЛЬКИНСЪ.

Оставить васъ, милордъ? какъ это можно? Хоть я васъ почти не знаю, но привязанъ мокъ вамъ, какъ къ старинному другу. При ей преданности, я васъ оставлю однихъ? ни за что! Я все думаю, какъ бы не быть вамъ счастливымъ.

МАКСВЕЛЬ.

А развѣ я несчастливъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Не ужъ ли жъ я не вижу? Вы притворяетесь веселымъ, а тоска все-таки беретъ свое. Да у васъ есть какая-то сердечная грусть, милордъ; берегитесь ради Бога! Давича вы смотрѣли на небо и слетѣли съ лошади наземлю: вы могли бы убиться.

МАКСВЕЛЬ.

Ну что жъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Я не перенесъ бы этого, не потому, что вы пригласили меня къ себѣ, вовсе не потому: у васъ безподобный характеръ, милордъ, большое имѣніе, чудная охота, славное вино, доброе сердце и французскій поваръ — все это привязало меня къ вамъ, не смотря на то, что я дикарь и мизантропъ.

МАКСВЕЛЬ.

Вы еще и мизантропъ, Вилькинсъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Ужасный мизантропъ. Впрочемъ, я въ правѣ ненавидѣть людей... О, еслибъ вы знали, какъ они поступили со мной! Я не разсказывалъ вамъ о моихъ несчастіяхъ, милордъ?

МАКСВЕЛЬ.

Разскажите, пожалуйста; можетъ быть, разсказъ вашъ развеселитъ меня.

ВИЛЬКИНСЪ.

Какъ вы добры, милордъ: ваше участіе меня растрогало. Представьте, милордъ, способности развернулись во мнѣ слишкомъ рано, я разорился въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. У меня есть родственники; что жъ? подумалъ я: они обязаны помогать мнѣ.

МАКСВЕЛЬ.

Конечно обязаны.

ВИЛЬКИНСЪ.

Въ числѣ родственниковъ есть у меня двоюродный братъ, милордъ. Онъ наслѣдовалъ все наше родовое имѣніе. Я обращаюсь къ моему двоюродному брату-негодяю, разсказываю ему о моемъ положеніи... братъ заплатилъ всѣ мои долги въ первой разъ, заплатилъ во второй, въ третій... на четвертомъ или на пятомъ разѣ, не помню хорошенько... онъ отказался отъ моихъ долговъ.

МАКСВЕЛЬ.

Неужели?

ВИЛЬКИНСЪ.

Это ужасно, милордъ! Я былъ пораженъ несправедливостію брата и завелъ съ нимъ тяжбу.

МАКСВЕЛЬ.

Тяжбу?

ВИЛЬКИНСЪ.

Да, милордъ, я имѣлъ право: я совершенно разорился. Богатый родственникъ долженъ помогать бѣдному, это ясно. Я просилъ, чтобъ его удалили отъ управленія и наложили запрещеніе на все имѣніе.

МАКСВЕЛЬ.

Запрещеніе?

ВИЛЬКИНСЪ.

Нельзя было иначе. Онъ моталъ безумнымъ образомъ: покупалъ статуи, картины, даже покровительствовалъ артистамъ и сорилъ деньги на благотворительныя заведенія. Ужасный безпорядокъ; я даже не могу всего разсказать вамъ, милордъ. Мнѣ, какъ ближнему родственнику, должно было поручить опеку надъ имѣніемъ; разумѣется, я бы все поправилъ. Вообразите же, милордъ, мои права не уважили; я проигралъ тяжбу и обязанъ былъ заплатить убытки.

*

МАКСВЕЛЬ.

Тутъ нѣтъ большой бѣды, потому что вамъ нечѣмъ было платить.

ВИЛЬКИНСЪ.

Каково же, милордъ, въ мои лѣта, въ 52 года, не имѣть никакого состоянія, таскаться по чужимъ домамъ, гдѣ за обѣдомъ, гдѣ за ужиномъ и быть вездѣ другомъ? Нестерпимо-ужасное состояніе!... О! сэръ Бернардъ Гарлейгъ дорого мнѣ заплатитъ.

МАКСВЕЛЬ.

Гарлейгъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Да, милордъ, мой двоюродный и безчеловѣчный братъ.

МАКСВЕЛЬ.

Лордъ Гарлейгъ, тотъ самый, что женился два года назадъ на миссъ Дорсетъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Онъ, милордъ.—Жена у него прелесть.

МАКСВЕЛЬ.

У него была еще молоденькая племянница.

ВИЛЬКИНСЪ.

Да, подъ опекой у него.—Вы его знаете?

МАКСВЕЛЬ.

Нѣтъ... т. е. я встрѣчался съ нимъ въ моемъ путешествіи. Онъ съ женой также путешествовалъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Онъ женился, должно быть, изъ личной ненависти ко мнѣ, изъ желанія лишить меня наслѣдства.

МАКСВЕЛЬ.

Однако жъ ему не было больше тридцати лѣтъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Все равно, милордъ; вы сами видите, какая черная неблагонамѣренность въ отношеніи ко мнѣ.

МАКСВЕЛЬ.

А гдѣ онъ теперь? что съ нимъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Совершенно не знаю. Нарочно отъ меня ѣздилъ онъ по Швейцаріи, по Италіи. Я ждалъ его, снова началъ бы тяжбу, но, къ несчастію, объ немъ нѣтъ никакого слуху, онъ совершенно пропалъ и, должно быть, нарочно. Однако жъ думаютъ, что онъ уѣхалъ во Францію и тамъ поселился.

МАКСВЕЛЬ.

Надобно ѣхать за нимъ, отыскать его, объѣхать всю Францію, лишь бы получить о немъ извѣстіе.

ВИЛЬКИНСЪ.

Ахъ, милордъ! я не знаю какъ благодарить васъ за такое живое участіе въ судьбѣ моей. Конечно, надобно ѣхать, но у меня нѣтъ денегъ.

МАКСВЕЛЬ.

Располагайте моимъ состояніемъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Благородный другъ..! Ваше состояніе...

МАКСВЕЛЬ.

Ѣдемъ вмѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ТОМЪ.

ТОМЪ.

Господа! пожалуйте отсюда скорѣе — уйдите-съ.

МАКСВЕЛЬ.

Что старикъ?

ТОМЪ.

Разсердился луще собаки, и хотѣлъ-было спустить ее съ цѣпи на васъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Собака!

МАКСВЕЛЬ.

Ты сказалъ ли, что мы сосѣди?

ТОМЪ.

Все сказалъ; но онъ говоритъ, что будетъ жаловаться мирному судьѣ графства.

МАКСВЕЛЬ.

Ну, нечего дѣлать, уйдемъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Теперь же и завтракать пора. Здѣшній хозяинъ вѣрно заклятый пуританинъ, квакеръ.

ТОМЪ.

Чай, просто жидъ, и мнѣ запретилъ подходить къ дому.

МАКСВЕЛЬ, (*Вилькинсъ идетъ*).

Когда взнуздаете лошадей, то кликните меня, Вилькинсъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАКСВЕЛЬ (*одинъ*).

Гарлейгъ во Франціи. Неужели и на

этотъ разъ обманетъ меня надежда! Однако жъ хотѣлось бы мнѣ узнать, что это за домъ? Коляска! не опять ли сюда женщина? Нѣтъ, изъ коляски выходитъ мужчина. Съ какой осторожностью онъ идетъ... посмотримъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДОКТОРЪ и МАКСВЕЛЬ.

ДОКТОРЪ.

Совершенно не знаю, туда ли я попалъ. А, вотъ спрошу...

МАКСВЕЛЬ.

Докторъ Гаррисонъ!

ДОКТОРЪ.

Сэръ Масквель.

МАКСВЕЛЬ.

Знаменитый лондонскій врачъ, и такъ далеко отъ столицы?.. Помилуйте, что будетъ съ вашими больными?

ДОКТОРЪ.

Пусть отдохнутъ немного. Но мнѣ странно, что вы, первый изъ щеголей Гайдъ-Парка, герой всѣхъ лондонскихъ обществъ— встрѣчаетесь мнѣ здѣсь, въ глуши!

МАКСВЕЛЬ.

Возвратясь съ твердой земли, я купилъ здѣсь имѣніе, тамъ, на холмѣ видите замокъ, докторъ, онъ мой. Нынче я поѣхалъ верхомъ и случайно... Вы знакомы съ владѣльцемъ этого дома?

ДОКТОРЪ, (*не слушая его*).

Такъ вы поселились здѣсь?

МАКСВЕЛЬ.

Онъ, кажется, избѣгаетъ всякаго знакомства; не знаете ли вы причины, докторъ?

ДОКТОРЪ.

У васъ чудесное мѣстоположеніе, воздухъ чистый.

МАКСВЕЛЬ.

Неужели дамы рѣшились добровольно отказаться отъ свѣта? Кто этотъ невидимка — Англичанинъ, или иностранецъ?

ДОКТОРЪ.

Довольны ли вы путешествіемъ? Что скажете о Парижѣ? что опера? что мамзель Эльслеръ, обелискъ?.. у васъ вѣрно куча новостей.

МАКСВЕЛЬ.

Докторъ Вильсонъ! мы ведемъ странный разговоръ.

ДОКТОРЪ.

Я по крайней мѣрѣ стараюсь принаровляться къ вамъ.

МАКСВЕЛЬ.

Въ васъ любезность прежняя.

ДОКТОРЪ.

И ваша скромность та же... Не сердитесь; почти всѣ больные на меня сердятся, я къ этому привыкъ.

МАКСВЕЛЬ.

Виноватъ, докторъ. Въ самомъ дѣлѣ медикъ долженъ соблюдать свои тайны; я не стану безпокоить васъ.

ДОКТОРЪ.

Тутъ нѣтъ большаго безпокойства; я больнымъ всегда говорю только то, что могу.

МАКСВЕЛЬ.

Однако жъ согласитесь, что здѣсь есть какая-то тайна, и если бъ вы....

ДОКТОРЪ.

Сэръ Максвель!

МАКСВЕЛЬ.

Что, докторъ?

ДОКТОРЪ.

Я боюсь, (*взявъ его за руку*) у васъ пульсъ силенъ, вы въ волненіи.

МАКСВЕЛЬ.

Я вамъ мѣшаю?

ДОКТОРЪ.

Я не говорю этого... изъ учтивости, но если бъ вы...

МАКСВЕЛЬ.

Хорошо, я уйду. (*Возвращаясь*) Скажите мнѣ откровенно, докторъ, гдѣ нынче лордъ Гарлейгъ и его семейство?.. Какъ старинный ихъ другъ, вы должны знать, что съ ними?

ДОКТОРЪ.

А я васъ хотѣлъ спросить объ нихъ: вы недавно изъ Франціи.

МАКСВЕЛЬ.

Такъ они точно во Франціи?

ДОКТОРЪ.

Говорятъ.

МАКСВЕЛЬ.

О! вы вѣрно знаете?

ВИЛЬКИНСЪ, (*за кулисами*).

Поѣдемте, милордъ.

ДОКТОРЪ.

Вѣрно васъ зовутъ?

МАКСВЕЛЬ.

И вы рады случаю отъ меня избавиться. Прощайте, докторъ. (*Въ сторону*). Я заставлю его сказать мнѣ всю правду.

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДОКТОРЪ, ПОТОМЪ ДАВИДЪ.

ДОКТОРЪ.

Добрый путь, сэръ Максвель... я думаю, эти господа въ болѣзни покойнѣе нежели здоровые. Однакожъ, что ему до Гарлейговъ? Не узналъ ли онъ какъ нибудь?.. Какой вздоръ! Надо же свѣтскому человѣку спросить знакомаго или о старинномъ пріятелѣ, или о новомъ балетѣ, или о вчерашнемъ днѣ — это такъ водится.

ДАВИДЪ, (*изъ дверей дома*).

Ну, слава Богу, уѣхали.

ДОКТОРЪ.

А, теперь я узнаю. Тебя зовутъ Давидомъ, старикъ?

ДАВИДЪ.

Точно такъ, сударь, а вы вѣрно...

ДОКТОРЪ.

Докторъ Гаррисонъ.

ДАВИДЪ.

Слава Богу, вы наконецъ пріѣхали!

ДОКТОРЪ.

Растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, что это за письмо? Десять разъ я его читалъ и все ничего не понимаю. «Любезный Гаррисонъ, «завтра въ семь часовъ утра тебя будетъ «ждать почтовая коляска. Заклинаю Богомъ, «пріѣзжай; въ 20-ти миляхъ отъ Лондона, «въ деревенскомъ домѣ я живу подъ име«немъ Бриджетта. Старикъ Давидъ ста«нетъ ждать тебя у аллеи: дѣло идетъ о «жизни или смерти, докторъ; леди Анна, «жена моя, не знаетъ, что я за тобой посы«лаю. Ради Бога, никому ни слова.» Даже подписи нѣтъ, однѣ начальныя буквы. Неужели сэръ Гарлейгъ здѣсь?

ДАВИДЪ, (*въ полголоса*).

Здѣсь, сударь, и ждетъ васъ.

ДОКТОРЪ.

Боже мой! а я думалъ, что онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Англіи.

ДАВИДЪ.

Сдѣлайте милость, тише.

ДОКТОРЪ.

Къ чему эта таинственность? Ты давно служишь у него?

ДАВИДЪ.

Съ самаго его малолѣтства... въ дѣтствѣ я ходилъ за нимъ... потомъ я долго жилъ въ Шотландіи, и думалъ ли я дожить до такаго несчастія?

ДОКТОРЪ.

Боже мой! несчастіе! что ты говоришь? Разскажи мнѣ, старикъ, я долженъ все знать...

ДАВИДЪ.

Вотъ самъ милордъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ГАРЛЕЙГЪ.

ДОКТОРЪ.

Гарлейгъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Другъ! благодарю тебя, что ты пріѣхалъ.

ДОКТОРЪ.

Развѣ ты сомнѣвался.

ГАРЛЕЙГЪ.

О! нѣтъ; я знаю тебя. Послушай, ты никому не говорилъ о своей поѣздкѣ?

ДОКТОРЪ.

Никому.

ГАРЛЕЙГЪ.

Хорошо. Давидъ, смотри, чтобъ кто нибудь не пришелъ сюда. Съ дороги ты, вѣрно, хочешь завтракать.

ДОКТОРЪ.

Нехудо.

ГАРЛЕЙГЪ.

Вели подать чай и завтракъ... туда, въ бесѣдку.

ДАВИДЪ.

Слушаю, милордъ, (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ГАРЛЕЙГЪ И ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ (*въ сторону*)

Боже мой! какъ онъ перемѣнился! глазамъ не вѣрю... гдѣ же мой Гарлейгъ, блестящій, пылкій, кому всѣ завидовали?

ГАРЛЕЙГЪ.

Я отгадываю причину твоего удивленія: ты не узнаешь меня, Гаррисонъ.

ДОКТОРЪ.

Признаюсь, ты очень перемѣнился.

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты не знаешь, мой другъ: я очень несчастливъ!

ДОКТОРЪ.

Что съ тобою? семейное горе, потеря какая нибудь?

ГАРЛЕЙГЪ.

Нѣтъ.

ДОКТОРЪ.

Разстройство имѣнія.

ГАРЛЕЙГЪ.

О, если бъ только! Нѣтъ, Гаррисонъ, мнѣ все улыбалось... покойный, независимый, я вѣровалъ въ счастіе... и теперь стою надъ бездною, я погибну, если ты не спасешь меня.

ДОКТОРЪ.

Говори, ради Бога.

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты помнишь время моей женитьбы?

ДОКТОРЪ.

Мы всѣ радовались твоему выбору: леди Анна была предметомъ восторженныхъ похвалъ; и въ самомъ дѣлѣ ея красота, ея умъ...

ГАРЛЕЙГЪ.

Умъ? Встрѣчаясь съ нею въ обществѣ, не замѣтилъ ли ты чего нибудь?

ДОКТОРЪ.

Что же?

ГАРЛЕЙГЪ.

Какой нибудь особенной странности въ выраженіи лица, въ словахъ?

ДОКТОРЪ.

Постой, кажется, по возвращеніи твоемъ изъ Италіи...

ГАРЛЕЙГЪ.

Ну?

ДОКТОРЪ.

Она показалась мнѣ печальною, изнеможенною; она блѣднѣла, безпрестанно смотрѣла на тебя съ какимъ-то страхомъ. Тогда всѣ толковали невыгодно для тебя.

ГАРЛЕЙГЪ.

А что говорили обо мнѣ?

ДОКТОРЪ.

Одни винили тебя въ жестокости, другіе въ смѣшной ревности, и вообще заключали, что леди Анна несчастлива.

ГАРЛЕЙГЪ.

Думали, что леди Анна несчастлива? о, я узнаю людей! Но неужели и ты увлекся общимъ предубѣжденіемъ? Вы ошиблись— одно слово объяснитъ тебѣ все мое мученіе. Леди Анна, жена мол, леди Анна...

ДОКТОРЪ.

Говори, ради Бога!

ГАРЛЕЙГЪ.

Сошла съ ума!

ДОКТОРЪ.

Гарлейгъ! что ты!

ГАРЛЕЙГЪ.

Да, моя Анна, подруга моей жизни,—ужасно! (*закрываетъ лицо руками*) Понимаешь ли ты теперь причину моего уединенія? удивляешься ли моей перемѣнѣ? Я измѣнился отъ безсонныхъ ночей, отъ жгучихъ слезъ. Еслибъ ты зналъ, докторъ, всю силу моего мученія... подумай, еслибъ кто нибудь узналъ... я погибъ! Могу ли перенести коварное состраданіе, тайное презрѣніе и малодушный страхъ, которыми окружили бы меня со всѣхъ сторонъ. Ты знаешь, сумасшествіе считается какимъ-то безчестіемъ. Сумасшедшій! Кажется, въ этомъ словѣ заключенъ приговоръ удаленія отъ всего человѣчества, въ этомъ словѣ слышится позоръ, проклятіе!

ДОКТОРЪ.

Леди Анна!.. Но послушай, мой другъ, ты вѣрно увеличиваешь свое несчастіе.

ГАРЛЕЙГЪ.

Напрасно обманывать себя, докторъ. Леди

Анна сошла съ ума. Ты увидишь сумасшедшую, станешь говорить съ ней... вся моя надежда на тебя, другъ мой... не покинь меня!

ДОКТОРЪ.

Мнѣ покинуть тебя, Гарлейгъ! Твой умирающій отецъ ввѣрилъ тебя моей дружбѣ; я употреблю все что можетъ наука и дружба... успокойся; мы найдемъ средство.

ГАРЛЕЙГЪ.

Постой, кажется она...

ДОКТОРЪ.

Никого нѣтъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Я такъ разстроенъ; я въ такомъ болѣзненомъ волненіи... не дай ей замѣтить, не испугай ее. Придумай какой-нибудь предлогъ своему пріѣзду.

ДОКТОРЪ.

Не безпокойся, Гарлейгъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Какъ можно осторожнѣе. Она спокойна, совершенно тиха... сначала совсѣмъ нельзя замѣтить, но вглядись въ нее, послушайся въ ея слова.

ДОКТОРЪ.

Идутъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Она! сюда, докторъ (*стремительно отводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ЛЕДИ АННА, НЕЛЛИ, ПОТОМЪ ДАВИДЪ (*съ завтракомъ*)

НЕЛЛИ.

Вы вѣрно нездоровы, тетушка.

ЛЕДИ АННА.

О, нѣтъ, ты ошибаешься, Нелли.

НЕЛЛИ.

Отъ чего же вы такъ печальны? вы очень разстроены, вы даже не посмотрѣли на меня сегодня.

ЛЕДИ АННА (*цѣлуя ее*).

Нелли, прости меня.

НЕЛЛИ.

Послушайте, тетушка, у меня есть до васъ просьба, очень важный секретъ (*вполголоса*). Вотъ что: дѣдушка хочетъ выдать меня за-мужъ чрезъ два дня... но дядюшка, какъ опекунъ, долженъ вступиться за меня... я не хочу за-мужъ... потому-что я... я не смѣю сказать вамъ... я однѣмъ вамъ скажу.

ЛЕДИ АННА.

Хорошо, Нелли. (*Осматривалась въ безпокойствѣ*) Мы послѣ поговоримъ... я еще не видала сегодня своего мужа... вотъ онъ.

НЕЛЛИ.

Да, въ самомъ дѣлѣ... Здравствуйте, дядюшка; а это кто?

АННА.

Докторъ Гаррисонъ!

НЕЛЛИ.

Мой добрый докторъ! я вамъ очень рада; но не боленъ ли здѣсь кто-нибудь?

ДОКТОРЪ (*Гарлейгу*).

Она вѣрно не знаетъ?

Она только вчера пріѣхала.

ДОКТОРЪ.

Зачѣмъ же быть кому нибудь больнымъ, миссъ Нелли? впрочемъ жаль, что вы здоровы, я бы отплатилъ вамъ за ваши насмѣшки.

АННА (*всматривалась съ безпокойствомъ въ Гарлейга и доктора*).

Мнѣ это непонятно; вы нездоровы, сэръ Бернардъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

О нѣтъ, мой другъ, я совершенно здоровъ.

АННА.

Какому жъ случаю обязаны мы, докторъ?

ДОКТОРЪ.

Простому, но для меня счастливому случаю, милели. Я выѣхалъ поутру изъ Лондона, повидаться съ друзьями, подышать чистымъ воздухомъ. Мой проводникъ потерялъ дорогу въ ближнемъ лѣсу. Вообразите, надобно было итти 4 мили въ часъ завтрака... и докторъ попалъ на діэту по неволѣ.

НЕЛЛИ.

Вы, я думаю, очень сердились.

ДОКТОРЪ.

Какъ нельзя больше. Но наконецъ по-

корился своей участи. Вдругъ, проходя мимо вашего парка, вижу лорда Гарлейга, онъ узнаетъ меня, бросается ко мнѣ и такимъ образомъ я нашелъ и друга и завтракъ.

НЕЛЛИ.

Бѣдный докторъ! хорошо еще что вы попали сюда.

ЛЕДИ АННА.

Я очень рада.

ГАРЛЕЙГЪ.

Вспомните, что докторъ умираетъ съ голоду. Завтракъ готовъ (*садятся за завтракъ*).

НЕЛЛИ.

Докторъ, вы и въ Лондонѣ садились всегда возлѣ меня.

ДОКТОРЪ.

Да, вы и въ Лондонѣ довольно меня мучили, миссъ Нелли.

НЕЛЛИ.

Неблагодарный! а кто вамъ приготовлялъ тостъ?

ДОКТОРЪ.

Помню и благодарю.

НЕЛЛИ.

Я вступаю въ прежнюю должность... извольте.

ДОКТОРЪ.

Нельзя лучше, я отплачу вамъ, непремѣнно.

НЕЛЛИ.

Чѣмъ?

ДОКТОРЪ.

Рецептомъ.

НЕЛЛИ.

Не хочу я вашего рецепта, я совершенно здорова.

ДОКТОРЪ.

Многіе больные кажутся здоровыми.

ГАРЛЕЙГЪ (*тихо доктору*).

Замѣтилъ?

ЛЕДИ АННА.

Вы сегодня ѣдете отъ насъ, докторъ?

ДОКТОРЪ.

Да, миледи, я нынче ѣду.

ГАРЛЕЙГЪ.

Она боится тебя.

НЕЛЛИ.

Однако жъ вы опять пріѣдете?

ЛЕДИ АННА.

Нелли?

ДОКТОРЪ.

Пріѣду, миссъ Нелли; я такъ радъ, что могу дать извѣстіе о васъ лондонскимъ друзьямъ вашимъ.

АННА.

Нашимъ друзьямъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

Друзья наши вѣрно не пожалѣли шутокъ на нашъ счетъ. Сдѣлай милость, докторъ, разскажи, что говорятъ о нашемъ отшельничествѣ, чему его приписываютъ?

ДОКТОРЪ.

Говорятъ, что ты уѣхалъ отъ какой-то политической неудачи.

ГАРЛЕЙГЪ.

Министромъ, что ли не удалось мнѣ быть?

ДОКТОРЪ.

А больше удивляются, какъ рѣшилась оставить общество леди Анна; безъ нея все такъ мрачно. Однако жъ надѣются, что зима приведетъ къ намъ опять нашу повелительницу.

ЛЕДИ АННА.

А что мнѣ дѣлать въ Лондонѣ, докторъ? тамъ встрѣтимъ одного или двухъ добрыхъ пріятелей—и только; но зато холоднаго равнодушія наблюдателей нашихъ и злыхъ толковъ завистниковъ нѣтъ возможности избѣжать въ Лондонѣ... Зачѣмъ мѣнять счастье мирной жизни на несносный шумъ и мишурный блескъ?.. Нѣтъ, докторъ, семейный кругъ въ тиши уединенія лучше для меня всѣхъ вашихъ собраній.

ДОКТОРЪ (*тихо Гарлейгу*).

Это очень умно.

ГАРЛЕЙГЪ.

Да, я сказалъ, что у ней бываютъ счастливыя минуты; но подожди. (*Вставая*) Прекрасно! я совершенно согласенъ съ вами, миледи, и даже скажу... послушай, ты ѣдешь нынче же; надобно похлопотать о колескѣ. Есть ли лошади для тебя... я пойду.

ЛЕДИ АННА.

Милордъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Останься, мой другъ. Поговорн съ ней; Нелли! поди ко мнѣ.

НЕЛЛИ.

Что вамъ угодно, дядюшка?

ГАРЛЕЙГЪ.

Пойдемъ, мнѣ нужно отдать тебѣ письмо... бумаги...

НЕЛЛИ.

Ахъ, какъ жаль! *(уходятъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛЕДИ АННА И ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ.

Мы одни... не знаю какъ начать... какая кротость въ ея страдающемъ лицѣ. Лордъ Гарлейгъ, кажется, совершенно здоровъ, миледи?

ЛЕДИ АННА.

Да, докторъ; онъ совершенно здоровъ.

ДОКТОРЪ.

Но вы, мнѣ кажется, нездоровы; вы какъ будто страдаете?

АННА.

Да, можетъ быть. Я нынче въ самомъ дѣлѣ не очень здорова.

ДОКТОРЪ.

Вамъ надобно разсѣяніе... на зиму въ Лондонъ, миледи... это вамъ необходимо.

АННА.

Въ Лондонъ? я не хочу ѣхать въ столицу, докторъ; у меня есть причины не ѣхать туда; очень важныя препятствія.

ДОКТОРЪ.

Могу ли я знать въ чемъ состоятъ эти таинственныя препятствія, миледи?

АННА.

Тутъ нѣтъ ничего таинственнаго, докторъ, я не ѣду въ Лондонъ... потому что мнѣ здѣсь лучше... здѣсь я спокойнѣе, счастливѣе, въ этомъ вся тайна. Намѣреніе жить въ семейномъ кругу такъ просто, что ему нечего удивляться.

ДОКТОРЪ.

Миледи, я не хочу проникать въ ваши тайны и безпокоить васъ разспросами. Но вы знаете мою привязанность: не хотите вы сказать доктору, — другу вы должны признаться.

АННА.

Въ чемъ же?

ДОКТОРЪ.

Я буду говорить откровенно. Послушайте, я здѣсь вовсе не случайно.

АННА.

Боже мой!..

ДОКТОРЪ.

Ваше удаленіе, ваша странная ненависть къ свѣту, навели мучительное безпокойство на всѣхъ родныхъ вашихъ.

АННА.

Неужели мои родные знаютъ все, докторъ?

ДОКТОРЪ.

Успокойтесь, миледи.

АННА.

Да, они замѣтили... всѣ знаютъ. Докторъ, скажите мнѣ, скажите правду... вѣрно всѣ узнали и вы сами знаете?.. говорите, не мучьте меня.

ДОКТОРЪ.

Да, миледи, меня звалъ сюда самъ лордъ Гарлейгъ.

АННА.

Онъ самъ?

ДОКТОРЪ.

Съ нѣкотораго времени онъ замѣтилъ въ васъ признаки болѣзни.

АННА.

Онъ для меня звалъ васъ, докторъ?

ДОКТОРЪ.

Для васъ, миледи.

АННА.

Боже мой! васъ звалъ лордъ Гарлейгъ!

ДОКТОРЪ.

Онъ, миледи.

АННА.

И для меня? *(хочетъ говорить и закрываетъ лицо)* Нѣтъ, я не могу вамъ сказать... нѣтъ, нѣтъ *(убѣгаетъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДОКТОРЪ, ПОТОМЪ ГАРЛЕЙГЪ.

ДОКТОРЪ.

Леди Анна! нѣтъ больше сомнѣнія... не-

счастная! какъ помочь? какъ предупредить слухи объ ея болѣзни.

ГАРЛЕЙГЪ.

Гаррисонъ!

ДОКТОРЪ.

Другъ мой!

ГАРЛЕЙГЪ.

Что? (*докторъ молча беретъ его за руку*) Я понимаю тебя; скажи, есть ли люди несчастнѣе меня?

ДОКТОРЪ.

Будь твердъ, Гарлейгъ. Малодушіе не спасетъ тебѣ леди Анну. Надо скрыть отъ свѣта ея несчастіе: вамъ должно разлучиться...

ГАРЛЕЙГЪ.

Мнѣ разлучиться съ ней, съ моей Анной! я ее люблю больше жизни; ввѣрить ее наемнымъ рукамъ, оторвать отъ моего сердца, выгнать изъ дому...

ДОКТОРЪ.

Ты меня не понялъ, Гарлейгъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Замолчи... ни слова! надзирать за ней... здѣсь особую комнату... хорошо... можно: 10 лекарей возьму, если нужно... въ деньгахъ у меня нѣтъ затрудненія, у насъ есть деньги... будетъ еще большедененгъ... ты знаешь, я говорилъ тебѣ... не помню говорилъ ли?

ДОКТОРЪ.

О чемъ, Гарлейгъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

Кажется не говорилъ. Ну я разскажу... Ты мой товарищъ... два мильона ф. ст. годоваго доходу каждому изъ насъ... А! недурно, докторъ.

ДОКТОРЪ (*въ сторону*).

Боже мой, что я слышу!

ГАРЛЕЙГЪ.

Леди Анна все знаетъ... она отъ этого и помѣшалась. Бѣдныя женщины, у нихъ нѣтъ ни хладнокровія, ни твердости. Теперь ты все знаешь... мнѣ измѣнили... я окруженъ шпіонами, за мной надзираютъ, считаютъ всѣ мои шаги; но я умру, а ничего не открою... ни одного слова... нельзя!

ДОКТОРЪ (*въ сторону*).

И я могъ такъ грубо ошибиться. Онъ думалъ, что леди Анна въ сумасшествіи, а самъ онъ, Боже мой!

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты согласенъ, докторъ.

ДОКТОРЪ.

Согласенъ, но такое богатство...

ГАРЛЕЙГЪ.

Оно тамъ, очень близко... видишь большое озеро... оно тамъ.

ДОКТОРЪ.

Тамъ море.

ГАРЛЕЙГЪ.

Оно мое! я высушу совершенно! У насъ будутъ поля, лѣса, города, и всѣ они будутъ наши. (*Со страхомъ*) Однакоже, знаешь что? я не могу подойти къ нему, не могу... невидимая сила, рука желѣзная держитъ меня здѣсь, не пускаетъ туда.

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ, ЛЕДИ АННА, ДАВИДЪ, ПОТОМЪ НЕЛЛИ.

ДОКТОРЪ.

Что съ тобою, Гарлейгъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

Да, все развѣвается платокъ, тотъ бѣлый платокъ, знаешь, а вечеромъ я все слышу... а ты слышишь. Пойдемъ, докторъ уйдемъ отсюда.

ДОКТОРЪ.

Гарлейгъ!

ДАВИДЪ.

Милордъ!

АННА.

Мой другъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Кто вы? я не хочу васъ видѣть! Прочь, прочь! (*хочетъ броситься въ сторону и безъ чувствъ падаетъ въ руки Давида. Анна бросается къ нему*).

НЕЛЛИ.

Тетушка! (*увидя Гарлейга*) Боже мой! что съ нимъ?

ДОКТОРЪ.

Тише, ради Бога, тише!

АННА.

Вотъ моя тайна, докторъ. Не говорите никому, я на колѣняхъ умоляю васъ, сохраните мою тайну.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ залу; справа столъ съ книгами и шахматницею; съ другой стороны круглый столикъ, на немъ альбомъ и женскія рукодѣлья.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕДИ АННА, (*стоитъ, прислушиваясь къ двери*).

Я ничего болѣе не слышу... вѣрно ему лучше! я не смѣю войти туда. Докторъ мнѣ запретилъ... но эта неизвѣстность умертвитъ меня... двери отворяются... это онъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

АННА и ДОКТОРЪ.

АННА, (*въ полголоса*).

Ну что?

ДОКТОРЪ, (*притворяя тихо двери*).

Онъ теперь гораздо покойнѣе... припадокъ прошелъ, притомъ же, его племянница и Давидъ остались при немъ. (*взявъ ее за руку*) Бѣдная женщина!

ЛЕДИ АННА.

Еще ли вы думаете, что мой разсудокъ...

ДОКТОРЪ.

Я стыжусь, что могъ хоть на минуту попасться въ обманъ; но оставимъ это. Подумаемъ лучше какъ бы его вылечить.

ЛЕДИ АННА.

Вы надѣетесь?

ДОКТОРЪ.

Я употреблю всѣ мои силы; но до сихъ поръ, признаюсь, я не понимаю пункта его сумасшествія.

ЛЕДИ АННА.

Возможно ли? такой искусный докторъ?

ДОКТОРЪ.

Э, сударыня, искусный докторъ есть тотъ, который дѣлаетъ менѣе глупостей — вотъ и все; и мы постараемся ихъ не дѣлать.

ЛЕДИ АННА.

И такъ вы останетесь у насъ?

ДОКТОРЪ.

Что за вопросъ? это моя обязанность; позвольте только мнѣ одному всѣмъ распоряжаться въ вашемъ домѣ.

ЛЕДИ АННА.

Да, да, г. докторъ.

ДОКТОРЪ.

Я начну съ того, что попрошу васъ отложить въ сторону слезы и вздохи, они ни къ чему не ведутъ, отъ нихъ потеряешь голову, а намъ болѣе всего она теперь нужна. Поговоримъ же немного, я хочу все знать... когда началось его сумасшествіе, какъ оно обнаружилось? Прежде чѣмъ приступимъ къ леченью, должно уничтожить причину болѣзни: я не знаю ее.

ЛЕДИ АННА.

И я также.

ДОКТОРЪ, (*удивленный*).

И вы также; какъ, и вы не знаете?

ЛЕДИ АННА.

Я могу только предполагать, догадываться...

ДОКТОРЪ.

Нужды нѣтъ, нужды нѣтъ! разскажите мнѣ все и не забудьте ни малѣйшаго обстолтельства.

ЛЕДИ АННА.

Если вы непремѣнно хотите... извольте. (*помолчавъ*) Я пропущу первое время нашей женитьбы; праздники, вечеринки, на которыя Нелли, племянница его, всегда ѣздила вмѣстѣ со мною, въ сопровожденіи моего мужа, который былъ въ восхищеніи отъ нашего удовольствія... (*остановясь*) я припоминаю, однакожъ, что одно обстоя-

тельство... иногда раздражало его... когда, бывало, встрѣчали мы одного молодаго человѣка...

ДОКТОРЪ.

Молодаго человѣка?..

ЛЕДИ АННА.

Котораго звали сэръ Генрихъ... О! я бы хотѣла забыть это имя. Я увѣрена, что оно причиною всѣхъ нашихъ несчастій.

ДОКТОРЪ.

Ну что?.. этотъ молодой человѣкъ...

ЛЕДИ АННА.

Онъ былъ товарищъ моего мужа... его соученикъ, котораго, однакожъ, мой мужъ, не знаю почему, терпѣть не могъ при всей своей добротѣ... вѣроятно соперничество въ наукахъ, въ играхъ, въ которыхъ этотъ молодой человѣкъ всегда бралъ верхъ надъ нимъ, поселилородъ ненависти, которую мужъ мой не старался даже скрывать... и которая наконецъ дошла до того, что онъ рѣшительно раззнакомился съ нимъ и пересталъ принимать его у себя въ домѣ.

ДОКТОРЪ.

И такъ, онъ уже не являлся къ вамъ болѣе?

ЛЕДИ АННА.

Да, но мы вездѣ его встрѣчали.

ДОКТОРЪ.

Это ясно.

ЛЕДИ АННА.

Въ Гайдъ-паркѣ, въ спектаклѣ, на скачкахъ, вездѣ, вездѣ! — этотъ человѣкъ былъ тутъ... передъ нами... первый попадалъ намъ на глаза. — Чтобъ избѣгнуть его преслѣдованія, мужъ мой увезъ насъ въ Эдимбургъ... въ тотъ же самый вечеръ сэръ Генрихъ встрѣтился съ нами на дорогѣ... Мы отправились въ Неаполь... онъ былъ ужъ тамъ! Онъ былъ нашей тѣнью, злымъ духомъ нашимъ, отъ котораго мы не могли больше освободиться. Признаюсь, что я сама при встрѣчѣ чувствовала смущеніе, которое удвоивало нетерпѣніе и ярость моего мужа. (*молчаніе*). Однажды вечеромъ... это воспоминаніе никогда не изгладится изъ моей памяти... мы сговорились ѣхать для прогулки въ Павзилиппу; я чувствовала себя немного нездоровой и хотѣла остаться дома... Нелли осталась также со мною, и мой мужъ поѣхалъ одинъ. Вечеръ былъ самый теплый и пріятный, какіе бываютъ только въ Неаполѣ... Нелли легла спать, а я сошла въ садъ подышать чистымъ воздухомъ и послушать пѣсней гондольщиковъ... вдругъ при поворотѣ въ одну аллею, я встрѣтила этого несчастнаго молодаго человѣка...

ДОКТОРЪ.

Я того и ждалъ.

ЛЕДИ АННА.

Я не помню что онъ говорилъ, до такой степени я была перепугана; слышала какія-то безсвязныя слова: «Вашъ мужъ въ отсутствіи... выслушайте меня, ради Бога, отъ васъ зависитъ счастіе моей жизни»! Онъ хотѣлъ продолжать, какъ вдругъ легкій шорохъ въ кустарникѣ заставилъ меня убѣжать и запереться въ своей комнатѣ... Мужъ мой возвратился на разсвѣтѣ, спрашивалъ меня о томъ, какъ мы провели вечеръ безъ него; опасаясь его разсердить, я не сказала ему объ этомъ странномъ случаѣ. Въ первый разъ въ жизни онъ показался мнѣ мрачнымъ, недовольнымъ.. походка его была скора... слова двусмысленны; наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ: «готова ли ты ѣхать?» сказалъ онъ мнѣ: «ѣхать сегодня — сію минуту! — куда? узнаешь послѣ... зачѣмъ?—» я такъ хочу. Черезъ часъ мы уже были на кораблѣ и чрезъ нѣсколько дней очутились въ своемъ домѣ, въ Лондонѣ.

ДОКТОРЪ, (*улыбаясь*).

Въ Лондонѣ... гдѣ скоро появился и молодой человѣкъ?..

ЛЕДИ АННА, (*медленно, спустя голосъ*).

Нѣтъ, онъ ужъ болѣе никогда не являлся.

ДОКТОРЪ.

Боже!

ЛЕДИ АННА.

Я не могла не изъявить о томъ моего удивленія мужу... и тогда-то, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ сказалъ мнѣ, что сэръ Генрихъ умеръ.

ДОКТОРЪ.

Умеръ!

ЛЕДИ АННА.

Въ самую ночь нашего отъѣзда изъ Неаполя.

ДОКТОРЪ.

Стало быть, они дрались?

ЛЕДИ АННА.

Я сама такъ же думала... Я задрожала при этомъ словѣ и не могла удержать своихъ слезъ; я стала разспрашивать у него подробности этого дѣла, какъ вдругъ громкій и судорожный хохотъ, раздавшійся близъ меня, оледенилъ мое сердце... Это былъ мой мужъ; черты его были искажены, губы посинѣли. Судите объ моемъ ужасѣ! Съ самаго уже нашего пріѣзда, мнѣ казалось, что разсудокъ его... я желала всегда сомнѣваться въ нашемъ несчастіи, Но въ этотъ разъ исчезло всякое сомнѣіе, и этотъ ужасный смѣхъ былъ знакомъ ежедневныхъ моихъ мученій... Поставьте вы себя на мое мѣсто, мой другъ... Но вотъ въ чемъ величайшее мое несчастіе: онъ бѣжитъ, отвергаетъ меня... тутъ есть тайна, которая меня убиваетъ... что мнѣ вамъ сказать наконецъ? Я не могла переносить долѣе моего положенія! Когда кто нибудь приближался къ нему, я дрожала; если онъ дѣлалъ шагъ, я подстерегала его взгляды, его движенія, я не жила, а мучилась... тогда-то я увезла его сюда, рѣшась погребсти себя съ нимъ въ пустынѣ, посвятить ему свои попеченія, свою любовь... всю свою жизнь; *(заливаясь слезами)* вы знаете остальное, другъ мой, и можете судить, до какой степени я несчастна!

ДОКТОРЪ.

О, какъ я почитаю васъ, какъ удивляюсь вамъ, какая горькая участь. *(размышляя)* Но что за причина его сумасшествія?.. Смерть этого молодаго человѣка? дуэль? Отъ этого еще не сходятъ съ ума. Тутъ есть еще что нибудь, чего мы не знаемъ... и что я долженъ открыть во что бы то ни стало.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и ДАВИДЪ, (*отворяя среднюю дверь и держа нѣсколько журналовъ*).

ДАВИДЪ.

Миледи!

ЛЕДИ АННА.

Что тебѣ надобно?

ДОКТОРЪ.

Развѣ твой господинъ?

ДАВИДЪ, *(приближаясь)*.

Ничего, ничего, онъ теперь покоенъ... посылалъ меня за журналами... и я не знаю право какъ быть... тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ нихъ есть статья.

ЛЕДИ АННА.

Что такое?

ДОКТОРЪ.

Какая статья?

ДАВИДЪ.

Прочтите сами, г. докторъ.

ДОКТОРЪ.

«Слухи носятся, что почтенный сэръ Бервардъ Гарлейгъ, скрывшійся за нѣсколько времени предъ симъ изъ Лондона, живетъ уединенно въ графствѣ Эссексъ, подъ именемъ Бриджетта.

ЛЕДИ АННА.

Боже!

ДОКТОРЪ.

«Причину сего добровольнаго изгнанія приписываютъ мозговому разстройству, помѣшательству...» *(мнетъ журналъ въ рукахъ)*.

ЛЕДИ АННА.

Ахъ!

ДОКТОРЪ.

Вотъ къ чему служатъ у насъ журналы! раскрывать семейныя тайны... дѣлать огласку.

ЛЕДИ АННА, *(смотря на Давида)*.

Боже мой! если этотъ листокъ попадетъ въ руки сэръ Вилькинса.

ДОКТОРЪ.

Сэръ Вилькинса.

ЛЕДИ АННА.

Я вамъ не сказывала еще объ немъ... это ближній родственникъ моего мужа... чудакъ, который затѣваетъ съ нами тяжбу, хотѣлъ отнять нашу собственность? мы смѣялись тогда надъ его сумазбродствомъ... но теперь, если онъ узнаетъ истину...

ДОКТОРЪ.

Ближній родственникъ! чортъ возьми! по нашимъ законамъ, супругъ вашъ и все его

имѣніе, должны поступить въ его распоряженіе.

ЛЕДИ АННА.

Его имѣніе! А! пусть онъ возьметъ его... и мое также; только бы онъ не разлучалъ меня съ моимъ мужемъ... я ему отдаю все.

ДОКТОРЪ.

А я не отдамъ ему ничего. Эти наслѣдники прежадный народъ; ихъ выгода состоитъ въ томъ, чтобъ продлить его сумасшествіе. Давидъ! лошадей, карету!

АННА.

Какъ?

ДОКТОРЪ.

Я всѣхъ васъ увезу съ собою.

АННА.

Куда?

ДОКТОРЪ.

Къ себѣ, въ мое помѣстье, близъ Лондона. Чистый воздухъ, мѣстоположеніе прелестное! тамъ вы будете совершенно одни, не увидите никого, кромѣ меня; тамъ покрайней мѣрѣ, мы можемъ заняться имъ однимъ и средствами возвратить ему разсудокъ.

АННА.

Какъ? вы хотите...

ДОКТОРЪ *(смѣясь)*.

Ни слова! Вы забыли, что я одинъ имѣю право здѣсь распоряжаться.

АННА.

Но захочетъ ли онъ оставить этотъ домъ?

ДОКТОРЪ.

Это ужъ мое дѣло.

АННА.

Я совершенно на васъ полагаюсь. Пойдемъ, Давидъ.

(уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДОКТОРЪ *(одинъ)*.

Бѣдная женщина! Я подаю ей надежду, которой самъ еще не имѣю. Съ чего начать? какой родъ леченія избрать! Все, что я до сихъ поръ слышалъ, такъ темно, такъ неопредѣленно, Ревность... Подозрѣнія, ужасное приключеніе; конечно, тутъ все есть, но ничего вѣрнаго, за что бы я могъ ухватиться... покорно прошу лечить наобумъ... когда и очевидная болѣзнь стоитъ намъ такого труда... и между тѣмъ сегодня только я познаю всю великость, всю важность моего искусства. Возвратить гражданина обществу, мужа женѣ, отца семейству... о! если бъ я могъ... лишь онъ одинъ можетъ открыть мнѣ свою тайну... но какъ приступить къ этому? какимъ образомъ принудить его открыть мнѣ ее?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ДОКТОРЪ и НЕЛЛИ.

НЕЛЛИ.

Ахъ, какъ я испугалась!

ДОКТОРЪ.

Что съ вами сдѣлалось.

НЕЛЛИ.

Ничего... но до сихъ поръ не могу придти въ себя. Я сидѣла подлѣ него... онъ совершенно спокоенъ и я вздумала говорить съ нимъ какъ съ моимъ опекуномъ, объ дѣлѣ, которое меня очень занимаетъ; но едва я успѣла сказать нѣсколько словъ, какъ онъ нахмурилъ брови и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я перемѣнила разговоръ, и онъ мало по малу снова успокоился.

ДОКТОРЪ, *(въ сторону)*.

А! можетъ быть, мнѣ поможетъ это. А о чемъ вы начали ему говорить, что его такъ сильно встревожило? *(видя ея нерешительность)* Вы можете мнѣ открыться, вѣдь я вашъ другъ.

НЕЛЛИ, *(колеблясь)*.

О! да, я стала ему говорить о моей свадьбѣ; которую мой дѣдушка думаетъ сыграть чрезъ два дни.

ДОКТОРЪ.

И это заставило его нахмуриться? Это странно! вы не прибавили ли къ тому еще чего нибудь?

НЕЛЛИ, *(робко)*.

Да, мнѣ помнится, что я ему сказала, что есть на свѣтѣ (я не знаю гдѣ... Богъ вѣсть что съ нимъ сдѣлалось) человѣкъ, котораго бы я съ радостію предпочла назначеному мнѣ мужу.

ДОКТОРЪ, *(размышляя)*.

Такъ точно. Это весьма вѣроятно... *(въ сторону)*. Любовникъ, предпочитаемый мужу.

НЕЛЛИ.

Боже мой! какъ я несчастлива! послѣ всѣхъ горестей, всѣхъ безпокойствъ, которыя меня преслѣдуютъ... новая опасность угрожаетъ мнѣ... у меня осталась одна надежда на свѣтѣ. Я спѣшу сюда просить совѣта, помощи, и не нахожу ихъ; тетушка не въ состояніи слушать, дядюшка и того меньше. Вы, докторъ, посмотрите, вотъ и вы думаете совсѣмъ о другомъ.

ДОКТОРЪ, *(приходя въ себя)*.

Я? совсѣмъ нѣтъ... откройте мнѣ причину вашего безпокойства, и если я могу быть вамъ полезнымъ...

НЕЛЛИ.

О! отъ всего моего сердца... эта тайна меня душитъ, и притомъ же вы можете выпросить мнѣ прощеніе. Представьте себѣ, когда мы были въ Италіи...

ДОКТОРЪ, *(идя вправо)*.

Постойте... это онъ... вашъ дядюшка! онъ идетъ сюда...

НЕЛЛИ.

Вотъ и этотъ также... никто не хочетъ слушать меня!..

ДОКТОРЪ.

Мы возобновимъ этотъ разговоръ. Я обѣщаю вамъ это... мнѣ очень любопытно... я хочу все знать... но въ эту минуту мнѣ нужно остаться съ нимъ наединѣ.

НЕЛЛИ.

Ну, ну, не сердитесь на меня, я иду, иду...

ДОКТОРЪ.

Хорошо, хорошо.

НЕЛЛИ.

Но я васъ скоро увижу... вы меня выслушаете?

ДОКТОРЪ.

Даю вамъ честное слово.

НЕЛЛИ.

Надо же быть моему несчастію... развяжусь ли я когда-нибудь съ этой тайной?

(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДОКТОРЪ и ГАРЛЕЙГЪ, *(входя задумчиво)*.

ДОКТОРЪ.

Вотъ удобная минута! надо непремѣнно изъ него вывѣдать.

ГАРЛЕЙГЪ.

Ахъ! это ты, другъ мой; ну что, какова наша больная?

ДОКТОРЪ, *(удивясь)*.

Какая больная?

ГАРЛЕЙГЪ.

Ну, моя жена... леди Анна.

ДОКТОРЪ.

А! да... я сегодня доволенъ ею.

ГАРЛЕЙГЪ.

Право?

ДОКТОРЪ, *(смотря на него, беретъ руку)*.

Она подаетъ надежду, и если бъ я могъ быть безотлучно здѣсь...

ГАРЛЕЙГЪ.

Кто жъ тебѣ мѣшаетъ?

ДОКТОРЪ.

Больные этого рода очень недовѣрчивы и безпрестанное присутствіе врача безпокоитъ, сердитъ ихъ... и такъ, чтобъ успокоить ее, я ей сказалъ, что ты имѣешь во мнѣ нужду, потому что будто *ты* не очень здоровъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Прекрасно, счастливая мысль!

ДОКТОРЪ, *(весело и равнодушно)*.

Я буду для виду заниматься тобою, щупать пульсъ, прописывать какія-нибудь пустяки: надо обманывать ее поискуснѣе.

ГАРЛЕЙГЪ.

Очень хорошо; я стану тебѣ помогать, буду дѣлать все, что ты ни прикажешь.

ДОКТОРЪ, *(въ сторону)*.

Половина дѣла сдѣлана. Во-первыхъ: я нахожу, что здѣсь не очень удобно для нее.

ГАРЛЕЙГЪ.

Почему?

ДОКТОРЪ.

Да... этотъ домъ расположенъ не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; у меня есть на примѣтѣ другой... но я боюсь, чтобъ она не

сдѣлала какихъ нибудь затрудненій на этотъ счетъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Я ей скажу, что мнѣ безпокойно здѣсь... что я хочу выѣхать отсюда.

ДОКТОРЪ.

Безподобно! ты избавишь меня отъ больныхъ хлопотъ. (*въ сторону*) Коснемся слабой струны. (*громко вздыхая*) Да, да, мы спасемъ ее.

ГАРЛЕЙГЪ.

Но, любезный Гаррисонъ, ты заставляешь меня въ томъ усомниться!.. какой тяжелой вздохъ!

ДОКТОРЪ.

О, это только до меня касается... не у одного у тебя горе, любезный сэръ Бернардъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Какъ, и у тебя также?..

ДОКТОРЪ.

Больше, чѣмъ у кого нибудь.

ГАРЛЕЙГЪ

Возможно ли? Если мои связи... мое богатство...

ДОКТОРЪ.

Они тутъ безполезны.

ГАРЛЕЙГЪ.

Какъ?

ДОКТОРЪ.

Будь самъ моимъ судьею... дружба заставляетъ меня быть откровеннымъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Я слушаю.

(*Во всю эту сцену докторъ не спускаетъ глазъ съ него, беретъ его за руку, чтобъ наблюдать малѣйшее его движеніе*).

ДОКТОРЪ.

Тебѣ извѣстно, что я, бывъ нѣсколько времени вдовцомъ, снова женился...

ГАРЛЕЙГЪ, (*стараясь припомнить*).

Нѣтъ, я не зналъ этого.

ДОКТОРЪ.

А! да, ты былъ въ отсутствіи, и я не могъ извѣстить тебя... жена, которую я обожаю, молодая, прелестная собой, умная, добродѣтельная!.. о... да! я увѣренъ въ ея добродѣтели такъ же, какъ въ твоей дружбѣ... но это не мѣшаетъ мнѣ... (стыжусь своихъ словъ...) ревновать ее... я признаюсь тебѣ въ моей слабости.

ГАРЛЕЙГЪ.

Какъ! ты также... докторъ.

ДОКТОРЪ.

Да, но ревновать до безумія... до того, что если какой-нибудь повѣса начиналъ волочиться за ней...

ГАРЛЕЙГЪ.

И ты также замѣтилъ?

ДОКТОРЪ.

Одинъ молодой человѣкъ ее преслѣдовалъ... вездѣ, всегда извѣдывая ея шаги, ловя ея взгляды... пользуясь малѣйшимъ моимъ отсутствіемъ... Я выходилъ изъ себя... Наконецъ въ одинъ вечеръ... Но я надоѣдаю тебѣ разсказами, которые вовсе для тебя не занимательны.

ГАРЛЕЙГЪ.

О! нѣтъ, напротивъ, продолжай, прошу тебя!

ДОКТОРЪ.

И такъ, однажды вечеромъ, мнѣ нужно было навѣстить одного больнаго... жена моя была въ саду... я ужъ садился на лошадь, но подозрѣнія мучили меня, и я не зналъ какимъ образомъ мнѣ удостовѣриться.

ГАРЛЕЙГЪ, (*забывался*).

Ты притворился, что уѣхалъ, а самъ спрятался въ кустарникѣ...

ДОКТОРЪ.

Такъ точно, (*въ сторону*) это былъ онъ; (*ему*) да, я спрятался; онъ не замедлилъ явиться къ моей женѣ, съ страстными объясненіями въ любви, которыя были отвергнуты, но не менѣе того эта обида требовала кроваваго мщенія. Внѣ себя, я тайно послѣдовалъ за нимъ — настигаю... принуждаю его драться со мною...

ГАРЛЕЙГЪ, (*живо*).

Онъ не хочетъ... отказывается...

ДОКТОРЪ.

Да, онъ отказывается, и я не зналъ, что мнѣ должно было дѣлать въ такомъ случаѣ...

ГАРЛЕЙГЪ, (*съ силою*),

Ты не знаешь?.. наблюдать его шаги, слѣдовать за нимъ какъ тѣнь... его жизнь или моя! если онъ струсилъ. . бей, коли, рѣжь его, и потомъ брось его въ море.

ДОКТОРЪ.

Возможно ли? Знай же, мой другъ, что именно я то и сдѣлалъ...

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты?

ДОКТОРЪ.

Но съ той минуты нѣтъ болѣе ни сна, ни покоя.

ГАРЛЕЙГЪ.

О! да, да, это правда.

ДОКТОРЪ.

Онъ представляется безпрестанно глазамъ моимъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Этотъ платокъ, который онъ держалъ въ рукахъ, бѣлый платокъ...

ДОКТОРЪ.

И между тѣмъ я пользовался только законнымъ правомъ защищать честь мою... ктому же моя жена была невинна, добродѣтельна...

ГАРЛЕЙГЪ, (*съ силою*).

Нѣтъ, нѣтъ, она была виновна.

ДОКТОРЪ.

Какъ?

ГАРЛЕЙГЪ, (*смотря на него и приходя въ себя*).

А? что? ахъ, прости мнѣ, докторъ, я думалъ совсѣмъ о другомъ; да, да, ты правъ... она добродѣтельна, достойна всей любви своего мужа... Какъ ты счастливъ... ты можешь любить ее не краснѣя, (*закрываетъ лицо руками и садится.*)

ДОКТОРЪ.

Гарлейгъ! онъ меня болѣе не слушаетъ... исцѣленіе его труднѣе, нежели я думалъ... убить человѣка! это ужасно... потеряешь имѣніе, можно снова разбогатѣть, лишишься любви жены — и это дѣло поправное... но убить человѣка... какъ его воскресить? гдѣ найти?.. Какъ объяснить себѣ эти попеченія, эту любовь къ женѣ, если онъ убѣжденъ въ ея невѣрности?.. Все это такъ темно... бываютъ минуты, когда я готовъ придти въ отчаяніе... такъ нѣтъ же, я не уступлю, буду бороться до конца, буду стараться преодолѣть всѣ трудности... Если искусство мнѣ измѣнитъ, дружба подкрѣпитъ меня, я спасу его... Да, да, я спасу тебя, такъ сердце говоритъ мнѣ, а оно никогда не обманывало меня.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И НЕЛЛИ.

НЕЛЛИ, (*тихо*).

Г. докторъ, г. докторъ!

ДОКТОРЪ.

Что такое?

НЕЛЛИ.

Тетушка васъ спрашиваетъ; она въ большомъ безпокойствѣ.

ДОКТОРЪ.

Отъ чего?

НЕЛЛИ.

Она посылала за лошадьми, онѣ всѣ взяты для мирнаго судьи здѣшняго графства, который отправляется сегодня во Францію.

ДОКТОРЪ.

Чортъ возьми, какая досада!

НЕЛЛИ.

Ктому же, какой-то незнакомый человѣкъ спрашивалъ сэръ Бернарда Гарлейга. Давидъ увѣрялъ его, что здѣсь нѣтъ никого, кто бы назывался этимъ именемъ и заперъ за нимъ дверь; но онъ боится, что это былъ посланный негодяя двоюроднаго братца.

ДОКТОРЪ.

Это весьма вѣроятно — и я бѣгу взять свои мѣры.

НЕЛЛИ.

Но я хотѣла бы вамъ разсказать...

ДОКТОРЪ.

Послѣ, моя милая, послѣ... Мнѣ нужно отдать кой-какія приказанія, должно до-

стать лошадей во что бы то ни стало... Я готовъ послать за ними ко всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ.

НЕЛЛИ.

Но...

ДОКТОРЪ.

Хорошо, хорошо, останьтесь здѣсь, подлѣ него; старайтесь его разсѣять, развеселить, но главное не довѣряйте ему болѣе вашихъ тайнъ... сдѣлайте милость...

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГАРЛЕЙГЪ И НЕЛЛИ.

НЕЛЛИ, (*въ сторону*).

Развеселить! легко сказать это... особенно тогда, когда самой хочется плакать.

ГАРЛЕЙГЪ.

Какъ? ты еще здѣсь, Нелли?

НЕЛЛИ.

Здѣсь, дядюшка.

ГАРЛЕЙГЪ.

Странно, я былъ увѣренъ, что ты ушла и что съ тѣхъ поръ я уже имѣлъ разговоръ съ другимъ человѣкомъ... вотъ что значитъ воображеніе.

НЕЛЛИ, (*въ сторону*).

Онъ увѣренъ, что я его не оставляла.

ГАРЛЕЙГЪ.

Точно, я вспоминаю теперь, что ты была со мною. Подойди поближе... развѣ ты меня боишься?

НЕЛЛИ, (*дрожа*).

О! нѣтъ, дядюшка...

ГАРЛЕЙГЪ.

Подойди же... да, ты говорила мнѣ... объ чемъ бишь, я забылъ...

НЕЛЛИ.

Ни о чемъ, ни о чемъ, дядюшка. (*Въ сторону*) Что если съ нимъ опять то же сдѣлается.

ГАРЛЕЙГЪ.

Да, я вспомнилъ теперь, ты начала мнѣ говорить... о своемъ замужствѣ.

НЕЛЛИ.

Въ самомъ дѣлѣ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Продолжай, другъ мой... это меня также очень занимаетъ! вѣдь я твой опекунъ, твой второй отецъ... за кого же ты идешь?

НЕЛЛИ, (*въ сторону*).

Боже мой! мнѣ докторъ именно запретилъ... если отъ этого опять случится съ нимъ припадокъ... съ другой стороны, это, можетъ быть, единственный случай...

ГАРЛЕЙГЪ.

Ну что же?

НЕЛЛИ, (*робко*).

Точно, дядюшка, меня хотятъ выдать за-мужъ.

ГАРЛЕЙГЪ, (*улыбаясь*).

Я ужъ это слышалъ.

НЕЛЛИ.

За человѣка...

ГАРЛЕЙГЪ.

Право?

НЕЛЛИ.

За человѣка, котораго я не люблю и никогда любить не буду.

ГАРЛЕЙГЪ (*живо вставая*).

Въ такомъ случаѣ, Нелли, нейди за него; никто не принуждаетъ тебя отдать ему свою руку.

НЕЛЛИ.

Да на него находятъ иногда предобрыя минуты.

ГАРЛЕЙГЪ.

Откажи ему.

НЕЛЛИ.

Я и сама то же думаю... но мой дѣдушка человѣкъ упрямый... завтра назначено составленіе контракта, и онъ прислалъ уже за мной, чтобъ его подписать.

ГАРЛЕЙГЪ.

Я не пущу тебя.

НЕЛЛИ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ГАРЛЕЙГЪ.

Развѣ не я твой опекунъ?

НЕЛЛИ.

Безъ сомнѣнія.

ГАРЛЕЙГЪ.

Никто въ свѣтѣ не можетъ располагать тобою безъ моего согласія.

НЕЛЛИ.

Я боялась имъ это сказать.

ГАРЛЕЙГЪ.

Они сами это знаютъ.

НЕЛЛИ.

Пусть такъ; но на вашемъ мѣстѣ, мой добрый дядюшка (*ласкаясь къ нему*), пока я еще здѣсь, я бы написала къ дѣдушкѣ, что я не позволяю обижать мою Нелли... я хочу, чтобъ она была свободна; я знаю, что у нее есть на примѣтѣ другой женихъ, гораздо лучше этого...

ГАРЛЕЙГЪ.

Какъ? развѣ...

НЕЛЛИ.

Все равно есть ли, нѣтъ ли... я бы написала.

ГАРЛЕЙГЪ.

О притворщица! у тебя есть что нибудь на душѣ, чего ты мнѣ не хочешь сказать...

НЕЛЛИ.

Это все для того, чтобъ отказаться скорѣй отъ своего жениха, котораго я ненавижу отъ всего моего сердца.

ГАРЛЕЙГЪ.

Станемъ же писать къ этому страшному дѣдушкѣ. (*Садится къ столу и пишетъ скоро*).

НЕЛЛИ.

Добрый дядюшка, я спасена! что же мнѣ говорили, что онъ сумасшедшій... онъ въ полномъ разумѣ (*заглядыва въ письмо чрезъ плечо*) и какъ все это умно, толково—чудо!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ЛЕДИ АННА (*со шляпкой, съ шалью въ рукахъ, которыя кладетъ на столъ*).

АННА.

Онъ здѣсь съ племянницей! Докторъ увѣрилъ меня, что онъ согласенъ ѣхать съ нами, посмотримъ... онъ пишетъ, къ кому бы это?..

НЕЛЛИ.

Безподобно (*читаетъ*): «Бракъ безъ любви есть адъ въ здѣшней жизни для той, которая любитъ, и еще болѣе для того, который нелюбимъ ею: онъ болѣе всѣхъ достоинъ сожалѣнія, и его участь... я что-то не понимаю этого.

АННА (*въ сторону*).

Что я слышу?

НЕЛЛИ.

Какъ, дядюшка! (*Гарлейгъ раздираетъ письмо*) Чтожъ вы это дѣлаете?

ГАРЛЕЙГЪ (*сухо, занятый другой мыслію*).

Я пишу другое.

НЕЛЛИ.

Другое?

ГАРЛЕЙГЪ.

Да, послѣ, а теперь я слишкомъ страдаю.

НЕЛЛИ.

Вы страдаете?

ГАРЛЕЙГЪ.

Да; мысли мои перемѣшаны; ты пробудила во мнѣ воспоминаніе! ты видишь какъ я печаленъ; ахъ! я очень несчастливъ, Нелли, и ты не знаешь причины... ты обвиняешь меня, можетъ быть, въ странности, въ причудахъ... Слушай же то, что я не говорилъ никому на свѣтѣ, что я скрываю такъ долго въ глубинѣ моего сердца, я хочу тебѣ открыть, тебѣ одной.

НЕЛЛИ.

Дядюшка!

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты идешь замужъ... это можетъ предохранить тебя отъ неблагоразумія, можетъ быть, даже отъ вѣчныхъ упрековъ совѣсти... но молчи же, молчи...

АННА (*въ сторону*).

Ахъ, еслибъ я могла.

НЕЛЛИ (*съ ужасомъ*).

Дядюшка! я ничего не хочу знать.

ГАРЛЕЙГЪ (*не смотрянее, тянетъ ее за руку къ себѣ*).

Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ необходимо высказать кому нибудь это (*глухимъ голосомъ*); я задыхаюсь, но поди сюда! чтобъ жена моя не могла насъ подслушать.

АННА (*въ сторону*).

Что онъ будетъ говорить? (*пораженная мыслію, она хватаетъ Нелли за руку*

заставляетъ ее отпустить руку Гарлейга, сама становится на ея мѣсто) Тише, Нелли, тише, оставь насъ.

НЕЛЛИ *(удивлена)*.

Но если онъ замѣтитъ?

АННА.

Я приказываю, нѣтъ, нѣтъ, я прошу тебя...

НЕЛЛИ.

Вы... *(Анна дѣлаетъ ей знакъ, Нелли взглядываетъ еще разъ на разорванное письмо, вздыхаетъ и тихо удаляется)*.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ГАРЛЕЙГЪ И АННА.

ГАРЛЕЙГЪ *(держитъ руку жены; несмотря на нее, старается собрать свои мысли, озирается во всѣ стороны)*.

Нелли, повторяю тебѣ, не должно идти за того, кого не любишь, но соединясь съ нимъ, должно любить его одного... малѣйшее предпочтеніе ему другаго, — низость. Это значитъ употребить во зло довѣренность того, кто ввѣрилъ тебѣ сердце, и кто, взамѣну своей любви, проситъ только взаимности и вѣрности.

АННА *(робко)*.

Далѣе...

ГАРЛЕЙГЪ.

Того, чего я не могъ никогда сыскать.

АННА.

Что вы говорите!

ГАРЛЕЙГЪ *(съ неподвижнымъ взоромъ горести)*.

Я былъ любимъ нѣкоторое время, я увѣренъ въ томъ, и потомъ другой... котораго я всегда встрѣчалъ на пути своемъ съ самой юности, всегда во всемъ! онъ вѣчно былъ любимъ, а я... вѣчно ненавидимъ всѣми... Вотъ моя тайна, вотъ что убиваетъ меня...

ЛЕДИ АННА *(съ живостію, громко)*.

О! не вѣрьте этому.

ГАРЛЕЙГЪ *(горестно)*.

Не вѣрить... я бы желалъ сомнѣваться, я бы отдалъ всю кровь свою за это, но у меня есть глаза, которые наблюдали за всѣми ея движеніями, сердце, которое угадывало малѣйшую мысль ея. Въ Неаполѣ, ты помнишь Нелли, едва онъ появлялся, она смущалась, блѣднѣла.

АННА.

Она!

ГАРЛЕЙГЪ.

При извѣстіи объ его смерти, не проливала ли она слезъ... не проливаетъ ли она ихъ каждый день передо мной... я это вижу.

АННА *(внѣ себя)*.

О Боже, Боже мой!

ГАРЛЕЙГЪ *(съ простію)*.

Когда я бывалъ съ нею на-единѣ, не покушался ли я двадцать разъ отомстить ей за мои мученія.

АННА.

Ахъ, пусть лучше онъ убьетъ меня, но не сомнѣвается во мнѣ!

ГАРЛЕЙГЪ *(взглядывая на нее съ усмѣшкою)*.

Ты боишься за нее?.. Ребенокъ... развѣ ты не знаешь, что я люблю ее болѣе моей жизни, даже теперь... вѣдь она моя жена, моя первая, единственная любовь! она можетъ забыть меня, оставить! но я вѣчно стану любить ее... я хочу, чтобъ ее уважали, почитали, потому что она носитъ мое имя. Вотъ что заставляетъ меня молчать... ея удѣлъ—радость, блаженство, а мой—страданія и слезы!.. *(падаетъ на стулъ, потупя взоры)*

АННА *(съ отчаяніемъ)*.

А! теперь я знаю все его несчастіе, я не переживу этого *(бросается къ его ногамъ и цѣлуетъ его руку)*.

ГАРЛЕЙГЪ.

Нелли! что съ тобою? твоя рука дрожитъ.

АННА *(опустя голову, прерывающимся голосомъ)*.

Я хочу вамъ говорить объ ней... вы почитаете ее виновною, она никогда не была ею.

ГАРЛЕЙГЪ (*живо*).

Никогда!

АННА (*кротко и нѣжно*).

Что значатъ эти наружныя доказательства, я свидѣтельствуюсь въ томъ вашимъ и ея сердцемъ... этой чистою и непорочною любовью, которую она питала къ вамъ всегда.

ГАРЛЕЙГЪ (*отворачиваясь*).

Замолчи! замолчи!

ЛЕДИ АННА.

Ежеминутныя попеченія объ васъ, страхъ возмутить вашъ покой, причиною ея молчанія, которое кажется вамъ преступленіемъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Нелли!

ЛЕДИ АННА.

Не ужели этого довольно, чтобъ изгнать ее изъ вашего сердца? и еслибъ она пришла къ вамъ съ полною увѣренностію въ своей любви, въ своей невинности и этимъ голосомъ, съ этимъ взглядомъ, въ которыхъ прежде сомнѣвались... сказала бы вамъ: Гарлейгъ! я достойна тебя; клянусь тебѣ всѣмъ на свѣтѣ, я любила только тебя одного, но я не имѣю другихъ доказательствъ, кромѣ моего слова, вѣрь ему, вѣрь слову твоей Анны! Неужели бы вы не повѣрили?..

ГАРЛЕЙГЪ.

Мнѣ не вѣрить?.. могъ ли бы я противиться? нѣтъ, нѣтъ, я бы повѣрилъ ей...

ЛЕДИ АННА.

Чтожъ вы медлите?

ГАРЛЕЙГЪ.

Но я бы сталъ презирать себя; вотъ для чего я не хочу говорить съ ней объ этомъ... Я слишкомъ знаю ея власть... Она всегда предо мною, всегда, даже теперь, Нелли, теперь, слушая тебя, мнѣ кажется, что я слышу ея голосъ.

ЛЕДИ АННА.

Ну чтожъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

Твои глаза, твой взглядъ!...

ЛЕДИ АННА.

Ну чтожъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

А! не ужели я долженъ всегда, вездѣ ее видѣть.

ЛЕДИ АННА.

Гарлейгъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Прочь!.. прочь!.. оставь меня... оставь меня (*убѣгаетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛЕДИ АННА, ПОТОМЪ ДОКТОРЪ.

ЛЕДИ АННА, (*упавъ на стулъ*).

Гарлейгъ! Онъ ужъ меня не слышитъ!

ДОКТОРЪ, (*вбѣгая*).

Леди Анна! что здѣсь случилось?

ЛЕДИ АННА, (*со слезами*).

Ахъ, докторъ, я знаю все! онъ почитаетъ меня виновной... меня... меня! которая живетъ, дышитъ только имъ однимъ, которая готова жертвовать жизнію.

ДОКТОРЪ.

Что нужды въ его мнѣніи... оно происходитъ отъ его помѣшательства... пусть только возвратится его разсудокъ и мы употребимъ эту несчастную мысль...

ЛЕДИ АННА, (*уныло*).

Его разсудокъ! что можетъ его возвратить ему?

ДОКТОРЪ.

То же, отъ чего онъ лишился его. Сильное потрясеніе... внезапный переворотъ, къ которому я не въ силахъ еще привести, даже не могу предвидѣть, но которымъ я воспользуюсь, коль скоро представится случай и когда силы больнаго подадутъ мнѣ надежду къ благопріятной перемѣнѣ... эта минута ужасна! Признаюсь, что я самъ тогда буду имѣть нужду во всѣмъ моемъ мужествѣ; но Богъ дастъ, все кончится хорошо... главное дѣло теперь, чтобъ уѣхать отсюда какъ можно скорѣе.

ЛЕДИ АННА.

Что это значитъ?

ДОКТОРЪ.

Этотъ Вилькинсъ... есть тотъ человѣкъ, который присылалъ недавно сюда справляться.

АННА.

Боже!

ДОКТОРЪ.

Надо ускользнуть отъ него; я обѣгалъ всѣ окрестности... досталъ лошадей и лишь только приведутъ ихъ (*подходя къ окну*) вотъ, кажется, онъ!.. точно онъ, ужъ у воротъ... Скорѣе, миледи, скорѣе, надѣньте шляпу, шаль...

АННА.

Гдѣ же Нелли?

ДОКТОРЪ.

Она поѣдетъ вмѣстѣ съ нами, бѣдное дитя! Она разсказала мнѣ наконецъ свою тайну, которая дѣлаетъ ее несчастною... она такъ же, какъ и вы, достойна сожалѣнія.

ЛЕДИ АННА.

Что вы говорите.

ДОКТОРЪ.

Этотъ молодой человѣкъ... есть тотъ самый сэръ Генрихъ... Вотъ она, ни слова при ней, я побѣгу за вашимъ мужемъ...

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И НЕЛЛИ.

НЕЛЛИ.

Ахъ, г. докторъ.

ДОКТОРЪ И АННА.

Что случилось?

НЕЛЛИ.

Вы ничего не слыхали?

ДОКТОРЪ.

Кромѣ того, что привели нанятыхъ мною лошадей.

НЕЛЛИ.

Мы сами то же думали и отворили ворота...

ДОКТОРЪ.

Ну.

НЕЛЛИ.

Вмѣсто того пріѣхалъ этотъ злой Вилькинсъ съ своимъ жокеемъ.

ДОКТОРЪ И АННА.

Вилькинсъ!!

НЕЛЛИ.

Онъ знаетъ, что дѣлюшка здѣсь и хочетъ непремѣнно видѣть его...

ДОКТОРЪ.

Чортъ возьми, какая неудача!..

НЕЛЛИ.

Давидъ не пускаетъ его.

ЛЕДИ АННА.

Мы погибли... если онъ увидитъ моего мужа. Ахъ, докторъ, поговорите съ нимъ, постарайтесь удалить его...

ДОКТОРЪ.

Теперь невозможно.

ЛЕДИ АННА.

Чтожъ вы намѣрены дѣлать?

ДОКТОРЪ, (*пораженый мыслію*).

Выдержать ударъ... принять его...

ЛЕДИ АННА.

Подумали ли вы...

ДОКТОРЪ.

Это одно средство выйти изъ бѣды... Садитесь за работу... сюда... я останусь при вашемъ мужѣ. Хладнокровіе... присутствіе духа... и мы собьемъ съ толку двоюроднаго братца... Если же онъ заупрямится, я докажу ему, что онъ самъ сумасшедшій; я въ самомъ дѣлѣ сведу его съ ума, если будетъ нужно... кой чортъ, вѣдь я не даромъ же докторъ.

ЛЕДИ АННА.

Но...

ДОКТОРЪ, (*показывая на входящаго Гарлейга*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ГАРЛЕЙГЪ.

ГАРЛЕЙГЪ, (*самъ съ собою*).

Пѣтъ, это одна мечта, (*увидя Нелли, рисующую въ альбомѣ*): О! да это была Нелли.

ДОКТОРЪ.

Я шелъ за тобою, другъ мой.

ГАРЛЕЙГЪ.

За мною?

ДОКТОРЪ.

Да, мы намѣрены прогуляться (*тихо*) это необходимо для твоей жены; я ужъ послалъ за каретой.

ГАРЛЕЙГЪ.

Пожалуй, я готовъ.

ДОКТОРЪ.

Но къ намъ пріѣхалъ незванный гость.

ГАРЛЕЙГЪ.

Кто такой?

ДОКТОРЪ.

Одинъ изъ твоихъ родственниковъ, по имени Вилькинсъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

А!.. дуракъ, болтунъ, онъ насъ замучитъ.

ДОКТОРЪ.

Ненадо съ нимъ говорить, или нѣтъ... сыграемъ партію въ шахматы (*въ сторону*): это займетъ его. (*ему*) Онъ догадается, что онъ здѣсь лишній, и оставитъ насъ въ покоѣ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Прекрасно вздумано. (*Бѣжитъ къ столу, придвигаетъ его на авань-сцену, разставляетъ шашки*).

АННА.

Онъ ужъ въ передней.

ДОКТОРЪ, (*ведя ее на мѣсто*.

Смѣлѣе.

АННА.

Ахъ! я вся дрожу.

ГАРЛЕЙГЪ.

Одно меня безпокоитъ, докторъ...

ДОКТОРЪ.

Что такое.

ГАРЛЕЙГЪ.

Онъ замѣтитъ, въ какомъ положеніи бѣдная леди Анна.

ДОКТОРЪ.

Мы его спутаемъ... вѣдь ты поможешь мнѣ...

ГАРЛЕЙГЪ.

Безъ сомнѣнія.

(*Садятся за шахматы. Анна за работой; Нелли рисуетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Вилькинсъ, (*отталкивая Давида*).

ДАВИДЪ.

Но, сударь.

ВИЛЬКИНСЪ.

Убирайся къ чорту, любезный другъ, это запрещеніе не касается до родственниковъ.

ДАВИДЪ.

Однако жъ...

АННА, (*дѣлая знакъ Давиду*).

Хорошо! Давидъ, оставь насъ.

(*Давидъ уходитъ*).

ВИЛЬКИНСЪ.

Тысячу разъ виноватъ, леди, въ томъ, что я вошелъ сюда безъ позволенія (*въ сторону*). Чортъ возьми, если журналъ не лжетъ, дѣла мои на порядкѣ, и это имѣніе... А, вотъ нашъ любезный братецъ...

ГАРЛЕЙГЪ, (*равнодушно.*)

Сэръ Вилькинсъ! это ты, негодяй.

ВИЛЬКИНСЪ.

Однакожъ, онъ не совсѣмъ сумасшедшій; онъ тотчасъ узналъ меня.

ГАРЛЕЙГЪ.

Откуда тебя Богъ принесъ?

ВИЛЬКИНСЪ.

По чести, любезный братецъ, вамъ надобно сдѣлать этотъ вопросъ... и безъ этого журнала, который мнѣ попался случайно...

ДОКТОРЪ, (*перебивая его*).

Шахъ королевѣ! Берегитесь, милордъ. (*Вилькинсу*) Прошу васъ, сударь, намъ не мѣшать; игра весьма серіозная.

ВИЛЬКИНСЪ, (*отходя къ дамамъ*).

Извините.

НЕЛЛИ, (*которую леди Анна толкнула, становится между Вилькинсомъ и Докторомъ.*

Здравствуйте, братецъ.

ЛЕДИ АННА, (*по другую сторону Вилькинса.*

Какъ вы узнали, что мы живемъ въ этой сторонѣ?

ВИЛЬКИНСЪ.

Очень просто... я здѣсь у одного моего пріятеля, мирнаго судьи этого графства, который отправился осматривать фермы. (*въ сторону*). Онъ обѣщалъ заѣхать за мною, я велѣлъ ему сказать... это вѣрнѣе, и если тутъ есть что нибудь — не худо, чтобъ это было доказано законнымъ порядкомъ (*громко*). Я завтракалъ въ трактирѣ совершенно одинъ и на досугѣ прочелъ, какъ я уже вамъ говорилъ... журналъ, который попался мнѣ подъ руку...

АННА.

А, это очень хорошо...

НЕЛЛИ.

Очень, очень мило.

ДОКТОРЪ, (*сердито*).

Чрезвычайно мило!... но не говорите такъ громко... я, по вашей милости, надѣлалъ ошибокъ...

ВИЛЬКИНСЪ.

Этотъ журналъ заставилъ меня безпокоиться на счетъ здоровья одной особы...

ГАРЛЕЙГЪ, (*тихо*).

Ему вѣрно сказали объ моей женѣ.

ДОКТОРЪ.

Можетъ статься.

ВИЛЬКИНСЪ, (*леди Аннѣ*).

Супругъ вашъ немножко блѣденъ.

АННА, (*тихо*).

Вы находите?

НЕЛЛИ.

Напротивъ, онъ никогда еще не былъ такъ здоровъ.

ДОКТОРЪ.

Желѣзное здоровье.

ВИЛЬКИНСЪ.

Очень радъ, очень радъ... (*въ сторону*) Мы это увидимъ, я заставлю его разговориться... Вы много путешествовали, братецъ?...

АННА, (*живо*).

Очень много...

НЕЛЛИ.

И это такъ весело.

ДОКТОРЪ.

Особенно для нашего брата Англичанина, который имѣетъ столько причинъ скучать у себя дома.

ВИЛЬКИНСЪ.

Гдѣ же вы были?

АННА.

Вездѣ понемножку.

НЕЛЛИ.

Въ Италіи.

ДОКТОРЪ.

И въ Австріи.

ВИЛЬКИНСЪ, (*все къ Гарлейгу*).

А! тамъ столько бываетъ разныхъ приключеній.

АННА.

О, нѣтъ!

НЕЛЛИ.

Какъ и вездѣ.

ДОКТОРЪ.

Славныя дороги, скверныя лошади, честные люди, бездѣльники, худые трактиры и толстые трактирщики.

ВИЛЬКИНСЪ.

Да что же это они за него все говорятъ, перейду на ту сторону...

ЛЕДИ АННА (*замѣтя его движеніе*).

Ахъ, докторъ!

ВИЛЬКИНСЪ (*ударивъ фамильярно по плечу Гарлейга*).

Любезный братецъ...

ДОКТОРЪ.

Осторожнѣе, вы уронили слона.

ВИЛЬКИНСЪ.

Виноватъ, виноватъ.

ДОКТОРЪ.

Виноватъ, виноватъ; кто васъ проситъ мѣшать, когда люди занимаются дѣломъ.

ВИЛЬКИНСЪ.

Это все оттого, что я такъ счастливъ! я такъ давно не видалъ любезнѣйшаго моего братца.

ГАРЛЕЙГЪ.

Да, съ того дня, какъ я заплатилъ въ пятый разъ твои долги.

ВИЛЬКИНСЪ.

Чортъ возьми, какъ онъ хорошо помнитъ.

ДОКТОРЪ (*смѣясь*).

Ага! сударь... вы дѣлаете долги?..

ВИЛЬКИНСЪ, (*скромно*).

Вѣдь надо же что нибудь дѣлать.

ГАРЛЕЙГЪ.

И чтобъ заставить меня платить за него, онъ всякій разъ затѣваетъ процессъ.

ДОКТОРЪ.

Какой онъ добрый.

ГАРЛЕЙГЪ.

Но я его надулъ. Я самъ защищалъ въ палатѣсвое дѣло... ты помнишь, Вилькинсъ, какъ я тебя отдѣлалъ (*тономъ адвоката*) «Противникъ мой, милорды, — расточитель, сумазбродъ, лѣнтяй?..»

ВИЛЬКИНСЪ.

У него чертовская память!

ГАРЛЕЙГЪ.

Который, какъ тунеядецъ, хочетъ разжирѣть! ха! ха! ха!

ВИЛЬКИНСЪ.

Полноте, братецъ, перестаньте говорить объ этомъ; если я былъ не правъ, то я уже давно забылъ, такъ же, какъ... (*въ сторону*) Ничего похожаго нѣтъ... вѣрно журналистъ самъ сошелъ съ ума; какъ онъ славно играетъ.

ДОКТОРЪ, (*въ сторону*).

Не мудрено, когда я нарочно поддаюсь.

ВИЛЬКИНСЪ, (*поправляя шашку*).

Извините, братецъ, слонъ не можетъ ходить поперегъ...

ДОКТОРЪ, (*бьетъ по шашечницѣ*).

Что жъ вы толкаете... чортъ побери всѣхъ совѣтниковъ!.. мастерская партія, которую я выигрывалъ...

ГАРЛЕЙГЪ, (*холодно*).

Вилькинсъ, ты вѣчно одинаковъ; это несносно!

ВИЛЬКИНСЪ.

Виновать, виновать! Журналъ рѣшительно совралъ, и мнѣ остается только убраться. Прощайте, братецъ...

ДОКТОРЪ, (*вставая*).

Счастливый путь.

АННА.

Я отдыхаю!

ВИЛЬКИНСЪ.

Прощайте, прекрасная Нелли. (*смотря въ альбомъ*) Что это вы рисуете? О! да какая прелесть! гдѣ находится этотъ старинный замокъ?

НЕЛЛИ.

Въ Неаполѣ.

ГАРЛЕЙГЪ, (*пораженный*).

Въ Неаполѣ!

ВИЛЬКИНСЪ.

А эта дорожка... на берегу моря?..

НЕЛЛИ.

Она ведетъ въ Павзилиппу.

ГАРЛЕЙГЪ.

Въ Павзилиппу!

ВИЛЬКИНСЪ,

Чудесный видъ! эти волны, на которыхъ, кажется, развѣвается...

ГАРЛЕЙГЪ, (*отрывисто*).

Вы его видѣли?

ВИЛЬКИНСЪ.

Что такое?

ГАРЛЕЙГЪ.

И ты видѣлъ также?

ВИЛЬКИНСЪ.

Кого?

ГАРЛЕЙГЪ.

Этотъ платокъ...

ВИЛЬКИНСЪ.

Какой платокъ?..

ДОКТОРЪ.

Ничего, ничего, старая исторія... прощайте, сударь, прощайте.

ВИЛЬКИНСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ; позвольте... можно подумать, что любезный братецъ...

ГАРЛЕЙГЪ (*идетъ къ нему, тотъ отступаетъ*).

Что ты здѣсь дѣлаешь? а?

ВИЛЬКИНСЪ.

Я?

АННА И НЕЛЛИ.

Боже!

ГАРЛЕЙГЪ (*схватя его за воротъ*).

Я тебя знаю.

ВИЛЬКИНСЪ.

Братецъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты думаешь, что это я... ты лжешь, ты хочешь задержать меня.

ВИЛЬКИНСЪ.

Совсѣмъ нѣтъ! что такое онъ говоритъ?

ГАРЛЕЙГЪ.

Но я велю запереть всѣ двери.

ВИЛЬКИНСЪ.

Братецъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты иначе не выйдешь отсюда какъ въ окно.

ВИЛЬКИНСЪ (*крича*).

Пустите, ради Бога! я вашъ двоюродный братъ Вилькинсъ!

ГАРЛЕЙГЪ (*другимъ*).

Заставить ли летать шпіона? это васъ позабавитъ!

ВИЛЬКИНСЪ (*доктору*).

Велите, пожалуйста, запереть всѣ окна; и не предупредили меня...

ДОКТОРЪ.

Э, сударь, вольно же было вамъ приходить сюда.

ВИЛЬКИНСЪ.

Чортъ возьми, еслибъ я это зналъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Или нѣтъ, стой тутъ, и несмѣй тронуться съ мѣста (*подходитъ къ окну и слушаетъ*).

ВИЛЬКИНСЪ.

Чтобъ ему сумасшедшему сквозь землю провалиться.

АННА.

Ахъ, сударь, изъ жалости...

НЕЛЛИ.

Для чести вашей фамиліи.

ВИЛЬКИНСЪ.

Будьте спокойны, сестрица, объ немъ станутъ имѣть всевозможное попеченіе... бѣдный братецъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Слушайте, слушайте, вотъ они, вотъ его сообщники.

ДОКТОРЪ.

Скачутъ верхами.

ВИЛЬКИНСЪ.

Это мирный судья, котораго я увѣдомилъ...

АННА И НЕЛЛИ.

Мирный судья!

ДОКТОРЪ.

Какъ, сударь?

ВИЛЬКИНСЪ.

Это такъ, ничего, не пугайтесь, пустая форма; я сейчасъ вамъ его представлю (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ВИЛЬКИНСА.

АННА.

Все пропало!

ДОКТОРЪ (*смотря на Гарлейга, ходящаго въ безпокойствѣ*).

И никакой искры, никакого признака къ исцѣленію... Гарлейгъ!

АННА.

Другъ мой!

НЕЛЛИ.

Любезный дядюшка!

ГАРЛЕЙГЪ (*садясь*).

Пусть они придутъ... я ихъ обличу во лжи.

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ болѣе надежды.

ДАВИДЪ (*за кулисами*).

Нѣтъ, вы не войдете.

ГРОМКІЙ ГОЛОСЪ МАКСВЕЛЯ.

Именемъ короля и лорда канцлера.

НЕЛЛИ.

Этотъ голосъ! о Боже мой... (*бѣжитъ въ глубину театра*) это онъ!

АННА.

Сэръ Генрихъ!

ДОКТОРЪ.

Максвель! Какъ, тотъ, который сейчасъ... тотъ, кого вы полагали погибшимъ?.. и который... Боже мой!

ВИЛЬКИНСЪ.

Милости просимъ, сюда за мной!

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, МАКСВЕЛЬ, ВИЛЬКИНСЪ ДАВИДЪ, И ДВОЕ СЛУГЪ.

НЕЛЛИ *(готовая броситься въ объятія Максвелл)*.

Вотъ онъ!

МАКСВЕЛЬ.

Нелли! *(хочетъ броситься къ ней, докторъ живо останавливаетъ ихъ на своихъ мѣстахъ)*.

ДОКТОРЪ *(тихо)*.

Остановитесь! — здѣсь дѣло идетъ о жизни человѣка, и я за нее отвѣчаю... вы должны мнѣ повиноваться!.. ни одного слова, ни одного движенія безъ позволенія моего!

МАКСВЕЛЬ.

Гарлейгъ! великій Боже!

ДОКТОРЪ.

Тише!

ВИЛЬКИНСЪ.

Но...

ДОКТОРЪ.

Молчите, сударь! я вамъ приказываю! *(Вилькинсъ, удивленный, остается неподвиженъ. Максвель въ глубинѣ, не смѣя приблизиться. Нелли у стола съ простертыми руками къ Максвелю. Анна слѣдуетъ за всѣми движеніями доктора... Максвель высылаетъ Давида и слугъ)*.

АННА *(тихо доктору)*.

Что вы намѣрены дѣлать?

ДОКТОРЪ *(тронутый, жметъ ей руку)*.

Минута настала... этотъ переломъ, котораго я ожидалъ... будьте тверды...

АННА.

Боже! вы сами... вы дрожите...

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я спокоенъ; останьтесь на мѣстѣ *(приближаясь къ сидящему Гарлейгу)* Ну, любезный другъ, мы обманывались... этотъ молодой человѣкъ, который слѣдовалъ вездѣ за моей женой и котораго я почиталъ мертвымъ...

ГАРЛЕЙГЪ.

Ну!

ДОКТОРЪ.

По какому-то чуду — живъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Онъ живъ!

ДОКТОРЪ.

Я видѣлъ его... отъ чего жъ ты дрожишь? вѣдь я тебѣ говорю объ знакомомъ мнѣ человѣкѣ...

ГАРЛЕЙГЪ.

Онъ живъ?

ДОКТОРЪ.

По счастію... иначе бы совѣсть вѣчно меня мучила... Какъ иногда воображеніе обманываетъ насъ... повѣришь ли? я думалъ, что онъ волочился за моей женой, — ничего не бывало: онъ былъ влюбленъ въ мою племянницу и всюду слѣдовалъ за нею.

ГАРЛЕЙГЪ *(вздрогнувъ)*.

Племянницу! ты увѣренъ въ этомъ?

ДОКТОРЪ.

Они были тайно обвѣнчаны.

ГАРЛЕЙГЪ И АННА.

Обвѣнчаны!

ГАРЛЕЙГЪ.

Возможно ли?

ДОКТОРЪ.

Что жъ тутъ удивительнаго... что молодой, богатый, любезный молодой человѣкъ тайно женится на дѣвушкѣ доброй и скромной, какъ напримѣръ, наша Нелли.

ГАРЛЕЙГЪ.

Нелли?

ДОКТОРЪ *(дѣлая знакъ, чтобъ Максвель подошелъ къ Нелли)*.

Посмотри, онъ возлѣ нея, возлѣ своей жены.

ГАРЛЕЙГЪ.

Возлѣ своей жены... неправда, не можетъ быть. *(Докторъ оборачиваетъ тихонько его кресла такъ, что онъ очутился лицомъ къ Максвелю)*.

Нелли! Максвель! (*хочетъ приподняться и падаетъ опять*).

Это сонъ!

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ.

ГАРЛЕЙГЪ.

Привидѣніе?

ДОКТОРЪ.

Нисколько.

ГАРЛЕЙГЪ.

Максвель?

ДОКТОРЪ.

Онъ самъ... подлѣ своей жены.

ГАРЛЕЙГЪ.

Чтожъ онъ не прижметъ ее къ своему сердцу?

ДОКТОРЪ.

Я увѣренъ, что онъ горитъ желаніемъ обнять ее.

ГАРЛЕЙГЪ (*видя, что Максвель обнимаетъ ее*).

Въ самомъ дѣлѣ!

ДОКТОРЪ.

Это очень естественно, послѣ долгой разлуки.

ГАРЛЕЙГЪ.

Объ чемъ же они говорятъ между собою?

ДОКТОРЪ (*возвышая безпрестанно голосъ*).

Хорошо, еслибъ ихъ подслушать.

ГАРЛЕЙГЪ (*наклонясь, подслушиваетъ*).

Тсъ!

НЕЛЛИ.

Что же съ вами случилось, сударь, съ того дня, какъ вы исчезли изъ Неаполя, гдѣ вы должны были признаться въ нашей женитьбѣ моей тетушкѣ... умолить ее выпросить намъ прощеніе.

ГАРЛЕЙГЪ (*въ смущеніи*).

Какъ?

МАКСВЕЛЬ.

Ахъ, Нелли, я былъ очень несчастливъ, или очень неловокъ... никто не хотѣлъ слушать меня... леди Анна убѣжала съ первыхъ моихъ словъ; твой дядя, ослѣпленный ненавистью ко мнѣ, счелъ меня преступникомъ; онъ послѣдовалъ за мною, требовалъ отчета въ мнимомъ преступленіи... я не зналъ, какъ его успокоить; наконецъ, я готовъ былъ во всемъ ему признаться, какъ вдругъ по несчастію...

(*Гарлейгъ встаетъ и испускаетъ глухой стонъ.*)

Узкая тропинка шла по берегу моря, я оступился и упалъ въ него... безчувственный, полумертвый, я былъ увлеченъ волнами и безъ помощи рыбаковъ меня бы теперь не было на свѣтѣ...

(*Гарлейгъ бѣжитъ къ Максвелю, крѣпко обнимаетъ его, потомъ Нелли. Медленно оборачивается, примѣчаетъ Анну, которая впилась въ него взорами, онъ останавливается, смотря на нее съ любовью и раскаяніемъ, открываетъ ей объятія; леди Анна бросается въ нихъ съ крикомъ радости*):

ЛЕДИ АННА.

Ахъ!

ГАРЛЕЙГЪ.

Анна! Максвель!

НЕЛЛИ.

Дядюшка!

МАКСВЕЛЬ.

Другъ мой!

ГАРЛЕЙГЪ.

О моя Анна!.. осмѣлюсь ли я когда нибудь тебѣ признаться...

ЛЕДИ АННА.

Молчи, молчи! я ничего не хочу знать!.. я такъ счастлива!

ДОКТОРЪ.

Это безподобно! теперь я отвѣчаю за него. (*жметъ руку Вилькинсу*) Какое счастіе, что вы привезли къ намъ мирнаго судью.

ВИЛЬКИНСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, это очень счастливо! бѣдный Гарлейгъ!.. мнѣ было душевно жаль его, даромъ что я его родственникъ, а все какъ-то...

ГАРЛЕЙГЪ.

Родственникъ! да, я вспоминаю теперь

Вилькинсъ... и если ты обѣщаешь мнѣ сдѣлаться благоразумнѣе, то мое помѣстье въ Іоркъ Скирѣ...

вилькинсъ (*живо*).

Съ лисьей травлей... но...

гарлейгъ.

Я отдаю тебѣ...

вилькинсъ.

Это въ вашей волѣ, братецъ, вы властны отдать мнѣ все, что ни захотите, и я не имѣю права отказаться... вы старшій въ родѣ. (*въ сторону*) Чудесная земля!.. онъ теперь въ полномъ умѣ и я съ умасхожу отъ радости.

гарлейгъ.

А ты, другъ мой, мой истинный другъ...

максвель.

Благодѣтель нашъ...

нелли.

Нашъ ангелъ-хранитель...

леди анна (*показывая на мужа*).

Мы вамъ за него обязаны!

докторъ (*обнимая всѣхъ и утирая слезы*).

Друзья мои, дѣти мои! Ахъ! есть минуты, въ которыя искусство мое истинно прекрасно!..

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

ПРОЗОРЛИВЫЙ МЕРЪ.

(Разсказъ Евгенія Гино).

Въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ и дождливыхъ дней апрѣля 1792 года, ѣхала изъ Парижа въ городокъ *Во-а-Жуг* почтовая карета. Въ ней сидѣли двѣ женщины: одна изъ нихъ была красавица, среднихъ лѣтъ, величественной наружности, а другая молоденкая, небольшаго росту, быстроглазая, недурная собою.

— Опоздать такъ, какъ мы опоздали, право, несносно! сказала первая. Я почти увѣрена, что чѣмъ далѣе мы ѣдемъ, тѣмъ хуже лошадей даютъ намъ.

— Позвольте вамъ доложить-съ, (это отвѣчала вторая. Нужно ли говорить, что она была горничною первой.) Позвольте вамъ доложить, что мы катимся препорядочною рысцою. Конечно, тому молодому человѣку, что слѣдитъ насъ, желательно бы было, чтобъ мы скакали сломя голову.

— Какъ, развѣ онъ все еще ѣдетъ за нами?

— Ни на шагъ не отстаетъ...

— Видно, дѣла у него немного.

— Этого не знаю-съ, а знаю только то, что онъ влюбленъ въ васъ по уши. Бѣдный г. де Меллетъ!

— Ты успѣла уже узнать его фамилію?

— Какъ же-съ... фамилія его изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ въ здѣшней провинціи.

— Я опасаюсь, чтобъ онъ не компрометировалъ меня. Если узнаютъ...

— Ни онъ, и никто не узнаетъ болѣе того, сколько посторонниимъ знать нужно, то есть, что васъ зовутъ г-жею Дюгамель, что вы путешествуете для удовольствія...

Почтовая карета остановилась у лучшей гостинницы города *Во-а-Жуг*. Не успѣла г-жа Дюгамель сѣсть за обѣдъ, какъ вошелъ въ столовую меръ этого города. Онъ устремилъ на нашу путешественницу грозный, мерскій взглядъ. Потомъ кошичьи, сѣрые

глаза его забѣгали съ прекраснаго личика Дюгамель на измятую бумагу, которую онъ держалъ передъ собою, и съ этой бумаги на ея личико. Бумага заключала въ себѣ описаніе примѣтъ Французовъ, скрывшихся, въ то смутное время, изъ Парижа. Потомъ меръ потребовалъ отъ г-жи Дюгамель ея паспорта; что весьма сконфузило ее. Не теряя ни минуты, велемудрый градоначальникъ, *приступилъ къ осмотру* вещей, принадлежащихъ нашимъ путешественницамъ. Г-жа Дюгамель подала ему свой паспортъ.

— Не безпокойтесь, мнѣ теперь его не нужно. Вотъ это яснѣе всякаго паспорта доказываетъ, съ кѣмъ я имѣю счастіе говорить, сказалъ глубокомысленный меръ, вынимая изъ чемодана золотую корону. — Вы королева Марія Антуанета! Не благоугодно ли вашему королевскому величеству пожаловать въ эту особую, для пріема вашего приготовленную комнату?

Г-жа Дюгамель вошла въ ту комнату двери за ней заперли на ключъ, поставя къ нимъ двухъ часовыхъ. Меръ, какъ человѣкъ знающій порядокъ службы, немедленно, отъ имени ввѣреннаго ему города, донесъ объ этомъ происшествіи высшему начальству. Въ отвѣтъ на вышереченный рапортъ прислано нижеслѣдующее предписаніе:

«Граждане! Симъобъявляемъ, что королева Марія Антуанета не выѣзжала изъ Парижа, и предписываемъ вамъ не задерживать болѣе актрисы Парижскаго театра, г-жи Сенваль, предоставя ей право ѣхать куда она пожелаетъ.»

— Актриса Сенваль! вскрикнула хоромъ вся Жугская знать...и вамъ, сударыня, угодно было выдать себя за королеву, чтобъ одурачить насъ!

— Вы, милостивые государи, правы, но не совсѣмъ. Я не королева, но я царица Корѳагена, Тира, Сидона, Пальмиры, Вавилона и десятковъ двухъ другихъ мишурныхъ и холстинныхъ царствъ. Виновата ли я въ томъ, что вашему прозорливому меру угодно было вѣнецъ Мельпомены принять за французскую корону.—О, мой доблестный рыцарь! обращаясь къ Г. Меллету, продолжала г-жа Сенваль, —я не забуду тяжкихъ трудовъ, добровольно понесенныхъ вами, слѣдуя за моею каретою въ дождь и холодъ. Если вы заблагоразсудите пожаловать ко двору моему, то есть, въ парижской театръ, въ моей бенефисъ — первое мѣсто въ залѣ будетъ ваше.

М. ЖКЛНЪ.

КУМЪ ИВАНЪ

РУССКАЯ БЫЛЬ 1550 ГОДА.

Соч. Ег. Ал.

Прохожій.
Петровичъ, крестьянинъ-дровосѣкъ.
Марѳа, теща Петровича.
Дуня, дочь ея.

Ѳедоръ Анкудиновичъ, сельскій староста.
Алексѣй, сынъ его.
Бояре, стрѣльцы, дворцовые люди и народъ.

I.

Внутренность небогатой деревенской избы, въ коей однако же видны чистота и опрятность; время клонится къ вечеру.

МАРѲА *(одна—сидитъ подъ окномъ на лавкѣ и прядетъ пряжу.)*

Ахъ молодость, молодость!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?

Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною!
Ай, лешеньки, лешеньки,
Тоскою, кручиною!

Тоскою, кручиною,
Печалью великою!
Ай, лешеньки, лешеньки,
Печалью великою!...

Не красна прошла моя молодость, — не красна пришла старость: покинулъ меня мой покойничекъ вдовой горемычною, съ дочерьми сиротинками; да Отецъ-Господь

не покинулъ насъ, я вскормила, вспоила ихъ; — выдала старшую дочь въ замужество, — благословилъ Богъ и внучками, да не на радость: кормилецъ-то нашъ Петровичъ день-деньской въ работѣ, — а все терпитъ тугу и нужу; ему нипочемъ, да мнѣ грустно; вотъ меньшая дочь на возрастѣ, а ни съ чѣмъ съ рукъ не сбудешь!... Болитъ, болитъ мое ретивое по ненаглядной Дунюшкѣ! Да куда запропастилась она, вострухa? Пошла по воду, а далеко ли?... опять закалякалась съ Алешкой; а онъ ли ей ровня?...

Дуня (*отворяетъ дверь, неся на плечахъ коромысло съ ведрами*).

МАРѲА.

Легка на поминѣ!... ахъ, ты дѣвушка, дѣвушка! гдѣ была о сю пору?.. ну, что уставилась въ дверяхъ-то? притвори, вишь вѣтеръ по избѣ такъ и холитъ!

Дуня (*притворяетъ дверь, и ставитъ ведра на землю; а сама, въ боязни, не смѣетъ взглянуть на Марѳу*).

МАРѲА (*навивая нитку на веретено*).

Что-къ стоишь, какъ пень, тебя спрашиваютъ, гдѣ была?...

ДУНЯ (*робко*).

Право, матушка, на рѣку ходила — по воду...

МАРѲА.

На рѣку ходила — по воду!.. а рѣка-то что рукой подать...

ДУНЯ.

Не сердись, родимая!.. на рѣкѣ приключился быть Алеша; мы съ нимъ и перемолвили слова два, три...

МАРѲА.

Охъ, этотъ мнѣ Алешка, сидитъ на макушкѣ!.. Зачѣмъ его-то лукавой принесъ на рѣку?..

ДУНЯ.

Не знаю, родимая.

МАРѲА.

Что жъ онъ тебѣ побаялъ?..

ДУНЯ.

Да то, матушка, что ему тошно безъ меня; что его сушитъ-кушитъ печаль-тоска, коль не видитъ меня, что я де для него краше краснаго солнышка, свѣтлѣе яснаго мѣсяца, что онъ мой суженой, и что разлучитъ насъ одна гробова доска...

МАРѲА (*тронутая словами дочери*).

Ну, а ты, неразумная, ты что отвѣчала Алексѣю?..

ДУНЯ.

Согрѣшила передъ тобою, матушка, да не согрѣшила передъ Господомъ-Богомъ, сказала, матушка, Алексѣю правду-истину, сказала ему, что и онъ сказывалъ мнѣ.

МАРѲА.

Охъ, ты дитятко мое, неразумное, ну, пригодны ль такія рѣчи красной дѣвицѣ?

ДУНЯ.

Да не ты ли, родная, учила меня не молвить слова неправаго, ни кого словомъ не обманывать?

МАРѲА.

Вотъ, то-то и есть, молодо-зелено, зелено въ прокъ пойдетъ!..

ДУНЯ.

А мы, родимая, вдвоемъ съ Алешей и пѣсню спѣли.

МАРѲА.

Охъ, ты мнѣ, соловушекъ мой, не напѣть бы тебѣ да на свою головушку; вѣрь краснобаю! Ну, коли впрямь тебя любить, зачѣмъ не спросится отца, да не присватается?.. статочное ли дѣло, житье ему такое, что одна рука въ меду, другая въ патокѣ! а ты?.. Дуня, Дуня, послушай ролительскаго слова, забудь Алексѣя, онъ тебѣ не суженой...

ДУНЯ.

И рада бы, родная, забыть его, да не въ силахъ!.. *(сквозь слезы)* Матушка, пусть будетъ по твоему: не стану говорить съ нимъ, стану бѣгать отъ него, коли встрѣчусь, а разлюбить его не умѣю!..

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя несчастная?..
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтлова мѣсяца,
И затмилось красное солнышко.
Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая?
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу ли мнѣ досталося
Во всю жизнь несчастье видѣти,
Али въ людяхъ людей не было,
Полюбить ли было некого?..
По несчастьямъ то случилося,
Что мила друга полюбила я!..

(Плачетъ.)

МАРѲА.

Вотъ то-то, Дуня, не я ль говорила тебѣ: эй, не свыкайся съ Алексѣемъ! горько будетъ разставаться!.. *(разжалобясь, ласкаетъ Дуню)* Да не плачь же, мое дитятко, молись Богу, да будетъ его святая воля!..

ТѢ ЖЕ И АЛЕКСѢЙ.

АЛЕКСѢЙ.

Да будетъ его святая воля!.. *(помолясь во святой уголъ, кланяется хозяйкѣ)* Богъ въ помощь!..

ДУНЯ *(радостно.)*

Матушка, вотъ и Алексѣй!

МАРѲА.

Вижу; милости просимъ! Кто не радъ добрымъ людямъ; подай гостю скамейку!.. *(Дуня подаетъ скамейку)*. Да что такъ невзначай пожаловать?.. аль родной прислалъ за недоимкой?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, родимая!.. за такимъ дѣломъ я къ вамъ не ходокъ! да коли бъ моя воля, вѣкъ бы синя-пороха не спросилъ съ васъ!

МАРѲА.

Спрошать-то надо, кормилецъ; вѣдь не вамъ оно идетъ, а Царю-батюшкѣ, для всего царства; да теперь у насъ, вишь, лиха бѣда: въ одной рукѣ пусто, въ другой ничего!.. Петровичъ бѣдняга, какъ рыба объ ледъ бьется, а все нѣтъ талану: со стороны горе, съ другой море, съ третьей болото, да мохъ, а съ четвертой, охъ!.. охъ, охъ, охъ!

АЛЕКСѢЙ.

Взойдетъ солнышко и на вашъ дворъ, тетушка Марѳа!

МАРѲА.

Петровичъ тожъ говоритъ; да коли-то взойдетъ оно?.. а родной твой, не при тебѣ будь сказано, во нравѣ тугъ, никому не другъ!.. давича только и рѣчей у него: «подавай, да подавай! коли къ утрему не справишься, изъ избы вонъ!.. животы всѣ заберу, самого на правежъ поставлю...

(Утираетъ рукавомъ слезы; Дуня тяжело вздыхаетъ.)

АЛЕКСѢЙ (*вскакивая.*)

Не бывать тому, родимая Марѳа! грѣхъ говорить про отца, да грѣхъ и ему обижать мірянъ; Богъ правду видитъ, хоть не скоро про то скажетъ!.. прошай матушка, прощай Дуня!..

(*уходитъ.*)

МАРѲА И ДУНЯ.

МАРѲА.

Что ему, сердечному, попритчилось! какъ шальной побѣжалъ!.. (*пряжа оборвалась, веретено упало на полъ; Марѳа, поднимая его, говоритъ Дунѣ*) засвѣтико огня, Дунюшка! подъ лавкой зги не видать ..

ДУНЯ (*вздуваетъ огонь, и зажигаетъ лучину.*)

(*За сценой раздается голосъ Петровича*).

Изъ-за бору, бору,
Изъ-за зеленаго,
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,
Стучала, гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обрастала быстра рѣчка
Калиной, малиной!

МАРѲА.

Вотъ и кормилецъ нашъ воротился! выдько, Дуня, посвѣти ему...

ДУНЯ (*беретъ лучину и выходитъ въ сѣни.*)

ПЕТРОВИЧЪ (*входитъ за Дуней, несл вязанку дровъ.*)

ПЕТРОВИЧЪ.

Спасибо, голубушка, спасибо тебѣ, что посвѣтила: вишь, глаза слипались отъ непогоды! (*складываетъ дрова у печи*). Здорово, родная! ты все заработой?..

МАРѲА.

Нечто, кормилецъ!.. грѣхъ даромъ хлѣбъ ѣсть.

ПЕТРОВИЧЪ.

А что наша Агафья?.. что крошка мой, твой внучекъ?..

МАРѲА.

Благоларить Бога, кормилецъ; теперь спятъ въ клѣти...

ПЕТРОВИЧЪ.

И къ намъ, бѣднымъ, богатъ Господь милостію!.. Идучи въ лѣсъ, я заходилъ къ отцу Петру, попрошать его, чтобъ завтра окрестилъ младенца.

МАРѲА.

Охъ, охъ, Петровичъ! — завтра-то и радость намъ не въ радость: Ѳедоръ Анкудинычъ приходилъ...

ПЕТРОВИЧЪ.

Чтожь?.. приходилъ, да ушелъ, такъ нѣтъ его!..

МАРѲА.

Какъ что жь?.. давно-де срокъ прошелъ, а вы и не думаете: коли-де къ утрени не справитесь, со двора долой, животы всѣ заберу, самого на правежъ поставлю...

ПЕТРОВИЧЪ.

На правежъ!.. ну, да неправое безчестье — въ честь!..

МАРѲА.

А намъ, сиротамъ, придется идти по міру!..

ПЕТРОВИЧЪ.

По міру?.. моей семьѣ по міру!..

ДУНЯ.

Не кручинься, родной!.. авось Алексѣй пособитъ намъ...

МАРѲА.

Затвердила сорока Якова, а ты Алексѣя; гдѣ ему сладить съ нашимъ горемъ; спасибо и на ласковомъ словѣ. — Вишь батя-то его—сѣръ что свинья, а золъ что змѣя!...

ПЕТРОВИЧЪ.

Правду, матку сказать: медвѣдь собакамъ неугодникъ, свинья не огородникъ, а волкъ не пастухъ!.. вотъ и у насъ, посадили Ѳому на первое мѣсто: и неловко ему, и узко и тѣсно; — всѣхъ бы изъ села выжилъ!..

МАРѲА.

Вишь, глазки-то у него завистливы: все съѣсть хотять!..

ПЕТРОВИЧЪ.

Съ его обычаемъ не у насъ бы ему быть нàбольшимъ, а тамъ...

У Спаса — въ Чигасахъ, за Язою.
Тамъ живутъ мужики богатые:
Гребутъ золото лопатами,
Чисто серебро лукошками!..

То-тобъ раздолье Ѳедору Анкудиновичу!..

МАРѲА.

Не грѣши, кормилецъ! — чего самъ не любишь, и другому не хоти!..

ПЕТРОВИЧЪ.

Эхъ, матушка!.. не ужли я не боюсь Бога, не ужли вправдь скажу такія рѣчи?... такъ пришлось по присловью: къ пиву ѣдется, къ слову молвится!..

МАРѲА.

Вотъ что, Петровичъ, пришло мнѣ на мысль: попытался бы у кума Герасима: онъ не разъ выручалъ насъ ..

ПЕТРОВИЧЪ.

Дѣло, матушка, дѣло!.. тотчасъ сбѣгаю къ куму.

ДУНЯ.

Да его нѣтъ на селѣ; какъ я ходила по волу, видѣла, что онъ проѣхалъ съ пшеницей въ городъ.

ПЕТРОВИЧЪ.

Никто, какъ Богъ!.. подумаешь горе, раздумаешь: будь воля Господня!.. авось и староста, хоть лихъ — что и подкуръ нейметъ, а смилуется: день-другой подождетъ, — мы справимся!.. Слава Царю-батюшкѣ: налоги-то легоньки; не то, что бывало за прежнихъ князей, когда злые Татары грабили святую Русь!.. а теперь (*обращаясь къ Марѳѣ*) родная! вотъ и мы, хоть бѣдны, а медъ есть у насъ на крестины!..

МАРѲА.

Есть, голубчикъ мой, есть; — пусть говорятъ злые языки: откуда голь беретъ? голи Богъ подаетъ!..

ПЕТРОВИЧЪ.

Не все то перенять, что по рѣкѣ плыветъ, не все то переслушать, что люди говорятъ!.. по мнѣ: была бъ совѣсть чиста, а до прочаго-иного дѣла нѣтъ!..

МАРѲА.

Оно такъ Петровичъ; да ктожь крестить-то будетъ?.. Пусть кумою Дуня, а кумъ-то кто?

ДУНЯ.

И, родимая, у насъ на селѣ не безъ добрыхъ людей: кто нибудь да не откажется...

МАРѲА.

Говоришь ты; — а я вотъ что скажу тебѣ:

чѣмъ думать небылое, попросимо Алексѣя крёстнымъ.

ДУНЯ.

Что-ты, родная!.. Вѣдь тогда я навѣкъ съ нимъ чужая!.. А то еще Господь милостивъ... Помнишь, матушка: о прошлыхъ святкахъ гадала у насъ знаха изъ чужова города: она всѣмъ намъ вѣщевала богатый таланъ по осени, а вотъ ужь съ поля убрались, вотъ и ливни пали, подожди, родимая! попытаемъ узнать вѣшуньину правду...

ПЕТРОВИЧЪ.

Что правда, то правда Дуня!

ДУНЯ.

Да, ненаглядная моя матушка! не разувѣрпшь ты меня, пока морозы незапушатъ дубровы... Старушка гадала, сотворивши молитву, такъ не лукавой научилъ се!.. Три раза раскладывала она бобы, три раза выливала олово въ студеную воду, а все одно выходило!.. Не неволь меня, родимая! я обѣгаю утромъ все село позывать крёстнаго, а не стану съ Алексѣемъ у купели!..

МАРѲА.

Охъ, ты моя пташечка!... инъ, будь по твоему, мнѣ и самой жалко Алексѣя, да батя-то его...

ДУНЯ.

Матушка! Богъ съ нимъ;—вѣдь читаетъ же отецъ Петръ въ церкви: что и разбойникъ покаялся на крестѣ; авось...

(Подъ окномъ слышенъ стукъ).

ПЕТРОВИЧЪ.

Знать къ намъ кто-то стучится!

ДУНЯ *(подбѣгая къ окну).*

Кто тамъ?

ПРОХОЖІЙ *(за сценою).*

Добрые люди! укройте отъ дождя и темной ночи...

МАРѲА.

До него ли теперь, коли завтра и самимъ не будетъ мѣста...

ПЕТРОВИЧЪ.

Родная!.. Завтра Божье. — понче наше! гдѣ и ему приклонить голову?.. Можетъ онъ издалеча, всѣмъ чужой,... пустимъ его, не залежитъ онъ унасъ мѣста, не объѣстъ хлѣбомъ-солью!.. *(мигаетъ Дунѣ).*

ДУНЯ (*отворяетъ двери, и свѣтитъ въ сѣни*).

Милости просимъ, добрый человѣкъ!..

тѣже, и молодой статный прохожій (*входитъ за Дуней, молится во Святой уголъ, и привѣтливо кланяется хозяевамъ; тѣ взаимно ему кланяются*).

ПЕТРОВИЧЪ.

Милости просимъ, дорогой гость!

МАРѲА.

Милости просимъ, родимой!.. волею или неволею пожаловать изволилъ?

ПРОХОЖІЙ.

Я изъ Москвы;—вышелъ потѣшиться съ соколомъ, въ лѣсу отсталъ отъ товарищей,—въ туманѣ и ненастьѣ сбился съ дороги, плуталъ до ночи, а завидѣвши свѣтъ, набрелъ на ваше село, и попалъ къ вамъ, добрые люди!..

МАРѲА.

А какого званья и призванья милость ваша?..

ПРОХОЖІЙ.

Стрѣлецъ на службѣ царской.

ПЕТРОВИЧЪ.

Родимая!.. Прохожаго обогрѣй, накорми

напоп,—а до званья его намъ дѣла нѣтъ!.. Садись-ко служивой,—ты у себя дома; вѣдь вашъ братъ — что муха: гдѣ заборъ тамъ и дворъ, гдѣ щель, тамъ и постель!...

МАРѲА.

Садись, голубчикъ, — отдохни!..

ПРОХОЖІЙ (*садится хозяева тоже*).

Однако, хозяинъ,—у васъ на селѣ не всѣ такъ думаютъ: пыталъ я просить ночлега, непустили, да и только!.. чьи тамъ у самой церкви хоромы?...

ПЕТРОВИЧЪ.

По правую руку — то батьки нашего, отца Петра,—а по лѣвую, съ большими-то окнами что, — мірскаго старосты...

ПРОХОЖІЙ.

Охъ, какъ турнулъ онъ меня!.. грозился еще спустить цѣпную собаку...

МАРѲА.

Не поставъ Господь въ осужденіе, — а живетъ онъ злой человѣкъ: ни словомъ ни дѣломъ, ни кого не порадовалъ; вотъ и намъ горемычнымъ незнать куда отъ него дѣваться.

ПЕТРОВИЧЪ.

И, родная!.. не хвали въ очи, не кори за глаза; привѣтимъ-ко лучше нежданнаго гостя: что, кормилецъ, ты поизмокъ, чай прозябъ,—не постыдись у насъ скинуться и пообсушиться, — да по вѣчеряемъ чѣмъ Богъ послалъ.

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ, хозяинъ, я и такъ перебуду; къ дождю, непогодѣ не привыкать стать.

ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ милости твоей угодно!...

ПРОХОЖІЙ.

Ты, старушка, кажись, говорила: что и вамъ житья нѣтъ отъ старосты?

МАРѲА.

Нѣтъ житья, кормилецъ — да и только; съ свѣта Божьяго гонитъ...

ПЕТРОВИЧЪ.

Не гнѣви, матушка, Бога неправдою; оно такъ: не добръ, а лихъ Ѳедоръ Анкудиничь, и корыстенъ онъ, говорятъ люди, да отъ насъ-то ему покорыстоваться не чѣмъ!... Вотъ, вишь ли, служивой: за мной недоимка, надо бы внесть, да всего!... староста могъ бы подождать, да не хочетъ; на то его воля, а все мнѣ онъ не злодѣй.

МАРѲА.

Не злодѣй, а грозится согнать со двора, животы забрать, и самого на правёжъ поставить...

(*На лицѣ Прохожаго замѣтно негодованіе.*)

МАРѲА.

А семья-то у тебя большущая: насъ трое, шестеро ребятишекъ малъ-мала меньше, седьмова ноньче Богъ далъ; завтра крестить надо... (*обращаясь къ Прохожему*), а у насъ; кормилецъ, и кума нѣтъ; кума домашняя, Дуня, дочушка моя, ей, вишь, не хочется крестить съ старостинымъ сыномъ; тогда-де я на вѣкъ ему чужая, а то навѣщевала ей знаха и таланъ и вѣнецъ съ милымъ!...

ПРОХОЖІЙ.

Такъ они другъ другу по мысли пришли?

ПЕТРОВИЧЪ.

Да, родимой: не спросилися сердечки ихъ ни у матушки, ни у батюшки, да и

сохнутъ другъ по другѣ; затѣяли небывальщину!

ПРОХОЖІЙ.

Авось тому и другому горю пособимъ: я хочу быть крестнымъ твоему сыну, Петровичъ; я стану съ тобою, Дуня, у купели... (*всѣ кланяются*) а... знаха твоя правду сказала: можетъ статься, завтра жь будетъ сговоръ твой съ твоимъ суженымъ... какъ зовутъ его?...

ДУНЯ (*кланялсь.*)

Алексѣемъ...

МАРѲА.

Эхъ, родимой!... шути, да людей не мути!... какъ вспомню про завтра, такъ охъ, охъ, охъ!...

ПРОХОЖІЙ.

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; я не шучу, хозяйка, а говорю, что знаю, я тожь знахарь изъ Москвы...

МАРѲА.

Колибъ то твоими устами, да медъ пить.

ПЕТРОВИЧЪ.

Слушай, матушка, соловья баснями не кормятъ! соберите-ко съ Дунею на столъ: поѣдимъ, что Богъ далъ, да и медку поднесите намъ съ нареченнымъ кумомъ...

МАРѲА и ДУНЯ (*хлопочутъ около стола, вмѣшиваясь иногда въ разговоръ*).

ПЕТРОВИЧЪ.

А что, куманекъ, ты хоть молоденекъ еще, а чай побывалъ-таки въ походахъ, видалъ города православные и басурманскіе...

ПРОХОЖІЙ.

Какъ же, привелось исходить съ полцарства русскаго, быть съ Царемъ и подъ Казанью.

ПЕТРОВИЧЪ.

Исполать тебѣ, добрый молодецъ!.. а я вотъ, горемыка и Москвы не видалъ, хоть Москва за лѣсомъ; только прошлымъ лѣтомъ привелось проплыть по матушкѣ по Волгѣ, къ славному городу Ярославлю...

Ахъ ты, батюшка, Ярославль городъ!
Ты хорошъ-прихожъ, на горѣ стоишь,
На горѣ стоишь, на всей красотѣ,
Промежъ двухъ рѣкъ, промежъ быстрыихъ,
Промежъ Волги рѣки, промежъ Котрасли,
Съ луговой было со сторонушки,
Протекала тутъ Волга матушка,
Съ нагорной-де со сторонушки,
Пробѣгала тутъ рѣка Котрасля...

ПРОХОЖІЙ.

О, да ты пѣть мастеръ!

ПЕТРОВИЧЪ.

Нешто, все временемъ: подъ часъ, какъ они, мои голубушки, пригорюнятся, я имъ и сказочку скажу, и пѣсенку спою: и молодецкую, и хороводную, и плясовую...

ПРОХОЖІЙ.

Объ чемъ же кручинятся они?

МАРѲА.

Бѣдность одолѣла, кормилецъ...

ПЕТРОВИЧЪ.

Не то, родимой,—нечего Бога гнѣвить; работа у меня изъ рукъ не валится: семья хоть велика, да не холодна, не голодна; а вишь, бабій умъ: тотъ богатъ, тотъ богаченимъ бы тожь; а по мнѣ: песъ косматъ, ему тепло, мужикъ богатъ, ему добро; а съ насъ нашего полно!

ПРОХОЖІЙ.

Отъ чегожь ты, Петровичъ, бѣднѣе другихъ на селѣ?

МАРѲА.

Отъ простоты, служивой: чуть кто подъ окно съ сумою, онъ все отдастъ.

ПРОХОЖІЙ.

И не тужитъ послѣ?

ПЕТРОВИЧЪ.

Грѣхъ тужить; знать бѣднѣй онъ меня, коли проситъ ради Христа: не дамъ я, не дастъ другой, такъ съ голоду умретъ; да что объ этомъ! — садись-ко нареченный кумъ за столъ, не осуди: мы гостю незапасливы, а ради!

ПРОХОЖІЙ И ПЕТРОВИЧЪ (*садятся за столъ; Марѳа и Дуня прислуживаютъ*).

ПРОХОЖІЙ.

Ты рѣдкой человѣкъ, Петровичъ! жаль, что Царь не зналъ тебя.

ПЕТРОВИЧЪ.

Куда ты, кумъ! до меня ль Царю? у него, краснаго солнышка, и безъ того заботушки отъ субботушки до субботушки; любо слушать, какъ поразскажутъ о немъ!

ПРОХОЖІЙ.

Царь хочетъ, чтобъ всѣмъ было хорошо; да онъ одинъ.

ПЕТРОВИЧЪ.

А вотъ, послушай кумъ, что скажу тебѣ.

Вился, вился ярый хмѣль
Около тычинки серебряныя:
Такъ бы вились князья и бояре
Около Царя-православнаго!

Святая русь богата добрыми князьями и боярами; они вѣрные царскіе слуги!

ПРОХОЖІЙ.

Спасибо, Петровичъ, спасибо!

ДУНЯ.

Онъ у насъ на все горазъ;—а всего лучше поетъ ту пѣсню, что самъ сложилъ про батюшку-Царя.

ПРОХОЖІЙ.

Спой, Петровичъ!

ДУНЯ.

Спой, кормилецъ!

ПЕТРОВИЧЬ (*съ чувствомъ*).

То завѣтная моя пѣсня; съ нею не устану работать въ лѣсу день и ночь; тамъ я сложилъ ее, какъ шептало мнѣ ретивое; не осуди кормилецъ: я не горожанинъ, кафтанъ у меня сѣръ, да въ душу не лукавой сѣлъ!...

Какъ раздумаюсь, разгадаюся
О Царѣ младомъ—нашемъ батюшкѣ,
Іоаннѣ Царѣ, свѣтѣ Васильичѣ!..
Не мѣшайте мнѣ, вѣтры буйные,
Вѣтры буйные, полуночные,
Думу думати, Царя славити,
Царя Бѣлаго, православнаго!..
Какъ махровой цвѣтъ убояръ въ саду,
Какъ высокой дубъ, межъ кустарниковъ,
Какъ свѣтелъ мѣсяцъ на чистомъ небѣ,
Такъ нашъ Царь-отецъ всѣхъ пригожѣе!..
Не сизой орелъ—изъ поднебесья —
Разгоняетъ врозь стаю вороновъ,
То нашъ Бѣлый Царь, словно Божій громъ,
На лютыхъ Татаръ низвергается:
И онъ взялъ Казань,—возьметъ Астрахань,
Полонилъ царей—съ ихъ Царицами,
А Орду загналъ въ степи зимнія,
Во желты пески, во сыпучіе,
Во черны блата, во топучія!..
Дивенъ русской Богъ! силенъ русской Царь!

(*встаютъ изъ-за стола*).

ПРОХОЖІЙ (*тронутый*).

Не забыть мнѣ твоей пѣсни, добрый хозяинъ! спасибо за хлѣбъ-соль, за привѣтъ и ласку; спасибо и вамъ, хозяюшки!..

ВСѢ ТРОЕ.

Не начѣмъ, родимой!

ПРОХОЖІЙ *(Петровичу)*.

Кумъ нареченной!.. завтра у тебя крестины: *(вынимаетъ изъ кафтана сѣтчатую кису съ деньгами, и кладетъ на столъ:)* возьми на разживу; раздѣлайся съ злодѣемъ-старостой, чтобъ завтра и нога его не была въ твоей честной избѣ!..

ПЕТРОВИЧЪ.

Что ты, родимой!.. нѣтъ, не надо мнѣ твоей казны; не возьму того, что не выработалъ!..

ПРОХОЖІЙ.

Не берешь въ даръ, возьми, какъ плату за твой привѣтъ, за хлѣбъ-соль и за теплый ночлегъ.

ПЕТРОВИЧЪ.

Привѣтливъ я къ захожему: такъ велитъ намъ святой законъ нашъ, такъ жили старики наши, и намъ заповѣдали. Хлѣбъ-соль, да теплая изба — то Божій даръ, не продажное.

ПРОХОЖІЙ *(прячетъ кису)*.

Инъ, будь по твоему!.. за твою добродѣтель Богъ тебя помилуетъ, и Царь пожалуетъ!..

ПЕТРОВИЧЪ.

До Бога высоко, до Царя—хошь недалеко, да не близко! А вотъ что кумъ: пойдемъ-ко, пора на покой. У насъ хотя не мягко постлали, да нежестко спать; не увидишь какъ и утро придетъ! Прощай, матушка, прощай, Дуня!..

ПРОХОЖІЙ.

Прощай, хозяюшка!.. прощай красная лѣвица!.. тебѣ рано вставать, молись Богу. Завтра... ну, да помни, что говорила тебѣ знаха, что сказывалъ знахарь.

МАРѲА И ДУНЯ *(кланяются. Прохожій съ Петровичемъ уходятъ)*.

II.

Открытое мѣсто передъ дворомъ Петровича; въ сторонѣ село... Свѣтлое осеннее утро.

Дуня (*въ праздничномъ нарядѣ.*)

Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные — вѣтры осенніе!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Огнесите вы къ другу вѣсточку,
Что не радостную вѣсть, печальную;
Какъ вечеръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня, у младешеньки,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милова!

ДУНЯ и АЛЕКСѢЙ (*входитъ предъ концемъ пѣсни, и слушаетъ.*)

АЛЕКСѢЙ.

Твой сонъ къ добру, Дунюшка!

ДУНЯ (*испугавшись.*)

Ахъ, какой же ты! этакъ всполошилъ меня!

АЛЕКСѢЙ.

Чегожь ты испугалась?

ДУНЯ.

Какъ чего?.. Вишь ты подкрался, да и подслушалъ; оно не пригоже, Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Я давно здѣсь, — гляжу и не нагляжуся на тебя, любуюсь и не налюбуюсь тобою, мое красное солнышко!

ДУНЯ.

Какой ты право, все морочишь меня; а матушка крѣпко накрѣпко заказала говорить съ тобою...

АЛЕКСѢЙ.

И ты послушаешься, Дуня? разлюбишь меня?

ДУНЯ.

Матушка, вишь, не заказала мнѣ любить тебя; только учила, что не слѣдъ-де говорить о томъ съ молодцомъ: онъ-де тебѣ неровня, онъ тебѣ не суженой,—Ѳедоръ Анкудиновичъ и слышать не похочетъ... (*сквозь слезы*) оно и впрямь такъ...

Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И развѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволитъ такъ родной батюшка,
И прикажетъ такъ родная матушка,
Чтобъ женился ты на иной женѣ!

АЛЕКСѢЙ.

Не горятъ въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ тамъ по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!

Ужь я батюшки не ослушаюсь:
Родной матушки я послушаюсь:
Обвѣнчаюсь я со иной женой:
Я съ иной женой, — съ смертью раннею,
Съ смертью раннею — и насильною!

ДУНЯ (*плачетъ.*)

Ахъ ты, милой мой, ненаглядной мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженка!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!..

АЛЕКСѢЙ.

Перестань, Дуня! что крушить себя безъ поры, безъ времени: меня не неволятъ еще ни батюшка, ни матушка; а Богъ богатъ милостью: пусть будетъ съ нами Его святая воля!...

ДУНЯ.

Вотъ какъ ты заговорилъ такъ, Алеша, и мнѣ стало веселѣе на сердцѣ; будемъ молиться Богу, до него доходчива сиротская слеза!...

АЛЕКСѢЙ.

Вѣстимо такъ.

ДУНЯ.

И прохожій, что ночевалъ у насъ, тожъ говоритъ.

АЛЕКСѢЙ.

Какой прохожій ?

ДУНЯ.

Государевъ стрѣлецъ, изъ Москвы; такой ласковой: онъ вѣщевалъ всѣмъ намъ таланъ, а мнѣ съ тобою миръ да любовь, я поничежь сговоръ, послѣ крестинъ.

АЛЕКСѢЙ.

А у кого крестины?

ДУНЯ.

У нашего Петровича; я и забыла тебѣ сказать, что ему Богъ далъ седьмаго сына; кумомъ — Государевъ стрѣлецъ, а я — кумою.

АЛЕКСѢЙ.

А гдѣ Петровичъ? мнѣ бы надо повидать его...

ДУНЯ.

На что?

АЛЕКСѢЙ.

Все будешь знать, Дунюшка, скоро состарѣешься;—а мнѣ то больно не по сердцу.

ДУНЯ.

Вишь какой! — а говоритъ, что ему тошно — горько безъ меня, что его сушитъ-крушитъ печаль-тоска, что я для него краше краснаго солнышка, свѣтлѣе яснаго мѣсяца... вѣрь ему!..

АЛЕКСѢЙ.

Ты и сердишься! — не въ обиду тебѣ хотѣлъ помолчать, пока не перемолвлю слова два, три съ Петровичемъ; — вотъ вишь ли, Дуня: вечорась чуть не разорвалось мое сердечушко, какъ послушалъ, что разсказала Марѳа про ваше горе: я скопилъ малую толику, хотѣлъ-было купить тебѣ обнову, да раздумалъ, и принесъ Петровичу все, что есть у меня...

ДУНЯ.

Добрый Алёша!.. оно бы мнѣ лучше твоей обновы, и въ ней бы я плакала, глядя на матушкины слезы; — да вотъ лиха бѣда, Петровичъ не возьметъ у тебя: «не трудовое — не мое, въ прокъ нейдетъ, — руки жжетъ!» любимое его присловье.

АЛЕКСѢЙ.

Вправду такъ; Боже оборони сунуться къ нему съ деньгами, того и смотри, что еще родному скажетъ!... Послушай, Дуня, отладимъ лучше матушкѣ; пускай снесетъ сама и скажетъ: Петровичу-де недосугъ, у него крестины...

ДУНЯ.

Не что; ай да Алексѣй, какой же ты смышленой!.. побудь тутъ, я сбѣгаю къ матушкѣ.

(*Убѣгаетъ.*)

АЛЕКСѢЙ (*одинъ*), потомъ Дуня.

АЛЕКСѢЙ.

«Добро творить, себя веселить!» говоритъ старичокъ отецъ-Петръ; а его слова не съ вѣтра взяты, изъ священныхъ книгъ вычитаны; и правда: душенкѣ моей теперь легко, весело, какъ будто Ангелы Божіи привѣчаютъ ее!.. (*послѣ нѣкотораго от-*

раднаго молчанія) пускай узнаетъ про то родной, пускай осерчаетъ, прибранитъ, прибьетъ меня... не отбится больно будетъ мнѣ, а больно — грустно сердцу отъ родительскаго гнѣва; да и такая боль-грусть ничего, коли легко и весело душѣ отъ добраго дѣла!..

ДУНЯ (*входитъ, пригорюнясь.*)

Охъ, Алексѣюшко, голубчикъ мой!..

АЛЕКСѢЙ.

Что, моя ненаглядная?

ДУНЯ.

Да то: ввелъ ты въ слово меня, неразумную; — матушка и слышать не хочетъ, — сестра Агафья тожь, чтобъ покорыстоваться твоимъ добромъ: «не тому училъ насъ кормилецъ нашъ, Петровичъ!» говорятъ они.

АЛЕКСѢЙ.

Дунюшка голубушка!.. они не знаютъ, видно, моего роднаго: вчера грозился онъ, а нонче и впрямь сгонитъ всѣхъ со двора!

ДУНЯ.

Все знаютъ они и вѣдаютъ, да говорятъ: «будь воля Божья!»

АЛЕКСѢЙ.

Оно такъ; да отъ чего не пособить горю, коли можно! Послушай, Дуня: сбѣгай сама къ намъ на дворъ, отдай родному недоимку, никто про то не провѣдаетъ!

ДУНЯ.

Нѣтъ, Алёша, не искушай меня: какая буду дочь, коли не послушаюсь родительскаго слова?.. самъ разлюбишь меня, и Богъ покараетъ...

ТѢ ЖЕ И ПРОХОЖІЙ.

ПРОХОЖІЙ (*незамѣченный Алексѣемъ и Дунею.*)

Здорово, нарѣченная кума! (*Алексѣй и Дуня отскакиваютъ другъ отъ друга*)— Чтожь вы всполошились? безъ солнышка нельзя пробыть, безъ милаго нельзя прожить! вѣдомо то бѣлу свѣту, — вѣдомо и мнѣ, красная дѣвица! — скажи, кто этотъ доброй молодецъ, не твой ли суженой по комъ сохла, горевала ты?

ДУНЯ (*робко.*)

Да...

ПРОХОЖІЙ.

Голубица съ голубемъ, — коршунъ не помѣха: на то орелъ въ небѣ!.. будьте смѣлѣе женихъ и невѣста...

ДУНЯ.

Охъ, родимой! взгоревались было мы вдвоемъ съ Алексѣемъ про наше тяжкое горе,—да съ твоимъ приходомъ отдохнуло ретивое, на душѣ легко и весело, будто о святой — великъ день.

АЛЕКСѢЙ.

И мнѣ что-то радостно: злодѣйка-грусть убѣжала прочь; ну, ни дать не взять, вечоръ была непогодушка, дождь лилмя лилъ, бушевали вѣтры осенніе, а теперь, взгляни, взошло красное солнышко, пригрѣло Божій міръ, — и слѣда не знать непогодушки.

ДУНЯ (*прохожему.*)

А ты, ненаглядной нашъ, ужь какъ рано утелъ отъ насъ...

ПРОХОЖІЙ.

За то, не поздо и пришелъ къ вамъ; у васъ еще не чуть крестинъ: одна кума принарядилась, хоть на крестины, хоть на сговоръ!

ТѢ ЖЕ И МАРѲА.

МАРѲА.

Дунюшка, Дунюшка — подь, пособи мнѣ!

ПРОХОЖІЙ.

А, старушка, тебя-то намъ и надобно: милости просимъ!... (*Марѳа подходитъ.*) Мнѣ скучно безъ дѣла, пришелъ на крестины, да отцовъ не вижу; а кумъ свату братъ; вотъ я и просваталъ твою Дуню за Алексѣя: благослови ихъ, родная!...

МАРѲА.

Что ты, что ты, кормилецъ?... съ нами крестная сила!... (*хочетъ сотворить крестное знаменіе. Прохожій подводитъ къ Марѳѣ Алексѣя и Дуню,—они падаютъ на колѣни, дрожащая рука старушки невольно упадаетъ на головы дѣтей. Але-*

ксѣй и Дуня кланяются ей въ ноги). Ахъ, ти мнѣ!... не воротить невозвратнаго, (*къ Дунѣ*) не снять мнѣ съ тебя родительскаго слова! знать на роду тебѣ такъ написано; знать что онъ твой сужевой!... (*Обращаясь къ Алексѣю*) Владѣй моей дочкой, Алексѣюшко!... да не ужь ли то бывальщина?... у тебя отецъ есть, отецъ Ѳедоръ Анкудиновичъ?... безъ его слова—мое слово не слово!

АЛЕКСѢЙ И ДУНЯ (*робко вглядываются, и вздыхаютъ.*)

ПРОХОЖІЙ.

Было бъ такъ, Марфушка, да не такъ оно!... Свекра покудова мимо; кумъ сосваталъ, кумъ и отвѣтчикъ за все.

ТѢ ЖЕ И СТАРОСТА.

СТАРОСТА (*входитъ съ пятыми.*)

Ступайте во дворъ! чтобъ ни синя пороха не вынесли оттуда; хозяина вязать, и свесть ко мнѣ!... (*увидя сына*) А ты зачѣмъ тутъ? — братаешься съ нищими, безпутной!... разумѣю: да мнѣ такой лебедушки и въ работницы ненадо!

АЛЕКСѢЙ.

Родимой!

СТАРОСТА (*грозно.*)

Ни-ни!... тебя приманили, привадили, приворожили зельями, да я ихъ! — а съ тобою управлюсь по отцовски!

ПРОХОЖІЙ.

Отецъ властенъ надъ сыномъ, да властенъ въ правдѣ, а за неправду самъ отвѣтитъ Богу и людямъ.

СТАРОСТА.

Ась?... (*озираетъ его съ головы до ногъ*) да ты откудова залетѣлъ, голубчикъ?... ты что за указъ мнѣ?...

ПРОХОЖІЙ.

Не залетѣлъ, а пришелъ я изъ Москвы. Не любо мнѣ видѣть зло, неправду въ томъ, кто поставленъ надъ другими для добра и правды!

СТАРОСТА.

Вотъ что! — да не ваша ль вашность ночесь изволилъ со двора во дворъ бродить, ночлега просить?...

ПРОХОЖІЙ (*съ чувствомъ собственнаго достоинства.*)

Я!...

СТАРОСТА (*въ невольномъ смущеніи.*)

Господь съ тобой! не до тебя, а до сына мнѣ дѣло! (*обращаясь къ Алексѣю*) Говори: зачѣмъ ты пришелъ сюда?...

АЛЕКСѢЙ.

Петровичъ позвалъ меня, чтобъ отдать недоимку; ему, вишь, недосугъ: у него крестины, — на, батюшка, возьми... (*отдаетъ ему деньги. Марфа и Дуня всплескиваютъ руками. Прохожій, догадываясь о великодушной лжи Алексѣя, одобряетъ ее взоромъ и улыбкою.*)

СТАРОСТА.

Эка спѣсь, смотри пожалуй: голь заважничала, голь забражничала!...

ТѢ ЖЕ И ПЕТРОВИЧЪ (*входитъ пригорюнясь.*)

ПРОХОЖІЙ.

Что кручинешь, доброй хозяинъ?

ПЕТРОВИЧЪ.

Охъ, милостивецъ, загляни-ко въ избу, самому сгрустнется: незваные гости пожаловали!... (*кланялся старостѣ.*) Побойся Бога, Ѳедоръ Анкудиновичъ!... не пусти сиротъ по міру, помилосердуй: отошли понятыхъ...

СТАРОСТА.

Счастье твое, что заплатилъ, а тобъ я тебя...

ПЕТРОВИЧЪ.

Заплатилъ!... что за диво?... чѣмъ же было заплатить? — не сбился еще, родимой! дастъ Богъ — справлюсь, — самъ принесу...

СТАРОСТА (*побрякивая деньгами.*)

Да развѣ ты не отдавалъ Алексѣю?...

ПЕТРОВИЧЪ (*съ изумленіемъ смотритъ то на того, то на другаго, потомъ догадывается о поступкѣ Алексѣя.*)

Другъ, Алеша! правая неправда твоя записана у Бога въ грамоткѣ, да не слѣдъ мнѣ корыстоваться чужимъ добромъ!.... Нѣтъ, Ѳедоръ Анкудиновичъ, я не отдавалъ ему: отдать было нечего!

СТАРОСТА (*въ бѣшенствѣ.*)

Обманывать стали!... (*сыну*) ты, ты за одно съ голью!... откуда взялъ деньги... укралъ? у меня укралъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, родимой!... ты давалъ мнѣ въ праздники, чтобъ было на что обнову купить, аль погулять; да мнѣ коли душѣ легко—то и обнова, коли сдѣлалъ добро то и гулянье!...

СТАРОСТА.

Какой жалостливой! да я тебя вышколю! (*кричитъ понятымъ*) ей, вы!... забирать все изъ избы, вонъ оттуда щепять! вязать хозяина!...

ПРОХОЖІЙ, (*грозно*).

Ни съ мѣста!..

СТАРОСТА.

Что? что?..

ПРОХОЖІЙ.

Ни съ мѣста!.. Я такъ хочу!..

(*Слышенъ конскій топотъ. Свита Государя Московскаго: бояре, стрѣльцы и прочіе дворцовые люди—почтительно окружаютъ прохожаго. Предстолпіе, съ изумленіемъ узнаютъ въ немъ юнаго Царя* Іоанна IV).

1-й БОЯРИНЪ.

Мы здѣсь, надежа—Государь, по твоему царскому указу.

ІОАННЪ, (*дѣлаетъ знакъ: свита нѣсколько отступаетъ*).

СТАРОСТА, (*въ ужасѣ, бросается Царю въ ноги*).

Помилуй!..

ІОАННЪ.

Въ Москву его!..

ПЕТРОВИЧЪ, (*бросаясь ему въ ноги*).

Православный Государь!.. Не вели казнить, вели слово вымолвить: не губи душу грѣшника, — пускай поживетъ, да покается: оно и Богу любо!..

ІОАННЪ.

Онъ врагъ, онъ злодѣй твой, а ты за него молишь?..

ПЕТРОВИЧЪ.

Врагу-то и простить, надежа—государь; а другу радъ бы простить, да нечего!.. Помилуй, отецъ нашъ, помилуй его!..

ІОАННЪ.

Будь по твоему!.. Теперь я хочу принять твоего сына отъ купели, и чтобъ пончежь былъ сговоръ Души съ Алексѣемъ!..

ПЕТРОВИЧЪ.

Господи!.. что за радость!.. что за праздникъ! (*Душѣ*) Вотъ, и ты не грустишь, не кручинишься...

Разцвѣли на небѣ двѣ радуги,
Украсной дѣвицы двѣ радости:
Съ милымъ другомъ совѣтъ,
И растворенъ подклѣтъ!..

ІОАННЪ, (*даетъ знакъ, одинъ изъ свиты подноситъ Петровичу блюдо съ деньгами*).

Возьми крестнику на зубокъ, и кумъ на приданое.

ПЕТРОВИЧЪ, (*кланяется въ ноги*).

Оглянулся на насъ Господь, пожаловалъ меня Государь!.. не терпитъ ретивое, такъ и рвется! (*предстолпіемъ*) подтяните мнѣ братцы!..

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ
Слава!

Чтобы нашему Государю не старѣться —
Слава!
Его цвѣтному платью не пзнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться
Слава!
Чтобы правда была на Руси —
Слава!
Краше солнца свѣтлаго;
Слава!
Чтобы царева золота казна —
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ —
Слава!
Слава неслась до моря, —
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы —
Слава!
А мы пѣсню сію Государю поемъ,
Слава!
Государю поемъ, ему честь воздаемъ!.
Слава!

СУМАСШЕДШАЯ ПРИМА-ДОННА.

Истинное происшествіе.

Итальянскій театръ въ Парижѣ былъ полонъ. Звѣзда первой величины блистала въ тотъ вечеръ на сценѣ: несравненная Гризи играла роль Дездемоны. Никто не примѣтилъ изъ зрителей, что происходило въ углу одной ложи; всѣ дилетанты, притаивъ дыханіе, съ восторгомъ слушали сцену отчаянія прекрасной Венеціянки, которая судорожно изгибалась подъ кинжаломъ ревниваго Отелло. Незнакомецъ въ ложѣ упалъ въ обморокъ; но вблизи сидѣвшій докторъ К. подоспѣлъ на помощь къ больному и вывелъ его въ корридоръ. Незнакомецъ очнулся, и хотя сталъ дышать свободнѣе, но чувствовалъ слабость, и кровь его сильно волновалась. Докторъ предложилъ больному свою карету, чтобы проводить его домой.

«Благодарю покорно» — сказалъ незнакомецъ,» обморокъ былъ такъ сиденъ, что я боюсь повторенія припадка, и думаю, что маленькая прогулка въ прохладную ночь будетъ для меня полезна. Мнѣ хочется пройтися, квартира моя недалеко отсюда; моціонъ, вѣрно, доставитъ мнѣ облегченіе.»

«Мнѣ нужно зайти къ одному больному по сосѣдству Тюльери, и такъ позвольте сопутствовать вамъ; не хорошо оставить васъ однихъ въ такомъ положеніи» — сказалъ докторъ, и, приказавъ слѣдовать за собою экипажу, пошелъ подъ руку съ незнакомцемъ.

При свѣтѣ луны можно было ясно различить двухъ мужчинъ, медленно идущихъ отъ Одеона по Сенской улицѣ. Докторъ былъ высокъ, плечистъ; настоящій атлетъ въ службѣ Эскулапа; а товарищъ его былъ щедушная низенькая фигурка, въ которой оливковый цвѣтъ лица обличалъ природнаго Испанца.

Испанецъ долго шелъ съ поникшею головою, погруженный въ глубокую думу; но вдругъ выпрямился и сказалъ своему спутнику:

«Не правда ли, что я вамъ кажусь очень страннымъ г. докторъ? Человѣкъ, падающій въ обморокъ отъ музыки, конечно, въ глазахъ вашихъ слабое и смѣшное твореніе?.. Ахъ! если бы вы знали, какое впечатлѣніе произвела на меня арія и безподобная игра Гризи. Она живо напомнила мнѣ одинъ случай, который глубоко врѣзался въ мою память. Если я разскажу вамъ его, то, конечно, вы не будете удивляться моему обмороку. Назадъ тому лѣтъ пятнадцать, жилъ я въ Мадритѣ. Однажды вышелъ я на улицу въ два часа пополудни. Выходъ со двора въ такіе часы дня почитается тамъ очень необыкновеннымъ: удушливый жаръ, продолжающійся отъ 1 до 3 часовъ, заставляетъ всѣхъ укрываться въ своихъ

домахъ. Тогда Испанцы отдыхаютъ и наслаждаются своей Siesta. Гомисъ, испанскій компонистъ, который послѣ такъ прославился своимъ талантомъ во Франціи, шелъ тогда со мною по улицѣ. Недалеко отъ Puerto del Sol завернули мы въ переулокъ, гдѣ плѣнилъ насъ прекрасный женскій голосъ, выходящій изъ одного окна, прикрытаго ревнивою сторою. Незнакомка пѣла простую народную пѣсню Seguidilla, которую обыкновенно поютъ въ Мадритѣ всѣ швеи.

Гомисъ, схвативъ меня за руку, притаилъ дыханіе; мы остановились и съ наслажденіемъ слушали пѣніе. Оно согрѣло бы душу даже самаго закоренѣлаго мизантропа. Въ этомъ пѣніи искусство и ученіе вовсе не участвовали. Тоны были полные, серебряные, съ чудными переливами. Видно было, что пѣвицу учила только сама природа. Вмѣсто искусства, преобладалъ въ ней тотъ высокій инстинктъ, которымъ только избранные надѣляются отъ Бога. Природа, кажется, открыла ей всѣ тайны вокальной музыки, и другая пѣвица не могла бы постигнуть этого искусства, хотя бы ее образовывали лучшіе въ мірѣ учители пѣнія.

Удивленіе заставило насъ взобраться на узкую, извилистую лѣстницу невзрачнаго домика, откуда раздавались такіе усладительные звуки, и мы очутились въ маленькой комнаткѣ, въ которую дверь была полуоткрыта. При входѣ нашемъ, испуганная швея вскочила со стула, уронивъ изъ рукъ баскину, которую она шила. Дѣвушка, оправившись потомъ отъ своего изумленія, спросила съ свойственною Испанкѣ смѣлостію: кого она имѣетъ честь видѣть у себя?

«Прекрасная дѣвица! сказалъ Гомисъ въ энтузіазмѣ, мы хотимъ сдѣлать тебя счастливою, и пришли предложить тебѣ почести и богатство!

Дѣвушка, не принимая на свой счетъ этой высокопарной фразы, громко захохотала. Когда же маэстро началъ хвалить превосходство ея пѣнія, ея природныя способности къ музыкѣ, когда объяснилъ ей, что она можетъ вступить на сцену театра della Cruz и пріобрѣсти впослѣдствіи славу и деньги, то дѣвушка призадумалась.

— Я бѣдная сирота, сказала она, покинутая всѣми людьми на свѣтѣ, снискиваю себѣ пропитаніе только трудною моею работою; я даже не умѣю читать. Да что я буду на театрѣ, гдѣ низкое мое происхожденіе и невѣжество павлекутъ мнѣ только презрѣніе и насмѣшки.

— Ты не вдругъ вступишь на сцену, сказалъ я: можетъ быть, черезъ полгода, или и позже. Между тѣмъ, мой другъ Гомисъ, отличный теноръ, будетъ тебя учить пѣнію, чтобы усовершенствовать твои природныя способности. Въ свободное отъ музыки время, ты будешь также учиться читать и писать; это не такъ трудно, какъ ты воображаешь. Тутъ нужны только понятливость, не много прилежанія и добрая воля.

Дѣвушка быстро взглянула на насъ глазами черными какъ уголь, которые до того были потуплены.

— До поступленія твоего на сцену, я принимаю на свой счетъ какъ твое воспитаніе, такъ и всѣ расходы для перемѣны образа твоей жизни.

— «Я ничего не хочу имѣть отъ васъ на счетъ моей чести» сказала она отрывисто.

«Ты можешь дать мнѣ росписку въ полученныхъ отъ меня деньгахъ, съ обязанностію заплатить ихъ не прежде, когда получишь мѣсто при театрѣ.

Дѣвушка съ приличіемъ, достойнымъ Испанки, подавъ мнѣ руку, сказала: на такихъ условіяхъ я съ благодарностію принимаю ваше предложеніе, которое, не унижая васъ, не обижаетъ и меня.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того сеньора Жуана дебютировала съ блистательнымъ успѣхомъ на театрѣ della Cruz. Она превзошла всѣ наши ожиданія; никогда Мадритъ не видалъ ничего подобнаго. Жуанна въ первый разъ появилась на сценѣ въ ролѣ Дездемоны, и пѣла ее съ такимъ совершенствомъ, что пятьдесятъ представленій оперы: *Отелло*, едва могли удовлетворить публику. Вездѣ только и говорили что о прелестномъ пѣніи Жуанны, о ея

драматическомъ талантѣ и удивительной красотѣ. Ни кто не могъ удержаться отъ слезъ, слушая ея неземное пѣніе; рукоплесканіямъ не было конца. Сценическое торжество сеньоры Жуанны продолжалось сряду четыре года. Въ это время она имѣла столько твердости характера, что отклоняла всѣ блестящія предложенія вельможей-волокитъ, и старалась только усовершенствовать свое драматическое образованіе. Въ ней нельзя уже было узнать прежней швеи, такъ облагородились движенія и манеры ея. Она сдѣлалась настоящею артисткою, которая чувствовала и понимала высокое свое назначеніе въ драматическомъ искусствѣ.

Ежедневно я посѣщалъ несравненную пѣвицу, ежедневно имѣлъ случай удивляться ея здравому уму, возвышенности идей, вѣрному сужденію о всемъ, что касалось до ея сценическаго развитія; но болѣе всего поражала меня необыкновенная доброта ея сердца. Но это не прошло мнѣ даромъ. Можно ли было, при всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ донны Жуанны, при ея талантѣ и обворожительномъ обхожденіи, остаться къ ней равнодушнымъ, холоднымъ. Я влюбился въ нее со всею силою и страстію пылкаго моего характера: она, такъ сказать, была мое созданіе, и сама питала ко мнѣ нѣжную дружбу. Она была моимъ идеаломъ; она составляла для меня все на свѣтѣ. Безъ Жуанны міръ превратился бы для меня въ пустыню; потеря ея повлекла бы за собою и мою гибель. Но любовь моя къ ней составляла только чистую, неукоризненную дружбу. Тщетно старалась толпа молодыхъ богатыхъ грандовъ Мадрита курить ей ѳиміамъ лести, падать къ ногамъ обворожительной Жуанны, предлагать ей великолѣпные подарки, — никому не удалось пріобрѣсть ни любви ея, ни дружбы.

—Я влюблена въ одно только свое искусство—отвѣчала она сухо всѣмъ своимъ поклонникамъ.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ! Она прилѣпилась всею душею къ своему искусству. Все другое какъ будто для нея не существовало. Она жила только для театра, внѣ котораго міръ, со всѣми его обольщеніями, былъ для нея ничтожествомъ. Ежедневно дѣлала она исполинскіе успѣхи не только въ пѣніи, но вообще въ драматическомъ искусствѣ.

Однажды вечеромъ, утомленная тяжкими музыкальными уроками, она поѣхала въ кабріолетѣ прогуляться въ Прадо. Лошадь ее понесла, экипажъ разбился въ дребезги, и бѣдная Жуанна упала безъ чувствъ на мостовую. По счастію она ушиблась не опасно; однако же послѣдствія ея испуга были ужасны. Жуанну отвезли въ чужой каретѣ домой, гдѣ пустили ей кровь, и она нѣсколько дней пролежала въ постелѣ. Оправясь отъ своего недуга, она хотѣла пѣть.... но тщетны были ея усилія! она лишилась вовсе своего прелестнаго голоса: только слабые, фальшивые тоны выходили изъ устъ ея. Нельзя вообразить себѣ отчаянія бѣдной Жуанны, при потерѣ единственнаго своего сокровища. Немедленно созваны были искуснѣйшіе врачи. Они употребили все, что было можно для возвращенія ей голоса; но старанія ихъ остались тщетными. Пѣвица на-вѣкъ осипла, и голоса у ней какъ будто не бывало. Наконецъ умные люди присовѣтовали ей съѣздить въ Парижъ, гдѣ конечно нашлись бы врачи гораздо искуснѣе мадритскихъ. Жуанна поѣхала во Францію и обѣщала часто писать ко мнѣ, но протекло пять мѣсяцевъ, и я не получилъ отъ нея ни строчки, даже не могъ узнать гдѣ она жила въ Парижѣ.

Въ тоскѣ, удрученный тяжкою для меня разлукою, я ходилъ какъ тѣнь, избѣгая всякаго общества. Ни что не могло замѣнить мнѣ потери моего друга; мнѣ совершенно надоѣла тогда жизнь, и я болѣе походилъ на автомата, чѣмъ на человѣка.

Въ то время пріѣхала въ Мадритъ знаменитая пѣвица П... и дебютировала въ оперѣ: «Отелло», которую не давали тамъ со времени болѣзни Жуанны. Всѣ кинулись толпою въ театръ. По какому-то неизъяснимому предчувствію, я началъ подозрѣвать, что бѣдная Жуанна вѣрно находится опять въ Мадритѣ, и живетъ скрыт-

но въ какомъ нибудь уголку столицы. Если мое предположеніе вѣрно, думалъ я, то Жуанна ни какъ не утерпитъ, чтобы не услышать знаменитой примадонны въ любимой своей роли. Въ надеждѣ увидѣть обожаемую Жуанну, рѣшился я наконецъ посѣтить театръ della Cruz, въ которомъ не былъ нѣсколько лѣтъ сряду. Театръ этотъ освѣщается очень плохо, и въ немъ всегда царствуетъ какой-то полусвѣтъ. Я выбралъ себѣ мѣсто въ Cunetta principale, такъ называются ближнія отъ оркестра мѣста въ партерѣ. Занавѣсъ уже подняли, но я почти не замѣтилъ этого, блуждая испытующими взорами по всѣмъ рядамъ ложъ и галерей, въ предположеніи увидѣть Жуанну. Но когда явилась на сцену Дез дэмона,—П... и зала огласилась сильными, потрясающими звуками этой знаменитой примадонны — то вся публика превратилась въ слухъ и зрѣніе. Не смотря на присутствіе важнаго алкада и его алгвазиловъ въ огромныхъ шляпахъ, зрители дружно аплодировали пѣвицѣ. Когда же П... запѣла прелестный романсъ съ акомпаньементомъ арфы, — зрители пришли въ неописанный восторгъ, какъ тобывало во время игры Жуанны; но въ эту минуту неожиданно прервано было пѣніе Дездемоны. Изъ-за кулисъ выбѣжала на сцену блѣдная женщина, съ растрепанными волосами, въ лохмотьяхъ, обвѣшенная разноцвѣтными лоскутками.

—Злодѣйка! воровка! ты украла мой голосъ,—кричала изступленная. Она схватила за горло П... и, потащивъ ее къ авансценѣ, продолжала: отдай мой голосъ, ты лишила меня единственнаго сокровища!

Всемогущій Боже! въ сумасшедшей я узналъ Жуанну! П... употребляла всѣ усилія, чтобы освободиться изъ рукъ Жуанны, но тщетно! Сумасшедшая какъ ястребъ впустила когти въ свою жертву, и страшно кричала: отдай мой голосъ, отдай мой голосъ!..

Публика взволновалась отъ этой неожиданной сцены; одни жалѣли Жуанну, другіе П..., которая упала на колѣни передъ сумасшедшею, со слезами умоляя ее о пощадѣ.

Вся эта сцена произошла въ одну минуту, и такъ поразила всѣхъ, что ни кто и не думалъ объ освобожденіи бѣдной П... отъ угрожающей ей опасности. На отчаянный крикъ примадонны выбѣжалъ изъ за кулисъ теноръ Грегоріо, игравшій роль Отелло.

—Ага! и ты помогалъ ей въ кражѣ моего голоса! закричала Жуанна, и бросилась какъ тигръ на Грегоріо, выдернула у него изъ за пояса кинжалъ и глубоко вонзила его въ грудь несчастнаго пѣвца. Онъ упалъ безъ дыханія на землю. Жуанна съ торжествующимъ лицомъ, ставъ въ трагическую позицію между трупомъ Грегоріо и лежавшею въ обморокѣ П... начала пѣть — о чудо! арію: «Il padre m'abandonna» съ такою отчетливостію, столь звучнымъ серебрянымъ голосомъ, какъ будто бы она его ни когда не лишалась. Но эту патетическую арію прервали алгвазилы, они схватили пѣвицу и отвели ее за кулисы. Страшно было слышать какъ отчаянная Жуанна, получивъ снова какимъ-то чудомъ удивительный свой голосъ, продолжала арію, которой звуки уже умирали за кулисами.

—Какой же конецъ былъ этой ужасной исторіи? спросилъ докторъ.

—На другой день Жуанна умерла въ домѣ умалишенныхъ. Она скончалась отъ сильнаго нервнаго припадка, который произвелъ въ голосѣ ея столь чудную перемѣну.

—Вы можете себѣ представить, докторъ, какое вліяніе имѣло на меня это происшествіе, и причина моего обморока покажется вамъ весьма естественною. — Гризи пѣла въ этотъ вечеръ ту же арію, съ тѣмъ же высокимъ искусствомъ, съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ несчастная Жуанна въ то время, когда убила Грегоріо. Мечта превратилась въ существенность, воспоминаніе разстроило мои нервы, и я лишился чувствъ. Хотя я военный, и не разъ смотрѣлъ смѣло въ глаза смерти, но мысль о Жуаннѣ»... и крупная слеза скатилась на черные усы Испанца.

гр. бр.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
РУССКАГО ТЕАТРА.

Театральная библіографія.

Леонора, или мщеніе Италіанки, драматическое представленіе въ трехъ актахъ, разбитенное на шесть картинъ. Сочиненіе Павла Ильина. Харьковъ, печ. въ университ. типогр. 1841. въ 8 д. л. 79 стр.

Когда-то, гдѣ-то молодой отставной офицеръ Леонидъ* (со звѣздочкою) имѣлъ невѣсту Марію (тоже со звѣздочкою) и любовницу Итальянку Леонору Дорзетти (безъ звѣздочки). Сперва г. офицеръ для Леоноры измѣнилъ Маріи, а потомъ для Маріи измѣнилъ Леонорѣ. Леонора, изъ мщенія, написала къ Маріи письмо, вѣроятно, преужасное, потому что бѣдняжка Марія, прочитавъ его, захворала тутъ же на мѣстѣ, да такъ, что чрезъ десятокъ минутъ поминали ескакъ звали. Леонидъ, видя это, съ отчаянія отравился; и Леонора не отстала отъ нихъ: принявъ въ винѣ, *лакрима-кристи*, порядочную порцію яду, она умерла, какъ водится.

— Три покойника разомъ, кажется, заглаза довольно для какой угодно трагедіи, не только драмы.—» Извините, есть и четвертый покойникъ и самый главный, это *драматическое представленіе*, названіе котораго мы выписали въ началѣ сей статьи. Впрочемъ, въ этомъ произведеніи вы найдете новое *по части* философіи, медицины, логики и проч. Вотъ образчики того, другаго и третьяго.

Стр. 10. Сердце женщины—гиль! (извиняйтесь, mesdames, благодарите). Медицина утверждаетъ, что отъ него у мужчинъ заводится горлчка въ крови и ледъ въ сердцѣ.

Стр. 27. Не ужели ты создана такъ, какъ созданы обыкновенныя женщины, у которыхъ *языкъ странится своего разсудка?*

—

Новый Дѣтскій Театръ. Сочиненіе Е.... ы Л.....й. часть I. С. П. бургъ. 1841. Въ тип. И. Глазунова въ 16 д. л. стр. 96.

Въ этой брошюркѣ помѣщено пять піесокъ: драма *Трусъ* и комедіи *Проданныя игрушки, Любопытная, Портретъ и кошелекъ, Десятилѣтній король.*

Послѣдняя комедійка основана на анекдотѣ изъ отроческой жизни Людовика XIV. Въ піесѣ десятилѣтній король благотворитъ бѣднымъ, спасаетъ отъ наказанія невиннаго, и, вопреки Мазарину, уменьшаетъ государственный налогъ. Эта комедійка заслуживаетъ вниманія, да и прочія піесы не безъ достоинства — для дѣтей, въ особенности же *проданныя игрушки.*

С.-Петербургская мелочная лавка, картина изъ народнаго быта, въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами. С. П. бургъ. Въ тип. Конрада Вингебера. 1841. въ 16 д. л. 67 стр.

Въ этой мелочной лавкѣ имѣется всего вдоволь. Что душѣ угодно, все тамъ найдете: и селедку, и гречневую крупу, и сахаръ, и кислую капусту, и чай, и сальныя свѣчи, и черносливъ, и мыло, и — стихи (кромѣ тѣхъ, въ которые завертываютъ паюсную икру), стихи *на порядкахъ*. Ихъ распѣваетъ въ лавочкѣ кронштадскій купецъ Назаръ Симонычъ и какой-то ямщикъ.

КУПЕЦЪ ПОЕТЪ:

Всегда мое отечество
Найдетъ во мнѣ слугу;
Но модное купечество
Терпѣть я не могу.
И чѣмъ себя прославили
Всѣ щеголи купцы:
Мотаютъ въ-пухъ, что нажили
Въ поту лица отцы!
Они пренебреженіе
Всѣ кажутъ къ бородамъ.
(Но наше уваженіе
Къ дворянамъ, господамъ!)
Сыночки наши модные
Остались въ дуракахъ,
Всѣ франты благородные
Гуляютъ въ бородахъ!

—

ЯМЩИКЪ ПОЕТЪ.

Аль опять
Не видать
Прежней красной доли?
Я душой
Самъ не свой,
Сохну какъ въ не-волѣ!

* * *

А бывалъ
Я удалъ
Съ ухорскою тройкой,
Понесусь
И зальюсь
Пѣсенкою звонкой!

* * *

Не кнутомъ,
Поведемъ
Только рукавицей,
И по пнямъ,
По холмамъ
Мчатъ лошадки птицей!

* * *

Ни съ тоской
Ни съ слезой
Молодецъ не знался.
Попѣвалъ,
Да гулялъ,
Вотъ и догулялся.

* * *

Ужъ дугу
Не смогу
Натянуть какъ надо.
Возжи врозь,
Ну, хоть брось!....
Гдѣжь моя отрада.

* * *

Ночью, днёмъ
Подъ окномъ
Тяжко воздыхаю;
Все по ней,
По моей
Дунюшкѣ страдаю!

* * *

Аль опять и проч.

—

Воспитанница амура, балетъ въ одномъ дѣйствіи, соч. балетмейстера Тальони. С. П. бургъ. Въ тип. И. Глазунова. 1841. въ 12 д. л. 11 стр.

Кому изъ образованныхъ жителей Петербурга не извѣстенъ балетъ: *Воспитанница Амура*. Кто изъ нихъ не восхищался въ немъ несравненною Тальони (*Аглая*) и милою малюткою Прихуновою (*амуръ*). Кто изъ нихъ въ тысячный разъ не благодарилъ въ душѣ Дирекцію Императорскихъ Театровъ, за изящно-роскошную, единственную обстановку балетовъ. Но у насъ есть читатели и въ другихъ городахъ благословеннаго Русскаго царства. Для нихъ-то разскажемъ содержаніе сего балета. Въ разсказѣ нашемъ встрѣтятся слова, напечатанныя курсивомъ — это собственность автора программы балета.

Театръ представляетъ лабиринтъ, *составленный изъ кустарниковъ и разнаго вида цвѣтовыхъ деревъ*. Съ одной стороны гротъ, украшенный цвѣтами. *Въ немъ жилище Аглаи. Цвѣточная колыбель, висящая на гирляндныхъ цѣпяхъ и покрытая розовымъ газомъ — мѣсто, на которомъ покоится Аглая.*

Разсвѣтаетъ. Вокругъ лабиринта видны нимфы и амуры, охраняющіе спящую Аглаю. Являются зефиры; и *дабы освѣжить воздухъ легкимъ своимъ дуновеніемъ, летаютъ по сценѣ, одушевляя тѣмъ природу*. Амуръ, *начальникъ амуровъ*, слетаетъ на облакѣ и звуками лиры будитъ свою питомицу. Аглая проснулась, и *примѣтя безпорядокъ своей одежды, дѣлаетъ знакъ, по которому завѣсы колыбели ея закрываются*. Аглая, окончивъ свой туалетъ, *является*. Амуръ говоритъ ей, что *пришелъ давать уроки* (въ чемъ?) «Въ то время, когда амуръ учитъ (чему?) Аглаю, *видно проходящаго по холмамъ* сатира Гидаса. Аглая, кончивъ *уроки музыки, мимики и граціозности* (вотъ чему училъ ее амуръ), *занимается танцами*. Гидасъ, взобравшись на дерево, *открываетъ оттуда предметъ своихъ поисковъ*. Красота Аглаи *дѣлаетъ* сатира *влюбленнымъ*. Амуръ уходитъ. Утомленная Аглая садится подъ дерево и *начинаетъ завтракать*. Гидасъ роняетъ на нее нѣсколько древесныхъ листьевъ. Аглая, увидавъ сатира, пугается, *хочетъ бѣжать*, но сатиръ *заграждаетъ ей дороги, по которымъ хочетъ она уйти. Въ то время, когда одной рукой старается онъ приблизить ее къ себѣ, другою играетъ на своей флейтѣ и дѣлаетъ разныя тѣлодвиженія, которыя ободряютъ Аглаю, увеселяютъ ее, и оканчиваются тѣмъ, что она съ нимъ танцуетъ.* Амуръ входитъ. Аглая, увидавъ его, скрывается въ гротъ. *Амуръ, не имѣя знаковъ своей власти, остается неизвѣстнымъ сатиру, который хочетъ слѣдовать за молодой нимфой; но богъ любви удерживаетъ его съ гордостію и угрожаетъ.* Амуръ, хитро, завлекаетъ сатира въ лабиринтъ *и заставляетъ его тамъ заблудиться.*

Приходитъ пастухъ Гиласъ, *у котораго глаза и руки завязаны листьями.*

Амуръ, обманувъ Сатира, возвращается къ покровительствуемому имъ Гиласу. *Аглая выбѣгаетъ къ амуру, дѣлающему знакъ, по которому цѣпи пастуха падаютъ.*

Приходитъ сатиръ. Взбѣшенный счастіемъ любовниковъ т. е. Аглаи и Гиласа, онъ хочетъ мстить своему сопернику, но, по мановенію сына Киприды, амуры слетаются со всѣхъ сторонъ и гирляндами опутываютъ сатира. Узнавъ бога любви, Сатиръ умоляетъ освободить его изъ цвѣточныхъ цѣпей. Амуръ, по просьбѣ Аглаи и Гиласа, прощаетъ Сатира.

—

День паденія водевилиста-аффериста, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь. Комедія-водевиль въ двухъ картинахъ, сочиненіе фонъ-деръ-Беренко. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1841. въ 12 д. л. 92 стр.

Въ этой піесѣ выведенъ какой-то водевилистъ, *Колов*. Онъ, ради дневнаго пропитанія, кроитъ изъ чужихъ старыхъ комедій свои новые водевили, приправляя ихъ плоскостями, личностями. За эти личности какой-то г. *Сатировъ* бьетъ его палкою; купецъ *Слободкинъ* и сожительница его, которые не только кормили и поили *Колова*, но даже въ двунадесятые праздники дарили ему по *синенькой*, не пускаютъ

его въ домъ къ себѣ; мало этого, дочь ихъ даетъ ему пощечину за то, что онъ, послѣ всѣхъ своихъ мерзостей, вздумалъ къ ней свататься. *Въ слѣдствіе всего вышеизложеннаго, Коловъ* поетъ:

Въ свѣтѣ такъ всегда ведется,
Кто куда зачѣмъ пойдетъ —
Отъ судьбы не увернется,
И что слѣдуетъ, найдетъ!

Правда, правда и правда!

Содержаніе этого водевиля извѣстно теперь нашимъ читателямъ; а для тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ слогомъ его, выписываемъ окончаніе 4-го явленія первой картины.

САТИРОВЪ.

Есть ли въ тебѣ хотя искра совѣсти?... Писать на того, кто тебя принимаетъ въ домъ, кто ласкаетъ тебя, какъ роднаго... Вотъ благодарность достойная такого подлеца, какъ ты!...

КОЛОВЪ.

Помилуйте, Философъ Ѳадеевичъ, вы забываете, что я принадлежу къ классу писателей, что я водевилистъ, что...

САТИРОВЪ.

Что ты дуралей и мерзавецъ, которому «въ дистанціи огромнаго размѣра» не сыщется подобнаго!...

КОЛОВЪ, (*продолжаетъ говорить, не слушая Сатирова*).

Что я нахожусь на своей квартирѣ и что я... я... въ правѣ вамъ сказать-съ, чтобы вы-съ... изволили выйти отсюда вонъ!

САТИРОВЪ.

Что?... что такое?... Ахъ, ты мальчишка!.. ты еще вздумалъ храбриться! вотъ я тебя...

(*Замахивается на него тростью*).

.....
Ты забудешь водевили
Вздоромъ, бранью начинять....
Дѣтей розгами учили, —
Тебя жъ палкою качать!....

(*Бѣжитъ за Коловымъ.*)

Д. Т. ЛЕНСКІЙ.

Въ минувшемъ мартѣ полученъ здѣсь, въ С. П. бургѣ, 17 *№* газеты: *Галатея*, за *1840* годъ. Во-время! Въ этомъ *№* помѣщена статейка о трудахъ *лучшаго*, неутомимаго дѣлателя, въ наше время, на поприщѣ русской сценической литературы—артиста Императорскаго Московскаго театра, *Дмитрія Тимоѳеевича Ленскаго.*

Въ полной увѣренности, что *Галатея* не посѣтуетъ на *Репертуаръ* за перепечатаніе этой статейки, онъ передаетъ ее читателямъ своимъ, и почитателямъ дарованій г. *Ленскаго.*

Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій поступилъ на Московскую сцену въ 1824 году. Въ началѣ своего драматическаго поприща онъ долго не могъ обратить на себя благосклоннаго вниманія публики; наконецъ, въ послѣднее время (я разумѣю подъ этимъ 1829, 1830 и слѣдующіе годы), съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ на сцену въ собственной роли *переводника водевилей*, большинство публики на его сторонѣ. Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: старанія, труды и таланты, рано или поздно, берутъ свое: Labor improbus omnia vincit, съ позволенія сказать по-латини. Теперь г-нъ Ленскій принадлежитъ къ небольшому числу нашихъ талантливыхъ водевилистовъ. Имъ переведено и поставлено на Московскую театральную сцену болѣе *пятидесяти* разнаго рода піесъ. Для читателей, принимающихъ участіе въ успѣхахъ Русскаго драматическаго искусства и литературы, предлагаемъ здѣсь

СПИСОКЪ

театральныхъ піесъ, переведенныхъ Д. Т. Ленскимъ.

ДРАМЫ.

1. Мальвина, или урокъ богатымъ невѣстамъ, др. въ 2 д., въ стихахъ.
2. Влюбленный братъ, др. въ 1 д.

КОМЕДІИ.

3. Хоть тресни, а женись! ком. въ 1 д.
4. Зеркало, или дамскій тайный совѣтникъ, к. 1 д.

ОПЕРЫ И ВОДЕВИЛИ.

5. Синичкинъ, вод. въ 5 д.
6. Воспитанникъ любви, вод. въ 4 д.
7. Невѣста, оп. въ 3 д.
8. Старый гусаръ, или пажи Фридриха II-го, оп. въ 3 д.
9. Двѣ ночи, оп. въ 3 д.
10. Цампа, оп. въ 3 д.
11. Эмма, или безразсудное обѣщаніе, оп. въ 3 д.
12. Леокадія, оп. въ 3 д.
13. Мечты, оп.-вод. въ 3 д.
14. Добрый геній, трилогія-водевиль въ 3 д.
15. Черное домино, или таинственная маска, оп. въ 3 д.
16. Марія, или безнадежная любовь, оп. въ 3 д.
17. Баронъ фонъ Тренкъ, ком.-вод. въ 2 д.
18. Часъ въ тюрьмѣ, или еще въ чужомъ пиру похмѣлье, ком.-вод. въ 2 д.
19. Людовикъ, или ненависть и любовь, оп. въ 2 д.
20. Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.
21. Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.

ВОДЕВИЛИ.

22. Еще сумагоха, или на свѣтѣ всё превратно, вод. въ 1 д.
23. Сватъ не виопадъ, вод. въ 1 д.
24. Невинный въ винѣ, или Судейскій приговоръ, вод. въ 1 д.
25. Честный воръ, вод. въ 1 д.
26. Дѣвушка-женихъ, вод. въ 1 д.
27. Господинъ-слуга, или игра счастія, вод. въ 1 д.
28. Крестная маменька, вод. въ 1 д.
29. Мужъ и жена, вод. въ 1 д.
30. Первая любовь, вод. въ 1 д.
31. Филиппъ, или фамильная горлость, вод. въ 1 д.
32. Теобальдъ, или возвращеніе изъ Россіи, вод. въ 1 д.
33. Два мужа, вод. въ 1 д.
34. Кегли, вод. въ 1 д.
35. Дезертеръ, или тоска по отчизнѣ, вод. въ 1 д.
36. Усы, вод. въ 1 д.
37. Поцѣлуй по векселю, вод. въ 1 д.
38. Актриса, пѣвица и танцовщица, вод. въ 1 д.
9. Хороша и дурна, вод. въ 1 д.
40. Любовное зелье, или цырюльникъ-стихотворецъ, вод. въ 1 д.
41. Скряги въ тискахъ, вод. въ 1 д.
42. Еще чудныя встрѣчи, или суматоха въ Сокольникахъ, вод. въ 1 д.
43. Дамскій докторъ, вод. въ 1 д.
44. Два купца и два отца, вод. въ 1 д.
45. Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д.
46. Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ, вод. въ 1 д.
47. Дядюшкина тайна, вод. въ 1 д.
48. Пажи Бассомпьера, вод. въ 1 д.
49. Графъ-литографъ, или честолюбивая штопальщица, вод. въ 1 д.
50. Жена за столомъ, а мужъ подъ столомъ, вод. въ 1 д. (*).

Левъ Гурычъ, преставленный на Московской сценѣ въ продолженіе *трехъ* мѣсяцевъ болѣе *двѣнадцати* разъ, доставилъ театральной кассѣ болѣе *сорока тысячъ* рублей: не было спектакля, котораго сборъ простирался бы менѣе *четырехъ* тысячъ. Мы распространились объ этомъ только въ угодность *меркантильному* направленію *нашего вѣка*, который, по словамъ Пушкина, *торгашъ*.

(*) *Мочаловъ въ провинціи*, вод.

Въ людяхъ—ангелъ, не жена; дома съ мужемъ—сатана, вод.

Ред.Реп.

Въ заключеніе не можемъ незамѣтить: еслибы г-нъ *Ленскій* (важное условіе) *захотѣлъ* употребить свои дарованія на что-нибудь поважнѣе водевилей, наприм. на сочиненіе *оригинальной русской комедіи:* то, при знаніи русскаго быта, русской общежительности, при знаніи сцены и — что всего важнѣе—при его умѣньи владѣть русскимъ разговорнымъ языкомъ, мы увѣрены, онъ написалъ бы такую піесу, которая, между современными русскими литераторами дала, бы ему мѣсто, достойное его дарованій.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Клевета, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Скриба, переведенная съ французскаго П. С. Ѳедоровымъ, и представленная въ первый разъ на Александринскомъ Театрѣ 7 апрѣля.

Піеса эта (въ другомъ переводѣ) составляетъ *N 2 приложенія къ Репертуару Русскаго театра за 1480 г.* Это говоримъ для желающихъ знать содержаніе ея въ малѣйшихъ подробностяхъ; а для прочихъ читателей нашихъ, основу ея разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Дѣйствіе въ Діэппѣ, въ *заведеніи* минеральныхъ водъ. Въ числѣ посѣтителей находятся родные *перваго* французскаго министра г. Раделя, (дѣйствующихъ лицъ будемъ называть тѣми именами и фамиліями, которыя далъ имъ русскій переводчикъ). Княгиня Савиз, банкирша Гиберъ, питомица Раделя Эмилія и другъ его, баронъ Варни. Всѣ они сердятся на какого-то Діэппскаго жителя Г. Кокне, за то, что онъ отзывается невыгодно о г. Раделѣ. Этотъ Кокне, не злой клеветникъ, а бездушный, глупый болтунъ, распускаетъ ложный слухъ, что Эмилія (которую онъ никогда не видалъ) ведетъ себя не *совсѣмъ* благопристойно, то есть, имѣетъ полдюжину любовныхъ интригъ. Слухъ этотъ, которому вѣритъ цѣлый городъ, доходитъ до Эмиліи: бѣдная дѣвушка въ отчаяніи. Радель, чтобъ заставить умолкнуть клевету, женится на Эмиліи.

Въ нашъ вѣкъ едва ли кто, души возвышенной, ума свѣтлаго, образованнаго, придетъ въ отчаяніе отъ того, что какой-нибудь негодяй провозгласитъ его, въ кругу себѣ подобныхъ, злодѣемъ, глупцомъ; особенно во Франціи, гдѣ подобныя мерзости даже печатаютъ въ газетахъ. Никто изъ порядочныхъ людей не вѣритъ имъ — и слава Богу!

Удивляемся тому, что опытный, остроумный писатель, каковъ Скрибъ, избралъ клевету сюжетомъ для своей комедіи. Впрочемъ ему, какъ кажется, нравится клевета

на прекрасный полъ: онъ, кромѣ этой комедіи, основалъ на ней либретты оперъ: *Женщина-лунатикъ и Невѣста*.

Главныя дѣйствующія лица въ комедіи: *Клевета*: *Г. Раделъ, первый* французскій министръ (не забудьте этого). Его Высокопревосходительство встрѣтивъ въ Діэпскомъ трактирѣ вовсе неизвѣстнаго ему болтуна, ничтожнаго Кокне, приходитъ въ восторгъ отъ похвалъ, которыя этотъ расточаетъ уму и достоинствамъ его. Конечно Радель не высокаго происхожденія (отецъ его былъ небогатой поселянинъ), но все-таки, достигая министерскаго портфеля, могъ бы, кажется, *понатереться* въ высокомъ обществѣ и изучить его приличія. Впрочемъ его, да Эмилію только и можно назвать благородными людьми въ толпѣ персонажей разбираемой нами комедіи. Вотъ мнѣнія Раделя, снискавшія ему уваженіе честныхъ согражданъ: «Въ человѣческихъ приговорахъ болѣе брани чѣмъ похвалы, болѣе заблужденій чѣмъ истины... у кого оспориваютъ достоинство и талантъ, у кого мало друзей и много враговъ: того я уважаю, люблю, защищаю... Надобно гордиться ненавистью глупцовъ, проныръ, славиться ихъ оскорбленіями. А вѣдь у насъ злыхъ больше, гораздо больше, чѣмъ добрыхъ.. поэтому я думаю, что у кого наиболѣе враговъ... тотъ честнѣйшій человѣкъ! При каждой новой брани, при каждомъ новомъ оскорбленіи, я радуюсь и говорю себѣ: мужайся, иди впередъ... Ты на пути своемъ вѣрно наступилъ на змѣю, потому что она шипитъ и жалитъ.»

Баронъ *Варни*, другъ *Раделя*. Онъ до такой степени боится газетныхъ сплетней, что никогда не рѣшается даже на доброе дѣло, опасаясь, чтобъ какой нибудь журналистъ не представилъ этого дѣла въ превратномъ видѣ. Онъ, будучи женихомъ Эмиліи, не только убѣгаетъ ее, услышавъ невыгодные о ней отзывы: но даже, узнавъ, что она оклеветана, не рѣшается на ней жениться. Судя по этому барону, незавидные же друзья у Раделя!

— *Эмилія* дѣвица милая, образованная, скромная — а этого и довольно, чтобъ возбудить клевету.

Фанни Гиберъ — кокетка, и интриганка. Одинъ изъ ея подвиговъ клевета приписала Эмиліи, и бѣдняжка чуть-чуть не погибла. Фанни заражена *своею* знатностью; а знатность ея состоитъ въ томъ, что братъ ея министръ, сама же она дочь поселянина и жена купца.

Гиберъ, мужъ Фанни, простакъ, надъ которымъ не сбылась поговорка: *были бъ деньги, умъ будетъ*. Денегъ у него милліонъ, а ума ни на грошъ.

Княгиня Савна — докучливая старуха, охотница до всевозможныхъ сплетней, общественныхъ, семейныхъ, политическихъ. Она день проводитъ за газетами; вечеромъ, въ обществахъ, въ театрѣ собираетъ всѣ слухи, которые сколько-нибудь могутъ запятнать (часто не справедливо) честь сородныхъ, знакомыхъ.

Кокне. Характеръ его описанъ выше: прибавить къ этому нечего.

Раделя игралъ г. *Максимовъ*. Въ немъ видѣли мы артиста смышленнаго, но не французскаго министра. Роль барона *Варни* занималъ *г. Григорьевъ* 1-й; роль эта ничтожная; а изъ ничего сдѣлать что-нибудь не всегда удастся и первоклассным артистамъ. Г-жи *Вальберхова* (*княгиня Савна*) и *Гринева*, (*Эмилія*) выполнили свои роли съ успѣхомъ. *Г-жа Дюръ* явилась въ первый равъ въ комедіи. Она играла *г-жу Гиберъ*. Не смотря на трудъ, который въ этой роли предстоялъ новой, слѣдственно неопытной комической актрисѣ, она совершила его весьма удачно. Если не ошибаемся, *г-жа Дюръ* много заимствовала отъ прекрасной артистки, создавшей роль г-жи Гиберъ на здѣшней французской сценѣ. Для таланта шагъ отъ подражанія до созданія. Г. *Каратыгинъ* 2-й роль *Банкира* велъ какъ умный и опытный

актеръ. Г. *Мартыновъ*, въ лицѣ Кокне, смѣшилъ публику, не прибѣгая къ фарсамъ.

—

Все для дѣвочекъ и ничего для мальчиковъ, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Габріелла, или адъютанты*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго; *Боярское слово, или ярославская кружевница*, драма въ двухъ отдѣленіяхъ соч. *П. Г. Ободовскаго* и *Любовныя записки мужа*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго, (бенефисъ г-жи *Асенковой*, 14 апрѣля).

Въ одной бретанской деревушки жилъ трактирщикъ Доминикъ Гальяръ и рыбная торговка Марго. У Гальяра трое сыновей: одинъ уланъ, другой гусаръ, а третій рекрутъ-пѣхотинецъ. У Марго же три дочери, рыбачки. Сыновья Гальяра влюблены въ дочерей Марго. Но какъ тѣ и другія бѣдны, то о свадьбѣ своей и не думаютъ. Вдругъ трактирщикъ получаетъ отъ брата своего Марселя Гальяра, разбогатѣвшаго въ Америкѣ, письмо о томъ, что все свое имѣніе завѣщалъ онъ дѣтямъ Доминика, съ тѣмъ только, если *они* не они, а *онѣ* т. е. дѣвочки. Американскій богачъ пріѣзжаетъ на родину. Племянники, въ женскихъ платьяхъ, встрѣчаютъ его; а невѣсты ихъ являются въ мундирахъ. Балаганная продѣлка эта открывается: Марсель Гальяръ прощаетъ шалуновъ, и женитъ ихъ на шалуньяхъ. Вотъ содержаніе шутки: *все для дѣвочекъ* и *ничего для мальчиковъ*; а мы прибавимъ и *для взрослыхъ*, ищущихъ въ театрѣ благородныхъ наслажденій.

Содержаніе комедіи-водевиль: *Габріелла* слѣдующее: адъютанты герцога Вандомскаго, маркизъ *д'Ерисмаль* и графъ *д'Обиньи* влюбились въ молодую вдовушку, баронессу *Габріеллу де Нанжи*. Чтобъ войти въ ея замокъ, *д'Ерисмаль* назвался герцогомъ Вандомскимъ, а *д'Обиньи* остался при прежнемъ званіи своемъ, адъютанта его свѣтлости. Вдовушка, которую смѣло можно назвать *по Скалозубски* вдовой-наѣздницей, имѣетъ только двѣ страсти: къ верховой ѣздѣ и къ военнымъ. Она въ восторгѣ отъ того, что герцогъ, величайшій, въ ея глазахъ, герой въ мірѣ, удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ. Знакомство съ нимымъ генералиссимусомъ овладѣло душою *Габріеллы*. Онъ уѣзжаетъ. Проходитъ послѣ того мѣсяцъ, другой, — нѣтъ о немъ никакого слуха. Страсть женщины уничтожаетъ въ ней страхъ, свойственный ея полу. Не смотря на военныя дѣйствія Французовъ въ Испаніи, Габріелла пробирается въ Барселлону, главную квартиру герцога Вандомскаго. Тамъ встрѣчаетъ она Маркиза *д'Ерисмаля*; узнаетъ обманъ его, и чѣмъ наказываетъ обманщика, какъ вы думаете? отдаетъ ему свою руку.

Если бы талантливый переводчикъ этого водевиля, *П. С. Ѳедоровъ*, потрудился сократить въ немъ нѣкоторыя сцены и діалоги, піеса выиграла бы много. Въ ней участвовали, къ полному удовольствію публики, *г-жа Самойлова* (Габріелла) и *г. Самойловъ*, (*д'Ерисмаль*,) *Г. Мартыновъ* игралъ *графа д'Обиньи*. Не знаемъ почему заблагоразсудилось ему превратить этого графа въ простака. Онъ такъ былъ простъ, что, играя на гитарѣ, не догадался снять съ рукъ перчатокъ.

Французская піеска: *Un ange au sixième étage* подала мысль лучшему нашему сценическому писателю *П. Г. Ободовскому*, создать драму: *Боярское слово*. Драма эта, имѣющая большой и заслуженный успѣхъ, будетъ помѣщена въ слѣдующей книжкѣ Репертуара, и потому не станемъ разсказывать ея содержанія. Игра въ этой піесѣ *г-жи Дюръ* и *гг. Сосницкаго* и *Максимова* выше всякихъ похвалъ.

Комедію: *un roman intime* г. Григорьевъ 1-й передѣлалъ въ русскій водевиль, назвавъ его *Любовныя записки мужа*. Молодая дама, г-жа Эрминская, начитав-

пись романовъ и скучая въ деревнѣ, завела любовную переписку *съ идеаломъ* ума и красоты, по котораго она никогда не видала, о которомъ никогда не слыхала. Переписка эта идетъ быстро. Наташа Эрминская отъ нея въ восторгѣ. Открывается напослѣдокъ, что идеалъ ума и красоты весьмао быкновенный—отставной ротмистръ Платонъ Сергѣевичъ Эрминскій, мужъ Наташи.

Водевиль этотъ передѣланъ удачно; есть въ немъ острые куплеты. Исполнили его весьма удовлетворительнс. *Г-жа Самойлова* играла Наташу, а *г. Григорьевъ* игралъ Эрминскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Вина! красавица, вина!
Я кубокъ высушу до дна.
Ты видишь, какъ въ палящій зной
Я не могу владѣть собой.
Какъ клонитъ жаръ меня къ землѣ,
Какъ вянутъ розы на челѣ.
Дай свѣжихъ розъ чело обвить,
Дай кубокъ — жажду утолить.
Но чѣмъ огонь я потушу,
Который въ сердцѣ я ношу?

П. Ободовскій.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ пойду ль сидѣть
За ворота я,
Буду въ даль смотрѣть
Безъ заботы я.
Ужъ какъ сяду я
Тамъ украдкою,
Но съ отрадою;
Сердце радуя
Думой сладкою:
Ожиданіемъ
Друга милаго,
Провожаніемъ
Дня постылаго.
Наряжуся я:
Обовью кругомъ
Шен бусы я,
Косы русыя
Заплету вѣнцомъ;
И надѣну свой
Сарафанъ къ лицу,
Съ золотой каймой:
Хоть сей часъ къ вѣнцу;
Шелкомъ онъ обшитъ,
Снизу сборчатый;
Онъ какъ жаръ горитъ,
Весь узорчатый.
Въ немъ-то буду я
Друга сердца ждать,
Съ кѣмъ забуду я
Горевать, страдать!

В. Зотовъ.

КТО НЕ ПОЭТЪ?

— — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — —

Тотъ не поэтъ, кто полюбилъ
Ничтожный свѣтъ, кто подавилъ

Воображенье, страсти, чувства,
Кто въ школѣ свѣтскаго искусства,
Былъ признанъ чудомъ-молодцомъ,
Кого назвали удальцомъ
Въ пронырствѣ, сплетняхъ и интригахъ,
Кто можетъ вѣчно въ разныхъ видахъ
Являться, какъ хамелеонъ,
Кому лишь выгода законъ.

* * *

Тотъ не поэтъ, кому небесъ
Краса, столь полная чудесъ,
Чужда, мертва и непріятна,
Кому, какъ тайна, не понятна
Природы жизнь: краса цвѣтовъ,
Разнообразіе луговъ,
Зари восходъ и звѣздъ далёкихъ;
Чудесной блескъ, и одинокой
Луны печально-блѣдный свѣтъ....
Безчувственный—онъ не поэтъ!

* * *

Тотъ не поэтъ, кто не любилъ
Бесѣдъ друзей, кто не топилъ
Подъ часъ въ винѣ тоски сердечной —
И съ крикомъ радости безпечной
Бокаловъ свѣтлаго вина
Не осушалъ всегда до дна.
Въ честь Бахуса, друзей и милой,
Друзья! вина сюда! Постылой
Намъ безъ вина несносенъ свѣтъ!
Эй! кто не пьетъ, тотъ не поэтъ!

* * *

Тотъ не поэтъ, кто не мечталъ,
Кто не любилъ и не страдалъ
Въ любви отъ ревности жестокой;
Кто ласки дѣвы черноокой
Душой холодной принималъ;
Кто безъ участія внималъ
Словамъ ея, восторгамъ страстнымъ,
И на груди ея прекрасной
Не забывалъ ничтожный свѣтъ....
Тотъ не поэтъ, тотъ не поэтъ!

А . . . въ.

МОЗАИКА.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ

ВЪ 1609 ГОДУ.

Въ это время французскій театръ (Théâtre Français) не имѣлъ еще той великолѣпно освѣщенной залы, которою онъ обладаетъ нынѣ, залы, въ которую собирается избранная публика наслаждаться геніальными произведеніями великихъ трагиковъ Франціи и благородною, могущественною игрою Рашели. Тогда не существовало во Франціи обыкновенія награждать кипарисными вѣнками знаменитыхъ артистокъ.

Это было въ 1609 году. — Царствовалъ Генрихъ IV. — «Парижъ, говоритъ президентъ Генò, былъ въ ту эпоху совсѣмъ не то, что нынѣ; тогда не существовало въ немъ вовсе фонарей, но, зато было много грязи; тогда въ немъ рѣдко встрѣчались кареты, но, зато встрѣчались очень часто мошенники. «Театръ французскій помѣщался въ зданіи, извѣстномъ подъ названіемъ Бургундской отели. Плохое освѣщеніе сцены, бѣдность убранства залы и отсутствіе скамеекъ въ партерѣ придавали этому храму Мельпомены и Таліи видъ крайне неутѣшительный. Впрочемъ, въ то время, и самое искусство находилось еще во младенчествѣ: репертуаръ тогдашній, репертуаръ, въ которомъ появились въ послѣдствіи имена Мольеровъ, Корнелей и Вольтеровъ, состоялъ только изъ геронъ-комическихъ трагедій, да изъ грубыхъ фарсовъ.

Въ этотъ-то годъ, 26 октября, содержатель французскаго театра, Николай Жуберъ, возвѣстилъ парижской публикѣ шестьдесятъ шестое представленіе *Турна*, трагедіи Жана Прево, и весьма забавнаго фарса *Трононъ*.

Между-тѣмъ, надъ головой Жубера собиралась страшная буря — буря ненависти цѣлаго Парижа.

Дворяне ненавидѣли его за то, что онъ позволялъ представлять ихъ на своемъ театрѣ въ каррикатурномъ видѣ и дѣлать намеки на такія приключенія, которыя считали они скрытыми подъ завѣсою непроницаемой тайны.

Зажиточные горожане не могли его терпѣть за то, что онъ позволялъ обнаруживать ихъ домашнія ссоры, приключенія

супругъ ихъ и многія другія щекотливыя вещи. Сверхъ того, они досадовали на Жубера за то, что, благодаря продолжительности спектаклей, они не разъ встрѣчались въ темныхъ закоулкахъ Парижа съ ворами, и не одинъ разъ разставались при подобныхъ встрѣчахъ съ кошельками своими.

Простой народъ, школьники и лакеи злились на него за то, что цѣны на мѣста въ театрѣ были возвышены.

Жуберъ, игравшій столь важную роль въ исторіи театра Бургундской отели, не получалъ денежнаго пособія отъ правительства, но имѣлъ нѣкоторыя привилегіи и нерѣдко употреблялъ ихъ во зло. Въ числѣ другихъ преимуществъ, онъ имѣлъ привилегію не подвергаться аресту за неплатежъ долга, если въ долговомъ обязательствѣ былъ наименованъ *Княземъ дураковъ*, титуломъ, который вмѣстѣ съ применованіемъ «Seigneur d'Engoulevement» или предводитель глупости, составлялъ существенную принадлежность его должности. Адвокатъ его, Юліанъ Пеліусъ, въ процессѣ, веденномъ имъ съ прежними владѣльцами театра, извѣстными подъ странымъ названіемъ «Confrères de la Passion», оставилъ намъ слѣдующее изображеніе Жубера:

«Это, говоритъ онъ, человѣкъ, рожденный въ странѣ скотовъ; голова, въ которой нѣтъ ни одной мысли; существо, мозгъ котораго находится въ совершенномъ разстройствѣ — и однакожъ этотъ человѣкъ былъ главою французской сцены!»

Первымъ актеромъ у него былъ Готье д'Аргёль, — созданіе безобразное и завистливое, но одаренное въ высшей степени насмѣшливостію и умѣньемъ передразнивать.

Пробило четыре часа. Двери Бургундской отели долженствовали вскорѣ отворяться, и, не смотря на холодное время года, въ улицѣ Бокансель или Мокансель,—право не знаемъ, какъ правильнѣе—въ концѣ которой находилась эта отель, толпилось уже множество народу. Передъ главнымъ входомъ стояла многочисленная группа дворянъ, наряженныхъ въ неуклюжіе, узкіе и изукрашенные драгоцѣнными камнями кафтаны. Они старались принять на себя грозный видъ, распѣвали непристойныя пѣсни и разсыпались въ угрозахъ.

— Пусть меня сгубитъ чума, сказалъ молодой герцогъ Ліанкуръ, если я не всажу мою шпагу въ подлеца Готье д'Аргёля по самую рукоять, когда онъ осмѣлится хоть однимъ словомъ обидѣть Этьенету.

— Да и я ему готовлю гостинецъ, подхватилъ де Бриссакъ, если онъ вздумаетъ припомнить...

— Par la mort bleu! воскликнулъ виконтъ де Гель, есть о чемъ думать! Вы толкуете цѣлый часъ чортъ знаетъ о какой дряни. Отколотите его путемъ, да и концы въ воду. Хотите, я обработаю это дѣло?

— Не умремъ, такъ увидимъ, отвѣчалъ де Бриссакъ.

Изъ другихъ группъ слышались тоже угрозы.

Горожане, обыкновенно столь смиренные, столь терпѣливые, столь миролюбивые, по временамъ воинственно хмурили брови; лакеи, противъ обыкновенія, никого не оскорбляли; но школьники, какъ и всегда, пѣли веселыя пѣсни и ссорились между собою.

Однакожъ шумъ этотъ утихъ, когда отворились двери отели. Толпа подошла къ нимъ густою, грозною массою, заплатила мелочь за входъ и молча усѣлась въ театрѣ. Молчаніе это прерывалось только глухимъ ропотомъ, который, подобно вихрю, предвѣстнику бури, иногда пролеталъ по залѣ и потомъ стихалъ мгновенно.

Жуберъ, вовсе непріученный къ такому спокойствію состоронъ посѣтителей своего театра и никогда невидавшій столь огромнаго сбора, потиралъ отъ восхищенія руки.

Турнъ былъ выслушанъ со вниманіемъ, по наружности, чрезвычайно глубокимъ; но когда начался фарсъ, послѣдовавшій за этою трагедіею, когда Готье д'Аргёль началъ отпускать свои ѣдкія шутки и клеветы, партеръ вспыхнулъ грозою страшною и сокрушительною. Дворяне, горожане, школьники, лакеи — все это ринулось на сцену и страшно отомстило за себя. Въ одно мгновеніе было опрокинуто, изорвано и изломано все, что можно было опроки-

нуть, изорвать и изломать. Потомъ озлобленная толпа съ воплями потребовала Жубера, но Жуберъ не явился: онъ, словно заяцъ въ своемъ логовищѣ, сидѣлъ притаившись подъ картонною горою; куда удалось ему запрятаться еще во время суматохи.

Зрители, выместивъ свою злобу надъ сценическою рухлядью и надъ четырьмя или пятью бѣдняками-актерами, которые не успѣли спрятаться, спокойно разошлись.

Правда, и изъ числа ихъ самихъ достались инымъ въ этой сумятицѣ пинки и толчки по принадлежности, а у иныхъ исчезли кошельки и часы, но никто изъ нихъ не думалъ о своихъ несчастіяхъ: до того были всѣ довольны своими подвигами.

Полиція тогда же узнала объ этомъ происшествіи. Въ Парижѣ говорили о немъ повсюду, и въ первыхъ числахъ ноября появилось слѣдующее постановленіе, которое, если не вовсе истребило зло, то, по-крайней мѣрѣ, пріостановило его на нѣкоторое время.

12 ноября 1609 года. *Приказъ полиціи относительно порядка, который долженъ быть соблюдаемъ комедіянтами.*

«Въ слѣдствіе жалобы г. королевскаго прокурора на то, что комедіянты отеля Бургундской и отеля Аржантской оканчиваютъ свои представленія во время слишкомъ позднее, зимою неудобное и что, безъ дозволенія, они требуютъ отъ народа плату чрезвычайно большую, мы приказали и строжайше приказываемъ означеннымъ комедіянтамъ не представлять съ Мартынова дня и по 15 февраля позже четырехъ съ половиною часовъ; для каковой цѣли и рекомендуемъ имъ начинать свои представленія въ два часа — сколько бы тогда ни было публики, и оканчивать въ выше упомянутое время; двери же, во избѣжаніе безпорядковъ при входѣ, обезпокоивающихъ всѣхъ живущихъ по сосѣдству, отпирать ровно въ часъ.

«Запрещаемъ комедіянтамъ взимать съ обывателей и прочихъ лицъ болѣе 5 су за входъ въ партеръ и 10 су за входъ въ ложи и галерею; а въ случаѣ, если бы при представленіи какихъ-либо піесъ потребовались большіе противу обыкновеннаго расходы, мы, по просьбѣ ихъ, сообщимъ о томъ предварительно королевскому прокурору.

«Запрещаемъ имъ представлять какую-бы то ни было комедію или фарсъ, безъ предварительнаго сообщенія ея королевскому прокурору и безъ утвержденія нашею подписью ролей.»

«Означенные комедіянты обязаны освѣщать фонарями, или иначе, партеръ, лѣстницы галереи и выходъ; за ослушаніе же взыщется съ нихъ, комедіантовъ, 100 ливровъ и притомъ они будутъ примѣрно наказаны. Предписываемъ мѣстному компсару строго смотрѣть за исполненіемъ сего и доносить намъ о безпорядкахъ. Настоящее постановленіе имѣетъ быть опубликовано у сказанныхъ отелей передъ народомъ, и выставлено у главныхъ выходовъ. Написано и дано въ Шателе, что въ Парижѣ, 12 ноября 1609 года.» Подписали: Ле Жэ и Леруа.

Ш—въ.

—

БѢГЛЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ, ВЪ 1841 ГОДУ.

(Изъ статьи Ж. Мерля.)

Судя по нынѣшнему состоянію театровъ въ столицѣ Франціи и даже заглянувъ въ ихъ будущность, я сомнѣваюсь, и не безъ основанія, въ томъ, что 1841 годъ будетъ для нихъ счастливѣе прошедшаго. Публика тратитъ на сіи театры ежегодно отъ 5 до 6 милліоновъ франковъ. Сумма эта была бы достаточна для восьми театровъ, а ихъ, съ загородными, до тридцати. Чтобъ улучшить хотя нѣсколько будущность ихъ, необходимо 1-е, отмѣнить обыкновеніе Парижанъ сидѣть за обѣдомъ съ шести до девяти часовъ вечера и *ввести въ тотъ* вставать изъ-за стола не позже семи часовъ; 2-е положить твердую преграду непомѣрнымъ денежнымъ требованіямъ артистовъ; 3-е оставлять безъ вниманія жалобы на бѣдность тѣхъ изъ нихъ, которые приходятъ въ отчаяніе отъ того, что жалованье ихъ не превышаетъ вдвое окладовъ фельдмаршала

и 4-е не дозволять открывать новыхъ театровъ людямъ, которыхъ весь талантъ-пронырство, а дѣйствія — спекуляціи. Это сказано мною о парижскихъ театрахъ вообще; вотъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

Académie Royale de Musique. Театръ этотъ имѣетъ отъ правительства ежегодное денежное вспоможеніе; но сумму, назначенную на сіе вспоможеніе, убавляютъ годъ-отъ-году, и нынѣ бюджетъ Академіи музыки достоинъ сожалѣнія. Артисты ангажированы такъ безрасчетно, что они стоятъ дирекціи въ-четверо болѣе того, что издерживали на нихъ за двадцать лѣтъ назадъ, и за всѣмъ тѣмъ труппа Академіи недостаточна для исполненія, какъ должно, твореній славныхъ композиторовъ. Почти одинъ голосъ Дюпре удерживаетъ этотъ театръ отъ *гибели конечныя*. Не мѣшаетъ прибавить къ сему то, что при Академіи четыре композитора: изъ нихъ двое не хотятъ ничего писать для нея, а другіе двое пишутъ и, къ несчастію, чрезъ-чуръ много. Наконецъ, новыя пьесы репертуара этого театра надоѣли публикѣ болѣе старыхъ.

Comédie Française. Вотъ театръ, перешеголявшій сборами всѣхъ своихъ собратій. Этимъ онъ обязанъ счастливой своей звѣздѣ, которая едвали скоро не померкнетъ. На этомъ театрѣ играетъ *Рашель* и оканчиваетъ свое сценическое поприще *Марсъ*. На немъ даютъ комедію Скриба *Le verre d'eau* (*) и все это приноситъ до девяносто пяти тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. *Рашель*, вѣроятно, не долго пробудетъ на этомъ театрѣ, который не находитъ уже возможности удовлетворять неслыханныя ея денежныя требованія, и нѣтъ сомнѣнія, что она пустится за гинеями и червонцами въ Лондонъ, въ Петербургъ. *Марсъ* прощается навсегда со сценою. *Стаканъ воды* приятно высыхаетъ. Извѣстно, что изъ трехъ пьесъ Скриба одна только имѣетъ полный успѣхъ; а комедій, подобныхъ *Le verre d'eau* не напишетъ и онъ шести въ годъ. Къ сожалѣнію, паденіе *Comédie-Française* неминуемо: трагедіи ея безъ *Рашели* будутъ уморительны, а комедіи безъ *Марса* — усыпительны (*).

Opéra-comique. Комическая опера далеко отстала отъ театра, о которомъ мы сію минуту говорили. Она не сбираетъ 95 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Не смотря на то, что зала ея удобна для публики и изящна, что правительство выдаетъ ей въ пособіе по 240,000 франковъ въ годъ, затруднительное положеніе ея слишкомъ замѣтно. Безразсудное честолюбіе шепнуло комической оперѣ, что въ то время, когда всѣ и все двигаются и двигается впередъ исполинскими шагами, стыдно ей оставаться при куплетахъ и аріяхъ. Вотъ она и рѣшилась стать плечо о плечо съ *Итальянскимъ театромъ*, съ *Большею оперою*. Вотъ она и кликнула кличъ, и сбѣжались къ ней со всѣхъ сторонъ, разумѣется, за большія деньги, великіе пѣвцы, великіе пѣвицы, великіе композиторы. Запѣли *Жидовку*, *Луцію Ламермурскую*, и бросили подъ полъ партитуры *Жоконда* (**), *Продажнаго дома*. Съ появленіемъ на этомъ театрѣ *великихъ* пѣвцовъ, исчезли съ него хорошіе актеры. Пора, кажется, понять, что произведеніе Моцарта, Бетговена, Мейрбера, Галеви надобно предоставить въ вѣчное и потомственное владѣніе королевской академіи музыки итальянскому *театру;* а для комической оперы достаточно, и заглаза, Гретри, Далейрака, Герольда, Боельдьё.

ThéâtreItalien. Пѣвцы, старые наши знакомые, которымъ апплодируемъ постоянно съ десятокъ лѣтъ, стараются могуществомъ прекраснаго своего таланта побѣдить видимое равнодушіе къ операхъ парижскихъ дилетантовъ; но тщетно. Немно-

(*) См. Смѣсь II книжки Репертуара на 1841 годъ. *Редакт.*

(*) Предсказаніе ужасное, но едва ли сбыточное, потому что оно основано, какъ намъ кажется, на оскорбленномъ самолюбіи г. Мерля, или на какихъ либо его разсчетахъ. *Редакт.*

(**) Извините г. Мерль, *Жоконда* театръ комической оперы возобновилъ еще въ прошломъ году и играетъ его частенько. *Редакт.*

гіе изъ этихъ диллетантовъ рѣшаются сдѣлать лишнихъ десятокъ шаговъ для того, чтобъ услышать произведенія Россини, Беллини, Доницетти и безсмертныя созданія Моцарта, исполняемыя первѣйшими европейскими артистами.

Второстепенные театры сами себя уничтожаютъ; число ихъ такъ велико, что необходимо закрыть изъ нихъ двѣ трети. Это одно только спасетъ остальные. Въ Парижѣ двѣнадцать театровъ совершенно лишнихъ. Наполеонъ, не безъ основанія же, полагалъ весьма достаточнымъ для своей столицы восьми театровъ и одного цирка. Несчастіе парижскихъ театровъ началось со времени измѣненія нѣкоторыхъ статей Наполеонова положенія 8 августа 1807 года, о театральныхъ зрѣлищахъ.

Vaudeville. Два несчастія постигли этотъ театръ: пожаръ и банкрутство. Теперь, кажется, онъ сталъ твердой ногой. Жаль только, что процессы съ двумя прежними его содержателями замедляютъ его успѣхъ. Въ труппѣ его артисты талантливые, репертуаръ его разнообразенъ, по возможности: не мѣшаетъ ему, только, избѣгать утомительно-длинныхъ драмъ. Пусть чаще играютъ *Арналь* въ піэсахъ, подобныхъ: *La Mansarde* du Crime *а г-жа Брогант* въ водевилѣ: *Une nuit au Sérail* — и касса этого театра будетъ всегда полна.

Прим. редак. Репертъ. Самая блистательная эпоха его была съ 1815 по 1822 годъ, когда управлялъ имъ извѣстный острякъ и творецъ комедій и застольныхъ пѣсней, *Дезожье*. Онъ умеръ въ августѣ 1827 года, пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Gymnase. Театръ, пришедшій, было, въ упадокъ, лишась покровительства Герцогини Беррійской. То время было золотое время для Скриба. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Не только высшее общество, даже торговое сословіе, разлюбило этотъ театръ. Лѣтъ нѣсколько тому назадъ, сталъ онъ примѣтно оправляться послѣ совершеннаго истощенія своихъ жизненныхъ, (т. е. денежныхъ) силъ. Нынче труппа его составлена удачно, и репертуаръ нельзя назвать дурнымъ.

Variétés. Театръ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію. Онъ *разнообразенъ* въ директорахъ своихъ до чрезвычайности. Въ четыре года четвертый директоръ. Настоящее исправитъ прошедшее. Начало сему положено. На театрѣ этомъ даютъ пьесы, привлекающія публику.

Théâtre de la Renaissance. О немъ говорить много нечего.

«*Онъ славенъ тѣмъ, что счастья нѣтъ ему.*»

Онъ успѣлъ, было, завербовать въ свои драматическіе поставщики и Виктора Гюго, и Александра Дюма, и Фридерика Сулье, и Казимира Делавиня; но *счастья нѣтъ ему!*

Théâtre du Palais-Royal. Вотъ счастливецъ изъ всѣхъ счастливѣйшихъ театровъ. Приклеитъ къ дверямъ своимъ афишу, и онѣ настежь, и онъ набитъ биткомъ. Театръ этотъ—Эльдорадо для своихъ акціонеровъ!

Войдемъ въ подоль ничтожества, взглянемъ на *бульварные театры*. Вотъ *Théâtre de la Porte Saint-Martin*. Борьба съ несчастною своею судьбою, выдерживаемая имъ въ теченіи восьми лѣтъ—прекрасный сюжетъ для какой вамъ угодно героической поэмы.

Изъ бульварныхъ театровъ, только два въ полномъ блескѣ: это *Cirque Olympique* и *Folies Dramatiques*.

О театрѣ *de la Gaieté* сказать нечего. Театры *L'ambigu comique* *) и *Saint-Antoine* обанкрутились. «*Странная вещь, непонятная вещь!*» Первый изъ нихъ погибъ въ то время, когда все обѣщало ему счастливую будущность. Это доказываетъ, что застарѣлая рана его была глубока, злокачественна и потому неизлѣчима. Театръ St. Antoine въ четыре года разорилъ тринадцать своихъ директоровъ. Довольно!

2 апрѣля 1841.

М. ЖКЛИЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТАРИННЫХЪ БАЛЕТАХЪ.

Рыцарскій духъ царствованія Генриха II, вкусъ къ блестящимъ празднествамъ, вывезенный Екатериною Медичи изъ Италіи, и особое покровительство художествамъ, оказываемое Францискомъ I, породили во

*) Театръ этотъ вновь открытъ.

Франціи зрѣлища особаго рода. Турниры, маскарады, балеты сдѣлались любимыми увеселеніями двора. Зрѣлища эти были чрезвычайно великолѣпны; главнѣйшія роли въ нихъ занимали самъ король, королева, принцы и принцессы; въ балетахъ же существовала и драматическая завязка, болѣе или менѣе выдержанная и подраздѣленная на сцены, выходы и интермедіи. Каждая часть ихъ состояла изъ особаго рода танцевъ съ музыкою и стиховъ, содержавшихъ въ себѣ истолкованіе балета. Притомъ они имѣли и декораціи и машины, а костюмы дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ отличались удивительною пышностію. При дворѣ въ то время не случалось ни одного важнаго событія, которое не было бы поводомъ къ новому балету, турниру или маскараду. Сюжетами ихъ (сочиняемыми тогдашними поэтами) были аллегоріи, земные и небесные феномены, слабости, добродѣтели, пороки и недостатки общества. Чтобы дать идею о вкусѣ и костюмахъ того времени, мы опишемъ нѣсколько подобныхъ представленій.

Посланники польскіе, пріѣхавшіе въ Парижъ для поздравленія новаго короля своего, герцога Анжуйскаго (въ послѣдствіи Генриха III), были великолѣпно приняты Екатериною Медичи и Карломъ IX. Королева сдѣлала въ честь ихъ, въ Тюльери, пышный «банкетъ» съ театральными представленіями, танцами и другими увеселеніями.

Праздникъ начался стихотворною латинскою бесѣдою между Франціею, Миромъ и Благоденствіемъ, музыка къ которой была сочинена Орландомъ Лабюсомъ. Скала, вышиною въ двадцать шесть футовъ, съ сидящими на ней осмнадцатью нимфами, изображающими провинціи Франціи, нимфами, которыхъ представляли фрейлины королевы, подвинулась къ тому мѣсту, гдѣ находился король. Послѣ того, какъ нимфа Франціи продекламировала восемдесятъ девять латинскихъ стиховъ, шесть другихъ нимфъ, сошедшихъ со скалы во время декламаціи, начали балетъ и поднесли королю золотые щиты съ вырѣзанными на нихъ девизами. Затѣмъ явилась нимфа Анжуйская и продекламировала двадцать одинъ стихъ латинскій.»

Конечно представленія эти имѣли немного общаго съ нынѣшними операми нашими, но нельзя однакожъ отрицать, чтобы въ подобномъ смѣшеніи — смѣшеніи, болѣе или менѣе удачномъ, танцовъ, музыки, поэзіи, машинъ и декорацій, — не было вовсе идеи о томъ, что нынѣ называется музыкальнымъ представленіемъ. Издержки на обстановку этихъ представленій почти невѣроятны въ наше время. Напримѣръ: празднества, турниры, балеты и маскарады, данные Генрихомъ III въ 1581 по случаю бракосочетанія невѣстки его, Маргариты Лотарингской съ съ герцогомъ Жуайёзомъ, стоили милліонъ двѣсти тысячъ экю т. е. до 3,000,000 рублей ассиг. Ронсаръ и Баифъ получили за стихи, написанные ими по этому случаю, по двѣ тысячи экю.

Роскошь въ это время была такъ велика, что *одинъ фасонъ* платьевъ короля и Королевы, платьевъ, украшенныхъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, стоилъ десять тысячъ экю. Глазетовыя и парчевыя платья придворныхъ, которыя они и онѣ перемѣняли по нѣскольку разъ въ вечеръ, были украшены драгоцѣнными камнями.»

На празднествахъ, данныхъ по случаю этой свадьбы, былъ представленъ балетъ съ превращеніями, соч. Балтазара де Божуайо *), названный авторомъ: *Торжество Юпитера и Минервы*. Ла Шенэ, духовникъ короля, сочинилъ для этого балета стихи, а Больё—музыку; декораціи написалъ королевскій живописецъ Жакъ Патенъ. Королева, супруга Генриха III, принцесса лотарингская, герцогини Меркёръ, Гизъ, Омальская, Неверская, Жуайёзъ и многія придворныя дамы занимали въ немъ роли

*) Божуайо, принадлежавшій къ числу лучшихъ тогдашнихъ скрипачей въ Европѣ, былъ Италіянецъ; онъ находился камердинеромъ при Екатеринѣ Медичи, а по смерти ея, при Генрихѣ III.

наядъ. Балетъ этотъ, обставленный съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, продолжался съ десяти часовъ по полудни до трехъ часовъ пополуночи. Онъ былъ представленъ въ залѣ Petit Bourbon. *).

Къ числу балетовъ того времени, имѣвшихъ наиболѣе успѣха, должно отнести балетъ, данный въ Турннѣ, при дворѣ герцога Савойскаго, въ послѣдній день карнавала 1653 году. Балетъ этотъ назывался *Gris de lin* — (*льняной цвѣтъ*) любимый цвѣтъ герцогини Савойской. Графъ д'Агліе сдѣлалъ умную и льстивую шутку изъ пристрастія герцогини къ этому цвѣту. Вотъ содержаніе балета Gris de lin, весьма пышно обставленнаго: Амуръ, наскучивъ своею повязкою, хочетъ наслаждаться красотами природы, и призывалъ къ себѣ *свѣтъ*, умоляетъ его разлиться по небу, по водѣ и по землѣ, и тѣмъ выказать ихъ въ цвѣтахъ самыхъ прелестныхъ и яркихъ. Юнона, чтобъ понравиться Амуру, приказываетъ Ирисѣ представить ему поясъ свой во всемъ его блескѣ Изъ всѣхъ роскошныхъ цвѣтовъ этого пояса, Амуръ выбираетъ gris de lin и объявляетъ его эмблемою любви постоянной и вѣчной, gris de lin-amour sansin. Съ этого мгновенія цвѣты, птицы и драгоцѣнные камни приняли на себя оттѣнокъ избраннаго цвѣта, словомъ gris de lin сталъ украшеніемъ всѣхъ аксесуарныхъ принадлежностей балета.

Сочиненія подобнаго рода, столь хорошо выражавшія идеи и вкусъ того времени, отличались особенно изобрѣтательностію изложенія. Въ 1634 году по случаю рожденія принца Маврикія, бывшаго въ-послѣдствіи кардиналомъ въ Савои, дали балетъ чрезвычайно замысловатый. Балетъ этотъ, принадлежавшій къ числу такъ называемыхъ *нравственныхъ балетовъ*, имѣлъ слѣдующее названіе: *Истина, враждующая съ Наружностію и вспомоществуемая Временемъ*, (verita nemica dell'Apparenza é sollerata dal tempo). Онъ начинался хоромъ *ложныхъ слуховъ* и *подозрѣній*, представляемыхъ людьми, наряженными пѣтухами и курами. Въ этомъ хорѣ слышно было *кудахтанье* курицы и пѣніе пѣтуха. Послѣ того являлась на облакѣ *Наружность*, имѣвшая платье покрытое зеркалами и сверхъ того павлиньи крылья и хвостъ: изъ лицъ этой павы выглядывались обманы, плутни, ложь разнаго рода, лесть, интриги, шутки и выдумки. *Обманы* имѣли одежду темнаго цвѣта и были окружены змѣями, скрытыми полъ цвѣтами. *Плутни* были олицетворены въ видѣ охотниковъ и увѣшаны сѣтями. *Лесть* разныхъ родовъ была представлена въ видѣ обезьянъ, *интриги* — въ видѣ *раколововъ*; *забавная ложь* въ видѣ здоровяковъ-нищихъ, корчившихъ увѣчныхъ. Наконецъ являлось *Время* и изгоняло Наружность, а изъ гнѣзда ея выходила Истина. Представленіе оканчивалось общимъ балетомъ.

Ш—въ

*) Зала эта есть первая, выстроенная во Франціи для представленій подобнаго рода; она предназначалась для увеселеній двора и была устроена въ обширной галлереѣ—отеляКоннетабля Бурбона.—единственной части этого зданія, оставшейся неприкосновенною послѣ того, какъ оно за измѣну Коннетабля было срыто по приказанію парламента. Въ этой-то залѣ были даваемы, начиная съ 1530 по 1600 годъ, всѣ придворные спектакли и самые знаменитые маскарады временъ Франциска 1, Генриха и другихъ Королей до Людовика XV.

УВЕРТЮРА ОПЕРЫ ДОНЪ ЖУАНЪ.

Опера Донъ Жуанъ написана Моцартомъ въ Прагѣ (1787) для Итальянской труппы Гвардазони. — Уже приближалось 3-е ноября, день въ который назначено было первое представленіе оперы, а Моцартъ еще не думалъ сочинять къ ней увертюры. — Импрезаріо Гвардазони былъ въ отчаяніи, и умолялъ великаго композитора приняться за дѣло. Друзья также его упрашивали; — но Моцартъ смѣялся и сказалъ имъ въ утѣшеніе: «погодите, господа, напишу увертюру сего дня послѣ обѣда». — Но въ назначенное время Моцарту вздумалось гулять, и онъ поѣхалъ съ своею женою загородъ. Импрезаріо съ ума сходилъ отъ такого нерадѣнія композитора. Онъ послалъ искать его, но Моцартъ какъ въ воду канулъ, ни гдѣ его не нашли. Капельмейстеръ Штробахъ обѣщалъ Гвардазони, въ случаѣ крайней необходимости, сыграть

при первомъ представленіи Донъ Жуана увертюру оперы «*Идоменей*».

Была уже полночь, когда Моцартъ возвратился домой, гдѣ друзья и Гвардазони начали осыпать его упреками за неисполненіе обѣщанія. Моцартъ, выскочивъ изъ экипажа, сказалъ: «не мѣшайте мнѣ, теперь уже не въ шутку я примусь за работу. Онъ вошелъ въ кабинетъ, заперъ за собой двери, и сѣлъ за письменный столъ; но чрезъ нѣсколько минутъ опять вышелъ оттуда и съ улыбкою сказалъ женѣ: нѣтъ, мой другъ работа не клеится — я лучше лягу въ постель, усну съ-часокъ, а ты между тѣмъ приготовь мнѣ стаканъ пуншу». — Композиторъ, не раздѣваясь кинулся на постель, а вѣрная его Констанція, между тѣмъ, занялась приготовленіемъ пунша, и чрезъ часъ хотѣла разбудить своего супруга, но онъ такъ крѣпко заснулъ, что она пожалѣла его тревожить. — Спустя еще часъ, она рѣшилась разбудить мужа, ибо время быстро летѣло, а у Моцарта работа еще не начиналась. Композиторъ проснулся, протеръ глаза и сѣлъ писать. Констанція подала ему стаканъ пуншу, начала ласкать мужа, и что бы развеселить его, разсказала ему нѣсколько остроумныхъ анекдотовъ, и страшную исторію о *синей бородѣ* и *прекрасной Мегелонѣ*. Моцартъ писалъ между тѣмъ ноты, и хохоталъ до слезъ. Въ три часа утра увертюра была готова. — Композиторъ всталъ со стула и, потягиваясь, ворчалъ про себя: уфъ, на силу кончилъ! но въ другой разъ не буду такъ корпѣть надъ работою, нѣтъ, слуга покорный! Моцартъ легъ опять на постель и заснулъ. Въ шесть часовъ утра писарь пришелъ за нотами, и только къ семи часамъ вечера успѣлъ переписать ихъ, для всѣхъ инструментовъ. Представленіе оперы началось не ранѣе 9-го часа. Едва переписанные листы розданы были въ оркестрѣ, какъ разсказъ о чудномъ сочиненіи этой увертюры въ теченіе двухъ часовъ, электрическою струею пробѣжалъ по всѣмъ рядамъ зрителей. Моцартъ явился въ оркестръ, чтобы имъ дирижировать, и дружный залпъ рукоплесканій раздался по залѣ. — Онъ почтительно поклонился публикѣ, и потомъ, обратясь къ музыкантамъ сказалъ: «Господа! мы не дѣлали пробы увертюры, но я знаю, что съ вами можно рискнуть въ этомъ случаѣ. Вы меня не уроните.» —Онъ махнулъ своимъ музыкальнымъ жезломъ — и величественное andante началось громовымъ аккордомъ, которое съ послѣдующимъ alegro было исполнено превосходно.

По окончаніи увертюры, восторгъ, говоръ и громкіе аплодиссементы какъ бурный вѣтръ ходили по залѣ. — «Ноты двѣ, три, свалились у меня подъ пупитръ, — сказалъ Моцартъ съ улыбкою Штробаху, но все прочее сошло съ рукъ какъ нельзя лучше. Поблагодарите отъ меня всѣхъ исполнителей увертюры.» Что же касается до восторга и удивленія зрителей, которое возрастало съ каждою сценою въ Донъ Жуанѣ, о томъ было писано уже тысячу разъ. Вся Европа давно оцѣнила по достоинству это безсмертное твореніе.

—

УЖИНЪ У ТАНЦОВЩИЦЫ.

Вотъ происшествіе, случившееся съ одною извѣстною парижскою танцовщицею.

Богатый банкиръ К.... слыветъ уже два года самымъ усерднымъ покровителемъ одной театральной принцессы, которую мы назовемъ просто буквою Z. Сердце танцовщицы, не смотря на богатаго ея покровителя, завоевалъ одинъ пригожій офицеръ, который въ большой милости у нѣсколькихъ дамъ, живущихъ въ улицѣ Chaussé d'Antin. — На дняхъ ловкій офицеръ прокрался въ будуаръ своей богини, гдѣ, въ отсутствіи банкира, нашелъ круглый уютный столикъ и два прибора, передъ пылающимъ каминомъ. Танцовщица и ея обожатель сѣли ужинать. Хохотъ, каламбуры и закулисные анекдоты запиваемы были искрометнымъ клико. Вдругъ горничная стрекнула въ будуаръ, и сказала въ испугѣ: «г. банкиръ идетъ сюда за мною!» — Чортъ бы его побралъ! —воскликнулъ офицеръ и спрятался за занавѣсу въ туалетной комнатѣ. — Банкиръ шумно

вошелъ, и бухнулся въ мягкія бархатныя кресла.

— Вы совсемъ не кстати пожаловали, — сказала Z., у меня страшный мигрень, извольте убираться домой. — «Что за капризы? кто васъ такъ разстроилъ? возразилъ банкиръ, удивленный пріемомъ.

— «Моя швея; я должна ей двадцать пять лундоровъ; надобно непремѣнно заплатить; дайте мнѣ денегъ, и отправляйтесь съ Богомъ куда вамъ надобно». — И вы думаете... Z?..—Да, я думаю теперь только о деньгахъ и о моемъ мигренѣ. — «Нѣтъ, моя милая, вы просто меня разоряете», — сказалъ банкиръ, надувши губы. — Какая низость, да вы настоящій старый скряга». Банкиръ, схвативъ съ досадой шляпу, хотѣлъ уже уйти, но видно совѣсть его зазрѣла, — онъ положилъ неприметно на карнизъ камина банковую ассигнацію, и потомъ удалился. Офицеръ, наблюдавшій изъ за занавѣсы за всѣми движеніями банкира, выскочилъ изъ своей засады, взялъ съ камина ассигнацію, и спрятавъ ее въ карманъ, сѣлъ за столъ оканчивать свой ужинъ. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, проклиная между тѣмъ неотвязнаго посѣтителя, пришедшаго очень не въ-пору.—Чортъ возьми, вотъ какой крохоборъ! воскликнулъ офицеръ, допивая покалъ шампанскаго, налитой банкиромъ. Богачъ, которому трудно разстаться съ бездѣлицею—25 лундорами. Да я бѣднякъ, а постыдился бы отказать въ этой бездѣлицѣ кому бы то ни было. Вотъ тебѣ, мой ангелъ, банковая ассигнація въ 25 лундоровъ, сдѣлай одолженіе не откажись принять эти деньги. Хотя онѣ составляютъ мое третное жалованье; но для тебя нѣтъ у меня ничего завѣтнаго. Танцовщица разсыпалась въ комплиментахъ и ласкахъ передъ ловкимъ офицеромъ, и на другой день приказала не впускать къ себѣ скупаго своего покровителя. Въ слѣдствіе этой мистификаціи послѣдовалъ разрывъ дружбы между танцовщицею Z и банкиромъ К.

—

АКТРИСЫ МАРСЪ И ДЕ БРИ.

Марсъ оставила навсегда сцену. Француаы лишились съ нею вмѣстѣ многихъ созданныхъ ею ролей. Нѣтъ надежды, говорятъ они, чтобъ кто-либо и когда нибудь могъ замѣнить *незамѣнимую*. Франціи давно назвала Марсъ *inimitable*, неподражаемою. Спросимъ всѣхъ ея завистниковъ (кто изъ талантливыхъ людей не имѣетъ ихъ), спросимъ этихъ господъ: не ужели артистка, которой голосъ, дикція, физіономія, манеры исполнены высокой прелести, не ужели, для успѣха на сценѣ, необходимо быть *вѣчно-юною*?—Когда Марсъ играла, въ послѣднее время, *молодыхъ*, не было ни какой иллюзіи.—Мм. Гг. да извѣстно ли вамъ, что *иллюзія* есть изнанка истины, а въ Марсъ все было истинно. Искусство ея замѣняло природу.

На театральныхъ доскахъ не та молода, которой отъ роду восемнадцать лѣтъ, но та, которая, существуя болѣе полвѣка, одарена пріятнымъ, чистымъ голосомъ, стройнымъ станомъ, а главное—душею, принимающею всѣ впечатлѣнія ролей, исполняемыхъ ею; (душею, или артисткою? предоставляется вамъ на выборъ) это дары природы. Но если артистка дары сіи украситъ наукою, искусствомъ, смѣло предсказываемъ ей вѣковую юность на театрѣ. Предсказаніе это основываемъ на лѣтахъ г-жи Марсъ и г-жи де Бри. — Кто эта г-жа де Бри? извольте, мы познакомимъ васъ съ нею.

Госпожа *де Бри* была актрисою въ Мольеровой труппѣ. Она играла въ совершенствѣ, между многими ролями, и роль Агнессы, въ комедіи *Школа Женщинъ*, L'Ecole des Femmes (*). Де Бри было уже шестьдесятъ лѣтъ, а она являлась шестьнадцати-лѣтнею Агнессою. Въ послѣдствіи уговорили ее передать эту роль молоденькой и смазливенькой *Дю Круаси*. Въ то время не печатали въ аффишахъ именъ актеровъ, играющихъ въ возвѣщаемыхъ піесахъ. Когда *Дю Круаси* явилась на сцену Агнессою, вся публика настоятельно потребовала, чтобъ эту роль играла, по прежнему, *де Бри*. Ее не было тогда въ театрѣ. Послали за нею. Публика съ нетерпѣніемъ ждала ее. Она явилась Агнессою, и востор-

(*) Піеса эта прекрасно переведена на русскій языкъ П. И. Хмельницкимъ. *Редак.*

гу и шуму не было конца. Съ тѣхъ поръ ни кто кромѣ *де Бри* не занималъ этой роли, которую она играла даже на шестьдесятъ пятомъ году своего *возраста*.

Де Бри играла сначала на ліонскомъ театрѣ. Тамъ узналъ ее Мольеръ. Тамъ основалась ихъ дружба. Дружба эта продолжалась до самой женитьбы Мольера на Г-жѣ Бежаръ.

По словамъ *Исторіи Французскаго Театра*, *де Бри* была отличная актриса, красавица, статна и высокаго роста, и имѣла завидный для многихъ даръ *молодиться*, т. е. скрывать на сценѣ половину своихъ лѣтъ.

Де Бри оставила театръ въ апрѣлѣ 1685. Ей производили въ пенсіонъ по *тысячѣ* франковъ въ годъ. Въ отставкѣ прожила она двадцать лѣтъ, скучая о томъ, что силы лишаютъ ее возможности являться на сцену. Привычка вторая природа! *Де Бри* умерла въ 1706 г. восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду.

М. Жклнъ.

Примѣч. Редак. Репертуара. Ипполита Марсъ родилась въ 1778 году. Ея мать была трагическою актрисою. Переѣзжая, однажды, изъ Парижа въ какой-то провинціяльный французской городокъ, она, дорогою, познакомилась съ г. Монвалемъ. Плодомъ этого встрѣчнаго знакомства была Ипполита. Марсъ еще во младенчествѣ своемъ являлась на сценѣ: она играла роли дѣтей! Съ 1800 года слава ея росла не по годамъ, не по днямъ, а по часамъ.

СМѢСЬ.

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Театръ этотъ началъ свой новый годъ обычными *вечерними забавами* (*Abend-Unterhaltungen*). Прежде онѣ состояли изъ нѣсколькихъ піесокъ вокальныхъ и инструментальныхъ, и стихотвореній трагическихъ, сатирическихъ, *сантиментальныхъ* и комическихъ. Пьески исполняли пѣвцы, пѣвицы и музыканты, а стихотворенія декламировали (въ полномъ смыслѣ этого слова) артисты нѣмецкой труппы. Цѣльныя драмы, комедіи, водевили, оперы стали въ послѣдствіи вторгаться понемногу въ эти *забавы*, которыя нынѣ обратились въ *форменные* спектакли.

Забава первая (31 *марта*.)

Бенефисъ Г. Гемузеуса.

Der Gemahl an der Wand, Schwank in 1 Akt. (*Мужъ на стѣнѣ; шутка въ одномъ дѣйствіи.*)

Шутка эта играется, и съ большимъ успѣхомъ, въ Берлинѣ, Ганноверѣ, Гамбургѣ, Кассель, Лейпцигѣ и въ другихъ городахъ Германіи. Плодовитый нѣмецкій переводчикъ и передѣлыватель французскихъ водевилей г. Космаръ *шуткой* этою подшутилъ надъ публикою. *Мужъ на стѣнѣ*, есть переводъ (въ которомъ выброшены острые куплеты подлинника) французскаго водевиля, извѣстнаго и на вашей Русской сценѣ, подъ названіемъ *Портретъ мужа*.

Элиза Гайнау, не терпя почему-то замужства, дѣвствовала. Но какъ осмнадцатилѣтней, пригожей дѣвушкѣ трудно, и едва ли возможно избѣжать докукъ обожателей, то она, зная, что соломенными чучелами защищаютъ ягоды отъ воробьевъ, рѣшилась защитить себя отъ волокитъ писаннымъ мужемъ. На аукціонѣ, гдѣ продавали мебель какого-то промотавшагося щеголя, она купила мужской портретъ и повѣсила его въ своей гостиной, выдавая его за портретъ своего мужа, уѣхавшаго *яко-бы* по дѣламъ въ Америку. Этою хитростью отдѣлывалась она отъ вздыхателей и эта же хитрость довела ее до замужства. Дѣло было вотъ какъ: одинъ юноша, Фрицъ

Вилльбергъ, схваченъ былъ *спокойствія рачителемъ, полиціи служителемъ, для отвода* его въ тюрьму, за долги. Фрицу удалось вырваться изъ рукъ полицейскаго. Онъ пустился бѣжать, мимо одного дома, къ окну котораго приставлена была лѣстница штукатура. Фрицъ по ней впрыгнулъ въ окно, и въ незнакомой ему комнатѣ увидѣлъ свой портретъ, съ помощію котораго онъ познакомился съ его хозяйкою, Элизою. Разъ, два, три! Они влюбились другъ въ друга. Разъ, два, три! Они женились. А какъ у Элизы водились порядочныя денежки, то нѣтъ сомнѣнія, что Фрицъ *ими* заплатилъ свои долги.

Der Neue Gutsherr, komische Operette in einem Akt, (*Новый помѣщикъ, опера въ одномъ дѣйствіи.*)

Это переводъ прекрасной опереты Боельдьё: *Le nouveau Seigneur de Village*. Она существуетъ около сорока лѣтъ, и до нынѣ является иногда на парижскихъ театрахъ, и до нынѣ не наскучила Французамъ. Что убѣдительнѣе этого можетъ свидѣтельствовать въ ея пользу. Благодаримъ г. бенефиціянта за возобновленіе ея на нѣмецкой сценѣ. Вся пьеса основана на ролѣ слуги, Фронтена. Г. Голландъ съ полнымъ успѣхомъ сыгралъ эту роль.

Сюжетъ пьесы немногосложенъ. Одинъ помѣщикъ ѣдетъ въ купленную имъ деревню. Дорогою заѣзжаетъ онъ въ помѣстье своего знакомаго, а слугу Фронтеня посылаетъ впередъ. Въ деревнѣ Фронтеня принимаютъ за новаго помѣщика, привѣтствуютъ его рѣчью, въ которой уподобляютъ его Македонскому герою, кланяются ему, угощаютъ его. Пріѣздъ настоящаго помѣщика изобличаетъ подложнаго.

Музыка опереты: *Новый помѣщикъ* доселѣ не теряетъ своей свѣжести, своей пріятности. Прекрасно въ ней рондо, оканчивающееся дуэтомъ Бабеты и Фронтеня. Сцена, въ которой Фронтень, пробуя бургонское вино, выпиваетъ его цѣлуя бутылку, прелестна въ музыкальномъ отношеніи.

Komm her! (Dramatische Aufgabe in einem Akt.) *Сюда! драматическая задача, въ стихахъ, соч. Эльсгольца.*

Къ одному изъ содержателей театровъ, приходитъ молодая женщина съ просьбою опредѣлить ее въ актрисы. Для испытанія сценическихъ ея способностей, антрепренеръ задаетъ ей слово: *Komm her!* (*Сюда!*) примѣняя его къ разнымъ случаямъ, лицамъ и предметамъ. Вотъ нѣсколько *варіацій* этого слова: королева призываетъ къ себѣ фрейлину. Королева встрѣчаетъ полководца своего, возвращающагося съ побѣдными лаврами. Мать зоветъ къ себѣ сначала избалованную, упрямую свою дочь, потомъ скромную, послушную падчерицу. Дѣвица, замѣтивъ вдали своего любезнаго, даетъ ему знакъ, чтобъ онъ подошелъ къ ней, и въ полголоса говоритъ ему: *сюда!*

Это испытаніе выдержала съ совершеннымъ успѣхомъ талантливая артистка *г-жа Ферзингъ*.

Въ заключеніе первой *вечерней забавы* слышали мы, и съ большимъ удовольствіемъ, нѣсколько нумеровъ изъ Мейрберовой оперы: *Гугеноты*. Ихъ исполнили Г-жи Матисъ, Нейрейтеръ и Гг. Ферзингъ, Лангенгаунъ, Гюнеръ и хористки и хористы нѣмецкой оперы.

—

ЗАБАВА ВТОРАЯ (1 *Апрѣля*).

Бенефисъ г. Дамье.

Die Loge im 1 Rang, zum letzen Debüt der D-lle. Taglioni, Anekdote in 2 Abtheilungen.

Ложа перваго яруса на послѣдній дебютъ г-жи Тальони. Милости просимъ, старая знакомая! Давно не имѣли удовольствія васъ видѣть. Ба, да вы изволили *отличиться*. Куда дѣвалась ваша веселость, ваша острота, вашъ слезный дуэтецъ, который г. Нюнингъ пѣвалъ съ сосвоею любезною и которымъ морилъ всѣхъ смѣху. Куда дѣвался купецъ Суровской, этотъ забавный вашъ спутникъ, эта краса Шукина двора. Кто довелъ васъ до такого жалкаго положенія? Гдѣ этотъ злой человѣкъ? Укажите мнѣ его, и онъ умретъ

на остріе стальнаго моего пера. Но вы прощаете злодѣя, и даете честное слово не являться болѣе на нѣмецкій театръ. Прекрасно! прекрасно! Ваше великодушіе тронуло меня до глубины души.

Fassbinder, (Бочаръ) Singspiel in einem Akt.

Бочаръ, старикъ, влюбленъ въ свою питомицу, которая влюблена въ молодаго бочарнаго подмастерья. Любовники, какъ изъ-стари ведется, одурачивъ сѣдаго обожателя, вступаютъ въ бракъ. Пьеса имѣла успѣхъ. Въ ней играли г-жа Лангенгаунъ и гг. Моръ, Голландъ и Шварцъ.

Der Kuss nach Sicht, Lustspiel in einem Akt.

Эта комедія есть переводъ французскаго весьма забавнаго водевиля, извѣстнаго на русской сценѣ подъ названіемъ: *Поцѣлуй по векселю*. Его часто давали, и теперь еще иногда даютъ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Разсказывать содержаніе его считаемъ излишнимъ.

Передъ этой пьэсой, молодая мало-опытная пѣвица г-жа Дамье пропѣла большую арію Агаты изъ втораго дѣйствія оперы: *Фрейшицъ*. Пѣвица не безъ таланта. Для усовершенствованія его, она, какъ мы слышали, ѣдетъ въ Италію. Желаемъ ей успѣха.

Der zufriedene Schuster (Сапожникъ весельчакъ) Liederspiel in 1 Akt.

Опера эта передѣлана изъ стародавней французской пьесы, бывшимъ знаменитымъ въ свое время комикомъ Петербургскаго нѣмецкаго театра г. Линденштейномъ.

Вотъ содержаніе ея... — Нѣтъ, лучше поклонимся нашему Лафонтену, доброму Ивану Андрѣевичу Крылову, да разскажетъ онъ это содержаніе. И рецензентъ и читатели репертуара будутъ отъ этого въ выигрышѣ: рецензентъ избавится отъ труда, а читатели вмѣсто вялаго, холоднаго разсказа, услышатъ разсказъ живой, радующій сердце и душу, словомъ, разсказъ *Крыловскій*.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
Но всякій день давалъ пиры, банкеты,
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего не пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго-ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ разориться:
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда,
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣдякъ
Сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зори и до обѣда,
Съ обѣда до ночи, безъ умолку поетъ.
И богачу заснуть ни какъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ,
Пришелъ сосѣдъ.
«Пріятель дорогой, здорово!»
—«Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово!
—«Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Клихъ, идутъ?»
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
—«Дѣлишки, баринъ? Да, не худо!»
—«Такъ отъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты стало, счастливо живешь?»
—«На Бога грѣхъ роптать, и что жъ за чудо?
Работою завалень и всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй.»
—«И деньги есть!»—«Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ:
За то нѣтъ лишнихъ и затѣй.»
—И такъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?
— Я этого не говорю;
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю:
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.»
—«Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства,
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Возьми же: вотъ рублевиковъ мѣшокъ;
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги
И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пять сотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ,
Прощай! Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой,
Не бѣгомъ, лѣтомъ,
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же ночи въ подземелье
Зарылъ мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!)
Все подозрительно и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику,
И говоритъ: Спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ — возьми его назадъ,
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ,
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Ненадобенъ ни милліонъ. *)

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

La nouvelle Fanchon (Новая Фаншона) драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ соч. Гг. *дЭннери и Лемуана.*

Прежде чѣмъ познакомимъ васъ *съ новою* Фаншоною, необходимо сказать нѣсколько словъ *о старой*, т. е. о *Фаншонѣ, играющей на рыллхъ. (Fanchon la Vielleuse).* Это прекрасный трехъ-актный водевиль, сочиненный г. *Буллыи.* Лѣтъ 20 тому назадъ, его игрывали здѣсь, въ С. П. бургѣ, французская и нѣмецкая труппы. У Нѣмцевъ пьеса эта переведена или, вѣрнѣе выразиться, передѣлана, кажется, г. Коцебу, и называется: *Das Leyermädchen.*

Фаншона Савоярка-красавица, обворожала Парижанъ. Одинъ изъ нихъ влюбился въ нее по уши, тратилъ на нее не смѣтныя деньги, которыя она, тайно, употребляла на благодѣянія. Въ награду за ея добродѣтели, обожатель ея женился на ней. Это *старая* Фаншона, а вотъ *новая:*

Французскій вельможа XVIII вѣка, Буафлери, отыскалъ въ семействѣ бѣдняковъ Савояровъ, Марію, дѣвушку красоты неописываемой, добродѣтели небывалой, скромности неслыханной, осторожности невиданной. Хитрый волокита предложилъ ей мѣсто садовницы въ его замкѣ. Родители Маріи въ восторгѣ отъ такого счастія, но умный ихъ пасторъ вразумляетъ ихъ, что предлагаемая Маріи должность, есть ни что иное, какъ западня для ея нравственности. Они перемѣняютъ свое намѣреніе и посылаютъ ее въ Парижъ добывать себѣ хлѣбъ савоярскими пѣснями. И прекрасно, и глубокомысленно! Спасая дочку отъ одного, и то дряхлаго, волокиты, толкаютъ ее въ гнѣздо разврата.

*) См. Басни Ивана Крылова. Въ восьми книгахъ, сороковая тысяча, С. П. бургъ 1839. Стр. 83.

Наша красавица-Савоярка поетъ на чудо: голосъ ея раздается въ залахъ высшаго Парижскаго общества. Много молодежи, много *старыхъ*, увивается около Маріи; но она тверда какъ скала, о которую разбиваются волны бурнаго моря. Впрочемъ, въ подкровельной каморкѣ своей, она принимаетъ, и не рѣдко, одного молодаго Савояра; но онъ земляк ея, онъ такой добрый, учитъ ее грамотѣ, и даромъ. Однажды часу въ одиннадцатомъ вечера Савояръ этотъ вбѣгаетъ въ каморку Маріи, просить убѣжища отъ преслѣдующихъ его враговъ. Добрая Савоярка, вѣря, въ простотѣ своего сердца, всѣмъ разсказамъ земляка, согласилась было на всѣ его просьбы, вдругъ раздаются подъ окномъ ея звуки родной ей Савоярской пѣсни. Звуки эти напомнили Маріи бѣдныхъ, но честныхъ ея родителей. Звуки эти спасли Марію.

Въ залѣ Маркизы де Сиври, гдѣ Марія восхищала общество своими пѣснями, она увидѣла стараго своего обожателя г. Буафлери и молодаго земляка учителя, который *оказался* не Савояромъ, а сыномъ Маркизы и женихомъ какой-то графини... Марія падаетъ въ обморокъ. Сѣдой развратникъ приказываетъ отнести ее къ себѣ въ домъ; а Маркизъ, перехвативъ у него добычу, помѣщаетъ ее въ богатую обширную квартиру, вѣроятно для того, чтобъ удобнѣе и пріятнѣе было доучивать Марію грамотѣ. Ученица оказала успѣхи невѣроятные не только въ чтеніи и письмѣ; но и въ свѣтскомъ обращеніи. Родители Маріи, не получая о ней ни какого извѣстія, начинали грустить. Виноваты, забыли вамъ сказать, что Маркизъ строго запретилъ ей писать къ кому бы то ни было, на родину. Отецъ Маріи мірскимъ подаяніемъ добрался до Парижа, чтобъ только полюбоваться ею. Несчастный, питаясь въ столицѣ милостынею, случайно зашелъ въ квартиру Маріи. Увидавъ ее въ роскоши, бѣдный старикъ подумалъ что богатство дочери есть плодъ ея безчестія. Бѣднякъ залился слезами, проклялъ дочь свою и, какъ пришелъ съ родины, такъ и ушелъ туда.

Марія, обремененная родительскими проклятіями, впадаетъ въ отчаяніе. Къ довершенію всего, пріемышъ отца ея, Пьерро, разсказываетъ ей, что обожатель ея, Маркизъ де Сиври, обманщикъ, что онъ ищетъ только обольстить ее, что онъ сію минуту вѣнчается съ своею графинею. Тутъ Марія лишается разсудка. Это *верхъ верховъ* въ драматургіи нашего времени. Пьерро, чтобъ успокоить Марію, чтобъ сколько нибудь навести ее на разсудокъ, начинаетъ играть на рылѣхъ пѣсню, ту самую, которая спасла Марію отъ безчестія. Опытъ удался. При звукахъ этой пѣсни, отчаяніе несчастной уменьшается, она дѣлается послушною. Звуками этими Пьерро приводитъ Марію на родину, гдѣ родители ея, *основываясь на показаніяхъ* его, подкрѣпляемыхъ, однакожь, божбою, что дочь ихъ невинна, прощаютъ ее. Маркизъ, узнавъ о побѣгѣ Маріи, прискакалъ вслѣдъ за нею, вѣроятно, убѣжавъ изъ подъ вѣнца, и вступилъ съ нею въ *первый законный бракъ*.

Драма эта не безъ достоинствъ. Кто изъ читателей нашихъ не видалъ ее, совѣтуемъ посмотрѣть, запасясь предварительно слезами и двоякими: слезами грусти и смѣха. Есть надъ чѣмъ поплакать и есть чему похохотать до слезъ. Пьеса выполнена была съ успѣхомъ, который только и можно ожидать отъ талантовъ *г-жъ Аллань и Луизы Майеръ*, и гг. Верне, Поль Мине, Брессана, Ерикъ-Бернара; да и г. Додель (отецъ Маріи), выполнилъ роль свою отчетливо.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

La Fille du Tapissier (Дочь обойщика) Драма ли это? комедія-ли? или водевиль? трудно рѣшить. Въ этой пьесѣ вы найдете и ту и другую и третьяго. Это родъ сценическаго венегрета.

Былъ обойщикъ, а у него была прéмиленькая дочка и препростакъ подмастерье. Дочка, пользуясь прекраснымъ вечеромъ— зимнимъ, весеннимъ, лѣтнимъ или осеннимъ, право не знаемъ, ушла изъ дому, и воротилась уже утромъ, на другой день. Странная игра случая! Въ тотъ же вечеръ и подмастерье сдѣлалъ то же самое, то есть, ушелъ изъ дому вечеромъ и воротился утромъ, на другой день. Обойщикъ, узнавъ объ этомъ, взбѣсился какъ и слѣдуетъ доброму отцу и хозяину, нашумѣлъ, накричалъ и выгналъ отъ себя подмастерья. Но потомъ узнавъ, что дочка и подмастерье пропадали не по своей охотѣ, женилъ ихъ.

Не играй въ этой пьесѣ лучшіе артисты, не устоять бы ей. Авторы ея Гг. *Кормонъ и Сенъ-Аманъ*.

Un Monsieur et une Dame, водевиль.

Какой-то мусье спѣшилъ на свадьбу своего племянника, отчаяннаго *льва*, съ козлиною бородкою. Мусье уѣхалъ въ дилижансѣ, сидя рядомъ съ незнакомою ему какою-то мадамою. Она молчала и онъ не молвилъ слова во всю дорогу; а казалось лѣтняя ночь, а болѣе всего таинственной вуаль сосѣдки могли бы подстрекнуть воображеніе всякаго мусье.

Вотъ пріѣхали они на ночлегъ, въ трактиръ, гдѣ всего на все оставалась не занятою одна каморка. Трактирщица, женщина съ расчетцемъ, отдала эту каморку въ наемъ, на одно и то же время, и мусью и мадамъ. Чрезъ нѣсколько времени и послѣ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ разсужденій мусье и мадамъ сочетались бракомъ, на зло *льву*, съ козлиною бородкою.

Пьеса эта въ ближайшемъ родствѣ съ волевилемъ *Passé minuit*, переименованнымъ у насъ *Суматохою въ щербаковомъ переулкѣ*. Сюжетъ ея заимствованъ изъ извѣстнаго (и Русскимъ читателямъ) *чувствительнаго путешествія Стерна*.

Le veau d'or (*Золотый телецъ*) *водевиль*.

Этотъ золотый телецъ не библейскій, нѣтъ, это золотый телецъ нашего времени. Онъ двуногій, щедушный, наружности отвратительной и живетъ подъ кровлею. Но это все не мѣшаетъ старымъ развратникамъ, молодымъ мотыгамъ и записнымъ картежникамъ покланяться ему, обожать его, и мудрено ли: онъ даетъ деньги въ займы, за самые умѣренные проценты, не болѣе шести на мѣсяцъ и, разумѣется, подъ вѣрные залоги. Симъ-то благороднымъ промысломъ, при помощи невѣроятнаго скряжничества, онъ скопилъ значительное богатство. Его зовутъ *Г. Леду*. Онъ когда-то былъ влюбленъ, и въ красавицу.— Можетъ ли скряга-процентщикъ любить кого нибудь?—Чего въ мірѣ не бываетъ. Красавицу отбилъ у него какой-то *вельможа*. Чѣмъ отмстилъ ему *Леду* за это? разозорилъ его дотла, давая ему въ займы. Разсчетъ былъ вѣренъ.

Молодый писецъ стряпчаго, *Едуардъ*, и премиленькая пѣвея *Жульэта*, жили въ одномъ домѣ съ *Леду*. *Едуардъ* переписывалъ для него бумаги, а *Жульета* чинила его бѣлье, даромъ. Въ награду за сіе, *Леду* вздумалъ устроить ихъ состояніе;

но такъ, чтобъ это ему ничего не стоило. Онъ нашелъ для Эдуарда занятія у посторонних людей. Занятія эти могли доставить Эдуарду до пяти тысячь франковъ въ годъ; мало этого, онъ пріискалъ ему выгодную невѣсту; но юноша-пиесцъ, влюбленный въ пиесу, не хотѣлъ измѣнить ей. Жульета хотя любила его не менѣе того, какъ теска ея любила Ромео, рѣшается, для пользы Эдуарда, ѣхать за синія моря. Леду одобряетъ это намѣреніе. Но какъ для такой поѣздки необходимъ паспортъ, а для паспорта необходимы имя и фамилія того, кому онъ выдается, то по фамиліи Жульеты Леду узнаетъ, что она дочь его, что она дочь той, которую онъ нѣкогда любилъ и которая промѣняла его на вельможу. Тутъ заговорило въ немъ родительское сердце: онъ разнѣжился; но чтобъ это сердце не ввело его въ убытокъ, онъ довелъ *онаго* вельможу до того, что *сей послѣдній* далъ Жюльетѣ богатое приданое, и она вышла замужъ за Эдуарда.

Водевиль *Le veau d'or* исполненъ остроумія, и не мудрено, онъ писанъ, какъ говорятъ, подъ вліяніемъ Скриба. Одно только въ этомъ водевилѣ непонятно: разоренный даетъ богатое приданое. Откуда онъ взялъ его?

Micrométgas, волшебное представленіе въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ.

Въ одной старинной сказкѣ описаны были подвиги *Микромегаса*, ширина котораго въ плечахъ была въ длину копья богатырскаго, между бровей котораго ложилась поперегъ калена стрѣла; выпить которому море-окіанъ было то же, что нашему брату *выкушать*, на званомъ вечерѣ, чашку теплой, мутной водицы, исправляющей должность чая. Не таковъ *Микромегасъ* водевильный: онъ бѣсенокъ хилый, кокетливый, но коварный, какъ настоящій бѣсъ. Цѣль же, ихъ обоихъ одинакова:

Мучить бѣдный родъ людскій!

Разнообразные случаи, на которыхъ основаны сцены, прекраснѣйшія декораціи, быстрое и вѣрное дѣйствіе машинъ, украшаютъ эту пьесу, а граціозный балетъ и нѣкоторые новые нумера музыки гг. *Аматон* и *Роньи* коронуютъ ее.

Le neveu du mercier. (Племянникъ мелочнаго торговца), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ.

Въ Утрехтѣ жилъ мелочный торговецъ, Порчелли. У него былъ племянникъ, Карлъ, шалунъ. Услышавъ однажды, въ полночь, подъ окномъ своей комнаты шумъ, Карлъ явился на улицѣ, гдѣ двое, трое мужчинъ хотѣли оскорбить какую-то женщину. Карлъ, какъ новый Баярдъ, защитникъ красоты и невинности, отбилъ эту женщину отъ мошенниковъ. Бургомистръ Утрехта, узнавъ о семъ происшествіи, явился въ домъ Порчелли, чтобъ взять Карла, и, за нарушеніе общественнаго спокойствія, посадить *дебошира* подъ стражу. Въ это время приходитъ въ лавку Порчелли молодая, недурная собою дама, которую Карлъ избавилъ отъ мошенниковъ. Является нѣкто Піоло, таинственный другъ нашего шалуна. Онъ говоритъ дамѣ: «вы должны быть сегодня въ маскерадѣ и вмѣстѣ съ Карломъ, который безъ-ума отъ васъ.» Вотъ содержаніе перваго акта.

Вторый актъ начинается маскерадомъ. Вы видите двухъ человѣкъ: одинъ изъ нихъ Піоло, а другой герцогъ Нортумберландскій. «Я знаю, говоритъ Піоло герцогу, зачѣмъ вы пришли сюда: вы ищите вашу супругу, которая убѣгаетъ васъ. Конечно, вы не забыли еще прежняго вашего слугу, Піоло; вы приказали убить его за преданность молодому Нортумберландскому герцогу, лишенному вами родоваго титла и имѣнія женитьбою вашею на его сестрѣ. Герцогиня Нортумберландская (за которую былъ на улицѣ, ночью, шумъ!!!) встрѣтила Карла. Виноватъ, забылъ сказать вамъ, что у Карла была пригоженькая кузина Елена. Герцогъ Нортумберландскій, принявъ ее за жену свою, срываетъ съ нее маску. Карлъ, увидѣвъ это, требуетъ удовлетворенія въ нанесенной кузинѣ его обидѣ.

Дѣйствіе третіе. Комната герцогини. Карлъ влѣзаетъ въ окно. Свиданіе любовниковъ. Кто-то стучится въ дверь: это герцогъ. Карлъ скрывается въ ближнюю

комнату. Герцогъ подходитъ къ столу и видитъ на немъ письмо жены своей къ Карлу. Герцогъ внѣ себя отъ бѣшенства. Карлъ является; вслѣдъ за нимъ входитъ Пріоло и объявляетъ всѣ преступленія герцога Портумберландскаго, похитившаго ребенка, чтобъ умертвить его, и этотъ ребенокъ — Карлъ, племянникъ торгаша и братъ герцогини.

Пьеса *Le neveu du mercier* имѣетъ въ Парижѣ большой, постоянной успѣхъ. Авторы ея гг. *Мальфилль и де Бовуаръ*.

Le Tyran d'une femme (*Тиранъ жены*) *водевиль*.

Профессоръ Дорнваль вздумалъ, вѣроятно, въ свободное отъ лекцій время, жениться,—и женился на молоденькой, премиленькой, но и прекокетливой дамѣ: а вы знаете, что ученость и кокетливость—вода и масло, несъединимы. Мужъ думаетъ о своемъ курсѣ, а жена о курахъ, которыя строитъ ей молодежь. Она капризничаетъ. Спазмы и мигрень у ней по-заказу. Не смотря на простодушіе и добродушіе мужа, она кричитъ, что нѣтъ возможности ужиться съ нимъ. Бѣдный мужъ провозглашенъ, по милости жены, а болѣе по добротѣ матери ея, а своей тещи, человѣкомъ вздорнымъ, ревнивымъ и тираномъ. Впослѣдствіи открывается, что причиною капризовъ г-жи Дорнваль былъ не мужъ, а другой тиранъ, другъ его, котораго она не жалуетъ за то, что онъ говоритъ правду въ глаза и смотритъ на женскія капризы, какъ на недостатокъ образованія.

Гг. Баяръ и Рено, пьесою этою заслужили общее одобреніе парижской публики.

Le mari de sa cuisinière (*Мужъ своей кухарки*) *водевиль*.

Г. Давриньи женился на своей кухаркѣ. Что побудило его къ такому *ужасному* поступку? Авторы водевиля, гг. Розье и Лотти, не заблагоразсудивъ объявить того, заставляютъ насъ теряться въ догадкахъ *на счетъ сего брака*. Конечно, причиною его были не *личныя* прелести и не *индивидуальныя* качества кухарки: талія ея неуклюжа, пріемы кухонные, ума у ней мало, денегъ не бывало... Нашли, нашли! она славная стряпуха; а г. Давриньи охотникъ поѣсть хорошо и дешево. Кухарка - жена, разумѣется, стряпаетъ даромъ. Оно и дѣльно и не ново. Былъ у насъ знакомый—вѣчная ему память!—человѣкъ какой нибудь, а пресолидный: ему до того надоѣло платить за стирку бѣлья, что, во избѣжаніе этого, онъ женился на прачкѣ.

Г. Давриньи хлопочетъ о мѣстѣ подпрефекта; а вы знаете, чтобы успѣть въ этомъ, необходимо имѣть знакомства, и порядочныя, приглашать ихъ къ себѣ, ходить къ нимъ. Вотъ тутъ-то жена г. Давриньи стала для него олицетвореннною неудачею. Всѣ начали, иные прямо, иные стороною, подтрунивать надъ бывшею кухаркою и будущею подпрефектшею, и, разумѣется, бѣдный Давриньи остался безъ мѣста.

André le menuisier (Столяръ Андрей) водевиль соч. гг. Массона и Валори.

Столяръ Андрей прогуливался съ малюткою сестрою своею по берегу канала. Сестра, по неосторожности, упала въ воду и утонула. Андрей, чтобъ не оскорбить этимъ несчастнымъ случаемъ своего слѣпаго отца, подмѣнилъ сестру постороннею дѣвочкою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ подмѣна, Андрей влюбился въ эту дѣвочку, которая стала прекрасною дѣвицею. Вотъ основа водевиля: *André le menuisier*. Въ немъ много есть сценъ занимательныхъ, хотя неправдоподобныхъ. Онъ заслуживалъ лучшей участи. Его освистали на театрѣ *Folies-Dramatiques*.

Le pendu (Повѣшеиный) опера въ одномъ дѣйствіи соч. гг. Кармушемъ и де Курси. Музыка соч. М. Клаписсономъ.

Въ незапамятныя времена, одинъ изъ солдатъ фландрской арміи, подвышивъ порядкомъ, хотѣлъ насильно поцѣловать молоденькую и премиленькую француженку-шинкарку. Шинкарка оттолкнула отъ себя нахала: онъ за это замахнулся на нее саблею, а его за это осудили на висѣлицу. Главнокомандующій арміею — велемудрый мужъ! предоставилъ Дрику (такъ звали осужденнаго) право нанять за себя другаго висѣльника. И чтожь? нашелся охотникъ — пригожій малый, Оливье. Несчастная любовь толкала его въ петлю. Только-что Оливье *покончилъ* съ Дрикомъ эту сдѣлку

за четыреста гульденовъ, является предъ нимъ мнимая измѣнница: это была знакомая уже вамъ красавица-шинкарка. Дѣло объясняется: она не переставала любить Оливье, котораго, за прежнюю его храбрость, производятъ въ унтеръ-офицеры, а Дрика увольняютъ отъ висѣлицы, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ онъ заплатилъ Оливье половину висѣльной суммы.

Читатели наши видятъ изъ этого краткаго, но вѣрнаго разсказа, всю вздорность и неправдоподобность содержанія оперы: *le pendu*. Въ роли шинкарки мало жизни и много монотоннаго. Музыка сей оперы не дурна. Въ ней встрѣчаются нумера достойные вниманія. Напримѣръ арія Дрика, романсъ Оливье, да и во всей партиціи Дрика фразы исполнены прекрасной мелодіи.

La belle Tourneuse, (красавица-уличная плясунья) анекдотическій водевиль въ 3 дѣйствіяхъ соч. Балра и Рошфора.

Г. Баляръ и Рошфоръ написали *la belle Tourneuse*, разсердясь на своихъкритиковъ. Они хотѣли доказать на этотъ разъ, что у нихъ есть еще и остроуміе, и веселость, и воображеніе, т. е. тѣ качества, въ которыхъ давно уже отказываютъ имъ явные фельетонисты. Жестокосердые критики! Вы, вы одни виноваты въ этомъ водевилѣ, вы должны отвѣчать передъ публикою за три *дѣйствія*, которыми пытали ея терпѣніе, въ продолженіе почти цѣлаго вечера, вы одни должны дать отвѣтъ гг. Баяру и Рошфору за тяжкій трудъ, совершенный ими! Да, работа была не легкая. Они въ опроверженіе нападеній вашихъ, очевидно усилились написать *нѣчто порядочное* и загромоздили свою пьесу множествомъ приключеній, неожиданностей и эффектовъ; они принимались за свой водевиль нѣсколько разъ, измѣняли его, сокращали, дополняли и опять сокращали! Много виноваты вы, гг. критики!

Дѣло здѣсь вотъ въ чемъ? Нѣкоторая г-жа Сарразина, (она-то и есть *la belle Tourneuse*), промышляющая пляскою на улицахъ; но добродѣтельная до нельзя, живетъ гдѣ-то на чердакѣ съ какимъ-то господиномъ Балтазаромъ, своимъ будущимъ женихомъ. Г. Балтазаръ одинъ изъ величайшихъ повѣсъ, но любитъ Сарразину самымъ благочестивымъ образомъ и, въ ожиданіи свадьбы, состоитъ при ней въ качествѣ покровителя. Казалось бы, обвѣнчаться имъ и конецъ исторіи, но

На счастье прочно
Всякъ надежду кинь!

Хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Сарразина, старый волокита и богачь, онъ-же по водевильному *уложенію* — глупецъ и уродъ, вздумалъ побиться съ пріятелями объ закладъ, что прекрасная уличная плясунья какъ бы сказать—что она... ну, хоть *подаритъ его пріязнію*. Чтобы вѣрнѣе выиграть пари, онъ предлагаетъ Сарразинѣ на выборъ или отдать свою мебель за неплатежъ квартирныхъ денегъ, или сберечь ее и принять его сердце. Плясунья, исполненная водевильнаго негодованія, отвергаетъ это предложеніе. Но богатый волокита еще не признаетъ себя побѣжденнымъ: онъ находитъ одну крайне сговорчивую виконтесу и поручаетъ ей вскружить голову г. Балтазару. Онъ надѣется, что Сарразина, убѣдившись въ невѣрности своего жениха, будетъ по снисходительнѣе, хоть изъ мщенія. Но и эта попытка не удается: Балтазаръ, заплативъ долгъ своей невѣсты на счетъ самаго хозяина дома, оставляетъ виконтесу, какъ говорится, съ носомъ. Всѣ эти приключенія составляютъ содержаніе одного только перваго дѣйствія.

Во второмъ актѣ, Сарразина и Балтазаръ пляшутъ на площади и притомъ поютъ пѣсни, оскорбительныя для г-жи Дюбарри (исторія эта, извольте видѣть учиняется во времена Людовика XV). Являются приставы и хотятъ арестовать Балтазара и Сарразину, но скоморохи наши укрываются, благодаря потворству толпы, и начинаютъ опять пѣть и плясать. Вслѣдъ за тѣмъ старый волокита снова высылаетъ свою виконтесу на господина Балтазара. Виконтеса притворяется, что ее преслѣдуетъ мужъ, проситъ молодаго плясуна спасти ее.. словомъ, *похищаетъ его*. Сарразина вскорѣ послѣ того возвращается

домой и, не видя Балтазара, падаетъ въ обморокъ.

Между тѣмъ, что же дѣлаетъ Балтазаръ. Онъ изволитъ сопровождать подложную, (я и забылъ вамъ сказать, что она подложная), виконтесу въ великолѣпный замокъ и считаетъ долгомъ влюбиться въ нее на дорогѣ. Виконтеса замѣчаетъ, что она зашла слишкомъ далеко, но отступить уже не возможно. Въ то время, когда она раздумываетъ объ этомъ великомъ дѣлѣ, является въ замокъ печальная Сарразина, которой старикъ волокита вызвался доказать невѣрность Балтазара, если она, т. е. Сарразина, согласится, спрятавшись, подслушать своего любовника. Вслѣдъ за тѣмъ Балтазаръ садится съ виконтесою за столъ, пьетъ шампанское до нельзя. Сарразина вскрикнула, и очень кстати. Балтазаръ, увидѣвъ невѣсту свою, раскаевается, даже плачетъ и, сдѣлавшись, водевильными судьбами, племянникомъ извѣстнаго вамъ волокиты, женится на Сарразинѣ; а волокита даетъ имъ обоимъ *приданое*.

НЕКРОЛОГЪ.

Наша русская драматическая сцена лишилась одного изъ лучшихъ своихъ украшеній. Не стало *Асенковой!* Она, послѣ долговременной, тяжкой болѣзни, скончалась 19 сего Апрѣля, по полудни въ 5 часовъ. Неумолимая смерть похитила ее въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ блескѣ прекраснаго таланта ея. Находящіеся здѣсь драматическіе писатели, многіе любители отечественнаго театра и почти всѣ артисты русской труппы сопровождали (22 Апрѣля) гробъ *Асенковой* на кладбище Смоленскія Божія матери. Общія, неподкупныя слезы оросили безвременную могилу артистки. *Варвара Николаевна Асенкова*, родилась въ Апрѣлѣ 1817 года. Первый дебютъ ея былъ въ Январѣ 1835 года.

—

Отъ Редакціи Репертуара. Изящно выгравированный въ Лондонѣ и поразительно схожій портретъ *В. Н. Асенковой*, приложенъ былъ къ *Репертуару Русскаго Театра*, на 1840 годъ.

БОЯРСКОЕ СЛОВО

ИЛИ

ЯРОСЛАВСКАЯ КРУЖЕВНИЦА.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Соч. П. Г. Ободовскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Боярин Петръ Ивановичъ, Тульскій Воевода.

Князь Алексѣй Ѳедоровичъ Пронскій, Приверженецъ Польскаго Королевича Владислава.

Марѳа Петровна, купчиха вдова.

Варинька, ея племянница. Кружевница изъ Ярославля.

Сила Данилычъ, женихъ ея спдѣлецъ въ лавкѣ у купца торгующаго кумачемъ.

Старикъ, нищій.

Яковлевна, Тульская мѣщанка.

Тюремщикъ.

1, 2, 3 } Стрѣльцы.

Дядька.

Дѣйствіе въ Тулѣ вскорѣ по возшествіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича, въ 1613 году.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ избу съ русскою печью; въ переднемъ углу занавѣсь, за которою должна висѣть лампада; на столѣ лежатъ всѣ принадлежности ремесла кружевницы: подушка, коклюшки, начатая работа и пр.; у печки виситъ на веревочкѣ пучекъ сухой травы зверобоя, сундуки и проч. Съ лѣвой стороны небольшое замерзшее окно, съ правой дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРѲА ПЕТРОВНА (*шьетъ у стола.*)

Вотъ ужь смеркается, а ее нѣтъ какъ нѣтъ; что бы могло приключиться съ ней? Легко ли, ушла съ позаранокъ относить товаръ на мѣсто, да и по сю пору глазъ не кажетъ, а все на улицѣ заговаривается съ знакомыми; а отъ парней молодыхъ отбою нѣтъ: покажется на улицу, а они какъ снѣгъ на голову, откуда ни вѣсть налетятъ; «Варинька, душенька, Варинька, милушка, — срамъ да и только. Да и попадья намекала мнѣ, нехорошо де, Петровна, что пускаешь

дѣвку по улицамъ шататься съ товаромъ: избалуется; а коли и нѣтъ, такъ пройдетъ слава недобрая; ужъ и то языки чешутся. — Ну, матушка, пока Богъ миловалъ; что прикажешь дѣлать, плачешь да шлешь дѣвку съ товаромъ: не на што нанять работницу. Ужь бы скорѣе выдать мнѣ ее за Силу Данилыча—авось послѣ поста благословитъ-то Богъ... А ее все нѣтъ... (*оставляетъ работу*) что будешь дѣлать? Ахти, я и забыла, что надо выкатать полотенца съ кружевами, что заказала попадья, они, чай, высохли; поплетусь наверхъ, соберу. — Эка дѣвка, заставила старуху-тетку по верху лазить. (*Она накидываетъ полушубокъ и уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАРЯ (*вбѣгаетъ запыхавшись; она въ одеждѣ ярославской дѣвушки; на рукахъ у нее висятъ полотенца съ кружевами и шитыя красной бумагой кружева. Она садится отъ усталости на скамью.*)

Ахъ, Богъ мой! какъ я устала, изъ силъ выбилась, обмерла отъ страху. Да гдѣ же тетушка? дверь была отперта, видно что дома; (*слушаетъ.*) Она наверху — пойдука къ ней; мочи нѣтъ, съ мѣста не сойти; какъ онъ пустился догонять меня! Ужь который разъ онъ пугаетъ меня; слава Богу, что я догадалась повернуть въ Спасскій переулокъ, да черезъ огородъ перебѣжала въ нашу улицу; теперь онъ потерялъ меня изъ виду, гдѣ найти: онъ увязнетъ въ сугробѣ. Да что князь пристаетъ ко мнѣ? (*Она оправилась теперь, сняла съ себя свой товаръ, снимаетъ шубу и большой платокъ съ головы, котораго концы для тепла завязаны были на затылкѣ. Она теперь въ поднизи, и въ аломъ кумачномъ сарафанѣ. Раздѣвшись, она говоритъ:*) Пристаетъ, да ластится: я у него и пташечка-то, и пѣвунья-то, и миленькая-то, и пригоженькая-то, вѣдь и онъ хорошъ, да ужь все не лучше моего Силы Данилыча. Князь всѣмъ бы не дуренъ, да глаза у него такіе страшные: когда онъ смотритъ на меня, ну словно мой котъ васька на воробья... я невольей дрожу всякъ разъ какъ встрѣчусь съ нимъ, все мнѣ чудится тотъ полухмѣльной баричъ, который убилъ моего батюшку. Мнѣ бы всмотрѣться тогда въ его лицо. Да гдѣ же въ потьмахъ? до того ли было; чуть чуть помню злодѣя. (*Между тѣмъ она все прибрала и садится за работу.*) Ахъ, какъ мнѣ сгрустнулось; этотъ навязчивый баринъ напомнилъ горькую участь мою... (*она погружается въ унынiе и мало по малу начинаетъ пѣть.*)

Разорили коршуны
Гнѣздышко у пташечки,
Заклевали коршуны
Мать у горемышныя,
Разметали сѣрый пухъ
Въ полѣ, по поднебесью.
Полетѣла пташечка
На дальну сторонушку,
За лѣса дремучіе,
Слезы лить горючія.
Не убить бы коршунамъ
Матери у пташечки,
Не летѣть бы пташечкѣ
На дальну сторонушку,
За лѣса дремучіе
Слезы лить горючія.

Я слышу кто-то въ сѣняхъ. Видно тетушка... это она... слышу какъ ворчитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАРЯ И МАРѲА ПЕТРОВНА (*съ бѣльемъ въ рукахъ*).

МАРѲА ПЕТРОВНА.

Гдѣ ты была, воструха? ужъ я ждала, ждала тебя, глаза проглядѣла, а работато къ спѣху, сама на верхъ ползала.

ВАРЯ.

Зазвала меня съ товаромъ купчиха Кузьмина, ну та, что у самыхъ Московскихъ воротъ живетъ, толстая-то; тамъ задержали меня, а послѣ какъ шла назадъ, навязался мнѣ на шею проклятый Пронскій.

МАРѲА.

Онъ тебѣ проходу не даетъ... Боюсь,

Варя, чтобъ чего не всклепали на тебя, здѣсь люди такіе злоязычные, не какъ у насъ въ Ярославлѣ... Кабы мой покойный Ѳедоръ Семенычъ не былъ Тульчанинъ, я не заглянула бы сюда... Послушала бы ты сосѣдку нашу Яковлевну, вотъ языкъ-то... Безъ тебя она забѣгала ко мнѣ... Сказывала мнѣ, что какой-то молодой баринъ раза три давича прошолъ мимо нашихъ окошекъ... ужъ не Пронской ли отыскиваетъ тебя?..

ВАРЯ (*вскакивая*).

И впрямъ!..

МАРѲА.

Въ собольей шапкѣ и въ бархатной зеленой шубѣ... Красивый собою... глаза такіе живые, сказывала Яковлевна...

ВАРЯ.

Это онъ! а ты вѣрно не заперла воротъ.

МАРѲА.

Къ какой стати запирать средь бѣлаго дня? ну, а коли кто за товаромъ придетъ?

ВАРЯ.

Я пойду запру... Это онъ!.. Ахти тетушка, это онъ...

(Варя бѣжитъ въ дверь; вдругъ входитъ Пронскій; Варя съ крикомъ бѣжитъ и прижимается къ теткѣ).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И КНЯЗЬ ПРОНСКІЙ.

КНЯЗЬ.

Что, испугалась, небось. Думала, что тебя не найду; вѣдь языкъ, сударушка, до Кіева доведетъ.

МАРѲА.

Что тебѣ надобно, баринъ? что пугаешь бѣдную дѣвушку? Смотри, какъ она дрожитъ... Варинька, что съ тобой, дитятко?..

ВАРЯ (*оправляясь, подходитъ къ нему*).

На что это похоже, баринъ, средь бѣла дня разбойничать, ломыться въ дверь, да озорничать. Убирайся отсюда по добру по здорову, а не то...

КНЯЗЬ.

А что, ужь не пойдешь ли съ челобитьемъ на меня къ воеводѣ Петру Ивановичу? (*хохочетъ*). Да полно же чваниться-то, вѣдь здѣсь не на улицѣ, корить некому, тетка не осердится; красоточка моя, будь поласковѣе, попривѣтливѣе... Вѣдь я давно люблю тебя... твои свѣтленькіе глазки не выходятъ у меня изъ ума; на охотѣ ли, на пиру ли, они все блестятъ передо мной, какъ двѣ звѣздочки въ осеннюю ночь; сокрушили они меня молодца.

МАРѲА.

Этого, баринъ, честной дѣвушкѣ не говорятъ... она невѣста...

КНЯЗЬ.

Молчи, старая вѣдьма!

МАРѲА.

Я старая вѣдьма?.. Да вотъ я дамъ тебѣ себя знать!.. Пойду къ ея жениху, позову его сюда, онъ отучитъ тебя озорничать... Это что! статное ли это дѣло? Да развѣ у насъ нѣтъ управы? да я къ воеводѣ проберусь. Вишь какъ расходился!.. Я старая вѣдьма!.. ахъ ты журавль поджарый!..

(*Уходитъ въ гнѣвѣ.*)

ВАРЯ.

Тетушка, не покидай меня одну... Ахъ Богъ мой! что мнѣ дѣлать? Уйди отсюда; не годится дѣвушкѣ оставаться одной съ молодымъ барином...

КНЯЗЬ.

Не уйду, слышишь ли, пока не разспрошу тебя, гдѣ-то я видѣлъ тебя прежде; не вспомню, а видѣлъ, вотъ ти Богъ, Варинька.

ВАРЯ.

Баринъ, уходи скорѣе: коли заглянетъ ко мнѣ, чего Боже сохрани, сосѣдка наша, Яковлевна, а у нея такое горло, что всѣ соборные колокола перекричитъ, когда станетъ честить меня, увидѣвши одну съ тобой.... Вѣдь на чужой ротокъ не накинешь платокъ, а на сосѣдкинъ и фаты не хватитъ.

КНЯЗЬ.

Уйду, когда поцѣлуешь меня разочикъ.

ВАРЯ *(бѣжитъ къ окну.)*

Завоплю, что ни есть мочи... разобью окошко... уходи съ честью, баринъ.

КНЯЗЬ.

Я такъ не уйду, поцѣлуй меня!...

ВАРЯ.

Чтобъ я поцѣловала тебя!... Да вѣдь я знаю кто ты? Ваша братья у насъ на перечетѣ... Ты держишься стороны королевича польскаго: да меня отецъ Иванъ въ церковь не пуститъ, коли узнаетъ, что цѣловалась съ тобой...

Князь.

Что ты не жалуешь сторонниковъ Владислава; что мы тебѣ сдѣлали?

ВАРЯ.

Что сдѣлали? Пустили меня по-міру съ сумой... убили моего батюшку! кабы не ремесло кружевное, которому научилась я отъ родной, я съ голоду бы умерла, а все по вашей милости, Владиславича.

КНЯЗЬ.

Это что-то взмахиваетъ на мое приключеніе. Ты, право, мнѣ жалка, Варя; не понимаю, что меня такъ тянетъ къ тебѣ.... Гдѣ и какъ наши убили твоего отца? Не бойся, я зла тебѣ не сдѣлаю... разскажи...

ВАРЯ.

Что проку въ томъ, коли разскажу тебѣ о своемъ горѣ, ты меня не поймешь. Ты отъ насъ отшатнулся, не стоялъ ты грудью ни за Москву, ни за Лавру, не былъ и въ ополченіи князя Пожарскаго; а теперь, вмѣсто того, чтобъ сидѣть на земскомъ соборѣ, въ Москвѣ, гдѣ православные боляре судятъ и рядятъ, какъ бы успокоить родную землю и молятся въ церквахъ о ниспосланіи законнаго царя, ты, баринъ, тѣшишься соколиной охотою, явно, на срамъ всему міру, упиваешься за здоровье королевича и озарничаешь... Поди, поди съ Богомъ отсюда, а не то я заплачу; любо ли тебѣ ввести въ слезы сироту горемышную?

КНЯЗЬ *(въ сторону.)*

Я нахожу въ ней сходство... не можетъ быть. *(громко)* Ты должна разсказать мнѣ о своей участи, у меня есть на то причины. А то, ни крестомъ, ни пестомъ не выгонить меня отсюда; разскажешь—уйду, не разскажешь, до ночи останусь у тебя.

ВАРЯ.

Экой неотвязчивой!... Разскажу—да только встань дальше, да не смотри мнѣ въ глаза; мнѣ все чудится, что вижу звѣрскіе глаза того хмѣльнаго барина, которой застрѣлилъ моего бѣднаго, раненаго батюшку.

КНЯЗЬ.

Какъ? раненаго?

ВАРЯ.

Да, его ранили въ голову подъ Троицкой Лаврой.

КНЯЗЬ *(въ сторону.)*

Боже мой! ужели это дочь его? Какой случай!... *(громко.)* А гдѣ же убитъ твой отецъ, душечка? скажи ради Бога.

ВАРЯ.

Подъ Смоленскомъ, когда воръ Сигизмундъ сунулся-было навязывать намъ своего королевича.... Ну, гдѣ у него разумъ то былъ, — ужъ намъ ли занимать чужаго царя, когда всегда были у насъ свои православные... Соловья на мякинѣ не обманешь. Наши проводили гостя во-своясн, чай теперь носу не покажетъ на Русь.

КНЯЗЬ *(въ сторону.)*

Воротится вѣнчать Владислава Мономаховымъ вѣнцомъ. *(Ей.)* Ну, кто же былъ твой отецъ?...

ВАРЯ.

Онъ родомъ изъ Ярославля, а торговалъ въ Смоленскѣ холстомъ да кружевомъ. Вотъ стосковался онъ по родной сторонѣ, и не желая быть въ плѣну у супостатовъ, а межъ тѣмъ они зажгли уже пригородъ, вмѣсто того, чтобъ укрыться въ городѣ за крѣпкими стѣнами...

КНЯЗЬ *(измѣняя себѣ отъ сильнаго чувства прерываетъ ее и досказываетъ.)*

Вышелъ изъ горячаго пригородка, проселочной дорогой, да и попался въ руки польскимъ солдатамъ...

ВАРЯ *(скоро.)*

Они ограбили его до нитки... *(Останавливается и съ удивленіемъ смотритъ на князя.)* Да какъ же ты это знаешь?

КНЯЗЬ.

Онъ бросился въ ноги русскому боярскому сыну, который на ту пору былъ въ польскомъ станѣ, онъ просилъ у того боярина защиты отъ солдатъ, себѣ и дочери своей, не такъ ли?

ВАРЯ.

Да какъ же ты это знаешь? Ужъ не знахарь ли ты?.. (*Всматриваясь въ него.*) Да ужъ не былъ ли ты самъ въ ту пору между Поляками, чего добраго, въ наше время все станется.

КНЯЗЬ (*опомнясь*).

Я былъ тогда въ войскѣ Сигизмундовомъ для переговоровъ... видѣлъ тамъ Ярославца, съ окладистой бородой, виднаго, здороваго... глаза у него...

ВАРЯ.

Да какіе глаза! въ нихъ кипѣла русская, боевая душа... Какъ теперь вижу родимаго... Богъ вѣсть за что, я не вѣдаю! этотъ баринъ застрѣлилъ батюшку! а я безъ памяти упала на тѣло его, очутилась здѣсь, на рукахъ тетушки... Послѣ сказывали, что знакомый провзжій купецъ поднялъ меня на дорогѣ и призрѣлъ; я слегла въ постель, была при смерти, оправилась, хватилась родимаго, и ахъ! о немъ ни слуху, ни духу не было; говорили, что онъ на мѣстѣ умеръ отъ пули барича. Старая тетка взяла меня къ себѣ на житье; грустно мнѣ на чужой сторонѣ, безъ роду, безъ племени... Не увижу твоихъ ясныхъ очей, родимый, желанный батюшка! кабы ты палъ въ битвѣ, отъ пули вражеской, мнѣ не такъ было бы горько, а то погубила тебя пуля предателя Русскаго.

КНЯЗЬ (*въ гнѣвѣ изтыкая себя*).

И подѣломъ ему! не кори онъ меня предъ Поляками, зачѣмъ де, князь, стоишь за Ляха, а не за царство Русское...

ВАРЯ (*въ ужасѣ*).

Какъ! это ты!.. Душегубецъ!... Я узнала тебя; не даромъ я дрожала какъ листъ при встрѣчѣ съ тобою, не даромъ сердце мое рвалось при твоемъ голосѣ, не даромъ жгли меня твои звѣрскіе глаза!.. Злодѣй! Это ты! Какъ носитъ еще тебя мать сыра земля, какъ не падетъ на тебя небо Русское! окаянный!

(*Въ это время глухо раздается въ отдаленіи колокольный звонъ до конца этой сцены, то перестанетъ, то опять слышенъ*).

КНЯЗЬ.

Что прошло, не воротишь, Варя, — я каюсь въ моемъ легкомысленномъ проступкѣ; все думалъ отыскать тебя, и загладить предъ тобой свою вину. Поди жить къ княгинѣ, матушкѣ моей, будь у ней сѣнной дѣвушкой,—вотъ те Богъ, я не обижу тебя.

ВАРЯ.

Чтобъ я пошла жить съ тобой подъ одной кровлей, когда каждое слово твое, каждый взглядъ твой для меня что острый ножъ.

КНЯЗЬ.

Знать, ты понять меня не хочешь; я каюсь въ винѣ, прогнѣвалъ я Господа неумышленно; послѣ пирушки съ шляхтичами, я былъ навеселѣ, насмѣшки ихъ еще болѣе воспламенили меня, пуля сорвалась сама; право, я не думалъ марать рукъ въ крови торгаша.

ВАРЯ.

Торгаша! но тотъ торгашъ былъ вѣрный сынъ родной земли, а не предатель, не скоморохъ Владислава!

КНЯЗЬ.

Послушай, — и на слова есть мѣра. Ты знаешь, какъ могучъ родъ мой, у меня вездѣ есть заступники, а ты что?.. Скажи еще слово, и...

ВАРЯ.

И ты убьешь меня! Убивай,—мнѣ жизнь не радость, а вѣчная мука. Вонъ отсюда, разбойникъ! Еще вздумалъ грозить мнѣ; не пойдешь, брошусь къ сосѣдямъ, созову весь околодокъ...

КНЯЗЬ.

А я скажу, что ты зазноба моя, что сама зазвала меня къ себѣ.

ВАРЯ.

Пропадай доброе имя, пропадай моя молодость, разлюби меня мой суженой, лишь бы мнѣ съ позоромъ вытолкать тебя на

улицу. Эй сосѣдушки! помогите, люди добрые...

КНЯЗЬ.

Не кричи, я и самъ уйду, но съ тѣмъ, что завтра будешь посговорчивѣе, я приду къ тебѣ съ пріятелями... Они парни лихіе... и посмѣлѣе меня съ красными дѣвушками.

ВАРЯ (*хватая ножъ со стола*).

Переступи лишь чрезъ порогъ мой, здѣсь встрѣтишь ты не привѣтливое слово а вострый ножъ,—вонъ отсюда, душегубецъ! вотъ Богъ, а вотъ двери! (*Князь уходитъ, она запираетъ за нимъ дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАРЯ (*одна*).

(*Въ отчаяніи бросается на скамью и преклоняетъ голову на столъ*).

Вотъ до чего я дожила, родимой батюшка, а ты не придешь оборонить меня отъ этого злодѣя, и окинулъ ты сиротинушку!.. Ну думала ли я встрѣтиться съ нимъ въ жизни? отъ того-то сердце мое не лежало къ Тулѣ, все бы летѣла отсюда, хоть бы на край свѣта!.. Что нейдетъ тетушка?.. Наговоритъ она Силѣ Данилычу, чего добраго, пожалуй, онъ еще и ревновать начнетъ. Онъ же такой мнительный, по немъ ужъ и въ церкви-то повертываюсь я, да заглядываю на молодыхъ баричей,— пожалуй, приревнуетъ меня и къ Проскому!.. (*Въ это время раздается выстрѣлъ, Варя вздрагиваетъ, роняетъ работу; колокола звучатъ*). Это что? Выстрѣлъ? Вотъ и другой!.. Колокольный звонъ!.. Кажись, давно перезваниваютъ въ городѣ? не набатъ ли? (*Бѣжитъ къ окну, нижнее стекло котораго замерзло, она привстаетъ на сундукъ, смотритъ въ верхнее, народъ толпами ходитъ по улицѣ.*) Вышла бы, да встрѣчусь опять съ моимъ злодѣемъ; тетушка глазъ не кажетъ... Спрошу у сосѣдки... нѣтъ, не пойду, боюсь. (*бѣжитъ къ окну*). Ахъ Боже мой! да всѣ съ ружьями, дрекольями, кто съ чѣмъ?

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРѲА (*стучитъ въ дверь*) ВАРЯ.

МАРѲА (*за дверьми*).

Варя! отопри,—это я (*Варя отворяетъ и забываетъ запереть на задвижку*).

МАРѲА (*блѣдная, въ страхѣ*).

Пропали наши головушки! весь городъ подъ ружьемъ!.. на улицахъ рѣжутся, чу! слышь ты, Поляки налетѣли на городъ какъ при Самозванцѣ. Бѣда неминучая!.. разорятъ насъ. Въ сердцахъ на Проскаго,— побѣжала я въ лавку къ Силѣ Данилычу, прибѣжала, анъ лавка заперта, я къ нему на домъ, на поворотѣ, въ Владимірской улицѣ, нахлынула на меня толпа народу, чуть съ ногъ не сшибли, бѣгутъ какъ шальные, я отъ нихъ!.. Какъ мошенники стрѣльцы придавятъ меня къ стѣнкѣ, такъ что ребрышки затрещали, я чуть Богу душеньку не отдала; спасибо стрѣльцу Никитушкѣ, моему крестнику, онъ вытащилъ меня, старуху, провелъ до нашей улицы... горланятъ, вопятъ Богъ вѣсть что, ничего не разберешь, всѣ какъ угорѣлые.

ВАРЯ.

Да что приключилось?

МАРѲА.

Вотъ-то то и бѣда, спросить некого, такая суматоха, тутъ не до разспросовъ, того и гляди что языкъ прикусишь.

ВАРЯ.

Да и въ нашей улицѣ зашумѣли.

(МАРѲА *бѣжитъ къ окну*.)

Ахъ, какъ люлно!.. что-то будетъ,—ужъ вѣрно недоброе, какъ деруть горло, окаянные!

ВАРЯ.

Всѣ съ ружьями и съ дрекольями, словно разбойники! (*обѣ смотрятъ въ окно.*)

(*Сила входитъ съ коробомъ и съ ружьемъ; онѣ не замѣчаютъ его; вдругъ выстрѣлъ, онѣ отскакиваютъ отъ окна и сталкиваются съ Силой, обѣ кричатъ отъ ужаса.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СИЛА.

МАРѲА (*кричитъ въ ужасѣ.*)

Ахъ, какъ же ты меня перепугалъ, Сила Даниловичъ! даже ноги подкосились...

ВАРЯ.

Ахъ, я думала, что пришелъ опять...

СИЛА.

Твой подлипало Пронскій? не придетъ теперь, мы его проучимъ. Легко ли, всѣ наши парни на базарѣ глаза мнѣ выкололи упрекомъ, какъ-де Сила даетъ въ обиду свою землячку, невѣсту, Варвару Тимофѣевну.

МАРѲА.

Да что за тревога въ городѣ? я чуть жива домой добралась, всю меня оборвали, чуть коробъ не растеряла; мошенники, такъ и толкаютъ,—ужъ не Ляхи ли въ городѣ?

ВАРЯ.

Что такое приключилось?

СИЛА.

Да ты развѣ не знаешь о нашей радости? Да гдѣ же ты была, Варвара Тимофѣевна и ты, тетка Марѳа?

МАРѲА.

Я сидѣла дома, да шила приданое Варѣ...

ВАРЯ.

А я все утро бѣгала да пряталась отъ злодѣя Пронскаго; прохода отъ него нѣтъ; прибѣжала сюда, и онъ по пятамъ, насилу выпроводила.

СИЛА.

Какъ! ужъ онъ нашелъ дорогу къ тебѣ? Не доброе скажутъ злые люди, Варя... Да что о немъ толковать, онъ болѣе не придетъ къ тебѣ! Ну, такъ ты и на площадь не завернула, не слыхала грамоты князя Пожарскаго?..

ВАРЯ.

Не слыхала.

МАРѲА.

А что?

СИЛА.

Варинька, у насъ вѣдь теперь законный, Богомъ данный Царь-Государь, ужъ не королевичу чета.

МАРѲА.

Полно, не морочь насъ, не дожить намъ до этого счастья, Силушка!

ВАРЯ.

Да говори скорѣе, кто? Не томи меня, Сила Даниловичъ, душа изъ тѣла выскочить хочетъ отъ радости... Кто да кто!

МАРѲА.

А я такъ и дрожу, пали боязно.

ВАРЯ.

Силушка, родной, свѣтикъ мой, повтори радостную вѣсточку. Вотъ тебѣ Богъ, счастью не вѣрится. Тяжело душѣ послѣ тьмы кромѣшной взглянуть на красное солнышко.

МАРѲА.

Ну говори, Силушка.

СИЛА.

Слушайте жъ, я разскажу все какъ было. Сижу я въ лавкѣ да свожу счеты, вотъ приходитъ сваченина купца Гаврилова, кривая Парасковья, за кумачемъ,—отмѣрявъ я аршинъ 15, только-что хотѣлъ рѣзать, какъ завопитъ на улицѣ: «На Красную площадь, ребята! на площадь! Гонецъ изъ Москвы, отъ Князя Пожарскаго, добрыя вѣсти съ земскаго сбора. Я швырнулъ аршинъ и кумачъ, какъ ни ругала меня Парасковья, заперъ лавку и пустился на красную площадь; наши парни за мной. Вотъ прибѣжали, на площади народу видимо-невидимо, шумятъ какъ чорный боръ.. Пріѣхалъ воевода Петръ Ивановичъ на ворономъ конѣ, съ лицемъ свѣтлымъ, снялъ съ себя боярскую шапку, поклонился на всѣ четыре стороны, заговорилъ, мы слушаемъ. Православныя дѣти Русскія!.. На площади такъ стихло, что слышно было какъ бились сердца отъ ожиданія... Воевода сперва напомнилъ намъ, чего натерпѣлась родная сторона въ послѣдніе годы: «*истекла кровью земля Русская, при послѣднемъ была издыханіи*» молвилъ онъ—а мы всѣ какъ завоемъ, да зарыдаемъ. Такъ сироты не рыдаютъ, опуская въ землю родную мать, какъ мы зарыдали о родной землѣ. Воевода прослезился и долго не могъ слова вымолвить; вотъ опять заговорилъ: что-де Царь Небесный черезъ горькія испытанія ведетъ насъ грѣшныхъ къ

благополучію, кажись такъ молвилъ, и объявилъ намъ, что на земскомъ сборѣ, отъ всѣхъ выборныхъ земли Русской, по глаголу Божію, избранъ въ Цари *благоцвѣтущая отрасль благороднаго корени* юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ! Мы всѣ на колѣни... Всѣ въ одно слово, какъ сговорились, возопили: «Слава Тебѣ Господи!» и залились слезами, но это были уже слезы сладкія, а такія слезы, Варя, не часто въ жизни проливаются.

ВАРЯ.

Слава Тебѣ Господи!

МАРѲА (*плачетъ.*)

Сподобилъ Господи дождаться краснаго денька!

СИЛА.

Воевода прочиталъ намъ грамоту князя Пожарскаго и поздравилъ насъ съ молодымъ Царемъ, а мы ему по-земь поклонились, и въ то же время объявилъ, что по указу Царскому дотолѣ не опуститъ онъ меча въ ножны, пока не очиститъ города отъ плевелъ заносныхъ, отъ сторонниковъ Владислава, а ихъ много въ нашемъ городѣ. Въ указѣ было сказано: «Кроткими де словами приведи ихъ къ присягѣ, Петръ Ивановичъ, а коли будутъ упорствовать, употреби силу. Такъ и поступилъ воевода; многіе послушались его и на мѣстѣ присягнули, другіе же хватились за оружіе, а мы, по указу Царскому и по приказу воеводскому, вооружились чѣмъ попало, и пошла потѣха.—Я вырвалъ ружье со снарядомъ изъ рукъ одного безбородаго барича, многіе тоже воеводы подоспѣли къ намъ со своими стрѣльцами и дѣло завязалось не на шутку. Онъ самъ примѣромъ своимъ одушевлялъ насъ постоять грудью за Царя-батюшку. Вѣдь ему теперь нужны защитники; придется ему еще побороться съ Сигизмундомъ. Воевода именемъ Царскимъ велѣлъ преслѣдовать упорныхъ приверженцевъ Владислава и теперь наши ловятъ Пронскаго, главнаго изъ нихъ.

МАРѲА.

Перестанетъ онъ, мошенникъ, увиваться за Варей и ругать людей порядочныхъ. По дѣломъ ему, вору.

ВАРЯ.

Вѣдь вы еще не знаете всѣхъ злодѣйствъ его; вѣдь онъ убійца моего батюшки...

МАРѲА.

Ахъ ты Богъ мой! Да какъ ты узнала?..

ВАРЯ.

Нечистый попуталъ его. Самъ онъ признался мнѣ, проговорился, когда спросилъ о моей участи, какъ я попала сюда изъ Ярославля.

СИЛА.

Стоило съ злодѣемъ толковать, Варя.

ВАРЯ.

Онъ не хотѣлъ выдти, коли я не разкажу ему о себѣ; онъ вспоминалъ, что гдѣ-то видѣлъ меня, потому и бѣгалъ вездѣ за мной, хотѣлъ увѣриться, не опознался ли онъ во мнѣ.

СИЛА.

А за что же онъ, мошенникъ, погубилъ его?

ВАРЯ.

Теперь я знаю за что. Батюшка сталъ корить его, зачѣмъ де-князь не стоишь за святую Русь, а за Ляховъ невѣрныхъ, а онъ вишь и вспылилъ, и самъ де кается, что застрѣлилъ торгаша.

СИЛА.

Ахъ онъ душегубецъ! торгаша!.. Да я съ вами заговорился, а вѣдь воевода велѣлъ намъ сбираться на площадь; чай, всѣ наши на мѣстѣ. Прощенья просимъ, тетка. Чуръ не выходить ни сегодня, ни завтра, вѣдь я вамъ харчу принесъ, да и винца заморскаго, онамнясь хозяинъ далъ мнѣ его на свадьбу.—Прощайте, молитесь, чтобъ помогъ отыскать мнѣ Пронскаго.

ВАРЯ.

Отплати ему, злодѣю, за смерть батюшки.

МАРѲА.

Умри онъ, предатель, безъ покаянія, коли не присягнетъ на вѣрность Государю.

СИЛА.

Чу, шумятъ; видно подходятъ къ вашей улицѣ.

МАРѲА.

Это стрѣльцы! Погляжу, нѣтъ ли межъ ними Никитушки, хоть бы погрѣться зашелъ. (*Смотритъ въ окно.*)

СИЛА.

Хорошо, что напомнила о немъ, а я чуть, чуть не позабылъ. Знаешь ли, Марѳа Петровна, крестника твоего смертельно ранили.

МАРѲА.

Ахъ, онъ сердечный мой, да гдѣ онъ лежитъ?

СИЛА.

Въ домѣ воеводы — я его тамъ видѣлъ, тихошенько молвилъ онъ мнѣ: — позови, Сила, матушку крестную, не умру безъ ея благословенья.

МАРѲ. А.

Ахти! что мнѣ дѣлать? Какъ я выйду на улицу? что если и меня убьютъ!

ВАРЯ.

Не ходи, тетушка—Богъ проститъ тебя—себя погубишь неравно.

СИЛА.

А онъ умретъ, не простясь съ ней, сиротинушка?

МАРѲА.

Какъ ты велишь, Сила Данилычъ, разсуди самъ — что дѣлать? Твое дѣло мужское.

СИЛА.

А вотъ я придумалъ. Домъ воеводы недалеко отсюда, я провожу тебя огородами.

МАРѲА.

Гдѣ мнѣ, старухѣ, тащиться по сумету, увязну да замерзну, какъ кочерыжка, такъ и помяни какъ звали.

ВАРЯ.

Вѣстимо, тетушка,— не ходи, увязнешь въ снѣгу.

СИЛА.

Въ огородахъ проторены дорожки—не бойся, со мной не пропадешь, положись на меня, я тебя на плечахъ вынесу, тетка.

МАРѲА.

Ну, нечего дѣлать, одѣнусь (*одѣвается*). А ты, Варя, дома не сиди, прибери все, что получше въ подполье — на всякой случай, запри избу, да поди сидѣть къ сосѣдкѣ Яковлевнѣ, она дома въ окошко поглядываетъ, да за сосѣдями подсматриваетъ, ужъ такая востроглазая, отъ нея ни что не скроется. Ну пойдемъ, Силушка. (*уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВАРЯ ОДНА (*начинаетъ прибирать свое имѣніе; передвигаетъ сундуки.*)

Оставили меня одну-одинехоньку! Ахъ, какъ страшно! Какая темнота въ избѣ — дай высѣку огня да зажгу лампаду, хоть повеселѣе будетъ, да вѣдь и праздникъ завтра. (*Высѣкаетъ огонь, уходитъ за занавѣсь и зажигаетъ лампаду*). Чу, шумятъ вдали и слышны выстрѣлы, кажется съ этой стороны! (*Привстаетъ и смотритъ въ верхнее стекло, не замерзшее.*) Слава Богу, что не съ правой стороны шумятъ. Вѣдь туда идти тетушкѣ... Шумъ ближе—отвести скорѣе сундучекъ въ подполье... (*слышенъ выстрѣлъ*). Ахъ Господи! ужъ такъ близко. (*Роняетъ сундука*). Перебѣгу къ сосѣдкѣ (*отворяетъ дверь и съ крикомъ возвращается*). Ахъ, Богъ мой! это кто бѣжитъ сюда?... Ужъ онъ на лѣстницѣ. Не стрѣльцы ли?... вѣдь я за теткой, въ хлопотахъ и воротъ не умѣла запереть (*хочетъ бѣжать въ сѣни, слышны чьи-то шаги на лѣстницѣ; Варя въ страхѣ возвращается и хочетъ запереть дверь.*) Ахъ, кто-то въ сѣняхъ; — у меня ноги отъ страху подкосились, спрячусь подъ образами, что будетъ, то будетъ! (*прячется.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВАРЯ И ПРОНСКІЙ.

ПРОНСКІЙ (*вбѣгая.*)

Добрые люди, спасите меня! Здѣсь никого нѣтъ... ворота были отперты... въ ужасѣ, и во мракѣ ночи, я вбѣжалъ и самъ не знаю куда!... (*Варя выходитъ изъ-за занавѣси.*) Боже! Кого я вижу?... Варвара! О правосудіе Божіе!...

ВАРЯ.

А! душегубецъ! Ты не подумалъ, губя моего отца, что есть судъ на небѣ, когда не было его для тебя, по сю пору, на землѣ... Выходи вонъ—я не укрываю злодѣя моего... Не выйдешь.— Кликну сосѣдей (*бѣжитъ.*) Ай! помогите! помогите! у меня бѣглый сторонникъ Владиславовъ!

КНЯЗЬ.

Я иду, я брошусь на мечи и дреколья, и слезы моей престарѣлой матери и въ могилѣ будутъ жечь тебя.

ВАРЯ.

Стой, князь.

КНЯЗЬ.

Ты сжалилась надо мной? Не карай на мнѣ злодѣйства, сдѣланнаго въ опрометчивости; видитъ Богъ, какъ я каялся въ грѣхѣ моемъ, не выдавай меня, хотя для матери, я одно ея утѣшеніе, одна подпора ея.

ВАРЯ.

И у меня было одно утѣшеніе, одна подпора въ родителѣ и ты... (*заливается слезами*). Ахъ, эти слезы капули на сердце мое, онѣ растопили его!... Я не хочу брать, Господи, грѣха на душу свою, Ты отплати ему за слезы мои. Мнѣ ли, грѣшной, быть его судьей!.. Ты ослѣпилъ очи его, Господи, и указалъ ему путь ко мнѣ, сиротѣ обиженной, вижу изъ того святую Твою волю и разумѣю ее. Князь, встань, я укрою тебя.

КНЯЗЬ (*обнимая ноги ея*).

Ангелъ Божій!..

ВАРЯ (*беретъ его за руку*).

Встань же, время дорого... (*князь вскрикиваетъ*). Ты раненъ, постой, я наскоро перевяжу твою рану... Какъ ты выбился изъ силъ, подкрѣпи себя... (*наливаетъ ему вина изъ фляги, принесенной Силою, подаетъ ему*). Вотъ я перевязала, но гдѣ же тебя спрятать (*осматривается*). Боже! спрячься, князь, въ подполье, минуетъ опасность — ужо попозже, какъ уляжется тетушка, я выпущу тебя. (*Она отпираетъ подполье*).

КНЯЗЬ.

Господи! отплати ей за доброе дѣло! Ахъ, матушка, матушка, чѣмъ наградишь ты ее за мое спасеніе? (*шумъ на улицѣ*).

ВАРЯ.

Къ намъ идутъ, слышу шаги, спускайся, князь (*князь сходитъ въ подполье, она опускаетъ за нимъ крышку*).

ГОЛОСЪ СТРѢЛЬЦА.

Эй! кто тутъ живетъ, отворяй! Не то двери выломаемъ...

ВАРЯ (*цѣпенѣя отъ ужаса*).

Это стрѣльцы! (*отворяетъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ВАРЯ И СТРѢЛЬЦЫ.

1-Й СТРѢЛЕЦЪ.

Ну что, заставила насъ ждать?

2-Й СТРѢЛЕЦЪ.

Да ты съ кѣмъ то разговаривала?

ВАРЯ.

Я, ни съ кѣмъ... Ахъ, вспомнила — я бранила кота Ваську: вишь выбросилъ все изъ сундука, мошенникъ.

1-Й СТРѢЛЕЦЪ.

Да что ты дрожишь, красная дѣвица? это подозрительно!

ВАРЯ.

Какъ не дрожать мнѣ: я не вѣдаю, за кого вы стоите, за Царя ли Михаила, или за Владислава, — у васъ на лбу не написано.

3-Й СТРѢЛЕЦЪ.

Она правду говоритъ, мы не сказали зачѣмъ пришли сюда?

1-Й СТРѢЛЕЦЪ.

Мы дѣлаемъ домовый обыскъ въ вашей улицѣ: сюда забѣжалъ князь Пронскій, онъ не хотѣлъ присягать законному Государю и стоитъ за Ляха, мы его ищемъ—а коли сыщемъ, не снести ему головы.

ВАРЯ.

Да какъ же зашли вы ко мнѣ? Ужъ стану ли я укрывать супостатовъ, когда тетки Марѳы дома нѣтъ — а Пронскаго я сама живаго бы въ землю зарыла, онъ лютый мой врагъ, супостатъ, онъ убилъ моего батюшку.

1-й стрѣлецъ.

Какъ? гдѣ? Да ты кто такая?

3-й стрѣлецъ.

Развѣ не знаешь, дѣтина, вѣдь это Ярославская Варвара, ну, та, у которой подъ Смоленскомъ русской баричъ отца застрѣлилъ?

1-й стрѣлецъ.

Такъ этотъ баричъ Пронскій? мы и не знали этого по сю пору.

ВАРЯ.

Ну, да онъ самый, заплатите ему, ребятушки, за мое сиротство, много я слезъ пролила отъ него.

1-й стрѣлецъ.

Ты давно бы сказала—экая голова. Пойдемъ-те, ребята, перепугали только дѣвку понапрасну, смотрите на ней лица не видно.

ВАРЯ.

Пожалуйста, ребятушки, коли поймаете его, да какъ станете раздѣлываться, выговорите ему: вотъ тебѣ-де злодѣй за Варварина отца Гимоосл... а вотъ тебѣ за ея слезы сиротскія.. Подите, голубчики, съ Богомъ, (*стрѣльцы уходятъ*). Натерпѣлась я страха, насилу выжили стрѣльцовъ—что нейдетъ тетушка и Сила Данилычъ?.. (*стучатъ въ двери*). Кто тамъ? ужь не другіе ли стрѣльцы? Да это Силушка. Слава Богу (*отворяетъ дверь*).

ГОЛОСЪ СИЛЫ.

Я — отвори.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВАРЯ и СИЛА (*въ тулупѣ съ ружьемъ*).

СИЛА.

Экая мятель! Глаза снѣгомъ заслѣпило—а тетки еще нѣтъ?.. Экъ она замѣшкалась. Я сказалъ стрѣльцу Лаврентьеву, чтобъ онъ той же дорогой ее домой проводилъ, теперь неопасно — всѣ опять улеглись—только дозорные ходятъ, да и здѣсь были? Я съ ними чуть въ воротахъ не соткнулся. Что, чай, обыскивали?

ВАРЯ.

Перепугали только меня, мошенники! Искали у меня Пронскаго? Ну стану ли я его укрывать, да это курамъ на смѣхъ.

СИЛА.

Пронскаго? (*хохочетъ*). Поминай его какъ звали, Варвара Тимоѳеевна? Я мѣтко попалъ въ него пулей,—злодѣй зашатался и мертвой брякнулся на руки своимъ сообщникамъ.

ВАРЯ.

И по дѣломъ ему, Силушка, спасибо тебѣ.

СИЛА.

Ну, дай-ко мнѣ перехватить чего нибудь, да побѣгу за теткой, чай, стосковалась она по тебѣ, сердечная.

ВАРЯ.

Поужинаемъ вмѣстѣ съ нами — а теперь сбѣгай за теткой... (*Взявши ружье и тулупъ*). Да у меня есть еще просьбица до тебя.

СИЛА.

Какая?

ВАРЯ.

Вчера присылала ко мнѣ за звѣробоемъ старуха Марья Семеновна, ну, просвирня, что въ Козьемъ переулкѣ живетъ: ономнясь схватило бѣдную колотье, присылала внучку Пашу, а насъ дома не было; отнеси ей звѣробой по пути, вѣдь тутъ недалеко.

СИЛА.

Давай скорѣе—духомъ слетаю, (*хочетъ надѣть тулупъ*).

ВАРЯ, (*отнимая тулупъ.*)

Что ты, Силушка, эку тяжесть надѣваешь, ого, го! да такъ скорѣе сбѣгаешь. Теперь, кажись, не Крещенскіе морозы!

СИЛА.

И впрямь, я и такъ сбѣгаю; ну, прощай же; а ты приготовь ужинать—да разогрѣй щецъ со снѣтками, съ холоду похлѣбаю.

ВАРЯ.

Ну хорошо, хорошо, приходи, накормлю досыта, отнеси только звѣробой старухѣ. — (*Сила уходитъ, она запираетъ дверь и спѣшитъ поднять крышу под-*

полья и вызываетъ князя.) Князь, выходи, теперь я могу спасти тебя.

КНЯЗЬ.

Я весь оцѣпенѣлъ отъ холода, здѣсь сыро, какъ въ могилѣ.

ВАРЯ.

Побѣжишь, такъ согрѣешься — выходи скорѣе. (*Князь старается выдти; они помогаетъ ему. Слышенъ стукъ, князь прячется, Варя трепещетъ*).

ГОЛОСЪ СИЛЫ.

Отвори, Варя.

ВАРЯ.

Что тебѣ? Охъ, какъ онъ перепугалъ меня.

СИЛА.

Отвори, я забылъ спросить тебя, что велишь дѣлать съ звѣробоемъ?

ВАРЯ.

Экой безтолковый!

СИЛА.

Да отвори.

ВАРЯ.

Не могу, сундукъ къ рукахъ, перетаскиваю въ подполье, тетушка бранить будетъ, коли не перетащу.

СИЛА.

Да что дѣлать съ звѣробоемъ?

ВАРЯ.

Экой ты, голова, недогадливый. Старуха не коза, травы ѣсть не станетъ, обдастъ кипяткомъ да и напьется съ медкомъ, какъ лекарь изъ Нѣмчинъ училъ насъ—скажи ей.

СИЛА.

Ну хорошо — подай мнѣ тулупъ, мнѣ холодно.

ВАРЯ.

Кабы можно было отпереть дверь, отперла бы давно, слышь ты не могу, руки заняты; да полно ужъ, надоѣлъ, отвяжись, Силушка, не до разговору, право, разсержусь.

СИЛА.

Иду, иду, только не гнѣвайся, радость моя.

ВАРЯ, (*слушая*).

Ушелъ—слава Богу! теперь мы безопасны, князь, выходи.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВАРЯ и КНЯЗЬ ПРОНСКІЙ.

КНЯЗЬ.

Богъ наградитъ тебя за доброе дѣло. Я слышалъ, какъ ты изъ одного христіанскаго долга отстояла меня отъ стрѣльцовъ. О! чего не натерпѣлся я въ моемъ заключеніи! Совѣсть, какъ лютая змѣя, грызла мое сердце.—Вся прежняя безпутная жизнь моя представилась мнѣ со всѣми ужасами. Я обратился къ Богу — неокрѣпшая, теплая молитва успокоила меня—Господь принялъ слезу раскаянія, теперь я смѣло могу смотрѣть въ ясныя очи твои, — тѣнь отца твоего не машетъ передо мною кровавымъ своимъ саваномъ.

ВАРЯ.

Я спасу тебя, но не даромъ, князь,—коли ты образумился и покаялся, то будь съ этой стороны вѣрнымъ слугою Царскимъ! Дай мнѣ свое слово боярское, что если удастся мнѣ спасти тебя—ты явишься въ Москву къ Государю и понесешь ему свою повинную голову.

КНЯЗЬ, (*въ сторону*).

Царь Владиславъ, прости мнѣ, не сердце, а языкъ измѣняетъ тебѣ. (*Громко*). Даю тебѣ честное слово боярское, съ этого дня быть вѣрнымъ слугою Царя....

ВАРЯ.

Мнѣ ли, грѣшной, принимать присягу твою! — Русскій Богъ приметъ ее! (*Варя бѣжитъ въ передній уголъ и отдергиваетъ занавѣсь, свѣтъ теплящейся лампады ослѣпляетъ глаза Пронскаго, онъ, какъ громомъ пораженный, падаетъ*). Онъ передъ тобой, князь.

КНЯЗЬ, (*въ ужасѣ трепещетъ*).

Не смотри на меня грозными очами, Небесный Царь, отврати ихъ отъ недостойнаго узрѣть святый ликъ Твой. Я лукавствовалъ предъ той, которую ты послалъ на спасеніе мое. Уста, не сердце изрекали обѣтъ на вѣрноподданство... Твое явленіе, Боже, потрясло душу ожесточеннаго грѣшника, и обратило на путь истинный; вижу всю пропасть подъ ногами моими и не ужасаюсь.—Ты простираешь мнѣ благую

Свою десницу... Предъ лицемъ Русскаго Бога нелицемѣрно произношу присягу мою на вѣрность Государю, клянусь не щадить крови моей для защиты правъ Царя Михаила... Не сдержу слова моего, да отженетъ меня святая Церковь, да не лежать костямъ моимъ въ землѣ родной!.. (*Молится и встаетъ*).

ВАРЯ.

Теперь я кланяюсь тебѣ въ поясъ, какъ вѣрному русскому боярину... Вотъ тулупъ,—надѣвай его, князь, — вотъ ружье, защищай себя.

КНЯЗЬ.

Ты губишь себя... Что подумаетъ женихъ твой, когда узнаетъ, что ты спасла изменника... тебя предадутъ суду.

ВАРЯ.

За праваго Богъ, говаривалъ батюшка. Я не боюсь ни суда, ни пытки. А ты лишь помни свое слово болрское. (*Князь прощается съ Варей, и убѣгаетъ*).

ВАРЯ (*падая на колѣни*).

Господи! сохрани въ немъ защитника Государева. (*Она съ жаромъ молится*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ВАРЯ, СИЛА И МАРѲА.

МАРѲА.

Помилуй, батюшка, да я своими глазами видѣла, какъ выбѣжалъ мошенникъ изъ моего дома,—вишь и дверь настежь и подполье открыто... и сундукъ разломанъ... злодѣи все повытаскали (*воетъ*).

СИЛА.

Я видѣлъ, что кто-то повернулъ въ переулокъ, съ ружьемъ,—да не дозорный ли, тетка, и какъ вору забраться—вѣдь Варя дома осталась. Это что?.. Варя, что съ тобой?

ВАРЯ (*вскакиваетъ*).

Господи! что если они встрѣтились съ нимъ?

МАРѲА.

Что это такое, Варвара? ни на што не похоже—дверь и калитка настежъ...

СИЛА.

И сама заплакана... глаза такіе красные, ужъ не обидѣлъ ли кто безъ насъ.

МАРѲА.

Вѣдь я наказала тебѣ уйти къ сосѣдкѣ, да домъ запереть.

СИЛА.

Кто здѣсь потѣшался, Варя? смотри пожалуй, и вправъ здѣсь все вверхъ дномъ, не забѣгалъ ли къ тебѣ кто?

ВАРЯ (*обобрясь*).

Нѣтъ, я сама опрокинула сундукъ, а какъ пошла стрѣльба на нашей улицѣ—хотѣла—было бѣжать къ сосѣдкѣ и выбѣжала ужъ на дворъ, да какъ заглянула на улицу, бросилась опрометью домой, а дверь и калитку забыла въ страхѣ запереть.

СИЛА (*беретъ флягу и хочетъ пить*).

А кто выпилъ вино?

ВАРЯ.

Я подчивала стрѣльцовъ.

МАРѲА.

А подполье кто отперъ?

ВАРЯ.

Я хотѣла спрятать тамъ пожитки, да не успѣла.

МАРѲА

Что же ты тутъ дѣлала, бѣлоручка? — небось въ окошко смотрѣла, да на парней заглядывала,—не мудрено, что повѣсы пороги обили съ тѣхъ поръ... (*Взглянувъ на Силу, удерживается говорить*).

СИЛА.

Тетка! еще до того не дошло; развѣ ты что утаила отъ меня?..

МАРѲА.

Да кабы сама не была вертлява, такъ и князь не приставалъ бы къ тебѣ, — кто знаетъ, Силушка, злословить не хочу, а послушалъ бы ты, что Яковлевна говоритъ.

СИЛА.

А что? Ужъ не бесчеститъ ли она мою невѣсту? Да я рябой кокушкѣ шиломъ къ стѣнѣ языкъ приколю; ты, тетка Марѳа, въ сердцахъ намолола вздору, ввела въ слезы мою лебедушку. Не плачь, радость моя, я не вѣрю людскимъ толкамъ, что будто

де князь любитъ тебя, что и ты на него заглядываешься, идучи по улицамъ.

МАРѲА (*у окна*).

По улицѣ что-то разбѣгались. Не ловятъ ли кого?

ВАРЯ.

Боже! не его ли?

СИЛА.

Пойду, провѣдаю. Кажись! стрѣльцы на улицѣ... Да гдѣ-жъ тулупъ и ружье!

ВАРЯ.

Ты не оставлялъ здѣсь ничего; помнится, надѣлъ...

СИЛА.

Да я, кажется, еще въ своемъ умѣ, Варя. Помню, что поставилъ ружье у шестка, а тулупъ повѣсилъ на гвоздикъ... чудное дѣло, куда имъ дѣваться?..

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И ДЯДЬКА ПРОНСКАГО.

ДЯДЬКА (*съ коробомъ*).

Не здѣсь ли живетъ вдова Петровна?

МАРѲА.

А чего надобно? Я вдова Петровна, кто въ такую пору послалъ тебя, старинушка?

ДЯДЬКА.

Я отъ княгини Пронской.

СИЛА.

Отъ Пронской?

ВАРЯ.

Господи! онъ все откроетъ—погибла я!

ДЯДЬКА.

Не здѣсь ли, матушка, живетъ у тебя Ярославская кружевница Варвара?

СИЛА.

Здѣсь.

МАРѲА.

Вотъ она, мнѣ она племянница.

ДЯДЬКА. (*Варѣ*).

Княгиня бьетъ тебѣ челомъ и проситъ принять это подареньице въ память дорогова сынка ея, князя Алексѣя Ѳедоровича.

СИЛА.

Подарки отъ Пронскаго, Варинька, что это значитъ? (*Варинька блѣднѣетъ, дрожитъ и не отвѣчаетъ. Дядька, положивъ коробъ на столъ, уходитъ*).

МАРѲА.

Варвара, за что тебѣ посылаетъ княгиня подарки? ужъ не осрамила ли ты чѣмъ мою головушку? Не добромъ нажитое впрокъ не пойдетъ, старинушка!.. Да его ужъ нѣтъ—ушелъ!.. Оставилъ грамотку,—на, Сила, прочитай, вѣдь ты грамотной...

СИЛА (*читаетъ*).

«Благополучно пробрался къ матушкѣ и «получилъ ея родительское благословеніе «и теперь уже я на Московской дорогѣ. «Матушка посылаетъ тебѣ милость; не от«кажись принять ее, впрочемъ надѣюсь «вскорѣ видѣться съ тобою, радость моя.» Вотъ те Богъ ничего не разумѣю. Варя, объясни, развѣ Пронскій не убитъ—и что ты ему сдѣлала? За что онъ благодаритъ тебя?.. Не отвѣчаетъ—и краснѣетъ и блѣднѣетъ... Тетка, выпытай изъ нея.

МАРѲА (*подбоча руки, въ бѣшенствѣ подходитъ къ Варѣ*).

Ну, говори безстыдница!..

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

СОСѢДКА ЯКОВЛЕВНА, СТРѢЛЬЦЫ И ТѢ ЖЕ. СОСѢДИ И СОСѢДКИ.

ЯКОВЛЕВНА (*вбѣгаетъ, не обращая вниманія на хозяевъ*).

Говорю вамъ, я все это видѣла въ это окошко,—вѣдь домишко-то ихъ низенекъ, только-что увидѣла, какъ онъ вошелъ, выбѣжала на улицу, да и встала на пріизбокъ, поднялась на цыпочки и все видѣла въ окошко, какъ она спрятала его въ подполье, какъ перевязывала ему рану, какъ они цѣловались и миловались, и на колѣняхъ-то онъ стоялъ и эдакъ-то и такъ-то,—и руки-то вверхъ,—но всѣхъ проказъ не припомнишь, она напоила его виномъ,

надѣла на него тулупъ, дала ружье и отпустила съ Богомъ.

1-й стрѣлецъ.

Да ты разглядѣла ли, точно ли это былъ Пронскій?..

ЯКОВЛЕВНА.

Какъ Богъ святъ, онъ! Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, коли лгу!..

ВАРЯ (*въ сторону*).

Господи! все открыто, ужъ не поймали ли его?

СИЛА.

Зачѣмъ вы, ребятушки, такъ поздно забрались сюда къ честной старухѣ, вѣдь уже обыскъ кончился?

1-й стрѣлецъ.

Знаю—и мы здѣсь были давича, да положились на честное слово вотъ этой красотки и проглядѣли бѣглаго Пронскаго, онъ былъ спрятанъ здѣсь, въ этомъ подпольѣ, а теперь мы видѣли его на улицѣ, да онъ ускользнулъ какъ-то изъ рукъ нашихъ.

СИЛА (*смотря на Варю съ удивленіемъ*).

Былъ здѣсь спрятанъ!

МАРѲА.

Въ моемъ домѣ? Дожила же я до такого стыда!.. Охъ я горемычная!.. (*воетъ*).

1-й стрѣлецъ.

Что тутъ выть, старая, вишь на какое, затѣйщица, ремесло пустилась, даешь притонъ измѣнникамъ, да и дѣвку-то въ бѣду втянула.

2-й стрѣлецъ.

Да и дѣвка-то какую сказку сплела, гдѣ-де мнѣ, ребятушки, укрывать злодѣя Пронскаго, онъ убилъ моего отца.

3-й стрѣлецъ.

А мнѣ наказала: когда-де, ребятушки, будете раздѣлываться съ Пронскимъ, то выговорите ему, вотъ тебѣ за Варварина отца, вотъ тебѣ за ея слезы сиротскія! Вѣдь экая плутовка закоренѣлая!..

1-й стрѣлецъ.

А самъ злодѣй тогда въ подпольѣ сидѣлъ. (*хохочетъ*). Ай да старая!..

МАРѲА.

Что ты бредишь, козлиная борода?

СИЛА.

Полно, тетка, не ругайся; хуже будетъ.—Я не знаю что и подумать,—Варвара Тимоѳѣевна, правда ли это?

МАРѲА.

Да говори же, окаянная, али языкъ отсохъ? Молчитъ, упряма, какъ покойный отецъ: изъ нее обухомъ слова не выбьешь, коли не захочетъ.

3-й стрѣлецъ.

Она не признается, уставила глаза въ одно мѣсто, губы дрожатъ; да намъ что до нее, не она здѣсь хозяйка. Эй ребята, берите старуху.

МАРѲА (*на колѣняхъ*).

Помилуйте, батюшки, да что я, бѣдная, старая, сдѣлала?

1-й стрѣлецъ.

Берите ее! (*стрѣльцы окружаютъ Марѳу*).

ВАРЯ.

Стойте! Я виновата! Я спасла князя Пронскаго!

ЯКОВЛЕВНА.

Призналась!.. срамъ!.. Хоть бы запереласъ... дѣвка, просто, стыдъ потеряла.

1-й стрѣлецъ.

Ахъ ты обманщица! Провела же ты насъ сказками. Въ тюрьму ее, въ тюрьму!

СИЛА.

Какъ! ты спасла убійцу своего отца, измѣнника отечеству? И тулупъ и ружье мое отдала ему?

ВАРЯ.

Онъ раскаялся и присягнулъ на вѣрность Царю, а ему вѣдь теперь нужны вѣрные слуги и защитники, ты самъ мнѣ давича говорилъ.

СИЛА.

Какъ могла ты повѣрить присягѣ измѣнника?

ВАРЯ.

Онъ присягалъ во имя Царя Небеснаго быть вѣрнымъ Царю земному — такъ какъ же мнѣ не повѣрить ему — люди русскіе?

СИЛА.

Можетъ, ты спасла въ немъ врага, сторонника Владислава.

ВАРЯ.

Нѣтъ, онъ понесъ повинную голову царю! онъ уѣхалъ въ Москву.

ЯКОВЛЕВНА.

Ай соколъ, экъ онъ дѣвку-то подѣлъ, просто обморочилъ ее, сатаненокъ...

СИЛА.

Онъ обольстилъ, обманулъ тебя, легковѣрная, осрамилъ, погубилъ тебя! (*закрываетъ себѣ лицо и садится на скамью въ отдаленіи*).

ВАРЯ.

Онъ далъ мнѣ слово боярское и сдержитъ его.

СИЛА (*съ громкими рыданіями*).

Богъ тебѣ судья, Варвара Гпмофѣевна, любилъ я тебя болѣе жизни, почиталъ тебя, какъ мать родную, не слушалъ ни толковъ, ни пересудовъ, а ты меня обманывала; тайкомъ любила измѣнника и получила отъ него дорогіе подарки, а чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе, ты выдумала сказку, что де онъ убилъ твоего отца—ты укрыла его отъ стрѣльцовъ, осрамила тетку-кормилицу, и за всѣ милости отплатила неблагодарностію... Прощай навсегда—уйду на дальнюю сторону, зароюсь въ лѣсу непроходимомъ, уйду туда, гдѣ люди не знаютъ моего горя... Вотъ тебѣ кольцо твое, отдай мнѣ назадъ мое.

ВАРЯ (*беретъ его кольцо, машинально снимаетъ съ руки свое и отдаетъ ему*).

СИЛА.

Ни кому не достанется кольцо мое обручальное: брошу его въ глубину рѣки, но не потоплю я съ нимъ моей злодѣйки-кручинушки!.. Прощай на-вѣки!...

ВАРЯ (*хочетъ удержать его*).

Не оставь меня!.. Онъ не слышитъ меня! Пропала я, горемычная! (*упадаетъ безъ чувствъ*).

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Городская тюрьма; окно съ желѣзной рѣшеткой, — столъ и скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАРЯ, (*сидитъ у стола*).

Вотъ уже и шестая недѣля на исходѣ, а князя все нѣтъ, какъ нѣтъ... Наплакалась я въ эти шесть недѣль... А все буду ждать боярина, хотя бы осудили меня на всѣ муки адскія... Ахъ, что всѣ ваши адскія муки предъ любовью Силы Данилыча!.. Богъ ему судья, а ужъ я ли не любила его!.. Ни тетушка, ни подруженьки не заглянули ко мнѣ въ тюрьму... Богъ съ ними! чужіе люди, во имя Божіе, подаютъ мнѣ въ окно святую милостыню, а я дѣлюся ею съ нищею братіею... Здоровъ ли то мой старичекъ?.. Два дни я не видала его!.. Посмотрю на улицу — нѣтъ ли его на бревнѣ, подъ окномъ моимъ. (*Она подвигаетъ скамью къ окну, встаетъ на нее и отворяетъ окно*). Его нѣтъ!.. Ахъ, какъ сладокъ весенній воздухъ!.. Какъ легко дышать мнѣ, такъ и вспорхнула бы, такъ и полетѣла бы легкой пташечкой отсюда къ другому милому, пропѣла бы ему жалобно про любовь мою, понеслась бы по поднебесью, отыскала бы могилу батюшки, я сѣла бы на его деревянный крестъ, я молвила бы родному: батюшка! паучилъ ты меня уму-разуму, — научилъ ты меня вѣрить честному слову — «слово честное дороже золота», ты говаривалъ

мнѣ частехонько: Ахъ, съ чистой совѣстью и въ тюрьмѣ свѣтло—какъ въ княжескомъ теремѣ!.. (*сходитъ.*) Мнѣ сегодня такъ весело, такъ весело!.. (*Она садится и поетъ*).

Сынъ Боярской молодой,
Перестань ночной порой
Вокругъ терема ходить,
Красну дѣвицу будить.
Пропаду я молода
Отъ боярскаго слѣда:
Слѣдъ мятелица смететъ,
Пересудовъ не уйметъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАРЯ И ТЮРЕМЩИКЪ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Экъ ты распѣлась, красная дѣвица, видно ты не кручинишься о своемъ бояринѣ, видно ты утѣшилась; да онъ и не стоитъ тебя: обманулъ онъ тебя, злодѣй, легковѣрную, погубилъ онъ красоту твою дѣвическую.

ВАРЯ.

Не кори меня, Спиридонъ Никонычъ, не наводи грусти на душу, мнѣ сегодня весело, какъ жаворонку въ небѣ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Правда глаза колетъ, — а? Теперь я у тебя Спиридонъ Никонычъ, а прежде, бывало, глядѣть не хотѣла, — все сидѣла насупя брови да косилась на меня.

ВАРЯ.

Я плакала, а сегодня, видишь, не плачу,—пѣла пѣсню.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Предъ слезами,—знаешь ли Варвара, къ тебѣ приведу товарища, вонъ: въ эту горенку, что за рѣшоткой-то.

ВАРЯ.

Кого, скажи ради Бога?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Разбойника Пронку, что ограбилъ на московской дорогѣ купца Коробова; — его схватили и вотъ здѣсь прикуютъ къ стѣнѣ.

ВАРЯ.

И я буду видѣть его, слышать его заклятія,—нѣтъ, Спиридонъ Никонычъ, переведи меня въ другую тюрьму, а не то я разобью голову о каменную стѣну. Я не душегубка, за что сажать меня съ разбойникомъ?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ну, вотъ и заплакала, не сказалъ я, (*хохочетъ*) то то! полно же, не плачь! — Я пошутилъ,—мнѣ любо видѣть слезы твои! Я пошутилъ...

ВАРЯ, (*въ сторону*).

Злой человѣкъ! (*Громко*). Шутка-то твоя для меня какъ вострый ножъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Не бось.—Всѣ тюрьмы заняты колодниками, да сторонниками Владислава, намъ не гдѣ болѣ сажать, разумѣется, потѣснить, нешто — усадили бы еще сколько нибудь; а здѣсь дѣло идетъ не о колодникѣ, а о старомъ нищемъ.—Ко мнѣ прислалъ его воевода съ тѣмъ, чтобъ я пріютилъ его у себя въ избѣ... Нищій тотъ забрелъ сюда съ дальней стороны, у него нѣтъ ни роду, ни племени, такъ воевода видно сжалился надъ нимъ, — нашъ воевода, продли Богъ ему вѣку, такой добрый, жалостливый, мухи не дастъ въ обиду, — велѣлъ сказать мнѣ,—ты подержи де, Спиридонъ, бѣдняка у себя, а я тебѣ буду отпускать изъ моей казны на его содержаніе, пока ни пристрою его въ какомъ нибудь монастырѣ. Хозяйка прибираетъ ему теперь уголокъ, а я пока къ тебѣ приведу его, пусть посидитъ у тебя, а у меня ему будетъ и тепло и свѣтло, и все по милости колодниковъ, посылай мнѣ Богъ ихъ поболѣ.

ВАРЯ.

Не добра молишь у Господа, молитва твоя грѣшная. Не въ прокъ тебѣ пожива отъ заключенниковъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

А что, развѣ я взяточникъ! Да ты, пожалуй, ославишь меня — и до воеводы дойдетъ.—Проучу же я тебя, погоди.—Завтра же пошлю на работу, лѣнъ трепать, къ старымъ воровкамъ, онѣ тебя заѣдятъ.

(*Уходитъ.*)

ВАРЯ.

Наказалъ меня Богъ этакимъ тюремщикомъ! Что за ехидный старикъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАРЯ, СТАРИКЪ, *съ перевязкой на головѣ*, и ТЮРЕМЩИКЪ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Посиди здѣсь часочикъ, дѣдушка, пока горницу приберутъ для тебя.

ВАРЯ.

Ахъ, да это мой старичекъ—какъ я рада ему!

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ты, дѣдушка, отъ нея подалѣ: дѣвка злая!.. (*Шепчетъ на ухо.*) Да, право, вотъ какъ Богъ святъ!

СТАРИКЪ.

Ахти, какъ же она еще молода, сердечная!

ТЮРЕМЩИКЪ.

Поразсказалъ бы еще, да недосугъ. — Сядь, я сей часъ буду за тобою, — лучше здѣсь посиди, чѣмъ въ сѣняхъ толкаться. (*Варѣ.*) А къ тебѣ просится старая хрычевка, тетка твоя: «пусти, родной, повидать племянницу; стосковалась я по ней, горемышная» воетъ себѣ старая.

ВАРЯ.

Спиридонъ Никонычъ пусти ко мнѣ, ради Бога, тетушку, потѣшь меня. Дай мнѣ выплакать у нея на сердцѣ слезы мои; огорчила я неволею свою кормилицу, мать родную.

СТАРИКЪ.

Она дѣвка добрая, благородная.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Посмотрю. (*въ сторону*). Обыщу старуху, что найду — мое. (*уходитъ*).

ВАРЯ.

Господи, я увижу мою тетушку, я выпрошу у нея прощеніе, не на радость себѣ призрѣла она меня.

СТАРИКЪ. (*подходитъ къ ней*).

Что ты пригорюнилась, красная дѣвица? Старикъ огорчилъ тебя.

ВАРЯ.

Мнѣ стыдно и глядѣть на тебя: вѣдь онъ огорчилъ меня въ глазахъ твоихъ, дѣдушка, а ты, чай, и повѣрилъ ему: — ну вотъ теперь я сама не своя, молвить слова не смѣю, языкъ не поворачивается. Злой старикъ наговорилъ тебѣ на меня, и ты теперь, пожалуй, и не взглянешь на сироту, и не стою твоего привѣтливаго слова.

СТАРИКЪ.

Не вѣрю я слухамъ, краспая дѣвица; люди склонны къ клеветѣ, люди радуются чужой бѣдѣ, а ты такъ молода, что трудно повѣрить слухамъ.

ВАРЯ.

Не вѣрь ни кому, дѣдушка, право я не виновата—скажи, что не вѣришь, и я опять буду весела.

СТАРИКЪ.

Я такъ много натерпѣлся отъ людей, дитятко, что ужъ и не вѣрю никому на бѣломъ свѣтѣ, по-моему одинъ глазъ, да свой, вѣрнѣе чужихъ двухъ.

ВАРЯ.

Коли не вѣришь, такъ приголубь меня, родной мой, скажи мнѣ слово ласковое, давно я не слыхала его, мнѣ сладко слушать тебя, въ нарѣчіи твоемъ я слышу что-то родное,—да ужъ не Ярославецъ ли ты?

СТАРИКЪ.

Ярославецъ.

ВАРЯ. (*скачетъ отъ радости*).

Мой землякъ, мой родной! слава Тебѣ Господи! вотъ я опять весела стала, со мной землякъ — а землякъ для сироты на чужой сторонѣ—чуть ли не родственникъ. Такъ ты изъ Ярославля. Можетъ, знавалъ и пасъ,—батюшка мой, Тимоѳей Петровичъ, торговалъ холстомъ да кружевами по городамъ,—знаешь, домъ нашъ у самаго собора, подлѣ большаго дома купца Тиханова.

СТАРИКЪ.

Какъ не знать, матушка, но вѣдь родителя твоего, кажись, и въ живыхъ нѣтъ, слухъ носится, что его убили Ляхи.

ВАРЯ.

Не Ляхи, а русской измѣнникъ, Пронской.

СТАРИКЪ.

А говорятъ, что ты выдумала это на него, чтобъ удачнѣе обманывать жениха своего и прикрывать связь свою съ Пронскимъ,—что стрѣльцовъ и жениха провела, а его спасла.

ВАРЯ.

И до тебя дошла эта чорная молва? А ты вѣришь ли ей, дѣдушка?

СТАРИКЪ.

Что ты на это отвѣтишь мнѣ?

(*Варя молчитъ въ негодованіи*).

Что ты скажешь въ оправданіе, дитя мое? я слухамъ не вѣрю.

ВАРЯ.

Я и оправдываться не хочу — время все окажетъ. Князь Пронскій клялся мнѣ предъ Богомъ, быть вѣрнымъ слугою Государевымъ.

СТАРИКЪ.

А если онъ уѣхалъ къ Владиславу?

ВАРЯ.

Онъ побожился—онъ не уѣдетъ, онъ воротится сюда отереть слезы матери своей, отереть слезы бѣдной Варвары, коли только застанетъ ее въ живыхъ. Ахъ, дѣдушка, мнѣ жизнь постыла, скорѣе бы къ родному подъ гробовую доску.

СТАРИКЪ (*въ сторону*).

Она честная, добрая дѣвушка, эти слезы не притворны. (*Варѣ*). Полно плакать, Богъ милостивъ,—да развѣ ты не получила вѣсточку о смерти отца.

ВАРЯ.

Нѣтъ, вѣсти не было, но вѣдь онъ упалъ мертвый въ глазахъ моихъ.

СТАРИКЪ.

А если его не убили, если онъ живъ.

ВАРЯ.

Дѣдушка, что томить меня небывальщиной.

СТАРИКЪ.

Если онъ въ плѣну у Ляховъ.

ВАРЯ.

Сердцу не вѣрится,—нѣтъ, онъ въ могилѣ, дѣдушка, не видать мнѣ его!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ТЮРЕМЩИКЪ И МАРѲА.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ну, вотъ тебѣ и тетушка — только ты, Марѳа Петровна, не долго толкуй съ ней—вѣдь на то нѣтъ позволенія воеводы.

МАРѲА. (*обнимая и цѣлуя Варю*).

Здравствуй, моя Варинька!

ВАРЯ.

Еще-то ты вспомнила меня, родная, ты не стыдишься понавѣстить меня?

МАРѲА.

Ахти мнѣ, какъ же ты похудѣла, Варинька, и видно, что много горя испытала — а все злые пересуды, и меня-то они съ толку сбили.—Но Богъ милостивъ, авось бояринъ сдержитъ свое слово и ты оправдаешься.

ВАРЯ.

А буду ли я счастлива безъ Сплы Данилыча? Богъ съ нимъ! Я отказываюсь отъ брачнаго вѣнца, въ святой обители увянетъ молодость моя, въ слезахъ и молитвахъ о его счастіи;—не носить мнѣ платья цвѣтнаго, тетушка, мое платье —ряса черная.

МАРѲА.

Рано, дитятко, задумала,—еще много воды утечетъ до той поры.

СТАРИКЪ, (*въ сторону*).

Такъ виноватая не кручинится.

ВАРЯ.

Все ли ты здорова, родная моя, желанная моя?

МАРѲА.

Двѣ недѣли, дитятко, съ постели не сходила послѣ той страшной ночи, чуть душу Богу не отдала, кабы не добрые люди, и не милость воеводы Петра Ивановича: онъ, кормилецъ, не оставлялъ меня безъ помощи.

ВАРЯ.

Ахъ, Господи! а я и не знала, что ты хворала, сердечпая, хоть бы помолилась о тебѣ. Всѣ ли здоровы подруженьки?

*

МАРѲА.

Всѣ слава Богу, Настя Сипицина за мужъ выходитъ за Гавриловыхъ прикащика Ивана—ну ты знаешь, рябоватый-то.

ВАРЯ.

Пошли ей Богъ счастія! (*вздыхаетъ*). А здоровъ ли?.. (*останавливается и краснѣетъ*).

МАРѲА.

Знаю, знаю о комъ ты спрашиваешь. Ономнясь его видѣла у обѣдни: похудѣлъ, голубчикъ, еле душа въ тѣлѣ, глаза такіе впалые, да мутные, и видно, что на душѣ не свѣтло; а какъ онъ молился-то! все земные поклоны, да и на колѣнкахъ, — сердцу больно, на него глядя.

ВАРЯ. (*бросается на грудь Марѳы и рыдаетъ*).

Не обо мнѣ онъ молился, родимая, не обо мнѣ.

МАРѲА.

Полно, дитятко,—онъ тебя все еще любитъ, и ленту твою алую все еще носитъ, ну. ту, что ты подарила ему въ семикъ; полиняла ленточка, видно вымокла отъ горькихъ слезъ его. Да ты здѣсь не одна, Варя?

ВАРЯ.

Сегодня въ первый разъ послалъ мнѣ Богъ это утѣшеніе, въ первый разъ я вижу старика.

СТАРИКЪ.

А двѣ недѣли, какъ она кормитъ меня милостынею, дѣлитъ со мной подаяніе людей благотворительныхъ;—смиренная дѣвушка, Богъ наградитъ тебя!

МАРѲА.

Она рада съ себя нитку отдать бѣдному, вся въ отца, въ покойнаго братца моего, Тимоѳея Петровича, за то и оставилъ ее съ кошелемъ, ужъ я какъ пріѣзжала къ нему въ Смоленскъ на богомолье, подивилась житью-бытью его. Нищая братія у него пороги обили.

СТАРИКЪ.

За то Богъ и благословилъ его такой дочкой, матушка.

МАРѲА.

Да мало радости было бы ему, сердечному, не пережилъ бы ея стыда.

СТАРИКЪ.

Вѣдь дочь его страдаетъ за доброе дѣло; и кабы онъ былъ живъ, не нарадовался бы онъ, глядя на нее; пусть себѣ въ народѣ винятъ ее, какъ хотятъ,—не постыдился бы онъ прижать ее прѣдъ народомъ къ отцовскому горячему сердцу, не постыдился бы онъ плакать предъ самимъ Царемъ на груди милой дочери, утѣшенія своего, непаглядаго своего дитятки,—онъ молвилъ бы ей: свѣтъ очей моихъ, Варинька, сладко мнѣ прижать тебя къ сердцу послѣ долгой разлуки.

ВАРЯ.

Да ты плачешь, дѣдушка, что съ тобой? ты дрожишь, заливаешься слезами?..

СТАРИКЪ.

Какъ же мнѣ не плакать, сердечушко разрывается по тебѣ, моя сиротинушка. Ты безъ вины виновата, а не кому за тебя слова замолвить. Какъ некому? Да я пойду къ воеводѣ, онъ повѣритъ моимъ сѣдымъ волосамъ, я молвлю ему: бояринъ, она не виновата, она чище голубя. Пойдемъ къ воеводѣ, онъ меня жалуетъ.

ВАРЯ.

Нѣтъ, дѣдушка, самъ Ангелъ Божій не выведетъ меня отсюда, пока не оправдаетъ меня Псковскій. Отецъ мой научилъ меня вѣрить слову честному — такъ какъ же мнѣ не вѣрить слову боярскому? Честь не вывелась еще на святой Руси.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и ТЮРЕМЩИКЪ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Пойдемъ, старикъ, горенка для тебя готова, чистенькая, тепленькая, хоть самому воеводѣ жить.

СТАРИКЪ.

Сейчасъ иду, батюшка, дай только слово молвить.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Что съ ней и толковать, ея участь скоро рѣшится: кажись, пріѣхалъ сюда князь Пронской.

ВАРЯ.

Пріѣхалъ? сдержалъ боярское слово свое!

ТЮРЕМЩИКЪ.

Не радуйся, душа моя; еще не узнано, изъ Литвы ли онъ пріѣхалъ сюда каяться въ своей винѣ; можетъ, совѣсть его такъ замучила, али изъ Москвы пріѣхалъ съ царскою милостію.

ВАРЯ.

Съ царскою милостію—мнѣ сердце говоритъ.

СТАРИКЪ.

За праваго Богъ—Варинька; положись на Его святую волю, что будетъ то будетъ.

МАРѲА.

И вѣстимо, старинушка; сироты молитва прямо къ Богу идетъ, Онъ услышитъ нашу Варинькy и помилуетъ ее.

ВАРЯ.

Да гдѣ же князь остановился?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Терентій, товарищъ мой, сказывалъ, что остановился до князь у матушки своей княгини; сердечная, всѣ слезы выплакала по немъ; посидѣлъ у нея, да и поѣхалъ къ воеводѣ Петру Ивановичу и теперь съ нимъ бесѣдуетъ...

ВАРЯ. (*слушая съ радостнымъ ожиданіемъ*).

На дворѣ шумъ, слышенъ конской топотъ...

ТЮРЕМЩИКЪ.

И впрямъ! побѣгу; кого Богъ несетъ, не новыхъ ли колодниковъ, давай-то Богъ!

СТАРИКЪ.

Нашолъ себѣ потѣху въ колодникахъ, злой встребъ!

МАРѲА.

Ты говори,—ужъ такой Іуда, насилу пустилъ меня къ тебѣ, Варя, да и то обыскалъ меня, хамская душа! отнялъ у меня полотенечко, что я несла тебѣ Варинька, да мелку въ бурачкѣ и саячку — прямой встребъ.

СТАРИКЪ.

Сюда идутъ!

МАРѲА.

Что-то людно.

ВАРЯ.

Я дрожу отъ страха и надежды.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, воевода Петръ Ивановичъ и князь Пронскій, Сила, Яковлевна, *свита воеводы*, граждане и проч.

ВАРЯ.

Князь Алексѣй Ѳедоровичъ!

КНЯЗЬ.

Варинька, бѣдная, злосчастная моя Варинька, пострадала ты за меня!

(*обнимаетъ ее.*)

ВАРЯ. (*удерживая его*).

Не столько страданія тяжелы, князь, какъ потеря добраго имени, какъ потеря....

КНЯЗЬ.

Знаю, знаю, что ты хочешь сказать — и пришелъ сюда поправить дѣло и загладить вину мою. Воевода Петръ Ивановичъ! я разсказалъ тебѣ все, я сдержалъ свое слова, я ужъ не сторонникъ Владислава, и пріѣхалъ съ Царскою милостію и ношу на груди золотую гривну, Царскій даръ—дѣлай что внушаетъ тебѣ Господь.

ВОЕВОДА.

Варвара, подойди, не бойся ничего. Спасая князя Пронскаго, ты исполнила долгъ Христіанки. Ты спасла въ немъ вѣрнаго слугу Царскаго! — Ты свободна!—Люди Русскіе! объявляю всѣмъ во услышаніе, что Варвара Тимоѳѣева, Ярославская уро-

женка, изъ одного только состраданія способствовала къ побѣгу князя,—что честь ея незапятнана, въ чемъ поклянется вамъ предъ лицемъ Бога самъ князь Пронскій.

КНЯЗЬ.

Боярской честью клянусь; а вы теперь можете повѣрить ей, что все, что утверждала Варвара—истина, а не предлогъ скрывать связь со мною; между нами никакой связи не было и могла ли она любить того, кто убилъ ея отца. Такъ, я убійца отца ея!

ВСѢ

Такъ это правда? Ахъ она сердечная—и пострадала за него—голубушка, сиротинушка!...

КНЯЗЬ.

Чрезъ два года я встрѣтился съ нею здѣсь, я узналъ ее.—Вамъ извѣстны обстоятельства, заставившія меня искать убѣжища: въ темнотѣ, ослѣпленный страхомъ, я забѣжалъ къ той, которую смертельно обидѣлъ, —здѣсь, Господи, была воля Твоя, покарать душу мою и озарить свѣтомъ благодати. Долго боролся я между привязанностію моею къ Владиславу и съ проснувшейся совѣстію. Русскій Богъ глаголомъ совѣсти восторжествовалъ надъ любовью къ царю иновѣрному,—я сталъ снова сыномъ родной земли; по милости великодушной Вари, бѣжалъ переодѣтый купцомъ въ Москву,—скрывался тамъ мѣсяцъ, искалъ случая броситься въ ноги Царю-батюшкѣ, наконецъ мнѣ удалось узрѣть свѣтлый ликъ его. Царская милость была за мое раскаяніе—и вотъ я прилетѣлъ сюда оправдать себя въ глазахъ моихъ сограждан, загладить мое преступленіе.—Сила Данилычъ, вѣришь ли ты злымъ толкамъ? Вотъ твоя Варвара. (*Беретъ ее за руку, Варя упорствуетъ идти, она какъ окаменѣлая.*)

СИЛА (*бросается къ ногамъ ея.*)

Я не смѣю поднять глазъ на тебя, Варвара Тимофѣевна, — виноватъ я предъ тобою.

ВАРЯ (*въ слезахъ рыдаетъ.*)

Богъ тебѣ судья, Сила Данилычъ! Ужъ ты ли не зналъ меня—и могъ сомнѣваться въ любви моей?...

СИЛА.

Не гнѣвайся, радость моя!

МАРѲА.

Мы всѣ виноваты предъ тобой, — и я, грѣшная, повѣрила толкамъ и пересудамъ. Коли такъ, Варинька, тебѣ со свѣта бѣлаго бѣжать придется.

ВАРЯ.

Хоть бы и пришлося, тетушка, я ни на кого не буду плакаться, у меня не стало слезъ, — я уже давича сказала тебѣ, что въ одной кельѣ найду я свое счастіе, авось тамъ скорѣе пріютитъ меня мать сыра земля! (*Въ сильной горести:*) Къ батюшкѣ рвется душа моя—къ батюшкѣ, подъ гробовую доску (*падаетъ на грудь тетки.*)

МАРѲА.

А женихъ твой?

ВАРЯ.

Коли разлюбилъ однажды, разлюбитъ и въ другой разъ, Богъ съ нимъ! Князь, ты снялъ съ меня стыдъ и позоръ, сдержалъ свое честное слово — теперь я и предъ тѣмъ, какъ навсегда покину Божій міръ прощаю тебѣ всѣ мои горести.

КНЯЗЬ.

Простишь ли ты мнѣ смерть твоего батюшки?

ВОЕВОДА.

Она простить не можетъ этого, князь! Это тяжкій грѣхъ и ты подлежишь суду Церкви и совѣсти.

КНЯЗЬ.

Знаю, Петръ Ивановичъ, и для того принялъ я свои мѣры. Иду на годъ на покаяніе въ Соловецкій монастырь — иду туда пѣшкомъ, въ власяницѣ. — Тяжелъ грѣхъ на душѣ моей, тяжело должно

быть и наказаніе. — Духовный отецъ мой наложитъ его на меня, а Царь Государь еще того не вѣдаетъ. — Простите мнѣ, люди Русскіе, вину мою; снимая одежду мою цвѣтную, снимаю съ себя златую Царскую гривну. Прими се, воевода! Нищей братіи отдаю цвѣтную одежду мою.

СТАРИКЪ (*выступая*).

Не снимай, бояринъ, Царской милости, не снимай съ себя цвѣтнаго платья боярскаго, ты не убилъ отца Варвары, а только тяжело ранилъ.

КНЯЗЬ.

Возможно ли?

СТАРИКЪ.

Сострадательный панъ Лезвинскій взялъ къ себѣ раненаго Русскаго, отослалъ его къ себѣ въ помѣстье и излечилъ его....

КНЯЗЬ.

Возможно ли? Онъ живъ?

ВСѢ.

Слава Тебѣ Господи! — онъ живъ!

СИЛА.

И между супостатами есть люди добрые!

СТАРИКЪ.

Панъ умеръ, злой наслѣдникъ его отправилъ плѣнника за Краковъ, ломать и толочь соль, — гдѣ онъ бѣдняжка мучился два года, высохъ, посѣдѣлъ съ горя такъ, что сталъ на себя не похожъ, и вотъ теперь нашелъ случай убѣжать на родину, гдѣ ни родные, ни знакомые не узнаютъ въ старомъ нищемъ нѣкогда здороваго и зажиточнаго купца Тимоѳея. Такъ измѣнился онъ, сердечный!

КНЯЗЬ.

Гдѣ онъ? гдѣ? Какъ, онъ живъ? Зачѣмъ онъ не явится?...

СТАРИКЪ. (*срывая перевязку съ головы своей*).

Онъ передъ тобой! — Я Тимоѳей, отецъ Варвары. Али и ты не узнала меня, Варвара?

(*Общее удивленіе*)

ВАРЯ (*всматриваясь въ него, дрожитъ и съ крикомъ бросается обнимать его.*)

Батюшка! родной!

МАРѲА.

Братецъ! тебя ли я вижу? Дожила же я до этой радости! Варя! братецъ! опомнитесь, рыдаютъ, не слушаютъ, — экъ обхватились, сердечные!

КНЯЗЬ.

Такъ это онъ! Я узнаю его.

СТАРИКЪ.

Сестрица, голубушка, еще—то мы съ тобой свидѣлись!

МАРѲА (*обнимая его, плачетъ*)

Не совсѣмъ-то я спрота теперь!

ВАРЯ.

Такъ, это ты! я узнаю тебя. Ахъ, какъ же съ горя посѣдѣлъ!.. А все тѣ же у тебя свѣтлыя очи, въ нихъ кипитъ та же боевая душа!... Это батюшка! — не даромъ я хотѣла вспорхнуть изъ тюрьмы при видѣ тебя, не даромъ сегодня во снѣ я горько плакала, не даромъ бѣлый мотылекъ влетѣлъ сегодня утромъ къ тюрьму мою... Ахъ, это былъ вѣстникъ радости, это былъ ангелъ Божій — я увидѣла моего роднаго!... Я лежу на груди его!...

КНЯЗЬ. (*обнимая старика.*)

Благодарю Господа за спасеніе твое... Теперь я вздохну свободно. Петръ Ивановичъ! въ этомъ старикѣ я узналъ отца Варвары — теперь я чистъ предъ Господомъ и предъ Царемъ Государемъ!

ВОЕВОДА.

Я зналъ, Князь, прежде тебя, что старикъ живъ, а поджидалъ лишь твоего прибытія сюда — нарочно пріютилъ его у тюремщика, съ тѣмъ, чтобъ неузнанный онъ удостовѣрился въ невинности дочери, и обо всѣмъ увѣдомилъ меня...

КНЯЗЬ, ВАРЯ, ТИМОѲЕЙ, СИЛА.

Мудрый, благодѣтельный бояринъ! (*падаютъ къ ногамъ его.*)

ВОЕВОДА.

Ну, Варя, осчастливь же теперь и своего постылаго. Богъ возвратилъ тебѣ чудными образомъ отца, послалъ тебѣ нежданную радость, — а что и радость намъ безъ друга милаго?

(*Всѣ обращаютъ вниманіе на молодую чету, — Варвара и женихъ ея, краснѣютъ и безмолвствуютъ. Тимоѳей отираетъ слезы, беретъ Варю за руку и подводитъ къ ея жениху: — оба они бросаются въ его объятія — и потомъ въ слезахъ обнимаютъ его колѣна.*)

ТИМОѲЕЙ, (*благословляетъ ихъ.*)

За мои горести, Господь, посылаешь Ты мнѣ щедроту нежданную — счастіе милой моей дочери!

(*Знаки общей радости.*)

КВАКЕРЪ и ТАНЦОВЩИЦА.

КОМЕДІЯ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Переводъ съ Французскаго,

Ф. К. Дершау.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мартонъ, Квакеръ. . . *Г. Сосницкій.*
Миссъ Женни Барловъ, Танцовщица Лондонской оперы. . . . . *Г-жа Самойлова 2.*
Артуръ Дарзи, Перъ Англіи . . . . . *Г. Толченовъ 2.*
Мюрай, другъ его. . . *Г. Яблочкинъ.*
Тоби, Конторщикъ. . . *Г. Максимовъ 1.*
Слуга. . . . . *Г. Фалле.*

Дѣйствіе въ Лондонѣ.

Театръ представляетъ богатоубранный будуаръ танцовщицы миссъ Женни Барловъ; въ срединѣ и съ боку двери, подлѣ боковыхъ канапе, съ другой стороны столъ, на немъ гитара, ноты, чернильница и прочіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Посрединѣ накрытый столъ. — Женни и вокругъ ея Лордъ Дарзи, Мюрай и нѣсколько гостей сидятъ и завтракаютъ.

(Хоръ во славу шампанскаго).

ХОРЪ.

Съ шампанскимъ въ дружбѣ вѣчной
Веселье и любовь,
Оно бальзамъ сердечный,
Оно живитъ въ насъ кровь;
Здоровье не въ аптекѣ,
А въ немъ заключено.
Да здравствуетъ на-вѣки
Безцѣнное вино!

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Рѣшительно только въ одной Англіи можно имѣть такое превосходное шампанское.

МЮРАЙ.

Оно несравненно лучше нежели въ самой Франціи.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Да! но зато оно здѣсь и дороже.

МЮРАЙ.

Вино ваше, миссъ, удивительное.

ЖЕННИ.

Хвалите его лорду Артуру: онъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ его мнѣ въ подарокъ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Этотъ подарокъ совершенно лишній, потому что вы, прелестная миссъ, какъ сказалъ Тальма не помню въ какой-то французской комедіи, имѣете и безъ него тысячи вѣрныхъ средствъ упоить своихъ обожателей.

ЖЕННИ.

Вы, лордъ, умны и любезны, какъ Французъ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Быть можетъ; мой умъ вывезенъ изъ Франціи.

ЖЕННИ.

Не вмѣстѣ ли съ этимъ шампанскимъ?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Да, и то и другое въ бутылкахъ.

МЮРАЙ.

Не дурно сказано.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Я не помню себя, друзья мои, давно въ такомъ веселомъ расположеніи духа, какъ сегодня, и потому намѣренъ открыть вамъ мой секретъ, который до сихъ поръ отъ васъ скрывалъ.

ЖЕННИ.

Лордъ! я вамъ запрещаю.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Я иду противъ вашего запрещенія. Я знаю, что радость и счастье удвоиваются, если ихъ дѣлишь съ добрыми друзьями, и потому слушайте: украшеніе нашихъ театровъ, лондонская Тальони, прелестная миссъ Женни согласилась принять мое предложеніе и чрезъ недѣлю я съ нею обвѣнчаюсь тайно и прошу васъ всѣхъ, друзья мои, на свадьбу, а до того времени прошу васъ молчать и никому ни слова ни намека.

ВСѢ (*вставая съ удивленіемъ*).

Возможно ли?

(*Мюрай и прочіе гости начинаютъ перешептываться и разсѣянно смотрятъ на ноты и гравюры. — Дарзи и Женни подходятъ къ авансценѣ*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Боже! какое удивленье, перешептыванье; это надѣлаетъ въ Лондонѣ большаго шума; впрочемъ нынче такъ трудно заставить о себѣ что нибудь говорить въ свѣтѣ, что нужно почитать себя счастливымъ, попавши на такой случай.

ЖЕННИ.

Однако вспомните, лордъ, что я хотя и согласилась пожертвовать для вашего имени званіемъ артистки, но... на нѣкоторыхъ условіяхъ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Которыя я и не забылъ: если въ продолженіе года вы не отдадите предъ мною никому изъ вашихъ обожателей преимущества, то вы отдаете мнѣ вашу руку.

ДАРЗИ.

Когда танцорка ужь готова
Контракты свято сохранять,
Такъ я надѣюся, что слова
Назадъ вы не рѣшитесь взять.

ЖЕННИ.

Я не ручаюсь въ перемѣнѣ:
Танцорки вѣтрены всѣ страхъ.

ДАРЗИ.

Такъ, вѣрно, какъ легки на сценѣ,
Онѣ легки и на словахъ.

ЖЕННИ.

Да! но этотъ годъ еще не кончился.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Но до срока остается всего три дня.

ЖЕННИ.

Не ужели вы думаете, что трехъ дней недостаточно, чтобы я могла въ кого нибудь влюбиться?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Влюбиться! Вы неспособны любить, миссъ, это чувство васъ чуждо.

ЖЕННИ.

Боже мой! тогда для чего же вы хотите на мнѣ жениться?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Вотъ вопросъ! для чего? Вы мнѣ вскружили голову, какъ и всей лондонской молодежи: я по васъ схожу съ ума и я поклялся... я побился объ закладъ, что тѣмъ или другимъ способомъ вы будете моею... вы неприступны, васъ не прельщаетъ ни золото, ничто.... мнѣ осталось одно средство — предложить вамъ руку; вы сначала колеблетесь, наконецъ принимаете мое предложеніе, но требуете годъ срока, наконецъ

годъ проходитъ — а вы меня хотите еще мучить.

ЖЕННИ.

Проходитъ, но не прошелъ; повторяю вамъ это опять; и моя ли вина, что я все это время искала въ безсмысленной толпѣ обожателей человѣка, котораго могла бы полюбить, но не могла найти ни одного, который бы даже могъ назваться человѣкомъ; не вините же меня, лордъ, вы видите, что я дѣлаю все, что могу, но напрасно; до сихъ поръ мое сердце свободно — и если чрезъ три дня оно останется тѣмъ же... то я ваша. — (*Слышенъ шумъ за кулисами*) Что это за шумъ? (*подбѣгаетъ къ окну*) народъ собирается, что бы это значило?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Вѣрно народный дивертиссементъ, бьютъ окна какого нибудь министра (*смѣхъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И МАРТОНЪ.

МАРТОНЪ (*въ квакерскомъ костюмѣ*).

Прекрасно! прекрасно! Вы тутъ радуетесь, хохочете, смѣетесь, а между тѣмъ несчастный вашъ собратъ лежитъ тамъ израненный.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Кто ты такой? Что тебѣ нужно?

МАРТОНЪ.

Кто я? я такой же человѣкъ какъ и вы всѣ, только честнѣе и благороднѣе тебя — а нужно мнѣ помощи — здѣсь въ этихъ воротахъ чья-то карета уронила честнаго негоціянта Патрика, и онъ, несчастный, лежитъ тамъ израненный, безъ всякой помощи; теперь вы понимаете, что мнѣ нужно?

ЖЕННИ (*слугамъ*).

Вы слышали — бѣгите скорѣе, торопитесь (*уходитъ, за нею всѣ гости кромѣ Мюрая*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Это была моя карета! Зачѣмъ же этотъ уродъ негоціянтъ былъ такъ неосторожень, что подсунулся подъ самой экипажъ, мои лошади не привыкли ѣздить шагомъ; впрочемъ если виноватъ мой кучеръ, то я его сегодня же отъ себя прогоню. —

МАРТОНЪ.

Я бы на мѣстѣ твоего кучера прогналъ бы отъ себя такого барина, какъ ты.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Послушай, негодяй, ты или дерзкій плутъ, или сумасшедшій, и я тебя въ обоихъ случаяхъ такъ...

МЮРАЙ.

Полно, Артуръ, не сердись! ты развѣ не видишь по костюму и поступкамъ этого чудака, что онъ квакеръ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Да, и точно. Я всегда сержусь не размышляя.

МЮРАЙ (*Мартону*).

Послушай, любезный, Патрикъ вѣрно твой другъ, что ты объ немъ такъ хлопочешь.

МАРТОНЪ.

Всѣ люди мои друзья; у меня нѣтъ враговъ. Я помогаю всѣмъ какъ могу и чѣмъ могу. Долгъ нашъ облегчать страданія ближняго, кто бы онъ ни былъ, будь онъ хоть Французъ, и если бъ вмѣсто несчастнаго Патрика ранили бы твою лошадь, то я сталъ бы точно такъ же хлопотать и о ней, и если бъ когда нибудь тебѣ привелось быть въ подобномъ положеніи, то я бы ухаживалъ и за тобой.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Какое глупое сравненіе!

ДАРЗИ.

Но онъ не церемоненъ съ нами;
Ужель ты думаешь, что я
Какъ лордъ, какъ перъ между людями,
Полезенъ менѣе тебя.

МАРТОНЪ.

Конечно здѣсь, какъ мебель эта,
Полезенъ ты и межъ людей;
Но для труда, для пользы свѣта,
Повѣрь мнѣ, лошадь поважнѣй.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ЖЕННИ.

ЖЕННИ.

Ну слава Богу! кажется, съ больнымъ не кончится ничѣмъ худымъ, онъ перенесенъ въ мои комнаты, сейчасъ будетъ къ нему докторъ.

МАРТОНЪ.

Благодарю тебя, добрая женщина; это похвально, что въ тебѣ есть человѣколюбіе. Но ты здѣсь хозяйка дома и потому должна сейчасъ же послать въ магазинъ Патрика и увѣдомить его дочь о несчастномъ приключеніи... или нѣтъ! это ее убьетъ; если объ этомъ извѣстить его конторщика Гоби, пусть онъ спѣшитъ сюда, онъ долженъ служить своему больному благодѣтелю.

ЖЕННИ *(слугѣ)*.

Бѣги — и исполни.

МАРТОНЪ *(слугѣ)*.

Ступай, мой другъ; за эту услугу я тебя благодарю впередъ и поблагодарю впослѣдствіи. (*слуга уходитъ*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Это преинтересно! онъ здѣсь распоряжается какъ дома.

ЖЕННИ.

И прекрасно дѣлаетъ — я еще никогда не имѣла случая говорить съ квакеромъ и очень рада, что теперь онъ представился; это презабавный народъ; въ особенности этотъ изъ оригиналовъ оригиналъ — право его положеніе презавидное.

МАРТОНЪ.

Замолчи, безразсудная женщина! — Признаюсь, я былъ о тебѣ лучшаго мнѣнія. — Оригиналъ!.. забавный.

ЖЕННИ.

Не ужели это тебя сердитъ? кажется въ моихъ словахъ нѣтъ ничего обиднаго; я нахожу твою роль оригинальною, которой можно позавидовать: твои права неограничены, ты, не рискуя ничѣмъ, говоришь въ глаза правду кому хочешь и какую хочешь — мы всѣ актеры... и я увѣрена, что если бы лордъ Дарзи взялъ бы на себя роль квакера подобную твоей — то я бы его полюбила.

МАРТОНЪ.

Да это все очень можетъ быть — но только онъ, сдѣлавшись квакеромъ и слѣдовательно умнѣе чѣмъ онъ есть, вѣрно не захотѣлъ бы тебя знать.

ЖЕННИ. *(гордо)*.

Милордъ квакеръ! вы забываетесь, вспомните, что вы у меня въ домѣ.

МАРТОНЪ.

Миссъ! вспомни, что я квакеръ: не обижайся за правду.

ЖЕННИ.

Ты слишкомъ язвителенъ; но въ доказательство того, что я не обижаюсь твоими бреднями, я приглашаю тебя провести сегодня съ нами вечеръ.

МАРТОНЪ.

Я не принимаю твоего приглашенія.

ЖЕННИ.

Отъ чего?

МАРТОНЪ.

Потому что я не хочу.

ЖЕННИ.

Развѣ ты имѣешь на это особенныя причины?

МАРТОНЪ.

Да, имѣю.

—

ЯВЛЕНІЕ IIII.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА.

Конторщикъ Патрика, за которымъ меня посылали, уже здѣсь, онъ непремѣнно хочетъ говорить съ г-мъ Мартономъ.

МАРТОНЪ.

Со мной? Сейчасъ иду.

ЖЕННИ.

Нѣтъ, вы отсюда не уйдете; если ему нужно васъ видѣть, пусть онъ придетъ сюда, мы вамъ не будемъ мѣшать. Пока г-ну Патрику не будетъ легче, пусть онъ распоряжается въ моемъ домѣ какъ у себя; онъ теперь принадлежитъ ему и его добрымъ друзьямъ. И такъ, милордъ, до пріятнаго свиданія *(приседаетъ)*. Что это, г-нъ Мартонъ, кажется, у васъ законъ и клапатьея запрещаетъ.

МАРТОНЪ (*сердито.*)

Да!

(*всѣ уходятъ кромѣ Мартона и слуги.*)

МАРТОНЪ.

Послушай, мой другъ! скажи тому молодому человѣку, который хочетъ меня видѣть, что я здѣсь одинъ. Понимаешь?

СЛУГА.

Какъ не понять-съ.

МАРТОНЪ.

Постой, постой, ты мнѣ сдѣлалъ услугу — вотъ тебѣ (*даетъ ему деньги.*) Теперь мы квиты.

СЛУГА.

Что это, двѣ гинеи?.. покорнѣйше благодарю-съ... сейчасъ приведу къ вамъ этого молодца... бѣгу-съ — 2 гинеи — важно-съ (*уходитъ и сталкивается въ дверяхъ съ Тоби*) Ну вотъ-съ и они, стало и звать не нужно.

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРТОНЪ и ТОБИ. (*Тоби молодой человѣкъ лѣтъ 25 въ курткѣ, воротничкѣ и съ постной физіономіей.*)

ТОБИ.

Насилу-то я васъ нашелъ, добрый г-нъ Мартонъ; (*плачетъ*) ахъ какое несчастіе!

МАРТОНЪ.

Что, развѣ Патрику хуже?

ТОБИ.

Да хуже и быть не можетъ! вѣдь онъ, бѣдный, весь въ крови какъ росбифъ, чуть дышетъ, старикъ несчастный (*плачетъ*). Что то будетъ съ бѣдной Бетти, когда она объ этомъ узнаетъ? нѣтъ, она этого никакъ не переживетъ; она вотъ такъ прямо и умретъ.. Вотъ вы посмотрите... а я еще думалъ быть счастливымъ. Знаете вчера по вашей милости, дядя Патрикъ призвалъ меня къ себѣ да и говоритъ: Тоби, ты добрый мальчикъ, (*плачетъ*); — ну я добрый мальчикъ, ты, говоритъ, любишь Бетти, а она тебя вдвое; у тебя, говоритъ, нѣтъ ничего кромѣ пустой головы, да такого же кармана, ну а Бетти и умна и богата, она, говоритъ, хочетъ за тебя за мужъ; а я, говоритъ, тебя и спрашивать не хочу; будь счастливъ, говоритъ, закажи себѣ фракъ, да женись на моей Бетти. Все это по вашей милости, г-нъ Мартонъ — я добрый мальчикъ, я буду вамъ вѣкъ благодаренъ.

МАРТОНЪ.

Да, другъ мой, ты честный и добрый малой — и я готовъ тебѣ всегда помогать; но ты не огорчайся. Патрикъ, Богъ дастъ, скоро выздоровѣетъ, и мы васъ женимъ, когда назначенъ день твоей свадьбы?

ТОБИ.

Черезъ недѣлю; да день-то свадьбы меня ужасаетъ болѣе всего.

МАРТОНЪ.

Это отъ чего? что это значитъ?

ТОБИ.

А то, что я, кажется, кромѣ Бетти люблю еще другую... ну такъ какъ же я это сдѣлаю?.. вѣдь здѣсь не Турція, на двухъ разомъ не женится же.

МАРТОНЪ.

Но кто же эта другая?

ТОБИ.

Не знаю.

МАРТОНЪ.

По крайней мѣрѣ гдѣ она?

ТОБИ.

Гдѣ? Да почему я знаю — земля-то велика.

МАРТОНЪ.

Мой другъ, ты сумасшедшій.

ТОБИ.

Еще нѣтъ — да то меня и тревожитъ, что думаю я скоро съ ума сойти... Ахъ г-нъ Мартонъ, каково это быть сумасшедшимъ?

МАРТОНЪ.

Не знаю, не испыталъ. Однако ты мнѣ право жалокъ. По крайней мѣрѣ объясни, гдѣ ты ее видѣлъ?

ТОБИ.

Гдѣ видѣлъ? хорошо! Вотъ три года тому назадъ я жилъ по надобности въ деревнѣ, она жила въ сосѣдствѣ ну и ее-то звали Катериной, ну я съ ней познакомился. Скоро вотъ ей по надобности нужно было ѣхать въ Лондонъ... я бросилъ все и поѣхалъ съ

нею... ну вотъ умерла моя маменька, она мнѣ не оставила ничего кромѣ завѣщанія: сохранять чистоту нравовъ и ходить въ курточкѣ; она говорила, что фракъ есть первый шагъ къ разврату; вотъ я до сихъ поръ исполнялъ ея волю... бѣдная маменька! ну вотъ я обѣднялъ, сталъ черезъ день обѣдать, а тамъ только по праздникамъ. Катерина моя пропала; я сдѣлался нищій; ну и помните, когда вы меня голоднаго и полумертваго подняли съ мостовой?

МАРТОНЪ.

Перестань, мой другъ; я тебѣ сколько разъ говорилъ, чтобы ты мнѣ объ этомъ не напоминалъ.

ТОБИ.

Полноте, г-нъ Мартонъ, какъ же я могу молчать и не благодарить васъ, когда вы меня оживили, да мало того, еще пріискали хорошее мѣсто, опредѣлили меня къ доброму Патрику. Ахъ, добрый г-нъ Мортонъ, вѣдь я тутъ-было и горе-то свое совсѣмъ забылъ; меня полюбила Бетти, ну и я ее; вотъ собрались насъ женить, я заказалъ себѣ фракъ... но я чувствую, что я бы могъ быть хорошимъ мужемъ... Ну, чтожъ, г-нъ Мартонъ: вѣдь мальчикъ добрый; чтожь, вѣдь я имѣю все, чтобъ быть хорошимъ мужемъ, вѣдь и фракъ-то заказанъ — да какъ и съ другой-то справлюсь? вѣдь она за мной какъ печистый духъ бѣгаетъ, вѣдь это-то и есть мое горе.

Для жены я радъ трудиться,
Радъ согнуть себя въ дугу;
Но на двухъ заразъ жениться
Я, ей Богу, не могу.
Если сладить и съ одною
Мужу трудно иногда,
Такъ ужъ съ парой женъ покою
Не знавать намъ никогда.
Вѣчно споры, да раздоры —
Что мнѣ съ ними дѣлать тутъ?
Вѣдь двѣ женщины безъ ссоры
И двухъ дней не проживутъ.
И усмотришь ли, какъ должно,
И за той и за другой,
Если мужу не возможно
Усмотрѣть и за одной?
Жены всѣ хитры умами,
Проведутъ на дню пять разъ;
Захотятъ, такъ и съ глазами
Тотчасъ сдѣлаютъ безъ глазъ.
Цѣлый вѣкъ сноси обманы —
Какъ же тутъ здоровымъ быть
Удивляюсь, какъ султаны
Такъ изволятъ долго жить?

Вотъ дни четыре тому назадъ, я иду по улицѣ; вдругъ пшъ! мимо меня пролетѣла коляска... я взглянулъ ва нее, глядь—тамъ сидитъ Катерина... на ней тутъ брилліанты такъ и блестятъ... она меня не узнала... я хотѣлъ ей закричать — языкъ отнялся... хотѣлъ догнать — ноги подкосились... ну вотъ ужъ я тутъ и не помню, какъ я растянулся на мостовой... меня перенесли къ Патрику, и когда я открылъ глаза... предъ мною была добрая Бетти... она мнѣ терла голову спиртомъ. Ахъ! ахъ! если бы она знала, отъ чего я растянулся... да нѣтъ, я ей не сказалъ. На другой день мнѣ стало легче, и она же послала меня въ театръ; говоритъ, поди Тоби, тебѣ нужно разсѣяться. Ну вотъ я и пошелъ... сѣлъ въ самомъ дорогомъ театрѣ, на самомъ дорогомъ мѣстѣ, да и сижу... тутъ музыка все играла, пѣли все... вотъ я и задремалъ... скучно... вдругъ вокругъ меня зашумѣли, забили въ ладоши. я открылъ глаза... смотрю съ верху все облака спускаются, глядь изъ-за одного выходитъ... какъ вы думаете, г-нъ Мартонъ, опять Катерина! вотъ она сошла на полъ да и стала танцовать себѣ... Ахъ ты Боже мой! прежде она всегда стыдилась танцовать вдвоемъ съ мужчиной... а теперь ей все, видно, не почемъ, съ цѣлою кучею плясала заразъ... а я ее еще все, кажется, люблю; ну такъ согласитесь же, г-нъ Мартонъ, что съ моей стороны будетъ безчестно жениться на Бетти... не лучше ли мнѣ утопиться?.. Какъ вы думаете?

МАРТОНЪ.

Полно, мой другъ, выкинь этотъ вздоръ изъ головы...

ТОБИ.

Какой это вздоръ! Мнѣ непремѣнно нужно утопится. Какъ же я женюсь на одной, а буду любить двухъ разомъ — вѣдь у васъ, г-нъ Мартонъ, ума еще болѣе, чѣмъ у меня... разсудите же сами — непремѣнно нужно утопится — пусть меня тамъ съѣдятъ рыбы — мнѣ все равно... или нѣтъ, пойду

я лучше въ солдаты... пусть меня убьютъ въ сраженіи... я иду на войну съ Французами, пусть они меня подстрѣлятъ какъ птицу.

МАРТОНЪ.

Нѣтъ, Тоби! не дѣлай этаго, это будетъ съ твоей стороны скверно. Ну что, если ты убьешь Француза, и если онъ, подобно тебѣ, имѣетъ друзей, которые будутъ оплакивать смерть его — грѣхъ будетъ на твоей душѣ.

ТОБИ.

Да и то правда; можетъ быть, этотъ Французъ имѣетъ друзей и вдругъ я его пафъ! и застрѣлю. Да нѣтъ, г-нъ Мартонъ, куда мнѣ его подстрѣлить, вѣдь я никогда и стрѣлять-то не учился; ну да я, пожалуй, и стрѣлять не буду; вѣдь я добрый мальчикъ, пусть только въ меня дуютъ, пусть меня убьютъ.. Прощайте, г-нъ Мартонъ, я вотъ сейчасъ такъ прямо пойду въ солдаты, да и на войну.

МАРТОНЪ.

Останься здѣсь, я тебѣ приказываю. Ты говоришь, не зная что; если ты чувствуешь, что еще не разлюбилъ свою Катерину, то мы еще можемъ ее отыскать и поправить это дѣло; ты еще молодъ, бери примѣръ съ меня — пользуйся моими совѣтами, они тебя поведутъ къ добру — и такъ, дай мнѣ слово, что ты не покусишься на самоубійство.

ТОБИ.

Могу ли я не слушаться васъ, г-нъ Мартонъ? Вотъ вамъ мое честное слово, что я ни въ чемъ не буду отступать отъ вашихъ приказаній... ужъ для васъ, пожалуй, я останусь живъ.

МАРТОНЪ.

Хорошо, мой другъ, теперь бѣги къ Бетти, приведи ее къ бѣдному Патрику, и мы обработаемъ такъ, что свадьба твоя будетъ отстрочена на нѣсколько мѣсяцевъ.

ТОБИ.

Все, все сдѣлаю, мой благодѣтель — иду, бѣгу. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРТОНЪ *садится возлѣ стола, беретъ въ руки книгу и читаетъ,* ЖЕННИ *входитъ изъ боковыхъ дверей.*

ЖЕННИ.

Онъ еще здѣсь... и такъ занятъ своимъ чтеніемъ, что меня не замѣчаетъ; (*садится на канапе*) не ужели это нарочно .. (*Кашляетъ и старается чтобы онъ ее замѣтилъ.*) Милордъ!

МАРТОНЪ.

А, это ты? Я тебя и не замѣтилъ.

ЖЕННИ.

Ну, что нашъ больной? лучше ли ему?

МАРТОНЪ.

Онъ теперь спитъ ; я не знаю каково ему.

ЖЕННИ.

Ахъ, какъ ты далеко сидишь, я право ничего не слышу, потрудись поставить твое кресло ко мнѣ поближе.

МАРТОНЪ (*съѣзжаетъ возлѣ канапе.*)

Ну, вотъ ужъ ближе и нельзя.

ЖЕННИ.

Послушай, мой другъ, ты меня извинишь, если я съ тобой буду безъ церемоніи, у меня сегодня мигрень... сильно разстроены нервы... (*ложится на канапе*); и такъ ты сказалъ, что Патрикъ отдыхаетъ, да? (*въ сторону*) Я ему вскружу голову. Но вотъ уже около часа, что ты у меня въ домѣ, но ни я тебя, ни ты меня не знаешь — желала бы я знать, за кого ты меня принимаешь?

МАРТОНЪ.

Судя по твоему богатству, уму, красотѣ, ты, разумѣется, должна быть какая нибудь важная дама.

ЖЕННИ.

Отъ меня зависитъ быть ею завтра же, но сегодня я еще просто — танцовщица лондонской оперы.

МАРТОНЪ (*вскакиваетъ.*)

Плясунья! Боже! куда я попалъ?

ЖЕННИ.

Къ чему эти восклицанія?—Берегись, Мартонъ, я могу подумать, что ты только

философъ на словахъ — ты измѣнлешь своей роли; вспомни, что ты квакеръ: зачѣмъ эти предразсудки.

Скажи, чѣмъ ниже я той женщины ученой,
Которую судьба маркизой назвала?
Когда бы мой отецъ былъ важною персоной,
Я точно бы такой маркизою была.
Взгляни на свѣтъ: въ немъ тѣ жъ ак еры и актрисы,
Съ театромъ разность вся въ названіяхъ однихъ;
Тамъ спальня, кабинетъ, такія же кулисы,
А сцена для игры — гостиная у нихъ.

Скажи ты мнѣ, отчего ты такъ испугался моего званія? ужели ты подобенъ тѣмъ глупцамъ, которые, думая, что развратъ неразлученъ съ сценою, бѣгаютъ артистовъ какъ отъ гнѣзда пороховъ; десятки худыхъ примѣровъ не даютъ еще права осуждать всѣхъ, посвятившихъ себя благородному сценическому искусству.

МАРТОНЪ.

Нѣтъ, я не изъ ихъ числа; не думай этого, прелестная женщина; ты меня не поняла, мое удивленіе произошло отъ нечаянности... я объ тебѣ не того мнѣнія, ты благородная женщина.

ЖЕННИ.

Благодарю тебя, квакеръ. Ну, теперь будь со мною откровененъ, скажи: какъ кажусь я на твои глаза?

МАРТОНЪ.

Ты этого хочешь?

ЖЕННИ.

Непремѣнно. Скажи мнѣ правду, безъ малѣйшей лести.

МАРТОНЪ.

Я льстить не умѣю. У меня есть глаза — глаза непристрастные. Ты красавица, но вмѣстѣ съ тѣмъ — кокетка.

ЖЕННИ.

Я отъ этого не отпираюсь, это слабость всѣхъ женщинъ; но ты меня оставляешь такъ скоро.

МАРТОНЪ.

Ты опасная женщина, я не могу съ тобою болѣе оставаться; притомъ вспомни, что я долженъ идти къ больному.

ЖЕННИ.

Нѣтъ, ты не уйдешь... ты долженъ остаться... я тебѣ должна сказать многое, умоляю тебя—останься. (*Мартонъ сначала колеблется, наконецъ подходитъ къ ней, глядитъ на нее пристально, потомъ скорыми шагами уходитъ въ двери.*)

ЖЕННИ.

Ушелъ! но онъ скоро воротится я его обворожила. Конечно, онъ меня любитъ; впрочемъ, я не отвѣчаю и за себя — мнѣ кажется... Но не ужели я полюбила его за оригинальность, за то, что онъ философъ — квакеръ, быть можетъ, сердце женщины загадка..

(*Облокачивается на подушки.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЖЕННИ И АРТУРЪ ДАРЗИ.

ЖЕННИ.

А, это вы, милордъ!

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Я, прелестная миссъ; вотъ свадебный контрактъ, который уже совершенно готовъ, одинъ розмахъ вашего пера и—я счастливѣйшій человѣкъ.

ЖЕННИ.

О, какъ вы нетерпѣливы! Скажите мнѣ лучше, исполнили ли вы мое порученіе на счетъ нашего квакера?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Оно исполнено въ точности; я узналъ про этого чудака уморительныя вещи. Онъ сынъ извѣстнаго богача Вильяма Мартона, который недавно умеръ и оставилъ ему все свое богатство. И чтожъ вы думаете? вмѣсто того, чтобы наслаждаться жизнью и ухлопать его на любовницъ, вино и карты, онъ изволилъ зарыться въ ученыя книги и теперь хоть профессоромъ въ Оксфордскій университетъ; признаться куда какъ умно, чрезвычайно разсудительно! ха, ха, ха...

ЖЕННИ.

Но куда же онъ дѣваетъ свои деньги?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Онъ цѣлый день ходитъ по Лондону, съ карманами набитыми золотомъ, бросаетъ его

кому вздумаетъ, и думаетъ, что поступаетъ чрезвычайно умно, — о глупецъ! Недавно онъ явился въ какую-то грязную таверну, наполненную плутами и ворами, и торжественно взобрался на столъ съ намѣреніемъ, длинною рѣчью доказать мошенникамъ — неблагородство подлости; не успѣлъ онъ сказать двухъ словъ, какъ уже вытащили его золотую табакерку: это его ни чуть не разгердило; онъ преважно посмотрѣлъ на толпу воровъ и сказалъ: «друзья мои! одному изъ моихъ почтенныхъ слушателей понадобилось табаку, и онъ причиною, что я долженъ теперь прервать на время мою диссертацію. Вотъ вамъ, друзья мои, по гинеи на брата: кто хочетъ, можетъ купить себѣ табаку. И такъ прошу васъ теперь слушать внимательно, и не прерывать моей рѣчи.» Этотъ фарсъ, который теперь извѣстенъ всему Лондону, стоилъ ему болѣе 200 гиней. Теперь общество лондонскихъ воровъ его чрезвычайно любитъ и уважаетъ; они для него готовы на все, даже для него готовы сдѣлать доброе дѣло. Что вы мнѣ на это скажете?

ЖЕННИ.

Это очень похвально: благотворительность въ мужчинѣ — феноменъ!

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Благодарю васъ за лестный отзывъ.

ЖЕННИ.

Вы меня извините, милордъ; я, побывши нѣсколько времени съ квакеромъ, пріучилась къ правдѣ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Вы вообще сегодня что-то странны, миссъ. Неужели вы одобряете его глупые поступки? помилуйте, онъ дѣлаетъ скорѣй зло нежели благодѣяніе, покровительствуя плутамъ; съ его деньгами я бы распорядился иначе.

ЖЕННИ (*пробѣгаетъ контрактъ.*)

Лордъ Артуръ Дарзи... неужели этотъ человѣкъ не способенъ любить.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Кто, миссъ?

ЖЕННИ.

Боже мой! разумѣется, г. Мартонъ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Это камень, а не человѣкъ; онъ не знакомъ со страстями.

ЖЕННИ.

Однако онъ имѣетъ довольно пріятную наружность, и при его богатствѣ неужели не нашлось ни одной, которая бы была къ нему неравнодушна?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

О! этихъ неравнодушныхъ было безъ числа; но я вамъ уже сказалъ, что у него нѣтъ сердца, нѣтъ души, у него только человѣческій образъ.

ЖЕННИ.

Ну, а что если вы ошибаетесь?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Вы думаете!

ЖЕННИ.

Да. Въ доказательство того, что у него есть вкусъ и есть сердце, я вамъ скажу, что сегодня же онъ будетъ отъ меня безъ ума. Дѣло уже начато.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Если вы не шутите, то это презабавно. Объясните мнѣ покрайней мѣрѣ какимъ способомъ вы думаете этого достигнуть?

ЖЕННИ.

Самымъ обыкновеннымъ; однако нужно чтобы онъ сюда пришелъ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Хотите, я его позову?

ЖЕННИ.

Нѣтъ! нужно, чтобы онъ пришелъ безъ зову. Подождите — вотъ лучшее средство. (*Беретъ со стола гитару и начинаетъ пѣть.*) Что жъ это онъ не идетъ?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Продолжайте. (*Женни продолжаетъ пѣть; въ концѣ аріи дверь отворяется и входитъ Мартонъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И МАРТОНЪ.

МАРТОНЪ (*сердито.*)

Перестаньте шумѣть; это безсовѣстно;

больной спитъ, а вы будите его своими глупыми концертами.

ЖЕННИ.

Ахъ, извините г-нъ Мартонъ, мы совсѣмъ забыли.

МАРТОНЪ.

То-то прошу помнить (*хочетъ идти*).

ЖЕННИ.

Артуръ! постарайтесь его здѣсь удержать.

АРТ. ДАРЗИ.

Не безпокойтесь. (*Останавливая Мартона*) Г-нъ Мартонъ, вы извѣстны всему Лондону за честнаго и обязательнаго человѣка: у меня есть до васъ просьба.

МАРТОНЪ.

Что тебѣ нужно? Ты мнѣ сначала не нравился. Но ты имѣешь просьбу, ты во мнѣ нуждаешься — располагай мною, я къ твоимъ услугамъ.

ЖЕННИ.

Я женюсь на миссъ Женни.

МАРТОНЪ.

Возможно ли? Но что тебѣ нужно? говори.

АРТ. ДАРЗИ.

У миссъ нѣтъ свидѣтеля для подписанія свадебнаго контракта; не откажитесь имъ быть, вотъ услуга, которую мы у васъ просимъ.

МАРТОНЪ.

Мнѣ быть твоимъ свидѣтелемъ?

ЖЕННИ.

Да!

МАРТОНЪ.

Во-первыхъ, ты меня еще худо знаешь; а во-вторыхъ, это дѣло твоихъ родственниковъ.

ЖЕННИ.

Ихъ у меня нѣтъ! я круглая сирота.

МАРТОНЪ.

Круглая сирота!

ЖЕННИ.

Да! Я воспитывалась въ знаменитомъ пансіонѣ мистрисъ Мовбрэй, и она одна замѣняла мнѣ и мать и все.

МАРТОНЪ.

Мистрисъ Мовбрэй! я ее зналъ. Это въ Кантербери.

ЖЕННИ.

Та самая.

МАРТОНЪ.

Хорошо, услуга за услугу; у меня есть до тебя также просьба. Знала ли ты въ этомъ пансіонѣ, лѣтъ 7 тому назадъ, дѣвицу Барловъ.

ЖЕННИ.

Какъ же? я ее знала очень хорошо; но за чѣмъ тебѣ это? о, говори — говори, прошу тебя.

МАРТОНЪ.

Ты слишкомъ любопытна, впрочемъ не думай, что то, что я хочу тебѣ сказать, будетъ интересно. Лѣтъ 8 тому назадъ, во время моего путешествія, мнѣ случилось остановиться въ Кантербери. Пока перепрягали лошадей, толпа нищихъ окружила мою карету, я бросалъ имъ деньги горстями и они ихъ хватали съ жадностью, кромѣ бѣдной дѣвочки, лѣтъ 10, которая, стоя въ рубищѣ, горько плакала. Я подозвалъ ее къ себѣ, предложилъ ей червонецъ, но она его не взяла, говоря, что другіе его тотчасъ у нее отнимутъ: меня некому защитить, у меня нѣтъ ни отца, ни матери. Мнѣ стало ее жалко; я ее тотчасъ же взялъ къ себѣ и намѣревался везти съ собою, но потомъ подумавъ, что съ ребенкомъ въ дорогѣ много хлопотъ, я ее отдалъ въ первый попавшійся мнѣ пансіонъ. Честная мистрисъ Мовбрэй приняла ее на свое попеченіе и обязалась воспитать ее подъ фамиліею Барловъ. Я заплатилъ ей за 4 года впередъ и восхищенный добрымъ дѣломъ, сѣлъ въ свою карету и вечеромъ очутился въ Дуврѣ, оттуда во Франціи, Германіи и наконецъ объѣхалъ всю Европу.

АРТ. ДАРЗИ.

И неужели во все время вы не имѣли объ ней извѣстія?

МАРТОНЪ.

Однажды, по прошествіи 3-хъ или 4-хъ лѣтъ, я хотѣлъ ее видѣть, и чтоже вы думаете? мнѣ говорятъ, что она уже болѣе года какъ убѣжала съ своимъ танцовальнымъ учителемъ. Хороши успѣхи!

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Ну, а вы, вѣроятно, и теперь отыскиваете ее для мщенія?

МАРТОНЪ.

Нѣтъ, мой другъ—чтобъ предложить руку помощи: она еще молода и вѣрно въ ней нуждается.

ЖЕННИ.

Артуръ! прошу васъ, Бога ради, оставьте насъ вдвоемъ.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Понимаю, онъ теперь разчувствовался, вы хотите начать комедію, прекрасно! вскружите ему голову, вотъ-то мы похохочемъ. Влюбленный квакеръ; да это чудный водевильный сюжетъ. (*Уходитъ*).

ЖЕННИ.

Слава Богу, онъ ушелъ. Ахъ, сударь, еслибъ вы знали какъ меня тронулъ вашъ разсказъ... но зачѣмъ скрывать далѣе? Милордъ! несчастная сирота, вами облагодѣтельствованная, ближе чѣмъ вы думаете... она предъ вами.

МАРТОНЪ (*съ удивленіемъ*).

Возможно ли? (*холодно*) А, это ты! очень радъ, что ты не имѣешь во мнѣ нужды; кончай свою жизнь такъ же, какъ ты ее начала, прощай!

ЖЕННИ.

О нѣтъ! не оставляйте меня, теперь я имѣю въ васъ нужду болѣе нежели когда нибудь, будьте ко мнѣ снисходительнѣе, выслушайте меня.

МАРТОНЪ.

Ты!—ты имѣешь во мнѣ большую нужду? изволь, я тебя слушаю.

ЖЕННИ.

Если вы помните, въ какомъ видѣ вы меня представили къ мистриссъ Мовбрэй, то, разумѣется, поймете, съ какимъ презрѣніемъ встрѣтили меня прочія пансіонерки: онѣ всѣ были изъ богатѣйшихъ и лучшихъ фамилій Англіи, горды, надменны, а я, нищая, въ рубищѣ. Боже! чего я отъ нихъ не претерпѣла! довольно того, что я проклинала день своего рожденія, я желала сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ была прежде. О жестокія! какъ онѣ безстыдно надъ мною ругались! Я хотѣла писать къ вамъ, просить вашей защиты, но я не знала гдѣ вы; со мной обращались хуже чѣмъ съ невольницей; я стала изыскивать средства къ спасенію отъ этого ига; наконецъ случай представился, я имъ воспользовалась. Мнѣ минуло 13 лѣтъ, и танцовальный учитель открылъ во мнѣ огромный талантъ къ танцамъ: онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе бѣжать изъ этого ада—я согласилась. Разумѣется, онъ былъ пружиною этого бѣгства: я была еще ребенокъ, и не ужели это въ глазахъ вашихъ преступленіе? О благодѣтель мой! будьте ко мнѣ справедливѣе и разсудите, что мнѣ оставалось больше дѣлать? Онъ увезъ меня въ деревню въ 15 лье отъ Лондона и здѣсь сталъ заниматься мною, сталъ усовершенствовать мой талантъ. Ему было около 60 лѣтъ, и я ему слѣпо ввѣрилась и видѣла въ немъ втораго благодѣтеля. Прошло 3, 4 года, я танцовала, по его словамъ, въ совершенствѣ. Къ намъ ѣздилъ часто одинъ изъ богатѣйшихъ лордовъ Англіи, онъ былъ старъ и, какъ кажется, неравнодушенъ ко мнѣ; вскорѣ я поняла его виды и ночью наканунѣ того дня, въ который его къ намъ ожидали, я убѣжала, — это было единственное средство къ спасенію.

МАРТОНЪ.

Несчастная! не ужели одна?

ЖЕННИ.

Нѣтъ! моему побѣгу помогалъ одинъ молодой человѣкъ, который жилъ въ нашемъ сосѣдствѣ; я знала, что онъ меня любилъ и готовъ для меня рѣшиться на все — я ему сообщила мое намѣреніе: онъ его одобрилъ и даже сопутствовалъ мнѣ до Лондона. Здѣсь я скоро дебютировала — успѣхъ былъ невѣроятный: вся публика была отъ меня въ восхищеніи; тогда я не нуждалась ни въ чьей помощи: меня осыпали золотомъ, похвалами — о! я была счастлива — довольна судьбою: я благословляла добраго генія, выведшаго меня изъ рабскаго затворничества, и я бы, мнѣ кажется, отдала все, чтобы только отыскать этого молодаго человѣка, который меня спасъ отъ позора и навелъ на путь славы; но поиски мои были тщетны: онъ пропалъ, и я его нигдѣ не видала. О, еслибъ онъ ко мнѣ воз-

вратился, я бы имѣла друга — друга вѣрнаго и неизмѣннаго — онъ такъ любилъ меня.

МАРТОНЪ.

Но ты, кажется, и безъ того счастлива.

ЖЕННИ.

Я счастлива? взгляни на мою жизнь.

Меня теперь блескъ славы окружаетъ
Богата я, но счастья нѣтъ со мной:
Мнѣ всякой день любовь вѣнки сплетаетъ,
А между тѣмъ я холодна душой!
Встрѣчаю день улыбкой и слезою
И въ будущемъ не вижу ничего:
Поклонники кругомъ меня толпою,
А друга нѣтъ ни одного.

МАРТОНЪ.

Ты ошибаешься: у тебя есть другъ, и другъ, который тебя никогда не оставитъ.

ЖЕННИ (*съ восторгомъ*).

Вы!

МАРТОНЪ.

Да — я! я понялъ теперь тебя, я разгадалъ твою ангельскую душу — я тебя почитаю, ты этого достойна; ты имѣешь недостатки, имѣешь свои слабости, но кто-жъ ихъ не имѣетъ?

ЖЕННИ.

Ваша правда; и если вы позволите быть откровенной, то я вамъ скажу, что въ васъ ихъ еще больше.

МАРТОНЪ.

Ты находишь? Говори, прошу тебя.

ЖЕННИ.

Вы добродѣтельны — благородны...

МАРТОНЪ.

Перестань — я не терплю лести.

ЖЕННИ.

Слушайте! Вы имѣете большое сходство со мною, когда я на сценѣ: я танцую, а между тѣмъ гляжу на публику — глядитъ ли она на меня; то же и съ вами: вы дѣлаете добрыя дѣла не изъ желанія сдѣлать доброе дѣло, но изъ тщеславія — для того, чтобы другіе это видѣли и знали. Оригинальность вашихъ мыслей и костюма привлекаютъ на себя всеобщее вниманіе и мнѣ кажется, что философу, какъ вы, слѣдуетъ его избѣгать, а вы дѣлаете наоборотъ.

МАРТОНЪ.

Никто не говорилъ мнѣ въ глаза такой рѣзкой правды и, признаться, удивляюсь, что женщина можетъ разсуждать.

ЖЕННИ.

Еще новое самохвальство — неужели умъ свойственъ только вашему полу?

МАРТОНЪ.

Прости меня — не думай, чтобы я хотѣлъ тебя этимъ оскорбить, напротивъ, мнѣ чрезвычайно нравятся твои сужденія; продолжай — ты меня очаровала — ты сверхъестественная женщина, ты ангелъ! позволь мнѣ тебя видѣть чаще... всякой день.

ЖЕННИ.

Это то, объ чемъ я васъ хотѣла просить. Для начала вы должны принять мое приглашеніе на сегодняшній вечеръ.

МАРТОНЪ.

Теперь я его принимаю съ радостію.

ЖЕННИ.

О какъ я счастлива!

МАРТОНЪ (*беретъ ее за руку*).

Какъ ты прекрасна!

(*Въ это время входитъ Артуръ Дарзи съ журналомъ въ рукахъ и увидя Мартона возлѣ Женни, хохочетъ*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Уморительная статья! ха! ха! ха!..

МАРТОНЪ.

Кто-то идетъ — прощай, мы скоро увидимся (*уходитъ въ боковую дверь*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Превосходно!... какъ нельзя лучше.... разскажите мнѣ, миссъ, поскорѣй всѣ подробности.

ЖЕННИ.

Погомъ!.... мнѣ теперь нельзя... мнѣ нужно быть одной..

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Чтобъ выдумать новую мистификацію? Да лучше выдумаемъ вдвоемъ; останьтесь, миссъ.

ЖЕННИ (*въ сторону*).

Какой онъ неотвязчивый!

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Можетъ быть, нужно придумать еще какое нибудь средство... да говорите, Бога ради.

ЖЕННИ.

Не нужно ничего... онъ будетъ съ нами ужинать... онъ мнѣ далъ слово.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Это прекрасно! но какъ вы это сдѣлали?

ЖЕННИ.

Ну ужъ это мое дѣло — я вамъ скажу послѣ; — теперь не мѣшайтесь въ это (*уходитъ.*)

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Вамъ хочется однѣмъ распоряжаться,
Но вспомните, я вамъ почти женихъ,
Мы жъ любимъ всѣ въ дѣла чужихъ мѣшаться,
Особенно какъ видимъ пользу въ нихъ,
Когда еще сомнительно въ чемъ дѣло,
Сидимъ въ углу, ни слова никому,
А чуть успѣхъ — кричимъ по свѣту смѣло,
Когда бъ не мы, не быть бы ничему.

Не мѣшаться — это забавно. Нѣтъ, любезная Женни, ужъ если вы мнѣ это запрещаете, то я буду дѣлать напротивъ — это моя тактика, съ женщинами. Напишу циркуляръ ко всѣмъ пріятелямъ, пусть всѣ пріѣдутъ на сегодняшній знаменитый ужинъ — побольше шампанскаго. (*садится къ столу и пишетъ*) Почтеннѣйшій Квакеръ будетъ къ концу безъ заднихъ ногъ лежать у ногъ Женни, это будетъ восхитительная картина. Эй! кто нибудь (*въ это время входитъ Тоби. Артуръ Дарзи звонитъ*), гдѣ жъ это всѣ люди? — эй! кто нибудь (*увидя Тоби*) это что за франтъ? этаго я первый разъ вижу. Послушай, любезный, что, ты умѣешь писать?

ТОБИ.

Да кто жъ писать не умѣетъ? какъ же это вы, сударь, спрашиваете. Если вамъ нужно что нибудь въ этакомъ родѣ, то я, пожалуй, къ вашимъ услугамъ; въ этомъ домѣ намъ столько оказали добра, что я готовъ...

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Дѣло въ томъ, что нужно списать съ этихъ четырехъ строкъ дюжину копій, которыя ты мнѣ принесешь въ ту залу — я тебѣ продиктую тамъ адресы.

ТОБИ (*садясь къ столу*).

Очень хорошо, будетъ все-съ.

АРТУРЪ ДАРЗИ (*уходя*).

Хорошій мальчикъ! и если онъ на дѣлѣ такой же скромный, какимъ глядитъ, то я его послѣ свадьбы сдѣлаю своимъ секретаремъ (*уходитъ*).

ТОБИ (*разбирая письмо Дарзи*).

Любезный другъ — что это?.. нѣтъ, я не стану этого писать; мнѣ писать такія вещи про моего благодѣтеля? никогда (*входитъ Мартонъ*) Ахъ! г-нъ Мартонъ, посмотрите, какіе они безсовѣстные: они просто смѣются надъ вами.

МАРТОНЪ.

Что такое, мой другъ? я тебя не понимаю.

ТОБИ.

Просто, ну вотъ осмѣять васъ хотѣли; да я это такъ не оставлю: я его проучу... мнѣ все равно если онъ милордъ, я ему дамъ знать — дурачить моего благодѣтеля, писать на него пасквили, да меня же заставлять ихъ переписывать. Онъ думаетъ, что я въ конторѣ черныя дѣла переписываю на бѣло не размышляя, такъ и тутъ также будетъ — нѣтъ-съ ..

МАРТОНЪ.

Что же ты горячишься, мой другъ? тебя просили переписать пасквиль — ты обѣщалъ, и долженъ исполнить; нужно стараться услуживать всѣмъ, кому нужна помощь.

ТОБИ.

Да пасквиль-то на васъ, г-нъ Мартонъ; помилуйте, вы прочтите прежде, вѣдь я добрый малый, зачѣмъ же я буду переписывать такія вещи? вѣдь вы мой благодѣтель, г-нъ Мартонъ (*Мартонъ читаетъ*).

«Любезный другъ! Приглашаю тебя отъ «имени миссъ Женни провести у ней сегодняшній вечеръ: она придумала пре«занимательную шутку съ чудакомъ Мар«тономъ — ты будешь участникомъ водевильнаго фарса, который она намѣрена «разыграть за ужиномъ подъ названіемъ: «влюбленный Квакеръ.

Лордъ Дарзи.

Демонъ! (*падаетъ на кресла*).

ТОБИ.

Ахъ г-нъ Мартонъ, что это съ вами; экъ васъ закоробило; не дать ли вамъ воды?

МАРТОНЪ.

Оставь меня одного — пошелъ вонъ.... или нѣтъ! намъ нельзя здѣсь болѣе оставаться, я думаю, что теперь Патрика можно везти домой... бѣги и найми карету.... скорѣй...

ТОБИ.

Сейчасъ... сейчасъ, почтенный г-нъ Мартонъ, только пожалуйста на меня не сердитесь... вѣдь не я въ этомъ виноватъ, я добрый мальчикъ, я никому зла не дѣлаю (*уходитъ*).

МАРТОНЪ.

Неблагодарная! змѣя! — ну да я ее прощаю — она плясунья, у нея нѣтъ сердца, по-крайней мѣрѣ я желаю, чтобы она была по возможности счастлива... я не хочу и не умѣю мстить.

За злобу я людей прощаю,
Хоть это и смѣшно въ нашъ вѣкъ,
Но я... я мщенія не знаю —
Я Квакеръ — я не человѣкъ.
Пусть люди смѣхъ находятъ въ этомъ
И за добро всѣмъ платятъ зломъ,
Но я не человѣкъ предъ свѣтомъ—
За зло плачу всегда добромъ.

МАРТОНЪ.

Она — опять.

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРТОНЪ и ЖЕННИ.

ЖЕННИ.

Что это вы такъ печальны? г-нъ Мартонъ? что съ вами?

МАРТОНЪ.

Ничего! — я сейчасъ васъ оставляю.

ЖЕННИ.

Не можетъ быть; вы мнѣ дали слово остаться на вечеръ.

МАРТОНЪ.

Да, это правда; обѣщаніе всегда должно свято исполнять, хотя его даешь врагу — потому-то я тебя прошу мнѣ его возвратить.

ЖЕННИ.

Объяснитесь хорошенько, я васъ не понимаю.

МАРТОНЪ.

Притворщица!

ЖЕННИ.

Клянусь Богомъ я ничего не понимаю, покрайней мѣрѣ скажите мнѣ.

МАРТОНЪ.

Ты этого хочешь — изволь; но съ условіемъ: если я тебѣ скажу то, что чувствую, то ты меня отсюда выпустишь.

ЖЕННИ.

Говорите!

МАРТОНЪ.

Я тебя презираю — теперь прощай!

ЖЕННИ.

О! не уходите, умоляю васъ. Я лучше снесу ваше презрѣніе, нежели мучиться неизвѣстностью.

МАРТОНЪ.

И кто бы могъ думать, что подъ этою ангельскою наружностью скрывалось столько низости: какъ ты прекрасна и какъ ты безсовѣстна. Знай же, что ты можешь торжествовать; ты старалась меня обворожить, чтобъ послѣ одурачить — тебѣ удалось и то и другое — я тебя любилъ.

ЖЕННИ.

Вы? о! продолжайте, говорите, откройте мнѣ вашу душу, Бога ради.

МАРТОНЪ.

Ты еще издѣваешься надъ моею слабостью—безстыдная! у тебя нѣтъ сердца; ты не знаешь, что значитъ любовь; ледъ а не женщина; но ты не думай, чтобъ я попалъ въ сѣти этого поллаго лорда Дарзи; вашъ низкій проектъ не состоится; ты думаешь, что онъ мнѣ не извѣстенъ, смотри— читай — знаю ли...

ЖЕННИ (*прочитавъ бумагу*).

Такъ это васъ такъ разсердило? только-то?

МАРТОНЪ.

Молчи! не выведи меня изъ терпѣнія, не думай оправдываться.

ЖЕННИ.

Это была моя мысль, часъ тому назадъ, я не отпираюсь — но теперь...

МАРТОНЪ.

Теперь...

ЖЕННИ.

Но вы, можетъ быть, мнѣ не повѣрите— да, вы имѣете право мнѣ не вѣрить... но я вамъ сейчасъ докажу, докажу мою къ вамъ любовь, только не уходите (*убѣгаетъ, въ это время входитъ Тоби и увидя Женни, вскрикиваетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ТОБИ И МАРТОНЪ.

МАРТОНЪ.

Что съ тобою?

ТОБИ.

Карета готова, ѣдемте скорѣе, опять она! Господи Боже мой — ай! ай!.. ѣдемте же, что вы стоите, г. Мартонъ.

МАРТОНЪ.

Кто она? гдѣ? Что ты бредишь.

ТОБИ.

Какъ, кто она? Злой духъ! тотъ самый, котораго я встрѣтилъ въ коляскѣ—потомъ, который плясалъ въ коляскѣ, потомъ который плясалъ на театрѣ—ну вотъ сейчасъ опять мнѣ здѣсь явился—вотъ что съ вами-то говорилъ, г. Мартонъ.

МАРТОНЪ.

Помилуй, мой другъ, здѣсь кромѣ миссъ Женни ни кого не было.

ТОБИ.

Да какая миссъ Женни — не Женни, а Катерина—вѣдь я ее сейчасъ узналъ, она на васъ такъ глядѣла, какъ и на меня, когда давала клятву любить меня вѣкъ.

МАРТОНЪ.

Не ужели это она? И она тебѣ клялась любить?

ТОБИ.

Ну да, разумѣется, отъ того-то я въ это дѣло такъ и вступаюсь.

МАРТОНЪ.

Клялась, а между тѣмъ выходитъ за другаго за-мужъ.

ТОБИ.

Какъ! выходитъ за другаго... нѣтъ, я этого не позволю... Да что я могу сдѣлать, ну что это, еще мнѣ всѣ говорятъ, что я въ сорочкѣ родился, хороша сорочка, вездѣ только неудача (*плачетъ*). Помогите мнѣ, г. Мартонъ, гдѣ бы мнѣ отыскать, его, вотъ того, что на ней жениться хочетъ, мы просто къ нему пойдемъ, да и скажемъ, что вотъ мнѣ, ну вотъ нужно прежде его жениться, и что ему потому нельзя жениться... такъ прямо вотъ и скажемъ, ничего, пусть онъ насъ застрѣлитъ... мы будемъ счастливѣе... а онъ...

МАРТОНЪ.

Перестань, не будь малодушенъ, твои права священны, и я тебѣ порука, что она будетъ твоею.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И АРТУРЪ ДАРЗИ (*съ пистолетнымъ ящикомъ*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Квакеръ! я долженъ съ тобою объясниться.

МАРТОНЪ (*Тоби*).

Оставь насъ.

ТОБИ (*уходя въ комнату Женни*).

Попытаться, не увижу ли ее опять.

МАРТОНЪ.

Теперь мы одни, говори, что тебѣ нужно?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Я сейчасъ получилъ письмо отъ Женни.

МАРТОНЪ.

Что мнѣ до этого за дѣло?

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Она пишетъ, что полюбила тебя и отказываетъ мнѣ въ рукѣ, ты меня понялъ?... и такъ...

МАРТОНЪ (*съ восторгомъ*).

Какъ, ты не шутишь? она меня полюбила, о, теперь я ее понимаю.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Надѣюсь, что ты понимаешь также, чего я отъ тебя требую (*въ сторону*). Какихъ нибудь полчаса тому назадъ, я думалъ сыграть съ этимъ чудакомъ шутку, но пришлось разыгрывать ее самому съ собою. И такъ, намъ нечего болѣе терять времени, вотъ пистолеты, выбирайте свидѣтелей и мѣсто.

МАРТОНЪ.

Ты хочешь со мною стрѣляться.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Да! и стрѣляться на смерть.

МАРТОНЪ.

Не горячись, я не принимаю твоего вызова.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Такъ я тебя заставлю.

МАРТОНЪ.

Другъ! это не возможно, я квакеръ, я не могу стрѣляться.

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Это пустыя фразы! ты уже измѣнилъ долгу квакера, ты старался понравиться женщинѣ, которую я люблю, ты ее заманилъ въ свои сѣти, и я долженъ съ тобой поквитаться. Ты долженъ со мною стрѣляться, и сейчасъ же, иначе я тебя назову подлымъ трусомъ.

МАРТОНЪ.

Другъ мой! если бы ты зналъ, что твои слова производятъ въ моей душѣ, ты бы замолчалъ Я бы отдалъ все, что бы хотя на минуту быть свободнымъ отъ клятвъ квакера, и исполнить твое желаніе, но это не возможно. Постой (*схватываетъ пистолетъ и открываетъ окно*). Благодари Бога, что я квакеръ, иначе ты бы не остался живъ, смотри на мой выстрѣлъ (*стрѣляетъ чрезъ окно и кидаетъ пистолетъ*).

АРТУРЪ ДАРЗИ.

Боже!..

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, ЖЕННИ И ТОБИ.

ЖЕННИ.

Что такое случилось? Выстрѣлъ! что это значитъ?

МАРТОНЪ.

Ничего! маленькое доказательство, которое, кажется, убѣдило лорда въ справедливости моихъ словъ.

ЖЕННИ.

Слава Богу! а я такъ испугалась.

МАРТОНЪ.

Ты пришла очень кстати, миссъ Женни, увѣрь этого неугомоннаго лорда, что не я женюсь на тебѣ. Да, при мнѣ остаются: почтеніе и любовь къ этой достойной женщинѣ, а рука ея отнынѣ будетъ принадлежать тому, кто давно имѣетъ на нее право (*указываетъ на Тоби*).

ТОБИ.

Вы слишкомъ добры, г. Мартонъ, но я жениться на Катеринѣ, извините, я хотѣлъ сказать на миссъ Женни, не могу, теперь все объяснилось.

ВСѢ.

Какимъ образамъ?

ТОБИ.

Да что какимъ образомъ,—очень простымъ образомъ: я сейчасъ говорилъ съ миссъ, ну и она мнѣ призналась, что любила меня прежде, и когда она мнѣ назвала этого другаго (*глядитъ на Мартона*) я не могъ на нее сердиться, я теперь ужь не боюсь жениться на Бетти, пойду къ ней и разскажу все, фракъ будетъ готовъ чрезъ три дня, такъ что, если Патрику будетъ лучше, такъ чрезъ недѣлю я и женюсь.

МАРТОНЪ.

Какъ же, это ты добровольно уступаешь прелестную миссъ другому, когда ты еще ее любишь? Вѣдь ты не квакеръ?

ТОБИ.

Отъ того уступаю, что я добрый малый. Послушайте, г. Мартонъ, позвольте мнѣ послѣ свадьбы сдѣлаться квакеромъ.

МАРТОНЪ.

Съ удовольствіемъ мой другъ, но только сыграешь ли ты эту роль, она не легка.

ТОБИ.

И не такія игрывали.

ЖЕННИ. (*публикѣ*).

На вѣрно многихъ удивляетъ,
Что страсть я возбудила въ немъ;
Но женщина чего желаетъ,
Поставить вѣрно на своемъ;
Лишь воля здѣсь ея ничтожна,
Вашъ судъ во власти держитъ насъ;
Рѣшите же, чего намъ должно,
Сегодня ожидать отъ васъ?

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И ОЦѢНЫ.

ВЫГОДЫ НЕДОСТАТКОВЪ.

(Характеры для водевиля.)

(Отрывки изъ письма провинціала къ Московскому водевилисту Д. Т. Л—му.)

Боже мой! какъ чудно живутъ люди въ Петербургѣ! Совсѣмъ не такъ, какъ у насъ, въ провинціи. У насъ называется ловкимъ плутомъ тотъ, кто умѣетъ казаться гораздо лучше того, что онъ есть; кто умѣетъ прикрасить себя небывалыми достоинствами, совершенствами и добродѣтелями. Въ провинціи все это производитъ еще огромный эффектъ. Въ Петербургѣ — совсѣмъ другое дѣло! Здѣсь люди, для достиженія цѣли и исполненія желаній, прикрываютъ себя разными недостатками, даже пороками, какъ талисманомъ.

У насъ въ провинціи, всякъ выдаетъ себя за умницу, за человѣка великодушнаго или безкорыстнаго, или щедраго; всякъ выбираетъ маску покрасивѣе, поприятнѣе. Здѣсь, напротивъ, одинъ выдаетъ себя за скупца, другой — за расточителя, иной — за картежника, иной — просто за дурака, и всѣ находятъ выгоду играть въ такую странную игру. Такого удивительнаго феномена не могъ предвидѣть ни одинъ моралистъ.

Назадъ тому нѣсколько дней, гуляя по Невскому проспекту, я встрѣтилъ стараго нашего школьнаго товарища, Петра Глинскаго, котораго вѣрно и ты помнишь. Я, разумѣется, тотчасъ остановилъ его; безъ церемоній, принялся обнимать, но онъ смотрѣлъ на меня безъ всякаго внутренняго волненія, безъ радости...

— Какъ! вскричалъ я: и ты меня не узнаешь? Не ужели я такъ перемѣнился?

— Извините! отвѣчалъ онъ; я не много глухъ; извольте говорить погромче. Что вамъ угодно?

— Твой старый товарищъ, Викторъ Сбоевъ...

— Ахъ! любезный Викторъ!... прости, что я совсѣмъ не узналъ тебя!... Я близорукъ, слѣпъ, какъ курица.

— Какъ! и слѣпъ, и глухъ?...

— Да, мой милый Викторъ, я оглохъ и ослѣпъ, послѣ сильной простуды...

Глинскій принялся разсказывать мнѣ всѣ свои бѣдствія. Я жалѣлъ отъ души, чуть не плакалъ, но онъ говорилъ о своихъ недостаткахъ довольно хладнокровно. Не льзя было съ большимъ терпѣніемъ переносить такую двойную бѣду. Черезъ пять минутъ, Глинскій пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Заходи ко мнѣ, а теперь мнѣ неког-

да: у меня ужасныя хлопоты. Свадьба моя назначена въ будущій понедѣльникъ.

— А! поздравляю тебя!

— Надобно поздравлять мою невѣсту! Слѣпой и глухой мужъ, въ наше время, неоцѣненная находка!

Глинскій побѣжалъ отъ меня, съ улыбкою на устахъ.

— Бѣдный Петруша! подумалъ я. Слава Богу, что онъ философъ и умѣетъ переносить терпѣливо и безъ ропота обѣ ужасныя потери, которыми Небо поразило его въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ!... Мнѣ захотѣлось узнать нѣкоторыя подробности объ его женитьбѣ, и я рѣшился отправиться къ другому школьному товарищу, Юлію Васильевичу Голубеву, котораго ты не помнишь, потому что онъ, до вступленія твоего въ нашъ пансіонъ, вышелъ въ Медицинскую Академію.

Тотчасъ нашелъ я, въ *книгѣ Адрессовъ*, указаніе, гдѣ живетъ докторъ Голубевъ. Прихожу, звоню; мнѣ отпираетъ мужчина лѣтъ сорока, прекрасно, пребогато одѣтый.

— Извините... я желалъ бы видѣть доктора Голубова...

— Да онъ передъ тобою! отвѣчалъ мнѣ незнакомой мужчина съ громкимъ, веселымъ хохотомъ.

— Какъ, вы, сударь... Боже мой! Не ужели это ты, Юлій?

— А! каково я перемѣнился, постарѣлъ? прервалъ онъ меня, съ торжествующею миною.

— Да, очень, очень... хоть бы и не слѣдовало этого говорить...

— Ты, Викторъ, совсѣмъ меня не узналъ. Очень радъ! Въ добрый часъ! Лучшаго подарка ты не могъ мнѣ сдѣлать! Такъ я кажусь очень старъ?

— Да, ты просто старикъ!

— Ты мнѣ льстишь!

— Нѣтъ, я, къ сожалѣнію, говорю правду.

— Покорно благодарю, другъ мой; но еслибъ ты зналъ, какихъ мнѣ это стоило трудовъ и хлопотъ!

Между тѣмъ мы вошли въ роскошную комнату, усѣлись на мягкомъ диванѣ, и я не утерпѣлъ, спросилъ у Юлія, зачѣмъ онъ такъ усердно хлопоталъ о преждевременной старости?

— Что дѣлать, другъ! отвѣчалъ онъ, выпуская огромные залпы сигарочнаго дыму. — Нужда научитъ притворяться. Въ 1836 году я выдержалъ экзаменъ на доктора; я былъ весь молодость и здоровье; глаза блистали, какъ звѣздочки, щеки горѣли румянцемъ; густые черные волосы кудрями ниспадали на мое бѣлое лицо. Не даромъ въ пансіонѣ называли меня красавчикомъ, да ты и самъ помнишь, какъ на меня засматривались дамы на экзаменахъ. Я чванился этою пустою красотою, когда былъ неопытенъ, не зналъ свѣта! Но едва выступилъ на медицинское поприще, тотчасъ понялъ всю безполезность, даже скажу *вредъ* этихъ ничтожныхъ даровъ природы. Медикъ, прежде всего, долженъ внушать довѣренность; а кто довѣрилъ бы жизнь свою краснощекому, завитому юношѣ? Про меня очень часто говорили: онъ еще слишкомъ молодъ, не успѣлъ напрактиковаться; онъ хорошъ, румянъ, стало быть, больше занимается женщинами, чѣмъ лекарствами; гдѣ ему думать, какъ дѣлаются пилюли, когда не одна пожилая кокетка дѣлаетъ ему глазки? Пусть еще пожитъ на свѣтѣ, еще поучится, и тогда мы готовы слушать его совѣты, принимать его микстуры.

Я долженъ былъ жить медициной. Что жъ оставалось мнѣ дѣлать? Покориться требованіямъ свѣта. Для успѣха, мнѣ было необходимо состариться; ждать долго; я рѣшился создать себѣ наружную старость. Другіе съ непзъяснимымъ стараніемъ хлопочутъ, какъ бы сохранить признаки молодости; *я*, напротивъ, старался пріобрѣсти морщины, походку, всѣ принадлежности дряхлаго старичишки. Щеголи натираютъ голову *лысиною* помадою, считаютъ каждый волосокъ, который спадаетъ у нихъ съ головы; а я составилъ ѣдкую мазь, отъ которой въ недѣлю вылѣзли всѣ мои кудри. Почтенная лысина открылась у меня на го-

ловѣ и открыла мнѣ дорогу къ репутаціи. Съ твердостію Сократа, глоталъ я микстуры, которыя, по моему расчету, должны были согнать румянецъ съ щекъ моихъ, навести на лобъ преждевременныя морщины. Въ то же время, я пріучилъ себя ходить нагнувшись, какъ ходятъ немощные старики; огонь глазъ моихъ прикрылъ я синими очками; стройную талію запряталъ я въ широкій черный фракъ, сшитый по старой англійской модѣ, и никуда не выходилъ безъ толстой трости, какъ будто она мнѣ необходима. Едва успѣлъ я одѣться къ искуственную старость, тотчасъ явились у меня кліенты, родилось довѣріе ко мнѣ, и теперь богатство и слава вполнѣ вознаграждаютъ меня за потерю молодости, кудрей и румянца.

— Такъ вѣрно ты же лечишь несчастнаго нашего товарища Глинскаго?

— Разумѣется, я.

— Неужли нельзя вылечить его глухоты и слѣпоты? Съ твоимъ искуствомъ...

— Я лечу, но и не думаю вылечить его, отвѣчалъ Голубевъ со вздохомъ; болѣзни такого рода не повинуются медицинѣ. Глинскій слѣпъ и глухъ точно такъ же, какъ я старъ и дряхлъ. Ты знаешь, что Глинскій, еще у насъ въ пансіонѣ, отличался оригинальностію характера. Въ свѣтъ онъ явился подъ руководствомъ славнаго С***, хитраго дипломата, который научилъ его разнымъ штукамъ. Вѣрно, по совѣту хитраго старика, Глинскій притворился человѣкомъ, который ничего не видитъ и не слышетъ, и разставилъ двойные силки людямъ неосторожнымъ. При немъ никто не думаетъ остерегаться или притворяться, и онъ узнаетъ многіе секреты, тщательно скрываемые отъ людей съ востры-ми ушами и отъ зрячихъ свидѣтелей. Но это еще самая малѣйшая выгода. Слѣпой и глухой имѣютъ еще другія, болѣе важныя привилегіи въ обществѣ. Близорукій человѣкъ можетъ часто ошибаться въ свою пользу, какъ ему нужно; можетъ не узнать кредитора или врача, не поклониться, и никто не думаетъ на него сердиться. Глухой всегда можетъ обдумывать отвѣтъ, заставивъ повторить вопросъ два, три раза; онъ не боится насмѣшекъ, потому что слышитъ только то, что хочетъ слышать, или повторяетъ чужія слова такъ, какъ ему хочется, чтобъ они были сказаны. Понимаешь, какія неисчислимыя выгоды можетъ извлечь смѣтливый человѣкъ изъ глухоты или слѣпоты? Глинскій мастерски ими воспользовался. Мало по малу, онъ сдѣлался всеобщимъ повѣреннымъ. Когда богатой глупецъ скажетъ ему нелѣпость, Глинскій замѣняетъ ее умнымъ словцомъ и пускаетъ его въ ходъ на счетъ богача. Когда онъ проситъ награды и ему отказываетъ, онъ благодаритъ за милость съ такимъ одушевленіемъ, съ такою благодарностію, что начальнику совѣстно выводить его изъ заблужденія. Онъ часто строитъ куры изнѣженнымъ, старымъ кокеткамъ, говоритъ имъ такіе комплименты, какихъ не дерзнулъ бы сказать ни одинъ зрячій. За то онъ пользуется репутаціею добраго, милаго и, что всего важнѣе, несчастнаго человѣка. Всѣ о немъ жалѣютъ; всѣ соглашаются и кричатъ въ одинъ голосъ, что онъ былъ бы человѣкъ совершенный, еслибъ болѣзнь не нанесла ему глухоты и слѣпоты. Достоинства его выказываются теперь ярче, выпуклѣе, потому что въ картину искусно положена тѣнь. Счастіе безпрестанно ему улыбается, и вотъ онъ женится на богатой вдовѣ, которая чувствуетъ всю цѣну такого мужа. Но, можетъ быть, женитьба все испортитъ, и недостатки Глинскаго, служившіе до сихъ-поръ орудіями его успѣха, доставятъ ему случай яснѣе и скорѣе убѣдиться въ супружескихъ бѣдствіяхъ, которыми судьба безъ разбору надѣляетъ и слѣпыхъ и глухихъ...

— Да кто же научилъ васъ такой превосходной житейской тактикѣ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Не мы одни такъ живемъ, отвѣчалъ докторъ, не мы одни играемъ такую комедію. Роль очень выгодна, и многіе за нее берутся, и она почти всегда удается. Помнишь ли, въ исторіи, какъ одинъ кардиналъ прикинулся дряхлымъ старикомъ до коиклава, а потомъ вдругъ помолодѣлъ, когда его выбрали въ папы? Помнишь ли исто-

рію венеціянскаго купца, которую мы переводили съ нѣмецкаго на русскій, въ классѣ почтеннаго Дункельконфа?

— Нѣтъ, я всегда спалъ у него въ классѣ.

— Исторія очень забавная. Богатый купецъ возвращался въ Венецію изъ Египта съ богатымъ грузомъ драгоцѣнныхъ тканей. Онъ думалъ, что какъ нибудь избавится отъ пошлинъ и провезетъ товары безъ всякаго платежа; но ошибся въ расчетахъ и у самаго берегу столкнулся съ таможнею, которая грозно предстала передъ нимъ въ видѣ четырехъ рослыхъ досмотрщиковъ. Весь барышъ купца отправился бы въ венеціянскую казну, еслибъ внезапно не блеснула въ его головѣ удачная мысль. Онъ сбѣжалъ въ каюту, натеръ лице шафраномъ, выбѣжалъ на палубу, легъ на товаръ и принялся испускать неистовые вздохи и стенанія. Досмотрщики, увидавъ его желтую рожу, вообразили, что онъ умираетъ отъ чумы, бросились прочь отъ корабля и побѣжали донести начальству о казусномъ случаѣ. Въ ту же минуту, хитрый купецъ свезъ товаръ на берегъ и передалъ въ вѣрныя руки. Когда явились свидѣтельствовать корабль, купецъ весело ужиналъ съ моряками и пѣлъ пѣсенки. Чума доставила ему тысячъ десять дукатовъ чистой прибыли.

Теперь ты не удивишься, когда я скажу тебѣ, что нашъ краснощекій, полный товарищъ, Шпицигеръ, вдругъ опасно заболѣлъ, при самомъ вступленіи въ свѣтъ. Онъ сталъ худъ и блѣденъ, истощенъ и едва дышалъ; словомъ: имѣлъ безподобную наружность для роли умирающаго больнаго. У него начиналась, какъ говорили, сухотка, чахотка или что-то такое. Бѣдняжка ходилъ безпрестанно по Невскому, подъ предлогомъ, что доктора велѣли ему провѣтривать неизлечимую болѣзнь. — Что съ тобой? спрашивали у него. — Умираю, отвѣчалъ онъ. — Къ чему ты приготовляешь себя? — Къ смерти. — Гдѣ намѣренъ служить? — На томъ свѣтѣ!

По слабости здоровья, Шпицигеръ былъ принужденъ ничего не дѣлать, не могъ служить. И въ самомъ дѣлѣ, при такомъ слабомъ сложеніи, могъ ли онъ сидѣть пять, шесть часовъ въ департаментѣ, согнувшись надъ бумагами? Можно ли работать, писать, разбирать дѣла, когда грудь трещитъ, голова болитъ, желудокъ разрывается на части? Бѣдный Шпицигеръ былъ осужденъ на бездѣйствіе. Таковъ былъ первый результатъ его несчастной болѣзни, результатъ утѣшительный, если ты вспомнишь, какою огромною любовію къ лѣни былъ одаренъ отъ природы нашъ другъ и товарищъ Шпицигеръ.

Онъ не имѣлъ состоянія, за то имѣлъ дядю, который обладалъ тремя необходимыми для каждаго дяди качествами: онъ былъ богатъ, не женатъ и старъ. Къ несчастію, образцовый дядя имѣлъ еще двухъ племянниковъ, двоюродныхъ братьевъ Шпицигера. Они были прездоровые юноши, имѣли мѣсто, получали хорошее жалованье, и потому дядя ничего не давалъ имъ; а Шпицигеръ, немогшій вовсе работать, присужденный докторами къ вѣчному бездѣйствію, получалъ отъ добраго дядюшки порядочную пенсію и безпрерывно добывалъ еще разныя прибавки, подъ разными печальными и плачевными предлогами. То предвидѣлась нужда въ консиліумѣ, который стоитъ очень дорого, потому что славные доктора берутъ деньги безъ пощады; то аптекарь присылалъ счетъ, предлинный и превышавшій мѣсячные доходы Шпицигера; то докторъ предписывалъ поѣздку за границу, на воды, для перемѣны климата, поѣздку — увы! — можетъ быть, послѣднюю! Шпицигеръ слезно прощался съ дядюшкой, а тотъ ласково отпускалъ ему всѣ издержки леченія впередъ и провожалъ его въ *послѣдній разъ!*

Шпицигеръ отправлялся въ Баденъ, или въ Италію. Выѣхавъ изъ Россіи, онъ внезапно чувствовалъ облегченіе, *вѣроятно* отъ перемѣны климата. Почтовая ѣзда, днемъ и ночью, возвращала ему здоровье, аппетитъ, веселье. За границей, онъ съ избыткомъ вознаграждалъ себя за лишенія, переносимыя въ петербургской жизни. Возвратясь въ Петербургъ, онъ опять блѣднѣетъ, худѣетъ, ослабѣваетъ, почти умираетъ.

Наконецъ, дядюшка умеръ, оставивъ все свое имѣніе Шпицигеру по духовному завѣщанію. «Мой бѣдный племянникъ — пишетъ онъ въ духовной — находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что я непремѣнно долженъ обезпечить его безпомощное положеніе. Другіе мои племянники не долго подождутъ моего наслѣдства.»

Шпицигеръ только этого и добивался. Тотчасъ сбросилъ съ себя болѣзнь и теперь здоровъ публично. Съ тѣхъ поръ, какъ распечатали духовную, онъ толстѣетъ, краснѣетъ, ѣстъ и пьетъ исправно, какъ Сикстъ V послѣ конклава. Двоюродные его братцы подождутъ наслѣдства еще лѣтъ пядьдесятъ.

Или вотъ еще извѣстный поэтъ нашъ Запиваловъ, писатель длинныхъ элегій и фантазій, прикрылся щитомъ чахотки, чтобъ быть подъ масть плачевныхъ своихъ стихотвореній. Его болѣзненное, страдальческое лице, его элегическій, жалкій видъ не мало доставили ему успѣховъ въ гостиныхъ. Когда онъ читаетъ свои плаксивыя бредни, дамы рыдаютъ, потому что онъ умѣетъ преобразиться въ длинную плакучую иву, которая всегда возбуждаетъ какое-то жалкое чувство.

— Да, любезный Викторъ, продолжалъ докторъ, въ свѣтѣ премного людей пользуются разными недостатками и даже пороками. Иной утверждаетъ, что у него нѣтъ пальца или цѣлой руки, чтобъ не идти въ рекруты; чиновникъ часто страдаетъ головною болью, чтобъ неидти въ департаментъ; актеръ вырываетъ зубы, чтобъ избавиться хоть на одинъ день отъ театра; жены лежатъ безъ чувствъ, пока мужья при нихъ, и тотчасъ потомъ воскресаютъ въ объятіяхъ любовниковъ...

Много, долго еще говорилъ докторъ. Изъ всего его разговора я вывелъ слѣдующее заключеніе: для успѣха въ свѣтѣ и по службѣ, надобно мастерски скрывать свои достоинства. А между-тѣмъ, не худо было бы, любезнѣйшій Д. Т., вывести всѣхъ этихъ оригиналовъ въ какомъ нибудь водевильчикѣ. Зрители усердно посмѣялись бы надъ ними, а черезъ день сами стали бы дѣлать то же самое....

В. Сбоевъ.

СЛѢПОЙ.

(*Истинное произшествіе, расказанное П. Шмитомъ.*)

Въ числѣ пріятелей моихъ артистовъ великихъ и невеликихъ есть одинъ молодой человѣкъ, котораго я назову Филиппомъ, для того, что бы не открыть никогнито, столь же необходимаго для его счастія, какъ громкая извѣстность для весьма многихъ, Увы! и онъ когда-то пламенѣлъ тѣмъ же благороднымъ желаніемъ; но, что-такое желаніе безъ средствъ?...

Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ въ одномъ домѣ, гдѣ бывали музыкальные вечера: онъ занималъ весьма смиренную роль въ тамошнихъ квартетахъ. Вскорѣ послѣ того онъ познакомился со мною. Онъ желалъ издать тогда какую-то музыкальную фантазію, написанную имъ въ *модномъ тонѣ* и просилъ меня похлопотать объ этомъ дѣлѣ: я нашелъ ему издателя, но издатель не торопился и фантазія моего друга, не явившись во время, умерла для моды и для свѣта.

Филиппъ игралъ въ оркестрѣ театра *Gymnase* каждый вечеръ. Всякій разъ, когда я бывалъ въ этомъ театрѣ, я не опускалъ случая поговорить съ Филиппомъ и отъ души жалѣлъ, что онъ, съ такимъ замѣчательнымъ талантомъ, былъ долженъ ежедневно играть жалкую водевильную музыку.

Вдругъ я совершенно потерялъ его изъ виду; мѣсто его въ оркестрѣ занималъ другой. Я дѣлалъ о моемъ знакомцѣ всевозможные поиски и разспросы, но всѣ они остались безплодными; я начиналъ думать, что Филиппъ лишилъ себя жизни; это было весьма вѣроятно. Но отъ чего? Отъ бѣдности, отъ любви или отъ убійственной скуки ежедневно акомпанировать водевильнымъ пѣвцамъ?

Такъ прошло нѣсколько недѣль, какъ вдругъ, это было весьма недавно, — я встрѣтилъ его на италіянскомъ бульварѣ. Я окинулъ его внимательнымъ взглядомъ: мнѣ хотѣлось прочесть во взорѣ и въ чертахъ лица его разгадку той тайны, которая доставила мнѣ такъ много безпокойствъ; но въ томъ и другомъ вмѣсто слѣдовъ печали и страданій, я увидѣлъ выраженіе удовольствія и счастія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ, что Филиппъ былъ одѣтъ гораздо лучше чѣмъ прежде, и въ новой шляпѣ.

— Вы ли это?! воскликнулъ я наконецъ, гдѣ вы пропадали все это время? Что съ вами случилось такое?

— Благодарю васъ за участіе, отвѣчалъ Филиппъ, но разсказать вамъ...

— Если это тайна, то Богъ съ вами...

— Да, тайна... но вамъ я могу ввѣрить ее... Однакожъ, попытайтесь разгадать ее сами.

— Чтожъ это, что нибудь очень необыкновенное?

— Вовсе не необыкновенное. Вы знаете, что бывши въ оркестрѣ, я бѣдствовалъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Видите ли: Консерваторія просто губитъ насъ, скрипачей. Она выпускаетъ насъ цѣлыми сотнями,

именно въ то время, когда скрипачей никто и знать не хочетъ. Нынче солнышко свѣтитъ только для піанистовъ; а если вы не какой нибудь Бальо, не какой нибудь Беріо, то извольте давать уроки по два франка за каждый! Да и то еще счастіе: есть такіе, которые берутъ съ радостію по двадцати су за урокъ!

— Стало быть, вы на такой же ногѣ, какъ и учители грамматики и орѳографіи. Я зналъ даже такихъ, которые брали за латинскій урокъ по 50 сантимовъ... какъ парикмахеры за стрижку волосъ, съ завивкою!

— На экзаменахъ мнѣ какъ-то не удалось получить ни первой, ни второй награды. Скажу вамъ правду: я не былъ ни хуже, ни лучше другихъ; мнѣ, какъ видите, не посчастливилось... Благодаря этому, по выходѣ изъ школы, я не могъ поступить ни къ какому лирическому театру, а быть скрипачемъ большой оперы и даже комической оперы для нашего званія не бездѣлица. Но скрипачь театра *Гимназіи*! Что-это такое? Насъ и слушать не хотятъ... И я получалъ всего, сколько бы вы думали? шестьсотъ франковъ въ годъ изъ театра, да 50 или 60 франковъ въ мѣсяцъ за уроки на сторонѣ: вотъ и все! Можете себѣ представить, что я былъ очень не въ завидномъ положеніи. Жилъ я подъ самою кровлею, грѣлся днемъ на солнышкѣ, а вечеромъ въ театрѣ, потому-что большая часть моихъ питомцевъ были экономны по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и я такъ расчетливъ. Расходы на платье и на нѣкоторыя музыкальныя надобности истощали мой кошелекъ до того, что мнѣ едва ставало денегъ на самый скудный обѣдъ...

— Зачѣмъ же вы не сказали мнѣ ни слова объ этомъ? Зачѣмъ не хотѣли вы раздѣлить со мной вашего горя?

— Зачѣмъ! желудокъ бѣдняжка терпѣливъ... Но какъ бы то ни было, а мнѣ приходилось плохо, и я готовъ былъ рѣшиться на...

— Вотъ видите: опасенія мои были справедливы!

— Случай, однакожъ, спасъ меня. Разъ, въ минуту самую горькую, увидалъ я какого-то слѣпаго, который пре жалкимъ образомъ игралъ на скрыпкѣ неподалеку отъ Лувра. Слѣпой собратъ мой былъ полнощекой, плотный дѣтина. Я позавидовалъ ему! Вдругъ мнѣ вспало на мысль: почему же и я немогу быть слѣпымъ? Что мнѣ мѣшаетъ? Попытаемся. Я имѣю счастіе быть порядочно дурнымъ: оспа не только изрыла мнѣ лице, но и порядкомъ потѣшилась надъ глазами: стоитъ только умненько притвориться и какъ разъ попаду въ слѣпорожденные! Завтра же дебютирую.

— Вы не шутите?

— Вовсе не шучу. На другой день вечеромъ, я не пошелъ въ театръ, а расположился у одного кофейнаго дома въ темномъ уголку, гдѣ никто не могъ узнать меня. Обыкновенный костюмъ мой я не измѣнилъ почти нисколько; я только надѣлъ подъ шляпу черный шелковый колпакъ и нахлобучилъ его на глаза. Расположившись такимъ образомъ, я началъ играть аріи, фантазіи, отрывки изъ концертовъ. Но попытка моя не удалась: подлѣ меня останавливались, игру мою хвалили, но денегъ мнѣ давали мало. Я даже слышалъ, какъ говорили иные: »Съ такимъ талантомъ и проситъ милостыни! Да это просто лѣнивецъ!... Пари держу, что онъ не слѣпъ.« Я понялъ мою ошибку и рѣшился поступить иначе, слѣдуя примѣру тѣхъ шашечныхъ игроковъ, которые выигрываютъ только тогда, когда играютъ *въ поддавки*. Я перемѣнилъ мой щегольской сюртучекъ на крестьянскій камзолъ, мою шелковую шляпу на соломенную, мой черный шелковый колпакъ на бумажный, мои полусапожки на самые простые башмаки. Потомъ я купилъ себѣ за восемь десятъ су дрянную, разбитую скрипочку, заклѣилъ ее бѣлою бумагою, сталъ на Магдалининскомъ бульварѣ и началъ безжалостно выпиливать на моей скрипицѣ увертюры оперъ: Генрихъ, Ифигенія Каравань и другія подобныя вещи. Результатъ былъ самый выгодный: прохожіе останавливались передо мною; до меня часто долетали восклицанія: »Бѣдняга! этимъ-только-достаетъ себѣ хлѣбъ!« и деньги сыпались

мнѣ отвсюду. Вторая попытка принесла мнѣ вдесятеро болѣе чѣмъ первая, и я почувствовалъ, что попалъ на прямую дорогу и вполнѣ понялъ мое ремесло.

— И вы не выдумаете?

— Совершенно нѣтъ.

— Но вы разсказываете мнѣ такія удивительныя вещи!

— Я разскажу вамъ вещи еще удивительнѣе, если хотите.

— Сдѣлайте милость.

— Я, разумѣется, не оставилъ моихъ похожденій, но мнѣ хотѣлось заниматься моимъ новымъ ремесломъ какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Я дѣлалъ наблюденія надъ различіемъ мѣстъ и времени для моего виртуозства, надъ преимуществами людныхъ мѣстъ, надъ мѣстами уединенными. Еслибъ я не боялся обнажить тайны искусства, то написалъ бы такую книгу, которую велѣли бы прочитать себѣ всѣ слѣпые музыканты... впрочемъ, я еще подумаю объ этомъ.

— Вы оригиналъ!

— Вовсе нѣтъ: я художникъ и преданъ теперь своему искусству еще болѣе, чѣмъ прежде. Хорошо играть на скрипкѣ и въ то же время умирать съ голоду—вещь довольно не хитрая; но играть на ней скверно, и доставать себѣ хлѣбъ — искусство очень и очень трудное. Это удается не всякому.

— Вотъ еще!

— Да, увѣряю васъ. Я распоряжаюсь моею слѣпотою очень ловко. Напримѣръ, когда я играю на какой нибудь набережной или на мосту, гдѣ прохожіе рѣдки, я изъ-подтишка высматриваю тѣхъ, которые подходятъ ко мнѣ, и играю имъ то, что, судя по наружности ихъ, можетъ произвести на нихъ наиболѣе стастливое впечатлѣніе. Если я замѣчу старинаго служаку военнаго, я тотчасъ гряну: *la Victoire est à nous*, и ветеранъ навѣрное подѣлится со мною своими заслуженными деньгами. Когда прохожій покажется мнѣ пожилымъ холостякомъ, я начинаю играть ему арію Гретри: *Il est certains barbons*, или арію Боельдьё *Ah! vous avez des droits superbes!* Но ежели мимо меня проходитъ какой-нибудь почтенный горожанинъ съ своимъ сынишкомъ и зонтикомъ, я не-медленно привѣтствую его арією: *Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille?* Вы не можете себѣ представить, какъ выгодна была для меня *Кагуча*, когда я игралъ ее кстати. Сверхъ того есть множество другихъ выгодъ, которыми только надобно умѣть пользоваться. Напримѣръ однажды въ Елисейскихъ поляхъ замѣтилъ я, что какой-то господинъ и какая-то дама пробираются съ разныхъ сторонъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ; смѣкнувъ въ чемъ дѣло, я тотъ же часъ началъ играть: *Tandis que tout sommeille!* Господинъ попросилъ меня перестать, но я возразилъ, что игра доставляетъ мнѣ пропитаніе... и господинъ сунулъ мнѣ въ руку сорокъ су. Въ другой разъ, когда я былъ подлѣ обелиска, цѣлое семейство подошло позѣвать на этотъ монументъ. Какой-то молодой человѣкъ, — быть можетъ двоюродный братецъ, — который держалъ подъ-руку молодую дѣвушку, отдѣлился нѣсколько отъ своей группы и приказалъ мнѣ играть какъ можно громче. Онъ далъ мнѣ тутъ же пять франковъ, и я гудилъ что было мочи.

— Все это прекрасно; вы играли роль слѣпаго превосходно; но вы наконецъ оставили ваше ремесло?

— Оставилъ, для того, чтобы приняться за него потомъ снова.

— Можетъ ли это быть?

— Увѣряю васъ! черезъ три дня я буду опять слѣпымъ.

— И на долго?

— Недѣли на три. Знаете ли вы, сколько выработалъ я въ первый мѣсяцъ моей слѣпоты? Около 300 франковъ, то есть 160 франками болѣе, чѣмъ доставалъ, когда смотрѣлъ въ оба! Далѣе должно идти еще лучше: теперь наступаютъ долгіе дни, прекрасные и теплые вечера, а я сдѣлался гораздо опытнѣе. Впрочемъ, вы безъ сомнѣнія понимаете, что я вовсе не желаю оставаться слѣпымъ цѣлую жизнь. Я вычислилъ, что въ продолженіе трехъ недѣль я достану столько, что могу спокойно жить мѣсяцъ. До старости мнѣ еще далеко; да и доживу ли я до нея? Поэтому,

мнѣ кажется, что я поступлю весьма разсудительно, если изъ тридцати дней каждаго мѣсяца буду удѣлять восемь удовольствіямъ, дружбѣ и любви, словомъ: всему, что есть драгопѣннѣйшаго на землѣ. Много ли вы знаете такихъ артистовъ, которые могутъ позволить себѣ это?

— Я внѣ себя отъ удивленія. Вы предлагаете мнѣ вопросъ столь странный, что я не могу разрѣшить его. Если бъ это было не болѣе какъ предположеніе, я сказалъ бы вамъ, что вы бредите, что вы мечтатель, утопистъ; но вы уже осуществили вашу затѣю, вы довольны ею; успѣхъ увѣнчалъ ваше предпріятіе, и я, къ стыду моему, ничего не могу предложить вамъ другаго въ эту минуту.

— Надѣюсь! Я знаю по опыту, что открытія дѣлаются не легко. И такъ, черезъ недѣлю я опять поступаю въ слѣпые. Мнѣ не достаетъ только одного: — собаки.

— Не хотите ли взять мою? я самъ воспиталъ ее и притомъ она не нравится моему нынѣшнему домовому хозяину.

— Беру! Или нѣтъ. . постойте... да, я не могу ее взять.

— Отчего такъ?

— Оттого, что ваша собака пріучена ходить за вами: она повредитъ мнѣ въ общественномъ мнѣніи. Мнѣ надобна такая собака, которая могла бы водить меня.

— Вы совершенно правы; но у насъ есть еще время: черезъ недѣлю собака мол будетъ водить васъ какъ нельзя лучше.

— Если вы увѣрены въ этомъ — очень радъ; въ противномъ случаѣ — съ меня будетъ довольно моей палки.

Ш—въ.

МУЗЫКА.

ОБЪ УВЕРТЮРѢ.

(*Статья Рихара Вагнера.*)

Въ прежнія времена, передъ сценическими произведеніями давались обыкновенно *прологи*. Вѣроятно, тогда казалось слишкомъ смѣлымъ оторвать зрителя, вдругъ, безъ приготовленія, отъ всемогущихъ впечатлѣній жизни дѣйствительной и перенести его въ фантастическій міръ театральный. Прологъ же считался нѣкотораго рода введеніемъ, которое постепенно привлекало вниманіе зрителя къ представленію, давало понятіе о самой пьесѣ и знакомило съ тѣми происшествіями, которымъ, по ходу ея, слѣдовало случиться до ея начала. Казалось бы, что этому же правилу надлежало подвергнуться и операмъ, но передъ ними начали давать не прологи, а исполнять однимъ только оркестромъ чисто-музыкальныя произведенія, т. е. *увертюры*. Первыя изъ этихъ произведеній написаны совсѣмъ не въ томъ духѣ, какъ писали въ старину прологи: они вовсе не даютъ понятія о содержаніи пьесы. Инструментальная музыка находилась тогда еще въ столь младенческомъ состояніи, что композиторы тѣхъ временъ не могли и думать о разрѣшеніи подобной проблемы: поэтому они ограничились простою музыкальною прелюдіею, приготовлявшею публику къ одному только слушанію пѣнія.

Произведенія эти получили болѣе опредѣленный и болѣе согласный съ своими драмами характеръ только въ то время, когда инструментальная музыка сдѣлала нѣкоторые успѣхи. Впрочемъ, характеръ этотъ выражался только въ главныхъ чертахъ и знакомилъ слушателя только съ общимъ характеромъ драмы. Увертюры тогдашнія были весьма не велики и нерѣдко состояли изъ одного и того же протяжнаго движенія (mouvement): самые поразительные примѣры подобнаго рода сочиненій, хотя большаго объема, можно найти въ ораторіяхъ Генделя. Свободному развитію увертюры препятствовало тогда то же самое обстоятельство, которое затрудняло композиторовъ во времена младенчества музыки, т. е. незнаніе средствъ, необходимыхъ для сочиненія значительнаго по объему музыкальнаго произведенія. Такъ-какъ всѣ пособія для сочиненія подобныхъ пьесъ состояли тогда въ однѣхъ только тонкостяхъ контрапункта, то композиторы того времени писали инструментованныя фуги, и терялись въ извилинахъ этихъ чудовищностей артистической спекуляціи. Послѣдствіемъ такого направленія была монотонность. Сочиненія этого рода не могли выражать никакого опредѣленнаго и индивидуальнаго характера. Самъ Гендель, по-

видимому, нисколько не заботился о согласованіи увертюръ съ пьесами и ораторіями. Напримѣръ, по увертюрѣ *Мессіи* никакъ не возможно предъугадать, что она служитъ интродукціею къ произведенію столь возвышенному, какъ эта знаменитая оратоpія.

Но въ то время, когда начали исполнять передъ операми (еще и нынѣ существующій родъ) симфоній, раздѣленныхъ на три части, проблема, о которой говоримъ мы, была гораздо ближе къ разрѣшенію. Каждому изъ этихъ трехъ подраздѣленій старались тогда придать свой, особенный характеръ, а, послѣ того, Моцартъ, въ Симфоніи піесы «Похищеніе изъ Сераля,» показалъ, до какой степени можно передать предварительно общій характеръ оперы. Однакожъ, и подобное подраздѣленіе симфоній на три части не соотвѣтствуетъ ея назначенію. Истинными творцами (нынѣшней увертюры) были – Глюкъ и Моцартъ. Но и самъ Глюкъ нерѣдко считалъ увертюру не болѣе, какъ простою интродукціею. Впрочемъ, хотя онъ и смотрѣлъ на нее съ такой точки зрѣнія въ отношеніи чисто музыкальномъ, онъ всегда старался развивать въ интродукціи драматическій характеръ оперы. Самая совершенная изъ увертюръ Глюка, есть увертюра «Ифигено въ Авлидѣ.» Въ этомъ произведеніи маэстро величественно, энергически и отчетливо выразилъ господствующую идею драмы. Возвратимся къ этому превосходному произведенію, когда будемъ говорить о томъ, какую форму увертюры должно принять за самую совершенную.

Послѣ Глюка настоящее назначеніе увертюръ далъ Моцартъ. Не стараясь передать музыкою того, чего она, по свойству своему, не можетъ передать, т. е. подробностей и хода піесы, (какъ это дѣлалось въ старинныхъ прологахъ), онъ бралъ для своихъ увертюръ только господствующую идею драмы и создавалъ такія произведенія, которыя имѣли и свою независимую цѣнность, свою собственную оконченность и были тѣсно связаны съ самыми операми, для коихъ написаны. Однакожъ Моцартъ придалъ большей части своихъ увертюръ собственныя имъ *Conclusions (музыкальныя окончанія)* напр. въ «Волшебной флейтѣ,» въ «Женитьбѣ Фигаро», въ «Титовомъ милосердіи.» Поэтому, должно бы казаться страннымъ, что онъ не сдѣлалъ того же для совершеннѣйшаго въ семъ родѣ произведенія, для увертюры «Донъ Жуана,» еслибъ дивный переливъ послѣднихъ тактовъ этой увертюры въ звуки первой сцены оперы не былъ истинно геніальною чертою, составляющею необыкновенное окончаніе и изящество котораго едва ли возможно изобрѣсти для разбираемаго нами творенія.

Увертюра, созданная Глюкомъ и Моцартомъ, сдѣлалась собственностію Херубини и Бетховена. Должно однакожъ замѣтить, что изъ этихъ двухъ композиторовъ, нерѣдко имѣющихъ между собою музыкальное сходство, Херубини увлекся направленіемъ Моцарта, а Бетховенъ въ послѣдствіи значительно уклонился отъ него. Увертюры Херубини суть поэтическіе эскизы главной идеи драмы, схваченной въ ея главныхъ чертахъ и ясно выраженной; а увертюра «Водовоза» показываетъ намъ въ какой степени можетъ выразиться, даже въ такой формѣ, драматическій ходъ поэмы, нисколько не вредя единству художественной фактуры. Увертюра, написанная Бетховеномъ, для «Фиделіо,» (вторая edi*ti*), безспорно, нѣсколько съ родни «Водовозу» Херубини: въ этихъ двухъ произведеніяхъ они наиболѣе имѣютъ между собою сходства. Но что предѣлы сіи были тѣсны для порывистаго генія Бетховена, это видно изъ другихъ его большихъ увертюръ, и особенно изъ увертюры «Леоноры». (*) Бетховену ни однажды не представилось

(*) *Леонора* было *первое* названіе оперы *Фиделіо*, и эта увертюра была прежде написана, нежели исполняемая нынѣ при Фиделіо. Предоставляю на судъ Логики, можетъ ли это служить доказательствомъ, что Б. нашелъ тѣсноты въ формѣ увертюры, или не видимъ ли мы изъ этого, что Б. для *драматическо*й увертюры предпочелъ даже эту форму, а 1-ую увертюру оставилъ какъ *отдѣльное* сочиненіе, *достойное выраженіе особаго міра*, по цѣли своей какъ увертюра къ *драмѣ* несоотвѣтствующее. *Примѣчаніе одного русскаго композитора.*

*

драмы, которая была бы ему, такъ сказать, по сердцу, и онъ, словно въ вознагражденіе себя за это, завладѣлъ увертюрою, какъ собственностію, принадлежащею ему по праву генія, чтобы дать въ ней разгульный просторъ своему вдохновенію, — вдохновенію, которому было тѣсно въ самой драмѣ. Онъ, какъ будто разсердясь, отбросилъ мелкія выгоды, доставляемыя композитору интригою піесы и вознаградилъ себя за нихъ въ увертюрѣ. Это увлеченіе породило, напримѣръ, его увертюру «Леоноры.»( ) Здѣсь онъ не только не ограничился сочиненіемъ простой музыкальной интродукціи для драмы, но, напротивъ того, принесъ драму въ жертву увертюрѣ. Это колоссальное произведеніе нельзя даже назвать увертюрою: въ немъ цѣлая драма, въ ея полномъ развитіи.

Увертюры Бетховена и Херубини были образцами увертюръ Вебера, и хотя онъ не осмѣливался подняться на ту высоту, на которой сталъ Бетховенъ въ увертюрѣ «Леоноры,» однакожъ умѣлъ придать своимъ сочиненіямъ драматизмъ, не загромождая его мелочными аксесуарными украшеніями. И даже тамъ, гдѣ Веберъ позволилъ себѣ увлечься необходимостію собирать гораздо болѣе второстепенныхъ мыслей и образовъ, чѣмъ могло умѣститься ихъ въ формѣ увертюры, принятой имъ самимъ, даже и тамъ онъ такъ умѣлъ сохранять драматическое единство своей идеи, что его можно счесть изобрѣтателемъ новаго рода увертюры. Въ этомъ родѣ, который можно бы назвать драматическою фантазіею, самое замѣчательное произведеніе есть увертюра «Оберона.» Произведеніе это имѣло весьма важное вліяніе на сочиненія новѣйшихъ композиторовъ (*).

Однакожъ, нѣтъ сомнѣнія, что слишкомъ дробное выраженіе одной драматической идеи въ музыкальномъ произведеніи, ставитъ композитора весьма въ невыгодное положеніе въ отношеніи къ чисто музыкальной сторонѣ сочиненія. Я намѣренъ пространнѣе говорить объ этомъ предметѣ въ послѣдствіи, а теперь замѣчу только, что увертюра, написанная въ подобномъ духѣ, совершенно уклоняется отъ своего назначенія и, по разрозненности своей, скорѣе можетъ быть названа музыкальнымъ pot-pourri, чѣмъ увертюрою (*).

Родоначальницею такихъ pot-pourris, должно, по справедливости, счесть увертюру «Весталки» Спонтини. Произведеніе это, — впрочемъ, геніально-поэтическое, — содержитъ въ себѣ первые зачатки того легкаго и поверхностнаго рода, который въ послѣдствіи такъ распространился въ музыкальномъ мірѣ. Композиторы перестали считать увертюру произведеніемъ самостоятельнымъ, существующимъ своею собственною жизнію и только отсвѣчивающимъ общій драматическій колоритъ оперы; они (**) начали вводить въ нее и связывать одинъ съ другимъ цѣлые изолированные пассажи изъ оперы, замѣчательные болѣе по ихъ блеску, чѣмъ по достоинству. Разумѣется, что произведенія такого рода, не требовавшія глубокаго размышленія отъ слушателя и составленныя изъ самыхъ блестящихъ пассажей, плѣнили публику и были приняты съ неограниченнымъ одобреніемъ. Къ этой-то категоріи принадлежатъ и знаменитая увертюра «Вильгельма Теля» Россини и увертюра «Цампы, »Герольда. (***) Конечно, подобныя произведенія могутъ плѣнить и увлечь, но по совершенному отсутствію въ нихъ художественной и самостоятельной идеи, не могутъ быть причислены къ созданіямъ благороднымъ и возвышеннымъ. Это просто музыка, написанная только для того, чтобы нравиться.

Бросивъ взглядъ на исторію увертюры вообще и упомянувъ о самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ въ этомъ родѣ, я обращаюсь къ важному вопросу, — къ во-

(*) Согласенъ; но по этому самому сія увертюра, составляющая цѣлое по себѣ, не показалась ему удобною интродукціею въ драму. *Прим. рус. Комп.*

(**) Болѣе еще вліянія имѣла фантастическая увертюра *Фрейшица*.

Пр. Рус. Комп.

*) Это можно отнести только къ увертюрамъ Французской школы.

**) Особенно *Оберъ* и *Герольдъ*. *Прим. Рус. комп.*

(***) И всѣ увертюры *Обера*. *Прим. Рус. комп.*

просу о томъ, какъ должно писать увертюру? (*) Для этой цѣли остановимъ вниманіе наше на двухъ геніальныхъ созданіяхъ—на увертюрахъ «Донъ Жуана» и Леоноры.» Въ первой изъ нихъ, господствующая идея драмы обозначена, такъ сказать, двумя главными чертами: это борьба страсти съ могуществомъ ада, — могуществомъ, повидимому, торжествующимъ надо нею. Еслибъ Моцартъ придалъ увертюрѣ трагически-ужасное окончаніе своей оперы,—увертюра его была бы самостоятельнымъ цѣлымъ, самостоятельною драмою. Но онъ не сдѣлалъ этого и предоставилъ слушателю предугадать послѣдствіе борьбы, олицетворяемой въ его увертюрѣ. (**) Въ удивительномъ переходѣ ея къ первой сценѣ оперы, сливаются между собою элементы совершенно враждебные другъ другу и навѣваютъ на душу какое-то глубоко грустное чувство. Во всей этой увертюрѣ нѣтъ ни одного пассажа, который имѣлъ бы непосредственное, прямое соотношеніе съ ходомъ драмы, между тѣмъ, какъ господствующая идея оперы выражена въ ней, по крайней мѣрѣ, для души поэтической съ несомнѣнною ясностію, съ не сомнѣнною опредѣлительностію. Мы не знаемъ въ ней ни одного мотива, который былъ бы заимствованъ изъ оперы. (***) Она никогда не измѣняетъ своему назначенію, никогда не выходитъ изъ предѣловъ увертюры, и все-таки вниманіе слушателя не можетъ оторваться отъ страшной борьбы, въ ней выражаемой. Въ этомъ-то и состоитъ существенное различіе между увертюрою «Донъ-Жуана» и увертюрою «Леоноры.» Когда вы слышите сіе послѣднее произведеніе, вы не можете избавиться отъ сильнаго безпокойства, совершенно подобнаго тому, которое ощущаете вы, когда присутствуете при представленіи драмы, потрясающей вашу душу. Увертюра эта, какъ я и прежде замѣтилъ, есть драма самостоятельная, драма, написанная для другой драмы, а не простой эскизъ господствующей идеи оперы, или простая интродукція къ сценическому произведенію. Точка зрѣнія, съ которой смотрѣлъ Бетховенъ на драматическую сторону музыки, дѣлаетъ для насъ понятною причину, по коей онъ считалъ художническимъ долгомъ написать эту увертюру, такъ, какъ онъ написалъ ее, а не иначе. Онъ выразилъ въ ней, въ тѣсныхъ предѣлахъ, то же самое величественное и поэтическое событіе, которое развивается въ самой оперѣ со всѣми его подробностями. Онъ желалъ передать намъ въ образахъ чистыхъ и поэтическихъ исторію любви пламенной и глубокой, любви, готовой на самыя великія пожертвованія. Во всемъ этомъ произведеніи его господствуетъ идея нравственная, возвышенная..... Передъ вами мрачная, печальная темница; ни одинъ лучъ солнца не проникаетъ въ нее; гробовое молчаніе ея нарушается только тяжелыми вздохами, — вздохами узника по прежней свободѣ.... Вдругъ, въ эту обитель скорби является существо чистое и любящее,— женщина, исполненная геройской рѣшимости, и приноситъ съ собою радость, освобожденіе и жизнь: вотъ идея, развитая Бетховеномъ въ его увертюрѣ «Леоноры!»

Но произведеніе это не имѣетъ себѣ подобнаго въ своемъ родѣ и не можетъ быть названо увертюрою, если подъ этимъ словомъ разумѣть сочиненіе, предназначенное единственно для исполненія его передъ драмою и для ознакомленія слушателя съ ея характеромъ. Впрочемъ, такъ-какъ я разсуждаю здѣсь только объ истинномъ назначеніи увертюры въ строгомъ смыслѣ, то произведеніе, о которомъ говорю я, не можетъ быть принято первообразомъ для другихъ произведеній того же рода, потому что оно, само по себѣ, составляетъ драму. Слушатель, имѣющій богатаго запаса воображенія и незнакомый съ самою

(*) Очень просто, войдя въ характеръ драмы и соображаясь съ главной ея чертою, писать самобытное твореніе, основными темами котораго, пожалуй, могутъ быть идеи взятыя изъ *мѣстъ* драмы, имѣющихъ вліяніе и нанее и на цѣлую идею увертюры. *Прим. Рус. комп.*

(**) И правъ: потому что эта борьба была *внутренняя* состояніемъ Донъ Жуана, а не исторіею его смерти. *Прим. Рус. комп.*

(***) Впрочемъ это заимствованіе главной идеи—не порокъ, только бы идея была развита. *Прим. Рус. комп.*

оперою, не поймет этого произведенія, а у того, кому сдѣлается оно доступнымъ, будетъ уже заранѣе похищено то наслажденіе, которое могло бы доставить ему сама опера.

И такъ, оставимъ это колоссальное произведеніе и обратимся къ увертюрѣ, написанной Моцартомъ для «Донъ Жуана», въ которой, какъ и выше замѣчено, развитъ только очеркъ господствующей идеи драмы и притомъ въ отношеніи чисто музыкальномъ, а не драматическомъ. Этотъ ролъ, по моему мнѣнію, можетъ быть типомъ для всѣхъ подобныхъ сочиненій, особенно потому, что композиторъ, слѣдуя ему, можетъ вовсе не выходить изъ сферы музыки и не вводить въ свое сочиненіе подробностей чисто-драматическихъ, словомъ нисколько не стѣсняться въ исполненіи своей мысли. Сверхъ того, музыкантъ, принявъ такую методу, вѣрнѣе достигаетъ, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ кажется, существеннои цѣли увертюры. Увертюра должна быть не болѣе какъ идеальнымъ прологомъ оперы; она должна только приготовлять вашу душу къ воспріятію послѣдующихъ за оперою впечатлѣній музыкальныхъ, а не поглощать въ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи драматическомъ, весь сюжетъ оперы. Я не желаю однакожъ сказать этимъ, что идею, олицетворенную музыкально, не слѣдуетъ выражать во всей полнотѣ ея: напротивъ того, увертюра въ музыкальномъ отношеніи должна носить на себѣ печать совершенной окончености.

Самымъ лучшимъ примѣромъ для сочиненія подобной увертюры, можетъ послужить увертюра «Ифигеніи въ Авлидѣ» Глюка. Здѣсь, такъ же, какъ и въ увертюрѣ «Донъ-Жуана» выражается борьба двухъ элементовъ враждебныхъ между собою. Самая драма «Ифигеніи» состоитъ изъ этихъ двухъ элементовъ. Войско героевъ греческихъ созвано для совершенія одного, общаго всѣмъ имъ великаго подвига; оно одушевлено одною и тою же мыслію,—мыслію о подвигѣ. Этому интересу огромной массы противупоставленъ интересъ частный—сохраненіе жизни одного человѣка, спасеніе одной дѣвушки. И съ какою характеристическою истиною, музыкально олицетворилъ Глюкъ эти враждебные элементы! Какъ умѣлъ онъ ихъ противупоставить другъ другу въ своей увертюрѣ! Въ величіи allegro ея вы узнаете величіе мысли, собравшей героевъ Греціи, а въ послѣдующихъ звукахъ вы съ грустію разгадываете страданіе существа, обреченнаго въ жертву этой массѣ... Такимъ образомъ, вы уже приготовлены къ воспріятію впечатлѣній самой драмы и переходите къ ней, полные удивленія и сострадація. Желательно, чтобы это дивное произведеніе послужило фаросомъ для будущихъ сочинителей увертюръ и показало имъ, что величественная простота всего лучше можетъ выразить высокій помыслъ художника. Да, увертюра эта не производила бы такого впечатлѣнія, какое производитъ она теперь, еслибъ Глюкъ обременилъ ее, для выраженія второстепенныхъ подробностей драмы, мелочными аксесуарами! И притомъ такая простота нисколько не препятствуетъ развивать музыкально господствующія идеи увертюры. Разумѣется, что мы говоримъ не о томъ родѣ дѣйствія, который находится только въ самой драмѣ, но о томъ, который заключается въ существѣ инструментальной музыки. Одна изъ двухъ господствующихъ идей, музыкально вами трактуемыхъ, идея преобладающая, *притянетъ* къ себѣ, почти всегда, другую, подобно тому, какъ звѣзда, стоящая выше другихъ звѣздъ на горизонтѣ, притягиваетъ ихъ. А какъ борьба *началъ* всякой драмы даетъ ей жизнь, то въ окончаніи увертюры смѣло можно выразить результатъ этой борьбы. Въ средствахъ для сего музыка не нуждается. На этомъ-то основаны большая часть увертюръ Херубини, Бетховена и Вебера. Въ увертюрѣ »Водовоза«, этотъ важный кризисъ изображенъ съ величайшею опредѣлительностію. Въ увертюрѣ «Фиделіо», »Эгмонта,« «Коріолана и« Волшебнаго Стрѣлка» выраженъ ясно и весьма хорошо результатъ могучей борьбы.

И такъ, самая важная задача при сочиненіи такихъ увертюръ состоитъ въ томъ,

чтобы передать въ нихъ главную идею драмы элементами самостоятельными и привести ее къ такому окончанію (conclusione), въ которомъ можно было узнать разрѣшеніе проблемы представленія. Композиторъ сдѣлаетъ весьма многое для уразумѣнія драматической стороны своей увертюры, когда съумѣетъ слить въ ней характеристическіе мотивы, очерки и ритмы, заимствованные изъ самой оперы. Но не должно никогда терять изъ виду, что эти мотивы и ритмы должны быть заимствованы чисто въ музыкальномъ отношеніи и не должны носить на себѣ отпечатка мѣры словъ, кои сопровождаютъ ихъ въ операхъ. Въ противномъ случаѣ композиторъ принесетъ себя и свое искусство въ жертву другому искуству. Повторяю, надобно, чтобы эти элементы были натуры чисто-музыкальной и, какъ напримѣръ въ этомъ родѣ, укажу на аккорды тромбоновъ жрецовъ въ увертюрѣ «Волшебной Флейты», на *трубный аппель* въ »Леонорѣ« и на мелодію (волшебнаго) рожка въ увертюрѣ «Оберона». Эти мотивы, заимствованные изъ оперъ, служатъ для объясненія или опредѣленія драматической стороны увертюръ и поэтически придаютъ имъ, чисто музыкальнымъ образомъ, индивидуальный смыслъ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ и самую драму.

Теперь намъ остается разрѣшить вопросъ: должны ли развязка драмы и судьбы главныхъ дѣйствующихъ лицъ имѣть непосредственное вліяніе на увертюру и особенно на ея окончаніе (conclusione *). Вліяніе это не можетъ быть допущено иначе, какъ условнымъ образомъ. Композиторъ, опредѣливъ основныя идеи увертюры и средства исполненія въ смыслѣ чисто-музыкальномъ, можетъ развить въ ней начала драмы, но не долженъ ничего заимствовать изъ частныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ. Онъ долженъ разрѣшить въ ней только главный философическій вопросъ драмы и выразить только общую, такъ сказать, участь драмы. Нигдѣ высокая, трагическая идея драмы не была выражена такъ прекрасно и такъ благородно, какъ въ увертюрѣ Бетховена къ драмѣ «Эгмонтъ» (Гете). Послѣдніе звуки увертюры, возвышающіеся до степени апотеозы, въ совершенствѣ передаютъ идею драмы и вмѣстѣ съ тѣмъ, сами-по-себѣ, составляютъ сочиненіе истинно музыкальное. Борьба двухъ элементовъ увлекаетъ насъ здѣсь самовластно; даже въ самой музыкѣ къ развязкѣ необходимой, и притомъ, такая развязка заключается въ существѣ самой музыки. Я знаю только одно замѣчательное исключеніе, которое противурѣчитъ этому мнѣнію: это увертюра «Коріолана.» Но при внимательномъ изученіи сего трагически-величественнаго произведенія, обстоятельство это дѣлается понятнымъ; здѣсь не выражается такой трагической идеи, которая была бы для всѣхъ одинаково постижима. Основу этой увертюры составляетъ изображеніе дикой дерзости, возбуждающей участіе и сожалѣніе только въ то время, когда сокрушается избытокъ ея силы. Но великій художникъ, создавшій ее, тѣмъ не менѣе остается единственнымъ и недоступнымъ; но то, чему мы должны удивляться въ его произведеніяхъ съ религіознымъ благоговѣніемъ, не рѣдко бываетъ совершенно невозможнымъ для подражанія. Только соображая все то, что создали геніи, подобные Глюку, Моцарту и Бетховену, можно составить идеалъ, доступный для многихъ и могущій вести насъ, подобно благодѣтельному созвѣздію, по всѣмъ путямъ искусства. Но каждый изъ этихъ великихъ людей, взятый порознь, неподражаемъ и не имѣлъ до нынѣ никого себѣ равнаго. *Ш.*

*) Пять! это должно оставаться загадкою *для слушателя.* *Прим. Русск. Комп.*

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
РУССКАГО ТЕАТРА.

ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА
АСЕНКОВА,

Артистка Русскаго театра.

Et rose, elle a vecu, ce que vivent les roses—
L'espace d'un matin.

Унылый звонъ похороннаго колокола протяжно прогудѣлъ надъ ея могилою; теплый, свѣтлый май почти уже на дворѣ; зелень пышная, благоуханная, заступила мѣсто снѣжныхъ сугробовъ; подъ нею свѣжая, холодная могила незабвенной артистки!

Всѣ мы родились—жить и умереть. Почему же всѣ мы грустимъ, когда похоронный поѣздъ важно, торжественно—медленно тянется мимо нашихъ глазъ и на одно мгновеніе смущаетъ нашу веселость? Дѣти суеты, близорукія и недальновидныя! Идея смерти такъ величественна и такъ торжественна, что она невольно страшитъ насъ, и мы торопимся какъ-нибудь, поскорѣе, отъ нея отдѣлаться. Свѣтъ забывчивъ, и забывчивость, можетъ быть, составляетъ *земное* счастіе. У многихъ изъ знавшихъ Асенкову теперь на глазахъ слезы, но пройдетъ годъ, другой, — и улыбка снова появится на устахъ — и мы раздѣлались съ нашимъ горемъ! Таковъ неизмѣнный законъ! Вѣчнаго горя нѣтъ на землѣ...

Сколько великихъ перебывало въ мірѣ, но намъ до нихъ и дѣла нѣтъ: исторія—и не всегда правдивая и безпристрастная — отмѣтила имена немногихъ на своихъ скрижаляхъ, и все для насъ сказано. Какое дѣло потомкамъ, что ихъ предки удивлялись *такому-то*, что онъ сдѣлалъ *то-то*.

Еслиже таковъ удѣлъ даже и великихъ, жизнь и дѣла которыхъ дѣйствуютъ и нынѣ, имена которыхъ записаны изъ милліоновъ, каковъ долженъ быть удѣлъ памяти какой

нибудь артистки, *актрисы*, отъ которой не останется рѣшительно *ничего*, кромѣ неполныхъ, блѣдныхъ разсказовъ ея современниковъ, когда ей въ свой чередъ придется лечь въ общую мать нашу, сырую землю! И тутъ сколько еще зависти, лжи, клеветы, обиженныхъ мелкихъ самолюбій, двусмысленныхъ улыбокъ и ничтожныхъ, жалкихъ, пустыхъ, бездушныхъ остротъ....

Посвятившіе себя сценѣ, безспорно, самые счастливѣйшіе и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастнѣйшіе люди въ цѣломъ мірѣ. Шумъ, восторги и удивленіе—вѣчные спутники ихъ при жизни, но зато потомъ, когда пробьетъ ихъ послѣдній часъ, какое глубокое, незаслуженное забвеніе и какое равнодушіе! Для актера нѣтъ потомства,—для него одни только современники, которые смотрятъ на него, какъ *на запзжаго фигляра*, или гордецы, или лицемѣры, которые гордо отворачиваются, считая себя выше его, потому только, что онъ артистъ, *актеръ*. Есть предразсудокъ, старый, закоренѣлый, и онъ любимый конекъ многихъ. По нхъ мнѣнію, актеръ—негодяй, а актриса—развратница. Странный, непонятный софизмъ, основанный большою частію на преданіяхъ XVIII вѣка, преимущественно развратнаго и безбожнаго.

И вотъ почему мы, современники талантливаго артиста, обязаны, пока есть еще время, за минуты чистаго, изящнаго наслажденія, сохранить, покрайней-мѣрѣ, имя его для потомства и очистить такое имя отъ клеветы, зависти и вражды. —Съ сею мыслію, взялся я за перо, и хочу начертать нѣсколько строкъ о незабвенной артисткѣ нашей Асенковой, преждевременную кончину которой оплакиваетъ нынѣ сценическое искусство, лишившееся въ ней многаго, если не навсегда, такъ покрайней-мѣрѣ, на долго

В. Н. Асенкова родилась 1-го апрѣля 1817 го года, въ Санктпетербургѣ. Первые годы дѣтства ея протекли самымъ обыкновеннымъобразомъ и непредвѣщали ей въ будущемъ той громкой извѣстности, которую она заслужила въ послѣдствіи трудами, дарованіемъ, красотою и качествами души. Асенкова была милымъ, живымъ, рѣзвымъ, но весьма обыкновеннымъ, ребенкомъ, который ничѣмъ не отличался отъ своихъ сверстницъ. Пока ребенокъ росъ и хорошѣлъ—какъ говорится въ сказкахъ—не по днямъ, а по часамъ, время шло своимъ чередомъ, Асенкову отдали въ театральную школу, пансіонеркою къ одной изъ тамошнихъ надзирательницъ, г-жѣ Казасси. Здѣсь пробыла она около года; но какъ никакой надежды на сценическіе успѣхи она не подавала, то ея мать (извѣстная нѣкогда актриса въ роляхъ субрётокъ) волею и неволею вынуждена была взять ее обратно изъ школы. Продержавъ нѣсколько времени дома, В. Н. помѣстили въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ для дѣвицъ, г-жи Кругликовой. Пробывъ тамъ три года, Асенкова (которой тогда было лѣтъ 15), однажды потихоньку оставила пансіонъ и, возвратясь домой, объявила матери, что она находитъ совершенно безполезнымъ долѣе оставаться въ пансіонѣ, на который требуется лишняя трата денегъ, и что она хочетъ поступить на театръ, и помочь семейству своимъ искусствомъ.

Дѣлать было нечего, пришлось уступить твердой волѣ В. Н. и мать ея задумала о поступленіи дочери на сцену. Нашъ знаменитый артистъ, И. И. Сосницкій вызвался быть руководителемъ юной артистки на избранномъ ею поприщѣ; но, не странно ли? Всѣ старанія его были безуспѣшны! При пламенномъ желаніи и страсти къ искусству, Асенкова рѣшительно не показывала никакой способности къ театру, и, не смотря на рѣдкую память, едва-едва протверживала стихи, которые задавалъ ей почтенный наставникъ ея.

Такъ прошло довольно много времени, и Сосницкій, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, рѣшился-было отказаться отъ безполезнаго труда, какъ вдругъ, однажды, протверживая роль *Фани* въ извѣстной комедіи «*Мать и дочь*», Асенкова неожиданно удивила своего наставника глубокою силою и чувствомъ, съ которыми прочла одинъ изъ монологовъ піесы. Этого было слишкомъ достаточно, и Сосницкій принялся съ новымъ рвеніемъ за уроки, которые все болѣе учащались, такъ, что наставникъ мыс-

ленно привѣтствовалъ уже новое, прекрасное, самобытное дарованіе, вся честь открытія котораго должна была принадлежать ему одному.

Ревность и усилія съ одной стороны, неутомимыя попеченія и старанія съ другой привели, въ самомъ дѣлѣ, къ давножелаемой и нетерпѣливо ожидаемой цѣли: Асенкова могла уже выйдти на сцену, и ей назначенъ былъ *дебютъ*, въ бенефисъ ея наставника, въ комедіи Фавара «*Три султанши или Соломанъ II*» и въ водевилѣ «*Лорнетъ или правда глаза колетъ.*» И въ той, и въ другой, пьесахъ назначены были ей *главныя* роли; но, впрочемъ, молодая артистка не была еще ангажированна театральною дирекціею, и такимъ образомъ первый шагъ ея на сцену былъ уже вопреки принятымъ обыкновеніямъ и не въ примѣръ другимъ дебютанткамъ и дебютантамъ.

21-е января 1855 года, съ неимовѣрною робостію, почти дрожа отъ страха, Асенкова выступила на сцену. При первомъ появленіи ея, публика, очарованная обаяніемъ красоты и молодости дебютантки, привѣтствовала ее громкимъ и продолжительнымъ апплодисментомъ, и едва она заговорила, едва рѣшилась поднять свои потупленные, прекрасные глаза, въ которыхъ было столько блеска и огня, партеръ еще громче, еще, еще единодушнѣе изъявилъ свое удивленіе шумными, восторженными криками: «*браво! браво!*»

Дѣло было сдѣлано: Асенкова стала съ тѣхъ поръ любимицею публики, и ей оставалось только поддерживать всеобщую къ ней любовь и благосклонность. За всѣмъ тѣмъ, не смотря на блистательный и невиданный до тѣхъ поръ пріемъ, помня время, проведенное молодою артисткою въ театральной школѣ, дирекція не рѣшалась еще окончательно ангажировать ее къ театру, а дозволила только ей еще разъ выйти въ тѣхъ-же піесахъ на судъ публики, задобренной первымъ дебютомъ молодой артистки.

Три дня спустя, Асенкова, во второй разъ, вышла на сцену и успѣхъ ея былъ такъ же блистателенъ, какъ и въ первый. Сказать правду, что сему успѣху отчасти и содѣйствовала красота, молодость и граціозность дебютантки, но онъ былъ вполнѣ заслуженнымъ и потому, что Асенкова выполнила обѣ свои дебютныя роли такъ, какъ, вѣрно, уже не многія ихъ выполнятъ. Тогда только, послѣ своего втораго дебюта, Асенкова окончательно поступила на театръ, безъ контракта, предоставивъ дирекціи наградить ее по трудамъ и пользѣ, которую она принесетъ театру.

Въ первые мѣсяцы своего новаго поприща Асенкова довольно рѣдко выходила на сцену, въ новыхъ роляхъ и весь ея тогдашній репертуаръ ограничивался пятью пьесами: *Три Султанши*, *Лорнетъ*, *Школа женщинъ*, *Адольфъ и Клара* и *Малъ да удалъ*, въ которомъ она впервый разъ вышла мальчикомъ и вскружила головы многимъ. Съ тѣхъ поръ всѣ полюбили въ Асенкову. Ее осыпали похвалами, апплодисментами и вызовами.

Въ половинѣ 1855 г. Асенкова стала все чаще и чаще появляться на сцену въ новыхъ роляхъ: *Серафимомъ* (пажъ) въ *Свадьбѣ Фигаро*, *Варинькою*, въ водевилѣ *Покойникъ мужъ*, *Терезою* въ водевилѣ того-же названія и во многихъ другихъ піесахъ. Въ концѣ года ожидалъ ее новый, блистательный успѣхъ въ ролѣ *юнкера Лелева* въ *Гусарской стоянкѣ*. Тутъ искусство доведено было ею до совершенства: никто не сказалъ бы, что это скромная и даже робкая дѣвушка, нѣтъ, это былъ мальчикъ, повѣса въ полномъ смыслѣ сего слова; всѣ движенія, всѣ ухватки принадлежали мальчику, и, еслибы не аффиша, никто-бы не повѣрилъ такому чудному, неестественному перерожденію. Такъ Асенкова сроднилась съ лицомъ, ею представляемымъ, въ которомъ, такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ роляхъ подобнаго рода, она была превосходна.

Здѣсь начинается второй періодъ художнической жизни Асенковой, и къ сему времени должно отнести выполненіе ею роли Маргариты въ *Честолюбцѣ* Скриба, гдѣ она и Каратыгина ст. были хороши.

Частыя и усиленныя занятія не могли не быть вредны здоровью молодой и вообще слабогрудой артистки, отъ чего постомъ 1836 г. Асенкова занемогла и нѣсколько времени не являлась на сцену. По выздоровленіи, вышла она въ первый разъ въ *Ревизорѣ* Гоголя, въ ролѣ *дочери городничаго*, и послѣ того безпрестанно стала являться въ новыхъ важныхъ и неважныхъ роляхъ; дарованіе ея все болѣе и болѣе росло, такъ, что имя ея сдѣлалось наконецъ необходимою принадлежностію афиши; безъ любимаго публикою имени Асенковой бенефисъ былъ не въ бенефисъ и *Асенкова*, *Дюръ* и *водевиль* слились въ нѣчто цѣлое и нераздѣльное.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1836 года, Асенкова подписала контрактъ съ дирекціею, и обязалась прослужить 3 года, рѣшаясь на то съ удовольствіемъ; театръ былъ уже для нея необходимостью, страстью, и любовь къ искусству не оставляла ее до послѣдней минуты жизни. Единственно для того, чтобы остаться на сценѣ, Асенкова отказалась отъ выгодныхъ, блестящихъ и почетныхъ предложеній—супружества, и даже больная, въ минуты отдыха отъ тяжкихъ мученій, думала о томъ, какъ поскорѣе возвратиться къ своимъ любимъ занятіямъ. Асенкова была артисткою, какихъ не много, не только вполнѣ безкорыстною, для пользы любимаго ею искусства, но она даже принесла ему въ жертву все—блестящую участь въ жизни, здоровье и жизнь...

Съ *Гусарской стоянки* она особенно пристрастилась къ ролямъ мальчиковъ, въ которыхъ до начала 1839 г., охотнѣе выходила, нежели въ чемъ нибудь другомъ. Въ то-же время въ первый-же разъ, испытала она себя въ драмѣ, и именно мастерски сыграла роль *Фанни* въ комедіи Аміи: *Мать и дочь*. Здѣсь было ей новое торжество, но оно уже было ей не новость: любимица публики давно уже успѣла привыкнуть къ торжеству на сценѣ. Здѣсь должно замѣтить, что въ драмѣ Асенкова вообще была слабѣе, нежели въ комедіи и водевилѣ; но и тутъ игра ея была оживлена—были и тутъ душа и сердце. Почти всѣ свои драматическія роли вначалѣ Асенкова проходила съ А. М. Каратыгиною, совѣты которой во многомъ были ей полезны; но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Варвара Николаевна имѣла дарованіе самобытное и сознаніе своего дарованія, то, пользуясь совѣтами извѣстной и заслуженной артистки, она не увлеклась ими до подражанія — играла по своему, можетъ быть, съ меньшимъ искусствомъ, но едвали не ближе къ природѣ и не естественнѣе.

Въ 1837 году, Асенкова снова имѣла блистательный, шумный успѣхъ въ роли *Эсмеральды*, которую создала на сценѣ какъ Викторъ Гюго создалъ ее въ своемъ поэтическомъ воображеніи, не смотря на то, что въ піесѣ, передѣланной изъ романа г жею Бирхъ-Пфейферъ, Эсмеральда не похожа даже на тѣнь граціозной и очаровательной фантазіи великаго поэта.

Вскорѣ потомъ Асенкова вышла въ ролѣ *Офеліи* въ Шекспировомъ *Гамлетѣ*, и доказала, что въ ея дарованіи рѣшительно былъ драматическій элементъ. Въ *Офеліи* Асенкова была поэтически-хороша, особенно въ сценѣ безумія, которую передавала вѣрно, отчетисто: это была Офелія Шекспира, грустная, безумная, но тихая и потому трогательная, а не какая-то бѣснующаяся, какъ того требовали отъ нея нѣкоторые критики и какою навѣрно представила-бы ее всякая другая актриса, у которой на умѣ только одно: *произвесть эффектъ*, а *какимъ образомъ*, до того дѣла нѣтъ. Блѣдная, съ неподвижными чертами лица, съ распущенными волосами и съ пристально-устремленнымъ внизъ взглядомъ, душу раздирающимъ голосомъ пѣла Асенкова:

И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами....

Здѣсь очарованіе, на зло разсудку, доходило до высшей степени, и невольныя слезы были лучшею наградою артистки. Роль Офеліи была одною изъ любимѣйшихъ ея ролей вообще, и особенно изъ всѣхъ драматическихъ ея ролей.

10-го января 1838 года Асенкова получила свой *первый* бенефисъ, гдѣ прекрасно выполнила роль *Джемми* въ водевилѣ

»*Мечты*« (Une chaumière et son coeur!) и мастерски сыграла миленькую роль *Юліи де-Креки* въ водевилѣ »*Полковникъ старыхъ временъ.*« За успѣхомъ послѣдовало еще нѣсколько такихъ-же—разумѣется, болѣе или менѣе важныхъ,—но о которыхъ распространяться невозможно, потому что Асенкова считала роли *не единицами, а десятками, если не сотнями....*

Такая дѣятельность и неутомимость сюва разстроили здоровье артистки, сильной своимъ усердіемъ къ искусству, но слабой отъ природы, и она принуждена была на время оставить сцену и переѣхала жить на дачу въ Ораніенбаумъ, гдѣ и пробыла до 13-го августа того-же года и откуда возвратилась совершенно здоровою, послѣ чего принялась съ новымъ рвеніемъ за свои любимыя занятія. Такъ прошелъ весь 1838 годъ, впродолженіе котораго Асенкова безпрерывно переходила отъ успѣха къ успѣху.

Съ наступленіемъ 1839 года занемогъ Дюръ, любимецъ публики, и 16-го мая его не стало. Асенкова осталась одна для опечаленныхъ любителей русскаго водевиля, но и ея дня были уже сочтены: 19 мая были похороны Дюра, а черезъ два года похоронили Асенкову...

Въ продолженіе 1839 года Асенкова снова создала множество новыхъ ролей. Въ этотъ годъ, какъ и въ предъидущіе, ей часто случалось сыграть въ вечеръ 4 роли, а на масляницѣ число ихъ доходило въ день до 8, и никогда не было менѣе 6.

Изъ созданныхъ Асенковою ролей, впродолженіе того года, нельзя не упомянуть о ролѣ *Корнеліи* въ *Дѣдушкѣ русскаго флота*, даннаго ею во второй ея бенефисъ, 9-го ноября 1838 года, такъ же, какъ и о роляхъ *Катеньки* въ *Отцѣ, какихъ мало*, *Вероники* въ *Уголино*, *Мирандолины* въ піесѣ того-же названія, *Евгеніи Гранде* въ *Дочери скупаго*, *Карла II* въ *пятнадцати лѣтнемъ королѣ* и особенно о ролѣ *Мальвины* въ комедіи *Мальвина, или урокъ богатымъ невѣстамъ.* — Роль, Мальвины, главную въ піесѣ и весьма важную и трудную по сосредоточенному на ней одной интересу и исполненную высокихъ драматическихъ чувствъ, Асенкова создала такъ вѣрно и съ такимъ превосходствомъ, что даже и въ непріязненномъ ей журналѣ посовѣстились не отдать ей на сей разъ полной справедливости.

Въ началѣ 1840 года, 17-го января, въ третій и послѣдній бенефисъ свой, въ которомъ она сама участвовала, Асенкова съ успѣхомъ создала роль *Параши-сибирячки* премило сыграла роль *Лизы*, жены башмачника Роде, въ водевилѣ Каратыгина 2-го »*Ножка*«.—Около того-же времени Асенкова имѣла другой блистательный успѣхъ въ ролѣ *Елены*, дочери *Велизарія*, въ трагедіи того-же названія, и еще въ ролѣ *Пашиньки* въ водевилѣ *Новички въ любви*, на созданіе которой она употребила столько игривости и жизни, не думая, что эта роль, въ скоромъ времени, будетъ ея прощальною, лебединою пѣснію публикѣ. — Въ продолженіе этого года, главныя роли, созданныя Асенковою, за исключеніемъ уже названныхъ здѣсь, были: *Карпинской* въ *Полюбовной сдѣлкѣ*, *Сусанны* въ *Сироткѣ Сусаннѣ* и еще нѣсколько тому подобныхъ, гдѣ главнымъ дѣломъ были *ловкость*, *непринужденность*, *граціозность и благородство*, которыми Асенкова вполнѣ обладала.

Асенкова вскорѣ потомъ занемогла и, что-бы поправить свое здоровье, снова отправилась на дачу въ Ораніенбаумъ, гдѣ она съ 1838 г., постоянно живала каждое лѣто. Тутъ она получила нѣкоторое облегченье; но здоровье ея было уже навсегда утрачено, и смерть, скрытно, но быстро двигалась къ своей жертвѣ. Нѣсколько разъ, въ продолженіе лѣта, разносился даже слухъ о ея кончинѣ, слухъ этотъ доказывалъ печальную истину, что здоровье любимой артистки повреждено и что ей грозитъ опасность. Она возвратилась съ дачи и, не смотря на сильную грудную боль, снова выступила на сцену; но уже многіе изъ ея почитателей ходили въ театръ не съ прежнимъ восторгомъ, а съ какимъ-то тайнымъ страхомъ, какъ-будто предчувствовали незамѣнимую утрату и торопились скорѣе, пока есть еще

время, насмотрѣться и налюбоваться на свою любимицу.

Небреженіе о здоровьи и новые преждевременные труды вскорѣ принудили Асенкову опять покинуть сцену, такъ что теченіе того года она почти не играла, по-крайней-мѣрѣ нѣсколько разъ сряду. Такимъ образомъ прошелъ почти весь 1840 годъ, какъ вдругъ Асенкова, всегда тосковавшая по театрѣ, желая сдѣлать что-нибудь пріятное актрисѣ Шелиховой ст., неожиданно рѣшилась, вопреки докторскому запрещенію, снова выступить на сцену въ бенефисъ сей актрисы, Декабря 2-го 1840 года вышла она въ весьма трудной и значительной ролѣ *Софьи*—въ драмѣ, водевилѣ »*Добрый геній*«.

При появленіи любимой артистки театръ задрожалъ отъ рукоплесканій, и они только и поддержали слабѣющія силы Асенковой, вышедшей на сцену больною и слабою. И тутъ она создала свою роль съ такою силою, что въ театрѣ слышны были безпрерывные апплодисменты, которыми публика не уставала награждать свою любимицу, какъ-будто предугадывая, что это была ея *послѣдняя* важная роль.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ здоровье и средства Асенковой стали такъ быстро и примѣтно упадать, что она вынуждена была даже отложить свой бенефисъ. Однакожь, она безпрестанно играла и до того упорствовала не сходить со сцены, что на масляницѣ сыграла *17 разъ*, по меньшой мѣрѣ, по двѣ роли за разъ. *Послѣдній* ея спектакль былъ вечеромъ въ воскресенье, наканунѣ великаго поста: она сыграла *пятнадцати лѣтняго короля* и *Пашеньку* въ *Новичкахъ въ любви*, послѣ чего ее вызвали въ послѣдній разъ, и съ поклономъ ея публика лишилась своей незамѣнимой любимицы, а театръ одного изъ лучшихъ своихъ украшеній.

Въ началѣ поста Асенкова еще выходила, но на 5-й недѣли принуждена была слечь въ постель и уже не вставала, не смотря ни на какія старанія лучшихъ докторовъ столицы и всеобщее къ ней участіе знакомыхъ и незнакомыхъ, безпрерывно посылавшихъ навѣдываться о состояніи ея здоровья. Ей дѣлалось хуже и хуже, хотя, по временамъ, еще мелькала слабая надежда на выздоровленіе, въ которомъ однакожъ доктора втайнѣ отчаявались: у нихъ не могло быть, какъ у другихъ, сомнѣнія на счетъ болѣзни, отъ которой больная видимо гасла; они уже давно увѣрились, что у Асенковой болѣзнь, отъ которой излечиться почти невозможно и противъ которой наука и въ наше время такъ же безплодна, какъ и во времена глубочайшей древности, какъ-будто доказывая тѣмъ жалкое и ничтожное безсиліе человѣческой гордости.

Такъ прошли весь постъ и святая, въ концѣ которой угасъ послѣдній лучъ надежды сохранить Асенкову. Страданія ея были уже невыразимы. Но и тутъ, едва получала она минутное облегченіе, какъ вновь принималась мечтать о будущности, о театрѣ, о томъ, въ какой ролѣ выйти ей въ первый разъ на сцену....

14-го Апрѣля имя Асенковой появилось *въ послѣдній разъ* на аффишѣ, съ извѣщеніемъ о ея бенефисѣ; но она въ немъ не участвовала.

Въ послѣдніе дни своей жизни, мученія Асенковой дошли до того, что она стала желать смерти, къ которой уже приготовилась причащеніемъ Св. Таинъ и которой ожидала съ пламенною вѣрою и ангельскою кротостію и терпѣніемъ, сильно безпокоясь только объ участи своего многочисленнаго семейства, которое поддерживала шесть лѣтъ своими трудами и за которое, посреди сильнѣйшихъ мученій, возсылала свои послѣднія молитвы къ престолу Творца. »Ахъ! мнѣ не хочется умереть!... Жизнь такъ хороша!« говорила она иногда, и вдругъ со страхомъ отвергала всѣ помышленія о жизни, боялась, что ея желаніе грѣхъ, молила Бога успокоить ее за предѣломъ гроба, и неподвижно, и долго смотрѣла на образъ, лежавшій на груди ея. Со всѣми прощалась она, нѣжно трогательно утѣшала мать, и потомъ, когда многіе хотѣли ее видѣть, она задумчиво отказывала, говоря: »Нѣтъ! они уже

не узнаютъ меня!«—Потомъ она впадала въ безпамятство и страдала...

Ночью съ 18 на 19 число, въ 2 часа, Асенкова лишилась языка и уже до послѣдней минуты не могла ничего говорить. Апрѣля 19 ровно въ 5 часовъ по полудни кончила она свое земное поприще — тихо заснула она... Смерть даровала ей спокойствіе въ послѣднія минуты....

Погребеніе происходило 22-го числа Апрѣля, на Смоленскомъ кладбищѣ, при огромномъ стеченіи людей, пришедшихъ отдать послѣднія почести Асенковой.

Родные, друзья и знакомые усопшей,—всѣ артисты труппы и многіе изъ литераторовъ собрались на квартирѣ матери ея, и когда вынесли гробъ, не смотря ни на даль, ни на дурную погоду, почти всѣ собравшіеся, привлеченные сердечнымъ желаніемъ отдать послѣдній долгъ своей любимицѣ, медленно и грустно послѣдовали за гробомъ, многіе пѣшкомъ до самаго кладбища. Искреннія слезы скорби замѣтны были на всѣхъ глазахъ; непритворныя рыданія раздавались на ея гробѣ, и когда наступило время дать усопшей послѣднее цалованіе, всѣ хотѣли скорѣе къ ея гробу, какъ будто боясь опоздать и не успѣть проститься съ тою, которую любили и уважали, хотя для многихъ она была *незнакомкою*, если, въ иныхъ случаяхъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не дозволено давать словамъ другаго смысла, болѣе обширнаго и глубокомысленнаго, нежели тотъ, какой придали имъ люди.

Когда гробовая крыша навѣки прикрыла собою бренные останки Асенковой, ея почитатели подняли гробъ и на рукахъ своихъ донесли до назначенной могилы.

Теперь по настоящему, слѣдовало бы описать душу и наружность Варвары Николаевны—скажемъ одно: и въ томъ и въ другомъ отношеніи она была *вполнѣ прекрасною*.

В. Н. была вообще нрава веселаго и одушевленнаго; сердце у нея было добрѣйшее и она никогда не помнила обидъ и зла, которыя ей подчасъ дѣлали. Не бывъ сантиментальною, она была чувствительна и душою понимала все высокое и прекрасное, хотя и не показывала того другимъ. Преданная вполнѣ любимому ею искусству, она была готова принесть ему въ жертву все, и, единственно только для того, чтобы никогда не разставаться съ театромъ. Мы уже сказали, что она не разъ отказывалась отъ блистательныхъ предложеній, чѣмъ, въ послѣдствіи удержала многихъ отъ искательства ея руки, хотя нашлись-бы, можетъ-быть, люди, которые и не подумали-бы потребовать отъ нея невозможной и безчеловѣчной жертвы—разлуки со сценою. Самолюбія она почти не знала и нетолько не отвергала ничьихъ совѣтовъ, но даже часто сама настоятельно требовала ихъ, и если она находила ихъ въ правду полезными, то всегда слѣдовала имъ, чей-бы то совѣтъ ни былъ. Людей она умѣла отличать мастерски, и несмотря на врожденное женское самолюбіе и на толпу *обожателей*, которыхъ она постоянно имѣла, *никогда* не вѣрила она страсти *всѣхъ* этихъ господъ, которыхъ—къ слову будь сказано—нетолько не старалась завлекать, но, напротивъ, зная очень хорошо всѣхъ ихъ, всегда дѣлала видъ, какъ-будто ихъ не замѣчаетъ и даже незнаетъ объ ихъ существованіи. До сплетней и закулисныхъ интригъ она была неохотницею и, по возможности, старалась ихъ всегда избѣгать, отчего, не смотря ни на какія сплетни, всегда пользовалась всеобщею любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ товарищей, для пользы которыхъ во всякое время готова была дѣлать все, что только отъ нея зависѣло. Къ роднымъ своимъ она была привязана пламенно, не зная корыстолюбія, предоставляла своему многочисленному семейству все, оставляя себѣ только самое необходимое для туалета *на сценѣ*, гдѣ лучше ее, и съ большимъ вкусомъ ни одна изъ русскихъ актрисъ пока еще не одѣвалась. Послѣ смерти открылись тайны, которыхъ не зналъ ни кто, даже изъ ближнихъ В. Н., тайны благотворенія: ихъ высказали слезы сиротъ и бѣдныхъ, пришедшихъ ко гробу ея...

Что-жъ касается до наружности В. Н.,

то для того, кто хоть одинъ разъ ее видѣлъ, трудно было вообразить себѣ что-нибудь милѣе и привлекательнѣе. Высокая ростомъ, стройная, нѣсколько худощавая, она была чрезвычайно граціозна и всѣ движенія ея, быстрыя, небрежныя, никогда не лишенныя благородства и живописности, были прелестны. Цвѣтъ лица ея былъ бѣлъ и блѣденъ, но оживленъ; волосы темные, и, что Французы называютъ riche chevelure. Руки маленькія, а передъ ножкою преклонился бы самъ Пушкинъ. Главное-же очарованіе Асенковой находилось въ глазахъ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, темно-голубоватаго, безпрерывно блиставшихъ, какъ два огонька, и взглядъ которыхъ могъ изобразить по-волѣ все, что хотѣлъ; а также и въ улыбкѣ, въ которой было такъ много ума и какая-то особенная прелесть. Наконецъ голосъ Асенковой, при самомъ чистомъ и внятномъ выговорѣ, имѣлъ что-то мелодическое, и, невольно проникая до самой глубины сердца, довершалъ очарованіе, отъ котораго тому, кто разъ подъ него подпалъ, освободиться совершенно было невозможно, даже не хотѣлось...

Вотъ стихотвореніе къ портрету Асенковой, написанное нѣсколько мѣсяцевъ тому, для *Театральнаго альбома*, изд. г-мъ Черноглазовымъ, выходъ котораго такъ давно обѣщали публикѣ:

Прелестна, какъ-будто богиня,
Какъ тепла́го юга весна,
Она—то вдругъ мнѣ-героиня,
То юнкеръ-повѣса она.

То манитъ къ себѣ сладострастьемъ,
Султаншей любимой глядитъ;
То, будто убита несчастьемъ,
Въ раздумьи печальномъ стоитъ.

Порою, шалуньей предстанетъ,
Безпечна, рѣзва и шумна;
Порою цыганкою взглянетъ,
Томленья и негги полна.

То будтобы геній-хранитель,
То будто кокетка, порой;
Но дайте ей хлыстикъ и китель —
Предъ вами безусый герой.

Игрива какъ-будто ребенокъ,
Лукава, какъ самъ Купидонъ,
Она, хоть божокъ, хоть чертенокъ,
Но всѣхъ забираетъ въ полонъ.

Пощады не зная нисколько,
Она не сулитъ ничего;
Играетъ сердцами—да только,
Глазами хоть сглазитъ кого.

Она, какъ ребенокъ, васъ бѣситъ,
Какъ женщина, мучитъ, порой;
Но такъ граціозно кудеситъ,
Что любишь ее всей душой.

Она хоть васъ мучитъ немножко,
Но можно ль ее осудить?
Такая головка и ножка
Должны всѣ головки кружить.

Д. Сушковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СѢВЕРНЫЙ ДУБЪ.

Есть на сѣверѣ могучій,
Дубъ огромный, вѣковой;
Онъ возносится за тучи
Кудреватой головой.

Точно змѣями, корнями
Въ землю вросся глубоко,
И раскинулся вѣтвями
Онъ роскошно, широко! —

Подъ его защитной тѣнью,
Въ продолженіе вѣковъ,
Много выросло растеній,
Много выросло цвѣтовъ!

На вершинѣ величавой
Для себя гнѣздо нашелъ,
Облетѣвшій міръ со славой,
Мощный, сѣверный орелъ. —

Дуба бури не щадили,
Но онъ твердо устоялъ;
Тамъ, гдѣ старый сукъ сломили,
Новый, крѣпкій выросталъ.

. . . . . .
. . . . . .

И срубить его пытали,
Но надъ твердостью коры
Только время лишь теряли,
Да тупили топоры. . . .

До небесныя лазури
Дубъ касается главой;
Не страшится злобы бури
Исполинъ сей вѣковой!

И разросся онъ вѣтвистой,
Полный силы, красоты;
Подъ защитою тѣнистой
Ароматы льютъ цвѣты. —

Нѣтъ такого въ свѣтѣ чуда,
Чтобы съ дубомъ поровнять,
Собираются отвсюду
Въ его тѣни отдыхать.

Въ тѣни той отдыхъ прохладной. —
И защиту всѣ найдутъ. . . .
Люди дубъ сей — благодатный, —
Русью славною, зовутъ. —

***

—

ЦВѢТОКЪ СЪ МОГИЛЫ.

(22 апрѣля 1841 года.)

Цвѣтокъ, мной сорванный съ могилы!
Я не разстануся съ тобой!
Ты будешь памятникъ унылый
Тоски безумной, но живой!...

Ты мнѣ напомнишь дни былые,
Тревоги, слёзы прежнихъ лѣтъ....
Минуты сердцу дорогія,
Какихъ ужъ нынѣ больше нѣтъ!

Ты будешь мнѣ воспоминаньемъ
Моей единственной любви. —
Когда все было вдохновеньемъ,
Когда огонь кипѣлъ въ крови....

Ты, безъ прикрасъ и безъ искусства,
Когда-нибудь мнѣ повторишь
Всю повѣсть сдавленнаго чувства....
Семь лѣтъ ты жизни воскресишь!

Ты станешь мнѣ святымъ залогомъ
Свиданья *съ нею* въ небесахъ....
И я покаюсь передъ Богомъ,
И я склонюсь предъ Нимъ во прахъ!

Ты дорогъ мнѣ, какъ вѣстникъ дальній
Отчизны лучшей и святой,
Цвѣтокъ, мной сорванный печально
Съ холодной крыши гробовой!

О, будь со мной! ... Мнѣ грудь больную
Надеждой новой оживи:
Душѣ дай вѣру ты прямую,
Терпѣньемъ сердце укроти!...

Д. Сушковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ.

Спектакль 5 мая.

Ѳеоклистъ Онуфричъ Бобъ, или *мужъ не въ своей тарелкѣ*, оригинальная комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Перепельскаго*.

Г. Бобъ—г. *Мартыновъ*. Г-жа Бобъ—г-жа *Ѳедорова*. Г. Сыромолотный—г. *Прусаковъ*. Г-жа Сибирякова—г-жа *Соловьева*, г. Кротовъ г. *Леонидовъ*. Катинька—г-жа *Шелихова* 2-я. Родственники и знакомые г. Сыромолотнаго—гг. *Алексѣевъ*, *Эрастовъ*. *Петровъ 1-й* и *Ѳоминъ*. Лакей—Г. *Левлевъ*.

Въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ получено циркулярное предписаніе начальства задержать, буде явится и представить, *куда слѣдуетъ*, одного мошенника, получившаго значительную сумму по фальшивымъ документамъ. Въ этомъ городкѣ живутъ Г-жа *Бобъ*, Г. *Сыромолотной*, ея дядя, Г-жа *Сибирякова*, пріятельница Г-жи *Бобъ*. Они ждутъ изъ Петербурга *Ѳеоклиста Онуфрича Боба*, отправившагося туда на службу и возвращающагося къ своимъ пенатамъ за неполученіемъ мѣста. Вбѣгаетъ г-жа *Сибирякова*, въ отчаяніи, и умоляетъ г-жу *Бобъ* скрыть брата ея г. *Кротова*, котораго принимаютъ за *вышерѣченнаго* мошенника и хотятъ отослать за конвоемъ въ губернскій городъ. — Какъ и почему это дѣлается? извольте спросить о томъ творца *Ѳ. О. Боба*.

Г-жа Бобъ выдаетъ *Кротова* за своего мужа. Пріѣзжаетъ настоящій *Бобъ*. Встрѣча его съ своимъ намѣстникомъ развиваетъ сцены двѣ, потѣшившихъ извѣстную часть публики. Въ концѣ піэсы *г. Бобъ* узнаетъ причину, побудившую жену его назвать *г. Кротова* своимъ мужемъ. Этотъ, разтянутый до нельзя, водевиль, имѣя основу неправдоподобную и не заключая въ ходѣ своемъ ни чего благородно-комическаго, не понравился образованнымъ посѣтителямъ театра. Два довольно забавные куплета — все его достоинство. Вотъ эти куплеты:

Сыромолотный, (*осматривая пальто на г. Бобѣ.*)

Что это за исторія,
Во что ты наряженъ?

БОБЪ.

Купилъ въ столицѣ съ горя я
Французскій балахонъ...
Тамъ все творятъ магически;
Лишь въ Англійской (*) прилешь,
Нарядятъ эластически,
Такъ и уродъ пригожъ!
Одежда хоть престранная,
Не стоитъ ни гроша;
Но такъ, какъ иностранная,
То очень хороша!
Метода басурманская
На свѣтѣ завелась,
Смола Американская
Повсюду разлилась.
Вы, жители пустынные,
Лишь любите свое;
А тамъ такъ все резинное
И люди и *житье*!
Тамъ каждый страшно тянется,
Чтобъ честь пріобрѣсти:
Въ резинѣ ловко кланяться —
За то она въ чести.

—

Нѣтъ, нѣтъ, я точно истый Бобъ!
Узналъ себя въ одно мгновенье,
Все, все мое: высокой лобъ,
Въ глазахъ отваги выраженье,
Лицемъ, какъ прежде, я красивъ,
Мои движенья также чинны...
И такъ, какъ прежде ротъ мой кривъ,
И такъ же точно уши длинны!

Г. Мартыновъ, игралъ роль *г. Боба*. При всемъ его стараніи сдѣлать изъ нея что нибудь порядочное, онъ не успѣлъ въ этомъ. Говорить объ исполненіи прочихъ ролей въ семъ водевилѣ считаемъ излишнимъ; довольно будетъ и того, если скажемъ, что роли эти занимали: Гг. *Леонидовъ*, *Алексѣевъ*, *Эрастовъ*, *Ѳоминъ*, *Іевлевъ* и *т. п.*

Основа водевиля *Ѳеоклистъ Онуфричъ Бобъ*, стародавняя. Полтора тому назадъ, г. *Дювалъ* создалъ на ней прекрасную драму *Edouard en Écosse* (Едуардъ въ Шотландіи.) Едуардъ, внукъ Іакова II, скрывается отъ враговъ своихъ. Усталый, истомленный голодомъ и жаждою, пробирается онъ скрытно, въ замокъ лорда Атоля, который былъ въ то время въ отсутствіи, и которому принцъ сей спасъ нѣкогда жизнь. Супруга лорда принимаетъ Едуарда и, чтобъ отклонить всѣ подозрѣнія бывшаго у ней въ замкѣ кавалера Аржиля, приверженца враговъ принца, выдаетъ Едуарда за своего мужа. Является лордъ и, узнавъ, что имя его присвоилъ другой, приходитъ въ бѣшенство; но увидавъ принца, успокоивается. Между тѣмъ политическія обстоятельства перемѣнились: Едуардъ вступилъ въ законныя права свои.

Не правда ли, милостивые государи, что *Ѳеоклистъ Онуфричъ Бобъ* похожъ, какъ двѣ капли воды, на *Едуарда въ Шотландіи*, за исключеніемъ только того, что положеніе Едуарда — историческое, слѣдственно доходчиво до сердца зрителя — слушателя; а случай, встрѣтившійся съ г. *Кротовымъ*... но объ этомъ мы уже сказали выше.

Шельменко, деньщикъ, оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Гриць ка Основьяненка*.

Г. Шпакъ — *г. Каратыгинъ 2*. Ѳенна Степановна, его жена — *г-жа Сосницкая*, Присинька, дочь ихъ — *г-жа Скильзевская*; Г. Скворцовъ — *г. Леонидовъ*, Шельменко, деньщикъ его — *г. Григорьевъ 1*. Г. Опецьковскій — *г. Петровъ 1*. жена его — *г-жа Яковлева*. Ежени — *г-жа Сандунова*; Г. Лопуцковскій — *г. Марковецкій* — Мотря, горничная Шпака — *г-жа Шелихова 2*. Гости Шпака — *г. Фалле*, *Ѳоминъ*, *Горшенковъ*, *Горкавовъ*, *г-жи Семенова* и *Каширина*, кучеръ — *г. Іевлевъ*, ключница — *г-жа Рамазанова 2*. Лакей *Г. Пономаревъ*.

Украинскій помѣщикъ, *Гаврило Петровичъ Шпакъ* — набитый дуракъ, считаетъ себя великимъ политикомъ потому, что читаетъ прошлогодніе Московскія вѣдомости и можетъ судить, вкривь и вкось, о дѣлахъ карлистовъ и хрестиносовъ. *Ѳенна Степановна*, сожительница его, — женщина простая, и экономная до того, что заставляетъ *Гаврила Петровича*, этого малороссійскаго здоровяка, выпить стклянку

(*) Магазинъ въ С. Пбургѣ.
Прим. для иногородныхъ.

старой, заплесневѣлой микстуры, для того только, что за нее заплачено, полгода назадъ, рубль двадцать копѣекъ и что рука не поднимается вылить эту драгоцѣнность за окно. *Присинька*, дочь ихъ, дѣвушка, каковымъ нѣсть числа, шьетъ въ пяльцахъ и безъ-ума отъ военныхъ. *Иванъ Семеновичъ Скворцовъ*, капитанъ роты, стоящей въ имѣніи *Шпака*, молодой и (не судя по представителю его Г. Леонидову) довольно ловкій офицеръ. Онъ влюбленъ въ *Присиньку*, она влюблена въ него. *Шельменко* — денщикъ *Скворцова*, продувной плутъ. Онъ мошеннически устроилъ свадьбу своего капитана съ *Присинькой*. Это основа піесы. *Осипъ Прокоповичъ Опецковскій*, помѣщикъ, сосѣдъ Шпака, и также, какъ и онъ, политикъ, *Опецковскій* бредитъ *ресторацiею*. *Аграфена Семеновна*, жена его, живавшая въ Петербургѣ, а потому и мечтающая о своей образованности. *Ежени* дочь ихъ, старая дѣва, претендующая на знаніе французскаго языка, затвердивъ изъ него, и то пополамъ съ грѣхомъ, *машеръ* и *пуркуа*. Начитавшись неистовыхъ романовъ, она двадцать лѣтъ ждетъ юноши, который похитилъ бы ее, но какъ *таковаго* не является, то она, съ досады, устроиваетъ похищеніе *Присиньки*. *Тимоѳей Кондратьевичъ Лопуцковскій*, молодой глупецъ — нарѣченный женихъ *Присиньки*.

Вотъ всѣ (за исключеніемъ немногихъ ничтожныхъ лицъ) дѣйствователи въ комедіи: *Шельменко денщикъ*. Если-бы сократить ее въ половину, она вдвое стала бы лучше. Въ ней есть сцена, впрочемъ не новая, истинно комическая: это похищеніе капитаномъ переодѣтой *Присиньки*, которую отецъ ея, въ потьмахъ, принимаетъ за дочь врага своего *Трункевича* и, радуясь случаю огорчить его, приглашаетъ капитана, изъ-подъ вѣнца, прямо къ себѣ въ домъ, на сговоръ *Присиньки*.

Г. Григорьевъ 1. выполнилъ роль *Шельменки* художнически; жаль только, что малороссійскій языкъ его, былъ мѣстами смѣсь нарѣчій велико-россійскаго съ бѣло-русскимъ. *Г. Каратыгинъ 2.* удачно очертилъ характеръ маллоросса-увальня и политика заднимъ числомъ. *Г-жа Сосницкая*, въ лицѣ жены *Шпака*, была весьма хороша.

Комната съ отопленіемъ и услугою, или танцмейстеръ и студентъ, оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Володя Зябкинъ — *Г. Григорьевъ 1.* Ваня Сусликовъ — *Г. Максимовъ 1.* Г. Щетина — *Г. Каратыгинъ 2.* Харичкова, сорокалѣтняя вдова — *Г-жа Сандунова*, Незнакомка *Г-жа Штофертъ*, Незнакомецъ — *Г. Чайскій*, Степка, слуга, — *Г. Алексѣевъ*.

Эта шутка довольно забавна, благодаря игрѣ въ ней *Гг. Каратыгина 2. Григорьева 1, и Максимова 1.*

Двое молодыхъ, закадышныхъ друзей: дѣйствительный студентъ *Зябкинъ* и танцмейстеръ *Сусликовъ*, рассорясь съ своими родными, раззорились и живутъ зимой въ нетопленой коморкѣ, за которую задолжали хозяину ея, г. отставному чиновнику *Ѳомѣ Юдичу Щетинѣ*. У этаго *Щетины*, есть сестра, сороколѣтняя вдова т. е, вдова, которой отъ роду сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ чтобъ *Сусликовъ*, обворожившій собою эту вдовицу, женился на ней, и потому, пользуясь его бѣдностью, морозитъ его и съ товарищемъ. — Правда, десять тысячь рублей приданаго за вдовою, хотя пошатнули было *Сусликову* твердость: но согрѣваемый пламенною любовью къ сестрѣ *Зябкина*, онъ противусталъ морозу, и женился на ней!

Бенефисъ г. Мартынова, 6 мая.

Новый Отелло, или безъ дяди не обойдется, комедія въ одномъ дѣйствіи *Я. Я. Фейгина*.

Г. Пушинъ — *г. Самойловъ*, г. Кулебака — *г. Каратыгинъ 2-й*, г-жа Дольская — *г-жа Ѳедорова*, Анна Михайловна — *г-жа Гринева*, г. Роринъ — *г. Смирновъ 2-й*.

Комедія *Фейгина*, какъ вы, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи понимаете это? Комедія, сочиненная г. *Фейгинымъ*. И мы такъ понимали, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иначе. Эта комедія *Я. Я. Фейгина* въ незапамятныя времена еще сочинена на французскомъ языкѣ и лѣтъ

*

пятьнадцать назадъ являлась въ переводѣ на петербургской русской сценѣ, подъ названіемъ, если не ошибаемся, *Супружество на часъ*.

Добросовѣстность необходима во всѣхъ честныхъ дѣлахъ, хотя бы они были и литературныя!

Языкъ въ *Новомъ Отелло* довольно легокъ и правиленъ, исключая весьма не многихъ фразъ: вотъ двѣ изъ нихъ: «Вдругъ онъ *убираетъ* въ окно, такъ сильно, что два стекла разсыпаются въ дребезги.—«Если вмѣсто моей подложной жены, вздумаетъ онъ приволокнутся за *наложной*!» Что это такое, не каламбуръ ли ужъ доморощенный?

Разскажемъ содержаніе *Новаго Отелло*. Жилъ богатый помѣщикъ, отставной полковникъ *Кулебака*. Замѣтьте, что съ тѣхъ поръ, какъ посчастливилось на нашей сценѣ г. *Земляничкѣ*, Гоголя, стали являться на ней гг. *Шпаки, Кулебаки, Бобы, Щетинны, Розмазни* и т. п. Помѣщикъ этотъ завѣщалъ все свое имѣніе племяннику своему, бѣдняку, Г. *Пущину*, съ тѣмъ однако жъ, чтобъ онъ женился на его питомицѣ, *Дольской*. Между тѣмъ *Пущинъ* вступилъ въ бракъ по любви съ бѣдною, но премилою дѣвицею, какою-то *Анною Михайловною*. *Кулебака* жилъ въ деревнѣ; а племянникъ, жена его и *Дольская* жили въ Москвѣ. Узнавъ о тяжкой болѣзни дяди, Пушинъ отправился съ ними къ умирающему *Кулебакѣ*, назвавъ *Дольскую* своею половиною. Конечно, обманывать никого не похвально, тѣмъ болѣе умирающаго родственника-благодѣтеля; но это въ сторону, то ли еще дѣлается въ комедіяхъ! Обманъ сей Пущинъ *учинилъ ради того*, чтобъ не огорчить дяди на смертномъ одрѣ, и чрезъ то не лишиться богатаго наслѣдства. Пріѣхавъ въ деревню, онъ нашелъ дядюшку здрава и невредима. Тамъ одинъ молодой кавалеристъ, Роринъ, начинаетъ волочиться за женою, разумѣется, настоящею *Пущина*, который отъ ревности выходитъ изъ себя, и тѣмъ открываетъ свой обманъ. *Кулебака* одобряетъ женитьбу его; а Роринъ вступаетъ въ бракъ съ г-жею *Дольскою*, которую онъ, изволите видѣть, любилъ давнымъ-давно и разлюбилъ ее за то только, что до него дошелъ слухъ, ложный, о помолвкѣ ея съ другимъ.

Въ комедіи: *Новый Отелло*, участвовали и съ успѣхомъ гг. *Самойловъ* (Пущинъ) и *Каратыгинъ* 2-й (Кулебака), и г-жи *Ѳедорова* (Дольская) и *Гринева* (Анна Михайловна). Молодой актеръ г. *Смирновъ* 2-й, занимавшій роль Рорина, выполнилъ ее довольно отчетливо. Стараніе, стараніе и стараніе къ достиженію, по возможности, совершенства въ сценическомъ искусствѣ, увѣнчается, безъ сомнѣнія, успѣхомъ, и поставитъ этого артиста въ рядъ любимцевъ нашей образованной публики.

Волки въ овчарнѣ, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. И здѣсь не домолвка! и здѣсь не сказано, что эта комедія-водевиль принадлежитъ французскому репертуару.

Бризакъ — г. *Максимовъ* 1-й, Дорвиньи—г. *Смирновъ* 2-й, Бадо — г. *Мартыновъ*, Марія, Луиза и Клара, воспитанницы въ пансіонѣ, г-жи *Гриневой*, *Рамазанова* 1-я и *Скильзевская*, Графъ де Понъ-Турлей — г. *Ахалинъ*, Содержательница пансіона—г-жа *Бормотова*, (надзирательница—г-жа *Телѣшова*, Пишаръ—г. *Прусаковъ*, Агата, служанка—г-жа *Шведлеръ*, Унтеръ-офицеры — гг. *Чайскій* и *Гевлевъ*.

Капитаны *Бризакъ* и *Дорвильи*, влюблены въ двухъ воспитанницъ Турскаго пенсіона, гдѣ, кромѣ дряхлыхъ стариковъ, ни одного мужчины *видомъ не видывали*. Капитаны, переодѣвшись пилигримами и выдавъ себя за престарѣлыхъ богомольцевъ, идущихъ изъ Рима, пробрались въ пенсіонъ, и кончили этотъ свой подвигъ тѣмъ, чѣмъ всѣ подобныя подвиги оканчиваются,—женились на своихъ любезныхъ.

Волевиль сей, переданный чистымъ русскимъ языкомъ и украшенный талантами гг. *Мартынова* и *Максимова* 1, доставилъ удовольствіе публикѣ.

Роза и Картушъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго.

Г. Куропаткинъ — *г. Григорьевъ* 1. жена его — *г-жа Рамазанова* 1. Вѣра Яков-

левна, дочь ихъ—*г-жа Гришева*, г. Мордашовъ, женихъ ея — *г. Мартыновъ* г. Карминскій — *г. Толченовъ* 3. Слуга — *г. Ѳоминъ*.

Г. Передѣлыватель этого водевиля *П. С. Ѳедоровъ*, трудясь для сцены нашей, постоянно, болѣе десяти лѣтъ, поступалъ и поступаетъ всегда совѣстливо: не присвоиваетъ чужаго, а указываетъ прямо на источники изъ коихъ черпаетъ свои произведенія, и тогда, когда вѣрнѣе другаго могъ бы утаить эти источники потому, что большая часть его подражаній, удачно-оригинальны.

Кармінскій, увидѣвъ въ маскерадѣ Большаго театра молодую даму, а съ нею красавицу-дѣвицу, влюбился въ послѣднюю. Онъ отправился къ нимъ въ ложу; но не нашелъ тамъ ни кого и ни чего, кромѣ бѣлой *розы*, оставленной на креслахъ. Молодой человѣкъ спряталъ эту розу въ свой бумажникъ. Дама—*г-жа Куропаткина*, а дѣвица—падчерица ея, *Вѣрушка*. Прошло нѣсколько времени, какой-то *Семенъ Семеновичъ Мордашевъ* сталъ свататься къ *Вѣрушкѣ*. Родитель ея, Яковъ Ивановичъ, человѣкъ радушной, простой и большой охотникъ цѣловаться съ мужчинами, (о вкусахъ не спорятъ), изъявилъ согласіе на сей бракъ. Къ несчастію, у *Вѣруш...*, у *Вѣры Яковлевны* былъ... не думаете ли, что любовникъ.... ошибаетесь, не любовникъ, а любимецъ — *Картушъ*. Какъ, этотъ ужасный атаманъ разбойниковъ? — Извините,... пудель. Однажды *Семенъ Семеновичъ* игралъ, въ домѣ *Куропаткиныхъ*, на бильярдѣ, и только-что приготовился сдѣлать *желтаго* въ середнюю *лузу*, какъ *Картушъ*, недовольный, вѣроятно, движеніемъ *Мордашева*, укусилъ его за икру и разорвалъ ему сюртукъ. *Семенъ Семеновичъ* ударилъ за это *Картута* кіемъ, а *Вѣра Яковлевна* разсердилась за это на *Семена Семеновича*, да такъ, что вышла за-мужъ за *Кармінскаго*, котораго она *ежели бы* полюбила съ маскарадной встрѣчи.

Убійца своей жены; комедія-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ, переведенная съ французскаго.

Пупинель — г. *Мартыновъ*. Брабенбургъ — г. *Григорьевъ* 1. Рамаша — г. *Марковецкій*. Жена Пупинеля г-жа *Шелихова* 2. Сестра ея — г-жа *Соловьева*. Трактирщица — г-жа *Бормотова*.

Г. *Пупинель*, подозрѣвая, и напрасно, жену свою въ измѣнѣ, грозитъ ей пистолетомъ, который, разумѣется, не заряженъ. Однажды подшутили надъ бѣднымъ ревнивцемъ, подмѣнивъ пистолетъ его другимъ, заряженнымъ холостымъ зарядомъ. *Пупинель*, разсердясь на свою половину, снова сталъ стращать ее *смертоноснымъ орудіемъ*. Она, зная о шуткѣ. Чтобъ отучить мужа отъ пистолетной угрозы, рѣшительно настаиваетъ, чтобъ онъ выстрѣлилъ въ нее. *Пупинель* спускаетъ курокъ и, о ужасъ! раздается выстрѣлъ, котораго онъ не могъ ожидать. Жена *Пупинеля* падаетъ въ притворный обморокъ; онъ, полагая, что убилъ ее, бѣжитъ безъ оглядки изъ Франціи въ Бельгію. Раскаяніе (въ мнимомъ преступленіи) мучитъ его: онъ терзается и терзанія эти смѣшатъ публику. *Пупинеля* игралъ г. *Мартыновъ*. Пріѣзжаетъ въ Бельгію и жена *Пупинеля*. Они встрѣчаются, и послѣ нѣсколькихъ комическихъ сценъ, *Пупинель*, убѣдясь, что жена его жива, снова начинаетъ брачное житіе.

Бенефисъ *г. Куликова*, 14 мая.

Судъ публики или *возстаніе въ театральной библіотекѣ*, фантастической водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. *Куликова*.

Публика—Г-жа *Дюръ*: Здравый смыслъ—г. *Григорьевъ* 1. Сѣверная муха—г-жа *Ѳедорова*, Макулатурная газета — г-жа *Самбунова*. Библіотека для пѣнія—г-жа *Шишкина*, Мосье Хамелеонъ г. Беккеръ. Г. Резервуаръ—г. *Прусскавъ*. Г-жа Аѳишкина г-жа *Бормотова*. Театральныя піесы: Коріоланъ—г. *Толченовъ* 1-й. Александръ Македонскій — г. *Петровъ 1-й*. Донна Луиза — г-жа *Волкова*. Сюзетта — г-жа *Гусева*. Ни статскій ни военный—г *Серѣевъ*. Злой духъ — г. *Григорьевъ 2-й*. Выжигинъ — г. *Ѳоминъ*. Полковникъ новыхъ временъ — г-жа *Скильзевская*. Молодой человѣкъ въ 60 лѣтъ—г. *Максимовъ*

2-й. Тигровая кожа—г. *Чайскій*. Матушка Фетинья Тимоѳѣевна—г. *Рамазановъ 2-й*. Солдатское сердце—г. *Горшенковъ*. Стенька Разинъ — г. *Іевлевъ*. Театральный библіотекаръ г. *Марковецкій* Солдатъ пожарной команды г. *Васильевъ*. Слуга публики г. *Фалле*.

Надъ водевилемъ *Судъ публики*, Публика наша произнесла свой строгій, но справедливый судъ—ошикала, безъ пощады, эту піэсу.

Семнадцать и пятьдесятъ лѣтъ, комедія водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, *Н. С. Ѳедорова*.

Г-жа Кочкина *г-жа Гусева*, Софья Петровна, ея дочь — *Г-жа Самойлова 2*. Александра Сергѣевна Снуркова — *Г-жа Гринева*, Г. Бураковъ — *Г. Мартыновъ*, Г. Стрѣлкинъ — *Г. Самойловъ*, сынъ Г. Буракова — *Г. Смирновъ 2*. Андрей, слуга — *Г. Пономаревъ*, Марѳа, служанка — *Г-жа Рамазанова 2*.

Вотъ нѣсколько словъ объ игрѣ артистовъ въ этомъ водевилѣ:

Въ короткое время наша комедія, нашъ водевиль лишились двухъ артистокъ, артистокъ, которыя украсили бы собою любую Европейскую сцену, мы говоримъ о *М. В. Самойловой* и *В. Н. Асенковой*. Первая похищена Гименеемъ; а послѣдняя безвременною могилою. Видно и въ сценическомъ мірѣ прекрасное мимолетно. Теперь вся наша надежда на юную артистку *Н. В. Самойлову*. Надежда эта насъ не обманетъ. *Г-жа Самойлова* смѣлыми шагами идетъ къ совершенству въ дѣлѣ драматическомъ. Въ водевилѣ, названіе котораго мы выписали выше, она представляла семнадцатилѣтнюю дѣвушку, живую, рѣзвую, пылающею любовію первою, страстною, и полувѣковую *старушенцу*, кропотунью, скрягу. Прекрасно! прекрасно! и прекрасно! *Г. Самойловъ* и въ мундирѣ молоденькаго чиновничка, и въ долгополомъ сертукѣ сѣдаго чиновника, былъ поразительно близокъ къ природѣ. *Г. Мартыновъ* былъ забавенъ до нельзя въ лицѣ Г. Буракова. Какъ вѣрно передалъ онъ характеръ слабаго и душою и тѣломъ старца — преданнѣйшаго раба сожительницы своей, старухи взыскательной черезъ чуръ, или вѣрнѣе выразиться, несносно вздорливой.

Въ людяхъ Ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ куплетами, передѣланная съ французскаго *Д. Т. Ленскимъ*.

Г. Размазня — *Г. Сосницкій* Г. Славской — *Г. Максимовъ 1*. Г. Прындикъ — *Г. Мартыновъ*, г-жа Трефкина, вдова — *г-жа Сосницкая*, г-жа Славская — *г-жа Дюръ*, г-жа Небосклонова, молодая вдова, писательница — *г-жа Ѳедорова*, Маша, горничная — *г-жа Копылова 2*. слуга — г. *Горкавовъ*.

Водевиль: *Въ людяхъ Ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана*, самъ своимъ названіемъ разсказалъ вамъ свое содержаніе; но чтобъ дать понятіе о характерѣ главнаго дѣйствующаго въ этой піэсѣ лица, необходимо *довести до вашего свѣдѣнія слѣдующее:*

Надежда Васильевна, молодая образованная дама, замужемъ за г. Славскимъ — человѣкомъ умнымъ, пріятнымъ и слишкомъ снисходительнымъ къ ея капризамъ.

Въ обществахъ она обращается такъ, что всѣ почитаютъ ее ангеломъ; а дома, о, тутъ другая сторона медали. Этотъ Ангелъ превращается въ дьявола, вздоритъ, прихотничаетъ, шумитъ, обременяетъ не заслуженными упреками своего мужа. Бѣднякъ твердо переноситъ не только слова, даже пощечины женины. Но все имѣетъ свой конецъ: кончилось и терпѣніе Славскаго. Онъ рѣшился разстаться и на всегда съ этимъ авгеломъ — сатаною. *Надежда Васильевна*, ни сказавъ ни слова, переѣхала отъ мужа къ пріятельницѣ своей, *къ ситцевымъ чулкамъ*, писательницѣ *г-жи Небосклоновой*. Достойная *Надежды Васильевны* матушка, *Аграфена Тимофѣевна* апробуетъ подобныя дѣйствія *возлюбленнаго своего дѣтища*, и всѣмъ кричитъ что мужъ *Надиньки*, не мужъ, а варваръ, людоѣдъ. *Надежда Васильевна* избаловаиа своею матушкою и оттого капризна; но

душа ея добра, она любитъ своего мужа. Случай сводитъ ихъ. *Надежда Васильевна*, проситъ у Славскаго прощенія въ необдуманныхъ своихъ поступкахъ: мировая оканчиваетъ піэсу.

Публика вполнѣ оцѣнила — прекрасный этотъ водевиль, хорошій переводъ его и игру въ немъ *Г-жъ Дюръ*, *Сосницкой* и *Ѳедоровой* и Гг. *Сосницкаго*, *Мартынова* и *Максимова*. Многіе куплеты, по громкому, дружному требованію публики, были повторены; но куплетъ о незабвенномъ *Пушкинѣ* привелъ всѣхъ въ умилительный восторгъ, обратившійся въ общій кликъ: *браво!* вотъ этотъ куплетъ. Онъ былъ уже напечатанъ въ *Репертуарѣ*, но прекрасное можно повторить:

Кто постигать какъ онъ умѣетъ,
Людей, природу и Творца?
И кто изъ Русскихъ не жалѣетъ
О смерти славнаго пѣвца?
Хоть смерть его и не касалась —
Онъ только бросилъ ей скелетъ —
Поэтовъ много намъ осталось,
Но Пушкина другаго нѣтъ!

Представленіе французскаго водевиля въ русской провинціи, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, подражаніе французскому.

Г. Радель — г. *Максимовъ* 1. Г. Лебуръ, *дядя* его г. *Каратыгинъ* 2. Г. Дальвиль — г. *Григорьевъ* 1. Г-жа Радель — г-жа *Рамазанова* 1. Эрнестина, ея подруга — г-жа *Скильзевская*. Содержатель гостинницы — г. *Пруссаковъ*, Мальчикъ въ гостинницѣ — г. *Асенковъ*, Пустославцевъ, содержатель провинціальнаго театра, г. *Афанасьевъ*, г. *Огурчиковъ*, пріѣзжій изъ Петербурга — г. *Мартыновъ*.

Водевиль этотъ грубый фарсъ. Грустно разсказывать о немъ; скажемъ только, что дѣйствіе его происходитъ и на сценѣ и въ залѣ театра. Между зрителями посажены трое актеровъ, въ головѣ ихъ г. *Мартыновъ*, это какой-то г. *Огурчиковъ*, который, увидавъ на сценѣ жену свою, *ломающую комедь*, кричитъ чтобъ она перестала, чтобъ она не смѣла играть (въ сценическомъ смыслѣ) съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга актеромъ г. *Максимовымъ*.

БЛАГОРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

«Во всякой поэзіи есть *нѣчто*, лежащее внѣ всякаго холоднаго наблюденія, *нѣчто*, являющееся одному только поэтическому созерцанію.»
Рёттеръ.

Подъ напоромъ чувства отраднаго и сладостнаго, которое свѣтлымъ ангеломъ является въ однообразіи провинціальной жизни, я беру смѣлость сообщить Русской публикѣ о событіи въ Воронежѣ самомъ пріятномъ, о явленіи утѣшительномъ и прекрасномъ, о цѣлѣ благодатной и высокой...

Еще во время великаго поста пронеслась молва въ Воронежѣ, что нѣсколько аматеровъ — артистовъ вздумали дать спектакль въ пользу бѣдныхъ. — Глубокая благодарность тому, у кого перваго чувствительное сердце и возвышенная душа отгадали потребность такого новаго для насъ и рѣдкаго

зрѣлища. Наконецъ наступило памятное 17-е апрѣля и образованная Воронежская публика пожила нѣсколько времени тою жизнію, которая бьетъ чистымъ ключемъ въ пустынѣ нашего мятежнаго бытія... Возвышенное чувство порождаетъ высокую идею. — Благородная цѣль спектакля уже дѣлала всѣхъ снисходительными къ нему, а между тѣмъ исполненіе его превзошло всѣ наши смѣлыя ожиданія и составило бы славу самой талантливой труппы. Благодатный геній указалъ Воронежцамъ средство къ вспоможенію несчастнымъ страдальцамъ и яркая звѣзда успѣха заблестѣла при исполненіи этого благороднѣйшаго и чистѣйшаго предпріятія...

Сыграны были піесы: 1) *Она помѣшана*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, 2) *Новички въ любви*, оригинальная комедія — водевиль въ 1 дѣйствіи и 3) *Путаница*, водевиль въ 1 дѣйствіи. (*)

Первую піесу Воронежская публика, кажется, впервые увидѣла на сценѣ, и такимъ образомъ родилось двойное наслажденіе: слѣдить за поэтическимъ увлекательнымъ содержаніемъ комедіи и художническимъ исполненіемъ ея образованными участниками въ этомъ спектаклѣ. Содержаніе піесы взято изъ извѣстныхъ занимательныхъ записокъ Англійскаго доктора Гаррисона, которыя были и у насъ переводимы, и помѣщаемы въ различныхъ журналахъ. Не помню, подъ какимъ заглавіемъ помѣщенъ, кажется, въ Московскомъ журналѣ «Телескопъ», разсказъ доктора, гдѣ онъ выставляетъ несчастнаго лорда съ печатью отверженія природы (съ помѣшательствомъ ума,) который таинственно удалился въ мрачное уединеніе, и тамъ въ припадкахъ своего болѣзненнаго состоянія тиранствовалъ надъ своею покорною женою — образцемъ женскаго самопожертвованія. Характеръ жены лорда является свѣтлою рамою этой раздирающей душу картины.

Эта душа, пожертвовавшая всѣми обольщеніями свѣта и юности для успокоенія раздражительности безумца, скрывающая гибельную семейную тайну, приковываетъ все наше сочувствіе. Святая любовь отца и дѣтей, возвышенная любовь мужа, преданная любовь жены; — это темы вѣчно — юныя и вѣчно живыя; на аккорды, извлекаемые изъ нихъ, всегда отзывается лучшая сторона нашей духовной природы. Глубокій драматизмъ лежитъ въ основаніи всей піесы; предъ нашими глазами развивается страшная драма безъ замѣтныхъ натяжекъ заносчивой фантазіи, безъ насильственныхъ кризисовъ;—священная обязанность хранить и опасность потерять навѣки существо, которое съединено съ нами неразрывными узами брака. Изъ этого богатаго рудника составлена піеса въ двухъ дѣйствіяхъ, не знаю почему названная комедіею, исполненіе которой на Воронежской сценѣ благородными артистами заслуживаетъ долговременнаго воспоминанія. — Участниками въ піесѣ были: г. Вешняковъ (Сэръ Бернардъ Гарлейгъ), г-жа Вешнякова (леди Анна, его жена), г-жа Вульфъ (Нелли, ихъ племянница), г. Аѳанасьевъ (Докторъ Гаррисонъ), г. Бѣлостоцкій (Сэръ Максвель) г. Дебольцовъ (Вилькинсъ, двоюродный братъ Гарлейга), г. Тейморъ (Давидъ, слуга Гарлейга) и г. Шишкинъ (Томъ, пастухъ).

Игра г. Вешнякова требовала бы опытнаго критика. При необыкновенныхъ сценическихъ дарованіяхъ, онъ глубоко изучилъ тайникъ жизни и пластически изобразилъ намъ нѣсколько страшныхъ ея проявленій. Вся публика ждала каждаго его выхода съ нетерпѣніемъ, потому что онъ дарилъ всѣхъ впечатлѣніями, отъ которыхъ роскошно истаевала душа. Первымъ уже появленіемъ своимъ на сцену, онъ умѣлъ приковать къ своей игрѣ всеобщее вниманіе; но когда обнаружилась роковая завязка — необыкновенная тишина, воцарившаяся въ театрѣ, показала, какъ всѣ страшились изъ чаши наслажденія пролить малѣйшую каплю. У меня и теперь передъ глазами то глубокое впечатлѣніе на зрителей, которое произвели слова Гарлейга доктору, старавшемуся удачно вымышленнымъ разсказомъ узнать гибельную тайну его болѣзни. Докторъ вздумалъ по-

(*) Эти піесы напечатаны въ *Репертуарѣ*. *Ред.*

ставить себя на его мѣстѣ, прибавилъ подобныя отношенія къ женѣ и наконецъ выразилъ безумство ревности ядовитой, мучительной. Угадавши только половину ужасной истины, докторъ продолжалъ: «Да, я спрятался; онъ (т. е. молодой человѣкъ) не замѣдлилъ явиться къ моей женѣ, съ страстными объясненіями въ любви, которыя были отвергнуты, но не менѣе того эта обида требовала кроваваго мщенія: внѣ себя, я тайно послѣдовалъ за нимъ, настигаю... принуждаю его драться со мною...

ГАРЛЕЙГЪ.

Онъ не хочетъ... отказывается...

ДОКТОРЪ.

Да, онъ отказывается, и я не зналъ, что мнѣ должно было дѣлать въ такомъ случаѣ....

ГАРЛЕЙГЪ.

Ты не знаешь?... Наблюдать его шаги; слѣдовать за нимъ какъ тѣнь... его жизнь или моя! если онъ струсилъ... бей! коли! рѣжь его и потомъ брось его въ море!...

Намъ стало страшно, потому что это было такою ужасною истиною. Да! Гарлейгъ могъ сказать это такъ, а не иначе; онъ долженъ былъ такъ сказать!...

Все трогательное объясненіе его съ Нелли и потомъ съ, незамѣтно подмѣнившею ее, женою лорда, было исполнено высокаго искусства и пало тяжелымъ камнемъ истины на наши души. Когда онъ захотѣлъ излить часть своего безумнаго отчаянія предъ Нелли, которую замѣнила его жена, у всякаго, я думаю, болѣзненно сжалось сердце при этихъ словахъ:

«Ты боишься за нее?... ребенокъ... развѣ ты не знаешь, что я люблю ее болѣе моей жизни... даже теперь... вѣдь она моя жена, моя первая, единственная любовь!! Она можетъ забыть меня, оставить!... но я вѣчно стану любить ее... я хочу, чтобъ ее уважали, почитали, потому что она носитъ мое имя. — Ея удѣлъ радость.... блаженство!... а мой страданія и слезы!...»

Слова г. Вешнякова. виноватъ, *Сэра Гарлейга*, мучительно терзали душу, а мимика увеличивала это глубокое неизносимое впечатлѣніе.

— Г-жа Вешнякова съ сильною впечатлительною душею давала необыкновенно рѣзкій колоритъ каждому новому положенію. Ея слова отзывались тою жаждою оправданія, которая естественно должна быть удѣломъ существа, переносящаго несправедливыя подозрѣнія. Мы слышали вопль души, готовой скорѣе разстаться съ жизнію, но требующей уваженія, которое заслужено столькими страданіями, когда она говорила. «Ахъ! пусть лучше онъ убьетъ меня, но не сомнѣвается во мнѣ!...» Это было сказано вѣрно и глубоко!... А потомъ съ какою надеждою, убѣжденія она продолжала: «Гарлейгъ, я достойна тебя, клянусь тебѣ всѣмъ на свѣтѣ, я любила только тебя одного, но я не имѣю другихъ доказательствъ, кромѣ моего слова, вѣрь ему, вѣрь слову твоей Анны!...»

Тутъ невольно можно было подумать о томъ, какое неизмѣримое различіе бываетъ междуигрою актеровъ *ex officio*, у которыхъ душа отъ постояннаго напряженія бываетъ какъ будто черства для новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній; и тѣмъ, какъ воспріимчивыя души образованныхъ любителей изящнаго выражали тончайшіе переливы благородныхъ человѣческихъ ощущеній. — *Нелли* служитъ примирительнымъ, свѣтлымъ явленіемъ въ этой сумрачной картинѣ. Душа отдыхаетъ отъ тревожныхъ бурь страсти и задумчиво покоится подъ благодатною сѣнью нѣжнаго, кроткаго чувства. Г-жа Вульфъ, понявши это пріятное назначеніе, была наивно простодушна, показала столько невинной прелести, сколько именно нужно было, чтобъ мастерски обрисовать этотъ прекрасный характеръ. Она такъ мило повторила: «да скоро ли я развяжусь съ своею тягостною тайною; ни кто не хочетъ меня слушать,» что мы всѣ желали бы, чтобы она хоть съ нами подѣлилась открытіемъ своей любопытной тайны и такимъ образомъ дала намъ возможность согнать темное облако печали съ такого яснаго женскаго небосклона.

Г. Аѳанасьевъ (Докторъ) былъ въ своей роли. Усердная попечительность, сердечное соболѣзнованіе давали ему тему, кото-

рою онъ умѣлъ удачно воспользоваться. Во время игры въ шахматы съ Гарлейгомъ онъ былъ очень естественъ, въ особенности онъ отражалъ привязчивыя нападенія Вилькинса вѣрно и бойко.

Бѣлостоцкій (Сэръ Максвель) имѣлъ второстепенную роль, но своею ловкою игрою онъ умѣлъ выставить ее въ надлежащемъ свѣтѣ. На Вилькинсѣ, кажется, основано названіе піесы комедіею. — Вилькинсъ лице обыкновенное въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Пустой болтунъ, отчаянный повѣса, человѣкъ, привыкшій жить на счетъ другихъ, привыкшій издѣваться надъ святынею родственныхъ связей.

Прибавьте къ этому смѣшное любопытство, трусость подъ маскою нахальства и такимъ образомъ составите полное понятіе объ этомъ ничтожномъ характерѣ. Для такихъ ролей необходимое условіе зоркая наблюдательность, дабы, такъ сказать, по частямъ уловить проблески подобныхъ характеровъ. Г. Дебольцовъ умѣлъ попасть на эту идею; — былъ запимателенъ, а въ особенности въ томъ мѣстѣ, когда онъ, не смотря на сопротивленіе, ворвался въ домъ Гарлейга и потомъ попался въ когти разъяреннаго безумца. — Вся эта сцена цѣликомъ была перенесена съ натуры.

Г. Тейлоръ (слуга Давидъ) преотчетливо выполнилъ свою незначительную роль. Г. Шишкинъ (Томъ, пастухъ) не смотря на свой дѣтскій возрастъ, удивилъ всѣхъ развязностію и непринужденностію своей игры. Однимъ словомъ, вся піеса была разыграна ровно, умно, вѣрно. Аплодисементамъ не было конца. Благодарность искренная за роскошь и прелесть постановки каждой піесы, что съ самой видной стороны рекомендуетъ эстетическій вкусъ распорядителей и участниковъ въ благородномъ спектаклѣ.

— Водевиль *Путаница*, какъ большая часть водевилей, имѣетъ острые куплеты съ явными и извѣстными намеками. Фосфорическимъ блескомъ своимъ на Воронежской сценѣ обязана эта піеса превосходной игрѣ участвовавшихъ въ ней. Содержаніе ея въ томъ, что поручикъ Веневскій влюбился въ одну дѣвушку, которая имѣла разительное сходство съ своею сестрою. Дѣло пошло на ладъ, дошло до любовной переписки; но между тѣмъ наступила долговременная разлука, а время перемѣняетъ многое. Страстная любовница отдаетъ руку простодушному Огрызкову, и роману долженъ быть естественный конецъ. Веневскій, не зная горькой истины, продолжаетъ вздыхать, томится неизвѣстностію; наконецъ пріѣзжаетъ къ своему прежнему идеалу, принимаетъ за свою очаровательницу, сестру ея. Веневскій встрѣчаетъ удивительную холодность; пошли упреки, недоразумѣнія. Огрызковъ отъ всей души бьется пособить своему другу въ его сердечныхъ дѣлахъ. Наконецъ путаница объясняется и великодушная сестра рѣшается отдать свою руку Веневскому. Тутъ есть положенія забавныя, сцены истинно комическія. Г. Бѣлостоцкій (Огрызковъ) можно сказать, создалъ роль. Добродушная, непритворная веселость, непринужденность, удивительная свобода были ему прекрасными помощниками для достиженія блестящаго успѣха при исполненіи роли. Въ его манерахъ было столько оригинальности и истиннаго искусства, сколько можно было ожидать только отъ опытнаго артиста.

Г-жа. Дебольцова, занимавшая роль *Клушиной*, старухи доброй, глухой, забывчивой, обрисовала свою роль съ рѣдкимъ искусствомъ. Всѣ сцены между ею и Огрызковымъ были полны истиннаго комизма. На нашей сценѣ, я увѣренъ, никогда такъ художнически не выполнялись подобныя женскія роли. Г-жа Цвиленева (Марья Ивановна внучка Клушиной) играла вѣрно, пѣла очень пріятно. Дуэтъ между ею и г. Дебольцовымъ (Веневскимъ), былъ исполненъ прекрасно. Г. Дебольцовъ всѣ нумера изъ своей роли пропѣлъ мастерски; роль же свою выдержалъ ровно, просто, благородно.

Содержаніе водевиля *Новички въ любви* всѣмъ давно извѣстно. Объ игрѣ и участвовавшихъ въ немъ довольно сказать то, что роль Завидова занималъ г. Вешняковъ, а потому піеса должна была имѣть и имѣла блестящій успѣхъ. Но насъ еще порода-

вали таланты двухъ дѣвицъ Башинскихъ въ роляхъ, воспитанницъ Завидова, Полиньки и Вариньки. Этинаивныя роли были какъ будто для нихъ написаны. Башинскія съ такимъ успѣхомъ выполнили ихъ, что заслужили отъ всѣхъ единодушное одобреніе. Считаю необходимымъ замѣтить, какъ глубоко оцѣнила Воронежская публика художническую игру г. Вешнякова. При самомъ появленіи на сцену въ этой піесѣ, онъ былъ встрѣченъ единодушнымъ продолжительнымъ рукоплесканіемъ и онъ поддержалъ такое высокое мнѣніе о немъ превосходною игрою въ роли Завидова. Г. Бѣлостоцкій (Незабудкинъ) явился рѣшительно другимъ лицемъ и вѣрною игрою содѣйствовалъ успѣху послѣдней піесы.

Весь этотъ спектакль останется надолго въ памяти жителей Воронежа, и если бъ чаще повторялись такія благодатныя явленія, то не изсякалъ бы ключъ жизни, вдохновляющій слабое человѣчество ко всему прекрасному.

Ив. Дацковъ.

МОЗАИКА.

ПѢВЕЦЪ, ЖИВШІЙ ВЪ ТРЕХЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

Гальмини, пѣвецъ капеллы Папы Венедикта XIV, родился въ 1686 году, а умеръ въ Римѣ въ 1815. Онъ пережилъ всѣ музыкальныя эпохи, начиная съ образованія оперы Кариссимомъ до маэстро Россини, отъ начальной школы пѣнія Писточчи до нынѣшней Бергамской, отъ перваго виртуоза на скрипкѣ, Корелли, до знаменитаго Паганини, отъ перваго фортепьяниста Скарлатти до Гуммеля и проч. Гальмини былъ теноръ и сначала образовывался въ вокальномъ пѣніи при церкви Магіа Maggiori. Онъ также хорошо игралъ на скрипкѣ.

Удивительно, сколько этотъ человѣкъ пережилъ революцій въ музыкальномъ мірѣ, сколько великихъ геніевъ музыки развились и скрылись при немъ въ могилу.

Гальмини, бывши еще мальчикомъ, пѣлъ музыку Кариссими, который, не смотря на строгую методу пѣнія Палестрино, далъ церковной музыкѣ большую свободу, ввелъ скрипки и віолончелли, облекъ ораторіи въ правильную форму и расширилъ ихъ дѣйствія. Кариссими былъ еще юношею, когда возникла опера; онъ сдѣлалъ въ ней столько улучшеній, что въ первой половинѣ XVII столѣтія опера его почиталась образцовою; даже Люлли въ своихъ композиціяхъ рабски подражалъ Кариссиму, хотя перваго называютъ Французы изобрѣтателемъ оперы.

Вскорѣ послѣ рожденія Гальмини извѣстный падуанскій композиторъ Бассани усовершенствовалъ формы драматическаго пѣнія, что видно изъ его оперъ. Александръ Скарлатти проложилъ новый путь къ драматической музыкѣ въ своей операхъ: «Leodicea e'Bergenice, далъ акомпаньементу легкую инструментовку, уничтожилъ силлабическую форму пѣнія и былъ изобрѣтателемъ аріи съ двумя повтореніями. Ему явилось много подражателей. И такъ, Гальмини былъ свидѣтелемъ рѣшительнаго переворота въ драматической музыкѣ, о которой тогда думали, что она достигла высшаго своего образованія. Инструментальная музыка также получила тогда значительное приращеніе первою композиціею Корелли, а именно, его знаменитымъ, *Opus G.* –

Основаніе нѣмецкой оперы Крейзеромъ, въ Гамбургѣ, было то же во время юности Гальмини. Лео, Перголези, Дюранте, Генделъ и другіе композиторы старались придать музыкѣ болѣе выраженія, которое послѣ нихъ опять пришло въ упадокъ. Инструментальная композиція сдѣлала послѣ того большіе успѣхи: мало по малу начали вводить въ оркестры духовые инструменты, и въ музыкальномъ мірѣ въ 1740 году опять произошелъ новый переворотъ; слѣдовательно пѣвецъ Гальмини въ 52 года своей жизни былъ свидѣтелемъ четырехъ революцій, въ разныхъ отрасляхъ музыки.

Въ половинѣ XVIII столѣтія основаны

были въ Италіи двѣ знаменитыя школы пѣнія: одна подъ управленіемъ Лео, Фео и Дюранте, въ Неаполѣ, а другая Лотти, въ Венеціи. Лучшими учениками въ нихъ были пѣвцы Маіо, Гоммели и Галуппи; Драматическая музыка сдѣлалась величественнѣе и формы ея разнообразнѣе; выдуманъ былъ облигатный речитативъ; акомпаньеметъ инструментовъ сдѣлался интереснѣе. Вскорѣ послѣ того появились въ операхъ квиттеты и секстеты. Пѣвцу Гальмини минуло уже тогда 72 года, но ему оставалось еще прожить 66 лѣтъ, и быть свидѣтелемъ удивительнѣйшихъ явленій въ музыкѣ.

Паччини и Сакхини были еще въ полной силѣ музыкальнаго своего таланта, какъ выступили на сцену съ своими операми Паэзіелло, Чимароза, Гугліельми и затмили славу своихъ предшественниковъ. Одинъ человѣкъ, одаренный отъ природы рѣдкимъ талантомъ, что касается до силы и выраженія въ композиціи, изобрѣлъ новый родъ чистой драматической музыки; этотъ великій мужъ былъ Глюкъ. Гайденъ и Моцартъ изобрѣли неизвѣстное до нихъ искусство въ инструментовкѣ, которая придавала ихъ музыкѣ столько оригнальныхъ красотъ, истины и чувства, что ихъ сочиненія останутся вездѣ и всегда неподражаемыми. Всемірный геній, Моцартъ, создалъ, новую оперу, и онъ имѣлъ великое вліяніе какъ на Чимарозу, такъ и на другихъ послѣдующихъ итальянскихъ композиторовъ. И такъ, къ концу XVIII столѣтія, музыка въ продолженіе цѣлаго вѣка пѣвца Гальмини, по крайней мѣрѣ десять разъ была переобразована.

Майръ (Мауг) и Перъ подготовили, подражая нѣмецкому манеру, еще большій переворотъ въ инструментовкѣ, которую съ удивительною смѣлостію окончательно развилъ Россини.

Революція, произведенная Россини въ музыкѣ почти невѣроятна, потому что Итальянцы, не терпѣвшіе до того времени оглушающаго шума музыкальныхъ инструментовъ, стали засыпать отъ той оперы, которая громомъ своимъ не потрясала ихъ нервъ. И всѣ эти удивительныя перемѣны случились при жизни пѣвца Гальмини, который видѣлъ, какъ образовались отличныя школы пѣнія Феди и Амодоро въ Римѣ, Писточчи въ Болоньи, Реди во Флоренціи, Бривіо въ Миланѣ, Пали въ Моденѣ; Гицци, Порпоры, Лео и Фео въ Неаполѣ, изъ которыхъ вышли знаменитые пѣвцы, какъ напримѣръ: Сицерло, Фаринелли, Кафарелли, Гваданьи, Априле, Пачіаротти, Кресчентини, Марчези, и даже былъ свидѣтелемъ утрированной методы пѣнія, надъ которой мучатся нынѣшнія пѣвцы и пѣвицы. Короче сказать, маститый старецъ Гальмини слушалъ всѣхъ виртуозовъ отъ основателя скрипочной школы Корелли, до Паганини включительно, отъ знамевитыхъ органистовъ Фробергера, Баха, Фоглера, отца фортепьянной игры Скарлатти, до Гумелля. Если бы Гальмини сохранилъ во всей свѣжести до конца своей жизни память и силу сужденія, то, конечно, онъ не согласился бы въ томъ, что музыкальныя произведенія XVII и XIX столѣтій принадлежали къ одному и тому же искусству. Только истинно художническія творенія великихъ геніевъ музыки также вѣчны и безсмертны, какъ и другіе памятники изящныхъ искусствъ.

Гр. Кр.

ОТВѢТЪ ДЕБЮТАНТА.

Одинъ дебютантъ игралъ въ Шиллеровыхъ *Разбойникахъ* роль Рацмана. При словахъ: «пойдемъ въ богемскіе лѣса, и соберемъ тамъ шайку разбойниковъ» Карлъ Моръ схватилъ его за грудь и съ бѣшенствомъ: закричалъ: «злодѣй! кто тебѣ вложилъ въ голову эту адскую мысль?» Дебютантъ, непривыкшій къ такому обхожденію, трухнулъ не на шутку и, заикаясь, отвѣчалъ, показывая на суфлера «вотъ: онъ!»

РАЗГОВОРЪ ДВУХЪ АКТРИСЪ.

—Странно! мужчины кажутся мнѣ нынче совсемъ не такъ *дурны*, какъ они казались за десять лѣтъ

—Тсъ... если кто это подслушаетъ, подумаетъ, что ты съ тѣхъ поръ ужасно *подурнѣла*.

—

ПѢВИЦА-ТАНЦОВЩИЦА.

Г-жа Шарлота Гризи сперва пѣла на театрѣ *de la Renaissance*, а теперь она танцуетъ на сценѣ *Большой оперы*. Какъ при этомъ не вспомнить басни, въ которой муравей говоритъ стрекозѣ:

Ты все пѣла,
Это дѣло,
Такъ поди же попляши!

Дебюты Гризи были удачны! Съ первыхъ па, она встала въ рядъ первыхъ танцовщицъ. Гризи, въ роли Сильфиды напомнила Парижанамъ, какъ они говорятъ, *воздушную* Тальони. Какая похвала для танцовщицы выше этой?

—

КОМЕДІЯ СКРИВА ВЪ МАРСЕЛИ.

Марсельцы, не поморщась, выпили *стаканъ воды* (*le verre d'eau*) Скриба; но съ тѣмъ, чтобъ нхъ не угощали этою водою безпрестанно, какъ то дѣлаютъ съ бѣдными Парижанами. Мы не хотимъ, говорятъ Марсельцы, чтобы думали о насъ худо. Пословица наша не даромъ гласитъ: *les mechants seuls sont buveurs d'eau*, т. е. одни недобрые пьютъ только одну воду!

—

СМЕРТЬ ДОРА (DORAT.)

Дора, авторъ трагедіи *Régulus*, комедіи *Feinte par amour*, поэмы *Déclamation* и многихъ другихъ произведеній, умеръ 29 апрѣля 1780, сорока пяти лѣтъ отъ-роду. Онъ былъ невѣроятно раздражительнаго характера. Строгія рецензіи сочиненій его оскорбляли его до того, что онъ впадалъ въ болѣзни, а разстройство состоянія свело Дора въ могилу. Во время болѣзни его, зашелъ къ нему одинъ медикъ.—Что, какъ вы находите меня? спросилъ поэтъ. — Не стану васъ обманывать, отвѣчалъ врачъ, совѣтуюмъ приготовиться...—Понимаю!—Докторъ только за двери, поэтъ, обращаясь къ слугѣ своему, сказалъ: эти эскулапы, презабавные животные! они на все смотрятъ съ дурной стороны. Докторъ далъ мнѣ замѣтить, что я не надеженъ; а я чувствую себя какъ нельзя лучше. Подай мнѣ перо, чернилы и бумагу, я отдѣлаю ихъ всѣхъ въ сатирѣ.« Дописывая второй стихъ этой сатиры, Дора уснулъ и навѣки.

—

СЮРПРИЗЪ НЕ ВПОПАДЪ.

Не пройдетъ двухъ, трехъ мѣсяцовъ, и косые, въ особенности косыя, будутъ въ Парижѣ чрезвычайною рѣдкостью. Хирургъ Боданъ лечитъ тамъ отъ косоглазія скоро, ловко и почти безъ боли. Сотни косыхъ осаждаютъ двери его квартиры съ утра до ночи.

Какимъ путемъ забрела эта медицинская статья въ Репертуаръ? — Косвеннымъ, милостивыя государыни и милостивые государи, косвеннымъ; но мы сейчасъ поставимъ ее на прямой путь. Статья эта присказка, а сказка, виноваты, быль, впереди.

Одинъ изъ тѣхъ мужей, *имѣ же нѣсть числа*, изъ мужей-рабовъ, Г. Х... вздумалъ сдѣлать супругѣ своей, въ день ея рожденія, сюрпризъ. Х... былъ косъ на оба глаза. Не взирая на то, что уже въ продолженіе пятнадцати лѣтъ онъ постоянно косился на свою дражайшую половину, которая давнымъ-давно къ тому привыкла, Г. Х... отправился къ Бодану. Не прошло получаса, косый нашъ сдѣлался прямымъ. Внѣ себя отъ восторга, онъ бѣжитъ домой, вбѣгаетъ въ будуаръ жены своей, становится предъ нею въ позицію, и радостно восклицаетъ: Маріетта, взгляни, я гляжу прямо!—Это что такое? Да какъ ты смѣлъ прямить свои глаза безъ моего позволенія? Если сію же минуту Боданъ не скоситъ тебѣ по прежнему глазъ, то и не кажись мнѣ на глаза. Дня не останусь съ тобою... разводную!

Изъ этой были кропаютъ въ Парижѣ, какъ мы слышали, водевиль. Вы улыбаетесь, считаете это невозможнымъ; а мы, напротивъ, почти увѣрены, что Французъ съумѣетъ изъ *ничего* повѣтствовательнаго сдѣлать *многое* водевильное. Пришлось къ слову. Лѣтъ десятокъ тому назадъ, жили въ Петербургѣ, риомачъ ** и книгопродавецъ И. В. Сл..., оба Русскіе. Разговаривая съ И. В. о нашей литературѣ, коснулись мы рапсодій *оныя* стихоплета, которыя были въ оригиналѣ зело плохи; а въ нѣмецкомъ переводѣ весьма не дурны. — Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ острякъ Сл... иностранцы хитры: они умудрились даже варить изъ голыхъ костей превкусный и прежирный супъ.»

М. Жкинъ.

—

ЖАЛОВА ПАРИЖСКИХЪ ДИЛЕТАНТОВЪ.

Парижане жалуются на то, что въ столицѣ ихъ болѣе десятка театровъ для ничтожныхъ водевилей, и нѣтъ ни одного достойнаго лирическихъ твореній знаменитыхъ композиторовъ. Жалоба эта основательна: Парижъ донынѣ не слыхалъ ещё оперъ: *Belisario* и *Il Furioso*, Доницетти, *Il Bravo* и *Il Giuramento*, Меркеданте, *Chi dura vince*, *Il Colonello* и *un'aventura di Scaramuccia*, Риччи.

—

СИРОПЪ ДЛЯ ПѢВЦОВЪ.

Одинъ Парижскій журналъ напечаталъ слѣдующій пуффъ, «Столицу нашу посѣтилъ проѣздомъ, на самое короткое время, знаменитѣйшій итальянскій медикъ В. Онъ изобрѣлъ чудодѣйный сиропъ. Этому сиропу обязанъ нашъ теноръ Дюпре своимъ голосомъ, слѣдовательно своею славою, своимъ бессмертіемъ »

Какой-то хористъ *Большой оперы* прочитавъ это, тотчасъ послалъ Дюпре письмо, слѣдующаго содержанія: «Зная вашу душу, вашу готовность на добро, прибѣгаю къ вамъ. М. Г. со всепокорнѣйшею просьбою: познакомьте меня съ докторомъ В. который снабдилъ васъ такимъ прекраснымъ голосомъ. Повѣрьте моему честному слову, я не употреблю вашего снисхожденія во вредъ вамъ. Конечно, въ наше время, когда Европа не насчитываетъ и четырехъ первоклассныхъ тенеровъ, выгоднѣе бы было мнѣ похлопотать о *теноровомъ* сиропѣ, но чтобъ не обнажать васъ, я буду доволенъ и *басовымъ*. »

М. Жкинъ

—

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ ВЪ 1840 ГОДУ.

Въ прошедшемъ году вышло въ свѣтъ въ Германіи музыкальныхъ сочиненій: для полнаго оркестра 104, для скрыпки 134, для секунды 2, для віолончели 43, для контрбаса 1, для флейты 76, для гитары 48, для фисгармоники 8, для варгана 1, для фортепьяно 1178, для церковнаго органа 39, для хорнаго пѣнія 193, оперныхъ 57, для одного голоса 539, для первоначальнаго обученія пѣнію 24, разсужденій о теоріи музыки 52. 168 піесами болѣе чѣмъ въ 1839 году.

—

НОВОСТИ ГЕРМАНСКОЙ ДРАМАТУРГІИ.

Въ Штутгартѣ и Гибингенѣ давали съ успѣхомъ новую драму Рейнгольда: *Сыновья Дожа*. Въ Дрезденѣ играли драму Мозена *Флорентійскія невѣсты*. Гуцкова *Вернера* давали въ Гамбургѣ, Вѣнѣ, Франкфуртѣ и Ганноверѣ; трагедію *Паткуль*, того же автора, играли въ Гамбургѣ. *Юдифь*, Геббеля, играли въ Берлинѣ и Гамбургѣ. *Эльфриду* Маркграфа также играли въ Берлинѣ. Въ Веймарѣ давали драму: Инеса-де-Кастро, сочиненія Винера.

—

ТЮРЬМА НОВАГО РОДА.

Въ маскерадѣ Большой парижской оперы одинъ денди просилъ театральнаго маши-

ниста провесть его тайно въ уборную танцовщицъ — и обѣщалъ ему за эту услугу пять червонцевъ. Машинистъ согласился и провелъ замаскированнаго франта чрезъ длинный корридоръ въ одну темную каморку. «Отсюда вы ступайте направо» сказалъ машинистъ, заперъ за собою двери и скрылся. Денди очутился на чердакѣ театра. Онъ долженъ былъ просидѣть до самаго утра въ этой тюрьмѣ новаго рода.

—

ВЕТЕРАНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЫ.

Г-жа Марсъ въ минувшемъ апрѣлѣ вовсе оставила театръ. Нѣтъ примѣра во Франціи, чтобы какой нибудь актеръ или актриса играли на сценѣ столько, какъ эта артистка. Моле дебютировалъ въ первый разъ въ 1760 году и съ того времени игралъ постоянно до своей кончины (1802 года.) Герень, женившійся на вдовѣ Мольера умеръ 82 лѣтъ, и былъ на театрѣ слишкомъ 45 лѣтъ. Дѣвица Дюменилъ дебютировала въ 1737 и оставила сцену въ 1776, слѣдовательно постоянно была актрисою въ теченіи 39 лѣтъ. Мадамъ Белькуръ (Bellecourt) играла 42 года. Латовильеръ (Lathovillière), сынъ Мольерова товарища по театру, вступилъ на сцену въ 1684 и оставилъ ее чрезъ 47 лѣтъ. Долголѣтнюю его службу на театрѣ можно, и то приблизительно, сравнить съ службою г-жи Марсъ. Она вступила на сцену въ 1793 году и играла на ней постоянно 48 лѣтъ и всегда съ величайшимъ успѣхомъ.

—

ОБЕРЪ И ГАЛЕВИ.

Къ директору парижской оперы собрались на обѣдъ всѣ литературныя и музыкальныя знаменитости Парижа. Между ними находились также Скрибъ, Оберъ и Галеви. Послѣ обѣда рѣчь зашла о неигранной еще оперѣ Обера, и гости попросили композитора сыграть что-нибудь изъ нея. Оберъ сѣлъ за фортепьяно и сыгралъ маршъ изъ этой оперы. Чрезъ часъ послѣ того одинъ изъ гостей попросилъ Галеви сыграть также что-нибудь изъ новой его оперы. Галеви не отказался, началъ играть, но, вѣроятно въ разсѣянности, вмѣсто собственной піесы, исполнилъ маршъ Обера, который гости только-что слышали. Это удивительно! воскликнули они — Галеви затвердилъ чужой маршъ нота въноту, безъ всякой перемѣны.» Напротивъ, возразилъ Оберъ, г. Галеви сдѣлалъ въ моемъ *маршѣ* нѣсколько счастливыхъ перемѣнъ, которыми я не премину воспользоваться.»

СМѢСЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ:

ИТАЛЬЯНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Нѣсколько словъ о Пастѣ.

Паста окончила свои представленія на петербургской сценѣ. Представленій этихъ было восемь, кромѣ ея бенефиса. Въ нихъ мы слышали и видѣли оперы: *Норму*, *Семирамиду*, *Танкреда* и *Анну Болень*.

Не станемъ говорить о томъ, что *Паста* пріѣхала къ намъ, окончивъ уже сценическое свое поприще за-границею, пріѣхала тогда, когда измѣненіе сильнаго, звучнаго, гибкаго голоса ея стало слишкомъ ощутительно въ нижнихъ нотахъ; неподражаемая же метода пѣнія *Пасты* осталась въ прежнемъ блескѣ. *Паста* великая драматическая актриса. Въ доказательство этого приведемъ пять сценъ изъ множества выполненныхъ ею истинно-художнически. *Въ Нормѣ*, когда эта несчастная жертва пламенной страсти рѣшается умертвить дѣтей своихъ. *Въ Семирамидѣ*, когда властолюбивая царица Вавилона узнаетъ происхожденіе Арзаса. Въ *Аннѣ Боленъ*, когда супругъ *Анны* несправедливо упрекаетъ ее въ невѣрности, когда она узнаетъ въ *Сеймурѣ* свою соперницу, и когда *Анна Болень* готовится къ позорной казни.

Въ первое представленіе Пасты дали *Норму*. Намъ не удалось быть тогда въ театрѣ. На другой день пошли отзывы объ этой пѣвицѣ. Мы не могли вывести изъ нихъ никакого заключенія: одни провозгласили ее единственною, и въ наше время, кантатрисою въ мірѣ; а другіе стали увѣрять, что голосъ ея на верхнихъ нотахъ лишился свѣжести, на среднихъ часто невѣренъ, а на нижнихъ сиповатъ, иногда даже до хриплости. Въ театрѣ мы хотя и согласились отчасти съ послѣдними, но метода пѣнія *Пасты* и нѣкоторыя исполненныя ею нумера обворожили насъ. Правда, *въ Нормѣ* цѣлый мотивъ, въ терцетѣ, пропѣла она почти на четверть тона ниже надлежащаго; за то арія: *Casta diva*, и дуэтъ: *Deh! con te, con te li prendi*, и *in mia man alfin tu sei*, исполнены были съ такимъ одушевленіемъ, съ такою страстью, для передачи которыхъ нашимъ читателямъ не находимъ словъ.

Въ Семирамидѣ, аріясъ хоромъ, въ первомъ дѣйствіи, исполнена превосходно.

Вся партія *Танкреда* выполнена прекрас-

но: въ особенности же речитативъ: *o Patria!* и арія: *Di tanti palpiti.* Пропѣтая *Пастою* въ концѣ оперы арія, (кажется, вставная) короновала талантъ этой пѣвицы.

Анна Болень—торжество *Пасты* какъ пѣвицы, такъ и актрисы; а сцена сумасшествія утверждаетъ за Пастою названіе *великой* драматической артистки.

Метода пѣнія этой кантатрисы изящно-высокаго стиля.

Родъ ея пѣнія сильный, одушевленный, страстный.

Украшенія въ пѣніи ея чрезвычайно разнообразны, *благородны* и употребляются съ строжайшею обдуманностію. Мы не встрѣтили мѣста, гдѣ хоть одна бы основная нота была пожертвована желанію *блеснуть.*

Измѣненія въ голосѣ Пасты удивительны. Право, иногда казалось, что изъ горлышка ея льются два разные голоса.

Бѣлое пѣніе, crescendo, descrescendo, всѣхъ возможныхъ родовъ гаммы, поразительно - хороши, отчетисты; а трели — прелесть.

Речитативы, *Паста* исполняетъ мастерски. Речитативы ея то же, что были монологи въ устахъ незабвенной трагической актрисы *Катерины Семеновны Семеновой.*

Н. К.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Quitte ou double (на квитъ, или вдвое!) комедія съ куплетами, въ двухъ дѣйствіяхъ соч. Гг. Анселó и Дюпора.

Въ 1768 году, одному маркизу понадобилась сотня тысячъ франковъ. У кого занять? разумѣется у пріятеля, богатаго откупщика, котораго и жена была большая пріятельница Маркизу. Откупщикъ даетъ сто тысячъ; а вексель беретъ *въ двое; для* того, чтобъ, *поставя* Маркиза *въ невозможность* заплатить такую значительную сумму, засадить его милость къ тюрьму, и тѣмъ избавиться отъ пріятеля соперника. Еще до сроку этаго платежа, маркизу наскучила жена откупщика; и онъ сдѣлалъ, какъ говорятъ, богатую партію, и изъ женина приданаго *сквитался* съ откупщикомъ. т. е. уплатилъ сполна его вексель.

Эта комедія не имѣла большаго успѣха. Каламбуры и довольно плоскія шуточки, которыми она сдобрена, вызывали изрѣдка улыбку публики.

Le Tailleur de Londres (Лондонскій портной) водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Гг. Ксавье, Массонъ и Лафитъ.

Дѣйствіе въ Лондонѣ. Одна бѣдная женщина, проходя по улицѣ, нашла корзинку, а въ ней новорожденнаго ребенка. Взяла его къ себѣ, и воспитала его. Ребенокъ этотъ, возмужавъ, сдѣлался портнымъ. Его зовутъ Даніелемъ. Онъ трудится для довольства и спокойствія той, которая замѣнила ему родную мать, и любитъ страстно младшую ея сестру, Эннили. Между должниками Даніеля, есть нѣкто Ричардъ, котораго онъ спасъ отъ тюрьмы и который, вмѣсто благодарности, волочится за Эннили. Ричардъ и Даніель схожи между собою лицомъ, какъ двѣ капли воды. Въ припадкѣ ревности Даніель хотѣлъ соперника своего посадить за долги въ тюрьму; но перемѣнилъ это намѣреніе, разсудивъ, что Ричардъ, можетъ быть, сынъ какого нибудь вельможи, съ которымъ портному не приходится тягаться, да и Эннили его терпѣть не можетъ.

Бывшій въ восточной Индіи губернаторомъ, Лордъ Клэрендонъ, возвратился въ Лондонъ. Изъ всѣхъ грѣховъ юности, двѣ пары грѣховъ тяготятъ душу его: онъ соблазнилъ двухъ женщинъ и бросилъ на произволъ случая двоихъ сыновей. Сыновья эти: Даніель и Ричардъ.

Благородный лордъ, чтобъ успокоить совѣсть, и чтобъ передать имя свое въ потомство, намѣревается усыновить достойнѣйшаго изъ нихъ. Выборъ падаетъ на Даніеля. Это возбуждаетъ зависть въ Ричардѣ. Видя это, Даніель отказывается отъ богатства, пышности, титуловъ и оставляетъ за собою только верстакъ, ножницы и свою Энипли.

Дѣйствіе этой піэса тянется чрезъ длинные, предлинные и безжизненные діалоги, въ которыхъ, правда, промелькиваютъ блестки остроты; но это такъ рѣдко и слабо, что едва замѣтно.

L'Abbé galant (*Аббатъ-волокита*) водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Гг. Лоранса и Клервиля.

Двое молодыхъ людей, Албертъ и Клавдій жили между собою душа въ душу и на одной квартирѣ, не смотря на разность ихъ занятій и понятій. Албертъ былъ музыкантъ, а Клавдій авторъ предикъ, которыя онъ сочинялъ для какого-то *извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ аббата*. Албертъ весельчакъ, вѣтренникъ, насмѣшникъ. Клавдій скроменъ, смиреномудръ. Руководствуя Альберта, онъ не только удерживаетъ его отъ шалостей, но и не допускаетъ его писать музыку для театра.

Клавдій опасно заболѣлъ. Албертъ на леченіе его не только употребилъ всѣ свои деньги, даже задолжалъ. Чтобъ было чѣмъ заплатить этотъ долгъ, Албертъ сочиняетъ музыку оперы. Поэму для нее нашелъ онъ въ бумагахъ Клавдія, которыя этотъ, въ ожиданія смерти, велѣлъ ему сжечь. Албертъ украдкою отъ строгаго друга, ходитъ и на репетиціи своей оперы и къ пѣвицѣ Боменаръ, въ которую онъ влюбленъ по уши. Не смотря на всѣ предосторожности молодаго композитора, Клавдій увидѣлъ случайно на столѣ его ноты дуэта, тріо, хора. Продѣлка открыта. Чтобъ заставить друга уничтожить партитуру, въ которой онъ видитъ погибель души его, Клавдій признается ему, что и онъ нѣкогда мечтая о театральной славѣ, написалъ либрето оперы: *Аббатъ-волокита*, образумился на смертномъ одрѣ и, благодаря ему, Альберту, предалъ ее огню. Это болѣе подстрекнуло честолюбіе Альберта. Онъ рѣшился славу свою раздѣлить съ другомъ; но чтобъ успокоить его, онъ при немъ бросаетъ въ огонь ноты, не оперы, а какой-то заплесневѣлой кантаты. — Клавдій отдохнулъ. Цѣлуетъ вѣрнаго своего Ореста, и даетъ ему слово написать грозную предику, въ которой предастъ анаѳемѣ и комедіи и комедіянтовъ.

Между тѣмъ репетиціи новой оперы идутъ своимъ чередомъ, между тѣмъ композитора ея посадили за долгъ въ тюрьму. Клавдій плачетъ, горько плачетъ! Слезы; но что такое наши слезы? называютъ ихъ жемчужными, называютъ, и все тутъ: по пробуй-ка представить ихъ въ платежъ по векселю! Нечего дѣлать: Клавдій разрѣшаетъ друга своего отдать на театръ оперу, разумѣется за деньги, безъ которыхъ пришлось бы ему умереть въ тюрьмѣ. Мало этаго, онъ рѣшается итти на репетицію, чтобъ присмотрѣть за обстановкою и ходомъ піэсы. Дружескій глазъ всегда лучше чужаго. Каково же было удивленіе Клавдія, когда онъ въ оперѣ друга узналъ своего *Аббата-волокиту*.

Несчастный Клавдій! сперва онъ онѣмѣлъ, потомъ закричалъ: Срамъ! поношеніе! караулъ! (или нѣчто въ родѣ этаго послѣдняго слова) потомъ вспомнилъ, что опера изведетъ изъ темницы друга его; потомъ вздумалъ, что и на его долю достанется частица успѣха піэсы; потомъ забылъ о написанной имъ анаѳемѣ на комедіи и комедіянтовъ, и Клавдій, смиренномудрый Клавдій, самъ разпоряжается репетиціею. Во время спектакля, онъ украдкою выглядываетъ изъ-за кулисъ. Въ самомъ жару пред-

ставленія, одинъ изъ актеровъ внезапно заболѣлъ, Клавдій, въ какомъ-то самозабвеніи выбѣгаетъ вмѣсто его на сцену, игра его восхищаетъ публику, вѣнки летятъ на него. Король, удостоивши этотъ спектакль своимъ присутствіемъ, желая наградить Клавдія—оратора поэта и актера, повелѣваетъ опредѣлить его на то мѣсто, о которомъ онъ тщетно хлопоталъ цѣлые годы.

Піэсу эту поддержала игра г-жи Луизы, виноваты Александръ Мейеръ (Бомепаръ) и г. Верне (Клавдій).

—

АНГЛІЙСКАЯ ОПЕРА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ Лондонѣ давали оперу: *Кеоланта*. Героиня этой піесы, (кто бы вы думали?) *мумія*.

Флорентинскій студентъ, Андреа, влюбился до нельзя въ Египетскую мумію. О вкусахъ не спорятъ. Духъ рѣки Нила, Обрасто, обвѣнчавъ студента съ мумією, приводятъ къ нему юную, прекрасную Итальянку, Павину, которой Андреа, недавно еще, далъ клятву въ любви вѣчной, постоянной. Итальянка съ отчаянія умираетъ. Братъ ея, Филиппо, вызываетъ измѣнника на дуэль; но во время поединка, являются, по доносу Обрасто, служители инквизиціи, берутъ Филиппо. Онъ осужденъ на смерть. Приходитъ Кеоланта. Обрасто разсказываетъ ей о поступкѣ ея мужа. Мумія выходитъ изъ себя (вотъ что значитъ женская ревность и въ сердцѣ муміи), грозится выгнать Андреа. Бѣднякъ не знаетъ что ему дѣлать и, отъ испуга... просыпается.

Эта опера совъ Андреа. Онъ копировалъ барельефы Египетскаго саркофага и черты похороненной въ немъ дѣвицы, сдѣлавъ сильное впечатлѣніе на чувства его, произвали этотъ сонъ. Либретто оперы безтолково!

Когда жъ толковы сны бываютъ?

Музыка оперы: *Кеоланта* сочинена г. *Бельфомъ*. Въ ней встрѣчаются нѣкоторые нумера не безъ достоинствъ. Вообще же вся музыка отзывается твореніями Итальянскихъ Композиторовъ: что не нравится Англичанамъ.

—

НѢМЕЦКАЯ ОПЕРА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Со времени пріѣзда въ Лондонъ Вѣнскаго пѣвца г. *Штаудиля*, тамошніе диллетанты усердно посѣщаютъ Друриленской театръ, на которомъ играетъ Нѣмецкая оперная труппа. Кромѣ этаго пѣвца находятся въ ней артисты съ талантами: это г-жа *Стекель-Гейнефетеръ* и *Гайцингеръ*. Давали *Фиделіо* Бетговена, первая занимала въ этой операѣ роль Элеоноры, а послѣдній игралъ Флорестана. Рукоплесканіямъ не было конца. Въ особенности г-жа *Гейнефетеръ* художническимъ исполненіемъ трудной своей роли и въ драматическомъ и музыкальномъ отношеніяхъ, привела въ восторгъ хладнокровныхъ Британцевъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Le comte de Carmagnola — графъ *Карманьола*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба, музыка Ам. Тома.

Карманьола (*) осаждаетъ Брешіу. Подъ чужимъ именемъ пробрался онъ въ этотъ городъ и вздыхаетъ у ногъ прекрасной Лукреціи, жены Губернатора, который, хотя, какъ большая часть мужей, былъ слишкомъ довѣрчивъ къ женѣ, однакожъ открылъ обманъ. Шесть тысячъ червонныхъ обѣщалъ онъ тому, кто предастъ въ его руки обольщ-

(*) Одинъ изъ знаменитыхъ полководцевъ XV вѣка, *Карманьола*, прозванный такъ по мѣсту своего рожденія, въ юности своей былъ *свинопасомъ*. Умомъ, познаніями достигъ онъ званія главнокомандующаго арміею Миланскаго Герцога Филиппа Висконти. Онъ покорилъ своему Государю Парму, Кремонъ, Брешіо, Бергамъ. Зависть сослуживцевъ искала погибели его. *Карманьола* перешелъ въ службу Венеціи, и въ качествѣ ея полководца, отправленъ былъ противъ прежняго своего Государя, котораго принудилъ оружіемъ къ миру. Въ послѣдствіи онъ проигралъ одно морское сраженіе. Враги его, которыхъ нашелъ онъ и въ Венеціи, оклеветали его въ измѣнѣ. Голова *Карманьолы* пала на плахѣ въ 1432 году. *Редак.*

стителя. Дочь тюремщика влюблена въ Стеніо, котораго отецъ ея ненавидитъ за то, что онъ бѣденъ. Стеніо, съ горя, предлагаетъ одному отчаянному, безпріютному проидохи сыграть съ нимъ въ кости, съ тѣмъ, что проигравшій долженъ будетъ назваться *Карманьолой*, а выигравшій представитъ его Губернатору и получитъ за это шесть тысячь червонныхъ. Стеніо проигрываетъ. Его заключаютъ въ темницу. По счастію для него, является Карманьола. Стеніо женится на своей возлюбленной.

Музыка не безъ достоинствъ, хотя не вполнѣ достойна первой Парижской лирической сцены. Эту піесу давали 19 минувшаго Апрѣля на театрѣ *Королевской Академіи музыки*.

—

Le Débutant. Дебютантъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Эта піеса—старая погудка на новой ладъ. Содержаніе ее почти тоже самое что водевиля: *Je serai comédien*, извѣстнаго и на нашей Петербургской сценѣ, подъ названіемъ, кажется, *Дебютантъ*. Публика не довольная этою чуть-чуть не мистификаціею, непремѣнно ошикала бы піесу, если бы не игралъ въ ней талантливый *Лаферьеръ*, бывшій нѣкогда въ здѣшней французской труппѣ. Игра его предполагаемое шиканье обратила въ громкія рукоплесканія.

—

Tiridate. Тиридатъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи; соч. г. Фурнье.

Одинъ молодой человѣкъ страстно влюбленъ въ артистку Парижскаго театра (Comédie-Française) дѣвицу *Дюменилъ*. Отецъ его не хочетъ слышать объ этой любви. Отчаяніе овладѣло любовниками: они грозятся наложить на себя руки. Лишить себя жизни не мудрено; но что изъ этаго выйдетъ? Смерть, и болѣе ничего. Нельзя ли это дѣло повести иначе, думаетъ хитрая Дюменпль и выдумала, выдать своего любезнаго за автора новой трагедіи: *Тиридатъ*, которую въ то время разучивала и творецъ которой скрывался въ густомъ мракѣ неизвѣстности. Эта хитрость удалась. Отецъ юноши узнавъ что у него сынъ стихотворецъ и смѣкнувъ, что съ поэтомъ, да еще и трагическимъ, не сговоришь, рѣшился на бракъ его съ актрисою Дюменилъ.

—

Дюменилъ дебютировала въ Парижѣ 6-го Августа 1737 ролью *Клитемнестры*, въ трагедіи: *Ифигенія въ Авлидѣ*. Лучшія ея роли, кромѣ помянутой, были *Меропы Агриппины*, *Клеопатры*. Она окончила жизнь едва не въ нищетѣ, на 91 году отъ рожденія. Театръ оставила она въ 1776 году.

Кстати разскажемъ здѣсь нашимъ читателямъ забавный случай, встрѣтившійся съ *Дюменилъ* и доказывающій какое впечатлѣніе производила она своею игрою на публику. Давали трагедію *Клеопатру*, главную роль занимала *Дюменилъ*. Заслуженный, отставной морякъ, любовался изъ-за кулисы на игру артистки. Дюменилъ, ставъ спиною къ этой кулисѣ, только что произнесла стихъ:

Боговъ я прокляну, коль жизнь мнѣ возратятъ!

Вдругъ морякъ, оскорбленный этимъ стихомъ, мастерски выраженнымъ, поражаетъ Дюменилъ кулакомъ по шеѣ, закричавъ во всеуслышаніе: «*Чтобъ языкъ отсохъ у тебя, собака!*

Прим. Редак.»

—

Un vieil ami (Старый другъ), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Гг. *Дартуа* и *Теолономъ*.

У одного водочнаго заводчика водятся двѣ молоденькія дочки. Беречь ихъ трудъ, по его понятіямъ, тяжкій, и потому онъ всячески старается сбыть съ рукъ въ *возможной скорости* хотя одну изъ нихъ.

У г. заводчика есть старинный, закадышный другъ, прозванный *добрымъ малымъ*. Этому-то другу предлагаетъ онъ на выборъ обѣихъ дочекъ. Мнѣ все равно, говоритъ *добрый малой*, которую отдадите, ту и возьму.—Ну такъ вотъ тебѣ старшая. Очень хорошось, она брюнетка, а я съ ума схожу отъ брюнетокъ; но эта брюнетка, чтобъ избавиться отъ лысаго жениха, объявляетъ ему, что она влюблена, въ одного чиновника. Нечего дѣлать: отъ вороть поворотъ. Не безпокойтесь, будущій тестюшки, не безпокойтесь, я женюсь на младшей вашей дочкѣ: она блондинка; а я по ушя влюбленъ во всѣхъ блондинокъ. На мои глаза, ничего не можетъ быть обворожительнѣе блондинки! но и блондинка взвела на себя, по *вышеизложенной* же причинѣ напраслину, что она тайно обвѣнчана. Чтожъ, останусь холостымъ: оно и лучше: холостая жизнь — вѣчная масляница! — Нѣтъ, батицька, говоритъ ему водочный заводчикъ, я не за что не оставлю тебя въ обидѣ: двѣ невѣсты отказали, ну, чтожъ у меня есть третья, которая съ радостію отдастъ тебѣ и сердце и руку и.... Эта третья невѣста была родная сестрица заводчика, дѣва зрѣлая, *душа не разгаданная*. Съ утра до вечера ропщетъ она на то, что женщину, этотъ вѣнецъ природы, не только не опредѣляютъ въ министры, даже неизбираютъ въ члены палаты депутатовъ; съ утра до вечера нюхаетъ табакъ. *Добрый малой* хотя очень хорошо знаетъ эту дѣву, но чтобъ не обидѣть отказомъ стариннаго своего друга, женится на ней; съ тѣмъ однакожъ, чтобъ г. заводчикъ выдалъ дочерей своихъ, за тѣхъ, въ кого онѣ влюблены. Не добрый ли это малой!

Во всей піесѣ, которая утомляетъ зрителя, не встрѣчается ни одного остраго слова, ни одного сколько нибудь забавнаго куплета.

—

Jacques Cœur, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Анисе Буржуа и Ко.*

Карлъ VII пріѣхалъ съ Агнесою Сорель въ одно аббатство, вѣроятно, для того, что бы отдохнуть послѣ побѣды, одержанной имъ надъ г. Руаномъ. Пріѣзжаетъ туда, и конечно не впопадъ, дофинъ. Узнавъ что комнаты его заняты Агнесою онъ, съ досады, оскорбляетъ ее. Карлъ VII узнавъ объ этомъ и желая *примѣрно наказать* сына за неумѣстную вспыльчивость, провозглашаетъ Агнесу французскою королевою и приказываетъ приготовить все къ браку. Придворные съ низкимъ подобострастіемъ увиваются около будущей королевы, всѣ, кромѣ Жака Кёра. Онъ оставшись съ Агнесою наединѣ, умоляетъ ее именемъ Франціи отказаться отъ сего брака, который, по словамъ его, будетъ источникомъ бѣдствій; объявляетъ ей, что дофинъ намѣренъ отравить ее; но вы не опасайтесь, говоритъ Жакъ Кёръ, выкушайте напитокъ, который подадутъ вамъ: я отвѣчаю за жизнь вашу.

Въ одномъ изъ склеповъ аббатства лежитъ умершая Агнеса. Карлъ VII ввѣрилъ Жаку охраненіе тѣла ея. Жакъ ждетъ чтобъ она проснулась. Приготовленный для Агнесы дофиномъ ядъ, онъ подмѣнилъ сонными каплями. Онъ намѣревается увести ее черезъ потайной выходъ, ему одному извѣстный. Жакъ, узнавъ что онъ обвиненъ дофиномъ въ умерщвленіи Агнессы, хочетъ оправдаться передъ королемъ; но гдѣ тѣло Сорель? оно исчезло. Не доказываетъ ли это, что Жакъ скрылъ его для того, чтобъ уничтожить малѣйшій слѣдъ къ открытію преступленія. Жака осуждаютъ на казнь.

Это прологъ, а вотъ и драма:

Между прологомъ и піесою проходитъ двадцать лѣтъ. Жакъ, чтобъ сберечь на плечахъ голову, скрылся подъ чужимъ именемъ, сдѣлался монахомъ и тайно служитъ королю и отечеству тѣмъ, что подстрекаетъ народъ противъ дофина, который возсталъ на своего родителя, и вооруженною рукою грабитъ Францію.

Агнеса жива, что извѣстно уже нашимъ читателямъ. Какъ же исчезла она изъ склепа? — Ее украли мошенники для того, чтобъ снять съ нея бриліянты, которыми она, не кстати, украшена была въ гробу.

Съ тѣхъ поръ какъ украли Агнесу, она обзавелась сынкомъ; его зовутъ Филиппомъ; онъ начальствуетъ толпами крестьянъ. Завязалось сраженіе между сторонниками Людовика XI и королевскими войсками, подкрѣпляемыми крестьянами. Лудовикъ взятъ въ плѣнъ и Филиппъ везетъ его въ столицу Франціи.

Таинственная комната. Въ ней живетъ какая-то, таинственнѣе еще ее, красавица, по имени Марія. Ее посѣщаетъ король, ей *протежируетъ* Жакъ. Филиппу удалось захватить договорный актъ, заключенный дофиномъ (противъ отца) съ Бургонскимъ герцогомъ. Дофинъ ищетъ погибели Филиппа, котораго Марія любитъ, а потому и скрываетъ его у себя; но великодушный Филиппъ, храня доброе имя Маріи, самъ отдается въ руки Лудовика. Лудовикъ рѣшительно хочетъ узнать, кто это такая таинственная красавица, которую и о которой почти никто не знаетъ. Лудовикъ остается при хотѣніи; а посему и мы и читатели наши должны отложить любопытство. Вотъ изъодной двери является Жакъ, изъ другой выходитъ Агнеса. Людовикъ, узнавъ, что Филиппъ сынъ ея и Карла VII, хочетъ убить его.

Договорный актъ, о которомъ мы выше сказали, дошелъ до короля, и онъ рѣшился наказать преступнаго сына. Дофинъ, между тѣмъ, велѣлъ сообщникамъ своимъ убить Филиппа. Агнеса падаетъ къ ногамъ убійцъ, умоляя не умерщвлять Филиппа. Карлъ VII, послѣ двадцати лѣтъ, сошелся опять съ Агнесою. Исполняя просьбу ея, онъ призываетъ дофина и объявляетъ ему прощеніе съ тѣмъ однакожъ, если онъ освободитъ Филиппа. Дофинъ на это не соглашается. Карлъ VII беретъ перо и въ ту минуту, когда хочетъ подписать смертный приговоръ сыну—мятежнику, падаетъ мертвъ. Лудокикъ избранъ королемъ. Филиппъ прощенъ.

Много явилось въ послѣднее время безтолковыхъ французскихъ піесъ; но эта драма занимаетъ, безспорно, первое между ними мѣсто.

—

Les Farfadets (*Бѣсы*) балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. братьями *Куаньяръ*.

Дѣйствіе въ Испаніи, въ странѣ несчастныхъ любовниковъ, глупыхъ опекуновъ, хитрыхъ питомицъ и неутомимыхъ гитаристовъ. Въ этомъ балетѣ, какъ и во всѣхъ волшебныхъ балетахъ (до которыхъ пишущій сіи строки большой охотникъ, прошу не осудить) водятся старикъ Лопецъ, у него дочка Беатриса, у ней любовникъ Педро и женихъ Иниго. Любовникамъ покровительствуетъ одна волшебница. Постановка и обстановка этаго балета художнически — роскошна. Много есть комическихъ сценъ: въ нихъ подкомандные волшебницѣ бѣсы подшучиваютъ надъ простакомъ Иниго. Балетъ оканчивается свадьбою Педро съ Беатрисою.

—

Anita la Bohémienne. Цыганка Анита, военная драма, съ пѣніемъ.

Дѣйствіе I. Анита, дочь убитаго въ сраженіи французскаго рядоваго, призрѣна гитанами. Атаманъ ихъ Зебро хочетъ жениться на Анитѣ. Къ несчастію, она влюблена въ одного молодаго солдата-земляка, которому она спасла когда-то и какъ-то жизнь. Французы вступаютъ съ Испанцами въ бой, и побѣждаютъ ихъ.

Дѣйствіе II. Армія, къ которой принадлежитъ Адріянъ, возлюбленный Аниты, занимаетъ непріятельской городъ, гдѣ нѣтъ ни зерна провіянта. Анита, какъ бы выдумали, добываетъ провіянтъ цѣлую армію. Французская армія чуть-было не погибла измѣною; цыганка спасаетъ, но не всю армію (много хотѣли!) а одного своего Адріяна. Между тѣмъ приходитъ вспомогательной корпусъ, и Французы снова побѣждаютъ.

Дѣйствіе III. Адріянъ попался въ плѣнъ, и приказано разстрѣлять его. Анита крадетъ у цѣлой испанской арміи пули, слѣдственно нечѣмъ разстрѣлять Адріяна, слѣдственно онъ остался живъ. Французы отбиваютъ у Испанцевъ своихъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ состоитъ на лицо и Адріянъ.

Главнокомандующій французскою арміею сначала піесы ищетъ затерявшагося гдѣ-то своего единственнаго сына, а подъ конецъ драмы находитъ его. Сынъ этотъ многорѣчивый Адріянъ. Цыганка *Анита*, возвозпагражденіе за доставку провіанта и за троекратное спасеніе Адріяна, *получаетъ его* отъ главнокомандующаго *себѣ въ мужья*! Не правда ли, что̀ можетъ быть справедливѣе этого?—То, что публика на повалъ освистала разсказанную нами *военную драму*, не смотря на то, что театръ *Cirque-Olympique* ничего не пощадилъ на великолѣпную монтировку этой галиматьи.

—

Le Conseiller-Rapporteur. Совѣтникъ-докладчикъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, сочиненія неизвѣстнаго автора, съ прологомъ, въ вольныхъ стихахъ Казимира Делавиня.

Піесѣ этой до ея пролога, *какъ до звѣзды небесной далеко*! хотя и прологъ-то ни что иное какъ старадавняя эпистола, которою *совѣтникъ*, испрашиваетъ у публики извиненія въ томъ, что осмѣливается представить ей *правы, весьма незавидные*. Не помогло это извиненіе. Публика уложила піесу на вѣчныя времена во мракъ театральнаго архива. Жаль, что авторъ *Людовика XI* не пожалѣлъ на этотъ прологъ ума, который могъ бы употребить на что нибудь лучшее. Интрига комедіи ничтожна, діалоги безжизненны, безтолковы и отзываются дурнымъ вкусомъ.

—

Le Beau-père. Тесть, комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Старикъ *Мишоне* возхищается счастливымъ замужствомъ своей дочери; но не долго. По претензіи одной закулисной *крысы* [*]) зятя его хотятъ посадить въ тюрьму Старикъ, чтобъ не огорчать дочери, шалости зятя принимаетъ на себя. Зять даетъ ему честное слово перемѣнить свой образъ жизни, остепениться. Добрый *Мишоне*! безъ тебя эта проклятая закулисная *крыса* подгрызла бы семейное счастіе твоей дочери.

Веселость и занимательность этой піесы снискали ей общее одобреніе. Авторы ея *Керманъ* и *Шабо-де Буань*.

—

L'Ecole de jeunes filles, (Школа молодыхъ дѣвицъ.) соч. г-жи М. Вальдоръ.

Во Франціи существуетъ Богъ знаетъ сколько «школъ» въ стихахъ и въ прозѣ, въ трехъ и въ пяти дѣйствіяхъ; тамъ есть *Школа женщинъ*, *Школа мужей*, *Школа стариковъ* [*]), *Школа большаго свѣта* и даже *Школа плаванія:* не доставало только *Школы молодыхъ дѣвицъ*. Г-жа Вальдоръ пополнила этотъ недостатокъ, — для иныхъ столь чувствительный.

«Школа» г-жи Вальдоръ состоитъ въ слѣдующемъ:

Одинъ «отличный» живописецъ Жоржъ Савиньи, втайнѣ любимъ молодою дѣвушкою «благороднаго происхожденія». Савиньи бѣденъ и совершенно не дворянинъ, а потому отецъ молодой дѣвушки «благороднаго происхожденія», маркизъ д'Альбрезъ, и отказываетъ ему въ рукѣ своей дочери. Но дѣвушка — ее зовутъ Аделью, не смотря на этотъ отказъ, не перестаетъ любить Жоржа. Разъ, во время отсутствія маркиза, Савиньи пробрался къ своей возлюбленной; молодые люди до того *занялись музыкой*, что старикъ - отецъ успѣлъ возвратиться домой. Слѣдуетъ эффектная сцена гнѣва: маркизъ проклинаетъ дочь и выгоняетъ живописца изъ дома. Впрочемъ, это еще не совсѣмъ начало «Школы»: Школа будетъ впереди.

Черезъ два года послѣ того, маркизъ д'Альбрезъ удалился изъ Франціи «по случаю политическихъ событій». Адель же, оставшись во Франціи «безъ покрова и убѣжища», переходитъ жить къ Жоржу, но за мужъ за него не выходитъ.

Жоржъ однако жъ поступаетъ съ нею не слишкомъ нѣжно: онъ частенко ходитъ въ гости, дома бываетъ съ нею очень холоденъ

(*) Такъ называются во Франціи актрисы, которыя, нося на себя это званіе, занимаются совсѣмъ другимъ

(*) Эти три піесы *имѣются* и у насъ, въ Петербургѣ, въ русскомъ переводѣ.

Редак.

и даже начинаетъ волочиться за нѣкоторою г-жею д'Астанжъ, съ которой писалъ онъ портретъ. Адель терзается ревностію и неизвѣстностью объ отцѣ. Въ это время знакомится съ Жоржемъ, подъ предлогомъ учиться у него живописи, одинъ молодой человѣкъ. Этотъ молодой человѣкъ ни кто иной, какъ Артуръ д'Альбрезъ, племянникъ маркиза и старинный женихъ Адели; онъ ищетъ разорвать связь своей кузины съ Жоржемъ, который принимаетъ его ласково. Савиньи, мало по малу уступаетъ просьбамъ, частію Артура, частію г—жи д'Астанжъ и обѣщаетъ разстаться съ Аделью. Старикъ маркизъ между тѣмъ возвращается во Францію и останавливается у г-жи д'Астанжъ, издавна знакомой съ его семействомъ. Но полиція открываетъ его убѣжище и задерживаетъ его. Адель, съ своей стороны, является къ г-жѣ д'Астанжъ для того, что бы осыпать ее упреками, но узнавъ, что она дала пристанище маркизу, удаляется молча. Жоржъ возвращается къ Адели, старается утѣшить ее, видитъ, какъ много любимъ онъ ею, видитъ, какъ сильно страдаетъ Адель—проситъ у ней прощенія и обѣщаетъ на ней жениться. Онъ даже отказывается для Адели отъ руки и богатства г-жи д'Астанжъ. Въ то же время приходитъ старикъ-отецъ и прощаетъ Адель, но Адель не переноситъ этой радости и умираетъ.

Говорятъ, что это очень чувствительно, хоть и очень не ново.

—

La mère et l'enfant se portent bien! (Мать и новорожденный, слава Богу, здоровы!) водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. Дюмануара и де Лери.

Это превеселая, прехорошенькая піеска; а состоитъ она вотъ въ чемъ: Карпантье, сынъ «честнаго» аптекаря, оставившаго ему въ наслѣдство пятнадцать тысячъ ливровъ годоваго дохода, вздумалъ жениться. Самъ г. Карпантье не рѣшился на такой шагъ» и уполномочилъ одного своего пріятеля пріискать ему такую невѣсту, за которой было бы кое-что, которая была бы не дурна собою, «кроткаго нрава» и «добраго здоровья». Черезъ нѣсколько дней пріятель написалъ ему, что невѣста съ такими качествами отыскана и что онъ можетъ немедленно ѣхать и вступить въ законное владѣніе ею. Невѣста эта была сирота, племянница барона Амана, холостяка и сахарнаго заводчика. Карпантье немедленно отправился. Его приняли будущіе родные очень ласково; дядюшка невѣсты пожалъ ему руку очень крѣпко, тетушка была съ нимъ учтива до безконечности; только какой-то двоюродный братецъ посматривалъ на него очень косо. Это послѣднее обстоятельство заставило его призадуматься. (Надобно вамъ сказать притомъ, что невѣста его, Лела, не вышла къ нему, по болѣзни). «Что жъ это такое? сказалъ Карпантье, двоюродный братецъ на меня косится, а невѣста не выходитъ. Зачѣмъ же мнѣ расхваливали ея здоровье? Что жъ это значитъ такое? Надобно лечь спать;» и Карпантье легъ, но спать не спалъ.

Только-что началъ онъ дремать, кто-то постучалъ въ окно. Что тамъ такое? воскликнулъ Карпантье. Добрая вѣсть, сударь, отвѣчали ему изъ-за окна, *мать и новорожденный, слава Богу, здоровы.* Очень радъ, сказалъ удивленный Карпантье, однако жъ, не мѣшайте мнѣ спать... мнѣ, право, спать хочется. Но едва отдѣлался онъ отъ своего таинственнаго посѣтителя, послышался новый стукъ — стукъ въ двери. Въ слѣдъ за тѣмъ, дверь отворяется, въ комнату входитъ какой-тогосподинъ и подаетъ Карпантье колыбельку, въ которой лежитъ ребенокъ. Карпантье отталкиваетъ отъ себя люльку, но принесшій ее уходитъ, сказавъ, что за ребенкомъ придетъ скоро кормилица.

Положеніе Карпантье, столь непріятное, становится еще непріятнѣе. Къ нему входитъ таинственно его будущая тетушка, она имѣетъ крайне щекотливое порученіе— порученіе сказать жениху, что невѣста его любитъ другаго, то есть своего двоюроднаго братца. Карпантье, не понявъ хорошо намековъ о тайной любви и о предосторожностяхъ, отдаетъ тетушкѣ люльку съ новорожденнымъ: можете себѣ представить,

какая забавная выходитъ сцена! Потомъ является какой-то другой господинъ; Карпантье подаетъ ему колыбель, господинъ беретъ ее и уноситъ, угрожая убить Карпантье, если онъ скажетъ о ней кому нибудь хоть одно слово. Карпантье уже болѣе не сомнѣвается! Такъ вотъ какую невѣсту ему прочилъ! Да онъ откажется отъ нея, откажется непремѣнно!

Но бѣды его еще не кончились. Двоюродный братецъ вызываетъ его на дуэль, дядюшка осыпаетъ упреками... Къ счастію его, дѣло наконецъ объясняется! Новорожденный принадлежитъ управляющему заводомъ барона, Христіану. Карпантье занималъ его комнату, отчего и произошла ошибка. Христіанъ былъ обвѣнчанъ тайно, но не на Ледѣ, что и служитъ развязкою этому уморительному imbroglio. Въ заключеніе, Карпантье отказывается отъ руки Леды въ пользу сердитаго двоюроднаго братца.

—

Le Gladiateur, (*Гладіаторъ*), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Сумѣ. Le Chêne du Roi (Королевскій дубъ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, того же автора.

Императрицѣ Фаустинѣ было предсказано, что судьба сына ея будетъ тѣсно связана съ судьбою другаго ребенка, который родится съ нимъ въ одинъ и тотъ же день и въ одинъ тотъ же часъ. Фаустина, чтобъ приготовить какое - то лекарство, повелѣла для этого *вырѣзать* дитя у одной беременной женщины Женщина эта была жена гладіатора, дитя это было — дѣвочка, принявшая въ послѣдствіи Христіанскую вѣру. Отецъ этой дѣвочки—ее зовутъ Неомедіею,—похитилъ ее изъ Рима, увезъ въ Египетъ и воспиталъ въ храмѣ Озириса; потомъ она была вырвана изъ этого убѣжища и сдѣлалась рабою богатаго патриція, Флавіана, любимаго Фаустиною. Но Флавіанъ любитъ Неомедію. Желая вступить съ нею въ бракъ, онъ освобождаетъ ее и готовитъ вѣнчальное пиршество. Фаустина является къ нему во дворецъ, въ сопровожденіи гладіатора, которому повелѣла она убить Неомедію, если она не откажется отъ своихъ намѣреній. Въ пылу страсти, Фаустина то умоляетъ, то грозитъ: она обѣщаетъ обогатить юную отпущенницу, если отпущенница согласится оставить Римъ; она предлагаетъ патрицію троиъ, если патрицій согласится раздѣлить его съ нею; но ни Флавіанъ, ни Неомедія не принимаютъ этихъ предложеній. «Я ухожу», говоритъ наконецъ Фаустина, бросая выразительный взглядъ на гладіатора, но сей послѣдній, чувствуя какую-то невольную и таинственную симпатію къ Неомедіи, открываетъ все Флавіану.

Въ третьемъ дѣйствіи, передъ глазами зрителя храмъ Юноны. Въ капищѣ этомъ царствуетъ смятеніе. Къ жертвеннику богини языческой привлеченъ Христіанскій первосвященникъ Оригенъ, обвиненный въ хуленіи боговъ Римскихъ. Оригенъ не страшится опасности и торжественно говоритъ, что онъ исповѣдуетъ истиннаго Бога. Неомедія, увлеченная его примѣромъ, объявляетъ себя Христіанкою, опрокидываетъ треножникъ и требуетъ смерти мученической; ее влекутъ въ циркъ и предаютъ Гладіатору на убійство. Гладіаторъ долго колеблется и только, при мысли, что тигры растерзаютъ Неомедію, если онъ не умертвитъ ее, рѣшается убить эту дѣвушку; — но въ ту минуту, когда срываетъ онъ покрывало съ плечъ юной Христіанки, онъ узнаетъ рубецъ, оставленный ножемъ, подъ которымъ умерла жена его. Это дочь его!

Напрасно молитъ онъ народъ пощадить жизнь Неомедіи, — народъ остается непреклоненъ. «Развѣ рабы могутъ имѣть дѣтей?» говоритъ жрецъ Юпитера; но Фаустина, приведенная въ ужасъ открытіемъ гладіатора, испрашиваетъ отсрочку казни, она спѣшитъ въ темницу Неомедіи, уже не какъ ревнивая соперница, но какъ мать, трепещущая за жизнь своего сына; она умоляетъ ее заботиться о сохраненіи своей жизни; она готова возвратить ей свободу, она готова возвратить ей даже супруга; но уже поздно: юный императоръ умеръ, дворецъ объятъ пламенемъ, народъ стремится къ темницѣ, требуя своей жертвы, и гладіа-

торъ закалываетъ дочь свою, чтобы спасти ее отъ свирѣпости толпы.

Въ этой пьесѣ много заимствованнаго, но многія истинно трогательныя сцены, но всѣ характеры, столь энергически обрисованные, но все, что есть въ ней поэтическаго,—принадлежитъ самому автору.

Трагедія эта имѣла блестящій успѣхъ.

Королевскій дубъ г. Сумé, играпный послѣ *Гладіатора*, благодаря сильному заступничеству сего послѣдняго, былъ принятъ публикою благосклонно. Въ немъ, какъ пишутъ, есть однакожъ и хорошіе стихи и удачныя сцены.

—

Floridor le Choriste (Хористъ Флоридоръ) водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ; сочиненный гг. Лéвеномъ и Брунсвикомъ.

Флоридоръ, претолстый, превеселый и предовольный собою уставщикъ пѣвчихъ. Онъ живетъ припѣваючи, хотя иногда покрикиваетъ на служанку Луизону и ворчитъ на крестника Монсиньи. Было время когда Флоридоръ щеголялъ своею таліею, своею ловкостью, своими кудрями, о! тогда мужья, отцы, опекуны и всѣ ревнивцы, боялись его какъ огня. Флоридоръ былъ, въ то время, милымъ молодымъ человѣкомъ и знаменитымъ учителемъ пѣнія. Ученицы его принадлежали къ фамиліямъ знатнымъ и богатымъ, между ими было много красавицъ. И какою довѣренностію пользовался онъотъ нихъ! Вотъ примѣръ: одна изъ этихъ красавицъ, чтобъ скрыть связь свою съ однимъ вольможею, поручила Флоридору всѣ любовныя ихъ письма. Флоридоръ хранилъ ихъ какъ *зеницу своего ока*. Обстоятельства скоро разлучили его съ героинею этого *романа въ письмахъ*. Флоридоръ устарѣлъ, обветшалъ, сдѣлался уставщикомъ пѣвчихъ, какъ вы изволите видѣть. Разговаривая иногда съ Монсиньи, онъ вспоминаетъ о своей молодости, о любовныхъ интригахъ.... Да, крестной, возражаетъ ему Монсиньи, вы были въ старые годы, въ молодые дни, большой *ходокъ* въ любви, и я думаю, *любовники* считали дюжинами. А я, о! я совсѣмъ веду себя иначе: у меня всего на все одна интрижка; конечно я еще молодъ, очень молодъ; но это въ сторону; позвольте мнѣ представить вамъ мою первую любовь. При этихъ словахъ Монсиньи отворилъ дверь въ боковую комнату и оттуда вышла молоденькая красавица; лице ея рдѣлось яркимъ румянцемъ, она была сконфужена. Сконфузился и Флоридоръ. Какъ, негодяй, закричалъ старикъ, какъ, ты похитилъ г-жу Амелію изъ пенсіона, въ который я помѣстилъ тебя учителемъ пѣнія. Ахъ, Амелія бѣдная сирота; у ней нѣтъ никого, кромѣ какого-то таинственнаго покровителя, который хотѣлъ заключить ее на всегда въ монастырь. Амелія плачетъ; добрякъ Флоридоръ смягчился и простилъ любовниковъ. Но гдѣ и какъ скрыть ее?—Пока Флоридоръ разсуждалъ и думалъ въ слухъ, кто-то постучался смѣлою рукою въ дверь. Вошелъ незнакомецъ, и ни съ того, ни съ другаго слова, требуетъ отъ Флоридора извѣстныхъ вамъ писемъ. Этотъ отдалъ ему письма. Незнакомецъ хочетъ уже идти, но увидавъ нечаянно Амелію, сперва остолбѣнелъ, а потомъ вскричалъ: Это она! и сталъ разсыпаться, какъ говорится, мелкимъ бѣсомъ. Коляска моя у подъѣзда, говоритъ незнакомецъ, отпустите со мною Амелію, я отвезу ее въ безопасное мѣсто, вы всѣ можете туда пріѣхать; но чтобъ доказать вамъ чистоту моихъ намѣреній, прикажите вашей служанкѣ ѣхать съ нами. Флоридоръ согласился на это. Амелія, Луизона и Фонтенэ, такъ звали незнакомца, уходятъ. Чрезъ пять минутъ вбѣгаетъ Луизона и разсказываетъ, что незнакомецъ, не давъ ей сѣсть въ коляску, увезъ, похитилъ Амелію. *Что дѣлать? Что начать?* Мы объ этомъ не хлопочемъ, да и вы мм. гг. не безпокойтесь, водевильныя похищенія непродолжительны. Повѣрьте намъ.

Вотъ второй актъ, не прошло десяти минутъ со времени похищенія Амеліи, а они уже передъ нами. Оправдались наши слова. Фонтенэ, который, какъ говорятъ, былъ таинственный покровитель Амеліи, отвезъ ее обратно туда, откуда увезъ ее Монсиньи. Тутъ Фонтенэ объявляетъ Амеліи, что, по

непремѣнной волѣ *родителей* ея, она должна постричься. Монсиньи въ отчаяніи. Нѣтъ, этому не бывать! вскричалъ Флоридоръ; я торжественно говорю здѣсь, что Амелія моя родная, моя кровная, моя единственная дочь! Посмотрю, кто отниметъ ее у меня! Эта выходка озадачила Фонтенэ. Но смѣкнувъ, что выдуманная хористомъ небылица скроетъ навсегда во мракѣ неизвѣстности имена *нѣжныхъ* родителей Амеліи, Фонтенэ соглашается признать Флоридора отцомъ ея, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ отыскалъ для нея и мать. Вотъ и мать Амеліи — провозгласилъ хористъ-добрякъ — указывая на старую свою служанку. Флоридоръ обвѣнчался съ Луизоной, а Монсиньи женился на Амеліи.

Водевиль этотъ, который назвать хорошимъ, совѣстно, а дурнымъ, безсовѣстно, пользуется вниманіемъ парижской публики. Въ немъ, говорятъ, лучше всего игра г. Фервилля — артиста театра *водевиля*.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

ЗА АПРѢЛЬ И МАЙ 1841 ГОДА.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.	МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.
6. *Ал. т.* Крестный отецъ, вод. въ 1. д. два Отца, вод. въ 1. д. Макаръ Алекс. Губкинъ, оперетка 1. д.	6. *Бол. т.* Уголино, др. въ 5 д. Г. (Каратыгинъ.)
7. *Ал. т.* Клевета, к. въ 5. д. Хочу быть Актрисой, Шут. во. въ 1. д.	
8. *Ал. т.* Отцовское проклятіе др. въ 2 д. Сиротка Сусанна, к. вод. въ 2 отд. Харьковскій Женихъ, вод. въ 2. д.	8. *Бол. т.* Марія Стюаръ, тр. въ 5 д. (гг. Каратыгины.)
9. *Ал. т.* Клевета, к. въ 5 д. Студентъ, Артистъ, Шуточ. опер. въ 2. д.	
10. *Ал. т.* Путаница, вод. въ 1. д. Мнимый больной, к. въ 3 д. Усы, вод. въ 1. д. Покойная ночь Шут. вод. въ 1. д.	10. *Бол. т.* Смерть или Честь, др. въ 5 д. (г. Каратыгинъ.)
11. *Ал. т.* Крестная мать, к. вод. въ 1. д. Крестный Отецъ, вод. въ 1. д. Мельничиха въ Марли, вод. въ 1. д. Подставной и отставной, вод. въ 2. д.	11. *Бол. т.* Велизарій, др. въ 5. д. Тарантела, лирич. сцена, Женскій умъ к. въ 1 д. др. (Каратыгины).
Бол. т. Семирамида, ор. въ 2 д.	
13. *Ал. т.* Клевата, к. въ 5. д. Не влюбляйся безъ памяти, Шут. вод въ 1. д. Первое Іюля въ Петергофѣ Шут: вод. въ 1. д.	13. *Бол. т.* Скопинъ-Шуйскій, др. въ 5 д. (г. Каратыгинъ.)
14. *Бол. т.* Норма, оп. въ 2 д. *Ал. т.* Боярское Слово, др. въ 2. отд. Любовныя записки мужа, вод. въ 1 д. Все для дѣвочекъ, Шут: вод. въ 1 д. Габріель, Ко. вод. въ 2 д.	15. *Бол. т.* Кинъ, к. въ 5 д. (г. Каратыгинъ). дивертисманъ.
16. *Ал. т.* Кремневъ, Драм. предст. въ 3. д. Крестная Мать, Ко вод. въ 1 д.	
17. *Бол. т.* Семирамида, оп. въ 2. д.	17. *Бол. т.* Заколдованный домъ, тр. въ 5 д. (г. Каратыгинъ,) Семикъ дивертисементъ.
18. *Ал. т.* Боярское Слово, др. въ 2. отд. Любовныя записки мужа, вод. въ 1 д. Габріель, к. вод. въ 2 д.	18. *Бол. т.* Загадка, к. въ 1. д. Коріоланъ, тр. въ 4 д, (г. Каратыгинъ). Вотъ что иногда бываетъ за Кулисами, вод, въ 1. д..
19. *Бол. т.* Зефиръ и Флора, бал. въ 2 д.	
20. *Мих. т.* Боярское Слово, др. въ 2 отд. Иванъ Ивановичь Недотрога, к. въ 1. д. Два Отца и два Купца к. вод. въ 2 д.	20. *Бол. т.* Рука всевышняго, др. въ 5 д. (г. Каратыгинъ.) Дивертисементъ.

21. *Бол. т.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
22. *Бол. т.* Морской разбойникъ бал. въ 2 д. Любовное зе. льевод. въ 1 д.
23. *Ал. т.* Боярское слово, др. въ 2 отд. Русскій человѣкъ добро помнитъ быль въ 1. д. Путаница, вод. въ 1 д.
24. *Ал. т.* Шила въ мѣшкѣ не утаишь, — дѣвушку полъ замкомъ не удержишь, вод. въ 2. карт. — Мочаловъ въ провинціи, вод. въ 2 д. Квакеръ и танцовщица, вод. въ 1. д. Лаурета, к. вод. въ 1 д.
27. *Ал. т.* Шила въ мѣшкѣ неутаишь,—вод. въ 2 кар. Мочаловъ въ провинціи, вод. въ 2 д. Габріель, к. вод. въ 2 д.
28. *Ал. т.* Лаурета, к. вод. въ 1 д. Квакеръ и танцовщица, вод. въ 1 д. Любовныя записки мужа, вод. въ 1 д.
29. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д. Волшебная Флейта, бал. въ 1. д.
30. *Ал. т.* Шила въ мѣшкѣ не утаишь.—вод. 2 кар. Мочаловъ въ провинціи, вод. въ 2 д. Квакеръ и Танцовщица, вод. въ 1 д. Лауретта, к. въ 1 д.

21. *Бол. т.* Заколдованный домъ, тр. въ 5 д (г. Каратыгинъ,) Дивертисементъ
23. *Бол. т.* Графъ Эссексъ, тр. въ 5 д. (г, Каратыгинъ,) Дивертисементъ.
24. *Бол. т.* Гамлетъ Принцъ Датскій, др. въ 5 д. (г. Каратыгинъ).
25. *Бол. т.* Гризельда, тр. въ 5. д. Она помѣшана, др. въ 2 д. Отъѣздъ г. Курдюковой за границу (г. Каратыгины) Дивертисементъ.
27. *Бол. т.* Велизарій, др. въ 5 д. (Гг. Каратыгины.) Дивертисементъ
28. *Бол. т.* Загадка, вод. въ 1. д. Двѣ дуная бин. въ 2 оп.
29. *Бол. т.* Эсмеральда, др. въ 5 д. (Гг. Каратыгины.)
30. *Бол. т.* Король лиръ, др. въ 5 д. Что бываетъ за кулисами вод. въ 1. д.

МАЙ.

2. *Ал. т.* Шельменко, деньщикъ, ком. въ 5. д. Феоклистъ Онуфричъ Бобъ, к. вод. въ 1 д. Комнатка съ отопленіемъ и услугой, вод. въ 1 д.
Бол. т. Анна Боленъ, оп. въ 2 д.
4. *Бол. т.* Зефиръ и Флора, бал. въ 2 д. Два слова оп. въ 1 д.
5. *Бол. т.* Анна Боленъ, оп. въ 2 д.
Ал. т. Шельменко деньщикъ к. въ 5 д. Феоклистъ Онуфричъ Бобъ, к. вод. въ 1 д. Комнатка съ отопленіемъ и услугой вод. въ 1 д.
6. *Ал. т.* Волки въ Овчарнѣ, к. вод. въ 1 д. Убійца своей жены, вод. въ 1 отд. Роза и Картушъ, вод. въ 1 д. Новый Отелло, к. въ 1 д.
7. *Бол. т.* Танкредъ, оп. въ 2 д.
8. *Ал. т.* Убійца своей жены, вод. въ 1 отд. Новый Отелло. к. въ 1. д. Шельменко, деньщикъ к. въ 5 д.

2. *Бол. т.* Слѣсарь др. въ 1 д. Тайна, др. въ 3. д, Симонъ, сиротинка вод. въ 1. д. Дивертисементъ.
4. *Бол. т.* Коварство и любовь, тр. въ 5 д. Семикъ Дивертисементъ (Каратыгины.)
6. *Бол. т.* Гризельда, тр. въ 5 д. Симонъ Сиротка вод. въ 1 д. (Каратыгины.)

9. *Бол. т.* Танкредъ, оп. въ 2 д.
Ал. т. Волки въ овчарнѣ, к. вод. въ 1 д. Роза и Картушъ, вод. въ 1 д. Шила въ мѣшкѣ неуташъ вод. въ 2 кар.
11. *Бол. т.* Гитана, 1 д. бал. Дѣва Дуная 2-е д. бал. Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.
12. *Бол. т,* Анна Боленъ, оп. въ 2 д.
13 *Ал. т.* Харьковскій женихъ вод. въ 2 д. Габріель, к. вод. въ 1 д. Любовные записки мужа, вод. въ 1 д.
14. *Ал. т.* Въ людяхъ Ангелъ не жена, к. въ 3. д. 17. и 50. Лѣтъ, к. вод. въ 2 д. Судъ публики, вод въ 2 отд. Представленіе французскаго водевиля въ русской провинціи шут. вод. въ 1 д.
15. *Бол. т.* Воспитанница амура, бал. въ 1 д. Женни 1-е д. оп. Маскарадъ Дивер.
20. *Ал. т.* Въ людяхъ ангелъ не жена, к. въ 3. д. Представленіе французскаго водевиля въ русской провинціи шут. вод. въ 1 д. Крестная мать к. вод. въ 2 д.
21. *Бол. т.* Луція де Ламермуръ, оп. въ 3. д. Воспитанница амура бал. въ 1. д.
22 *Ал. т.* 17 и 50 Лѣтъ, к. вод. въ 2 д. Шила въ мѣшкѣ не утаишъ вод. въ 2 отдѣл., Судъ публики, вод. въ 2 д.
23. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, 2-е д. бал. Гитана, 1-е д. бал. Возстаніе въ Сералѣ, 3-е д. бал.
25. *Ал. т.* Шельменко деньщикъ, к. въ 5 д. Волки въ Овчарнѣ, к. вод. въ 2 д.

9. *Бол. т.* Братья враги, др. въ 3 д. Параша Сибирячка, др. 2 д. Дивертисементъ. (Каратыгины.)

ЯКОВЪ ШИШИМОРИНЪ,

ПОРТНОЙ ИЗЪ ЛОНДОНА.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Передѣланный съ Французскаго,

Ф. К. Дершау.

ОТДѢЛЕНІЕ I. **ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТЪ.**

» » » » » » II. **ДѢТИ ЛЮБВИ.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Лордъ Кларендонъ.
Ричардъ, прокутившійся юноша.
Яковъ Шишиморинъ, портной изъ Лондона, живущій на Лиговкѣ.
Жоржъ, его подмастерье.
Бетти Блаксфильдъ.
Докторъ Вилькинъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТЪ.

Театръ представляетъ комнату въ квартирѣ Шишиморина; съ одной стороны двѣ двери, съ другой одна; въ глубинѣ сцены выходъ на улицу. На правой сторонѣ, ближе къ авансценѣ, верстакъ портнаго, на которомъ сидитъ Жоржъ за работой; на лѣвой сторонѣ столъ, у котораго сидитъ Бетти за счетной книгой. Круглый столикъ, стулья и шкафъ съ готовыми платьями.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШИШИМОРИНЪ, ЖОРЖЪ И БЕТТИ. *Шишиморинъ у стола мѣряетъ сукно.*

БЕТТИ, *въ сторону.*

Право, это ужасно странно!!! Всякій разъ, какъ маменька вздумаетъ мнѣ гадать, является трефовый валетъ... она увѣряетъ, что это мой суженый — и, долженъ быть, богатой и знатной человѣкъ. Очень мнѣ его нужно!!! Я люблю одного Якова... и хочу быть его женой *(поглядываетъ на портнаго)*; онъ такъ милъ, такъ добръ — одинъ въ немъ недостатокъ: онъ ужасно застѣнчивъ...я увѣрена, что онъ меня любитъ, но не можетъ въ томъ признаться.

ШИШИМОРИНЪ, *Жоржу*.

Неужели ты до сихъ поръ еще не кончилъ этого проклятаго фрака?

ЖОРЖЪ.

Скоро хотите, хозяинъ! Вѣдь фракъ шить не то, что дичь пороть.

БЕТТИ, *въ сторону*.

Этотъ несносный трефовый валетъ у меня изъ головы не выходитъ... и зачѣмъ это выдумали карты. И кто ихъ выдумалъ? Не было бы картъ — мамепька не стала бы гадать. Я бы не знала, что существуетъ трефовый валетъ и была бы покойна *(немного задумывается, потомъ начинаетъ повторять счеты)*.

ШИШИМОРИНЪ, *поглядывая на Бетти*.

Какая ручка! что это за прелестная ручка! какъ бы я желалъ, чтобы она принадлежала мнѣ... Какъ бы я былъ тогда счастливъ... Какъ бы мнѣ только съ нею объясниться... я все чего-то трушу... и не понимаю, что̀ тутъ страшнаго сказать, что я ее люблю... что я на ней хочу... ну, жениться. Вѣдь я хотя и живу на Лиговкѣ, да все же портной не послѣдній... замѣтьте, портной, а не какой-нибудь сапожникъ... чѣмъ я не женихъ.

Чѣмъ наше званье не почетно?
Насъ всѣ готовы уважать;
Живи лишь только благородно,
Да не скупися въ долгъ давать.
Немного то лишь надоѣло,
Что долгъ трудненько получать,
Но видно въ томъ ужъ наше дѣло
Чтобъ шить, кроить... и деньги ждать.
Намъ горя нѣтъ, что дурно сшито:
Мы грѣхъ пригладимъ утюгомъ;
А какъ вѣдь сшито все да крыто,
Такъ вотъ и дѣло все съ концомъ.
Выходитъ все у насъ исправно,
Хоть часто кой-какъ состягнешь,
А ужъ на мертвыхъ и подавно
Все на живую нитку шьешь.
Пусть франты съ знатностью своею
Даютъ намъ часто пагоняй,
Пускай кричатъ они лакею:
Впередъ портнаго не пускай,
Я самъ такой же благородный,
До спѣси ихъ мнѣ дѣла нѣтъ,
Я вправѣ мѣрить какъ угодно
Своею мѣркой цѣлой свѣтъ.

Вѣдь есть и въ Морской и на Невскомъ портные похуже меня — да все люди женатые... отчего же мнѣ не жениться... право... отчего нѣтъ?... неправда ли? Вѣдь я портной чудовый! Я артистъ! я просто удивительный человѣкъ... да я бы вотъ того, что около Полицейскаго моста, съ золотой вывѣской — въ подмастерья бы себѣ не взялъ. Онъ сшилъ какому-то журналисту даромъ пару платья — тотъ его и расхвалилъ въ своей газетѣ; а онъ не умѣетъ держать въ рукахъ иголки....— Были бы только у меня деньги, такъ я бы переѣхалъ къ Казанскому мосту — заказалъ бы себѣ вывѣску въ сажень, съ золотыми буквами... такъ бы и написали: Геній Тальеристики г-нъ Шишиморинъ изъ Лондона; одѣлъ бы даромъ всѣ журналы — такъ на, поди какъ повезло бы... Ахъ денежки, денежки!... нѣтъ у меня васъ, а васъ то мнѣ и нужно.

БЕТТИ.

3 да 4—7, 7 и 7...

ШИШИМОРИНЪ, *мѣряетъ сукно*.

Двѣнадцать!

БЕТТИ.

Какъ 12? семь и семь — 14.

ШИШИМОРИНЪ.

Да-съ! семь и семь — разумѣется! У меня вышло 12, потому что одиннадцать да еще одинъ... оно такъ и выходитъ.

ЖОРЖЪ.

Ну вотъ вашъ фракъ почти и готовъ... только если я не ошибаюсь... вы ошиблись въ выкройкѣ. Чудное дѣло: для другихъ трафите — а себѣ оплошали.

ШИШИМОРИНЪ, *разглядывая фракъ*.

Это относится къ моей чести — значитъ, что я о себѣ думаю менѣе, чѣмъ о другихъ. Впрочемъ кто же изъ нашей братьи не ошибается? Не я первый, не я послѣдній. Самые знаменитые люди часто даютъ маху.

ЖОРЖЪ.

Знаю-съ! за кѣмъ этихъ грѣшковъ не водится... а все фракъ-то вашъ испорченъ, и я бы его не совѣтовалъ вамъ носить: онъ замараетъ вашу репутацію — и будетъ жать въ плечахъ. *(Подходитъ къ шкапу и шаритъ по полкамъ).*

ШИШИМОРИНЪ.

И репутація моя и плеча останутся неприкосновенны;ты правъ,любезный Жоржъ, я его не стану носить; онъ хотя сдѣланъ изъ свѣтлосиняго сукна, а сдѣланъ такъ плохо, что очернитъ мой талантъ въ глазахъ всего портняжнаго факультета. Пусть этотъ несчастный фракъ отправляется на Апраксинъ дворъ, я его осуждаю на спину покупателя готоваго платья.... заклейми его позорною надписью на Толкучій рынокъ въ лавку подъ № 7.

ЖОРЖЪ.

Слушаю-съ? Эко диво — подумаешь.... куда бы имъ, кажется, дѣваться.

ШИШИМОРИНЪ.

Что такое? Что ты тамъ ищешь?

ЖОРЖЪ.

Просто, вѣдь домовой подшутилъ: вчера вотъ сюда спряталъ я двѣ жареныя тетерки... а сегодня ихъ уже нѣтъ...съѣсть-то я ихъ не съѣлъ — за это ужъ ручаюсь — улетѣть тоже вѣдь не могли: жареная птица, кажется, не летаетъ.

БЕТТИ.

Ахъ! это я, Жоржъ, сегодня ими позавтракала — извини меня; *(въ сторону)* этотъ проказникъ Ричардъ съѣлъ ихъ, нечего дѣлать, надо взять на себя.

ЖОРЖЪ.

Помилуйте-съ! Какія тутъ извиненія? я очень радъ,что вы мнѣ сдѣлали эту честь... я готовъ служить вамъ всѣмъ...

БЕТТИ.

Благодарю тебя, я въ этомъ никогда и не сомнѣвалась! Однако вамъ пора и завтракать; накрой маленькой столъ, а я пойду за провизіей, какъ вы думаете, пора? *(Якову).*

ШИШИМОРИНЪ.

Да-съ! мой желудокъ того же мнѣнія.

БЕТТИ.

И такъ, до свиданія — прощайте. Постарайтесь отсюда выслать Жоржа: не нужно, чтобы онъ зналъ о нашемъ арестантѣ. *(уходитъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ШИШИМОРИНЪ и ЖОРЖЪ.

ШИШИМОРИНЪ.

Ушла! нѣтъ, это нужно же когда нибудь кончить — что это я все только сбираюсь изъясниться въ любви!... глупый я трусъ; на что это похоже, Жоржъ?

ЖОРЖЪ.

Что вамъ угодно?

ШИШИМОРИНЪ.

Послушай! вотъ въ чемъ дѣло. Я слышалъ, что ты мастеръ этакъ, понимаешь?... ну вотъ кружить головы дѣвушкамъ. Вѣдь это правда? А! признайся какъ... говорятъ, ты въ этомъ по праздникамъ всегда упражняешься. Ну что?

ЖОРЖЪ.

Да хоть и было бы что нибудь въ этомъ родѣ, что жъ? Въ праздникъ я свободенъ— и могу заниматься какой работой хочу.... довольно того, что въ будни все на васъ работою—вѣдь я не лошадь какая!!!

ШИШИМОРИНЪ.

Ты меня, мой другъ, не понялъ; я тебѣ вовсе не съ тѣмъ сказалъ, чтобы обидѣть. Видишь ли дѣло въ чемъ: я кой-кого люблю — поучи меня... понимаешь?

ЖОРЖЪ.

Знаю кого вы любите. Мамзель Бетти?

ШИШИМОРИНЪ.

Экой демонъ! вѣдь угадалъ!!! Ну, да она-то этого не знаетъ.

ЖОРЖЪ.

Сдѣлайте такъ, чтобы она узнала.

ШИШИМОРИНЪ.

Ты что подъ этимъ подразумѣваешь: сдѣлайте такъ, чтобъ она узнала?... если ты

думаешь... то очень ошибаешься... я честный портной, а не какой нибудь шальберишка... ты вотъ тамъ, гдѣ-то въ Ревелѣ родился, такъ отъ тебя всего можно ожидать, а я... ну, да ты такъ глупъ, что тебѣ и толковать нечего... моя совѣсть бѣла какъ этотъ жилетъ, и я то и другое сберегаю отъ пятенъ.

ЖОРЖЪ.

Да что вы? Вы-такъ, кажется, Богъ знаетъ что думаете — экую чужъ городитъ! Я говорю, что вамъ съ нею, просто, нужно объясниться — да и покончить дѣло за-разъ.

ШИШИМОРИНЪ.

Еще лучше! объясниться! это легко сказать... вотъ я уже мѣсяцъ сбираюсь, да не могу.... ты думаешь это вотъ такъ легко объясниться... вѣдь это не фракъ скроить; тутъ ножницами ничего не сдѣлаешь. Вишь умникъ какой: вамъ нужно просто объясниться; ты думаешь это такъ же легко, какъ тебѣ испортить сюртукъ или купцу надуть нашего брата сукномъ... нѣтъ, братъ, это трудная исторія... у меня руки опускаются какъ подумаю.

Иголка валится изъ рукъ,
Я намѣчаю петли криво,
Не гладитъ правильно утюгъ
И рѣжутъ ножницы фальшиво.
Какъ быть? Чѣмъ горю пособить?
Какъ ни начну... все не клеится;
Мнѣ легче въ часъ сто фраковъ сшить,
Чѣмъ въ мѣсяцъ съ Бетти объясниться.

Пошелъ! накрывай на столъ .. да проворнѣй.

ЖОРЖЪ.

А сколько приборовъ прикажете?

ШИШИМОРИНЪ.

Разумѣется, два, — или нѣтъ... накрой-ка на всякой случай для троихъ.

ЖОРЖЪ, *въ сторону.*

Что это за чудеса! Вотъ уже третій день, что я для троихъ накрываю... за столъ, кажись, садятся только хозяинъ съ мамзелью... кто-жъ этотъ третій, ну ужъ я подкараулю когда нибудь... здѣсь что-то не чисто... и тетерки пропали... ужъ я все пронюхаю *(накрываетъ маленькой круглый столикъ).*

ШИШИМОРИНЪ, *ходитъ скорыми шагами.*

Ну Жоржъ! если, положимъ, я рѣшился пуститься съ Бетти на объясненія..: такъ какъ же это начать-то? разскажи-ка мнѣ по порядку.

ЖОРЖЪ.

Извольте! Вотъ видите ли, на это есть 4 способа; я, грѣшный человѣкъ... всѣ 4 попробовалъ.

ШИШИМОРИНЪ.

Ахъ ты плутяга! А еще какой мальчишка... прошу покорно... вотъ что значитъ на Невскомъ въ ученьи быть — вотъ и выучился... нѣтъ, на Лиговкѣ нравственность почище будетъ .. вотъ это дегатированный подмастерья, тертый калачикъ, нечего сказать... ну-ка валяй... всѣ твои 4 способа.

ЖОРЖЪ.

Ну вотъ-съ, первый способъ изъясненія въ любви состоитъ въ томъ, что влюбленный открывается родителямъ или родственникамъ своей красавицы; по этому способу вамъ нужно идти къ матушкѣ мамзель Бетти и переговорить съ нею.

ШИШИМОРИНЪ.

Не-не-не... Богъ съ тобою, куда мнѣ съ нею сговорить; говори дальше.

ЖОРЖЪ.

Второй — это самый нѣжный; по этому способу любовь высказываютъ съ глазу на глазъ: вздохами, пожатіемъ руки, ну, и прочими эксперементами въ этомъ родѣ; — ну а 3-ій способъ самый отчаянный — это открытое объясненіе безъ всякихъ предисловій. Соедините второй съ третьимъ, вотъ вамъ и будетъ 4-ой... понимаете вы меня теперь? Сначала вздыхайте, жмите ей ручки, а потомъ объясняйтесь открыто .. вотъ по этому способу вы дадите дѣлу приличное направленіе — а безъ этого вѣкъ будете сидѣть раковъ на мелп...

ШИШИМОРИНЪ.

Вотъ профессоръ-то! *(въ сторону)* и

что въ самомъ дѣлѣ? попробовать бы его способъ—авось что-нибудь и выйдетъ!!!Ступай-ка теперь, Жоржъ, вонъ. Сейчасъ придетъ сюда Бетти... слышишь?

ЖОРЖЪ.

Вотъ, кажется, еще новичокъ — а знаетъ, что эти вещи при свидѣтеляхъ не дѣлаются... а все я выучилъ. (*ворочаясь*) Послушайте, если докторъ пріѣдетъ проводить его что ли къ г-жѣ Блаксфильдъ?

ШИШИМОРИНЪ.

Разумѣется!

ЖОРЖЪ.

Помните же, хозяинъ — объясняйтесь искуснѣе... не дайте маха... не осрамитесь.

ШИШИМОРИНЪ.

Ступай вонъ! Ревельскій олухъ.... не спрашиваютъ твоихъ совѣтовъ... яица курицу не учатъ... пошелъ! (*Жоржъ, смѣясь, уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

БЕТТИ, ШИШИМОРИНЪ И РИЧАРДЪ.

(*Бетти подбѣгаетъ къ одной изъ боковыхъ дверей, отворяетъ ихъ, и оттуда выходитъ Ричардъ*).

ШИШИМОРИНЪ, *въ сторону*.

Разнѣ объясниться теперь?цѣть, неловко.

РИЧАРДЪ, *Якову*.

Здравствуйте, мой благодѣтель (*цѣлуетъ руку Бетти*)Извините, г-нъ Шишиморинъ (*снова цѣлуетъ ея руку*), у насъ въ большомъ свѣтѣ принято вмѣсто поклоновъ цѣловать ручки хозяюшекъ (*продолжаетъ цѣловать ея руки*).

ШИШИМОРИНЪ, *въ сторону*.

Какъ жаль, что я не изъ большаго свѣта... у этихъ людей ужасныя преимущества. (*Ричарду*) Что, г-нь Ричардъ! я думаю, вы эти три дня довольно наскучали сидя въ-заперти въ этой каморкѣ?

РИЧАРДЪ.

Я этотъ арестъ иначе не считаю какъ наградою: я подъ покровительствомъ прелестной миссъ Бетти и почитаю себя въ раю.

БЕТТИ, *указывая на Якова*.

Скажите лучше подъ покровительствомъ нашего общаго друга.

ШИШИМОРИНЪ.

Который васъ вѣрно не выдастъ... хотя самъ имѣетъ право доставить вамъ тотчасъ же мѣстечко въ тюрьмѣ, какъ кредиторъ, которому вы не платите.

РИЧАРДЪ, *цѣлуя руку Бетти*.

Клянусь вамъ, что я не забуду въ-вѣкъ все то, чѣмъ вы меня такъ обязали.

ШИШИМОРИНЪ, *въ сторону*.

Онъ все къ ней такъ и лѣзетъ... на меня и смотрѣть не хочетъ... въ-вѣкъ, говоритъ, не забуду все то, чѣмъ вы меня такъ обязали... чѣмъ она его могла обязать? да главное, когда?.. это что-то странное... замѣтьте, ввѣкъ, говоритъ, не забуду... гу-гу-гу... тутъ нужны глаза да глаза... (*ит*) Однако нечего намъ терять время, пора и завтракать... я вотъ сяду тутъ, по серединѣ, а вы по бокамъ. (*Ричардъ садится возлѣ самой Бетти*). Нѣтъ, это не такъ! Я долженъ сидѣть по серединѣ. (*Раздвигаетъ стулья Ричарда и Бетти, и садится между ними; въ это время Ричардъ подвигается къ Бетти, и такимъ образомъ сидитъ снова возлѣ ее, и по другую сторону Ричарда*) Что это, мы, кажется, не такъ сѣли?

БЕТТИ.

Нѣтъ, такъ! Вы по серединѣ—мы у васъ по сторонамъ.

ШИШИМОРИНЪ, *въ сторону*.

Да тутъ какъ ни сядь, все я буду по серединѣ... они по бокамъ... этотъ проклятый круглый столъ... завтра же сбуду его съ рукъ, и куплю четырехъугольной; просто, вотъ рѣжутъ меня... экой злодѣй какой!!!

БЕТТИ, *Ричарду*.

Можетъ быть, вы находите нашъ завтракъ не вкуснымъ?

ШИШИМОРИНЪ.

Но все же онъ навѣрно получше того, который подавали бы вамъ въ тюрьмѣ.

БЕТТИ.

Да неужели милорду угрожала тюрьма?

ШИШИМОРИНЪ.

Да; она ему назначена за долги, которые онъ не платитъ и, что смѣшнѣе всего, что по нашему же иску мы его преслѣдуемъ, а онъ съ нами завтракаетъ... однако знаете ли, г-нъ Ричардъ, что кредиторы ваши теперь взбѣшены на васъ не на шутку — и употребляютъ всѣ средства, чтобы напасть на ваши слѣды, и упрятать, во что бы то ни стало, въ Градскую тюрьму, — какъ это вамъ нравится?...

РИЧАРДЪ.

Да вообще мое положеніе теперь весьма незавидно, и если бы не вы, то я бы рѣшительно погибъ. Признаюсь, я до сихъ поръ не могу надивиться вашему благородству — поступокъ вашъ обезсмертитъ званіе портнаго. Я помню и, вѣроятно, никогда не забуду какъ, три дня тому назадъ, я удралъ отъ этого проклятаго купца, который отъ меня настоятельно требовалъ денегъ; потомъ какъ я добѣжалъ до знаменитой Лиговки и вошелъ въ первыя попавшіяся ворота, тамъ, на лѣстницу.... вдругъ отворяю дверь... и вижу предъ собою васъ, моего главнаго и опаснѣйшаго кредитора... помните, какая тутъ произошла драматическая сцена... какъ я испугался.

ШИШИМОРИНЪ.

И помните, какъ я васъ схватилъ за воротникъ, говоря: а! вы сами попались въ когти тигра... и вдругъ тигръ протягиваетъ вамъ свои когти и говоритъ: вы, можетъ быть, устали! — садитесь! вы, можетъ быть, голодны? вотъ обѣдъ! вамъ, можетъ быть, въ дождливую погоду непріятно ночевать на улицѣ? — вотъ вамъ квартира! ха, ха, ха!

РИЧАРДЪ.

Да, вы меня спасли отъ позора, и даже, можетъ быть...

ШИШИМОРИНЪ.

Довольно! теперь кушайте!.. (*наливаетъ вино*) ваше здоровье.

РИЧАРДЪ, *выпивая свою рюмку.*

Благодарю васъ!

жоржъ, за кулисами.

Хозяинъ! хозяинъ!

ШИШИМОРИНЪ.

Что это за несносный Жоржъ!.. и поѣсть не дастъ порядкомъ — что ему нужно? Сейчасъ иду! Извините меня, что я васъ долженъ оставить (*уходитъ*). Ну ужъ я ихъ на долго не оставлю... страшно... страшно... какъ бы то ни было, а я ее въ жены готовлю...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

БЕТТИ И РИЧАРДЪ.

РИЧАРДЪ.

Ну въ этомъ онъ бы могъ и не пзвиняться. Преуморительный человѣкъ! я думаю, онъ васъ часто забавляетъ?

БЕТТИ.

Нѣтъ, милордъ! вы меня очень дурно знаете, если думаете, что я не умѣю цѣнить этаго благороднаго человѣка и забавляюсь надъ его слабостями... я не такова... я его уважаю!...

РИЧАРДЪ.

О! будьте увѣрены, миссъ, что я его также уважаю не менѣе вашего и люблю какъ добраго и обязательнаго человѣка... но все, воля ваша, не понимаю, какъ доброта его можетъ заставить васъ прелестную, обворожительную миссъ, жить на краю вселенной... на Лиговкѣ, въ квартиркѣ какого-то портнаго... Вы простите мою откровенность... но это моя система — говорить что чувствую.

БЕТТИ.

Я не хочу себя ставить выше чѣмъ судьба меня поставила, и я не стыжусь своего положенія...

РИЧАРДЪ.

Кто вамъ говоритъ о стыдѣ, миссъ? Я только удивляюсь, какъ вы добровольно заключили себя въ эти Лиговскія кельи вмѣсто того, чтобы веселиться и блистать въ свѣтѣ? Скажите, неужели вамъ никогда не приходитъ на мысль, что наслаждаться удовольствіями свѣта, пріятнѣе чѣмъ вести здѣсь чисто прозаическую жизнь, заботясь только о матеріяльномъ. Что вы мнѣ на это скажете?

БЕТТИ.

Къ несчастію, мнѣ иногда приходитъ въ голову полобная дурь; но она скоро проходитъ, и тогда я опять счастлива.

Я всегда веселюсь,
Говорю и смѣюсь,
И пою!
Никогда не грушу
И мѣнять не хочу,
Жизнь мою!
Мнѣ 17-й годъ,
Жизнь ручьемъ здѣсь течетъ
Золотымъ;
А намъ въ свѣтѣ всегда,
Говорятъ, что бѣда,
Молодымъ!
Такъ зачѣмъ на бѣду?
Въ свѣтъ теперь я пойду
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Лучше здѣсь порѣзвлюсь,
А ужъ въ свѣтъ-то пущусь
Въ 40 лѣтъ.

РИЧАРДЪ.

Вы отчасти правы!!! однако знаете ли что въ эти три ночи, что я близъ васъ... у меня были препоэтическіе сны. — Вообразите себѣ, что я вижу васъ въ богатѣйшемъ нарядѣ — въ великолѣпной коляскѣ... вы ѣдете по Невскому — я подлѣ васъ верхомъ... и съ гордостію кланяюсь по сторонамъ знакомымъ дамамъ, думая: вы красавицы, но моя миссъ прелестнѣе всѣхъ васъ.

БЕТТИ.

Кто знатенъ такъ, какъ вы, милордъ тому этакіе сны не диковинка... только напрасно я туда попалась.

РИЧАРДЪ.

Знатенъ! Да это очень можетъ быть.

БЕТТИ, *съ удивленіемъ.*

Какъ! что это значитъ — можетъ быть?

РИЧАРДЪ.

Я говорю, можетъ быть—потому что, можетъ быть, мой отецъ какой нибудь знатный человѣкъ.

БЕТТИ.

Какъ! вы развѣ не знаете своего отца?

РИЧАРДЪ.

Нѣтъ! я не имѣю этой чести. Я, какъ говорится, сынъ любви... по крайней мѣрѣ я себя такимъ считаю. Я помню, что я получилъ блестящее образованіе въ Лондонѣ и 20,000 гиней, которые не замедлилъ спустить, и чрезъ годъ остался безъ гроша. Чрезъ нѣсколько времени я получилъ отъ неизвѣстнаго такую же сумму — полагаю, что это подарокъ почтеннаго батюшки; къ несчастію, подарки эти не повторялись... и я, недовольный Англіею, оставилъ ее, и съ нѣсколькими тысячъ гиней пріѣхалъ въ гостепріимную Россію... Сначала я кое-какъ перебивался разными аферами: потомъ мнѣ не повезло... я задолжалъ; остальное вы знаете.

БЕТТИ.

Какое же вы имѣете сходство съ Яковомъ — онъ тоже не знаетъ своихъ родителей... какъ мнѣ васъ жаль!

РИЧАРДЪ.

Вы меня жалѣете... о мой ангелъ!... какъ вы очаровательны!... (*хочетъ ее обнять, въ это время входитъ Шишиморинъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ШИШИМОРИНЪ.

ШИШИМОРИНЪ.

У-у-у-у... они что-то были близко... что, если онъ съ нею объяснился прежде меня?... что это она такая красная? нѣтъ, это не даромъ!...

БЕТТИ.

Зачѣмъ же это васъ Жоржъ звалъ? Кто къ вамъ приходилъ? но что это вы такъ разстроены... что съ вами?

ШИШИМОРИНЪ.

Ни—а—и—чего... ничего... развѣ на моемъ лицѣ есть что нибудь—этакое разстроенное... я, кажется ни—и—чего...

РИЧАРДЪ.

Да что это въ самомъ дѣлѣ... у васъ и волоса дыбомъ торчатъ, какъ какое будто несчастіе случилось.

ШИШИМОРИНЪ, *сердито.*

Ну да! — ну дыбомъ... ну несчастіе случилось... оставьте вы только меня въ покоѣ.... ступайте, прячьтесь скорѣе: сюда идетъ докторъ.

БЕТТИ.

Ахъ! Бога ради, скорѣе спрячьтесь въ вашу аристангскую.

РИЧАРДЪ.

Бѣгу! (*уходитъ въ боковую дверь. Бетти запираетъ его на ключъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ШИШИМОРИНЪ, БЕТТИ И ДОКТОРЪ.

БЕТТИ.

Ахъ, докторъ! слава Богу что вы пріѣхали... мы васъ ждали съ нетерпѣніемъ.

ДОКТОРЪ.

Здравствуйте, миссъ! здравствуйте, почтеннѣйшій (*беретъ ихъ руки и смотритъ имъ пристально въ глаза*). Я думалъ, что найду здѣсь только больную г-жу Блаксфильдъ — а выходитъ, что нездоровы всѣ... ваша маленькая ручка дрожитъ въ моей... значитъ, у васъ лихорадка... у васъ, почтеннѣйшій, вижу по пульсу, лихорадка еще сильнѣе... этимъ шутить нечего... я вамъ пропишу добрый пріемъ микстуры—и все пройдетъ.

ШИШИМОРИНЪ.

Полноте вы... какая у меня лихорадка... кушайте сами вашу микстуру... что вы мнѣ болѣзнь-то навязываете... неужели вамъ хочется, чтобы я въ самомъ дѣлѣ заболѣлъ; я прежде думалъ, что вы не похожи на другихъ докторовъ.

ДОКТОРЪ.

Ну перестаньте, мой другъ—я пошутилъ, а вы разсердились не шутя; вы знаете, что я вамъ только добра желаю; скажите-ка лучше: каково г-жѣ Блаксфильдъ, можетъ ли она сего дня говорить?

ШИШИМОРИНЪ.

Сегодня она говоритъ и кричитъ сколько вамъ угодно... подите-ка послушайте...

ДОКТОРЪ.

Да, я сейчасъ зайду къ ней. До свиданія друзья мои. (*Якову*) Скоро я сообщу для васъ такую пріятную новость, что вы удивитесь. Прощайте.

ШИШИМОРИНЪ.

Очень радъ! я очень люблю пріятныя новости. (*Докторъ уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

БЕТТИ И ШИШИМОРИНЪ.

БЕТТИ.

Ну теперь мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, пойду хлопотать объ обѣдѣ.

ШИШИМОРИНЪ.

Бетти! Останьтесь пожалуйста — мнѣ нужно съ вами поговорить...

БЕТТИ.

Что вамъ угодно?

ШИШИМОРИНЪ.

Ахъ! мнѣ многое угодно... но сначала вотъ что (*цѣлуетъ ей руку. Въ сторону*) каковъ я, ну теперь, кажется, дѣло пойдетъ на ладъ... объяснюсь четвертымъ способомъ... (*вздыхаетъ*) кажется, Жоржъ говорилъ съ этого нужно начать... вотъ что значитъ Англія — чистота нравовъ... не знаю какъ начать...

БЕТТИ.

Что это! вы вздыхаете?

ШИШИМОРИНЪ.

Бетти! мы съ вами очень давно знакомы.

БЕТТИ.

Да очень давно... я еще была малютка когда васъ узнала... тогда еще былъ живъ мой отецъ.

ШИШИМОРИНЪ.

Да! онъ тогда былъ живъ... честный онъ былъ человѣкъ. Я помню его предсмертныя минуты... помню какъ онъ меня къ себѣ призвалъ да и говоритъ: я тебя всегда любилъ, Яковъ, будь моимъ наслѣдникомъ.. у меня нѣтъ ничего кромѣ долговъ... заплати ихъ —Я заплатилъ! Вдова моя пусть будетъ тебѣ матерью —а Бетти сестрою... пекись о ихъ счастіи... и онъ умеръ... Честный онъ былъ человѣкъ, онъ мнѣ завѣщалъ быть честнымъ... я и остался честнымъ и буду всегда честнымъ.

Хоть я живу на Лиговскомъ каналѣ,
Но въ мастерствѣ другимъ не уступлю,
Прославленъ я во всемъ своемъ кварталѣ
И свой кварталъ какъ родину люблю.
Я за собой не вѣдаю порока
И чести я своей не омрачилъ:
Я въ срокъ всегда, а часто и до срока
Въ цѣхъ за себя всѣ подати вносилъ.

Вы сами знаете, какъ меня уважаетъ вся Лиговка... и вамъ извѣстно, что я не какой нибудь забулдыга... не имѣю свойственной нашему брату слабости... къ крѣпкимъ напиткамъ... кромѣ воды ничего не употребляю... *(въ сторону)* кажется, такъ хорошо... теперь нужно объясниться открыто *(ей)* я надѣюсь... резоны, которые я вамъ представилъ.. Бетти!..

БЕТТИ.

Боже мой! — тише... что это вы такъ кричите, вѣдь г. Ричардъ, можетъ быть, подумаетъ, что мы бранимся.

ШИШИМОРИНЪ.

Опять Ричардъ! Нѣтъ, ужъ это черезъ чуръ... Конченъ балъ, я его сейчасъ прогурю... Полно дурачиться... представлю его въ полицію и пусть его сажаютъ въ теплое мѣстечко; что жъ это въ самомъ дѣлѣ... я рискую держа его у себя *(подходитъ къ боковой двери)*.

БЕТТИ.

Какъ! Вы его хотите выгнать теперь... когда онъ нуждается въ нашей помощи болѣе чѣмъ когда нибудь.

ШИШИМОРИНЪ.

Я его рѣшительно не могу болѣе держать ни минуты.

БЕТТИ.

Такъ поступать неблагородно.
Вы сами приняли его,
Зачѣмъ же вамъ теперь угодно
Опять идти противъ него.
Когда кто гостя принимаетъ,
Его тотъ свято бережетъ,
А кто напротивъ поступаетъ,
Того дурная слава ждетъ.

Если вы ужъ рѣшились на такой безчестный поступокъ, то я васъ заставлю его здѣсь удержать... я вамъ заплачу его долги... столько у меня достанетъ.

ШИШИМОРИНЪ.

Кончено! — теперь все ясно... она его любитъ... Неблагодарная! за что же ты меня презираешь?... я сколько лѣтъ тебя люблю... думалъ на тебѣ жениться — и вдругъ ты полюбила этого фанфаронишку... и что въ немъ добраго? по шею въ долгахъ, завтра же, или еще сего дня будетъ въ тюрьмѣ... да и фрака-то у него порядочнаго нѣтъ... Господи! до чего я дожилъ! вотъ... вотъ что значитъ въ пансіонѣ обучалась... на 17 году... экой срамъ.

БЕТТИ, *плачетъ*.

Да что это вы въ самомъ дѣлѣ на меня напали, что вы меня обижаете... Кто вамъ сказалъ, что г. Ричардъ меня любитъ... и кто вамъ сказалъ, что я его люблю... Онъ мнѣ только жалокъ; а я люблю, но не его *(уходитъ)*.

ШИШИМОРИНЪ.

Еще лучше... другаго любитъ... а это такъ... хороша!...

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ШИШИМОРИНЪ И ЖОРЖЪ.

ШИШИМОРИНЪ.

Я бы теперь просто застрѣлилъ этого несноснаго Ричарда... да я это такъ не оставлю... мы еще увидимъ... я его проучу... разбойникъ!

ЖОРЖЪ.

Къ вамъ ппсьмо-съ!

ШИШИМОРИНЪ.

Пошлю сейчасъ за городовымъ и дамъ знать, что у меня скрывается плутъ, который уже три дня тому назадъ долженъ бы быть посаженъ въ тюрьму... вотъ моя месть начинается... а! Жоржъ, хорошо что ты пришелъ—послушай, дай знать въ полицію, что у насъ скрывается подозрительный человѣкъ — слышишь, подозрительный, такъ и скажи, что на вора, этакъ, смахиваетъ, понимаешь? (*въ сторону*) Пусть только городовой явится, ужъ я тамъ дѣло все ему объясню; не бѣда, что воромъ назову; онъ и есть воръ — чуть будущую жену не стащилъ... не совсѣмъ-то благородно съ моей стороны доносить, да нечего, я гдѣ-то читалъ, не помню: месть дискать благородное дѣло... ужъ я ему подсолю, голубчику... подожди, пріятель.

ЖОРЖЪ.

Къ вамъ письмо-съ!

ШИШИМОРИНЪ.

Какое тамъ письмо? Давай сюда (*распечатавъ, читаетъ*) «Милостивый Государь? Я знаю, что вы спасли друга моего «Ричарда отъ позора и дали ему у себя пріютъ»—хорошъ другъ, чуть чуть будущую жену не укралъ; это такой дьяволъ, что мочи нѣтъ.—«Увѣдомьте его, что розысканія «мои на счетъ его происхожденія не были «тщетны—и что по всему нужно полагать, «что онъ сынъ лорда Кларендона — бога«тѣйшаго пера Англіи, который теперь въ «Петербургѣ». Вотъ исторія-то! онъ сынъ лорда — а я его было хотѣлъ упрятать въ полицію... хорошо, что не поторопился; однакожъ какой странный случай... впрочемъ я всегда думалъ, что у Ричарда непремѣнно долженъ быть отецъ, только все это удивительно какъ странно, отецъ богатъ, а сынъ прячется отъ кредиторовъ... чудеса!

Отецъ на старости годовъ
Своимъ богатствомъ наслаждался;
Сынъ укрывался отъ долговъ
И чуть въ Литовской не попался.
Вдругъ... просто тутъ рука судьбины—
Невѣроятный казусъ сплелся:
Когда пропасть готовъ былъ сынъ,
Тогда отецъ его нашелся.

Однако это чудная вещь! Теперь онъ вѣроятно не захочетъ жениться на моей Бетти... и я буду счастливъ, славно! только бы мнѣ скорѣе его спровадить.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ.

Я вамъ обѣщалъ пріятную новость — вы ее скоро узнаете... во ожиданіи, потрудитесь сдѣлать какъ можно скорѣе... модный фракъ для человѣка вашего роста и вашей таліи.

ШИШИМОРИНЪ.

Очень хорошо! только это престранный заказъ — безъ мѣрки.

ДОКТОРЪ.

Да! тутъ весьма много страннаго!!! только-что фракъ будетъ готовъ, вы тотчасъ же принесите его сами къ лорду Кларендону—недавно пріѣхавшему изъ Лондона, вотъ адресъ.

ШИШИМОРИНЪ.

Этотъ лордъ, кажется, странный проказникъ.

ДОКТОРЪ.

А развѣ вы его знаете? Бога ради не относитесь такъ объ немъ... вамъ это непростительно...

ШИШИМОРИНЪ.

Отъ чего же мнѣ про него не сказать правду... у него прескверная память... онъ какъ уѣхалъ изъ Лондона, такъ забылъ тамъ одну вещицу — экой право чудакъ!

ДОКТОРЪ.

Что за вещица? я не понимаю.

ШИШИМОРИНЪ.

Бездѣльная самая — ребенокъ... ребенокъ этотъ, забытый, выросъ и вмѣсто фамиліи Кларендона, которую бы онъ долженъ былъ носить... ему досталась фамилія какого-то Ричарда — очень просто, неправда ли?

ДОКТОРЪ.

(*Въ сторону*) Отъ кого это онъ все узналъ не понимаю. (*ему*) Тсъ! тише, прошу васъ ни слова... помните. Поскорѣе фракъ, фракъ... я васъ ожидаю сегодня.

ЯКОВЪ.

У меня кстати есть готовый; занесу сегодня же.

ДОКТОРЪ.

Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше (*уходитъ*).

(*Яковъ отворяетъ боковую дверь и выпускаетъ Ричарда*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

БЕТТИ, ШИШИМОРИНЪ, РИЧАРДЪ И ЖОРЖЪ.

ШИШИМОРИНЪ.

Г. Ричардъ! нынѣшній день будетъ счастливѣйшимъ днемъ вашей жизни, потому что сегодня вы увидите виновника вашихъ дней.

ВСѢ.

Что это значитъ?

ШИШИМОРИНЪ.

Происхожденіе ваше наконецъ отыскано: вы одинъ изъ богатѣйшихъ лордовъ Англіи. Я васъ представлю вашему отцу; (*въ сторону*) скорѣй сбыть его съ рукъ.... что-то неловко (*почесываетъ лобъ*), вѣдь я ее въ жены подготовляю.

РИЧАРДЪ.

Возможно ли? мой отецъ отыскался... и вы не шутите? о! ведите же меня къ нему поскорѣй; что же вы медлите, но кто онъ? гдѣ онъ? какъ вы его узнали?

ШИШИМОРИНЪ.

Все узнаете, только погодите не много (*отворяетъ шкафъ, вынимаетъ фракъ и завязываетъ его въ узелъ*).

РИЧАРДЪ.

О счастіе!... кто-бы могъ подумать? Въ какомъ я восторгѣ.

ШИШИМОРИНЪ.

Будьте увѣрены, г. Ричардъ, что я радуюсь не менѣе вашего... вы, я думаю, догадываетесь отъ чего. Однако пойдемте, я готовъ.

РИЧАРДЪ.

Прощайте, прелестная миссъ... я васъ никогда незабуду... вы ангелъ.. вы очаровательны. (*Уходитъ вмѣстѣ съ портнымъ!*)

—

ЯВЛЕНІЕ X.

БЕТТИ И ЖОРЖЪ.

БЕТТИ.

Вотъ и выходитъ, что маменькины карты сказали правду... вѣдь это и есть трефовый валетъ... вотъ ужъ колдовство! Онъ говоритъ, что я ангелъ и что онъ меня любитъ и никогда незабудетъ—онъ теперь знатенъ и богатъ, нечего дѣлать; а если посватается, то придется быть егоженою— вотъ и карты! вотъ и трефовый валетъ!

ЖОРЖЪ.

Эко диво, подумаешь? хозяинъ потерялъ то, чего никогда не имѣлъ — кажись ума лишился.

БЕТТИ.

Что ты говоришь, Жоржъ?

ЖОРЖЪ.

Ничего—съ! я такъ самъ съ собою о себѣ разсуждаю.

БЕТТИ.

А! (*уходитъ*).

ЖОРЖЪ.

Теперь я понимаю, зачѣмъ для трехъ все это время я накрывалъ: этотъ гусь тутъ былъ спрятанъ; ужъ не онъ ли, прости Господи, подтибрилъ мои тетерки. Мамзель, то взяла на себя—да это что-то нечисто. И что у нихъ тутъ вдругъ за каша заварилась; побѣжали какъ угорѣлые, ничего не понимаю.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ДѢТИ ЛЮБВИ.

Театръ представляетъ богато убранную комнату въ квартирѣ Лорда Кларендона; съ одной стороны канапе и подлѣ него кресла, съ другой кресла и столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛОРДЪ КЛАРЕНДОНЪ, БЕТТИ И ДОКТОРЪ. *Лордъ сидитъ развалившись на канапе; Бетти стоитъ возлѣ него.*

ДОКТОРЪ.

Продолжайте, миссъ, и не стыдитесь насъ.

БЕТТИ.

Я не то что стыжусь, но признаюсь, не много потерялась;—я сама не знаю, что говорю и что говорить.—Ваши прелестныя комнаты, экипажъ, въ которомъ докторъ привезъ меня сюда—все это такъ ослѣпило меня и притомъ нечаянность...

ЛОРДЪ.

Очень понятно, что эта нечаянность васъ очень удивила; но чего же вы теперь боитесь и удивляетесь? вѣдь вы, кажется, видите, что хотя докторъ и похитилъ васъ, не для чего нибудь... а потому, что я отъ васъ долженъ кое—что узнать. И такъ продолжайте.

БЕТТИ.

Но какъ продолжать, когда я болѣе ничего не знаю. Я вамъ сказала на счетъ Якова все, что только знала: какъ его малюткой въ Лондонѣ поднялъ на улицѣ мой батюшка, потомъ какъ мы поѣхали въ Россію; какъ онъ выросъ, сталъ учиться ремеслу и наконецъ сдѣлался чистымъ Русскимъ, принявъ даже фамилію Шишиморина, бывшаго своего хозяина. Наконецъ, когда умеръ мой батюшка, Яковъ одинъ остался нашей подпорой.

ЛОРДЪ.

По крайней мѣрѣ не помните ли вы, вамъ вѣрно разсказывалъ покойникъ батюшка... въ которомъ году онъ призрилъ къ себѣ этаго нечаснаго Якова, не въ 1818 ли году?

БЕТТИ.

Точно такъ, въ январѣ.

ЛОРДЪ.

И такъ это правда!!!... не было ли какихъ мѣтокъ на его платьи.

БЕТТИ.

Какъже, были: платье до сихъ поръ цѣло, на немъ вышиты двѣ буквы: Г. и С.

ЛОРДЪ, *въ сторону.*

Генріетта Сометъ. (*ей*) Теперь на время, душенька, оставьте насъ вдвоемъ, прогуляйтесь хоть въ саду.

БЕТТИ.

По объясните мнѣ по крайней мѣрѣ....

ДОКТОРЪ.

Что тутъ за объясненія!.. ну вотъ просто Лорду пришла идея узнать всю подноготную вашего Якова; ему нравится, что онъ сынъ любви: лордъ охотникъ до этихъ вещей.

БЕТТИ.

Воля ваша, а я ничего тутъ не понимаю. Пойду въ садъ, нечего дѣлать. (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

КЛАРЕНДОНЪ И ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ, *въ сторону.*

Теперь мы вдвоемъ. Если не помогутъ

совѣты доктора, то я прибѣгну къ способу болѣе вѣрному. (*Лорду*) Милордъ!

ЛОРДЪ.

Докторъ!

ДОКТОРЪ.

Теперь, кажется, ясно; сомнѣваться не въ чемъ, онъ точно сынъ вашъ.

ЛОРДЪ.

Да это по всему видно; но чтожъ мнѣ дѣлать? Не усыновить же мнѣ его!!!... это плодъ шалости моей молодости—а кто съ молоду не шалилъ! Но мнѣ нуженъ наслѣдникъ, которому бы я могъ оставить свое богатство—и имя, которое не должно исчезнуть; вспомните, кто я, и чѣмъ были мои предки... и вдругъ я усыновлю какого то портнова!.. что скажетъ Англія?

ДОКТОРЪ.

Вы не хотите признать его своимъ сыномъ; ну такъ усыновите Ричарда, онъ вѣдь тоже, какъ вы говорите, плодъ вашей шалости.. ну вотъ вамъ наслѣдникъ: онъ получилъ хорошее образованіе и мать его была графиня. Но вотъ несчастіе! Три дня тому назадъ онъ ускользнулъ отъ тюрьмы и Богъ знаетъ гдѣ скрывается.

ЛОРДЪ.

Да! если онъ только живъ, то ужъ, разумѣется, я скорѣй рѣшусь признать его своимъ наслѣдникомъ. Но мы поговоримъ объ этомъ завтра.

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ, не завтра, а вы должны рѣшиться сегодня—и даже сейчасъ же.—Портной, я думаю, уже здѣсь; онъ по моему приказанію долженъ былъ сюда явиться. Но не безпокойтесь, онъ ничего не знаетъ.

ЛОРДЪ.

Но это съ вашей стороны не хорошо, докторъ: вы не предварили меня... это можетъ меня взбѣсить.... и что вы такъ хлопочете за этого портнаго? я не понимаю вашихъ видовъ.

ДОКТОРЪ.

Это не *для* него, но *для* васъ. Вѣрьте мнѣ, что онъ не имѣетъ въ васъ нужды; но вы теперь въ немъ нуждаетесь.

ЛОРДЪ.

Но вы забываете, что если я его признаю своимъ сыномъ, то онъ долженъ сдѣлаться мужемъ моей племянницы.

ДОКТОРЪ.

Знаю! Миссъ Елеонора Гранъ, первая красавица Лондона и, какъ кокетка, нуждается въ деньгахъ. 50,000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, которые придутся на долю вашего сына, сдѣлаютъ его въ глазахъ ея Богъ знаетъ чѣмъ. Чтожъ что онъ портной. Въ нынѣшній вѣкъ на существительное обращаютъ мало вниманія, прилагательное—вотъ главное; и портному съ такимъ богатствомъ будутъ низко кланяться лорды безъ гроша. Виноватъ ли онъ, что вы его по рожденіи бросили въ какую-то грязную улицу и потомъ онъ попалъ къ бѣднымъ людямъ которые, пріѣхавъ въ Россію, отдали его къ портному. Вина не ихъ и не его; они не могли знать, что это сынъ одного изъ богатѣйшихъ лордовъ. Виноваты во всемъ вы, и теперь отъ васъ зависитъ поправить дѣло: загладьте вашу вину, признайте его своимъ сыномъ.

ЛОРДЪ.

Никогда! оставьте меня въ покоѣ, я не хочу имѣть ничего общаго съ какимъ нибудь портнымъ.

ДОКТОРЪ.

Но неужели у васъ гордость заглушила голосъ природы, ужели въ васъ умерло чувство отца? Послушайте, лордъ, вы не думайте, что связь ваша съ Генріеттой Сометъ для меня тайна; она мнѣ ужъ извѣстна двадцать лѣтъ.

ЛОРДЪ.

Это мнѣ очень странно! но я тогда былъ молодъ, неопытенъ....

ДОКТОРЪ.

Тогда!...но теперь вы съ сѣдою головою, и поступаете хуже ребенка. Знаете ли вы, что эта несчастная дѣвушка, которую вы обольстили, была изгнана изъ родительскаго дома и умерла въ нищетѣ, оставивъ своего Якова безъ пищи, безъ одежды, посреди зи-

цы; умирая она проклинала васъ—и имѣла на то право. .

ЛОРДЪ.

Не продолжайте, я поступилъ жестоко.. но это дѣло прошлое.

ДОКТОРЪ.

Но чрезъ двадцать лѣтъ явился мститель: онъ братъ ея—онъ предъ вами...

Когда меня вы позабыли,
Такъ я напомнить принужденъ,
Что вы сестру мою сгубили
Что прахъ ея не отомщенъ.
Опомнись, низкій соблазнитель,
И собери разсудокъ свой:
Передъ тобою грозный мститель
Погибшей жертвы—братъ родной.

ЛОРДЪ.

Что вы говорите!!! Возможно ли?

ДОКТОРЪ.

Да! она была моя родная сестра; я былъ слишкомъ молодъ что-бы тогда же отмстить вамъ и отложилъ мое мщеніе; отъ стыда, я перемѣнилъ свою фамилію, уѣхалъ изъ Англіи и теперь судьба насъ свела. Вы видите, что вы теперь въ моей власти, я могу васъ убить, но вы старикъ, и я стыжусь поднять на васъ свою руку.—Теперь подумайте, я вамъ даю минуту на размышленіе.

ЛОРДЪ.

Поздно, поздно теперь размышлять; я вижу тутъ руку Провидѣнія!!! Располагайте, мною. Приказывайте, скажите, что я долженъ дѣлать?

ДОКТОРЪ.

Позвать сюда вашего сына — и открыть ему все.

ЛОРДЪ.

Нѣтъ, этого я сдѣлать не въ состояніи. Объясните ему сами—я уйду. (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ДОКТОРЪ *одинъ*.

Слава Богу! кажется, дѣло приняло хорошій оборотъ. (*звонитъ*; *входитъ слуга*). Позови сюда портнаго, который, вѣрно, тамъ дожидается (*слуга кланяется и уходитъ*). Нужно ему все открыть сейчасъ же. Несчастный Яковъ! я воображаю, какъ онъ удивится.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДОКТОРЪ и ШИШИМОРИНЪ, *съ узломъ въ рукахъ*.

ЯКОВЪ.

Ну, слава Богу, на силу то меня впустили, а то жди да жди. Гдѣ же Милордъ?

ДОКТОРЪ.

Ты его сейчасъ увидишь; я воображаю, что тебѣ очень хотется его видѣть.., сердце твое вѣрно что нибудь предчуствуетъ и ты сюда летѣлъ на крыльяхъ нетерпѣнія.

ЯКОВЪ.

Нѣтъ, до Аничкова моста пѣшкомъ, а оттуда на Ванькѣ за гривенникъ; сердце мое предчувствуетъ, что здѣсь хорошо заплатятъ за мой фракъ.

ДОКТОРЪ.

А у тебя и фракъ съ собой? Какъ это ты такъ скоро состряпалъ.

ЯКОВЪ.

Онъ былъ сдѣланъ для меня; такъ, какъ вы сказали, что такой мѣрки и нуженъ, то я его къ вамъ и принесъ; онъ совсѣмъ новый, темносиній съ свѣтлыми пуговицами, отдѣлка почище Оливье, ужъ за это ручаюсь.—(*развязываетъ фракъ и показываетъ его*) *доктору*).

ДОКТОРЪ.

Онъ очень хорошъ. Надѣнь же его.

ЯКОВЪ, *съ удивленіемъ*.

Куда? На кого?

ДОКТОРЪ.

На себя, мой другъ. Ты долженъ сейчасъ говорить съ лордомъ и тебѣ неприлично бы было въ старомъ фракѣ—понимаешь ты меня?

ЯКОВЪ, *надѣвая фракъ*.

Это очень выгодно! только не знаю, мнѣ

или ему? Для того, чтобы портной снималъ мѣрку съ лорда, онъ долженъ быть въ новомъ фракѣ; это забавно! Э-ге-ге что то лопнуло, вотъ тебѣ и новый фракъ, такъ и есть гнилая подкладка... вотъ что значитъ покупать на Апраксиномъ... впрочемъ это я сейчасъ исправлю, у меня съ собою есть иголка...

ДОКТОРЪ.

Не нужно—что за вздоръ, къ чему это? зашьешъ послѣ; — этотъ фракъ къ тебѣ очень идетъ, ты теперь похожъ на человѣка.

ЯКОВЪ.

Помилуйте, докторъ, когда же я на него не былъ похожъ? что жъ я прежде, по вашему, звѣрь какой нибудь былъ?

ДОКТОРЪ.

Ну теперь взъерошъ твои волосы.

ЯКОВЪ.

Это еще зачѣмъ, (*въ сторону*) для этого нужно поднять руки, а фракъ не позволяетъ.

ДОКТОРЪ.

Что жъ ты, братецъ не ужели ты и этого не умѣешь сдѣлать? (*взъерошиваетъ ему волоса*). Теперь держись прямо, прими видъ убитаго судьбой.. вспомни, что ты сейчасъ увидишь... (*въ сторону*) рѣшительно я тоже отказываюсь открыть ему эту ужасную тайну. Потерпи здѣсь немного мой другъ; я тебя сейчасъ представлю къ милорду. (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЯКОВЪ, ПОТОМЪ РИЧАРДЪ.

ЯКОВЪ.

Да долго ли мнѣ его ждать, скоро ли увижу я лорда? мнѣ бы очень хотѣлось сдать ему поскорѣе его сына, этого несноснаго Ричарда, я тогда буду счастливъ. Бетти будетъ свободна—и я па ней женюсь.

Мнѣ надоѣли штуки эти;
И только съ рукъ Ричарда сдамъ,
Даю честное слово: съ Бетти
Сейчасъ ударить по рукамъ.
Я не одинъ женюсь на свѣтѣ,
Такъ что же въ этомъ за бѣда?
(*Подумавъ*)
А если Бетти, да вотъ эти
Приставить вздумаетъ сюда!
Вѣдь будетъ стыдно мнѣ тогда,
Хоть ихъ и носятъ господа!

(*отворяетъ дверь*) Г. Ричардъ!

РИЧАРДЪ.

Ну чтожъ? Вы что нибудь узнали?

ЯКОВЪ.

Отъ этого доктора ничего не узнаешь. Вотъ онъ заставилъ надѣть меня этотъ узкій фракъ, ничего не объяснилъ—и ушелъ къ милорду; я ему даже и не сказалъ что вы здѣсь.

РИЧАРДЪ.

Но скоро ли я его увижу? я горю нетерпѣніемъ... о какъ буду радъ, когда онъ мнѣ самъ откроетъ, что онъ мой отецъ! все вамъ я обязанъ, добрый г. Шишиморинъ, вы во мнѣ принимаете такое участіе.

ЯКОВЪ.

Да ужъ увѣрлю васъ, что если найдется вашъ батюшка, то я этимъ буду доволенъ болѣе нежели вы сами; (*въ сторону*) да я еще ему отомщу за открытое объясненіе съ Бетти. только бы вотъ отцу-то сдать... что это, отворяется дверь—это опять докторъ, я васъ сейчасъ отрекомендую.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И ДОКТОРЪ.

ЯКОВЪ.

Докторъ! имѣю честь....

ДОКТОРЪ.

Какъ, ты здѣсь не одинъ?

ЯКОВЪ.

Это молодой человѣкъ здѣшній.

ДОКТОРЪ.

Это очень можетъ быть (*Ричарду*) Но, милостивый государь, сдѣлайте одолженіе, из-

винпте... вы здѣсь лишній—нельзя ли насъ на время оставить?

яковъ. *Ричарду тихо.*

Въ самомъ дѣлѣ онъ правъ: лучше я сначала объяснюсь съ милордомъ; когда все улажу, то позову васъ, ступайте пока въ садъ.

ричардъ.

Въ какой садъ?

яковъ.

Вотъ что видѣнъ изъ окошка.

ричардъ, *глядя въ окно.*

Что это тамъ? Бетти! такъ и есть— бѣгу! смотрите же, потомъ дайте мнѣ знать... да вы не очень торопитесь (*уходитъ*).

докторъ.

Ну мой другъ — сей часъ идетъ сюда милордъ... Бога ради... смотри мой другъ, вотъ онъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

тѣ же и лордъ.

лордъ, *въ сторону.*

Это онъ!

яковъ.

Имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ милордъ...

докторъ.

Тсъ! ни слова! (*Милорду*)Какъ вы его находите?

лордъ.

Онъ очень похожъ на свою мать... смотрите этотъ портретъ... двадцать лѣтъ какъ я не смѣлъ на него взглянуть. Ужасное сходство!

(*Милордъ и Докторъ разглядываютъ Якова*).

яковъ, *въ сторону.*

Что жъ это они меня такъ разсматриваютъ! Неужели я такъ хорошъ? или, можетъ, фракъ имъ такъ понравился. Если они хотятъ чтобы я съ нихъ снялъ мѣрку, то я ихъ долженъ разглядывать, а не они меня; что жъ это такое?

кларендонъ.

Подойди, мой другъ.

яковъ, *поспѣшно вынимаетъ изъ кармана ножницы и длинную мѣрку.*

Прикажете?(*въ сторону*) я съ него стану снимать мѣрку, и въ это время открою, что Ричардъ, сынъ его—здѣсь!

лордъ.

О нѣтъ! мнѣ нужно вовсе не это. Возьми кресло, садись возлѣ меня.

яковъ.

Помилуйте, зачѣмъ мнѣ кресло? я не могу снимать мѣрку сидя. Вѣдь я портной— можетъ быть, вы меня приняли за сапожника.

лордъ.

Къ несчастію, знаю, что ты несчастной портной; садись, слушай, меня—и отвѣчай на мои вопросы.

яковъ, *въ сторону.*

Не знаю, что изъ этого выйдетъ (*беретъ кресло, на которомъ лежитъ доктора шляпа и садится на нее*) Ахъ ты Боже мой, мнѣ что-то попалось... такъ и есть, я сѣлъ на чью-то шляпу, ваша эта, кажется, такъ и есть,

докторъ.

Сбрось ее — ловкой малой! Сиди и слушай милорда.

яковъ.

Вы меня,докторъ,извините: нашей братьи такъ рѣдко предлагаютъ кресла, что не мудрено, что мы не умѣемъ выбрать на которое сѣсть.— Дѣло другое, когда мы приходимъ къ должникамъ, а это особая статья; тѣ всегда ужасно вѣжливы! Знаете, придешь,этакъ, за деньгами—должникъ сейчасъ садитъ на диванъ, какъ ваше здоровье, г. Шишиморинъ, я только что объ васъ говорилъ съ моимъ пріятелямъ; какъ вы легки напоминъ, садитесь, сдѣлайте одолженіе, а разумѣется въ душѣ посылаютъ къ чорту, г. Шишиморинъ садится, а денегъ не получаетъ.

Препесчастное созданье
Изо всѣхъ людей — портной!
Цѣлый вѣкъ его — страданье,
Отъ долговъ хоть волкомъ вой!
Въ долгъ не шьешь, такъ нѣтъ работы,
А сработалъ — ну бѣда!
Отъ субботы, до субботы
За нось водятъ насъ всегда.
Ловишь такъ, и на квартиры
Ходишь вѣчно не впопадъ,
Особливо вицъ-мундиры
У портныхъ вотъ здѣсь снятъ.
Отъ купцовъ полнѣетъ касса,
Любимъ всѣ мы шить на нихъ;
Отъ 12-го жъ класса
Сохрани Господь портныхъ!!!

лордъ, *Доктору.*

И это мой сынъ? мастеровой! ужасно! (*глядя на него*) Генріетта?

яковъ, *въ сторону.*

Генріетта! онъ вѣрно сумасшедшій, онъ меня принимаетъ за женщину.

лордъ.

Несчастная Генріетта! Какъ ужасны воспоминанія моей молодости.

яковъ, *въ сторону.*

Воспоминаніе молодости! ну теперь, кажется можно ввернуть словечко о г-нѣ Ричардѣ. (*Лорду*) Кстати о вашей молодости милордъ...

докторъ.

Молчи, несчастный!...

лордъ.

Твоя молодость была горька, любезный, я знаю ея исторію.

яковъ.

Какъ, она вамъ извѣстна?

лордъ.

И даже очень хорошо.

яковъ.

Да! я моему существованію обязанъ не моему отцу... т. е. я не то хотѣлъ сказать...

лордъ.

Я тебя понимаю, ты обязанъ жизнію человѣколюбивому Блаксфильду. Богъ его за это наградитъ...

яковъ.

Да Богъ его вѣрно наградитъ за то, что онъ призрѣлъ ребенка, брошеннаго своимъ отцомъ. Есть же отцы, которые благодѣтельствуютъ не однимъ своимъ дѣтямъ.

лордъ.

И есть отцы, которые не хотятъ знать своихъ дѣтей.

яковъ.

Да, есть этакія несчастныя дѣти. Одинъ изъ нихъ близко васъ.

лордъ, *Доктору.*

Другъ мой, онъ знаетъ все. (*Якову*) Мнѣ теперь должно открыться.... скрываться поздно..... сынъ мой, приди въ мои объятія....

яковъ, *вскакивая.*

Позвольте! позвольте! развѣ онъ здѣсь? Г-нъ Ричардъ! г-нъ Ричардъ!

лордъ.

Какой Ричардъ?! ты, ты мой сынъ, обними меня...

яковъ.

Позвольте, лордъ, можетъ быть, вы безъ очковъ плохо видите! вы ошибаетесь, какой я вамъ сынъ, я портной Яковъ Шишморинъ, изъ Лондона, живущій на Литовкѣ.

лордъ.

Въ какомъ онъ волненіи!

докторъ.

Онъ не вѣритъ своему счастію. Обними же своего отца.

яковъ.

Какъ отца! У меня нѣтъ отца, у меня не было никогда отца.

лордъ.

Я... я твой отецъ... до сихъ-поръ это была тайна, но теперь я хочу открыться.

яковъ.

Честное слово?

докторъ.

Перестань, мой другъ! обними лорда, онъ твой истинный отецъ.

яковъ.

Истинный отецъ? я вамъ вѣрю.

лордъ.

Приди же въ мои объятія, сынъ мой! (*обнимаются, входитъ слуга*) Приказанія этого молодаго человѣка исполнять какъ

мои собственныя, слышите? Прощай на время, мой другъ, я долженъ успокоиться... я пойду на время въ кабинетъ... я едва стою на ногахъ отъ печальности. Прощай мой другъ!. Докторъ! останьтесь съ нимъ (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

тѣ же, безъ лорда.

ДОКТОРЪ, *въ сторону*.

Ну слава Богу... теперь все кончено, Яковъ признанъ его сыномъ.

ЯКОВЪ, *въ сторону*.

Славно я обдѣлалъ дѣла Ричарда, отыскивалъ ему отца — и наткнулся на своего. (*Доктору*) Да вѣдь у милорда есть еще одинъ сынъ.

ДОКТОРЪ.

Къ чорту другаго; если онъ и найдется, то мы заплатимъ его долги — и кончено. Ты одинъ долженъ быть наслѣдникомъ милорда, онъ не хочетъ дробить свое огромное наслѣдство. (*Въ это время Яковъ роняетъ платокъ, слуга подбѣгаетъ, и хочетъ его поднять, но онъ предупреждаетъ, низко поклонившись*).

ЯКОВЪ.

Не трудитесь.

ДОКТОРЪ.

Ну теперь взгляни на меня, не ужели сердце тебѣ ничего не говоритъ?

ЯКОВЪ.

Что это, ужъ не второй ли отецъ?

ДОКТОРЪ.

Другъ мой! я твой дядя; я братъ твоей матери.

ЯКОВЪ.

Эко вдругъ родни привалило... Господи твоя воля...

ДОКТОРЪ.

Я радуюсь отъ души, что наконецъ ты ее отыскалъ: теперь ты богатъ, тебя ожидаетъ счастье... счастливая женитьба.

ЯКОВЪ.

Какая женитьба?

ДОКТОРЪ.

Какъ какая? съ племянницею...

ЯКОВЪ.

Господи!.. еще и племянница.

ДОКТОРЪ.

Она твоя кузина.

ЯКОВЪ.

Фу ты Боже мой! и дядя и племянница, и кузина и женитьба — все этовмѣстѣ, эка катавасія... нѣтъ не могу, задыхаюсь. (*отворяетъ окно*) Это что! въ саду гуляетъ Бетти, и съ нею мужчина... Караулъ... это злодѣй Ричардъ... Дядюшка.... это ужасно... это разбой... посмотрите...

ДОКТОРЪ.

Что съ тобой? что ты тамъ увидалъ?

ЯКОВЪ.

Какъ что? ее... ну она... съ нею проклятый Ричардъ... они вдвоемъ глазъ на глазъ, какъ говорилъ Жоржъ... тутъ бесѣдка... пропалъ я... дядюшка, помогите.

ДОКТОРЪ.

Перестань, мой другъ... ты кричишь какъ сумасшедшій... пусть Бетти будетъ женою Ричарда, у тебя теперь есть своя невѣста. Вспомни, что Елеонора красавица.

ЯКОВЪ.

Не знаю я никакой Елеоноры... я никого знать не хочу... меня рѣжутъ... смотрите, онъ у нея цѣлуетъ ручку... кажется... нѣтъ, слава Богу.

ДОКТОРЪ.

Перестань, я тебѣ приказываю, оставь эти глупости; чрезъ три дня мы ѣдемъ въ Лондонъ, ты долженъ забыть свою Бетти. Лордъ обезпечитъ ея состояніе, и она будетъ счастлива безъ тебя; ты видишь, что она тебя не любитъ.

ЯКОВЪ.

Ваша правда, дядюшка... она меня не любитъ — и я ее долженъ забыть... я ее и забуду... На комъ, вы мнѣ сказали, жениться? да, на какой-то Елеонорѣ... хорошо, я согласенъ... я не хочу больше знать Бетти... Богъ съ ней.

ДОКТОРЪ.

Такъ, мой другъ... такъ... не думай бо-

лѣе объ этой неблагодарной дѣвушкѣ.... теперь прощай (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЯКОВЪ, РИЧАРДЪ И БЕТТИ.

БЕТТИ.

Идите за мною, сиръ Ричардъ, я говорила вамъ, что онъ здѣсь, я его видѣла у окна.

ЯКОВЪ, *важно развалившись въ креслахъ.*

А, это вы! Здравствуйте, Бетти, здравствуй, Ричардъ.

РИЧАРДЪ.

Что, вы видѣли милорда?

ЯКОВЪ.

Я сейчасъ съ нимъ говорилъ... мы вамъ желаемъ добра и заплатимъ ваши долги, довольны ли вы?

РИЧАРДЪ.

Какъ, это вамъ сказалъ милордъ?

ЯКОВЪ.

Ну да, но только на условіи, чтобы вы непремѣнно женились на Бетти.

БЕТТИ.

Что такое?

ЯКОВЪ.

Да это необходимо, я этого хочу!

РИЧАРДЪ.

Вы! вамъ до этого что за дѣло?

ЯКОВЪ.

Да знаете ли вы, что я сынъ Лорда Кларендона, я забочусь объ участи Бетти... она васъ любитъ... и вы должны на ней жениться.

РИЧАРДЪ.

Когда вамъ говорятъ серьезно, то вы можете оставить ваши глупыя шутки—слышите ли вы?

ЯКОВЪ.

Какъ, вы мнѣ не вѣрите! Вы не вѣрите, что я сынъ Лорда Кларендона, вамъ нужны доказательства... хорошо! (*звонитъ, входитъ слуга*) Эй! любезный, поднеси мнѣ пить... чего ничудь получше... кислыхъ щей... постой, заложить мнѣ карету, нѣтъ, двѣ кареты и коляску, слышишь? пошолъ скорѣй (*слуга уходитъ*). Ну что, вы мнѣ теперь вѣрите? Ну что я не лордъ? Я желаю вамъ, Ричардъ, счастія, и потому отдаю Бетти. Теперешнее мое положеніе въ свѣтѣ заставляетъ меня бросить портняжество. Я ѣду въ Лондонъ, и женюсь на первой красавицѣ, Елеонорѣ Гранъ—моей кузинѣ...

РИЧАРДЪ.

Милостивый государь! вы поступили низко: вы воспользовались моими правами, вы заняли мое мѣсто у Лорда— я его истинный сынъ.

ЯКОВЪ.

Да и я не подложный какой, увѣряю васъ. Вы Лорду теперь не нужны, ему довольно и одного.

РИЧАРДЪ.

Я этого такъ не оставлю, я пойду къ Лорду самъ и съумѣю возстановить мои права, до свиданія. (*уходитъ въ комнату Лорда*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

БЕТТИ, *плачетъ.*

ЯКОВЪ.

Что же вы плачете? я васъ, любезная Бетти, не понимаю.

БЕТТИ.

И вы еще спрашиваете? Яковъ, я никогда не думала, что вы будете такъ жестоки, значитъ, что вы просто меня никогда не любили. Бѣдная моя маменька... что съ ней будетъ, если она узнаетъ, что мы лишились нашей подпоры, лишились послѣдняго куска хлѣба. И не ужели вы думаете, что я рѣшусь выйти за г-на Ричарда? никогда! а теперь, когда я ужъ для васъ ничто, я скажу вамъ правду: я любила и люблю васъ (*плачетъ*).

ЯКОВЪ.

Какъ? такъ? вы меня любите...и эта проклятая кузина... зачѣмъ она существуетъ... и я долженъ на ней жениться.

РИЧАРДЪ, *за кулисами.*

Да пропустите меня, мнѣ непремѣнно нужно видѣть Лорда.

*

ЯКОВЪ.

Это что за шумъ? а, это слуги не пропускаютъ Ричарда, бѣдный! А я иду куда хочу, мнѣ вездѣ открыта дорога. Пойду и къ Милорду... кончено, скажу и сдѣлаю что могу. Позвольте мнѣ хоть поцѣловать вашу ручку (*цѣлуетъ ея руку*). Прощайте, я надѣюсь принести вамъ добрыя вѣсти (*убѣгаетъ въ комнаты Лорда*).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

БЕТТИ И ЖОРЖЪ.

ЖОРЖЪ.

На силу то я васъ, миссъ, отыскалъ, что это съ вами сдѣлалось? вы плачете, и какъ вы сюда попали? Матушка ваша въ ужасномъ безпокойствѣ, не знаетъ что и думать... Докторъ васъ схватилъ въ карету, Богъ знаетъ куда повезъ... хозяинъ убѣжалъ съ какимъ-то франтомъ... весь домъ въ суетѣ, не знаютъ что и думать.

БЕТТИ.

Я теперь не въ силахъ пересказать тебѣ... послѣ... теперь поди, и успокой матушку.

ЖОРЖЪ.

Да гдѣ же самъ мой хозяинъ, куда онъ дѣвался?

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И БЕТТИ И ДОКТОРЪ.

БЕТТИ.

Докторъ! скажите мнѣ, гдѣ Яковъ, что съ нимъ?

ДОКТОРЪ.

Развѣ вы не знаете, миссъ, что онъ у своего отца.

БЕТТИ.

Такъ это правда? Но гдѣ же братъ его, другой сынъ Милорда?

ДОКТОРЪ.

Другой сынъ? я васъ не понимаю.

БЕТТИ.

Ну да Ричардъ.

ДОКТОРЪ.

Какъ? Развѣ вы его знаете, развѣ онъ живъ? (*хочетъ итти*).

БЕТТИ.

О, Бога ради не уговаривайте ни къ чему Якова, прошу васъ; если вы не знаете его намѣренія, то и не должны знать.

ДОКТОРЪ.

Какъ! не ужели? быть не можетъ; онъ вѣрно хочетъ отречься отъ своихъ жертвъ... это вы всему причиною... но вы за это отвѣчаете... вы этимъ его погубили.

БЕТТИ.

Что вы говорите, Докторъ?

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ЯКОВЪ.

ЯКОВЪ.

Кончено! любезный дядюшка! поздравьте меня!

ЖОРЖЪ.

Гдѣ тутъ его дядюшка! Э, да онъ совсѣмъ рехнулся, — жалко, хорошій мастеръ былъ.

ДОКТОРЪ.

Что такое кончено?

ЯКОВЪ.

Я ужъ отъ радости на-силу могу говорить... Вотъ прихожу я къ Лорду... только-что хочу говорить, вдругъ проклятая собачонка залаяла; я ее ударилъ... горе... Да я не помню по порядку... только я женюсь на Бетти, остаюсь портнымъ. Я предоставилъ моя права Ричарду... тотъ теперь сдѣланъ наслѣдникомъ Милорда и женится на Елеонорѣ, дай Богъ ему счастья. Жоржъ, мы съ тобой опять станемъ фраки шить. Бетти будетъ наша жена!..

ДОКТОРЪ.

Ты бредишь! Это не можетъ быть, Милордъ не можетъ измѣнить данному слову.

ЯКОВЪ.

Какъ, вы не вѣрите? Вотъ славно! Да вотъ сейчасъ придетъ сюда Ричардъ

спросите у него. Милордъ его обнялъ, назвалъ своимъ сыномъ; а меня обѣщалъ никогда не забывать и сдѣлать приданое для моей Бетти.

ДОКТОРЪ.

Глупецъ! и ты не жалѣешь потерянnаго счастья?

ЯКОВЪ, *указывая на Бетти.*

Счастья! да какого еще счастья? Вотъ моя радость, вотъ мое счастье.

ДОКТОРЪ.

И точно я затѣялъ глупость, хотѣлъ вывести въ люди Лиговскаго портнаго. Подѣломъ мнѣ и неудача.

—

ЯВЛЕНІЕ XIV и ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ И РИЧАРДЪ.

РИЧАРДЪ.

Мой братъ! мой благодѣтель.

ЯКОВЪ.

Теперь ты не имѣешь права называть меня безчестнымъ.

РИЧАРДЪ.

Я тебѣ обязанъ всѣмъ; но скажи, чѣмъ доказать тебѣ ту любовь, которую ты вполнѣ заслужилъ?

ЯКОВЪ.

Доказать это для тебя легко: заказывай у меня платье, а я съ величайшимъ удовольствіемъ отправлюсь на мою любезную Лиговку, и въ воскресенье же женюсь на Бетти.

РИЧАРДЪ.

Ты не портной, а ангелъ.

ВОДЕВИЛЬ.

ЯКОВЪ.

Право, малой я не гордой
И могу себя цѣнить;
Ну съ моей ли глупой мордой
Лордомъ Англіи мнѣ быть?
Жить привыкъ я очень просто...
Запасясь теперь женой,
И у Знаменскаго моста
Запируетъ вашъ портной!

(Къ публикѣ).

Шью я дешево, и честенъ,
Смѣло всѣмъ могу сказать.
Адресъ мой вамъ вѣдь извѣстенъ:
Просимъ насъ не забывать.

УЗКІЕ БАШМАКИ,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Переведенный съ Французскаго,

П. С. Ѳедоровымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Патро.
Жюльень.
Луиза.
Жервеза.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ Нормандіи.

Театръ представляетъ внутренность фермы.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЖЕРВЕЗА, *потомъ* ЛУИЗА.

ЖЕРВЕЗА.

Уфъ, какъ я устала... наконецъ моя Луиза почти совсѣмъ нарядилась; я ужъ думала, что этому никогда не будетъ конца... «Ахъ, сестрица! эта лента худо стянута... Ахъ, Жервеза, эта косынка совсѣмъ нейдетъ ко мнѣ...» то подай ей шолку, то подай булавку.,. такіе капризы, что изъ рукъ вонъ... Но если говорить правду, такъ мы, женщины, всѣ на одинъ покрой!...

Ужъ если мы начнемъ рядиться,
Такъ тутъ конца капризамъ нѣтъ:
Все не къ лицу, все не клеится,
То узко платье, то корсетъ...
А все причиною кокетство,
Намъ безъ кокетства трудно жить;
Въ немъ наше счастье, наши средства —
Мужчинъ прельщать, съ ума сводить,
Сердить, до свадьбы доводить
И за носъ наконецъ водить!

Признаюсь, въ мои лѣта пренесносно одѣвать невѣстъ къ вѣнцу... но, слава Богу, теперь я, кажется, совершенно отдѣлалась!

ЛУИЗА, *за кулисами.*

Жервеза! Жервеза!

ЖЕРВЕЗА.

Боже мой! что ей еще надобно?

ЛУИЗА, *также.*

Жервеза! да поди сюда!

ЖЕРВЕЗА.

Напрасно безпокоится!... хоть кричи три часа сряду, а я ужъ не тронусь съ мѣста...

ЛУИЗА, *входя.*

Помилуй, сестрица, развѣ ты не слышишь?

ЖЕРВЕЗА.

Слышу... да мнѣ было некогда?

ЛУИЗА.

Ахъ Боже мой! я рѣшительно потеряла всякое терпѣніе.

ЖЕРВЕЗА.

Не мудрено... ты сегодня выходишь за-мужъ, и выходишь по любви.

ЛУИЗА.

Неравно придетъ Жюльень, а я еще не готова... Переколи мнѣ, пожалуйста, этотъ букетъ.

ЖЕРВЕЗА.

Опять! да когда этому будетъ конецъ?

ЛУИЗА.

Поскорѣе, сдѣлай милость... что это какъ ты сегодня все копаешся...

ЖЕРВЕЗА.

Я вѣдь сегодня не выхожу за-мужъ!

ЛУИЗА.

А развѣ ты не радуешся моему счастію?... Кто жъ виноватъ, что ты сегодня не вѣнчаешься... мы условились выдти за-мужъ въ одинъ день... ты за башмашника Жана Патро, а я за Жюльеня... да ты сама же вздумала отложить свою сватьбу.

ЖЕРВЕЗА.

Ну ужъ этотъ Жанъ... я не хочу и торопиться...

ЛУИЗА.

А я такъ тороплюсь... я люблю Жюльеня, и онъ меня любитъ... (*съ крикомъ*). Ай, ай, ай!

ЖЕРВЕЗА.

Что съ тобою?

ЛУИЗА.

Помилуй, ты меня опять уколола...

ЖЕРВЕЗА.

Чтожъ за бѣда?... въ день сватьбы не стоитъ ва это обращать вниманія... надобно все переносить...

ЛУИЗА.

Вотъ мило! да что я, подушка что ли?... ты такъ въ меня и вкалываешь булавки... ну, кончила ли?

ЖЕРВЕЗА.

Готово...

ЛУИЗА.

Благодарствуй... Ахъ, да, я еще хотѣла тебя попросить объ одной вещи...

ЖЕРВЕЗА.

Еще? Боже мой, какая ты хлопотунья!

ЛУИЗА.

Еще бы я не хлопотала;
Когда вѣнчаюсь нынче я...

ЖЕРВЕЗА.

Тебѣ въ нарядахъ пользы мало,
Жюльенъ безъ нихъ влюбленъ въ тебя,
Ужь вѣрно красотой наряда
Не обольстится твой женихъ.

ЛУИЗА.

А нарядиться все мнѣ надо,
Не для него, такъ для другихъ...

ЖЕРВЕЗА.

Не нужно!...

ЛУИЗА.

Нѣтъ, извини, нужно... Я тебѣ, признаться, и такъ ужъ много благодарна... ты одолжила мнѣ и свою кружевную косынку, и свой кушакъ и золотой крестикъ...

ЖЕРВЕЗА.

Что за благодарность, перестань... ты мнѣ сама иногда услуживала... у насъ съ тобой одинъ ростъ, одна талія... твои платья какъ будто сшиты для меня...

ЛУИЗА.

И даже твои башмаки мнѣ въ самую пору... а у меня, къ несчастію, нѣтъ теперь ни одной пары, придется вѣнчаться въ этихъ несносныхъ деревяшкахъ.

ЖЕРВЕЗА.

Какъ же это ты раньше не подумала?...

ЛУИЗА.

До того ли мнѣ было? у меня поважнѣе были дѣла... башмаки вышли совсѣмъ у меня изъ головы.

ЖЕРВЕЗА.

А Жульенъ развѣ не могъ позаботиться... да правда, эти женихи въ день сватьбы только и думаютъ что о цвѣтахъ!...

ЛУИЗА.

Впрочемъ, бѣда еще не велика... еслибъ ты одолжила мнѣ свои...

ЖЕРВЕЗА.

Мои башмаки?... помилуй, да у меня самой только и есть одни, черные...

ЛУИЗА.

Боже мой! что за несчастіе? черные башмаки къ бѣлому платью... да я буду настоящая прачка... но дѣлать нечего... все-таки они лучше, чѣмъ мои деревяшки...

ЖЕРВЕЗА.

Возьми ихъ, пожалуй... только врядъ ли они будутъ тебѣ впору... ихъ шилъ этотъ несносный Патро... а ты знаешь...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Патро, съ свадебной корзинкой.

ПАТРО.

Кто спрашивалъ Патро?... Я здѣсь и, какъ изволите видѣть, расчесанъ, раздушенъ, въ новомъ платьѣ и съ свадебной корзинкой. Ее посылаетъ вамъ, прекрасная невѣста, вашъ женихъ, а мой камрадъ Жюльенъ...

Въ этой свадебной корзинкѣ
Есть помада и косынки,
Кружева и кушаки.
Мыло и чулки.
Тутъ наряды всѣ на свѣтѣ,
Только розы нѣтъ въ букетѣ,
Отъ того, что вамъ она
Вовсе не нужна.
Что вамъ въ розѣ, разсудите?
Только въ зеркало взгляните:
Какъ она, прекрасны вы
Съ ногъ до головы!

Луиза, разсматривая корзинку.

Ахъ, какая прелесть!

ПАТРО.

Да, вещички не дурны... жаль только, что Жюльенъ не послушался моихъ совѣтовъ...

ЛУИЗА.

А что такое?

ПАТРО.

А вотъ что: по моему мнѣнію, при вступленіи въ брачный союзъ, не должно вовсе заниматься какими нибудь игрушками и бездѣлушками... надобно только думать о своихъ пользахъ, о необходимомъ... а въ этой корзинкѣ все пустяки... вотъ еслибъ онъ, напримѣръ, по моему совѣту, наполнилъ ее башмаками, такъ было бы гораздо лучше... и какое разнообразіе: башмаки нанковые, башмаки козловые, башмаки сафьянные... а?...

ЖЕРВЕЗА.

Чудесный бы былъ подарокъ для невѣсты... вы, я думаю, другаго и не сдѣлаете...

ПАТРО.

О, моя корзинка будетъ чудо! во-первыхъ, въ ней приготовлю я двѣнадцать аршинъ фланели для моихъ фуфаекъ и для другихъ вещей... здоровье мужа, по моему, лучшій подарокъ для невѣсты... потомъ...

ЖЕРВЕЗА.

Безподобный подарокъ...

ПАТРО.

Потомъ...

ЖЕРВЕЗА.

Не открывайте, пожалуйста, заранѣе вашихъ сюрпризовъ...

ЛУИЗА.

Да гдѣ же Жюльенъ?

ПАТРО.

Жюльенъ хлопочетъ о своихъ нарядахъ... но не безпокойтесь: онъ сію минуту прилетитъ къ вамъ на крыльяхъ любви и желаній.

ЖЕРВЕЗА.

Да поставьте куда нибудь эту корзинку... стоите точно какъ оселъ съ коробомъ!...

ПАТРО.

Замѣчаніе остроумное! но куда жъ я ее поставлю?

ЖЕРВЕЗА.

Да хоть сюда, на столъ.

ПАТРО.

Пускай теперь наша Луиза разсмотритъ свои подарки... а я между тѣмъ поговорю съ вами.

ЖЕРВЕЗА.

О чемъ это?

ПАТРО.

Все объ одномъ и томъ же, я постоянъ...

ЖЕРВЕЗА.

Я увѣрена, что вы будете говорить мнѣ о нашей сватьбѣ?

ПАТРО.

Угадали! .. скажите, ради Бога, къ чему вы медлите, за что вы меня терзаете?... сватьба все равно, какъ лекарство... не мѣшкай, принимай разомъ...

ЖЕРВЕЗА.

Еще успѣемъ.

ПАТРО.

Успѣемъ! всегда одинъ отвѣтъ; разсудите, Жервеза, вѣдь если я женюсь на васъ, такъ у васъ будетъ защитникъ, покровитель... женщина безъ мужа все равно какъ башмакъ безъ подошвы.

ЛУИЗА, *разсматривая корзинку.*

Ахъ, сколько обновокъ!

ПАТРО.

Много обновокъ, да мало башмаковъ.

ЛУИЗА.

Ленты, перчатки, шкатулочка изъ краснаго сафьяна...

ПАТРО.

И какой отличный сафьянъ... чудесные бы вышли башмаки!...

ЛУИЗА, *съ радостью.*

Ахъ Боже мой, и башмаки!

ЖЕРВЕЗА.

Башмаки!

ЛУИЗА.

Бѣлые атласные.

ПАТРО.

И какой атласъ! какъ кожа!... я принудилъ его подарить вамъ хоть одну пару...

ЛУИЗА.

Ахъ, какой онъ милый, какой внимательный!... я въ восторгѣ!... а у меня только и не доставало бѣлыхъ башмаковъ...

Вотъ истинный сюрпризъ, ей-Богу!
Какъ мнѣ Жюльеня не любить!
Кто жъ на мою, скажите, ногу
Могъ башмаки безъ мѣрки сшить.

ПАТРО.

Ихъ сдѣлалъ я, по дружбѣ нашей;
Жюльень васъ любитъ до того,
Что даже мѣра ножки вашей
Осталась въ головѣ его!

ЛУИЗА.

Прелесть! (*Жервезѣ*). Посмотри, Жервеза.

ПАТРО.

Эти башмаки новаго моего изобрѣтенія.

ЖЕРВЕЗА.

Чтожъ вы это не выпросите себѣ привилегіи.

ПАТРО.

Мнѣ не разъ приходила эта мысль, да я выкинулъ ее изъ головы: тутъ нужно кланяться, сгибаться, а для истинныхъ талантовъ всякое униженіе слишкомъ низко... я гордъ, сударыня!

ЛУИЗА.

Вотъ Жюльень! вотъ Жюльень.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ЖЮЛЬЕНЬ.

ПАТРО.

Женихъ! женихъ!

ЖЮЛЬЕНЬ и ЛУИЗА, *вмѣстѣ.*

Совершились ожиданья!
Этотъ день насъ съединитъ...
И мечты и всѣ желанья
Счастьемъ оживитъ!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Луиза! я съ тобой на-вѣкъ соединюся

ЛУИЗА.

Я рада, а сама чего-то все боюся...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Чего боишся ты? насъ счастье, другъ мой, ждетъ!

ПАТРО, *тихо Жюльеню.*

Сегодня страшно ей, но завтра все пройдетъ!...

(*Жервезѣ*).

Пора бы ужъ и намъ, Жервеза, съединиться...

ЖЕРВЕЗА.

Когда нибудь рѣшусь...

ПАТРО.

Когда жъ?

ЖЕРВЕЗА.

Когда случится!

(*Особо*).

Хоть мнѣ завидно имъ, да чтоже торопиться:
Авось мнѣ жениха получше Богъ пошлетъ!

ПАТРО, *особо*.

Пожалуй, ей тогда придетъ капризъ рѣшиться,
Когда ужъ у меня охота вся пройдетъ!

ЛУИЗА.

Сегодня, наконецъ, союзъ нашъ совершится!
И къ счастію меня съ Жюльеномъ приведетъ!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Сегодня, наконецъ, союзъ нашъ совершится,
И къ счастію меня съ Луизой приведетъ!

ВМѢСТѢ.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Здорово, Патро; здравствуйте, Жервеза.

ЖЕРВЕЗА.

Здравствуйте, г. Жюльень!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Г. Жюльень! какая учтивость!... помилуйте, да я, много черезъ часъ, буду вашимъ братомъ...

ЖЕРВЕЗА.

Ахъ какъ я рада!... на силу-то все кончится...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Повѣрите ли, я сегодня точно какъ сумасшедшій: пою, смѣюсь... такъ веселъ, такъ веселъ, какъ никогда еще не бывалъ.

ЛУИЗА.

Милый Жюльень!

ПАТРО.

Счастливецъ!... ахъ, я бы самъ вотъ такъ и понѣжничалъ...

ЖЕРВЕЗА.

Погодите, не торопитесь.

ПАТРО.

Не торопитесь! хорошо вамъ, вы такіе холодные... а я... у меня въ сердцѣ градусовъ тридцать жару...

ЛУИЗА.

Да, Жюльень... я хочу еще тебя побранить.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Меня? за что?...

ЛУИЗА.

Не стыдно ли тебѣ дѣлать такія издержки... зачѣмъ ты прислалъ мнѣ такую богатую корзинку?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Перестань... я не могъ сдѣлать лучшаго употребленія изъ сбереженныхъ денегъ... и если только нравятся тебѣ мои подарки...

ЛУИЗА.

Можешь ли ты сомнѣваться... *Патро*. Неправдали, какой у него прекрасный вкусъ?

ПАТРО.

Все прекрасно, все безподобно... только жаль, что мало башмаковъ...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Ну, я васъ долженъ на минуту оставить...

ЛУИЗА.

Опять!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Мнѣ нужно еще кое-что приготовить... я мигомъ возвращусь...

ЛУИЗА.

А я между тѣмъ поправлю свой нарядъ и надѣну твои башмаки.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Прекрасно!... Патро, пойдемъ со мной...

ПАТРО.

Пойдемъ другъ... (*тихо Жюльеню*). Дорогою разопьемъ бутылочку... Въ день сватьбы не худо пошалить... (*въ слухъ*). Прощайте, прелестная моя невѣста.. впередъ, дорогой женишокъ!

ЖЮЛЬЕНЬ, *цѣлуя руку Луизы*.

До свиданія, моя Луиза.

ЛУИЗА.

Прощай, приходи же скорѣй.

ПАТРО, *Жервезѣ*.

Позвольте и мнѣ вашу ручку...

ЖЕРВЕЗА.

Послѣ...

ПАТРО.

Послѣ?... Боже мой! этому послѣ никогда не будетъ конца!... пойдемъ, другъ!

Уходитъ съ Жюльеномъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЖЕРВЕЗА И ЛУИЗА.

ЛУИЗА.

Теперь я могу надѣть эти башмаки...

ЖЕРВЕЗА.

Мнѣ кажется, что они тебѣ будутъ не впору.

ЛУИЗА.

Вотъ выдумала!...

ЖЕРВЕЗА.

Право... они очень малы...

ЛУИЗА.

Извините... (*садится*). Напротивъ мнѣ кажется, они еще мнѣ велики... Нѣтъ ли у тебя рожка?...

ЖЕРВЕЗА.

Зачѣмъ это?... вѣдь башмаки тебѣ велики.

ЛУИЗА, *надѣвая башмаки.*

Конечно велики. . я и такъ ихъ надѣну. (*Съ трудомъ надѣваетъ одинъ башмакъ и топаетъ ногой*).

ЖЕРВЕЗА.

Что это? да ты не можешь ихъ надѣть?

ЛУИЗА.

Какъ не могу?... развѣ ты не видишь?... новые башмаки, такъ не мудрено, что не вдругъ войдутъ... да и атласъ такой жесткой, вовсе не растягивается... вотъ и другой сейчасъ надѣну... (*надѣвая*). Странно, правая нога всегда больше лѣвой... а у меня какъ будто и ноги сегодня немного распухли...

ЖЕРВЕЗА.

Смотри, Луиза, не жмутъ ли они тебѣ ногъ... возьми лучше мои черные.

ЛУИЗА.

Нѣтъ, благодарствуй... (*надѣваетъ башмакъ*). Ну, вотъ, и совсѣмъ, (*встаетъ и съ трудомъ ходитъ*). Да они препросторные...

ЖЕРВЕЗА.

Помилуй, ты ходишь какъ хромая...

ЛУИЗА.

Хромая? я?... вотъ еще новости... да я что тебѣ угодно въ нихъ протанцую. — Посмотри... (*Дѣлаетъ прыжки и съ крикомъ падаетъ*).

ЖЕРВЕЗА, *хохочетъ.*

Прекрасно! безподобно!.,. (*въ сторону*). Она чуть не плачетъ отъ боли...

(*уходитъ смѣясь*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛУИЗА, *одна.*

Боже мой! какъ больно.. Еще бы мнѣ признаться Жервезѣ... Нѣтъ, пускай буду я страдать, а ужь не скажу и не сниму этихъ башмаковъ... ой... надобно походить... можетъ быть, разносятся... Боже мой! да они коротки .. Ахъ этотъ Патро! Ну, что онъ за башмачникъ... не можетъ порядочно сшить башмаковъ... негодяй... уродъ!... Ахъ, какъ больно! я ни за что въ свѣтѣ не сниму... увидитъ Жервеза, такъ мигомъ разнесетъ по всей деревнѣ... а наша братья, дѣвушки, презавидливый народъ, особливо на ногу...

Имъ слова одного довольно,
Ужь тутъ всего наговорятъ...
Ахъ Боже мой! какъ жмутъ, какъ больно,
И ноютъ ноги и горятъ...!
Имъ правду только-что скажите,
Всѣ скажутъ: велика нога!
А велика ль она, взгляните?...
Нѣтъ не скажу, ужъ какъ хотите,
Мнѣ слава очень дорога!...
Во мнѣ терпѣнія не мало...
Ахъ, что за боль въ моихъ ногахъ!...
Я и Жюльену обѣщала
Вѣнчаться въ бѣлыхъ башмакахъ.
Ужъ я не выйду изъ терпѣнья:
Мнѣ слава очень дорога;
Я лучше вытерплю мученья,
Чѣмъ вовлеку его въ сомнѣнье,
Что велика моя нога!...

Боже мой, какая боль!.., сердце такъ и бьется... (*топаетъ ногами*). Да это такое мученье, какого я еще никогда не чувствовала... Боже мой!... Боже мой!... (*Падаетъ на стулъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛУИЗА И ЖЮЛЬЕНЬ.

ЖЮЛЬЕНЬ, *въ сторону.*

Она одна... и вѣрно думаетъ обо мнѣ... (*тихо подкрадывается къ Луизѣ и цѣлуетъ ее*).

ЛУИЗА, *вскакивая отъ боли.*

Ахъ?.. (*увидя Жюльена*). Это вы?...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Видишь, какъ я скоро отдѣлался... за то какъ ужь и сюда бѣжалъ... но что съ тобою, Луиза?

ЛУИЗА.

Ничего... еще бы вы меня испугали...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я испугалъ?

ЛУИЗА.

Да-съ... выдумали какія-то глупости... вздумали подкрадываться... ужь вы не шпіонить ли сюда пришли?...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Что это значитъ? вы, шпіонить?... что съ тобой, Луиза? ты не въ духѣ...

ЛУИЗА.

Еще смѣете цѣловать!... надоѣли!... у васъ на умѣ одни только ребячества... да-съ... (*въ сторону*). Господи! я съ ума сойду!

ЖЮЛЬЕНЬ.

У васъ, Луиза, бываютъ иногда такіе капризы.

ЛУИЗА.

Вамъ они непріятны?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Да-съ...

ЛУИЗА.

Вы сердитесь... ахъ, извините...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не я, а вы сердитесь... и за что, не знаю...

ЛУИЗА.

Боже мой! да чтожъ я, по вашему, злая, что ли, какая... вы, пожалуй, скажете, что у меня и дурной характеръ, что со мной и жить нельзя...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я этого не говорю... но вы меня такъ приняли...

ЛУИЗА.

Не извольте безпокоиться... я не хочу.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не хотите?... а я... Боже мой! я бѣжалъ сюда съ такой радостью, съ такими надеждами...

ЛУИЗА.

А сами изволите корчить такія рожицы... вы сами что-то не въ-духѣ...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Ну, хорошо, пускай я буду виноватъ... Если угодно, — я дѣйствительно корчу рожи... если угодно, — я точно не въ-духѣ...

ЛУИЗА.

Вотъ видите!... позвольте же узнать: что это васъ такъ растревожило?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Боже мой... да вы еще не кончили...

ЛУИЗА.

Кажется, ужь я вамъ надоѣла...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Луиза!... но если ты...

ЛУИЗА.

Вотъ у васъ тутъ явились какіе-то но... да, я вамъ надоѣла... я вижу ясно... (*въ сторону*). О несносные башмаки!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Луиза! Ради самого Бога, скажи мнѣ за что ты сердишься?

ЛУИЗА.

Вы опять пристаете!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я увѣренъ, что у тебя есть что нибудь на сердцѣ... Ты совсѣмъ другая...

ЛУИЗА.

Да отвяжитесь...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Или тебя огорчили, или ты нездорова...

ЛУИЗА.

Вздоръ! я здорова, я здорова!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Посмотри, у тебя на глазахъ слезы...

ЛУИЗА.

Какое мученье!... да-съ, у меня слезы, я плачу отъ досады, я плачу отъ васъ... вы смѣетесь надо мной... вы меня рѣшились измучить...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я? Луиза!... Луиза!

ЛУИЗА.

Оставьте меня, убирайтесь!

(*садится къ нему спиной.*)

ЖЮЛЬЕНЬ, *съ досадою.*

Такъ я обманулся... вы, просто, изволите капризничать...

ЛУИЗА.

Я капризничаю?... нѣтъ, ужъ это черезъ чуръ... я этого не въ состояніи перенесть...

(*встаетъ съ гнѣвомъ*). Послушайте!... Ай!... Вы невѣжа... вы грубіянъ!...

ЖЮЛЬЕНЬ.

А! вы ужъ и бранитесь... Признаюсь, не очень-то пріятно слышать жениху такія нѣжности въ день сватьбы.

ЛУИЗА.

О! эта сватьба, быть можетъ, еще и не состоится... и слава Богу...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Что такое?

ЛУИЗА.

Мой мужъ долженъ быть любезенъ, учтивъ... а вы...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Луиза!

ЛУИЗА.

Слава Богу, у меня найдутся получше васъ женихи... (*въ сторону*). Нѣтъ, я не въ силахъ болѣе терпѣть... (*убѣгаетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЖЮЛЬЕНЬ, *потомъ* ПАТРО.

ЖЮЛЬЕНЬ, *одинъ*.

Это ужасно, это нестерпимо!... кто слышалъ подобныя вещи? а я еще считалъ ее такою доброю, такою скромною... вотъ послѣ этого узнавай женщинъ!... непонятныя существа! особливо дѣвушки!...

Какъ ни дѣйствуй осторожно,
Какъ за ними ни смотри,
Но узнать ихъ невозможно
Даже года въ два и въ три.
На словахъ онѣ ласкаютъ,
И прекрасны по лицу,
Что жъ въ душѣ своей скрываютъ —
Не узнать и мудрецу!
Стоитъ имъ вамъ приглянуться,
Такъ поддѣнутъ мигомъ васъ,
И въ любви вамъ поклянутся
И съ ума сведутъ какъ разъ.
Ихъ любить — избави Боже!
Клятвы всѣ игрушки ихъ:
Скажутъ вамъ люблю, да то же
Завтра скажутъ и другимъ!

И Луиза, Луиза меня обманула!... Кончено!.. она думаетъ, что я помирюсь съ ней, нѣтъ, ужъ этому не бывать!

ПАТРО, *входя*.

Все готово, милый другъ, пойдемте.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Идти? куда? зачѣмъ?

ПАТРО.

Куда? зачѣмъ? обыкновенно зачѣмъ: вѣнчаться...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Вѣнчаться?

ПАТРО.

Ну, да... а послѣ и на пиръ къ тебѣ... тамъ ожидаютъ насъ удивительныя утки и преупоительное вино...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я не пойду...

ПАТРО.

Что?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Все кончено! ни сватьбы, ни пира не будетъ.

ПАТРО.

Не будетъ пира? Да въ умѣ ли ты?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я поссорился съ Луизой... ссора была ужасная!...

ПАТРО.

Такъ только-то... о, да я васъ помирю.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Ни за что не помирюсь.

ПАТРО.

Помиришься, готовъ объ закладъ...

Когда Луиза, братъ, тебя
Поцѣловать разъ пять рѣшится,
Такъ ты же обвинишь себя,
И ссора ваша прекратится.
Нашъ братъ для женщинъ не гроза,
Онѣ поладятъ хоть съ тираномъ:
Ихъ ручки, губки, да глаза
И волка сдѣлаютъ барономъ.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Покорнѣйше благодарю, я не намѣренъ быть барономъ... довольно того, что меня назвали и невѣжей и грубіяномъ...

ПАТРО.

Не ужели!... о, да ужъ это не шутки?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Рѣшительный разрывъ!... она еще до сватьбы вздумала-было повелѣвать мною...

ПАТРО.

У, братъ! такъ не мирись...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Да нѣтъ, не на такого напала... а я еще ее такъ любилъ...

ПАТРО.

Знаю, ты любилъ какъ я.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Больно, горько... а ужь не помирюсь...

ПАТРО.

Не мирись... будь мужественъ, подлержи нашу славу!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не помирюсь.. хоть она расплачься...

ПАТРО.

Слезы!... о, братъ, вотъ это преопасная статья! женскія слезы погибель нашему брату!

Когда ихъ ласки, иль угрозы
Разжалобить не могутъ насъ,
Тогда онѣ тотчасъ же въ слезы,
И насъ разжалобятъ какъ разъ.
Смотри, Жюльень, остерегися,
Тебѣ, дружокъ, грозитъ бѣда!
Какъ рыбка въ сѣть не попадися:
У женщинъ слезы не вода,
А невода!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не бойся, я вооружусь твердостью... О Луиза о, жестокая Луиза!

ПАТРО.

Да и что ты потеряешь? Развѣ только нашъ обѣдъ?... Да и онъ не пропадетъ: мы отпируемъ съ тобой вдвоемъ.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Одно меня мучитъ: что будутъ говорить въ деревнѣ?...

ПАТРО.

О, на это нечего смотрѣть... пусть говорятъ, что хотятъ. Утѣшься, не горюй... Теперь ты свободный человѣкъ, и я, какъ башмачникъ, найду тебѣ обувь совершенно по твоей ногѣ... Постой, да женись, напримѣръ, хоть на Терезѣ Робишонъ... она свободна, 17-ти лѣтъ и говоритъ, была влюблена не болѣе пяти разъ... дѣвушка отличная!... хочешь, я съ ней переговорю...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не нужно...

ПАТРО.

Ну, такъ пользуйся свободой!... холостая жизнь лучше всего въ мірѣ... я бы и самъ остался холостякомъ, да эта Жервеза...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Съ этой минуты я сюда ни ногой!... О Луиза!... Прощай, Патро!

ПАТРО.

Прощай, несчастный другъ! прощай, отставной женихъ!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Хоть умру, а ужь сюда ни ногой!...

(*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАТРО И ЖЕРВЕЗА.

ПАТРО.

Она! она! она!...

ЖЕРВЕЗА.

А гдѣ Жюльень?

ПАТРО.

Сію минуту ушелъ отсюда... въ досадѣ, горести, въ-сердцахъ...

ЖЕРВЕЗА.

Въ-сердцахъ?... ужь не побранился ли онъ съ вами?...

ПАТРО.

Со мной? сохрани Боже! нѣтъ-съ, хуже... онъ побранился съ Луизой.

ЖЕРВЕЗА.

Съ Луизой!

ПАТРО.

Да, на всю жизнь разсорился... все кончено: въ сердцѣ его нѣтъ уже и слѣда любви...

ЖЕРВЕЗА.

Полноте, не ошибаетесь ли вы?

ПАТРО.

Ни сколько не ошибаюсь... увѣренъ въ этомъ, какъ въ любви своей къ вамъ, прелестный мой ангелъ!

ЖЕРВЕЗА.

Кто вамъ сказалъ?

ПАТРО.

Самъ Жюльень, собственнымъ языкомъ!

ЖЕРВЕЗА.

Это удивительно!

ПАТРО.

Такъ удивительно, что я до сихъ поръ не могу еще опомниться отъ удивленія!.. И Луиза... и Жюльень могли поссориться!... Они, видно, немы: вы, Жервеза, не измѣнины въ чувствахъ... а про меня и говорить нечего... наша любовь связана неразрывнымъ, двойнымъ швомъ...

ЖЕРВЕЗА, *размышляя.*

Побранились!... невѣроятно!

ПАТРО.

Невѣроятно!...

ЖЕРВЕЗА.

Да вы ужъ не прибавили ли?

ПАТРО.

Ни полъ-слова.

ЖЕРВЕЗА.

Я увѣрена, они помирятся...

ПАТРО.

Ни за что въ свѣтѣ... Жюльень сюда ужь не возвратится... ни чѣмъ ужь его не заманишь...

ЖЕРВЕЗА.

Неужели!...

ПАТРО.

Голову отдамъ на отсѣченіе...

ЖЮЛЬЕНЬ, *показывается въ дверяхъ.*

ЖЕРВЕЗА.

Ну, такъ пропала же ваша голова... посмотрите, онъ сюда не возвратится... бѣдняжка! какой онъ печальный!

ПАТРО.

Въ самомъ дѣлѣ онъ!...

ЖЕРВЕЗА.

Оставьте насъ однихъ... можетъ быть, я его уговорю...

ПАТРО.

Лучше давайте вмѣстѣ уговаривать...

ЖЕРВЕЗА.

Не нужно, это не ваше дѣло... женщина въ этихъ случаяхъ во сто разъ сильнѣе мужчины... подите же отсюда, говорятъ вамъ.

ПАТРО.

Ну, не сердитесь... иду, иду... только, пожалуйста, не будьте съ нимъ строги... *Жюльену.* Смотри, братъ, тебя хотятъ помирить!... берегись!...

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЖЕРВЕЗА И ЖЮЛЬЕНЬ.

ЖЕРВЕЗА, *въ сторону.*

Бѣдняжка! какъ онъ жалокъ! (*Громко.*) Вы молчите, Жюльень... вы вѣрно пришли просить прощенія у Луизы?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Просить прощенія? мнѣ?... нѣтъ, никогда! я ни сколько не виноватъ...

ЖЕРВЕЗА.

Но за что она съ вами побранилась?...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я и самъ не знаю!

ЖЕРВЕЗА.

Странно!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я пришелъ сюда такъ веселъ, такъ счастливъ... Луиза сидѣла вотъ на этомъ стулѣ... мнѣ захотѣлось съ ней пошалить, я подкрался къ ней, поцѣловалъ... а она разсердилась!...

ЖЕРВЕЗА.

За поцѣлуй?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Да, за одинъ только поцѣлуй... и наговорила мнѣ такихъ вещей, какихъ я никогда еще не слыхивалъ ни отъ одной дѣвушки...

ЖЕРВЕЗА.

А вы еще всегда за нее заступались... вы считали ее совершеніой овечкой... да не наговорили ли и вы ей какихъ нибудь грубостей...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Напротивъ, я былъ съ ней чрезвычайно ласковъ... старался ее успокоить, уговорить, — но она и слушать не хотѣла.

ЖЕРВЕЗА.

Какая же она капризная!... хоть я и сестра ей, а должна признаться, что и мнѣ приходилось иногда много терпѣть отъ нее... Такъ вспыльчива...

ЖЮЛЬЕНЪ.

Ужасно!

ЖЕРВЕЗА.

Что захочетъ, такъ непремѣнно поставитъ на своемъ... ее избаловали въ дѣтствѣ... вотъ я-такъ воспитана въ чрезвычайной строгости...

ЖЮЛЬЕНЪ.

За то вы добры... счастливъ мужъ, который будетъ обладать вами!

ЖЕРВЕЗА.

О, если у меня будетъ мужъ милой, любезный... я буду его любить, нѣжить, исполнять все, чего бы онъ ни пожелалъ.

ЖЮЛЬЕНЪ.

Какая разница съ Луизой!

ЖЕРВЕЗА.

Буду о немъ заботиться болѣе чѣмъ о себѣ... ужъ никогда не разсержу его... а еслибъ онъ когда нибудь разсердился, я его успокою ласками...

ЖЮЛЬЕНЪ.

Вотъ жена! вотъ истинная жена!... Такъ вы думаете, Жервеза, что виновата Луиза?

ЖЕРВЕЗА.

Я не говорю этого... Луиза бываетъ иногда очень добра.

ЖЮЛЬЕНЪ.

Она еще хочетъ ее оправдать!... вотъ добрая душа... Но еслибъ Луиза захотѣла, такъ сейчасъ бы могла помириться со мной... она бы могла придти сюда...

ЖЕРВЕЗА.

Нѣтъ, извините... въ этомъ случаѣ сестрица моя слишкомъ горда... вотъ, еслибъ я была на ея мѣстѣ.

ЖЮЛЬЕНЪ.

Чтожъ бы вы сдѣлали?

ЖЕРВЕЗА.

Я давно бы ужь попросила у васъ прощенія... но не всѣ характеры одинаковы.

ЖЮЛЬЕНЪ.

Конечно. Я удивляюсь только одному: какъ могъ влюбиться въ Луизу?

ЖЕРВЕЗА.

Вы это говорите теперь отъ досады...

ЖЮЛЬЕНЪ.

О, нѣтъ... теперь я начинаю постигать всю истину... Луиза, просто, кокетка.

ЖЕРВЕЗА.

Можетъ быть... но она хороша собой.

ЖЮЛЬЕНЪ.

Съ этимъ я не спорю... однако жъ есть многія не хуже ея, даже гораздо лучше... и не далеко отсюда... очень не далеко...

ЖЕРВЕЗА, *въ сторону.*

Какъ онъ на меня смотритъ... *(въ слухъ).* Вы на нее сердиты, такъ не мудрено, что говорите...

ЖЮЛЬЕНЪ.

О, нѣтъ, Жервеза, нѣтъ... и еслибъ я смѣлъ вамъ сказать...

ЖЕРВЕЗА.

Что такое? говорите!..

ЖЮЛЬЕНЪ.

Жервеза!.. Теперь я не слѣпъ... теперь я узналъ всю разницу вашего характера, и характера Луизы... вы добры, скромны... она капризна, несноспа... Я рѣшителенъ, Жервеза... теперь я ненавижу Луизу... я люблю васъ, васъ, Жервеза... и если вы согласитесь быть моей женой...

ЖЕРВЕЗА.

Вашей женой!.. Но подумайте, Жюльенъ... что скажетъ Луиза... она такъ дружна со мной...

ЖЮЛЬЕНЪ.

Луиза меня отвергла... она первая разорвала всѣ узы, которыя меня связывали съ нею.

ЖЕРВЕЗА.

Первая?.. и вы не лжете?

ЖЮЛЬЕНЪ.

Клянусь Богомъ... она первая пожелала уничтожить нашъ бракъ, безъ этого мы не могли бы и поссориться...

ЖЕРВЕЗА.

О, такъ вы теперь свободны?..

ЖЮЛЬЕНЪ.

Рѣшите же мою участь.

ЖЕРВЕЗА.

Теперь вы свободны, и вамъ безъ сомнѣнья
Другую невѣсту не трудно сыскать.

ЖЮЛЬЕНЪ.

Теперь я свободенъ и ей въ отомщенье
Должны вы, Жервеза, мнѣ руку отдать.
Рѣшитесь скорѣе, чего намъ бояться?
Вы будете въ счастьи и въ радости жить!

ЖЕРВЕЗА.

Я васъ уважаю, люблю — и признаться,
Готова Луизъ за васъ отплатить!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Такъ вы согласны?..

ЖЕРВЕЗА.

Не знаю, право... дайте мнѣ подумать...

ЖЮЛЬЕНЬ.

О, нѣтъ, рѣшите теперь же... свадебный контрактъ готовъ... въ немъ не написано только именъ... позвольте же мнѣ, вмѣсто имени Луизы, написать имя Жервезы, доброй, милой, несравненной Жервезы... и все будетъ кончено.

ЖЕРВЕЗА.

Но къ чему такая поспѣшность?..

ЖЮЛЬЕНЬ.

Одно только слово — и я бѣгу..

ЖЕРВЕЗА.

Если ужъ хотите непремѣнно... извольте... я согласна!..

ЖЮЛЬЕНЬ.

О Жервеза!.. *(въ сторону)* Я, можетъ быть, буду несчастнѣйшимъ мужемъ... но все равно... я отомщу Луизѣ... этого мнѣ довольно *(въ слухъ)*. До свиданія, до радостнаго свиданія, моя несцѣненная, милая Жервеза *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЖЕРВЕЗА, потомъ Луиза.

ЖЕРВЕЗА *одна*.

Боже мой! Не сонъ ли это? я буду женой Жюльена?.. Онъ все-таки лучше чѣмъ этотъ глупой Патро... онъ писарь нотаріуса... все-таки поважнѣе чѣмъ какой-нибудь башмашникъ... Но я тутъ толкую, а между-тѣмъ мнѣ надобно одѣваться... Пойду же скорѣе... *(хочетъ уйти, и встрѣчается съ Луизой. Она въ простомъ платьѣ, и въ деревянныхъ башмакахъ.*

ЛУИЗА, *входя, въ сторону.*

Слава Богу! наконецъ я избавилась отъ этихъ несносныхъ башмаковъ... Теперь я вижу, что очень дурно поступила съ Жюльеномъ... я его понапрасну обидѣла... Не знаю, что и дѣлать... *(въ слухъ)*. Жервеза! я хочу съ тобой по-совѣтоваться.

ЖЕРВЕЗА.

Со мной? о чемъ это?

ЛУИЗА.

Ты вѣрно ужъ знаешь, что мы побранились съ Жюльеномъ?

ЖЕРВЕЗА.

Знаю... и, кажется, любовь его къ тебѣ не очень-то была постоянна.

ЛУИЗА.

Почему ты это думаешь?

ЖЕРВЕЗА.

Потому, что послѣ первой ссоры съ тобою, онъ уже изволилъ найти себѣ другую невѣсту...

ЛУИЗА.

Другую!.. Но ктожъ эта невѣста?.. кто эта невѣста?

ЖЕРВЕЗА.

Ахъ, сестрица, я боюсь тебя огорчить... но не правда ли, вѣдь ты его больше не любишь?..

ЛУИЗА.

Конечно не люблю... Кто жъ эта невѣста?

ЖЕРВЕЗА.

Если бъ я не была въ этомъ увѣрена, то ни за что бы не согласилась...

ЛУИЗА.

Боже мой! Такъ это ты!.. Какъ это я не догадалась!.. Невѣрному жениху некого больше и выбрать.. когдажъ ваша свадьба?

ЖЕРВЕЗА.

Сегодня.

ЛУИЗА, *въ сторону.*

Какая мысль!.. *(въ слухъ)* Вѣдь у тебя нѣтъ подвѣнечнаго платья... изволь же я докажу тебѣ, что безъ всякаго сожалѣнія разстаюсь съ Жюльеномъ... возьми мое платье, мой букетъ, возьми все, даже бѣлые башмаки...

ЖЕРВЕЗА.

Какая ты милая!..

ЛУИЗА.

Поди, ты все найдешь въ моей комнатѣ... одѣнься же скорѣе.

ЖЕРВЕЗА.

Сію минуту!.. Благодарствуй, добрая се-

стрица... (*въ сторону*). Она притворяется... я увѣрена, что ей очень досадно...

(*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛУИЗА, *одна.*

Поди, поди... надѣнь эти нестерпимые башмаки... увидимъ, какъ ты тогда заговоришь съ своимъ женихомъ!..

Нѣтъ, ужъ проку не бывать
Въ этихъ узкихъ башмакахъ,
Въ нихъ Жюльена удержать
Трудно ей въ своихъ рукахъ!
Пусть она надѣнетъ ихъ:
Ужъ навѣрно нашъ женихъ
Разбранится съ ней самой
Какъ со мной!
Нѣтъ, со мной нельзя хитрить:
Мнѣ хотѣли измѣнить, —
Я должна имъ отплатить.
Я увѣрена, что онъ
Все въ меня еще влюбленъ!
Ужъ кому понравлюсь я,
Тотъ не броситъ въ вѣкъ меня!...

Да, да, никогда ни одинъ обожатель не броситъ меня.

Нѣтъ, Жервеза, трудно вамъ
Отбивать его у насъ,
Онъ сознается и самъ,
Что во всемъ я лучше васъ.
Вы, конечно, хороши, —
Но у васъ нѣтъ той души,
Нѣтъ огня,
Какъ у меня...
Вамъ угодно хитрой быть, —
Но со мной нельзя хитрить;
Вамъ Жульена не отбить:
Ужъ кому понравлюсь я,
Тотъ не броситъ въ вѣкъ меня!

А! вотъ и несчастный Патро!.. Боже мой! что будетъ съ нимъ, когда онъ узнаетъ наши новости.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЛУИЗА и ПАТРО.

ПАТРО, *входя поетъ.*

Я люблю ее два года,
Безъ надежды, безъ ума...

ЛУИЗА.

Какъ вы веселы, Патро!

ПАТРО.

Отъ чего жъ мнѣ и скучать... А гдѣ Жервеза?

ЛУИЗА.

Одѣвается.

ПАТРО.

Одѣвается? Стало, свадьба состоится?

ЛУИЗА.

Состоится, только не моя...

ПАТРО.

Не ваша? Такъ чья же?

ЛУИЗА.

Жюльенъ женится на Жервезѣ...

ПАТРО.

На Жервезѣ!.. Не можетъ быть... не вѣрю... не вѣрю!..

ЛУИЗА.

Пожалуй не вѣрьте... сами увидите.

ПАТРО.

Нѣтъ! это безчестно! это безчеловѣчно... я уничтоженъ!.. я убитъ!.. Поддержите меня—или я упаду...

ЛУИЗА.

Полноте, будте разсудительны...

ПАТРО.

Подвиньте мнѣ стулъ... я не чувствую подъ собою ногъ... подвиньте стулъ — я упаду!..

ЛУИЗА.

Патро, опомнитесь!

ПАТРО.

Патро не существуетъ болѣе... Его сгубила вѣроломная Жервеза!

ЛУИЗА.

Перестаньте, вспомните, вы мужчина... будьте мужественны...

ПАТРО.

Дайте мнѣ воды... въ моей груди адъ!.. я горю!.. О, зачѣмъ нѣтъ со мною моего друга, моего остраго шила!.. было бы ужасное убійство!

ЛУИЗА.

О Боже! и вы можете думать!..

ПАТРО.

А я еще старался такъ понравиться ей!.. Я сшилъ ей такую пару башмаковъ, какой еще не шилъ ни одинъ башмачникъ съ со-

творенія міра... и она такъ со мною поступила!...

ЛУИЗА.

Она вѣтренница!..

ПАТРО.

Пускай вѣтренница; это не помѣшало бы мнѣ на ней жениться...

Зачѣмъ же ей мѣнять меня?
Какая этому причина?
Чѣмъ не хорошъ, чѣмъ дуренъ я?
Во всемъ, какъ слѣдуетъ, мужчина!
Она не знаетъ мнѣ цѣны...
Ей должно бъ быть моей женою:
Я только для одной жены
Свои достоинства открою!

ЛУИЗА.

Она недостойна васъ...

ПАТРО.

Пускай недостойна... но зачѣмъ измѣнять!.. это ужасно безчеловѣчно... Я увѣренъ, что сегодня у меня пойдетъ изъ носа кровь!..

ЛУИЗА.

Успокойтесь...

ПАТРО.

Непремѣнно пойдетъ... да и пускай идетъ... пускай будетъ у меня насморкъ... пусть убьетъ меня параличъ...

ЛУИЗА.

Боже мой! вамъ надобно помочь...

ПАТРО.

Нѣтъ, я не хочу пособій... пускай меня убьетъ параличъ... я приду умереть къ ея дверямъ, какъ какое нибудь несчастное животное.. пускай она увидитъ мою смерть!... О безчеловѣчная, недостойная Жервеза!

ЛУИЗА.

Боже мой! я боюсь, вы сойдете съ ума!

ПАТРО.

Непремѣнно сойду... не хочу умирать!... сойду съ ума!... отпущу длинные волосы, огромные бакенбарды, козлиную бороду... поблѣднѣю какъ мертвецъ, исхудаю какъ спичка: не буду ни ѣсть, ни пить цѣлую недѣлю... глаза мои впадутъ, носъ вытянется... и тогда-то, тогда явлюсь я какъ привидѣніе къ Луизѣ, тогда я скажу ей: смотри! я исхудалъ по твоей милости! я страдаю, я умираю... я хочу ѣсть... я не шью болѣе башмаковъ... и это все ты, ты причиною... о, ужасно, безчеловѣчно!

ЛУИЗА.

Тише... вотъ, кажется, идетъ Жюльенъ!...

ПАТРО.

Жюльенъ!.., пускай идетъ... гдѣ онъ? ха, ха, ха!... посмотримъ, кто изъ насъ сильнѣе... Сюда ужасный соперникъ!... сюда, злодѣй!...

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ, ЖЮЛЬЕНЪ.

ЖЮЛЬЕНЪ. *Луизѣ.*

Извините.. я не васъ хотѣлъ видѣть.

ПАТРО, *въ сторону.*

Крокодилъ! хамелеонъ!

ЛУИЗА.

Я знаю, что не меня... вамъ угодно видѣть мою сестру Жервезу... вы на ней женитесь...

ЖЮЛЬЕНЪ.

Да, сударыня, женюсь... вы сами давича изволили сказать, что я свободенъ.

ЛУИЗА.

Чтожъ, я за это на васъ и не сержусь, вы вольны въ своемъ выборѣ... я только бы желала, чтобъ вы позабыли все, что давича произошло между нами... останемтесь навсегда друзьями...

ЖЮЛЬЕНЪ, *въ сторону.*

Боже мой! какая перемѣна!

ПАТРО, *въ сторону.*

Вотъ добрая-то душа! онъ ей измѣнилъ, а она и не сердится... (*вслухъ*). Вы добрѣйшая душа, Луиза!

ЛУИЗА.

Жервеза вполнѣ достойна вашей любви, она мила, добра...

ПАТРО, *въ сторону.*

Ложь, чистая ложь!

ЛУИЗА.

Скромна, любезна, чувствительна.

ПАТРО, *въ сторону.*

Да ужъ черезъ-чуръ чувствительна!...

ЛУИЗА.

Я увѣрена, что вы будете съ ней счастливы... и дай Богъ!

ЖЮЛЬЕНЬ, *съ волненіемъ.*

Да-съ, я буду съ ней счастливъ... очень буду счастливъ.

ПАТРО, *въ сторону.*

Ступай, злодѣй! ступай въ омутъ головою!... но ужъ не ожидай моего благословенія!...

ЛУИЗА.

Вотъ она... оставляю васъ съ ней... будте счастливы, мой другъ... прощайте!...

ПАТРО, *въ сторону.*

Не могу видѣть этой измѣнницы... пойду куда глаза глядятъ!...

Патро и Луиза уходятъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЖЮЛЬЕНЬ, *потомъ* ЖЕРВЕЗА.

ЖЮЛЬЕНЬ, *смотря въ слѣдъ Луизѣ.*

Не понимаю, что со мной дѣлается?... такая перемѣна!... о, зачѣмъ я обѣщалъ Жервезѣ...

ЖЕРВЕЗА, *входитъ прихрамывая; на ней платье и башмаки Луизы; въ сторону.*

Эти несносные башмаки такъ сжали мнѣ ноги, что я едва дышу... хожу точно какъ хромая... постараюсь скрыть отъ него... а то онъ подумаетъ, что у меня ноги больше, чѣмъ у Луизы...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Какъ вы скоро переодѣлись, Жервеза!

ЖЕРВЕЗА.

Скоро?... мнѣ кажется, что безъ меня вамъ время кажется короче...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я не то хотѣлъ сказать.

ЖЕРВЕЗА, *перемѣняя тонъ.*

Да и какъ не летѣть времени, когда находимся въ такомъ пріятномъ обществѣ...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Въ пріятномъ обществѣ?...

ЖЕРВЕЗА.

Да-съ, вы были здѣсь съ Луизой...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Она не одна была со мной,... здѣсь былъ Патро...

ЖЕРВЕЗА.

Нельзя ли узнать, о чѣмъ это вы такъ нѣжно изволили разговаривать?...

ЖЮЛЬЕНЬ.

О такихъ вещахъ, которыя меня чрезвычайно удивили.

ЖЕРВЕЗА.

Удивили?... (*въ сторону*); Боже мой! что за нестерпимая боль!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я думалъ, что она встрѣтитъ меня холодно... будетъ дѣлать мнѣ упреки... и какъ же я ошибся: она приняла меня такъ мило, такъ ласково...

ЖЕРВЕЗА.

Ахъ, Боже мой, какія нѣжности!...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Вы, кажется, сердитесь... но не подумайте, чтобъ я ее хвалилъ... я только удивляюсь, что она такъ скоро можетъ измѣняться... какая разница вы!... вы всегда одинаковы... съ вами, я увѣренъ, мы никогда не побранимся...

ЖЕРВЕЗА, *въ сторону.*

Боже мой! какъ меня терзаютъ эти башмаки... (*вслухъ*). Однакожъ прошу васъ покорно съ этой минуты никогда не говорить съ Луизой.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не ужлижъ я долженъ отъ нее бѣгать?

ЖЕРВЕЗА.

Да-съ, должны... послѣ того, что у васъ съ нею происходило, мнѣ очень непріятно было видѣть васъ вмѣстѣ... слышите, мнѣ было очень непріятно...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не безпокойтесь... для васъ я готовъ на все рѣшиться.

ЖЕРВЕЗА.

Увидимъ!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Займемтесь лучше теперь нашимъ контрактомъ... надобно вписать наши имена.

(*Садятся за столъ въ глубинѣ театра*).

ЖЕРВЕЗА.

А вы еще и не вписали?... о чемъ же вы до сихъ поръ думали?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я спѣшилъ сюда, чтобъ скорѣе увидѣть васъ.

ЖЕРВЕЗА.

Полно, меня ли?... не Луизу ли...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Прошу васъ, не напоминайте мнѣ больше о ней... подите-ка сюда, Жервеза... вамъ надобно подписать...

ЖЕРВЕЗА, *въ сторону.*

Я не могу сдвинуться съ мѣста. (*Дѣлаетъ, прихрамывая, нѣсколько шаговъ и останавливается.*) Мнѣ кажется, что вы сами можете подойти ко мнѣ.

ЖЮЛЬЕНЬ, *съ неудовольствіемъ.*

Помилуйте, не ужли же мнѣ тащить къ вамъ столъ?...

ЖЕРВЕЗА.

Какъ хотите, а ужь я не сойду съ мѣста.

ЖЮЛЬЕНЬ, *нѣжно.*

Жервеза!...

ЖЕРВЕЗА.

Лучше и не просите... я не сдѣлаю ни одного шага впередъ... я не хочу . (*въ сторону*) Боже мой! какая боль!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Вы говорите такимъ тономъ... (*встаетъ*). А еще упрекали Луизу, что она и капризна и сердита... по всему замѣтно, что вы ей сестра...

ЖЕРВЕЗА.

Да вы смѣете говорить дерзости... знайте же, что какъ я ни добра, какъ ни скромна...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Это видно...

ЖЕРВЕЗА.

Но если мнѣ говорятъ дерзости, если меня обижаютъ... тогда я готова на все...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Прекрасный характеръ!

ЖЕРВЕЗА.

Вы еще смѣетесь... Послушайте... (*въ сторону*). Боже мой? я совсѣмъ задыхаюсь... (*вслухъ*). Я не хочу подписывать вашего контракта... я не хочу васъ знать!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Какъ вамъ угодно, мнѣ все равно!

ЖЕРВЕЗА.

Все равно?... о, я васъ ненавижу... я васъ презираю... (*въ сторону*). О, башмаки! о, ужасные башмаки!

Вы капризны не подъ-стать!
Стоитъ только пожелать, —
Такъ умнѣе
И милѣе
Мужа я могу сыскать.

ЖЮЛЬЕНЬ.

Въ чемъ же ваши барыши?
Вы какъ кукла хороши:
Интересны
И прелестны,
По безъ чувствъ и безъ души.

ЯВЛЕНІЕ XV.

—

ТѢ ЖЕ, ЛУИЗА.

ЛУИЗА, *входя.*

Что за шумъ? что здѣсь случилось?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Я на-вѣкъ съ ней разстаюсь!

ЖЕРВЕЗА.

Я на-вѣкъ съ нимъ разбранилась!

ЛУИЗА, *въ сторону.*

Я на-вѣкъ съ нимъ помирюсь!

Такъ, моимъ онъ долженъ быть,
Цѣлый вѣкъ меня любить,
И со мною
Лишь одною
Дни свои соединить!

ЖЮЛЬЕНЬ.

Нѣтъ, свободнымъ лучше быть,
Безъ жены весь вѣкъ прожить, —
Чѣмъ съ такою
Мнѣ женою
Дни свои соединить!

ЖЕРВЕЗА.

Нѣтъ, свободной лучше быть
И безъ мужа вѣкъ прожить, —
Чѣмъ съ такою
Головою
Дни свои соединить!

Дуэтъ и финалъ

ЛУИЗА.

Неужели... неужели вы разсорились?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Да, навсегда!...

ЖЕРВЕЗА.

На-вѣки!

ЛУИЗА, *Жюльену.*

Теперь... о, какъ я виновата передъ вами! простите ли вы меня?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Васъ простить?...

ЛУИЗА.

Если я вамъ скажу причину, которая, противъ воли моей, заставила меня надѣлать вамъ такихъ непріятностей... тогда... тогда простите ли вы меня?

ЖЮЛЬЕНЬ.

Но какая же причина?...

ЛУИЗА.

Сейчасъ скажу... но прежде я хочу знать, не будетъ ли на меня сердиться Жервеза, ежели я выду за васъ за-мужъ.

ЖЕРВЕЗА.

О, нисколько, нисколько!

ЛУИЗА.

А согласишься ли ты выдти за Патро?... онъ такъ тебя любитъ... онъ чуть съ ума не сошелъ отъ твоей невѣрности...

ЖЕРВЕЗА.

Мнѣ выдти за Патро! нѣтъ, я не согласна!... мнѣ не нужно такого глупаго мужа!

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, ПАТРО, *входитъ хромая.*

ПАТРО.

Глупаго?... кула какъ учтиво! и вамъ это не стыдно?

ЖЕРВЕЗА.

Отвяжитесь отъ меня...

ЛУИЗА.

Не ужели ты такая безжалостная?... посмотри, онъ плачетъ...

ПАТРО.

Да, я плачу... я готовъ утонуть въ слезахъ... а все причиною жестокая Жервеза!... я доказалъ бы ей мое равнодушіе, еслибъ не эти ужасные башмаки... они рѣшительно истерзали мои несчастныя ноги!

ЖЕРВЕЗА.

Плачьте, рыдайте... вы меня ни чѣмъ не тронете...

ПАТРО.

О, безжалостная, безчеловѣчная!... Мнѣ кажется, умри передъ вами, такъ вы и тогда не согласитесь...

ЛУИЗА.

Я знаю средство, которое перемѣнитъ твои мысли...

ЖЕРВЕЗА.

Какое средство?

ЛУИЗА, *подавая ей деревянные башмаки.*

Вотъ оно!

ЖЕРВЕЗА.

Что это значитъ? я тебя не понимаю!

ЛУИЗА.

Сними свои башмаки... они тебѣ очень узки... я увѣрена, ты сдѣлаешься премилой, предоброй дѣвушкой... они виною, что ты такъ жестока съ Патро. Они были виною, что и я поссорилась съ Жюльеномъ...

ЖЮЛЬЕНЬ.

Не ужели?.. неужели башмаки могли тебя сдѣлать такой капризной?...

ПАТРО.

Да, я чувствую по себѣ, каково нѣжничать въ этихъ тискахъ!...

ЖЕРВЕЗА, *снявъ башмаки.*

А кто виноватъ? все вы!... вы изволили ихъ шить!...

ПАТРО.

Жервеза! прелесть моя!... согласитесь выдти за меня... если вы будете моей женою, тогда я буду шить гораздо просторнѣе...

ЛУИЗА.

Согласись!... посмотри, какой онъ печальный!...

ЖЕРВЕЗА.

Развѣ только изъ жалости соглашусь.

ПАТРО.

Мнѣ все равно, изъ чего бы вы ни согла-

сились... только бы мнѣ на васъ жениться... а чтобъ не вышли у насъ непріятности въ день сватьбы, я сошью вамъ и себѣ превеличайшіе башмаки!

ХОРЪ.

Мы изъ глупостей шумѣли,
Такъ на свѣтѣ все идетъ; —
Но теперь мы поумнѣли,
Не поссоримся впередъ!

ЖЕРВЕЗА.

Вы однакожъ позабыли:
Здѣсь мы были не одни,
Мы съ свидѣтелями были...
Чтожъ подумаютъ они?...

ЛУИЗА (*къ публикѣ.*)

Разрѣшите же сомнѣнье,
Какъ угодно будетъ вамъ:
Жить, или быть на вѣкъ въ забвеньѣ
Нашимъ узкимъ башмакамъ?

ХОРЪ.

Мы хотимъ одной награды,
А она у васъ въ рукахъ;
Мы же къ вамъ являться рады
Даже въ узкихъ башмакахъ!

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

ДѢВИЦА КИНО (QUINAULT).

(*Статья Paul de Musset*).

I.

Въ минуту кончины Людовика XIV, Парижъ и дворъ французскій находились въ сильномъ волненіи. По улицамъ этого города, во всѣхъ направленіяхъ, неслись экипажи, а въ окрестностяхъ Пале-Рояля, толпилось несмѣтное множество любопытныхъ.

Вблизи отъ того мѣста, гдѣ происходилъ наибольшій шумъ, въ улицѣ des Deux-Ecus, жило одно бѣдное семейство, ни сколько не занимавшееся современною политикою, потому-что ни смерть какого бы то ни было изъ великихъ земли, ни переворотъ въ какомъ бы то ни было государствѣ, не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на его бѣдное существованіе. Оно занимало въ пятомъ этажѣ три маленькія комнатки, къ которымъ велъ темный корридоръ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и кладовою. Въ одной изъ этихъ комнатокъ помѣщался г. Кинò, глава семейства, о которомъ говоримъ мы, вмѣстѣ съ старшимъ двадцати-лѣтнимъ сыномъ своимъ; вторая принадлежала двумъ дочерямъ Кинò, изъ которыхъ первой было около осьмнадцати, а второй невступно пятнадцать лѣтъ, наконецъ третья и самая большая комната служила въ одно и то же время, и пріемною, и столовою, и кухнею. Единственнымъ предметомъ роскоши въ этой комнатѣ былъ портретъ актера Барона, смиренно висѣвшій на стѣнѣ. Огромный котелъ, кормилецъ всего семейства Кинò, въ ожиданіи обѣда, миролюбиво покоился на очагѣ. На одной полкѣ красовалась цѣлая дюжина запыленныхъ книгъ, вмѣстѣ съ обрывкомъ какого-то театральнаго костюма. Подъ потолкомъ, на веревкѣ, протянутой изъ угла въ уголъ, качалось нѣсколько паръ мокрыхъ чулокъ. Все сіе такъ рѣзко высказывало бѣдность, что вы только въ такомъ случаѣ не содрогнулись бы этаго зрѣлища, когда бы обратили вниманіе на веселыя и цвѣтущія здоровьемъ лица хозяевъ. Старикъ Кинò, сидѣвшій очень важно на скамейкѣ, читалъ Мольера. Изъ-за тонкой перегородки слышался голосъ Кинò, сына, громко твердившаго наизустъ роль Сида. Молодыя дѣвушки перешептывались и пересмѣивались передъ огнемъ, очищая луковицу ручками, затянутыми въ старыя перчатки.

Старикъ Кинò былъ заслуженный ветеранъ *французскаго* театра. Онъ никогда не былъ слишкомъ хорошимъ актеромъ, но съ того времени, когда онъ началъ играть роли »à manteau,« публика такъ привыкла

къ нему, что старинный репертуаръ не могъ сдѣлать безъ него ни шагу. Онъ зналъ въ совершенствѣ всѣ театральныя преданія, не завидовалъ ни кому, и никогда не имѣлъ надобности въ суфлерѣ. Это былъ просто театральный *фронтовикъ*, знавшій свой партеръ, какъ говорится, наизустъ. Зрители любили бы его еще болѣе, еслибъ у него не было недостатка въ трехъ переднихъ зубахъ, отъ чего страдало его произношеніе. Онъ довольно хорошо игралъ роль Оргона въ *Тартюфѣ*, и съ неподражаемою ловкостію подставлялъ свою спину подъ палку въ *Скапиновыхъ обманахъ*. Аплодировали ему хоть рѣдко, но не освистали его ни разу. Сверхъ всего этого, онъ былъ превосходный отецъ, и воспитывалъ маленькимъ жалованьемъ многочисленное семейство, крѣпко наставляя дѣтей своихъ въ драматическомъ искусствѣ, и весьма мало проповѣдуя имъ мораль. При этомъ, онъ находилъ еще возможность платить за сына, изучавшаго у композитора Муре́ контра-пунктъ, и желавшаго быть въ одно и то же время и актеромъ и музыкантомъ. Когда добрякъ Кино, потирая руки, говаривалъ въ театральномъ фойе, что имя его скоро прославитъ театръ французскій, ни кто не подозрѣвалъ, чтобы это была правда.

И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, все семейство Кино явилось съ блестящимъ успѣхомъ на одномъ и томъ же театрѣ, и овладѣло всѣми ролями. Старшій сынъ дебютировалъ въ *Балзетѣ*, и былъ ангажированъ на амплуа любовниковъ. Второй же сынъ, принявшій имя Кино-Дюфреня, началъ играть первыя трагическія роли, и немедленно былъ признанъ геніальнымъ актеромъ. Старшая дочь болѣе понравилась своею прелестною наружностію, чѣмъ талантомъ. Меньшая появилась послѣ всѣхъ ихъ въ ролѣ *Федры*, и была принята публикою весьма хорошо; но она имѣла невысокій ростъ, плутовской взглядъ, вздернутый носикъ, ротикъ, созданный для улыбки, и сама почувствовала, что сфера ея—комедія. И дѣйствительно, немедленно по переходѣ ея на амплуа субретокъ, талантъ и насмѣшливая веселость поставили ее въ разрядъ первоклассныхъ актрисъ въ этомъ родѣ. Всѣ дебюты эти были окончены и всѣ условія заключены съ дирекціею въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1718 г. Старикъ Кино, устроивъ такимъ образомъ будущность дѣтей своихъ, тотчасъ отказался отъ своего мишурнаго трона, и удалился въ провинцію съ пансіономъ въ двѣ тысячи ливровъ, одна половина котораго выдавалась изъ театральныхъ суммъ, а другая изъ кабинетныхъ суммъ короля.

— Дѣти мои! сказалъ Кино дѣтямъ, отъѣзжая, вы теперь можете сдѣлаться и богаче и счастливѣе, чѣмъ я былъ когда-нибудь. Вы болѣе не имѣете во мнѣ надобности; я устарѣлъ, хочу отдохнуть, и предоставляю васъ — самимъ вамъ. Ты, Кино старшій, малый умный и осторожный, а потому ты и долженъ смотрѣть за твоими сестрами. Ты, Дюфрень, будешь богатъ, но ты гордъ и расточителенъ; ты хорошъ собою, какъ ясный, теплой день: тебѣ не будетъ покоя отъ дамъ. Смотри же, чтобы успѣхи твои не вскружили тебѣ голову. Вы, дочки, вы дѣвушки смышленныя; То, что́ говорю *я* Дюфрену, къ вамъ не относится. Въ отношеніи къ нему я страшусь знатныхъ дамъ, а въ отношеніи къ вамъ я совсѣмъ не боюсь знатныхъ господъ. Живите, какъ вздумаете, только не берите любовниковъ, ни изъ актеровъ, ни изъ кресельныхъ молокососовъ. Цѣльте въ ложи, morbleu! да, смотрите, въ ложи перваго яруса! Ты, Франциска, дѣвушка разсудительная: не давай же твоей старшей сестрицѣ слишкомъ пускаться въ *Сантименты*. Знайте цѣну другъ другу. У одной изъ васъ такіе глазки, какіе очень рѣдко смотрѣли на публику со сцены, а у другой такая ножка, какую публика очень рѣдко видала на сценѣ. И если вы не съумѣете нажить себѣ горы золота, то въ этомъ не я буду виноватъ. *За сими* честь имѣю расклапяться.

Послѣ этого гомерическаго увѣщанія, старикъ Кино перецѣловалъ своихъ дѣтей, и отправился прямехонько въ Бургонь. Онъ избралъ эту провинцію своимъ мѣстопре-

бываніемъ изъ особеннаго уваженія къ ея знаменитымъ випамъ. Немедленно послѣ отъѣзда достопочтеннаго г. Кино, дѣти его переѣхали въ улицу Св Анны на новую, болѣе просторную квартиру; но они не долго ужились вмѣстѣ. Дюфрену такъ повезло, что ему вскорѣ понадобился роскошный апартаментъ съ будуарами и потаенными лѣстницами; онъ переѣхалъ въ улицу Ришелье. Дюфренъ сдѣлался непомѣрно тщеславенъ, загордился и очень рѣдко видался съ своими родными. Онъ заставилъ Детуша перемѣнить развязку въ »*Glorieux*,« сказавъ утвердительно, что такой человѣкъ, какъ онъ, не можетъ играть роли отверженнаго любовника. Къ счастію, талантъ Дюфрена заставлялъ невольно все прощать этому актеру.

Старшая сестра, красавица, въ полномъ смыслѣ этого слова, нашла себѣ цѣлую толпу обожателей, въ числѣ которыхъ были люди самые богатые, самые щедрые и самые модные. Она помучила ихъ цѣлый годъ, но потомъ смягчилась. И чѣмъ болѣе смягчалась она, тѣмъ болѣе появлялось у ней денегъ; она завела себѣ карету и лакеевъ, и поставила домъ свой на такую ногу, что могла перещеголять имъ хоть какую герцогиню. И такъ, въ скромной квартиркѣ улицы св. Анны остался только Кино старшій, да его меньшая сестра. Этотъ молодой человѣкъ, любившій музыку до безумія, не рѣдко просиживалъ за своимъ клавесиномъ часовъ по десяти сряду, забывая пить и ѣсть, а въ свободное время только и дѣлалъ, что писалъ аріи. Между тѣмъ, дѣвица Кино младшая успѣла составить себѣ небольшой, но веселый кругъ знакомства изъ литераторовъ и поэтовъ. Сердце ея еще молчало. Она не имѣла интригъ, и не имѣла ихъ не изъ уваженія къ совѣтамъ своего достопочтеннаго батюшки, а потому, что голосъ природы еще не сильно говорилъ въ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она много читала и сдѣлалась любимицею публики.

Дѣвица Кино имѣла характеръ живой и веселый; судьба поступила весьма благоразумно, предназначивъ ей въ тотъ вѣкъ непостоянства и неблагочестія, закулисную жизнь. Она очень любила иногда кольнуть эпиграмою, но была добра до безконечности. Сужденіе ея о піесахъ всегда было вѣрно: она, какъ-то по инстинкту, угадывала ихъ хорошую и дурную стороны. Весьма многіе литераторы спрашивали у ней мнѣнія о сочиненіяхъ своихъ прежде, нежели отдавали ихъ актерамъ. Въ то время, Вольтеръ, благодаря своему *Эдипу*, въ которомъ Дюфренъ былъ неподражаемъ, сталъ въ числѣ драматическихъ писателей Франціи; онъ часто бывалъ у дѣвицы Кино, читалъ ей свои піесы и очень дорожилъ ея мнѣніями. У ней также весьма часто бывали Дешанъ, Лагранжъ-Шансель и кавалеръ Детушъ. Сверхъ того, обычными посѣтителями ея гостиной были многіе придворные, любители искусствъ. Всѣ они были немножко влюблены въ королеву субретокъ, и всѣ покамѣсть *ждали*, но въ веселомъ обществѣ своей жестокосердой вовсе не скучали ожиданіемъ. Однакожъ, въ числѣ самыхъ короткихъ знакомыхъ дѣвицы Кино, былъ одинъ, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, по имени Жоли, который съ давняго времени посѣщалъ ее и ни разу не вздумалъ признаться ей въ любви. Дѣвицѣ Кино показалось это наконецъ страннымъ. Однажды вечеромъ, когда они сидѣли вмѣстѣ передъ камелькомъ, она спросила у него, почему онъ одинъ только никогда не говорилъ ей о любви.

— А вотъ почему, отвѣчалъ Жоли: я увѣренъ, что буду хлопотать по пустому, и что вы не расположены ни кого выслушать благосклонно.

— По чему вы знаете, и изъ чего вы это заключаете? сказала дѣвица Кино.

— Изъ тысячи мелочей, на которыя я могу положиться. Ваше сердце еще слишкомъ молодо, надобно дать ему созрѣть.

— Право? А мнѣ такъ кажется, что этотъ плодъ ужъ съѣли насѣкомыя, хоть онъ и не созрѣлъ.

— Извините. Вы переживаете еще май жизни. Вотъ придутъ большіе жары и сливу эту можно будетъ сорвать.

Когда они наскучили этою метафорою,

и досыта нашутились во вкусѣ того времени, дѣвица Кинò серьёзно спросила у Жоли: что онъ о ней думаетъ?

— Извольте, я скажу вамъ откровенно, отвѣчалъ Жоли. Знайте же, что пятнадцати и двадцати-пятилѣтнимъ женщинамъ понравиться вовсе не трудно; но между этихъ двухъ возрастовъ есть эпоха, въ которую онѣ бываютъ несносны; въ эту эпоху онѣ уже столько знаютъ свѣтъ, что считаютъ опытность совершенно излишнею вещью; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ не понимаютъ еще тогда всей драгоцѣнности времени и безъ сожалѣнія тратятъ его на бездѣлушки. Въ эту эпоху онѣ бываютъ влюблены только въ самихъ себя, въ свою собственную красоту; онѣ смотрятся тогда пренѣжно въ зеркало — и восхищаются собою; да, тогда онѣ не пожертвуютъ ни однимъ вздохомъ даже для такого глупца, который изъ любви къ нимъ вздумалъ бы перевернуть верхъ дномъ всю вселенную. Это продолжается до той минуты, въ которую имъ приходитъ мысль, что молодость не совсѣмъ синонимъ вѣчности; и лишь только мысль эта зашевелится въ головѣ женщины, тотчасъ подавай ей мужа, а нѣтъ мужа,— подавай любовника. Первый дебютъ ихъ почти всегда бываетъ ошибочепъ; въ послѣдствіи онѣ узнаютъ свою ошибку и любятъ — уже съ разборомъ.

— Очень лестно, отвѣчала дѣвица Кинò; стало быть, я буду умна, какъ должно, лѣтъ въ тридцать?

— Быть можетъ.

Мнѣніе Жоли имѣло нѣкоторый вѣсъ. Не за долго предъ тѣмъ была играна на французскомъ театрѣ его піеса »*Школа Любовниковъ*,« а въ ней находили и грацію, и знаніе сердца женскаго, и естественность. Публика приняла ее съ одобреніемъ; *Меркурій* (*) отозвался о ней съ похвалою. Кинò старшій игралъ въ ней роль любовника. Жоли покоился на лаврахъ этого небольшаго успѣха, и вовсе не хотѣлъ болѣе работать, хотя ему и совѣтывали многіе написать что-нибудь; онъ имѣлъ чѣмъ жить, ни сколько не заботился о безсмертіи академическомъ и довольствовался тѣмъ, что слылъ умнымъ малымъ; однако жъ, живя однимъ умомъ, онъ не замѣчалъ, что столь же мало жилъ сердцемъ, какъ и сама дѣвица Кинò. По сходству чувствъ, которое существовало между ними, а можетъ быть и потому, что равнодушіе Жоли задѣвало молодую актрису за живое, она какъ-то начала уважать его болѣе чѣмъ другихъ, даже говорить съ нимъ откровеннѣе; и нѣтъ сомнѣнія, что она избрала бы его въ друзья и повѣренные, еслибъ самъ онъ не уклонился отъ этой чести по особенному расчету, который значилъ вотъ что: ныи я когда нибудь буду твоимъ любовникомъ, или мы никогда не будемъ ни чѣмъ другъ для друга.

Знакомые дѣвицы Кинò замѣтили, что она оказываетъ Жоли предпочтеніе. Вольтеръ, незнакомый съ ревностію, одобрилъ это предпочтеніе и совѣтовалъ ей не кокетничать съ авторомъ »*Школы Любовниковъ*,« а всѣмъ другимъ оно очень не понравилось. Явились эпиграмы; но такъ-какъ женщины не любятъ критики, то эпиграмы только ускорили развязку. Развязка эта считалась даже конченною, какъ вдругъ Жоли уѣхалъ въ деревню. Свѣтъ, который судитъ обо всемъ по наружности, принялъ этотъ отъѣздъ за разрывъ, не думая о томъ, что во Франціи существуетъ почта и что любовники могутъ пересылать свои письма точно такъ же, какъ и люди равнодушные. И дѣйствительно, любовники наши писали другъ къ другу; мы не знаемъ, что именно писали они, но думаемъ, что вовсе не трудно угадать о чемъ пишутъ молодые, влюбленные люди. Жоли клялся, что онъ страшится потерять навсегда свое спокойствіе, и возвратится только въ такомъ случаѣ, когда будетъ имѣть какую-нибудь надежду. Дѣвицѣ Кинò очень хотѣлось подать ему эту надежду, но она не рѣшалась на такой смѣлый шагъ. Черезъ четыре недѣли послѣ отъѣзда его, она не знала куда дѣваться отъ скуки; Жоли чуть не захворалъ отъ нетерпѣнія, но не ѣхалъ. Это могло бы продолжиться довольно долго, если бъ случай не помогъ ихъ любви, — любви, ко-

(*) Журналъ того времени.

торой, впрочемъ, и не было предназначено безнадежности.

—

II.

Людовику XV было тогда одиннадцать лѣтъ отъ рожденія. Театральную залу Тюлерійскую въ это время только-что отдѣлали за-ново, и Его Величество пожелалъ, чтобы для открытія ея была написана новая комедія съ прологомъ и танцами. Герцогъ Виллеруа, гувернеръ принца, доложилъ объ этомъ регенту и получилъ согласіе. Піесу поручили написать Коипелю, а музыку Ламанду и Кино старшему; танцы же и дивертиссементъ сочинилъ Балонъ. Исполненіе этой піесы хотѣли поручить первѣйшимъ артистамъ королевской Академіи музыки и Французскаго театра; знаменитый Баронъ долженствовалъ, при этомъ случаѣ, снова поступить на сцену. Король и нѣсколько молодыхъ вельможъ желали быть исполнителями характерныхъ танцевъ въ интермедіяхъ. Коипель, не зная, какой сюжетъ выбрать для новой піесы, рѣшился посовѣтываться объ этомъ съ дѣвицею Кино, изобрѣтательный умъ которой былъ извѣстенъ ему. Она предложила ему взять изъ романа Сервантеса эпизолъ Карденіо и обработать для сцены. Коипель ухватился за эту мысль, кое-какъ смастерилъ въ продолженіе осьми дней три маленькихъ дѣйствія и, въ слѣдъ за тѣмъ, было объявлено, что въ понедѣльникъ, 30 декабря 1720 года, для открытія театра будетъ представлено: *les Folies de Cardenio*. Двадцать пятаго декабря, утромъ, актеры собрались во дворецъ для первой репетиціи. Герцогъ Орлеанскій не выслушалъ однако же и первой фразы дѣвицы Антьѐ, которая, въ роли Минервы, открыла прологъ. Герцогъ объявилъ, что, по крайней мѣрѣ, прологъ слѣдовало написать въ стихахъ, и что безъ того все представленіе будетъ походить на ярмарочный спектакль. Мнѣніе это было принято всѣми. Коипель попалъ, какъ говорится, изъ огня да въ полымя: онъ просилъ двѣ недѣли срока для переложенія своего пролога въ стихи. Людовикъ, который былъ нетерпѣливъ, какъ и всѣ дѣти, не соглашался отложить своего удовольствія. Дѣвица Кино предложила вызвать Жоли, утверждая, что онъ обрисуетъ прологъ въ нѣсколько часовъ. Предложеніе ея было принято, и за Жоли былъ немедленно отправленъ въ каретѣ дежурный придворный съ слѣдующею запискою дѣвицы Кино:

»Милый поэтъ! не я повелѣваю вамъ »возвратиться, а самъ король. Надобно по»виноваться, и сдѣлать изъ уваженія къ »Его Величеству то, чего вы не сдѣлали бы »никогда изъ любви ко мнѣ.«

Репетиція піесы и дивертиссемента еще не кончились, а Жоли былъ уже въ Парижѣ. Ему подали прологъ Коипеля. Прологъ этотъ начинался слѣдующими словами Минервы:

»Посредствомъ удовольствій поучаю я »юношей мудрости. Такъ-то и нынѣ пока»жу я Людовику, внимающему моимъ настав»леніямъ, и умѣющему пользоваться ими, »до какой степени безразсудства можетъ »довести любовь тѣ сердца, надъ которы»ми владычествуетъ она.«

Жоли взялъ перо, и написалъ немедленно:

Oui, souvent le plaisir, ami de la jeunesse;
Sert aux desseins de la sagesse,
Je veux aujourd'hui, par sa voix,
Enseigner à Louis, que j'élève et qui m'aime,
Où peut aller l'egarement extrême
Des faibles cœurs qu'Amour asservit à ses lois.

Поэтъ былъ осыпанъ похвалами, конечно не за изящество стиховъ, но за легкость импровизаціи, потому что тогда написать скоро было гораздо нужнѣе, чѣмъ написать хорошо. Жоли точно такъ же изъяснилъ послѣдующую фразу, и въ то время, когда шла вторая репетиція, передѣлалъ весь прологъ, который былъ не очень длиненъ. Король, восхищенный такою поспѣшностію, прислалъ на другой день Жоли сто лундоровъ.

Тридцатаго декабря представленіе было великолѣпное. На немъ присутствовалъ весь дворъ и можно сказать, что никогда не было собранія болѣе блестящаго по красотѣ дамъ, сану присутствовавшихъ и богатству костюмовъ. Прологъ шелъ чудесно, а дивертиссементъ еще лучше. Онъ окончился двойною кадрилью, въ которой танцовали король — въ костюмѣ Амура, и герцогъ Шартрскій — въ костюмѣ Гимена. Съ ними танцовали дѣти знаменитѣйшихъ вельможъ французскихъ. Въ кадрили короля фигурировали де ла Тремуль, де Буфлеръ, де Крюсоль и де Бранка, а въ кадрили герцога Шартрскаго, де Лоржъ, де Мирпуа, князь Тюреннь и де Куаньи. Послѣ того была дана самая піеса; но ее вовсе не слушали зрители, восхищенные граціозностію участвовавшихъ въ балетѣ. Такъ-какъ это были дѣти, то дамы говорили о нихъ очень непринужденно, и не могли нахвалиться прекрасною наружностію, благородною осанкою и красотою формъ короля, — формъ, которыя, дѣйствительно, были прекрасны. Первое дѣйствіе вовсе не было замѣчено посреди подобныхъ разговоровъ. Однакожъ Баронъ такъ хорошо игралъ Карденіо, что обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе. Наконецъ дѣвица Кино, въ небольшой сценѣ, гдѣ актриса заставляетъ репетовать своего любовника, притворно слушая нѣжности другаго, совершенно оковала вниманіе публики. Тогда пришла очередь мужчинамъ восхищаться актрисою. Всѣмъ извѣстно было, что дѣвица Кино тогда не выступила еще изъ строя весталокъ, а потому слышалось отовсюду: Возможно ли, что бы дѣвушка, такая опытная въ любви, никогда не любила! Бѣдный Жоли былъ очень не въ духѣ: ему хотѣлось одному только знать всѣ прелести своей возлюбленной..... да и можно ли надѣяться быть предпочтеннымъ, если всѣ вельможи эти вздумаютъ влюбиться въ нее, подобно ему? Послѣ спектакля, когда къ ложѣ его возлюбленной потянулась цѣлая вереница поклонниковъ, когда самъ регентъ взялъ восхитительную субретку за подбородокъ и назвалъ »плутовочкою«, — Жоли убѣжалъ изъ театра, убѣжалъ съ отчаяніемъ въ душѣ. Онъ цѣлую ночь проходилъ по своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, бросая грустные взгляды на свой скромный костюмъ, и мечтая о великолѣпіи спектакля. На другой день онъ отправился къ дѣвицѣ Кино. У подъѣзда ея стояла богатая карета; горничная ея сказала ему, что его не могутъ принять. На этотъ разъ онъ уже не сомнѣвался въ своемъ несчастіи, и удалился, убитый горемъ. Но когда шелъ онъ едва переступая, опустя голову, его догнала горничная, задыхавшаяся отъ усталости, и сказала, что приказано его воротить. Вслѣдъ за тѣмъ проѣхала мимо него та раззолоченная карета, которая стояла у подъѣзда дѣвицы Кино: въ каретѣ онъ замѣтилъ одно изъ вчерашнихъ лицъ, но лицо грустное, и почти сердитое. Надежда снова улыбнулась ему; онъ вошелъ къ своей »неблагодарной,« приняв на себя видъ гордаго равнодушія.

— Вы пришли кстати, сказала ему дѣвица Кино. Знаете ли вы, что случилось со мною? Я имѣла честь вскружить вчера голову г. великому *пріору*; ему, однако жъ, нѣкогда волочиться за мною, и онъ изволитъ предполагать купить меня на чистыя денежки, какъ какую нибудь дачу.

— Ну, что жъ, отвѣчалъ Жоли, это не мое дѣло; вамъ скажетъ сердце ваше, какъ надобно поступить.

— Вы говорите такъ спокойно, возразила дѣвица Кино, что я готова жалѣть объ отказѣ...

— Вы отказали? воскликнулъ поэтъ.

— Безъ сомнѣнія. Я отказала бы, хотя бъ онъ предложилъ мнѣ всѣ алмазы великаго могола... мое сердце отдано.

— Очень радъ... поздравляю васъ.

— Послушайте, Жоли, сказала дѣвица Кино, перестанемте хитрить. Вы пишете комедіи, а я — актриса: слѣдовательно, притворствомъ нельзя обмануть ни васъ, ни меня. Вы притворяетесь равнодушнымъ; а на душѣ у васъ Богъ знаетъ что... я же... стыдно сказать... я только веселюсь вашими страданіями. Вотъ вамъ вся ис-

тина въ двухъ словахъ: продать себя я не хочу, но... чтобы избѣжать искушеній... хочу... хочу отдать себя тому, кого люблю. Извольте угадывать остальное, ужь больше я не скажу ни полсловечка.

Она сказала довольно: Жоли былъ уже у ногъ ея.

— И вы презрѣли для меня, воскликнулъ поэтъ, любовь вельможъ! для меня, у котораго нѣтъ ничего.

—Да, сударь, для васъ, отвѣчала она ему, *у котораго нѣтъ ничего*, для васъ, хоть вы даже и не маркизъ! Да, знаете ли, сударь, что для меня вы болѣе, чѣмъ герцогъ? Извольте жъ распроститься съ вашею скромностію, а не то... не то, я буду думать, что вы не любите меня.

Мы пощадимъ читателя отъ множества клятвъ, которыми любовники наши обмѣнялись тогда и скажемъ только, что къ этимъ клятвамъ присоединялась бездна мечтаній, бездна плановъ будущаго счастія. Дѣвица Кино желала, чтобы Жоли переѣхалъ жить къ ней, но осторожный Жоли не принялъ этого предложенія. Онъ припомнилъ свою »*Школу Любовниковъ*,« въ которой чета самая страстная охладѣла очень скоро, потому только, что сначала слишкомъ много наслаждалась своимъ благополучіемъ. Актриса согласилась, хоть и не безъ сожалѣнія.

Не смотря на всѣ старанія любовниковъ, утаить свое »блаженство,« — связь ихъ узналъ весь Парижъ; завистники толковали о ней долго, но когда замолчали они, замолчали о ней и всѣ другіе. Великій пріоръ не разсердился ни на поэта, ни на актрису; онъ утѣшился гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Вольтеръ увѣрялъ, что дѣвица Кино будетъ еще лучше играть въ *Dépit amoureux*, а публика рукоплескала ей попрежнему.

—

III.

Цѣлый годъ любовники наши жили одинъ для другаго. Они не разлучались съ утра до вечера, а нерѣдко и съ вечера до утра; словомъ, они могли »блаженствовать« сколько имъ хотѣлось, и не имѣли надобности таить своего »блаженства.« Характеръ, привычки, наклонности ихъ — все это такъ было сходно, что они могли считать свою связь — неразрывною. Но судьба предназначила имъ совсѣмъ другое. Жоли извѣстился, что одинъ старый родственникъ его умеръ, оставивъ ему наслѣдство въ Америкѣ. Во всякое другое время, Жоли, имѣвшій весьма небогатое состояніе, благословилъ бы небо за такую неожиданность; а въ эту минуту ему показалось, что подъ неожиданною улыбкою счастія скрывается обманъ и что она отравитъ всю жизнь его. Еслибъ возлюбленная его сказала хоть одно слово, онъ остался бы, не смотря на возможность лишиться половины своего нежданаго богатства; но дѣвица Кино, по любви къ нему, совѣтовала ему ѣхать, и Жоли, сожалѣя всѣмъ сердцемъ, что благоразуміе беретъ у ней верхъ надъ любовью, согласился ѣхать. Они обмѣнялись портретами, обѣщались смотрѣть на эти портреты въ одинъ условленный часъ, и надавали другъ другу тысячи увѣреній въ вѣрности,—увѣреній, которыми всѣ любовники стараются прикрыть подозрѣніе и боязнь своего собственнаго непостоянства. И Жоли уѣхалъ, съ полною увѣренностію не видать своей возлюбленной, по крайней мѣрѣ, полгода.

Друзья дѣвицы Кино были удивлены этою новостью до чрезвычайности. Всѣ они — старые и молодые — были вмѣстѣ съ тѣмъ очень обрадованы ею, но одни изъ нихъ сочли долгомъ соединить свои сожалѣнія со вздохами печальной красавицы, а другіе, въ надеждѣ, что послѣдствія оправдаютъ слова ихъ, утверждали, что разлука эта ни что иное, какъ разрывъ. Они гораздо чаще чѣмъ прежде начали посѣщать актрису: имъ хотѣлось слѣдить, шагъ за шагомъ, за уменьшеніемъ ея печали и видѣть какъ заступитъ мѣсто этого чувства — забвеніе. Мадригаламъ, въ которыхъ они сравнивали дѣвицу Кино съ прекрасною Аріадною, и давали почувствовать, что они очень

готовы были бы утѣшить ее—не было конца. Молодая актриса благодарила своихъ угодниковъ, но не искала себѣ утѣшителя. Спустя три мѣсяца, падъ постоянствомъ ея начали подшучивать: оно было не по душѣ очень многимъ. Тонъ мадригаловъ измѣнился, и дѣвица Кино поступила въ Пенелопы. Авторы мадригаловъ утверждали, что Улиссъ ея возвратится не прежде, какъ запасется приключеніями, по крайней мѣрѣ, на двадцать четыре книги новой Одиссеи. Наша субретка не сердилась за такія шутки, и оставила за собою прозваніе Пенелопы. Знаменитый Монкрифъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ этомъ заговорѣ противъ бѣднаго Жоли. Онъ началъ посѣщать дѣвицу Кино весьма не за долго до разлуки ея съ любовникомъ, а потому и могъ гораздо свободнѣе злословить его, чѣмъ другіе. Монкрифъ, которому очень хотѣлось занять вакансію отсутствующаго, рѣшился погубить Жоли во мнѣніи его возлюбленной. Онъ былъ человѣкъ опытный и ловко умѣлъ задѣть эпиграмою, къ которой актриса наша имѣла, какъ вы уже знаете, порядочное пристрастіе. Сначала онъ нападалъ на Жоли слегка, съ осторожностію, но впослѣдствіи началъ гораздо менѣе щадить его. Дѣвица Кино нечувствительно привыкла къ его злымъ насмѣшкамъ. Она сердилась, когда насмѣшки эти были плохи, но очень смѣялась, когда онѣ были остроумны и не тривіальны. Монкрифъ не иначе говорилъ о Жоли, какъ въ насмѣшливомъ тонѣ, и молодая актриса весьма снисходительно терпѣла этотъ тонъ, извинялась тѣмъ, что онъ даетъ ей возможность говорить о ея возлюбленномъ. Время изглаживало изъ сердца ея воспоминанія любви, а бѣдный любовникъ, вѣрившій въ обѣщанія своей подруги, считалъ въ Америкѣ дни и часы и чуть не прыгалъ отъ радости, приготовляясь къ отъѣзду въ Европу.

Однажды вечеромъ, послѣ спектакля, собраніе у дѣвицы Кино было чрезвычайно многочисленно; Монкрифъ, умѣвшій весьма хорошо передразнивать манеры своихъ знакомыхъ, вздумалъ представить Жоли въ карикатурномъ видѣ. Поэтъ нашъ, къ несчастію близорукій, имѣлъ привычку мигать глазами, и любилъ обѣдать у рестораторовъ. Монкрифъ очень забавно представилъ Жоли, спрашивающаго у дикихъ, нѣтъ ли въ странѣ ихъ трактира. Дѣвицѣ Кино понравились его невинныя гримасы; она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя никакъ не могутъ противостать желанію пошутить, падъ кѣмъ бы то ни было, когда въ шуткѣ нѣтъ злости и есть остроуміе. Она, въ свою очередь, начала передразнивать Жоли и еще лучше, чѣмъ Монкрифъ. Это было сигналомъ для всѣхъ присутствующихъ. Послѣ такого примѣра, они сочли себя въ правѣ излить всю злость свою на отсутствующаго и не пощадили въ немъ ничего. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто кавалеръ де Ко, молодой человѣкъ, пріятной наружности, и очень не глупый. Въ 1715 году была представлена на французскомъ театрѣ его трагедія »*Марій*.« Послѣ того онъ не написалъ ничего, но его считали способнымъ написать нѣчто хорошее. Кавалеръ не смѣялся шуткамъ падъ Жоли. Его спросили о причинѣ такой угрюмости.

— Я не смѣюсь потому, отвѣчалъ онъ, что думаю, какъ тяжело было бы мнѣ узнать, что моя любовница и друзья мои смѣются надо мною. И притомъ я думаю, что Жоли, въ ту минуту, когда такъ жестоко шутятъ надъ нимъ, находится, быть можетъ, на морѣ... даже въ опасности... и что если бъ теперь же извѣстили насъ о его погибели, изо всѣхъ насъ были бы опечалены этою вѣстью только двое, то есть дѣвица Кино да я.

Актриса, нѣсколько смущенная тѣмъ, что человѣкъ совершенно сторонній, гораздо снисходительнѣе смотритъ на недостатки ея любовника, чѣмъ она сама, не разсердилась на этотъ урокъ. Она заставила насмѣшниковъ оставить ихъ нападенія на Жоли, и объявила во всеуслышаніе, что слова кавалера внушили ей глубокое къ нему уваженіе. Завистники остались, какъ говорится, съ носомъ — и одинъ только Мон-

крифъ, не желавшій сознаться въ своей неудачѣ, продолжалъ подтрунивать надъ Жоли, но уже съ большею, противъ прежняго, умѣренностію. Онъ внимательно прочелъ »*Школу любовниковъ*« и многія мѣста ея зналъ наизустъ. Мѣста эти не были изъ лучшихъ. Онъ старался дать замѣтить своимъ слушателямъ плохіе стихи и, какъ будто не нарочно указывалъ имъ на ошибки автора. Дѣвица Кино согласилась, что піеса Жоли имѣетъ свои недостатки, и совершенно смутила Монкрифа, присовокупивъ, что самые недостатки эти ей нравятся. Она восхищалась стихами Жоли съ тою снисходительностію, которую можетъ внушить одна только любовь и противъ которой должна безмольствовать самая убѣдительная критика.

Кавалеръ де Ко шелъ путемъ, противуположнымъ пути, избранному Монкрифомъ. Онъ выбиралъ изъ »*Школы любовниковъ*« мѣста самыя лучшія и приводилъ ихъ съ похвалами заслуженными и умными. Въ плохихъ стихахъ онъ умѣлъ находить такія качества, которыя ускользали даже отъ зоркаго вниманія дѣвицы Кино, и которыхъ Монкрифъ старался не замѣтить. Эта,—если можно такъ выразиться,—доброта критики нравилась нашей субреткѣ. Монкрифъ довершилъ свою погибель, когда признался дѣвицѣ Кино въ любви. Она поняла цѣль его насмѣшекъ. Опытность Монкрифа измѣнила ему и ему отвѣчали упреками и презрѣніемъ. Кавалеръ, напротивъ того, выигрывалъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе: его нерѣдко приглашали даже ужинать; да и можно ли было соскучиться въ обществѣ такого человѣка, который говорилъ безпрестанно о Жоли, и говорилъ о немъ съ уваженіемъ? Случилось, что послѣ долгихъ и краснорѣчивыхъ похвалъ отсутствующему, онъ принялъ на себя печальной видъ, глубоко вздохнулъ и воскликнулъ:

— О, какъ вы любите его! Онъ счастливъ невыразимо и вполнѣ заслуживаетъ своего счастія... если бъ я былъ такъ любимъ, я не уѣхалъ бы... но такой человѣкъ, какъ онъ, можетъ не страшиться отсутствія; и притомъ, онъ, безъ сомнѣнія, думаетъ о васъ. Онъ вѣритъ любви вашей... Я отдалъ бы половину моей жизни за то, чтобъ быть любимымъ подобно ему.

— Вы будете такъ любимы, отвѣчали ему, вы встрѣтите ту, которая пойметъ вашу душу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ кавалеръ, вздыхая еще сильнѣе, нѣтъ! я далеко не стою того, кого вы избрали; но если бъ между нами и не было тайной разницы, встрѣчу ли я когда нибудь женщину, подобную вамъ? Никогда! моимъ единственнымъ счастіемъ должна быть дружба ваша.

Дѣвица Кино подала кавалеру руку, кавалеръ поцѣловалъ ее съ восторгомъ, и остался у актрисы до полуночи; Кино смотрѣла на него нѣжно и благосклонно.

Послѣ того, также какъ-то вечеромъ, кавалеръ былъ еще восторженнѣе чѣмъ обыкновенно; онъ увѣрялъ, что уѣдетъ изъ Парижа, потому что боится влюбиться въ возлюбленную своего друга. Его просили не уѣзжать; онъ отвѣчалъ, что лучше рѣшится страдать, чѣмъ измѣнить далекому другу. Было уже довольно поздно; усталость, состраданіе и жалость до того »омрачили« чувства дѣвицы Кино, что она уже не могла различить, кто изъ двухъ былъ ея другъ, и кто любовникъ. Кавалеръ хотѣлъ удалиться такъ же, какъ удалился Жоли, и удалиться, быть можетъ, навсегда.

— О, какъ вы милы и хороши! отвѣчалъ кавалеръ.

— О, какъ вы добры и великодушны! сказали ему, и двѣ ручки обвились около его шеи.

И такъ, эти торжественныя хвалы постоянству кончились тѣмъ, что и другъ и любовница измѣнили, одинъ—дружбѣ, другая—любви.

Актриса, почувствовавъ, что ее ждутъ столь скучныя для многихъ женщинъ угрызенія совѣсти, объявила кавалеру, что онъ долженъ оставить ее навсегда. Кавалеръ былъ человѣкъ учтивый. Онъ удалился безъ ропота, уѣхалъ въ провинцію и вскорѣ женился тамъ. Дѣвица Кино долго не знала, скрыть ли ей свое «преступленіе», или признаться во всемъ и вымолить прощеніе.

Наконецъ, ей показалось, что признаніе разрушитъ счастіе любви ея; мысль эта рѣшила ее хранить молчаніе. Одни, безъ сомнѣнія, осудятъ ее за такое притворство,—другіе, напротивъ того, будутъ хвалить ея поступокъ; а мы — мы не скажемъ о немъ ни слова. Жоли возвратился. Онъ былъ принятъ очень нѣжно и вовсе не подозрѣвалъ ничего.

—

IV.

Дѣвица Кино желала, чтобы Жоли написалъ комедію: она мечтала о новыхъ лаврахъ для поэта. Жоли не рѣшался. Паденіе піесы убило бы его горемъ. Онъ очень умно говорилъ, что не должно искушать судьбу, что надобно довольствоваться счастіемъ, которое дано, и не искать новаго. Но актриса восторжествовала и Жоли рѣшился написать комедію въ пяти дѣйствіяхъ. Разъ утромъ дѣвица Кино спросила у него, какъ бы онъ отмстилъ ей, еслибъ она измѣнила ему? Жоли задумался, но наконецъ сказалъ:

— Чтобы отмстить невѣрной, надобно оставить ее, забыть, если можно, и гордо таить отъ нея печаль въ глубинѣ души своей. Но вамъ я бы не могъ такъ отмстить. Я простилъ бы вамъ, еслибъ вы раскаялись, и отмстилъ бы какимъ нибудь благороднымъ поступкомъ, еслибъ не замѣтилъ въ васъ раскаянія.

— Да, это было бы мщеніе самое тяжкое, отвѣчала дѣвица Кино. Такое великодушіе еще болѣе увеличило бы стыдъ измѣнницы. Знаете ли, что это прекрасный сюжетъ для комедіи? Выставьте человѣка слабаго, который прощаетъ своей любовницѣ измѣну и великодушіемъ своимъ приводитъ невѣрную въ отчаяніе.

Жоли одобрилъ эту мысль, надѣясь, что онъ олицетворитъ въ новой піесѣ свои собственныя чувства. Онъ, вмѣстѣ съ дѣвицею Кино, составилъ планъ комедіи и вскорѣ послѣ того началъ писать первыя сцены стихами. Каждое утро онъ читалъ своей любовницѣ то, что написалъ наканунѣ. Чтенія эти были для нихъ неистощимымъ источникомъ наслажденія, тѣмъ болѣе, что субретка имѣла въ новой піесѣ Жоли роль довольно значительную. Въ-теченіе полугода пять дѣйствій были окончены. Піеса была прочитана нѣсколькимъ пріятелямъ. Они выслушали ее холодно и объявили, что въ ней слишкомъ много принесено въ жертву индивидуальности самаго автора и что публикѣ это не понравится; но замѣчаній ихъ не послушались, піеса была отдана на театръ, прорепетирована и въ одинъ, — я не скажу: прекрасный, — день аффиши театральныя возвѣстили, что тогда-то «представлено будетъ: Les Vengeances de l'Amour, комедія въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ.» Увы! въ другой разъ они не возвѣстили того же представленія. Піеса Жоли упала. Паденіе ея было смертельнымъ ударомъ для автора. Онъ воображалъ, что оно погубитъ и литературную репутацію его и любовь дѣвицы Кино. Онъ однакожъ молчалъ и не рѣшался упрекнуть актрису за то, что она внушила ему мысль написать его несчастную комедію; но дѣвица Кино не покинула на этотъ разъ своего возлюбленнаго; она сдѣлалась еще нѣжнѣе къ несчастному поэту. Жоли утѣшился, распростился съ мечтаніями о славѣ и вполнѣ отдался одной любви своей.

Однакожъ журналы не пропустили безъ вниманія его неудачи. До слуха дѣвицы Кино доходили непріятные толки. Меркурій отозвался, впрочемъ, о піесѣ Жоли снисходительно. Журналистъ выписалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ и хвалилъ ихъ; но *Французская библіотека* выразилась вотъ какъ: «мы гораздо бо́льшаго ожидали отъ мщенія любви»,—піесы, представленной 4 декабря 1721 года. Первый опытъ г. Жоли, «Школу любовниковъ», публика приняла чрезвычайно благосклонно. Сочиненіе это подавало надежду, что поэтъ создастъ много прекраснаго для сцены. Но послѣднее произведеніе его имѣло такъ мало успѣха, что надежды эти разсѣялись. Впрочемъ, и герои проигрываютъ иногда сраженія. Желаемъ, чтобы г. Жоли выигралъ то, ко-

торос онъ дастъ теперь. Перемиріе между нимъ и публикою еще продолжается».

Упреки эти были не очень жестоки; но тогдашніе поэты были крайне чувствительны: фраза объ исчезнувшихъ надеждахъ растерзала бѣднаго Жоли. Дѣвица Кино мало по малу привыкла слышать отзывы не весьма уважительные о своемъ возлюбленномъ и начала сама уважать талантъ его менѣе, чѣмъ прежде. Она начала гораздо менѣе любить его, когда увѣрилась, что онъ утѣшился. Жоли замѣтилъ уменьшеніе любви по иронiи, по насмѣшливости, которыя появились въ разговорахъ дѣвицы Кино. Жоли осуждали за каждое слово, за все, что бы ни сдѣлалъ онъ; находили, что не было ничего на свѣтѣ хуже его манеры ѣсть, нюхать табакъ, брать носовой платокъ, поправлять жабо свое. Находили, что онъ носилъ шляпу свою чрезвычайно дурно, что онъ клалъ ногу на ногу, когда садился, болѣе чѣмъ отвратительно. Бѣдный поэтъ втайнѣ тяжело страдалъ отъ такой перемѣны; но скромность его говорила ему, что дѣвица Кино имѣетъ право презирать его, потому что онъ, для нея, такъ же, какъ и для другихъ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ авторъ освистанной піесы.

Счастіе человѣческое шатко: поколебавшись разъ, оно разрушается быстро. Дѣвица Кино наконецъ убѣдилась, что любовь ея исчезаетъ совершенно. Она призналась въ этомъ Жоли. Они поплакали и рѣшились измѣнить свои взаимныя отношенія. Поэтъ далъ обѣщаніе быть другомъ истиннымъ и нѣжнымъ. Потомъ они поклялись сказать другъ другу, если сдѣлаютъ другія связи. Подобныя предположенія дѣлаются очень часто, но исполняются очень рѣдко. Каждое свиданіе съ дѣвицей Кино было источникомъ новыхъ мученій для бѣднаго Жоли. А она выбрала себѣ другаго любовника и не сказала о томъ ни слова своему другу. Жоли упрекнулъ ее за это нѣжно и не измѣнилъ ни дружбы своей, ни обращенія, но великодушіе было безполезно: *она* даже не замѣтила его.

—

V.

Старшая сестра ея, которую прозвали прекрасною Кино, вошла въ большую моду. Въ числѣ поклонниковъ ея было много людей сильныхъ. По случаю одного спектакля, въ которомъ она восхитительно сыграла роль Пандоры, ей оказали неслыханную милость: она получила квартиру въ самомъ дворцѣ. У ней собиралось самое лучшее общество Парижа; ей угождали, какъ принцессѣ. Въ послѣдствіи, когда красота ея начала увядать, и когда иные начали находить, что она вовсе не такъ умна, какъ думали, — угожденіе это сдѣлалось смѣшнымъ; но въ ту эпоху, о которой говоримъ мы, ее боготворили. Дѣвица Кино младшая сначала скучала у сестры своей; потомъ мало по малу свыклась съ этикетомъ ея гостиной и полюбила великосвѣтское общество, когда нашла въ немъ поклонниковъ. Въ ряды ихъ прежде всѣхъ другихъ стали двое молодыхъ людей, одинаково знатныхъ, одинаково богатыхъ и одинаково прекрасныхъ собою. Это были де Вилларъ и де Куаньи; первый изъ нихъ немного заикался, но говорилъ умно и оригинально; другой не заикался ни сколько, но говорилъ одни учтивости; впрочемъ, оба они были люди предпріимчивые и до расточительности щедры. Аттаку свою противъ дѣвицы Кино они начали подарками. Куаньи послалъ ей серебряный столовый сервизъ, а Вилларъ — брилліанты. Первый задалъ въ честь ея деревенскій праздникъ, къ которому были приглашены актрисы всѣхъ трехъ театровъ; второй угощалъ ее завтраками въ городѣ. Соперничество это продолжалось болѣе мѣсяца. Свѣтъ, разумѣется, забавлялся имъ. Всѣ выжидали, за кѣмъ изъ двухъ соперниковъ останется поле битвы. Оно осталось за Виллaромъ. Послѣ того, какъ дѣвица Кино сыграла съ большимъ успѣхомъ роль въ какой-то піесѣ, дѣйствіе которой происходитъ въ Турціи, Вилларъ явился однажды утромъ къ своей «прелестной» въ турецкомъ костюмѣ; люди его были одѣты также по-турецки. Онъ упросилъ дѣвицу Кино надѣть тотъ костюмъ, въ которомъ играла она въ *ту-*

*

рецкой піесѣ; въ этомъ нарядѣ объѣхали они гулянья, хохоча, какъ сумасшедшіе и моря со смѣху прохожихъ. Вечеромъ, они отужинали въ своихъ турецкихъ костюмахъ; отужинавъ, они до того забыли время, что актриса возвратилась домой уже на другой день утромъ и притомъ такъ поздно, что у ней успѣли перебывать Вольтеръ съ пятымъ дѣйствіемъ «Маріанны», Детушъ съ планомъ новаго сочиненія и Кино, просто, съ визитомъ.

Наша актриса любила Вилляра: по связь ихъ была не долга. Какъ-то разъ, дѣвица Кино увидѣла у своей швеи платья, заказанныя Вилляромъ. Платья эти были сшиты не на ея ростъ, и она угадала, что они предназначались для другой. И въ самомъ дѣлѣ, она узнала ихъ на дѣвицѣ Дезэ, во время репетиціи «Туркарета». Красавица укусила себѣ губки разъ или два, но скрыла свою досаду. На другой день утромъ Вилларъ засталъ ее за вышиваньемъ камзола изъ бѣлаго атласа. Она спросила у него, какъ онъ находитъ ея работу и заставила держать шолкъ. Вышиванье было чрезвычайно красиво. Вилларъ расхвалилъ его и сказалъ, что этотъ великолѣпный камзолъ будетъ дорого цѣнить тотъ, кому подарятъ его. Черезъ три дня, онъ увидалъ его на груди Куаньи. Дѣвица Кино, отплативъ своему «неблагодарному», утѣшилась вполнѣ. Но Куаньи торжествовалъ не долго: черезъ мѣсяцъ, когда мщеніе, для котораго взяли его, удовлетворилось, онъ былъ уволенъ. Эти двѣ неудачныя связи сдѣлали дѣвицу Кино гораздо осторожнѣе и надолго оставили ей непріятныя воспоминанія. Она снова сблизилась съ своими прежними, забытыми друзьями. Жоли былъ изъ первыхъ. Онъ избѣгалъ всякаго намека на послѣднія неудачи дѣвицы Кино: деликатность эта (сдѣлайте милость, извините этотъ провинціализмъ) очень нравилась его «вѣроломной».

Въ это время въ Парижѣ начиналъ пріобрѣтать извѣстность новый авторъ, нѣкто Сенъ-Фуа, выдававшій себя за большаго храбреца и увѣрявшій, что онъ владѣетъ шпагою еще лучше, чѣмъ перомъ. Дирекція французскаго театра приняла піесу его «Граціи», и Сенъ-Фуа объявилъ торжественно, что онъ пошлетъ критикамъ картель, если они неучтиво отзовутся о его піесѣ. Онъ уже имѣлъ подобную *полемическую* стшбку съ однимъ изъ редакторовъ «Меркурія» и положилъ своего противника на мѣстѣ. Сенъ-Фуа началъ волочиться за дѣвицею Кино. Его заносчивость не находятъ дурною, но время, избранное имъ для исканій, было для него не слишкомъ благопріятно: субретка, послѣ двухъ послѣднихъ приключеній своихъ, желала покоя, а не любви. Другіе поклонники, искавшіе тогда ея расположенія, успѣли такъ же мало, какъ и Сенъ-Фуа.

Впрочемъ, актриса наша скучала какъ нельзя болѣе. Она очень усердно зѣвала въ кругу друзей своихъ и говорила съ ними мало и неохотно. Жоли хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобы развеселить красавицу.

Однажды вечеромъ, когда они были вдвоемъ, Жоли, говоря о задумчивости дѣвицы Кино, припомнилъ прежнія времена. Онъ осмѣлился даже говорить о своемъ минувшемъ счастіи и доказалъ, какъ дважды два четыре, что любовь есть вещь превосходная и что связь между актрисою и драматическимъ писателемъ есть самая лучшая связь на свѣтѣ. Потомъ онъ припомнилъ то наслажденіе, которое доставляло имъ чтеніе его роковаго «Мщенія любви». Дѣвица Кино признавалась, что она любитъ это прошлое и что связь ея съ Вилляромъ и Куаньи ничто въ сравненіи съ нимъ. Красавица задумалась и поэтъ удалился съ надеждою въ душѣ. Возвратясь — а возвратился онъ довольно скоро — онъ старался увидать во взорахъ актрисы признаки возврата прежней нѣжности, но увидалъ въ нихъ только безпокойство и смущеніе.

— Что съ вами? спросилъ Жоли, не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ нечаянно?

— Оскорбили! отвѣчала субретка, вовсе нѣтъ; но зачѣмъ говорили вы мнѣ такъ краснорѣчиво о счастіи любить умнаго человѣка? Вы говорили такъ убѣдительно, что я....

— Что вы?... сказалъ поэтъ.

—Что я позволила докончить вашъ урокъ Сенъ-Фуа... онъ пріѣхалъ ко мнѣ почти тотчасъ послѣ вашего ухода. Онъ человѣкъ съ талантомъ и былъ не противенъ мнѣ...

Жоли схватилъ свою шляпу и уѣхалъ въ деревню. Краснорѣчіе его принесло, какъ видите, не слишкомъ хорошій плодъ. Однако жъ, черезъ недѣлю, онъ возвратился. Его «вѣроломная» уже успѣла соскучиться своимъ новымъ любовникомъ и поклялась, что не будетъ любить никого въ всю жизнь.

Заплативъ этотъ послѣдній долгъ безразсудству и нравамъ тогдашняго времени, субретка наша исключительно посвятила себя театру. Публикѣ начали тогда чрезвычайно нравиться піесы Маривò. Дѣвица Кинò имѣла рѣдкое счастіе восхищать ее, играя роли въ этихъ модныхъ и совершенно новыхъ по роду своему піесахъ. Эпоха благоразумія, на которое она обрекла себя, продолжалась почти десять лѣтъ безъ всякаго перерыва. Артисты, расточающіе передъ публикою умъ и чувствительность, нерѣдко забываютъ въ частной жизни и о томъ и о другомъ. Умомъ дѣвица Кинò была богата и не жалѣла его для своихъ ролей, но страстями она была надѣлена не слишкомъ щедро. Не смотря на то, что у ней, по прежнему, собирались люди самые замѣчательные, она не избрала себѣ въ любовники ни одного изъ нихъ и довольствовалась однимъ удовольствіемъ разговаривать съ ними. Удовольствіе это имѣло для нея столько прелести, что она рѣшилась даже пожертвовать для него искусствомъ. Въ 1741 году, еще въ молодыхъ лѣтахъ и во время самыхъ блестящихъ торжествъ своихъ, она оставила театръ. Король и дирекція назначили ей по 1000 франковъ пенсіи. Дѣвица Кинò распорядилась этимъ умѣреннымъ доходомъ такъ расчетливо, что могла каждую недѣлю приглашать къ себѣ друзей своихъ на ужинъ. Въ то же время она постановила правиломъ, чтобы каждый изъ гостей ея приносилъ съ собою повѣсть или разсказъ для прочтенія передъ ужиномъ. Это-то учрежденіе было колыбелью общества, извѣстнаго подъ названіемъ «Société du Bout-du-banc», и существовавшаго довольно долго. Вольтеръ сначала посѣщалъ его засѣданія, но потомъ вовсе оставилъ, не желая встрѣчаться съ Сенъ-Фуа и Пиронômъ, которыхъ онъ не любилъ. Кребильонъ младшій, Монкрифъ, Маривò, аббатъ Вуазенонъ были долгое время членами его и усердно читали въ засѣданіяхъ небольшія статьи свои, — статьи, впрочемъ, весьма не важныя. Даже сама дѣвица Кинò участвовала въ трудахъ его. Жаль, что въ сборникѣ этихъ «трудовъ» не подписаны подъ статьями имена авторовъ: любопытно было бы узнать слогъ этой славной женщины. Вѣрный Жоли былъ послушнымъ членомъ всѣхъ тѣхъ академій, которыя основывала и дѣлала модными дѣвица Кинò. Онъ былъ членомъ академіи des Colporteurs, академіи плащей и пр. названія ихъ мѣнялись каждый годъ. Посреди этихъ литературныхъ занятій, актриса наша незамѣтно пережила ту скучную эпоху жизни, въ которую мы разстаемся съ молодостью. Она постарѣла, ни разу не вздохнувъ о томъ, что старѣетъ, что навсегда прощается съ любовью и волокитствомъ.

—

VI.

Правительство французское начало тогда съ безпокойствомъ обращать вниманіе на писателей, которыхъ современники прозвали «философами». Дидеротъ, д'Аламберъ, Руссо были въ то время друзьями между собою; извѣстность ихъ возрастала съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Они видались то одинъ у другаго, то въ одномъ трактирѣ, находившемся въ улицѣ Fromenteau. Дѣвица Кинò пожелала познакомиться съ ними. Дюкло представилъ ей Руссо, а Руссо познакомилъ съ ней, — правда съ большимъ трудомъ, — Дидерота, большаго неохотника до новыхъ знакомствъ. Дидеротъ посѣщалъ ее весьма рѣдко и то только въ то время, когда у ней были одни друзья его. Такъ-какъ направленіе, которое давали «философы» литературѣ, возбуждало всеобщее любопытство, то дѣвицѣ Кинò за-

видопали, что она принимаетъ этихъ людей у себя за-просто, и ужины ея пріобрѣли большую извѣстность. Впрочемъ изъ великосвѣтскихъ людей бывали на нихъ только де Франкёль да еще какой-то вельможа. Г-жа д'Эпинэ посѣтила ихъ два раза, но еще до того времени, въ которое начали являться на нихъ «философы». Маркизъ де Сенъ-Ламберъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ этихъ собраніяхъ: онъ заботливо старался, чтобы споры, весьма часто вспыхивавшіе между пылкими и нерѣдко гордыми собесѣдниками, не превратились въ ссоры и не разрушили навсегда сихъ «ужиновъ». Дюкло, напротивъ того, скрывалъ подъ грубою откровенностію, самую жестокую зависть, надоѣдалъ дѣвицѣ Кино своею эгоистическою дружбою и, притворно играя роль примирителя, всѣми силами старался перессорить между собою обычныхъ гостей актрисы. Убійственная щекотливость Руссо и простодушное легковѣріе Дидерота благопріятствовали его интригамъ какъ нельзя лучше; однако жъ, благодаря стараніямъ и такту хозяйки, умѣвшей занять каждаго, не злословя ни кого, между гостями ея было довольно согласія въ продолженіе цѣлаго года. Дюкло жестоко нападалъ на современную безнравственность и, подъ этимъ предлогомъ, разсказывалъ бездну соблазнительныхъ анекдотовъ; Сенъ-Ламберъ говорилъ много и краснорѣчиво, а Руссо, неимѣвшій ни дара слова, ни находчивости въ разговорѣ, избѣгалъ споровъ и ограничивался только тѣмъ, что по временамъ отвѣчалъ своимъ собесѣдникамъ торжественными сентенціями. Дидеротъ, какъ бурный водопадъ, разрушалъ своими парадоксами всѣ преграды, противупоставляемыя его краснорѣчію; но онъ бывалъ на этихъ вечерахъ рѣдко, и тѣ дни, въ которые онъ посѣщалъ ихъ, были истинными празднествами. Дѣвица Кино предсѣдательствовала на этомъ турнирѣ остроумія, внезапно останавливала побѣдителя, ободряла побѣжденнаго, обращала ссоры въ шутку и одушевляла общую веселость проказами и шампанскимъ.

Мы должны разсказать здѣсь одинъ случай, дѣлающій большую честь характеру дѣвицы Кино. Она имѣла въ провинціи двоюроднаго брата, который, не задолго предъ тѣмъ, умеръ, оставивъ послѣ себя шестнадцати лѣтнюю дочь. Послѣ распродажи его бѣднаго имущества и уплаты судебныхъ издержекъ, сиротѣ осталось въ наслѣдство только пятьдесятъ экю. Молодая дѣвушка вздумала вступить въ монастырь и написала объ этомъ къ своей парижской тетушкѣ; но дѣвица Кино, какъ истинная актриса, не имѣла наклонности къ монастырской жизни. Посовѣтовавшись съ друзьями своими, она рѣшилась взять сиротку къ себѣ. Гортензія Кино — такъ звали ея родственницу, сѣла, безъ околичностей, въ дилижансъ и пріѣхала къ тетушкѣ. Тетушка была восхищена красотою племянницы, тотчасъ же полюбила ее и обѣщала ей оставить небольшое наслѣдство. «Философы» расхвалили поступокъ дѣвицы Кино и обласкали ея племянницу. Молодая провинціялка была провинціялкою въ полномъ смыслѣ этого слова; отецъ ея гораздо болѣе думалъ о ея насущномъ хлѣбѣ, чѣмъ о воспитаніи. Гости дѣвицы Кино замѣтили въ ней только хорошенькое, умное личико, да черные глаза, а она молча слушала ихъ... послѣдствія показали, что слова ихъ не пропали для нея даромъ.

Гортензія не чувствительно пристрастилась къ теоріямъ философскимъ. Не имѣя руководителя, она судила о «философахъ» по-женски, то есть, отдавала въ глубинѣ души своей пальму первенства тому изъ нихъ, кто былъ краснорѣчивѣе прочихъ. Она не довѣряла Дюкло, видѣла въ Жанъ-Жакѣ страннаго оригинала и считала краснорѣчиваго Сенъ-Ламбера мыслителемъ глубокимъ и основательнымъ. Парадоксы его казались ей истинами. Каждый вечеръ ложилась она спать съ воображеніемъ болѣе и болѣе воспламененнымъ; каждый вечеръ, укрывая свою головку въ подушки, она придумывала новые планы для своей жизни, планы, одинъ другаго страннѣе. Къ счастію, «философы», искавшіе у своей гостепріимной хозяйки одного только развлеченія, безпрерывно мѣняли предметы сво-

ихъ разговоровъ; благодаря этимъ перемѣнамъ, мысли молодой дѣвушки не могли принять никакого опредѣленнаго направленія и походили на тѣ безсильныя волны, которыя безплодно бьются около корабля, стоящаго на якорѣ, и разбиваются сами о себя.

Противъ самой комнатки Гортензіи жилъ одинъ купеческій прикащикъ, весьма часто сидѣвшій у окна. Черезъ улицу, весьма пешірокую, онъ очень хорошо могъ видѣть Гортензію. Къ довершенію несчастія, онъ былъ молодъ, имѣлъ красивые, кудрявые волосы и игралъ на скрипкѣ. Сосѣдъ посылалъ своей сосѣдкѣ самые нѣжные взгляды и напгрывалъ на скрипкѣ самыя нѣжныя аріи. Гортензія иногда кокетливо чесала передъ окномъ свои волосы, но совершенно пренебрегала сосѣдомъ, предполагая, что онъ, какъ купецъ, рѣшительно не понимаетъ философіи. Онъ однакожъ не покидалъ ни нѣжныхъ взглядовъ своихъ, ни арій, въ надеждѣ тронуть наконецъ сердце красавицы. Случай услужилъ ему гораздо лучше, чѣмъ взгляды и музыка.

Однажды вечеромъ, Дюкло пришелъ къ дѣвицѣ съ тѣмъ важнымъ и таинственнымъ видомъ, который онъ принималъ на себя такъ часто. Онъ величаво кивнулъ головою сначала хозяйкѣ, потомъ племянницѣ и безъ церемоніи усѣлся на бержеркѣ.

— У васъ ужинаетъ сегодня Дидеротъ, сказалъ онъ небрежно послѣ минутнаго молчанія.

— Наконецъ - то, отвѣчала дѣвица Кино, наконецъ-то вы принесли мнѣ добрую вѣсть. Надобно подумать о шампанскомъ: Дидеротъ любитъ попировать.

— Безъ сомнѣнія, надобно, сказалъ Дюкло, тѣмъ болѣе, что я велѣлъ ему пить сегодня какъ можно болѣе: пусть хоть не много позабудется.

— Позабудется? развѣ у него есть какое нибудь горе?

— Такъ, стало-быть, вы не знаете, что съ нимъ случилось? онъ влюбленъ по уши въ Бабути, ну, въ ту, знаете, въ дочь книгопродавца, а она вышла за-мужъ за живописца Грёза. Я сейчасъ встрѣтилъ Дидерота. Онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи и собирался скакать въ Россію, въ Гагу, утопиться или по-крайней мѣрѣ, ѣхать въ Монморанси и разсказать о своей бѣдѣ Жанъ-Жаку; но я очень кстати и очень крѣпко обнялъ его, онъ заплакалъ и раздумалъ путешествовать и умирать. Я ужь знаю его. Ему только надобно высказать свое горе. Теперь, нѣсколько строчекъ о непостоянствѣ женщинъ, которыя вставитъ онъ въ какую нибудь свою повѣсть, да тирада, которою вы позабавитесь, успокоятъ его окончательно, и завтра онъ напишетъ къ Гриму: мы пили шампанское, а тебя не было съ нами! — Однакожъ я увѣрилъ его, что у васъ не будетъ никого.

— У меня и въ самомъ дѣлѣ не будетъ никого кромѣ васъ да его.

Дѣвица Кино тѣмъ болѣе была восхищена посѣщеніемъ Дидерота, что ужины ея въ это время вообще были довольно пусты, потому что Сенъ-Ламберъ находился тогда въ арміи, а Руссо оставилъ эрмитажъ только для гостиной г-жи д'Удето. Гортензія, выпросивъ у тетки позволеніе оставаться вечеромъ съ гостями, заглянула въ кухню, гдѣ готовился ужинъ, перемѣнила платье, прилѣпила близъ губокъ мушку, благодаря которой цвѣтъ лица ея сдѣлался еще живѣе, и возвратилась въ гостиную, ожидая съ трепетомъ появленія автора Essai sur le Mérite et la Vertu.

Дидеротъ пришелъ ровно въ десять часовъ. Парикъ его былъ пахлобученъ на брови, шерстяные черные чулки его были плохо подвязаны, «жабо» его было смято. Однакожъ онъ не забылъ извиниться ни въ плачевномъ состояніи своего туалета, ни въ плачевномъ состояніи своего душевнаго расположенія. Черезъ десять минутъ, отворились двери столовой. Дидеротъ подалъ руку дѣвицѣ Кино, Дюкло—Гортензіи, и всѣ они отправились ужинать. Сначала ужина, по меньшей мѣрѣ полчаса было посвящено ѣдѣ и послѣднимъ новостямъ. Вино было славное; «философы» не забывали его. Наконецъ подали десертъ. Дѣвица Кино, по обыкновенію своему, положила локти на столъ: это значило, что наступило вре-

мя совершенной непринужденности. Разговоръ оживился. Начали говорить о *Меркуріѣ*, новой статуѣ Пигаля. Дюкло̀ критиковалъ ее; онъ находилъ, что формы ея не достаточно округлены и что вообще онѣ уклоняются отъ формъ красоты древнихъ; красоты, по его мнѣнію, совершенно правильной, опредѣленной геометрически и долженствующей служить единственнымъ идеаломъ для скульптора. Дидеротъ защищалъ Меркуріи; онъ утверждалъ, что въ красотѣ можно найдти безконечное разнообразіе, и что статуя можетъ быть прекрасна, какую бы идею ни выражала она, лишь бы выражала хорошо.

— Возьмите, говорилъ онъ, *Геркулеса Фарнезскаго*,—одного изъ прекраснѣйшихъ идеаловъ мужчины. Почему прекрасенъ онъ? потому, что хорошо выражаетъ идею баснословнаго полубога; потому, что взглянувъ на его широкія плеча, на его мускулистыя руки, на его атлетическія бедра, вы воскликнете: да, такія плеча могутъ поддержать шаръ земной, такія руки могутъ удушить змѣй, такой человѣкъ можетъ пройдти свѣтъ изъ конца въ конецъ. Это совершенный идеалъ человѣка сильнаго и дѣятельнаго. Но съузьте не много эти широкія плеча, вытяните нѣсколько эту шею и эти ноги, и вы будете имѣть человѣка легкаго, но сильнаго, вы будете имѣть *гладіатора* Агазіаса, и вы скажете: да, онъ можетъ нанести и отразить ударъ, онъ съумѣетъ и ловко отступить отъ врага и ловко напасть на него, онъ сможетъ изогнуть свое тѣло въ кольцо. И менѣе ли прекрасенъ *Гладіаторъ* чѣмъ *Геркулесъ*? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, потому что онъ — совершенный идеалъ гладіатора. Теперь округлите еще эти формы слишкомъ угловатыя, сгладьте эти мускулы слишкомъ рельефныя, и вы создадите человѣка, которому чужда дѣятельность и сила физическая, вы создадите *Антиноя*. Но Антиной вашъ будетъ такъ же прекрасенъ, какъ Геркулесъ, какъ Гладіаторъ, потому что онъ вполнѣ олицетворитъ идею вашу. Точно то же самое должно сказать и объ идеалахъ женщинъ, напр. въ Венерѣ олицетворена красота женщины чувственной, въ Діанѣ олицетворена красота болѣе чистая; сдѣлайте статую дѣвушки, и она будетъ прекрасна, если вы совершенно осуществите вашу идею; сдѣлайте статую Милосердія и она будетъ тоже прекрасна, если вы придадите ей выраженія состраданія, доброты, любви, выраженіе нѣжности материнской. Да, вы можете сдѣлать прекрасную статую носильщика, солдата, дикаря, лѣнивца, сибарита, если только вполнѣ выразите въ вашемъ произведеніи тотъ характеръ, который оно должно имѣть. Вотъ почему *Меркурій* Пигаля, легкій, въ совершенствѣ олицетворяющій собою идеалъ вѣстника боговъ, есть прекрасный Меркурій.

— Вы правы, сказалъ Дюкло̀, однакожъ существуетъ, какъ мнѣ кажется, идеалъ красоты болѣе совершенный, чѣмъ всѣ тѣ, которые исчислили вы; идеалъ, такъ сказать, общій. Если вы возьмете не много силы у *Геркулеса*, не много легкости у *Гладіатора* и не много граціи у *Антиноя*, вы будете имѣть человѣка, способнаго ко всему, человѣка физически совершеннаго: Аполлонъ Бельведерскій есть идеалъ красоты мужеской. Онъ можетъ сдѣлаться носильщикомъ, гладіаторомъ, сибаритомъ, но онъ все-таки останется прекраснымъ мужчиною. Вотъ почему Мессалина...

— Господа, тостъ въ честь красоты! воскликнула хозяйка.

— Пьемъ! сказалъ Дюкло̀; да, формы— вотъ въ чемъ заключается красота.

— Скульптурная, отвѣчала дѣвица Кино̀; но въ природѣ она заключается не въ формахъ; новѣйшіе лучше разгадали ее, они поняли, что истинная красота есть красота не матеріяльная...

— Испорченность вкуса!

— Такъ вы не признаете той красоты, которая выражается въ глазахъ, въ лицѣ? Я рѣшительно отдаю ей первенство и думаю, что красотѣ древнихъ можно только удивляться, а къ той, о которой говорю я, можно чувствовать симпатію. Не правда ли, г. Дидеротъ, вѣдь это не химера?

— Да, вы правы; сочувствіе, которое влечетъ одно существо къ другому послѣ пер-

вой встрѣчи — не химера; но сочувствіе это можетъ произвести и красота душевная и красота физическая... Его-то надобно искать, друзья мои, а не безплоднаго удивленія; поцѣлуй, слеза — дороже рукоплесканій цѣлаго народа. Вина, прошу васъ, вина: я пью въ честь сочувствія.

Дидеротъ выпилъ бокалъ, который былъ налитъ ему и произнесъ жаркую филиппику противъ супружества, жаркій панегирикъ симпатіи.

— Такъ вы посовѣтуете вашей дочери не выходить за-мужъ, а просто взять себѣ любовника?

— Я не говорю этого. Она должна выдти... этого требуетъ свѣтъ; но еслибъ я былъ женщина....

— Славная бы вы были женщина! сказала дѣвица Кино; платья носили бы вы короткія, безъ корсажей, съ античною таліею, вы были бы преслезливою болтуньею и чепчикъ вашъ куда-бы криво держался на головѣ.

— Напрасно вы прервали его, сказалъ Дюкло; онъ только-что хотѣлъ разсказать намъ, какъ бы онъ жилъ, когдабъ былъ созданъ женщиною.

— Ужь конечно, возразилъ Дидеротъ, что я не былъ бы... кокеткою. Меня не соблазнили бы какими нибудь пустяками; мнѣ понравился бы только человѣкъ съ рѣдкими достоинствами, съ благородною, добродѣтельною душою.

— Герои, сказала дѣвица Кино, въ нашъ вѣкъ сдѣлались очень рѣдки и вамъ, *сударыня*, пришлось бы, можетъ быть, жить безъ любовника.

— Я обойдусь и безъ него, сударыня.

— Обойдетесь безъ любовника, обойдетесь безъ мужа! стало быть, вамъ придется обойтись и безъ дѣтей? а вы такъ любите ласкать вашу дочку.

— Сдѣлайте милость... у меня ужь будетъ дочь.

— Право?... какъ же такъ?

— Ужь не безпокойтесь... это мое дѣло...

— Вы были бы, просто, чудомъ.

— Да, я былъ бы лучше всѣхъ этихъ нарумяненныхъ куколъ, которымъ нужна не любовь, а... а интрига; которыя сушатъ молоко въ груди своей для того, чтобы скорѣе отдаться своимъ грубымъ наслажденіямъ. Я былъ бы странною женщиною, еслибъ я былъ женщиною... Я сдѣлался бы матерью, потому что былъ бы достоинъ слѣлаться ею, и еслибъ женщины упрекнули меня тогда, я отвѣчалъ бы этимъ холоднымъ женщинамъ... но, къ чему горячиться, когда все это одни только предположенія? налейте мнѣ, сдѣлайте милость, вина.

Бокалъ былъ наполненъ и Дидеротъ, выпивъ его, снова забылъ, что *все это одни только предположенія*. Рѣчь его закипѣла снова и собесѣдники разлучились не прежде, какъ на часахъ дѣвицы Кино пробило двѣнадцать.

—

VII.

Гортензія не проронила ни одного слова изо всего, ею слышаннаго въ этотъ вечеръ. Когда она возвратилась въ свою комнату, воображеніе ея было настроено самымъ непонятнымъ образомъ, въ душѣ ея было мучительное, сильное желаніе сдѣлаться «философкою»... Она заснула очень поздно; сновидѣнія ея были безпокойны. Ей снилось, что ее отдавали «тирану» то есть за-мужъ, — и что этотъ «тиранъ» объявилъ ей, что онъ будетъ обращаться съ нею, какъ обыкновенно обращаются съ женами. Она съ презрѣніемъ отвергла человѣка столь «недостойнаго», разорвала свое подвѣнечное покрывало и хотѣла бѣжать изъ церкви, но толпа остановила ее, осыпая проклятіями. Наконецъ она проснулась, встала и сѣла передъ открытымъ окномъ.

Тогда была весна. Свѣжій вѣтерокъ шаловливо прокрадывался подъ легкую кофточку Гортензіи; веселые лучи восходящаго солнца золотили плеча ея и шейку... молодая дѣвушка опустила свои длинныя, черныя ресницы; дрожь ея овладѣло то упое-

ніе, которое такъ очаровательно порой весны и молодости... Вдругъ до слуха ея долетѣли жалобные звуки скрипки, — звуки давно ей знакомые. Она взглянула черезъ улицу: сосѣдъ былъ уже у окна своего. У Гортензіи родилась странная мысль.

— Вотъ, подумала она, человѣкъ, который хочетъ мнѣ понравиться. Онъ, однакожъ, не желаетъ быть моимъ мужемъ, моимъ тираномъ: эта низкая мысль чужда ему. Онъ вѣренъ и послушенъ; какъ бы хорошо, еслибъ... еслибъ я полюбила его! я была бы точно такою женщиною, какою хотѣлось быть Дидероту.

Гортензія посмотрѣла на своего сосѣда гораздо внимательнѣе, чѣмъ прежде. Она замѣтила, что въ немъ соединяется красота античная съ красотою новѣйшихъ. Открытіе это родило въ сердцѣ дѣвушки симпатію, ту самую симпатію, о которой говорилъ такъ много и въ честь которой пилъ наканунѣ Дидеротъ. Гортензія убѣдилась, что такой симпатіи противиться не возможно.

Сосѣдъ, не подозрѣвая ничего, принялся за прежнее. Онъ нѣжно взглянулъ на Гортензію; на него взглянули такъ же нѣжно. Онъ положилъ руку на сердце, то же самое сдѣлала и сосѣдка. Онъ осмѣлился послать поцѣлуй; ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ тотъ же часъ надѣлъ свой праздничный кафтанъ, свою новую шляпу и спросилъ знаками, можетъ ли онъ явиться къ «предмету своей страсти»; ему отвѣчали улыбкою. Онъ выбѣжалъ на улицу. Калитка была отворена; онъ проскользнулъ въ нее, осторожно пробрался мимо комнатки привратника, прошелъ черезъ дворъ, взбѣжалъ на лѣстницу и очутился у ногъ сосѣдки.

— Послушайте, сказала ему дѣвушка, нѣсколько испуганная такою смѣлостью, послушайте... вы не думайте, чтобы я согласилась заключить съ вами такой союзъ, который сдѣлаетъ меня вашею рабою. Еслибъ вы были герой... человѣкъ добродѣтельный... я согласилась бы покориться вашей власти... меня увлекла къ вамъ симпатія... симпатія, эта владычица міра... но я хочу остаться свободной.

— Оставайтесь, оставайтесь, сказалъ сосѣдъ; да, я не Цезарь... конечно... я только люблю васъ безъ души... Вы можете быть свободны, когда вздумаете. Я не буду тяготить васъ собою, позвольте мнѣ только поцѣловать эту миленькую ручку, эти розовыя губки.

Просьбы его были исполнены; мало этого: Гортензія простерла свое уваженіе къ философіи еще далѣе.

Сосѣдъ возвратился на слѣдующій день: его приняли еще лучше, чѣмъ наканунѣ. Сосѣдъ началъ являться каждый день. Идеи Гортензіи очень измѣнились, благодаря этимъ посѣщеніямъ: философскія системы ея рѣшительно уступали мѣсто любви. Прошло два мѣсяца, а сосѣда не увольняли въ отставку, и въ одно утро, Гортензія очень твердо убѣдилась, что ей придется быть матерью. Однакожъ увѣренность эта не была для нея, какъ говорятъ, громовымъ ударомъ: Гортензія довольно смѣло призналась во всемъ теткѣ, не утаивъ причинъ, которыя произвели связь. Дѣвица Кино̀ поправила дѣло. — Купецъ, у котораго жилъ сосѣдъ, любилъ своего прикащика; по просьбѣ дѣвицы Кино̀, онъ устроилъ судьбу молодаго человѣка и молодой человѣкъ женился на сосѣдкѣ. Гортензія была всю жизнь довольна своимъ «тираномъ» и вовсе не сердилась, что судьба не забывала ее дѣтьми, весьма законными.

Дѣвица Кино̀ очень любила разсказывать этотъ анекдотъ друзьямъ своимъ. Разсказывая его, она никогда не забывала присовокупить, что тирада великаго энциклопедиста доставила Гортензіи счастіе и магазинъ полотенъ чрезвычайно выгодный.

—

VIII.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, общество дѣвицы Кино̀ разстроилось. Гримъ поссорилъ Дидерота съ Жанъ Жакомъ; Сенъ-Ламберъ разсердился на Руссо за то, что онъ старался понравиться его любовницѣ; Дюкло̀ съумѣлъ еще болѣе раздуть пла-

мень вражды ихъ, и ужины бывшей актрисы опустѣли. Потомъ дѣвица Кино начала посѣщать вечера герцога Бранкаса. Она сдѣлалась, какъ утверждаетъ Гримъ въ своей «перепискѣ», душею этихъ собраній, послѣ которыхъ намъ, къ-сожалѣнію, не осталось ничего.

Полъ старость, дѣвица Кино надѣлала столько долговъ, что была вынуждена разстаться съ парижскою дорогою жизнію и удалиться изъ столицы. Друзья не оставили ее, однакожъ, въ уединеніи; они посѣщали ее часто, не смотря на четыре мили, отдѣлявшія ее отъ Парижа.

Дѣвица Кино умерла въ 1783 году. Ей было тогда по меньшей мѣрѣ восемьдесятъ лѣтъ.

Ш—въ.

МУЗЫКА.

СОФІЯ ЛЁВЕ.

(Статья Генриха Бляза.)

Въ наше время Софія Лёве есть самая замѣчательная пѣвица. Слава ея распространилась по Германіи и достигла до насъ—изъ Берлина. Въ-продолженіе трехъ лѣтъ была она примадонною перваго театра Пруссіи и удовлетворяла талантомъ своимъ всѣмъ требованіямъ репертуара. Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ потому, что для человѣка понимающаго его, оно весьма важно само-по-себѣ. Вообще во Франціи вовсе не знаютъ, что-такое репертуаръ большаго театра германскаго. Привычка наша дѣлить музыку по родамъ и предназначать для каждаго рода особый театръ вовлекаетъ насъ, т. е. Парижанъ, въ необходимость имѣть множество пѣвцовъ и пѣвицъ и весьма стѣсняетъ развитіе нашей музыки. Геніальному произведенію у насъ негдѣ пріютиться, благодаря этимъ классификаціямъ нашимъ — послѣдствіямъ привилегій. Напримѣръ на какомъ парижскомъ театрѣ можно представить »Фрейшюца?« По важности стиля этого произведенія, по оригинальности его и по значенію его въ музыкальномъ отношеніи, слѣдовало бы дать его въ королевской академіи музыки, но академія эта есть театръ спеціальный, театръ, въ которомъ, на основаніи правилъ его, пѣніе не должно имѣть перерывовъ, а Веберъ вовсе не заботился о діалогахъ. Поэтому, чтобы видѣть »Фрейшюца« въ Парижѣ, надобно или дать его на театрѣ комической оперы, — что значило бы совершенно пожертвовать исполненіемъ, — или придѣлать къ нему речитативы, то есть своевольно обезобразить его. (*) Музыку дѣлить по родамъ не возможно: она есть искусство романтическое по превосходству. Кто осмѣлится классифировать »Донъ Жуана« Моцарта? Я никогда не могъ добиться толку въ этихъ странныхъ подраздѣленіяхъ; что такое, напримѣръ, пѣвецъ комической оперы? что онъ поетъ? и чего не поетъ онъ? Существуетъ ли грань, отдѣляющая пѣвца комической оперы отъ пѣвца не комическаго? И такъ какъ всѣ великія музыкальныя произведенія, каковы произведенія Моцарта, Вебера, Бетховена

(*) Что и учинено г. Берліозо. *Ред.*

и Россини (*) заключаютъ въ себѣ то разнообразіе стиля, о которомъ говоримъ мы, такъ какъ во Фрейшюцѣ, въ Оберонѣ, въ Сорокѣ-Воровкѣ (**) Въ Фиделіо заключаются элементы комической оперы и оперы серіи, то или слѣдуетъ отказаться отъ этихъ превосходныхъ созданій, или избирать по два пѣвца для одной и той же роли, — одного для ея легкой, *комической* части, а другаго—для части *серіозной*, драматической? При этомъ невольно приходятъ на мысль тѣ театры (тоже привилегированные), въ которыхъ одинъ актеръ прехрабро размахивалъ руками на сценѣ, а другой говорилъ за него и пѣлъ за кулисами. Привилегіи всегда были вредны для театровъ. Какъ можно требовать, чтобы геній, привыкшій слѣдовать одному только своему собственному внушенію, примѣнялся къ придуманной мѣркѣ? Знаете-ли почему.— Россини, Беллини и самъ Мейрберъ не писали для комической оперы? Потому что они не могли ариѳметически расчислять свое вдохновеніе, потому-что они не умѣли сжимать его по назначеннымъ правиламъ. На самомъ дѣлѣ не существуетъ ни пѣвцовъ большой оперы, ни пѣвцовъ комической оперы, а есть только хорошіе и дурные пѣвцы. Самый великій нашъ артистъ, — артистъ, который наиболѣе содѣйствовалъ возрожденію французской музыки, словомъ Нурри, пѣлъ и въ Весталкѣ, и въ Вильгельмѣ Телѣ и въ Бѣланѣ.

Но въ Германіи подобныя щепетильности вовсе неизвѣстны; тамъ репертуаръ большаго лирическаго театра заключаетъ въ себѣ всѣ произведенія, — древнія и новѣйшія, туземныя и иностранныя, — всѣ, начиная съ *Донъ Жуана*, *Ифигеніи*, *Весталки*, *Фрейшюца* и *Эвріанты* до *Сонамбулы*, *Луціи*, *Посланницы* и даже до *Лонжюмоскаго почтальона*. Тамъ, для нѣсколькихъ діалогическихъ фразъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ по музыкальному тексту, не считаютъ себя обязанными создавать новый родъ музыки, строить новый театръ и ангажировать новыхъ пѣвцовъ, главнымъ дѣломъ которыхъ будетъ игра, а пѣніе—второстепеннымъ, тогда-какъ другіе только и будутъ заниматься однимъ пѣніемъ. Понятно, какъ велика отвѣтственность, тяготѣющая, при подобномъ устройствѣ, на пѣвицѣ, которая желаетъ владычествовать на сценѣ единовластно и нераздѣльно. При подобномъ устройствѣ, сегодня надобно быть доною Анною, Валентиною, Нормою, завтра — Генріетою въ Посланницѣ, Анжелою въ Черномъ Домино, и Богъ знаетъ чѣмъ еще! Скажите же, легко ли подчинить свой голосъ всѣмъ этимъ многоразличнымъ требованіямъ, заставить его мѣняться безпрестанно, заставить переходить отъ выраженія трагическаго къ выраженію самому нѣжному? Въ этомъ отношеніи, Берлинскій театръ нашелъ сокровище въ г-жѣ Лёве: она занимала тамъ два амплуа и исполняла всѣ роли обширнаго репертуара. Это извѣстно всей Германіи. Талантъ г-жи Леве имѣетъ двѣ стороны столь различныя между собою, что по одной изъ нихъ никакъ нельзя составить себѣ понятія и судить о другой; всякой разъ, когда она перемѣняетъ стиль, она измѣняетъ его совершенно и неожиданность контраста васъ удивляетъ еще болѣе, чѣмъ самый контрастъ? Когда вы услышите отъ нея *Аделаиду*, (*) созданіе столь обворожительно мечтательное, самые нѣжные оттѣнки котораго передаетъ она съ такимъ искусствомъ, которому, быть можетъ, не было примѣра подобнаго, — вы подумаете, что женщина, имѣющая душу столь *германскую*,—душу, столь покорную волшебному генію Бетговена, не можетъ быть ни чѣмъ другимъ, не можетъ чувствовать и выражать ничего другаго. Но когда она проноетъ вамъ каватину Обера или Беллини, когда вы увидите, съ какою граціею, съ какимъ милымъ кокетствомъ, съ какимъ изяществомъ пройдетъ она сквозь лабиринтъ вокализа

(*) Сочиненія Россини, безъ сомнѣнія, велики, но имѣютъ ли они столько разнообразія, какъ полагаетъ г. Блазъ. *прим. рус. композитора.*

(**) Эге! *Фиделіо* на одной доскѣ съ *Сорокою воровкою*!!!

(*) Кантата Бетговена, которую любила покойная Прусская королева Луиза. *Прим. Рус. Комп.*

ціи этой каватины, — вы не повѣрите, чтобы передъ вами была Нѣмка! Въ талантѣ г-жи Лёве найдете вы и высокую трагическую энергію и роскошную, какую-то соловьиную легкость; и притомъ, эти два разнородные элемента, столь рѣдко встрѣчающіеся вмѣстѣ, у ней соединяются между собою въ стройности удивительной, то есть, легкость у ней всегда подчинается чувству и беретъ верхъ надъ нимъ только въ легкихъ музыкальныхъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ каватинахъ Обера, исполняемыхъ ею съ искусствомъ, совершенно подобнымъ чудному искусству г жи Даморо, но исполняемыхъ голосомъ молодымъ, свѣжимъ, звучнымъ, серебристымъ, восхитительнымъ! Давно не встрѣчали мы такого стройнаго сочетанія двухъ родовъ, совершенно противуположныхъ другъ другу. Драматическій элементъ —элементъ врожденный. Чувство величія сценическаго обитаетъ въ Лёве и покорствуетъ наукѣ и размышленію. Въ сценическомъ отношеніи она ничего не представляетъ случаю;онаобдумываетъ,изучаетъ каждое слово, каждый свой взглядъ, каждое свое движеніе, словомъ она не вѣритъ своей врожденной граціи и повѣрлетъ ее искусствомъ. Каждая роль, ею созданная, есть результатъ труда продолжительнаго и глубокомысленнаго.

Особенно занимаетъ ее роль доны Анны. Она старается постичь вполнѣ и передать идеалъ, созданный Моцартомъ; для этой цѣли, для того, чтобы разгадать мысль великаго маэстро, она даже заимствуетъ многое у Гофмана, но заимствуетъ со вкусомъ, съ осторожностію. За то во всей Германіи почитается она самою благородною, самою меланхолическою донною Анною: похвала, къ которой нельзя ничего прибавить. Можете же себѣ представить до какой степени любима Софія Лёве въ Германіи. Въ Берлинѣ только и слушали ее одну, только и апплодировали ей одной, только и мечтали о ней одной; голосъ ея, то величественный, то легкій, то меланхолическій, то игривый, приводилъ въ восторгъ этотъ ученый городъ и сводилъ каждый вечеръ съ ума тамошнихъ метафизиковъ, критиковъ и всевозможныхъ докторовъ. Успѣхъ и мода, которыя родятся отъ успѣха, какъ цвѣтъ отъ свѣта, такъ сказать, усыновили ее; и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ интригъ Спонтини, этого величайшаго интригаита въ свѣтѣ, когда дѣло идетъ о его музыкѣ,— интригъ, при которыхъ однакожъ публика всегда брала сторону своей любимицы, Г-жа Лёве не знала въ Берлинѣ ничего непріятнаго и встрѣчала всюду хвалы и удивленіе. Но при этомъ невольно приходитъ на мысль: зачѣмъ же г-жа Лёве оставила страну, гдѣ такъ много ее любили, театръ, который былъ свидѣтелемъ самыхъ блестящихъ торжествъ ея? Зачѣмъ? За тѣмъ, что въ душѣ художника всегда таится та могущественная прихоть, то безпокойное чувство, которое противувольно влечетъ его отъ извѣстнаго къ новому, неизвѣданному, отъ вѣрнаго, заслуженнаго успѣха къ новымъ, еще сомнительнымъ торжествамъ, отъ мирнаго обладанія пріобрѣтенною извѣстностію къ новымъ завоеваніемъ.... Увы! совершенное, апатическое спокойствіе есть удѣлъ однихъ глупцовъ. — Dahin! Dahin! wo die Citronen blühn; — Туда! Туда! гдѣ цвѣтетъ лимонъ, восклицаетъ Миньона. Точно такъ же, въ минуту поэтическаго восторга, воскликнула Софія Лёве: Dahin! Dahin! — Туда! туда! въ отчизну звуковъ сладостныхъ и нѣжныхъ, подъ небо чудноголубое, туда, *гдѣ скромный миртъ, и гордый лавръ растутъ:* туда, гдѣ слышались впервые каватины Чимарозы, гдѣ томно прозвучала лебединая пѣснь задумчиваго Беллини...

Софія Лёве не скоро возвратится въ Берлинъ: она чувствуетъ, что уже достигла того періода развитія таланта, когда для художника мало публики одного города, — хотя бы этотъ городъ былъ столицею огромнаго, цвѣтущаго государства. Она хочетъ видѣть изящное, слышать, изучать его; изъ Парижа она отправится въ Миланъ, изъ Милана въ Лондонъ, потомъ въ Вѣну, въ Петербургъ ( ); она посѣтитъ всѣ сто-

(*) Милости просимъ, милости просимъ! *Ред.*

лицы, она пожнетъ всѣ возможные лавры; ей надобенъ просторъ, какъ надобенъ былъ онъ Зонтагъ, Пастѣ, и Малибранъ, — роднымъ ей по голосу и таланту.

Въ Германіи много спорили о голосѣ г-жи Лёве, (*о чемъ не спорятъ въ Германіи!*) одни считали его soprano sfogato, другіе mezzo soprano. Схватка была жаркая. Что же касается до насъ, то мы, — если позволено будетъ намъ принять участіе въ этомъ спорѣ,—не обинуясь, послѣдуемъ второму изъ означенныхъ мнѣній и рѣшительно скажемъ, что голосъ г-жи Лёве есть mezzo-soprano. Всякому извѣстно, что основныхъ голосовъ существуетъ въ природѣ только два: soprano и contralto, т. е. нѣжность и сила, блескъ и энергія, словомъ, два неизмѣнныя жизненныя начала, всюду встрѣчаемыя. Но первородки эти не всегда встрѣчаются въ полной своей чистотѣ; въ наше же время они чрезвычайно рѣдки. Отъ нихъ-то происходятъ голоса смѣшенные, т. е. такіе, которые, не будучи ни чистымъ сопрано, ни чистымъ контральто, принадлежатъ какъ къ тому, такъ и къ другому роду, берутъ иногда двойную гамму, но не иначе, какъ съ значительнымъ измѣненіемъ существеннаго ихъ характера, Такимъ образомъ, есть голоса mezzo-soprani aigus, (*свѣтлые, рѣзкіе*), mezzo-soprani graves (*густые*) и собственно такъ называемые soprani-contralti (*). Для примѣра скажемъ, что г-жи Персіани и Лёве, имѣютъ mezzo-soprani aigus г-жи Сабина, *Катенька* Гейнефеттеръ, mezzo-soprani graves; а г-жи Малбранъ и Полина Гарція soprani-contralti. Смѣшанныхъ голосовъ вообще встрѣчается весьма много, между тѣмъ совершенно чистое, нормальное сопрано нынѣ имѣетъ только одна Гризи, настоящее же контральто было только развѣ у Маріани или Пизарони Soprano-sfogato беретъ двѣ октавы и съ наибольшею силою проявляется между *ut* и *mi*, тогда-какъ контральто, восходящее отъ *sol* до *mi*, бываетъ въ полной силѣ своей между *si* и *la*. Такова-то приблизительная мѣра этихъ двухъ основныхъ голосовъ, отъ которыхъ происходятъ mezzo-soprani, берущіе, правда, только отъ *re* до *la*, но всегда имѣющіе нѣсколько самыхъ высокихъ, или самыхъ нискихъ нотъ, передаваемыхъ болѣе или менѣе счастливо, смотря потому, принадлежатъ ли сіи голоса къ mezzo-soprani aigus или mezzo-soprani graves. Это-то и вводитъ весьма многихъ въ заблужденіе и, по какому нибудь звуку, вырвавшемуся въ минуту восторга или пріобрѣтенному продолжительнымъ трудомъ, заставляетъ смѣшивать сіи голоса съ голосами чисто-природными. Не должно опредѣлять характеръ голоса по одному только его объему. Сопрано можетъ брать только до *la* и все-таки будетъ сопрано, точно такъ же, какъ и контральто останется контральтомъ, хотя не дойдетъ до *fa* и не будетъ брать ниже *ut*. Голоса дѣлятся по качеству звука ихъ, по степени полноты, съ которою издаютъ они нѣкоторыя ноты. Дѣло не въ томъ, чтобы голосъ могъ свободно пробѣжать тысячи гаммъ фантастическихъ, но въ томъ, чтобы въ немъ была надлежащая средина, полная, звучная, чтобы онъ былъ инструментомъ послушнымъ и полнымъ жизни. Теперь замѣтимъ, что мы причисляемъ голосъ г-жи Лёве къ mezzo-soprani вовсе не потому, чтобы мы не знали всего обилія средствъ этого блестящаго голоса; мы вовсе не желаемъ возобновлять споровъ берлинскихъ и очень хорошо знаемъ, что голосъ этотъ, модулирующій съ безпримѣрною смѣлостію, можетъ брать и ноты Soprano sfogato и ноты контральто, но знаемъ также весьма хорошо, что первобытная сила этого голоса, его могущество, его нормальный и характеристическій звукъ, заключаются между *re* и *la*, т. е. въ тонаціи mezzo-soprano.

Квинта сія служитъ точкою опоры всему ея голосу; она есть,—да извинятъ намъ такое выраженіе—его зародышъ и ядро. Но отъ чего же тѣ сомнительныя ноты, которыя иногда случайно встрѣчаются въ ея пѣніи, принадлежатъ именно этой его ча-

(*) Просто alto, потому, что Contralto имѣетъ другой оттѣнокъ.

Прим. Рус. Композитора.

сти? На это мы отвѣтимъ самымъ простымъ доводомъ, тѣмъ, что часть сіи составляетъ переходъ самый трудный, или, какъ говаривалъ Перъ, мостъ между mezzo-falso и чистымъ falsetto, иначе называемымъ головнымъ голосомъ, и что каждая пѣвица, soprano sfogato или mezzo-soprano, можетъ сфальшивить въ этой части. Мы недавно упоминали о г-жѣ Персіани; скажемъ же что питомица Таккинарди имѣетъ весьма много общаго съ юною германкою, о которой мы говоримъ здѣсь. Голоса обоихъ ихъ имѣютъ одни и тѣже начала; только голосъ г-жи Персіани, издавна убитый трудомъ, такъ сказать, не имѣлъ юности, между тѣмъ какъ голосъ Софіи Лёве и теперь свѣжъ, звученъ, серебристъ, не боится труда и побѣждаетъ всѣ трудности. Надобно слышать какъ поетъ г-жа Леве возвышенную кантату Бетховена, для того что бы составить себѣ идею, о томъ удивительномъ искуствѣ, съ которымъ умѣла она уравнять свой голосъ, основныя раздѣленія котораго можно, по моему мнѣнію, опредѣлить слѣдующимъ образомъ: между mi и sol, соединеніе груднаго голоса съ голосомъ mezzo-falso; между *re* и *fa*, соединеніе mezzo-falso съ чисто *головнымъ* голосомъ. Особенно это послѣднее fa звучитъ въ ея горлышкѣ съ неподражаемою прелестью. Гибкости этого голоса доступно все: ни въ музыкѣ Обера ни въ музыкѣ Россини нѣтъ ничего такого, чего бы не исполнила г-жа Лёве въ совершенствѣ. Никакая гамма хроматическая не страшитъ ее (*); голосъ ея въ подобныхъ трудностяхъ предается такому раздолью, такой фантастической игривости, что, слушая пѣніе ея въ этомъ родѣ, готовъ считать родъ сей ея настоящею стихіею. Но въ самомъ дѣлѣ гибкость голоса г-жи Лёве, какъ намъ кажется, есть болѣе результатъ труда постояннаго, обдуманнаго и счастливаго, чѣмъ дары природы; болѣе пріобрѣтеніе, чѣмъ одна изъ врожденныхъ способностей, весьма часто замѣняющихъ у пѣвицъ силу души и выраженія.

(*) Какая находка для нѣкоторыхъ искателей эффектовъ! *Пр. Рус. Комп.*

Драматическій талантъ г-жи Лёве носитъ на себѣ характеръ голоса ея и имѣетъ одинакое съ нимъ разнообразіе. Повторяемъ, что главнѣйшее отличіе его составляетъ необыкновенное, даже, быть можетъ, странное соединеніе способностей самыхъ разнородныхъ, ни сколько и ни въ чемъ не нарушающихъ общей гармоніи.

Напримѣръ вокализація ея сильнѣе вокализаціи Пасты и Малибранъ,—пѣвицъ *чисто-драматическихъ*, и стиль болѣе обширный, чѣмъ стиль Зонтагъ, г-жи Даморо и даже Персіани. Метода ея вообще хороша и заимствована изъ италіянскихъ источниковъ. Каждый звукъ ея голоса совершенно согласуется съ тѣмъ характеромъ, который придаетъ она музыкѣ; mezza di voce богатъ и полонъ. Но манера ея *низать* звуки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣнія, напримѣръ между *re* и *la*, не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Это чистота металлическая, серебряная, нѣжность безпримѣрная; въ нити звуковъ, созлаваемой ею, нити, никогда не прерывающейся и не оканчивающейся, а какъ-то замирающей, есть нѣчто неопредѣленное, поэтическое, чудесное. Еслибъ Гризи имѣла грудь болѣе сильную, то почти достигла бы въ речитативѣ, предшествующемъ аріи Casta diva, того совершенства, тайна котораго, кажется, извѣстна только одной г-жѣ Лёве. Г-жа Лёве дѣлаетъ изъ этого искусства чудеса, когда поетъ *Аделаиду*. Извѣстно, что кантата сія въ продолженіе десяти лѣтъ была предметомъ изученія и торжествомъ самыхъ знаменитыхъ пѣвцовъ. Надъ ней пробовали свои силы Гайцингеръ, Рубини и г-жа Девріентъ. Г-жа Девріентъ, производившая нѣкогда исполненіемъ *Аделаиды* эффектъ столь огромный, по моему мнѣнію, никогда не передавала ея истиннаго смысла, никогда не придавала ей надлежащаго выраженія: увлекаясь своимъ драматическимъ инстинктомъ, она дѣлала эту элегическую мелодію чѣмъ-то театральнымъ. Софія Лёве поступаетъ совершенно иначе. Она исполняетъ *Аделаиду* съ какою-то пристойною граціею, съ какою-то меланхолическою простотою,—качествами, которыя мно-

гіе могутъ принять за холодность, по которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ характеръ этого произведенія. И сколько поэзіи въ такомъ исполненіи! Это какъ будто уединенное мечтаніе въ тиши Германскаго утра, когда блеститъ роса, когда птички пробуждаются на вѣткахъ, — мечтаніе посреди благоухающаго сада, гдѣ изъ-за куста цвѣтовъ виднѣется скромный деревянный крестъ, воздвигнутый надъ неизвѣстною могилою...

Теперь надобно сказать нѣсколько словъ о репертуарѣ г-жи Лёве. Главнѣйшія изъ ролей, доставившихъ ей знаменитость въ Германіи, суть: Донна Анна, Дездемона, Іессонда и Норма; сверхъ того сюда же должно отнести болѣе простыя, но чрезвычайно прелестныя роли: Генрісты (въ Посланницѣ), Анжелы (въ Черномъ домино) и Графини Рейтергольмъ (въ Густавѣ) (*). Особенно прелестна она въ роли Графини.. Тонъ ея, осанка, движенія, костюмъ—не оставляютъ ничего желать болѣе. И притомъ въ Берлинѣ понимаютъ и любятъ прекрасную музыку *Густава* — музыку, которую во Франціи не умѣли оцѣнить, быть можетъ, потому, что актеры и актрисы не умѣли передать утонченности, меланхолической граціи и прелести, приданныхъ Обером своей партиціи. Я считаю великимъ искусствомъ способность играть трагически, глубоко понимать страсти минувшихъ временъ, быть Ифигеніею, Весталкою и Нормою; но я еще болѣе удивляюсь искусству передавать безъ преувеличенія, безъ неловкости и съ достоинствомъ наши современныя страсти, обыкновенно скрываемыя подъ наружнымъ спокойствіемъ. Признаюсь, что Моле́ я почитаю выше Тальмы. Въ продолженіе послѣдняго полугода, проведеннаго г-жею Лёве въ Берлинѣ, каждый разъ, когда играла она, одинъ маленькій человѣчекъ съ умнымъ и живымъ взглядомъ, съ безпокойною и первическою улыбкою, находился въ одной изъ ложъ и во все представленіе слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Знаете ли кто былъ этотъ таинственный незнакомецъ? Это былъ авторъ Гугеноговъ и Роберта, Мейерберъ! Онъ слѣдилъ изъ глубины ложи за каждымъ переливомъ того чуднаго голоса, для котораго писалъ онъ тогда новое произведеніе, за каждымъ оттѣнкомъ таланта, который онъ потомъ прославилъ во Франціи. Мейерберъ, такъ сказать, охотится за хорошими голосами: онъ ищетъ ихъ всюду и, найдя, отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ въ числѣ тѣхъ избранныхъ, которымъ предполагаетъ ввѣрить судьбу своего новаго творенія. Въ числѣ этихъ избранныхъ находится и голосъ Кандіи, и голосъ Полины Гарціа, и голосъ г-жи Лёве; онъ изучилъ ихъ глубоко и знаетъ лучше самихъ тѣхъ, кто владѣетъ ими, что можно изъ нихъ сдѣлать. Увидите, что Мейерберъ отправится и въ Италію для того, что бы изучить голоса Моріани и Поджи, голоса, которыхъ однихъ только, какъ мнѣ кажется, не достаетъ въ его коллекціи. Право, въ такихъ странствованіяхъ есть что-то фантастическое.

А. Ш—въ.

(*) Извѣстно, что въ Германіи весьма часто измѣняются названія нашихъ оперъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ ДѢВУШКИ.

19-го апрѣля 1841 года, 5 часовъ пополудни.

Все кончено!.... Законъ судьбы свершился!...
Душой прекрасною бѣднѣе сталъ нашъ свѣтъ;
Онъ перла лучшаго лишился....
Ее ужь нѣтъ!... ее ужь нѣтъ!...

Давно-ли, кажется, она еще блистала
Игривостью ума, безпечной остротой,
Такъ радостно цвѣла, какъ бабочка порхала
И громко славилась живою красотой?...
Давно-ли, кажется, она всѣхъ привлекала
Своей сердечной добротой?...

И что жъ?... ужъ нѣтъ ея!... она навѣкъ сокрылась,
Мгновенно намъ блеснувъ, какъ свѣтлый метеоръ.
Она намъ гостьею предстала,... порѣзвилась,...
И тщетно ищетъ ее взоръ!...

Такъ все прекрасное здѣсь на землѣ мгновенно,
Такъ радость и печаль здѣсь объ руку идутъ,
Такъ все живущее и немощно и тлѣнно,
Такъ прадѣды давно насъ, правнуковъ, ужъ ждутъ!

Но горько, больно намъ, когда передъ собою
Мы видимъ красоту, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
И вдругъ предстанетъ смерть.... широкою косою
Взмахнетъ безжалостно.... и красоты ужь нѣтъ!...

О, грустно, грустно намъ!... Несправедливость рока
Невольно мы клянемъ.... Подавлены тоской,
Не можемъ плакать мы,... отъ грознаго урока
Едва опомнившись съ растерзанной душой!

И жизнь тогда для насъ печальнымъ сновидѣньемъ!
Гдѣ горести сильнѣй и мучитъ насъ мечта;
А въ сердцѣ хладъ и пустота!...

Д. Сушковъ.

ОБЩАЯ ЖАЖДА.

(Подражаніе Анакреону.)

Льетъ Зевесъ дожди на землю:
Пьетъ земля, а изъ земли
Пьютъ и рощи и лѣса;
Океанъ пьютъ небеса,
Изъ небесъ пьетъ влагу солнце:
Для чего же мнѣ отказъ,
Если пить прошу у васъ?

П. Ободовскій.

—

КУПЛЕТЫ Д. Т. ЛЕНСКАГО.

(Изъ водевиля: Въ людяхъ ангелъ, не жена; дома съ мужемъ—сатана.)

Какъ скоро деньги есть въ карманѣ,
Скупай дома, вотъ мой совѣтъ.
Дома вѣрнѣе, чѣмъ крестьяне,
И тутъ неурожая нѣтъ.
Дома получше и заводовъ.
Картофель съ свеклой гдѣ идетъ,
И гдѣ нерѣдко всѣхъ доходовъ
И на морковь не достаетъ!

—

(Изъ водевиля: Двѣ кормилицы.)

I.

ФЕКЛА, *кухарка.*

Супротивъ себя ни слова
Ни кому не дастъ сказать:
Что увидитъ изъ съѣстнова,

Все изволитъ утирать!
И ужъ какъ всегда не кстати
Носъ вздымаетъ высоко....
(передразнивая Домну, кормилицу.)
»Я вѣдь тамъ лишь для дитяти,
Что бы было молоко!«

II.

Г. МИКСТУРА *(подлекарь.)*

Забывать при мнѣ границы
Берегитесь какъ огня:
Я подлекарь изъ больницы, —
Вы вѣдь знаете меня!
Эка пылкая натура!
Но вѣдь я лечить горазъ:
Клинъ Герасимычъ Микстура
Вмигъ лекарственца задастъ
Все *по малости* (*) устроитъ
И волненье укротитъ,
Васъ обоихъ успокоитъ,
И какъ разъ угомонитъ.

(*) Любимая поговорка г. Микстуры.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА

РУССКАГО ТЕАТРА.

9-го іюня, бенефисъ г. Григорьева 2.

Креолъ и Креолка, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *И. Аничкова.*

Генрихъ Жервень — г. *Максимовъ*. Сециліи — *г-жа Федорова*. Дестиле — г. *Каратыгинъ* 2. Зилія — *г-жа Дюръ*. Францъ — г. *Григорьевъ* 2. Слуга — г. *Горькавовъ*. Нотаріусъ — г. *Васильевъ*.

Молодой Гаврскій негоціянтъ, изъ креоловъ, Генрихъ Жервень, спасъ отъ потопленія пожилую женщину. Дочь ея, креолка, Зилія, чувствовала за это къ нему благодарность, которая обратилась потомъ въ страстную любовь. Любовь эта заставила ее слѣдовать за Генрихомъ изъ Америки, въ Европу. Торговыя дѣла Жервеня разстроились. Для поправленія ихъ, онъ женился на дочери одного богатаго купца. Зилія, чтобъ не покидать предмета своей любви, остается въ домѣ новобрачныхъ служанкою, не смотря на то, что ея дядя, умершій въ Америкѣ, завѣщалъ ей значительное наслѣдство.

Дѣла Жервеня снова разстроились, благодаря мотовству жены его. Зилія, тайно отъ Жервеня, платитъ за него долгъ, отъ котораго зависѣла честь его фирмы. Онъ, изъ любви и признательности къ Зиліи, хочетъ покинуть навсегда свое семейство, и бѣжать съ нею на край свѣта. Зилія останавливаетъ этотъ порывъ Генриха и, для спокойствія его и счастія его семейства, возвращается въ Америку.

Водевиль этотъ былъ лучшимъ изъ водевилей, составлявшихъ бенефисъ г. Григорьева, который весьма неудовлетворительно, чтобъ не сказать дурно, выполнилъ роль купеческаго конторщика Франца: онъ превратилъ его въ гостинодворскаго сидѣльца. Сцена, гдѣ въ душѣ Генриха борется любовь къ Зиліи съ долгомъ честнаго человѣка и добраго семьянина, г. Максимовъ 1 велъ съ большимъ искусствомъ. Г-жа Дюръ была не дурна въ ролѣ Зиліи. Она, какъ мы замѣчаемъ, вникаетъ сол amore въ характеръ каждой своей роли; а это утверждаетъ насъ въ надеждѣ видѣть современемъ въ г-жѣ Дюръ украшеніе русской комедіи, русской драмы.

Яковъ Шишморинъ, портной изъ Лондона, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ французскаго.

Лордъ Кларендонъ – *г. Толченовъ* 3. Докторъ Вилькенсъ – *г. Смирновъ*. Яковъ Шишморинъ — *г. Мартыновъ*. Бетти — *г-жа Гринева*. Ричардъ–*г. Смирновъ* 2. Джоржъ — *г. Алексѣевъ*.

Піеса эта напечатана въ нынѣшней книжкѣ *Репертуара*. Главную роль въ семъ водевилѣ занималъ *г. Мартыновъ*, и выполнилъ бы ее прекрасно, еслибъ не употребилъ рѣзкихъ фарсовъ въ сценѣ, когда *Шишморинъ* (что за фамилія и по чему дана она доброму, честному простаку?) узнаетъ въ лордѣ Кларендонѣ своего отца.

Купцы, оригинальный водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

Усовъ, градскій глава—*г. Воронов*. Лизоблюдовъ, купецъ – *г. Григорьевъ* 1. Жена его — *г-жа Сандунова*. – Маша, дочь ихъ — *г-жа Скильзевская*. Праходкинъ — *г. Григорьевъ* 2. Рудковъ, сирота — *г. Алекинъ*. Рожновъ, Будкинъ и Чушкинъ, купцы — *гг. Фальевъ, Петровъ и Сосновскій*. Домна, кухарка Лизоблюдова — *г-жа Гусева*.

У Егора Трофимыча Лизоблюдова водятся дочка, Маша, и прикащикъ Рудаковъ, сирота, находившійся у него подъ опекою. Дочка и прикащикъ влюблены другъ въ друга. Отецъ и мать Маши хотятъ выдать ее за пріѣхавшаго къ нимъ изъ Питера торговца съ Апраксина двора, и назначаютъ ей въ приданое домъ, который принадлежитъ Рудкову и которой Лизоблюдовъ присваиваетъ. Рудковъ, ложно обвиненный въ растратѣ хозяйскаго товара, остается безъ куска хлѣба. Градскій глава вступается въ это дѣло, изобличаетъ обманъ Лизоблюдова, возвращаетъ сиротѣ его собственность, и женитъ его на Машѣ.

Почему эта піеса названа *Купцы?* Въ ней одинъ только градскій глава похожъ на русскаго купца; а прочіе – это какіе-то мелочные торгаши, мѣщане или акцизные крестьяне. Поговорки, рыночныя остроты ихъ ужасно надоѣли. — Г. Григорьевъ 2. былъ въ своей сферѣ. Никто вѣрнѣе его не передастъ вамъ живаго портрета Апраксинскаго торгаша.

Левъ Гурычъ Синичкинъ и Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи соч. *г. Ровбе*.

Синичкинъ – *г. Мартыновъ*. Лиза, дочь его – *г-жа Рамазанова*. Губкинъ – *г. Марковецкій*. Чертиковъ, содержатель театра– *г. Аѳанасьевъ*. Долинскій, кавалерійскій офицеръ — *г. Леонидовъ*. Дядя его — *г. Гевлевъ*. Слуга — *г. Горькавовъ*.

Кто изъ посѣтителей Александринскаго театра не знакомъ со Львомъ Гурычемъ Синичкинымъ, съ Макаромъ Алексѣичемъ Губкинымъ? Кто, любуясь ими на сценѣ, не смѣялся до слезъ? Кто не восхищался дочкою Синичкина, Лизою, или *Лизкомъ*, какъ, въ артистическомъ восторгѣ, называлъ ее Левъ Гурычъ? Въ водевилѣ, украшенномъ именами Синичкина и Губкина, только и хорошаго, что эти имена. Они, вѣроятно, были необходимы для бенефисной аффиши! Однакожъ нечего дѣлать, разскажемъ вамъ въ короткихъ словахъ эту длинную, скучную піесу.

Въ Лизу влюблены офицеръ, Долинскій, и содержатель театра, Чертиковъ. Съ помощію Губкина офицеръ женится на Лизѣ.

Г-жа Орлова въ роляхъ Офеліи, Луизы Линъеролъ и Вероники.

Первая роль, въ которой видѣли мы г-жу Орлову, была роль Офеліи. На этотъ разъ трагедія «Гамлетъ», не смотря на лѣтнюю пустоту Петербурга, привлекла въ Александринскій театръ многочисленное собраніе. Г. Каратыгинъ ст., только-что возвратившійся изъ Москвы, былъ уже торжественно встрѣченъ публикою, которая ждала еще чего-то, ждала съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Наконецъ оглушающій, троекратный взрывъ рукоплесканій возвѣстилъ, чего ожидала она: это была г-жа Орлова.

Первая половина роли Офеліи была сыграна г-жею Орловою граціозно и благородно, но нѣсколько холодно. Напримѣръ, вопросъ, который дѣлаетъ Офелія Лаэрту, когда Лаэртъ совѣтуетъ ей забыть Гамле-

та и говоритъ, что «это все мечта», — вопросъ, по видимому, столь простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь важный для души молодой, любящей, это «не болѣе?»—былъ произнесенъ г-жею Орловою слишкомъ равнодушно. Въ спевахъ съ Полоніемъ и особенно въ сценахъ съ Гамлетомъ, мы также пожелали бы ей поболѣе чувства и одушевленія. За то вторая, труднѣйшая половина роли, была исполнена г-жею Орловою превосходно. Смутныя, горькія воспоминанія объ отцѣ, о любовникѣ, истолкованіе значенія цвѣтовъ, словомъ, всѣ подробности сумасшествія были переданы артисткою съ ужасающею естественностію; и мы никогда не забудемъ ни того выраженія въ лицѣ ея, ни той интонаціи голоса, съ которымъ сказано было:

«Я шутилъ — вѣдь я шутилъ!»

Во второй разъ, мы видѣли г-жу Орлову въ роли *Луизы Линьероль*, въ драмѣ тогоже имени. Здѣсь таланту ея предстояло—не скажемъ болѣе трудное, но болѣе обширное поприще. Во всей піесѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ словѣ г-жи Орловой видѣли мы женщину страстно, безгранично любящую своего недостойнаго мужа, любящую, не смотря на самое низкое предательство. Но особенно памятны намъ, особенно поразительны были сцены, гдѣ она, узнавъ о невѣрности мужа, является на свиданіе, назначенное имъ Графинѣ; потомъ, когда она спасаетъ свою соперницу и на конецъ, когда она высказываетъ мужу всю низость его поступковъ и не позволяетъ взять съ собою дочь.

Третьимъ торжествомъ г-жи Орловой была роль Вероники—наилучшая, то есть наиболѣе естественная и на именѣе реторическая роль въ Уголино. Основный элементъ этой роли, также, какъ и роли Луизы, любовь; но любовь молодой, неопытной дѣвушки, любовь, незнающая разочарованія, не подозрѣвающая слова «измѣна». И какъ хороша была г-жа Орлова въ тѣ минуты, когда отдается она на всегда своему возлюбленному! грація ея заставила насъ примириться даже съ натянутостію явленія Вероники на облакахъ.

13 іюня, БЕНЕФИСЪ АКТРИСЫ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго театра г-жи Орловой.

Дочь вора, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

Бюртонъ — *г. Мартыновъ*. Вильямъ — *г. Смирновъ* 2. Гарри Бюртопъ — *г. Каратыгинъ* 2. Карлъ — *г. Толченовъ* 3. Нелли — *г-жа Самойлова* 2. Матросъ — *г. Іевлевъ*.

Вильямъ влюбился въ молоденькую швею, Нелли, происхожденіе которой неизвѣстно. Отецъ его, богатый купецъ, согласился на этотъ бракъ. Пріѣзжаетъ *изъ чужа издалече дядя* Вильяма и останавливаетъ сватьбу, не соглашаясь, чтобъ племянникъ его взялъ жену безъ имени, безъ денегъ.

Получены изъ Лондона газеты, въ которыхъ напечатано, что *знаменитый* Англійскій воръ, Макинсонъ, осужденный на смерть и потомъ помилованный королемъ, умеръ въ глубокой старости, оставя послѣ себя *десятокъ милліоновъ*, вѣроятно, рублей!!! и одну дочь, неизвѣстно гдѣ скрывающуюся. Въ предположеніи, что Нелли — эта наслѣдница, дядя Вильяма не только согласился на бракъ его съ нею, но настаиваетъ, чтобъ сватьба эта была сыграна какъ можно скорѣе. Открывается, что Нелли не дочь *вора милліонера*, а сестра бѣдняка *капитена* купеческаго судна. Вильямъ женится на ней.

Водевиль этотъ не имѣлъ успѣха.

Жизнь за жизнь, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. *г. Беклемишева*.

Жоржъ Треланъ — *г. Каратыгинъ* 1. Генрихъ д'Епернозъ — *г. Максимовъ* 1. Клеменція — *г-жа Орлова*. Леопольдъ — *г. Смирновъ* 2. Жаверваль — *г. Мартыновъ*. г-жа Даржпе — *г-жа Копылова* 1. Д'Алиньи — *г-жа Полякова*. Докторъ — *г. Васильевъ*. Гости — *гг. Толченовъ* 2, *Сергѣевъ*, *Петровъ* 1 *и Яблочкинъ*. Слуга — *г. Фалле*.

Жоржъ Треланъ, отправясь, по дѣламъ службы, на Антильскіе острова, оставилъ въ Парижѣ молодую жену. Возвратясь изъ путешествія, онъ находитъ ее на смертномъ одрѣ. Она умерла, прижимая къ сердцу ми-

ніатюрный портретъ Генриха д'Еперноза. Треланъ клянется надъ трупомъ ея отомстить, и жестоко, сопернику. Д'Еперновъ женатъ на прекрасной Клеменціи. Треланъ начинаетъ волочиться за нею. Клеменція, огорченная измѣною своего мужа, хочетъ мстить ему тѣмъ же. Она назначаетъ Трелану свиданіе въ полночь. Треланъ черезъ окно пробрался въ ея спальню. Мысль, что должно нарушить супружескую клятву поколебала намѣреніе Клеменціи. Она, со слезами, умоляетъ Трелана удалиться. Пораженный ея невиннымъ взоромъ, убѣжденный силою ея словъ, Треланъ уходитъ. Д'Еперновъ, на утро, падаетъ подъ ударами его кинжала.

Это основа драмы: *Жизнь за жизнь*, заимствованной изъ повѣсти, которую мы гдѣ-то читали. Названіе ея запамятовали, въ чемъ и просимъ извиненія. Въ сей драмѣ есть нѣсколько сценъ, заслужившихъ вниманіе посѣтителей нынѣшняго бенефиса *г-жи Орловой*. Театръ былъ полонъ до нельзя. *Гг. Каратыгинъ* и *Максимовъ* и бенефиціантка выполнили свои роли вполнѣ артистически. Въ особенности *г. Каратыгинъ* и *г-жа Орлова* изящны были въ сценѣ, когда Треланъ, дыша мщеніемъ, убѣждаетъ Клеменцію наградить любовь его, и когда она на колѣняхъ умоляетъ не оскорблять супружеской вѣрности.

Полковникъ старыхъ временъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи перев. съ французскаго.

Маркизъ Юлій де Креки — *Г-жа Орлова*. Лефоше — *г. Григорьевъ* 1. Генрихъ де Блансе — *г. Леонидовъ*. Октавъ де Блансе — *г. Максимовъ* 2. Флошаръ — *г. Мартыновъ*. Эрнестина *г-жа Самойлова* 2. Сержантъ — *г. Іевлевъ*. Капралъ — *г. Чайскій*. Слуга — *г. Пономаревъ*.

Водевиль *полковникъ старыхъ временъ* — старинный знакомецъ Петербургскихъ и Московскихъ посѣтителей русскаго театра. Первыхъ восхищалъ въ этой піесѣ талантъ *г-жи Асенковой*; а послѣднихъ приводитъ въ восторгъ игра *г-жи Орловой*. Мы видѣли, и не однократно, въ семъ водевилѣ ихъ обѣихъ и, кладя руку на сердце, отдаемъ пальму преимущества незабвенной *Асенковой*.

Въ нынѣшнее представленіе этой піесы одна *г-жа. Орлова* сыграла свою роль какъ должно; а прочимъ, кажется, измѣнила память.

ТЕАТРЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Въ Одессу прибыла Русская труппа г. *Зеленскаго*. Репертуаръ ея разнообразенъ. Говорятъ, что въ этой труппѣ есть артисты талантливые. Вотъ нѣкоторыя изъ піесъ, которыя они намѣрены дать:

Кремневъ, др.
Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод.
Ревизоръ, ком.
Сватанье на Гончаровкѣ, вод.
Наталка Полтавка, опер.
Фрегатъ Надежда, драм.
Шельменко, писарь — и Шельменко, деньщикъ, ком.
Катерина или золотой крестикъ, вод.
Параша Сибирячка, драм.
Два купца и два отца, вод.
Харьковскій женихъ, вод.
Кетли, вод.
Задушевные друзья, вод.

Меринось, вод.
Иголкинъ, купецъ Новгородскій драм.
Чиновникъ особыхъ порученій, вод.
Ножка, вод.
Дезертиръ, вод.
30 лѣтъ жизни игрока, драм.
Коварство и любовь, тр.
Русскій человѣкъ добро помнитъ, драм.
Русалка часть 1-я и 2-я, оп.
Тереза, женевская сирота, драм.
Двѣ женщины противъ одного мужчины, в.
Пожилая дѣвушка, вод.
Дѣвушка-гусаръ, вод.
Отецъ какихъ мало, вод.
Мужъ какихъ мало и жена какихъ много, в.
Покойная ночь, вод.
Полковникъ старыхъ временъ, вод.
Сиротка Сусанна, вод.
Отшельница, ком.
Хороша и умна, и глупа и дурна, вод.
Горе отъ тещи, вод.
Жена кавалериста, вод.
Козьма Рощинъ, рязанскій разбойникъ, д.
Красное покрывало, драм.
Мужъ въ каминѣ, а жена въ гостяхъ, вод.
Два брата Бодри, или женишься перемѣнишься, вод.
Матросъ, вод.
Соколъ князя Ярослава Тверскаго, драм.
Заемный мужъ, вод.
Мирандолина, ком.

МОЗАИКА.

Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ комедіи Ревизоръ вскорѣ послѣ перваго представленія ея, къ одному литератору (*).

....Ревизоръ сыгранъ—и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно—тягостное облегло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться изъ Парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ враломъ, блѣдное лице, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни и намѣка въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ, онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ, видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ и потому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно, и говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину;—и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе-бы выигралъ, если-бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ, и сказалъ-бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфарониски театрально, онъ лжетъ съ чувствомъ, въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минуту-

(*) Изъ Журнала *Москвитянина*.

Ред.

та въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть-бы что нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіономіи, рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно несравненно легче каррикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицъ-мундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны, и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который по видимому ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, чорствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключаетъ въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены между прочимъ хорошихъ достоинствъ было-бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ-бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой ролѣ, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто нибудь на него пальцомъ, и не назвалъ-бы его по имени. Словомъ это лицо должно быть типъ многаго разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій, хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только конечно въ кожѣ другаго, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. — Словомъ рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни; дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

И такъ неужели въ моемъ Хлестаковѣ невидно ничего этого? Не ужели онъ просто блѣдное лице, а я въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія думалъ, что когда нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движеній, дадущихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. Объ восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ судья я былъ самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ее приняла пьесу даже съ участіемъ, другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами; тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ Ревизора Городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде; ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей

ширинѣ талантъ свой, объ коемъ уже начинали отзываться равнодушно, и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевилихъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. За то оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія, дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ-ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ нибудь вынесетъ и не такъ обкаррикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно каррикатура. Уже предъ началомъ представленія увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что просто было не выносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и безсовѣстно каррикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ, но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска. Не знаю самъ, отъ чего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе піесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво; признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я однако-же не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано, стало быть, сказалъ я самъ въ себѣ, я плохо выполнилъ эту сцену; и точно, теперь, во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно, и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ-же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло не много сильнѣе, по крайней мѣрѣ естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ піесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ,—пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи Ревизора.

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и піеса кажется какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ, три минуты долженъ не опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ-же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера и пр и пр. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Не смотря на всѣ эти прочія, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: нѣтъ. Это не свяжетъ ни мало, это не унизительно; пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не оста-

новятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега: напротивъ, вошедши въ нихъ она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицѣ его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи разнообразія для него бездна. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другаго, какъ не похожи ихъ характеры, и степень боязни и страха въ слѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается поражены городничій; инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья; особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр. и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ но они дать въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти, и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль, и не смотря на то, что повелимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня не достаетъ больше силъ хлопотать и спорить, я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми; мнѣ опротивѣла моя піеса. Я хотѣлъ-бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда. и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо....

1856 г. мая 25
С. Петербургъ.

—

ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА НА ТЕАТРѢ.

При дворѣ Наполеона былъ такъ называемый домашній спектакль. Въ немъ участвовала и императрица Жозефина. Давали комическую оперу: *Blaise et Colas*. Жозефина пропѣла арійку, и театръ задрожалъ отъ рукоплесканій. Вдругъ раздался свистъ. Это была шутка самого Наполеона. Императрица подошла къ аванъ-сценѣ, и, обращаясь къ зрителямъ, сказала: »Господа, кому не нравится нашъ спектакль, тотъ можетъ уйти; деньги, *заплаченныя имъ за входъ*, возвращены ему будутъ изъ кассы!«

—

ПОРТРЕТЪ ОТЦА РАШЕЛИ.

Отецъ знаменитой актрисы *Рашель*, жидъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, рѣшился, какъ онъ самъ говоритъ, *прокотаться:* онъ заказалъ одному изъ лучшихъ живописцевъ свой портретъ. Этотъ портретъ, цѣлая аллегорическая картина. Вотъ ея содержаніе. Въ великолѣпно убранной комнатѣ, папа Феликсъ (такъ называютъ этого Еврея Французы) облаченный въ бархатной амарантнаго цвѣта халатъ, принимаетъ посѣщенія тѣней Корнеля и Расина. Они пожимаютъ ему дружески руки. Папа Феликсъ удостоиваетъ ихъ благосклонною улыбкою, которая краснорѣчиво говоритъ: чтобы съ вами, горемычные, было, еслибъ я не произвелъ *Рашели!*

—

БЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОКЪ ПѢВЦА РУБИНИ.

Итальянскій пѣвецъ *Буффо Руджіеро* давалъ въ Парижѣ концертъ, въ которомъ участвовали *Рубини*, *Гризи* и другія знаменитости итальянской оперы. За нѣсколько минутъ до концерта, *Рубини* спросилъ *Руджіеро:* много ли собралось публики? — Мало, любезный другъ, отвѣчалъ со вздохомъ Буффо, указывая на ряды пустыхъ креселъ въ концертной залѣ. — Если такъ, то я беру всѣ остальныя мѣ-

ста; если на порожнія кресла наклеить эрлыки съ надписью: *loué* (заняты) сказалъ *Рубини*.

Концертъ начался, сыграли увертюру, и *Гризи* пропѣла уже первую арію; являются въ залу двое долговязыхъ лордовъ, ищутъ незанятыхъ креселъ и вездѣ встрѣчаютъ: *loué*. Англичане подошли къ *Руджіеро* и спросили у него двухъ билетовъ.—Мѣста всѣ заняты, отвѣчалъ Буффо, но если вамъ угодно, я сведу васъ къ тому, кто откупилъ всѣ порожнія кресла. Они вошли въ уборную *Рубини*.—Милостивые государи, сказалъ пѣвецъ, чтобъ помочь бѣднику концертисту, я купилъ у него за тысячу франковъ всѣ порожнія мѣста въ залѣ: если вамъ угодно заплатить эту сумму за два билета, то они къ вашимъ услугамъ. Предложеніе это подстрекнуло народную гордость Британцевъ: одинъ изъ нихъ съ флегматическою миною, вынувъ изъ кошелька ассигнацію въ 1000 франковъ, отдалъ ее *Рубини*. Публика пришла въ восторгъ отъ аріи Чимарозы, которую пропѣлъ *Рубини* и которая разогрѣла даже холодныхъ лордовъ.—»Мы очень дешево заплатили за наслажденіе слышать васъ и познакомиться съ вами, сказали англичане *Руджіеро*, по окончаніи концерта.

Гр. Кр.

ОПЛЕУХА - СВАХА.

Мать знаменитаго нѣмецкаго артиста и драматическаго писателя Шредера, развелась съ своимъ мужемъ, и вступила сперва на театръ, а потомъ во вторый бракъ съ извѣстнымъ также артистомъ *Акерманомъ*.

Поводомъ къ этому браку былъ слѣдующій случай: *Акерманъ*, играя часто на сценѣ съ г-жею *Шредеръ*, однажды подшутилъ надъ нею, и весьма неосторожно. Пылкая артистка ударила его за это по щекѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, *Шредеръ* раскаялась въ дерзкомъ своемъ поступкѣ, и чтобъ загладить его и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать *руку-преступницу* (хотя она была *правая*), отдала ее *Акерману*.

СМѢСЬ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Les deux Serruriers (два слесаря), драма въ пяти дѣйствіяхъ.

Въ одной изъ бѣднѣйшихъ лачугъ богатаго города Лондона, лежитъ при смерти старикъ Девисъ. Онъ былъ нѣкогда богатъ; въ нищету же попалъ по милости банкира Муррея. У Девиса два сына, слесарь и столяръ. Старшій изъ нихъ, Егоръ, лечился въ больницѣ отъ раны, которую онъ получилъ спасая (отъ чего? не вѣдаемъ) молодую дѣвицу. Выйдя, полубольный, изъ госпиталя, онъ ищетъ для себя работы и не находитъ, та же неудача и брату его. Полиція описываетъ остальную ихъ рухлядь. Въ этой крайности, Павелъ продаетъ себя въ солдаты и уплачиваетъ долгъ. Отецъ ихъ умеръ. Егора позвали куда-то на работу. Павелъ отправился въ полкъ.

Егоръ въ домѣ банкира Муррея куда пригласили его, чтобъ отпереть сундукъ, отъ котораго ключъ потерянъ. Въ этомъ сундукѣ хранятся всѣ акты, всѣ капиталы банкира; а ему необходимо сію же минуту внести значительную сумму, или лишиться навсегда кредиту. Егоръ узналъ Муррея. Мщеніе заговорило въ немъ: «вотъ прекрасный случай отомстить за погибель твоего отца! не отпирай сундука, и «Муррей—банкротъ»! (богатый Лондонъ, видно, не богатъ слесарями)! Входитъ молоденькая и пригоженькая дѣвушка: ее-то Егоръ спасъ, ее-то онъ любитъ. Это Женни, дочь банкира. По просьбѣ ея, Егоръ отпираетъ сундукъ. Муррей вынимаетъ изъ него деньги и приказываетъ Егору запереть снова сундукъ и сдѣлать къ нему новый ключъ; старый же найденъ другимъ слесаремъ, товарищемъ Егора, Бурлеемъ — негодяемъ, пьяницею. Этотъ негодяй прокрался въ домъ Муррея, отперъ упоминаемый сундукъ, выкралъ изъ него бумажникъ, въ которомъ надѣялся найти пачки ассигнацій и банковыхъ билетовъ и нашелъ только разныя семейные акты, между коими было духовное завѣщаніе, которое Бурлей вздумалъ обратить въ свою пользу. Егора, подозрѣваемаго въ этой кражѣ, посадили въ тюрьму, но скоро освободили, узнавъ его невинность.

Украденное Бурлеемъ завѣщаніе объясняетъ тайну банкира: Егоръ — его племянникъ, котораго онъ лишилъ состоянія. Муррей склонилъ, за большія деньги, Бурлея на убійство Егора. Несчастный тяжело раненъ и почтенъ убитымъ. Банкиръ, рѣшился своеручно заколоть Бурлея, но этотъ, защищаясь, пронзилъ кинжаломъ Муррея. Егоръ обвиненъ и въ семъ преступленіи..

Въ тюрьмѣ встрѣчаетъ онъ Бурмел, и спасая свою жизнь отъ нападенія этого злодѣя, убиваетъ его, и находитъ у него означенное завѣщаніе, *по силѣ* котораго вступаетъ онъ во владѣніе своимъ имѣніемъ и, безъ сомнѣнія, женится на своей кузинѣ, Женни Муррей.

Эта драма — цѣлый романъ, исполненный интереса, сцены въ немъ разнообразны и завлекательны, развязка его неожиданна. Прибавьте къ этому слогъ правильный, цвѣтистый, исполненный теплоты, и вы не удивитесь тому, что *два слесаря* имѣютъ блистательный успѣхъ на театрѣ *de la porte-saint-Martin*.

—

L'Ingénue (*простота*). комическая опера, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г. Дюпенл*, музыка *Г. Коле*.

Въ сей операѣ пять лицъ, но дѣйствующихъ четыре: это баронесса (имени, отчества и фамиліи ея не имѣемъ чести знать), племянница ея Бланка, какой-то прокуроръ Донъ Равинонъ и г. Фердинандъ. Прокуроръ влюбленъ въ баронесу, а молодой человѣкъ г. Фердинандъ въ премиленькую и препростенькую дѣвушку, Бланку. Любовники наши т. е. прокуроръ и молодой человѣкъ прогуливаются по ночамъ и мечтаютъ... что влюбленные не должны никогда спать, и обязаны всегда мечтать-это дѣла рѣшенныя... Бланка, которая также была влюблена, а потому также прогуливалась по ночамъ, встрѣтилась однажды съ Фердинандомъ. Онъ поцѣловалъ ее *въ плечико*. Бланка, не разглядѣвъ (тогда было темно), кто осмѣлился на этотъ поступокъ, прибѣгаетъ въ отчаяніи домой. Бланка (о простота!) твердо увѣрена въ томъ, что дѣвушка, которую мужчина (кромѣ жениха) поцѣлуетъ до замужства принесетъ вѣчное несчастіе своему супругу; а поэтому она отказываетъ Фердинанду въ рукѣ своей. Тутъ начинаются вопли, аріи, дуэты и припадки отчаянія. Фердинандъ хочетъ броситься въ рѣку. И какъ, скажите, не поднять бѣдняку на себя руки? Прокуроръ тоже прогуливался въ ночь ужаснаго поцѣлуя; сего-то принимаютъ за дерзкаго *цѣлователя* и за него-то хотятъ выдать Бланку. Наконецъ открытъ настоящій преступникъ и Бланка, не опасаясь болѣе *вѣчнаго несчастія*, выходитъ за Фердинанда

Музыка сей оперы не лишена достоинствъ. Первые куплеты Бланки и тѣ, которые она поетъ съ садовницею, не безъ идеи; фактура ихъ заслуживаетъ вниманія. Въ *morceaux d'ensemble* встрѣчаются замѣчательные, пассажи. Мы увѣрены, говоритъ французскій критикъ, что г. Коле, почувствовавъ разность между комедіею и драмою, будетъ поскупѣе на звуки трубъ и литавръ. Звуни эти вовсе не согласуются съ дѣйствіями и характеромъ *простенькой*, хотя и не глупой Бланки.

—

Freyschütz, (*Фрейшюцъ*), опера, соч. *Вебера*, вновь поставленная въ Парижѣ на сцену Берліозомъ.

Это превосходнѣйшее произведеніе Вебера сдѣлалось извѣстнымъ Парижанамъ, въ переводѣ г. Кастиль-Блаза, представленномъ въ первый разъ на театрѣ Одеона, 7 декабря 1824 г., подъ названіемъ *Robin de Bois*. Публика приняла передѣлку г. Блаза такъ холодно, что дирекція Одеона не рѣшилась повторить представленія въ продолженіе цѣлой недѣли. Но потомъ, мало по малу, Парижане оцѣнили первоклассныя красоты «Фрейшюца», не смотря на тогдашнее его искаженіе, и съ восхищеніемъ слушали оперу Вебера почти ежедневно.

Когда Одеонъ отдѣлился отъ оперы, предоставивъ сцену свою исключительно новѣйшей драмѣ, *Robin de Bois* исчезъ изъ парижскаго музыкальнаго міра и являлся до нашего времени только два раза. Первое изъ этихъ появленій совершилось въ 1830 году, во время пребыванія въ Парижѣ труппы нѣмецкихъ актеровъ.

Либретто Фрейшюца было пропѣто тогда на томъ языкѣ, на которомъ было оно написано, но не было выслушано съ должнымъ уваженіемъ, хотя въ числѣ германъ-

скихъ артистовъ, учавствовавшихъ въ исполненіи этой оперы, находились знаменитые г-жа Шредеръ-Девріентъ и г. Гайтцингеръ. Впрочемъ, хоры нѣмецкіе, ни сколько не похожіе на автоматическіе хоры французскіе, чрезвычайно понравились парижскимъ дилетантамъ. Они не произвели однакожъ благодѣтельной перемѣны во французскихъ хорахъ.

Въ 1835 году, комическая опера вздумала, въ свою очередь, возобновить «Робена»; но, не смотря на участіе въ этой операѣ заслуженныхъ артистовъ, попытка «оперы» не имѣла успѣха, и имя Вебера вскорѣ исчезло съ театральныхъ афишъ. Чему должно приписать это фіаско? Своенравію ли публики, или исполненію и обстановкѣ «Робена»? Кажется, послѣднее изъ этихъ двухъ предположеній основательнѣе перваго.

Слѣдовательно, королевская академія музыки сдѣлала *четвертую* попытку надъ постановкою Фрейшица. Вотъ что говорятъ о ней авторы и *переводчики*:

«При постановкѣ на французскую сцену образцоваго произведенія Вебера, мы *не аранжировали* его, а тщательно старались передать сколь возможно вѣрнѣе какъ либретто, такъ и музыку. Въ партиціи маэстро не сдѣлано ни какаго измѣненія: порядокъ, послѣдовательность, полнота и инструментовка сохранены въ немъ съ строгою точностію. Только *разговорный* діалогъ, употребленіе котораго воспрещено въ королевской академіи музыки, замѣненъ речитативами, которымъ приданъ однакоже калоритъ, отличающій все сочиненіе. Музыка дивертисементовъ состоитъ изъ арій, балетовъ, «Оберона и Преціозы» (оперъ Вебера), къ которымъ сочинитель музыки речитативовъ присовокупилъ, инструментовавъ для оркестра, но не измѣнивъ ни одной ноты, знаменитое рондо для фортепіано, извѣстное подъ названіемъ *приглашеніе на вальсъ* (также Вебера). Либретто же авторъ (?) старался вполнѣ придать ту наивную простоту, которою отличается нѣмецкое либретто, слѣдуя притомъ неизмѣнно ритму музыки и переводя, нерѣдко слово въ слово, самыя мелочныя подробности этой піесы, — піесы, отличительный характеръ которой составляетъ германская поэтическая наивность.

Къ этому объявленію намъ прибавить нечего. И притомъ, читателямъ нашимъ весьма хорошо извѣстны исторіи «Волшебнаго стрѣлка» и его волшебныхъ пуль. Мы скажемъ только, что въ передѣлкѣ г. Кастиль Блаза тремя пулями меньше, чѣмъ въ настоящемъ переводѣ. За исключеніемъ этого отступленія, въ немъ нѣтъ ничего новаго; даже речитативы г. Берліоза очень напоминаютъ прозу г. Кастиль Блаза.

Увертюра Фрейшица, сдѣлавшаяся нынѣ классическою, произвела свой обычный эффектъ.

Многое знакомое, еще свѣжее въ памяти Парижанъ, было вновь выслушано ими съ удовольствіемъ. Маро, по временамъ, былъ очень хорошъ въ роли Макса; Буше съ одушевленіемъ пропѣлъ въ первомъ дѣйствіи: *Dans la joie et les plaisirs*, а дѣвица Но (*Nau*), исполнила роль Анеты вообще прекрасно. Г-жа Штольцъ, игравшая трудную роль Агаты, — впрочемъ, не совсѣмъ безукоризненно, превосходно передала молитву втораго дѣйствія, характеръ которой столь согласенъ съ ея контральто; хоръ охотниковъ, въ третьемъ дѣйствіи, публика заставила повторить. Однакожъ журналъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти подробности, утверждаетъ, что хористы «оперы» далеко не равняются съ нѣмецкими хористами 1830 г., въ совершенствѣ передавшими всѣ характеристическіе оттѣнки этого хора. Развязка піесы, совершенно новая для Парижанъ, не обратила на себя особаго вниманія зрителей, утомленныхъ третьимъ дѣйствіемъ, въ которое вставилъ г. Мазилье свои дивертисементы. Впрочемъ нѣкоторыя части этого балета очевидно не понравились публикѣ, не смотря на всѣ усилія Мабиля, Петипа и дѣвицъ Дюмилатръ и Бланжи.

Дирекція не слишкомъ израсходовалась на обстановку этой оперы. Замѣчательна только одна сцена — именно та, въ которой льютъ пули. — Въ продолженіе ея театръ

представляетъ прогалину въ сосновомъ лѣсу, блѣдно освѣщенную луною, — луною, свѣтъ которой отражается въ каскадѣ живой воды, пробивающемся между горами. Адская охота, оканчивающая сцену, могла бы быть лучше: бѣлый газъ, позади котораго пролетаетъ она, не придаетъ ей вида ужасающаго и охотники ея вовсе не похожи на призраковъ.

—

Fabio le Novice (послушникъ Фабій), драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, соч. гг. Шарля Лафона и Ноэля Парфэ.

Миланъ томится подъ игомъ Испанцевъ. Двое знаменитыхъ и храбрыхъ Испанцевъ замышляютъ свергнуть это иго; но одинъ изъ нихъ, графъ Мазони, увлеченный не поддѣльною любовью, похитилъ дочь маркиза Леганиза, президента «совѣта общественнаго спокойствія», и тайно женился на ней. Старшій братъ его, Оттавіо, участвовавшій въ одномъ возмущеніи, задержанъ и казненъ, по опредѣленію этого совѣта. При вѣсти о казни Оттавіо, графъ клянется вѣчною ненавистію, вѣчнымъ мщеніемъ за гибель брата. Но маркизъ Леганизъ открылъ убѣжище своей дочери; онъ желаетъ разлучить ее съ похитителемъ, и видя, что она не исполняетъ его просьбъ, проклинаетъ ее, предсказывая ей въ то же самое время, что сынъ ея погибнетъ въ бунтѣ или на эшафотѣ. Графиня, испуганная этимъ предсказаніемъ и незабывшая еще страшнаго обѣта мужа своего, ввѣряетъ сына своего на воспитаніе одному пріору доминиканскому, между тѣмъ, какъ графъ думаетъ, что онъ похищенъ Испанцами.

Прошло много лѣтъ. Графъ Мазони, послѣ долгаго пребыванія во Франціи, возвратился въ Миланъ и, благодаря щедрости своей и благодѣяніямъ, успѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь и всеобщее уваженіе. Несчастный братъ его, Оттавіо, оставилъ послѣ себя дочь; графъ взялъ ее къ себѣ и воспиталъ, какъ собственное дитя свое. Донъ Гарсіасъ, испанскій вельможа, ищетъ руки ея; но она уже любитъ другаго, незнакомаго молодаго человѣка. Донъ Гарсіасъ дѣлается однажды свидѣтелемъ свиданія любовниковъ; между соперниками вспыхиваетъ ссора. Является графиня и узнаетъ, что молодой незнакомецъ есть сынъ ея, Фабій, который, какъ Донъ Жуанъ, не знаетъ тайны своего рожденія и не можетъ ужиться съ тишиною затворничества. Онъ всякую ночь видится съ племянницею Мазопя. Графиня, въ памяти которой еще свѣжо зловѣщее предсказаніе отца, графиня, которую Фабій считаетъ своею кормилицею, именемъ матери убѣждаетъ сего послѣдняго ѣхать во Францію; но Фабій прежде отъѣзда желаетъ проститься съ своею Юліею. Онъ въ послѣдній разъ тайно уходитъ изъ своей кельи. Комнаты, въ которыя проникаетъ онъ ночью, принадлежатъ графу. Фабій скрывается на балконѣ. Оттуда онъ подслушиваетъ всѣ подробности заговора противъ Испанцевъ; Филиппъ II скончался; Поликастро, вѣрный другъ графа, поспѣшилъ предварить его объ этой новости, еще неизвѣстной Милану. Заговорщики думаютъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; графъ надѣется отмстить смерть Оттавіо; но въ то же время убѣжище Фабія открыто. Фабій пристаетъ къ заговору; заговорщики преданы, арестованы; Фабій находится въ числѣ арестованныхъ. Онъ уже приговоренъ къ смертной казни, эшафотъ для него уже воздвигнутъ, какъ вдругъ губернаторъ объявляетъ, что онъ даетъ бланкъ за своею подписью тому, кто выдастъ графа Мазони. Графинѣ предстоитъ тяжкое испытаніе: ей надобно погубить сына, если не погубитъ она мужа. Но любовь материнская беретъ верхъ: графиня выдаетъ мужа и спасаетъ сына. При задержаніи графа, ему передали письмо, которымъ былъ выданъ онъ. Мазони узнаетъ почеркъ жены своей и, не зная, что Фабій сынъ его, обвиняетъ ее въ прелюбодѣяніи. Графиня выводитъ его изъ заблужденій. Въ эту минуту клики побѣды раздаются въ Миланѣ; пришельцы испанскіе бѣгутъ изъ города; Миланцы врываются въ

тюрьму, гдѣ заключенъ Мазонп: ими предводительствуетъ сынъ графа, Фабій. Таково-то заключеніе піесы, о которой говоримъ мы, піесы, принятой Парижскою публикою благосклонно.

—

Un Mariage sous Louis XV (*бракъ въ царствованіе Людовика XV*), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. А. Дюма.

Конечно вы не забыли еще піески: *Соперники самихъ себя?* Въ ней пятнадцатилѣтняго юношу женятъ на двѣнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, по приличію, т. е. по расчету. Сначала эти супруги-дѣти ненавидятъ другъ друга, а потомъ влюбляются другъ въ друга. Эта комедія одно-актная, а вотъ вамъ комедія въ пяти дѣйствіяхъ! основа же обѣихъ ихъ одинакова.

Графъ де Кандаль и кузина его, Луиза, съ дѣтства ихъ, провозглашены были женихомъ и невѣстою. Войдя въ совершеннолѣтіе, они соединились бракомъ. Графъ любитъ какую-то маркизу; графиня любитъ какого-то *юношу* и, откровенно, сознаются въ этомъ одна другому, а въ *слѣдствіе сего* и *постановили* между собою жить хотя вмѣстѣ, но не иначе какъ брату съ сестрой. При Людовикѣ XV это всегда такъ дѣлывалось! Арія, пропѣтая графинею, увѣрила *юношу*, что она вѣрна ему платонически. Настала ночь; графъ пошелъ въ спальню, которая была направо, графиня пошла въ спальню, которая была налѣво. Первая ночь — конецъ перваго акта.

Во II дѣйствіи графиня любитъ еще юношу, но холоднѣе прежняго, *поелику* мужъ позволилъ ей любить его. Графиня, узнавъ, что супругъ ея любезничаетъ передъ одною кокеткою, беретъ у своей горничной, Мартонъ, уроки въ кокетствѣ, Графиня не влюблена еще въ мужа, но хочетъ уже нравиться ему. Настала вторая ночь. Графъ пошелъ въ спальню направо, графиня пошла въ спальню налѣво. Вторая ночь — конецъ втораго акта.

Въ III дѣйствіи является дядя молодыхъ супруговъ. Подагра препятствовала ему пріѣхать къ нимъ на свадьбу. Узнавъ, что племянникъ и племянница его живутъ между собою не ладно, читаетъ *нотаціи* и тому и другой и юношѣ, котораго подъ благовиднымъ предлогомъ выпроваживаетъ изъ дома новобрачныхъ. Дядя, сказавъ имъ, что лучше будетъ для нихъ развестись, чѣмъ жить такъ, какъ они живутъ, отправился въ Версаль. Супруги, по отъѣздѣ дядюшки, рѣшились объясниться между собою о томъ, какъ имъ жить-быть впередъ. Это объясненіе сблизило ихъ нѣсколько. Между тѣмъ наступила и третья ночь. Графъ пошелъ въ спальню направо, графиня пошла въ спальню налѣво. Третья ночь — конецъ третьяго акта.

Въ IV дѣйствіи графу приходитъ охота рѣшительно сблизиться съ графинею: онъ постучался въ двери комнаты ея. Нѣтъ отвѣта, и дверь не отворяется. Графиня потребовала новаго экипажа, графъ отказалъ въ немъ; ей вздумалось ѣхать въ публичный маскерадъ, ему вздумалось отклонить ее отъ этого, потому что онъ самъ собрался туда же съ своею маркизою.

Графиня посылаетъ за своимъ *юношею*, чтобъ съ нимъ отправиться въ маскерадъ. Въ припадкахъ ревности молодые супруги подписываютъ *разводную*. Однакожъ между графомъ и юношею назначена на утро дуэль. Всѣ ѣдутъ въ маскерадъ. Такъ проходитъ четвертая ночь и такъ оканчивается четвертый актъ.

V Дѣйствіе. Въ маскерадѣ баронъ де Салльянъ оскорбилъ чѣмъ-то графиню де Кандаль: *юноша*, который въ то время шелъ съ ней подъ-руку, вызываетъ барона на дуэль; но графъ не хочетъ, чтобъ кто другой, кромѣ его, защищалъ честь его жены. Онъ идетъ на эту дуэль. Тутъ графиня въ слезахъ бросается на грудь дяди и объявляетъ, что она влюбилась въ своего мужа, который тоже признался, что и онъ безъ памяти отъ своей жены. *Юноша* бѣгаетъ, ищетъ и не находитъ своего соперника, и, отъ нечего дѣлать, говоритъ, что оба

противника убиты. Графиня въ отчаяніи. Приходитъ мужъ ея, отъ котораго она узнаетъ, что раненъ, и то слегка, баронъ Салльянъ. Графиня въ восторгѣ; но появленіе полицейскихъ, которымъ приказано взять подъ арестъ за дуэль графа Кандаля, охладило этотъ восторгъ. «Я графъ Кандаль!» восклицаетъ *великодушный юноша*, »я иду въ тюрьму!» Графъ, пользуясь этимъ великодушіемъ, оставляетъ *юношу* въ рукахъ полиціи, а самъ съ супругою уѣзжаетъ въ деревню и тамъ, на чистомъ воздухѣ, заключаетъ съ нею вѣчный миръ. Что авторъ комедіи: *Бракъ въ царствованіе Людовика XV* хотѣлъ доказать ею? — недоумѣваемъ. Основа первыхъ четырехъ актовъ этой піесы, заимствована изъ старинныхъ комедій *Соперники самихъ себя* (и передѣланной потомъ въ оперу) *Адольфъ* и *Клара*. Пятый актъ вы встрѣтите въ дюжинѣ драмъ и мелодрамъ, новѣйшей французской фабрикаціи.

Г. Дюма вѣроятно, чтобъ болѣе охарактеризировать разговорный языкъ при Людовикѣ XV, ввелъ въ свою піесу много простонародныхъ, чтобъ не сказать неприличныхъ словъ. Служанка Мартона, есть субретка того времени. — Почему? — потому, что при Людовикѣ XV всѣ служанки назывались не иначе какъ Мартонами и, *въ крайности только*, Лизетами.

—

En secondes noces (Мужъ. женихъ своей жены,) водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Мельвиля и Кармуша.

Этотъ мужъ, которому суждено было сдѣлаться женихомъ собственной жены своей и даже отпраздновать съ нею вторичную свадьбу, есть г. Дезире Корнилье, по ремеслу »артистъ-куафферъ«. Г. Корнилье вовсе не любитъ жены своей, не смотря на то, что она очень мила и очень много задолжала. Онъ преслѣдуетъ хорошенькихъ, а его преслѣдуютъ полицейскіе сыщики. Въ самомъ жару этого двойнаго преслѣдованія, Корнилье предполагаетъ отправиться въ маскерадъ, гдѣ одна »обольстительная« г-жа Галатея назначила ему свиданіе и обѣщала »пожертвовать для него« мужемъ, а можетъ быть, даже и любовникомъ. Къ несчастію, этотъ мужъ или любовникъ находится въ числѣ сыщиковъ, неотвязчиво преслѣдующихъ парикмахера, и, еще къ большему несчастію, жена Корнилье, г-жа Атала, перехватываетъ письмо, которое несомнѣнно убѣждаетъ ее въ невѣрности мужа. Г-жа Корнилье сначала плачетъ, потомъ рѣшается отмстить »вѣроломному« цирюльнику, надѣваетъ домино, точно такое-же, какъ должна надѣть ея соперница, и ѣдетъ въ маскерадъ. Корнилье, обманутый сходствомъ костюма, попадается въ просакъ; онъ принимаетъ жену свою за г-жу Галатею, и приглашаетъ ее ужинать къ себѣ же на домъ. Но, увы! Разгнѣванная Атала, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ мужа изъ комнаты, пишетъ къ нему письмо, въ которомъ прощается съ нимъ навѣки; беретъ свой салопъ, свою шляпку, и уѣзжаетъ въ дилижансѣ. Корнилье возвращается въ надеждѣ увидать Галатею, и видитъ письмо жены и находитъ своего полицейскаго соперника съ сыщиками. »Артистъ куафферъ« такъ недоволенъ этою встрѣчею, такъ не любитъ тюрьмы, что выпрыгиваетъ въ окно. Занавѣсъ опускается: цирюльникъ спасенъ.

Во второмъ дѣйствіи г. Корнилье и г-жа Атала находятся въ Америкѣ, въ Бостонѣ. Зачѣмъ же переплыли они моря? Какими судьбами г-жа Атала попала въ модистки, нажила милліоны и называется мисъ Петерсонъ? А вотъ какъ: она поѣхала въ Бостонъ не одна, а съ кузиною, мамзелью Зеновіею. Кузина эта умерла на пути; но по какой-то ошибкѣ, умершею была сочтена не она, а г-жа Атала. И такъ, Атала приняла имя своей кузины; подъ этимъ именемъ пріѣхала въ Америку, начала работать и, по водевильному *произволенію*, нажила себѣ огромное богатство. Корнилье, успѣвъ, съ своей стороны, сдѣлаться купеческимъ прикащикомъ,

пріѣзжаетъ также въ Америку съ образчиками шелковыхъ матерій. Онъ приходитъ съ этими образцами къ мамзель Зеновіи, и, къ величайшему изумленію, узнаетъ, что она не мамзель Зеновія. а мадамъ Корнилье, прежде бывшая его сожительница. Но мадамъ никакъ не хочетъ въ этомъ сознаться. Парикмахеръ въ отчаяніи: разбогатѣвшая жена ему очень нравится; онъ волочится за нею; онъ даже осмѣливается оспоривать ее у какого-то мулата, страстно въ нее влюбленнаго. Наконецъ г-жа Атала смягчается: она соглашается отпраздновать съ мужемъ своимъ свадьбу во второй разъ, съ тѣмъ однако же, чтобы г. Корнилье всегда и во всемъ повиновался ей.

Піеса эта имѣла успѣхъ, благодаря многимъ забавнымъ сценамъ, которыми надѣлили ее авторы.

—

Une veuve de la grande armée, (Вдова Большой Арміи), піеса (?) въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, соч. гг. Теолона, Дартуа и Клервиля.

»Вдова« гг. Теолона, Дартуа и Клервиля чрезвычайно понравилась парижской публикѣ. Она, и въ самомъ дѣлѣ, вдова очень не скучная. Если угодно, вотъ ея похожденія:

Ее зовутъ Маріэтою; отецъ ея, офицеръ, убитый на войнѣ, заставилъ ее, въ то время, когда она еще ни разу не была вдовою, поклясться, что она не выйдетъ за мужъ ни за кого, кромѣ военнаго. Маріэта клянется исполнить этотъ завѣтъ, и, послѣ смерти отца, уѣзжаетъ къ теткѣ, въ деревню. Въ этомъ уединеніи въ нее влюбляется и сй самой очень нравится молодой, богатый бочаръ, Ландри. Но, какъ выйдти не за военнаго? Не возможно! Не возможно тѣмъ болѣе, что Ландри превеликій трусъ и боится военной службы; хоть и страшно любитъ Маріэзту. Словомъ, невозможно. Бѣдный Ландри горюетъ, не знаетъ на что рѣшиться, колеблется между трусостью и любовью.... колеблется такъ долго, что одинъ »военный,« сержантъ Лагренадъ, похищаетъ у него руку прекрасной Маріэты.

Ландри, съ отчаянія, бросился въ море.

Жаль, потому что, черезъ четверть часа послѣ свадьбы, мужа Маріэты убили на сраженіи. Молодая вдова рѣшается сдѣлаться маркитанткою и слѣдовать за полкомъ, въ которомъ служилъ ея мужъ. Она слѣдуетъ за нимъ всюду, въ Австрію, въ Италію, въ Испанію, въ Россію и, во время всѣхъ этихъ походовъ, перебывала замужемъ сначала за поручикомъ, потомъ за капитаномъ, потомъ за полковникомъ, потомъ за генераломъ. Довольно!—Конечно не мало, но чтожъ за бѣда? Всѣ эти мужья военные, она не отступаетъ отъ воли ни на волосъ и притомъ всѣхъ этихъ господъ убивали тотчасъ послѣ ихъ свадьбы. И вотъ, послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ супружествъ, дѣвица Маріэта возвращается къ тетушкѣ въ деревню,—безъ мужа; съ титуломъ »вдова большой арміи« и съ непремѣннымъ намѣреніемъ выйдти вновь за мужъ. Въ заключеніе желаніе ея исполняется: она находитъ себѣ новаго мужа,—болѣе прочнаго чѣмъ прежніе,—въ особѣ бывшаго бочара Ландри, который не только не утопулъ,но даже сдѣлался »военнымъ«.

—

La protectrice, (покровительница), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Гг. Э. Сувестра и Брюна.

Г. де Беркуръ, романистъ, химикъ, содержатель звѣринца, любитъ какую-то баронесу, которая любитъ какого-то молодаго человѣка, который, въ свою очередь, любитъ какую-то молодую дѣвушку, которая — фу, сколько которыхъ! — которая только что пріѣхала изъ пансіона на пароходѣ. На этомъ пароходѣ она видѣла »художниковъ.« Ужъ конечно это были художники, говоритъ она чрез-

вычайно остроумно, у нихъ такіе большіе усы и зонтики.« Въ это-то время, то есть вскорѣ по пріѣздѣ молодой пансіонерки, г. де Беркуръ вздумалъ хлопотать о мѣстѣ для Г. Леонса д'Албреза, съ давняго времени пламенно желавшаго принять *участіе въ пользахъ міра*. Великодушіе г. де Беркура имѣетъ однакожъ причину довольно основательную: когда я доставлю ему мѣсто, — думаетъ Беркуръ, — онъ можетъ жениться на Лаурѣ и оставитъ мнѣ баронесу. Мало этого: расчетливый благодѣтель даже разсказалъ о своемъ великодушіи г-жѣ баронесѣ, страстно любившей Леонса. А эта баронеса покровительствовала Лаурѣ не такъ, какъ покровительствуютъ обыкновенныя, дюжинныя покровительницы, а какъ не покровительствуетъ ни кто въ свѣтѣ. Она подсушала молодыхъ людей въ минуту недвусмысленную; но отмѣнно чинный разговоръ ихъ такъ тронулъ ее, что она рѣшается пожертвовать своимъ счастіемъ для ихъ счастія и возвѣщаетъ Леонсу, что она выхлопотала ему мѣсто, объявляя въ то же время Беркуру, что она дозволяетъ ему сопровождать ее въ Италію. Слѣдуютъ крѣпкія рукожатія и чувствительныя объятія. Очень, очень хорошо: не мѣшаетъ ни сну, ни пищеваренію.

—

Manche à manche, (квиты между собою) водевиль, соч. г. Розье.

Г. Серьёнъ былъ нѣкогда красивымъ морскимъ офицеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ негодяемъ. Этотъ-то г. Серьёнъ соблазнилъ нѣкогда одну дѣвушку, и *подарилъ* ее тоже дѣвушкою; объ эти дѣвушки, мать и дочь, исчезли во времена республики. Какимъ образомъ? Кчему объ этомъ разсказывать? довольно и того, что онѣ исчезли и что о нихъ г. Серьенъ не имѣетъ никакого извѣстія. Для интриги піесы только это и нужно. Между тѣмъ, молодой красивый офицеръ изрядно состарѣлся и женился на Аретузѣ де Монтаборъ, аристократкѣ и прегордой, которую также нѣкогда не скажу соблазнили, но *подарили* совершенно маленькимъ ребенкомъ. Слѣдовательно супруги наши *квиты между собою*. Однакоже они не разсказываютъ другъ другу о своихъ старинныхъ »слабостяхъ.«

У г-жи Серьёнъ есть горничная, молоденькая, хорошенькая, робкая; ее зовутъ Маріею. Г-жа Серьенъ терпѣть не можетъ Маріи, потому что Марія слишкомъ нравится г. Серьёну. Супруги бранятся по этому поводу. Марія уѣдетъ отсюда, говоритъ жена; Марія останется, отвѣчаетъ мужъ, нахлобучивая картузъ свой. Ссора ихъ становится сильнѣе и сильнѣе, какъ вдругъ пріѣзжаетъ двоюрдный братъ Серьена, тоже морякъ по имени Монмеди. Серьенъ разсказываетъ ему о своихъ домашнихъ неудовольствіяхъ и Монмеди рѣшается возстановить супружеское согласіе; но, хлопоча объ этомъ, онъ узнаетъ въ Маріи молодую дѣвушку, которую видалъ онъ въ Лондонѣ и въ которую онъ тамъ влюбился. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему удается выѣдать отъ г-жи Серьенъ ея »тайну и: онъ пользуется этимъ открытіемъ и вынуждаетъ свою кузину не отсылать Маріи. Но вотъ еще новое открытіе: Марія—дочь Серьена и въ то же время дочь г-жи Серьенъ. И такъ г. Серьенъ былъ тотъ самый, который *подарилъ* нѣкогда Аретузѣ, совершенно маленькаго ребенка!« Супруги очень довольны этимъ открытіемъ, обнимаются и выдаютъ Марію за Монмеди.

Піеса эта, благодаря остротамъ автора и забавнымъ сценамъ, на которыя не скупъ г. Розье, имѣла успѣхъ.

—

Le Balais d'or ou un homme arrivé, (золотая половая щетка или человѣкъ, достигшій своей цѣли) водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Галеви и Жема.

Леонъ Гозланъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ литераторовъ Французскихъ, недавно написалъ превосходную повѣсть, герой, который есть г. Ришомъ, простякъ москотильникъ, имѣющій лавку подъ вывѣскою *Золотой Щетки*. Этотъ честный купецъ, наживъ большое состояніе и выдавъ за мужъ дочь свою, вздумалъ оставить торговлю и зажить, какъ говорится, въ свое удовольствіе. Для этой цѣли, достопочтенный г. Ришомъ купилъ дачу, охотничье ружье и сдалъ свою торговлю зятю. И вотъ онъ, нѣжно поцѣловавъ дочь свою и своего стараго прикащика Фурниссо, отправляется въ свое новое *помѣстье*: сколько удовольствій ожидаетъ меня тамъ! мечтаетъ г. Ришомъ: охота, рыбная ловля, прогулки, а вечеромъ доброе, дружеское общество.... Но увы! онъ пріѣзжаетъ въ *помѣстье* свое во время проливнаго дождя; домъ его имѣетъ видъ печальный, садъ его также смотритъ очень не весело, все окружающее его печально невыносимо. Общество, которое находитъ онъ тамъ, не доброе и дружеское, а самое непріятное; онъ идетъ ловить рыбу и возвращается не съ рыбою, а съ простудою; онъ охотится, и не убиваетъ ни одного зайца, ни одной куропатки, но зато устаетъ до чрезвычайности. Г. Ришомъ принимается за садоводство, но, не имѣя никакихъ познаній по этой части, не можетъ вырастить ни одной рѣпки. Г. Ришомъ приходитъ въ отчаяніе отъ своихъ неудачъ и тяжело груститъ о своей конторѣ, о своемъ старикѣ Фурниссо, о своей знаменитой *Золотой Щеткѣ*. Къ довершенію несчастія, онъ узнаетъ, что торговыя дѣла его, имѣвшія столь выгодную извѣстность, приходятъ въ упадокъ, потому что зять его, желая попасть въ депутаты, не занимается дѣлами и сочиняетъ брошюры. Старый, закоптѣлый магазинъ Ришома передѣланъ за ново; газъ заступилъ въ немъ мѣсто, масла а золотая щетка, тридцать лѣтъ красовавшаяся надъ почтеннымъ именемъ Ришома, исчезла съ вывѣски.... Узнавъ объ всемъ этомъ, эксъ—москотильникъ рѣшается пособить горю: онъ возвращается въ Парижъ и принимается хлопотать за своего зятя. Онъ такъ краснорѣчиво говоритъ въ пользу его, что избиратели назначаютъ депутатомъ.... самаго Ришома. Но эксъ—москотильникъ не честолюбивъ; онъ отказывается отъ этой чести, выхлопатываетъ званіе депутата зятю и снова вступаетъ въ завѣдываніе своими торговыми дѣлами. Нѣтъ, кажется, надобности, говорить, что золотая щетка будетъ снова сіять на вывѣскѣ, сіять, къ великому удовольствію Фурниссо, котораго г. Ришонъ дѣластъ своимъ товарищемъ по торговлѣ.

Вотъ содержаніе повѣсти Гозлана! Гг. Галеви и Жемъ воспользовались ею по своему. Изящную прозу г. Гозлана замѣнили они тяжелою, вялою прозою своего издѣлія, прибавивъ къ лицамъ, созданнымъ г. Гозланомъ, крестника Ришома,—особу крайне незабавную. Крестника этого зовутъ *Элуа*, онъ влюбленъ въ дочь москотильника, (не смотря на то, что она замужемъ) и, съ отчаянія, платитъ долги своего соперника. Въ вознагражденіе за такое великодушіе, онъ дѣлается товарищемъ Ришома и мужемъ какой-то дѣвочки, нарочно для того придуманной авторами.

—

Adrienne ou le théatre et la famille, (Адріэна или театръ и семейство), водевиль, соч. гг. Девержера и Латура.

На Парижскомъ театрѣ Gymnase есть одна безталанная, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ, хорошенькая собою актриса M-lle Nathalie. Г-жа Натали славится въ Парижѣ своимъ умѣньемъ одѣваться и такъ дорожитъ этою славою, что играетъ не иначе, какъ въ такихъ роляхъ, въ которыхъ должно являться въ самыхъ пышныхъ костюмахъ. Говорятъ, что г-жа Натали ни когда не совѣтуется ни съ авторами, ни съ товарищами своими, артистами, но за то не отступаетъ ни на волосъ отъ приказаній своей швеи и своего парикмахера....

Мы говоримъ объ этомъ потому, что водевиль г. Девержера и Латура написанъ именно для того, чтобы г-жа Натали могла создать новый костюмъ. Къ несчастію, костюмъ на этотъ разъ не имѣлъ успѣха, и по окончаніи піесы вызванъ не былъ. Однакожъ, мы должны разсказать вамъ, что такое происходитъ въ этой Адріенѣ. Г-жа Адріена — актриса и притомъ актриса извѣстная, получающая большое жалованье; она содержитъ свое семейство, помѣщаетъ куда-то своего негодяя-брата, спасаетъ сестру свою отъ обольщенія, выдаетъ ее за мужъ и обѣщаетъ — молодому живописцу, Раймунду, »отдать свое сердце.« И только.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

за Май и Іюнь 1841 года.

МАЙ.

26. *Бол. т.* Озеро волшебницъ 2 д. Бал. Гитана Бал. Возстаніе въ Сералѣ, 3 д. Бал.
27. *Ал. т.* Отцовское проклятіе др. въ 2 д. Левъ Гурычь Синичкинъ, к. вод. въ 5 д.
28. *Ал. т.* въ Людяхъ ангелъ не жена, вод. въ 3 д. 17 и 50, лѣтъ к. вод. въ 2 д. Представленіе Французскаго водевиля въ русской Провинціи вод. въ 1. д.
Бол. т. Робертъ, оп. въ 5 д.
30. *Ал. т.*, Боярское слово, др. въ 2 отд. Мельничиха въ Марли вод. въ 1 д. Макаръ Алекс. Губкинъ, опера въ 1 д.

ІЮНЬ.

1. *Ал. т.* въ Людяхъ Ангелъ не жена, вод. въ 3 д. Путаница, вод. въ 1 д. Любовныя записки мужа, вод. въ 1 д.
2. *Бол. т.* Морскій разбойникъ, бал. въ 2 д. Семикъ, дивертисементъ.
3. *Ал. т.* Гамлетъ, тр. въ 5 д. Представленіе Французскаго водевиля, въ Русской Провинціи.
4. *Бол. т.* Жидовка, оп. въ 5 д.
5. *Ал. т.* Добрый геній, вод. въ 3 д. Левъ Гурычь Синичкинъ к. вод. въ 5 д. Невлюбляйся безъ памяти, шут. вод. въ 1 д.
6. *Ал. т.* Гризельда, тр. въ 5 д. Донъ-Жуанъ, Бал. въ 3 д.
8. *Ал. т.* Луиза Линероль, др. въ 5 д. Два отца Два купца, к. вод. въ 2 д.
Ножка, вод. въ 1 д.
9. *Ал. т.* Креолъ и Креолка, вод. въ 2 д. Левъ Гурычь Синичкинъ и Макаръ Алексѣевичь Губкинъ, вод. въ 1 д. Купцы, вод. въ 2 д. Яковъ Шишиморинъ, вод. въ 2 отд.
11. *Бол. т.* Любовный напитокъ, оп. въ 2 д. Мельники, Бал. въ 2 д.
12. *Ал. т.* Уголино, драм. въ 5 д.
13. *Бол. т.* Гитана, Бал. въ 3 д.
Ал. т. Жизнь за Жизнь, др. въ 4 д. Дочь вора, вод. 1 д. Полковникъ старыхъ временъ, к. вод. въ 1 д.
15. *Бол. т.* Креолъ и Креолка, вод. въ д. Левъ Гурычь Синичкинъ, и Макаръ Алексѣевичь Губкинъ, вод. въ 1 д. Купцы, вод. въ 2 д. Яковъ Шишиморинъ, вод. въ 2 отд.
16. *Бол. т.* Озеро волшебницъ 2 Бал. Двѣ души 2 д. бал. Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.
18. *Ал. т.* въ Людяхъ ангелъ не жена, вод. въ 3 д. Параша Сибирячка, быль въ 2 д.
19. Кам. Ос. Т. Любовный Напитокъ, оп. въ 2 д.
20. *Ал. т.* Дочь вора, вод. въ 1 д. Яковъ Шишиморинъ, вод. въ 2 отд. Крестная мать, к. вод. въ 1 д.
22. *Ал. т.* Двумужница, др. въ 2 час.
24. *Ал. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, ориг. ком. въ 1 д. Дѣдушка Рускаго флота, пст. быль въ 1 д. Два Купца два Отца к. вод. въ 1 д.
25. *Кам. Ост. т.* Ченерентола, оп. 1 д.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

ЗА ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1841 года.

ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Бол. т.* Швейцарское семейство, оп. въ 3 д. Донъ-Жуанъ, бал. въ 3 д.
   Ал. т. Современное бородолюбіе к. въ 3 отд. Чудакъ покойникъ, к. вод. въ 1 д. Пикникъ въ Токсовѣ, вод. въ 2 кар. Кумъ Иванъ, рус. быль въ 2 отд. Покойная ночь, шут. вод. въ 1 дѣйст.
2. *Ал. т.* Князь Даніилъ Дмитр. Холмскій, др. въ 5 акт.
3. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
   Ал. т. Костромскіе лѣса, быль въ 2 д. Путешественникъ и Путешественница, вод. въ 1 д. Харьковскій женихъ, вод. въ 1 д.
6. *Ал. т.* Князь Даніилъ Дмитріев. Холмскій др. въ 5 д.
7. *Ал. т.* Матильда, др. въ 3. д. Сиротка Сусанна, к. вод. въ 2 отд. Я всѣхъ перехитрилъ к. вод. въ 1 д.
8. *Ал. т.* Костромскіе лѣса, рус. быль въ 2 д. Отецъ и Откупщикъ, к. въ 1 д. Его Превосходительство к. вод. въ 1 д.
9. *Ал. т.* Путешественникъ и Путешественница вод. въ 1 д. Путаница, вод. въ 1 д. Два отца и Два купца, к. вод. въ 1 д. Студентъ Артистъ, Хористъ и Аферистъ, шут. оп. въ 2 д.
10. *Ал. т.* Эсмеральда, др. въ 5. д. Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 кар.
10. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д. Жепши, оп. въ 1 д.
12. Іоаннъ Герцогъ Финляндскій, др. въ 5 д. Пикникъ въ Токсовѣ, вод. въ 2 кар.
    Бол. т. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
13. *Ал. т.* Дочь военнаго, др. въ 2 д. Актеръ, вод. 1. д. Та да не та, вод. въ 1 д. Счастіе лучше богатства, вод. въ 1 д.
    Бол. т. Сильфида, бал. въ 2 д. Два слова, оп. въ 1 д.
14. *Ал. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, к. вод. въ 5 д. Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 кар. Отецъ и Откупщикъ, к. въ 1 д.
    Бол. т. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

12. *Бол. т.* Каспаръ Гаузеръ, др. въ 4 д. Отъ добра добра не ищутъ, вод. въ 2 д. Имянины Секретаря, в. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
14. *М. т.* Домикъ холостяка, в. въ 1 д. Матросъ в. въ 1 д. Гусарская стоянка, вод. въ 1 д.

15. *Ал. т.* Дочь воспитаго, др. въ 2 д. Костромскіе лѣса, рус. быль въ 2 д. Жена Кавалериста, к. вод. въ 1 д.
Бол. т. Морской разбойникъ, оп. въ 3 д.

16. *Ал. т.* Двумужница, др. въ 2 час. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, в. въ 2 кар.

17. *Ал. т.* Клевета. к. въ 5 д. Та да не та, в. въ 1. д. Счастіе лучше богатства, вод. въ 1 д.
Бол. т. Тѣнь бал. въ 3 д.

19. *Ал. т.* Заколдованный домъ, траг. въ 5 д. Донъ Рапудо де Калибрадосъ, вод. въ 1 д.
Бол. т. Аскольдова могила оп. въ 4 д.

20. *Ал. т.* Параша Сибирячка, рус. быль въ 2 д. Приключеніе на искусственныхъ водахъ, вод. въ 2 д. Покойная ночь, вод. въ 1 д.

20. *Бол. т.* Воспитанница Амура, бал. въ 1 д. Морской разбойникъ, 1-е и 2-е д.

21. *Ал. т.* Актеръ, вод. въ 1 д. Та да не та, в. въ 1 д. Счастіе лучше богатства, вод. въ 1 д. Тереза, вод. въ 1 д.

22. *Ал. т.* Горе отъ ума, к. въ 4 д. Замокъ моей племянницы, к. въ 1 д. Барышня-крестьянка, вод. въ 1 д.
Бол. т. Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.

23. *Ал. т.* Ромео и Юлія, др. въ 5 д. Мужъ и жена, к. вод. въ 1 д. Французскій обѣдъ въ 32 коп., вод. въ 1. д.

24. *Ал. т.* Титулярные Совѣтники въ домашнемъ быту, вод. въ 1 д. Хочу быть актрисой, вод. въ 1 д. Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д. Голубой токъ, к. въ 1. д. Провинціальный театръ, вод. въ 1. д.
Бол. т. Озеро волшебницъ, бал. въ 4 кар.

25. — — Фра-Діаволо, оп. въ 3 д. Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.

26. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
Ал. т. Тридцать лѣтъ др. въ 3. сут. Купцы, вод. въ 1 д.

27. *Ал. т.* Сваха стрянчій, к. въ 3 д. Актеръ в. въ 1 д. Отцовское проклятіе, др. въ 2 д.
Бол. т. Морской разбойникъ, бал. въ 2 д. Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 1 д.

28. *Ал. т.* Ромео и Юлія, др. въ 5 д. Мужъ и жена, к. вод. въ 1 д. Французскій обѣдъ въ 32 коп., вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Жизнь за Царя оп. въ 4 д.
Ал. т. Маскарадъ при Людовикѣ, XIV, к. въ 3 д. Все кончилось благополучно, к. вод. въ 1 д. Ужасы въ шестомъ этажѣ, вод. въ 1 д. Дочь старосты вод. въ 1 д.

30. *Ал. т.* Сваха стрянчій, вод. въ 3. д. Великодушіе, др. въ 3 д. Счастіе лучше богатства, вод въ 1. д.

31. *Ал. т.* Заколдованный домъ, траг. въ 5 д. Путаница, вод. въ 1 д.
Бол. т. Гитана, бал. въ 3 д.

16. *М., т.* Фра-діаволо. оп. въ 3 д. Волшебная флейта, бал. въ 1 д.

17. *Бол. т.* (Бенефисъ г-жи Санковской 1-й) Путаница, в. въ 1 д. 2-й актъ оп. Баядерка. Первая скрипка, в. въ 1 д. 1-й актъ бал. Озеро волшебницъ.

19. *Бол. т.* Синичкинъ в. 5 д. Дивертисманъ.

20. *Бол. т.* Тоска по родинѣ, оп. въ 3 д.

21. *М. т.* Параша Сибирячка др. въ 2-хъ отд. Часъ въ тюрьмѣ, в. въ 1 д. Дивер.

23. *Бол т.* Путаница, в. Первая скрипка. в. въ 1 д. Озеро волшебницъ.

24. *Бол. т.* (Бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й) Первая морщинка, ком. въ 1 д. Костромскіе лѣса, др. въ 2 д. Представленіе французскаго водевиля, в. въ 1 д. Сраженіе при Тарутинѣ вод. въ 1 дѣйст.

26. *Бол. т.* Черное домино, оп. въ 3 д.

27. *Бол. т.* Пиратъ (8-е представленіе) бал. въ 3 д. Приключеніе на станціи, въ 1 д.

28. *Бол. т.* Смерть или Честь, др. въ 5 д.

30. *Бол. т.* Костромскіе лѣса. Пред. фр. водевиля. Тарутино.

31. *Бол. т.* (Бенефисъ г. Живокини Солдатъ и сержантъ, вод. въ 1 д. Г. и Г-жа Синичкины, в. въ 3 карт. Ужасъ! Ужасъ!! Ужасъ!!! в. въ 1 д. Дивертисементъ.

НОЯБРЬ.

2. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
3. *Бол. т.* Тѣнь бал. въ 3 д.
Ал. т. Маскарадъ при Людовикѣ XIV. к. въ 3 д. Все кончилось благополучно, к. вод. въ 1 д. Ужасы въ 6-мъ этажѣ, вод. въ 1 д. Дочь старосты вод. въ 1 д.
4. *Ал. т.* Мужъ и жена, к. вод. въ 1 д. Мельничиха въ Марли, вод. въ 1 д. Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д. Актеръ, вод. въ 1 д. Французскій обѣдъ, въ 32 кон., вод. въ 1 д.
5. *Ал. т.* Кинъ, к. въ 5 д. Его Превосходительство, к. вод. въ 1 д.
6. *Ал. т.* Ревизоръ, к. въ 5 д. Яковъ Шишморинъ, вод. въ 2 д.
7. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Маскарадъ при Людовикѣ XIV, 3 д. Костромскіе лѣса, рус. быль въ 2 д. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, ш. оп. въ 1 д.
9. *Бол. т.* Аскольдова могила оп. въ 4 д.
Ал. т. Великодушіе др. въ 3 д. Сваха Сряпчій, к. въ 3 д. Счастіе лучше богатства, в. въ 1 д. Невозможный бракъ, к. вод. въ 1 д.
10. *Ал. т.* Князь Серебряный, др. въ 4 д. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, к. вод. въ 1 д. Комедія съ дядюшкою, оп. въ 1 д.
Бол. т. Озеро волшебницъ бал. въ 4 д.
11. *Ал. т.* Разбойники, тр. въ 5 д. Представленіе французскаго водевилиста, ш. вод. въ 1 д. Двѣ женщины, вод. въ 1 д.
12. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
Ал. т. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, к. вод. въ 1 д. Комедія съ дядюшкою, вод. въ 1 д. Чудакъ покойникъ к. вод. въ 1 д. Ножка в. въ 1 д.
13. *Ал. т.* Гризельда, тр. въ 5 д. Мужъ и жена, к. вод. въ 1 д. Французскій обѣдъ, шут. вод. въ 1 дѣйст.
14. *Бол. т.* Двѣ Дуная, бал. въ 2 д.
Ал. т. Приключеніе на искусственныхъ водахъ, вод. въ 2 д. Отецъ откупщикъ, ком. въ 1 д. Иванъ Ивановичъ Недотрога, к. въ 1. д. Все кончилось благополучно, к. вод. въ 1 д.
17. *Бол. т.* Сельфида, бал. въ 2 д Первое дѣйствіе, оп. Женни.
Ал. т. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, к. вод. въ 1 д. Пожилая дѣвушка, к. вод. въ 1 д. Пикникъ въ Токвасѣ, ш. в. въ 3 кар.
18. *Бол. т.* Тоска по родинѣ оп. въ 3. д.
Ал. т. Князь Серебряный, др. въ 4 отд. 17 и 50 лѣтъ, к. вод. въ 2 д.
19. *Ал. т.* Максимъ Созоновичъ Березовскій, о. б. въ 2 д. Военные граждане, к. в. въ 1 д. Митавская ярмарка, ш. вод. въ 2 д. Еще хлопочутъ вод. въ 1 д.
20. *Ал. т.* Горе отъ ума, к. въ 4 д. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, к. вод. въ 1 д. Новички въ любви, к. вод. въ 1 д.
Бол. т. Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.

2. *Бол. т.* Эсмеральда, др. въ 5 д. Домъ на Петербургской сторонѣ, в. въ 1 д.
3. *Бол. т.* Спичкины. Солдатъ и сержантъ. Дивертиссементъ.
4. *М. т.* Отецъ какихъ мало, в. въ 1. д. Первая морщинка. Дѣвушка Гусаръ, в. въ 1 д.
6. *Бол. т.* Необыкновенный маскарадъ, к. въ 4 д. Русскій Дивертисементъ.
7. *Бол. т.* Робертъ. оп. въ 5 д.
9. *Бол. т.* Каспаръ Гаузеръ, др. въ 4 д. Жена кавалериста, в. въ 1 д. Татьяна прекрасная, инт. съ плясками.
10. *Бол. т.* Каменьщикъ, оп. въ 3 д. Озеро волшебницъ, (1-й актъ) бал.
11. *Бол. т.* Необыкн. маскарадъ. Дивертис.
13. *Бол. т.* Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 3 д. Ужасъ! в. въ 1. д.
14. *Бол. т.* (Бенефисъ г-жи Орловой) Вся бѣда, что плохо объяснялись, к. въ 1 д. Майко, др. въ 3 д. Антрактъ (танцы.) Мужъ мальчикъ, к. въ 2 д. Дивертисементъ.
16. *Бол. т.* Разбойники, тр. въ 5 д. Ночной колокольчикъ, вод. въ 1 д.
17. *Бол. т.* Морской разбойникъ (9-е представленіе) б. въ 3 д. 17 и 50 лѣтъ, в. въ 2 д.
18. *Бол. т.* Вся бѣда к. въ 1 д. Спичкинъ, вод. въ 5 д.
20. *Бол. т.* Параша Сибирячка, др. въ 2 д. съ эпилогомъ. Харьковскій женихъ, поэ. въ 2 д. Праздникъ жатвы, див.

21. *Ал. т.* Урокъ дочкамъ, к. въ 1 д. Максимъ Созоновичъ Березовскій, о. б. въ 2 д. Военные граждане, вод. въ 1 д.
Бол. т. Тоска по родинѣ, оп. въ 3 д.
23. *Ал. т.* Велизарій, др. въ 5 отд. Волки въ овчарнѣ, к. вод. въ 2 д.
Бол. т. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
24. *Ал. т.* Урокъ дочкамъ, к. въ 1 д. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, к. вод. въ 1 д. Женскій умъ, д. п. въ 1 д. Комедія съ дядюшкою.
Бол. т. Тѣнь, бал. въ 3 д.
25. *Ал. т.* Гамлетъ, д. и. въ 5 д. Провинціальный театръ, ш. в. въ 1 д.
26. *Ал. т.* Максимъ Созоновичъ Березовскій, о. п. б. въ 2 д. Военные граждане, к. в. въ 1 Еще путаница, в. въ 1 д. Митавская ярмарка, ш. д. въ 2 кар.
Бол. т. Тоска по родинѣ, оп. въ 3 д.
27. *Ал. т.* Параша Сибирячка, рус. быль въ 2 д. Мирандолина, к. въ 3 д. Артистъ, к. в. въ 1 д.
28. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Отецъ и дочь, д. въ 5 отд. Двѣ женщины, в. въ 1 д. Представленіе французскаго водевилиста ш. в. въ 1 д.
30. *Ал. т.* Костромскіе лѣса, рус. быль въ 2 д. Харьковскій женихъ, в. въ 2 д. Актеръ, вод. въ 1 д. Митавская ярмарка ш. д. въ 2 д.
Бол. т. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

21. *Бол. т.* (Бенефисъ г. Іоганниса) Фаворитка, оп. въ 4 д. Проходныя ворота, в. въ 1 д.
23. *Бол. т.* Костромскіе лѣса, др. въ 2 д. Ульяна Осиповна. в. въ 5 карт.
24. *Бол. т.* Майко, др. въ 3 д. Солдатъ и Сержантъ, вод. въ 1 д.
25. *Бол. т.* Возстаніе въ сералѣ, (17-е представленіе, б. въ 3. д. Мужъ мальчикъ, в. въ 2 д.
27. *Бол. т.* Фаворитка, оп. въ 4 д.
28. *Бол. т.* (Бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой.) Купленное дитя, др. въ 3 д. Безумная, драматическое происшествіе, въ 1 д. Отецъ и откупщикъ, нѣсколько сценъ въ родѣ драмы, въ 1 д. (Антрактъ танцы.) Жена-ой! ой! а Мужъ увы! в. въ 1 д. съ танцами.
30. *Бол. т.* Боярское слово, др. въ 2 д. Два купца, в. въ 1 д. Проходныя ворота, в. въ 1 д.

ДЕКАБРЬ.

1. *Бол. т.* Озеро волшебницъ, б. въ 4 карт.
Ал. т. Пятнадцать лѣтъ разлуки, др. въ 3 кар. Ворожея, к. в. въ 1 д. Дѣдушкины попуги, в. въ 1 д. Филатка и Мирошка в. въ 1. д.
2. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 отд. Два отца и два купца, к. в. въ 1 д. Крестная мать к. в. въ 1 д.
3. *Ал. т.* Въ людяхъ ангелъ—не жена, в. въ 3 д. Шельменко деньщикъ, к. въ 5 д. Стряпчій подъ столомъ, в. въ 2 д.
Бол. т. Робертъ оп. въ 5 д.
4. *Ал. т.* Пятнадцать лѣтъ разлуки, др. въ 3 кар. Женскій умъ лучше всякихъ думъ, пословица. Варожея, к. в. въ 1 д. Дѣдушкины попуги, в. въ 1 д.
5. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 отд. Макаръ Алекс. Губкинъ, оп. въ 1 д.
Бол. т. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
6. *Ал. т.* Подставной и отставной, вод. въ 2 д. Военные граждане, в. въ 1 д. Дѣдушка Рус. флота, быль въ 1 д.

1. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
2. *М. т.* Благородный театръ, к. въ 1 д. Дивертисементъ.
5. *М. т.* Майко др. въ 3 д. 1-я Скрипка вод. въ 1 д.
4. *Бол. т.* Велизарій, оп. въ 3 д.
5. *Бол. т.* Двѣ Дуни, (32-е представленіе) б въ 2 д.

7. *Ал. т.* Ревизоръ к. въ 5 д. Французскій обѣдъ въ 32 коп., к. въ 1 д. Филатка и Мирошка, вод. въ 1 д.
Бол. т. Тоска по родинѣ, оп. въ 3 д.

8. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 отд. Два отца и два купца, к. в. въ 1 д.

9. Маскарадъ при Людовикѣ XIV. к. въ 3 д. Дѣдушкины попуган, вод. въ 1 д. Авось! вод. въ 1 дѣйст.

10. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 отд. Ножка, в. въ 1 д.

11. *Ал. т.* Комедія съ дядюшкой въ 1 д. Ворожея, к. в. въ 1 д. Военные граждане, въ 1 д. Архиваріусъ, в. въ 1 д.

12. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 отд. Чудакъ покойникъ, к. въ 1 д. Таинственный гость, в. въ 1 дѣйст.

13. *Бол. т.* Дая, б. въ 2 д.

14. *Ал. т.* Путаница в. въ 1 д. Мужъ и жена, к. в. въ 1 д. Убійца своей жены, в. въ 2 кар. Дѣдушкины попуган, в. въ 1 д. Комната съ отопленіемъ и услугой, в. въ 1 д.
Бол. т. Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

15. *Бол. т.* Дая б. въ 2 д. Женни оп. въ 1 д.
Ал. т. Тартюфъ, к. въ 5 д. Смѣлый по приказу, в. въ 1 д. Семейныя дѣла в. въ 1 д.

16. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 от. Подставной и отставной, в. въ 1 д. Новички въ любви, к. въ 1 д.

17. *Бол. т.* Дая, б. въ 2 д Два слова, оп. въ 1 д.
Ал. т. Смѣлый по приказу, в. въ 1 д. Семейныя дѣла, в. въ 1 д. Приключеніе на искусственныхъ водахъ, в. въ 2 д. Счастіе лучше богатства, в. въ 1 д.

18. *Бол. т.* Сорока воровка, оп. въ 3 д.
Ал. т. Отецъ и дочь въ 5 отд. Мирандолина, к. въ 3 д. Покойная ночь, в. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Роберъ, оп. 3 д. Возстаніе въ Сералѣ, б. въ 2 д. Маскарадъ изъ балета Гитана.
Ал. т. Тартюфъ, к. въ 5 д. Смѣлый по приказу, в. въ 1 д. Семейныя дѣла, въ 1 д.

21. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
Ал. т. Живая покойница, др. въ 5 д. Кумъ Иванъ, былѣ въ 2 отд. Поѣздка въ Царское село, в. въ 2 кар.

22. *Бол. т.* Дая, бал. въ 2 д.
Ал. т. Тартюфъ, к. въ 5 д. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, к. в. въ 1 д. Семейныя дѣла, в. въ 1 д

23. *Ал. т.* Отецъ и дочь, др. въ 5 отд. Сиротка Сусанна, к. в. въ 2 отд.

26. *Бол. т.* Дая, бал. въ 2 д. Два слова, оп. въ 1 дѣйст.
Ал. т. Уголино др. пред. въ 5 д.

27. Елена, к. в. въ 1 д. Левъ Гур. Синичкинъ, к. в. въ 5 д. Русскій человѣкъ добро помнитъ, былъ въ 1 д. Семейныя дѣла в. въ 1 д.

7. *Бол. т.* Король Лиръ, тр. въ 5 д. Представленіе Франц. водевиля, в. въ 1 д. Дивертисем.

8. *Бол. т.* Балдерка, оп. въ 2 д. Первая морщинка, к. въ 1 д.

9. *М. т.* Благородный театръ, к. въ 4 д. Дивертисементъ.

10. Купленное дитя, др. въ 3 д. Жена — ой, ой, ой! а Мужъ увы! в. въ 1 д. Дивертисементъ.

11. *Бол. т.* Пиратъ бал. въ 4 д. Наслѣдники, ком. въ 1 д.

12. *Бол. т.* (Бенефисъ г-жи Каплинской 1-й) Двѣ Ночи, оп. въ 3 д. Неистовый Роландъ, в. въ 1 д. Дивертисементъ.

14. *Бол. т.* Сардамскій корабельный мастеръ, к. въ 2 д. Бездѣтная вдова, в. въ 1 д. Ужасъ. вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д. Узкіе башмачки, в. въ 1 д.

16. *М. т.* Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ, в. въ 1 д. Вся бѣда, что плохо объяснились, к. въ 1 д. Путаница, в. въ 1 д.

17. *Бол. т.* Гамлетъ, др. въ 5 д.

18. *Бол. т.* Черное домино, оп. въ 3 д. Дивертисементъ.

19. *Бол. т.* Русской человѣкъ добро помнитъ др. въ 1 д. Въ людяхъ ангелъ.—не жена, дома съ мужемъ—сатана, в. въ 3 д.

28. *Ал. т.* Тридцать лѣтъ, др. въ 3 сут. Купцы, в. въ 1 д.
Бол. т. Аскольдова могила, 1, 2 и 3 д. оп.
29. *Бол. т.* Гитана, бал. вт. 3 д.
Ал. т. Деревенская простота, к. въ 4. д. Чудныя приключенія Пьетро Дандини, в. въ 3 д.
30. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
Ал. т. Костромскіе лѣса, быль въ 2 д. Боярское слово, др. въ 2 отд. Актеръ, в. въ 1 д.
31. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д.
Ал. т. Тартюфъ, к. въ 5 д. Пожилая дѣвушка, к. в. въ 1 д. Дѣвица отшельница, к. в. въ 1 д.
Ал. т. Великодушіе, др. въ 3 д. Макаръ Ал. Губкинъ; оп. въ 1. д. Смѣлый по приказу, в. въ 1 д. Не влюбляйся безъ памяти, шут. вод. въ 1 дѣйст.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ
АРТИСТОВЪ.

I.

В. А. КАРАТЫГИНЪ,

АРТИСТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

(Съ портретомъ во весь ростъ изъ Уголино).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

С. Петербургъ 28 января 1841 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Рис. Г. Алексѣевъ. Лит. и раскраш. И. Селезневъ.

В. Каратынинъ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

С. Петербургъ 28 января 1841 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

В. А. Каратыгинъ.

Теперь онъ не боится ни жестокихъ враговъ, ни друзей коварныхъ.

Шекспиръ.

Издатель Репертуара возымѣлъ пресчастливую мысль, издать *Галлерею русскихъ сценическихъ артистовъ*. Кѣмъ начать? Кто долженъ занять первое въ ней мѣсто? Кому принадлежитъ теперь пальма первенства на нашей сценѣ? Не тому ли вдохновенному, умному, славному артисту, который въ продолженіе двадцати лѣтъ передаетъ намъ высокія созданія древнихъ и новыхъ трагиковъ, съ удивительною вѣрностію, съ строгою отчетливостію и съ разнообразіемъ, почти невѣроятнымъ? Есть ли у насъ трагическій талантъ, котораго могли бы мы сравнивать, ставить на одну степень съ Каратыгинымъ? Кто изъ насъ не обязанъ ему лучшими, сладостнѣйшими часами жизни, *за Гамлета*, *за Лира*, *за Коріолана*? Съ него-то начинается *Галлерея знаменитыхъ артистовъ;* это слабый, ничтожный почетъ за великіе подвиги и двадцатилѣтніе труды.

Мы могли бъ разсказать всю жизнь Василія Андреевича, ибо отрадно знать его и какъ *артиста*, и какъ *человѣка*; но тѣсные предѣлы публичности заставляютъ насъ ограничиться только самою краткою его біографіею. Онъ родился 26 февраля 1802 года, въ Петербургѣ. Отецъ его служилъ при театрѣ; мать его была превосходною трагическою актрисою и славилась въ то время, когда Яковлевъ царствовалъ на русской сценѣ. Каратыгины были небогаты и не могли дать сыну воспитанія домашняго, но успѣли опредѣлить его въ Горный корпусъ, гдѣ будущій трагикъ готовился къ гражданской службѣ. Вмѣстѣ съ нимъ воспитывался и нынѣшній товарищъ его, почтенный И. П. Борецкій. Каратыгинъ, увидавъ въ театрѣ *Князя невидимку* и еще кой-какія піесы, бывшія тогда въ модѣ, не чувствовалъ особеннаго призванія къ сценѣ; но когда товарищъ его Борецкій началъ играть съ большимъ успѣхомъ на домашнемъ театрѣ (въ Горномъ корпусѣ), тогда и Василій Андреевичъ сталъ чаще думать о театрѣ, и наконецъ, находясь уже въ службѣ, въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, игралъ у себя, на домашнемъ театрѣ, (въ домѣ бывшемъ Вольфа), *Трумфа*, *Проказы влюбленныхъ*, *Братомъ проданную сестру*. Шаховской, увидавъ его, тотчасъ понялъ, какой талантъ кроется въ этомъ юношѣ, и старался завербовать его въ русскую труппу, подъ свое начальство. Каратыгинъ, въ которомъ развилась уже страсть къ театру, бросилъ честолюбивые замыслы, отказался отъ всѣхъ приманокъ службы и рѣшился появиться на сценѣ. Сначала училъ его Шаховской, и имѣлъ на него самое вредное вліяніе. Шаховской не могъ не принадлежать къ старой школѣ, которая, покорясь тогдашнему классицизму, подводила всѣ движенія подъ извѣстные условные жесты и запрещала актеру говорить по человѣчески, заставляя его почти пѣть и тянуть слова на общепринятый тогда ладъ. По счастію, Каратыгинъ познакомился съ Катенинымъ (въ 1818 году) и вмѣстѣ съ нимъ читалъ роли, слушалъ его дѣльные совѣты. Разумѣется, ни кто въ мірѣ не могъ бы убить, уничтожить таланта Каратыгина; но вреднѣе совѣты, при самомъ началѣ поприща, могли бъ задержать артиста на долгое время на томъ ложномъ пути, по которому хотѣли заставить его итти.

Каратыгинъ вышелъ на сцену въ 1820 году. Театромъ тогда управлялъ Шаховской; первымъ трагическимъ актеромъ считался Брянскій. Каратыгину было около во-

семнадцати лѣтъ. Его высокій ростъ, благородное, умное и красивое лице поразило зрителей; они громко рукоплескали даже его привлекательной наружности; но когда онъ прочелъ имъ всю роль *Фингала* съ одушевленіемъ, съ умомъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, они, такъ давно невидавшіе такого артиста (со смерти Яковлева), выразили восторгъ свой единодушнымъ вызовомъ. Для втораго дебюта, Каратыгинъ выбралъ *Эдипа-Царя, Грузинцова*. Второй успѣхъ былъ еще блистательнѣе перваго. Отдавая отчетъ о дебютахъ Каратыгина, критикъ Сына Отечества (А. А. Жандръ) сказалъ: «На сцену вышелъ онъ въ первый разъ совершеннымъ молодцомъ. Игралъ однакожъ робко все первое дѣйствіе, и кто же въ первый разъ не робѣетъ?.. Наконецъ, по долгомъ междуцарствіи, явился на нашей сценѣ новый царь. Послѣ славнаго Яковлева, многіе дерзали и дерзаютъ вступить на поприще нашей Мельпомены, но кто же изъ нихъ, кромѣ г. Каратыгина, обѣщалъ или обѣщаетъ сравниться съ Яковлевымъ? Лучшій нашъ трагическій актеръ есть, безъ всякаго спора, г-нъ Брянскій; но можно ли еще назвать его первокласснымъ актеромъ? Не отнимая ни какъ настоящей мѣры достоинствъ г-на Брянскаго, я стою въ томъ, что *онъ современемъ долженъ будетъ уступить г. Каратыгину первенство на трагической сценѣ*. Одна наружность г-на Каратыгина убиваетъ уже всю здѣшнюю труппу. Чтеніе г-на Каратыгина, *совсѣмъ новое на нашей сценѣ, лучше чтенія г-на Брянскаго*. Каратыгинъ вездѣ разнообразенъ: въ сильныхъ порывахъ страстей, въ переходахъ отъ одного чувства къ другому, въ самомъ даже простомъ разговорѣ...» (*)

Этотъ голосъ современной критики чуть-чуть не имѣлъ пагубнаго вліянія на будущность артиста. Князь Шаховской почелъ все это оскорбленіемъ театра. Какъ! *новое чтеніе* лучше *прежняго*, которому училъ самъ князь Шаховской всѣхъ артистовъ! Возможно ли! *Каратыгинъ убиваетъ всю труппу!* а вся труппа образована, выучена, выбрана княземъ Шаховскимъ! Загорѣлась война; противъ умнаго, правдиваго, безпристрастнаго критика выстрѣлили цѣлою дюжиною статей, въ которыхъ доказывали, что онъ самъ не знаетъ что говоритъ. Не смѣя нападать на явный, несомнѣнный талантъ Каратыгина, отвѣтчики перенесли битву на другое поле, и безпощадно порицали А. А. Жандра за то, что онъ осмѣлился откровенно сказать, что Фингалъ — плохая трагедія; въ планѣ ея — нѣтъ никакого плана; характеры лицъ не похожи ни на какіе характеры; все, что случается въ Фингалѣ, по счастію или несчастію, случается именно отъ глупости главныхъ героевъ піесы. Защищая Озерова, они безпрестанно, стороною, нападали на Каратыгина, на его *чтеніе*, на его жесты. Между тѣмъ, въ самомъ театрѣ, Каратыгинъ встрѣчалъ неудовольствія, притѣсненія, почти не видалъ возможности удержаться на сценѣ. Все это мы выводимъ изъ статьи Катенина, напечатанной въ Сынѣ Отечества: «Г нъ... ій радуется, что не увидитъ Каратыгина на театрѣ; должно сожалѣть, если *почему нибудь* молодой артистъ будетъ *отстраненъ* отъ своего мѣста.» (**)

Талантъ вступилъ въ боробу съ интригою и — слава Богу! — одержалъ полную побѣду. Каратыгина принялп къ театру 28 іюля 1820 года, съ жалованьемъ по 2000 рублей въ годъ. Съ этой минуты начинается блистательное его артистическое поприще, которое, само собою, раздѣляется на три эпохи. Въ первую, онъ игралъ классическія трагедіи; потомъ, когда на сцену нашу вторглась новая французская драма, онъ явился полнымъ ея представителемъ; наконецъ, когда литераторы наши начали переводить Шекспира, Каратыгинъ явился Гамлетомъ, Отелло, Лиромъ, Коріоланомъ. Вотъ три періода его артистической жизни, очень межлу собою различные; три перехода отъ хорошаго къ лучшему, три ступеньки, по которымъ онъ дошелъ до нынѣшняго своего совершенства, до настоящей своей славы.

Въ первую эпоху, талантъ его, опутан-

(*) Сынъ Отечества. 1820 *№* 33.

(**) Сынъ Отечества *1820 №* 28.

ный узами классицисма, не могъ вполнѣ развернуться. Въ классическихъ трагедіяхъ все дѣло въ разсказахъ; дѣйствія почти нѣтъ. Стало быть, играя въ классическихъ трагедіяхъ, Каратыгинъ могъ только показать себя великимъ мастеромъ читать стихи. Пустоту смысла, недостатокъ дѣйствія, по необходимости слѣдовало замѣнять изысканною пластикою, мастерскими восклицаніями и изысканными, придуманными эффектами. И теперь еще иногда видимъ мы его въ *Дмитріѣ Донскомъ* или въ *Пожарскомъ*, и можемъ имѣть понятіе о прежней его игрѣ. Что въ этихъ трагедіяхъ? Слова, слова и слова! Что тутъ играть? Однакоже и въ то несчастное, бѣдственное, жалкое время, онъ успѣлъ снискать любовь публики многими ролями, превосходно выполненными. Старички до сихъ поръ помнятъ *Ореста* (въ Андромахѣ), *Танкреда*, *Фрица* въ (Сынѣ любви), *Карла XII* (при Бендерахъ), Ричарда (въ Ивангое), *Родрига* (въ Сидѣ), Эгиста (въ Меропѣ), *Алексѣя* (въ Натальѣ), *Ахилла* (въ Ифигеніи), *Ипполита* (въ Федрѣ), Арзаса (въ Семирамидѣ). Публика рукоплескала Каратыгину, но критики на него нападали, находя, что онъ употребляетъ слишкомъ много наружныхъ средствъ, *внѣшнихъ эффектовъ*. Критики не потрудились вникнуть въ существо дѣла. Виноватъ былъ не Каратыгинъ, а репертуаръ его. Какъ не декламировать роли *Арзаса* или *Ореста*? Какъ не пробуждать громкимъ крикомъ зрителя, по неволѣ засыпающаго отъ длинныхъ разсказовъ и недостатка дѣйствія? Критики сваливали на Каратыгина вину Озерова и переводчиковъ Расина и Вольтера.

Въ эту несчастную эпоху были однакоже у него три роли, по которымъ дальновидный критикъ могъ бы видѣть, до чего современемъ достигнетъ Каратыгинъ. Я говорю о Гамлетѣ и Отелло *Дюсиса* и о *Коварствѣ и Любовь*, *Шиллера*. Въ 1824 году давали въ первый разъ *Гамлета*, но въ такомъ изуродованномъ видѣ, что самъ Шекспиръ не узналъ бы его. Однакожъ Каратыгинъ поддержалъ трагедію; она жила на сценѣ нѣсколько лѣтъ талантомъ нашего *Гамлета*. Отелло былъ еще счастливѣе. *Коварство и Любовь* дается постоянно, въ продолженіе тринадцати лѣтъ. Только эта одна піеса, изъ всего прежняго репертуара, спаслась и уцѣлѣла, и Каратыгинъ не мало ей помогъ.

Съ 1828 года начинается вторженіе романтисма на нашу сцену, а съ нимъ и второй періодъ артистической жизни Каратыгина. Сценическій переворотъ начался *Разбойниками Шиллера*. Я еще и теперь помню, какъ была принята трагедія. Каратыгинъ игралъ Карла Моора. Восторгъ зрителей доходилъ до изступленія; рукоплесканіямъ же было конца. Трагедію повторили пять разъ сряду. Тутъ нельзя было дѣйствовать одними наружными средствами, однимъ искусствомъ; надобно было души, сердца, слезъ! Все это нашлось въ Каратыгинѣ; зрители увидѣли новаго артиста, не *Димитріи Донскаго*, не *Эгиста*, не *Арзаса*; не одинъ искусный портретъ человѣка, а самого человѣка. По искусству, съ которымъ были скрыты всѣ несообразности роли Карла Моора, нельзя ужъ было отказать артисту въ самомъ тонкомъ, оборотливомъ умѣ и въ умѣньи владѣть и располагать ролею. Даже критики на минуту помирились съ Каратыгинымъ и, увлекшись примѣромъ публики, подарили его нѣсколькими похвалами, которыми онъ уже не дорожилъ, ибо имѣлъ случай извѣдать все пристрастіе, всю шаткость и безполезность такой театральной критики, которая имѣетъ цѣлію минутное развлеченіе читателей, а не судьбу искусства или артиста.

Вслѣдъ за Карломъ Мооромъ, вторгся на русскую сцену и *юный французъ*, Жоржъ де Жермани, игрокъ Дюканжа. Всѣ смотрѣли на него, всѣ страдали съ нимъ, плакали; но классики осуждали его именно за то, что онъ производитъ на нихъ слишкомъ сильное впечатлѣніе. Они жалѣли, что ужъ нельзя сидѣть въ театрѣ спокойно, какъ дома, а непремѣнно должно подвергнуться душевному волненію, принять участіе въ піесѣ. Почувствовавъ себя на просторѣ, настоящимъ человѣкомъ, а не условнымъ дѣйствующимъ лицомъ, Каратыгинъ бросилъ всѣ принадлежности клас-

сической трагедіи, изъ порфиры облекся въ рубище, заговорилъ языкомъ страсти, и на всѣ обвиненія критиковъ, что у него мало души, мало чувства, отвѣчалъ тѣмъ, что заставилъ ихъ плакать. Сцена проклятія (въ первомъ актѣ) и весь послѣдній актъ навсегда останутся великолѣпными памятниками его искусства. Въ *Донъ-Карлосѣ* (пер. Ободовскаго), мы видѣли доказательство разнообразія Каратыгина. Изъ злодѣя - игрока онъ превратился въ тихаго, любящаго юношу, полнаго вѣры въ благость и доброту. Какъ настоящій Янусъ, онъ попеременно являлся буйнымъ, наглымъ, дерзкимъ игрокомъ, и кроткимъ, нѣжнымъ принцемъ. Гдѣ взялъ онъ краски для этой роли? гдѣ видѣлъ такой идеалъ? Исполненіе этой роли не есть ли лучшее доказательство творчества Каратыгина? Не убѣждаетъ ли оно, что воображеніе знаменитаго артиста не отстаетъ отъ вдохновеннаго полета Шиллера и слѣдитъ по пятамъ его въ роскошныхъ облакахъ поэзіи?

Въ 1829 году еще успѣхъ — роль *Альмавивы* въ *свадьбѣ Фигаро*. Гордый Вельможа, изъ прихоти спускающійся до невѣсты своего каммердинера, выраженъ вѣрно, съ малѣйшими оттѣнками: угодливъ, но холоденъ съ женою; ласковъ, но чванливъ съ служанкою; снисходителенъ, но недовѣрчивъ съ Фигаро. Внѣшнія его формы выражены такъ благородно и величественно, что подумаешь, что артистъ выросъ на бархатѣ и кружевахъ, и вѣчно спалъ на батистѣ. Сколько нужно наблюдательности, чтобъ подмѣтить всѣ эти черты, отличающія Испанскаго Гранда! — Но мы приближаемся къ роли, еще болѣе трудной, къ роли *Ермака*. Увы! это не безстрашный предводитель горсти казаковъ, не завоеватель Сибири, незнающій цѣны своему завоеванію; это — Нѣмецкій студентъ, полу-философъ, полу-воинъ, полу-человѣкъ, любящій подумать, потолковать, поразсудить, понимающій опасность и отвагу. Онъ не можетъ сказать, какъ сказалъ бы настоящій Ермакъ:

Я почти забылъ что значитъ страхъ.

Отъ этого подложнаго Ермака шаманы не закричатъ:

О горе намъ! О горе намъ!

Онъ ни кому не страшенъ, кромѣ артиста, который обязанъ представить его на сценѣ. Какъ вообразить, создать лице безъ образа, тѣло безъ души, характеръ безъ всякой отличительной черты? Но и тутъ Каратыгинъ умѣлъ избѣгнуть пораженія. Многіе, очень многіе восхищались *Ермакомъ*, потому что Каратыгинъ рельефно выставилъ величіе завоевателя Сибири и нѣкоторымъ стихамъ придалъ такую прелесть, какой, безъ Каратыгина, въ нихъ никогда не откроешь.

Еще двѣ блистательныя роли имѣлъ Каратыгинъ въ *Генрихѣ III-мъ* Александра Дюма, и въ *Іоаннѣ, Герцогѣ Финляндскомъ*. Въ первой драмѣ онъ превосходно игралъ герцога Гиза. Въ то же почти время создалъ онъ роль *Чацкаго*, въ *Горѣ отъ ума*. Игра его въ знаменитой, единственной нашей комедіи, подвергалась похваламъ и порицаніямъ, равно несправедливымъ. Его хвалили за то, что онъ умѣлъ мастерски выразить умъ Чацкаго; порицали, что онъ не имѣетъ его ѣдкой иронія. Но уменъ ли Чацкій? Можетъ ли умный человѣкъ до такой степени заразиться кваснымъ, мелочнымъ патріотизмомъ? Можетъ ли умный человѣкъ желать своему отечеству совершеннаго отчужденія и Китайской неподвижности? Можетъ ли умный человѣкъ говорить въ глаза людямъ такія грубости, какія Чацкій говоритъ Фамусову, Скалозубу и даже своей возлюбленной Софьѣ? Чацкій — просто мизантропъ; по складу ума своего, говоритъ всѣмъ насмѣшки и колкости, вовсе безъ желанія насмѣхаться или колоть. Стало быть, въ немъ нѣтъ иронія; онъ насмѣхается безъ сознанія. Чацкаго почти нельзя передать на сценѣ, потому что въ цѣломъ онъ не имѣетъ опредѣленнаго характера. Всякій изъ насъ, читая Горе отъ ума, создаетъ своего Чацкаго, на свой образецъ, и артистъ былъ въ правѣ дать ему такой или другой оттѣнокъ. Каратыгинъ поставилъ его въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ, т. е. сдѣлалъ его умнымъ человѣкомъ, выведеннымъ изъ терпѣнія несчастною любовію. Чацкій много поте-

ряетъ, если его будутъ играть иначе. Выражайте его слова иронически, — онъ покажется злымъ, сварливымъ, наглымъ человѣкомъ, чего вѣрно не хотѣлъ Грибоѣдовъ.

Мы дошли до того времени, когда И. В. Кукольникъ является на театрѣ, съ трагедіею: *Рука Всевышняго отечество спасла*. Тутъ Каратыгину досталась роль въ родѣ тѣхъ, какія онъ игралъ въ первую эпоху своей артистической жизни. Въ роли Пожарскаго слѣдовало употребить наружныя средства, эффекты голоса и тѣлодвиженій. Артистъ придумалъ все, что могъ; каждая его поза просилась въ картину. Въ *Скопинѣ Шуйскомъ*, онъ оказалъ Кукольнику болѣе важную услугу: оживилъ Ляпунова и всю трагедію. Ляпуновъ трагическое лице только въ первомъ явленіи перваго акта и въ послѣдней сценѣ четвертаго; но Каратыгинъ сдѣлалъ его занимательнѣйшимъ лицемъ, героемъ всей трагедіи, такъ что набросилъ тѣнь даже на князя Скопина. Лирическія тирады (прощаніе съ мечемъ и шлемомъ, потомъ привѣтствіе мечу) стали въ его устахъ чѣмъ-то драматическимъ, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего драматическаго. Во второмъ актѣ, когда Ляпуновъ бранится со Шведомъ Делагарди, Каратыгинъ такъ облагородилъ эту неприличную перебранку, что зрители не замѣтили, до какой степени эта сцена ведена неискусно и неприлично.

Объ *Осадѣ Пскова* говорили очень мало въ минуту ея появленія; стало-быть, теперь вовсе не слѣдуетъ говорить о ней. Она не могла доставить таланту В. А. Каратыгина ни обильной, ни полезной пищи, хотя онъ часто изъ *ничего* дѣлаетъ *многое*. Укажу на небольшую драму: *Она помѣшана*, гдѣ онъ превосходно играетъ сумасшедшаго Лорда. Одною мимикою лица, выражаетъ онъ всѣ тайныя тревоги, опасенія, подозрѣнія несчастнаго мужа. Въ этой роли онъ не можетъ употребить въ дѣло ни своего мужественнаго, благороднаго лица, ни своей величественной фигуры, ни даже громкаго своего голоса. Всѣ наружныя средства отброшены; тутъ душа его становится очевидною и дѣйствуетъ прямо на зрителя, безъ всякихъ побочныхъ средствъ. Кто жъ осмѣлится утверждать, что въ Каратыгинѣ одно только искусство,

Et ils l'ont pourtant dit!

Я и забылъ сказать, что въ 1833 году Василій Андреевичъ поѣхалъ въ Москву, желая снискать вѣнокъ и отъ другой столицы Россіи. Москвичи вообще очень привержены къ Мочалову; но они были столько справедливы, что не могли не рукоплескать знаменитому артисту. Достать ложу на *Каратыгинскій* спектакль былъ подвигъ. Въ каждое представленіе театръ наполнялся зрителями, и *всѣ* безъ изъятія наперерывъ старались показать артисту, какъ высоко цѣнятъ его талантъ и искусство. Осыпанный громкими рукоплесканіями и заслуженными похвалами, В. А. вернулся въ Петербургъ, и не отдыхая на лаврахъ, принялся опять за труды, за изученіе ролей; мало того: видя бѣдность отечественной драматической литературы, самъ отыскивалъ себѣ роли, и для того переводилъ піесы.

Въ 1836 году создалъ онъ роль Лудовика XI, въ *Заколдованномъ домѣ*. Піеса, написанная для глазъ, а не для души, наполненная самыми страшными театральными эффектами (живаго человѣка поджариваютъ въ каминѣ, живаго человѣка сажаютъ въ клѣтку, какъ жаръ-птицу, и пр.) не могла бъ удержаться на сценѣ, еслибъ Каратыгинъ не помогъ ей своимъ талантомъ. Онъ отыскалъ Лудовика XI въ старинныхъ лѣтописяхъ и въ исторіи, принялъ на себя его образъ и привычки, и весь проникнулся его духомъ. Каратыгинъ подряхлѣлъ, превратился въ подозрительнаго старичишку, съ низкою страстію къ золоту, къ мести. Такого художественнаго созданія роли никогда не видали еще на русской сценѣ. За то успѣхъ Лудовика XI былъ неимовѣрный; критика поклонилась ему низко, пренизко.

За Лудовикомъ слѣдовалъ *Отелло*. Хотѣли дать намъ Шекспира, безъ всякой перемѣны, даже безъ необходимыхъ сокращеній. *Отелло* не имѣлъ блистательнаго успѣха, былъ данъ только нѣсколько разъ.

Я уже имѣлъ случай объяснить (въ Сѣверной Пчелѣ, 1837) причины такой неожиданной неудачи. Шекспира нельзя давать въ наше время такъ, какъ онъ есть и вотъ по какимъ причинамъ. Отелло переведенъ не такъ, какъ написанъ подлинникъ. Перемѣны въ переводѣ повлекли за собою тѣ же перемѣны и на сценѣ. Если нельзя было перевести Отелло безъ измѣненій, требуемыхъ современными приличіями и вкусомъ, то понятно, что нельзя давать Отелло на сценѣ безъ этихъ же измѣненій. Почтенный переводчикъ, которому нельзя не отдать полной справедливости за стараніе, приложенное къ этому важному труду, долженъ былъ, по необходимости, смягчить нѣкоторые цинизмы, дать имъ другую, болѣе пристойную форму. Тамъ, гдѣ Яго говоритъ о коршунѣ и голубицѣ, въ пѣснѣ, которую Яго поетъ въ караульнѣ, тамъ, гдѣ Отелло говоритъ о своемъ безчестіи, сдѣланы необходимыя и удачныя перемѣны.

Почтенный переводчикъ дѣлалъ перемѣны для печати; но сцена еще истерпѣливѣе печати. Шекспира нельзя измѣрять нынѣшнимъ театральнымъ аршиномъ; онъ писалъ для другаго вѣка. Эта мысль Гёте. Онъ высказалъ ее въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ. Въ *Разговорахъ* Гёте съ Эккерманомъ, Германскій патріархъ говоритъ: «Многіе ошибаются, воображая, что Шекспиръ былъ театральнымъ поэтомъ: онъ никогда не думалъ ни о партерѣ, ни о декораціяхъ, ни о кулисахъ, ни о выходахъ, ни о уходахъ, ни о другихъ требованіяхъ сценическаго представленія. Для его ума театръ былъ тѣсною сферою.» Мысль Гёте справедлива въ высшей степени. Разберите драмы Шекспира внимательно и вы убѣдитесь, что онѣ писаны для чтенія; но ихъ можно давать на сценѣ съ приличными измѣненіями. Геній, у котораго не было даже костюмовъ и декорацій, долженъ ли былъ непремѣнно писать для сцены? Если бъ въ *Отелло* выпустили первую сцену втораго акта, еслибъ сократили вторую того же акта, измѣнили сцену въ караульнѣ, сократили неимовѣрно растянутую сцену *ивы* (она растянулась отъ монотонной, усыпительной музыки); если бъ выкинули сцену раненыхъ Кассіо и Родрига, если бъ исключили въ сценахъ отдѣльныя тирады, замедляющія ходъ дѣйствія,—то нѣтъ сомнѣнія, что *Отелло* непремѣнно удержался бы на нашей сценѣ. Игра Каратыгина, въ *Отелло*, раздѣлила любителей на двѣ партіи: одни остались имъ довольны, другіе порицали его за излишнюю пылкость. Мы были въ числѣ недовольныхъ, ибо почитали себя въ правѣ требовать отъ *такого* артиста болѣе того, что онъ намъ далъ. Въ первомъ и третьемъ актѣ у него были чудесныя минуты; но вообще онъ игралъ неровно, неохотно, не съ обыкновеннымъ своимъ одушевленіемъ, какъ бы предчувствуя, что *Отелло* не жилецъ на нашей сценѣ.

За то славный артистъ нашъ, вскорѣ послѣ *Отелло*, создалъ и выполнилъ роль *Кина*, въ драмѣ Дюма. Вообще Василій Андреевичъ мастерски умѣетъ ладить съ твореніями новаго французскаго Драматурга: *Герцогъ Гизъ*, *Ричардъ д'Арлингтонъ*, *Антони*, *Кинъ*, составляютъ рядъ блистательныхъ сценическихъ побѣдъ. Что такое Кинъ? Олицетвореніе таланта, съ прививкою самыхъ унизительныхъ, гнусныхъ недостатковъ. Кинъ пьянствуетъ, какъ извощикъ, дерется на кулачкахъ, какъ извощикъ, бранится и грубитъ, какъ извощикъ. Трудная задача предстояла нашему артисту: передать все это на сценѣ такъ, чтобы зритель не отворотился отъ нравственнаго безобразія Кина. Каратыгинъ разрѣшилъ задачу, сгладилъ всѣ несообразности автора и придалъ Кину столько благородства, что піеса удержалась на нашей сценѣ съ блистательнымъ успѣхомъ. Зрители видѣли кусокъ самороднаго золота, вмѣсто комка грязи, поднесеннаго Александромъ Дюма. Даже самая неправдоподобная, самая невѣроятная сцена, (та, въ которой Кинъ осыпаетъ насмѣшками и ругательствами герцоговъ, лордовъ и всѣхъ зрителей) увѣнчалась рукоплесканіями.

Указавъ, мимоходомъ, на роли, играныя Каратыгинымъ въ *Маріи* (Les trois époques), въ *Любовь и дружба* (L'ami grandet) и въ *Эсмеральдѣ*, перехожу прямо

къ 1837 году и къ роли *Гамлета*. Эта роль — самый важный, самый цѣнный перлъ въ трагическомъ вѣнцѣ Каратыгина. Когда узнали, что Каратыгинъ будетъ играть Шекспировскаго Гамлета, тихаго, скромнаго, сосредоточивающаго въ душѣ бурю чувствъ своихъ, всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ хотѣли видѣть, какъ знаменитый артистъ выполнитъ эту роль, столь несогласную съ его средствами, съ его неукротимою пылкостію, съ его обыкновенною методою игры. Гамлетъ, скрывающій помыслы и душу отъ всѣхъ окружающихъ, отъ школьныхъ товарищей и друзей, даже отъ избранной сердцемъ, отъ Офеліи, не могъ отличаться рѣзкими движеніями, громкими звуками, наружными принадлежностями таланта Каратыгина. Притомъ же, извѣстнѣйшіе критики до сихъ поръ спорятъ между собою о Гамлетѣ. Иные думаютъ, что Шекспиръ представляетъ его сумасшедшимъ, другіе утверждаютъ, что Гамлетъ только притворяется безумнымъ. Одинъ изъ нашихъ критиковъ (Баронъ Розенъ) написалъ ужасно длинную статью въ доказательство, что Гамлетъ сходитъ съ ума, увидѣвъ тѣнь отца, и приходитъ въ себя только въ третьемъ актѣ; что извѣстный монологъ (*Быть или не быть*) есть переходъ отъ сумасшествія къ выздоровленію. Разсужденія почтеннаго критика весьма глубокомысленны и даже остроумно прибраны; но мы все-таки думаемъ, что Гамлетъ *притворяется сумасшедшимъ*, и,

Не мудрствуя лукаво,

основываемся на словахъ самого Шекспира. Гамлетъ, въ самомъ началѣ, въ первомъ актѣ, говоритъ преданному своему Горація:

Быть можетъ, вздумается мнѣ, съ чего нибудь,
Прикинуться безумцемъ ....

Кажется, ясно! Гамлетъ *притворяется* сумасшедшимъ, ибо думаетъ, что черезъ это будутъ считать его менѣе опаснымъ. Сынъ не совсѣмъ безопасенъ тамъ, гдѣ убили отца. Изъ-того соединеніе сумасшествія съ высочайшими философическими истинами, безпрерывно высказаваемыми несчастнымъ Гамлетомъ, придаетъ лицу его такую оригинальную, привлекательную прелесть.

Каратыгинъ понялъ Гамлета, какъ слѣдовало; бросилъ обыкновенные эффекты, которые всегда вѣрно дѣйствуютъ на массу зрителей. Онъ вышелъ на сцену разстроеннный, блѣдный; но его впалымъ, унылымъ глазамъ, вы видите, что онъ скажетъ вамъ сейчасъ:

Боже мой! Великій Боже!
Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на земли!

Печаль его превращается въ трепетъ, когда онъ узнаетъ, что тѣнь отца скитается по ночамъ въ аллеяхъ сада. При свиданіи съ тѣнью, Каратыгинъ произноситъ только нѣсколько словъ, но они глубоко западаютъ въ душу. Съ слѣдующей сцены, онъ выражаетъ уже нравственное разстройство Гамлета, представляетъ его полусумасшедшимъ, и это очень вѣрно. Онъ слабъ, боленъ, измученъ, истощенъ; Гамлетъ едва выноситъ тяжкое испытаніе, падаетъ подъ бременемъ завѣщанной мести за убійство дяди и за измѣну матери. Въ Гамлетѣ мысль разрушаетъ тѣло; онъ говоритъ съ сожалѣніемъ, досадою и ужасомъ:

Преступленье
Проклятое! за чѣмъ рожденъ я наказать тебя!

Прикрывая себя маскою беззаботной веселости, Гамлетъ часто переходитъ къ отчаянной тоскѣ, и эти переходы, очень трудные, исполняются Каратыгинымъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Вотъ шутникъ-Гамлетъ съ актерами, вотъ насмѣшникъ-Гамлетъ съ Полоніемъ, но вотъ мститель-Гамлетъ наединѣ съ самимъ собою. Какое неизмѣримое разстояніе между этими тремя лицами, а это все тотъ же Каратыгинъ. Знаменитый монологъ—*быть или не быть*-прочтенъ съ трогательною простотою, съ невыразимымъ внутреннимъ одушевленіемъ, безъ малѣйшаго возгласа, безъ малѣйшаго рѣзкаго движенія. Весь умъ, весь смыслъ, вся глубина монолога выразились въ чертахъ художника.

Въ сценѣ трагедіи Каратыгинъ принялъ совершенно новое положеніе, на которое могъ отважиться только онъ одинъ. По окончаніи этой сцены, артистъ захохоталъ съ такимъ злобнымъ торжествомъ, что зрители совершенно увлеклись его иг-

рою и осыпали его громкими рукоплесканіями. Труды Каратыгина вознаградились полнымъ торжествомъ: въ каждое представленіе *Гамлета* его вызываютъ по нѣсколько разъ. Даже и театральная критика отдала Каратыгину справедливость; только *нѣкоторые*, рѣшившіеся всегда порицать знаменитаго артиста, находили и въ *Гамлетѣ* черныя пятна. Отъ чего же противъ Каратыгина раздаются оскорбительные крики, когда онъ такъ успѣшно, такъ усердно трудится для искусства? Отъ того, что многіе думаютъ, что они покажутся умнѣе, когда станутъ бранить то, что заслужило всеобщую похвалу, всеобщую благодарность. Видѣть Шекспирова Гамлета, олицетвореннаго Каратыгинымъ—въ самомъ дѣлѣ истинное наслажденіе, котораго ни съ чѣмъ нельзя сравнить.

Я не видалъ *Никому, кромѣ короля*, потому что былъ въ Парижѣ, когда давали эту піесу. Судя по общей молвѣ, можно сказать, что артистъ мастерски передалъ характеръ *Гарсіо* и борьбу чести съ любовію. Особенно восхищались нѣмою сценою, когда Гарсіо узнаетъ врага своего. Въ *Уголино*, Полеваго, Каратыгинъ имѣетъ роль, въ которой соединены разнообразнѣйшіе случаи жизни; и потому онъ въ ней чрезвычайно разнообразенъ, и равно превосходенъ въ сценахъ разгульной жизни, въ сценахъ семейнаго счастія, въ отчаяніи, въ мести и, наконецъ, въ тихой грусти и раскаяніи. Неподражаемо - хорошъ онъ, когда выходитъ изъ хижины, гдѣ увидалъ трупъ Вероники!

Въ 1838 году, Василій Андреевичъ въ третій разъ поѣхалъ въ Москву. Уже при второй его поѣздкѣ, Московскіе любители театра раздѣлились на партіи: одни безусловно передались на сторону Петербургскаго артиста; другіе хотѣли непремѣнно сравнивать съ нимъ и превозносить надъ нимъ одного Московскаго артиста. Каратыгинъ рѣшилъ споръ очень просто: сыгралъ *Гамлета* и *Лудовика XI*, и привлекъ на свою сторону всѣхъ, имѣющихъ умъ, уши и глаза *). Любители театра давали Василію Андреевичу обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ. При этомъ случаѣ поступлено противъ правилъ клуба; но исключеніе было сдѣлано изъ уваженія къ таланту знаменитаго артиста. Такое же исключеніе было сдѣлано для Брюлова.

Въ томъже году явился *Лиръ*. Какъ разрѣшилъ эту новую задачу Шекспира могучій талантъ нашего артиста? Какъ былъ выраженъ величественный, злополучный старецъ, сумасшедшій отецъ отъ неблагодарности дѣтей? Не знаю. Я не могъ видѣть *Лира*, я былъ все еще въ Парижѣ. Всѣ, съ которыми мнѣ случалось говорить о роли *Лира*, заставили меня думать, что масса зрителей не поняла Шекспира или что піеса была слишкомъ сокращена. Самыя похвалы, расточаемыя артисту, показывали мнѣ, что, должно быть, большая часть зрителей получила совсѣмъ не тѣ впечатлѣнія, которыя хотѣлъ возбудить въ ней артистъ, слѣдуя цѣли Шекспира. Во время же моего отсутствія, Каратыгинъ создалъ роль слесаря въ *Смерть или честь*, въ которой онъ безподобенъ, какъ говорятъ; и роли *Иголкина* и *Рябова*, обѣ сами по себѣ очень плохія, но имѣющія достоинство только въ устахъ Каратыгина. Почти то же можно сказать и о *Велисаріи*. Переводъ хорошъ, но трагедія въ чтеніи скучна; на первомъ актѣ самый неустрашимый чтецъ закроетъ книгу и не пойдетъ долѣе. Отъ чего же на сценѣ всѣ смотрятъ *Велисарія* до конца, съ наслажденіемъ, съ участіемъ? Отъ того, что тутъ опять дѣйствуетъ на зрителя магическій талантъ Каратыгина! Откуда берется жизнь, занимательность? Что приковываетъ насъ къ *Велисарію*, котораго мы не можемъ снести въ книгѣ? Спросите у самого Каратыгина: это его тайна.

Послѣдняя, созданная имъ роль—*Коріоланъ*, *Шекспира*. По характеру его таланта, эта роль идетъ къ нему, какъ нельзя лучше. Высокій ростъ артиста, его величественная фигура, громкій, повелительный голосъ, вполнѣ переносятъ къ Римскому герою и превращаютъ мечту о великанахъ Римскихъ въ дѣйствительность. И душа не измѣнила артисту. Все, чѣмъ

(*) Торжество Каратыгина описано Москвичемъ въ Сѣв. Пчелѣ 1838 года, № 100.

Шекспиръ облагородилъ, и возвысилъ Коріолана, все, чѣмъ британскій геній превратилъ измѣнника въ благороднаго воина, все было передано съ удивительнымъ искусствомъ и съ замѣчательнымъ одушевленіемъ. Монологи, въ сценѣ, когда мать и друзья просятъ Коріолана извиниться передъ народомъ и трибунами, прочтены неподражаемо, и зажгли искру восторга не въ одномъ благородномъ сердцѣ. Въ сценѣ, когда мать умоляетъ сына помиловать родину, самъ Каратыгинъ едва могъ говорить отъ внутренняго волненія, а половина театра плакала. Это было ужъ не искусство, а что-то выше искусства. Не было силъ рукоплескать; такому артисту нужна награда побольше.

Такова была до сихъ поръ артистическая жизнь Каратыгина, жизнь, всегда удачная, славная, полная торжествъ и побѣдъ. Не смотря на то, критика часто поступала съ нимъ несправедливо и пристрастно. Его порицали по разнымъ причинамъ; иные бранили его единственно потому, что всѣ его хвалятъ; другіе—по ненависти; третьи—изъ зависти. Его сравнивали даже съ Мочаловымъ. В. А. Ушаковъ написалъ нѣсколько статей (въ Московскомъ Телеграфѣ), въ которыхъ доказывалъ, что Каратыгинъ — весь искусство, а Мочаловъ — весь чувство. Покойный Ушаковъ правъ только тѣмъ, что зналъ Каратыгина въ первую эпоху его артистической жизни и не видалъ его ни въ *Кинѣ*, ни въ *Парашѣ Сибирячкѣ*, ни въ *Жизнь или честь*, т. е. въ такихъ роляхъ, которыя не могутъ быть поддержаны однимъ только искусствомъ. Я видѣлъ только одного артиста, котораго можно еще сравнивать съ Каратыгинымъ: это Фредерикъ *Леметръ*, играющій въ Парижѣ роли Дюмасовскихъ героевъ; но и онъ далеко отсталъ отъ нашего трагика. Леметръ не такъ глубоко вникаетъ въ роли, не такъ прилежно отдѣлываетъ ихъ; въ его игрѣ нѣтъ того *fini*, которое видимъ всегда у Каратыгина. Что же касается до пресловутаго ученика Тальмы, *Лижье*, который получилъ въ наслѣдство его амплуа на первомъ Парижскомъ театрѣ (Theatre françois), то тутъ нѣтъ и не можетъ быть ни какого сравненія. Лижье низокъ ростомъ, невиденъ, сутуловатъ, и похожъ болѣе на повара, чѣмъ на трагическаго героя. Онъ говоритъ на распѣвъ, безъ милосердія *потрясаетъ* руками, а одушевленіе его выражается продолжительною трагическою *икотою*. Парижъ не можетъ указать у себя на артиста, подобнаго Каратыгину. Германія тоже, потерявъ Крюгера, лишилась трагика, которымъ могла бы поспорить съ Россіею.

Въ свободные часы отъ сценическихъ занятій, Каратыгинъ занимался литературою, самъ отыскивалъ себѣ роли и переволилъ для самого себя. Многія изъ піесъ, имъ переведенныхъ и передѣланныхъ, имѣли успѣхъ на нашей сценѣ, хотя онъ, по скромности, никогда не выставлялъ имени своего на аффишѣ и не искалъ вызововъ, которыми у насъ такъ щедро награждаютъ переводчиковъ и передѣлывателей. Болѣе двадцати его піесъ были на репертуарѣ; назову изъ нихъ нѣкоторыя: *Бланка и Гонскардъ*, трагедія въ стихахъ (въ 1826 году); *Женатый философъ* (напечатана въ 1827 года); *Агамемнонъ*, Лемерсье (1830); *Кровавая рука*, (1831), *Антони*, Дюма, и *Графъ* Эссексъ (обѣ переведены въ 1832 году); *Ричардъ д' Арлингтонъ*, Дюма, и *Тереза* (въ 1833); *Вѣнецъ всему дѣлу конецъ* (Les suites d'un bal masqué); *Мономанъ*; *Фальклендъ*; *Кинъ*, Дюма; *Все или ничего*; *Испытаніе*, комедія; *Все для дочери* (*Une rivale*); *Двое за четверыхъ* (*Défiance et malice*), въ стихахъ; *Лиръ и Коріоланъ*, Шекспира; *Мессинская невѣста*, Шиллера и м. др. Въ переводахъ Шекспира, Каратыгинъ принужденъ былъ, по необходимости, дѣлать значительные пропуски и сокращенія; ибо онъ очень хорошо зналъ, что можетъ быть выполнено на нашей сценѣ и что останется невыполненнымъ, по недостатку средствъ и сюжетовъ, способныхъ понимать и передавать Шекспира. Мы особенно должны быть благодарны Каратыгину за переводъ піесъ Дюма; безъ него мы до сихъ поръ, можетъ статься, не видали бы на нашей сценѣ произведеній новой Французской школы, которая, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, оживляетъ сцену драмами, имѣющими тайну занимать и трогать зрителей.

Какъ образовался этотъ великій художникъ? Онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, и не видалъ никакихъ образцевъ. Славный Яковлевъ умеръ въ 1817 году, когда Каратыгину былъ только пятнадцатый годъ, и онъ не могъ воспользоваться примѣромъ прославленнаго предшественника. Все превосходное въ немъ, принадлежитъ ему одному. Онъ не засыпаетъ на лаврахъ, все идетъ впередъ; безпрерывно изучаетъ свое искусство и любитъ его, какъ источникъ своей славы. Почти можно сказать, что видишь, какъ онъ подвигается впередъ на трудномъ пути своемъ. Въ 1835 году—роль *Лапунова*, въ 1836—роль *Лудовика XI* (въ Заколдованномъ домѣ), въ 1837—роль *Гамлета*, въ 1838 — роль *Лира*, въ 1839 — роль *Велисарія*, въ 1840 — роль *Ссыльнаго* (въ *Парашѣ*), въ 1841—роль *Кориолана:* все это шаги къ совершенству, ступени, по которымъ артистъ идетъ къ храму безсмертія. Теперь съ особеннымъ усердіемъ, съ пламенною любовію приплялся онъ за Шекспира. Въ добрый часъ! Всѣ истинные любители драматическаго искусства (какъ справедливо замѣтилъ одинъ критикъ) убѣждены, что только однѣ роли Шекспира представляютъ первокласснымъ сценическимъ артистамъ случай выказать свое дарованіе въ полномъ блескѣ или, лучше сказать, воспитывать и развивать свой талантъ до послѣдней, возможной степени совершенства. Артистъ далъ своему таланту возможно-лучшее направленіе, ежеминутно укрѣпляется въ любви своей къ искусству, ежеминутно преданъ своему дѣлу. Самъ онъ признается, что у него есть роли, которыя онъ всегда готовъ играть, съ любовію, съ истиннымъ наслажденіемъ для самого себя. Къ числу такихъ ролей принадлежатъ, по собственному его признанію: *Гамлетъ*, *Лиръ*, *Лудовикъ XI-й*, *Кинъ*, *Нино*. Изъ этого видно, что самъ онъ превосходно сознаетъ характеръ своего таланта: онъ наиболѣе великъ въ изображеніи возвышенныхъ чувствованій и пылкихъ страстей.

Какъ человѣкъ, Каратыгинъ достоинъ всякаго уваженія. Не получивъ блистательнаго воспитанія, онъ замѣнилъ его собственными своими, неусыпными трудами; началъ учиться поздно, но прилежно, и далъ себѣ отличное образованіе. Въ этомъ, ему много помогъ его свѣтлый, чистый умъ и твердая, непреклонная воля. Каратыгинъ никогда не любилъ шумной, пестрой толпы театральныхъ весельчаковъ, которые, подъ предлогомъ любви къ театру, мѣшаютъ артистамъ работать и развлекаютъ ихъ пирушками. Каратыгинъ всегда знакомство съ литераторами, съ артистами, съ людьми, которые могутъ быть полезны и пріятны умною бесѣдою, знаніемъ свѣта, опытностію или начитанностію. Его удаленіе отъ театральнаго міра было объясняемо различными причинами, между тѣмъ, какъ оно объясняется очень просто: артистъ не хотѣлъ терять времени на пиры, безполезныя сходки и пустыя вечеринки. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ (въ 1827 году) на А. М. Колосовой, и нашелъ съ нею драгоцѣннѣйшее благо, семейное счастіе. Удивительно ли, что онъ жилъ почти невидимкою, когда ему не нужно было искать развлеченія внѣ своего дома? И теперь онъ не охотникъ до новыхъ знакомствъ, очень разборчивъ и не всякаго принимаетъ въ домъ свой. Утѣшаясь прелестною тринадцатилѣтнею дочерью, нѣжною дружбою милой супруги, онъ счастливо проводитъ дни свои, переносясь отъ блаженной семейной жизни въ область искусства, которое доставило ему двѣ важнѣйшія вещи въ мірѣ: славу и независимое состояніе. Чего желать ему? Онъ достигъ своей цѣли: онъ *первый* Русскій трагическій актеръ. Мельпомена отдала ему лавровый свой вѣнецъ, и обѣщаетъ ему еще много лѣтъ торжества. Мы можемъ только пожелать, чтобы любовь къ искусству не оставляла его, чтобы онъ не вздумалъ бросить поприще своей славы...

ВВВ.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ
АРТИСТОВЪ.

II.

А. М. КАРАТЫГИНА,

АРТИСТКА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА,

(Въ костюмѣ изъ трагедіи: Мессинская невѣста.)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ 6 Іюня 1841 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Lith. de C. Pohl, à St. Petersb.

А. М. Карамзина.

А. М. Каратыгина.

Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ А. М. Каратыгина вышла въ первый разъ на сцену. Ее приняли съ громкими рукоплесканіями. И теперь, ее принимаютъ съ шумнымъ одобреніемъ, съ восторгомъ.

Разсказать ея блистательное поприще, разсмотрѣть причины, содѣйствовавшія ея замѣчательнымъ успѣхамъ, напомнить о пользѣ, которую она принесла русской сценѣ, указать на помощь, которую она оказала многимъ драматическимъ произведеніямъ и авторамъ — вотъ цѣль этой статьи. Будучи безпорно первою современною русскою артисткою, г-жа Каратыгина должна занять почетное мѣсто въ исторіи сценическаго искусства въ Россіи. Уже въ наше время начинаютъ отдавать ей полную справедливость; но всю цѣну ей почувствуютъ только тогда, когда она оставитъ поприще, по которому шла такъ блистательно, съ такимъ яркимъ успѣхомъ.

Александра Михайловна принадлежала къ *театральному* семейству. Отецъ ея, М. Колосовъ былъ музыкантомъ при театрѣ; мать ея, Е. И. Колосова, славилась въ балетахъ; до-сихъ поръ еще помнятъ ее всѣ старички, имѣвшіе случай видѣть ее въ блестящее ея время. Воспитывалась А. М. сначала въ пансіонѣ г-жи Неймейстеръ; тамъ пробыла она три года. Родители ея, нещадившіе на ея воспитаніе никакихъ издержекъ и знавшіе, что образованіе лучше всякаго наслѣдства, взяли ее отъ г-жи Неймейстеръ и помѣстили въ знаменитѣйшій тогдашній пансіонъ г-жи Е. Мюссаръ. Тутъ А. М. получила высшее образованіе. Русскую литературу изучала она подъ руководствомъ Н. И. Греча; музыкѣ училась у Фильда. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея піанистку, мать готовила ее на драматическое поприще.

Сама А. М. хотѣла въ актрисы; но и тутъ, когда уже было рѣшено, что она будетъ актрисой, начались совѣты и споры. Одни говорили, что она должна готовиться для комедіи; другіе совѣтовали ей приняться за кинжалъ Мельпомены. Знаменитая Семенова совѣтовала Колосовой приготовлять роль въ комедіи, потому-что сама занимала трагическія роли и до такой степени пользовалась любовью публики, что молодой, начинающей артисткѣ трудно было съ нею спорить и почти невозможно пересилить ее. Шаховской, напротивъ того, утверждалъ, что А. М. должна непремѣнно дебютировать въ трагедіяхъ и предназначать себя къ трагическому поприщу. Катенинъ, извѣстной въ то время знатокъ и любитель сцены, поступалъ всѣхъ благоразумнѣе: онъ совѣтовалъ попробовать силы въ обоихъ родахъ и, послѣ рѣшительнаго опыта, предоставить самой артисткѣ выбрать Талію или Мельпомену, смотря потому, что покажетъ опытъ.

Для опыта, А. М. играла въ театральной школѣ, съ В. А. Каратыгинымъ и Борецкимъ, *Эдипа въ Аѳинахъ*. Не смотря на робость, которая всегда сопровождаетъ первое вступленіе на сцену; не смотря на неопытность, которая бываетъ всегда непремѣннымъ удѣломъ всякой начинающей артистки, А. М. поразила зрителей умною, отчетливою игрою. Трудная роль Антигоны (трудная, потому что держится на ходуляхъ и фразахъ) была передана съ чувствомъ, съ точностію, съ чрезвычайною понятливостію. Рѣшено: А. М. будетъ дебютировать въ трагедіи. Жаль, что тогда же не застави-

ли ее сыграть въ комедіи; судьи увидали бы, что талантъ юной артистки еще болѣе способенъ передавать Мольера и его послѣдователей. Видѣвшіе ее въ первой разъ на сценѣ, подумали, что она рѣшительно рождена для трагедіи, отбросили Талію съ ея претензіями, и скоро по Петербургу разнеслась новость: А. М. Колосова будетъ дебютировать въ *Эдипѣ*.

Чтобы понять, при какихъ условіяхъ Александра Михайловна поступила на сцену, надобно знать тогдашнее положеніе театра. Театромъ тогда управлялъ князь Тюфякинъ, человѣкъ весьма образованный, но невходившій въ мелкія подробности, утомительныя; однакоже очень важныя для успѣшнаго хода дѣлъ театральныхъ. Онъ былъ директоромъ de droit; а ходъ театра зависѣлъ отъ князя Шаховскаго, который старался о русской сценѣ отъ души, посвящалъ ей всѣ свои минуты—жилъ для театра. На сценѣ царствовалъ Озеровъ, съ классическою трагедіею, поддержпваемый талантомъ К. С. Семеновой. Она была первая и единственная трагическая актриса; у ней не было соперницъ. Въ комедіи не было ни одной особенно замѣчательной актрисы; всѣ комическія артистки играли кое-какъ. Шаховской приготовлялъ Вальберхову для комическихъ ролей, и удалялъ отъ нея соперницъ, надѣясь доставить ей тѣмъ блестящій и вѣрный успѣхъ. Что же оставалось новой дебютанткѣ? Дебютировать въ трагедіи, потому что въ комедію ее не пускали, и въ трагедіи классической, потому, что театральная публика оказывала особенное вниманіе къ Озерову и его произведеніямъ.

А. М. Колосова такъ и сдѣлала. Она дебютировала, 16-го декабря 1818 года, въ роли Антигоны, въ *Эдипѣ въ Аѳинахъ*. Изъ всѣхъ ролей классическаго репертуара, роль Антигоны самая невыгодная для дебюта; въ ней нѣтъ ничего, кромѣ пластики. Въ ней все расчитано, все размѣрено; нѣтъ простора чувству, душѣ; нѣтъ простора таланту. Не смотря на такой невыгодный выборъ, А. М. умѣла понравиться просвѣщенной части публики. Любители и знатоки театра видѣли въ ней прекрасный подарокъ Русской сценѣ, и предугадывали, какое высокое мѣсто займетъ она, со-временемъ, между артистками. Рукоплесканіямъ не было конца. Юная артистка была единодушно вызвана. Въ то время не вызывали по пяти или шести разъ за одну піесу, и вызовъ дѣйствительно означалъ, что публика довольна. Журналы встрѣтили Александру Михайловну нелестивою похвалою; но не сдѣлали никакихъ замѣчаній, которыя могли бы послужить артисткѣ въ пользу. Самые недальновидные критики замѣчали однакожъ, что молодая дебютантка вовсе не подражаетъ славному образцу, который находился у нея передъ глазами, и не увлекается игрою Семеновой. Въ этомъ справедливо находили ручательство, что Александра Михайловна будетъ артисткою самостоятельною, а не блѣдною копіею съ прекраснаго оригинала.

Черезъ двѣ недѣли (30 декабря) назначили второй дебютъ, и выбрали *Фингала*. Роль *Моины* доставила дебютанткѣ болѣе средствъ выказать талантъ свой въ полномъ блескѣ. Теперь никто уже не думаетъ и не говоритъ о *Моинѣ*; но въ то время эта роль считалась чрезвычайно трудною и требующею отъ артистки значительныхъ сценическихъ средствъ. Семенова считала эту роль однимъ изъ самыхъ свѣжихъ листковъ своего драматическаго вѣнца. Казалось, что дебютанткѣ трудно будетъ выйти побѣдительницею изъ борьбы съ опытною, и прославленною трагическою актрисою; но второй успѣхъ рѣшительно превзошелъ всѣ ожиданія. Дебютантка была опять вызвана съ восторгомъ, и въ полномъ смыслѣ осыпана рукоплесканіями.

Третій дебютъ (3-го января 1819), въ роли *Эсѳири*, утвердилъ еще болѣе всѣхъ любителей въ мнѣніи, что русская сцена сдѣлаетъ весьма важное пріобрѣтеніе, если дѣвица Колосова будетъ принята къ театру. Прекрасно зная французскую литературу и прочтя подлинникъ, Колосова передала Эсѳирь такъ, какъ создалъ ее Расинъ. Начались переговоры объ опредѣленіи къ теа-

тру, и шли не безъ затрудненій. Между тѣмъ юная артистка непремѣнно захотѣла испытать силы свои въ комедіи, и въ бенефисъ матери своей, Е. И. Колосовой, сыграла *Молодыхъ супруговъ*.

Ея непринужденность, ловкость, тонъ высшаго общества и особенная, ей только принадлежащая, мимика, показала, что настоящимъ ея назначеніемъ должна быть комедія.

Послѣ такихъ блистательныхъ дебютовъ, князь Тюфякинъ предложилъ ей выгодныя условія (*); она согласилась, и съ этой минуты начинается славное ея театральное поприще, на которомъ она отличалась въ продолженіе двадцати лѣтъ, почти безпрерывно, потому что и годъ, проведенный ею за границею, былъ посвященъ искусству и театру, и употребленъ на сценическое образованіе по великимъ образцамъ, которыми славилась въ то время Франція.

Первая, созданная Колосовою роль, послѣ опредѣленія къ театру, была *Ифигенія* (въ Ифигеніи въ Авлидѣ). Bon gré mal gré надобно было играть въ классическихъ трагедіяхъ, потому что въ то время на театръ имѣлъ сильное вліяніе Гнѣдичъ, переводчикъ короля *Леара* (т. е. *Лира*, приведеннаго въ классическія формы). Онъ думалъ, что внѣ классицизма нѣтъ спасенія; и не могъ разстаться съ классическимъ семействомъ Атридовъ, которое уступило теперь мѣсто другимъ, болѣе близкимъ къ намъ, геройнъ. Такъ-какъ Гнѣдичъ, былъ всесиленъ въ театрѣ, то артисты нехотя покорялись ему; но проницательный умъ и нѣжный вкусъ Колосовой спасли ее отъ бѣды, которую готовило ей тогдашнее положеніе театра. Она играла по вдохновенію души, по внушеніямъ ума своего, и зрители находили въ ней особенныя достоинства, невиданныя до-тѣхъ-поръ на сценѣ. Она не была похожа на всѣхъ другихъ актрисъ, которыя, учась или у Шаховскаго, или у Гнѣдича, всѣ были между собою похожи по методѣ игры, и отличались одна отъ другой только лицемъ и наружными формами. К. С. Семенова выходила изъ ряду ихъ единственно потому, что имѣла душевной энергіи болѣе всѣхъ прочихъ, но играла она по общимъ традиціямъ, пересаженнымъ на русскую сцену Шаховскимъ и Гнѣдичемъ. До какой степени Александра Михайловна удалялась отъ этихъ гибельныхъ традицій — теперь опредѣлить трудно; но можно утвердительно сказать, что быстрый успѣхъ ея зависѣлъ именно отъ того, что она ни кого не копировала, ни кому не подражала, ни съ кѣмъ не соперничала, а шла своею дорогою, принимая только тѣ совѣты, которые ей самой казались дѣльными и сообразными съ истинными законами театральнаго искусства. Это обыкновенный ходъ неподдѣльныхъ талантовъ!

Отъ классической *Ифигеніи* Колосова перешла къ классической же *Заирѣ* (въ Магометѣ), а черезъ нѣсколько времени играла въ одной трагедіи съ Семеновою. Этотъ спектакль возбудилъ особенное движеніе въ театральной сферѣ. Колосова будетъ играть въ одной піесѣ съ Семеновой! которой окажетъ публика болѣе вниманія? которой больше будутъ аплодировать? Которую вызовутъ? Театральной посдинокъ происходилъ въ бенефисъ Семеновой (15 мая 1819); давали *Медею*, трагедію, теперь совершенно забытую. Семенова играла Медею, Колосова — Креузу, жертву Медеи. Всѣ преимущества были на сторонѣ Семеновой; она играла первую роль, она была бенефиціянтка; однако же публика безпрерывно рукоплескала Креузѣ, и объ соперницы раздѣлили лавры по-ровну. Съ этой минуты, молодая артистка увѣрилась въ своихъ силахъ, и немногіе ея порицатели замолкли. Дѣйствительно, всѣ журналы съ тѣхъ поръ

(*) При князѣ Тюфякинѣ театръ русскій не имѣлъ никакихъ денежныхъ средствъ и не могъ давать такого жалованья, какое многіе получаютъ въ наше время. Тогда, кромѣ жалованья, давали деньги на квартиру, на гардеробъ, и — что покажется намъ смѣшно — давали даже дрова. Александра Михайловна по первому контракту получала *восемь сажень* дровъ ежегодно. Кромѣ того, она имѣла 1750 р. жалованья, 250 р. на квартиру, 300 руб. на гардеробъ въ комедіяхъ. Всѣ эти подробности не будутъ излишни со-временемъ, когда кто-нибудь предпримѣтъ написать полную исторію русскаго театра, во всѣхъ отношеніяхъ. — Обычай давать дрова нынѣ не существуетъ, съ 1825 года.

начали постоянно хвалить ее, и она, будучи на сценѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, пользовалась такимъ уваженіемъ отъ публики, какимъ наслаждаются только артисты заслуженные, посвятившіе всю жизнь на доставленіе сценическихъ удовольствій посѣтителямъ театра.

Среди этого безконечнаго репертуара классическихъ трагедій, прорывается одна комическая роль, роль *Лизы*, въ *притворной невѣрности*, которую Александра Михайловна создала для бенефиса покойной Ежовой. Новая роль — новый успѣхъ; тутъ Колосова была въ своей сферѣ: мила, граціозна, проста, непринужденна, увлекательна.

Въ 1819 же году давали *Отелло*, переведенаго съ французскаго, по передѣлкѣ Дюсиса. Колосова играла *Эдельмону*. Замѣчательно, что передѣланный Отелло жилъ на нашей сценѣ гораздо долѣе Отелло, переведеннаго съ англійскаго, безъ передѣлокъ. Причиною тому должно полагать, что тогдашняя *Эдельмона*, была несравненно лучше нынѣшнихъ *Дездемонъ*. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, довольно часто давали *Отелло* Дюсиса, и театръ рѣдко не былъ полонъ.

Любимица петербургской публики вздумала доставить ей новое наслажденіе, вовсе неожиданное, и въ бенефисъ матери своей, 15-го октября 1819 года, танцовала allemande и гавотъ. Публика была въ неописанномъ восторгѣ. Не всѣ понимаютъ трагедію, не всѣ могутъ оцѣнить роль въ комедіи, но всѣ безъизъятія понимаютъ и цѣнятъ танцы, потому что для этого нужны только глаза. Рукоплесканіямъ не было конца, и не одинъ любитель балета пожалѣлъ, что Александра Михайловна не посвятила себя Терпсихорѣ. Узнавъ, что очень многіе желаютъ видѣть ея танцы, вскорѣ потомъ она плясала по-русски, плясала безподобно, соединивъ въ своей пляскѣ высшую грацію съ простонароднымъ удальствомъ и выразительною мимикою.

Кончился первый годъ ея театральной жизни, а съ нимъ вмѣстѣ кончился и контрактъ, заключенный съ дирекціею. Князь Тюфякинъ, видя успѣхи молодой артистки, предложилъ ей 4000 руб. жалованья (почти вдвое противъ прежняго), и Александра Михайловна согласилась на его условія.

Показавъ способности свои въ трагедіи, въ комедіи и къ балету, Колосова готовила публикѣ новый сюрпризъ. Она хотѣла сдѣлать пользу почтенному учителю своему Фильду, и играла въ концертѣ его, на фортепіяно. Тутъ публика увидѣла, что Александра Михайловна получила истинно-художническое образованіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы найти артистку на русской сценѣ, получившую такія средства, отъ воспитанія. Прежнія артистки знали только *русскую грамоту*, читали весьма мало, а объ иностранныхъ литературахъ не имѣли никакого понятія. Первая Колосова подала примѣръ, достойный подражанія: она основательно знала свой языкъ; французскій языкъ ей былъ такъ же знакомъ, какъ русскій; по-нѣмецки она говорила очень хорошо. Привыкнувъ къ умственнымъ занятіямъ, она много читала, знала всѣхъ знаменитѣйшихъ писателей, и отдыхала отъ сцены за литературными произведеніями, слѣдуя пословицѣ: *вѣкъ живи, вѣкъ учись*. Ученіе, постоянный трудъ, — вотъ что доставило ей славу, и надобно признаться, что слава ей досталась не даромъ.

Не исчисляю классическихъ ролей, которыми ее мучили; она принуждена была играть въ *Димитріи Донскомъ*, *Радамистѣ и Зенобіи*, *въ Деборѣ*, *въ Андромахѣ* (Герміону), въ *Росславѣ*, въ *Дидонѣ* въ *Сумбекѣ*, въ *Семелѣ*, въ *Аріаднѣ* и въ другихъ подобныхъ піесахъ, о которыхъ нынѣ не говорятъ и на которыя вѣрно не стали бы смотрѣть. Въ это время она къ удовольствію публики играла въ піесахъ *Семь пятницъ на недѣли*, и въ *Своей семьѣ*.

Быстрое и скорое возвышеніе таланта не могло обойтиться безъ непріятностей. Гдѣ успѣхъ, тамъ и зависть; гдѣ похвала, тамъ и порицатели. Встрѣчая безпрерывно непріятности Александра Михайловна рѣ-

шилась вырваться изъ театра и подышать свѣжимъ воздухомъ, незараженнымъ клеветою бездарности и злословіемъ зависти. Чтобы не терять времени даромъ, молодая артистка задумала ѣхать въ Парижъ, поглядѣть на образцы театральнаго искусства, на Тальму, на Дюшенуа, на Марсъ, на Жоржъ, изучить ихъ и повѣрить на нихъ свою собственную теорію. Евгенія Ивановна Колосова, вполнѣ оцѣнивая благоразумное стремленіе дочери, не пожалѣла денегъ на издержки путешествія, продала свои брильянты, и на вырученную за нихъ сумму повезла дочь за-границу.

Путешествіе ихъ чрезвычайно любопытно. Двѣ беззащитныя женщины отправляются въ путь и берутъ съ собою слугу-иностранца. Черезъ нѣсколько дней открывается, что этотъ слуга—ревностнѣйшій жрецъ Бахуса и его надобно было бросить на дорогѣ, у корчмы. Дамы остаются одни и проѣзжаютъ черезъ всю Германію и Францію, проводя ночи безъ сна, въ безпрерывномъ страхѣ, защищаются отъ таможенныхъ досмотрщиковъ и почтовыхъ ямщиковъ. Но мы не смѣемъ и не имѣемъ права разсказывать всѣхъ эпизодовъ этого путешествія, потому-что Александра Михайловна, можетъ быть, со временемъ сама разскажетъ его въ своихъ запискахъ.

Графъ Милорадовичъ, бывшій тогда предсѣдателемъ театральнаго комитета, уволилъ Колосовыхъ на годъ; это было и много, и мало. Много, потому-что театръ терялъ отъ отсутствія любимой публикою артистки; мало, потому-что въ теченіи одного года она успѣла осмотрѣть только одинъ Парижъ, познакомилась съ одними только парижскими талантами. Но и этимъ малымъ отпускомъ она умѣла мастерски воспользоваться: ежедневно посѣщала театръ, навѣщала всѣхъ знаменитыхъ артистовъ, къ которымъ имѣла письма. Тальма принялъ въ ней особенное участіе; дальновидный умъ его предузналъ, что молодая актриса, которой онъ взялся помогать совѣтами, перенесетъ на край свѣта Мольера и Мариво, пересадитъ на русскую почву французскую *высокую комедію*, о которой до того времени имѣли понятіе только богачи, бывавшіе за границей и видѣвшіе Мольера на сценѣ перваго французскаго театра. Тальма чувствовалъ, что оказываетъ великую услугу русской сценѣ, помогая артисткѣ, которая пріѣхала съ Сѣвера искать образцевъ искусства на Западѣ.

Тальма доставилъ обѣимъ Колосовымъ безденежный входъ въ два лучшіе парижскіе театры: *Théâtre français* и *Одеонъ*. Между тогдашними артистками славились Дюшенуа, Марсъ и Жоржъ. Дюшенуа прославилась въ роляхъ Федры, Герміоны, Альзиры и Аменаиды; но, образовавшись подъ вліяніемъ извѣстнаго класика Легуве, она болѣе пѣла, чѣмъ декламировала. Старички, помнившіе дѣвицу Клеронъ и г-жу Дюменіль, восхищались ею безусловно, потому-что находили въ ней отпечатокъ классицизма, къ которому привыкли. Ей было уже лѣтъ подъ-сорокъ, и она двадцать лѣтъ играла расиновскія роли. Дюшенуа не очень понравилось нашей молодой артисткѣ, да и самъ Тальма, которому она вѣрила, говорилъ ей: «Не подражайте нашей Дюшенуа, *elle psalmodie*. Соперница Дюшенуа, г-жа Жоржъ, восхищала парижскую молодежъ, депутатовъ, банкировъ, и вообще всѣхъ людей, которые, забывъ вѣковыя традиціи перваго французскаго театра, искали на сценѣ естественности, простоты и неподдѣльнаго чувства. На нее-то обратила Александра Михайловна особенное вниманіе и искала въ ней разрѣшеніе трудной задачи, какъ передавать на сценѣ трагическія и часто неестественныя положенія, просто, не безъ искусственно, но сильно, вѣрно и увлекательно. Третья знаменитая парижская актриса М-lle Марсъ, познакомила Колосову съ французскою высокою комедіею, съ Мольеромъ, Бомарше, Мариво, Детушемъ. Марсъ безподобно играла Селимену (*въ Мизантропѣ*), Бетси (*въ юности Генриха V*), Эльмиру (*въ Тартюфѣ*). Она показала, провела передъ глазами Колосовой старинныхъ Герцогинь и Маркизъ вѣка Людовика XIV, и новой, невѣдомой міръ

отрылся нашей артисткѣ. Между тѣмъ, срокъ отпуска истекалъ, да и беззащитныя путешественницы начинали бояться Парижа. Политическая буря готовилась разразиться надъ нимъ; безпокойный духъ реформы заражалъ парижскій воздухъ. Въ одно прекрасное утро внезапный стукъ, трескъ и шумъ пробуждаетъ артистическое семейство; по улицамъ барабаны бьютъ сборъ, солдаты бѣгутъ густыми толпами, по мостовой гремятъ орудія коваными колесами лафетовъ. Что такое? Это исторія Манюэлл. Е. И. Колосова рѣшила, что пора возвратиться въ Россію; занялась покупкою діадемъ, *склаважей* и другихъ украшеній, необходимыхъ для сценическихъ королевъ и графинь; и закупивъ все, чего не льзя было достать въ Петербургѣ, обѣ путешественницы простились съ Парижемъ и пустились въ дорогу, на родину.

Все путешествіе стоило имъ не менѣе тридцати тысячь рублей; но капиталъ употребленъ превосходно, потому что доставилъ самые богатые проценты, т. е. славу и независимое состояніе. Путешествіе продолжалось почти годъ (съ 8 іюля 1822 года по 24 іюля 1823). Возвратившись въ театръ, Колосова нашла что ходъ дѣлъ почти не перемѣнился. Директоромъ былъ Майковъ, но Гнѣдичъ все еще сохранялъ прежнее свое вліяніе. Надобно было опять приниматься за классическую трагедію: это была непремѣнная необходимость. Публика съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда увидитъ свою любимицу, ожидая отъ нея чудесъ послѣ путешествія ея за границу. Назначили, что Колосова будетъ играть *Герміону*, въ Андромахѣ. Александра Михайловна, всегда благоразумно-осторожная и скромная, не довѣряя своимъ силамъ, обратилась къ нѣкоторымъ просвѣщеннымъ любителямъ театра и просила ихъ мнѣнія на счетъ придуманныхъ ею нововведеній. А. Н. Оленинъ и И. А. Крыловъ, трудившійся тогда для театра, дѣлали ей замѣчанія и подавали совѣты, которыми она умѣла воспользоваться, какъ умная артистка.

Новая *Герміона* принята съ восторгомъ, который превзошелъ все, что было видано до-тѣхъ-поръ на нашемъ театрѣ. Съ такимъ же успѣхомъ Колосова сыграла *Эсѳирь*, *Аменаиду* и *Камиллу*, и наконецъ появилась въ *Семирамѣ*. Напрасно пытался бы я описывать Александу Михайловну въ этой роли. Всѣ тончайшіе переливы женскаго кокетства переданы съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, что, кажется, видишь передъ собою идеалъ умной свѣтской дамы. Зависть и тутъ нашла къ чему придраться; говорили, что въ этой роли Колосова копируетъ Марсъ и говорили люди, никогда невидавшіе г-жу Марсъ на сценѣ. Мнѣ случилось видѣть знаменитую французскую актрису въ роли Селимены, и игра обѣихъ артистокъ до такой степени различна, что между ими не можетъ быть сравненія, ибо нѣтъ ни какихъ точекъ соприкосновенія. Марсъ сохраняетъ, въ роли Селимены, постоянно какую-то важность и дѣйствуетъ на зрителя-слушателя особенно голосомъ, который идетъ прямо въ душу. Колосова, въ этой же роли, дѣйствуетъ на публику умомъ своимъ и особенно мимикой, *манерами*, ни какъ не забывая, что кокетство и важность несовмѣстны. Въ Колосовой болѣе веселости, болѣе ума; въ Марсъ болѣе кокетливаго жеманства и болѣе чувства. Однимъ словомъ, обѣ артистки шли разными, путями, соображаясь съ своими физическими средствами, но достигли одной цѣли.

Потомъ Колосова создала роль *Валеріи*. Для этой роли мало одного искусства, котораго было достаточно для *Селимены*. Тутъ нужна душа, чувство. Ролью *Селимены* Колосова возбудила восторгъ; ролью Валеріи исторгла у всѣхъ слезы. Только два раза сыграла она въ комедіи, и публика не хотѣла уже смотрѣть другихъ актрисъ (я говорю о комическихъ). 1823 годъ производитъ переворотъ на нашей сценѣ: передъ русскими зрителями является Мольеръ во всемъ своемъ блескѣ, съ помощію таланта одной жрицы Таліи!

Въ октябрѣ 1824 года Колосова поѣхала въ Москву и играла тамъ лучшія свои роли. Москва прещедро наградила ее

рукоплесканіями и деньгами. Въ послѣдній разъ, когда Колосова играла, публика по окончаніи спектакля, громко вызвала артистку и потребовала, чтобы Колосова еще осталась въ Москвѣ и сыграла *Валерію* и *Завѣщаніе* (ничтожную піесу, замѣчательную только по мастерской игрѣ Александры Михайловны). Колосова исполнила желаніе публики и уѣхала изъ Москвы, оставивъ въ Москвичахъ самыя пріятныя воспоминанія.

Между тѣмъ успѣхи ея не всѣмъ нравились въ Петербургѣ. Она возвратилась 10-го декабря 1824, а 5-го января слѣдующаго года была отставлена отъ театра. Трудно ей было, въ цвѣтѣ лѣтъ, оставить поприще, по которому она шла такъ блистательно, сопровождаемая похвалами искренними и желаніями людей, любящихъ искусство.

Въ апрѣлѣ 1825 года Аделина Каталани упросила Колосову участвовать въ ея концертѣ. Колосова прочла сцену изъ Мизантропа, на языкѣ Мольера. Публика обрадовалась неимовѣрно, увидавъ театральную свою любимицу. Директоръ театра предложилъ Александрѣ Михайловнѣ вступить снова на сцену, и, разумѣется, не получилъ отказа. Девять мѣсяцевъ Александра Михайловна провела внѣ театральныхъ занятій, предаваясь ученію, не оставляя своего любимаго искусства и приготовляя себя къ новымъ ролямъ, къ новымъ успѣхамъ.

Опять наступила для Александры Михайловны пора веселыхъ трудовъ, счастливыхъ успѣховъ и блестящихъ, упоительныхъ торжествъ. Артистка явилась опять *Селименой* и *Валеріей*, и потомъ отправилась въ Москву, надѣясь найти тамъ прежній радушный пріемъ. Надежда не обманула ея: Москвичи съ прежнимъ восторгомъ любовались *Селименой*, *Валеріей*; артистка приготовила имъ новый сюрпризъ: *Обманъ въ пользу любви*, знаменитую комедію Мариво (Les fausses confidences), которая до-сихъ-поръ считается камнемъ преткновенія для опытныхъ актрисъ. Въ этой роли нужно искусство, нужна душа, нуженъ умъ, нужны всѣ средства, какими можетъ обладать совершенная артистка, щедро одаренная природою и обогащенная воспитаніемъ. Александра Михайловна такъ сыграла эту роль, что послѣ нея никто не смѣлъ еще за нея приняться; критика почтительно ей поклонилась и прозвала ее русскою Марсъ.

По возвращеніи въ петербургъ, Колосова играла *Обманъ въ пользу любви* съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Москвѣ, и еще создала роль *Доримены*, въ *Женитомъ философѣ*, Детуша. Такимъ образомъ, она стала представительницею, на русской сценѣ, трехъ лучшихъ французскихъ комическихъ писателей: Мольера, Мариво и Детуша.

Въ 1827 году Александра Михайловна вышла за-мужъ за В. А. Каратыгина. Оба, преданные искусству, оба, равно славные на русской сценѣ, они рѣшились, по взаимной склонности, соединить судьбу свою. Семейства ихъ были въ давнишней дружбѣ.

Еще подвигъ предстоялъ Александрѣ Михайловнѣ: познакомить русскую сцену съ Бомарше. Она играла и *Сусанну* и *Графиню* (*въ сватьбѣ Фигаро*). Мнѣ не случилось видѣть ни той, ни другой роли; но знатоки, которымъ можно повѣрить, разсказывали мнѣ, что роль графини была сыграна лучше. Сцена съ пажемъ была ведена неподражаемо. Въ *Сусаннѣ*, Каратыгина все оставалась знатною дамою, и никакъ не могла превратиться въ шалунью-горничную. *Урокъ старикамъ* прошелъ удачно, но публика почему-то не оказала этой піесѣ должнаго вниманія.

Съ 1830 года начинается репертуаръ юной французской драмы. Каратыгина постепенно играла герцогиню Гизъ (въ Генрихѣ III), Цецилію (въ Сумасшедшей), баронесу Дервей (въ Антони), г-жу Дюронель (въ Фанни), Леонію. (въ Une faute), Женни (въ Ричардѣ д'Арлингтонѣ), Елеонору (въ Италіянкѣ), Гортензію (въ Пятомъ актѣ), Тисбу (въ Венеціянской актрисѣ), Леди (въ Кинѣ), мать (въ Эсмеральдѣ). Всѣ героини *юной* драмы имѣютъ родственное сходство: много любви, мало характера; много страсти, мало разсудительности. Каратыгина умѣла разнообразить этотъ репертуаръ, и придавать каждой героинѣ особенныя черты, такъ что каждая изъ этихъ ролей казалась публикѣ новостію.

Что сдѣлала Каратыгина изъ *Натальи Дмитріевны* (*въ Горѣ отъ ума*)? ролью въ нѣсколько словъ, она убила всѣ женскія роли въ этой піесѣ. Какъ не подражаемо-хороша она въ небольшой комедіи: *Женскій умъ лучше всякихъ думъ*! А разсказъ *Курдюковой*? Едва Каратыгина входитъ на сцену и садится, вы знаете съ кѣмъ имѣете дѣло: это провинціяльная барыня!

Послѣдняя роль, созданная славною нашею артисткою — *Гризельда*, роль очень трудная, потому-что на ней держится вся піеса. Въ ней Каратыгина мастерски показываетъ зрителю сокровеннѣйшія изгибы женскаго сердца, и съ равнымъ искусствомъ передаетъ сцены любви и сцены отчаянія. Это одна изъ самыхъ удачныхъ драматическихъ ея ролей.

Какое удивительное разнообразіе! Какое неутомимое усердіе къ искусству! изъ Селимены Каратыгина переходитъ въ Гризельду, изъ Дорямены въ Валерію, изъ Тисбы въ Герміону! И все съ равнымъ успѣхомъ, къ удовольствію любителей искусства. Употребляя утро на изученіе ролей, проводя вечера въ театрѣ по должности, она находила еще время на литературныя занятія и перевела *Эсмеральду* и Н. Д.

Прямою причиною блестящихъ ея успѣховъ—образованность. Безъобразованія нѣтъ и не можетъ быть превосходной комической артистки. Имѣя отличный кругъ знакомства, Александра Михайловна привыкла, съ юныхъ лѣтъ, къ высшему тону и перенесла его на нашу сцену. Она принесла театру нашему чрезвычайную пользу, оказала ему важныя услуги: она познакомила насъ съ Мольеромъ и Мариво, съ Бомарше и Детушемъ, съ Дюма и Викторомъ Гюго; она содѣйствовала успѣхамъ Полеваго (*въ Смерть или честь*), Кукольника (*въ Скопинѣ Шуйскомъ и Роксоланѣ*) и Ободовскаго (*въ Велисаріи и Гризельдѣ*). Она создала у насъ *высокую комедію*, которая теперь не въ ходу, потому что не кому играть въ ней, кромѣ Александры Михайловны. Кто будетъ помогать ей? талантъ ея такъ высокъ, что всѣ другія здѣшнія дарованія (говорю про актрисъ) блекнутъ передъ нимъ, и становятся блѣдными и безцвѣтными.

Въ послѣднее время, Александра Михайловна рѣже являлась на сценѣ. Что этому причиной? неужели дѣятельность ея утомилась? или публика разлюбила свою достойную любимицу? О нѣтъ! причина совсѣмъ другая. Бульварные парижскіе водевильчики овладѣли нашею сценою, а въ нихъ нечего дѣлать истинному таланту. Дайте А. М. Каратыгиной Мольера, Бомарше, Грибоѣдова—и вы увидите ее опять въ полномъ блескѣ, въ полной силѣ; она опять станетъ увлекать, прельщать васъ. Она сама говоритъ, что любимыя ея роли: *Герміона*, *Селимена*, *Валерія*. Для нихъ создана она; для нихъ природа дала ей благородное, выразительное лице, тонкій, наблюдательный умъ, прелестную, неподражаемую ловкость; для нихъ образовало ее воспитаніе. Мѣсто ли этому огромному таланту въ слезныхъ трагедіяхъ, вытянутыхъ на ходули, или въ передѣланныхъ комедійкахъ изъ плохихъ французскихъ водевилей?

ВВВ.

Отъ Редакціи.

Правило Редакціи *Репертуара Русскаго Театра* и *Портретной Галереи Русскихъ сценическихъ артистовъ*, было, есть и будетъ — дѣйствовать добросовѣстно и откровенно. Основываясь на этомъ правилѣ, Редакція вмѣняетъ себѣ въ обязанность довести до свѣдѣнія своихъ Гг. подписчиковъ слѣдующее:

Одни изъ нихъ, благодаря Редакцію письменно, за *прекрасный* (это ихъ слово) портретъ В. А. Каратыгина, упрекнули ее въ несвоевременной выдачѣ II N *Галереи*. Другіе, сожалѣя, что краски портрета начали уже выцвѣтать, опасаются, что это лишитъ его сходства, которымъ онъ поражаетъ теперь всѣхъ знающихъ лично г. Каратыгина и что портретъ этотъ превратится современемъ въ полинялую *картинку театральнаго костюма*, не болѣе.

Редакція имѣетъ честь отвѣтствовать на сіе: остановка въ выдачѣ II N *Галереи* произошла за раскраскою слѣдующаго къ нему портрета артистки Императорскаго С. П. бургскаго театра *А. М. Каратыгиной*. Изложенныя въ III книжкѣ *Репертуара* за нынѣшній годъ, опасенія, къ сожалѣнію, сбылись. Портретъ этотъ, написанный и сдѣланный истинно-артистически, лишился подъ красками всего своего достоинства. Редакція, не смотря на значительную отъ этого для себя денежную потерю, уничтожила всѣ раскрашенные экземпляры портрета и прилагаетъ его присемъ, не иллюминованный, въ полной увѣренности, что образованные гг. подписчики на *Галерею* не посѣтуютъ за это. Всякій, безъ сомнѣнія, предпочтетъ портретъ сходный, художнически отдѣланный, хотя и не иллюминованный, такому же, плохо раскрашенному,—кандидату *въ полинялыя картинки театральнаго костюма*.

Остальныя, составляющія *Галерею*, за текущій годъ, четыре изображенія артистовъ, будутъ выданы своевременно, въ томъ же самомъ видѣ, какъ прилагаемый при семъ портретъ, для единообразія коллекціи ихъ. Кромѣ доставленнаго при I N означеннаго изданія раскрашеннаго портрета *В. А. Каратыгина*, разосланъ будетъ другой, не иллюминованный.

Слѣдующая въ нынѣшній No *Портретной Галереи* біографія *А. М. Каратыгиной* доставлена будетъ, въ непродолжительномъ времени, гг. подписчикамъ на это изданіе.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ
АРТИСТОВЪ.

III.

М. Д. ДЮРЪ,

АРТИСТКА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

(съ потретомъ ея во весь ростъ).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ 29 Іюня 1841 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

M. D. Dropp.

М. Д. ДЮРЪ.

Много разъ уже было говорено о томъ, что послѣ драматическихъ артистовъ не остается ровно ничего. Сравненіямъ между искусствомъ театральнымъ и твореніями поэта, живописца или музыканта нѣтъ конца, и всѣ эти сравненія всегда клонятся къ доказательству неблагодарности трудовъ драматическихъ артистовъ, и къ превознесенію прочной, вѣковѣчной славы всѣхъ прочихъ тружениковъ искусствъ и художествъ. Искусство актера и актрисы эфемерно, не оставляетъ по себѣ ни какихъ слѣдовъ, повторяютъ всѣ. Скажите, пожалуйте, какое же искусство прочно? Неужели трудъ поэта, разумѣется, не изъ самыхъ геніяльныхъ, по поддѣлывающагося подъ вкусъ и требованія своего времени, переживаетъ вѣка и остается долгое время предметомъ удивленія? Раскройте книгу. романъ, повѣсть, нравившіеся вамъ лѣтъ за десять, и почитавшіеся тогда образцовыми, прочитайте страницы двѣ, и скажите, какое впечатлѣніе производятъ на васъ теперь слова автора, блиставшаго тогда на первомъ мѣстѣ? То же самое находимъ мы въ живописи, въ музыкѣ, въ ваяніи, во всѣхъ искусствахъ, подверженныхъ вліянію моды и требованію времени. Образцы, переживающіе вѣка, раждаются также лишь вѣками. Юныя поколѣнія художниковъ, музыкантовъ отважно перегоняютъ наставниковъ своихъ, видятъ себя на вершинѣ славы и блеска, не помышляя о томъ, что для нихъ также наступитъ угрюмая осень, и публика, какъ непостоянная ласточка, улетитъ отъ нихъ въ страны благорастворенной весны, къ возраждающейся вновь природѣ, къ новымъ талантамъ.

Нѣтъ, въ противоположность общепринятаго мнѣнія, можно положительно объявить, что участь драматическаго искусства во многомъ гораздо завиднѣе участи другихъ изящныхъ искусствъ. Его преимущество, неотъемлемое, принадлежащее одному ему, заключается во томъ, что оно живетъ въ преданіяхъ, въ памяти цѣлаго поколѣнія, а не въ запыленыхъ фоліантахъ, не въ заброшенныхъ картинахъ, не въ безотвѣтныхъ кипахъ нотъ! Не сомнѣваемся въ талантѣ великихъ трагиковъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій, игрою которыхъ восхищались, въ молодости своей, многія живущія еще донынѣ лица; не отнимаемъ граціи и прелести въ танцахъ жрицъ Терпсихоры, поступившихъ теперь уже въ разрядъ почтенныхъ старушекъ, но вскружившихъ на своемъ вѣку не одну изъ головушекъ, осѣненныхъ нынѣ сѣдинами. Но чѣмъ въ состояніи мы доказать, что трагики нынѣшніе стоятъ

трагиковъ минувшаго поколѣнія, что грація и прелесть въ танцахъ нынѣшнихъ равняются, если не превышаютъ достоинствомъ, пируэты и антрша старинной школы? Противу чрезмѣрныхъ похвалъ чувствительнаго романиста, приводившаго въ восторгъ нашихъ матушекъ или бабушекъ, стоитъ раскрыть книгу устарѣлаго писателя; противъ критикъ нынѣшней живописи стоитъ указать старичкамъ на холодную кисть живописцевъ ихъ времени, которыми они восхищались; въ защиту нынѣшней музыки стоитъ пригласить ихъ прослушать теперь, послѣ Россини, италіянскую или французскую оперу стариннаго покроя. Противъ защитниковъ прежняго драматическаго искусства—апеляцій нѣтъ ни какихъ, и ничѣмъ не убѣдишь старичковъ, что и въ наше время есть таланты, поддерживающіе съ честію священное пламя истиннаго искусства.

Но,—куда зашли мы, куда увлеклись, принявшись за пріятный долгъ поговорить объ одномъ изъ изящнѣйшихъ украшеній нашей петербургской сцены? Что за безконечныя сравненія, когда дѣло идетъ объ артисткѣ, несравненной въ отношеніи красоты и женской прелести? Позвольте, позвольте!

Не смотря на то, что г-жу Дюръ нельзя не назвать молодою артисткою, она проходитъ на нашей сценѣ, такъ сказать, уже второе драматическое поприще. Въ молодости дожила она до того, чего обыкновенно достигаютъ люди въ преклонныхъ лѣтахъ,—для нея наступило уже *время преданій*, и она можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ мнѣнія, которое мы старались изложить. Если игра г-жи Дюръ, въ драмѣ, можетъ подать поводъ къ мнѣніямъ и сужденіямъ, розняшимся въ основаніяхъ своихъ, съ другой стороны, олицетворенная ею Фенелла нынѣ признана образцовою, идеальною. Для г-жи Дюръ-Фенеллы уже наступилъ судъ потомства, признавшаго ея превосходство предъ всѣми соперницами, и отнынѣ уже ничто не въ состояніи отнять хотя малѣйшей частицы этой славы, упроченной за нею общимъ мнѣніемъ, самымъ справедливымъ изъ всѣхъ судей.

Марія Дмитріевна Дюръ, урожденная Новицкая, была отдана въ театральное училище восьми лѣтъ отъ роду, и въ первый разъ явилась на сценѣ въ ролѣ Зеліи, въ балетѣ *Приключеніе на охотѣ;* за тѣмъ играла она въ балетѣ Дидло *Зефиръ и Флора*, пользуясь уроками опытной пантомимной артистки нашей, г-жи Люстихъ, и являлась еще въ нѣкоторыхъ другихъ балетахъ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду танцовала она во дворцѣ, въ присутствіи Высочайшаго Двора, и удостоилась получить въ подарокъ драгоцѣнныя брилліантовыя серьги.

Между тѣмъ наступилъ 1834 годъ, съ приготовленіями къ великолѣпной постановкѣ Оберовой оперы Фенеллы. Ни одна опера не возбуждала въ столь высокой степени любопытства публики. Всѣ говорили о великолѣпныхъ декораціяхъ Гропіуса, о заготовляемыхъ роскошныхъ костюмахъ, объ артистахъ-хористахъ, выписанныхъ изъ Берлина, для оживленія пламенныхъ хоровъ приличною игрою; много разсказывали про танцы, которыми будетъ украшена эта опера, и наконецъ всѣ заранѣе напѣвали и насвистывали плѣнительные мотивы, овладѣвшіе въ то время всѣмъ музыкальнымъ міромъ. Трудная роль нѣмой Фенеллы была поручена испытанной балетной актрисѣ, которую должна была смѣнять, для отдохновенія заслуженой артистки, юная воспитанница театральнаго училища г-жа Новицкая.

Въ первый разъ представлена Фенелла, помнится, 13-го Января. Публика, послѣ долгаго ожиданія, увидавъ этотъ ослѣпи-

тельный спектакль, не произнесла еще ни какого мнѣнія. На слѣдующій день дана опера во второй разъ, въ который роль нѣмой играла г-жа Новицкая. Плѣнительная артистка, созданная самою Природою для сцены, выступила на строгій судъ публики, украшенная идеальною красотою, семнадцатью годами безмятежной жизни, съ внутреннимъ стремленіемъ къ непринужденной, натуральной игрѣ, выступила, говоримъ мы, и съ перваго шага на сценѣ оставила за собой всѣхъ нашихъ пантомимныхъ актрисъ. Игру г-жи Новицкой въ Фенеллѣ можно было назвать *романтическою*, не связанною ни какими общепринятыми балетными жестами, или *сценическими преданіями*. Одинъ взглядъ, полный чувства неподдѣльнаго, истекающаго изъ глубины души, замѣнялъ у нея всякую условную мимику; одинъ жестъ, незаученый и поэтому естественный, восхищалъ публику болѣе самой отчетливой *классической* игры. Болѣе силы, чувства, выраженія, такъ сказать, болѣе души, невозможно было придать интересной, милой Фенеллѣ! Во время перваго восторга, произведеннаго у насъ этою оперою, разсказывали, что одна любезная дама, увидѣвъ г-жу Новицкую въ Фенеллѣ, воскликнула съ нѣжнымъ упрекомъ: »Зачемъ я не нѣмая?«

Въ то самое время, какъ по утрамъ въ тѣ дни, когда давали Фенеллу, въ кассѣ Александринскаго театра (*) едва не доходило до формальной схватки, завязался у насъ бой—чернильный, съ обычными схватками на перьяхъ, съ обычными взрывами на словахъ. Заслуженныя похвалы г-жи Новицкой, игравшей трудную роль Фенеллы по внушенію пламеннаго чувства, не подверженнаго ни разбору, ни точному опредѣленію, эти заслуженныя похвалы *лишили покоя* какого-то безъименнаго поклонника классической, расчитанной, заученой игры другой Фенеллы. Въ фельетонѣ одной петербургской газеты явился разборъ игры той и другой артистокъ, и въ этомъ разборѣ клонились доказать, что г-жа Новицкая, которой расточаются похвалы и мадригалы, подражаетъ игрѣ своей соперницы-Фенеллы, что она приняла ее за образецъ, оригиналъ, и скопировала съ нея игру свою. Г-жу Новицкую упрекали наконецъ въ этомъ разборѣ—въ *излишней пламенности!* Отвѣтъ не замедлилъ явиться въ справедливую защиту г-жи Новицкой, и съ тѣхъ поръ завязался жарскій споръ, который донынѣ очень многіе, можетъ быть, не почитаютъ совершенно рѣшенымъ. Какъ-бы то ни было, большинство публики было на сторонѣ юности, красоты, раждавшагося, развивавшагося дарованія.

Теперь, когда вся эта опера, всѣ эти споры уже принадлежатъ къ дѣламъ минувшей старины, можно сказать, что г-жа Новицкая, ни сколько не стараясь копировать игру своей соперницы, г-жи Телешовой, можетъ быть невольно припоминала въ нѣкоторыхъ минутахъ жестъ или движеніе опытной совмѣстницы своей, образованной къ сценѣ по одной съ нею методѣ, изучавшей почти одни и тѣ же образцы. Юная артистка, увидавъ игру г-жи Телешовой въ Фенеллѣ, воскликнула, подобно многимъ великимъ художникамъ, не довѣрявшимъ своимъ силамъ: *И я также.... Фенелла!* Подражанія въ ея игрѣ не было ни сколько; но двѣ артистки, обѣ съ талантомъ и съ дарованіями, могли походить одна на другую въ изображеніи одного и того же оригинала краснорѣчивой нѣмой. Les beaux esprits se rencontrent!

Послѣ этого блистательнаго успѣха, могущаго сравниться съ полнымъ драматическимъ поприщемъ многихъ другихъ артистовъ и артистокъ, г-жа Новицкая не имѣла случая являться въ большихъ ро-

(*) Возобновленный для оперъ и балетовъ Большой Театръ былъ открытъ лишь осенью 1836 года.

ляхъ новыхъ піесъ, которыя бы обратили на себя общее вниманіе публики. Она играла въ балетахъ: *Нина, Дезертеръ, Донъ Жуанъ, Венгерская Хижина,* восхищала зрителей пламенною, одушевленною игрою, блистая и отличаясь притомъ передъ всѣми очаровательною наружностію. Торжествомъ ея была также русская пляска, составленная вся изъ благороднѣйшей и непринужденной граціи.

Около того же времени, а именно въ началѣ 1835 года, когда восхитительная Новицкая еще вполнѣ господствовала въ роли Фенеллы, разнесся слухъ, что она выходитъ за мужъ. Счастливымъ смертнымъ, избравшимъ ее въ супруги, называли превосходнаго нашего комическаго артиста Николая Осиповича Дюра, и вскорѣ на афишахъ появилась Фенелла подъ новою фамиліею, но съ прежнею выразительною, увлекательную игрою. Супружеская жизнь ея, благословленная рожденіемъ дочери, не была, однакоже продолжительна: преждевременная кончина И. О. Дюра памятна еще всей Петербургской публики, памятна въ особенности многочисленнымъ друзьямъ и товарищамъ его, оплакивающимъ еще донынѣ эту невозвратимую потерю.

Послѣ кончины супруга и даже въ послѣднее время его жизни, Марія Дмитріевна Дюръ появлялась на сценѣ гораздо рѣже прежняго; наконецъ, довольно долго ее уже не видали въ неблагодарныхъ роляхъ балетныхъ *благородныхъ матушекъ*, графинь и герцогинь, которыя приходились на ея долю, какъ вдругъ по городу разнеслась молва, что г-жа Дюръ переходитъ изъ балетной труппы въ драматическую, и что она будетъ играть именно въ трагедіяхъ.

Сомнѣваться въ успѣхѣ было невозможно, потому что г-жа Дюръ выходила на трагическую сцену не робкою, неопытною дебютанткою, незнакомою со сценою, но артисткою испытанною, и хотя еще молодою, но составившею уже себѣ непоколебимую, заслуженную извѣстность. Балетъ дарилъ ее драмѣ и трагедіи совершенно образованною для сцены, соотвѣтствующею всѣмъ требованіямъ трагической актрисы, съ плѣнительною наружностію, съ памятною всѣмъ мимикою Фенеллы, съ пламеннымъ чувствомъ, составлявшимъ всегда основу ея игры, непринужденной и очищенной отъ всего балетнаго. Оставалось узнать, какова будетъ ея дикція, но и на этотъ счетъ не могло быть ни какого сомнѣнія въ успѣхѣ, потому что образовать ее въ этомъ взялся В. А. Каратыгинъ.

И такъ, 1-го іюля 1840 возвратилась на сцену Александринскаго Театра, на которомъ стяжала свою извѣстность, свою славу, М. Д. Дюръ, но уже не нѣмою, по роли и по обязанности балетной артистки, но Антигоною, съ плавными стихами Озерова. Если первый шагъ г-жи Дюръ на новомъ поприщѣ не можетъ сравниться съ первыми дебютами г-жи Новицкой, вознесшими ее выше всѣхъ ея соперницъ, тому виною несовсѣмъ удачный выборъ піесы. Г-жа Дюръ не создана для ролей классическихъ; стихія ея романтизмъ, въ которомъ чувство преобладаетъ надъ искусствомъ, и, такъ сказать, драматическій инстинктъ надъ хладнокровнымъ изученіемъ. Слѣдующіе ея дебюты были гораздо удачнѣе, и нынѣ Русская сцена обладаетъ въ г-жѣ Дюръ артисткою съ дарованіемъ, старающеюся съ каждою новою ролею совершенствоваться въ трудномъ, многостороннемъ драматическомъ искусствѣ. Являвшись уже во многихъ роляхъ, наша молодая драматическая артистка еще не нашла роли, вполнѣ соотвѣтствующей ея роду таланта. Почти всѣ піесы, въ которыхъ она играла до сихъ поръ, были переводныя, которыя очень рѣдко представляютъ актеру или актрисѣ случай выказаться съ блескомъ

и составить себѣ основательную репутацію. Не будь у г-жи Дюръ неотъемлемой славы, пріобрѣтенной ею въ Фенеллѣ, не знаемъ выдержала ли бы онадолгаго испытанія, которому ее нынѣ подвергаетъ взыскательная Мельпомена съ какимъ-то неумолимымъ упорствомъ. Г-жа Дюръ являлась уже въ трагедіи, въ драмѣ, въ комедіи, наконецъ вышла даже въ водевилѣ, но, какъ мы уже то сказали, еще не нашла благодарной роли.

Старанія у г-жи Дюръ, любви къ избранному ею искусству—множество. Каждый разъ, что г-жа Алланъ играетъ новую роль, можно быть увѣреннымъ, что въ какомъ нибудь скрытомъ уголкѣ залы отыщешь г-жу Дюръ, изучающую образцовую игру французской артистки. Именно это сознаніе въ необходимости изученія лучшаго, представляющагося ей у насъ образца, служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ, что труды и усилія М. Д. Дюръ увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, который ее поставитъ, на драматической сценѣ, на такую же высокую степень, какую она занимала въ балетѣ или, собственно, пантомимѣ, въ которой имя Новицкой-Дюръ не забудется никогда.

О. П.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ
АРТИСТОВЪ.

IV.

П. А. КАРАТЫГИНЪ,

АРТИСТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

(Съ портретомъ его во весь ростъ).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ 29 Сентября 1841 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

П. А. Карамзинъ.

П. А. Каратыгинъ.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ родился 1805 года іюня 29, въ Санктпетербургѣ. Отецъ его былъ актеромъ и занималъ амплуа любовниковъ въ комедіи, а мать была отличною драматическою актрисой. На восьмомъ году П. А. Каратыгинъ былъ отданъ въ гимназію, гдѣ пробылъ только два года и въ 1815 году поступилъ въ театральное училище. Природный умъ и острая память скоро обратили на него вниманіе начальства и ему стали давать роли малютокъ; первая изъ этихъ ролей была *Вильгельма*, въ драмѣ Коцебу *Эйлалія Мейнау*, которую онъ выполнилъ отчетливо. Будучи въ училищѣ и посылаемъ почти ежедневно въ театры съ прочими воспитанниками, П. А. все свободное время посвящалъ ученію и вообще отличался прилѣжаніемъ. Въ то время театральное училище не имѣло еще надлежащаго устройства и въ этомъ разсадникѣ будущихъ артистовъ, не было даже постояннаго театра, на которомъ воспитанники могли бы разъигрывать между собою небольшія піесы и пріучаться къ сценѣ. Театръ, устроенный въ училищѣ, оставался почти всегда закрытымъ и на немъ только изрѣдка давали представленія, назначавшіяся для испытанія дебютантовъ и дебютантокъ, желавшихъ опредѣлиться въ дирекцію. Князь А. А. Шаховской, принимавшій тогда дѣятельное участіе въ управленіе театромъ и принесшій ему такъ много пользы, приготовлялъ къ сценѣ только нѣкоторыхъ изъ воспитывавшихся и занимался ими у себя на дому, всѣ же остальные были предоставлены на произволъ судьбы и не имѣли поприща, на которомъ могли бы испытывать свои силы. Тогда между старшими изъ воспитанниковъ школы родилась мысль образовать изъ себя труппу и играть небольшія піесы на школьномъ театрѣ. Получивъ на это позволеніе начальства, они ревностно занялись приведеніемъ въ исполненіе своего плана; составили труппу и Каратыгинъ былъ избранъ въ режисеры. Съ того времени спектакли въ школѣ стали давать почти каждую недѣлю въ присутствіи начальства дирекціи, многихъ актеровъ и нѣкоторыхъ литераторовъ, собиравшихся судить и ободрять молодыхъ питомцевъ Таліи. Но они встрѣчали большія затрудненія въ раздачѣ женскихъ ролей, потому что лучшія изъ воспитанницъ Дюръ, Монруа, Рыкалова, Азаревичева и другія, играя уже на публичной сценѣ, не имѣли возможности принимать участія въ ихъ спектакляхъ. Это заставило молодыхъ актеровъ избирать такія піесы, въ которыхъ не было женскихъ ролей; но какъ такихъ піесъ чрезвычайно мало, то они весьма часто находи-

лись въ самомъ затруднительномъ положеніи. Желая пособить этому горю, П. А. Каратыгинъ (въ 1821 году) написалъ небольшую піеску (съ одними мужскими ролями) подъ названіемъ *Сентябрская ночь*, которая и была разъиграна весьма удачно. За этою піескою слѣдовалъ *Нероиъ*, траги-комедія и нѣсколько другихъ. Это были первые литературные опыты Каратыгина, заслужившіе вниманіе и одобреніе А. С. Грибоѣдова, который, любя страстно театръ, посѣщалъ иногда школьные спектакли. Въ то время знаменитая комедія его, *Горе отъ ума*, была уже готова и онъ, желая видѣть ее въ дѣйствіи, прежде отдачи на сцену, рѣшился поставить ее на театръ въ школѣ: роли были розданы и разучены; репетиціи шли своимъ порядкомъ, авторъ самъ наблюдалъ за ними, училъ, подавалъ совѣты, хлопоталъ и наконецъ добился до того, что піэса могла идти довольно порядочно. День представленія былъ уже назначенъ; но вдругъ начальство дирекціи, по разнымъ причинамъ, признало нужнымъ остановить этотъ спектакль и піеса не пошла. Каратыгинъ долженъ былъ занимать въ ней роль Репетилова, которую въ послѣдствіи игралъ довольно успѣшно и которую приготовилъ подъ личнымъ руководствомъ и съ совѣтовъ самаго автора. Здѣсь считаемъ не излишнимъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, относящемся къ этой же эпохѣ. Г. Григорьевъ ст., соученикъ и товарищъ Каратыгина, посвятившій себя музыкѣ, игралъ уже очень порядочно на віолончели. Во время репетицій «Горе отъ ума», онъ часто приходилъ въ залу театра, и Каратыгинъ, видя съ какимъ вниманіемъ и участіемъ онъ слѣдилъ за ходомъ піесы и предугадывая, такъ сказать, въ немъ дарованіе, уговорилъ его оставить музыку и заняться изученіемъ драматическаго искусства. Григорьевъ послушался, взялся сыграть нѣсколько ролей и скоро совершенно пристрастился къ новому поприщу. Такимъ образомъ мы обязаны П. А. Каратыгину, тѣмъ, что имѣемъ теперь этого талантливаго артиста.

Занятія по школѣ не мѣшали однакоже Каратыгину принимать участіе въ піесахъ, которыя давали на театрахъ. Первый дебютъ его былъ въ комедіи *Молодость Генриха V-го* въ роли пажа (1825). Послѣ чего онъ сталъ постоянно являться на сценѣ въ роляхъ молодыхъ любовниковъ, въ которыхъ весьма часто дублировалъ г. Сосницкаго, занимавшаго тогда, преимущественно, это амплуа, и былъ наконецъ выпущенъ изъ училища въ томъ же 1821 году.

Первое время драматическаво поприща П. А. Каратыгина не было ознаменовано никакими особенными успѣхами. Роли, достававшіяся ему игралъ онъ довольно отчетливо; зналъ ихъ всегда очень твердо; но отличался какою-то особенною холодностью и принужденностью, кромѣ, однакоже, роли мужа въ комедіи *Молодые супруги*, которая была сыграна имъ весьма удачно и заслужила общее одобреніе, не смотря на страшное соперничество г. Сосницкаго, который былъ въ ней неподражаемо хорошъ. Каратыгинъ самъ чувствовалъ свое несовершенство и не имѣлъ рѣшительно никакой охоты къ амплуа, доставшемуся ему на долю. Много огорченій испыталъ въ это время бѣдный артистъ, поставленный случаемъ не на ту дорогу, по которой онъ долженъ былъ идти. Кромѣ скуки играть роли несвойственныя его характеру, онъ долженъ былъ еще переносить холодное равнодушіе публики и жестокія, но часто основательныя, критики. Надо было имѣть много твердости, чтобы выдержать все это.

Но время этого тяжкаго испытанія приближалось къ концу и минута, въ которую Каратыгину было назначено занять настоящее свое мѣсто въ области сценическаго искусства была уже не далека. Въ 1830 году дирекція монтировала комедію *Горе отъ ума* и Каратыгинъ явился въ ней въ роли *Загорецкаго*. Онъ умѣлъ придать ей столько оригинальности, столько комизма, что публика, удивленная этимъ, въ первый разъ еще почтила его единодушнымъ рукоплесканіемъ. Такое справедливое вниманіе одобрило молодаго артиста, и съ этой минуты онъ рѣшительно посвятилъ себя комическому роду. Нѣсколько удачныхъ ролей

расположили въ его пользу публику, начавшую уже смотрѣть на него съ нѣкоторымъ участіемъ; наконецъ роль *Вилькенса* въ драмѣ *Она помѣшана* и роль *Паукова* въ водевилѣ *Архиваріусъ* обнаружили вполнѣ комическій талантъ Каратыгина. Онъ былъ вызванъ два раза; съ этого вечера взошла для него новая заря; онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ въ комедіяхъ и водевиляхъ и каждая новая роль была для него залогомъ новаго успѣха. Пьэски *Первая любовь*, *Ложа 1 го яруса*, *Домъ на Петербургской сторонѣ*, *Мнимый больной*, *Русской человѣкъ добро помнитъ*, *Ножка*, *Авось*, *Стряпчій подъ столомъ*, *Недотрога*, *Шила въ мѣшкѣ не утаишь*, *Чудакъ покойникъ*, *Приключеніе на искусственныхъ водахъ*, и множество другихъ, успѣхомъ своимъ обязаны отчасти прекрасной, чрезвычайно разнообразной игрѣ Каратыгина. Умѣя придать каждой роли особенный, совершенно свойственный ей характеръ, онъ почти никогда не прибѣгалъ къ пошлымъ фарсамъ и владѣлъ большимъ искусствомъ отлично костюмироваться. Кромѣ ролей комическихъ, которыя сдѣлались теперь какъ-бы принадлежностью Каратыгина, онъ занимаетъ иногда. даже и очень нерѣдко роли въ высокой комедіи и исполняетъ ихъ съ благородствомъ и умомъ. Для примѣра укажемъ на роли: *Короля* въ комедіи *Честолюбецъ*; *графа Отона* въ драмѣ *Смерть или честь*; *герцога Ричмонда*, въ драмѣ *Все или ничего* и *герцога Сомерсетскаго*, въ комедіи *Кинъ*.

Показавъ П. А. Каратыгина, какъ артиста, мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о немъ какъ о литераторѣ. До сихъ поръ онъ писалъ только для театра; и ограничивался одними водевилями и небольшими комедіями; но многіе изъ нихъ обличаютъ въ немъ большую наблюдательность, умѣнье схватывать смѣшные стороны, не малый запасъ остроумія и все это заставляетъ жалѣть, что онъ не займется серіозною, большою комедіей. Мы думаемъ, что съ его дарованіемъ, съ его знаніемъ сцены и съ его умомъ, онъ могъ бы написать хорошую комедію, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ такъ мало. Почти всѣ піэсы его имѣли значительный успѣхъ, а многія изъ нихъ составляютъ украшеніе Репертуара Александринскаго Театра. Какъ авторъ, Каратыгинъ явился въ первый разъ передъ публикой въ 1830 году съ водевилемъ *Знакомые Незнакомцы*, который надѣлалъ въ то время такъ много шума и былъ принятъ съ такимъ восторгомъ. И дѣйствительно, небольшая піеска эта съ довольно забавно придуманной интригой, съ смѣшнымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, съ остроумными куплетами, должна была показаться отраднымъ оазисомъ, возникшимъ неожиданно посреди множества пошлыхъ водевилей, переведенныхъ съ французскаго варварскимъ языкомъ и наводнявшихъ тогда нашу сцену. Послѣ «Знакомыхъ Незнакомцевъ» слѣдовала *Сентябрская Ночь*, передѣланная Каратыгинымъ изъ прежней піесы, по просьбѣ Рязанпова, и данная въ его бенефисъ. Она хотя неимѣла такого успѣха какъ *Знакомые Незнакомцы*, была однакоже принята публикою довольно хорошо. За *Сентябрскою Ночью*, стали появляться многія другія піэсы П. А. Каратыгина, оригинальныя и переводныя; всѣ онѣ имѣли какое-нибудь достоинство и пользовались заслуженнымъ успѣхомъ. Вотъ названіе этихъ піесъ: *оригинальныя*: *Горе безъ ума*, *Ложа 1-го яруса* (необыкновенный успѣхъ), *Чиновникъ по особымъ порученіямъ*, *1-е Іюля въ Петергофѣ*, *Авось, или сцены въ книжной лавкѣ*, *Домъ на Петербургской Сторонѣ*, *Прогулка въ Токсово*. Переводныя: *Донъ Калибрадосъ*, *Чрезвычайное происшествіе*, *Заемныя жены*, *Молодыя ключницы*, *Лорнетъ* (1-й дебютъ г-жи Асенковой), *Жизнь или смерть*, *Двѣ Женщины противъ одного мужчины*, *Жена и зонтикъ*, *Ножка*, *Чудакъ покойникъ*, *Приключеніе на искусственныхъ водахъ*.

Мы забыли сказать, что П. А. Каратыгинъ, въ 1831 году, по приглашенію бывшаго въ то время директоромъ театровъ, гофмейстера князя С. С. Гагарина, обращавшаго особенное вниманіе на улучшеніе театральнаго училища и на сценическое об-

разованіе воспитывающихся въ немъ, принялъ на себя обязанность репетитора и, въ продолженіе почти 10 лѣтъ, усердно занимался постановкою спектаклей на школьномъ театрѣ и приготовленіемъ молодыхъ артистовъ къ публичной сценѣ. Гг. Максимовъ 1, Мартыновъ, Смирновъ 1 и г-жи Степановы 1 и 2 и другіе, служащіе теперь или бывшіе украшеніемъ нашей сцены, обязаны многимъ благоразумнымъ совѣтамъ и опытности П. А. Каратыгина.

Теперь для полноты этого біографическаго очерка должны мы сказать, что Каратыгинъ во все продолженіе своего сценическаго поприща отличается усердіемъ къ своему искусству, скромностью и добродушіемъ.

Н. М—в.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ
АРТИСТОВЪ.

V.

А. Ф. СОЛОВЬЕВА,

ПѢВИЦА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

(Съ потретомъ ея во весь ростъ).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ 31 Октября 1841 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Inst. Lit. de C. Pihl.

А. Ф. Соловьева.

А. Ф. Соловьева.

Соловьева родилась въ Санктпетербургѣ 22 октября 1814 года. Мать ея, родомъ Француженка, желая упрочить будущую судьбу своей дочери, рѣшилась дать ей сценическое воспитаніе и въ 1825 году отправилась въ Парижъ, гдѣ помѣстила ее въ королевскую консерваторію. Тамъ юная А. Ф. Соловьева ревностно предалась изученію музыки и, одаренная отъ природы прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, скоро сдѣлалась одною изъ первыхъ ученицъ класса пѣнія и наконецъ была удостоена перваго приза. Послѣ этого она дебютировала на театрѣ «Комической оперы» въ ролѣ принцессы наварской, въ операѣ: «Jean de Paris» и дебютъ этотъ увѣнчался самымъ блистательнымъ успѣхомъ; послѣдующіе дебюты въ операхъ *Emilie*, Герольда, *Le Nouveau Seigneur du Village* и *La Dame blanche*, Боельдье, были неменѣе блистательны и она имѣя отъ роду 17 лѣтъ, была ангажирована на три года. По окончаніи контракта вступила она на сцену Большой Оперы, или, какъ ее называютъ въ Парижѣ, *Academie Royale de Musique*, гдѣ оперы *Le Comte Ory*, *Moise*, и *Le Rossignol* доставили ей средство обнаружить во всемъ блескѣ свой прекрасный талантъ, который имѣлъ въ Парижѣ многочисленныхъ почитателей. Не смотря однако же на любовь публики и на постоянные успѣхи, которыми было ознаменовано сценическое поприще юной артистки, она не могла пріучить себя къ театральной жизни. Закулисныя интриги и всѣ непріятности, сопряженныя съ ними, внушили ей такое отвращеніе отъ театра, что она рѣшилась оставить его и ограничилась только частными концертами... Не имѣя ничего, что привязывало бы ее къ Парижу, и вспоминая часто о своей родинѣ, она пламенно желала возвратиться въ Россію и увидѣть снова Петербургъ; но обстоятельства мѣшали ей исполнить это и она, преслѣдуемая просьбами многихъ почитателей ея таланта, вступить снова на сцену, рѣшилась принять весьма выгодный ангажементъ, который предлагала ей дирекція театра комической оперы и даже явилась опять въ ролѣ принцессы наварской... Въ это время встрѣтилась она случайно въ одномъ домѣ съ Г. П....., который былъ присланъ отъ дирекціи санктпетербургскихъ театровъ въ Парижъ, для ангажированія нѣкоторыхъ артистовъ. П—въ предложилъ-жѣ Соловьевой ѣхать въ Петербургъ и занять амплуа пѣвицы въ русской операѣ. Предложеніе это согласовалось съ желаніемъ Соловьевой; она приняла его и подписала контрактъ. Въ августѣ 1837 года явилась она въ первый разъ предъ петербургской публикой, на Большомъ Театрѣ, въ операѣ Россини, *Сорока Воровка*, и была принята весьма благосклонно. Потомъ дебютировала она въ операхъ *Тайный бракъ* и *Жизнь за Царя*; въ этой послѣдней операѣ особенно хорошо исполнила она мимическую арію: *не о томъ грущу подруженьки*. Вообще г-жа Соловьева, не будучи первоклассной пѣвицей, можетъ съ успѣхомъ выполнить нѣкоторыя партіи, сообразныя съ ея средствами, и занимаетъ непослѣднее мѣсто между нашими оперными артистками.

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА.

I. ДРАМЫ И ТРАГЕДІИ.

1. Коріоланъ, трагедія въ 4 д. Шекспира. . . . . (Кн. — 2.)
2. Дочь Адвоката, др. въ 2 д. (Кн. — 3.)
3. Отцовское проклятіе, драм. въ 2 д. перев. К. П. В—го. (Кн. — 3.)
4. Она помѣшана! драма въ 2 дѣйст. . . . . (Кн. — 4.)
5. Боярское слово, др. въ 2 отдѣл. П. Г. Ободовскаго. (Кн. — 5.)

II. КОМЕДІИ И ВОДЕВИЛИ.

1. Сардамскій корабельный мастеръ, или нѣтъ имени ему! комед. въ 2 дѣйст. Р. М. Зотова. . . . . (Кн. — 1.)
2. Авось, или сцены въ книжной лавкѣ, шутка-водевиль въ 1 д. П. А. Каратыгина. (Кн. — 1.)
3. Путаница, водевиль въ 1 д. П. С. Ѳедорова. . . . (Кн. — 2.)
4. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, —дѣвушки подъ замкомъ не удержишь, водев. въ 2 карт. Перепельскаго. (Кн. — 4.)
5. Квакеръ и танцовщица, водевиль въ 1 д. перев. Ф. К. Дершау. . . . . (Кн. — 5.)
6. Яковъ Шишморинъ, комед. водевиль въ 2 отдѣл. пер. съ франц. Ф. К. Дершау. (Кн. — 6.)
7. Узкіе башмаки, вод. перев. П. С. Ѳедорова. . . . (Кн. — 6.)

III. МАТЕРІЯЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

1. Я. Б. Княжнинъ (изъ записокъ С. Н. Глинки). . (Кн. — 2.)
2. Некрологія придворной россійской пѣвицы и актриссы А. И. Ивановой. . . . (Кн. — 2.)
3. Любопытная библіографическая рѣдкость (Л. Л.). . (Кн. — 3.)
4. Театральная библіографія. Д. Т. Ленскій. . . . . (Кн. — 4.)
5. В. Н. Асенкова. . . . (Кн. — 5.)

IV. ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

1. Первое апрѣля. Сцены изъ провинціяльной жизни. В. Войта. . . . . (Кн. — 1.)
2. Послѣдняя картина Тиціана. Разсказъ Л. Л. . . . . (Кн. — 2.)
3. Эпизодъ изъ жизни знаменитаго актера. . . . . (Кн. — 2.)

4. Нищая, разсказъ Маркова (Кн. — 3.)
5 Исторія одной пѣвицы. . (Кн. — 3.)
6. Прозорливый меръ, разсказъ (Кн. — 4.)
7. Кумъ Иванъ, быль 1550 г. Ег. А. . . . . (Кн. — 4.)
8. Сумасшедшая прима-донна, истинное происшествіе. . (Кн. — 4.)
9. Выгоды недостатковъ, соч. В. С. . . . . (Кн. — 5.)
10. Слѣпой, истинное происшествіе. . . . . (Кн. — 5.)
11. Дѣвица Кино, повѣсть. . (Кн. — 6.)

V. СТИХОТВОРЕНІЯ, РОМАНСЫ, КУПЛЕТЫ, ПѢСНИ И ПРОЧ.

1. Жасминъ.—Обаяніе бездны. —Богъ подастъ! (три стихотворенія В. Р. Зотова). 2. Два стихотворенія изъ Байрона (Л—ва.) 3. Такъ предназначено судьбою! (куплеты изъ новаго водевиля П. С. Ѳедорова).—Русская пѣсня (его же). . . . . (Кн. — 3.)
4. Подражаніе Анакреону, (П. Ободовскаго). — 5. Русская пѣсня, (В. Зотова).—6. Кто не поэтъ? (Л-ва). . . . (Кн. — 4.)
7. Сѣверный дубъ. — 8. Цвѣтокъ съ могилы. . . . (Кн. — 5.)
9. На смерть дѣвушки, (Сушкова).— 10. Общая жажда, (Ободовскаго). — 11. Куплеты, (Ленскаго). . . . (Кн. — 6.)

VI. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РУССКАГО ТЕАТРА.

1. Театръ Петербургскій. — 2. Театръ Московскій. — 3. Театральныя новости. . (Кн. — 1.)
4. Театръ Петербургскій. — 5. Театръ Московскій. — 6. Провинціальные театры a) Саратовскій. b) Ярославскій. c) Казанскій. — 7. Театральные слухи и новости. . . . . (Кн. — 2.)
8. Клевета, ком.—Все для дѣвочекъ, вод. — Габріелла, вод. — Боярское слово, драм. — Любовныя записки мужа, вод. . . . . (Кн. — 4.)
9. Театръ С.-Петербургскій. Ѳеоклистъ Онуфричъ Бобъ, ком. вод.—Шельменко, деньщикъ, ком. —Комната съ отопленіемъ и услугою, вод.—Новый Отелло, ком.— Волки въ овчарнѣ, вод. — Роза и Картушъ, вод. — Убійца жены, ком. вод. — Судъ публики, вод.—Семнадцать и пятдесятъ лѣтъ, ком. вод.—Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ — сатана, ком. — и Представленіе французскаго водевиля въ русской провинціи, вод. . . . . (Кн. — 5.)
10. Креолъ и Креолка, вод.— Яковъ Шишиморинъ, вод.— Левъ Гурычъ Синичкинъ и Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, вод. — Г-жа Орлова въ роляхъ Офеліи, Луизы Линьероль и Вероники. — Дочь вора, вод. — Жизнь за жизнь, др. — и Полковникъ старыхъ временъ, водевиль. — 11. Театръ въ Одессѣ. . . . . (Кн. — 6.)

VII. МОЗАИКА.

Беллини.—Загородный домикъ Тальмы.—Фанни и Тереза Эльслеръ.—Парижскій театральный привратникъ. — Гитаристъ, новая опера Скриба. . . . . (Кн. — 2.)
Начало театра въ Европѣ. — Россини.—Обычные посѣтители парижскихъ театровъ. . . . . (Кн. — 3.)
Французскій театръ въ Парижѣ въ 1609 году.—Бѣглый взглядъ на парижскіе театры въ 1841 году. —

Нѣсколько словъ о старинныхъ балетахъ.—Увертюра изъ оперы Донъ-Жуанъ.—Ужинъ у танцовщицы. — Актрисы Марсъ и де Бри. (Кн. — 4.)
Пѣвецъ, жившій въ трехъ столѣтіяхъ.—Отвѣтъ дебютанта. —Разговоръ двухъ актрисъ.—Пѣвица—Танцовщица.—Комедія Скриба въ Марсели.—Смерть Дюра.—Сюрпризъ не впопадъ. — Жалоба Парижскихъ дилетантовъ. —Сиропъ для пѣвцовъ. — Музыкальныя сочиненія въ Германіи, въ 1840 году.—Новости Германской драматургіи. — Тюрьма новаго рода.—Ветераны французской сцены. —Оберъ и Галеви. . (Кн. — 5.)
Отрывокъ изъ письма автора комедіи: Ревизоръ. —Императрица Жозефина на театрѣ. —Портретъ отца Рашели.—Благородный поступокъ пѣвца Рубини. — Олеуха-сваха. . . . . (Кн. — 6)

VIII. СМѢСЬ.

Откуда Шекспиръ заимствовалъ своего Отелло.—Первые опыты и первые успѣхи Шиллера.—Драма и водевиль изъ жизни сотрудниковъ парижскихъ журналовъ.—Шекспиръ. Русскіе переводчики и русская критика.—Колыбельная пѣсня Севринова. — Уѣздный городъ. П. Ѳедорова.—Новости иностранныхъ театровъ въ Петербургѣ. La chevalier du guet. вод.—La grande mére ком.—Argentine, вод.—Der Verschwender.—Мысли, анекдоты и замѣчанія.—Некрологическое извѣстіе. . . (Кн. — 1.)
Французскій театръ въ Петербургѣ.—Le verre d'eau, комед. Скриба. — Петербургскіе концерты. . . (Кн. — 2.)
Концерты г-на и г-жи Петровыхъ въ Москвѣ. — Отъ издателя. . . . . (Кн. — 3.)
Нѣмецкій театръ въ С.-Петербургѣ.—Der Gemahl an der Wand, шутка. — Der neue Gutsherr, оп.—Komm her! драмат. задача.—Die Loge im 1 Rang, zum letzten Debüt der D-elle Taglioni, анек.—Fassbinder, вод. — Der kuss nach Sicht, ком.— Der zufriedene Schuster, оп. — Французскій театръ въ С.-Петербургѣ. La nouvelle Fanchon, драм. — Парижскіе театры.—La fille du tapissier.—Un monsieur et une dame, вод. — Le veau d'or, вод. — Micromegas. — Le neveu du mercier, вод. —Le tyran d'une femme, вод. —Le mari de sa cuisinière, вод.—André le menuisier, вод. —Le pendu, опер.—La belle Tourneuse, вод.—Некрологъ. (Кн. — 4.)
Иностранные театры въ С.-Петербургѣ. Итальянскій театръ: Нѣсколько словъ о Пастѣ.—Французскій театръ. Quitte ou double, ком. —Le Tailleur de Londrѣ.—L'abbé galant, вод.— Англійская опера въ Лондонѣ.—Нѣмецкая опера въ Лондонѣ.—Парижскіе театры: Le comte de Carmagnola, опер. —Le Debutant, вод.—Tiridate, ком. вод.— Un vieil ami, вод.—Jacques Coeur, др.—Les Farfadets, бал.—Anita la Bogemeinne, др. —Le Conseilleur-Rapporteur, ком. —Le beau-pere, ком. вод. —L'Ecole

de jeunnes filles.—La mère et l'enfant se portent bien, вод.—Le gladiateur, тр.—Le chêne de roi, ком. —Floridor le choriste, вод. . (Кн. — 5.)

Парижскіе театры: Les deux serruriers, др. —L'ingenue опер.—Freyschütz, опер.—Fabio le novice, драма. —Un mariage sous Louis XV, ком.—En secondes nöces, вод. —Une veuve de la grande armée. —La protectrice, ком. —Manche à manche, вод. —Le balais d'or ou un homme arrivé, вод.—Adrienne ou le theatre et la famille, вод. . . (Кн. — 6.)

Дополнения к содержанию I-го тома Репертуара русского театра на 1841 г.

Современная хроника русских театров:

Благородный театр в Воронеже – кн. 5.

Музыка:

Вагнер, Р. Об увертюре. – кн. 5.
Бляз Г. София Леве. – кн. 6.

Репертуар санкт-петербургских и московских русских театров:
С 1 декабря 1940, по июнь 1841 г.
С октября, по декабрь 1841 г.

Приложение.
Портретная галерея русских сценических артистов:
I. В. А. Каратыгин, артист императорского С. Петербургского театра. – 10 с. (с портретом).
II. А. М. Каратыгина, артистка императорского С. Петербургского театра. – 8 с. (с портретом).
III. М. Д. Дюр, артистка императорского с. петербургского театра. – 7 с. (с портретом).
IV. П. А. Каратыгин, артист императорского С. Петербургского театра. – 6 с. (с портретом).
V. А. Ф. Соловьева, артистка императорского С. Петербургского театра. – 1 с. (с портретом).